ГАНС ЮРГЕН

АЙЗЕНК

ПСИХОЛОГИЯ

ПОЛЬЗА И ВРЕД

СМЫСЛ И БЕССМЫСЛИЦА

ФАКТЫ И ВЫМЫСЕЛ

Перу известного английского психолога, одного из лидеров биологического направления в психологии, создателя одной из факторных теорий личности Ганса Юргена Айзенка принадлежит более 45 книг и 600 научных публикаций. К сожалению, до недавнего времени в России работы Айзенка были известны лишь узкому кругу профессионалов.

В данном издании представлены следующие труды:
«Психология: польза и вред»,
«Психология: смысл и бессмыслица»,
«Психология: факты и вымысел»,
в которых автор знакомит читателя с широким кругом проблем психологии и возможными путями их решения, исследует подходы к созданию психологической модели личности на основе двух ортогональных континуумов:
экстраверсия — интроверсия, нейротизм — стабильность;
изложены основные принципы тестирования умственных способностей человека (IQ),
описана методика конструирования опросников, в том числе и личностного опросника Айзенка (EPQ).

На русском языке издается впервые.

ISBN 985-13-1705-5
9 789851 317055

ГАНС ЮРГЕН

АЙЗЕНК

ПСИХОЛОГИЯ
- ПОЛЬЗА И ВРЕД
- СМЫСЛ И БЕССМЫСЛИЦА
- ФАКТЫ И ВЫМЫСЕЛ

МИНСК
ХАРВЕСТ
2003

УДК 159.923
ББК 88.5
А 36

Перевод: *Владимир Викторович Гуринович*

Научный редактор перевода —
доктор психологических наук,
профессор Л. В. Марищук

Айзенк Г. Ю.

А 36 Психология: Польза и вред. Смысл и бессмыслица. Факты и вымысел / Г. Ю. Айзенк; Пер. В. В. Гуриновича.— Мн.: Харвест, 2003.— 912 с.

ISBN 985-13-1705-5.

Перу известного английского психолога, одного из лидеров биологического направления в психологии, создателя одной из факторных теорий личности Ганса Юргена Айзенка принадлежит более 45 книг и 600 научных публикаций. К сожалению, до недавнего времени в России работы Айзенка были известны лишь узкому кругу профессионалов.

В данном издании представлены следующие труды: «Психология: польза и вред», «Психология: смысл и бессмыслица», «Психология: факты и вымысел», в которых автор знакомит читателя с широким кругом проблем психологии и возможными путями их решения, исследует подходы к созданию психологической модели личности на основе двух ортогональных континуумов: экстраверсия — интроверсия, нейротизм — стабильность; изложены основные принципы тестирования умственных способностей человека (IQ), описана методика конструирования опросников, в том числе и личностного опросника Айзенка (EPO).

На русском языке издается впервые.

УДК 159.923
ББК 88.5

ISBN 985-13-1705-5

Об авторе

Если вам нужно принять на работу нового сотрудника, а претендент молод и стаж его невелик, из анкеты вы узнаете, где он родился, где учился. Этим сведения и ограничатся. Такой скудной информации совершенно недостаточно для определения многих качеств соискателя. Серьезные компании в своей деятельности используют тесты, в том числе и всемирно известный тест IQ, популяризированный Гансом Юргеном Айзенком — одним из крупнейших психологов XX века. При помощи теста IQ определяют уровень интеллектуальности. И хотя некоторые специалисты считают его результаты спорными, на практике этот тест работает вполне удовлетворительно в течение многих десятилетий.

Не меньшей известностью пользуется и сам автор теста. Неизменным предметом гордости Айзенка было то, что индекс цитирования его работ оказывался всегда одним из самых высоких: среди здравствующих психологов он уступал первенство лишь Жану Пиаже, а среди британских специалистов был самым цитируемым автором. Вместе с тем очевидная оценка работ Айзенка мировым сообществом психологов почти никак не проявлялась в официальном признании его заслуг. Только в конце своей научной карьеры он был удостоен наград Американской ассоциации психологов (1988—1993 гг.), британская же академическая наука не успела сделать и этого.

В России работы Айзенка долгое время были известны лишь узкому кругу профессионалов. Сам он бывал в Москве и несколько раз выступал перед небольшими аудиториями. Было время, когда его труды резко критиковали, что вызывало чувство неловкости у тех, кто их читал и, соглашаясь или не соглашаясь с Айзен-

ком, не мог не оценить его исключительную эрудицию, ясность теоретических построений, четкость и доказательность изложения.

Ганс Юрген Айзенк родился в Берлине 4 марта 1916 года. Его родители были очень далеки от науки: мать — актриса немого кино, снявшаяся в сорока фильмах, отец — популярный конферансье. Когда мальчику едва исполнилось два года, родители развелись, и он воспитывался у бабушки, которая впоследствии погибла в нацистском концлагере. Мать с отцом пытались направить маленького Ганса по артистическому пути. В восьмилетнем возрасте он даже снялся в эпизодической роли, однако этот опыт так и остался единственным в его жизни. Сам Айзенк, опровергая все теории о наследственности (в развитие которых сам внес немалый вклад), никакого интереса к артистической деятельности не испытывал. Вопреки ожиданиям и чаяниям родителей, он увлекался не кино, а наукой — сферой как нельзя более далекой от шоу-бизнеса.

Будучи совсем еще юным, Айзенк буквально проглотил работы Э. Резерфорда по физике и решил, что делом его жизни должна стать только физика. По окончании школы в 1934 году он делает попытку поступить на отделение физики Берлинского университета. Однако выбор профессионального пути в нацистской Германии был неразрывно связан с политическими взглядами, и для Айзенка поступление на столь притягательное отделение стало бы возможным только при условии вступления в национал-социалистическую партию. Это условие не было обязательным для всех, но юноша, отличавшийся независимостью суждений, не скрывал своего отрицательного отношения к фашизму. Однажды, прослушав речь Гитлера, он в присутствии своих одноклассников открыто высказал нелестное мнение о фюрере, за что был побит всем классом, так как в одиночку с ним, плечистым спортсменом и лучшим теннисистом школы, справиться никто не мог. На следующий день он сполна расплатился с каждым из своих обидчиков по отдельности. Скандал, грозивший перерасти в длительную вражду, с трудом удалось замять, но такая репутация Айзенка заставила власти требовать от него подтверждения лояльности к режиму. Это условие не являлось обязательным для всех, но для молодого человека — по его собственному выражению, «единственного мальчика в школе, который отрицательно относился к фашизму», — было неприемлемо. И весной 1934 года он уехал во Францию, где изучал историю и литературу в университете Дижона, а спустя несколько месяцев перебрался в Англию. Началась эмигрантская жизнь со всеми ее «прелестями»: адаптация к другой культуре, негативное отношение окружающих, предельно скромное существование на репетиторские заработки, а позднее, с началом войны, ограничение в правах, угроза интернирования.

Весной 1935 года Айзенк блестяще сдал вступительные экзамены в Лондонский университет, намереваясь реализовать свою давнюю мечту — заняться углубленным изучением физики. Но этой мечте не суждено было сбыться. Выбор факультетов в Лондонском университете определялся тем, какие вступительные экзамены сдавались. Айзенк этого не знал, так как в Германии правила были другими. Выяснилось, что для специализации по физике им сданы не все необходимые экзамены. Откладывать поступление на следующий год он не мог, так как был очень стеснен в средствах. Оставалось выбирать из факультетов, для которых сданных экзаменов было достаточно. Таким факультетом оказался психологический. И благодаря такой иронии судьбы психология приобрела одного из своих самых ярких и продуктивных исследователей.

Отделение психологии Лондонского университета, созданное Ч. Спирменом, в то время возглавлял Сирил Берт, уделявший особое внимание психометрическим исследованиям. Одной из первых работ, выполненных Айзенком на этом отделении, было сравнение двух подходов к исследованию интеллекта: Ч. Спирмена, выделившего фактор общих способностей (*G-factor*), и Л. Терстоуна, рассматривавшего в структуре интеллекта ряд независимых способностей. Современные представления о том, что между этими подходами не существует непримиримого противоречия, базируются на той давней студенческой работе Айзенка.

В 1938 году Айзенк получил звание бакалавра и был признан лучшим студентом на своем курсе. В 1940 году он защитил докторскую диссертацию, руководителем которой формально являлся Берт, но которая по сути была полностью самостоятельной работой. Диссертация была посвящена экспериментальной эстетике и включала исследования по восприятию (от простейших фигур до произведений искусства).

Чтобы продолжить образование, в 1940 году Айзенк отправляется в Германию, откуда в свое время бежал. Вернуться туда он хотел победителем и момент выбрал удачный. Страна пребывала в невероятном напряжении. Идея фашизма о превосходстве арийской расы породила массы людей, озабоченных выявлением отличий «истинных арийцев» от представителей «низших рас». Очень много внимания уделялось изучению интеллекта.

Поскольку у Айзенка были великолепные рекомендации английских профессоров, несколько университетов предложили ему выступить с лекциями. Он попал, что называется, в струю, ведь здесь была заинтересованная публика и место для исследований. Ганс Юрген, затаив дыхание, следил за необычными экспериментами химиков и биологов, которые проводились в нацистской Германии и Италии. Кроме того, он работал в одной из лабораторий по изучению мозга.

В это же время Айзенк увлекается астрологией — составляет гороскопы, в том числе и для руководителей Третьего рейха. В начале Второй мировой войны он направляет в Рейхстаг письмо, адресованное ключевым фигурам нацистского движения — Геббельсу и Гиммлеру, где в индивидуальных гороскопах содержалось предостережение от необдуманной агрессии и предсказание их страшной смерти. Ответа, конечно, не последовало, но власти поспособствовали выдворению Айзенка из страны.

Вернувшись в Англию, Айзенк одну за другой выпускает статьи, которые ряд исследователей назвал профашистскими. Он рассуждает о перенаселении планеты, о несовершенстве демократического устройства, которое насаждается малодушными политиками и в конце концов приведет ко всеобщей гибели. Публикуя свои далеко не бесспорные выводы, Айзенк становится объектом постоянной критики. Одни объявляют его сумасшедшим, другие начинают откровенно презирать, обвиняя в пропаганде расистской идеологии, о неприятии которой он ранее во всеуслышание заявлял.

Во время войны Айзенк работает в психиатрическом госпитале «Милл Хилл», где лечились военные от последствий стрессов. В 1946 году он начал читать лекции в Лондонском университете. В это время он начинает исследование особенностей личности. Именно этой теме посвящены его первые книги:

«Измерения личности» (1947), «Научное изучение личности» (1952), «Структура личности» (1952). В те же годы им была предложена ставшая хорошо известной психологам триада личностных свойств Айзенка — экстраверсия-интроверсия, нейротизм.

В 1955 году, когда был открыт Институт психиатрии, Айзенку предложили возглавить в нем отделение психологии. С этого времени его жизнь и работа неразрывно связаны с этим институтом.

Специалистам хорошо известны работы Айзенка, написанные в контексте клинической психологии: по тревожности и истерии, по выделению типов личности, имеющих склонности к различным соматическим заболеваниям.

Айзенк многое сделал для развития бихевиоральной (поведенческой) терапии, занимаясь разработкой ее теории, популяризацией и непосредственно терапевтической работой. По его инициативе с 1960 года начал издаваться журнал «Бихевиоральные исследования и терапия». Отвергая господство психиатров над психологами в Институте психиатрии, Айзенк сместил акцент в клинической психологии с диагностики на активную терапию. Не будучи ни терапевтом, ни клиницистом, он тем не менее заслуженно считается основателем английской клинической психологии.

Айзенк успел сделать чрезвычайно много. Так, изучая психофизические основы интеллектуальной деятельности, он создал «биологическую» теорию интеллекта, которая базируется на предположении о том, что в основе интеллекта лежит скорость прохождения импульса по «каналам нервной связи». Чем бы ни занимался Айзенк в течение всей своей жизни, все так или иначе было связано с поиском различий между людьми. Его интересовали биологические и наследственно обусловленные причины этих различий. Он всегда был активным и последовательным сторонником генетических исследований психических функций и, будучи человеком действия, стал одним из организаторов Лондонского исследования близнецов, выполненного в контексте генетики поведения. Какая бы психологическая реальность ни становилась предметом его изысканий, какие бы экспериментальные схемы и методы им ни использовались, цель всегда была одна: понять, в чем проявляются различия между людьми и какова причина этих различий.

На протяжении всей своей научной деятельности Айзенк оставался непримиримым противником З. Фрейда, всеобщего кумира в то время. Подвергая критике его учение, он говорил: «Психотерапия — это просто чушь. Пришел ко мне больной с половым расстройством, я порекомендовал ему посмотреть один фильм, и все у него прошло. Больные неврозом со временем выздоравливают сами по себе». Айзенк, изучавший мозг непосредственно, презирал «знаменитого шарлатана», изучавшего половые инстинкты, и приводил многочисленные примеры, противоречащие основным постулатам психотерапии. Общественность взирала на это с неподдельным интересом. «Нет никакого эдипова комплекса. Есть только «художественная литература венского профессора», недаром ему вручили премию Гете — хороший писатель был», — заявлял Айзенк. Критика Фрейда и собственные неоднозначные работы сделали его известным.

Айзенк был исключительно продуктивен. Им (самим и в соавторстве) написано более 45 книг и свыше 600 научных статей, которые в большинстве своем неизвестны нашему читателю.

Предлагаемая вниманию читателя книга впервые издается на русском языке и включает три произведения Айзенка: «Психология: польза и вред», «Психология: смысл и бессмыслица», «Психология: факты и вымысел», которые написаны в период с 1953 по 1965 год. Все эти произведения объединены стремлением автора познакомить читателя с широким кругом проблем, которые стоят перед современной психологией, и возможными путями их решения. Предлагая определенные методики изучения личности и ее индивидуальных особенностей, Айзенк не претендует на абсолютную истину, а лишь призывает к созданию строго научной доказательной базы для подтверждения определенных выводов, проведению тщательно подготовленных лабораторных экспериментов и социологических исследований.

Наука — это ничего, кроме тренированного и организованного ума, отличающегося от просто здравого смысла так же, как ветеран может отличаться от новобранца; а ее методы отличаются от методов просто здравого смысла так же, как укол и выпад гвардейца — от способа, которым дикарь владеет своей дубиной.

Т. Х. Хаксли

Психология: польза и вред

Введение

Премьер-министр Франции Клемансо однажды заметил, что война — слишком серьезное дело, чтобы им занимались только генералы. В последнее время многие начинают задумываться над тем, что наука — слишком серьезная вещь, чтобы ею занимались только ученые. С рождения и до самой смерти человек испытывает на себе влияние различных факторов и сил, о которых он не имеет ни малейшего представления и даже склонен называть «чудесами». Мало кто осознает, какую огромную роль в жизни играют открытия в области социальных наук и особенно в психологии.

Несмотря на это так или иначе все мы пользуемся благами, которые дает нам практическая психология, ибо вся современная система образования основана на открытиях и теориях в области психологии. Так, решение относительно будущего образования ребенка принимается на основании тестирования его умственных способностей в возрасте одиннадцати или двенадцати лет. В армии для того чтобы определить, какое оружие и вид службы лучше всего подходят солдату, используются психологические тесты; руководители высшего звена отбираются с помощью «новых методов». Различные стрессы, которые являются неотъемлемой частью жизни современного общества, определяются и лечатся с помощью психологических методов. Существует множество различных способов опроса общественного мнения, которые помогают правительству и различным организациям выработать курс проводимой политики. Ведущие радиопередач ориентируются на статистические данные, касающиеся «реакции аудитории». Психологи работают над оптимальными условиями труда, распределением свободного вре-

мени, системой побудительных факторов, пытаются выявить причины стрессов на рабочем месте, анализируют различные политические и социальные проблемы. Они не обходят вниманием даже людей преклонного возраста, эмоциональное и умственное развитие которых в последнее время становится одним из главных направлений исследований.

Даже такой краткий и далеко не полный обзор демонстрирует степень участия психологии в нашей жизни. Общество, не осознавая этого, переживает революцию, которая, не исключено, может изменить жизнь сильнее, чем в свое время революция промышленная.

Проследить ее начало не составляет никакого труда. Во время Первой мировой войны командование армии США впервые на практике применило научные открытия Бине, Спирмена и Штерна в области тестирования умственных способностей. Успех раз и навсегда сделал психологию незаменимой при любых процедурах отбора. Интерес представляет непосредственная постановка задач, которые ставились перед тестом на проверку умственных способностей солдат. Так, при помощи теста следовало «определить и отобрать солдат, чьи высокие умственные способности указывали бы на возможность их быстрого продвижения по службе и делали их незаменимыми для выполнения специальных заданий; отобрать и рекомендовать для специальных отрядов тех солдат, чей уровень умственного развития делает их непригодными для кадровой военной службы; сформировать отряды из солдат с одинаковыми умственными способностями; отобрать солдат для различных видов воинской службы или для определенных заданий; отказаться от привлечения к службе в армии людей, уровень умственного развития которых настолько низок, что они не подходят ни для какого вида службы».

Однако именно тот факт, что тестирование позволило успешно справиться с трудными задачами, стал причиной разочарования в психологии в дальнейшем. Тысячи энтузиастов, не имевших никакого представления о научных принципах тестирования умственных способностей, но стремившихся нажиться на новом изобретении, повсеместно применяли армейскую систему тестирования. В результате многие умные, образованные люди не могли отличить шарлатанов от настоящих ученых и в обществе сложилось скептическое и даже враждебное отношение к психологии.

Чтобы преодолеть эту враждебность и доказать всем преимущества психологических методов, понадобилась еще одна война и связанные с ней серьезные проблемы отбора. Доказательства были настолько бесспорны, что в конце концов все воюющие стороны стали использовать психологические методы отбора. Если учесть консерватизм любой армии, то уже сам факт одобрения этих новых методов говорит в пользу психологии. Психологические тесты применяются даже в мирное время при отборе людей в такие не менее консервативные организации, как например министерство гражданской обороны.

Но, к сожалению, нет никакой гарантии, что случившееся однажды не повторится снова. Люди, плохо разбирающиеся в психологии, стараются применить ту или иную удачную теорию в областях, для которых она совершенно не подходит, ставят перед психологией задачи, которые эта наука пока не может решить. Существует большая вероятность того, что из-за неправильного применения психологических методов люди снова разочаруются в психологии и, как следствие, лишатся многих благ, которые она предлагает. При этом виноватыми окажутся не шарлатаны, а ученые, которые не покладая рук трудились над созданием такой замечательной науки.

Гражданам демократического общества необходимо популярно объяснять, над чем трудятся в настоящее время ученые; что на сегодняшний день можно и чего пока нельзя добиться; какие разработки ведутся; что может произойти в ближайшем будущем. Если этого не делать, между учеными и рядовыми гражданами может образоваться пропасть, из-за которой вся работа ученых станет бессмысленной и бесполезной, так как ее результатами никто не сможет воспользоваться. К сожалению, многие психологи пишут именно для своих коллег-ученых, а не для простых смертных, и часто передают для популяризации результаты своих научных исследований в руки людей, не сведущих в науке, людей, которые не могут прямо сказать «Мы не знаем», а вместо этого всегда говорят «Да это же очевидно!». Таким образом, популяризация психологии становится причиной слишком оптимистического отношения к ней одних людей и чрезмерного скептицизма других.

Эта книга написана мной в надежде хоть как-то исправить это соотношение. Ее название является связующим звеном различных глав, в которых речь идет о практическом применении открытий в области психологии для решения социальных проблем. В некоторых случаях все говорит о том, что открытие полезно обществу и что им никак нельзя пренебречь. В других же случаях — о том, что какой-то метод или технология в настоящем виде непригодны и от них следует либо отказаться, либо коренным образом изменить. Иногда единственным объяснением является то, что недостаточно знать, будет или нет данный метод полезен, и следует проводить тщательное исследование. Для этой книги я отобрал только те методы и открытия, полезность практического применения которых не вызывает сомнений. Лишь немногие психологи, тщательно изучившие все факты, поспорили бы по поводу правильности сделанных мной выводов. Они могли бы не согласиться лишь с моим слишком критическим и консервативным подходом.

Дело в том, что большинство психологов работают в прикладной сфере — образовательной, медицинской, промышленной, военной или консультационной. Им приходится принимать решения на основе имеющихся в их распоряжении фактов; если нужно сделать выбор между двумя решениями, потенциально одинаково успешными, выбор будет сделан с учетом доступных твердо установленных знаний. Это верно, так как решение непременно нужно принять, и как правило без промедления. Но наука идет другим путем. Настоящий ученый всегда старается найти верный ответ, и он не только вправе, но и обязан сказать, что исходя только из имеющихся в настоящий момент фактов невозможно прийти к какому-либо определенному заключению. Такой ответ может привести ученого, работающего в прикладной сфере, в негодование, так как он убежден, что данная технология прекрасно работает.

Это противоречие прекрасно иллюстрирует следующий эксперимент. Один американский исследователь предложил выполнить тест группе «психологов-теоретиков» и группе «психологов-практиков». По существу тест представлял собой старую игру с наперстками: испытуемый должен был сказать, под каким из трех наперстков спрятана горошина. Объяснив правила теста, экспериментатор прятал горошину в совершенно другое место, поэтому у испытуемого не было никаких шансов угадать правильно. После этого он ждал, сколько раз ему придется проделать трюк, чтобы тестируемый догадался об отсутствии горошины. Испытуемые из группы «практиков» догадались о трюке после шести демонстраций; испытуемым из второй группы, чтобы прийти к такому же заключению, понадобилось в два раза больше демонстраций.

Естественно, ни в одной из групп тестируемые не были полностью уверены и в обоих случаях исходили из теории вероятности. Группа психологов-практиков сделала свой выбор исходя из вероятности, которая бы устроила большинство людей (1 к 10). Группе ученых-теоретиков понадобилось ровно столько демонстраций, сколько было необходимо, чтобы у них не осталось никаких сомнений в своем заключении (вероятность ошибки составляла 1 к 200). Реакция и первой и второй групп совершенно адекватна, учитывая проблемы и задачи, с которыми им приходится сталкиваться. Ученый, работающий в прикладной сфере, будет недоволен, если коллега не согласится с его проверенными методами и потребует для изучения всю имеющуюся документацию и другие доказательства. Ученый-теоретик скептически отнесется к тому, что коллега без колебаний использует методы и гипотезы, которые или не подтверждены фактами, или имеющиеся факты противоречат друг другу.

Вероятно, причинами противоречия являются как личностные факторы, так и требования групп людей, на которых работают эти два типа ученых — с одной стороны, требования нанимателей и клиентов, а с другой — коллег-ученых.

Однако это различие не имеет никакого отношения к «полезности» методов и теорий двух типов психологов. Ученый-теоретик может сделать открытие, которое по своей полезности намного перевесит вклад коллеги, день и ночь проводящего на производстве. В качестве примера можно привести исследования феномена «обмана слуха», которые в начале века проводил Сишор, — эти исследования ученый считал чисто теоретическими, не предполагая, что они имеют и практическую ценность. «Обман слуха» в какой-то мере похож на хорошо

известный «обман зрения», при котором, например, несколько штрихов, добавленных к концам линии на манер стрел, могут зрительно сделать ее короче или длиннее, а нетрадиционное применение правил перспективы зрительно изменяет предметы.

С началом войны появилась угроза германских подводных лодок. Так как в то время еще не были изобретены механические приборы слежения, командованию флота приходилось полагаться на слух специально отобранных солдат, которые сидели внутри корабля, прислушивались к шуму двигателей подводных лодок и затем определяли, откуда он исходил. Вскоре обнаружилось, что причиной неправильного определения направления звука являлся «обман слуха», и Сишора попросили помочь устранить эту проблему. В течение нескольких месяцев благодаря его «чисто теоретическим изысканиям» угроза германских подводных лодок отошла на второй план. Позже появились усовершенствованные механические устройства, исключавшие возможность ошибки, которая всегда имеет место в случае с человеческим фактором.

Таким образом, теоретическую и прикладную психологию ни в коем случае нельзя противопоставлять друг другу, так как они объединены одной общей целью развития науки на благо общества.

К сожалению, в последнее время эти два направления психологии разделились. Причина довольно проста. Насущные социальные проблемы (управления, отбора, образования, войны и мира) необходимо решить как можно быстрее, поэтому практика опережает теорию. Многие психологи стремятся помочь во что бы то ни стало, забывая о том, что только с помощью *научного* (курсив наш. — *Прим. ред.*) подхода они смогут сделать это эффективно. Отказываясь представить свои интуитивные догадки и теории беспристрастному суду ученых, они уже тем самым предают науку, которой якобы служат.

Перед тем как начать основную часть книги, я хотел бы пояснить еще несколько важных моментов. Многие люди постоянно путают психологов, психиатров и психоаналитиков, поэтому стоит кратко объяснить, чем они отличаются друг от друга. Психолог занимается научным исследованием поведения человека; у него есть специальная университетская степень, которая свидетельствует о том, что он изучал основы своего предмета. Однако эта степень не дает ему права заниматься практической психологией, для этого после университета необходимо окончить специальные курсы. Кроме того, он может заниматься научными исследованиями лишь после дальнейших двухгодичных академических занятий и защиты докторской диссертации. Психиатр — это человек с медицинским образованием, который после получения университетского диплома окончил специальные курсы по проблемам различных психических расстройств. Курс психологии составляет важную часть квалификационной подготовки психиатров, основной задачей которых является лечение психических расстройств и нервных заболеваний различного генеза. Психоаналитик — это психиатр, специализирующийся на одном виде лечения, т.е. на психотерапии, в основе которой лежит учение Фрейда. У некоторых психоаналитиков нет соответствующей медицинской квалификации, что в Великобритании является чем-то вроде аномалии. Отношения между психологом и психиатром такие же, как между физиологом и врачом, а психоаналитика можно сравнить с врачом, специализирующимся на одном виде болезни, и одном методе ее лечения.

Порой эти различные группы конфликтуют. В США практикующие психологи имеют право назначать лечение, и иногда для принятия решений они обращаются к психиатрам, а иногда нет. Многие психиатры не согласны с таким подходом, утверждая, что человек — это «не душа в теле», которую можно излечить отдельно, а нераздельное целое, где психическое и физическое переплетено настолько, что человек, занимающийся лечением без специального медицинского образования, может нанести непоправимый вред. С другой стороны, психоаналитики часто разглагольствуют о судьбе человечества, о механизме войны и мира, о причинах стрессовых ситуаций на работе или о природе национальных разногласий, основывая большинство выводов и теорий на фантазиях своих пациентов. Поэтому вполне естественно, что психиатры стараются не допускать на свою «территорию» людей, не следующих точно принципам научной методологии. В целом, однако, при условии четкого разграничения обязанностей эти различные группы прекрасно сотрудничают.

Однако и психологи, и психиатры, и психоаналитики, вероятно, согласятся с одним утверждением, с которым простой человек непременно бы поспорил, а именно — что поведение человека предсказуемо. Для большинства людей предсказания в материальной сфере не представляют ничего необычного и принимаются как нечто само собой разумеющееся. Но когда речь заходит об использовании для предсказания человеческого поведения науки, возникает недоверие — нам нравится думать, что мы «хозяева своей судьбы», что к нам нельзя применить какие-то общие правила и законы, которые и делают предсказание возможным. Но несмотря на это многие принимаемые нами решения основываются именно на факте предсказуемости поведения человека. Например, многие не раз опаздывали на работу из-за поломки автобуса или трамвая, но вряд ли кто-то опоздал из-за того, что водитель решил вдруг остановиться и нарвать себе ромашек. В поведении человека достаточно регулярности для того, чтобы сделать его предметом научного исследования; а вот предопределено ли человеческое поведение *полностью* — совершенно другой вопрос, который выходит за рамки этой книги.

Следует отметить, что психологу довольно трудно вести речь о психологических экспериментах и результатах исследований на популярном языке, точно так же как физику трудно объяснить, чем он занимается. Результаты работы физика выражаются в математических терминах, и иногда даже человек, разбирающийся в физике, не может правильно понять их без соответствующего комментария. Результаты деятельности психолога тесно связаны с математикой и статистикой, поэтому для понимания психологии необходимы хотя бы элементарные знания в этих областях. Для многих людей статистик — это человек, который составляет математическую цепочку на основе методов теории вероятности, для психолога же — это человек, предоставляющий в его распоряжение незаменимые инструменты, с помощью которых можно разобраться в переплетенных между собой фактах. Если психолог имеет неверные факты, то лишь статистика не даст ему сделать ошибочных выводов. Пренебрежительное и порой враждебное отношение к статистике чаще всего обусловлено применением неправильных статистических данных.

Физик находится в гораздо более выгодном положении по сравнению с психологом. Мало кто может похвастать тем, что является экспертом в своей области и знает о предмете больше, чем он. Кроме того физика считается настолько серьезной наукой, что люди склонны принимать утверждения физиков, не требуя никаких доказательств. Но как же отличается положение психолога! Большинство людей в глубине души отвергнут его заявление о том, что поведение человека можно объяснить с научной точки зрения. Многие убеждены, что знают «о людях» гораздо больше, чем может рассказать любой научный труд. Мало кто согласится с утверждениями психолога, если тот не представит исчерпывающих доказательств. К тому же теории психолога зачастую обречены на провал, если он объясняет свою точку зрения сложными терминами и математическими формулами.

В этой книге я старался избегать трудного для понимания материала и по возможности не приводить математических расчетов и статистических данных. Это неизбежно привело к тому, что многие утверждения и выводы получились не такими точными и исчерпывающими, какими бы они должны быть. Поэтому, если читателю не очень понравится какое-либо утверждение, советую, прежде чем критиковать, вспомнить, что автор хотел сделать эту книгу доступной для большинства людей. Если же и тогда чувство неудовлетворенности останется, ему следует просмотреть техническую литературу и ознакомиться с приводимыми там фактами. Замечу однако, что ему скорее всего придется потратить несколько лет на изучение книг по математике и статистике, физике, химии, генетике, социологии, экономике, физиологии, неврологии, анатомии, биологии и другим наукам, которые тесно связаны с современной психологией. Право критиковать результаты научных изысканий имеет лишь тот, кто досконально разбирается в предмете.

В качестве примера непрофессиональной критики психологии мне хотелось бы привести случай, который произвел на меня сильное впечатление. Как-то одному из министров правительства Ее Величества задали в парламенте вопрос о том, как он относится к использованию определенных тестов в процедурах

отбора. Его ответ оказался типичным примером поверхностного суждения, полного невежества и неумения правильно аргументировать свою точку зрения, что так характерно для политиков, которым приходится иметь дело с наукой. Помахав листом с тестом, о котором шла речь, он решил зачитать один из вопросов, не имеющих никакого отношения к цели тестирования. Взяв за основу своих аргументов этот вопрос, он заявил, что подобные тесты бесполезны, и предложил отказаться от их использования.

Однако стоит отметить следующее. Дело в том, что тест состоял из уместных вопросов, т.е. тех, ответы на которые принимались во внимание, и так называемых «камуфляжных», задача которых состояла в том, чтобы тестируемые не догадывались о цели теста. И зачитан был именно последний тип вопроса, поэтому его уместность или неуместность не могла быть веской причиной для отказа от использования всего теста. Даже если бы цитируемый вопрос был «уместным», все равно о его ценности нельзя было бы судить поверхностно. С обывательской точки зрения пункт в тесте, который проводит четкую грань между «хорошим» и «плохим», считается правильным и уместным, а пункт, который этого не делает, становится неуместным. Естественно, было бы прекрасно, если ли бы о правильности или неправильности какого-либо пункта в тесте можно было судить, просто прочитав его, но к сожалению это невозможно. Для того чтобы определить ценность того или иного теста, требуются годы тщательных исследований, причем нередко тесты, которые на первый взгляд кажутся убедительными, впоследствии оказываются бесполезными, и наоборот.

Я привел здесь этот случай, поскольку он является типичным примером того, как психологические методы отвергаются лишь на основе поверхностного изучения. Еще один пример невежества — статьи в газетах на тему тестирования умственных способностей, где факты либо искажены до неузнаваемости, либо вообще исключены из статьи. Но проблема заключается в том, что многие склонны верить журналистам, а не людям, которые в области тестирования работают много лет. Как правило, суть проблемы остается в стороне, место детальных объяснений занимают слоганы и отрывочные суждения. Поэтому не-

удивительно, что многие люди понятия не имеют о том, чем занимается психология, и относятся к ней как к комбинации черной магии и шарлатанства. Моя книга призвана показать, что психология — это ни то, ни другое, что это наука, которая пока только начинает формироваться, наука, которая еще не готова ответить на многие важные вопросы, но уже сегодня может помочь в решении некоторых наших проблем. Понимание того, что же такое психология, несомненно, важный шаг в этом направлении.

I. Тестирование умственных способностей

Что в действительности измеряют тесты умственных способностей?

Повсеместное использование тестов умственных способностей, особенно в школах, заставляет многих людей задуматься над вопросом: «Что же определяют тесты умственных способностей?» Ответ весьма неоднозначен. Некоторые убежденные сторонники тестирования скажут: «Как что? Умственные способности, конечно». Скептически же настроенный человек ответит: «Да ничего они на самом деле не могут определить!»

Даже психологи иногда теряются, когда им задают такой вопрос. Однако это происходит не потому, что они не знают правильного ответа, а потому, что прекрасно понимают всю сложность проблемы. Содержание этого научного понятия настолько тесно связано с целостным процессом измерения и той теорией, в рамках которой оно реализуется, что невозможно получить правильный ответ не проанализировав взаимодействия всех его составляющих. Для исчерпывающего ответа понадобится целый учебник, в котором были бы приведены все экспериментальные данные, математические формулы, дельта-функции Кронекера и матрицы Грэмиана. Однако на этот вопрос можно ответить достаточно полно в пределах од-

ной краткой главы, если читатель примет математику такой, как она дана здесь.

Прежде всего следует опровергнуть одно из бытующих в обществе убеждений.

Многие думают, что научные понятия имеют отношение к уже существующим предметам и явлениям, а гений ученых состоит как раз в том, что им удается выделить их из общей массы и исследовать. Например, все тела имеют длину — ученый обнаруживает этот факт и измеряет длину. Точно так же и все люди обладают умственными способностями, — ученый же обнаруживает это и приступает к их изучению. Таким образом получается, что мы якобы имеем дело с научными законами и понятиями, которые существуют независимо от человека, а задача ученых заключается в том, чтобы открыть их. Подобное представление о науке в корне неверно. Терстоун так объясняет реальное положение вещей: «Наука свято верит в то, что бесчисленное множество природных феноменов можно объяснить с помощью ограниченного количества понятий и гипотез. Без этой веры у науки просто не было бы мотивации. Утратить ее — значит, признать, что хаос природы первичен, а старания ученых бесполезны. Понятия, с помощью которых дается объяснение природным феноменам, являются изобретением человека. Открыть научный закон — значит обнаружить тот факт, что схема, придуманная человеком, может помочь унифицировать и следовательно упростить понимание какого-то определенного класса природных феноменов. Научный закон нельзя рассматривать как нечто, существующее само по себе, независимо от ученых, которым случайно удается его обнаружить. Научный закон не является частью природы, а представляет собой один из способов ее понимания».

Чтобы осознать, насколько важно понимание того, что такое научный закон, вернемся к примеру с длиной. Если мы измерим длину металлического бруска или рост человека летом, то окажется, что человек выше, а брусок длиннее, чем это было зимой. Если бы нам пришлось измерить определенный отрезок с помощью металлических брусков, то мы бы обнаружили, что расстояние варьирует в зависимости от температуры на момент измерения. Эти факты можно объяснить с помощью закона, согласно которому «тела расширяются при нагревании и сужаются при

охлаждении». Этот закон помогает обобщить наши наблюдения. Таким образом, человеческий рост не является чем-то абсолютным, это всего лишь понятие, которое позаимствовано из научной теории и взаимодействует со множеством других понятий.

Точно так же умственные способности не являются чем-то независимо существующим в природе, что можно обнаружить и измерить. Это понятие помогает нам описать человеческое поведение. «Психология — это наука, главным объектом исследования которой является активность людей. Существует широкий спектр различных деятельностей (дифференцирующих) устанавливающих различия между людьми в соответствии с их явными достоинствами. Так как считается вполне нормальным постулировать наличие физических сил для описания движения физических объектов, то почему бы ученым не постулировать наличие или отсутствие способностей как первопричину успешности одного и неуспешности другого субъекта при выполнении одинаковых заданий».

Все перечисленное является своего рода предупреждением тем, кто убежден, что умственные способности — это способность усваивать новые знания, или способность к абстрактному мышлению, или эквивалент мудрости, или скорость мышления, или его глубина и фундаментальность, или комбинация всего этого, или нечто вообще совершенно иное. Человек, который рассуждает таким образом, обычно заявляет, что поскольку тесты умственных способностей *явно* не могут измерить все перечисленные качества, они, естественно, не могут быть критерием умственных способностей. Хоббс как-то заметил, что «умный человек слова бережет, а глупый тратит попусту». Следует понимать, что при отсутствии четкого согласованного определения понятия мудрости, или глубины суждений, или способности к обучению, и приемлемых мер измерения этих качеств уравнивание их с понятием умственных способностей — не что иное как семантическое невежество. Все это только усложняет проблему, вместо того чтобы помочь в ее решении. Вместо объективных, четких стандартов, в соответствии с которыми должна оцениваться адекватность наших тестов, нам предлагают пустые бессмысленные слова.

Существует много доказательств расхождения во мнениях людей относительно определения понятия умственных способностей; достаточно также доказательств того, что сами психологи не дают единообразной дефиниции этому понятию. Однако это вовсе не означает, что все в данном случае говорят о разных вещах. Например, если мы возьмем определенное вещество X и попросим политика, владельца гаража и домохозяйку дать ему определение, то вполне возможно они скажут, что оно «стало причиной проблем, связанных с некоторыми странами Ближнего Востока», или что «благодаря этому автомобили стали работать», или что это «пятновыводитель». Все три определения совершенно разные, но все они относятся к одному и тому же веществу X — к бензину. Разница же в определениях указывает на то, что ни одно из них нельзя использовать как стандарт, с которым мы могли бы сравнить наши тесты, так как выбор одного из них был бы безусловно спорным и противоречил научным принципам. Поэтому далее следует перейти к тому, что называется практическим определением.

Практическое определение в отличие от словесного — это определение, которое содержит в себе не подвергаемые сомнению практические критерии, имеющие самое непосредственное отношение к определяемому понятию. Так, практически все согласятся, что умственные способности необходимы для хорошей учебы в школе или университете, для продвижения по службе в армии, для эффективного управления производством или для любого вида интеллектуальной работы. Точно так же многие согласятся с тем, что противоположностью людей с хорошими умственными способностями являются умственно отсталые люди и люди, которые, несмотря на многочисленные попытки, не могут справиться даже с самыми простыми задачами. Очевидно, что многие другие факторы, такие как профессиональное обучение, нужные связи, удача, настойчивость и стабильность, также играют немаловажную роль в успехе в разных областях человеческой деятельности, но умственные способности в данном случае стоят на первом месте.

Поэтому мы предполагаем, что у человека, который добился в жизни определенного успеха, должны быть высокие показатели по тестам, а у человека, которого преследуют неудачи в школе, университете, на работе, они будут низкими. Если люди с высокими показателями по тестам плохо справляются со своей рабо-

той, можно предположить, что это происходит из-за эмоциональной нестабильности или других факторов. И наоборот, если у человека низкие показатели, а он преуспел в жизни, то скорее всего он очень трудолюбивый и настойчивый, либо у него прекрасные связи, либо еще что-нибудь.

Подобные предположения можно подтвердить фактами. В следующих главах я приведу подробные доказательства взаимозависимости высоких показателей по тестам и успеха в школе, колледже, на работе. Более того, результаты тестов на проверку умственных способностей как правило совпадают с оценками, которые дают учителя, профессора, начальники и другие люди, чье положение дает им право судить о чужих способностях. В этой области проведено много различных исследований, но их результаты которых были примерно одинаковыми. С практической точки зрения этих доказательств достаточно, чтобы говорить о пользе тестирования умственных способностей при отборе и составлении прогнозов, но с научной точки зрения эти доказательства оставляют желать лучшего.

Главная причина подобного неудовлетворения в следующем. Предположим, что нам нужно измерить рост двух людей при помощи линейки. В результате мы обнаруживаем, что X выше, чем Y (в данном случае неважно, какой из огромного количества линеек, выпускаемых в нашей стране, мы пользовались). Далее мы делаем вывод, что если X выше Y, а Y выше Z, то X выше Z. Если же на самом деле это не так, то мы, естественно, предположим, что ошиблись в измерениях, и перепроверим все еще раз, и если погрешности, которые неизбежны при любых видах измерений, не имеют никакого отношения к нашему несоответствию, то это значит: нашим измерениям не хватает того, что психологи называют «одноразмерностью». Это — неотъемлемое свойство и условие проведения научных измерений, поэтому стоит поговорить о нем подробно.

Предположим, что верблюд из известного библейского изречения пытается пролезть сквозь игольное ушко. Чтобы выяснить, получится это у него или нет, нам необходимо знать высоту и ширину верблюда и высоту и ширину ушка. Зная эти одноразмерные величины, мы можем определить это. Но предположим, что нам сообщили только «величину» верблюда, т.е. его высоту, умноженную на ширину, и «величину» ушка, вычисленный таким же образом. Такая « величина» — многоразмерна и не дает нам исчерпывающей информации. «Величина» ушка может быть больше «величины» верблюда, но тот все равно может застрять и не пролезть через ушко, длина которого больше высоты верблюда, а ширина гораздо меньше. Таким образом, прочностигность многоразмерных тестов и понятий, всегда будет ниже прочностигности одноразмерных тестов.

В нашем примере мы предположили, что «величина» — это понятие, в основе которого находится комбинация высоты и ширины. Другими словами, мы допустили, что реальные величины, из которых состоит эта «величина», и метод их комбинирования известны. Но предположим, нам нужно, чтобы люди определили «величину» нескольких верблюдов. Один человек за основу своей оценки возьмет высоту, совершенно забыв о ширине; другой будет судить о размерах только по ширине; третий обратит внимание и на то и на другое; четвертый в случае с одним верблюдом возьмет за основу его высоту, а в случае с другим — его ширину. Опираясь на эти суждения, мы все равно в большинстве случаев пришли бы к правильному, в целом заключению. Однако с точки зрения точности измерений и правильности прогнозов нам пришлось бы сильно поплатиться за пренебрежение к анализу понятия «величина» с точки зрения ее реальных размеров.

По аналогии с приведенным примером, первоначально понятие «умственных способностей», которое использовалось первыми психологами, и тесты, которые они составляли, были понятиями «величины» и измерениями «величины». Эти психологи не знали и не хотели ничего знать об одноразмерных компонентах, из которых состояла «величина»; они довольствовались тем фактом, что тесты, построенные по этому принципу, работали. Как следствие, тесты не имели под собой никакой рациональной основы, и их результаты часто противоречили друг другу. По результатам теста Стэнфорд-Бине, человек *A* мог превосходить человека *B*, последний, в свою очередь, был лучше *C* по результатам теста «Лабиринт Портеуса», а *C* имел гораздо лучшие показатели, чем *A*, согласно армейскому альфа-тесту. Причина подобных противоречивых результатов вовсе не в ошибках при измерениях, а в том, что все эти тесты являются комбинациями

различных величин способностей, взятых в различных пропорциях. В любом случае, нужен более тщательный анализ, несмотря на очевидный успех тестов раннего образца. Подобный анализ, скорее всего, поможет добиться более точных результатов и избавиться от упомянутых выше несоответствий. Но попытки сделать это, как ни странно, встречают некоторое сопротивление. Одна из причин кроется в консерватизме многих «потребителей» тестов умственных способностей. Учителя, психиатры, социальные работники привыкли к понятию IQ (коэффициент интеллекта), который служит для измерения умственных способностей в целом[1].

IQ является типичным измерением «величины», но из-за его явной практической полезности многие люди закрывают глаза на его не менее очевидные недостатки. Еще одной причиной популярности IQ является нежелание большинства людей (в том числе, хотя мне стыдно это признать, и некоторых психологов)

[1] IQ, или коэффициент интеллектуальности, представляет собой соотношение:

$$\frac{\text{Умственный возраст}}{\text{Хронологический возраст}} \times 100,$$

где «умственный возраст» — это способность ребенка успешно справляться с тестами, которые может выполнить любой среднестатистический ребенок определенного возраста. Таким образом, умственный возраст ребенка, способного решить задачи, с которыми справляется каждый второй ребенок девятилетнего возраста, будет составлять девять лет независимо от того, сколько составляет его настоящий, т.е. хронологический возраст. Если на момент тестирования ему, например, 9 лет, то его умственные способности можно определить как средние, а его IQ = 9/9 × 100 = 100, так как по определению IQ среднего ребенка равняется 100. Если на тот момент его хронологический возраст составлял 6 лет, то это несомненно очень умный ребенок, и его IQ = 9/6 × 100 = 150. Если хронологический возраст ребенка составлял 12 лет, то это говорит об умственной отсталости, и его IQ = 9/12 × 100 = 75. Примерно 1 ребенок из 200 имеет IQ выше 140 или ниже 60; около 50 процентов детей имеют IQ между 90 и 110. На умственные отклонения указывает IQ ниже 70. Но цифры иногда могут ввести в заблуждение, так как диагностика умственных отклонений лишь частично основана на тестировании умственных способностей.

разбираться в математических матрицах и других математических элементах, необходимых для детального анализа умственных способностей. Но самые главные сторонники IQ — те, которые понимают, что с помощью коэффициента интеллекта можно описать индивидуальные умственные способности в целом более адекватно, чем посредством многих аналитических измерений. Да, это верно, что «величина» может рассказать нам о верблюде больше, чем его «высота», несмотря на то что «величина» — это понятие растяжимое и измеренное приблизительно, а «высота» — понятие конкретное и измеренное точно. Но «высота» в комбинации с «шириной» могут поведать гораздо больше, чем «величина», к тому же в данном случае полученные сведения будут точными. Если бы при определении умственного потенциала человека мы были поставлены в жесткие рамки только одной величины, то, вероятно, использовали бы что-нибудь похожее на IQ, понимая тем не менее, что для этого необходима не одна величина, а все величины, имеющие отношение к сфере умственных способностей. К счастью, нет никаких причин, по которым мы должны ограничиваться лишь одной величиной, и наша картина умственных способностей человека будет представлять собой перечень его сильных и слабых сторон, а не одно общее заключение.

Но даже в этом случае наше описание будет неполным. Данный факт часто используется для критики попыток измерить умственные способности и поэтому нуждается в комментарии. Терстоун указывает на то, что «если наличие способностей постулировать как первопричину индивидуальных различий в достижениях людей, то разнообразные достижения человека в различных сферах являются результатом ограниченного количества человеческих способностей, в рамках которых и следует описывать личность человека.

Это противоречит ошибочному мнению, что поскольку все люди чем-то отличаются друг от друга, их нельзя классифицировать и отнести к какой-то определенной категории. Любое обобщение в научном описании природы теряет ровно столько, сколько теряют научные понятия применительно к индивидуальным жизненным ситуациям. ...В каждом конкретном случае научное описание оказывается неполным. Вполне логично признать эту характерную особенность науки, принимая во внимание тот факт,

что научное описание человека не будет иметь смысла, если оно не будет сделано с учетом «всей ситуации». Изучение людей не может проводиться только с помощью научного подхода, так как должно быть многосторонним. С точки зрения здравого смысла научное описание человеческой личности будет неполным точно так же, как описание любого другого предмета в научном контексте».

Можно без труда найти много примеров того, что имеет в виду Терстоун. Часто говорят, что волнение может помешать человеку проявить свои настоящие умственные способности, поэтому тест нередко дает ошибочные результаты. Следовательно, умственные способности нельзя измерять изолированно; мы должны принимать во внимание все особенности личности испытуемого. Анализ умственных способностей вне исследования эмоциональных потребностей, опыта и мотиваций человека считается «атомистическим», ложным. Тем не менее в случае с физическими науками мы именно так и поступаем, причем довольно успешно. Можно сказать, что при измерении металлического бруска в холодную погоду мы не даем ему «проявить» свои свойства в полной мере — летом он был бы гораздо длиннее. И это действительно так, «длина» и «температура» не являются независимыми переменными. Чтобы сделать точное описание, мы должны знать и то и другое, а также функциональный закон, который их связывает. Точно так же вполне возможно, что волнение и умственные способности связаны между собой. Поэтому решение проблемы заключается не в какой-то оценке «величины», основанной на комбинации первого и второго, а в измерении их по отдельности и формулировке математического закона, который их связывает.

Мы можем измерить степень «волнения» точно так же, как и «умственное развитие». В качестве эксперимента попробуем заставить человека волноваться и зафиксируем, как это отразится на его показателях по тесту. Мы также можем понаблюдать за человеком, который не умеет держать себя в руках, и выяснить, лучше или хуже его показатели в тот момент, когда он более спокоен, чем обычно. Результаты подобных экспериментов показывают, что волнение действительно немного мешает при выполнении тестов, но только в очень редких случаях человек волнуется так сильно, что тест явно не может свидетельствовать о его умственных способностях.

Вероятно, существует множество подобных гипотез о взаимосвязи интеллекта и аффекта. Наличие подобной взаимосвязи вовсе не означает, что точное измерение способностей человека невозможно, а лишь указывает на то, что ее нужно тщательно исследовать и как можно более точно сформулировать законы, по которым происходит это взаимодействие. Набор понятий, с которыми мы работаем в настоящий момент, временный; вполне возможно, что мы откажемся от многих из них и возьмем за основу новые. Но в принципе только путем серьезного и тщательного анализа можно найти полезные для решения поставленной проблемы понятия и способы их взаимодействия.

Какой же вид анализа необходим, чтобы разложить понятие «величины» интеллекта на более одноразмерные переменные? Мы могли бы попробовать решить эту проблему с помощью так называемых «Schreibtishexperiments» («письменных экспериментов». — *Прим. ред.*), которые заключаются в том, что ты довольно продолжительное время сидишь за партой, размышляешь над проблемой, занимаешься самоанализом, а затем выдаешь результаты своих размышлений длинными красивыми фразами. По существу это именно то, чем на протяжении всей истории занимались философы. Одним из самых главных результатов подобных размышлений стала доктрина «врожденных способностей». Согласно этой доктрине, человек от рождения наделен различными способностями, которые помогают ему осуществлять все виды деятельности — запоминать, воображать, размышлять и т.д. Считалось, что для каждой из способностей в коре головного мозга отведено специальное место, а френологи пошли еще дальше, заявив, что по бугоркам и выступам на черепе человека можно сказать, какие из способностей наиболее развиты, а какие — практически отсутствуют. Были составлены карты коры головного мозга с выделенными участками, отвечающими за различные способности, и многие люди сделали себе состояние на этой игре по «определению характера». Даже некоторые серьезные ученые попались на эту удочку, а вся история движения

может послужить красноречивым предостережением против чего-либо подобного в новом обличье.

В общем, психология способностей и френология, естественно, не получили дальнейшего развития, отчасти из-за очевидной абсурдности объяснений вроде того, что человек смог что-то вспомнить, активизировав свою способность помнить, причем доказательством этому служил лишь тот факт, что человеку удалось что-то вспомнить. Отчасти этому поспособствовала электрическая стимуляция коры головного мозга. Каково же было удивление френологов, когда они обнаружили, что, например, при стимуляции участка мозга, отвечающего за «влюбленность», пациент не вскакивал с кресла и не пытался признаться в любви стоящей рядом медсестре, а у него всего лишь начинал дергаться большой палец ноги! Но тем не менее психология врожденных способностей оставила свой след не только в нашей повседневной речи, но и в нашей образовательной практике. Когда мы настаиваем на том, чтобы наши дети изучали латынь для развития «чувства логики», или заставляем их заучивать исторические даты, чтобы «развить их память», мы действуем, руководствуясь устаревшими понятиями философского направления в психологии, несостоятельность которого была доказана путем экспериментов, проводившихся на протяжении прошлого века.

Возможно, мы сможем продвинуться в решении проблемы, если проанализируем различные виды тестов, которые предлагаются сегодня, и попробуем разобраться, чем они отличаются друг от друга. Прежде всего нам следует обратить внимание на *материал*, который используется для составления тестов. В одних тестах за основу берутся слова, в других цифры, в третьих — абстрактные картинки; определенные виды тестирования основаны на конкретных предметах, таких как цветные кубики или головоломки. Вполне логично предположить, что некоторые люди прекрасно справляются с одним материалом, а некоторые с другим. Таким образом, у нас уже есть одно возможное направление поиска наших гипотетических способностей.

Далее нам нужно проанализировать *умственные операции*, необходимые для выполнения того или иного задания. В одном тесте нас могут попросить *выучить наизусть* содержание отрывка, в другом — *запомнить* что-нибудь, в третьем — сделать *индуктивные суждения*, а четвертое задание будет на *восприятие*. Этот тип классификации тестов является самым трудным *a priori*, потому что мы не знаем, какие процессы мышления затрагивает отдельная умственная операция, но в качестве гипотезы можем его оставить.

Еще один подход заключается *в разграничении* скорости и возможности *качественного* выполнения задания. Некоторые тесты требуют быстрых, но порой поверхностных ответов, а другие призваны измерить глубину понимания без учета времени выполнения. Это следует учитывать, т.к. многие противники тестирования умственных способностей утверждают, что тесты интеллекта выявляют скорость и быстроту мышления, а не его глубину.

Итак, мы имеем три возможных направления нашего анализа: различия в *материале* тестов, различие в *способах мышления* и то, что можно назвать *качественным различием*. Как же нам определить, правильны наши гипотезы или нет? Самым обычным и пожалуй самым эффективным способом является экспериментально-статистическая процедура, известная как факторный анализ. Этот анализ строится по очень простому принципу. Если вы предложите выполнить серию тестов большой неоднородной группе людей, то после каждого теста результаты каждого человека будут выстраиваться в определенном порядке. Первым по списку «успеваемости» будет идти испытуемый с самыми высокими результатами, последним — человек с самыми низкими показателями, а все остальные будут находиться между ними. Теперь, если два теста измеряют один и тот же мыслительный процесс на основе одинакового материала и на одном и том же качественном уровне, то порядок результатов по первому тесту должен быть таким же, как и по второму, то есть; один и тот же человек должен возглавлять список, один и тот же человек должен замыкать его, остальные должны идти друг за другом в той же очередности. Случайные ошибки в измерениях могут немного изменить этот порядок, но в целом он, как показала практика, сохраняется. Два теста, специально составленные для этой цели, показали очень точное совпадение. В некоторых случаях это совпадение было абсолютным.

Если же мы возьмем два теста, которые чем-то отличаются друг от друга (используют, например, разный материал, или затрагивают различные способы мышления, либо различаются по качеству), то очередность в списке «успеваемости» нарушится. Чем сильнее тесты будут отличаться друг от друга, тем больше будет нарушаться наш первоначальный порядок. Может даже случиться так: два теста будут настолько непохожи, что если какой-то человек прекрасно справился с одним тестом, то это отнюдь не будет означать, что справится со вторым. Другими словами, чем больше у двух тестов общего на уровне материала, затрагиваемых процессов мышления и их качества, тем больше вероятность того, что результаты одного человека по двум тестам будут одинаковы. И наоборот, чем меньше у этих тестов общего во всех трех отношениях, тем меньше вероятность совпадения результатов.

Эти довольно размытые понятия «большей» и «меньшей» вероятностей можно превратить в точные математические термины с помощью так называемого «коэффициента корреляции». Коэффициент варьирует от 1 (что указывает на полное совпадение) до 0 (что показывает полное отсутствие совпадения). Иногда коэффициент может быть отрицательным, например, в случае, когда человек одновременно имеет высокие показатели по тесту *А* и низкие по тесту *В*, и наоборот. Но подобные коэффициенты в практике тестирования умственных способностей встречаются крайне редко. Значение этого коэффициента помогут понять следующие примеры. Известно, что, как правило, высокие люди весят больше, чем низкие; корреляция роста и веса составляет примерно 0,6, т.е. эта цифра удалена на относительно одинаковое расстояние как от полного соответствия, так и от полного несоответствия. Коэффициент корреляции роста и умственных способностей составляет 0,2, т.е. он настолько низок, что по росту человека явно нельзя судить о его умственных способностях, хотя иногда оказывается, что высокие люди немного умнее. Соотношение длины правой руки человека с длиной левой составляет примерно 0,98, т.е. это уже почти полное соответствие, но коэффициент корреляции длины носа и длины ступни является очень низким.

Теперь мы можем сформулировать наши гипотезы иначе. Тесты, подобные на уровне материала, способов мышления и его

качества, будут иметь высокие коэффициенты корреляции, а тесты, неподобные хотя бы на одном или на всех уровнях, — низкие коэффициенты корреляции. Чем выше степень подобия тестов, тем выше корреляция, чем меньше тесты похожи между собой, тем корреляция ниже. Мы можем сделать обратный вывод и заявить, что чем выше уровень корреляции, тем выше степень похожести тестов, и чем ниже уровень корреляции, тем менее тесты аналогичны. Последний вывод более приемлем, так как в действительности мы сначала определяем уровень корреляции тестов и лишь потом делаем заключение об их схожести. Процесс анализа, с помощью которого это происходит, довольно сложен; удивительно, что результаты разных независимых исследований способностей или факторов, вовлеченных в процесс тестирования умственных способностей, сходятся. До недавнего времени эти результаты имели в основном отношение к различиям в способности справляться с разными видами материала и к эффективности различных мыслительных процессов, и только в последнее время стали проводиться исследования таких качеств как скорость и глубина мышления в комплексе.

Главными выделенными в результате анализа факторами[1] были названы вербальные способности (*V*), беглость речи (*W*), счетные способности (*N*), способность к пространственной ориентации (*S*), перцептивную способность (*P*), память (*M*) и способность к рассуждению (*R*). Очень трудно описывать все эти способности отдельно от тестов, на основе которых они были

[1] На первый взгляд может показаться, что эти факторы похожи на «врожденные способности», которые были раскритикованы выше. Главное различие между двумя этими понятиями лежит в их происхождении. «Врожденные способности» появились на основе несистематических наблюдений и вербализации определенных стереотипов и предрассудков, характерных для того времени. Факторы точно определяются в рамках экспериментальных и статистических процедур с помощью научных методов. Случайное сходство не может указывать на то, что эти два понятия являются подобными. Чтобы избежать ошибок, факторы часто обозначаются буквами, а не словами; эти буквы приводятся здесь после вербальной классификации каждого фактора.

выделены, поэтому во второй главе я привожу примеры тестов, характеризующих каждый фактор.

Многие примеры очень просты и читателю будет нетрудно представить, каким образом их можно усложнить. Настоящий тест содержит в себе элементы всех уровней сложности. В данном случае даются четкие инструкции, примеры заданий тщательно разбираются, для того чтобы люди, проходящие тестирование, понимали, что от них требуется.

Эти семь факторов, или способностей, довольно независимы, но не совсем. Человек, набирающий много баллов по тестам на измерение одного из этих факторов, обычно достигает высоких показателей и по тестам на другие факторы, хотя в целом подобная тенденция не так сильно выражена, как в случае сравнения результатов по одинаковым тестам. Возможно, мы можем связать успешное выполнение различных типов задач с нашим гипотетическим понятием «умственных способностей»? Давайте рассмотрим различные факторы и выясним, для измерения какого из них при выполнении теста необходимо в полной мере проявить так называемые интеллектуальные качества. Большинство людей, вероятно, согласится с тем, что тесты на сообразительность требуют больших умственных способностей, тесты, выявляющие вербальные и счетные способности, требуют хороших умственных способностей, а для остальных тестов эти способности значения не имеют. Такая субъективная точка зрения объясняется корреляциями между тестами: общие черты наиболее ярко выражены в тестах на сообразительность, меньше — в словесных и цифровых тестах и наименее всего — в тестах пространственных и на запоминание. Таким образом мы приходим к выводу, что умственные способности — это способности, включающие в себя все мыслительные процессы, но в разной степени: для одного человека некоторые из них более необходимы и важны, а для другого — нет. Кроме этого общего качества, которое мы можем назвать «умственными способностями», но пока из предосторожности обозначим буквой «*g*», существует ряд более специализированных качеств, помогающих нам наиболее эффективно использовать тот или иной материал или наиболее рациональным способом применить какой-либо способ мышления.

Маловероятно, что существует только семь обнаруженных способностей — результаты последних исследований дают право предположить, что их гораздо больше. Но тем не менее эти семь качеств не вызывают сомнений, поэтому в данном случае их достаточно.

Однако мы до сих пор оставляли в стороне проблему скорости и способности справиться с заданием. В данном случае позиции психологии не так прочны, отчасти потому, что этим понятиям долгое время не придавали особого значения, и как следствие до сравнительно недавнего времени не занимались исследованиями в этом направлении. Поскольку некоторые экспериментальные открытия в данной области представляют немалый интерес, я попробую их обобщить с помощью понятий и теорий Д. Фурно, который одним из первых нашел решение этой весьма непростой проблемы.

Давайте рассмотрим конкретную единицу теста на определение уровня умственных способностей, например, серию заданий с рядом из цифр на странице 55. Допустим, мы составим несколько серий подобных заданий и предложим решить их определенной группе людей, не ограничивая временными рамками. Далее в зависимости от того, сколько людей справится с задачей или сколько нет, мы сможем определить уровень сложности каждого из заданий. Задание, которое смогут решить 90 процентов тестируемых нами людей, будет считаться относительно легким; задание, которое смогут решить только 10 процентов, будет считаться относительно трудным. Если мы составим новый тест из заданий разного уровня сложности и попросим выполнить его другую группу людей, то получим три вида ответов: субъект может ответить правильно, неправильно или вообще решит оставить вопрос без ответа и пропустит его. Общий балл после выполнения многих тестов высчитывается на основе количества правильно решенных задач за данный период времени, поэтому в этих тестах неизбежно присутствуют все три вида ответов. Чтобы проанализировать влияние скорости, нам необходимо разделить эти три вида, для чего мы должны определить, сколько времени требуется субъекту на решение каждой задачи. Мы не можем получить какую-то приемлемую среднюю величину, разделив количество пра-

вильно решенных задач на все время, затраченное на выполнение теста. Дело в том, что некоторые люди могут долго размышлять над вопросом, а в результате дают неверный ответ, или потратить много времени на задание, которое позже решат пропустить, а некоторые не станут тратить время таким образом.

Следовательно, если мы выделим три вида ответов, то сможем зафиксировать время, которое необходимо одному человеку на решение задач определенного уровня сложности. На рисунке 1а видно, что по мере того как уровень сложности повышается, время, затрачиваемое на решение задачи, увеличивается довольно непропорционально. Для того чтобы обойти эту проблему, мы использовали логарифм времени (лог. время), и в результате соотношение между нашими двумя переменными (лог. время и уровень сложности) приняло форму прямой линии, как показано на рисунке 1б.

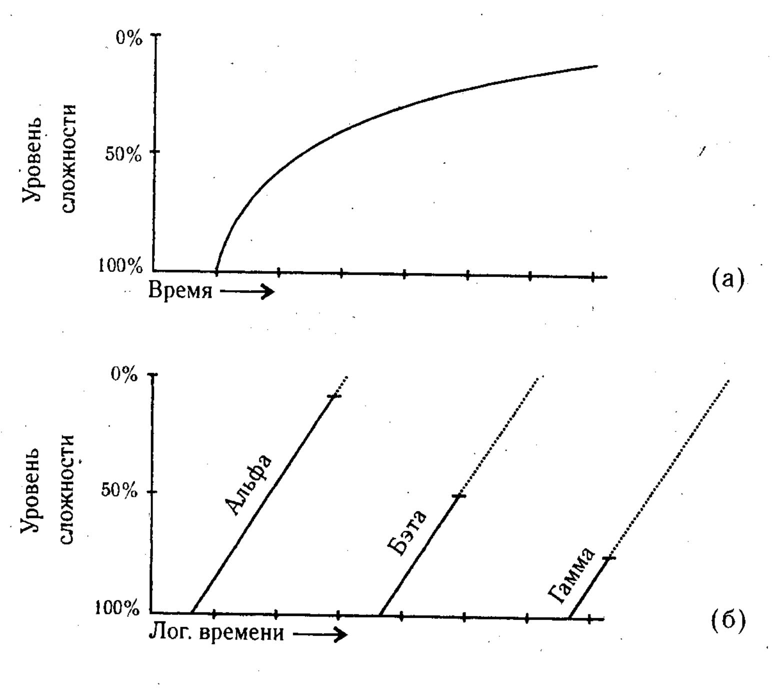

Рис. 1

На приведенном графике зафиксированы результаты трех людей: Альфа, Бета и Гамма; видно, что их результаты можно представить в виде прямых линий, которые расположены под одним углом, т.е. параллельны. Это экспериментальное открытие представляет огромную важность: оно показывает, что в случае с нашими измерениями мы имеем дело с универсальной константой (в нашей культуре), найти которую в психологии многие отчаялись.

Из этой диаграммы можно сделать определенные выводы.

Альфа быстрее, чем Бета, справляется с заданиями на всех уровнях сложности, а Бета быстрее, чем Гамма. Гамма может решить только самые легкие задачи, Бета может решить задачи среднего уровня сложности, а Альфа же успешно справляется даже с относительно сложными заданиями. Возможно, далее нам захочется узнать, в каком месте линия каждого человека пересечется с линией основания (т.е. скорость, с которой они решают простейшие задачи, доступные практически любому человеку), а также максимальный уровень сложности проблемы, с которым человек справится, если не будет ограничен во времени. Но, к сожалению, к этой схеме нужно добавить два ограничения. У нас есть все основания предположить, что решение какой-либо задачи с одной стороны зависит от скорости человека, а с другой — от его желания продолжать искать ответ на вопрос, т.е. от того, что мы называем настойчивостью. Если бы все наши три субъекта были очень настойчивы и готовы потратить на решение задачи сколько угодно времени, тогда прямые непрерывные линии, представляющие собой их реальные результаты, можно было продолжить прерывистыми линиями, которые бы представляли собой их *возможные* (курсив наш. — *Прим. ред.*) результаты. В данном случае даже человек с очень низкими умственными способностями мог бы справиться с относительно сложными заданиями при условии, что он был бы настойчив, и даже очень способный человек мог бы отказаться от решения относительно легких задач, если бы ему не хотелось тратить на них время.

Данное предположение верно по многим причинам, и будет логично сделать вывод, что большие достижения в интеллектуальной сфере являются результатом высокой скорости мыслительных процессов и настойчивости. Но следует помнить, что наша временная шкала — логарифмическая, поэтому дополни-

тельное время, необходимое посредственному человеку на решение трудной задачи, будет увеличиваться непропорционально; возможно, ему понадобится несколько месяцев, чтобы найти ответ на вопрос, с которым бы способный человек справился за пару минут. Тем не менее эти два фактора — скорость и настойчивость — относительно независимы друг от друга, и следовательно, мы не можем утверждать, что «способность» является полезным, одноразмерным понятием для психологии. Способность обычно определяется высшим уровнем сложности задач, с которыми справляется субъект; очевидно, что это сложное понятие, которое зависит от элементарных понятий (в данном случае скорости и настойчивости.)

Интересен тот факт, что один из этих элементарных факторов (настойчивость) вообще не является интеллектуальным качеством, а скорее представляет собой связь черт личности и ее эмоциональности. С позиций когнитивного подхода скорость умственных действий является решающим фактором при определении умственных способностей. Есть веские причины к отождествлению скорости с *«g»* или с общими умственными способностями или интеллектом.

Но даже подобная комбинация скорости и настойчивости не позволяет учесть все сложности процесса решения различных задач. Экспериментальные данные показывают, что человек не справляется с тестом по двум причинам: либо из-за того, что дает неправильный ответ, будучи уверен в своей правоте, либо из-за того, что ему не хочется долго размышлять над ним. Данное наблюдение вводит в наш анализ новое понятие — невнимательность, хотя, возможно, это не совсем подходящее слово для описания того, что происходит на самом деле. Существуют факты, которые указывают на то, что быстрый и настойчивый человек может добиться относительно скромного успеха лишь по причине вмешательства только что введенного нами понятия. Именно по этой причине он принимает неправильные ответы за правильные и, возможно, даже отвергает правильные ответы в пользу неправильных.

Фурно говорит, что если все факты, приведенные здесь, проанализировать в соответствии с определенными отношениями, которые их связывают и которые можно выразить лишь математическим способом, то мы получим довольно правдоподобную

гипотезу относительно природы мыслительных процессов, вовлеченных в решение задач. Согласно его точке зрения, после осознания задачи в мозгу человека происходят строго организованные процессы, в результате которых он вырабатывает цепочку «пробных решений». Вовсе не обязательно, чтобы все эти решения осознавались человеком, так как каждое из них представляет собой особый вид организации определенной части структуры мозга. Именно скорость, с которой эти «виды организации» формируются, ломаются или трансформируются, подводит нас к понятию скорости мыслительных процессов. После того как в мозгу сформировались все пробные ответы, проверяется их адекватность в качестве ответа на конкретный вопрос.

Возможно, это происходит с помощью чего-либо вроде «механизма обратной связи», который служит для этой же цели в электронных вычислительных машинах. Именно на данной стадии появляется «невнимательность» — возможно, «ошибка» лучше подходит в данном случае, так как может случиться, что пробное решение, удовлетворяющее только нескольким требованиям проблемы, может пройти через механизм отбора и привести в результате к неправильному ответу. При условии невмешательства подобных ошибок процесс формирования пробных решений и их отбора будет продолжаться до тех пор, пока не найдется единственно правильный ответ, либо до того момента, ког-

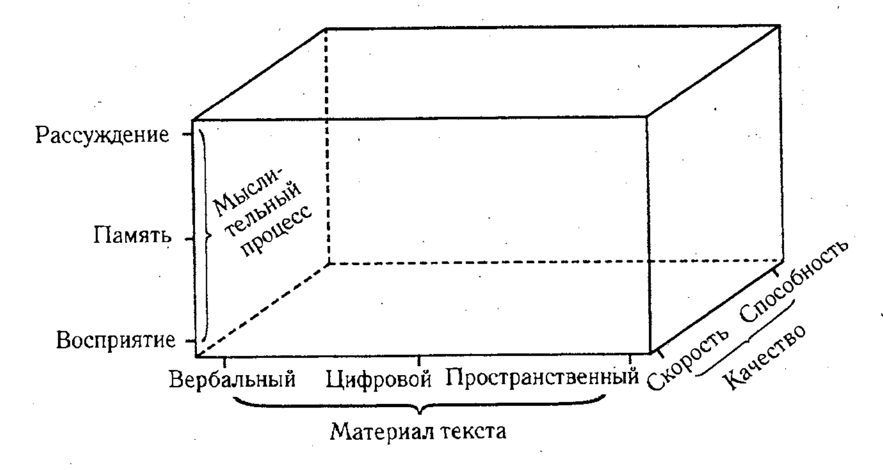

Рис. 2

да внимание человека переключится на другую проблему из-за недостаточной настойчивости.

Таким образом, наш анализ завершен, и пришло время ответить наконец на вопрос: «Что же на самом деле измеряют тесты умственных способностей?» Правильно составленные тесты измеряют скорость умственных действий, которые являются основой эффективной умственной деятельности. Они также выявляют способности, которые необходимы для работы с различными видами материала — цифрами, словами, рисунками и т.д., — и совершенство познавательных процессов проявляющихся в восприятии, запоминании и мышлении и т.д. Тесты затрагивают и компоненты, которые не имеют отношения к интеллекту, например настойчивость, но очень важны при определении эффективных умственных способностей человека, т.е. его способности решать все более трудные и сложные задачи.

Все эти отношения изображены на диаграмме рисунка 2. Плохо составленный тест будет измерять все эти разные величины комплексно. В получившемся в результате IQ некоторые из них не будут представлены вообще, а некоторые — представлены в различных пропорциях. Правильно составленный тест (или даже серия тестов) будет измерять все эти качества отдельно, поэтому даст нам более или менее четкую картину слабых и сильных сторон человека и позволит точнее предсказать его достижения в будущем. Тот факт, что даже плохо составленные тесты имели на практике успех, лишь указывает на то, чего можно достичь в будущем, когда практика будет идти в ногу с наукой. Уже есть доказательства того, что аналитические тесты по точности измерений в два-три раза превосходят тесты старого образца.

Первичные умственные способности

Эта глава почти полностью состоит из тестов, которые являются наглядными примерами анализа природы интеллекта, приведенного в первой главе. Примеры были включены в книгу лишь потому, что людям, не знакомым с методами их измерения, будет недостаточно чисто теоретического обоснования таких понятий, как «перцептивные способности» или «беглость речи».

Профессор Терстоун, экспериментальные разработки которого поставили изучение умственных способностей на твердую почву, любезно согласился предоставить некоторые задания своих тестов.

Следует отметить, что это не полные тесты, а лишь отдельные задания, дающие представление об инструкциях к тестам, которые тестируемый субъект должен выполнить, прежде чем приступить к собственно тесту, чтобы показать, что он правильно понял все инструкции. Вполне вероятно, что многие найдут задания очень простыми. Но даже в этом случае будет очевидно, что задания можно легко усложнить и что можно составить тест для любого уровня интеллектуальных способностей — от уровня пятилетнего ребенка и до уровня студента университета.

Для тех, кто захочет поспорить относительно правильности составления тестов, хочу еще раз подчеркнуть, что тесты составлены исходя из реальных результатов больших групп людей.

Вербальные способности (*V*)

Пословицы

Это тест на оценку вашей способности понимать прочитанное. Прочитайте пословицу А.

А. *Без труда не выловишь и рыбки из пруда.*

Два и только два из следующих предложений имеют практически то же значение, что пословица А. Определите эти предложения.

......✓.......*Лежа, пищи не добудешь.*

...............*Не поймав медведя, шкуру не продают.*

......✓.......*Не поклонясь до земли, и грибка не подымешь.*

...............*Лентяй посреди реки просит напиться.*

Первое и третье предложение выбраны, потому что имеют практически то же значение, что пословица А.

Теперь попробуйте выбрать два предложения из приведенных ниже, которые имеют практически то же значение, что пословица В.

В. *Без копейки нет рубля.*

.............*Дело мастера боится.*

.........✓.....*По капле и море собирается.*
..................*Исключение подтверждает правило.*
......✓.........*По нитке и до клубка доходят.*

Классификация слов

Колонка 1 внизу состоит из названий *животных*. В колонке 2 помещены названия предметов *мебели*. В колонке 3 некоторые слова обозначают животных, а некоторые — предметы мебели. *Парта* — это мебель, поэтому после нее стоит цифра 2. *Овца* — это животное, поэтому после нее стоит цифра 1. Остальные слова в колонке 3 обозначены по такому же принципу.

1	2	3	
корова	стол	парта	2
лошадь	стул	овца	1
птица	шкаф	кресло	2
собака	люстра	комод	2
		кот	1
		осел	1

Обозначьте каждое слово в колонке 3.

1	2	3	
калечить	страдать	вздрагивать	_
мучить	болеть	умерщвлять	_
кусать	чувствовать	ломать	_
щипать	дергаться	стонать	_
		извиваться	_
		избивать	_

Отношение между словами

Прочтите следующий ряд слов:

1 — нога: 2 — ботинок; 3 — рука: 4 — мизинец, 5 — голова, 6 — перчатка, 7 — палец, 8 — рукопожатие. 6

Первые два слова *нога* и *ботинок* связаны определенными отношениями, так как ботинок надевается на ногу. Следующее

слово *рука*. Какое из перечисленных далее пяти слов связано с рукой такими же отношениями, как в случае с *ногой и ботинком*? Ответ будет *перчатка*, потому что перчатка надевается на руку. Поэтому над чертой справа поставлена цифра 6.

В следующих двух заданиях вам нужно найти слово справа, которое связано такими же отношениями с третьим словом, как второе с первым. Запишите соответствующие цифры над чертой справа.

рыба: 2 — вода, 3 — птица, 4 — голубой, 5 — малиновка, 6 — океан, 7 — небо, 8 — высоко ___

мэр: 2 — город, 3 — капитан, 4 — корабль, 5 — рядовой, 6 — генерал, 7 — склад, 8 — лейтенант. ___

Беглость речи *(W)*

Измененный порядок букв

Измените порядок букв в каждой из следующих строчек, чтобы получилось название *животного*. В первой строчке буквы (*илас*) можно поменять местами так, что получится слово *лиса*, которое и записано рядом. Во второй строчке из букв (*омс*) можно составить слово *сом*, которое записано рядом. Точно так же из букв (*окт*) может получиться слово *кот*.

Животные

илас	лиса
омс	сом
окт	кот

Измените порядок букв в каждой из следующих строчек, чтобы получилось название *птицы*.

Птицы

акут	________
авсо	________
чрга	________

Поиск слов

Напишите внизу как можно больше разных слов, которые начинаются на букву *П*, а оканчиваются на букву *а*. Слова могут быть короткими и длинными. Можно записывать имена людей, географические названия или иностранные слова. Орфографические ошибки не будут приниматься во внимание.

В качестве примера три первые строчки уже сделаны. Добавьте как можно больше других слов.

Записывайте только слова, начинающиеся на *П* и оканчивающиеся на *а*.

1. папа	5. ________	9. ________
2. парта	6. ________	10. ________
3. Прага	7. ________	11. ________
4. пирога	8. ________	12. ________

Составление слов

Составьте как можно больше разных слов из букв слова п-о-к-о-л-е-н-и-я. Можно использовать короткие и длинные слова, имена людей, географические названия и иностранные слова. В каждом составленном слове буква не должна использоваться чаще, чем она используется в слове п-о-к-о-л-е-н-и-я.

Первые две строчки уже заполнены в качестве примера.

п-о-к-о-л-е-н-и-я

1. колено	4. кол	7. ________
2. пол	5. поле	8. ________
3. око	6. ________	9. ________

Счетные способности (*N*)

Цифровой код

В этом тесте вам нужно использовать цифровой код, основанный на 20 символах, а не на 10 числах, к которым мы привыкли. Каждому числу от 0 до 19 соответствует определенный символ, как это видно из таблицы внизу. Обратите внимание, что черта обозначает 5, а точка обозначает 1. Например, число 9 представлено символом, состоящим из четырех точек и черты. Ноль представлен U-образным символом.

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
U	·	··	···	····	—	· над —	·· над —	··· над —	···· над —
10	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**
=	· над =	·· над =	··· над =	···· над =	≡	· над ≡	·· над ≡	··· над ≡	···· над ≡

Для чисел больше 19 символы комбинируются, один над другим. Это показано в примере 2 внизу. Когда имеются два символа, располагающиеся друг над другом, верхний символ нужно умножить на 20, а нижний — умножить на 1. В результате получится сумма. Изучите пример 2.

Для чисел больше 399 используются три символа, один под другим. Самый верхний символ умножается на 400, следующий — на 20, а самый нижний — на 1.

Пример 1	Пример 2	Пример 3
·· над — × 1 = 7	· над — × 20 = 120 ·· над — × 1 = 7 127	··· × 400 = 1200 ··· над — × 20 = 160 ·· над = × 1 = 12 1372

Теперь решите шесть практических задач. Первые две уже решены за вас.

	Место для расчетов	Ответ		Место для расчетов	Ответ
1	2	3	4	5	6
··· над =	× 1= 13	13	··· над ····		

1	2	3	4	5	6
·· — U	× 20 = 140 × 1 = 0	140	═ ···· ═		
·· — ···· ≡			— U · —		

Вычисления

В следующей таблице есть прочерки. Замените эти прочерки на правильные числа. Вся необходимая информация содержится в таблице. Вы можете использовать для расчетов место внизу таблицы.

Год	Браки		Разводы			
	Количество	Рост за прошлый год	Количество	Рост за прошлый год	Количество разводов по инициативе мужа	Количество разводов по инициативе жены
1894	566,161	12,512	37,568	100	12,551	25,017
1895	598,855	32,694	40,387	2,819	—	26,931
1896	613,873	15,018	42,937	—	14,448	—
1897	622,350	—	—	1,762	14,765	29,934
Общая сумма	2,401,239	Нет общей суммы	165,591	Нет общей суммы	55,220	110,371

Арифметические задачи

В этом тесте вам показано несколько уже решенных арифметических задач. Для каждой задачи дано четыре ответа, один из которых — правильный. Вам нужно определить этот правильный ответ. Вы можете использовать свободное место для расчетов, но не тратьте время, пытаясь найти точный ответ.

В первой задаче видно, что первое число приблизительно равно 4, а второе приблизительно равно 7. Так как $4 \times 7 = 28$, то вам нужно искать ответ, который приблизительно равен 28. Таким ответом будет третье число, поэтому оно отмечено.

$4{,}12395 \times 6{,}82187 =$

7,563327 ______
14,012468 ______
28,133051 __✓__
56,103378 ______

В следующей задаче видно, что числитель приблизительно равен 30, а знаменатель приблизительно равен 6. Так как 30 : 6 = 5, то правильным будет второй ответ, который приблизительно равен 5.

$\frac{29{,}6718}{5{,}7261} =$

4,4278 ______
5,1819 __✓__
6,9271 ______
8,4293 ______

Так как вы знаете, что один из ответов *правильный*, существует много других способов для определения того, *какой именно* это ответ. Например, в следующей задаче видно, что $30 \times 30 = 900$. Поэтому 29×29 будет *меньше,* чем 900. Также понятно, что $9 \times 9 = 81$, поэтому последняя цифра правильного ответа будет 1. Отсюда можно сделать вывод, что 841 — это единственный правильный ответ.

$(29)^2 =$

755 ______
841 __✓__
865 ______
901 ______

В следующих задачах вам нужно определить, какой из четырех ответов правильный. Не тратьте время на поиски точного ответа, так как один из данных ответов верный.

3,01224 × 4,86537=	2,621	________
	6,782	________
	14,656	________
	21,387	________

$\frac{53,29736}{5,01258} =$	6,5654	________
	10,6327	________
	91,7136	________
	134,6973	________

1351+8271+72+3+51+	7698	________
2+1+13+9+4+23+	9875	________
8+19+22+4+6+16 =	13562	________
	20679	________

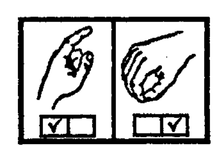
$(197)^2 =$	11569	________
	23417	________
	38809	________
	62187	________

Способность к пространственной ориентации *(S)*

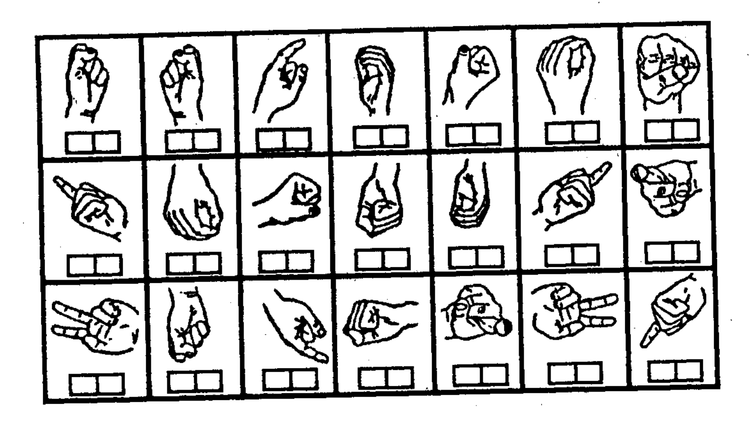
Руки

В этом тесте вам будут показаны серии картинок с изображением рук. На одних картинках нарисована правая рука, а на других — левая. Под каждой из картинок вы увидите два маленьких квадратика.

Если на картинке изображена правая рука, поставьте галочку в правом квадратике; если на ней изображена левая рука, поставьте галочку в левом квадратике, как это показано на следующем примере:

Теперь отметьте таким же образом картинки внизу.

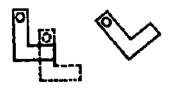

Фигуры

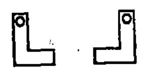
Перед вами изображение фигуры в форме буквы L с дырочкой на одном конце.

Две фигуры, изображенные внизу, идентичны. Их можно наложить одну на другую.

Теперь посмотрите внимательно на следующие две фигуры. Они разные. Как бы вы ни старались, их нельзя наложить одну на другую.

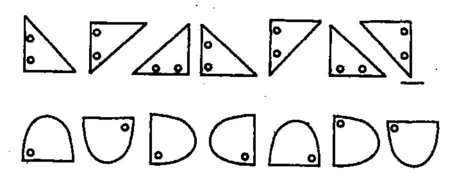

Перед вами еще несколько фигур. Некоторые из них подчеркнуты, причем подчеркнуты именно те, которые идентичны первой.

Внизу представлен еще один ряд фигур. Подчеркните те из них, которые идентичны первой.

Вам нужно было подчеркнуть третью и четвертую фигуры, так как они идентичны первой.

Перед вами еще фигуры. В каждом ряду подчеркните те из них, которые идентичны первой в ряду.

Весь тест состоит из двадцати рядов по семь фигур в каждом.

Флажки

Слева изображены два флажка. Эти изображения идентичны. Можно точно наложить одно изображение на другое.

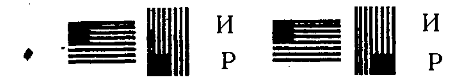
Буква *И* подчеркнута, чтобы показать, что изображения идентичны.

Два изображения справа отличаются друг от друга. Изображение одного из флажков нельзя наложить на другое.

И
Р

Буква *Р* подчеркнута, чтобы показать, что изображения разные.

Далее вам нужно правильно отметить следующие пары рисунков. Чтобы проверить, идентичны ли флажки, попробуйте мысленно поворачивать их. Если два изображения идентичны, подчеркните *И*, если они разные — *Р*.

Вам следовало подчеркнуть *И* в первом случае и *Р* — во втором. Тест состоит из сорока восьми пар флажков.

Перцептивные способности (*Р*)

Идентичные числа

В верху первой колонки цифр стоит число 634. Каждое число 634 в этой колонке подчеркнуто. Во второй колонке подчеркнуто 876, потому что вверху стоит число 876. В третьей колонке 795 было подчеркнуто дважды, потому что 795 стоит в верху этой колонки.

Числа в верху каждой из следующих колонок повторяются в самих колонках один или несколько раз. Найдите эти числа как можно быстрее и подчеркните их.

634	876	795	423	279	374
693	643	583	837	363	282
850	328	795	115	643	663
634	932	189	423	279	539
513	879	342	528	375	314
398	375	795	969	470	475
696	470	896	274	887	576
634	697	247	423	699	374
574	876	319	627	291	850
628	294	468	423	983	677
634	982	543	962	585	846

Зеркальное отражение

Посмотрите на следующие два слова.

Кот

тоЯ

Первое слово *кот*. Второе — тоже слово *кот*, но напечатанное наоборот.

Внизу два ряда слов. Первый ряд состоит из обычных слов. Второй ряд состоит из тех же слов, но напечатанных наоборот.

спорт	пешка	тень	карта	ушел
тqопэ	вяшэп	днэт	втqвя	пэшү

Первое слово в каждой из двух следующих колонок напечатано обычным способом. Под ним напечатаны наоборот четыре слова. Одно из слов, напечатанных наоборот, идентично слову в верху колонки. Это слово подчеркнуто.

город	флаг
нмпт	тнпф
нqот	тепф
доqот	эйоф
шоqт	тнүф

В каждой из следующих колонок вам нужно подчеркнуть слово, напечатанное наоборот, которое идентично слову в начале колонки.

поле	шарф	шляпа	море	сахар
эпоп	фвqнж	кпвпш	эqом	эоqоя
вqоп	фqвш	впкпш	эпоя	эвмоq
внэп	фнпвя	впкпш	эпоп	эqом
шнүп	фнм	пкпвш	эпнф	qвхвэ

Тест состоит из пятидесяти колонок по четыре слова.

Лица

Перед вами ряд с изображениями лиц. Одно из лиц отличается от остальных, поэтому оно зачеркнуто.

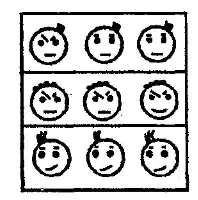
Посмотрите внимательно на картинку, чтобы понять, почему было зачеркнуто именно лицо посередине. Лицо отличается от остальных своим ртом.

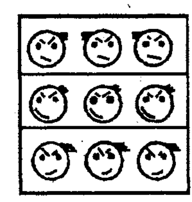
Перед вами еще один ряд из лиц. Посмотрите на них и зачеркните лицо, которое отличается от остальных.

Вам следовало зачеркнуть последнее лицо.

Перед вами еще несколько картинок, на которых вы можете попрактиковаться. В каждом ряду вам нужно отметить лицо, которое отличается от остальных.

Тест состоит из шестидесяти рядов из лиц.

Способность к рассуждению *(R)*

Шифр

Первая колонка «Слова» состоит из трех слов: *кот, ком, ток*. Во второй колонке «Шифр» эти же слова закодированы. Одна цифра обозначает одну букву. Вам нужно определить, какие буквы соответствуют каждой цифре. Порядок слов в двух названных колонках отличается. В третьей колонке «Перевод» вам нужно записать слова в том же порядке, в каком они располагаются во второй колонке.

Слова	Шифр			Перевод		
Кот	3	8	6	—	—	—
Ком	5	8	3	—	—	—
Ток	3	8	5	—	—	—

Эту задачу можно решить разными способами:

например, посмотрите внимательно на три слова в первой колонке. Отметьте, что два слова начинаются на одну букву, в частности *кот* и *ком* начинаются на *к*. Два слова во второй колонке начинаются с цифры 3. Поэтому 3 обозначает *к*. Над каждой чертой в третьей колонке, которая соответствует 3, поставьте букву *к*.

Третье слово начинается с *т*, значит, 5 обозначает *т*. Над чертой, которая соответствует 5, поставьте букву *т*.

Вторая буква во всех словах в первой колонке — это *о*. Вторая цифра во всех словах во второй колонке — это 8, значит, 8 обозначает *о*. Над каждой второй по счету чертой в третьей колонке поставьте цифру 8. Единственным не до конца расшифрованным словом осталось слово *ком*, поэтому нетрудно догадаться, что 6 обозначает *м*. Поставьте букву *м* над последней чертой в первом слове. Слова в третьей колонке будут располагаться в следующем порядке: *ком*, *ток*, *кот*.

Перед вами еще один пример задачи. Определите, какой цифрой зашифрована каждая буква. Запишите слова в третью колонку в том же порядке, в каком они располагаются во второй колонке.

Слова	Шифр			Перевод		
Кол	8	0	9	—	—	—
Вал	5	2	8	—	—	—
Бак	4	2	9	—	—	—

Заметили ли вы, что два слова оканчиваются на *л*? Цифра, которая дважды встречается на конце слова, — это 9. Значит, 9 обозначает *л*. Запишите букву *л* над двумя чертами, которые соответствуют 9.

Теперь отметьте, что вторые буквы слов *вал* и *бак* — это *а*. Цифра, которая встречается дважды в середине слова, — это 2. Запишите букву *а* над чертами, которые соответствуют цифре 2.

Теперь закончите слово *вал*. *Кол* — это еще одно слово, которое оканчивается на *л*. Запишите его. Вторым словом в переводе должно быть *бак*, и это действительно так, потому что 8 обозначает *к* в слове *кол*. Три слова в третьей колонке: *кол*, *бак* и *вал*.

Перед вами еще одна задача. Определите, какими цифрами зашифрована каждая буква, и запишите слова в третью колонку. Для начала обратите внимание, что в каждом слове есть буква *и*. Найдите число, которое встречается трижды, и запишите *и* над соответствующей чертой. Расшифруйте все цифры.

Слова	Шифр			Перевод		
Ира	8	5	1	—	—	—
Пир	2	5	3	—	—	—
Тик	5	3	9	—	—	—

Вы должны были записать слова в следующем порядке: *тик*, *пир*, *Ира*.

Перед вами еще одна задача. Обратите внимание, что *з* встречается только в одном слове. Найдите цифру, которая встречается только один раз, и вы сможете быстро решить всю задачу.

Слова	Шифр			Перевод		
Там	4	2	7	—	—	—
Таз	4	2	9	—	—	—
Мат	7	2	4	—	—	—

В третьей колонке вы должны были записать следующее: *там*, *таз*, *мат*.

Перед вами еще две задачи, на которых вы можете попрактиковаться. Расшифруйте закодированные слова и запишите их в правильном порядке в третью колонку.

Слова	Шифр			Перевод		
Пот	2	4	6	—	—	—
Рот	8	3	2	—	—	—
Пар	8	4	6	—	—	—

Слова	Шифр			Перевод		
Кит	2	3	9	—	—	—
Ока	2	4	9	—	—	—
Кот	3	2	8	—	—	—

Серии букв

Прочтите ряд букв внизу.

абабаб ____________

Следующей буквой будет *а*. Запишите *а* над чертой справа.

Теперь посмотрите на следующий ряд букв и определите, какая буква будет следующей. Запишите эту букву над чертой.

бавагада ____________

Правильным ответом будет буква *е*.

Теперь посмотрите на следующие цепочки букв и добавьте правильную букву.

гдгдгд ____________
аабббвгг ____________
абхвгхдехжзх ____________

Вы должны были написать: г, д, х.

Теперь потренируйтесь на следующих задачах. Заполните пробелы правильными буквами.

аааббббвввгг ____________
аэбюаэбюаэб ____________
абсвгсдесжзс ____________
абвгабвдабвеабвж ____________

Разные буквы

Посмотрите на группы букв внизу.

ААБВ АБАВ <u>АВЕЗ</u> ААВЖ

В трех группах есть две буквы *А*. Группа, в которой нет двух *А*, подчеркнута жирной линией.

Перед вами еще одна задача. Три группы букв чем-то похожи. Определите эти три группы.

<u>ЩЦТН</u> ИКЛМ АБВГ ДЕЖЗ

В трех группах буквы расположены в алфавитном порядке. В первой группе буквы расположены не в алфавитном порядке, поэтому подчеркните ее, чтобы показать ее отличие от остальных.

Три группы букв в следующем ряду чем-то похожи. Подчеркните группу, которая отличается от остальных.

КАВС КЕФГ <u>ЛОРС</u> КОВД

Три группы начинаются на *К*. Нужно было подчеркнуть третью группу.

Вот еще одна задача. Подчеркните группу, которая отличается от остальных.

АВГД <u>ЕЖЗИ</u> КМНО ПРТУ

В трех группах пропущена одна буква. Вам следовало выбрать вторую группу, которая отличается от остальных.

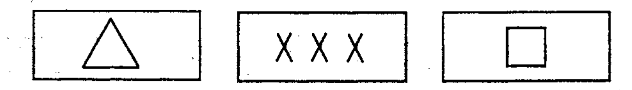
Перед вами еще несколько подобных задач. Подчеркните непохожую на остальные группу.

АААБ	АААМ	АААР	ААТВ
ГВБА	ЗЖЕД	ХЛКИ	СРПО
РСТТ	ЛМНЛ	ДЕЖД	БВГБ
АБВД	ЕЖЗК	ЛМНП	РСТХ

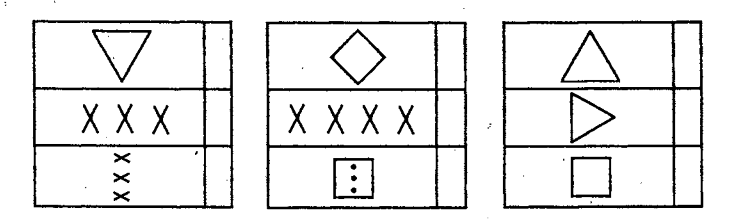
Память (*M*)

Узнавание фигур

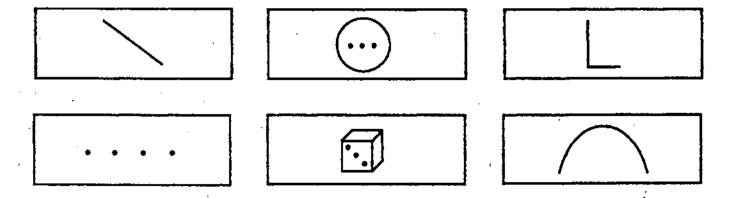
Внимательно рассмотрите фигуры внизу, для того чтобы вы могли их узнать, когда увидите снова.

На следующих рисунках вам нужно поставить галочку, если они идентичны изображенным выше.

Точно таким же образом можно предложить для запоминания шесть фигур.

В настоящем тесте было представлено двадцать фигур, которые нужно было узнать среди шестидесяти фигур, нарисованных на отдельном листе.

Первые и последние буквы

Каждый предмет в следующем списке пронумерован. Номер коробки 66, номер стула 21 и так далее. Вам нужно запомнить номер каждого предмета. На следующей станице названия предметов расположены в другом порядке, и вы должны записать номер каждого предмета.

Если, записывая, вы запоминаете лучше, то можно записать слова и их номера на месте пробелов справа.

Предмет	*Номер*	*Предмет*	*Номер*	*Предмет*	*Номер*
Коробка	66	______		______	
Стул	21	______		______	
Нож	92	______		______	
Лампа	77	______		______	

Не смотрите больше на эту страницу.

В первом ряду названия предметов расположены в другом порядке. Запишите номер каждого из них. Приступайте прямо сейчас.

Предмет	*Номер*
Стул	21
Лампа	______
Коробка	______
Нож	______

Настоящий тест состоит из пятнадцати слов и номеров.

Имена

Каждый из следующих рядов состоит из имени и фамилии. Вы должны выучить их так, чтобы, увидев только фамилию, могли вспомнить и имя. На следующей странице фамилии расположены в другом порядке. Вам нужно дописать к фамилии правильное имя.

Если, записывая, вам легче запомнить, то можно записать имена и фамилии на месте пробелов. Когда вас попросят остановиться, вы должны перевернуть страницу.

Имя	*Фамилия*	*Имя*	*Фамилия*
Мэри	Браун	______	______
Джон	Дэйвис	______	______
Руфь	Престон	______	______
Фред	Смит	______	______

В первом ряду записано правильное имя. Заполните остальные пробелы правильными именами.

Имя	*Фамилия*
Руфь	Престон
________	Браун
________	Смит
________	Дэйвис

Тест состоит из двадцати имен и фамилий.

Гениальный ребенок взрослеет

Жизнь и будущее многих детей в какой-то степени зависят от результатов тестирования их умственных способностей в возрасте 11 лет, поэтому мы имеем полное право знать, насколько точно тесты могут предсказать способности ребенка. Это очень важный вопрос, который не стоит путать с еще одним вопросом — о том, насколько умственные способности определенной группы детей соотносятся с достижениями этой группы в будущем. Далее я хотел бы объяснить разницу между этими двумя проблемами, на которые многие психологи не обращают внимания. Предположим, что мы попросили выполнить тест на проверку умственных способностей 1000 солдат, претендующих на офицерский чин. После выполнения этого теста все они были направлены в ОКУЧ (офицерско-кадетская учебная часть) для прохождения специальных курсов. Некоторые кандидатуры по результатам курсов были отклонены, а некоторые — одобрены для прохождения дальнейшей подготовки. Мы можем сравнить результаты наших тестов и курсов в ОКУЧ и, следовательно, сказать, насколько по результатам тестирования можно судить об успехе в ОКУЧ.

Теперь давайте рассмотрим другой пример. Предположим, что мы попросили выполнить тест на проверку умственных способностей сыновей армейских офицеров, которым по шесть лет, но которым родители уже прочат блестящую военную карьеру. Предположим также, что случилось невозможное и все эти дети позже решили посвятить себя армии. После еще одного теста они были направлены для учебы в ОКУЧ. На основе теста на проверку умственных способностей шестилетних детей можно сделать выводы об их успехе в ОКУЧ, также можно предсказать результаты по тесту, который проводился непосредственно перед началом учебы в ОКУЧ. Если IQ детей со времени их первого тестирования в шестилетнем возрасте до момента второго тестирования в возрасте, скажем, двадцати лет остался неизменным, то очевидно, что как по первому, так и по второму тесту можно судить о будущем успехе в ОКУЧ, поскольку результаты этих тестов должны быть одинаковыми. Но если IQ с возрастом изменяется, то по тесту на проверку умственных способностей в возрасте шести лет никак нельзя судить о результатах тестирования в возрасте двадцати лет, нельзя также предсказать результаты прохождения подготовки в ОКУЧ. Если IQ — величина постоянная, то результаты тестирования умственных способностей ребенка могут свидетельствовать о его достижениях в будущем. Если же IQ — все-таки величина переменная, то тесты все равно будут полезны для измерения и сравнения способностей ребенка или взрослого со способностями их сверстников, но их нельзя будет использовать для определения статуса человека в будущем. Таким образом, сначала мы должны узнать степень постоянства IQ.

Многим может показаться, что в этом нет никакой необходимости. Большинство людей убеждены, что IQ — это величина постоянная, поэтому не стоит разграничивать две задачи тестирования, которые мы можем условно назвать *измерением* умственных способностей и *прогнозированием* уровня умственных способностей. Но к сожалению наука доказывает обратное. В этой области было проведено немало исследований, в том числе и классическое исследование Дирборна и Ротни, которое заключалось в том, что ученые наблюдали за результатами тестов определенной группы детей из года в год и анализировали изменения IQ. Учитывая, что в целом было проведено 30 подобных исследований, их результатам стоит верить. Корреляция между тестом и повторным тестом обратно пропорциональна промежутку времени между двумя тестами. В случае с правильно составленным, надежным тестом, каким, несомненно, является тест

Стэнфорд-Бине, коэффициент корреляции между первым и повторным тестированием составит 0,95, если промежуток времени между ними не превысит недели.

Если со времени первого тестирования пройдет год, то корреляция снизится до 0,91, через два года — до 0,87. С каждым дополнительным годом корреляция будет снижаться на 0,04 пункта, поэтому при перерыве между тестами в три года корреляция будет составлять 0,83, при перерыве в четыре года она составит 0,79, после десятилетнего перерыва коэффициент уменьшится до 0,55. Следует заметить, что коэффициент корреляции 0,55, слишком низок для того, чтобы использовать его для прогноза.

Между тем эти цифры имеют смысл лишь при определенных возрастных рамках. Корреляция между тестами, проводимыми до достижения ребенком шести лет, значительно ниже, чем показывают приведенные выше цифры. По результатам тестирования ребенка в возрасте до двух лет вообще ничего нельзя сказать о его умственных способностях, когда он станет взрослым. В возрасте трех-четырех лет уже можно говорить о способностях ребенка в будущем, но коэффициенты корреляции настолько маленькие, что эти предположения не представляют никакой практической ценности. В целом следует отказаться от тестирования умственных способностей ребенка в возрасте до шести лет, поскольку его результаты могут внушить как необоснованные страхи за будущее ребенка, так и ничем не обоснованную уверенность в его будущих успехах. С другой стороны, вполне логично будет заключить, что по результатам тестирования детей старше 15 лет можно судить об их результатах по тестам даже по прошествии тридцати лет. Установлено, что корреляция между тестом, который проводился в подростковом возрасте, и тестом, проводившимся спустя 30 и более лет, должна составить примерно 0,8 при условии, что центральная нервная система не будет повреждена.

Возможно ли рационализировать все вышеперечисленное и прийти к какой-либо общей гипотезе? Андерсон показал, каким образом можно обобщить все имеющиеся результаты. Давайте представим детские умственные способности в определенном возрасте как некий денежный фонд. По мере взросления ребенка его способности развиваются и, следовательно, фонд пополняется новыми денежными поступлениями. По достижении ребенком подросткового возраста денежные средства перестают поступать в фонд. Предположим также, что мы можем точно измерить способности ребенка, или, согласно нашей аналогии, пересчитать все деньги в фонде.

Если исходить из того, что IQ — величина постоянная, то количество денег, вносимых в фонд каждый год (развитие способностей ребенка), будет находиться в постоянной пропорции к общей сумме денег, уже имеющихся в фонде. Так, если фонд составляет 20 денежных единиц, то каждый год к ним будет прибавляться по 2 единицы, если в фонде 60 денежных единиц, то с каждым годом он будет пополняться на 6 единиц и т.д.

Согласно противоположной гипотезе, годовые денежные поступления не связаны с существующим фондом, то есть, другими словами, если у ребенка денежный фонд невелик, то это вовсе не означает, что в какой-то определенный год в него не поступит больше денег, чем в крупный денежный фонд другого ребенка в тот же год. На самом деле, согласно результатам многочисленных наблюдений, именно это и происходит. Когда ребенок еще очень маленький, его фонд тоже мал и денежное поступление может по сумме сравняться с суммой всего фонда. Но если суммы поступлений не связаны с количеством денег в фонде, то мы не можем, зная размер фонда двухлетнего ребенка, предсказать, насколько он увеличится, когда ребенку исполнится три года. По мере того как ребенок растет, абсолютная величина фонда возрастает, а относительная величина денежных поступлений становится все менее и менее важной. К тому моменту, когда ребенок становится подростком, фонд собран, и денежных поступлений больше нет. Соответственно, прогнозы относительно умственных способностей ребенка в будущем становятся более точными по мере того как он взрослеет, так как фонд накопленных им способностей по важности превосходит относительно небольшие поступления, вносимые в течение последних нескольких лет.

Из всех этих рассуждений можно сделать вывод, что существующие тесты на проверку умственных способностей, в основу которых заложен факт постоянства IQ, могут точно измерить интеллектуальные способности маленького ребенка, но не мо-

гут предсказать его достижений в будущем. Очевидным будет заключение, что если мы захотим определить как имеющиеся на данный момент способности ребенка, так и его будущие способности, то не сможем этого сделать на основании одного теста. Вероятно, их понадобится два: один — чтобы установить размер фонда, а второй — чтобы определить величину поступлений в него.

Это довольно непростая задача. Чтобы определить умственные способности ребенка на настоящий момент времени, нам всего лишь нужно их измерить и сравнить с умственными способностями других детей этого же возраста. Чтобы сделать прогноз на десять лет вперед, необходимо наблюдать в течение десяти лет за целой группой детей, умственные способности которых нужно будет определить в начале взятого периода и в конце. Ясно, что это более трудный и дорогостоящий процесс. Однако подобные наблюдения уже проводились и результаты вполне очевидны. Оказалось, что составляющие теста, которые прекрасно подходят для измерения умственных способностей ребенка на один момент времени, совершенно неприемлемы для предсказания его способностей в будущем, и наоборот, составляющие теста, с помощью которых нельзя точно определить способности ребенка в настоящий момент, подходят для определения его будущего статуса. Следовательно, можно составить тесты, которые прогнозировали бы умственные способности ребенка, скажем, через десять лет, но они будут значительно отличаться от существующих. Таким образом, постоянство IQ — нечто из области мифов, и если понимать это постоянство слишком буквально, можно серьезно запутаться в проблеме. Прогнозы в области умственных способностей делать гораздо труднее, чем это может показаться на первый взгляд. Понадобится не одно исследование, чтобы сказать более или менее уверенно, каким будет IQ маленького Джонни, когда он подрастет, или будет ли Нелли по-прежнему умственно отсталой, когда станет девушкой.

Современные тесты на проверку умственных способностей вполне подходят для определения будущих успехов взрослых людей и подростков. И только в случае с детьми в возрасте от шести до десяти лет эти тесты не совсем адекватны, а в случае с детьми, которым еще нет шести, они совершенно бесполезны.

Но, возможно, интересно будет узнать, насколько успешно по крайней мере одно из исследований справилось с прогнозированием будущего большой группы одаренных детей. Чтобы оценить реальный успех исследования, которым занимались Термен и его коллеги из Стэнфордского университета, нужно учитывать тот факт, что они использовали самые первые тесты, во многом уступающие современным. Но тем не менее читатель, возможно, будет удивлен, узнав, что даже с помощью грубых инструментов пятнадцатилетней давности можно было сделать достаточно точный прогноз будущего группы одаренных детей.

Термен поставил перед собой следующую задачу. Какие физические, психические и личностные черты характеризуют одаренных детей и кем становится ребенок, когда взрослеет? С помощью различных процедур отбора из четверти миллиона школьников были отобраны 1500 детей, которые наиболее успешно справились с тестовыми заданиями. Практически у всех этих детей IQ был 140 и выше; самой одаренной оказалась девочка с IQ около 200. Относительно детей была собрана информация самого различного рода. Родителей попросили заполнить бланк на 12 страницах, в котором им нужно было ответить на вопросы, касающиеся процесса развития ребенка, обстоятельств его рождения, особенностей его кормления в младенчестве, возраста, в котором он начал ходить и говорить, болезней, нервных симптомов, обучения дома и так далее. Похожий бланк попросили заполнить и учителей тестируемых детей. Был произведен тщательный медицинский осмотр каждого ребенка: проверяли зрение, слух, осанку, зубы, сердце, легкие, психическое состояние. Было сделано 37 антропометрических измерений. Отобранным школьникам предложили выполнить серию тестов, чтобы оценить их успеваемость в школе. Портрет каждого ребенка довершали результаты по тестам на определение его характера и интересов, а также сведения о прочитанной им за последние два месяца литературе.

Хотя у мальчиков и девочек были одинаковые шансы попасть в группу одаренных детей, количество мальчиков превысило количество девочек в соотношении 115:100. Термен исключает возможность предубежденного отношения при отборе детей. Веро-

ятность того, что мальчики в целом действительно умнее девочек, по результатам тестов исключена, так как исследовательская работа в этой области доказывает обратное. Скорее всего, среди мальчиков просто больше противоположностей, чем среди девочек, из мальчиков вырастает много как очень умных, так и глупых людей. Это предположение подтверждается исследованиями, проводившимися Томпсоном в Шотландии, которые касались людей обоих полов всех возрастов. Согласно этим исследованиям умственные способности мальчиков более разнообразны. То, что среди мужчин больше как гениев, так и сумасшедших, еще раз подтверждает нашу гипотезу, кроме того, существуют очевидные исторические и социальные факты, которые также свидетельствуют в ее пользу.

Результаты физических измерений и медицинского осмотра противоречат широко распространенной точке зрения по поводу одаренных детей. Эта точка зрения известна как гипотеза «компенсации» — другими словами, раз умный ребенок одарен высокими умственными способностями, значит, он должен быть обделен чем-нибудь другим. Предполагается, что он очень низкого роста, болезненного вида, имеет впалую грудную клетку, сутулится, носит очки, что он неуклюжий, нервный, напряженный и слишком серьезный. С другой стороны, согласно этой точке зрения, нехватка умственных способностей у обычного ребенка должна компенсироваться качествами характера, здоровьем и телосложением, по которым он превосходит одаренного сверстника. Факты, собранные Терменом, опровергают эту гипотезу. В целом группа одаренных детей превосходила обычных американских детей по показателям роста и веса, объему грудной клетки, ширине в плечах, мускульной силе. Также оказалось, что у одаренных детей намного меньше проблем со здоровьем, а количество случаев нервных срывов, тиков и заикания среди них не превышает количество подобных случаев среди обычных детей соответствующего возраста. Все эти факты свидетельствуют о том, что вместо закона *компенсации* мы имеем в данном случае дело с законом *корреляции*: дети с лучшими умственными способностями оказываются также лучшими в отношении всех остальных исследовавшихся Терменом качеств.

Оказалось, что школьная успеваемость одаренных детей намного выше, чем у их сверстников, в целом на 44 процента выше

нормы, или, другими словами, общий уровень знаний одаренного ребенка равнялся уровню знаний среднего ребенка, который был на 44 процента старше. В случае с интересами одаренного ребенка выяснилось, что круг интересов интеллектуального и социального характера у него шире, чем у обычного ребенка, а хобби и увлечения такие же, как у сверстников.

Детям были предложены различные тесты на определение типа характера и личности. На каждого ребенка учителя написали характеристику, в которой высказали свое мнение о моральных, психических и социальных качествах ребенка. Согласно этим оценкам одаренные дети были во многом лучше обычных детей. Наиболее сильно это проявлялось в случае с волевыми качествами (сила воли, настойчивость, желание совершенствоваться, уверенность в себе, терпеливость и предусмотрительность), немного меньше — в случае с эмоциональными качествами (чувство юмора, бодрость, оптимизм, ровное настроение) и моральными (сознательность, доверие, сострадание, нежность, щедрость и человеколюбие). В социальном отношении одаренные дети превосходили обычных детей в сферах лидерства и популярности. Наблюдения показали, что они более общительны и не склонны к тщеславию.

Факты, представленные в характеристиках детей, подтверждаются результатами объективных тестов. Так, было обнаружено, что 67 процентов одаренных детей превосходили обычных в отношении эмоциональных качеств; примерно столько же одаренных детей показали одинаковые или лучшие результаты по тестам на эмоциональную устойчивость. С помощью других тестов удалось выяснить, что одаренные дети превосходят обычных по многим показателям. По сравнению со сверстниками, которые не были отобраны для эксперимента, мальчики и девочки с высокими умственными способностями не так часто хвастались или переоценивали свои возможности, не так часто списывали на тестах, больше читали. В целом по результатам всех тестов одаренный девятилетний ребенок обладал теми же качествами и способностями, что и обычный ребенок 12 лет.

Через шесть лет была проведена повторная серия исследований. В результате оказалось, что в целом картина группы не изменилась. Дети по-прежнему показывали очень высокий уровень

интеллектуальных способностей, IQ немного понизился, причем у девочек больше, чем у мальчиков. Школьная успеваемость осталась на том же уровне, одаренные дети по-прежнему превосходили своих сверстников по физическим, психическим и личностным качествам.

За этим исследованием было проведено еще несколько, последнее из которых состоялось четверть века спустя после начала эксперимента. Теперь можно проанализировать показатели группы, средний возраст которой составляет 35 лет. Результаты в целом похожи на итоги исследований, проводившихся, когда члены группы были еще детьми. Если мы начнем с самых объективных данных, а именно с физических измерений, то окажется, что средний рост выбранных для эксперимента мужчин составлял 5 футов 11 дюймов[1]. Для сравнения: средний рост призывников армии США составлял 5 футов 8 дюймов, а средний рост сверстников, которые не были выбраны для эксперимента, равнялся 5 футам 9 дюймам.

Женщины из группы также оказались выше, чем американки, которые не были выбраны, рост их составил 5 футов 5 дюймов и 5 футов 4 дюйма соответственно.

Общее состояние здоровья участников экспериментальной группы в целом не изменилось. Термен делает вывод, что «показатели общего состояния здоровья, роста и веса у группы одаренных людей такие же или лучше, чем у обычных людей».

Возможно, больший интерес по сравнению с физическими измерениями представляют данные, которые касаются психического здоровья. Согласно теории «компенсации», очень умные люди подвержены нервным и другим психическим расстройствам. Известная пословица, согласно которой гениальность граничит с безумием, часто используется как неоспоримый факт, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств в ее пользу. На основе медицинских карт были проанализированы психические изменения мужчин и женщин из одаренной группы. Были выделены три категории: 1) удовлетворительное психическое состояние; 2) небольшие психические отклонения; 3) серьезные психические отклонения. Люди, входящие в третью категорию (3), были разделены на подкатегории: без психозов (3а) и с психозами (3б). Критерием для отнесения человека в последнюю категорию служили данные медицинской карты, согласно которым нервный срыв был настолько сильным, что понадобилась госпитализация.

[1] Фут — единица длины в системе английских мер, равная 0,3048 м; дюйм — дольная единица длины в системе английских мер, равная 0,0254 м. — *Прим. ред.*

Пол в данном случае не играл существенной роли. Термен сравнил истории болезни мужчин и женщин и обнаружил, что у 81 процента как мужчин, так и женщин наблюдалось удовлетворительное психическое состояние; у 15 процентов появились небольшие психические отклонения; у 3 процентов были серьезные отклонения без психозов; и только у 1 процента (а точнее сказать, 0,81 процента) наблюдались серьезные отклонения с психозами. Таковы были цифры в 1940 году, а в 1945-м количество случаев, подпадающих под третью категорию, увеличилось до 4 и 1,29 процента соответственно.

Сравнительные цифры очень трудно получить, и в нашем распоряжении есть только данные о количестве случаев сумасшествия среди населения. В 1940 и в 1945 годах был проведен сравнительный анализ, который показал, что «для обоих полов вероятность случаев сумасшествия среди одаренных людей немного меньше, чем среди обычных людей». Термен утверждает, что «среди одаренных людей во всех категориях с умственными отклонениями, включая и категорию 3б, имеется на удивление большое количество людей, психическое здоровье которых либо улучшилось, либо полностью пришло в норму. Можно предположить, что высокие умственные способности были одним из факторов выздоровления». Это утверждение не основано на сравнительном анализе данных, поэтому читателю следует обратиться к главе «Эффекты психотерапии», в которой представлены доказательства того, что подобное быстрое выздоровление скорее правило, чем исключение. Термену не удалось установить корреляцию между данными о психических изменениях и детским IQ, но зато он обнаружил связь между психическими отклонениями и уровнем образования.

Теперь мы можем обратиться к результатам тестирования умственных способностей субъектов эксперимента в возрасте 30 лет.

Сравнить IQ очень сложно из-за определенных статистических соображений. IQ, представляющий собой отношение ум-

ственного возраста к хронологическому, имеет смысл в том случае, когда умственный возраст ребенка растет вместе с хронологическим. IQ нельзя использовать в более позднем возрасте, когда умственный возраст либо остается неизменным, например, в шестнадцать лет, либо начинает уменьшаться, скажем, в лет сорок. Хотя для маленьких детей есть много хорошо стандартизированных тестов, они практически не составляются для взрослых, а тесты, имеющиеся в наличии, плохо стандартизированы. Но тем не менее все эти трудности можно преодолеть с помощью статистических методов, которые я не буду здесь подробно рассматривать. Достаточно сказать, что по приблизительным расчетам Термена средний IQ взрослых людей составил 135, то есть явно снизился на 17 пунктов по сравнению с IQ этих же людей в детском возрасте.

Термен рассматривает три причины снижения IQ. Первая заключается в ошибках измерения; вторая — в невозможности в двух тестах, один из которых проводился с детьми, а второй — со взрослыми, точно измерить одни и те же качества; а третья заключается в изменениях по мере взросления и влиянии окружающей среды и образования. «Вероятно, реальное снижение IQ, без учета ошибок измерения и неспособности тестов измерить одни и те же функции, составляет пять-десять пунктов». Однако это лишь результаты в среднем по группе — IQ отдельных детей либо повысился, либо стал ниже цифры, высчитанной Терменом. В целом же видно, что первоначальный тест в какой-то степени справился с задачей определения интеллектуальных способностей детей в будущем.

Как это ни странно, но он также смог предсказать успехи одаренных детей в образовательной сфере. Приблизительно 90 процентов одаренных мужчин и 86 процентов одаренных женщин поступили в колледжи, а 70 процентов и 67 процентов соответственно стали их выпускниками. Эти показатели в восемь раз превышают средние цифры по Калифорнии. Мужчины и женщины из экспериментальной группы в среднем успевали в колледже лучше, чем обычные студенты, но не так хорошо, как этого следовало ожидать от людей с очень высокими умственными способностями. У тех, кто сдал выпускные экзамены в колледже, IQ в детстве был более высоким, чем у тех, кто провалился

на экзаменах. Более существенные различия в IQ наблюдались между студентами, которые добились больших успехов в колледже, и теми, кто учился удовлетворительно или плохо успевал.

Интересно сравнить профессиональный статус и уровень доходов экспериментальной группы с достижениями обычных представителей общества. Из группы одаренных людей 45 процентов стали «квалифицированными работниками» (в среднем по Калифорнии эта цифра составила 6 процентов); 26 процентов были заняты на руководящих постах и в крупном бизнесе (в среднем по Калифорнии эта цифра равнялась 8 процентам). С другой стороны, только 6 процентов были заняты в розничной торговле и мелком бизнесе (в среднем в этих сферах было занято 32 процента населения Калифорнии). Только 10 процентов работали в сферах торговли и производства, которые не требовали профессиональной подготовки и специальных знаний, в отличие от 18 процентов в среднем по Калифорнии. Таким образом, в сфере, требующей профессиональной подготовки, одаренных людей занято в восемь раз больше, чем этого можно было ожидать. Одаренные субъекты также оказались в лучшем положении по сравнению с другими выпускниками колледжей: 71 процент одаренных выпускников и 55 процентов обычных учащихся сделали хорошую профессиональную карьеру. «В заключение хочется отметить, что члены экспериментальной группы, как выпускники, так и не выпускники колледжей, заняли большее количество рабочих мест, требующих ответственности и выдающихся лидерских способностей, чем обычные выпускники колледжей». В случае с безработицей было обнаружено, что в 1940 году безработица среди мужчин из группы составляла менее 1 процента, в то время как общий уровень этого социального явления в Калифорнии составлял 11 процентов.

Был проведен сравнительный анализ детского и взрослого IQ мужчин различных профессий. Различия в детском IQ были весьма незначительными, в среднем он составлял 153,2 у мужчин, занятых в профессиональной сфере, 152,6 у мужчин, занятых в полупрофессиональной сфере и крупном бизнесе, и 150,3 у клерков и мужчин, работающих в сфере розничной торговли. У неквалифицированного персонала IQ в детстве составлял 146,8 пунк-

та. Тест на проверку умственных способностей в зрелом возрасте имел более прямое отношение к профессиям субъектов эксперимента. IQ у группы людей, занятой в профессиональной сфере, был намного выше, чем IQ других групп. Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что тесты, предназначенные для измерения умственных способностей на настоящий момент времени, не так точны в прогнозе умственных способностей в будущем.

Те же результаты, что и у мужчин, были получены в случае с женщинами. Между профессиональным статусом и детским IQ либо не было вообще никакой связи, либо она была очень незначительна, но наблюдалась прямая зависимость между результатами по тесту на проверку умственных способностей в зрелом возрасте и профессиональным статусом. Так, женщины, занятые на весьма высокооплачиваемой работе, преподаватели университетов набрали очень много баллов. На втором месте оказались работницы социальной сферы, библиотекари, медсестры, писательницы и журналистки; на третьем — школьные учителя, а самое меньшее количество баллов по тестам набрали женщины, работающие клерками в офисах, и домохозяйки.

В целом доходы одаренных мужчин и женщин превышали средние доходы выпускников колледжей соответствующего возраста, в свою очередь превышающие средние доходы мужчин и женщин Калифорнии. В 1940 году средний годовой доход людей из экспериментальной группы в возрасте 30—39 лет составлял почти 1000 фунтов стерлингов, что на 100 фунтов стерлингов больше среднегодового дохода выпускников колледжей. В 1945 году оказалось, что случаев доходов в размере 2500 фунтов стерлингов зарегистрировано в восемь раз больше, чем можно было предположить. Уровень доходов почти половины отобранных для эксперимента людей равнялся 2000 фунтов стерлингов; только у 7 процентов американских семей доход составлял примерно столько же.

Не остается никаких сомнений в том, что одаренные мужчины и женщины получили лучшие рабочие места и заработали гораздо больше денег, чем другие выпускники колледжей или чем средний житель Калифорнии. Отчасти это можно, конечно, объяснить тем фактом, что у одаренных детей родители также в

свое время сделали профессиональную карьеру. Но тем не менее было обнаружено, что профессиональную карьеру сделали больше одаренных мужчин, чем их родителей.

В случае с количеством браков и возрастом вступления в брак группа одаренных людей практически не отличается от остального населения. Но количество браков значительно больше, а возраст вступления в брак ниже, чем у выпускников колледжей в целом. К 1945 году 14 процентов мужчин и 16 процентов женщин развелись или стали жить отдельно от супругов. Скорее всего, процент разводов у экспериментальной группы ниже, чем среди обычного населения, однако точных цифр нет. Интересен тот факт, что умственные способности супругов, которых выбрали себе люди из экспериментальной группы, приблизительно равны уровню способностей выпускников колледжей. Но выше среднего оказался уровень не только супругов — умственные способности их детей также превышали обычные показатели, в среднем их IQ составлял 128 пунктов. Среди этих детей количество тех, чей IQ был 150 и выше, примерно в 28 раз больше, чем количество подобных случаев среди детей, чьи родители не были отобраны для эксперимента.

С учетом вышесказанного может показаться, что все описываемые здесь достижения были результатом только высоких умственных способностей. Но очевидно, что это не так. Кроме таких факторов, как удача, возможности и семейные традиции, немаловажную роль играет эмоциональная устойчивость человека, неважно, является ли он очень умным или посредственным. Термен подтвердил этот факт с помощью еще одной серии исследований. Он решил провести сравнительный анализ только среди мужчин, так как достижения женщин гораздо труднее оценить. Вместе с ним над проблемой работали три независимых наблюдателя, которые изучали достижения 730 одаренных мужчин в возрасте 25 лет и старше и определяли, насколько они преуспели в жизни.

Критерием успеха стала степень использования субъектом своих высоких интеллектуальных способностей. На основе исследований все мужчины были распределены в три группы. Первая группа состояла из 20 процентов, добившихся наибольшего успеха в жизни, вторая группа — из 60 процентов людей, кото-

рые добились среднего успеха, и третья — из 20 процентов неудачников. «В каждой из противоположных групп, обозначенных А и С, находилось по 150 мужчин примерно одинакового возраста. Был проведен сравнительный анализ этих двух групп на основе примерно 200 пунктов информации, собранной о них в период с 1922 по 1940 год». Во время учебы в младших классах группы А и С не отличались друг от друга и их оценки в школе были одинаковыми. Группа А показывала немного лучшие результаты по контрольным и тестам. В старших классах между этими двумя группами стали проявляться различия, но только во время учебы в колледже эти различия достигли таких размеров, что провал группы С стал очевиден. Интересно, что фиаско группы С нельзя объяснить снижением уровня умственных способностей, так как они по-прежнему мало чем отличались от умственных способностей группы А.

Возможно, причиной наблюдаемых различий является психическое здоровье. Стоит отметить, что еще в детстве среди членов группы С было в три раза больше детей с нервными симптомами, чем в группе А. У группы А также были лучшие показатели в отношении настойчивости, предусмотрительности, уверенности, силы воли и стремления к совершенствованию по сравнению с группой С. Сведения о психическом состоянии, полученные уже в зрелом возрасте, только подтверждают это. Количество случаев незначительных психических отклонений в два раза больше среди группы С, а количество серьезных психических отклонений в этой группе в 9 раз больше, чем в группе А. Эти данные представляют немалый интерес и очень важны. Восемнадцать лет назад, до классификации одаренных мужчин на основе их жизненного успеха, учителя и родители смогли определить индивидуальные различия, с помощью которых позже были охарактеризованы две разные группы. Очевидно, что если мы хотим сделать прогноз на будущее, то следует обращать внимание не только на интеллектуальные качества ребенка.

В плане межличностной адаптации группа С явно уступала группе А. Члены последней чаще проявляли свои лидерские способности; количество браков среди членов группы С было меньше, чем среди членов группы А; количество разводов в группе С

в два раза превышало количество разводов в группе А; члены группы А и их жены были более счастливы в браке.

Для группы С также была характерна безработица и частая смена работы без продвижения по служебной лестнице. Многие члены группы С признались, что их не устраивала работа, которой они занимались, и что они предпочли бы заняться чем-либо другим. Эти данные показывают, что люди работали явно не на своем месте. Термен видит причину этого в заниженной самооценке.

Характеристики, данные самими членами групп, их женами, родителями и коллегами по работе, указывают на то, что группа А превосходила группу С в отношении настойчивости, уверенности и целеустремленности. Комплекс неполноценности у них не был развит так, как у членов группы С, они лучше выглядели, были более внимательны, любознательны, остроумны, быстрее реагировали и были более оригинальны и дружелюбны. Однако самым заметным отличием группы А от группы С являлось желание первой группы добиться полной социальной совместимости с остальным обществом. Таким образом, успех очень сильно зависит от эмоциональной стабильности человека.

Принимая во внимание известную гипотезу о безумстве гениев, интересно будет сравнить людей с IQ 170 и выше с остальными членами, выбранными для эксперимента. Данные о нервных симптомах и случаях психических отклонений среди самых одаренных членов группы практически совпадают с данными по всей группе в целом. Принимая во внимание все вышесказанное, можно сказать, что для субъектов с самым высоким IQ была характерна такая же хорошая социальная совместимость, как и для остальных членов тестируемой группы.

Таким образом, утверждение о том, что «гениальность» непосредственно связана с «безумством», не имеет под собой никаких оснований.

В целом этот обзор всесторонних исследований Термена указывает на то, что даже с помощью относительно примитивных тестов, которые использовались во времена Первой мировой войны, можно было довольно успешно предсказать будущие успехи в образовательной и профессиональной сфере. Исходя из фактов, приводившихся в начале этой главы, можно сделать вывод,

что тесты, специально составленные для прогнозирования достижений человека в будущем, а не для измерения его умственных способностей на настоящий момент времени, справились бы с подобными предсказаниями гораздо лучше. Понимание этого факта представляет большую важность. Многие люди критикуют тесты умственных способностей, считая их несерьезными и полагая, что они никак не связаны с вещами, которые мы считаем важными в жизни. Подобным утверждениям трудно возразить на чисто теоретической основе. Наилучшим способом является, возможно, перечисление, разъяснение и суммирование результатов экспериментов, что, собственно, и было сделано в этой главе. Мы не должны пренебрегать ничем, что может помочь нам прогнозировать будущие достижения человека так же хорошо, как старый тест Бине. Мы можем утверждать, что этот тест далек, очень далек от совершенства, что нужно проделать немало работы, прежде чем он станет инструментом точного прогнозирования. Но тем не менее на данный момент в нашем распоряжении нет другого метода предсказания, лучшего или равного правильно составленному тесту, результаты которого можно проанализировать в свете всей имеющейся информации психологического и статистического характера. Тестирование показывает, что гениальный ребенок впоследствии становится очень умным человеком, и только эмоциональная нестабильность и психические отклонения могут помешать ему стать специалистом своего дела или талантливым руководителем.

Падает ли национальный уровень умственных способностей?

В течение последних двадцати лет многие психологи бьют тревогу: они обнаружили, что средний уровень интеллекта в Великобритании и других западных странах падает. Подобные выводы основаны на довольно простой цепочке умозаключений. Во-первых, считается, что умственные способности — это наследственное качество. Во-вторых, известно, что у более умных людей, как правило, меньше детей, чем у обычных людей. Если подобные тенденции будут иметь место и в дальнейшем, то наследственные гены, которые отвечают за высокие умственные способности, могут просто «выродиться», и постепенное снижение уровня умственных способностей будет неизбежно. Представляются доказательства того, что это уже происходит и сейчас. Например, некоторые психологи утверждают, что за последнее время увеличилось количество людей с умственными отклонениями. Подобные аргументы нелегко опровергнуть, так как они подкрепляются большим числом экспериментальных исследований. Если результаты этих исследований все-таки окажутся верными, то перед нами возникает проблема, по сравнению с которой угроза инфляции или долларовая пропасть — это всего лишь временные неудобства, недостойные внимания.

Однако прежде чем делать печальные выводы, давайте рассмотрим все факты, а еще лучше (и это, возможно, более важно) — то, что стоит за этими фактами. В первую очередь мы попробуем разобраться в вопросе наследуемости умственных способностей. Психологи немало спорили по этому поводу, но большинство представленных аргументов были малоубедительны. Например, в качестве доказательства приводили случай с американским солдатом, у которого было два ребенка — от умственно отсталой проститутки и от законной жены.

Как в первом, так и во втором случае у этих двух детей родилось потомство. Дети, внуки и правнуки нормальной матери были обычными богобоязненными американцами, причем некоторые из них даже стали удачливыми предпринимателями или сделали блестящую профессиональную карьеру. Потомки проститутки, напротив, выросли глупыми, некоторые стали преступниками, а по женской линии — проститутками. У многих из них также наблюдались умственные отклонения. Генеалогические древа, похожие на это, часто приводятся как доказательство врожденной природы умственных способностей. В стороне остается тот факт, что невозможно вернуться в прошлое на пару веков назад и убедиться, в самом ли деле незаконная жена солдата была умственно отсталой. Вряд ли можно также полностью восстановить подобное генеалогическое древо без ошибок. В данном случае, очевидно, те, кто полагает, что умственные способности человека обусловлены средой, в которой он живет, найдут в этой истории столько же фактов, подтверждающих их теорию, сколько и

те, кто убежден в наследуемости умственных способностей. Постепенно все больше людей осознает, что одинаковый уровень интеллекта родителей и детей вовсе не указывает на то, обусловлено это наследственными факторами или нет. Поэтому мы должны найти более убедительные доказательства.

Я не буду подробно останавливаться на различных методах, которые были предложены для этой цели, так как все они практически так же неверны, как и «метод генеалогического дерева». Рассмотрю лишь те, которые даже самому упрямому скептику покажутся убедительными. Первый метод, с которого стоит начать, — близнецовый. В данном случае очевидно, что природа зачастую намного изобретательнее человека. Существует два типа близнецов. Однояйцевые близнецы появляются вследствие того, что оплодотворенная женская яйцеклетка разделяется на две части, которые развиваются в двух независимых, отдельных младенцев с одинаковой наследственностью, благодаря которой их нельзя отличить друг от друга. Разнояйцевые близнецы появляются тогда, когда в матке случайно оказываются две яйцеклетки, каждая из которых одновременно оплодотворяется разными сперматозоидами; в результате на свет появляются два отдельных и независимых друг от друга младенца, которые могут быть не похожими друг на друга. Другими словами, общие наследственные черты у них составляют только 50 процентов. Эти близнецы могут быть как однополыми, так и разнополыми; однояйцевые близнецы всегда однополые.

Хотя это довольно непросто, но все-таки можно выяснить, является ли та или иная пара близнецов однояйцевыми или разнояйцевыми. Тип близнецов можно точно определить с помощью группы крови, отпечатков пальцев и других физических соответствий. Однако существует вероятность, причем весьма небольшая, того, что разнояйцевые близнецы могут случайно походить друг на друга по всем исследуемым параметрам, и в этом случае их ошибочно можно принять за однояйцевых близнецов.

Близнецовый метод основан на том, что к близнецам, неважно, однояйцевым или разнояйцевым, в семье относятся одинаково. Они получают одинаковое воспитание, ходят в одну и ту же школу, читают одинаковые книги, у них общие друзья, они общаются с одними и теми же людьми и т.д. Таким образом, наш аргумент представляется в виде простого уравнения. Различия между однояйцевыми близнецами можно объяснить влиянием окружающей среды. Различия между разнояйцевыми близнецами можно объяснить как влиянием окружающей среды, так и наследственностью. Если бы умственные способности никоим образом не зависели от наследственности, то на различия между однояйцевыми близнецами влияла бы только окружающая среда. Другими словами, однояйцевые близнецы отличались бы друг от друга настолько же, насколько разнояйцевые. Но чем большую роль играет наследственность, тем больше по сравнению с однояйцевыми должны отличаться разнояйцевые близнецы. Мы можем установить сходство среди двух пар близнецов с помощью коэффициента корреляции, который варьирует от *нуля*, если сходство отсутствует, до *единицы*, если сходство оказывается полным. Измерив умственные способности однояйцевых и разнояйцевых близнецов (при условии, что последние будут однополыми, для того чтобы их было легче сравнивать с однояйцевыми), мы обнаружим, что корреляция между однояйцевыми близнецами составляет примерно 0,95, а между разнояйцевыми — около 0,65. Корреляция между первым и вторым однояйцевым близнецом будет такой же высокой, как между ребенком, который тестировался сегодня, и тем же ребенком, тестируемым неделю спустя. Другими словами, однояйцевые близнецы идентичны друг другу, насколько это возможно. Разнояйцевые же значительно отличаются друг от друга, и отсюда неизбежно следует тот факт, что умственные способности во многом определяются наследственностью. При определении умственных способностей можно примерно высчитать процентное соотношение факторов наследственности и окружающей среды: так, влияние первого составляет около 80 процентов, влияние второго, соответственно, около 20 процентов. Позже я еще вернусь к этому вопросу и попытаюсь выяснить, так ли это на самом деле, а сейчас перехожу ко второму методу доказательства.

Это так называемый метод сироты. В случае с близнецами мы имели дело с одинаковой наследственностью, а в случае с сиротами мы имеем дело с детьми, чье окружение идентично, насколько это возможно. Каждый, кто хоть раз побывал в типичном детском доме, с некоторой долей ужаса вспомнит полное сходство

жилищных условий, одежды, еды, методов образования, которое неизбежно сказывается на детях. Предположим, что все дети провели в определенном детском доме всю жизнь, начиная с самого раннего возраста. В данном случае, основываясь на гипотезе окружающей среды, мы можем с уверенностью сказать, что умственные способности этих детей должны быть примерно одинаковыми, поскольку они росли в одной и той же среде. Идентичность среды, разумеется, главным образом сказывается на интеллектуальных способностях ребенка, так как все дети читают одни и те же книги и периодические издания, все получают одинаковый объем образования, все общаются с одними и теми же людьми. Если различия в окружающей среде являются причиной разных умственных способностей детей, то в случае с идентичными условиями окружающей среды дети либо вообще не будут отличаться друг от друга, либо будут отличаться незначительно. С другой стороны, если умственные способности в первую очередь определяются наследственностью, то следует ожидать, что интеллектуальные достижения детей будут разными. Некоторые из них окажутся умными, смышлеными и хорошо успевающими в учебе, некоторые, наоборот, глупыми, несообразительными и отстающими, а большинство будет обладать средними умственными способностями. Если мы сравним распределение умственных способностей внутри детского дома и за его пределами, то обнаружим, что разницы практически не существует. Другими словами, воспитанники детского дома отличаются друг от друга так же, как и обычные дети. Эти факты противоречат гипотезе окружающей среды и лишь подтверждают доказательства, полученные с помощью близнецового метода.

Третий метод доказательства зависит от феномена, который имеет прямое отношение к наследственности, но никак не связан с окружающей средой, — так называемого феномена регрессии. Закон регрессии был впервые открыт Гальтоном, который обнаружил, что сыновья и дочери очень высоких родителей тоже были высокими, но не настолько, как их родители, а рост детей очень низких родителей тоже был ниже среднего, но тоже не настолько, как рост их родителей. Иначе говоря, у детей очень высоких и очень низких родителей рост «регрессировал» к среднему росту населения, то есть занимал промежуточное место между ростом их родителей и средним ростом англичан. С тех пор феномен регрессии можно обнаружить во всех случаях, в которых наследственность играет важную роль, в том числе и в случае с умственными способностями.

Например, мы можем сравнить средние показатели умственных способностей родителей, принадлежащих к определенному социальному классу или определенной профессии, со способностями их детей. Средний IQ представителей высокопрофессиональной сферы и сферы управления составляет около 150; IQ их детей немного больше 120. IQ полупрофессиональных работников и технических администраторов колеблется в пределах 130, а IQ их детей в среднем равен 115. Средний IQ высококвалифицированного персонала и клерков составляет примерно 118; у их детей он приблизительно равен 109. У квалифицированного персонала средний IQ составляет 108, а у их детей — 104. С другой стороны, IQ людей, долгое время находившихся в исправительных заведениях, равняется 55, а у их детей он в среднем достигает 70. У сезонных рабочих IQ колеблется в пределах 80, а у их детей — в пределах 90. IQ неквалифицированного персонала равняется примерно 86, а у их детей он на шесть пунктов выше. У полуквалифицированного персонала IQ в среднем составляет 97, а у их детей — 98. Я специально показал регрессию на примере разных социальных классов, чтобы феномен был более нагляден, но точно такая же картина будет наблюдаться, если мы возьмем людей с разными умственными способностями, которые принадлежат к одному социальному классу.

Феномен регрессии практически невозможно объяснить с помощью теории окружающей среды, согласно которой интеллектуальные способности ребенка в первую очередь зависят от интеллектуальной стимуляции, особенностей его обучения и множества других факторов окружающей среды, оказывающих самое непосредственное влияние на процесс формирования его личности. Будь это действительно так, следовало бы ожидать, что дети из высокопрофессиональной среды, которые получили самое лучшее образование и большой объем интеллектуальной стимуляции и которые постоянно общались с очень умными людь-

ми, должны быть либо такими, как их родители, либо лучше них. Но в действительности наблюдается значительное падение уровня умственных способностей детей по сравнению с их родителями, падение, которое часто рушит планы родителей и приводит их в отчаяние. Это происходит из-за их уверенности в том, что преимущества среды, окружающей их ребенка, по сравнению с другими детьми непременно должны повлиять на развитие различных способностей, и в том числе умственных. С другой стороны, мы вправе ожидать, что у детей сезонных рабочих или родителей, которые долго находились в исправительных заведениях, умственные способности будут еще ниже, чем у них, поскольку родители не могли дать им соответствующего образования и не уделяли им достаточно времени, но опять же это не так: каким-то чудом эти дети вырастают гораздо умнее, чем их родители!

Если говорить по существу, то этот вопрос в какой-то степени представляет собой парадокс. Мы привыкли к мысли, что наследственность — нечто такое, благодаря чему дети и родители похожи. Нельзя сказать, что это не так, но это только одна сторона вопроса. У родителей и детей имеются лишь определенные схожие наследственные черты. Но наследственность ребенка также предопределена генами, которые у родителей присутствуют, но никак у них не проявляются. Другими словами, часто то, что ребенок наследует от своих родителей, делает его непохожим на них.

Этот факт лежит также в основе еще одного важного доказательства, имеющего отношение к критике тестов умственных способностей. Противники тестирования утверждают, будто тесты весьма сильно зависят от факторов окружающей среды, процессов обучения и интеллектуальной стимуляции, поэтому нет ничего удивительного, что при проверке тестов самое большое количество баллов получают члены определенных социальных классов. Согласно этой гипотезе, корреляция между результатами выполнения тестов и социальным классом должна быть очень высокой. В действительности это не так. Корреляции в Англии и в Америке составляют примерно 0,3. Грубо говоря, это означает, что социальный класс влияет на результаты тестирования умственных способностей лишь на 10 процентов. Подобная низкая корреляция указывает на явную несостоятельность гипотезы окружающей среды, так как оставшиеся решающие 90 процентов никак не связаны с социальной средой. Очень часто эти аргументы принимают анекдотичную форму, когда описываются случаи того, как у умственно отсталых родителей рождаются гении или как очень умные родители рождают умственно отсталых детей.

Подобные несоответствия часто остаются в стороне, их невозможно объяснить с позиций теории окружающей среды, но это вполне можно сделать с помощью теории наследственности. Еще одним доказательством может служить тот факт, что умственные способности людей одного социального класса различаются больше, чем средних представителей разных классов; это опять же противоречит теории окружающей среды.

Еще одним методом определения относительного влияния наследственности и окружающей среды является оценка умственных способностей приемных детей, на которые с одной стороны влияет наследственность в лице родной матери (эти матери обычно весьма посредственные или даже с умственными отклонениями), а с другой стороны — окружающая среда в лице приемной матери (обычно приемными родителями становятся люди с высоким уровнем умственных способностей, которые могут предоставить ребенку все необходимые условия для развития). Мы можем сопоставить умственные способности приемного ребенка, который прожил в доме новых родителей несколько лет, со способностями его родной и приемной матери и посмотреть, на кого из этих двух женщин он больше похож. К сожалению, этот вид эксперимента очень трудно провести и проконтролировать. Прежде всего, в большинстве случаев отец ребенка неизвестен, поэтому его умственные способности, естественно, нельзя измерить. Вполне вероятно, что отец ребенка может принадлежать к высокопрофессиональной или деловой среде, тогда ребенок может унаследовать от него высокие умственные способности. Гены отца могут оказаться сильнее генов матери, и тогда корреляция умственных способностей ребенка и приемных родителей будет высокой. Но даже если отец ребенка известен, то обычно он отказывается от участия в эксперименте и не желает, чтобы его умственные способности проверяли. Воз-

никает все та же проблема, хотя в данном случае уровень его умственных способностей можно приблизительно определить и без тестирования.

Еще одной проблемой является то, что во многих детских домах решение о передаче ребенка приемным родителям принимается исходя из сведений о его наследственности и умственных способностях, то есть если известно, что у ребенка хорошая наследственность, или если воспитатели детского дома видят, что он очень умный и способный, то его отдают приемным родителям, которые сами являются очень умными, образованными людьми. И наоборот, если у ребенка плохая наследственность, или если он кажется глупым, его отдают приемным родителям, которые сами являются людьми заурядными. Это еще одна причина высокой корреляции между умственными способностями ребенка и приемных родителей. Однако несмотря на это результаты исследований в большинстве случаев показывают, что между умственными способностями ребенка и его родной матери все-таки есть определенная корреляция, которая указывает на влияние наследственных факторов. Очень часто исследования показывают высокую корреляцию между способностями приемного ребенка и способностями приемных родителей. Эти корреляции очень трудно объяснить, поскольку, как я уже отмечал ранее, они могут являться следствием влияния окружающей среды, но могут обусловливаться и совершенно другими факторами, которые невозможно проконтролировать.

Последний аргумент, который я хотел бы рассмотреть, относится к области экспериментов на животных. Вполне вероятно, что люди, считающие, будто умственные способности человека ни в коем случае нельзя сравнивать с умственными способностями животных, не сочтут последнее доказательство убедительным. Но я хочу подчеркнуть, что результаты, полученные путем исследования поведения животных, подвергаются самому тщательному анализу и только после этого соотносятся с поведением человека. Приведу результаты экспериментов Трайена, который пытался в лабораторных условиях вывести разновидности умных и глупых крыс. Вся процедура была очень простой. Крыса должна была научиться быстро выбирать правильные повороты в сложном лабиринте, из которого ей следовало найти выход, чтобы получить поощрение. Скорость обучения крыс была разной, а некоторые из них даже после многочисленных попыток не могли найти выход из лабиринта. Во многих отношениях этот тест похож на так называемый тест «Лабиринт Портеуса», который используется для проверки детских способностей: ребенок должен обозначить с помощью карандаша свой путь по лабиринту. По результатам своего теста Трайон отобрал самых умных и самых глупых крыс, затем скрестил между собой умные и глупые особи, тем самым положив начало породам умных и глупых крыс. Он продолжал этот процесс, и каждый раз из породы умных крыс отбирал самых сообразительных особей и снова скрещивал их между собой, до тех пор, пока после смены семи поколений две группы крыс не начали показывать совершенно различные результаты по тестам. Практически все «умные» животные проходили лабиринт гораздо быстрее, чем «глупые». Таким образом, появилось прямое доказательство того, что умственные способности (если можно соотнести с ними способность успешно пройти лабиринт) являются наследственным качеством.

Что же доказывают все эти эксперименты? Иногда на основе имеющихся фактов делается заключение, что умственные способности человека на 80 процентов предопределены наследственностью. К сожалению, это утверждение совершенно бессмысленно, и его нужно перефразировать, чтобы оно имело какой-то смысл. Во-первых, в данном случае мы имеем дело не с умственными способностями, а с различиями в них. Очевидно, что как умственные способности, так и возможность осуществления мыслительных действий являются исключительно наследственными качествами. Человек отличается от червяка или камня только благодаря последним. Естественно, что умственными способностями обладают все люди, поэтому в нашем утверждении словосочетание «умственные способности» следует заменить словосочетанием «различия в умственных способностях», тогда оно будет иметь смысл. Во-вторых, мы не можем судить обо всех людях в целом, так как соотношение факторов наследственности и окружающей среды напрямую зависит от конкретных условий жизни конкретной группы людей.

Утверждение о наследуемости той или иной черты не означает, что она не может подвергнуться влиянию окружающей сре-

ды. Различные гены (носители наследственных качеств) по-разному реагируют на изменения окружающей среды. Например, наличие гена *гигантизма* у фруктовых мух приводит к тому, что они на 75 процентов больше обычных мух, но лишь при условии наличия больших запасов пищи: если гигантским мухам приходится голодать, то их размеры ничем не отличаются от размеров обычных мух. У других мух имеется ген, который отвечает за *патологию брюшка*, но эта патология проявляется только в условиях очень влажного климата. Таким образом, можно заметить, что в одной среде (достаточное количество пищи, влажный климат) наследственность полностью предопределяет гигантские размеры или патологию брюшка мухи. Можно сказать, что различия между разными мухами по этим параметрам зависят от наследственности на 100 процентов. Но в случае с другой средой (недостаточное количество пищи, сухой климат) мы, возможно, придем к совершенно другому заключению.

Если соотнести вышесказанное с умственными способностями человека, то можно сказать, что в стране, где всем предоставляются одинаковые возможности в сфере получения образования, влияние наследственности на различия в умственных способностях будет более выражено, чем в стране, в которой это не наблюдается. Так, 80 процентов будут вполне приемлемой цифрой для Англии или Америки, но, вероятно, не подойдут для Японии или Китая. Правильность этого аргумента более четко видна в случае с такой физиологической переменной, как рост, который можно точно измерить. Различия в росте, вне всякого сомнения, объясняются наследственностью. В стране, в которой все дети одинаково хорошо питаются, рост будет на 100 процентов предопределен наследственностью. С другой стороны, в стране, в которой одни дети едят, сколько хотят, а другие вынуждены голодать, влияние наследственности на рост может быть снижено до 80 или даже до 60 процентов. Мы постоянно имеем дело со взаимосвязью наследственных факторов и факторов окружающей среды.

При изменении одних факторов меняются и другие. Мы не можем прийти к одному заключительному определению, которое суммировало бы относительный вклад и взаимосвязь наследственности и окружающей среды. Мы можем лишь вычислить

приблизительное соотношение этих факторов для определенной группы людей, проживающих в определенных условиях. Для других условий жизни наши цифры могут быть неправильными. Таким образом, мы можем сказать, что в случае с условиями социальной и образовательной среды, существующими на данный момент в Англии и США, различия в умственных способностях предопределены наследственностью на 80 процентов, но в случае с другими странами эта цифра может быть другой.

Мы также можем прийти к более осторожному заключению и сказать, что в Великобритании в настоящее время различия в способностях детей по результатам тестов предопределены скорее наследственностью, нежели окружающей средой, и что постепенное уравнивание возможностей получения образования и уменьшение различий между социальными классами скорее всего приведет к тому, что факторы окружающей среды практически перестанут влиять на способности детей. С другой стороны, вероятно, что факторы окружающей среды играют значительную роль в других странах, и чем сильнее выражено социальное неравенство в пределах определенной группы людей, тем большее влияние будет оказывать окружающая среда на различия в результатах тестирования. Думается, с подобной формулировкой согласятся практически все психологи.

Теперь мы должны обратиться ко второму набору фактов, имеющих отношение к нашей проблеме, а именно: к предполагаемой разнице в плодовитости умных и глупых представителей нашего общества. Я приведу здесь результаты только одного исследования, проводившегося Кэтеллом. Оно охватило 3734 детей десятилетнего возраста, одни из которых проживали в городе, а другие — в сельской местности. Кэтелл предложил им выполнить тест умственных способностей, затем распределил их по группам в соответствии с их IQ и узнал общее количество детей в семье каждого тестируемого ребенка. Результаты оказались следующими. В семьях тестируемых с IQ выше 130 в среднем было 2,35 ребенка (в городе) и 1,80 детей (в сельской местности). В случае с детьми, чьи IQ были между 120 и 130, эти цифры составили 2,92 и 2,31 соответственно. Далее было обнаружено, что если детский IQ составлял 110—120, то цифры по городской и сельской местности соответственно равня-

лись 2,76 и 2,62. Дети с IQ 100—110 происходили из семей, в которых было по 3,00 и 3,27 ребенка соответственно, а дети с IQ между 90 и 100 — из семей с 3,60 и 3,72 ребенка соответственно. Далее, если IQ ребенка составляет 80—90, то общее количество детей в его семье равняется 4,13 и 2,21, а если IQ колеблется в пределах 70—80, то количество детей в семье — 3,93 (в городе) и 4,72 (в сельской местности). Суммируя полученные данные, можно сказать, что рождаемость в семьях детей с низкими умственными способностями почти в два раза выше, чем в семьях детей с высоким IQ. Следует отметить, что эти расчеты производятся без учета тех мужчин и женщин с высокими умственными способностями, у которых вообще нет детей. В качестве примера невольно напрашиваются школьные учителя и женщины, работающие в профессиональной сфере.

Нельзя сказать, что подобная корреляция между количеством детей и уровнем интеллекта полностью предопределена социальным классом. Несмотря на то что в семьях так называемого рабочего класса, как правило, больше детей, чем в семьях, принадлежащих к среднему классу, в рамках одной социальной группы у более умных людей меньше детей, чем у людей с низкими умственными способностями. Таким образом, мы должны согласиться с фактом существования подобной тенденции. Невзирая на то что корреляция между уровнем интеллекта и количеством детей в семье невелика (0,2), она наблюдалась во многих исследованиях, и поэтому на сей счет не остается никаких сомнений.

Учитывая эти два факта (умственные способности являются наследуемым качеством и у более умных людей рождается меньше детей), можно прийти к заключению, что средний уровень интеллекта нации действительно падает. А если это действительно так, то можно ли дать какую-нибудь оценку происходящему? Томпсон провел известный эксперимент на острове Уайт. С помощью тестирования он пытался получить прямые доказательства падения уровня умственных способностей.

Протестировав 1084 ребенка в возрасте 10 лет (практически всех представителей этой возрастной группы на острове), Томпсон узнал число детей в их семьях. В следующей таблице приведено количество семей с определенным числом детей, а также средний IQ последних.

Количество семей	Количество детей в семьях	IQ детей
115	1	106,2
212	2	105,4
185	3	102,3
152	4	101,5
127	5	99,6
103	6	96,5
88	7	93,8
102	8 и более	95,8

Из таблицы видно, что по мере того как количество детей в семье растет, IQ падает.

Томпсон делает из своих наблюдений следующие выводы. Во-первых, на основе собранных данных можно высчитать средний IQ всех тестируемых детей. Так как всем им по 10 лет, мы можем быть уверены, что они происходят из разных семей. Следовательно, эта цифра даст нам представление о том, какими бы были умственные способности детей острова Уайт, будь в каждой семье только один ребенок, т.е. если бы не было тенденции к снижению уровня интеллекта по мере увеличения количества детей в семье. Эта цифра составляет 101,4. С помощью этой таблицы мы также можем высчитать реальный средний IQ детей острова Уайт, принимая во внимание то, что у детей из многодетных семей уровень интеллекта довольно низок. Средний IQ составляет 98,98. Полученную разницу в 2,06 пункта можно принять за оценку падения уровня интеллекта в этом поколении, которую можно объяснить различным уровнем рождаемости в семьях людей с высокими и низкими умственными способностями.

Существует множество иных оценок происходящего, основанных на других цифрах, одни из которых выше, а другие ниже цифр Томпсона. Но результаты последнего многие психологи считают наиболее убедительными. Если мы согласимся с правильностью приведенных Томпсоном расчетов и предположим, что падение уровня умственных способностей будет продолжаться до конца этого века, то обнаружим, что количество одаренных детей может уменьшиться в два раза, количество слабоумных детей — вдвое увеличиться, а средний IQ населения — снизиться в среднем примерно на пять пунктов. Это очень серьез-

ные последствия, которые вполне могут свидетельствовать о неизбежном крахе западной цивилизации. Так насколько же мы можем доверять представленным цифрам?

Одним из самых больших недостатков этой теории является то, что мы практически ничего не знаем о способах передачи умственных способностей. Очень часто психологи подходят к вопросам, затрагивающим механизмы наследственности, слишком упрощенно. В данном случае следует подчеркнуть, что точный прогноз будет невозможен до тех пор, пока мы не узнаем, как же на самом деле происходит передача умственных способностей. Пенроуз, например, полагает, что установленные данные вовсе не исключают возможности стабильного равновесия интеллектуальных стандартов населения. Любое научное заключение, не подкрепленное знанием всех задействованных в каждом конкретном случае механизмов, будет опасным и в большинстве случаев ошибочным. Это, естественно, не доказывает, что наши умственные способности не ухудшаются, однако должно предостеречь нас от поспешных выводов относительно неоспоримости данного факта.

Еще одним важным моментом, который часто остается в стороне, является то, что наследственная детерминация имеет отношение к индивидуальным различиям, т.е. к неоднородности группы людей в целом. Однако подъем и падение уровня умственных способностей скорее касается абсолютного стандарта. Эти два утверждения не являются идентичными, хотя очень часто одно подменяется другим.

Например, у школьников была обнаружена отрицательная корреляция между ростом и составом семьи, т.е. у детей невысокого роста семьи оказались больше, чем у высоких. Исходя из этого можно было бы предположить, что поскольку рост находится в непосредственной зависимости от наследственных факторов, то жители Торонто, где проводились эти исследования, через несколько поколений станут карликами. На самом же деле измерения роста школьников показали, что, напротив, средний рост нынешних детей выше среднего роста детей предыдущего поколения.

Этот факт также можно рассмотреть и на примере умственных способностей. Томпсон и Кэтелл решили использовать тесты, которые они применяли для проверки уровня интеллекта групп детей определенного возраста 15 лет назад, для тестирования детей того же возраста, проживающих в той же местности. Результаты этих и некоторых других исследований, проводившихся в США, не показывают падения уровня умственных способностей, а, напротив, указывают на незначительный подъем. Можно ли из этого сделать вывод, что гипотеза о постепенном падении национального уровня интеллекта несостоятельна? К сожалению, эти данные нельзя считать убедительными, более того, в конкретном случае они не совсем уместны. Во-первых, хорошо известно, что если ребенок уже знаком с несколькими тестами, то это может помочь ему набрать по новому тесту больше баллов. Вне всякого сомнения, за последние 15 лет осведомленность в области тестирования значительно возросла, следовательно, можно предположить, что именно из-за предварительного знакомства с тестом не наблюдается прогнозируемого падения уровня умственных способностей.

Существуют прямые доказательства правильности этого предположения. Томпсон обнаружил, что в тех районах, где различные тесты умственных способностей использовались чаще, чем в других районах, баллы по тестам были выше. Практика тренировочных тестов также сыграла не последнюю роль; исследования Вернона показали, что во многих школах детей учат выполнять тесты. В последнее время в сфере образования очень часто прибегают к «натаскиванию детей по тестам», благодаря которому средние баллы детей, тестируемых сейчас, выше по сравнению с баллами детей предыдущих лет. Знакомство с тестами и натаскивание, однако, лишь один аспект проблемы. Еще одним аспектом, который вообще не был затронут исследованиями, является то, что Томпсон и Кэтелл занимались только детьми, поэтому в стороне остались одинокие люди и бездетные семьи, между тем как эти относительно большие группы людей могли бы изменить результаты наблюдений. В целом подобные экспериментальные исследования содержат в себе слишком много неизвестных, чтобы можно было сделать какие-либо определенные выводы. Они не являются убедительными доказательствами правильности нашей гипотезы, но и не опровергают ее.

Какие же выводы мы можем сделать из всех имеющихся фактов? Очевидно, что мы столкнулись с очень серьезной проблемой. Как сказала горничная, обнаружив рыбу в молоке, существует такая вещь, как косвенные доказательства, и хотя они не являются убедительными, ими нельзя пренебрегать. В данном случае вполне логичным будет обратиться к нашему правительству с просьбой о поддержке крупномасштабного долгосрочного экспериментального исследования, которое решило бы этот вопрос раз и навсегда. Естественно, в этом исследовании не должно быть вышеперечисленных недостатков. Трудности, возникающие в связи с натаскиванием детей по тестам, например, можно преодолеть посредством их преднамеренного натаскивания до такой степени, что это перестанет влиять на количество баллов. Серьезные попытки по созданию приемлемого исследовательского проекта не должны встретить серьезных препятствий, а стоимость подобного проекта будет ничтожной по сравнению с огромной важностью его результатов. Очень часто науку обвиняют в том, что она не может дать убедительных ответов на вопросы, аналогичные тем, что обсуждались в этой главе. Однако в этом виноваты не ученые, готовые в любой момент приступить к работе, а скорее общество, которое отказывает им даже в самой незначительной финансовой поддержке для осуществления подобных экспериментов.

II. Психология труда

От каждого по способностям

Несмотря на то что этот старый социалистический слоган, как и большинство других, является бессмысленным, он тем не менее выражает глубоко укоренившееся убеждение, которое разделяют многие. Предположение о том, что у разных людей разные способности и что в идеальном обществе каждый человек выполнял бы только ту работу, которую он умеет делать лучше всего, безусловно, кажется вполне правомерным в свете современных психологических исследований. Именно на этом факте и основана практика профессионального отбора и профессиональной ориентации, играющая немаловажную роль в современной промышленной психологии.

Можно привести несколько примеров того, что люди по-разному справляются с одним и тем же видом работы в сфере промышленности. Так, было обнаружено, что производительность труда лучших bottom scourers в два раза выше, чем худших. Хороший рабочий может подготовить примерно 500 фундаментов в день, остальным под силу только 250. Подобная картина наблюдается и в ткацкой промышленности. В одном исследовании было измерено общее количество ярдов[1] ткани, сотканной из основы. Исходя из этой и других констант был получен средний уровень производительности ткачих, которая варьировала в пределах от 62 до 130 уточных нитей в минуту.

[1] Ярд — единица длины в английской системе мер, равная 91,44 см. — *Прим. ред.*

В обоих случаях соотношение между производительностью лучших и худших работников составляло 2:1. Подобная пропорция встречается во многих исследованиях. Количество трикотажных изделий, сшитых за час работниками трикотажной промышленности, фунты[1] женских чулок, связанных за час операторами вязальных машин, заработки водителей такси показывают эту пропорцию от худшего к лучшему. Другие цифры свидетельствуют о более существенных индивидуальных различиях. Так, производительность одних шлифовальщиков ложек в пять раз превышает производительность других. В целом все промышленные психологи согласны с тем, что самые хорошие рабочие раза в три-четыре способнее, чем самые плохие.

Однако подобное заключение относится лишь к одному роду занятий. Человек, который прекрасно справляется с одним видом работы, может вообще не справиться со вторым и с трудом — с третьим. Корреляции успеха в различных видах деятельности сравнительно невелики, и это указывает на то, что разные профессии требуют разных способностей. Очень важно, чтобы каждый знал, какой род деятельности ему действительно подходит. Ответы на вопросы о том, какая профессия подходит каждому конкретному человеку лучше всего, занимается профессиональная ориентация. Руководителям предприятий очень важно знать о способностях своих потенциальных работников, так как объемы производства существенно возрастут, если они будут нанимать на работу людей, чьи способности соответствуют выполняемой ими работе. Ответы на вопросы о том, кто из претендентов лучше всего подходит на определенное рабочее место, дает профессиональный отбор.

Однако, пытаясь решить эти две проблемы, нельзя руководствоваться предположением о том, что способности, о которых в данном случае идет речь, являются врожденными. Гораздо разумнее будет допустить, что большая часть индивидуальных различий в способностях, необходимых для работы в промышленной сфере, объясняется скорее наследственными факторами, чем факторами окружающей среды. Но для того чтобы оправдать

[1] Фунт — основная единица массы в английской системе мер. Торговый фунт равен 0,4536 кг. — *Прим. ред.*

необходимость проведения профессиональной ориентации и профессионального отбора, не стоит пытаться выяснить причины возникновения ярко выраженных различий, достаточно уже самого факта их существования.

Следует также отметить, что речь шла пока о способностях довольно низкого порядка. Есть веские основания предположить, что чем сложнее род занятий, тем большей будет разница в способностях лучших и худших работников. Например, игра в шахматы или в теннис — это гораздо более сложный род занятий, чем мытье посуды; вне всякого сомнения, разница между хорошим и плохим игроком в теннис будет намного большей, чем разница между плохим и хорошим мойщиком посуды. Можно предположить, что еще большая разница будет наблюдаться между средним физиком и выдающимся. Но так как процедуры отбора в нашем обществе в основном имеют отношение к более простым, элементарным профессиям, и поскольку в следующей главе речь пойдет об отборе студентов, то в этой главе я затрону только профессии, имеющие отношение к сфере промышленности.

Учитывая, что для каждого вида работы желательно нанимать людей с необходимыми для этого способностями, а также, возможно, с соответствующим темпераментом, интересами и типом личности в целом, мы можем задаться вопросом о том, как в большинстве случаев происходит отбор рабочего персонала. Оказывается, он практически всегда основан на собеседовании. Различные аспекты собеседования не раз подвергались тщательному анализу, и краткий перечень результатов исследований в этой области, возможно, даст понять, почему практически все психологи предпочитают обычным методам собеседования объективные тесты.

Одним из первых исследований в области собеседования стал эксперимент, осуществленный Бине, создателем современных тестов на проверку умственных способностей. Три учителя проводили собеседование с одними и теми же детьми и оценивали интеллект каждого их них.

Характеристики были даны на основе итогов собеседования, которое каждый учитель проводил так, как считал нужным. Бине приводит два результата своего эксперимента, которые впослед-

ствии не раз подтверждались. Каждый из учителей был уверен, что его мнение верное. Каждый из учителей не соглашался с мнением остальных. Эти результаты представляют огромную важность.

Первый дает понять, почему, несмотря на все факты, подтверждающие несостоятельность собеседования, оно повсеместно применяется при отборе персонала для промышленных и других целей. Человек, проводящий собеседование, уверен, что его представление о личности и способностях человека является правильным. Учитывая то, что его мнение не подвергается сомнению и в особенности то, что собеседование не сопровождается какими-либо дополнительными процедурами, которые указали бы на его многочисленные ошибки, он все более убеждается в том, что он знает и может все. Нередко наблюдаются случаи, когда человек соглашается со всеми фактами, подтверждающими несостоятельность собеседования, но утверждает, что его мнение всегда безошибочно. (Не стоит говорить о том, что экспериментальные исследования показывают: способности такого человека практически ничем не отличаются от способностей других людей.)

Второй результат важен, так как с его помощью мы без долгосрочных экспериментальных наблюдений можем выяснить, насколько обоснованными являются результаты собеседований. Если люди, проводящие собеседование, дают точные прогнозы, то в течение нескольких лет можно наблюдать за результатом и проверять, насколько удачным он оказался в каждом конкретном случае. Это весьма трудоемкий и долгий процесс, сопряженный с многочисленными трудностями. Есть гораздо более простой способ. Если люди, проводящие собеседование, могут дать точный прогноз о будущем успехе интервьюируемого, то прогнозы разных интервьюеров должны быть одинаковыми. Если же их мнения в чем-то расходятся, то, естественно, все они не могут быть правильными, а если они расходятся полностью, как это часто и бывает, то, должно быть, все они неправильны. Подобный метод определения *валидности* собеседования путем изучения его *надежности* широко применяется в последнее время, причем результаты в каждом случае практически одни и те же.

Надежность и валидность — технические термины, характеризующие любой тип психологических измерений. Если измерение *надежное*, то при его многократном повторении мы будем получать одни и те же результаты. Интервьюеры ненадежны, так как мнение одного из них отличается от мнения других. Измерение является *валидным*, если оно точно измеряет то, что призвано измерить. Очевидно, что измерение не может быть *валидным*, если оно не является *надежным*, но оно может быть *надежным*, не являясь *валидным*, если измеряется нечто, не имеющее отношения к критерию, относительно которого нужно сделать прогноз. Например, можно точно измерить рост, но в данном случае измерение роста не будет являться *валидным*, поскольку оно не может предсказать успех в той или иной производственной профессии.

Бине проводил свой эксперимент в лабораторных условиях, а не на производстве. Первое исследование в условиях производства проводил Скотт. Шестеро опытных управляющих персоналом проводили собеседование с 36 претендентами, чтобы узнать, насколько последние подходят на должность работника отдела продаж. Всех претендентов нужно было распределить по порядку в зависимости от того, насколько они подходят на эту должность. Результаты показали, что каждый из шести управляющих по-разному распределил претендентов. Скотт замечает: «По поводу 28 претендентов среди шести менеджеров возникли разногласия, одни считали, что определенного человека нужно поставить в начале списка, а другие полагали, что его нужно поставить в конце». Это исследование надежности собеседований дает основание предположить, что прогнозы, сделанные по результатам собеседований, не могут быть правильными. В еще одном исследовании Скотт попросил 13 менеджеров прокомментировать работу 12 своих работников и затем сравнил оценки с результатами по собеседованию с теми же работниками. Средний коэффициент корреляции между оценкой работы и прогнозом, сделанным на основе собеседования, оказался очень низким. В еще одном исследовании Скотта 20 менеджеров из отдела продаж и три работника из отдела кадров проводили собеседование с одними и теми же 24 претендентами на рабочее место. В данном случае между ними тоже возникли серьезные разногласия.

Одним из самых известных исследований в этой области, которое постоянно приводится в качестве примера, является экс-

перимент Холлингворта. Двенадцать менеджеров из отдела продаж с большим опытом по отбору персонала независимо друг от друга проводили собеседование с 57 претендентами. Нужно было определить, насколько каждый из них подходил на должность. И вновь оценки разных интервьюеров отличались друг от друга. Так, кто-то из претендентов одним интервьюером был определен на 6-е место, а другим — на 56-е. Еще кто-то в списке одного из менеджеров стоял первым — и последним в списке другого!

Можно было бы продолжить перечисление результатов нескольких сотен подобных исследований, но в этом нет никакой необходимости. Практически все они указывают на то, что собеседование — ненадежный и неправильный способ определения способностей человека. Отчеты по нескольким исследованиям свидетельствуют в пользу собеседования, но если присмотреться к ним повнимательнее, то можно увидеть явные недочеты в работе исследователей. Например, в одном из исследований Кларка два компетентных человека проводили собеседование со студентами, чтобы выяснить, насколько успешно продвигается учеба каждого из них. Оба интервьюера смогли точно определить способности студентов. Однако собеседования проводились в конце учебного семестра и студентов спрашивали о том, как они учились. Естественно, учащиеся знали свой уровень знаний, поэтому оценка интервьюера основывалась на той, которую давали себе сами студенты.

Убедительные доказательства того, что собеседование не является подходящим методом для определения способностей человека при его приеме на работу, привели к пересмотру некоторых его аспектов. В последнее время часто говорят о том, что собеседование должно рассматриваться скорее как дополнение к тестам на проверку способностей, а не как альтернатива им. Существует мнение, что собеседование должно стать средством синтеза всех данных, с помощью которого можно будет сформулировать общую оценку способностей или сделать прогноз относительно успеха на потенциальном месте работы.

В данном случае оно могло бы стать альтернативой статистическому методу, который используют психологи и который заключается в том, что после анализа каждого теста в отдельности составляется общее математическое уравнение.

Гипотеза о подобном применении собеседования имеет смысл, хотя на сегодняшний день существует немало доказательств того, что и в данном случае оно не в состоянии выполнить намеченные цели. В следующей главе я приведу некоторые доказательства, поэтому здесь ограничусь лишь одним исследованием, с помощью которого сравнивались статистический метод и метод собеседования. В рамках этого исследования большому количеству претендентов были предложены одинаковые серии тестов. Половина кандидатов отбиралась на основе среднего балла по всем тестам, полученного с помощью статистического метода. Другая половина отбиралась интервьюерами, которые располагали результатами тестов, но могли дополнить их результатами собеседования и соответственно вывести свою оценку, принимая или не принимая в расчет результаты тестирования. Вопреки ожиданиям, оценки, сделанные на основе всех имеющихся данных по тестам и информации, полученной в ходе собеседования, оказались не такими точными, как оценки, сделанные только с помощью баллов по тестам. Прогноз на основе тестов оказался на 30 процентов точнее сделанного с помощью результатов собеседования. С учетом достаточно большого количества экспериментов, в которые в целом было вовлечено около 40 000 человек, сделали следующее заключение: «Использование собеседования в качестве дополнительного метода определения способностей наравне с результатами тестирования практически не отражается на точности прогноза, а напротив даже отрицательно сказывается на ней». Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что собеседование является несостоятельным практически по всем пунктам. Учитывая степень точности прогнозов, сделанных на основе его результатов, можно сказать, что это пустая трата времени. Собеседование не только не увеличивает точность прогноза, но даже может ее снизить.

Еще одна сфера применения собеседования является более многообещающей, хотя в данном случае его функции ограничены. Помню, как однажды я читал лекцию по поводу собеседования группе промышленников. После окончания лекции один из них подошел ко мне и сказал, что несмотря на то что его очень заинтересовал вопрос бесполезности собеседования, у него есть бесспорные доказательства того, что собеседование может иметь

успех. Когда я попросил его рассказать, почему он так думает, тот явно не без гордости заявил, что десять лет назад он выбрал себе в секретари девушку, у которой были очень низкие баллы по всем тестам, а «...сейчас, — с победным видом заявил он, — она является моей женой!». Вне всякого сомнения, если одним из самых важных аспектов работы является личный контакт, то человек, который претендует на такую работу, должен пройти как формальное, так, возможно, и неформальное собеседование. В данном случае одних баллов по тестам недостаточно, чтобы определить, сработается ли человек с другими сотрудниками.

Эту точку зрения взяла за основу группа психологов, которые занимались вопросами отбора офицеров в американскую армию послевоенного периода. Они пришли к заключению, что если собеседование необходимо для процесса отбора, то оно должно внести в него определенный вклад. Под «определенным» имелось в виду то, что собеседование должно было решить задачи, с которыми другие методы так хорошо не справились бы. Было решено, что при собеседовании не должны затрагиваться вопросы, касающиеся умственных способностей, уровня образования, черт характера и опыта. В задачи собеседования также не должен был входить обобщенный анализ этих различных факторов, так как его можно было сделать с помощью статистических методов. После того как с собеседования были сняты все задачи, которые можно было решить более эффективно с помощью других методов, осталось только «социальное взаимодействие», т.е. умение общаться с людьми. Психологи предположили, что если будет четко обозначена специфическая цель собеседования, то можно получить четкое представление о социальном взаимодействии, так как не нужно тратить время и силы на другие вопросы или на составление общего анализа. Результаты исследований подтвердили эту гипотезу, в данном случае для собеседований была характерна высокая степень надежности и, как это ни удивительно, они были вполне обоснованы.

Несмотря на то что эти результаты очень важны и интересны, поскольку свидетельствуют в пользу собеседования при отборе рабочего персонала, в действительности они никак не связаны с промышленными целями, так как в данном случае личные отношения не играют особой роли.

Возможно, при отборе мастеров, прорабов и т.д. следует пользоваться методами, которые позволяют определить степень «социального взаимодействия», но для большинства промышленных профессий гораздо важнее умение качественно и быстро выполнять свою работу. Когда речь идет о профессиональных навыках человека, становится очевидным, что собеседование не является эффективным способом их определения.

Таким образом, если мы отказываемся от собеседования, то единственным способом определения профессиональных навыков становятся психологические тесты. Для этой цели было составлено немало тестов, проводились также многочисленные исследования с целью определить полезность каждого из них. Естественно, существуют различные критерии для определения того, насколько человек справляется с тем или иным видом работы. Так, они могут быть связаны с количественными показателями — выпускаемая продукция, бракованные детали, несчастные случаи на работе, сломанные единицы оборудования — а также с производственным стажем, повышениями в должности, уровнем заработной платы и со множеством других факторов. Иногда используемые критерии не так точны и объективны, как перечисленные выше.

Процесс составления и утверждения тестов для отбора рабочего персонала лучше всего проследить на конкретных примерах, не прибегая к абстрактному обсуждению различных этапов. Свои примеры я взял из уже имеющейся литературы, которая предоставляет в наше распоряжение результаты долгосрочных исследований. Я не буду приводить здесь самые успешные исследования, так как постарался отобрать лишь те, которые, по моему мнению, являются наглядными примерами процессов отбора. Читателю не составит особого труда обобщить все перечисленные мной примеры, имеющие отношение к профессиям, о которых он знает больше, чем я.

Первый пример связан с отбором операторов электрических подстанций. Экономия при распределении электрического тока требует, чтобы поступающее на подстанцию высоковольтное напряжение было снижено, прежде чем ток поступит к потребителю.

Высоковольтное напряжение поступает на подстанцию по линиям электропередач со станций по выработке электроэнер-

гии. После того как оно понижается, ток распределяется между индивидуальными потребителями посредством большого количества электрических цепей. Важной составляющей этих линий и цепей является оборудование для трансформации и регулирования напряжения, а также различные самопишущие измерительные приборы. В обязанности оператора электрической подстанции входит управление различными переключателями, снятие показаний с измерительных приборов и ремонт электротехнического оборудования.

Главная задача оператора заключается в том, что он не должен допускать ошибок при управлении переключателями. Легко можно представить тяжелые последствия подобных ошибок. Неожиданный сбой в электропередаче или поломка энергетического оборудования в больнице может привести к смерти больного, особенно если в этот момент он находится на операционном столе. Для большинства производственных операций важна непрерывность всех процессов, и нередко всю продукцию или даже оборудование, использовавшееся на момент сбоя в подаче тока, приходится списывать. Кроме перечисленных последствий и возможной поломки дорогостоящего оборудования подстанции, ошибки могут привести к тому, что в опасности окажутся здоровье и даже жизнь самого оператора. Естественно, все операторы подстанции проходят соответствующую подготовку, но тем не менее установлено, что количество совершаемых ошибок было слишком велико, чтобы не придавать им значения. Поэтому в 1927 году Вителеса, одного из самых известных промышленных психологов Америки, попросили тщательно проанализировать профессию оператора электрической подстанции и разработать тесты для отбора компетентного персонала.

Первым шагом Вителеса в этом направлении стал детальный анализ всех действий, составляющих процесс включения-выключения. С помощью тщательного исследования, для которого потребовалось несколько месяцев, удалось выявить следующие способности, необходимые для успешного выполнения работы. Прежде всего, Вителес выделяет «способность оператора запоминать и выполнять в правильной последовательности сложные серии операций по работе с переключателями». Далее он выделяет «способность точного следования инструкциям и точного

применения знаний о работе подстанции в процессе включения и блокировки». Следующей идет «способность быстро воспринимать указание, сделанное в устной либо письменной форме». Далее выделяется «настойчивость при решении возникающих проблем, то есть способность оператора решать задачу до тех пор, пока он не найдет верного решения или пока не удостоверится, что справиться с этой проблемой не в его силах». Немаловажной также является пятая способность — «умение обнаружить и проанализировать возникшую проблему». Следующим идет «способность к распределению и переключению внимания на несколько различных операций одновременно: следить за светокопированием, выбирать нужный переключатель, следить за показаниями самопишущих амперметров, и т.д.». Последней идет «способность держать в памяти расположение оборудования на подстанции и схему электропроводки».

Вителес также установил, что в экстренной ситуации, необходимые для обеспечения точной и безопасной работы всего оборудования, качества оператора зависят от его темперамента. Способность справляться со страхом была поставлена им на первое место по важности, так как часто именно страх приводит к тому, что действия оператора перестают быть точными, и ему требуется много времени, чтобы справиться с проблемой. В целом все его действия становятся неуверенными, причем это может продолжаться неопределенный период времени.

На основе проведенного анализа Вителес остановил свой выбор на двух типах тестов: для определения уровня способностей и для определения темперамента, необходимых для успешной работы оператора электрической подстанции. Первый тип тестов в основном представлял собой бланковые методики оценки умственных способностей, умения работать с оборудованием и т.д. Вторая серия состояла из четырех практических тестов, разработанных таким образом, что они напоминали операции включения-выключения, которые должен выполнять оператор электрической подстанции. В последнем случае оценивалась способность претендентов точно следовать указаниям, запоминать все инструкции, а также его настойчивость и умение справляться с физической усталостью и монотонностью работы.

Выбрав тесты, Вителес доказал, что они надежны: если с их помощью постоянно тестировать одних и тех же людей, то у каждого субъекта всякий раз будет то же количество баллов по тестам, что и в первый раз. Далее он решил проверить обоснованность своих тестов. Сначала он выбрал 84 оператора, каждый из которых проработал не менее года, и разделил их на три группы: лучшую, среднюю и худшую. Во все три группы входили люди примерно одинакового возраста, с одинаковым стажем работы. Было обнаружено, что определение операторов в ту или иную группу соответствовало количеству ошибок, допущенных ими за определенный период времени. В лучшей группе ошибки составляли 23 процента, в средней — 52 процента и в худшей — 77 процентов. 30 сентября 1928 года по вине операторов из худшей группы было сделано в восемь раз больше ошибок, чем по вине операторов из лучшей группы, и в три раза больше ошибок, чем по вине операторов из средней группы.Рейтинг был валиден.

Далее всем операторам предложили серию отборочных тестов. Результаты разных групп значимо различались. Среднее количество баллов в худшей группе составило 54, в средней — 69 и в лучшей — 81. Решающим числом для отбора операторов с помощью этой серии тестов оказалось 75. Если бы при найме на работу операторов, которые стали участниками эксперимента, в качестве проходного балла использовалось именно это число, то работу на подстанции получили бы только 8 процентов худших и 71 процент лучших операторов.

После получения доказательств того, что результаты тестирования действительно помогают достаточно точно определить профессиональные навыки, персонал для обслуживания электрических подстанций стали отбирать главным образом по результатам тестов. Эти тесты стали официально использоваться с 1 апреля 1928 года. В результате было отмечено значительное уменьшение количества ошибок. В течение 1926, 1927 и 1928 годов количество ошибок составляло 36, 35 и 35 соответственно. Сразу же после введения системы тестирования количество ошибок в 1929 году уменьшилось до 20, в 1930-м — до 18, в 1931-м — до 12, а в 1934-м — до 4. Таким образом, введение системы отборочных тестов менее чем за пять лет помогло снизить количество ошибок на 10 процентов. Если учесть, какие затраты влечет за собой каждая ошибка, можно сделать вывод, что небольшая сумма денег, необходимая на проведение исследования и на введение системы отбора, полностью себя оправдала.

Вителес использовал в основном стандартные тесты. Однако для определенных целей промышленные психологи применяют тесты, которые, по их мнению, призваны определить способности, необходимые для каждого конкретного вида работы. Примером может служить довольно сложный тест на вождение. Во время этого теста человек садится напротив специальной стойки с двумя ручками, которые можно двигать независимо друг от друга, и с двумя педалями для ног. В случайном порядке подаются различные аудиовизуальные стимулы, и субъект должен реагировать на них, дергая либо за одну, либо за две ручки и нажимая ногой на одну или на обе педали. Время от времени подаются отвлекающие сигналы, для того чтобы проверить, насколько это отразится на реакциях водителя. Когда этот тест был предложен профессиональным водителям, то их результаты оказались намного лучше результатов неопытных водителей, которые часто попадали в аварию. Впоследствии он стал широко применяться в Милуоки для найма водителей. Исследования показали, что количество водителей, уволенных из-за частых аварий, снизилось с 14,1 процента в 1924-м до 0,6 процента в 1925 году. Кроме значительного сокращения числа аварий было обнаружено также уменьшение текучести рабочего персонала — 75 процентов водителей остались на своей работе. До введения системы тестирования эта цифра составляла 62 процента.

Однако не следует думать, что работа в данном направлении проводилась только в Америке. Два следующих примера относятся к исследованиям, проводившимся в Европе. Водителей трамваев в Берлине нанимали с помощью отборочных тестов, напоминавших описанный выше. При сравнении группы стажеров, принятых на работу без психологического тестирования, с другой группой стажеров, которые отбирались по результатам тестов, обнаружилось, что в первой группе было на 50 процентов больше аварий, чем во второй. При сравнении количества аварий до и после введения системы тестирования оказалось, что количество серьезных дорожно-транспортных происшествий со-

кратилось с 1,6 до 1,1, а количество мелких происшествий — с 42 до 29 на один миллион километров. Также на 50 процентов сократился период обучения, снизились затраты на ремонт. Было установлено, что введение системы психологических методов отбора позволило за год сэкономить двенадцать миллионов немецких марок.

Аналогичные результаты были получены в Париже. После введения системы психологических тестов процент водителей автобусов и трамваев, уволенных за некомпетентность во время или после курсов подготовки, снизился с 20 до 3, что позволило каждый год экономить 150 000 франков (в то время, когда франк высоко котировался на мировом валютном рынке!). Количество аварий, произошедших по вине водителей, нанятых на работу после введения системы тестирования, снизилось на 16,5 процента. Благодаря этому ежегодная экономия составила 130 000 франков.

Не всегда можно точно определить, какие качества необходимы для каждого конкретного вида работы. Например, известно, что для водителей такси важна быстрая реакция. Действительно, удалось установить, что у водителей, имеющих наибольшее количество аварий, были самые худшие показатели по тестам на быстроту реакции. Однако оказалось, что водители с очень хорошими результатами по этим же тестам также довольно часто попадали в аварии. Возможно, это объясняется тем, что водители, уверенные в быстроте своей реакции, часто рискуют, что может закончиться аварией. Однако какими бы ни были причины подобных явлений, для того чтобы подтвердить правильность или неправильность какой-либо психологической гипотезы, необходимо эмпирическое исследование. Если четко следовать всем перечисленным правилам, то в принципе можно составить серии тестов для любой профессии. На примере отбора водителей такси Сноу показал, что после того как водители были протестированы и распределены в группы, среднее количество аварий на человека в группе неудовлетворяющих составило 1,00, а в группе удовлетворяющих — 0,20.

Все наши примеры были взяты из промышленной и транспортной сферы. Следующие имеют отношение к работе в офисе. О'Рурк, например, составил тест, определяющий, насколько

эффективно справляются со своими обязанностями машинистки и стенографистки. Было обнаружено, что у 99 процентов тестируемых, которые набрали наибольшее количество баллов, качество работы оказалось выше среднего; качество работы только 4 процентов людей с наименьшим количеством баллов было на том же уровне. Была разработана также серия тестов для отбора почтальонов. Оказалось, что до введения системы тестирования необходимым критериям соответствовало только 50 процентов почтальонов, а после ее введения эта цифра увеличилась до 93. До применения психологических тестов качество работы 25 процентов работников характеризовалось как неудовлетворительное, после эта цифра снизилась до нуля.

Все вышеприведенные примеры взяты из довольно старых отчетов об исследованиях, проводившихся в Америке и Европе. Возможно, читателю будет интересно узнать о результатах похожих исследований, осуществлявшихся в Великобритании во время войны, когда процедуры отбора персонала имели большое значение. Наибольший интерес, возможно, представляют цифры, дающие сравнительную характеристику количеству провалов в группах, отобранных с помощью психологических методов, и в группах, отобранных посредством других методов, которые проходили подготовку одновременно. Как указывают Вернон и Пэрри в своей книге «Отбор личного состава Вооруженных Сил Великобритании», из которой были взяты необходимые данные, «процент неудачно выбранного персонала... значительно снизился благодаря новым методам отбора». Так, необходимым требованиям не отвечали 30 процентов водителей, отобранных с помощью старых методов, и только 14 процентов, отобранных по результатам тестирования. Среди писарей эти цифры составили 11 и 4 процента соответственно. Для связистов они равнялись 7 процентам и 0,5 процента. Для младших специалистов, которые составили самую большую группу, участвовавшую в исследовании, процент провалов среди людей, отобранных с помощью старых методов, составил 60 процентов, а среди людей, прошедших тестирование, он равнялся всего лишь 7 процентам!

Особый интерес представлял отбор техников и механиков авиационной группы, так как можно было сравнить процент про-

валов на подготовительных курсах примерно 10 000 техников, отобранных с помощью четырех разных методов в течение четырех месяцев в 1942 году.

Среди тех, кто был назначен на должности офицеров технической службы, процент провалов составил 19,2; среди назначенных на должность по собственной просьбе этот процент равнялся 19,6; среди принятых на работу Министерством труда в качестве техников низкой квалификации процент провалов составил 19,4. Процент провалов среди техников, отобранных с помощью психологических тестов, равнялся 11,1.

Аналогичная картина наблюдалась и в других видах вооруженных сил. Среди механиков ВМС процент провалов снизился с 14,7 до 4,7. Но более важным является то, что введение системы тестирования не только снизило процент провалов, но также помогло выбрать гораздо большее количество специалистов для прохождения боевой подготовки непосредственно из рядов новобранцев ВМС, не лишая другие механические подразделения необходимых им кадров.

Этой книги не хватит, чтобы перечислить все примеры, которые показывают значительное улучшение. Тысячи опубликованных отчетов о методах отбора персонала свидетельствуют, что если он проводится компетентными психологами с помощью психологических методов, то наблюдается значительное улучшение качества работы и резкое падение уровня провалов.

Подобные результаты использования психологии труда вовсе не являются неожиданными. Индивидуальные различия в способности справляться с тем или иным видом работы настолько велики, а количество способностей, необходимых для определенной профессии, настолько ограничено, что даже с помощью простых неаналитических методов можно добиться успеха.

Но что касается профессиональной ориентации, то здесь складывается совершенно иная ситуация. В данном случае наша задача заключается не в том, чтобы выбрать самых перспективных кандидатов из большого количества претендентов на определенное рабочее место, а в том, чтобы подсказать человеку, какая из нескольких тысяч профессий подходит ему больше всего. Сделать это намного труднее по вполне очевидным причинам. Вместо того чтобы всего лишь проверить наличие или отсутствие определенных качеств, необходимых для конкретного вида работы, мы должны составить общую картину качеств, нужных для различных профессий, и затем оценить способности конкретного человека. В данном случае мы имеем дело не с одной конкретной профессией, о которой можно легко получить полную информацию, а с массой различных профессий, многие из которых часто маскируются одним названием. Хирург, терапевт, психиатр-консультант, медицинский историк, редактор медицинского журнала — все эти профессии имеют общее название «врач». Тем не менее род занятий людей, занятых в этих профессиях, и следовательно, необходимые для них способности разительно отличаются. Термин «секретарь» может относиться к человеку, выполняющему строго конфиденциальную работу, требующую высокой квалификации, высокого уровня умственных способностей и инициативности, но он также может относиться к девушке, которая целый день занимается тем, что подает кофе и сплетничает.

Даже если бы мы смогли систематизировать специфические требования к каждой из существующих профессий, все равно наши знания о способностях и особенностях темперамента, необходимых для успеха в каждой из них, слишком малы. Поэтому в данном случае без широкомасштабных исследований сделать точный прогноз невозможно. На настоящий момент мы располагаем информацией лишь по 20—30 профессиям из нескольких тысяч, а вероятность того, что этот список в ближайшем будущем будет увеличен, очень мала.

Возможно, одной из главных причин сравнительно небольшого количества исследований в области профессиональной ориентации является то, что в отличие от профессионального отбора, который быстро окупает себя (во всех приведенных примерах затраты компаний на исследования и эксперименты оправдывали себя уже в течение первого года), профориентация не приносит практически никакой финансовой выгоды. Однако она вносит огромный вклад в личное счастье и производительность труда, и следовательно, делает каждого правильно сориентированного человека более полезным для общества. Но это не играет большой роли в свете настоящих социальных и политических убеждений. К сожалению, работа в данной области проводится

исключительно частными организациями, такими как, например, Национальный институт психологии труда, которые не субсидируются правительством.

Несмотря на трудности, связанные с профессиональной ориентацией, существуют убедительные доказательства того, что даже на очень ранней стадии развития и при отсутствии всех необходимых знаний она уже обладает большими возможностями. Приведу только один пример — эксперимент по профессиональной ориентации в Бирмингеме, в рамках которого 1639 детей наблюдались в течение двух, а 603 из них — в течение четырех лет. Половина этих детей была определена в экспериментальную группу, которая получала консультации с помощью психологических методов, а половина — в контрольную группу, получавшую консультации в обычных кадровых агентствах. Для определения эффективности советов использовались различные критерии, такие как характеристика нанимателей и срок работы на определенном рабочем месте. Мы можем разделить членов экспериментальной и контрольной на тех, кто последовал совету при выборе профессии, и тех, кто им не воспользовался. Если мы возьмем экспериментальную группу, то обнаружим, что к концу двухлетнего периода 90 процентов тех, кто последовал совету, и только 26 процентов тех, кто им не воспользовался, были довольны своей работой. К исходу четырех лет эти цифры составили 93 и 33% соответственно. Таким образом, людей, которые последовали совету психологов и остались довольны, оказалось в три раза больше, чем людей, которые не пожалели о том, что они им не воспользовались.

Ситуация в контрольной группе сложилась иначе. Из тех, кто последовал совету, 64 процента остались довольны своей работой, а из тех, кто этого не сделал, — 76 и 78 процентов. В результате оказалось, что дети, поступившие так, как им посоветовали в кадровом агентстве, были менее довольны своей работой, чем те, которые поступили по-своему!

Похожая картина наблюдалась и в случае с длительностью работы. В экспериментальной группе последовавшие совету оставались на своей первой работе более двух лет в 60 процентах случаев, а более четырех — в 46 процентах случаев; этот процент в группе не последовавших совету составил 11 и 11% соответственно. В контрольной группе цифры для последовавших совету составили 37 и 27 процентов соответственно; для не последовавших совету они равнялись 33 и 26 процентов соответственно.

Таким образом, в контрольной группе не наблюдалось практически никакой разницы между сроком работы последовавших и не последовавших совету юношей и девушек, а в экспериментальной группе эта разница оказалась существенной. Данное исследование проводилось под эгидой Национального института психологии труда двадцать пять лет назад. На его результаты впервые обратили внимание лишь в начале Второй мировой войны: профессиональные отбор и ориентация сыграли свою роль в работе по отбору личного состава вооруженных сил.

Полагаю, следует сказать пару слов об одной уникальной черте этой работы. При профессиональном отборе человек, проводящий его, как правило, не заинтересован в судьбе людей, которые не были отобраны. При профессиональной же ориентации эксперт, дающий совет, заинтересован в том, чтобы выбрать для своего клиента именно тот вид работы, который подходит ему лучше всего. Однако в вооруженных силах складывается иная ситуация как в первом, так и во втором случае. Здесь мы имеем дело с тем, что физик назвал бы «замкнутой системой». Мы должны обеспечить работой всех призванных мужчин и женщин и не можем отказаться от менее способных. В то же время мы не можем проводить отбор, основываясь на требованиях одного конкретного вида работы отдельно от всех остальных. Поступив так, мы бы лишили многие важные отрасли специалистов, которые имеют нужную для них квалификацию. Подобное часто происходило в первые дни войны, когда некоторые рода войск и подразделения использовали процедуры отбора и в результате получали лучших новобранцев, а остальным приходилось брать тех, кто остался.

Поэтому возникла необходимость в хорошо сбалансированной системе, где были бы соотнесены способности всех новобранцев с требованиями различных армейских подразделений и достигнут компромисс, помогающий сохранять равновесие между всеми этими силами. Успешное сохранение этого равновесия

с помощью сложных статистических подсчетов свидетельствует об исключительном успехе британской психологии труда в годы войны. Вполне возможно, что когда-нибудь мы станем рассматривать общество как «замкнутую систему» и нам удастся достичь компромисса между различными способностями разных людей и потребностями общества. Беспорядочная работа с кадрами стала бы тогда более систематизированной и результативной, и мы стали бы жить в более продуктивном обществе, все члены которого были бы довольны выбранной профессией.

Однако я не являюсь приверженцем именно такого развития событий и не утверждаю, что это действительно произойдет. Существует множество очевидных трудностей и препятствий социального и политического характера, в которых ученый не настолько хорошо разбирается, чтобы обсуждать их. Но факты говорят о том, что, вне всякого сомнения, с помощью подходящих психологических методов отбора можно добиться значительного улучшения в производстве. Эти методы являются политически и социально нейтральными. Ими может воспользоваться тиран, чтобы увеличить производительность труда своих рабов; они могут помочь в достижении большей продуктивности и гармонии в свободном демократическом обществе. Несомненно, если психологические методы все-таки будут использоваться в больших масштабах, то многие производственные проблемы придется пересмотреть заново. Маловероятно, что общество откажется от преимуществ, которые предлагает современная наука, из страха, что ими могут злоупотребить.

Использование тестов при отборе студентов

В Великобритании отбор студентов до недавнего времени не был особой проблемой. Разумеется, определенные методы отбора использовались, но они были скорее связаны с сознательным ограничением количества студентов, а не с необходимостью исключения. Решающим фактором при приеме в университет являлся уровень доходов, а так как это вполне объективная величина, которую можно легко измерить, система прекрасно работала в рамках социальных и этнических ограничений данной философии.

В Америке гораздо больше молодых людей хотят и могут получить высшее образование, и проблема там всегда более остра, поскольку студентов в десять раз больше, чем в Великобритании. Возможно, именно поэтому американцам гораздо раньше пришлось столкнуться с вопросами отбора. Однако в последнее время похожие проблемы наблюдаются и в Великобритании, так как на сегодняшний день на одно место во многих университетах претендуют от 2 до 100 абитуриентов. (В данном случае невозможно привести конкретные цифры, так как многие студенты поступают весьма осмотрительно и подают заявления сразу в несколько университетов.) В медицинских университетах, в частности, ситуация складывается таким образом, что количество желающих поступить туда во много раз превышает число вакансий. Маловероятно, что положение вещей изменится в ближайшем будущем, поэтому нам еще долго предстоит сознательно и намеренно выбирать лучших из числа тех, кто хочет поступить в наши высшие учебные заведения.

Целью этой главы вовсе не является обсуждение того, целесообразны или нет процессы отбора студентов.

Согласно одной точке зрения, все люди, независимо от способностей, темперамента или каких-либо других качеств, имеют право продолжать свое обучение до тех пор, пока не почувствуют, что достигли необходимого им уровня знаний.

Однако согласно другой точке зрения, ограниченные умственные способности не позволяют большинству из нас воспользоваться преимуществами высшего образования. Посадить в один класс людей с выдающимися способностями и людей с уровнем способностей ниже среднего — значит превратить любой образовательный процесс в фарс. Споры о правильности или неправильности этих двух мнений лишены смысла, поскольку вряд ли когда-нибудь в нашем обществе благами высшего образования сможет воспользоваться большинство желающих, а не маленькая группа избранных. Экономика ставит перед нами трудную задачу, но в данном случае она по крайней мере указывает на границы, в пределах которых мы должны рассматривать нашу проблему.

Прежде всего нам, возможно, захочется узнать, с помощью каких методов отбора решается в настоящее время судьба нескольких тысяч наших самых одаренных и умных юношей и девушек. Хотя этот вопрос тщательно не изучался, все-таки можно с уверенностью сказать, что основанием для принятия в университет являются результаты собеседований, а также рекомендации директора либо учителей школы. Во время довольно поверхностного исследования я столкнулся и с другими критериями отбора, такими как, например, качество почерка, которые расценивались определенными людьми, имеющими право отбирать студентов, как достаточное основание для отказа абитуриенту. Но я не думаю, что подобные безосновательные и неадекватные методы распространены. Тем не менее очевидно одно: в настоящий момент ни в одном британском университете для отбора студентов не используются психологические тесты. Это кажется довольно странным, особенно с учетом того что в Америке подобные тесты нашли широкое применение. Главная задача данной главы заключается в исследовании степени обоснованности существующих методов отбора по сравнению с психологическими тестами.

Но прежде чем начать, давайте обратимся к результатам методов отбора, существующих в настоящее время в Великобритании.

Взяв за основу своих вычислений отчеты, публикуемые различными университетами, я установил, что средний IQ студентов составляет примерно 125—130, причем сильно варьирует в зависимости от вида колледжа или факультета. Оказывается, студенты медицинских факультетов, как правило, уступают по уровню умственных способностей студентам физико-математических и филологических факультетов; студенты, изучающие математику и философию, превосходят по своим умственным способностям студентов, изучающих историю и английский язык, и так далее. Зная примерное соотношение уровня интеллекта в обществе и количество студентов, поступающих в университеты, можно сделать вывод, что в университет попадает лишь немногим более половины тех людей, чьи способности дают им все основания для получения высшего образования. Это утверждение можно перефразировать, и тогда оно будет звучать следующим образом: уровень интеллекта многих студентов, получающих высшее образование, ниже, чем у людей, не поступивших в университет. Если бы в университеты поступали только самые умные молодые люди, то самой *низкой* планкой для прохождения отбора являлся бы IQ никак не меньше 135. Сравнение этой цифры со *средним* IQ указывает на то, что университетам пока не удается отобрать большое количество студентов с высоким уровнем умственных способностей.

Цифры по Америке, естественно, существенно отличаются. Средний коэффициент интеллекта студентов составляет 110, а это означает, кроме всего прочего, что уровень интеллекта одной четверти студентов ниже среднего. А ведь в Америке есть колледжи, где средний уровень интеллекта студентов ниже, чем средний уровень по всей стране! Однако необходимо подчеркнуть, что эти цифры не имеют никакого отношения к стандартам таких известных американских университетов, как Йель, Гарвард, Принстон и т.д. Интеллектуальные способности студентов этих университетов примерно такие же, как и средние способности английских студентов. Более низкий в целом уровень интеллекта американских студентов объясняется прежде всего их большим числом: невозможно увеличить количество студентов в десять раз без значительного снижения среднего IQ. Частично это явление отражает также склонность многих американцев рассматривать университет не как научное заведение, а скорее как продолжение среднего образования, социальные функции которого отличаются от функций высшего образования. Я привел здесь цифры, так как они показывают, что методы, которые прекрасно подходят для Соединенных Штатов, вовсе не обязательно подойдут для Великобритании, и что трудно провести аналогию при наличии разных условий.

Учитывая подобную особенность, мы можем сначала обратиться к результатам экспериментов, проводившихся в Америке. В начале этого века не раз предпринимались попытки использования психологических тестов для измерения умственных способностей студентов. К сожалению, первые тесты были составлены на основе ошибочных гипотез (гипотез, связывающих умственные способности с рефлекторной деятельностью и другими функциями нервной системы) и не показывали корреляции

между результатами учебы в университете и результатами по тестам. В настоящее время известно, что они не имеют практически никакого отношения к изучаемой нами проблеме. Однако появление тестов для отбора военнослужащих дало университетам средство измерения скорее психологического, нежели физиологического характера, и тесты стали использоваться для отбора нескольких тысяч студентов по всей стране. Психологи различных университетов написали бесчисленное множество отчетов, и к настоящему моменту сохранилось несколько тысяч документов, описывающих результаты проделанной работы.

В целом итог всех исследований примерно одинаков. Студенты набирают гораздо больше баллов по тестам, чем молодые люди, не поступившие в высшие учебные заведения. Студенты, получающие высокие оценки на экзаменах, справляются с тестами умственных способностей лучше, чем те, кто проваливается на экзаменах или сдает их с трудом. Основываясь на результатах тестирования, проводившегося при поступлении студента в колледж, можно предсказать, как он сдаст выпускные экзамены. Точность подобного прогноза зависит от вида высшего учебного заведения. В одном случае этот прогноз может оказаться совершенно неправильным, а в другом он практически абсолютно точен. Существует несколько причин подобного несоответствия.

Во-первых, колледжи различаются степенью однородности своих студентов. В одних случаях умственные способности разных студентов существенно отличаются, в других — все студенты имеют примерно одинаковые умственные способности. Очевидно, что чем больше разница в способностях, тем легче сделать прогноз; и наоборот, прогноз очень трудно сделать, если все студенты в одинаковой мере наделены качествами, которые нужно измерить. Во-вторых, важно то, насколько университет полагается на вердикт теста умственных способностей. В одних университетах, несмотря на применение тестов, их результаты не используются для отбора студентов. Количество набранных баллов применяется для других целей, например, чтобы определить, какие предметы студенту стоит выбрать для изучения. В других вузах отбор происходит практически исключительно по результатам тестирования. Но большинство придерживается золотой

середины. Наиболее точный прогноз относительно успехов студентов в будущем можно сделать, если результаты тестирования не принимались во внимание во время зачисления в университет, так как в данном случае к занятиям были допущены как умные, так и посредственные студенты, которые вместе представляют собой весьма неоднородную группу. Если же при зачислении решающим фактором являлся тест, то сделать прогноз значительно тяжелее, поскольку в результате студенты образуют практически однородную группу. При проведении статистического анализа можно сделать поправку на эти два факта, для того чтобы можно было сравнить между собой разные колледжи.

Третья причина заключается в типе заключительного экзамена, который предшествует получению студентом диплома. Объективные экзамены, которые в последнее время получили распространение в Америке, показывают более высокую корреляцию с прогнозами, сделанными по результатам тестирования, нежели экзамены в форме сочинения, которые до сих пор повсеместно используются в университетах этой страны. Возможно отчасти это объясняется тем, что объективные экзамены во многих отношениях похожи на тесты умственных способностей, следовательно, и те и другие имеют одну общую черту, которую можно назвать «разрозненностью».

В обоих случаях за короткое время студенту необходимо ответить на большое количество довольно специфических вопросов, поэтому он не может представить свои знания в рамках определенного структурного целого.

Однако этому возможному недостатку экзаменов объективного типа можно противопоставить недостаток экзаменов в форме сочинения, который и будет нашей четвертой причиной трудностей, связанных с точностью прогнозов. Важно понять, что точность прогноза не может быть важнее, чем его надежность. Другими словами, если экзамен сам по себе является ненадежным, то даже с помощью самого точного инструмента измерения нам не удастся сделать точный прогноз. На сегодняшний день доказано, что экзаменационные сочинения ненадежны, поскольку их результаты настолько зависят от личности и убеждений экзаменатора, что если одно и то же сочинение дать на проверку двум

экзаменаторам, оно будет оценено по-разному. Проведение нескольких эмпирических исследований по вопросу надежности экзаменационных сочинений показало, что хотя разные экзаменаторы иногда сходятся во мнении относительно одних и тех же сочинений, происходит это не так часто, чтобы экзаменационное сочинение могло считаться надежным критерием измерения способностей будущего студента. Так, одно и то же сочинение один экзаменатор определил как неудовлетворительное, второй — как довольно среднее, а третий отметил, что оно было исключительным во всех отношениях и заслуживало самого пристального внимания! В еще одном исследовании главный экзаменатор, практически доведенный до отчаяния низким качеством сочинений, которые ему приходилось проверять, написал свое сочинение на заданную тему в качестве примера того, как, по его мнению, оно должно было выглядеть. Это сочинение случайно попало в стопку работ студентов, и при проверке некоторые экзаменаторы сочли его неудовлетворительным!

Следует отметить, что исследования в основном проводились в школах, а не в университетах, но тем не менее большинство опытных экзаменаторов не могло настолько же точно определить способности студентов, как это делали объективные тесты. В целом степень надежности экзаменов варьирует в зависимости от колледжа, объективности экзаменатора, его честности, количества работ, которые он должен оценить, и т.д. Факты говорят о том, что если экзаменационное сочинение проводится и проверяется точно в соответствии со всеми правилами, то корреляция надежности окончательной оценки составляет 0,8; в противном случае корреляция составляет 0,6 и ниже. Следовательно, эти цифры ограничивают возможную степень точности прогнозов. Даже самый точный инструмент измерения не всегда может правильно предсказать результаты экзаменационного сочинения, точно так же как оценки, выставленные по одному и тому же сочинению экзаменатором А, не могут помочь нам определить, как его оценит экзаменатор Б. Возможно, стоит помнить об этом явном недостатке экзаменационных сочинений при сравнении их с предполагаемыми недостатками экзаменов объективного типа. Однако, к счастью, мы не ставим в данной главе задачу выяснить степень эффективности того или иного вида экзаменов.

Пятой, не менее важной переменной, является время, которым располагает психолог, проводящий исследования. Если на все тестирование отведен только час, то вряд ли прогноз будет таким же точным, как если бы на него было отведено пять и больше часов. Очень часто фактор времени становится решающим, особенно в тех случаях, когда нужна не просто приблизительная оценка умственных способностей, а, например, дифференцированный прогноз, то есть предсказание того, что студент А будет успевать по филологическим предметам, но плохо справляться с физико-математическими науками, а студент Б, вероятно, сможет блестяще окончить медицинский факультет, но никак не физико-математический.

Компетентность человека, проводящего тестирование, является последней переменной, которая часто становится самым важным фактором, влияющим на точность прогноза. Мне часто приходилось выслушивать людей, прошедших тестирование и критикующих его. При более близком изучении каждого конкретного случая оказывалось, что тестирование проводилось людьми, не имевшими никакого представления о том, как это следовало делать. Они игнорировали необходимые меры предосторожности и не разбирались в сложных статистических методах, без которых хорошо выполнить эту работу просто невозможно. Мнение, согласно которому любой человек, имеющий ученую степень по психологии, может проводить отбор, ошибочно. Для этого необходим большой опыт работы и специальная квалификация, и любителю здесь делать нечего.

Прежде чем критиковать какой-либо метод отбора, важно посмотреть, что с его помощью может сделать эксперт. Нельзя отвергать что-либо на основании результатов некомпетентной, любительской работы.

Если мы примем во внимание только те исследования, которые проводились профессиональными психологами в соответствии с необходимыми статистическими процедурами, то обнаружим, что результаты их примерно одинаковы. В целом они не оставляют никаких сомнений относительно того, что с помощью тестирования можно точно и достаточно обоснованно предсказать, как студент будет учиться в университете. Эти результаты имеют непосредственное отношение к Америке. А можно ли ска-

зать, что такая же ситуация складывается и в Великобритании? Несмотря на то, что, к сожалению, здесь было проведено гораздо меньше исследований, их результаты тем не менее не отличаются от американских. Здесь с помощью тестирования также можно достаточно точно прогнозировать, как студент закончит учебу в университете. Но, как и следовало ожидать, точность прогнозов немного ниже, ибо студенты в целом представляют собой более однородную группу. Однако разница не является сильно выраженной, поэтому в практических целях ее можно не принимать во внимание.

Что же показывает сравнение методов тестирования с существующими на данный момент в Великобритании процедурами отбора с помощью собеседования? В ходе одного замечательного долгосрочного исследования, проводившегося в Лондоне, сравнивалась точность прогнозирования с помощью обычных процедур, т.е. собеседования, конспектов и сочинения, с точностью серии отборочных тестов. В распоряжении людей, проводящих собеседование, были письменные работы абитуриентов и результаты вступительных экзаменов. Главной целью было определить, насколько каждый абитуриент подходит для выбранного им учебного курса. Особое внимание при этом уделялось таким факторам как уровень умственных способностей, учеба в школе, подготовка, опыт, интересы и мотивация, а также личность и характер. Интервьюеры являлись достаточно компетентными и опытными людьми, и нет никаких причин думать, что они были хуже интервьюеров в других высших учебных заведениях.

Сравнительная характеристика результатов собеседования с результатами тестов умственных способностей выявила интересные факты, похожие на те, которые имели место в Америке. Собеседование вообще не справилось с задачей точного прогноза, в то время как прогноз, сделанный с помощью тестирования, оказался достаточно адекватным. Кроме того выявилось следующее. Во-первых, корреляция собеседования с тестами умственных способностей оказалась отрицательной. Другими словами, люди, проводившие собеседование, в результате выбирали самых глупых претендентов. Во-вторых, сами результаты письменных работ и результаты вступительных экзаменов абитуриентов, представленные на рассмотрение интервьюеру, достаточно хорошо прогнозировали успехи абитуриентов на выпускных экзаменах. Таким образом, собеседование в некоторых случаях *уменьшает* точность прогноза. Данные, полученные в ходе этого английского исследования, полностью согласуются с результатами экспериментов, проводившихся в Америке. Собеседование практически бесполезно для прогнозирования успеха или провала студентов университетов на экзаменах, в то время как тестирование умственных способностей помогает сделать достаточно точный и надежный прогноз.

Противники тестирования нередко заявляют, что умственные способности не являются единственным фактором, который играет для студента первостепенную роль, немаловажными также являются характер и тип личности. Вероятно, это действительно так. Однако иногда это приводит к ошибочному заключению о том, что именно по данной причине отбор с помощью собеседования лучше, чем отбор с помощью тестирования. Подобный вывод является в корне неправильным, так как в данном случае мы имеем дело с тремя необоснованными утверждениями. Первое заключается в том, что люди, проводящие собеседование, могут с какой-либо степенью точности определить характер и личность человека. Я суммировал все факты относительно этого вопроса в другой главе, поэтому здесь повторяться не буду. У всякого, кто прочел достаточное количество литературы по этому поводу, не должно возникнуть ни малейших сомнений относительно того, что собеседование является абсолютно ненадежным и практически необоснованным способом определения личностных качеств. Очень часто разные люди, проводящие собеседование с одним и тем же человеком, приходят к противоположным заключениям, которые к тому же весьма редко подтверждаются объективными фактами.

Многие люди не хотят осознавать этой довольно неприятной для них правды, считая себя настоящими знатоками человеческой природы и полагая, что они хорошо умеют проводить собеседование. Тем не менее, если делать выводы, опираясь только на факты, а не на эмоции, то одинаковые результаты бесчисленных исследований станут очевидными. Отсюда следует, что даже если личность и характер очень важны, то все равно собеседование не является верным способом их определения.

Второй момент заключается в том, что ни один здравомыслящий человек не откажется от инструмента, который может помочь в решении одного вопроса, только потому, что он не подходит при решении других вопросов. Мы пользуемся молотком, несмотря на то что не можем применить его как пилу, или несмотря на то что с его помощью не можем измерить силу электрического тока. Нет никаких причин, по которым мы должны отказаться от использования тестирования умственных способностей только потому, что оно измеряет именно их, а не другие также немаловажные качества. В конечном итоге мало кто поспорит с тем, что умственные способности являются необходимым атрибутом хорошего студента. Для того чтобы оправдать использование тестов, вовсе не нужно заявлять, что умственные способности являются *единственным* важным качеством студента. Факты говорят о том, что если человек набрал по тесту умственных способностей количество баллов ниже установленной средней оценки, то у него практически нет шансов на успешную учебу в университете. Мы поступаем в данном случае жестоко, разрешая ему сделать попытку и провалиться. Мы поступаем так же по отношению к более способному человеку, чье место занимают, не позволяя ему в полную силу проявить свои способности. Однако мы вовсе не утверждаем, что высокие умственные способности могут гарантировать блестящую учебу в университете. Неудачу гораздо проще предсказать, чем успех, так как низкое количество баллов по тестам умственных способностей указывает на отсутствие качеств, необходимых студенту для сдачи экзаменов. Высокое же количество баллов говорит лишь о том, что при желании посвятить себя науке человек непременно добьется успеха. Возможно, существует много причин, которые нельзя предвидеть заранее и которые могут помешать студенту осуществить свои намерения. Так, ему, может быть, придется зарабатывать себе на жизнь, и поэтому он не сможет уделять достаточно времени учебе, или у него может произойти нервный срыв, тогда из-за эмоциональной нестабильности он не сможет усердно работать; он может завести роман с женой своего профессора, и за это его могут исключить из университета.

Эти и другие вещи, из-за которых студенты проваливались на экзаменах или были исключены из вуза, случались не раз. Следовательно, мы вовсе не утверждаем, что прогнозы, сделанные на основе результатов тестирования, всегда безошибочны; мы лишь утверждаем, что с их помощью достаточно точно можно измерить один из важных элементов успеха.

Стоит подчеркнуть и тот момент, что для определения черт характера и личности как составляющих успеха сейчас в нашем распоряжении уже есть нужные методы. Они вместе с методами измерения умственных способностей делают прогнозы намного точнее. Такие черты как настойчивость, интерес, степень вдохновения и эмоциональная нестабильность можно достаточно точно измерить как с помощью индивидуальных тестов, так и групповых. Ряд исследований показал, что подобные тесты могут дать довольно точный прогноз относительно успеха или неудачи студента. Например, удачливый студент, как правило, настойчив, эмоционально стабилен, а его стремления не выходят за рамки возможного. Неудачливому студенту с таким же уровнем умственных способностей не хватает настойчивости, он эмоционально нестабилен и либо вообще ни к чему не стремится, либо пытается достичь невозможного.

Эти тесты пока находятся в начальной стадии развития и, естественно, нуждаются в усовершенствовании, но тем не менее даже на этой стадии они все равно дают более точные прогнозы по сравнению с собеседованием. Следовательно, их можно рассматривать как хорошее дополнение к тестам интеллектуального характера.

Таким образом, бесстрастно посмотрев на факты, мы найдем много доказательств того, что с помощью собеседования невозможно дать точный прогноз относительно учебы в университете, и наоборот, что с помощью тестов уровня интеллекта составление такого прогноза вполне возможно. Последние разработки свидетельствуют о том, что тесты по определению типа личности и характера уже могут внести значительный вклад в более или менее точное прогнозирование успеха.

Почему же тогда эти тесты не используются в университетах Великобритании?

Мне удалось выяснить следующее: во-первых, говорится о том, что тесты умственных способностей, как и любые другие тесты, не являются безупречными. Прогнозы не могут быть точ-

ными на 100 процентов, следовательно, решения, принятые на основе результатов этих тестов, могут быть неправильными. С этим аргументом действительно не поспоришь, но я не думаю, что исходя из этого следует делать какие-либо заключения об использовании тестов. Действительно, методы тестирования не безупречны, но необходимый стандарт, с которым они сравниваются, представлен в виде других несовершенных методов отбора. Вне всяких сомнений, в процессе отбора, который мы вынуждены делать, ошибки будут неизбежны. Мы будем зачислять в университет студентов, которые не смогут его закончить, и будем отказываться от студентов, которые, возможно, смогли бы блестяще учиться. Система, которая действует в настоящее время, показала свою несостоятельность, существующие методы отбора очень часто можно сравнить с подбрасыванием монетки: если выпадет орел, то студент принят, если решка, значит, ему не повезло. Хотя тестирование умственных способностей далеко от совершенства, оно в любом случае лучше, чем существующие процедуры отбора. Я вычислил, что если при обычных методах отбора на экзаменах в университете проваливается 15 процентов абитуриентов, то с помощью тестов эту цифру можно снизить до 2—3 процентов при условии сохранения одних и тех же экзаменационных стандартов и при одинаковом конкурсе, т.е. количестве абитуриентов на одно место.

Точно так же можно вычислить, что количество людей, получающих высокие ученые степени, можно удвоить (опять же при сохранении существующих стандартов). Однако из всего вышесказанного вовсе не следует, что новые методы станут чем-то вроде панацеи от плохих студентов или что они будут безошибочными. Можно сделать лишь один вывод, который основан на реальных результатах научных исследований: тесты могут значительно снизить количество ошибок, допускаемых в настоящий момент при отборе студентов.

Еще одним аргументом в пользу тестирования является то, что, поскольку оно не безупречно, его можно совершенствовать именно в ходе частого применения. Это можно сделать путем тщательного анализа неверных прогнозов с целью выявить причину ошибки, для того чтобы не допустить ее в будущем. Без поддержки университетов британские психологи практически лишены возможности накопления опыта в этой области и не могут совершенствовать свои методы. Несколько исследований, которые проводились фондом «Нафилд Фаундейшн», являются исключением, но в целом очевидно, что те университеты, которые отказываются вводить новые методы отбора, боясь возможных ошибок, только усложняют задачу устранения этих самых ошибок.

Второй аргумент, который часто приводится против тестирования, в этой книге уже обсуждался. Он имеет отношение к определенным чертам характера личности, которыми обязательно должен обладать хороший студент наравне с интеллектом или независимо от него. Против подобного аргумента трудно возразить, так как в его основе лежит субъективный взгляд на человеческую природу, кроме того, способности людей, проводящих собеседование, как правило, не подвергаются критическому рассмотрению. Как я уже отмечал, все факты говорят о том, что какими бы ни были эти, может быть, действительно необходимые качества характера и темперамента, собеседование не поможет нам точно определить их.

Третий аргумент направлен против набора различных составляющих тестов батареи и статистической природы методов отбора, основанных только на тестировании. Предполагается, что многим студентам не понравилось бы, если бы их судьбу решали какие-то баллы, полученные механическим путем и обработанные с помощью статистических методов. Этот метод лишил бы их возможности личного контакта, которая представляется им в ходе собеседования. Результаты некоторых экспериментов показывают, что студенты, зачисленные в университет, очень хорошо отзываются о самом процессе отбора; если отбор происходил с помощью собеседования, студенты вспоминают интервьюера как очень компетентного, проницательного человека, который смог обнаружить в них глубоко спрятанные знания и неисчерпаемый потенциал. Если отбор происходил с помощью объективных тестов, то они восхищаются профессионализмом исследователя, который смог с такой точностью определить действительный уровень их умственных способностей. Однако абитуриенты, не зачисленные в университет, как правило, убеждены, что собеседование проводил озлобленный старый дурак, совершенно не разбирающий-

ся в людях, который заранее был настроен против них и поэтому не мог объективно судить об их выдающихся способностях. Если же они провалились по результатам тестирования, то, разумеется, оно, по их мнению, не имело ни малейшего отношения к умственным способностям, а представляло собой нечто вроде шарады, которую любому здравомыслящему человеку не стоило принимать всерьез. Таким образом, получается, что чувства студента не следует превращать в решающий фактор, особенно если студенты ознакомлены со всеми фактами — а они, вне всякого сомнения, должны быть им известны — до начала любой процедуры отбора.

В любом случае найдется мало людей, которые полагают, что отбор должен проходить только на основании одного теста или даже целой их серии. Тесты должны являться важной, но не единственной составляющей отбора, в ходе которого необходимо учитывать всю информацию, касающуюся абитуриента, в том числе рекомендательные письма, характеристику, составленную директором школы, результаты медицинского осмотра и историю болезней, а также результаты собеседования, обобщающие все имеющиеся данные. Не последнюю роль в этом процессе должно играть тщательное наблюдение, то есть необходимо будет выяснить, насколько каждый вид информации влияет на точность прогнозирования, для того чтобы в будущем уделять больше внимания полезной и надежной информации.

Важно понимать, что такую работу нельзя проделать на любительском уровне. Разработка тестов, особенно с учетом того факта, что с каждым годом их требуется все больше и больше, представляет собой трудоемкий процесс, требующий немало времени и денег. В Америке существуют организации, которые составляют тесты для целого ряда университетов. Подобные организации необходимы и в Англии, так как лишь некоторые вузы располагают средствами для необходимой исследовательской работы. Естественно, на первых этапах могут возникнуть трудности, но для того чтобы система отбора потенциальных студентов работала как можно лучше, стоит потратить время и силы.

До сих пор я рассматривал использование тестов на проверку умственных способностей лишь применительно к процессам от-

бора студентов. Было бы ошибкой предположить, что это единственная, или даже главная, сфера применения результатов тестирования. В ходе одного из последних широкомасштабных исследований, затронувших многие университеты Америки, было обнаружено, что в каждом вузе имеется как минимум пять сфер применения этих результатов. Во-первых, можно легко вычислить тех студентов, чья учеба не оправдала ожиданий, то есть тех, чья работа не соответствует стандартам, на которые указывает их интеллектуальный уровень. Было доказано, что дополнительная работа с такими студентами помогает добиться значительных успехов. Во-вторых, преподавателей и администрацию университета очень часто просят посоветовать, какую специальность студенту следует выбрать. Такой совет будет более верным, если его дадут, основываясь на объективных фактах, касающихся умственных способностей студента, его интересов, особенностей его характера и полученных с помощью правильно проведенного тестирования. В настоящее время подобные советы, как правило, представляют собой субъективную точку зрения, не имеющую под собой веских оснований. Третья сфера применения тестов имеет отношение к решениям, касающимся будущей профессии студента после окончания учебы в университете. Естественно, рекомендации и советы будут в основном зависеть от того, как он учился в университете. Однако оценка реальных способностей студента, возможно, в данном случае тоже будет полезной. Менее способный студент может с помощью упорной работы добиться того же успеха, что и самый блестящий студент, который не прилагает к этому видимых усилий. Зная как степень успеха, так и уровень способностей, мы можем составить более полное мнение о выпускнике.

В некоторых университетах Америки тесты умственных способностей не используются для зачисления студентов в университет.

По результатам этих тестов отбираются студенты с самыми низкими баллами, затем с ними проводятся беседы об их результатах по тестам, в которых обсуждается степень вероятности провала или успеха во время учебы в университете с таким количеством баллов. Таким образом, многие потенциальные студенты, которые в любом случае не смогли бы отвечать всем универси-

тетским требованиям и которые через пару лет были бы исключены за неуспеваемость, приходят к верному заключению и забирают свои заявления. Тесты выполняют очень важную функцию, помогая студентам избежать бесполезной борьбы. Во многих отношениях подобный отбор, основанный на добровольных началах, при определенных обстоятельствах может стать более уместным, чем отбор, проводящийся администрацией университета. В конечном итоге все факты, представленные в этой главе, указывают лишь на то, что тесты умственных способностей могут оказаться весьма полезными в деле прогнозирования достижений, а вот вопрос о том, как они должны использоваться в каждом конкретном университете, зависит от факторов, которые очень трудно проанализировать и обобщить, так как они слишком специфичны. Естественно, результаты тестирования в различных университетах Америки используются по-разному. И это только к лучшему, ибо на ранних этапах развития какой-либо технологии очень важно избегать единообразия, необходимо проводить как можно больше различных видов экспериментов, для того чтобы лучшие методы постепенно вытеснили худшие.

В завершение мне хочется отметить, что пока остается без ответа вопрос о том, как добиться того, чтобы процедуры отбора проводились исключительно высококвалифицированными психологами. Ошибки, вне всяких сомнений, будут происходить и в будущем, но можно с уверенностью сказать, что их станет меньше и они будут не такими серьезными, как в настоящее время. Кроме применения тестирования при отборе студентов, существует много способов его использования на благо университета и учащихся. В настоящее время нет объективных причин, свидетельствующих против использования тестов, зато существует множество доказательств того, что сфера их применения очень велика.

Говорят, что должно пройти пятьдесят лет, прежде чем научное открытие станет применяться на практике. Минуло примерно пятьдесят лет с тех пор, как были изобретены первые тесты умственных способностей, которые оказались надежными и полезными. Возможно, мы можем считать это хорошим предзнаменованием на будущее!

Оценка людей

Многие ошибочно полагают, что методы отбора, основанные на психологических тестах, появились сравнительно недавно. Это не так. В истории разных народов можно найти немало примеров как разумных, так и абсурдных методов отбора. Возможно, один из самых первых примеров — в Библии, в книге Судей Израилевых, когда Гедеон использовал две стадии отбора людей для войны с мадианитянами. Первая стадия отбора заключалась в «отсеивании» людей, которые были подвержены страху и беспокойствам. Было сказано: «Кто боязлив и робок, тот пусть возвратится и пойдет назад с горы Галаада». Данный метод отбора явно оказался эффективным, так как «И возвратилось народа двадцать две тысячи, а десять тысяч осталось».

Современные генералы не пошли бы на такое значительное сокращение личного состава. Однако Гедеон на этом не остановился и перешел ко второй стадии отбора, которую можно назвать психологическим тестом. Проще всего этот метод можно описать, цитируя Библию:

«И сказал Господь Гедеону: все еще много народу; веди их к воде, там Я выберу их тебе. О ком я скажу: «Пусть идет с тобою», тот и пусть идет с тобою; а о ком скажу тебе: «Не должен идти с тобою», тот пусть и не идет.

Он привел народ к воде. И сказал Господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колена свои и пить.

И было число лакавших ртом своим с руки триста человек; весь же остальной народ наклонялся на колена свои пить воду.

И сказал Господь Гедеону: тремя стами лакавших Я спасу вас, и предам мадианитян в руки ваши; а весь народ пусть идет, каждый в свое место».

Тест Гедеона, если мы можем его так назвать, отличается (как своей концепцией, так и методами проведения) от современных тестов, использующихся для отбора студентов и рабочего персонала, которые обсуждались в предыдущих главах. Однако во многих отношениях он похож на тесты и методы, которые постулируются некоторыми современными школами, полагающими,

будто ортодоксальные методы отбора рассматривают человеческую природу с «атомистических» позиций и мы должны заменить их на то, что называется «холистическими» методами. На этом моменте стоит остановиться подробнее.

При отборе обычно предполагается, что для какого-то данного вида работы необходимы качества А, В и С, черты характера X, Y и Z и тип темперамента α. Следовательно, мы разрабатываем тесты для определения этих качеств и черт и отбираем людей, набравших по ним наибольшее количество баллов. Подобные методы оспариваются немецкими военными психологами, чьи концепции основаны на совершенно ином видении человеческой природы. Согласно их теории, анализ определенных способностей, черт характера и т.д. разрушает «целостность личности» кандидата. Именно поэтому следует понаблюдать за его поведением в определенных сложных ситуациях, для того чтобы получить целостную оценку его реакций, которая поможет сделать прогноз, основанный главным образом на общем впечатлении, а не на каких-то цифровых и количественных результатах тестирования.

Ситуации, которые искусственно создавали эти немецкие психологи, иногда были довольно странными и необычными. Например, кандидату предлагалось тянуть на себя сильную металлическую пружину, прилагая максимум усилий. Чем сильнее он за нее дергал, тем сильнее и болезненней становилась сила тока, который проходил через тело кандидата. Пока он таким образом напрягал свои силы, скрытая камера снимала выражение его лица. В результате оценивалось не то, сколько проволоки ему удалось вытянуть, а как он себя вел, включая и выражение его лица.

Гипотеза, на которой основан этот тест, вполне логична, но немецкие военные психологи не учли один существенный момент. Правильность гипотезы не была подтверждена, так как она кажется логичной. Но необходимо тщательное наблюдение, для того чтобы показать, что люди, отобранные с помощью этого метода отбора, действительно лучше отвечают необходимым качествам, чем те, чьи кандидатуры были отклонены. Этого не сделали ни немцы, ни японцы, которые использовали похожие методы отбора, следовательно, практически ничего нельзя сказать о полезности последних. Но мы знаем, что многие из них совершенно ненадежны, то есть что два разных человека, наблюдающие за одной и той же ситуацией, могут в значительной мере разойтись во мнениях. Хорошо известна аксиома, использующаяся в статистике, утверждающая, что ненадежные данные нельзя считать действительными.

Но как бы там ни было, Аттестационная комиссия военного министерства Англии решила адаптировать принципы, на которых были основаны немецкие методы, для использования в своей стране. Результаты, которых добилась АКВМ, будут рассматриваться позже; они упоминаются здесь главным образом потому, что эти методы и принципы в свою очередь были переняты агентствами по отбору в Соединенных Штатах, основанными Отделом стратегического назначения, который многим читателям знаком по военным фильмам. Он представляет собой комбинацию МИ-5, Эркюля Пуаро и Бульдога Драммонда. Перед ОСН была поставлена задача отобрать для различных целей большое количество новобранцев, чей моральный дух, психическая подготовленность, умственные способности, честность и смелость отвечали бы самым высоким требованиям. С этой целью группа психологов основала несколько отборочных лагерей, из которых только один здесь будет описан подробно. Психологи взяли за основу для своей работы холистические идеи Симонейта, которые вдохновили немецких психологов и их коллег из АКВМ. Весь процесс отбора лучше всего проследить на последовательности ситуаций, через которые должен был пройти кандидат с момента его первого контакта с агентством и до момента, когда его судьба была решена окончательно.

С каждым кандидатом проводилось собеседование в Вашингтоне, каждому сообщалось, что он будет подвергнут процедуре отбора, за время которой его имя будет оставаться неизвестным, то есть что он будет *инкогнито*. Кандидату надо было выбрать себе имя, придумать «легенду» и ни в коем случае не открывать себя. Затем его просили снять всю верхнюю одежду и взамен надеть армейскую нестроевую форму, чтобы устранить все видимые социальные различия между кандидатами. После этого он вместе с остальными направлялся в отборочный лагерь, куда попадал ближе к вечеру. Его встречали и приглашали отужи-

нать в столовой, где он мог свободно общаться с другими кандидатами или с членами отборочного персонала, которых было не меньше, чем кандидатов.

После ужина кандидаты должны были выполнить серию письменных тестов различного характера, а также заполнить общую анкету. Затем им предстояло пройти тест на наблюдательность и сообразительность, напоминавший хорошо известные игры, в которые играют в гостях. Кандидата вводили в одну из комнат и говорили, что здесь жил человек, который уехал, но забыл некоторые личные вещи, с помощью которых необходимо воссоздать его физический облик, характер и личность. После этого тестируемый отправлялся спать, чтобы набраться сил для испытаний первого дня.

Утром группы по четыре—семь кандидатов участвовали в ситуации «группа без лидера». Они были направлены к мелководной узкой речушке, расстояние между берегами которой составляло восемь футов. На одном берегу лежал тяжелый камень, а на втором — бревно. На берегу, где располагалась группа, лежали доски, недостаточно длинные для того, чтобы с их помощью можно было достать до противоположного берега. Кроме того, здесь лежали три мотка веревки, шкив и бочонок с выбитым днищем. Кандидатам было сказано, что перед ними очень бурный поток, поэтому нельзя, чтобы вещи касались воды. Предполагалось, что они только что вернулись с задания и должны переправить на противоположный берег хрупкий дальномер, замаскированный под бревно, а оттуда переправить коробку с патронами, замаскированную под камень. Было оговорено, что можно использовать любой материал, имеющийся поблизости. Никто из группы не назначался командиром, так как первая задача теста заключалась именно в том, чтобы выявить лидеров в процессе совместной деятельности.

Члены группы вели себя по-разному. Некоторые выдвигали нелогичные или бессмысленные предложения, другие рассуждали вполне здраво, но их никто не слушал, в то время как третьим удавалось сделать так, чтобы к их идеям прислушались. За группой наблюдали психологи, которые оценивали поведение кандидатов, учитывая их энергичность, инициативность, эффективность их идей, социальное поведение, лидерские качества и

физическую силу. Как только в группе появлялся явный лидер, ему сообщалось, что его только что убил снайпер, а группа, оставшаяся без лидера, должна была продолжать работать уже без него, до тех пор пока не выявлялся новый лидер. В качестве дубликатов кандидатам были предложены другие похожие задания, причем во всех нужно было применять физическую силу. Позже ситуация «группа без лидера» была организована так, что решающую роль играли умственные способности кандидатов. Так, им предлагалась заранее выбранная тема для обсуждения. Группа должна была прийти к определенному решению, и в данном случае опять оценивались лидерские способности и другие важные качества.

Немного позже каждый кандидат в отдельности должен был выполнить тест совершенно другого рода, призванный выяснить, как он с помощью двух помощников справится со строительством рамочного сооружения из деревянных стройматериалов. Кандидату показывали материалы, которые он должен был использовать, объясняли задание и назначали ему в помощь двух рабочих. В действительности эти рабочие являлись младшими сотрудниками агентства, проинструктированными таким образом: они должны выполнять все приказы кандидата, в то же время создавая ему как можно больше помех и раздражая его. Обычно этих двух помощников звали Киппи и Бастер. Киппи всегда разыгрывал медлительного, пассивного работника, который начинал что-либо делать, только если ему приказывали. Все остальное время он просто стоял рядом, путался под ногами и просто мешал. Бастер, напротив, был агрессивен, часто давал бесполезные советы, выражал недовольство и критиковал то, что предположительно считалось слабыми местами кандидата. Есть множество способов того, как вывести из себя офицера в подобной ситуации, и Киппи и Бастер перепробовали практически все. За всю историю проекта никому не удалось построить макет с их помощью за заданный период времени!

В этом случае опять анализировалось поведение кандидата, который мог выйти из себя и ударить своих подопечных, мог отчаяться и отказаться выполнять задание, мог делать всю работу сам, не нуждаясь в помощи этих двух сомнительных помощников, а мог подойти к данной ситуации с юмором.

Далее кандидату приходилось пройти не одно собеседование и выполнить несколько других тестов, а вечером с ним проводилось «стрессогенное» собеседование, задачей которого являлось проверить способность кандидата противостоять сильной эмоциональной и физической нагрузке, возникавшей в результате быстрого и безжалостного перекрестного допроса при неблагоприятных условиях. Он проводился с целью выявить слабые места легенды, которую испытуемый должен был придумать за несколько минут. Кандидат заходил в маленькую комнату, где его ждала записка, в которой сообщалось, что ночной сторож застал его за просматриванием документов из папки с грифом «Совершенно секретно» в правительственном офисе в Вашингтоне; что выяснилось, что он не был сотрудником агентства, которое размещалось в здании; у него не было при себе документов, удостоверяющих личность. Сообщалось также, что через несколько минут ему придется объяснить свое присутствие в офисе, причем он должен придумать убедительные причины своей невиновности. Кандидат также не должен был ни при каких условиях раскрывать, кто он на самом деле, и придерживаться легенды, которую он придумал сразу же по прибытии в лагерь.

Тестируемому отводилось двенадцать минут, для того чтобы все обдумать, затем его вводили в подвальное помещение, причем как только он входил туда, яркий свет ударял прямо в глаза и на какое-то мгновение ослеплял его. В самом помещении было темно. За лампой с трудом различались сидящие люди, которые должны были проводить допрос. Кандидата усаживали таким образом, чтобы лампа светила ему прямо в глаза, его обыскивали, и затем начинался беспощадный перекрестный допрос. Вне зависимости от того, как кандидат себя вел, в конце ему сообщали, что отвечал он очень плохо и провалил этот вид тестирования. Для кандидата это, как правило, было тяжелым ударом, так как до этого его предупреждали, что тест может стать решающим в процессе его отбора.

Сразу же после этого «допроса» с кандидатом беседовали другие сотрудники агентства, уже в другой комнате. На этот раз его встречали весьма радушно и старались сделать все, чтобы он почувствовал себя комфортно в обществе внимательных слушателей. Но главной целью этого вида собеседования было заставить кандидата «сломаться» и рассказать правду сотруднику, который изображал из себя сочувствующего слушателя.

На второй день кандидаты проходили тест с назначением лидера, в ходе которого каждый по очереди становился лидером. Проводились также тесты на наблюдательность, на проверку отдельных способностей, в течение дня кандидатам приходилось справляться с различными задачами. На следующее утро после завтрака перед всеми кандидатами выступал с речью директор проекта, после которой они отправлялись обратно в Вашингтон, где с ними опять проводились собеседования, во время которых разрешалось наконец открыть свое имя и биографию, и интервьюер в результате мог составить полную картину о личности каждого из кандидатов.

Во всех тестированиях, собеседованиях, стрессогенных ситуациях принимали участие различные психологи и наблюдатели, и была предпринята попытка объединить их мнения для составления общей характеристики личности кандидатов. При этом организаторы проекта старались избегать «атомистических» методов, поэтому психологи не пытались проверить наличие тех или иных способностей у кандидатов. Задача проекта заключалась в составлении общей оценки характера и типа личности, с помощью которой позже решалась бы судьба кандидата.

В данном случае очень трудно доказать полезность этой процедуры. Неоднократные попытки оценивать эффективность новобранцев предпринимались сотрудниками различных агентств из-за рубежа, офицерами, у которых они были в подчинении, коллегами, с которыми они раньше работали. Но эти попытки были безуспешными из-за ненадежности и необоснованности критериев, а также из-за того, что в карьере секретного агента зачастую немаловажную роль играет фактор везения. Хороший кандидат может не выдержать сильного напряжения и не пройти отбор; плохому кандидату может повезти, и он будет выбран. Но несмотря на эти и на многие другие трудности, наблюдение показало, что в целом прогнозы были сделаны довольно точно. Хотя в этом случае необходимы более усовершенствованные технологии, опубликованные данные свидетельствуют о том, что в целом процедура отбора сотрудников для Отдела стратегического назначения оказалась относительно успешной.

Но признать определенный успех процедуры — вовсе не значит согласиться с теоретическими принципами, на которых она основана. Возможно, успех процедуры отбора ОСН объясняется их методами и теориями. Однако следует отметить, что в дополнение к новым технологиям сотрудники отдела использовали хорошо проверенные старые методы, которые применяются в программах «атомистической направленности». Например, ОСН проводились тесты на проверку умственных способностей, а также многие другие письменные тесты. Таким образом, успех, которого добился ОСН при отборе своих новобранцев, вполне можно объяснить не новым, а старым; не холистическим подходом, а тем, что осталось от атомистического подхода. Отчеты по проекту не дают ответа на этот вопрос.

Можно было бы без особого труда сделать прогнозы по результатам каждого из тестов в отдельности с помощью подсчета баллов, а затем статистическим путем сделать общий прогноз, строго следуя принципам атомистической теории. После этого можно было бы сравнить эффективность различных тестов и эффективность двух разных способов анализа данных: статистического, или атомистического, и холистического, интуитивного. Результаты были бы весьма полезными, и то, что подобное исследование не проводилось, указывает на нежелание тратить время на доказательство теорий, так свойственное интуитивной (холистической) школе. В отчетах доказательства и конкретные факты подменяются возвышенными теориями и воззванием к здравому смыслу.

К счастью, мы избавлены от необходимости принимать какие-либо решения по поводу такого важного вопроса на основании этих неадекватных данных. Работа по отбору психологов в клиники, проводившаяся недавно Келли и Фиске, снабдила нас всеми данными, необходимыми для ответа на вопрос об относительной пользе атомистического и холистического подходов. Прежде всего интересна сама история появления этой процедуры отбора. Ассоциация ветеранов Америки, предвидя огромное число случаев нервных и других психических расстройств среди людей, участвовавших в войне, основала множество больниц и клиник для их лечения. Возникли проблемы с медицинским персоналом, особенно не хватало клинических психологов, и Ассоциация привлекала для работы в клиниках значительное количество специалистов с помощью грантов и гарантий различных льгот. В связи с этим университеты столкнулись с проблемой отбора студентов. На довольно ограниченное количество мест претендовало много высококвалифицированных психологов. Ни один университет не мог решить эту проблему самостоятельно, поэтому некоторые из них объединили свои усилия по разработке процедуры отбора.

Психологи, ответственные за проект, поступили весьма благоразумно и не принимали никаких решений *a priori* относительно адекватности холистического или атомистического подходов. Вместо этого они решили собрать достаточно данных, чтобы оценить полезность каждого из них. Во многих отношениях этот проект был похож на проект ОСН, хотя, естественно, основное внимание уделялось умственной, а не физической нагрузке. Был сохранен принцип «домика в деревне», использовавшийся ОСН, когда несколько кандидатов вместе с большим числом психологов изолировались в отдельном здании на срок от нескольких дней до недели. Также было решено сохранить тесты, которые позволяли наблюдать за поведенческими реакциями, и собеседования наравне с более привычными объективными бланковыми тестами. Я не хочу повторяться и снова детально рассматривать поведение кандидатов во время отборочного периода, рассмотрю лишь те тесты, которые отличаются от уже описанных. Одним из них является тест на экспрессивные движения, во время которого кандидат читает стихотворение, пытаясь проникнуться чувствами поэта. Затем его просят пройти в другую комнату и без слов выразить общее настроение стихотворения. Во время еще одного теста двум студентам необходимо разыграть определенную ситуацию. Так, один изображает председателя учебной комиссии, а второй — учителя средней школы, о сексуальных связях которого стали распространяться странные слухи. Председатель вызвал учителя к себе в кабинет, чтобы выяснить, в чем дело. Таким образом, двум студентам необходимо разыграть перед шестью членами отборочной комиссии настоящий мини-спектакль.

Еще одним тестом является ситуационный тест с блоками, напоминающий игру, в которую играют четыре человека. Перед

кандидатами находилось 16 очень тяжелых специальных цементных блоков различной формы и расцветки. Цель игры — разделить все блоки на четыре группы так, чтобы любой блок в какой-либо из них был похож на остальные в этой группе. Очки в этой игре равнялись количеству движений, необходимых для выполнения задачи.

За один раз можно было передвинуть только один блок, на что давалось 30 секунд. Это испытание напоминает тест «группа без лидера», но основное внимание в нем уделяется интеллектуальной стороне.

Хотя методы и сама процедура отбора мало чем отличались от проекта ОСН, обработка полученных данных была совершенно иной. В рамках программы ОСН данные по одному тесту смешивались с данными по другому, а оценки, сделанные одним психологом, рассматривались неотъемлемо от оценок других психологов. По этой причине анализ полезности каждого теста в отдельности был невозможен, а в результате делался лишь один общий холистический прогноз, с которым можно было либо согласиться, либо нет. В ходе исследования Келли и Фиске прогнозы сначала делались по результатам каждого теста в отдельности и только потом данные комбинировались различными способами. В результате на протяжении всего эксперимента можно было проследить степень полезности и эффективности каждой отдельной процедуры в процессе прогнозирования и таким образом сравнить холистический и атомистический подходы.

Особый интерес относительно вероятных результатов эксперимента представляет мнение отборочного персонала. В целом они были уверены, что самые эффективные прогнозы будут сделаны на основе собеседований, которые являются основным инструментом холистической школы. Следующими по полезности, на их взгляд, шли тесты на определение характера и темперамента, а также другие неколичественные тесты, с помощью которых можно было получить представление о личности в целом. И на самом последнем месте по важности оказались объективные тесты и информация об академической успеваемости кандидатов. Другими словами, люди, работавшие над проектом, одобряли идеи и теории отборочного персонала

ОСН и, вне всяких сомнений, являясь одними из самых компетентных психологов страны, прекрасно подходили для проведения этого эксперимента.

Но несмотря на это, наблюдения за реальными достижениями кандидатов и сравнение этих достижений с прогнозами, сделанными с помощью различных методов, показали картину, совершенно противоположную той, которую ожидал отборочный персонал. Самыми важными и наиболее полезными в процессе прогнозирования оказались объективные тесты и данные об академической успеваемости; наименее полезными оказались собеседования и тесты на определение типа личности. Таким образом, холистический подход показал свою несостоятельность. Чем больше различных впечатлений и характеристик объединялось в одно целое, для того чтобы составить общий портрет кандидата, тем менее точным получался прогноз, основанный на этом портрете. С помощью одного-единственного письменного теста, отправленного всего за пару пенсов по почте, можно было бы сделать более точный прогноз, чем полученный с помощью любой из дорогостоящих и сложных процедур, применявшихся отборочным персоналом ОСН.

Можно ли сказать, что этот результат стал полной неожиданностью? В каком-то смысле в самих отчетах ОСН имеются факты, которые могли бы стать своего рода предостережением для энтузиастов, придерживающихся холистических принципов. Отборочная процедура ОСН длилась три дня, но в одном из отборочных лагерей трехдневная процедура была невозможна и было решено сократить ее до одного дня. Исходя из принципов холистической философии, можно предположить, что сокращение количества полезного материала должно неизбежно привести к падению уровня точности прогнозирования. На самом деле все происходило как раз наоборот. Точность прогнозов, сделанных на основе данных, полученных за один день, была значительно выше по сравнению с прогнозами на основе информации, полученной за три дня. Впоследствии персонал ОСН признал, что чем большей информацией они располагали, тем менее точным был заключительный прогноз. Однако они не пришли к очевидному выводу о том, что данный факт ставил под сомнение весь холистический подход в целом, а вместо этого зая-

вили, что в будущем они, возможно, усовершенствуют свои методы и подобная картина больше не повторится.

Тем не менее факты, выявленные в ходе эксперимента, говорят сами за себя. Человеческий мозг пока не может объединить и проанализировать большое количество различных данных. В этом отношении ему далеко до вычислительных машин и статистических формул. Человеческий мозг может легко отвлечься на данные, не имеющие особой важности; он слишком легко может подвергнуться влиянию фактов, которые сами по себе могут быть интересными, но не имеют отношения к необходимым прогнозам; он не может оценить всю сложность линейных и нелинейных отношений, комбинация которых дает максимально возможную точность прогнозирования. Он может помочь человеку составить общее впечатление о кандидате, которое устраивает его самого, но, к сожалению, это впечатление может быть ошибочным и, следовательно, с его помощью точный прогноз невозможен. Таким образом, мы опять подходим к заключению, которое уже было сделано после обсуждения вопроса о полезности собеседования. Существует обратно пропорциональная связь между субъективным чувством уверенности и успехом прогноза. Чем больше человек уверен в своей правоте, тем менее точным оказывается прогноз. Многих людей устраивает собственная субъективная точка зрения. Но все собранные факты указывают на необходимость объективных методов измерения, без которых неточности и ошибки при определении способностей людей будут неизбежны.

По сравнению с необычной и, возможно, несколько абсурдной деятельностью отборочного персонала ОСН британская практика отбора офицерского состава кажется более консервативной и последовательной. Но как уже упоминалось ранее, она была основана на тех же принципах, что и американская, и руководители проекта точно так же считали неприемлемыми атомистические методы. В данном случае основополагающими опять становились теории и предположения, а не факты, снова наблюдалось отсутствие какой-либо доказательной базы. Возможно, полезно будет узнать историю возникновения и развития аттестационных комиссий военного министерства или АКВМ, учитывая их большую социальную значимость, а также то, что бизнесмены и промышленники нередко перенимают методы и процедуры, полезность которых вне армии весьма сомнительна.

Как показывает практика, такая консервативная организация, как армия, может обратиться за помощью к психологии лишь в том случае, когда традиционные методы становятся очевидно провальными. В начале войны офицеры отбирались в армию из мужчин, у которых было свидетельство об окончании школы или какого-нибудь высшего учебного заведения и которые прошли в школах курс обучения по подготовке офицерского состава. Отбор проводился специальными комиссиями, закрепленными за каждым военным округом, и его технология заключалась в том, что с кандидатом проводилось двадцатиминутное собеседование. Однако в 1941 году несостоятельность традиционных методов отбора стала очевидной. Число не сдавших экзамены в офицерско-кадетских учебных частях (ОКУЧ) начинало принимать угрожающие размеры и отрицательно сказывалось на моральном духе рядового и сержантского состава. Как следствие, количество претендовавших на офицерское звание снизилось до минимума. Кроме того, психиатрический осмотр офицеров, перенесших тяжелые нервные срывы во время службы, показал, что многих из них вообще не стоило принимать в офицеры. Общество было обеспокоено подобным положением вещей, и парламенту приходилось отвечать на бесчисленное количество вопросов.

Существует множество причин провала традиционных методов. Одной из них, возможно, самой важной, является то, что практически все офицеры принадлежали к одному социальному классу. Отборочные методы были основаны на этом факте в том смысле, что подразумевали существование общей социальной подоплеки у кандидатов и людей, производивших отбор. Интуитивные суждения, основанные на сходстве кандидатов и интервьюеров, должно быть, справлялись с задачей достаточно хорошо до тех пор, пока данное фундаментальное условие выполнялось. В ходе войны офицерский запас этого типа истощился, и вскоре отборочным комиссиям пришлось иметь дело с кандидатами, личность и социальный статус которых были совершенно не знакомы офицерам, производившим отбор.

В сложившейся ситуации традиционные методы стали неприемлемыми, а суждения начали строиться на фактах, не имеющих

отношения к делу. Люди все чаще стали говорить о том, что комиссии не уделяли достаточно времени и внимания каждому кандидату, что качества, которые они искали, и принципы, на которых основывалась их работа, были совершенно неясными, и что классовая принадлежность играла слишком большую роль при принятии решений.

АКВМ были учреждены летом 1942 года для решения возникших проблем. Основной акцент при отборе делался на разнообразные стандартные, или «жизненные», ситуации, собеседования и письменные тесты. В состав комиссии входили военнослужащие (в том числе президент, строевой офицер в чине полковника, несколько простых офицеров, которых называли офицерами военного тестирования), психиатр и группа психологов.

АКВМ появились в трудное время, когда традиционные методы полностью провалились. Перед ними были поставлены две задачи: пополнить ряды армии достаточным количеством квалифицированных офицеров, а также поднять моральный дух в армии, с тем чтобы больше военнослужащих претендовали на офицерский чин. Комиссии столкнулись с нелегкой задачей; об этом можно судить хотя бы по тому, что за три года им пришлось рассмотреть 100 000 заявлений.

Как же работали новые методы? Существует немало доказательств того, что они были намного лучше старых. Некоторое время АКВМ и старые комиссии действовали бок о бок, поэтому можно было проследить за военной карьерой военнослужащих, которых они рекомендовали на получение офицерского звания. 35 процентов военнослужащих, рекомендованных АКВМ, и только 22 процента рекомендованных старыми комиссиями показали себя на уровне выше среднего. Процентное соотношение кандидатов, чьи способности были оценены как средние, оказалось примерно одинаковым в обоих случаях, тогда как процент кандидатов со способностями ниже среднего уровня, отобранных АКВМ, составлял 25, а отобранных старыми комиссиями — 37 процентов. В качестве объяснения этих различий сами собой напрашиваются различные альтернативные гипотезы. Например, что у АКВМ была возможность выбора из большего количества кандидатов, или что они выбирали лишь небольшое число кандидатов из общего количества и таким образом «страховались», однако эти предположения не подтверждаются фактами. Можно с уверенностью сказать, что аттестационные комиссии военного министерства оказались гораздо лучше, чем старые комиссии.

Что касается первой задачи, то есть обеспечения армии квалифицированными офицерами, то АКВМ добились в этом деле больших успехов. То же самое можно сказать и о второй задаче. Большинство военнослужащих, проходивших отборочную процедуру, считали, что она была справедливой и адекватной, их положительные отзывы привели к значительному увеличению количества претендентов на офицерское звание. Таким образом, мы можем сказать, что в условиях ситуации черезвычайной, огромной важности и социальной значимости, психологические методы отбора в целом справились с поставленными задачами. Однако существуют сомнения совсем по другому поводу: являлись ли использовавшиеся методы самыми лучшими из возможных и не помешали ли теоретические предположения и идеи холистической направленности сделать результаты работы еще лучше?

Многие факты указывают на ненадежность комиссий в том смысле, что разные комиссии придерживались разных стандартов и что один и тот же кандидат мог быть одобрен одной комиссией и отвергнут другой. В рамках одного эксперимента две группы кандидатов по очереди оценивались двумя комиссиями. Было обнаружено, что только в 60 процентах всех случаев мнения двух комиссий по поводу отказа от кандидатов совпадали. Эта цифра указывает на серьезное несоответствие. В ходе еще одного эксперимента выявилось, что после разделения группы кандидатов на две подгруппы, направленные в две разные комиссии, 23 процента кандидатов были отобраны одной АКВМ и 48 процентов — другой. Эти цифры указывают на разные критерии оценки, существовавшие в двух комиссиях. Подобная ненадежность должна считаться неприемлемой в процедуре отбора, которая решает судьбу многих людей.

Холистические, или интуитивные, методы ненадежны. И вообще маловероятно, что любые методы, полагающиеся на человеческий фактор до такой степени, могут быть надежнее и эффективнее объективных тестов и статистических методов комбинирования данных.

Очевидным контраргументом может служить тот факт, что хотя объективные тесты, возможно, являются надежным средством измерения того, что они должны измерять, тем не менее они могут не иметь отношения к конечным целям отбора. Например, мы можем измерить рост кандидата с большой степенью точности и надежности, но результаты наших измерений не будут иметь ничего общего с задачей отбора офицерского состава. На это существует два ответа. Во-первых, можно привести немало примеров того, что объективные тесты имеют непосредственное отношение к процедуре отбора и что с их помощью прогнозы получаются гораздо точнее, чем с помощью холистических методов. Один из таких примеров уже приводился в связи с процедурой отбора психологов в клиники. Еще один можно взять из опыта аттестационных комиссий военного министерства. Было обнаружено, что прогнозирование успеха в ОКУЧ с помощью одного-единственного теста умственных способностей получалось более точным, чем при помощи всех методов АКВМ! К сожалению, привести больше примеров невозможно, поскольку комиссии, как и ОСН, объединили все оценки, суждения и результаты тестов в одно целое, строго следуя своим теоретическим принципам, тем самым лишив нас возможности провести статистический анализ каждого теста в отдельности и сравнить атомистические и холистические процедуры. Однако собранных фактов достаточно, чтобы можно было с уверенностью говорить о смысловом соответствии многих объективных тестов процессу отбора офицерского состава.

В каком-то смысле подобный акцент на строгие правила, экспериментальное обоснование и статистическую проверку истинности результатов в противопоставление интуитивному холизму, субъективным оценкам и проверке при помощи аргументов может показаться читателю преувеличенным, учитывая то, что холистические методы все-таки работают и оправдывают себя. Однако существует еще один важный момент, с которым мы пока не разобрались.

Когда появились первые АКВМ, персонал для них отбирался в равных пропорциях из военнослужащих и психологов. Но с самого начала многие в армии были недовольны вовлечением в процесс отбора гражданских лиц, и начиная с 1946 года в комиссии входили только военнослужащие, несмотря на то что и психологи и психиатры советовали нечто совершенно противоположное. Очевидно, что это был явный шаг назад, сделанный исключительно из-за того, что люди, ответственные за работу первых АКВМ, не смогли убедительно доказать обоснованность своих методов. Если у нас не будет четких обоснований, мы сможем предложить лишь мнения психологов в противовес мнению обывателей, а если обыватели составляют значительную часть такой мощной и хорошо организованной системы, как армия, то их мнения могут перевесить. Следовательно, это еще одна важная причина, по которой мы не должны довольствоваться субъективными впечатлениями и холистическими предположениями; если поставить их под сомнение, то нельзя будет найти неопровержимых доказательств их правоты.

Несмотря на то что аттестационные комиссии военного министерства в своей деятельности проявляли явную нерешительность в отношении использования научных и стандартных методов, результаты их работы нашли широкий отклик за пределами армии. Уполномоченные лица из Службы по гражданским делам, в задачу которых входил отбор всех кандидатов на центральные правительственные посты, включая посты в Министерстве иностранных дел, решили принять систему психологического отбора «домик в деревне» и основали организацию под названием CISSB. Эта организация стала частью новой схемы отбора мужчин и женщин на административные посты в Министерстве внутренних дел и Отделе «А» Министерства иностранных дел, который занимается разработкой внешней политики и в котором работают самые высокопоставленные сотрудники консульств, дипломаты. Эта схема включает три этапа. Первый, после которого отсеивается 40 процентов кандидатов, представляет собой интеллектуальный отбор посредством арифметических тестов, тестов на общий уровень знаний и тестов интеллекта. Кандидаты, прошедшие этот этап, направляются в CISSB для получения необходимых рекомендаций, и затем отборочная комиссия проводит с ними заключительное собеседование.

На протяжении практически всего существования CISSB проводила тестирование кандидатов в здании, которое находится в тридцати минутах езды на поезде от Лондона. Одновременно тестировались три группы, состоящие из семи кандидатов. К каж-

дой группе были прикреплены три консультанта, два административных работника из Отдела по гражданским делам и один психолог. Программа тестирования и оценки была продумана весьма тщательно, использовалось восемь видов информации: биографии, характеристики учителей, армейских офицеров и бывших работодателей, собеседования, анкетирование, результаты выпускных экзаменов, тесты умственных способностей, тесты на определение типа личности и тестирование с помощью «жизненных» ситуаций.

Эти искусственно созданные ситуации во многом похожи на те, которые уже описывались ранее, за исключением того, что они подогнаны под требования министерств внутренних и иностранных дел. Кандидатам необходимо решить ряд поставленных перед ними задач, которые могут реально возникнуть в процессе работы правительства. Ситуации, которые кандидаты должны разрешить, складываются в некой воображаемой стране, экономические, политические и социальные проблемы которой похожи на те, с которыми на сегодняшний день сталкивается правительство Великобритании.

За отобранными кандидатами наблюдают уже несколько лет, что дает нам возможность измерить степень их успешности. *A priori* мы должны были ожидать относительно низкой корреляции прогнозов и конечных достижений отобранных кандидатов хотя бы по той причине, что у большинства из них очень высокий уровень интеллекта. Тесты умственных способностей, которые являются лучшими из существующих на сегодняшний день, по идее не могут выявить четких различий между практически одинаковыми кандидатами. Однако факты свидетельствуют об обратном. Степень точности прогнозов оказалась выше, чем можно было ожидать, особенно учитывая то, что критерии успешности в Службе по гражданским делам и Министерстве иностранных дел сами по себе являются ошибочными.

Таким образом, и в этой области современные процедуры отбора доказали свою полезность и оказались намного лучше старых методов.

Некоторые факты, выявленные в результате работы CISSB, заслуживают особого внимания, поскольку имеют большую значимость в целом. Например, было обнаружено, что кандидаты

благосклонно относятся к процедурам, которым свойственна высокая степень «внешней» валидности, то есть к тем, которые интуитивно кажутся им логичными и связанными с видом работы, для которой они отбираются. И напротив, они враждебно относятся к процедурам, в которых им трудно найти какое-либо рациональное зерно и которые, по их мнению, не имеют никакого отношения к их будущей профессии. То же самое можно сказать и о высокопоставленных чиновниках, членах парламента и других VIP, которые время от времени присутствуют на заседаниях отборочных комиссий и одаривают их персонал своим мнением. К сожалению, подобная «внешняя» валидность тестов практически противоположна их подлинной валидности, которая проявляется в способности тестов прогнозировать конечный успех. Тесты, валидные «внешне», не только ненадежны, но и требуют много денег и времени; фактически именно на них АКВМ и CISSB потратили большую часть всего времени, отведенного на тестирование.

Таким образом, психолог оказывается в довольно затруднительном положении. С одной стороны, он может использовать методы с высокой степенью «внешней» валидности, устраивающие субъектов тестирования и людей, которые организовывают сам процесс отбора и которые отчитываются о проделанной работе перед парламентом. Однако несмотря на благоприятное впечатление, складывающееся в результате, психолог прекрасно осознает, что подобные процедуры будут практически бесполезны. С другой стороны, он может использовать тесты и процедуры, валидность которых не вызывает у него сомнений и которые уже много раз точно прогнозировали будущие успехи кандидатов. Но если он поступит подобным образом, то вызовет враждебное отношение кандидатов и недовольство людей, нанявших его для проведения этой работы. Как правило, кандидатам да и обществу в целом чужды идеи статистической и экспериментальной валидизации тестов и их отдельных составляющих.

Чтобы выйти из этой тупиковой ситуации, психологи идут на компромисс, используя действительно валидные методы, которые таковыми не кажутся, наравне с «внешне» валидными, чья полезность является сомнительной. Вероятно, это действительно решает проблему при условии, что делается сознательно и с

полным знанием того, как следует использовать полученные результаты для максимально точных прогнозов. Но если (а это неизбежно происходит в большинстве случаев) отборочная комиссия отказывается от услуг психолога, полагая, что он сделал свое дело и без него можно обойтись, то основной упор в дальнейшем делается уже на более популярные, а не на валидные тесты, вследствие чего валидность может снизиться до нулевой отметки или еще ниже. Отбор представляет собой очень сложный процесс, требующий необычной комбинации способностей, начиная от проницательности и технических навыков и заканчивая научной честностью и способностью к математическому анализу. Даже самые незначительные изменения, которым простой человек не придаст никакого значения, могут оказать самое негативное влияние на точность прогнозов.

Эта проблема приобретает еще большую значимость, когда процедуры, успешно применяющиеся в армии или Службе по гражданским делам, используются на производстве или в сфере бизнеса для отбора высококвалифицированного персонала. Возможно, эти процедуры стали бы адекватными, если бы были разработаны определенные варианты их адаптации, но в любом случае без профессиональной помощи психологов подобная адаптация не исправила бы существующее положение вещей.

В заключение можем сказать, что если мы оставим в стороне область способностей и попытаемся проанализировать гораздо более сложную схему всех явлений, необходимых для того, чтобы человек стал хорошим офицером или выдающимся чиновником Службы по гражданским делам, то окажется, что перед нами — гораздо более сложная проблема. Сложность этой проблемы и является причиной альтернативных подходов при попытках ее решить: некоторые убеждены в правильности проверенных методов атомистического анализа и экспериментальной проверки, другие, напротив, полагают, что найти решение проблемы можно только с помощью холистической интуиции и проницательности.

Экспериментальные данные показывают, что на настоящий момент оба подхода уже могут значительно улучшить старые методы и что объективный тест «атомиста» помогает сделать более надежный и обоснованный прогноз, чем интуитивный анализ

«психолога-холиста», хотя последний обладает гораздо большей степенью «внешней» обоснованности. Вопрос о применении и тех и других методов отбора вне армии или Службы по гражданским делам пока еще остается открытым, но уже можно с уверенностью сказать, что эти методы не станут средством выражения чьих-то интуитивных предпочтений и субъективных предубеждений лишь при условии самого строгого следования всем правилам научной процедуры.

Работа, производительность и мотивация

Промышленная психология, которая занимается вопросами улучшения условий труда, увеличения производительности и проблемами мотивации и побудительных стимулов, сегодня пытается изменить негативное представление, сложившееся о ней на ранних этапах ее развития. Дело в том, что под гордым названием «научный менеджмент» промышленная психология в свое время настроила против себя людей настолько, что сегодня «экспертов по эффективности труда» просто ненавидят. Представляет ли собой эта ненависть нормальное, закономерное явление в современном мире или, может быть, мы просто неправильно используем гениальные научные открытия?

Понятие научного менеджмента впервые пришло в голову американцу Ф. У. Тейлору. Он преклонялся перед «эффективностью» во всех ее формах и в своем преклонении пошел дальше, чем его современники. Он придумал верхний бросок в бейсболе, который сегодня является стандартным; он также изобрел теннисную ракетку в форме ложки, поскольку был убежден, что эта форма гораздо эффективнее обычной. В отличие от многих теоретиков, он всегда применял свои теории на практике и настолько в этом преуспел, что его ракеткой до сих пор играют на чемпионатах по теннису.

Когда взоры этого апостола эффективности обратились к промышленности, то он просто ужаснулся, увидев, насколько она неэффективна. Он составил план из трех пунктов, который по своей сути может рассматриваться как своеобразный манифест промышленного психолога. Его первый пункт гласил: нанимай

только хороших людей. Причем он вовсе не имел в виду людей хороших с моральной точки зрения; будучи квакером, он тем не менее никогда не смешивал понятия морали и эффективности. Он имел в виду людей, чьи врожденные и приобретенные навыки соответствовали определенному набору качеств, необходимых для выполнения данного вида работы. Вопрос *отбора* уже обсуждался в этой книге, поэтому здесь мы его касаться не будем.

Второй пункт Тейлора был связан с вопросом *обучения*. Выбрав себе нужных людей, говорил он, «обучите их правильно»; что он имел при этом в виду, мы узнаем чуть позже. Третий пункт был связан с *мотивацией*; после того как вы выбрали себе работников и обучили их, «стимулируйте их с помощью увеличения заработной платы». Детальное обсуждение этого пункта мы также отложим на потом, пока же лишь отметим, что Тейлор правильно обозначил три главные проблемы промышленной психологии, которыми являются отбор, обучение и мотивация. Несмотря на то что его методы решения этих проблем оставляют желать лучшего, формулировка является приемлемой.

Будучи сторонником экспериментального обоснования, Тейлор попытался доказать собственную точку зрения, сравнив результаты применения своих идей на практике с результатами обычных методов, применявшихся на производстве. Он получил разрешение сталелитейной компании в Бетлехеме на исследование процесса разгрузки и погрузки чугуна в чушках. На заводе, который он выбрал для своего эксперимента, на этой работе было занято 75 экскаваторщиков, каждый из которых за день перемещал 12,5 тонны чушек. Руководителям сталелитейной компании эти показатели казались вполне приемлемыми и они сомневались, что их можно увеличить. Средний заработок рабочих составлял 1,15 доллара в час.

Тейлор принялся за работу и сначала применил на практике свой первый принцип — «нанимай только хороших людей». Его «подопытным кроликом» стал голландец из Пенсильвании по фамилии Шмидт. При своем выборе Тейлор руководствовался как большой физической силой нового работника, так и его алчностью («стимулирование с помощью увеличения заработной платы») и готовностью точно выполнять все, что ему говорят («обучайте их правильно»). Затем Тейлор перепробовал все возможные варианты методов разгрузки и погрузки чугуна. Следуя его распоряжениям, Шмидт по очереди использовал большие, средние и маленькие ковши, каждый раз перемещая разное количество чугуна прямо от отвала до вагонеток за один или за несколько приемов. В конце концов Тейлор получил то, что искал — самый эффективный метод выполнения данного вида работы. В целом за день Шмидт перемещал 47,5 тонны чугуна — вместо 12,5 тонны обычной нормы. Тейлор увеличил производительность труда своего «подопытного кролика» почти в четыре раза. Когда он сообщил о результатах своей работы менеджерам компании, те сначала ему не поверили, но вскоре убедились, что молодой фанатик открыл им необычайно широкие горизонты.

Когда они стали применять его методы отбора, обучения и стимуляции по отношению ко всем своим подчиненным, выполняющим данный вид работы, то обнаружилось, что общее количество экскаваторщиков можно было сократить с 500 до 140. Зарплата оставшихся рабочих поднялась с 1,15 доллара до 1,85 доллара в час. За год компания сэкономила 75 000 долларов и после этого окончательно убедилась в полезности «научного менеджмента». Все хорошо, если бы не такой момент: лишь один человек из восьми подходил для требуемого темпа работы; остальные либо пополняли ряды безработных, либо вынуждены были искать себе другую работу. Нет ничего удивительного в том, что рабочие начали выступать против «тейлоризма» и с помощью забастовок делали все возможное, чтобы эти методы не применялись на заводах, где они работали. Тейлор так и не смог понять, почему он стал столь непопулярной личностью и почему его имя служило синонимом бесчеловечности. Являясь пионером в области «человеческого инжиниринга», он придерживался мнения, согласно которому человеческое существо в условиях производства можно было рассматривать как любой другой вид оборудования. Современная психология больше не допускает подобных ошибок, но детям всегда приходится расплачиваться за грехи своих отцов, поэтому до сих пор многие профсоюзы убеждены, что на производстве психолог преследует узкокорпоративные цели.

Можно сказать, что настоящий вклад Тейлора в науку состоит в том, что он открыл так называемые методы *хронометрирования*. Если мы рассмотрим какой-то определенный вид работы и понаблюдаем за тем, как разные люди выполняют необходимые движения, то обнаружим большое разнообразие. Некоторые будут работать быстро и методично, расположив необходимые инструменты таким образом, чтобы ими можно было быстро воспользоваться в нужный момент. Другие, напротив, будут работать медленно и бестолково, инструменты никогда не будут у них под рукой или там, где нужно, и, как следствие, они станут казаться совершенно некомпетентными. Большинство людей занимают промежуточное положение между этими двумя крайностями. Тейлор предложил детально изучить каждый процесс, для того чтобы выработать наилучший способ выполнения задания с помощью оптимального распределения материалов и времени. Для получения этого «наилучшего» метода он предложил следующую процедуру.

Сначала разделите работу, которую выполняет рабочий, на простые элементарные движения. Затем определите, какие движения бесполезны, и исключите их. Понаблюдайте за тем, как каждый из рабочих выполняет эти элементарные движения, и с помощью секундомера выберите самый быстрый и лучший метод выполнения каждого движения. Анализируйте и записывайте каждое элементарное движение, указывая оптимальное время для его выполнения. Установите в процентном выражении время, которое следует добавить к рабочему времени хорошего работника, чтобы компенсировать неизбежные задержки, несчастные случаи, сбои в работе; высчитайте в процентном выражении время, которое необходимо работнику для отдыха, и правильно рассчитайте интервалы этого отдыха, чтобы он не уставал. Эти шаги Тейлор назвал *аналитической* работой, за которой следовала *конструктивная* работа, состоявшая из правильного комбинирования различных элементарных движений и непосредственного применения их на практике.

Позднее первоначальный план Тейлора был усовершенствован. Полезный вклад в это дело внес еще один довольно эксцентричный психолог, Гилбрет, чьей жизни посвящен фильм Cheaper by the Dozen («Дешевле на дюжину»). Он идентифицировал и

обозначил семнадцать наиболее часто встречающихся наборов трудовых движений, или «терблигов», как он сам их называет, произнося свою фамилию наоборот. Каждый из этих «терблигов» — искать, найти, выбрать, схватить, загруженный транспорт, позиция, собирать, использовать, разбирать, проверять, препозиция, отпустить, разгруженный транспорт, отдых, неизбежная задержка, задержка, которой можно было избежать, и план — обозначен сокращенным символом. Составляется таблица определенного производственного процесса, в которой указывается четкая последовательность этих движений и время, необходимое для их выполнения. Гилбрет и его жена, которая ему помогала, для детальной записи всех трудовых движений использовали в своей работе такие современные изобретения, как фотография и киносъемка, и значительно усовершенствовали методы Тейлора.

Работают ли данные методы анализа? Вне всяких сомнений, ответ на этот вопрос будет положительным. Достаточно привести пару примеров. Одно из исследований показало, что девушки, складывающие куски материи по образцу, в среднем тратят на один кусок ткани от 20 до 30 движений. Изучение действий помогло снизить их число до 10 и увеличить среднюю дневную производительность со 150 до 400 дюжин. Другие исследования показывают увеличение производительности на 88 процентов на кондитерских фабриках; на 100 процентов — при процессе добавления бумаги в коробки с кремом для обуви; до 200 процентов — при полировке металлов и использовании наждачного шлифовального круга для шлифовки ложек.

Более детальный пример поможет понять, в чем состоит задача психолога в случае с одним конкретным видом работы. В качестве иллюстрации я выбрал классическое исследование процесса кладки кирпича, проводившееся Гилбретом. Это ремесло является одним из самых древних и консервативных, за несколько столетий ни инструменты, ни материалы, ни методы кладки кирпича практически не были усовершенствованы. Гилбрет, которому в молодости довелось поработать каменщиком, составил детальный анализ всех движений, используемых в этом процессе, а также необходимых инструментов. Он точно рассчитал, какое положение должны занимать левая и правая нога каменщи-

ка относительно стены, строительного раствора и кирпичей, для того чтобы ему не нужно было делать шаг или два каждый раз, когда он брал новый кирпич. Он вычислил оптимальную высоту ведра со строительным раствором и груды кирпичей, после чего разработал специальные строительные леса со столом для всех необходимых материалов, чтобы кирпичи, раствор, строитель и стена правильно располагались относительно друг друга. Был нанят дополнительный рабочий, который регулировал высоту строительных лесов для всех рабочих, занятых на кладке кирпича, по ходу увеличения высоты стены. С помощью этого простого приема каменщикам не надо было нагибаться вниз всякий раз, чтобы взять новый кирпич, зачерпнуть новую порцию раствора и затем снова выпрямляться. С учетом того, что за все время существования этого ремесла каменщикам за день приходилось тысячу раз нагибаться на два фута вниз и снова выпрямляться на то же расстояние, поднимая при этом кирпич весом около пяти фунтов, это простое изобретение внесло значительный вклад в экономию энергии.

В число других усовершенствований также входили правильное, лицевой гранью вверх, расположение кирпичей в специальной деревянной рамке — тогда их можно было укладывать сразу, не переворачивая; правильное размещение этой рамки с кирпичами — чтобы их можно было легко достать; новые методы смешивания раствора. В процессе своего детального и трудоемкого исследования Гилбрет сократил число движений, необходимых для укладки одного кирпича, с 18 до 5. Чтобы продемонстрировать эффективность своих методов, он сравнил количество кирпичей, которое укладывали в час обученные им каменщики при выполнении стандартного задания (кладка стены фабрики толщиной 12 дюймов двумя видами кирпичей с лицевым швом кладки), с количеством кирпичей, укладываемых традиционными методами. Оказалось, что его методом в час укладывалось 350 кирпичей, а старым — 120. Не нужно много ума, чтобы понять, насколько важны эти результаты, учитывая то, что наше общество постоянно испытывает нехватку жилья и рабочей силы, занятой в строительной отрасли.

Чтобы продемонстрировать результаты психологического исследования, которые остались пока в стороне, можно привести еще один пример. Томпсон в ходе своей работы по повышению производительности и качества труда приемщиков шарикоподшипниковых изделий показал, что с работой, которую до этого выполняли 120 девушек, могут справляться 35 девушек, причем, несмотря на ускорение всего процесса, качество работы стало выше.

С точки зрения работодателя это выгодно; а как же данное новшество отразилось на девушках, занимавшихся этой работой? Их заработная плата увеличилась в среднем на 80—100 процентов; рабочий день сократился с 10,5 до 8,5 часа, а в субботу они стали работать только до обеда. Кроме того, в течение рабочего дня у них было четыре перерыва, поэтому нормальная здоровая девушка не могла переутомиться на работе. С точки зрения девушек-приемщиц эти явные преимущества в любом случае перевешивали возможные недостатки. Таким образом, и рабочие, и менеджеры, и общество от нововведений только выиграли.

Все вышеперечисленные примеры относятся к области простых моторных движений в промышленности. В еще одном эксперименте изучался совершенно иной вид деятельности, а именно — скорость чтения студентов. Можно было предположить, что с чтением у студентов все в полном порядке, но на самом деле оказывается, что большинство читает настолько медленно, что это даже отражается на их успеваемости. Лишние движения губ и привычка «прислушиваться» к себе в процессе чтения печатных букв; возвращение взгляда на уже прочитанный материал, который был не понят; слишком частая фиксация взгляда на различных частях одной печатной строчки — из-за этих и других легко поправимых ошибок студенты читают на несколько сот процентов медленнее, чем могли бы. Анализ проблем и разработка методов обучения чтению показали свою эффективность и таким образом внесли ценный вклад в усовершенствование процесса обучения.

Анализ вовсе не обязательно должен ограничиваться простыми или сложными движениями. Часто наиболее эффективным способом является изучение поведения групп людей, участвующих в выполнении общего задания. Если один из участников группы неправильно организует свои движения, то можно с уве-

ренностью заявить, что работа всей группы становится менее эффективной. Трудность подобной организации четко видна на футбольном поле, когда многие маневры заканчиваются неудачей из-за плохо скоординированных действий.

Следующий пример призван объяснить, что я в данном случае имею в виду под анализом. Он взят из практики психологической работы, проводившейся исследовательским отделом одного из армейских подразделений в стране, название которой я не могу здесь привести.

Известно, что армейская строевая подготовка появилась раньше методов рационализации трудовых движений Тейлора и Гилбрета и что ее цели таковы же. После предварительного анализа работы, которую нужно проделать, например, для заряжания и стрельбы из пулемета, принимается решение о количестве необходимых для этого людей, между которыми четко распределяются обязанности. Это решение фиксируется в учебнике по строевой подготовке, и каждая группа артиллеристов при заряжании и стрельбе из пулемета каждый раз строго по инструкции выполняет одни и те же движения. (По крайней мере, это происходит теоретически!) Во время войны изучалась эффективность данных инструкций и велось наблюдение за действиями одной группы солдат. Согласно уставу, для стрельбы из пулемета требовалось десять солдат. Все движения каждого из десяти снимались на камеру от момента первой команды до окончания задания.

Результаты оказались довольно интересными. Некоторые из солдат были заняты лишь несколько секунд, а остальное время просто стояли в стороне. Один вообще ничего не делал. Его задача заключалась в том, чтобы держать лошадь офицера. Лошадь давно канула в Лету, но устав гласил, что один из солдат должен был выполнять эту гипотетическую функцию! Изменение устава показало, что данное артиллерийское задание могут выполнять пять человек вместо десяти; наиболее эффективным способом стрельбы оказался тот, при котором две команды из пяти человек сменяли друг друга между стрельбой и отдыхом. При такой схеме действий десять человек обеспечивали в два раза более плотный огонь, чем первоначальная команда из десяти человек.

Следующая отсюда мораль приобретает еще большую значимость в современных условиях. Расточительные, устаревшие методы выполнения определенной операции и в дальнейшем будут иметь место, если не предпринять решительной попытки разобраться в реальном положении вещей и улучшить его.

Часто для усовершенствования устаревших методов необходимо всего лишь наличие здравого смысла, но в действительности специально подготовленный психолог сможет проделать эту работу более добросовестно, более быстро и более успешно, чем энтузиаст-любитель или эксперт-самоучка, лишь поверхностно знакомый с современными методами научного исследования. На самом же деле именно преувеличенные заявления последнего и его пренебрежительное отношение к важным психологическим переменным привели к тому, что к промышленной психологии относятся с недоверием.

Несмотря на несомненный успех в сфере повышения производительности труда, «тейлоризм» критикуется по нескольким пунктам. Критика обусловлена как техническими, так и социальными аспектами проблемы. Если взять техническую сторону, то прежде всего говорится о том, что все движения осуществляются по разработанной схеме и что не всегда возможно взять лучшие движения из нескольких разных схем и составить новую. Точно так же, как картина является чем-то несоизмеримо большим, чем изображенные на ней отдельные предметы, последовательность движений в общем обладает целостностью, которую нельзя разбить на аналитические сегменты. Майерс придерживается именно этой точки зрения, утверждая, что «лучший способ выполнения определенной производственной операции нельзя получить из комбинации элементарных движений различных индивидуумов. Общий стиль в данном случае важнее всего. Организм организован; индивидуум неделим, и именно взаимодействие и интеграция отличают организм и индивидуума скажем, не от машины, а от простого агрегата, состоящего из определенных деталей».

Критика направлена также в сторону понятия «одного лучшего метода». Метод выполнения задания, который является «лучшим» для одного человека, может не быть таковым для другого; индивидуальные различия не позволяют говорить об одном

оптимальном методе. Стиль игры в теннис Коше отличался от стиля Тилдена; игра Перри коренным образом отличалась от игры Баджа. Можно ли сказать, что, объединив подачу мяча Тилдена, удар слева Баджа, удар справа Перри и спокойную аналитическую манеру игры Коше, мы получим «идеальный» способ игры в теннис?

Следует отметить, что подобные возражения являются теоретическими. Согласно им, повышение производительности в рамках, предложенных Тейлором и Гилбретом, было невозможно. Но факты свидетельствуют об обратном. Кроме экспериментов, приведенных в этой главе, было проведено еще несколько сотен различных экспериментов подобного рода, и все они показывают значительное улучшение после введения системы рационализации трудовых движений. Мы можем согласиться, что другие факторы также должны учитываться, но нельзя не обращать внимания на многочисленные факты и отрицать возможность анализа движений и времени, необходимого для их осуществления. Мало кто из психологов одобряет некоторые преувеличенные понятия анализа, которыми руководствовались его родоначальники, но никто из них не будет отрицать, что эти методы работают.

Теперь мы подходим к аргументам социального или политического характера. Рабочие часто возражают против того, чтобы к ним относились как к объектам для изучения, не желая становиться «подопытными кроликами». Им кажется, что ускорение производственных процессов отрицательно скажется на их здоровье, а быстрая утомляемость на работе приведет к тому, что просто не останется сил на то, чтобы наслаждаться повышенными заработками, которые им обеспечит более высокая производительность труда. Иногда они опасаются того, что повышенная производительность будет соответственно вознаграждаться лишь некоторое время, до тех пор, пока новые стандарты не станут рассматриваться как средние. Все эти опасения являются вполне обоснованными и их можно рассматривать как следствие горького опыта. Но они относятся скорее не к научному изучению процессов производства, а к злоупотреблению результатами научной работы.

Это гораздо более общая проблема, которая имеет место во всех сферах науки. Знание бактериологии может привести к

прогрессу в области медицины или к бактериологической войне. Знание структуры атома может предоставить в наше распоряжение новый вид энергии для мирных целей или привести ко взрыву атомной бомбы. То, как общество распоряжается научными открытиями, предопределено социальными и политическими силами; сама по себе наука является нейтральной.

В руках диктатора методы промышленной психологии будут использоваться для повышения производительности труда рабов, жизнь которых станет просто невыносимой. Находясь же под контролем демократических представителей свободного общества, эти методы облегчат труд, повысят его производительность и помогут увеличить уровень заработной платы. Высокая производительность труда в стране не может гарантировать счастья и процветания каждому, но она способна снизить уровень инфляции, банкротств и национальной задолженности, которые мешают большинству из нас хорошо устроиться в жизни. В обществе, основанном на эксплуатации человека человеком, враждебность рабочего по отношению ко всем методам повышения производительности труда вполне понятна. В обществе, в котором рабочий может контролировать процесс принятия различных производственных решений благодаря деятельности профсоюзов, подобная враждебность является недальновидной и может привести к тому, что в результате он не выиграет, а наоборот проиграет.

То, что промышленная психология может быть весьма полезной для рабочего, становится очевидным на примере серии исследований рабочих часов, проводившихся в начале века. Эти исследования, которые были инструментальными в том смысле, что благодаря им рабочий день сократился с 10 и более часов до 8, а по субботам люди стали работать только полдня, показали, что *средняя производительность труда в час зависит от продолжительности рабочего дня.* Чем длиннее рабочий день, тем меньше продукции производится за час; чем короче рабочий день — тем больше продукции. Это правило действует также и в отношении продолжительности рабочей недели, о чем свидетельствуют результаты исследований, проводившихся на фабриках во время Первой мировой войны.

Из-за внезапной потребности в резком увеличении количества боевого снаряжения на ранних этапах войны рабочий день

был продлен до уровня, значительно превышавшего норму. Но производительность не оправдала ожиданий и было решено провести исследование этой проблемы, которое показало, что когда количество часов работы сократили с 58,2 до 50,6 в неделю, производительность в час увеличилась на 39 процентов, а общий ее уровень в неделю возрос на 21 процент. Таким образом, сокращение количества часов работы привело к увеличению производительности труда.

Подобных результатов удалось добиться еще на одном заводе, на котором женщины занимались довольно сложной работой на сборочном конвейере. Когда количество часов работы сократили с 66 до 48,6 часа в неделю, производительность в час увеличилась на 48 процентов, а общий уровень поднялся на 15 процентов. Но увеличение производительности труда не происходило сразу же после перехода на новый рабочий день. Майерс комментирует это так: «Человеческому организму, привыкшему к определенному рабочему распорядку, требуется какое-то время, чтобы после нарушения привычного распорядка он мог правильно отреагировать на новые, улучшенные условия труда».

Слишком длинный рабочий день, который являлся одной из неотъемлемых черт викторианской эпохи, невыгоден с экономической точки зрения и негативно отражается на работоспособности рабочего. Однако не следует думать, что подобная прямая зависимость производительности от количества часов работы является линейной. Уже не раз мы убеждались в том, что существует точка предела роста, например, если количество рабочего времени сокращается ниже минимального уровня 35—40 часов, то производительность не только перестает повышаться, но и начинает постепенно понижаться. Это явление объясняется рядом причин, таких как нарушение привычного рабочего ритма, время, необходимое для «разогрева», перед тем как настроиться на новый лад, общее отношение к сокращенному рабочему дню и др. Эта точка предела роста различна для разных видов промышленности и разных профессий, причем зависит также от пола работника. Для того чтобы определить в каждом конкретном случае количество часов работы, оптимальное как для рабочего, так и для работодателя, необходимо провести соответствующее научное исследование.

Тейлор открыл очень важную область, но, ослепленный своей теорией «человеческого инжиниринга», увидел лишь один из ее сегментов, не заметив других важных переменных. Дюброй в своей книге «Роботы или люди» пишет: «Гений Тейлора остановился на пороге нового мира, о важности которого он явно не имел понятия, он не задумывался над тем, что душа рабочего обладает внутренними силами, неисчерпаемым потенциалом внутренних импульсов, которыми можно управлять лишь до тех пор, пока они не вырвутся наружу». С этой точкой зрения нельзя не согласиться, особенно учитывая тот факт, что третий пункт плана Тейлора — мотивация с помощью денежных стимулов — показал свою несостоятельность. Это, в свою очередь, привело к серии классических исследований, взявших свое название от завода «Хоторн» компании «Вестерн Электрик Компани», где они проводились, и известных сегодня как «хоторнские эксперименты».

В течение многих лет психологи трудились над улучшением условий труда, и исследование рабочего времени является лишь частью работы, проводившейся под их руководством. В число исследуемых условий входили освещение, температура в рабочем помещении, уровень влажности и другие физические факторы, предпринимались попытки их систематического изменения, для того чтобы добиться оптимальных условий труда. Практика показывала, что улучшение условий труда вело за собой повышение производительности труда, которое не было большим, но тем не менее указывало на то, что физические условия влияют на производительность.

При проведении эксперимента «Хоторн» психологи следовали этому принципу, пока не обнаружили, что лучшая освещенность помещения повышала производительность труда. Но когда психологи решили *снизить* уровень освещенности в полной уверенности, что это повлечет за собой понижение производительности, то были ошеломлены, обнаружив, что перемены в освещении вызвали перемены в отношении рабочих к выполняемой ими работе: они стали прилагать больше усилий, тем самым компенсируя ухудшение условий труда. Другими словами, тот факт, что ожидаемого понижения производительности в результате ухудшения условий труда не произошло, говорил о том,

что повышение производительности, последовавшее за улучшением условий труда, имело под собой совершенно иную основу, чем предполагали психологи, и что дальнейшее исследование мотивации рабочих могло бы пролить свет на эту загадку.

В соответствии с этим было решено провести эксперимент, в рамках которого шесть девушек, занимающихся сборкой переключателей, в течение двух лет работали в специальной *экспериментальной комнате*. Условия труда постоянно менялись, но оказалось, что с самого начала эксперимента и до его окончания производительность труда девушек постепенно повышалась. Даже в те периоды, когда значительное ухудшение условий труда должно было бы непременно негативно сказаться на работе, повышение производительности имело место. Во время эксперимента девушки чувствовали удовлетворение от своей работы, она стала для них более интересной, а количество отгулов сократилось на 80 процентов. Многочисленные собеседования с девушками и постоянное наблюдение за их работой привели психологов к мысли, что повышение производительности объяснялось переменами в отношении. Перед каждым изменением условий труда с работницами консультировались, постоянно интересовались их мнением по поводу эффектов этих изменений, а самое главное, девушки работали в условиях отсутствия жесткого и быстрого руководства. Как следствие, они выработали в себе иное отношение к работе, которое и стало главным фактором, определявшим их поведение на производстве и при этом не связанным с изменениями физических условий труда, с которыми экспериментировали исследователи.

Многочисленные данные из отчетов по «хоторнскому эксперименту», собранные психологами в ходе собеседований с рабочими из разных цехов, указывают как на неразрывную связь эффективности труда и чувства удовлетворения работой, так и на то, что отношение к работодателю является одной из важнейших составляющих мотивации. Если рабочий чувствует, что он всего лишь винтик в огромном механизме, если он видит, что его работодатели рассматривают его лишь как элемент своей программы «человеческого инжиниринга», который всегда можно заменить, и думают, что он заинтересован в работе ровно настолько, сколько ему платят, то он скорее всего будет прилагать к работе минимум усилий и будет еле-еле выполнять необходимый план. Если же рабочего убедить в том, что компания заинтересована в нем как в личности, если он поверит в то, что управляющему персоналу небезразлично его мнение, если он будет проявлять больше интереса к своей работе, то он наверняка приложит максимум усилий и будет работать более эффективно. Руководителям государственных и частных предприятий стоит обратить внимание на то, что механическая эффективность является обманчивой, если не учитывается отношение самих рабочих и если их мнения не составляют психологическое целое с мнением и целями компании, на которую они работают.

Открытия Тейлора подверглись жестокой критике, так как он забыл, что имеет дело с живыми людьми. Эти открытия могут внести полезный вклад в жизнь демократического общества только при условии непосредственной заинтересованности в людях и более внимательном отношении к их чувствам и индивидуальным различиям.

С этой точки зрения чрезмерный акцент Тейлора на экономические факторы является неправильным, ибо существуют более важные факторы. Результаты многочисленных исследований показывают, что это действительно так. Все факты свидетельствуют о том, что несмотря на довольно странное единогласие между ортодоксальным капитализмом и ортодоксальным марксизмом, сами рабочие ставят на первое место не экономические, а психологические мотивы. В одном типичном американском исследовании «возможность продвижения по службе» оказалась самым важным фактором для работников, за ней следовали «стабильная работа», «возможность использовать собственные идеи», «возможность обучиться профессии» и «хороший начальник». Далее следовала «возможность быть полезным обществу» и только потом — «высокая зарплата», за которой следовали «хорошие условия труда», «оптимальный рабочий день» и «чистая и легкая работа». Эти факты говорят сами за себя.

Однако не следует думать, что подобное имеет место только в Соединенных Штатах. В Великобритании проводился опрос среди представителей различных профессий о важности различных

факторов в процессе их работы. Большинство опрошенных считали «интерес к работе» самым важным фактором, далее следовала «возможность продвижения по службе». Следующей по важности шла «безопасность», далее — «заработная плата» и «количество часов работы». Меньше всего значения рабочие придавали «социальной стороне» и «выходным дням и отпускам». В данном случае экономические факторы опять не считались главными.

Я бы не хотел, чтобы после прочтения этой главы у читателя создалось впечатление, будто мы знаем ответы на все вопросы, которые ставит перед нами промышленность, или что те знания, которыми мы уже обладаем, можно немедленно применить на практике, как только возникнет та или иная проблема. На самом деле мы пока слишком мало знаем о загадочных силах, которые руководят нашим поведением и которые мы называем «стимулами» и «мотивами». Политики и многие другие пытаются ими манипулировать, но делают они это неумело и неэффективно. Тем не менее начало положено, и результаты применения тех небольших знаний, которые уже есть в нашем распоряжении, помогают оптимистично смотреть в будущее. Все факты указывают на то, что в будущем можно будет организовать более равноправное, демократичное производство, построить более человечные отношения между работодателями и рабочими и как следствие выработать подход, при котором психологическая сторона всех вопросов будет важнее экономической.

В последние годы все чаще говорят о конце эпохи «человека экономики». Лишь немногие пока осознают, что в настоящий момент в процессе формирования находится совершенно новый подход к решению социальных и политических проблем, подход, основанный на реальном исследовании человеческой природы, а не на гипотетических предположениях и предвзятых мнениях. Кажется, политические партии исчерпали весь запас сил, которые когда-то мотивировали их действия, и им нужны свежие идеи и новые концепции. Может быть, эти свежие идеи и концепции заключаются в реалистичной оценке потенциала, способностей, мнений и мотивов человеческих существ, из которых состоит общество? Партии согласны между собой относительно *целей* общества, но спорят относительно *средств*... Может, стоит отдать

роль третейского судьи психологии? В принципе, решение социальных проблем можно найти тем же способом, что и в физических или химических задачах; мы не определяем вес золота, размер Луны или спектральный цвет водорода с помощью подсчета голосов «за» и «против»; почему же мы используем такой метод, когда принимаем решение относительно производительности труда, мотивации либо других психологических проблем? Многие люди поддались обманчивым идеям коммунизма во многом из-за его «научного» подхода к решению социальных проблем. Искоренение ложных рационализаторских доктрин, характерных для марксистской диалектики, и замена их на настоящие научные принципы поможет привлечь новые силы, так необходимые современному демократическому обществу.

Для работы в этом направлении понадобится немало светлых умов и, естественно, теоретические и экспериментальные исследования; открытие неисчерпаемых возможностей подобного подхода является одним из главных вкладов психологии в современное мировоззрение.

III. Ненормальное поведение

Нормальность, секс и социальный класс

Термин «нормальность» встречается в работах различных психологов, психиатров, психоаналитиков и других людей, изучающих поведение человека, с частотой, вызывающей беспокойство. Причины этого беспокойства вполне понятны: «нормальность» является одним из тех слов, которые могут обозначать все что угодно. На данный момент не существует единого определения, которое могло бы четко охарактеризовать данный сегмент поведения, но у этого слова есть два основных и много дополнительных значений, и один и тот же писатель часто использует его то в одном, то в другом смысле.

Несмотря на это понятия, определяемые данным термином, очень важны, и поэтому нуждаются в рассмотрении. Два главных значения термина «нормальность» известны практически каждому. Под «нормальным» мы можем иметь в виду то, что характерно для поведения большинства людей. Назовем это *статистическим* определением нормальности. Человек нормального роста — это человек, рост которого не сильно отличается от среднего. Человек с нормальным весом — это человек, который весит не больше и не меньше большинства людей его роста. Данное значение термина хорошо известно, понятно и конкретно, но представляет определенные затруднения, когда мы имеем дело с такими качествами, как ум, красота или здоровье.

Давайте, например, рассмотрим умственные качества. Статистически нормальный человек — это человек, IQ которого приблизительно равняется среднему. Согласно этому определению, как умственно отсталых людей с IQ 60 пунктов, так и гениев с IQ, равным 180, можно квалифицировать как «ненормальных». Статистически нормального человека нельзя назвать ни уродливым, ни красивым. Красивая девушка, по идее, должна быть точно такой же статистической аномалией, как и уродливая — если не сказать больше. Неоднозначность этого термина особенно резко проявляется в случае с критериями здоровья. Нормальный человек — это человек, который перенес среднее количество заболеваний, получил среднее количество переломов и умер от одной из распространенных болезней. С этой точки зрения человек, который никогда не болел и дожил до глубокой старости без явных признаков ухудшения здоровья, естественно, будет считаться ненормальным.

Таким образом, здоровье, красота и ум подобным образом оцениваться не могут. В данном случае мы используем понятие не *статистической* нормы, а понятие нормы *идеальной*. Мы склонны считать человека нормальным, если его качества приближены к идеальным, будь то высокие умственные способности, приятная внешность или крепкое здоровье. Но идеальная норма со статистической точки зрения встречается очень редко или же может отсутствовать вовсе.

Очень часто эти два значения термина «нормальность» путают, особенно в случае с психическим здоровьем. Когда психоаналитик заявляет, что нормальных людей не бывает, он имеет в виду нормальность в идеале. Но читатель, как правило, понимает данное высказывание буквально в значении статистической нормы и заявляет, что оно противоречит само себе и является абсурдным. Подобное недопонимание очень часто встречается и в большинстве других случаев. Чтобы этого избежать, нужно всего лишь помнить о семантическом значении «нормальности».

Существует третье значение данного термина, которое также сыграло немаловажную роль в развитии психологии и согласно которому мы называем нормальным то, что считаем *естественным*. Так, доминантное поведение мужчины и покорность женщины является для нас нормой; мы считаем нормальным гетеро-

сексуальное поведение, а гомосексуализм рассматриваем как аномалию. Мы будем придерживаться этой точки зрения, даже если нам станут приводить примеры из истории, свидетельствующие о том, что, скажем, в Древней Греции гомосексуализм был более распространенным явлением, чем гетеросексуальные отношения, или что в Древнем Египте женщины были более агрессивными, а мужчины — более покорными.

Но ни один здравомыслящий человек не станет заявлять, что доминирующее положение мужчины в обществе является нормой, потому что это идеал, к которому надо стремиться. В данном случае мы скорее руководствуемся тем, что биологическая природа мужчины и женщины изначально предопределила для них разные роли, и поэтому независимо от статистических или идеальных норм поведение в рамках этих предназначенных ролей считается нормальным, а поведение, выходящее за них, — ненормальным.

Тенденция рассматривать определенные поведенческие формы как естественные и генетически обусловленные имеет под собой логическую основу. Но в большинстве случаев естественные нормы путаются с нормами, присущими нашему обществу. Подобная тенденция рассматривать то, с чем мы хорошо знакомы, как естественное (врожденное), особенно четко прослеживается в наблюдениях за поведением животных. Мы считаем естественным, например, поведение кота, который ловит и убивает мышей и крыс для того, чтобы потом их съесть. Мы не считаем это поведение идеальным — в большинстве случаев нам не понравится, если хорошо накормленный кот безо всякой на то причины вдруг съест нашего попугайчика или хомяка, — но мы понимаем, что у кота есть врожденные инстинкты, поэтому считаем подобное поведение нормальным. Однако факты свидетельствуют об обратном.

Американский психолог Куо разводил котят в различных условиях: одних он растил изолированно и кормил только молоком и жидкой пищей, других кормил только мясом, а третьи росли вместе с крысятами. Некоторые котята, которых кормили молоком, жидкой пищей или мясом, имели возможность постоянно наблюдать за крысами и мышами, бегающими по комнате за пределами их клеток, а еще одна группа котят росла в обычных условиях вместе с родившими их кошками. После того как котята выросли, Куо наблюдал за поведением каждого из них, оставляя наедине с крысами. Поведение котов из разных групп было совершенно разным. Коты, выросшие в обычных условиях, убивали и съедали всех крыс без разбора; выросшие в изоляции на молоке и жидкой пище даже не пытались ловить крыс и тем более их есть; другие группы заняли промежуточные позиции, но среди них наблюдалась тенденция ненормального, неестественного поведения, то есть многие из них не относились к крысам как к пище. Неоднократное повторение этого эксперимента лишь подтвердило правильность теории Куо, что данная черта поведения у кошек не врожденная, инстинктивная, и, следовательно, является не естественной, а скорее приобретенной привычкой, которую можно искоренить.

Возможно, не менее наглядные доказательства были представлены антропологами в ходе изучения различных племен. Давайте рассмотрим одно из самых универсальных утверждений (распространенных именно для нашей культуры), согласно которому мужчины занимают доминирующее положение и агрессивны по натуре, а женщины — покорны и миролюбивы. На самом деле это явление вовсе не универсально. Как мужчинам, так и женщинам горного племени арапешей на Новой Гвинее свойственны так называемые женские черты характера. Кажется, что этому племени удалось искоренить конкуренцию, агрессивность и доминантное поведение и заменить их отношениями, полными взаимного доверия и любви. В их обществе, которое, возможно, максимально приблизилось к идеалам бесклассового, нет ярко выраженной возрастной или половой дискриминации. Даже в детских играх отсутствует тенденция побеждать или доказывать свое превосходство, а если дети вдруг начинают драться, взрослые тут же вмешиваются и прекращают драку. Наблюдатели нередко называют племя арапешей «одной большой дружной семьей».

Совершенно противоположная картина наблюдается в племени каннибалов мандагамор опять же с Новой Гвинеи. И мужчинам, и женщинам этого племени свойственны черты характера, которые принято считать мужскими. Они безжалостны, жестоки, доминантны, агрессивны и готовы использовать даже

самый незначительный повод для драки. С самого рождения ребенка окружают враждебно настроенные люди, его рано отнимают от груди, он привыкает к постоянным побоям и даже может погибнуть от руки своей собственной матери, напрочь лишенной так называемых материнских инстинктов, которые принято считать естественными, неотъемлемыми чертами любой женщины.

В племени чамбули мужчины и женщины поменялись ролями. Женщина является доминирующим бесстрастным партнером, единолично принимающим решения, мужчина, напротив, подчиняется ей и находится в эмоциональной зависимости от нее. В данном случае именно женщина выбирает себе сексуального партнера, от мужчины практически ничего не зависит. Женщины прекрасно общаются между собой; мужчины, наоборот, относятся друг к другу подозрительно и недоброжелательно. Так как именно женщины защищают племя от врагов, мужчины, как правило, застенчивы, чувствительны и услужливы, они занимаются такими «женскими» видами творчества, как танцы, вышивание и рисование. Можно было бы привести множество других примеров различных моделей поведения, которые нам кажутся противоестественными и ненормальными, но которые тем не менее показывают, что люди, им следующие, могут быть настолько же счастливы и довольны своей жизнью, как и мы своей.

Эти примеры показывают относительность понятия нормальности как в статистическом, так и в естественном значении. Очень часто значение естественной нормальности сужается до значения статистической; мы считаем естественным то, что в нашем обществе происходит очень часто, но иногда можем ошибаться в своих оценках частоты определенных форм поведения. Кинси, например, обнаружил, что 30 процентов опрошенных им мужчин занимались гомосексуализмом по крайней мере один раз. Подобные цифры явно выходят за рамки того, что могло предположить большинство людей.

С научной точки зрения результаты антропологических исследований и исследований животных являются убедительными доказательствами относительности многих наших критериев нормальности. Однако многие никогда не согласятся с этим, утверждая, будто то, что свойственно животным и «аборигенам», не имеет никакого отношения к нашему цивилизованному обществу. Чтобы показать, что это не так, я приведу еще один пример относительности наших представлений о нормальности с помощью сравнения поведения различных групп нашего общества. С учетом всей сложности взаимоотношений в современном мире понадобится более детальное обсуждение проблемы, чем в случае с антропологическими исследованиями и исследованиями поведения животных. Скоро читатель поймет, зачем это нужно.

В качестве примера я выбрал работу Кинси на тему «Сексуальное поведение мужчины», которая кроме всего прочего затрагивает вопросы сексуальной жизни мужчин среднего и рабочего класса Америки.

Можно с уверенностью сказать, что проводись подобное исследование в Англии, оно бы выявило похожие различия, но ввиду отсутствия экспериментальных доказательств следует помнить, что эксперимент состоялся в Соединенных Штатах, и поэтому цифры, которые могут четко свидетельствовать о сексуальном поведении американцев, вовсе не обязательно можно применить к условиям Великобритании.

Кинси в основном интересовался сексуальным поведением людей, причем подходил к этому вопросу слишком практично и прямолинейно, отчего его не раз критиковали психоаналитики и другие люди, пытающиеся найти скрытые сексуальные мотивы в любых проявлениях человеческого поведения. Подобная критика может указывать на возможности дальнейшего изучения этого вопроса, но не имеет непосредственного отношения к фундаментальной работе, проделанной Кинси в рамках им же придуманных ограничений. Исследователя интересовали только те действия сексуального характера, кульминация которых приводит к явлению, известному как оргазм, или сексуальный климакс. Согласно его теории, у оргазма есть шесть основных источников: самоудовлетворение (мастурбация), ночные сновидения, которые приводят к оргазму, петтинг гетеросексуальными партнерами (без полового акта), гетеросексуальный половой акт, гомосексуальный половой акт, сношения с животными. Кинси говорит, что «есть и другие способы получения сексуального удовлетворения, но они встречаются так редко, что их нельзя рас-

сматривать как типичные примеры разрядки какой-либо большой группы населения». Кинси называет эти шесть видов сексуального удовлетворения «способами разрядки», а его исследования касаются главным образом частоты, с которой они встречаются среди различных слоев населения.

Все данные были собраны им в личных беседах: в целом до момента публикации своей книги он провел их 12 000, а для непосредственных расчетов использовал результаты 5300 собеседований. Немалый интерес представляют сами методы, которые Кинси применял в ходе своих собеседований. Опрашиваемые были людьми самых различных профессий: бутлеггер и психиатр, проститутка и банковский служащий, крупье и юрист, редактор и сутенер. Само собеседование проходило довольно жестко: у опрашиваемого не было времени подумать над вопросом, его практически лишали возможности что-либо отрицать.

Кинси полагает, что интервьюер должен задавать вопросы таким образом, чтобы субъекту было трудно отрицать свое участие в любом виде сексуальной активности. «Очень легко просто ответить «нет», если его спрашивают об определенном сексуальном опыте. Поэтому мы всегда начинаем собеседование, спрашивая, *когда* вы имели подобный опыт». Это, подчеркивает он, заставляет субъекта хорошо подумать, прежде чем что-либо отрицать, а поскольку сама форма вопроса уже предполагает, что интервьюер не удивился бы, если бы определенный сексуальный опыт действительно имел место в жизни субъекта, то вероятность его отрицания становится гораздо меньше.

Кинси относился к своим собеседованиям настолько серьезно, что изобрел систему кодированной записи ответов, дабы никто, кроме него и его помощников, не мог их прочесть. К тому же он выучил сексуальную лексику различных групп, которые опрашивал, полагая, что необходимо разобраться во всех возможных техниках, используемых в каждом возможном типе сексуального поведения, и что для большинства этих типов, как и для сотен различных позиций при половом акте, существуют определенные термины, которые должен знать интервьюер, для того чтобы правильно понять опрашиваемых им субъектов.

Все данные, полученные в ходе собеседований, были рассортированы в соответствии с полом, расой, культурной группой,

семейным положением, возрастом, уровнем образования, профессией, профессиями родителей, религиозными убеждениями и местом проживания. Для различных групп были представлены точные статистические данные. Так как нас в данном случае интересуют только различия между рабочим и средним классом, то различия другого рода будут упоминаться, только если в этом возникнет необходимость. Кинси определяет социальное положение человека частично в зависимости от уровня его образования, частично — от рода его занятий. Но так как оба типа классификации дают идентичные цифры, не имеет смысла вдаваться в подробности и упоминать, какой именно тип классификации использовался при данном виде сравнения.

Кинси резюмирует свои наблюдения следующими словами: «Собранные данные указывают на то, что сексуальное поведение людей, проживающих в одном городе, но принадлежащих к разным социальным слоям, может сильно различаться. Эти данные говорят о том, что различия в сексуальном поведении разных социальных групп могут быть такими же большими, как и те, которые антропологи обнаружили в сексуальном поведении различных этнических групп в отдаленных уголках мира».

Зная заключение, мы можем теперь обратиться непосредственно к фактам. Если взять общее количество случаев оргазма в неделю, то резких различий между разными классами не наблюдается, хотя происходит естественное сокращение от максимальных пяти раз в неделю в возрасте 16—20 лет до примерно двух раз в неделю в возрасте 40—45. Однако между разными классами существует разница в пропорциях различных типов сексуальной разрядки, выделенных Кинси. Кинси сравнивал главным образом группы выпускников колледжей, средних школ и лиц, закончивших начальную школу (то есть тех, кто вообще не получил среднего образования). В качестве примера давайте рассмотрим группу, в которую входят одинокие молодые люди 16—20 лет.

В этой группе разрядка с помощью мастурбации составляет 29 процентов для закончивших начальную школу, 37 процентов для выпускников средней школы и 66 процентов для выпускников колледжа. Ночная эякуляция составляет 5 процентов (начальная школа), 6 процентов (средняя школа) и 16 процентов

(колледж); процент оргазмов с помощью петтинга равен 2, 3 и 5 процентам соответственно. Во всех трех видах разрядки группа окончивших колледж является самой активной, выпускники средней школы занимают промежуточную позицию, а группа людей с начальным образованием наименее активна. В целом мастурбация, ночная эякуляция и петтинг составляют 87 процентов всех видов сексуальной разрядки в группе окончивших колледж, 46 процентов в группе выпускников средней школы и 36 процентов в группе окончивших начальную школу.

Однако в случае с тремя остальными видами сексуальной разрядки наблюдается совершенно иная картина. Два первых вида не представляют особого интереса. Содомия (половой акт с животными) составляет 1 процент всех видов разрядки как для закончивших начальную школу, так и для тех, кто получил среднее образование; она вообще не представлена в группе окончивших колледж. Гомосексуализм соответственно составляет 7 процентов всех типов разрядки, 11 и только 2. Гораздо важнее, по мнению Кинси, добрачные половые сношения, которые он подразделяет на половые сношения с коллегами, то есть с девушками, которые занимают тот же социальный статус, что и опрашиваемый субъект, и с проститутками. И те и другие составляют соответственно 51 процент и 6 процентов для окончивших начальную школу; 39 и 3 — для окончивших среднюю школу; и 9 и 1 — для окончивших колледж. В целом добрачные половые связи, сношения с животными и гомосексуальные половые акты составляют 65 процентов всех случаев сексуальной разрядки для лиц с начальным образованием, 54 процента для выпускников средней школы и только 12 процентов — для окончивших колледж.

Четкая разница наблюдается между группами окончивших колледж и другими. У студентов колледжей процент оргазмов, происходящих с помощью мастурбации, ночных сновидений и петтинга равен 90 процентам и только 10 процентов оргазмов достигается с помощью полового акта. В группе не окончивших колледж две трети всех случаев оргазмов происходят в результате непосредственного полового акта. Эти цифры показывают ярко выраженную разницу в сексуальном поведении двух групп. Однако, несмотря на определенный интерес, эти данные лишь частично доказывают нашу теорию. Мы также должны выяснить, как к этим различным способам сексуальной разрядки относятся группы среднего класса и рабочего и узнать, насколько каждый из них считается «нормальным».

Кинси выяснил, что люди низшего социального уровня относятся к мастурбации как к аномалии, извращению, которое в подростковом возрасте подменяет настоящие социально-сексуальные контакты. Большинство подростков, принадлежащих к низшему классу, мастурбируют, но практически сразу перестают этим заниматься после первого опыта гетеросексуального полового акта. Подобное отношение низшего класса к мастурбации как к извращению во многом похоже на отношение к ней некоторых примитивных народов — как правило, моральные принципы здесь совершенно не при чем, просто эти люди обычно насмехаются или презирают тех, кто не может найти себе партнера и прибегает к подобному способу самоудовлетворения. Нельзя сказать, что студенты колледжей приветствуют занятия мастурбацией, но считают ее не такой аморальной, как внебрачные гетеросексуальные половые связи.

Несмотря на существенные различия в отношениях групп с высшим образованием и групп без оного к мастурбации, еще большие различия наблюдаются в случае с петтингом и внебрачными половыми связями. В группе с высшим образованием большое значение придается сохранению девственности девушки и даже девственности юноши до момента вступления в брак. «Добрачный петтинг считается нормальным явлением еще и потому, что все книги, посвященные семейным отношениям, подчеркивают, что для счастливой семейной жизни необходимо овладеть техникой предварительной игры в постели; молодые люди полагают, что приобретение подобного опыта до вступления в брак сыграет положительную роль в их будущей семейной жизни. Таким образом, петтинг является своеобразным компромиссом, который основан на принятии определенных моральных устоев (избежание добрачных половых контактов, сохранение девственности) и который приобретает фундаментальное значение в свете морали среднего и высшего класса».

Для групп без высшего образования, и в особенности для групп только с начальным образованием, не существует подоб-

ного табу в отношении добрачных половых контактов, которые считаются нормальным и часто желаемым явлением. В данном случае существует табу в отношении любых способов замены простого и непосредственного полового акта. Петтинг включает в себя ряд действий, которые люди, принадлежащие к низшим социальным слоям, считают неприемлемыми, нежелательными и ненормальными. С другой стороны, моральная сторона в данном случае не имеет большого значения, так как сами добрачные половые контакты в целом считаются нормальным явлением. Кинси отмечает: «Добрачные половые контакты являются практически неотъемлемой характеристикой сексуального поведения групп, имеющих только начальное образование, причем это явление настолько распространено в низших социальных слоях, что практически все опрошенные нами мужчины признавались, что их первый сексуальный контакт произошел до того, как им исполнилось 16 или 17 лет».

Как правило, люди, имеющие опыт добрачных отношений, после вступления в брак имеют внебрачные связи. В низших социальных слоях внебрачные половые контакты считаются естественными и возникают практически сразу после женитьбы, но постепенно их становится все меньше и меньше.

Однако для людей с высшим образованием характерна иная тенденция. Воздержание от непосредственных гетеросексуальных контактов до женитьбы дает о себе знать и после вступления в брак, поэтому, как правило, человек не склонен иметь половые связи на стороне. (В действительности именно из-за этого воздержания у него даже могут возникнуть трудности в сексуальных отношениях со своей женой, и он может, как это часто и происходит, продолжать заниматься мастурбацией.) Однако со временем количество внебрачных половых связей среди мужчин с высшим образованием постепенно увеличивается примерно до достижения ими возраста 50 лет.

Таким образом, при сравнении групп среднего класса и рабочего наблюдаются противоположные тенденции. Группы среднего класса начинают свою сексуальную жизнь с воздержания и приверженности идеалам девственности и моногамии, но позже, в более зрелом возрасте, отклоняются от этих идеалов и считают вполне нормальными внебрачные половые связи. Мужчины, принадлежащие к рабочему классу, начинают свою сексуальную жизнь с непринятия идеалов моногамии и девственности и имеют много внебрачных половых связей. Однако с течением времени они все больше начинают следовать идеям, которые не разделяли в юности.

Несмотря на то что собранные статистические данные действительно проливают свет на разные представления о нормальном сексуальном поведении в среде рабочего и среднего класса, наиболее важным с этой точки зрения является то, как сами люди, которых опрашивал Кинси, относятся к различным формам сексуального удовлетворения. В качестве первого примера мы можем взять отношение к наготе. Хорошо известно, что в разных странах к женской наготе относятся по-разному; Кинси подчеркивает, что подобные различия наблюдаются и между разными классами одного и того же общества. Так, практически все выпускники колледжей считают наготу во время полового акта совершенно нормальным явлением, и многие из них даже представить себе не могут того, что человек регулярно занимается сексом, не раздеваясь. С другой стороны, люди, получившие только начальное образование, как правило, относятся к наготе отрицательно. Большинство их считает наготу более непристойной, чем сам половой акт. Кинси приводит случай с мужчиной, количество половых связей которого равнялось нескольким сотням и который признался, что за всю свою жизнь не упустил ни одной возможности вступить в сексуальную связь с женщиной, за исключением одного случая, «когда девушка начала раздеваться перед половым актом. Эта девушка вела себя слишком непристойно, поэтому я не мог заняться с ней сексом!».

Различное отношение к петтингу уже упоминалось; после вступления в брак это отношение, как правило, не меняется. Мужчина, окончивший колледж и прочитавший несколько книг о семейной жизни, убежден, что женщине необходима предварительная стимуляция, для того чтобы она могла достичь настоящего оргазма одновременно с мужчиной, поэтому он уделяет большое внимание предварительным ласкам. Как мужчины, так и женщины из рабочего класса считают подобные сексуальные игры неприемлемыми, полагая, что для «нормальных» секу-

альных отношений достаточно лишь непосредственного полового контакта. Однако следует отметить, что, изучив данные о сексуальном поведении женщин, Кинси обнаружил: хотя мужчины из высших социальных слоев выполняют все рекомендации книг, посвященных семейным отношениям, настоящие оргазмы происходят гораздо чаще у женщин, принадлежащих к низшим социальным слоям.

Поцелуй как эротический прием — широко распространенное явление среди представителей среднего класса, однако в среде рабочего класса к нему относятся отрицательно. Глубокий поцелуй одобряется группой мужчин, окончивших колледж, несмотря на соображения гигиены. «Эта группа считает поцелуи в губы неотъемлемой частью эротической игры, хотя возражает против того, чтобы люди пили из одного стакана. С другой стороны, люди из низших социальных слоев относятся к оральным контактам как к чему-то непристойному, грязному, как к источникам инфекции, хотя они могут пить из одного стакана и пользоваться общими столовыми приборами».

Между двумя классами также наблюдается разница в отношении к позициям во время секса. Одна из классических позиций, характерных для людей высшего социального класса (когда девушка находится сверху), считается настоящим извращением у людей из низших социальных слоев.

Существует один интересный момент, подчеркиваемый Кинси. Мужчины, которые переходят из одного социального класса в другой, перенимают сексуальные привычки того класса, в который они переходят, и оставляют свои прежние привычки. Это еще раз показывает всю сложность факторов, которые влияют на наше представление о нормальности. Таким образом, мы не можем решить эту проблему статистическим методом или с помощью какого-то абстрактного идеала.

Я достаточно глубоко рассмотрел вопрос понятия нормальности, для того чтобы показать, что в данном случае опять все относительно и что даже в однородном обществе не может быть точных, абсолютных, идеальных моделей поведения. Однако я вовсе не отрицаю существования религиозных и других групп, занимающих четкие позиции относительно социальных норм, которых должно придерживаться общество. Я лишь хочу

сказать, что в действительности таких универсальных норм поведения не существует. Осознание этого факта приведет к важным изменениям в медицинской, юридической и социальной сферах.

Во всех этих трех областях мужчины и женщины среднего класса навязывают свои законы или пытаются советовать или помогать людям низшего социального класса. «Когда профессионально подготовленные люди пытаются предсказать поведение людей из более низких социальных слоев, часто возникают конфликты именно по причине этих разных сексуальных моделей поведения». Например, в медицинской практике терапевты, психологи, психиатры, медсестры, психоаналитики, консультанты по вопросам семейной жизни назначают лечение, дают советы и предлагают помощь в решении сексуальных проблем, основываясь на понятиях брака и сексуального поведения, соответствующих нормам, принятым в высших социальных слоях, к которым они принадлежат. Но эти понятия могут совершенно не согласовываться с нормами того социального уровня, к которому относится человек, обратившийся за помощью. Легко представить последствия совета специалиста клиники по вопросам семьи и брака, который подчеркивает необходимость длительной предкоитальной игры, разнообразия позиций, стимуляции непосредственно перед началом полового акта и одновременного оргазма мужчины и женщины. Для социальной группы, к которой принадлежит этот специалист, подобное сексуальное поведение является нормой, но большая часть населения, получающего этот совет, посчитает такое поведение неприемлемым и ненормальным.

Школьные учителя и другие работники социальной сферы сталкиваются с похожими проблемами. Кинси приводит случай, когда незамужняя учительница, окончившая колледж, узнав о том, что один из ее учеников имел сексуальный контакт с одной из учениц прямо в классе, настояла на том, чтобы юношу исключили из школы, а девушку публично отчитали. Возможно, знай учительница о том, что почти у каждого четвертого в классе был подобный сексуальный опыт, она приняла бы более адекватные меры.

Однако действительно далеко от реальности находятся законы, регулирующие сексуальное поведение. Кинси подчеркива-

ет, что если бы они строго соблюдались, то более 95 процентов мужского населения сидело бы в тюрьме. «Поведение только относительно небольшой (в пропорциональном отношении) части мужчин, которые находятся в исправительных учреждениях за преступления сексуального характера, сильно отличается от поведения большинства мужчин». Если бы законы действовали в полную силу, то от 5 процентов населения могла бы зависеть судьба оставшихся 95 процентов!

К счастью, существуют полицейские, которые являются своеобразными посредниками между законом и людьми, чье воспитание скорее соответствует моральным устоям рабочего класса, нежели нормам, принятым среди наших законодателей с высшим образованием. Так, законы против добрачных половых связей редко имеют силу, потому что полицейский, как правило, не считает преступным определенный сексуальный опыт мальчика, через который он сам прошел в период полового созревания и который является типичным явлением для большинства подростков из его социальной среды.

Существует еще одна группа, которой следовало бы лучше разобраться в путанице различных представлений о том, что нормально и что естественно. В эту группу входят люди, которые пишут книги на тему брака и дают рекомендации по улучшению функционирования этого священного института. Просмотрев достаточное количество подобных книг, в большинстве своем написанных философами и выдающимися людьми, я пришел к заключению, что все они базируются на предположении, согласно которому население состоит из людей с IQ никак не меньше 180, с высшим образованием, и что эти люди придерживаются определенных этических норм, и вообще все как один похожи на автора. Печально сознавать, что подобные книги являются серьезными попытками решить важные проблемы. Как мы можем утверждать, что следует делать, если даже не знаем точно, что и почему происходит в действительности? Только после сравнительного исследования различных наций, различных классов одной нации и наконец изучения поведения животных можно выдвигать какие-либо разумные предложения по решению проблем в этой чрезвычайно сложной области.

Но даже в данном случае маловероятно, что мы с помощью своих научных исследований продвинемся намного дальше, чем В. Джеймс со своим четверостишием, сочиненным во время наркотического сна. Известный философ экспериментировал с различными способами влияния на сознание и несколько раз во время подобных состояний ему открывался секрет жизни, но, проснувшись, он быстро забывал его. Тогда он попытался записать его сразу после пробуждения, и у него это получилось. В результате оказалось, что секрет жизни заключался в следующем:

Higamus, Hogamus,
Woman is monogamus
Hogamus, Higamus,
Man is polygamus.[1]

Надо сказать, он был несколько разочарован, хотя трудно понять, почему. Совершенно не исключено, что в этом стихотворении может содержаться больше правды, чем во многих философских трудах.

Настоящая опасность сторонников реформирования института брака заключается вовсе не в том, что их предложения действительно когда-нибудь будут приняты; даже у мужчин с высшим образованием достаточно жизненного опыта, чтобы понять всю бесполезность и абсурдность подобных предложений. Но что действительно пугает, так это то молчаливое согласие, с которым и критики, и простые читатели принимают все на веру, так что людям, предлагающим готовые рецепты семейного счастья, вовсе не надо утруждать себя различного рода исследованиями и поиском фактических данных. Даже Королевская комиссия в отношении данного вопроса решила пойти этим путем с помощью опросов и анкетирования большого количества людей или определенных заинтересованных групп населения, вместо того чтобы назначить исследовательскую группу из социологов, психологов и психиатров, чьи задачи заключались бы в исследовании

[1] Суть этого четверостишия можно перевести как «женщины моногамны, мужчины — полигамны». — *Прим. ред.*

различных проблем, в обобщении всех данных, известных из уже написанных книг и научных трудов, в выработке гипотез и их экспериментальном подтверждении. Когда на карту поставлено человеческое счастье, не стоит жалеть тех небольших денег, которые необходимы для функционирования какого-нибудь постоянного исследовательского центра по вопросам изучения сексуального поведения человека, будь оно нормальным или аномальным.

Эффекты психотерапии

Количество случаев психических расстройств в современном обществе является действительно пугающим. Мало кто понимает всю серьезность последних тенденций. Приблизительно половина всех больничных коек в Великобритании и Соединенных Штатах занята пациентами, страдающими психическими расстройствами. Практически каждый 35-й на определенном жизненном этапе сталкивается с заболеваниями психического характера. 14 процентов призывников в американскую армию не прошли отбор по причинам психических расстройств, к этому количеству следует добавить еще множество тех, у кого периодически происходили нервные срывы во время войны. Примерно одна четверть (некоторые увеличивают это число до 50 процентов) людей, обращающихся к терапевту по поводу физических недомоганий, страдают главным образом различными психическими расстройствами. Неудивительно, что проблема лечения и профилактики подобных расстройств занимает важное место в современной медицинской практике.

Некоторые методы лечения, несмотря на свою эффективность, в современных демократических странах по различным причинам не используются. К примеру, было обнаружено, что когда невротик попадает в концентрационный лагерь, большинство нервных симптомов исчезает — страх перед смертью берет верх над его тревогами и истеричными механизмами защиты. Вероятно, существует отчетливая положительная корреляция между количеством случаев неврозов и экономическим благосостоянием страны. В Америке практически стало модным иметь какую-нибудь форму нервного расстройства. На человека из высших социальных слоев нередко смотрят свысока, если обнаруживается, что у него нет личного психоаналитика, с которым бы он постоянно консультировался.

Однако очень трудно выяснить общее количество неврозов в стране, где медицинская система плохо развита. В отсталых странах нервные расстройства либо не лечатся вообще, либо их принимают за физические заболевания и лечат соответствующе.

Именно поэтому может сложиться впечатление, что в таких странах люди меньше подвержены психическим заболеваниям, нежели в странах, где медицинские работники весьма серьезно относятся к подобным видам заболеваний. Из-за этого точное сравнение одной страны с другой или даже тенденций в пределах одной страны становится практически невозможным.

Но как бы там ни было, огромная значимость проблемы не оставляет никаких сомнений. Многие люди привыкли смотреть на нее с неправильной точки зрения. Обычно они считают, что невротики в какой-то мере отличаются от них качественно, точно так же, как, скажем, человек со сломанной рукой или с раковым заболеванием отличается от здорового человека. Это ненаучный взгляд на проблему, несколько напоминающий ошибочные представления в интеллектуальной сфере, согласно которым люди могут быть либо гениями, либо умственно отсталыми, либо нормальными, то есть что каждый человек относится к одной из этих трех четко разделенных между собой групп. На сегодняшний день известно, что это не так и что ум является переменной величиной, которая варьирует от самого низкого значения умственной отсталости до самого высокого значения гениальности. Точно так же невротик не является кем-то, кого нужно рассматривать отдельно от всех остальных людей; просто он находится на одном из противоположных концов непрерывного множества, так называемого континуума, который начинается с эмоционально стабильных, психически абсолютно здоровых людей, проходит через середину и стремится к психически нестабильным, неуравновешенным людям, являющимся потенциальными невротиками. При воздействии определенных стрессов у многих людей может произойти нервный срыв и даже развиться неврастения. Для человека, который находится на нестабильном, неуравновешенном конце континуума, причиной нервного срыва может стать любой пустяк, в то

время как человек на противоположном конце континуума может противостоять даже сильнейшим стрессам без ущерба для своего психического здоровья.

Отсюда следует, что люди, страдающие неврозами различной степени, являются частью общества, и это не только те, кто находится в психиатрических лечебницах. Исследования показывают, что среди «нормального» населения около 10 процентов людей страдает достаточно серьезными эмоциональными расстройствами, а еще 20 процентов имеет более легкие формы психических расстройств, хотя часто именно это заставляет их обращаться за помощью к терапевту и порой мешает нормально жить, учиться и работать.

Все сказанное выше свидетельствует о масштабах проблемы. Может ли психотерапия как-то помочь в облегчении страданий, вызываемых нервными расстройствами того или иного вида? Психотерапию можно определить как систематическое и постоянное исследование вербальным способом психических состояний пациента, страдающего неврозами, для того чтобы помочь ему добиться гармонии с самим собой и окружающим обществом. Существуют две основные формы психотерапии: фрейдистская, или психоанализ, и более или менее эклектичные методы, которые используют психиатры, не поддерживающие теорию Фрейда. Обе формы в настоящее время получили широкое применение. Учитывая, что каждый год курс лечения проходят сотни тысяч пациентов, можно предположить, что к настоящему времени собрано уже достаточно информации об эффективности этих различных форм лечения. Обзор литературы выявляет ряд интересных фактов.

Существует довольно много больничных отчетов и отчетов частных психиатров. Эти документы содержат данные, полученные в ходе наблюдений за пациентами. Обычно результат лечения фиксируется на бумаге словами «полное выздоровление», «заметное улучшение», «улучшение», «улучшения не наблюдается», хотя иногда используются и другие термины. В большинстве случаев люди, делающие подобные заключения, практически не пытаются объяснить, что они имеют в виду под этими терминами, а суждения о том, какой из терминов следует применить к пациенту, носят субъективный характер. На этот факт необходимо обратить особое внимание, ибо он указывает на то, что к подобным суждениям следует относиться осторожно.

Однако если взять их «внешнюю» полезность, то различные авторы говорят практически об одинаковом проценте вылеченных ими людей. Сторонники эклектических методов лечения в своих отчетах указывают, что две трети пациентов либо выздоравливают, либо их психическое состояние заметно улучшается. Сторонники психоанализа говорят о выздоровлении или улучшении состояния только в половине всех случаев; отчасти это объясняется тем, что многие пациенты, обратившиеся к психоаналитикам, часто сами прерывают лечение, поэтому их относят к группе пациентов, которых вылечить не удалось. Если подобные случаи не принимать в расчет, то процент людей, вылеченных психоаналитиками, будет почти таким же, как и процент вылеченных эклектичными методами, то есть две трети. Эти цифры выглядят многообещающими: невротик, обратившийся за помощью, имеет неплохие шансы на выздоровление.

Но существует одна причина, по которой полученные цифры нельзя считать убедительным доказательством эффективности психотерапии: в данном случае мы имеем дело с одним из известных заблуждений *post hoc, ergo propter hoc* (после этого, следовательно, вследствие этого) — улучшение происходит после лечения, следовательно, благодаря лечению. Это утверждение, несомненно, является ложным, по крайней мере частично; случаи внезапного выздоровления наблюдаются довольно часто. Персонал любой психиатрической лечебницы с большим количеством пациентов приведет массу примеров того, как невротики, которых просят подождать шесть месяцев, пока до них дойдет очередь, нередко по истечении этого срока пишут, что им уже не нужно лечение, так как они сами справились со своими проблемами.

Следовательно, необходима некая контрольная группа, скажем, тех пациентов, которые не лечились с помощью психотерапии, но которые во всех остальных отношениях не отличаются от невротиков, получавших подобное лечение. Таким образом, эта группа стала бы неким образцом, с которым можно было бы сравнить процент пациентов в экспериментальной группе, выздоровевших с помощью эклектического лечения и психоанализа. К

сожалению, никто из психологов и психиатров подобную контрольную группу для оценки результатов своего лечения не использовал, поэтому мы вынуждены прибегнуть к помощи двух исследований, чьи результаты можно использовать как некий базис, с которым мы могли бы сравнить нашу экспериментальную группу. Первое исследование затрагивает процент вылеченных пациентов с диагнозом «невроз», которые проходили лечение в государственных психиатрических лечебницах Америки. Пациенты этих клиник не лечились с помощью психотерапии, они всего лишь были окружены больничным уходом. Иногда они получали очень маленькие дозы психотерапии в приемный покой, но этого, естественно, недостаточно, чтобы говорить о «систематическом и постоянном исследовании». Существует несколько возражений против использования этих данных в качестве базовых для сравнения «спонтанной ремиссии». Во-первых, как правило, невротики направляются в государственные лечебницы, только если их состояние действительно очень тяжелое. Иногда из-за переполненности больниц и нехватки финансовых средств даже тяжело больной человек не может получить необходимую медицинскую помощь. Во-вторых, экономический, образовательный и социальный статус людей, которые обращаются за помощью в государственные психиатрические лечебницы, как правило, ниже статуса пациентов, получающих такое же лечение, как пациенты из нашей экспериментальной группы. В-третьих, одно дело, когда пациент выписывается из государственной психиатрический лечебницы вследствие выздоровления, и совсем другое, когда он выписывается как выздоровевший из частной клиники; в частных клиниках стандарты гораздо выше, чем в государственных. Учитывая все эти особенности, мы можем отметить, что процент полностью или практически вылечившихся среди этих пациентов снова составляет две трети всех случаев; по крайней мере он несколько выше, чем в группе пациентов, которых лечат психотерапией.

Второй базис для сравнений, имеющийся в нашем распоряжении, возможно, является более убедительным. Он представлен 500 заявлениями на получение пособий по временной нетрудоспособности, вызванной неврозами. Медицинские карты больных, подавших эти заявления, были взяты из архива одной

американской страховой компании. Все люди, подавшие заявления, болели в течение трех месяцев. Их заболевания на нервной почве действительно можно назвать серьезными, так как на протяжении всего этого времени больные были совершенно нетрудоспособны. Пациентов регулярно осматривали их лечащие врачи, которые назначали им различные седативные препараты и микстуры, а также давали различные советы; психотерапия не проводилась. Как по утверждениям врачей, так и по свидетельствам независимых экспертов страховой компании пациенты действительно не занимались никакой продуктивной работой в течение всего периода своей болезни. Являясь временно нетрудоспособными, они получали соответствующее пособие. Вполне возможно, что именно по этой причине восстановление сил у больных проходило медленнее, чем должно было на самом деле, так как денежная помощь выступала в данном случае в качестве барьера для стимулов к выздоровлению. Автор отчета, из которого была взята информация, отмечает: «В данном случае нельзя было ожидать немедленных терапевтических результатов, так как для этой группы, как и для других ей подобных, экономический фактор может стать одной из причин нежелания пациента бороться со своей болезнью».

За пациентами велось наблюдение в течение пяти, а в некоторых случаях даже десяти лет после начала периода нетрудоспособности. Были использованы следующие критерии выздоровления, которые являются более строгими, чем критерии, применяемые большинством психиатров и психоаналитиков: 1) возвращение к работе и способность поддерживать экономические отношения по крайней мере в течение пяти лет; 2) отсутствие болезненных симптомов или их незначительное проявление; 3) успешная социальная адаптация. С помощью этих критериев было обнаружено, что 72 процента пациентов выздоровели через два года. Оставшиеся 10, 5 и 4 процента выздоровели через 3, 4, 5 лет соответственно, так что в целом спустя пять лет выздоровели 90 процентов пациентов. Если мы возьмем двухлетний период как самый адекватный для сравнительных целей, то снова обнаружим, что и в этой выборке пациентов две трети невротиков вылечились без помощи психотерапии.

Естественно, эта контрольная группа также далека от совершенства. Мы не можем с уверенностью сказать, что истории болезней данной группы пациентов были идентичны историям болезней пациентов, составляющих экспериментальную группу. С другой стороны, наша контрольная группа дополняет вторую, так как в данном случае мы имеем дело с добровольными негоспитализированными пациентами из относительно высокого социально-экономического слоя, большинство из которых являются администраторами, учителями, клерками и специалистами в различных областях. Таким образом, недостатки обеих выборок в какой-то степени компенсируют друг друга, а факты свидетельствуют о том, что и в том и в другом случае мы наблюдаем идентичный процент выздоровевших.

Таким образом, мы видим, что среди невротиков, проходящих курс лечения с помощью психоанализа или эклектической психотерапии, выздоравливают две трети. Точно такая же картина наблюдается и среди невротиков, находящихся под наблюдением врача или получающих больничный уход без участия психотерапии. Очевидно, что эти результаты не могут свидетельствовать в пользу гипотезы о благотворном влиянии психотерапии. Таковы факты, но принимать их слишком серьезно и делать поспешные выводы о бесполезности психотерапии тоже не стоит. С другой стороны, ими также нельзя полностью пренебречь, заявив, что собранные данные слишком спорны, чтобы принимать их во внимание. Да, собранные сведения спорны, но это все, чем мы располагаем на настоящий момент. Если мы хотим оправдать применение современных терапевтических методов, то следует обратиться именно к ним, а если мы так и поступим, то неизбежно придем к заключению, что подобные факты не доказывают несостоятельность психотерапии, а просто позитивные последствия ее применения не учитываются. Вполне вероятно, что дальнейшие исследования в этой области помогут выявить эффекты психотерапии, но так как подобные исследования до сих пор не проводились, то мы вынуждены пока остановиться на старом шотландском вердикте *не доказано*.

Возможно, полезно будет поразмышлять о том, какими должны быть эти дальнейшие исследования. Во-первых, разумеется, мы должны настоять на использовании контрольной группы, то

есть отобранной по тем же критериям, что и группа людей, проходящих лечение, но лишенной его на какое-то время. Это главное условие часто вызывает возражения этического характера: имеем ли мы право, независимо от того, знаем или нет эффекты какой-либо терапии, намеренно лишить ее человека, нуждающегося в лечении? Дилемма, возникающая в данном случае, действительно весьма серьезна, но, к счастью, нам не надо ее разрешать. Многие больницы переполнены, и пациентам в любом случае приходится ждать не один месяц, пока освободится место, поэтому большинство людей, нуждающихся в лечении, не получают его сразу. Таким образом, все требования экспериментального метода выполнятся: людей не будут намеренно лишать необходимого лечения; для контрольной группы будут отбирать лишь тех, кто в любом случае долго не сможет его получить. Вряд ли кто-то станет возражать против подобной процедуры из чисто человеческих соображений, и как раз из-за последних нельзя допустить, чтобы люди надеялись и тратили деньги на лечебные процедуры, эффективность которых сомнительна.

Если бы в нашем распоряжении была экспериментальная группа, проходящая лечение с помощью психотерапии, и контрольная группа, которая вообще не получала бы лечения (причем обе группы были бы идентичны по количеству мужчин и женщин, возрасту, уровню образования, социально-экономическому статусу и, если это возможно, по типам и степени сложности заболеваний входящих в них людей), то мы смогли бы провести исследование обеих групп с помощью психологических и физиологических тестов. Мы также смогли бы узнать, что думают о своем состоянии и поведении сами пациенты и их родственники, медсестры, ухаживающие за ними, и другие люди, с которыми они контактируют. После прохождения экспериментальной группой курса лечения мы опять сравнили бы обе группы и выявленные различия отнесли бы на счет эффектов психотерапии.

В своем плане я не затронул один очень важный момент — точную оценку личности и ее изменений, без которой подобное исследование теряет смысл. С пациентом могут произойти изменения самого различного характера, поэтому перед тем как делать какие-либо заключения, необходимо тщательно их проана-

лизировать. Например, пациент может почувствовать себя гораздо лучше, но в то же время станет невыносимо надоедливым для своих близких (очень часто подобное происходит после хирургических операций на лобных долях). Таким образом, нельзя говорить о выздоровлении в целом, необходимо детальное исследование всех произошедших изменений. Узнать, что думает сам пациент и что думают другие о его социальном поведении, в принципе, не составляет особого труда, хотя для подробных характеристик и особенно для оценки изменений, которые претерпевает личность, может понадобиться немало технической изобретательности.

Практически во всех случаях оценку поведения пациента и изменений в нем делает лечащий психиатр. На этот счет имеется несколько веских возражений.

Во-первых, известно: подобные оценки не являются надежными потому, что два разных человека, одинаково компетентных в данном вопросе, могут иметь существенно различающиеся мнения. Но если оценка ненадежна, то, следовательно, она не может быть обоснованной, а мы не можем делать выводы, основываясь на ненадежной и необоснованной информации. Во-вторых, лечащий психиатр в определенной степени эмоционально заинтересован в выздоровлении своих пациентов. Любая оценка должна быть свободна от подобных подсознательных импликаций. Следовательно, нам необходимо найти какой-нибудь альтернативный метод оценки личности. Вероятно, самым надежным и обоснованным методом в данном случае будут объективные тесты. Многие люди, работающие в этой области, практически не знакомы с подобными тестами, поэтому следует пояснить, в чем заключается их суть.

Что мы подразумеваем, когда говорим, что человек тревожен? Мы имеем в виду, что он быстро краснеет даже по незначительному поводу, у него начинает учащенно биться сердце, трястись руки, пересыхает во рту и т.д. Это объективные факты, часто дополняемые признаниями больных в беспочвенных страхах, затяжных депрессиях и т.д. Существует тесная взаимосвязь между отчетами о психическом состоянии и физическими симптомами, точно так же как слова больного о том, что он чувствует жар, связаны с показаниями термометра.

При сравнении двух групп, в одной из которых находятся люди явно в состоянии повышенного возбуждения, а во второй спокойные, уравновешенные, мы сможем легко показать, что обе эти группы различаются по результатам объективных измерений, основанных на описанных выше физических симптомах. Так, если мы в обеих группах будем измерять сердечные ритмы в состоянии покоя, а затем вдруг выстрелим в воздух холостым патроном, то среди тревожных людей будет наблюдаться более учащенное сердцебиение, чем среди спокойных, а возвращение к нормальному состоянию в первой группе будет происходить медленнее. Точно так же, если мы будем измерять мышечное напряжение в этих двух группах, в то время как их члены заняты каким-либо видом умственной работы, вызывающей стресс, то напряжение в группе тревожных будет намного больше, чем в группе спокойных.

Мы можем пропустить легкий электрический разряд через ладонь субъекта и регистрировать кожно-гальваническую реакцию (КГР). Ее величина будет варьировать в зависимости от эмоционального состояния, и если мы зададим субъектам нескромный вопрос или попросим их опустить руки в емкость с ледяной водой, или предупредим их, что они могут получить электрический шок, то обнаружится, что КГР в группе тревожных людей возвращается к норме дольше, чем в группе спокойных.

Это лишь некоторые объективные способы, с помощью которых можно выявить такую черту, как тревожность. Еще один метод, который в последнее время становится все более важным, основан на условных рефлексах. Большинство людей знакомо по крайней мере с принципом условного рефлекса. Если вы покажете собаке кусок мяса, то это вызовет у нее слюноотделение. Если вы зазвоните в колокольчик, не показывая собаке мяса, то слюноотделения не будет. Если же в течение определенного времени вы всегда будете звонить в колокольчик, перед тем как дать собаке мясо, то в результате звук колокольчика будет вызывать у нее слюноотделение, даже если вы не будете давать ей мясо. Безусловный стимул (мясо) начнет постоянно ассоциироваться с условным стимулом (колокольчиком), и как следствие условный стимул тоже станет вызывать у животного ответную реакцию (слюноотделение).

В случае с человеком условные стимулы применять сложнее. Два самых распространенных метода используют рефлекс моргания и так называемый психогальванический рефлекс. Обычно человек начинает часто моргать, если ему в глаза направляется сильная струя воздуха. Частоту моргания можно точно измерить либо при помощи съемки движения века, либо прикрепив к нему нитку, приводящую в действие чернильную ручку, которая двигается по бумажной поверхности вращающейся бобины. Если каждый раз звонить в колокольчик, перед тем как направить человеку в лицо струю воздуха, то в конечном итоге можно добиться рефлекса моргания в ответ на условный стимул (колокольчик), даже если безусловный стимул (ветер) не используется.

Уже упоминавшийся психогальванический рефлекс заключается в уменьшении сопротивляемости кожи проходящему через нее току при внезапном использовании эмоционального стимула. Условный рефлекс можно развить следующим образом. Субъекту показывают поочередно карточки с различными словами; одно слово — например, «корова» — постоянно повторяется через разные интервалы. Как только субъекту показывают карточку со словом «корова», через него пропускают слабый электрический ток, который вызывает срабатывание психогальванического рефлекса. Спустя некоторое время появление карточки со словом «корова» будет вызывать психогальванический эффект уже без использования электрического тока.

Условные рефлексы имеют непосредственное отношение к беспокойству по той простой причине, что формируются у тревожных людей быстрее и легче, чем у спокойных. Более того, тревожному человеку свойственна «генерализация стимула». Это технический термин, имеющий отношение к тенденции проявления условных рефлексов, даже если условный стимул немного отличается от того, с помощью которого у человека развился данный рефлекс. Если условный рефлекс слюноотделения у собаки проявляется при звуке в 216 децибел в секунду, то он будет проявляться и при звуке в 340 или 580 децибел. Но чем больше новый звук будет отличаться от первоначального, тем меньшей будет степень условной реакции, до тех пор, пока ответная реакция вообще не возникнет, когда разница станет слишком большой. Таким образом, существует постепенный переход от стимулов, очень похожих на первоначальный и вызывающих сильную ответную реакцию, к стимулам, не очень похожим на первоначальный и вызывающим слабую реакцию либо вообще ее не вызывающим. Этот переход практически отсутствует у тревожных людей. Другими словами, легко возбудимый человек реагирует на стимулы, мало похожие на первоначальный, почти так же, как на стимулы, очень на него похожие, в то время как спокойный человек чувствует между ними разницу.

Неспособность тревожного человека различать стимулы проявляется также в эксперименте, в котором у субъекта вырабатывается условный психогальванический рефлекс при звуке *а*, но никак не при звуке *б*. Спокойный человек хорошо чувствует разницу между этими двумя звуками, поэтому через определенный период времени, когда он слышит звук *а*, КГР падает, а когда он слышит звук *б*, этого не происходит. Но тревожный человек будет реагировать на оба звука практически одинаковой величиной КГР.

Под неспособностью различать разницу я, естественно, не имел в виду осознанную неспособность. Если бы вы попросили тревожного человека сказать, есть ли какая-нибудь разница между звуками *а* и *б*, то он бы ответил на этот вопрос точно так же, как и спокойный человек; его способности к восприятию здесь абсолютно не при чем. Свет на эту проблему проливают последние исследования в области, которая была названа «субвосприятие». В рамках этого эксперимента исследователь в произвольном порядке показывает испытуемому десять слов при помощи тахистоскопа — прибора, который очень быстро сменяет различные картинки или слайды. Время показа слов отрегулировано таким образом, что испытуемый не всегда успевает прочитать слово. Установив скорость смены карточек так, чтобы испытуемый в половине случаев смог прочесть слова, исследователь затем развивает у испытуемого психогальванический рефлекс только на пять слов из десяти. Затем он показывает ему все десять слов в случайном порядке и спрашивает, какое из десяти слов тот в данный момент видит. Важным и интересным результатом этого эксперимента стало то, что когда испытуемому показывают слово, на которое у него выработан условный рефлекс, последний про-

является, даже если испытуемый не узнает это слово. Иначе говоря, хотя на уровне сознательного восприятия испытуемый ошибается и думает, что перед ним нейтральное слово, его нервная система тем не менее правильно реагирует на слово как на условный стимул. Таким образом, мы видим четкое разграничение между сознательным ответом и бессознательной эмоциональной реакцией, которое особенно характерно для невротиков и склонных к тревожности людей.

После этого небольшого отступления мы должны вернуться к первоначальному вопросу. Мы убедились, что не можем полагаться на отчет психиатра об изменениях в состоянии его пациента по многим причинам. В качестве альтернативы следует обратиться за помощью к объективным тестам, упомянутым ранее. Мы должны установить реакции на стрессы, которые проявляются в напряжении и автономных реакциях наших пациентов. (Автономная система — это часть человеческой нервной системы, которая затрагивает главным образом дыхательные процессы, сердцебиение, циркуляцию крови, пищеварение и другие непроизвольные процессы человеческого организма; эта система наиболее тесно связана с эмоциональными реакциями и их выражением.) Мы должны определить скорость формирования условных рефлексов, степень генерализации стимулов и степень ослабления способности различать стимулы. Это всего лишь несколько из множества объективных методов, которые можно использовать для данной цели. Вовсе не надо приводить полный список, чтобы показать, что мы могли бы сделать, желая проверить гипотезу о положительном влиянии психотерапии на людей, страдающих тревожностью.

Я намеренно рассмотрел только один конкретный симптом. То, что имеет место в случае с тревожностью, присутствует и в случае с другими симптомами болезни, которые предположительно можно вылечить с помощью психотерапии. В каждом случае мы начинаем с весьма неопределенной идеи относительно того, что нам нужно получить в конечном итоге. Позже эта идея принимает конкретные и более совершенные очертания, делается попытка получить рабочее определение, то есть определение в ходе какой-то экспериментальной работы, которую могут повторить другие люди с тем же результатом, и постепенно термин, первоначально являющийся крайне субъективным видом определения, начинает приобретать качества точного определения и точного способа измерения, характеризующие научный подход.

Какова вероятность того, что объективные способы подобного типа смогут выявить эффекты психотерапии?

Исходя из фактов, можно предположить, что невротические реакции часто являются врожденными и что незащищенность человека перед стрессами — свойство его нервной системы, на которую психотерапия вряд ли может повлиять. Этому тезису противопоставляется хорошо известная фрейдистская точка зрения, согласно которой главными факторами возникновения неврозов являются события окружающей среды, которые имеют место главным образом в семейном кругу и в особенности в первые пять лет жизни человека. Сторонники Фрейда в данном вопросе делают свои заключения на основе ложных выводов, которые очень часто свойственны психологам. В начале XX века было обнаружено, что существует корреляция между умственными способностями родителей и детей. Исходя из этого сторонники наследственной теории заявили, что умственные способности являются наследуемым качеством. Сторонники теории окружающей среды, напротив, утверждали, что схожесть умственных качеств родителей и детей объясняется тем, что умные родители воспитывали своих детей в стимулирующей среде, а малообразованные — в посредственной среде. Понадобилось несколько лет, чтобы обе стороны осознали, что схожесть родителей и детей сама по себе нейтральна по отношению к вопросам наследственности или окружающей среды.

Однако психоаналитики, похоже, не запомнили этот урок, поскольку продолжают заявлять, что корреляция в области развития личности имеет четкую причинно-следственную цепочку. Так, фрейдисты убеждены, что пессимистическое отношение человека к жизни обусловлено тем, что его рано отняли от груди, когда он был ребенком, и наоборот, если ребенка поздно отнимать от груди, он вырастет весьма оптимистичным человеком. Действительно, факты свидетельствуют о том, что подобная корреляция в какой-то степени существует, и дети, которых рано отняли от материнской груди, вырастают более пессимистичными и замкнутыми, чем дети, которых отняли поздно. Однако вов-

се не обязательно, что именно факт раннего прекращения кормления ребенка грудным молоком, то есть влияние окружающей среды, сыграл роль в становлении характера человека. Вполне правдоподобным также будет заключение сторонников наследственной теории, согласно которому у пессимистично настроенных, подверженных депрессиям матерей, как правило, рождаются пессимистичные, депрессивные дети, или что пессимистично настроенные, депрессивные матери рано перестают кормить своих детей грудным молоком, или что у них вообще нет молока. Таким образом, факт наличия корреляции можно отнести как на счет наследственных факторов, так и на счет факторов окружающей среды. Но нам необходимы скорее прямые доказательства, чем подобная односторонняя интерпретация довольно сомнительных результатов. Те данные, которые имеются в нашем распоряжении, в особенности данные исследования однояйцевых и разнояйцевых близнецов, указывают на то, что наследственность действительно играет значительную роль в формировании нервных расстройств.

Факт генетической обусловленности невротизма может привести к заключению о бессмысленности наших рассуждений на тему эффективности применения тех или иных методов при лечении невротиков. Как можно говорить о каком-либо выздоровлении, если невротизм обусловлен наследственными факторами? Все дело в том, что следует четко различать *невротизм*, то есть врожденную эмоциональную неуравновешенность, из-за которой человек предрасположен к формированию нервных симптомов под воздействием стрессов и как следствие к нервным срывам, и *невроз*, который является результатом эмоционального или умственного перенапряжения, под воздействием которого нервная система реагирует соответствующим образом. Невроз может развиться у эмоционально стабильного человека, если он перенесет очень сильный эмоциональный стресс, и напротив, он может не развиться у человека, предрасположенного к неврозам, если тот не будет подвергаться сильным внешним стрессам. Невротизм и невроз можно сравнить с умственными способностями и образованием. Очень умный человек, предрасположенный к получению знаний, может оказаться невежественным по той причине, что там, где он живет, может не быть соответствующих условий для образования; довольно глупый человек может получить вполне приличные знания, если он будет заниматься, например, с профессиональными учителями и репетиторами. Мы не можем влиять на врожденные факторы посредством психотерапии или любых других методов, которые не включают в себя хирургическое вмешательство в центральную нервную систему, но надеемся на то, что сможем ослабить стрессы окружающей среды, вызывающие обострение этих врожденных факторов, ра́вно как надеемся, что нам удастся усовершенствовать нашу систему образования, из-за недостатков которой многие люди не могут достичь того уровня, который бы соответствовал их врожденным способностям.

Психоанализ, привычки и обусловливание

В течение многих лет до сравнительно недавнего времени заявления психоаналитиков о том, что именно их теория пролила свет на вопросы возникновения и развития нервных симптомов и что только их методы терапии являются действительно приемлемыми, практически не встречали возражений. Несмотря на довольно скептическое отношение к этим заявлениям большинства психиатров и на развитие традиционной медицины, большинство нервных расстройств лечилось и до сих пор лечится той или иной формой психотерапии.

В последнее время, однако, эта позиция начинает подвергаться сомнению. Неспособность психиатров доказать эффективность своих методов, которая обсуждалась в предыдущей главе, является только одной из причин. Еще одна заключается в развитии психологической теории научения, предлагающей альтернативное фрейдистскому объяснение многих феноменов неврозов. До недавнего времени эта альтернативная гипотеза на практике не применялась, и сравнение двух методов было невозможным. Однако за последние годы удалось добиться значительного прогресса в этом направлении, и в качестве примера мы можем рассмотреть новый подход к решению проблемы, которая беспокоит человечество вот уже много веков, — проблемы энуреза.

Еще Плиний говорил о том, насколько древние были озабочены проблемой недержания мочи, и упоминал в своих трудах, что самое распространенное народное средство против этого недомогания заключалось в том, чтобы кормить ребенка вареными мышами. Другие методы лечения заключались в надевании на ребенка чистой женской сорочки перед крещением и употреблении в пищу древесных жуков и мочи стерилизованной свиньи.

Эти довольно странные методы получили продолжение в современной медицинской практике в виде различных таблеток и гормональных препаратов, специальных диет, инъекций, операций, электрической и иной стимуляции и различного рода рекомендаций: например, что нужно обязательно спать на спине, или наоборот, что нельзя спать на спине. Большинство этих методов в определенной степени срабатывает, если люди, использующие их, действительно в них верят, но в целом складывается довольно печальная картина.

Фрейду, конечно, удалось ввести сексуальный подтекст в исследование проблемы энуреза. Так, он говорит, что «если только *enuresis nocturna*[1] не является следствием припадка эпилепсии, то указывает на поллюцию». Другие убеждены, что энурез является истеричным проявлением застарелого невроза, который находит свое выражение «посредством физического симптома». Эти и подобные психиатрические точки зрения привели к тому, что проблема стала рассматриваться как сугубо психологическая, и как следствие современные методы лечения энуреза представлены главным образом той или иной формой психотерапии. В большинстве случаев проблема не решается, если принять во внимание тот факт, что у многих детей по прошествии нескольких лет наблюдается спонтанная ремиссия симптомов. Одному психиатру, который был убежден, что энурез зависит исключительно от динамики личности, удавалось вылечить только половину своих пациентов.

Совершенно другой точки зрения придерживаются те, кто рассматривает контроль за мочеиспусканием как проблему в теории научения, а энурез — как симптом неправильного научения. Моурер придерживался как раз подобной точки зрения. Переполненный мочевой пузырь не заставляет ребенка проснуться, но приводит к рефлекторной релаксации сфинктера и как следствие к мочеиспусканию. Необходим какой-нибудь механизм, с помощью которого ребенок бы просыпался после того, как мочевой пузырь наполнится, но до рефлекторной релаксации сфинктера. Исходя из этого, Моурер предложил довольно скромное приспособление, которое использует электролитические свойства мочи. Он разработал специальный тип прокладки под простыню, состоящей из двух слоев ткани повышенной впитываемости, которые разделяют два одинаковых по размеру сетчатых фильтра, покрытых бронзой. Это приспособление легкое по весу и не мешает ребенку удобно спать.

[1] Ночное недержание мочи (лат.) — *Прим. ред.*

Пока прокладка сухая, между двумя фильтрами нет электрического контакта. Когда первые капли мочи проходят сквозь простыню, они впитываются прокладкой, происходит контакт фильтров, который в свою очередь приводит к замыканию электрической цепи. После этого звонит электрический звонок, и ребенок во время мочеиспускания просыпается и идет в туалет.

Исходя из принципов формирования условных рефлексов, частое соотнесение наполненного мочевого пузыря и пробуждения из-за звука звонка должно в конечном итоге привести к пробуждению, когда мочевой пузырь переполняется (условный стимул), даже если звонок (безусловный стимул) уже не используется. Также можно ожидать, что после нескольких повторов этой процедуры ребенок будет просыпаться до того, как начнется мочеиспускание. Говорят, что этот метод, который применялся, между прочим, еще до Моурера, является весьма эффективным. Моурер заявляет о 100-процентном успехе, и другие люди, применявшие данный метод, были просто поражены его результатами. В целом динамика изменений личности была положительной и ни в одном из случаев не наблюдалось никаких признаков «замещения симптома». Это весьма важно, так как очень часто приходится слышать о том, будто любая попытка напрямую решить проблему энуреза неизбежно приводит к тому, что у ребенка появляются какие-нибудь новые симптомы.

Моурер верно указывает на то, что различное отношение, которое повлияло на развитие теории обусловливания и психоте-

рапевтических методов лечения соответственно, является постоянным предметом споров между клиницистом и сторонником образовательной модели. Специалист, занятый в основном терапевтической работой, четко видит все негативные моменты научения и поэтому относится к нему отрицательно. Бихевиорист, с другой стороны, будучи сторонником принятых моральных ценностей и культурных традиций, естественно, будет считать свою точку зрения единственно правильной. Именно различное отношение к проблеме легко приводит к тому, что психоаналитик обвиняет бихевиориста в жестокости и садизме, а бихевиорист свою очередь утверждает, что психотерапевт слишком идеалистичен и далек от реальности. На самом деле эта проблема многогранна. В современной культуре наблюдается четкая тенденция предпочтения психотерапевта бихевиористу, причем это происходит не из-за сознательной и целенаправленной политики или того, что факты подтвердили превосходство одного подхода над другим, а скорее по иррациональным и эмоциональным причинам.

В данном случае действительно есть над чем подумать, сама проблема приобретает первостепенную важность для психолога, так как затрагивает вопрос о том, что лежит в основе невроза. По мнению Моурера, например, в целом вся современная психотерапия базируется на предположении о том, что невроз является результатом проявления бессознательных комплексов и чрезмерного научения, и поэтому много времени уходит на то, чтобы помочь пациенту пройти «тест на реальность», то есть совершить действие «икс» , которое он долгое время считал опасным, хотя на самом деле оно таковым не является, и научить его разделять понятия «тогда» и «теперь» — показать ему, «что ситуация изменилась, что отношения, убеждения и модели поведения, которые, хотя и были оправданны на ранней стадии жизни пациента, сейчас стали ненужными или бесполезными».

Моурер указывает на неправильное научение невротика. Он отмечает, что по мере взросления человеку приходится овладевать огромным количеством знаний и навыков, которые мы называем культурой. Некоторые составляющие культуры не вызывают никаких затруднений, так как предназначены для решения насущных проблем, но культура содержит и элементы, которые, по крайней мере на ранних этапах жизни, нежелательны для человеческого существа. Эти элементы являются своего рода моральными инъекциями, необходимыми для бесперебойного функционирования группы, но кажутся ребенку чужеродными и бесполезными, своего рода барьерами на пути к удовлетворению и удовольствию.

С этой точки зрения, культура приводит к сдержанности, отречению и самопожертвованию. Она заставляет сознание человека жить завтрашним днем. Этот процесс научения очень сложен, и невротик, по мнению Моурера, — это человек, который не смог научиться и у которого сформировались неадаптивные условные реакции.

Между этими двумя точками зрения наблюдаются существенные расхождения, и совершенно очевидно, что необходимо сделать между ними выбор, поскольку они лежат в основе двух совершенно разных методов лечения неврозов. Клиническая терапия основана на идеях Фрейда, а образовательный подход базируется на идеях Моурера. В настоящий момент в нашем распоряжении нет достаточных экспериментальных данных, чтобы можно было сделать окончательный выбор между двумя подходами, поэтому эксперименты в области лечения энуреза приобретают в этом свете первостепенную важность. Успех образовательного подхода и относительный провал терапевтического метода в данном случае вовсе не обязательно можно отнести и к другим сферам, однако это указывает по крайней мере на то, что имеется реальное подтверждение предпосылок, альтернативных фрейдистским, и что следует уделить более пристальное внимание разработке новых терапевтических методов, которые не основаны на знаменитой гипотезе Фрейда, выдвинутый им в последние годы XIX века.

Пока я рассмотрел только проблему энуреза, но это вовсе не означает, что лечение с помощью обусловливания применимо только к данному конкретному расстройству. Еще один пример лечения путем выработки условного рефлекса касается алкоголизма. Сама идея уменьшения тяги к алкоголю путем искусственной выработки отвращения уходит своими корнями далеко в историю. Плиний опять-таки упоминает о различных методах,

использовавшихся в древности. Современные методы лечения алкоголизма основаны на применении лекарственных препаратов, таких как метина гидрохлорид, инъекция которого вызывает тошноту и рвоту. Процедура обусловливания заключается в следующем. Пациент заходит в комнату, из которой убраны все отвлекающие предметы. Лечение происходит утром, так как пациенты лучше реагируют после хорошего отдыха и сна. Пациенту делают укол метина гидрохлорида и прямо перед началом рвоты показывают, дают понюхать и выпить те алкогольные напитки, которые он предпочитает. Каждый сеанс длится полчаса и повторяется ежедневно в течение недели. Затем проводится еще шесть закрепляющих сеансов с интервалом от четырех до двенадцати недель.

Таким образом, весь курс занимает примерно год, иногда еще через год проводится несколько дополнительных сеансов.

Теоретически применение методов обусловливания в данном случае кажется абсолютно обоснованным. Условный стимул (алкоголь) постоянно ассоциируется с безусловным стимулом (инъекция метина), и после многократного повторения рвота происходит после применения условного стимула, то есть при виде, запахе или глотке алкоголя. Результаты этой процедуры выглядят обнадеживающе и в целом превосходят результаты, которых удалось добиться с помощью психотерапии. Таким образом, это еще одна сфера, в которой можно побороть прочно укоренившиеся привычки с помощью методов обусловливания и научения.

Однако обусловливание является всего лишь одним из многих возможных методов разрушения привычек, имеющихся в арсенале психолога. Еще одним довольно эффективным (при возможности его применения) методом является метод замещения. Если необходимо избавиться от привычки А, то зачастую ее можно заменить на привычку Б, которая совершенно безвредна, но подразумевает работу одних и тех же двигательных мышц, что и привычка А. Так, с помощью жевательной резинки можно избавиться от привычки курить. Невозможно одновременно курить и держать во рту жевательную резинку, и следовательно, если вы выработаете у себя привычку жевать жевательную резинку, то автоматически уменьшите количество сигарет, выкуриваемых

в день. Это очень быстро поняли производители табачных изделий: как только жевательная резинка впервые была выпущена на рынок, они крайне обеспокоились, что свидетельствует в пользу данного метода искоренения привычки.

Однако у метода замещения есть несколько недостатков. Во-первых, привычка, замещающая старую, может оказаться еще хуже; так, многие люди считают, что привычка постоянно жевать жевательную резинку намного хуже, чем привычка курить. Во-вторых, некоторым людям удается совмещать на первый взгляд не совместимые занятия. Всякий, кто хоть раз видел техасского ковбоя, который одновременно жует жевательную резинку, курит, разговаривает, ест и потягивает виски, естественно, усомнится в антагонистической природе этих различных действий. В-третьих, очень трудно найти привычку, которая смогла бы заменить вредную и устроила бы потенциального пациента. Исходя из всего этого полезность метода замещения весьма условна.

Как раз противоположная картина наблюдается в случае с третьим механизмом разрушения привычки — внушением. Нельзя сказать, что мы понимаем, как именно работают методы внушения, но фактические доказательства не оставляют никаких сомнений относительно их потенциальных возможностей. Один из типовых экспериментов, например, имел отношение к эффективности методов внушения и ортодоксальных методов избавления от бородавок. Для сравнения были взяты две группы детей: контрольная группа, которую лечили обычным способом, и экспериментальная группа, к которой было применено лечение внушением. Последнее заключалось в том, что ребенок изображал на большом листе бумаги свою руку с бородавкой и затем каждый день рисовал вокруг бородавки круги, уменьшая ее размеры до тех пор, пока бородавка на рисунке окончательно не исчезала. Эта процедура, в которой внушение применяется практически в той же степени, что и в известном методе Тома Сойера в книге о его приключениях, оказалась намного эффективнее ортодоксальных методов лечения: в экспериментальной группе с помощью внушения от бородавок избавилось большее количество детей, чем в контрольной без применения этого метода.

Интересно то, что внушение вовсе не обязательно должно являться осознанным, чтобы быть эффективным. Существует один интересный эксперимент, который озадачил многие ученые умы. Известно, что привычку обкусывать ногти очень трудно искоренить. В этом эксперименте участвовали дети, постоянно обкусывающие ногти, которых собрали вместе и условно разделили на контрольную и экспериментальную группы. С детьми в контрольной группе ничего не делали, они просто ночевали вместе в большой комнате, смежной с другой комнатой, где спали дети из экспериментальной группы. За обеими группами наблюдали в течение месяца, для того чтобы изучить воздействие на экспериментальную группу терапевтического агента, представлявшего собой всего-навсего большой электрический граммофон, который очень тихо включали, после того как дети засыпали, и который постоянно повторял: «Я не буду обкусывать ногти. Обкусывание ногтей — это дурная привычка. Я никогда больше не буду обкусывать ногти». Граммофон включали только тогда, когда все дети засыпали, и выключали, до того как они просыпались. В конце эксперимента ни один ребенок не сказал, что он слышал ночью какие-нибудь звуки. Тем не менее внушение оказалось очень эффективным: большинство детей в экспериментальной группе перестали грызть ногти, чего нельзя было сказать о контрольной группе. Таким образом, реальность практически идет в ногу с безумными фантазиями книги Хаксли «Этот новый прекрасный мир»!

Однако самое частое применение внушение находит в гипнозе, особенно в случае с феноменом, известным как постгипнотическое внушение. Это весьма любопытный феномен, открытый более сотни лет назад. Человеку, находящемуся в состоянии гипнотического транса, делается внушение о том, что после пробуждения он должен будет сделать определенное действие. Внушение может быть настолько эффективным, что человек выйдет из комнаты, возьмет зонт, зайдет с ним обратно в комнату и раскроет его на глазах у аудитории в определенное время, например, когда часы пробьют пять или когда гипнотизер высморкается. Практически во всех случаях испытуемый будет выполнять то, что ему внушили под гипнозом. Если позже его спросят, почему он сделал ту или иную вещь, он придумает какое-нибудь относительно разумное объяснение. Так, он может сказать, что поскольку в аудитории зашла речь о суевериях, он решил взять зонт и раскрыть его в комнате, чтобы показать, что он не суеверен. Всякому, кто знаком с настоящим мотивом поведения, то есть с постгипнотическим внушением, эти псевдомотивы покажутся любопытными, так как они очень похожи на те псевдомотивы, которые люди часто приводят, чтобы оправдать поступки, настоящие причины которых им либо неизвестны, либо известны, но они не хотели бы их открывать.

Эти постгипнотические внушения на самом деле обладают очень большой силой. Однажды человек, довольно хорошо знакомый с методами внушения, попросил себя загипнотизировать. Во время гипноза ему было сказано, что по окончании гипнотического сеанса он проснется, а через десять минут гипнотизер высморкается. Сразу же после того, как это произойдет, он должен будет встать со стула, пройти в другой угол комнаты и сесть на другой стул. Когда пришло время и гипнотизер высморкался, испытуемый начал выказывать явные признаки беспокойства и наконец сказал: «Послушайте, я испытываю непреодолимое желание встать и сесть вон на тот стул. Я наверняка получил постгипнотическое внушение. Но будь я проклят, если я ему поддамся». После этого он несколько минут поучаствовал в дискуссии и в конце концов довольно резко встал, пересек комнату и сел на другой стул. Таким образом, даже если человек сознательно пытается противостоять постгипнотическому внушению и прекрасно осознает сам факт внушения, в конечном итоге он ему поддается.

Предпринимались неоднократные попытки использовать этот тип внушения для искоренения вредных привычек. Внушение, сделанное во время гипноза, когда человеку говорится, что после пробуждения вид алкоголя будет вызывать у него ощущение тошноты и ужаса, какое-то время действует, но спустя два-три дня начинает терять силу и в конечном итоге сходит на нет. Действие внушения можно поддерживать периодическими сеансами повторного гипноза, но по ряду причин подобная практика не применяется и не рекомендуется.

Хотя эффекты постгипнотического внушения со временем (после многократных повторений) исчезают, существуют дока-

зательства того, что они могут оставаться активными в течение поразительно долгого времени. Есть реальные факты того, как человеку внушали, что ровно через год в этот же день в полдень он пошлет гипнотизеру открытку определенного содержания, и тот, не подозревая факта внушения, в точности все выполнял в назначенный срок. Таким образом, этот метод выглядит довольно многообещающим. Причина, по которой эффективность метода на данный момент находится под вопросом, связана с негативными ассоциациями, которые гипноз вызывает у многих людей. Выступления гипнотизеров перед публикой и шарлатанство создали гипнозу дурную славу.

На настоящий момент не много людей, рискуя своей репутацией, занимается экспериментальной работой, результаты которой могут вывести феномены, подобные постгипнотическому внушению, из разряда необычных и любопытных явлений и поспособствовать их использованию на благо человечества.

Кроме обусловливания, замещения и внушения есть еще один метод искоренения вредных привычек, который базируется на психологических принципах, но на первый взгляд может показаться в какой-то мере парадоксальным. Очевидно, что природа привычки заключается в автоматическом бессознательном повторении. Это прекрасно понимал поэт, в чьем стихотворении описывается печальное положение, в которое попала сороконожка, когда вдруг обратила внимание на движение своих многочисленных ног. До тех пор, пока она двигалась по привычке, не обращая на это внимания, у нее не было никаких проблем, но как только она попыталась сознательно повторить определенную последовательность движений, у нее ничего не получилось, и она не смогла продвинуться ни на дюйм вперед. В более мягкой форме это можно отнести и к движениям человека. Если читатель попробует сбежать вниз по лестнице, делая это не автоматически без намеренного контроля движений, а сознательно обращая внимание на каждый свой шаг, задумываясь над тем, куда именно ему поставить ногу, то очень скоро он окажется внизу лестницы со сломанной ногой и твердым убеждением о важности бессознательных привычек. Точно такой же принцип используется в гольфе, когда один из игроков обращает внимание другого на детали его свинга и удара по мячу — пока они получаются автоматически, игра идет хорошо, но как только на них сознательно обращают внимание, они перестают быть привычками и становятся новыми и трудными достижениями. Другими словами, привычку можно победить, переместив ее из области бессознательного, повторяющегося поведения и обращая самое пристальное внимание на составляющие ее элементы.

Как же этот принцип работает на практике? Данлап широко применял этот метод для борьбы с вредными привычками, на которые не действовали другие терапевтические методы. Так, ребенок, который постоянно обкусывал ногти, каждый день приходил в кабинет к психологу и в течение получаса, сидя напротив него, сознательно до боли в пальцах обкусывал свои ногти. Заядлого курильщика, который не мог справиться с вредной привычкой, просили приходить каждый день к психологу и в течение получаса курить сигарету за сигаретой, обращая внимания на каждую затяжку и на все ощущения, которые он при этом испытывал. Вскоре у испытуемых исчезла привычка курить и обкусывать ногти, причем эффект лечения сохранялся относительно долго. Данлап применял эти принципы и в других областях и показал, что, несмотря на всю парадоксальность предложения потакать вредной привычке для того, чтобы от нее избавиться, во многих случаях оно привело к положительным результатам. Опять же, как и в случае со внушением, эти принципы не были окончательно доработаны главным образом из-за непоколебимой веры в психотерапию, которая характерна для современных психологии и психиатрии. Несмотря на постоянные неудачи психотерапевтов в области лечения алкоголизма, табакокурения и наркомании, он все равно заявляют, что их методы являются единственно правильными при искоренении этих вредных привычек. К счастью, в последнее время существуют уже более критические подходы, и можно с уверенностью сказать, что в ближайшем будущем будут проводиться эксперименты с другими методами, для того чтобы показать, чего с их помощью можно добиться. У всех перечисленных здесь методов — обусловливания, замещения, внушения и повторения — имеется солидная теоретическая база, и наше дальнейшее изучение основных процессов, вовлеченных в эти методы, безусловно, отразится на эффективности основанного на них лечения.

Возможная комбинация одного или трех методов, вероятно, не только будет эффективней, чем любой из них, взятый в отдельности, но и увеличит полезность каждого из методов. Возможно, психотерапию стоит рассматривать не как альтернативную *замену* этим фундаментальным методам, а как *дополнение* к ним. Психологи, которые применяли методы, описанные выше, подчеркивают, что, по их мнению, лечение должно сопровождаться психотерапией.

Это кажется вполне логичной точкой зрения. Избавление от сильно укоренившихся привычек может повлечь за собой стрессы и напряжение, с которыми сам пациент без посторонней помощи не сможет справиться без отрицательных последствий для его нервной системы. Но и этой точке зрения необходимо экспериментальное подтверждение, пока же мы можем лишь сказать, что привычки эмоциональной неприспособленности, которые либо сопутствуют, либо, согласно иной точке зрения, являются ядром нервных расстройств, можно успешно победить с помощью новых методов, явная полезность и теоретическое обоснование которых указывают на положительные результаты в будущем.

В чем недостатки психоанализа?

Вне всякого сомнения, теории Фрейда внесли огромный вклад в психиатрию, литературу и целый комплекс законов, моделей поведения и нравов, которые мы часто называем «сексуальной этикой». Моралисты ставят под сомнение исключительно положительное влияние этого вклада, однако после первоначальных протестов, которые были неизбежны, многие люди стали относиться к психоанализу положительно и даже с энтузиазмом. Подобное принятие идей психоанализа несколько не соответствует психоаналитическому учению, которое должно было вызвать определенную долю враждебности и сопротивления. Враждебность и сопротивление имеют место практически только среди психологов и антропологов, то есть среди тех, кто занимается профессиональным детальным изучением теорий и утверждений психоаналитиков. Для большинства обычных людей термины «психология» и «психоанализ» являются синонимами, а в литературной среде термины и концепции Фрейда стали настолько популярными, что часто современные романы трудно отличить от реальных клинических случаев.

Можно сказать, что это феномен: ни в одной другой науке определенные теории и предпосылки, принимаясь широкой публикой, не отвергаются столь многими экспертами в этой области. Известно только несколько подобных случаев. Случай с Лысенко показал, что и в генетике vox populi может стать vox dei[1], причем до такой степени, что настоящих ученых могут «отлучить от церкви» и угрожать им расправой, если они не согласны с мнением, которое практически бездоказательно, но которое устраивает большинство обывателей. Еще одна параллель — история гелиоцентрической теории вселенной, когда народ поддерживал тех, кто полагал, что Земля является центром вселенной, несмотря на иное мнение людей, действительно разбиравшихся в этом вопросе.

Может показаться, что приравнивая психоанализ к общепринятому мнению, мы переворачиваем все с ног на голову. Разве Фрейд не является великим первооткрывателем, как Галилей или Дарвин? Неужели он не встретил сопротивления толпы как эти научные гении, неужели его не преследовали в течение многих лет, прежде чем он стал известным и знаменитым? Возможно, этот явный парадокс на самом деле не так противоречив, как кажется.

Существует два типа психологии, как существует и два подхода к любым явлениям. Эддингтон дает краткое разъяснение этим подходам в своем известном примере с двумя столами — осязаемым столом, который мы можем видеть и трогать, у которого есть вес и толщина и который является одним из неотъемлемых предметов нашей окружающей среды, и научным столом, состоящим из электронов и протонов, представляющих собой пустоту, прерываемую сверхскоростными электрическими зарядами. Мы можем согласиться с существованием научного стола, полагаясь на компетентность физиков, чьи теории со временем подтверждаются. Тем не менее большинство людей не могут смотреть на

[1] Глас народа; глас божий (лат.) — *Прим. ред.*

мир глазами физика и предпочитают иметь дело с осязаемыми явлениями, в которых, как им кажется, они каким-то загадочным образом разбираются. Для нас является очевидным, что Земля плоская, что Солнце вращается вокруг Земли и что из уха свиньи нельзя сделать шелковый кошелек. Мы можем крайне неохотно отказаться от этих взглядов, если факты подтвердят обратное, но, отказываясь от них, мы словно делаем кому-то одолжение и втайне мечтаем о старых добрых временах.

Подобное расхождение между двумя подходами находит еще большее отражение в психологии. Немецкие философы достаточно четко объясняют разницу, противопоставляя *verstehende*-психологию и *erklärende*-психологию, то есть практическую психологию, которая пытается *понять* людей, и психологию, которая пытается *объяснить* их поведение с научной точки зрения. Часто говорят, что у психологии большое прошлое, но короткая история. Практическая психология издавна являлась предметом обсуждения писателей, философов и других людей, изучавших себе подобных, у нее действительно богатое прошлое. Научная же психология появилась лишь в конце XIX века, поэтому у нее короткая история. Эти два типа психологии настолько часто путают, что им стоит уделить особое внимание.

Мы не можем сказать, что наши отношения с другими людьми носят случайный характер. Благодаря нашему жизненному опыту мы предугадываем определенные реакции определенных людей. Мы можем почти безошибочно определить, как поведут себя в той или иной ситуации наши близкие знакомые, друзья или члены нашей семьи. Так, мы, например, знаем, что Мэри несколько старомодна во взглядах, поэтому не будем рассказывать в ее присутствии истории сомнительного содержания, но мы также знаем, что Джоанна — душа любой компании, поэтому она будет одной из первых, кого мы пригласим на свою вечеринку. На Дика всегда можно положиться, он очень честный человек, поэтому не стоит при нем обсуждать различные способы уклонения от уплаты налогов; Фред в отличие от него постоянно пытается обмануть закон, поэтому неудивительно, если однажды он перестарается и окажется за решеткой. Долорес «слишком влюбчива», и ее легко обмануть; Мак настоящий скряга и

зануда; Джим не умеет обращаться с деньгами и подходит ко всему с научной точки зрения; Долли — «однолюбка» и настоящая домоседка. Мы имеем четкое представление о знакомых нам людях, мы даже можем гордиться нашей способностью безошибочно «разбираться в человеческой природе». Нередко мы полагаем, что о человеке можно составить четкое представление уже с первого взгляда: многие убеждены, что такие внешние физические данные, как волевой подбородок, рыжие волосы или длинный нос указывают на определенный тип характера человека. Мы можем не задумываться над тем, почему приходим к определенным заключениям, но будем с пеной у рта доказывать свою правоту.

Похожие суждения имеют место и в физической сфере. Мы можем судить о весе предметов, говорить о том, что воздух сухой или влажный; знаем, что если предмет подбросить вверх, то он упадет на землю. Мы бы очень удивились, если бы вещи не намокали от воды или если бы солнце перестало греть. Наш опыт заставляет нас ожидать определенных явлений и, к счастью, очень часто наши ожидания оправдываются.

Некоторые понятия физики похожи на те, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, например, понятия времени и пространства. Однако они ни в коем случае не являются идентичными. Ньютон подчеркивает в «Scholium», которая предшествует его «Principia», что ощущаемое время и ощущаемое пространство нельзя путать с действительным, или математическим, пространством и временем; каждого, кто их путает, «можно обвинить в вульгарной невежественности». Физика как наука не пытается *понять* повседневные явления, выраженные общепринятыми терминами, хотя на первых порах она с этого начинала. Физика пытается *объяснить* природные явления в рамках законов обобщения.

То же самое можно сказать и о психологии. «Понимающий» психолог посредством накопленных им знаний о человеческой природе пытается интуитивно понять, как работает мозг другого человека. Он может получить эти знания с помощью интроспекции и самонаблюдения, наблюдения за другими людьми в различных ситуациях или даже из произведений Шекспира и современной литературы. Нельзя отрицать того, что часто его интуитивные суждения оказываются на удивление проницатель-

ными и точными. Подобная проницательность, основанная на богатом опыте и на неподдельном интересе к человеческим существам, является очень ценным качеством во многих ситуациях и просто необходима психиатрам, менеджерам по работе с персоналом, социальным лидерам и политикам. Но несмотря на свою несомненную полезность и ценность, проницательность психологов и их способность понимать не имеет ничего общего с психологией как наукой, как и умение обращаться с физическими «реалиями» мало что будет значить для физика. Исходя из моих собственных наблюдений, я осмелюсь заявить, что у многих великих психологов отсутствует дар «проницательности» и они довольно плохо разбираются в человеческих мотивах и целях, также как выдающиеся физики иногда не могут починить карбюратор в собственной машине. То, что от психологов, как правило, ожидают глубокого понимания «человеческой природы» в смысле ясновидения, является в корне неправильным. Психолог знает о «человеческой природе» столько же, сколько любой другой человек, но если он мудр, то не будет признаваться в этом, пока не получит полную свободу действий.

Если психолог как ученый не пытается понять других людей, то тогда что же именно он стремится сделать? Он пытается объяснить их поведение в рамках системы общих научных правил. При этом он может использовать термины из повседневной жизни, такие, как умственные способности, эмоция, черта, качество, способность и так далее, ра́вно как физик оперирует такими терминами, как пространство, время, вес, масса. Но было бы ошибкой поставить знак равенства между неточными, расплывчатыми повседневными понятиями и точными, четко обозначенными, однозначными научными понятиями. Между ними, естественно, есть определенное сходство, и иногда они пересекаются, но полного соответствия между ними не будет никогда.

Этот факт часто приводит к недопониманию. Например, психолог делает заявление, скажем, о врожденном характере интеллекта, используя это слово в относительно конкретном значении для обозначения определенного набора измеряемых качеств. Обычный человек воспринимает это заявление на уровне своего понимания интеллекта, которое может, а зачастую и является отличным от того, что под этим понятием подразумевает психо-

лог, и нередко выдвигает аргументы, на самом деле не имеющие отношения к первоначальному заявлению. Психологу очень трудно найти контраргументы, так как у всех терминов, которыми он оперирует, имеются определенные коннотации, которые требуют разъяснений и знаний в области высшей математики. Каждый из этих терминов можно понять лишь в рамках целой системы научной мысли, к которой они принадлежат. Эти препятствия на пути к пониманию являются крайне негативными, так как часто о них даже и не подозревают. Споры могут длиться бесконечно, а их участники так и не приходят хоть к какому-нибудь соглашению. Научные утверждения — очень сложные, сделанные на основе целого набора фактов, гипотез и теорий; без знания которых спор об их правильности или неправильности будет бессмысленным.

Какое отношение все эти размышления имеют к психоанализу?

Я могу ответить на этот вопрос, заявив в довольно лаконичной и догматичной форме, что психоанализ, по моему мнению, пытается скорее *понять*, чем *объяснить*, значит, он не является научным и к нему следует подходить с позиций веры, а не с позиций доказательств и научного обоснования. И наконец, его популярность среди обычных людей вытекает из его ненаучной природы, которая делает его практически незаменимым для решения проблем «понимания» других людей. Это суждение является, по моему мнению, скорее констатацией факта, нежели оценочным суждением. Искусство и религия также являются ненаучными дисциплинами, но несмотря на пренебрежение научными законами, они внесли огромный вклад в человеческое счастье. Нельзя сказать, что наука более полезна, чем религия или искусство, так как это подразумевает шкалу ценностей, которая сама по себе является субъективной и ненаучной. Заключения о научности или ненаучности определенной дисциплины не содержат в себе подобных импликаций; основанием для них служит наличие или отсутствие единого четкого определения и стандартов научной процедуры. Подобные определения и стандарты имеют место в научной методологии, созданной логикой и философией. Всякий, кто знаком с научными трудами в этих областях знаний, согласится с тем, что несмотря на некоторые расхождения по незна-

чительным вопросам в целом все авторы придерживаются одних и тех же стандартов и согласны по поводу основных положений.

Вероятно, многие психоаналитики согласились бы с этой точкой зрения и сказали, что их работа по многим параметрам отличается от подлинно научных процедур. Одним из многочисленных аналитиков, которые сознательно отвергают научную методологию в пользу субъективизма, интуиции и подсознательного «понимания», является Юнг.

Мы не будем подвергать сомнению правильность этого подхода. Имеющие дело с такими ненаучными ценностями, как религия, вера, красота и т.д., вовсе не обязательно будут являться субъектами научной критики. С другой стороны, они не должны делать никаких заявлений о том, что им удалось открыть какие-то научные истины. Нельзя отвергать научные методы и в то же время заявлять о каких-то научных результатах. Подобное желание утвердиться в нескольких сферах очень характерно для многих психоаналитиков, но этому желанию трудно найти какое-нибудь логическое объяснение. Практикующие психоаналитики, разумеется, очень часто могут быть правы в своих догадках, предположениях, интуитивных анализах, но точно так же многие люди, которые не имеют никакого представления о психологии или психоанализе, нередко оказываются поразительными знатоками человеческой натуры. То, что человек прав в конкретном случае, вовсе не обязательно свидетельствует о научной ценности или правильности всех его взглядов, теорий или гипотез. (Возможно, еще более верным будет следующее: если ученый ошибается в каком-то конкретном случае, то это не дискредитирует всю научную теорию до такой степени, что ее нужно либо основательно пересмотреть, либо заменить другой).

Некоторые аналитики вовсе не претендуют на то, чтобы их работу считали научной, но большинство заявляет, будто то, что они говорят, не только полезно, интересно, захватывающе и гениально, но и верно с научной точки зрения. Сам Фрейд, естественно, придерживался этого взгляда, и многие из его последователей соглашаются с ним. Это дает нам возможность применить на практике наши критерии и выяснить, насколько возможности психоанализа соответствуют заявленным.

Многие психоаналитики говорят, что традиционные идеи слишком ограничены в том, что касается научного метода и научной истины, и что те доказательства, которые они готовы представить, не являются менее научными только потому, что находятся за пределами истинной науки. Другими словами, начав с утверждения «психоаналитические выводы являются научными истинами», которое любопытно уже потому, что мы привыкли считать, будто «научные» истины являются верными, поскольку к ним приходят с помощью определенных методов, аналитики пошли еще дальше, изменив значение слова «научный» таким образом, что оно стало относиться еще и к психоаналитическим открытиям. Подобное незаметное изменение смысла определения часто присутствует в политике. Например, такой общепринятый термин, как «демократия», можно использовать даже по отношению к диктаторскому режиму, — что иногда и происходит, — если придумать ему собственное определение. Непревзойденным мастером подобных определений, разумеется, является Шалтай-Болтай, чьи рассуждения на тему значения «славы» стали классическим примером искусства создания семантической путаницы.

«Я не понимаю, причем здесь «слава», — сказала Алиса. Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся. «Ну, разумеется, ты не понимаешь, и не поймешь — пока я не объясню тебе. Я имел в виду, «что это бесспорный аргумент для тебя!». — «Но «слава» не значит «бесспорный аргумент!», — возразила Алиса. «Когда *я* использую слово, — сказал Шалтай-Болтай довольно презрительно, — то оно означает именно то, что я хочу, — не больше и не меньше». — «Но вопрос в том, — сказала Алиса, — *можешь* ли ты сделать так, чтобы слова обозначали так много различных вещей». — «Вопрос в том, — сказал Шалтай-Болтай, — кто из нас здесь Хозяин — вот в чем вопрос».

Одна из сторонниц подобной практики миссис Бейкер Эдди придумала религиозное определение науки — так появилась христианская наука. Коммунисты перекроили определение науки в рамках марксистского «диалектического материализма», и таким образом пришли к «народной демократии» с «диктатурой пролетариата». Хиромантка из Брайтона научно подошла к своему ремеслу, и так появилось «научное предсказание судь-

бы». Заявления о научности психоанализа не будут иметь смысла, пока большинство тех, кто досконально знает историю и методы науки, будет придерживаться столь растяжимого определения.

Так какие же доказательства готовы представить нам психоаналитики? В основном это клинические, а не экспериментальные доказательства. Я уже затрагивал вопросы различных позиций практикующих психологов и психологов-экспериментаторов. Достаточно будет напомнить, что клиническая практика богата на теории и гипотезы, но бедна доказательствами; что по самой природе своей клинический метод не может представить подобных доказательств, поскольку он призван прежде всего помогать пациенту, а не искать истину. Даже если для проверки правильности какой-либо гипотезы организуется заранее спланированный эксперимент, то непременно возникают трудности при исключении всех второстепенных факторов и изоляции желаемого, а в клинической практике подобное невозможно. Широко распространенное мнение о том, что «гипотезы психоанализа проверяются на кушетке» (то есть кушетке, на которой пациент лежит во время сеанса психоанализа), показывает очевидное непонимание того, что собой представляет «тестирование» гипотез. Мы не можем проверить гипотезы Фрейда на кушетке, как не можем и определить правильность гипотез Ньютона, просто сидя под яблоней.

Какие еще доказательства, кроме клинических, выдвигает Фрейд и его последователи в защиту своей точки зрения? Есть две главные разновидности. Первый тип доказательств связан с интегрированной природой целого набора гипотез, теорий, практик и методов лечения, которые составляют современный психоанализ. Интегрированная система научных концепций обладает уникальными преимуществами, но таит в себе определенную опасность. Преимущества заключаются во взаимной поддержке, которую различные элементы системы обеспечивают друг другу; опасность заключается в тенденции к предвзятым интерпретациям со стороны аналитика. Этой опасности особенно подвержен психоанализ, так как интерпретации наблюдений являются в данном случае одним из важнейших элементов всей системы.

Опасность увеличивает еще одна черта психоанализа, которая является уникальной в науке и напоминает организационные и моральные принципы древнего ордена иезуитов. Каждый психоаналитик должен пройти курс подготовительного анализа, во время которого все его действия, сны и фантазии интерпретируются в рамках концепций Фрейда и между ним и его учителем устанавливается сильная эмоциональная связь, склоняющая его к безоговорочному принятию этих интерпретаций, связь, из-за которой он просто не может объективно, беспристрастно судить о действительной уместности аналитических концепций. Гловер, например, критикуя взгляды еще одного фрейдиста, по его мнению, «опасного для общества», приводил в качестве довода факт слепой приверженности некоторых аналитиков этим взглядам вследствие «эмоциональной убежденности в их правильности», которая пришла к ним в процессе подготовительного курса психоанализа. *But what is sauce for the goose is sauce for the gander*[1]. И если взгляды последователей Мелани Кляйн носят «эмоционально предубежденный характер», то почему этого нельзя сказать о Гловере и его последователях? В действительности аргументы *ad hominem*[2] подобного типа составляют обычный набор доводов последователей Фрейда, которые не обращаются против самих психоаналитиков лишь потому, что их научная необоснованность становится все более и более очевидной.

Мало кто понимает, насколько высок барьер, который эта «эмоциональная предубежденность» воздвигает между аналитиком и критиком. Так, Фрейд говорит, что «учение психоанализа основано на бесчисленном множестве наблюдений и случаев из практики, и никто из тех, кто сам не занимался этими наблюдениями, не имеет права выносить о нем какие-либо суждения». Таким образом, Фрейд настаивает на том, что прежде чем критиковать его систему, надо в нее поверить, что в корне противоречит ортодоксальным научным процедурам! Похожие заявления делают и последователи Юнга. Так, Якоби утверждает, что «теоретические концепции и объяснения необходимы лишь на оп-

[1] Английский фразеологизм, соответствующий по смыслу фразе «Что хорошо женщине, то хорошо мужчине». — *Прим. ред.*

[2] Применительно к человеку (лат.). — *Прим. ред.*

ределенном этапе, чтобы понять систему мышления Юнга, но для того чтобы понять ее полностью, нужно испытать живительное действие этой системы на себе». Учитывая то, что на данный момент существует примерно пятнадцать противоборствующих «аналитических» систем, готовых к подобным заявлениям, становится очевидным, что ни один нормальный человек не сможет сделать между ними компетентный выбор. Ни у кого не будет желания тратить столько времени и денег, сколько нужно, чтобы пройти пятнадцать отдельных и непримиримых «аналитических» курсов самоподготовки!

Таким образом, заявления фрейдистов о том, что их гипотезы являются частью «системы», должны быть отвергнуты как не имеющие отношения к делу. Есть довольно много подобных «систем», причем все они по главным параметрам не похожи друг на друга и полагаются на клинические («кушеточные») доказательства. Но если все они исходят из таких доказательств, то как нам определить, чья позиция является наиболее правильной? Если опыт клинической практики — единственный источник доказательств и если данные, полученные в ходе этой клинической практики, противоречат друг другу, то мы должны либо поверить в то, что нам говорят, заявив, что ответа на этот вопрос нет, либо потребовать более убедительных доказательств. Фрейдисты заявляют, что их пациенты видят в своих снах символы, похожие на те, которые описывал Фрейд, последователи Юнга — что их пациенты видят во сне символы, похожие на те, которые постулировал Юнг, и мы, прежде чем сделать выбор между двумя теориями, сначала должны получить достаточно экспериментальных доказательств, если только сами не последуем примеру последователей Фрейда и Юнга, а именно: не сформулируем совершенно новую гипотезу, которая и определит наш выбор!

Подобные экспериментальные доказательства были представлены аналитиками. Они являются второй разновидностью их доказательств, и мы должны особенно внимательно их рассмотреть. В качестве примера я приведу один конкретный аргумент, выбранный мной из работ Фрейда потому, что он находит положительный отклик у многих людей. Одна из гипотез Фрейда состоит в том, что во сне люди видят то, исполнения чего они желают наяву, и в защиту этой гипотезы он приводит отчеты исследователей и других людей, которые признаются, что если они едва не умирают с голоду, то во сне видят еду. Получается, что потребность в еде порождает желание что-нибудь съесть, а сон, всегда готовый исполнить любое желание, делает человеку одолжение и преподносит ему образ двух отлично прожаренных отбивных и клубничного пирога. Таким образом, у нашей гипотезы есть подтверждение извне, следовательно, она соответствует научным требованиям.

Я позволю себе представить этот аргумент в более формальных терминах. На основе детального наблюдения за снами многих пациентов мы приходим к гипотезе, согласно которой «во сне исполняются желания». Из этой гипотезы мы выводим заключение, что голодным людям должна сниться еда. Если можно доказать, что это действительно так, то тогда у нашей гипотезы есть подтверждение; если можно доказать, что это не так, то наша гипотеза является неверной. В данном случае Фрейд не представляет каких-либо экспериментальных доказательств, он полагается на неполную, ненадежную информацию, полученную из вторых рук. Подобные доказательства практически бесполезны. К счастью, мы располагаем достаточным количеством последних отчетов о профессионально проведенных экспериментальных исследованиях голодания. Субъекты этих исследований потеряли практически четверть своего веса. Все сны голодавших людей подробно записывались, и при сравнении этих описаний с описаниями снов нормально питавшихся людей было обнаружено, что голодающие субъекты видели во сне еду не чаще, чем субъекты контрольной группы. Таким образом, результаты экспериментов показывают, что доказательства Фрейда неубедительны и неуместны, а также опровергают его фундаментальную гипотезу о природе и цели сна.

Похожие результаты были получены в ходе детальных исследований экспериментального обоснования гипотез Фрейда. Орланский, Сеарс и многие другие, проанализировав экспериментальную литературу, имеющую отношение к концепциям Фрейда, обнаружили, что в среднем в каждой третьей гипотезе доказательства либо довольно сомнительные, либо совершенно не такие, каких следовало ожидать. Очевидно, что если речь идет о

научной гипотезе, то это плохой усредненный показатель, но именно он указывает на несостоятельность системы Фрейда как таковой. Многое, конечно, можно сохранить и использовать в более современных системах описания личности, и действительно, психология еще много лет будет в долгу у смелого гения, который вдохнул новую жизнь в довольно философскую и академичную дисциплину. Но как бы высоко мы ни ценили эти гипотезы и концепции, психоанализ — как самодостаточная система, претендующая на научный подход к изучению человеческой натуры, — давно мертв, хотя его адепты до сих пор могут поклоняться его забальзамированному трупу.

Какие же доводы выдвигает психоанализ против этих аргументов? Во-первых, психоаналитики утверждают, что их терапевтические методы работают и, следовательно, их теории и гипотезы подтверждаются на практике.

Вопрос эффективности психотерапии уже затрагивался мной в другой главе, стоит лишь напомнить о том, что имеющиеся данные (ненадежные и представляющие довольно сомнительную ценность, поскольку основаны они исключительно на субъективном мнении каждого психотерапевта относительно эффектов его же терапии) не могут свидетельствовать о положительном влиянии психотерапии на невротиков. Два пациента из трех действительно выздоравливают во время лечения, но точно так же два пациента из трех выздоравливают безо всякого вмешательства со стороны. Таким образом, этот аргумент вряд ли можно использовать в защиту позиций Фрейда.

Психоаналитики защищаются также с помощью одной любопытной особенности их системы, с которой должны быть знакомы те, кто занимался изучением полу- и религиозных систем, начиная от библейского пророчества и заканчивая диалектическим материализмом. Формулировки всех основных утверждений являются настолько расплывчатыми, общими и сложными, что из них невозможно сделать более или менее конкретные выводы. Поэтому становится необходимой их интерпретация, и так появляется целый класс самозваных «толкователей», которые заявляют, что им удалось понять истинный смысл сказанного в оригинале, и тут же применяют свои толкования на практике. Эллис, будучи сам аналитиком, отмечает: «Формулировки аналитической теории иногда настолько расплывчаты, что некоторые аналитики практически склоняются к мистицизму, а это очень опасно, настолько явно он противоречит науке». Эллис также обращает внимание на то, что идеи психоанализа привлекают очень большое количество людей, верящих в мистику, и объясняет это четырьмя причинами: «...а) психоанализ *не* придерживается строгих научных принципов, но зато предоставляет своим последователям практически полную свободу действий в их интерпретациях; б) он привлек на свою сторону большое количество невротиков, которые испытывают потребность в некой мистической, нелогичной защите и которые постоянно опираются на религиозно-мистические философии, чтобы как-то оправдать свою неспособность противостоять суровым реалиям современной жизни; в) он допускает расплывчатые, обобщенные формулировки, которые так характерны для мистицизма и которые, следовательно, можно интерпретировать на мистический лад; г) очень часто он был культовым и предназначался только для посвященных, а именно таковой и является мистика». Как бы там ни было, бесспорен тот факт, что фрейдистские теории не являются простыми, прямолинейными утверждениями гипотез, из которых можно сделать однозначные выводы; они представляют собой сильно обобщенные, расплывчатые *obiter dicta* (мимоходом сказанное), которые нуждаются в интерпретации, часто противоречат друг другу и которые очень трудно подвергнуть процессу научной верификации. По этой причине их практически невозможно опровергнуть. Если выводы, сделанные на основе психоаналитических гипотез, не подтверждаются, то всегда можно сказать, что они основаны на неверном ее истолковании и что альтернативное объяснение этой гипотезы наверняка нашло бы экспериментальное подтверждение. Таким образом, гипотезы Фрейда являются практически неуязвимыми, так как они слишком неопределенны, чтобы из них можно было более или менее уверенно сделать конкретные выводы; из этого опять-таки следует, что они ненаучны.

Однако именно третий аргумент психоаналитиков является самым блестящим примером их тактического мастерства. Они используют такие концепции, как «формирование реакции», из-за которых человек, теоретически обязанный следовать модели

поведения А, отклоняется от нее настолько, что в результате ему становится присуще совершенно противоположная модель поведения Б. Так, человек, который в силу различных событий, имевших место в его детстве, предположительно должен быть робким, в процессе формирования реакции может стать открыто агрессивным. Этой гипотезе можно всегда найти подтверждение, независимо от того, будет ли пациент признан робким или агрессивным. Юнг использует тот же механизм, когда говорит, что люди, являющиеся явными интровертами, подсознательно экстраверты, и наоборот, люди, которые являются явными экстравертами, подсознательно интроверты. Получается, что можно «объяснить» любой тип поведения — для этого нужно лишь отнести его либо к сознательной, либо к бессознательной сфере личности пациента. Эта черта аналитической мысли является главным козырем в защите психоаналитиков, так как с ее помощью можно объяснить любую реакцию.

Однако для науки важно не объяснение *ex post facto*[1], а прогнозирование, которое можно со временем проверить. С этой точки зрения концепция формирования реакции является бесполезной, так как не может помочь нам сделать выбор между определенным количеством возможных вариантов. Концепции, подобные формированию реакции, представляют собой исключительно гипотезы *ad hoc*[2], которые всегда могут объяснить каждый конкретный случай, так как они придуманы специально для этой цели. Они не входят ни в какие систематические рамки и являются неприемлемыми для ученых из-за чрезмерной легкости, с которой эти концепции продвигаются, и из-за того, что их невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Выдвигая в каждом новом случае гипотезы *ad hoc*, чем преимущественно и занимаются психоаналитики, мы никогда не сдвинемся с мертвой точки, когда мы можем все объяснить, но не можем ничего предсказать.

До сих пор мы критиковали аналитические процедуры в целом; полезно будет остановиться на конкретных возражениях, которые психологи выдвигают против различных черт современ-

---

[1] По свершившемуся факту (лат.). — *Прим. ред.*

[2] Буквально «к этому» (лат.); для данного случая, для этой цели; кстати. — *Прим. ред.*

ного психоанализа. Во-первых, психоаналитические заключения основаны на ненадежных данных. Эти сведения представлены самоанализом психоаналитика и словесными утверждениями пациентов. Подобные данные являются исключительно субъективными и, как следствие, создают для ученого определенные трудности, которые не являются непреодолимыми — беседы психоаналитиков с пациентами можно записывать на пленку. Роджер и другие психологи показали, насколько незаменимы подобные записи в процессе отслеживания всего курса психотерапии, при оценке правильности гипотез, выдвигаемых терапевтом, и при проверке точности его памяти. Полагаясь только на свою память, психоаналитик легко становится избирательным и, как правило, записывает в истории болезни только то, что не противоречит его предвзятым идеям. Таким образом, он редко записывает в свои отчеты или статьи и книги все необходимые сведения, как правило, отмечая лишь то, что считает нужным. На основе этих данных трудно сделать какие-либо общие выводы, в частности из-за того, что аналитики обычно не пытаются тщательно перепроверить все данные, чтобы обнаружить доказательства, которые могли бы опровергнуть его предвзятые идеи.

Но само по себе это не было бы так опасно, записывай психоаналитики только информацию, полученную во время сеансов. Однако обычно аналитические данные, представленные психоаналитиками, являются своеобразными преждевременными заключениями, так как факты неразрывно переплетены с их аналитическими интерпретациями. Читатель, знакомый с работами Фрейда или его последователей, без труда сможет определить соотношение между фактами и интерпретациями в историях болезней. Виттельс отмечает в своей биографии Фрейда: «К специфическому методу исследования Фрейда нельзя было применить какие-либо ограничения и четкие определения. В процессе самонаблюдения к нему приходило понимание какого-нибудь психологического феномена, причем это понимание всегда сопровождалось чувством сильной внутренней убежденности». Эллис так комментирует этот отрывок: «Несмотря на то что сильная внутренняя убежденность, вне всякого сомнения, является полезным качеством для пророка, излишним будет комментировать, насколько она вредна для ученого». Именно из-за этой внут-

ренней уверенности психоаналитики занимаются убеждением с помощью аргументов, а не доказательством с помощью фактов.

Психоаналитики слишком обобщают свои заключения. Фрейд построил свое великое учение на основе словесных высказываний нескольких сотен невротиков, принадлежавших к среднему классу Вены. Вместо того чтобы ограничиться в своих заключениях тем кругом, к которому принадлежали его пациенты, он пошел гораздо дальше и распространил их на всех людей во все времена и во всех странах. Другими словами, он вообразил, что ему удалось с помощью одной, крайне нерепрезентативной группы открыть универсальные истины. То, что является верным относительно его пациентов-невротиков (допустив на некоторое время, что его наблюдения точны, а гипотезы правильны), вовсе не обязательно является верным относительно жителей-невротиков островов Тробрианд. Малиновский показал на многочисленных примерах, что теории Фрейда имеют культурно обусловленный характер и нуждаются в существенной модификации, для того чтобы их можно было применить к другим группам. То, что свойственно людям среднего класса, может быть не свойственно рабочему классу (в одной из глав я уже затрагивал этот вопрос и поэтому не буду повторяться). Однако не только Фрейд занимался обобщениями. Многие из его сторонников следовали этому примеру, и в ряде случаев то, что считалось правильным в случае с одним пациентом, распространялось на все человечество! Подобное обобщение в психоанализе неприемлемо для науки; результаты исследований одной группы людей можно отнести к другим группам, только если будут получены доказательства обоснованности обобщения.

Психоаналитики применяют свои принципы к социальным явлениям в целом, хотя факт их применимости в данном случае не доказан. Даже если бы теории Фрейда действительно подходили для людей как индивидуумов, то из этого все равно не следовало бы, что с их помощью можно объяснить такие социальные явления, как война или забастовки рабочих. Тем не менее многие психоаналитики распространили эти теории практически на все социальные проблемы без исключения, причем объясняют все только с теоретической точки зрения, не затрудняя себя поисками доказательств. Свои сомнительные

умозаключения они представляют как факты и общество соответственно на них реагирует. В главе «Национальные стереотипы и национальный характер» я приведу один из многочисленных примеров подобных гипотез. Как-то мне в руки попал серьезный документ, предназначенный для официального использования, в котором сообщалось, что одной из причин частых забастовок шахтеров является подсознательный внутренний конфликт шахтера, возникающий из-за того, что он постоянно долбит киркой (фаллический мужской символ) «мать-землю» (символ матери). Вполне вероятно, что обычный человек, с трудом различающий психологию, психоанализ и психиатрию, после подобных заявлений перестанет воспринимать всерьез все три, хотя вряд ли даже один настоящий психолог подписался бы под подобным утверждением. Сам Фрейд, между прочим, предупреждал, что нельзя подвергать психоанализу всех и вся; жаль, что его последователи не всегда следовали этому разумному совету.

Когда гипотезы Фрейда используются для проведения экспериментальных исследований, то часто подобные исследования являются скорее примером предвзятости мнений, нежели решающей проверкой гипотезы. Так, гипотеза, согласно которой разводы приводят к неврозам, подтверждается демонстрацией того, что часто невротики — это дети разведенных родителей. Но данный факт не будет являться решающим до тех пор, пока не появится доказательство, что процент здоровых людей, выросших в разведенных семьях, намного меньше. Однако эта часть эксперимента фрейдистами не проводилась. Данные, опубликованные в армейских отчетах, действительно указывали на то, что многие невротики выросли в разведенных семьях, но они также указывали на примерно такое же количество солдат, которые являлись детьми разведенных родителей и при этом отличались очень крепким психическим здоровьем. Данные показывают, что развод играет весьма незначительную роль, если играет, в развитии невроза.

Пренебрежение контрольной группой при проверке правильности гипотез является одной из характерных черт фрейдистских экспериментальных методов. Каузальная последовательность каждый раз устанавливается только на основании того факта, что

определенные события часто имели место в детстве невротиков; практически не предпринимаются попытки показать, что эти события либо вообще не происходили, либо происходили очень редко в детские годы психически здоровых людей. Аналитик даже может заявить, что в конце концов все мы являемся невротиками и останемся таковыми, пока не испытаем на себе благотворное влияние Фрейда (или Юнга, или Штекеля, или Адлера, в зависимости от того, кто из них является учителем этого аналитика), и что, следовательно, подобные события носят универсальный характер. Но очевидно, что этот аргумент неубедителен: может быть, все мы невротики, но у одних невроз выражен гораздо сильнее, чем у других, и мы хотели бы знать о причинах подобных индивидуальных различий. Если, по Фрейду, причины носят универсальный характер, то они не могут дать нам ответ на вопрос, почему у одного человека происходит нервный срыв, а другой реагирует на то же событие довольно спокойно.

Психоаналитики подстраивают факты под свои аргументы. Давайте вернемся к предыдущему утверждению о том, что развод приводит к неврозу, и допустим, что в разведенных семьях выросло большее количество невротиков, чем здоровых людей. Вывод, сделанный на основе вышесказанного, относительно того, что невроз является следствием развода в семье, будет являться классическим примером логического заблуждения, то есть аргументом *post hoc, ergo propter hoc* (после этого, следовательно, вследствие этого). В статистике это заблуждение известно как «переход от связи к причине». Установленным является лишь то, что развод в семье и невроз связаны между собой, но эта связь ничего не говорит нам о каузальной последовательности. Интерпретация Фрейда соответствует теории влияния окружающей среды, но почему бы не применить и теорию влияния наследственных факторов? Предрасположенность к неврозам является врожденной. Родители — невротики, дети — невротики. Среди невротиков наблюдается большой процент разводов, поэтому дети растут в неполноценной семье. Мы также обнаружим, что очень часто невротики — это дети из неполноценных семей. Но они стали невротиками вовсе не из-за развода их родителей, а потому что неврозы последних привели как к разводам, так и к тому, что у детей (наследственным путем) развились неврозы. Я вовсе не утверждаю, что вторая гипотеза является правильной в отличие от гипотезы Фрейда (хотя имеется достаточно доказательств в подтверждение идеи врожденности таких черт, как невротическая предрасположенность и эмоциональная нестабильность); просто я озабочен тем, что психоаналитики пренебрегают гипотезами, которые противоречат гипотезам Фрейда, несмотря на то что с их помощью можно объяснить определенное явление не менее убедительно. Наука не стоит на месте только потому, что устраняет противоречащие друг другу аргументы посредством тщательно контролируемых экспериментов; она не смогла бы двигаться вперед, если бы постоянно подстраивала под себя факты. Когда понимаешь, что используемые данные сами по себе являются довольно сомнительными и нередко представляют собой проекцию желаний аналитика, то начинаешь понимать, почему многие ученые склонны рассматривать психоаналитическое видение человеческой натуры как любопытные размышления, но не более того.

Надо отметить, что психологи не являются единственными противниками подобной аргументации и методов проведения исследований; многие ортодоксальные психиатры подходят к этому вопросу не менее критично. Элиот Слейтер блестяще суммирует все вышесказанное, когда пишет: «В последнее время клиницисты все более склонны к минимизации влияния генетических факторов и поэтому проявляют неподдельный интерес к психиатрии, в которой эти факторы либо вообще не принимаются во внимание, либо используются крайне редко. Эта тенденция четко прослеживается в Великобритании и США, однако именно в Америке она приобрела небывалый размах. Вместо гармоничного развития, в процессе которого равноценное внимание уделяется психозам и неврозам, генам и окружающей среде, психическому и физическому развитию практикующие психологи в последнее время проявляют интерес исключительно к психотерапии, психоанализу, социальной психиатрии, проблемам отбора персонала, групповой терапии и отдают предпочтение таким наукам, как антропология, социология и политология. Развитие только в одном направлении нельзя считать положительным.

Возможно, не будет преувеличением, если мы скажем, что на сегодняшний день мы являемся свидетелями очевидной антина-

учной тенденции, у которой с каждым днем появляется все больше сторонников. Новые школы игнорируют привычные каноны научного обоснования.

Неудобные факты не принимаются во внимание. Количество выдвигаемых гипотез противоречит принципу экономии. Объяснения, которые подходят только к отдельным элементам класса, используются для всего класса в целом. Интерпретации, которые не противоречат теории и которые предположительно могут быть верными, рассматриваются как установленные факты. Возможные альтернативы не принимаются во внимание, практически не предпринимаются попытки поиска экспериментальных доказательств. Всякая критика со стороны полностью игнорируется, во внимание принимается только мнение посвященных. Высказывания догматичны, им не свойственна научная сдержанность и осторожность. Все вышеперечисленное больше ассоциируется с развитием некоего нового религиозного направления, нежели с прогрессом науки».

В этой главе так много критики лишь потому, что меня беспокоит будущее психологии. Несмотря на то что многие психологи считают себя непричастными к теориям, выдвигаемым психоаналитиками, общество часто не видит разницы между научными утверждениями, основанными на фактах и строгом логическом обосновании, и утверждениями *obiter dicta* (здесь: не имеющими под собой оснований), примеры которых обсуждались в этой главе, основанными на предположениях и предвзятых мнениях. Когда рано или поздно люди начинают не доверять последним, то это недоверие потом непременно распространяется на всю психологию и психиатрию в целом, а не только на группу психоаналитиков, являвшихся инициаторами ложных теорий.

Мне бы не хотелось, чтобы читатель подумал, будто я являюсь ярым противником психоанализа во всех его проявлениях. Как и многие другие психологи, я ценю тот свежий глоток воздуха, который Фрейд вдохнул в затхлую, сухую атмосферу академической психологии XIX века. Гениальность его ума открыла нам двери в новый мир, а его необычная проницательность подарила множество интересных теорий и гипотез, над которыми еще очень долго будут размышлять исследователи. Безусловно, многие идеи Фрейда являются важными, но это вовсе

не значит, что мы должны соглашаться с ним во всем и воспринимать его теории как некое откровение свыше. Фрейд привнес в психологию много полезного и много вредного одновременно. Научно ориентированная психология должна поставить себе задачу устранить последнее, сохранив при этом первое. Ответ на вопрос, который является названием этой главы: «В чем недостатки психоанализа?» — очень прост: «Психоанализ ненаучен». Только строгое следование традиционным научным методам аргументации и экспериментального обоснования поможет нам воспользоваться всеми благами, которые нам предлагает гений его создателя.

IV. Социальные установки

Национальные стереотипы и национальный характер

Не так давно в нескольких английских газетах были напечатаны отрывки из русского периодического издания «Одесские новости», в которых описывался типичный британский офицер наших дней. Очевидно, что доход этого «счастливчика» составляет тысячи, а то и десятки тысяч фунтов в год, которым он не ведет учета, так как неспособен вести учет чего-либо вообще. «Того жалованья, что он получает от правительства, ему едва хватает на парфюм и наряды». Английские офицеры, особенно молодые, купаются в роскоши и «вообще ничем не занимаются»; все свои ночи и дни они проводят в праздных увеселениях в шикарных клубах; неудивительно, что офицера, как правило, «сопровождают сразу две дамы, леди из высшего общества и певичка из оперы». С профессиональной точки зрения британский офицер «во всем блеске своего обмундирования» является «самым невежественным офицером во всей Европе».

Трудно не улыбнуться, читая подобный вздор, однако эти цитаты указывают на тенденцию, которая имеет место не только в России, но и во всем мире. Эта тенденция заключается в том, что формирование мнения в различных социальных и национальных вопросах часто происходит не на какой-то рациональной основе, а в рамках *стереотипов*. Слово «стереотип» было позаим-

ствовано из полиграфии. Стереотип используется для печати больших тиражей и представляет собой пластину, отлитую из типографского сплава, с рельефными печатающими элементами. Вальтер Липпманн, известный американский журналист, впервые применил термин «стереотип» к области установок и идей из-за ригидности мышления, размещающего жизненный опыт в определенные стандартные формы. Липпманн говорит, что «в большинстве случаев мы сначала определяем и только потом видим, а не наоборот. Из хаотичного набора различных составляющих внешнего мира мы выбираем то, что наша культура уже определила для нас, и воспринимаем это в форме, стереотипизированной для нас нашей культурой».

Стереотипное мышление может быть опасным, если оно не соответствует реальности, и нередко приводит к печальным последствиям. Если русские принимают всерьез предложенный стереотип британского офицера, то они могут пережить сильный шок, столкнувшись с реальностью. Иногда стереотипное мышление имеет свои плюсы. Стереотипы дают нам более упорядоченную, четкую картину мира, к которому мы приспособили наши привычки, вкусы, способности и надежды. «Возможно, это не полная картина мира, а скорее отображение того возможного мира, к которому мы привыкли. Здесь у каждого человека и вещи есть свое хорошо известное место и определенный набор функций. Здесь мы чувствуем себя как дома; мы вписываемся в систему; мы являемся ее членами; мы знаем, что и когда нам нужно делать. Здесь все хорошо нам знакомо, все правильно и понятно».

Возможно, наиболее четко влияние стереотипов прослеживается в области национальных различий, хотя это влияние, безусловно, находит свое отражение и в других сферах нашей жизни. Сформировавшиеся в нашем мозгу образы определенных групп людей ассоциируются у нас с их определенными характеристиками. Иногда эти характеристики отобраны для нас в карикатурах: Капиталист из «Дейли Уоркер», во фраке, с цилиндром на голове и мешком золота в руках, издевающийся над бедными, противопоставляется небритому Большевику из «Дейли Экспресс» с бомбой в руке, угрожающему взорвать здание парламента.

Старые девы, тещи, политики, гангстеры, евреи, фашисты, рабочие, кокни, водители такси, кондукторы — любая группа нашего общества наделена какими-то стереотипными характеристиками, которые приписываются всем ее членам, несмотря на всю абсурдность подобного обобщения.

Но именно в области национальных различий стереотипное мышление становится особенно опасным, отчасти потому, что во всех других случаях реальность и знакомство с определенными явлениями как-то нас ограничивают и контролируют, а в случае с другими нациями мы можем формировать свое мнение при полном отсутствии объективной информации. Интересно, что этой точки зрения придерживаются не только необразованные люди; учеными профессорами написаны целые тома, посвященные национальным характеристикам различных групп, которые основаны исключительно на преходящих образах и стереотипах. Милитаризм, приписываемый немцам на сегодняшний день, вообще не находил отражения в стереотипах, которые имели место сто лет назад, когда милитаристами *par excellence*[1] считались французы, перенявшие это качество от испанцев, к которым сегодня часто относятся как к неким персонажам мюзик-холла. История знает немало примеров подобных перемен. Швеция, которая 200 лет назад считалась самой воинственной державой, сегодня служит для других стран примером настоящего пацифизма. Кто-то верно заметил, что нельзя *обвинять* всю нацию. Ее также нельзя *описать* в целом, как нельзя описать и ее составляющие. У нас сложились стереотипы относительно ирландцев, шотландцев, баварцев, бретонцев, венцев и т.д. Эти стереотипы, как и стереотипы относительно всей нации в целом, часто ошибочны.

Существуют экспериментальные способы исследования стереотипов. Один из них состоит в том, что определенные группы людей просят перечислить черты, свойственные немцам, итальянцам, американцам и так далее. В целом результаты подобных исследований показывают то, что и следовало ожидать; мнения разных людей, принадлежащих к какой-либо одной нации, совпадают в том, что касается характерных черт других наций.

[1] Par excellence (фр.) — по преимуществу, преимущественно. — *Прим. ред.*

Существует даже единогласие во мнениях между несколькими нациями: американцы и англичане, например, в целом согласны между собой по поводу других наций и даже по поводу друг друга. И англичане и американцы, например, считают, что немцы педантичны и трудолюбивы; американцы полагают, что они также умны, образованны, обладают математическим складом ума, а также музыкальны и националистичны, а англичане думают, что они высокомерны, агрессивны и чересчур националистичны. Итальянцы считаются артистичными, импульсивными, страстными, раздражительными, музыкальными, религиозными, болтливыми, злопамятными, ленивыми, ненадежными и нечистоплотными. К неграм и англичане и американцы относятся еще хуже. Считается, что они суеверны, ленивы, невежественны, упрямы, музыкальны, ненадежны, нечистоплотны.

Ирландцам повезло немного больше. Хотя они религиозны и беспечны, также предполагается, что они сообразительны, остроумны, националистичны, трудолюбивы, сварливы, агрессивны и драчливы. Евреи считаются проницательными, меркантильными, трудолюбивыми, умными, преданными семье, амбициозными, хитрыми и настойчивыми. Известно также, что они очень религиозны. Китайцы, как и следовало ожидать, более симпатичны англичанам, которые считают их трудолюбивыми, осторожными, умными, преданными семье и задумчивыми, чем американцам, убежденным, что все китайцы суеверны, хитры, консервативны, невежественны и лживы. Мнение о японцах в результате войны коренным образом изменилось. Если до войны они считались умными, совершенствующимися, трудолюбивыми, проницательными и миролюбивыми, то сейчас их считают агрессивными, жестокими и фанатичными, хотя по-прежнему трудолюбивыми и изобретательными. Возможно, понадобится еще несколько лет, прежде чем японцы вернут себе утраченный статус. Туркам англичане и американцы явно не благоволят. Предполагается, что они жестоки, чувственны, нечистоплотны, лживы, хитры, сварливы, мстительны, суеверны и слишком религиозны. Французы — естественно, болтливы, ис-

кушены в житейских делах, артистичны, страстны и остроумны, в то время как русские трудолюбивы, выносливы, недоверчивы, храбры и изобретательны.

Англичане считают себя спортивными, сдержанными, консервативными и умными; удивительно, но американцы с этим согласны, правда, они добавляют, что англичане еще и осторожны, искренни, трудолюбивы, чересчур националистичны и что у них нет чувства юмора! Американцы считают себя трудолюбивыми, умными, материалистичными, амбициозными, прогрессивными, любящими веселиться, сообразительными, прямолинейными, практичными и спортивными. Англичане согласны, что американцы материалистичны и любят развлечения, но также считают их щедрыми, болтливыми и хвастливыми.

Схожесть во мнениях англичан и американцев скорее всего объясняется тем, что свои стереотипы они заимствовали из книг, фильмов и других видов общего культурного наследия. Маловероятно, что сравнение стереотипов испанцев, турок и русских покажет их схожесть со стереотипами, приведенными выше. Судя по книгам, написанным немецкими авторами, средний англичанин — это «умный и беспринципный лицемер; человек, который благодаря некой нечеловеческой изобретательности и способности видеть будущее каким-то чудом всегда остается в выигрыше; человек, чья некомпетентность в бизнесе и торговле компенсируется знанием различных дипломатических ходов и уловок; хладнокровный, упрямый, безжалостный оппортунист; расчетливый и тщеславный эгоист». Между этим образом англичанина, взятым из книги Гарольда Николсона, и еще одним, взятым оттуда же, мало сходства. «Французский образ англичанина — это образ безвкусного, глупого и высокомерного человека с красным лицом. Кажется, что французов больше всего волнует наш национальный цвет лица. Они объясняют его тем, что мы злоупотребляем непрожаренным мясом (о времена, о нравы!). Именно по этой причине они склонны считать нас варварами и вульгарными людьми. Только по одному пункту мнение французов совпадает с мнением немцев, так как и те, и другие считают нас лицемерами...».

Многие люди, которые придерживаются подобных стереотипов, вероятно, ни разу в жизни не сталкивались хотя бы с одним представителем той группы, о национальных особенностях которой они знают так много.

Факт практически полного отсутствия знаний по данному вопросу не мешает им с пеной у рта доказывать свою правоту и не заставляет их сомневаться. Однако стереотипы являются опасными не по причине своей ошибочности (нельзя отрицать, что в целом евреи действительно очень преданны своей семье, американцы более хвастливы, негритянские музыканты более талантливы, ирландцы более сообразительны, а немцы более трудолюбивы, чем остальные нации), а из-за полного отсутствия каких-либо доказательств, из-за доверия к расплывчатым и спорным мнениям, витающим в воздухе, которые находят свое отражение в пустых газетных статьях и в не менее недолговечных фильмах.

Стереотипы, складывающиеся относительно определенной нации, будут положительными или отрицательными в зависимости от того, относятся ли к этой нации в целом положительно или отрицательно. Можно расположить нации по порядку в зависимости от степени их популярности, и в данном случае американцы и англичане опять среагируют одинаково. И те и другие согласны, что как они сами, так и ирландцы, французы, шведы и немцы должны стоять первыми; латиноамериканцы, итальянцы, испанцы, греки, армяне, русские и поляки должны стоять посередине, а мексиканцы, китайцы, индусы, японцы, турки и негры будут завершать этот список популярности. Мы не знаем, как бы оценили популярность различных народов нации не англосаксонского происхождения, но можно предположить, что их оценки существенно отличались бы от этих.

Стереотипы, похожие на описанные выше, также определяют наше социальное и политическое мышление. Довольно часто мы реагируем на образ, закрепленный за партией, а не на реальные предложения, которые она выдвигает. Очень четко это видно на примере исследования, в рамках которого проводилось собеседование с рабочими и фермерами с целью узнать их избирательные предпочтения и мнения по поводу различных линий политики. Оказалось, что они не поддерживают коммунистические и социалистические партии и не собираются голосовать за их кандидатов, хотя в то же время скорее одобряют курс

политики, предложенный этими партиями, чем тот, который был предложен их более консервативными оппонентами.

Таким образом, когда наступят выборы, эти люди скорее всего проголосуют за тех, чьи методы они не одобряют из-за того, что у них сложился определенный стереотипный взгляд на социализм!

Похожие результаты были получены в Великобритании, когда с помощью надежных и точных методов измерения оценивалась степень радикализма или консерватизма людей. Во многих случаях люди, голосовавшие за консерваторов, либералов или лейбористов, в этом плане были похожи друг на друга. Выявилось, что некоторые люди, голосовавшие за консервативную партию, на самом деле были менее консервативно настроены, чем отдавшие свои голоса за либералов. Таким образом, многие люди сделали свой выбор, руководствуясь не столько своими политическими убеждениями, сколько стереотипными образами данных партий. Существует немало примеров того, как люди, открыто выступающие против фашизма, на самом деле придерживаются тех же взглядов, что и фашисты. Они выступают против общепринятого стереотипного взгляда на фашизм, но у них нет возражений против самой сущности фашизма.

Имеет ли тенденция стереотипного мышления какое-нибудь отношение к другим аспектам личности или к любому определенному набору политических и социальных установок? Есть убедительные доказательства того, что стереотипное мышление более характерно для консерваторов и менее характерно для либералов и социалистов. Так называемая «авторитарная личность» также весьма склонна мыслить стереотипами. Поскольку эта тема будет подробно обсуждаться в следующей главе, я не стану сейчас останавливаться на ней.

До сих пор мы рассматривали вопрос национальных различий на примерах карикатурных стереотипов. Есть ли доказательства, указывающие на наличие настоящих национальных различий, и можно ли привести логичные, обоснованные объяснения этих различий? Предпринимались неоднократные попытки получить экспериментальное определение национальных различий, в этой области было выдвинуто немало гипотез, но, честно говоря, в данном направлении не удалось достичь приемлемых результатов.

Вполне вероятно, что сведения, собранные антропологами по поводу различий между разными племенами, являются вполне убедительными, недавно даже было предпринято несколько попыток применить их к более сложным группам, которые мы называем цивилизованными нациями. Немного позже я приведу пример одной из таких попыток, но сначала процитирую краткие описания двух примитивных племен, для того чтобы показать, что может предложить нам антропология. Эти характеристики имеют непосредственное отношение к одному из главных споров, без которых политическая жизнь не была бы столь интересна, — к спору по поводу преимуществ соперничества и кооперации, так как они показывают, что может случиться, если каждый из этих принципов довести до крайности.

С одной стороны, в Нью-Мехико живет племя индейцев цуньис, которым удалось полностью искоренить соперничество и которые считают, что любое проявление инициативы вредно для их общества. Индейцы племени подавляют всякое стремление к высокому положению и власти и поражают постороннего наблюдателя своей скромностью, спокойствием и неумением обижаться. Это очень церемонные люди, которые в праздники и при других важных событиях танцуют ритуальные танцы и выполняют религиозные обряды в соответствии с давно установленными правилами. Индейцы не склонны к проявлению индивидуализма. Вся их жизнь подчинена соблюдению обрядов и полурелигиозным правилам, которые указывают им, как поступать в каждом конкретном случае. Эмоции здесь принято считать одной из негативных составляющих соперничества, поэтому им нет места при свадьбах и разводах, которые представляют собой очень простую процедуру: жена, которая хочет развестись со своим мужем, просто ждет, пока он не выйдет из хижины, затем связывает вещи мужа в узел и выставляет у входа в хижину. Когда муж возвращается домой, он понимает, что жена с ним развелась, и уходит жить в другую хижину, при этом он ведет себя так, словно ничего не произошло. Способность справляться со своими эмоциями удерживает индейцев-цуньис и от попыток самоубийства: в племени, где отсутствует соперничество, нет проигравших, сле-

довательно, ни у кого нет необходимости сводить счеты с жизнью. Когда они слышат истории о том, что среди белых людей очень часто случаются попытки самоубийства, они считают это доказательством превосходства их культуры над нашей.

В качестве примера противоположной крайности давайте рассмотрим племя дубуанов из Новой Гвинеи. Соперничество правит здесь всем, и члены этого племени считаются безжалостными, подозрительными, враждебно настроенными людьми. Все племя разделено на группы, постоянно враждующие между собой. Здесь не найдется двух человек, которые бы доверяли друг другу, все подозревают всех в воровстве или желании завладеть чужими вещами. Стремление к соперничеству находит свое выражение даже в браке. Муж и жена живут один год в деревне мужа, где с женой обращаются как с рабыней, избивают и стараются сделать ее жизнь невыносимой. Однако на следующий год семья перебирается в деревню жены, в которой рабом становится, в свою очередь, муж, над которым издеваются и которого бьют. После того как жена отомстила за себя таким своеобразным способом, они опять перебираются в деревню мужа, и все повторяется заново.

Все, чем бы ни занимались дубуаны, основано на принципах соперничества, а их жизнью правит вера в магические силы. Ритуальные обряды проводятся с целью обезопасить себя от черной магии. Законов природы здесь не существует; если у кого-то из членов племени падет корова, то это происходит не потому, что она была старой или больной, а потому, что кто-то использовал силы черной магии, чтобы навредить сопернику. Задача человека, у которого пала корова, следовательно, состоит в том, чтобы найти виновного и в отместку применить к нему еще более страшное заклинание. Как следствие различные магические атрибуты пользуются у племени огромным спросом и считаются самыми ценными приобретениями.

Эти описания взяты из работ антропологов, принадлежащих к школе «культурных моделей», и можно сказать, что они в какой-то мере разделяют природу стереотипов. Несомненно, в поведении дубуанов и индейцев-цуньис существует немало различий, которые можно отобразить с помощью статистики, но, вероятно, как в первом, так и во втором случае картина получилась такой цельной благодаря применению хорошо известного

метода *leaving out the warts*[1]. Среди членов племени дубуанов есть люди, которые не желают ни с кем соперничать и поэтому считаются чудаковатыми. Точно так же в племени цуньис есть люди, склонные к лидерству и соперничеству, которых племя осуждает и иногда готово даже убить, чтобы сохранить традиции. Принимая во внимание вышесказанное, тем не менее можно утверждать, что, вне всякого сомнения, между двумя группами существуют глубоко укоренившиеся различия. Если бы мы рассматривали эти две группы как нации, то можно было бы с уверенностью сказать, что национальные различия действительно существуют.

Конечно, можно было бы сейчас порассуждать над тем, какую мораль следует извлечь из этих примеров, показывающих, что может произойти, если определенные принципы — в данном случае соперничество и кооперация — довести до крайности. Вместо этого я приведу здесь примеры попыток применить подобные методы наблюдения в более сложной области этнических различий между нациями, которые принято считать цивилизованными, в частности рассмотрю результаты исследовательской работы Жоффрея Горэ, которые оказали большое влияние на мнение многих людей, принимавших его выводы за неоспоримые факты.

Предисловие его книги задает тон всем последующим главам. Горэ заявляет, что работа основана «исключительно на более чем семилетнем опыте личных встреч, историй любви и дружбы, ссор, конфликтов, деликатных ситуаций и различных случаев, которые имели место в моей жизни в Соединенных Штатах». Таким образом, уже с самого начала видно, что книга представляет собой собрание примеров из личного опыта, а не отчет о достоверных фактах, и, следовательно, как указывают некоторые критики, является скорее журналистским, чем научным исследованием. Тот факт, что на основе этих личных историй было сделано множество обобщений, не меняет дела; одних обобщений для науки недостаточно, так как все теории и гипотезы нуждаются в подтверждении. Ничто в книге Горэ не указывает даже на то, что он вообще знает о необходимости проверки выдвигаемых им обобщений.

[1] Буквально: «оставить бородавку» (англ.).

Следуя практике психоанализа, Горэ выдвигает свои гипотезы, основываясь на отношениях внутри семьи. В частности, он использует такое понятие, как «отвергнутый отец». Автор обращает внимание на то, что многие американцы являются детьми иммигрантов, и отсюда делает вывод, что дети, как правило, недолюбливают и отвергают своих отцов из-за того, что последние не могут адаптироваться в Америке и постоянно проявляют различные европейские, а не американские черты характера. Дети, разумеется, ходят в американские школы, учатся жить по-американски и являются частью американской культуры. «Чем больше отец-иммигрант преуспел в том, чтобы его дети стали настоящими американцами... тем больше дети стыдятся того, что он иностранец, и тем меньше он является для них моделью и примером для подражания».

Можно предположить, что поскольку мать также является иностранкой, то она должна чувствовать себя отвергнутой не в меньшей степени, чем отец, но Горэ смотрит на это иначе: «На каком бы языке ни говорила и как бы себя ни вела мать, она всегда будет эмоционально значимой для ребенка, являясь для него источником любви, пищи и помощи». Следует подчеркнуть, что это всего лишь утверждение — Горэ не представляет никаких доказательств вроде тех, которые можно было бы получить из собеседований с тщательно отобранной выборкой нескольких сотен американцев в первом поколении. Это утверждение основано исключительно на желании Горэ оправдать свою гипотезу. Отталкиваясь от своей идеи отвергнутого отца, Горэ выдвигает следующую теорию. Он заявляет, будто американцам характерно неприятие любой власти и будто бы это отчасти объясняется тем, что они в свое время отвергли своего отца, который является своего рода первичным воплощением власти. Он сравнивает рождение американской республики с известной сценой, представленной Фрейдом, когда уставшие от гнета сыновья решают сообща убить своего отца-тирана. Находясь под сильным впечатлением от содеянного ими убийства и опасаясь, что кто-то из них решит занять место убитого отца, сыновья заключают между собой договор, который уравнивает их в правах и согласно которому все они должны отречься от власти и привилегий. Так, утверждает он, появилось стремление к равенству и неприятию

власти, которые, как он думает, являются типичными чертами всех американцев.

Исходя из того что дети отвергают отца, но не отвергают мать, Горэ выводит гипотезу, согласно которой мать становится главным человеком в американской семье, причем это происходит автоматически, а не потому, что она требует для себя каких-либо исключительных прав и привилегий.

По его мнению, многое объясняется тем фактом, что в американской семье воспитанием детей занимается именно мать и ни кто другой. Он говорит, «что особенность американского сознания заключается в том, что оно является преимущественно женским. Так как мать играет главную роль в воспитании ребенка, так как именно она наказывает и поощряет его, она начинает отождествляться у него с обязанностями и правильным поведением». По этой причине роль дочери становится простой и понятной, в отличие от роли сына, в сознании которого прочно укоренился образ увещевающей, советующей, запрещающей матери. Но правила и советы, исходящие от матери, воспринимаются как обязательства, как уступки требованиям женщины, а не как нечто полезное и нужное. Подобное отождествление морали с женщиной приводит к тому, что в сферах, которые принято считать материальными, а не духовными, например, в сфере бизнеса, которым женщины, как правило, не занимаются, законы морали не действуют.

Пожалуй, на этом стоит остановиться, так как читатель скорее всего уже получил общее представление об аргументах Горэ, и мне незачем цитировать его книгу до конца. Вместо этого я проверю научную обоснованность его методов аргументации с помощью более специфических примеров из этой книги. Горэ говорит, что американцы в целом придерживаются жесткой схемы кормления младенцев и не обращают особого внимания на реальные потребности ребенка в еде. По причине жесткости американской схемы кормления многие американцы еще в младенчестве начинают испытывать чувство голода или страха перед голодом. Но это еще не все. В скрытой форме это чувство голода остается у человека на всю жизнь, хотя он об этом, естественно, не подозревает. «Симптомы прослеживаются прежде всего в том, что американцы боятся, будто настанет день,

и в Америке ничего не останется, и им придется голодать, так как все запасы еды, ресурсов и денег переместятся за границу, а также в чрезмерном беспокойстве, связанном с отрицательным балансом национального бюджета и в страхе перед любыми видами сокращения».

Таким образом, Горэ приходит к очень серьезным выводам. Однако на этом он не останавливается и идет дальше. После того как ему, к своему удовлетворению, удалось установить различные следствия, вытекающие из схемы кормления, он утверждает, что именно этой схемой объясняется то, что в современной Америке женская грудь является «своеобразным эротическим фетишем, которому поклоняются все мужчины. Красивая полная грудь, обтянутая плотно прилегающей одеждой, возбуждает американских мужчин сильнее, чем обнаженное тело». Он упоминает о том, будто многие актрисы сделали себе карьеру в кино именно потому, что носили плотно облегающую одежду и что, например, фильм «Вне закона» был особенно популярен у американцев главным образом потому, что у его главной героини был потрясающий бюст. «Ложбинка, которая отделяет правую грудь от левой, является одним из главных объектов мужского внимания, и некоторые фильмы, в которых актрисы были одеты в глубоко декольтированные платья времен Реставрации, были запрещены для показа в Америке, так как считались слишком непристойными». Горэ добавляет: тот факт, что многие американцы пьют много молока, также имеет символическое значение.

Подобный аргумент Горэ не стоит рассматривать как некую пародию или бурлеск, хотя именно такое впечатление складывается после прочтения того, что он пишет. Этот аргумент Горэ выдвигает совершенно серьезно, и поэтому мы должны рассмотреть его с критической точки зрения. Во-первых, каковы импликации данного аргумента и, во-вторых, какие доказательства он приводит в его защиту? Горэ указывает на то, что красивая женская грудь привлекает среднестатистического американского мужчину, и на то, что американская цензура имеет свои отличительные особенности. Я лично не буду подвергать сомнению точность этих наблюдений. На самом деле стоит обратить внимание на то, что Горэ полагает, будто оба эти факта

объясняются жесткой схемой кормления. Таким образом, он указывает на причинно-следственные отношения, которые означают, что мужчины во всех других странах, не испытавшие на себе влияние жесткой системы кормления, не проявляют особого интереса к той части женского тела, которую так ярко описал Горэ, и что в этих странах цензура не возражает по поводу глубокого декольте у актрис.

Никто из тех, кто знаком с цензурными перипетиями в этой стране или в Европе, не согласится со вторым утверждением. Попытки актрис выглядеть более откровенно постоянно уравновешиваются попытками моралистов спрятать как можно больше, борьба с цензурой в каждой стране идет с переменным успехом, который никак нельзя соотнести с какой-то определенной схемой кормления.

Что касается первого пункта, то тут я не берусь судить, поскольку несмотря на то что это, вне всякого сомнения, весьма интересный предмет для обсуждения, ни в этой стране, ни в какой-либо другой не существует достоверных данных по поводу мужских предпочтений. Следовательно, за неимением этих сведений, я оставляю за читателем право судить о том, прав в данном случае Горэ или нет.

Но действительно интересным является следующий момент. Горэ указывает на связь между двумя явлениями, которые, по мнению большинства людей, вряд ли можно связать вместе, так как речь идет о схеме кормления ребенка и природе тех женских качеств, которые привлекают его в сексуальном плане, когда он становится взрослым. Эта гипотеза кажется весьма сомнительной. Однако человек, выдвигавший ее всерьез, мог без особого труда провести эксперимент, чтобы доказать существование подобной связи. Можно было отобрать в экспериментальную группу, скажем, 100 мужчин, которых в младенчестве кормили по жесткой схеме, а в контрольную группу — 100 мужчин такого же возраста и такого же социального положения, которых кормили по свободной схеме, и провести в обеих группах собеседования, чтобы узнать их анатомические предпочтения. Но Горэ пошел другим путем. Свою гипотезу он рассматривает как установленный факт и, не приводя какого-либо логического обоснования, делает на ее основе далеко идущие выводы.

Иногда, правда, Горэ приводит в доказательство своей теории некоторые факты, которые, однако, часто являются противоречивыми и сомнительными. Так, он говорит о факте веры американцев «в равноправие американских граждан». В качестве доказательства он приводит результаты опросов общественного мнения, в которых различных представителей американского общества спрашивали, к какому социальному классу они себя относят; четыре человека из пяти причисляли себя к среднему классу. Горэ отмечает: «Хотя с объективной точки зрения подобная характеристика является практически бессмысленной, с субъективной точки зрения она говорит о многом... 90 процентов населения Америки верит в равенство, несмотря на то что общество можно объективно разделить на три социальных класса, исходя из таких критериев, как уровень образования, уровень доходов и т.д.».

Возможно, следует более внимательно посмотреть на представленное доказательство. Опрос общественного мнения, на который ссылается Горэ, проводился журналом «Форчин» в феврале 1940 года. Были отобраны представители различных социальных слоев, которых попросили записать себя в одну из трех предложенных категорий: в высший, средний и низший класс. В целом, 8 процентов отнесли себя к высшему классу, 79 процентов — к среднему классу и 8 процентов — к низшему, а остальные выбрали категорию «Не знаю». Как оказалось, к среднему классу себя отнесли 75 процентов людей с высоким уровнем дохода и 70 процентов людей с очень низкими заработками. Кажется, эти цифры действительно подтверждают теорию Горэ.

Но к сожалению у этих фактов имеется один огромный недостаток, который, возможно, не ускользнул от внимания тех, кто знаком с американскими или английскими формами речи. Большинство людей никогда не отнесут себя к «низшему классу». В той трехклассовой структуре, о которой говорит Горэ, термины «высший» и «средний» класс считаются общепринятыми, но третий класс называет себя «рабочим», а не «низшим классом», следовательно, из статьи, опубликованной в «Форчин», нельзя сделать надежных и обоснованных выводов. Это особенно четко видно в работе Сентерса, который показал, что когда людям была предоставлена возможность отнести себя к «высшему», «среднему», «рабочему» и «низшему классу», только 1 процент выбрал термин «низший класс»; 51 процент назвал себя «рабочим классом». Сентерс говорит: «Эти ответы не оставляют никаких сомнений в том, что американцы прекрасно осознают разницу между классами, они также показывают всю абсурдность заявлений вроде того, что *«Америка — это средний класс»*.

Подобные данные свидетельствуют о том, что первоначальное утверждение Горэ о равенстве американцев, которое лежит в основе всей его книги, является ложным; в приводимых им доказательствах имеют место технические ошибки, которые так характерны для опросов общественного мнения, и следовательно, из заключений, опубликованных в журнале «Форчин», следует сделать совершенно противоположные выводы. Так что же случилось с братьями, которые заключили договор о равенстве и противостоянии власти? Вместо них мы видим классовую структуру, члены которой хорошо понимают, какое место в обществе они занимают.

Это лишь один из многих возможных примеров, в которых все факты говорят против теорий Горэ. Но он даже не пытается проанализировать реальные факты. Он использует их для более наглядного представления о своих гипотезах, если они кажутся ему подходящими или если их можно превратить в таковые. Главный упор в данном случае делается на теорию. Факты важны только в том случае, если они могут поддержать части этой теории. Если факты противоречат теории, то ими пренебрегают. Если факты вообще отсутствуют, то это только на руку, теоретические размышления могут тогда проходить в более произвольном порядке. Читатель сейчас поймет, почему в самом начале я сказал, что работу Горэ следует рассматривать как журналистский труд, а не как научный.

Как он, так и другие последователи этой же школы заменяют старые стереотипы на новые, вместо того чтобы предоставить реальные факты существования национальных различий, на основании этих фактов выдвинуть несколько гипотез и затем проверить их с помощью традиционных научных методов. Взяв за основу предвзятые предположения психоаналитиков, они выво-

дят из них гипотетические причины и постулируют их как факты, не предпринимая при этом никаких попыток эмпирической верификации. Но если это действительно так, то может возникнуть вопрос: зачем вообще надо было так подробно рассматривать вышеперечисленные гипотезы?

Главная причина заключается в том, что хотя с научной точки зрения работа Горэ бесполезна, она тем не менее играет важную роль в развитии психологии.

Во-первых, читатель, плохо разбирающийся в данном вопросе, может принять эти аргументы и гипотезы за настоящие научные теории. Как следствие он будет всерьез относиться к заявленным фактам и в определенных ситуациях даже станет руководствоваться ими. Существуют доказательства того, что писателям этой школы удается убеждать политиков и других важных общественных деятелей в точности их исследований психологии русских или японцев, а поскольку эти исследования, как и наблюдения Горэ, не имеют под собой никакой фактической основы, то из этого следует, что и все действия, вытекающие из них, являются ошибочными и необоснованными. Стереотипы — плохое руководство к действию.

Причины большой популярности псевдопсихологических исследований вполне очевидны. Писатель, избавленный от необходимости подстраиваться под несговорчивые факты, может нарисовать цельную убедительную картину, вполне устраивающую как его, так и читателей, которые к установленным фактам относятся недоверчиво. Обращаясь ко всей публике в целом, он использует журналистские приемы убеждения и предположения, а не научные методы беспристрастной констатации фактов и осторожных умозаключений. Неудивительно, что многие люди полагают, будто в данном случае им по крайней мере предлагают решение загадки, над которой они ломали голову не один год.

Второй момент, возможно, является еще более важным. Критически настроенные читатели, в особенности те, кто знаком с более точными науками, будут читать подобные книги с чувством недоверия, а прочтя их, еще раз утвердятся в мысли, что психология не является и не может являться наукой, несмотря на то что подобные книги не имеют никакого отношения к социальной науке и, напротив, игнорируют и насмехаются над ее

канонами. Может случиться так, что социальная наука станет ассоциироваться с подобным типом работы и потому будет отвергнута вообще.

Третьим следствием является то, что плохие деньги вытесняют хорошие. Закон Гришама можно применить как к социальной науке, так и к экономике. Беспечность любителей различных теорий привела к тому, что на сегодняшний день многие гораздо более сложные, трудоемкие и затратные исследования ученых не получают так необходимой им общественной поддержки. Разумеется, настоящее эмпирическое исследование национальных различий является вполне возможным. Можно сказать, что подобное исследование стало бы очень важным для будущего развития Америки и эффективной деятельности различных международных организаций. Однако подобные исследования можно будет провести или профинансировать лишь в том случае, если власть предержащие перестанут думать, что правильный ответ можно получить, сидя в кресле с ручкой в руке, или что социальная наука не может дать никаких ответов. Работу Горэ можно классифицировать как вредную для психологии, ибо в ней прослеживаются как первая, так и вторая тенденции. Вместо того чтобы заменить стереотипный образ мышления в вопросе национальных различий реальным исследованием, он лишь добавляет новые стереотипы к уже имеющимся. В заключение можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день не существует убедительных доказательств правомерности каких-либо обобщений в области национальных различий.

Психология антисемитизма

В социальной психологии найдется немного тем, на которые было бы написано больше, чем об антисемитизме. Многие писатели используют исторический или социологический подход; другие пишут критические, этические и аналитические статьи и книги. Эта глава посвящается исключительно психологическому подходу. Я не отрицаю важность других подходов, но, как говорится в известной декларации ЮНЕСКО, «предрассудки формируются в уме человека», и следовательно, эксперименты в

области психологии антисемитизма, возможно, прольют свет на этот важный вопрос и дополнят наши знания, полученные из истории и социологии.

Для начала следует заметить, что как в Великобритании, так и в других странах существует социальная установка в отношении евреев, которую можно назвать антисемитизмом. В Соединенных Штатах и в Великобритании только четверть всего населения не относится к евреям враждебно, пренебрежительно или по крайней мере недоброжелательно. В основе этих антисемитских взглядов лежат самые разнообразные мнения. В одной группе типичных англичан, принадлежащих к среднему классу, 12 процентов полагали, будто «евреи наносят вред всему, с чем имеют дело»; 31 процент был убежден в том, что «евреи представляют опасность для остального общества, что они наживаются за счет других и неразборчивы в средствах»; 4 процента заявили, что «евреи являются самыми презренными представителями рода человеческого». С другой стороны, некоторые люди относятся к евреям как к нации высшего порядка: так, 6 процентов полагали, что евреям удалось встать на ноги после всех гонений и преследований благодаря целому ряду качеств, достойных восхищения.

Несмотря на подобное расхождение во мнениях, среди населения существует единогласие по поводу тех качеств, которые характеризуют евреев. Большинство англичан считают неотъемлемыми характеристиками евреев следующие черты: хитрость (59 процентов), меркантильность (38 процентов), трудолюбие (35 процентов), ум (32 процента), преданность семье (30 процентов), скупость (28 процентов), амбициозность (21 процент), религиозность (22 процента), болтливость (14 процентов), общительность (12 процентов), артистичность (11 процентов). Одни из этих прилагательных носят положительный характер, другие — отрицательный. То, что стереотипный образ евреев не является всего лишь набором отрицательных качеств, доказывается тем, что по отношению к евреям практически не упоминались такие черты как агрессия, сварливость, высокомерие, хвастливость, трусость, жестокость, фанатизм, отсутствие чувства юмора, невежество, импульсивность, лень, наивность, страстность, раздражительность, мстительность, глупость, суеверие

или ненадежность, а эти черты приписываются определенным национальным и этническим группам, как видно из главы «Национальные стереотипы и национальный характер».

Оправданно ли наше стереотипное отношение к евреям? Действительно ли определенные черты характера им более свойственны, чем людям других национальностей с таким же уровнем образования, доходов и умственных способностей? К сожалению, если у евреев и есть какие-либо отличительные психологические особенности, то в любом случае мы не располагаем необходимыми доказательствами. Когда результаты по тестам умственных способностей евреев сравниваются с результатами неевреев, то они нередко оказываются немного лучше, но это объясняется скорее не какими-то врожденными качествами, а традиционным стремлением к получению знаний, которое неизбежно сказывается на баллах по тестам.

Единственной чертой, действительно отличающей евреев от неевреев, является их агрессивность: было обнаружено, что в целом евреи характеризуются хорошо знающими их людьми как более агрессивные по сравнению с другими. Однако было бы неверно заключить, что это указывает на определенную врожденную национальную черту. Результаты нескольких исследований показали, что те евреи, которые постоянно сталкиваются с враждебным отношением и являются объектами преследования и насмешек по причине своей национальной принадлежности, более агрессивны, чем те, у кого в жизни не было такого отрицательного опыта. Другими словами, агрессивность евреев может являться своеобразной реакцией на антисемитизм, а не его причиной.

Печально, что подобные факты, а также не имеющая отношения к делу информация по поводу того, что среди евреев больше левшей, что они отличаются особенным распределением групп крови и тому подобные обрывки информации, являются единственными данными, которыми мы располагаем по вопросу об отличии евреев от неевреев. Этот вопрос, разумеется, нуждается в исследовании, результаты которого могут оказаться очень важными и полезными. Но поскольку подобного исследования не проводилось, мы не можем пока сказать, есть ли в евреях действительно что-то такое, что вызывает антисе-

митскую реакцию. Поэтому давайте сначала обратимся к личности самих антисемитов.

Первый вопрос будет заключаться в следующем: является ли антисемитизм специфической реакцией, никак не связанной с другими видами отношений, или это лишь одно из целого комплекса мнений по ряду вопросов? К счастью, ответ на него вполне однозначен.

Широкомасштабные эксперименты как в Соединенных Штатах, так и в Англии показали, что антисемитские реакции не являются специфическими, а напротив, тесно связаны с другими проявлениями общественного мнения. Чтобы доказать справедливость этого утверждения, давайте сначала посмотрим, как можно измерить антисемитизм, после чего пойдем дальше и выясним, какое отношение он имеет к другим социальными вопросам.

Для разработки процедуры измерения прежде всего необходимо собрать достаточное количество утверждений о группе, которая находится под вопросом. Эти утверждения выбираются при личном собеседовании с разными людьми, из книг, газет и целого ряда других источников, причем особое внимание уделяется тому, чтобы все утверждения записывались именно так, как они были первоначально сформулированы. После удаления похожих утверждений остается несколько сотен предложений, которые затем передаются на рассмотрение специально подобранной группе людей. Каждому из них предлагаются все эти заявления, напечатанные на отдельном листе бумаги. Опрашиваемые должны разделить все листы на 11 стопок так, чтобы первая стопка состояла из утверждений открыто антисемитского характера, а последняя — из предложений, носящих явный просемитский характер. После того как эта работа проделана, из всех стопок изымаются листы с утверждениями, по поводу которых мнения оценочной комиссии расходятся, поскольку если читающие это утверждение могут отнести его либо к антисемитским, либо к просемитским, нельзя будет выяснить их действительное отношение к данной проблеме.

Таким образом, исследователь располагает большим количеством утверждений, по поводу которых среди оценочной комиссии нет разногласий. Далее из их числа отбирается, скажем, 24 предложения, которые варьируются от антисемитских до просемитских, включая промежуточные. Затем эти предложения в произвольном порядке печатаются на одном листе вместе с пятью возможными ответами (полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен) и предлагаются в качестве теста тем, чье мнение в данном случае необходимо узнать. Баллы по этому тесту свидетельствуют либо об антисемитском, либо о просемитском отношении, а также о степени убежденности в своем мнении. Чтобы наглядно продемонстрировать, что представляют собой подобные тесты, ниже приведу один из них.

Отношение к евреям

В данном вопроснике вы найдете 24 утверждения по поводу евреев. Мы хотели бы знать, с какими из них вы согласны, а с какими — нет. Под каждым из утверждений вы найдете пять вариантов ответов:

«Полностью согласен», «Согласен», «Не уверен», «Не согласен», «Полностью не согласен».

Подчеркните тот из них, который наиболее верно характеризует ваше мнение. Пожалуйста, не оставляйте без ответа ни одно из утверждений, даже если вам трудно определиться. Ваши ответы полностью анонимны! Нам не нужны ваши имя и фамилия. Спасибо за сотрудничество.

1) Неприятие евреев происходит из-за недопонимания.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

2) Евреи стараются монополизировать все, что только возможно, и тем самым наносят англичанам большой вред.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

3) Евреи представляют собой изолированную от остального общества группу из-за своей религии.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

4) Евреи пойдут на все ради собственной выгоды.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

5) Евреи — такие же честные и сознательные члены общества, как и любая другая группа.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

6) Есть «плохие» и «хорошие» евреи, как есть два рода англичан.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

7) Евреи как нация не виноваты в ошибках того меньшинства, которое находится у власти в этой стране.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

8) Евреи наносят вред всему, с чем они имеют дело.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

9) Нет никаких причин полагать, что евреи из-за определенных врожденных качеств менее честны и хороши, чем кто-либо другой.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

10) Неприязнь многих людей по отношению к евреям носит предвзятый характер, однако в какой-то степени оправданна.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

11) По своим умственным и моральным качествам евреи превосходят других людей.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

12) У евреев слишком много власти и влияния в этой стране.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

13) Евреи полностью контролируют эту страну.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

14) Евреям удалось встать на ноги после преследований из-за целого ряда качеств, достойных восхищения.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

15) Евреи представляют угрозу для остального общества, так как неразборчивы в средствах.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

16) Евреи преданы стране, в которой живут, не меньше, чем большинство остальных граждан.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

17) Евреи опасны для любой нации и для любой страны, в которой они живут.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

18) Евреям не хватает смелости.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

19) В целом евреи — очень скромная нация.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

20) Евреи должны отказаться от своих традиций и стать похожими на остальных граждан.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

21) В высокооплачиваемой сфере занято слишком много евреев.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

22) Нельзя ожидать, что евреи будут относиться к остальным людям лучше, чем они относятся к ним.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

23) Евреи являются самыми ничтожными представителями человеческого рода.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

24) Опасность евреев явно преувеличена.
Полностью согласен, согласен, не уверен, не согласен, полностью не согласен

Результаты выполнения таких тестов дают ответ на наш изначальный вопрос: является ли антисемитизм выражением общепринятого мнения или носит специфический характер? Так, вполне возможно, один человек будет думать, что евреи меркантильны, но он не согласится с тем, что у них много власти; другой скажет, что страна находится под их контролем, но что они не менее преданны стране, в которой живут, чем остальные граждане. Вполне логичным будет мнение, согласно которому слишком много евреев заняты на высокооплачиваемых должностях, но также и то, что в целом евреи — очень скромная нация; что у евреев слишком много власти и влияния в этой стране, но что им удалось встать на ноги после преследований из-за целого ряда качеств, достойных восхищения. Другими словами, надели люди евреев как отрицательными, так и положительными качествами, это было бы вполне логично, и следовательно, мы говорили бы тогда об антисемитизме не как об общепринятом мнении, а как о выражении специфических точек зрения.

На самом деле человек, придерживающийся какого-либо одного отрицательного мнения в отношении евреев, как правило, будет защищать и другие отрицательные мнения, даже если все они логически не совместимы. Так, один и тот же человек может думать, что евреи являются слишком изолированной группой, так как предпочитают общаться друг с другом и не женятся на нееврееях, и в то же время — что они слишком навязчивы и стараются всевозможными способами стать полноправными гражданами той страны, где они живут. В одном исследовании людям были предложены два вопросника, в одном из которых делался упор на изолированность евреев, и в частности на то, что они не пытаются адаптироваться в окружающем их обществе, что они не подпускают к себе людей другой веры и что их не интересуют другие группы и их обычаи; а во втором подчеркивалось, что евреи слишком навязчивы, что они пытаются стать частью чужой культуры, что без них сейчас не обходится ни одно мероприятие. Когда кажется, что евреи ничем не отличаются от остальных граждан, то, согласно второй точке зрения, считается, что они просто «подражают», чтобы скрыть свою еврейскую сущность. Когда они вступают в различные организации, то делают это ради престижа и для того, чтобы совать нос в чужие дела; они стремятся

на руководящие посты с целью полного контроля за страной; за их показной благотворительностью кроются эгоистичные мотивы; и наконец, так как у них нет собственной культуры, они пытаются перенять культуру той страны, в которой живут. Утверждения первого и второго вопросника явно противоречат друг другу, но большинство людей, которые согласны с первыми, согласны и со вторыми! Таким образом, можно говорить об общих чертах антисемитизма.

Следует также добавить, что антисемитизм имеет под собой эмоциональную, а не логическую основу, так как ему свойственны логические противоречия.

До сих пор мы обсуждали предрассудки, связанные с евреями. Но эти предрассудки, возможно, являются лишь одним из примеров более общей склонности к этноцентризму, то есть к мнению, что собственная нация и социальная группа лучше, чем остальные. Эта гипотеза кажется вполне оправданной, поскольку уже не раз подтверждался тот факт, что люди, придерживающиеся антисемитских взглядов, так же пренебрежительно относятся к неграм, ко всем людям с другим цветом кожи и ко всем нациям и этническим группам, к которым они сами не принадлежат; антисемиты также проповедуют превосходство мужчин над женщинами. Таким образом, прослеживается общая тенденция хвалить группу «мы», то есть ту группу, к которой принадлежит антисемит, и порицать группу «они».

Этот факт играет огромную роль, ибо показывает, что мы не можем обсуждать проблему антисемитизма отдельно от целого ряда других проблем. В каком-то смысле антисемитизм носит случайный характер: если не будет евреев, их место займут другие группы. Евреи в данном случае являются примером «чужой группы» и вызывают у антисемита негативное отношение не потому, что ведут себя неправильно, а потому, что у него сложился определенный стереотипный образ. Желая разобраться в причинах антисемитизма, мы должны пойти немного дальше и посмотреть, что же представляет собой этноцентризм в целом.

Однако даже этого недостаточно. Этноцентризм также не находится в изоляции. Он связан со множеством более общих представлений, мнений и отношеный. Самым важным комплексом мнений, непосредственно связанным с антисемитизмом и этно-

центризмом, является консерватизм. В одном исследовании, проводившемся в Великобритании, представителям консерваторов, либералов и социалистов одного возраста и пола были заданы следующие вопросы: «Считаете ли вы, что евреи такие же честные и сознательные члены общества, как и любая другая группа?» и «Считаете ли вы, что у евреев слишком много власти и влияния в этой стране?»

40 процентов консерваторов полагали, что евреи такие же честные и сознательные члены общества, как и любая другая группа, по сравнению с 58 процентами либералов и 67 процентами социалистов. Другими словами, консерваторы были явно настроены против евреев больше, чем либералы, а либералы относились к евреям хуже, чем социалисты. Во втором случае 68 процентов консерваторов были убеждены, что у евреев слишком много власти и влияния в этой стране, подобного же мнения придерживались только 58 процентов либералов и 39 процентов социалистов. Эти цифры, которые согласуются с данными других исследований как в Америке, так и в Англии, указывают на тесную взаимосвязь политических взглядов консерваторов и антисемитизма.

В рамках того же исследования был составлен целый список вопросов, которые помогли четко определить разницу между антисемитами и теми, кто не поддерживает их взгляды. Антисемиты убеждены, что люди с другим цветом кожи — это люди низшего порядка; что враждебность свойственна человеческой природе; что люди с серьезными наследственными заболеваниями и дефектами должны быть стерилизованы в принудительном порядке; что мы слишком мягко относимся к преступникам и должны наказывать их, а не стараться исправить; что тот, кто с ними не согласен, предает свою страну, и к нему надо относиться соответственно; что школьники не должны просвещаться в сексуальном плане; что нельзя допускать смешанных браков; что патриотизм в современном мире не является силой, противодействующей миру и согласию; что религиозное образование должно стать обязательным во всех школах; что принцип «сбережешь розгу — испортишь ребенка» является оправданным и именно им следует руководствоваться при воспитании детей; что умственные, организаторские и другие способности у женщин гораздо ниже, чем у мужчин; что смертная казнь не является варварством и ее ни в коем случае нельзя отменять; что японцы по своей природе жестоки и что через 25 лет начнется новая война. После анализа всех этих утверждений был сделан вывод, что антисемиты не только склонны к этноцентризму и консерватизму, но также патриотично настроены, религиозны, пренебрежительно относятся к женщинам, жестоки и агрессивны.

Независимые исследования в США подтверждают эти факты и добавляют к ним новые. Было обнаружено целых 9 категорий утверждений, непосредственно связанных с антисемитизмом.

Первая категория определена как «конвенционализм», или приверженность к условным ценностям среднего класса. Примером подобного отношения является утверждение: «Человек не должен делать вещи, которые другие люди считают неправильными, даже если он знает, что на самом деле это не так». Вторую категорию можно условно назвать «авторитарное подчинение», или покорное, пассивное отношение к идеализированным авторитетам своей группы. Примером подобного отношения является фраза: «Стране нужно меньше законов и различных учреждений и больше бесстрашных, неутомимых лидеров, в которых бы могли верить люди». Третья категория обозначена как «авторитарная агрессия», или тенденция к осуждению, неприятию и преследованию людей, которые нарушают конвенциональные законы. В качестве примера можно процитировать следующее: «Гомосексуализм является одной из самых отвратительных форм преступности и должен наказываться соответственно».

Четвертая категория утверждений связана с критикой в адрес субъективного, воображаемого, желаемого и называется «антиинтросепция». Интросепция (самопринятие) представляет собой технический термин, который обозначает «преобладание чувств, фантазий, размышлений, надежд — воображаемое, субъективное человеческое мировоззрение». Противоположностью является «экстрасепция» — «термин, который описывает тенденцию определять все посредством конкретных, четко наблюдаемых физических явлений (реальные объективные факты)». Примером будет являться следующее утверждение: «В школах и университетах слишком сильный упор делается на интеллекту-

альные и теоретические вопросы и слишком мало внимания уделяется практическим вопросам и простым истинам жизни».

Следующая категория названа «суеверность и стереотипность», то есть вера в мистические силы и стереотипный образ мышления. Примером является следующее предложение: «Хотя многие иронизируют по этому поводу, тем не менее астрология может многое объяснить».

Далее идет вера во «власть и напористость», то есть принятие таких схем, как доминирование — подчинение, слабый — сильный, лидер — последователь; преклонение перед властью; преувеличение значения силы и власти. Это отношение находит выражение в таком утверждении: «Слишком многие сегодня ведут неестественный, пассивный образ жизни, мы должны вернуться к нашим истокам, к более полнокровной, активной жизни».

Еще одна категория суммируется терминами «деструктивность и цинизм», которые означают общую враждебность и стремление очернить всех и вся. Примерами подобного отношения являются: «Независимо от того как ведут себя мужчины, на самом деле от женщин им нужно только одно» и «В самой человеческой природе заложено стремление извлекать из всего личную выгоду».

Последние две группы утверждений названы «проективность», под которой имеется в виду тенденция полагать, что в мире постоянно имеют место неуправляемые, опасные явления, и чрезмерное акцентирование внимания на сексуальной сфере жизни. Примерами этих двух тенденций являются: «Многие люди даже и не подозревают, до какой степени наша жизнь зависит от закулисных игр политиков» и «Сексуальные оргии в Древней Греции и Риме — невинные забавы по сравнению с тем, что происходит сегодня в этой стране».

Если эти различные мнения действительно более характерны для людей, придерживающихся антисемитских взглядов, то можно прогнозировать количество баллов человека по вопросникам, ориентированным на антисемитизм и этноцентризм, на основании его мнения по всем вышеперечисленным пунктам. Успешные исследования в Америке, Великобритании, а также в Европе показали, что это можно сделать с большой степенью точности.

Таким образом, создается впечатление, что антисемитизм и этноцентризм являются частью целого направления, которое вполне оправданно можно назвать проявлением фашизма или авторитаризма. Это направление связано с фашизмом, так как доказано, что фашисты придерживаются всех перечисленных взглядов. Термин «авторитаризм» умышленно используется для того чтобы обратить внимание на определенные черты этого комплекса мнений, которые являются очень важными с теоретической точки зрения. Но какой бы термин мы не использовали, ясно одно: в данном случае мы имеем дело с вопросом, который представляет фундаментальную важность для социальной психологии.

В одной из гипотез, которая может помочь нам выяснить природу всех этих мнений, социальная позиция связывается с типом личности. Несколько лет назад С. Краун показал, что эта гипотеза не лишена смысла. Он доказал, что люди, придерживающиеся антисемитских взглядов, как правило, являются более эмоционально неустойчивыми и чаще склонны к неврозам, чем люди, которые эти взгляды не поддерживают. Подобная взаимосвязь между предрассудками и эмоциональной нестабильностью была обнаружена как в рамках крупномасштабного исследования с помощью анкетирования населения, так и в ходе целого ряда частных экспериментов, во время которых с небольшими группами людей проводились психоаналитические собеседования.

Однако эмоциональная нестабильность не может являться единственной причиной формирования авторитарной личности и целого комплекса профашистских, этноцентрических позиций. Следовательно, необходимы и другие гипотезы, а также попытки их обоснования с помощью непосредственного наблюдения за людьми с низкими и высокими баллами по тестам на авторитаризм. Подобная работа была проделана одной исследовательской группой в Америке и ее результаты действительно пролили свет на структуру «авторитарной личности». Далее читатель может ознакомиться с коротким отчетом о результатах исследования.

Процедура, которую использовали психологи, была очень простой. Они выбрали людей, набравших максимальное количество баллов по тестам, которые аналогичны приведенным нами

выше, и сравнили их с людьми, набравшими по этим же тестам минимальное количество баллов. Сравнение происходило посредством собеседований, анкетирования и психологического тестирования, и в целом все эти различные методы практически привели к одним и тем же результатам. Мы обсудим конечный итог эксперимента с помощью серии заголовков, которые суммируют основные моменты.

Во-первых, было обнаружено, что между людьми, набравшими максимум и минимум баллов, существует разница, эквивалентная контрасту между *подавлением* и *осознанием*. В ходе исследования было сделано очень важное открытие относительно того, что непредубежденный человек прекрасно осознает и готов признать свои недостатки и негативные побуждения, а человек, склонный к предрассудкам, напротив, отрицает их, старается о них не думать, и таким образом они не могут успешно «сосуществовать» с другими качествами его личности. Следовательно, предубежденный человек подавляет в себе нежелательные мысли и качества, тогда как непредубежденный осознает их и принимает как часть самого себя. Предубежденный человек, как правило, склонен подавлять в себе страх, слабость, пассивность, сексуальные желания и агрессию по отношению к авторитетным личностям и в особенности к родителям.

Подобная тенденция к подавлению своих чувств приводит ко второй группе качеств, по которым люди, набравшие много баллов, отличаются от тех, кто набрал их гораздо меньше, то есть к тенденции *экстернализировать* в противоположность тенденции *интернализировать*. Предубежденный человек использует механизм, который был впервые описан Фрейдом и позже поставлен на экспериментальную основу — механизм переноса. Прослеживается тенденция переноса на других людей личных качеств, которыми обладает сам человек, но в которых он никогда себе не признается. Так, если человек скуп, но не признает этого, то он, как правило, будет по поводу и без повода приписывать данное качество другим людям. Таким образом, черты, которые подавляет в себе предубежденный человек, переносятся им на других людей, и его собственная слабость и беспомощность приводит к тому, что он постоянно осуждает слабоволие и слабохарактерность.

Еще один аспект экстернализации заключается в том, что человек избегает самонаблюдения и анализа своих поступков и мыслей, таким образом сужая рамки собственного сознания. Не менее важный момент состоит в том, что предубежденный человек направляет всю свою энергию либо на подавление собственных чувств, либо на стремление добиться каких-то материальных благ и высокого положения, и поэтому у него уже не остается сил на межличностные контакты или на то, чтобы насладиться результатами проделанной работы. «Нехватка энергии для межличностных отношений может проявляться либо в довольно сдержанном, конвенциональном и в то же время зависимом отношении к людям, которое свойственно более консервативной подгруппе, набравшей много баллов, либо в безжалостном, властном отношении, которое характеризует более агрессивную подгруппу». Предубежденные люди также, как правило, не придают большого значения таким понятиям, как любовь и дружба и не находят удовольствия в таких пассивных занятиях, как музыка и искусство. Вместо этих интернализированных радостей для них характерна склонность к активному образу жизни, а также стремление к материальной выгоде.

С другой стороны, непредубежденный человек, осознавая свои негативные качества, не экстернализирует их посредством переноса, а интегрирует в свою личность. Как правило, он ориентирован на реальные достижения, на интеллектуальные или эстетические цели, а также на социально полезные ценности. «Его больший потенциал к поддержанию интенсивных межличностных контактов дополняется большей степенью самодостаточности. Он пытается добиться внутренней гармонии и гармонии с окружающим миром, в то время как предубежденный человек концентрирует свои усилия на адаптации к внешнему миру и пытается добиться в нем власти и признания. В результате большей степени интернализации для человека, набравшего мало баллов, характерен более творческий и созидательный подход как в когнитивной, так и в эмоциональной сфере по сравнению с более ограниченным, конвенциональным и стереотипным подходом человека, набравшего много баллов».

Нехватка внутренней фокусировки у предубежденного человека приводит к следующему различию: «*конвенционализм*

против *искренности*». «Было обнаружено, что одной из самых характерных черт обеих подгрупп, набравших максимальное количество баллов, является принятие условных ценностей и установок. Как правило, этим людям постоянно необходима поддержка извне, либо со стороны властей, либо со стороны общества, для того чтобы утвердиться в своей точке зрения». Подобное следование и подчинение внешним ценностям, свойственное сильно предубежденной личности, четко прослеживается в ее отношении к родителям, которое носит ярко выраженный стереотипный характер, так как считается, что человек должен только восхищаться своими родителями и ни в коем случае не критиковать их. В ходе собеседований выяснилось, что многие люди, набравшие максимальное количество баллов, в глубине души относятся к своим родителям враждебно, но постоянно подавляют это чувство, и в результате им не удается установить с ними по-настоящему теплых отношений. С другой стороны, большая искренность непредубежденного человека выражается в его понятиях о равноправии в отношениях родитель — ребенок, в результате которого он может открыто критиковать своих родителей и в то же время поддерживать с ними отношения, полные любви и взаимопонимания.

Распределение мужских и женских ролей также выявляет подобную разницу. Мужчина, набравший максимальное количество баллов, придерживается конвенциональных взглядов; он полагает, что сам активен, энергичен, независим и предприимчив. Женщине отводится роль покорной и пассивной спутницы жизни. Как правило, в его отношениях с девушками отсутствует эмоциональная увлеченность, а от своей жены он требует обычного набора качеств хорошей домохозяйки. «В целом секс для него — это средство повышения собственного статуса, будь то его статус как мужчины, измеряемый количеством покоренных сердец, или его социальный статус, который можно приобрести, выбрав себе в жены нужную девушку. С другой стороны, непредубежденный мужчина в своих отношениях с противоположным полом прежде всего ищет понимания, дружбы и любви. Точно так же непредубежденная женщина ищет себе мужчину, который был бы по отношению к ней равноправным партнером, отвечающим взаимностью на ее чувства, в то время как предубежденная женщина пытается соответствовать стереотипному женскому образу, который подразумевает преклонение перед мужем, хотя в глубине души относится к нему враждебно».

Подобные различия в эмоциональном плане подводят нас к следующему разграничению, которое для удобства мы можем назвать «*власть — ориентация на любовь*». С конвенционализмом связано преклонение перед властью и стремление к ней, которое весьма характерно для людей, набравших много баллов. «Неумение поддерживать теплые искренние отношения с другими людьми, а также концепция враждебного окружающего мира, возможно, приводят к тому, что предубежденные люди стремятся к власти любыми способами... В данном случае мы имеем дело с тенденцией, которую можно охарактеризовать как «чрезмерный реализм» и которая выражается в том, что человек использует всех и вся для достижения собственных целей». Предубежденные мужчины часто считают подобный безжалостный оппортунизм неотъемлемым атрибутом мужественности.

С другой стороны, в отношениях непредубежденного человека с другими людьми любовь и дружба занимают важное место. Причем эмоциональная вовлеченность имеет место не только в контактах с окружающим миром, но и в работе. «Хотя человек, набравший минимальное количество баллов, тоже стремится к признанию, он редко рассматривает свою работу лишь как средство достижения цели; как правило, она становится для него источником радости и удовольствия либо свидетельством его полезности обществу... Интерес к искусству, музыке, литературе и философии более характерен для непредубежденных людей. Можно сказать, что этот интерес делает их личность более полноценной и самодостаточной в отличие от личности предубежденных людей, которые стремятся к власти и высокому положению в обществе».

Последнюю группу качеств, различающих два типа людей, можно условно обозначить как «*ригидность* против *пластичности*».

Дело в том, что для сознательного подавления в себе негативных мыслей и импульсов нужны жесткие механизмы защиты. Если эту защиту ослабить, то в определенный момент наружу могут вырваться все подавляемые импульсы, которые вследствие их постоянного вытеснения из сознания стали еще сильнее. «Ос-

лабленное таким образом «я» может полностью оказаться во власти подавляемых сил. Для того чтобы этого не произошло, необходимо постоянное ужесточение механизмов защиты. В результате получается замкнутый круг, и в действительности подавляемые импульсы в любой момент могут привести к непредсказуемым последствиям». Человек затрачивает огромное количество энергии на подавление своих инстинктивных порывов. Этот процесс наряду с практикой переноса, экстернализацией и нехваткой внутренней силы и индивидуальности устанавливает временный хрупкий баланс, для поддержания которого необходима прочная, жесткая, простая и стереотипная когнитивная структура, в которой нет места сомнениям. «Таким образом, тенденция мыслить предвзятыми и зачастую стереотипными категориями является одной из главных черт людей, набравших максимальное количество баллов по тестам на этноцентризм... людям с минимальным количеством баллов свойственна гибкость как в эмоциональной, так и в когнитивной сфере; эта гибкость также находит отражение в их нежелании иметь дело с «категоричными» понятиями, в их стремлении понять всю сложность человеческих взаимоотношений, а также в их заинтересованности такими науками, как психология и социология, которые эти отношения изучают».

В попытке охарактеризовать этноцентричную, предубежденную, авторитарную личность я придерживался психоаналитической терминологии, которую использовали авторы, хотя часто подобная терминология трудна для понимания. Но тем не менее очень важно хотя бы попытаться понять, что же в данном случае имеется в виду, так как перечисленные результаты просто поражают своей убедительностью и создают четкий образ, во многих отношениях похожий на образы этого типа личности, нарисованные другими психологами в рамках различных исследований.

Однако прежде чем сделать какие-либо общие выводы, необходимо сначала обратить внимание на несколько важных моментов.

Во-первых, приведенные мной результаты всего лишь указывают на то, что определенные тенденции имеют место. Не у всех предубежденных людей будет в наличии перечисленный набор качеств, точно так же как не у всех непредубежденных людей будет противоположный набор качеств. Таким образом, личность может быть склонна к предрассудкам, но вовсе не обязательно, что она будет полностью в их власти. Во-вторых, речь шла лишь о *крайне* предубежденных и *крайне* непредубежденных людях; то, что верно по отношению к ним, не обязательно будет верно по отношению к *слегка* предубежденным людям и *относительно* непредубежденным.

Многие люди как попугаи повторяют антисемитские и этноцентристские слоганы просто потому, что они никогда не задумывались о сущности самого вопроса, или потому, что они настолько глупы, что вообще не понимают, о чем говорят, и в данном случае нет никакой необходимости в объяснении подобного поведения с помощью теории структуры личности. Вероятно, большинство антисемитов можно отнести именно к этой категории. Однако нельзя забывать о том, что именно фанатично настроенное меньшинство представляет большую опасность, чем масса, делающая то, что ей скажут. В данном случае описанная нами структура личности имеет четко выраженный характер.

В-третьих, многие исследователи связывали авторитарную личность прежде всего с фашизмом и антисемитизмом; факты говорят о том, что коммунисты в некоторых отношениях не отличаются от фашистов. Власть народа в коммунистической системе является чисто теоретической, равно как и власть среднего класса в нацистском государстве. В данном случае козлами отпущения являются не евреи, а капиталисты.

Обсуждая психологию антисемитизма, мы в основном имели дело с *консервативной* «авторитарной личностью», поэтому было бы неверным заключить, что подобные черты не свойственны левому концу политического спектра.

Кроме того, некоторые критики обращают внимание, что исследования такого рода имеют дело с вербальными утверждениями, а не с реальными поступками, и что часто человек говорит одно, а делает другое. Подобная вера в то, что «поступки говорят громче любых слов» и что, следовательно, ключ к человеческой природе можно найти только посредством наблюдения за его поведением, является настолько распространенной, что необходимо сказать по этому поводу несколько слов.

Вполне возможно, что человек будет скрывать свое истинное отношение, высказывая мнения, с которыми он на самом деле не

согласен. Однако поведение человека также может быть обманчивым. То, что человек регулярно ходит в церковь, вовсе не значит, что он является глубоко религиозным человеком, он может ходить туда, чтобы произвести впечатление на других, чтобы не выделяться из толпы или чтобы установить полезные связи. Человек может вывесить на своем окне плакат с призывом голосовать за консерваторов не потому, что он придерживается консервативных взглядов, а поскольку он боится слухов о том, будто симпатизирует социалистам. Человек, не поддерживающий антисемитские взгляды, может участвовать в погромах, чтобы его самого не раскрыли. Вербальные утверждения не всегда являются точным индикатором социальной позиции, но и действия также могут создать ложное впечатление. В любом случае необходимы объективные доказательства того, являются ли вербальные утверждения или поступки действительным отображением установки.

Это можно сделать различными способами. Одним из самых впечатляющих является метод дублирования. Если одни и те же результаты будут повторяться снова и снова по отношению к различным социальным и этническим группам, то маловероятно, что подобное практически абсолютное сходство можно объяснить присутствием заведомо ложных утверждений. Так, различные исследователи сообщали о результатах, практически полностью идентичных тем, которые мы привели в данной главе, и следовательно, это дает основания верить в правильность и точность нарисованной нами картины.

Немаловажен также тот факт, что эти гипотезы можно обосновать экспериментальным способом. В качестве примера давайте возьмем конкретный случай. Мы обнаружили, что предубежденный человек более ригиден, чем непредубежденный. Это предположение можно проверить в рамках экспериментального теста, если мы определим, как можно измерить степень ригидности, и применим разработанный нами метод по отношению к людям, набравшим максимальное и минимальное количество баллов соответственно по шкале «этноцентризм — авторитаризм». Существует известный тест умственных способностей, в котором субъекта просят отмерить определенное количество галлонов воды из большого контейнера. Для того чтобы он мог сделать это, ему дают три небольшие емкости, ни одна из которых не соответствует необходимому объему воды, поэтому для того чтобы правильно выполнить задание, он должен переливать воду из одной емкости в другую до тех пор, пока не получит требуемое количество.

Тест на ригидность состоит из серии похожих задач. Первые восемь можно решить, выполняя движения в одной и той же последовательности; они устанавливают образец, которому «ригидный» человек будет следовать и в следующих двух задачах, поддающихся решению таким же способом, как предыдущие, но для которого можно найти и более простой способ решения. Естественно, предполагается, что неригидный человек найдет более простое решение, так как образец, установленный первыми восемью задачами, не укоренился прочно в его сознании. Одиннадцатую задачу вообще нельзя решить первоначальным способом, а следующие две снова можно решить по установленному образцу и более просто. Результаты по тесту на ригидность определяются количеством случаев отклонения субъекта от первоначальной модели при решении последних пяти задач. Согласно гипотезе, тестирование должно показать высокую степень ригидности у людей, которые придерживаются этноцентристских и антисемитских взглядов, и тщательно разработанный эксперимент подтверждает, что именно так и происходит.

В целом эти многочисленные доказательства представляют собой нити одного клубка: порой спутанные, они тем не менее помогают нам в принятии решений по борьбе с антисемитизмом. Правда, эти решения уже лежат далеко за пределами психологии, и поэтому мы воздержимся от обсуждения их.

Общественное мнение и опросы института Гэллопа

Как для демократических стран, так и для стран с диктаторским режимом старое изречение *vox populi, vox Dei* (глас народа — глас Божий) актуально как никогда. Если диктатор, как в свое время делал Муссолини, будет проводить политику, про-

тив которой настроено большинство его граждан, то это неминуемо приведет к катастрофе; то же самое произойдет, если политический деятель в демократическом государстве будет принимать решения, не согласующиеся с интересами людей, которые придут голосовать на выборы. Неудивительно, что с древних времен политики, военачальники и государственные деятели пытались узнать мнение тех, от кого в конечном итоге зависела их судьба. Однако не следует полагать, что эти попытки предпринимались, чтобы с учетом общественного мнения изменить политику. Чаще всего политические лидеры пытались определить, нужна ли дальнейшая пропаганда для привлечения избирателей на свою сторону. Когда лидер понимает, что народ не поддержит определенное решение — вроде запрета на деятельность коммунистической партии, наложенного Гитлером, — то он может принять определенные меры, например, приказать поджечь Рейхстаг, в результате чего общественное мнение изменится до такой степени, что он сможет привести в исполнение первоначальный план.

Таким образом, какими бы ни были причины интереса к общественному мнению, само желание узнать его является широко распространенным и сильным. В каком-то смысле такие демократические механизмы, как выборы, референдумы и т.д. основаны на предположении, согласно которому общественному мнению можно дать реальную оценку, и до последнего времени в нашем распоряжении не было лучших методов, разве что в качестве альтернативы мы могли довериться интуиции и субъективным оценкам так называемых экспертов. Очевидно, что выбор, сделанный в избирательном бюллетене, будет весьма неточным, так как в любом случае голос будет отдан партии, которая придерживается не какого-то одного, а множества взглядов по поводу множества вопросов. Так, избиратель будет согласен с консерваторами по поводу реформирования системы налогообложения, с либералами — по поводу «каждому по способностям», с лейбористами — по поводу национализации экономики. В его окончательном выборе эти предпочтения представлены не будут, и за какую бы партию он ни проголосовал, он обязательно сделает это против предложений, которые в действительности поддерживает.

Необходимость в более точных сведениях по отдельным вопросам и в более полной картине мнений «человека с улицы», чем та, которую можно получить, понаблюдав за пришедшей послушать избирательную речь того или иного кандидата толпой, а также взгляды, которыми избиратели делятся в беседах с кандидатами и представителями политических партий, письма, получаемые политическими журналами, и т.д. — все это привело к развитию так называемых «технологий опроса общественного мнения». Они возникли на основе первых неофициальных опросов, которые в начале века проводились американскими газетами и представители которых останавливали людей на улице, пытаясь узнать их избирательные предпочтения. Формированию современных методов опроса общественного мнения также поспособствовала «практика собирания голосов» посредством почты, которую впервые около ста лет назад применили некоторые сельскохозяйственные журналы и которая затем была перенята Министерством сельского хозяйства США, первоначально для сбора сведений о ходе уборки урожая, а затем для выяснения отношения к различным вопросам. Самым известным примером подобной работы является серия опросов, проводившихся «Литературным дайджестом», которому за период с 1920 по 1930 год удалось связаться с миллионами американских граждан посредством почтовых бюллетеней. Эти опросы были не только связаны с избирательными предпочтениями, они затрагивали и такие вопросы, как запрет на торговлю и употребление спиртных напитков, а также некоторые аспекты внешней политики.

Иногда эти первые попытки предугадать исход выборов и узнать общественное мнение по различным вопросам были на удивление удачными — так, в 1932 году «Литературный дайджест» предсказал количество голосов, отданных за Рузвельта, с точностью до 99 процентов. Однако подобная удача была редким исключением, и в большинстве случаев прогнозы оказывались крайне неточными. Именно неудовлетворенность этой неточностью привела к развитию современной системы опроса в целях выяснения общественного мнения, родоначальником которой часто называют Гэллопа.

В некотором смысле проблемы, с которыми сталкивается человек, желающий узнать общественное мнение, сравнительно

просты. В принципе, все, что ему надо сделать — так это непосредственно пойти и расспросить людей. Именно так и поступил бы обычный человек, и именно так, но с помощью усовершенствованных методов, поступают люди, занимающиеся этим профессионально. Но в связи с этим возникают три проблемы, которые нуждаются в детальном рассмотрении и заключаются в следующем: во-первых, кого спрашивать, или проблема *выборки*; во-вторых, что спрашивать, или проблема *интервьюирования*; и в-третьих, какие выводы сделать из полученных результатов, или проблема *интерпретации*.

Давайте сначала рассмотрим проблему выборки. Нам необходимо узнать мнение определенной группы людей, например, всех совершеннолетних жителей Британских островов. Группа будет слишком большой, поэтому опросить всех ее членов невозможно. К счастью, можно дать точную оценку мнениям всей группы, расспросив относительно небольшую ее выборку. Но опрашивая только небольшую часть группы, мы должны удостовериться, что она будет являться *репрезентативной,* то есть что мужчины и женщины, молодежь и старики, северяне и южане, представители рабочего и представители среднего класса, городские и сельские жители будут представлены в этой выборке в тех же пропорциях, что и в населении в целом. Совершенно очевидно, что если мнения мужчин и женщин по конкретному вопросу расходятся, то, включив в нашу выборку только мужчин, мы получим совершенно неверное представление о мнении всей интересующей нас группы. Наша выборка может быть случайной, когда у каждого человека из группы будут равноценные шансы попасть в нее, или стратифицированной, когда особое внимание уделяется тому, чтобы люди отбирались в заранее определенных пропорциях.

Но в любом случае, прежде чем делать какие-либо заключения, необходимо проверить, действительно ли выборка является репрезентативной.

Хорошим примером того, что происходит, если это требование не соблюдается, являются результаты опроса общественного мнения, который в 1936 году проводил «Литературный дайджест». При помощи отправлявшихся почтой бюллетеней «Дайджест» получил два миллиона ответов, но в своих прогнозах по поводу количества голосов в пользу Рузвельта он ошибся на 19 процентов. Эта ошибка была настолько серьезной, что результаты опроса признали недействительными. Если вспомнить, что в 1932 году, всего лишь на четыре года раньше, прогнозы «Дайджеста» оказались точными на 99 процентов, то возникает вопрос: что же могло произойти за эти четыре года? Ответ относительно прост. Почтовый бюллетень «Литературного дайджеста» был рассчитан на средний класс, на людей, читавших журналы подобного типа, на владельцев телефонов и машин, чьи взгляды в целом можно было охарактеризовать как консервативные. Таким образом, выборка была деформированной, а не репрезентативной. В 1932 году все было по-другому, так как в то время различия между двумя главными политическими партиями США — демократами и республиканцами — не были связаны с консерватизмом и либерализмом соответственно. Обе партии были в равной степени консервативными, поэтому в процентном отношении раскол мнений в группе среднего класса, опрашивавшейся «Дайджестом», не отличался от раскола мнений среди всего населения в целом, и благодаря этому точный прогноз оказался возможным. Рузвельт несколько изменил политическую картину, как следствие партия демократов стала более либеральной, и ее начал поддерживать рабочий класс, а республиканская партия стала более консервативной, и в ее поддержку выступил средний класс. В 1936 году разделение между партиями стало отчасти и разделением между классами, и так как «Литературный дайджест» опрашивал только представителей среднего класса, то в результате сложилось впечатление, что народ поддерживал республиканского кандидата Лэндона, хотя на самом деле это было не так.

В том же году, когда «Литературный дайджест» не смог предсказать успех Рузвельта на выборах, несмотря на то что в целом было опрошено два миллиона людей, Гэллоп при помощи гораздо меньшей выборки в 3000 человек смог сделать гораздо более точную оценку общественного мнения и предсказал этот успех. Это показало, что в данном случае важен не *размер*, а *состав* выборки, так как выборка Гэллопа действительно являлась репрезентативной. Практические доказательства Гэллопа, показавшие превосходство репрезентативной выборки над неконтроли-

руемыми процедурами, проводившимися ранее, еще раз указывают на то, что статистическими методами нельзя пренебрегать. Однако следует отметить, что необходимость эффективной выборки выдвигалась на чисто теоретической и статистической основе задолго до того, как провал опроса общественного мнения «Дайджеста» подтвердил правомерность этого требования. В действительности теория отбора выборки разработана математиками до мельчайших деталей, и если известен размер выборки, то вероятность ошибки при прогнозировании можно определить с помощью простых математических формул.

Как же происходит отбор? Существует два главных метода, известные как «отбор выборки по группам» и «отбор региональной выборки». В первом случае, который практикуется большинством учреждений, занимающихся опросом общественного мнения, интервьюерам указывают на определенное количество людей с определенными характеристиками, которых он должен проинтервьюировать. Например, его могут попросить взять интервью у трех мужчин старше пятидесяти лет, у пяти женщин моложе тридцати лет и т.д. Несмотря на то что этот метод широко применяется в силу своей простоты и дешевизны, он имеет свои отрицательные стороны. В данном случае интервьюер должен оценивать такие переменные, как возраст, социальный класс и т.д., то есть то, что не всегда можно точно и правильно измерить. Он, естественно, может спросить у интервьюируемого человека, сколько ему лет, к какому социальному классу он принадлежит, но ответы на первый вопрос будут не всегда точными, если на него начнет отвечать женщина, а ответы на второй вопрос будут неверными, если на них станет отвечать мужчина, который часто преувеличивает свое социальное положение! Возможной подтасовки результатов и обмана со стороны интервьюера, когда последний сам отвечает на необходимые вопросы или опрашивает не тех людей, которых нужно, можно избежать при правильной подготовке кадров, с помощью соответствующей оплаты, а также с помощью тщательного отбора интервьюеров с учетом их личностных характеристик. Но в любом случае для отбора выборки по группам характерны постоянные ошибки в последующих прогнозах, которые являются неприемлемыми с точки зрения статистики. Возможно, это бы не имело такого значения, будь оно случайностью, но, к сожалению, присутствует устойчивое отклонение наблюдаемой величины от нормы, обусловленное ошибкой интервьюеров. Во всех странах, где существуют организации по опросу общественного мнения, это отклонение заключается в том, что голоса за кандидатов от консервативной партии и среднего класса переоцениваются, а голоса, отданные за кандидатов от социалистической партии и рабочего класса, недооцениваются. Так, в США постоянно недооцениваются голоса, отданные демократической партии, — тенденция особенно резко проявилась в 1948 году, когда президентом стал Трумэн, несмотря на то что результаты опроса общественного мнения по стране говорили об обратном.

В среднем процент ошибок в рейтингах, сделанных на основе опросов общественного мнения, составляет около 3%. Эта цифра зависит от конкретного типа избирательной системы в стране и является, на удивление, довольно стабильной во всех странах. Учитывая, что средний процент ошибок весьма низок, можно предположить, что результаты опросов являются относительно точными, но в данном случае важно не переоценить их эффективность. Эффективность методов прогнозирования часто проверяется посредством их сравнения с результатами какого-нибудь простого метода, одним из которых является прогнозирование исхода выборов на основе итогов предыдущих выборов. Если опросы общественного мнения действительно являются полезными, то вполне разумно предположить, что прогноз, сделанный с их помощью, будет намного точнее. В Америке за период, во время которого подобные сравнения были возможны (1936—1948 гг.), выяснилось, что простой старый метод практически не уступал по точности опросам общественного мнения. Возможно, это объясняется тем, что для данного периода не были характерны резкие политические изменения, а в Англии сравнение оказалось более выгодным для опросов общественного мнения. Однако очевидно, что отбор выборки может и должен быть более точным, чем является на сегодняшний день, даже если это потребует больших денежных затрат.

Одним из методов, который может обеспечить более точный отбор, является так называемый региональный метод. Он заключается в том, что вся площадь, на которой проживают люди,

делится на районы, в свою очередь поделенные на отдельные жилые единицы. В процессе случайного отбора выбираются определенные жилые единицы, затем из каждой из них выбираются определенные люди, там проживающие. Таким образом, выбор уже не зависит от интервьюера. Этот метод подразумевает случайную выборку и поэтому превосходит метод отбора выборки по группам. Интервьюеры ездят по определенным адресам, для того чтобы опросить конкретных жильцов, и если последних нет дома, то им приходится ездить к ним до тех пор, пока они не встретятся с ними. Замены в данном случае не разрешаются по той простой причине, что люди, которые часто бывают дома, во многих отношениях отличаются от тех, кто бывает там крайне редко. В одном из исследований была сделана попытка узнать количество людей, которые из-за дефицита продуктов во время войны вскапывали возле дома собственные огороды. Оказалось, что процент этих людей среди тех, кто был дома, когда к ним в первый раз пришел интервьюер, был выше, чем среди тех, кого в тот момент дома не было и с кем удалось встретиться нескоро. На самом деле, чем дольше интервьюер не мог встретиться с определенными людьми, тем ниже среди них был процент «копателей огородов»!

Правительственные учреждения как в США, так и в Англии широко применяют региональную выборку, поскольку они часто принимают решения на основе полученной информации, и именно поэтому им необходимы максимально точные сведения.

Когда отбор сделан, возникает проблема в связи с вопросами, которые необходимо задать, и в связи с тем, как предотвратить искажение полученных результатов. Первая проблема заключается в том, как сформулировать вопрос так, чтобы даже человек с низкими умственными способностями или без образования смог его понять.

Несмотря на то что проблема кажется довольно простой, на самом деле она очень сложна и трудна. На следующем примере мы покажем, что даже эксперты в области опросов общественного мнения могут с ней не справиться. Одно из правительственных учреждений Америки проводило опрос среди негритянского населения южных штатов о его отношении ко введению налогов на прибыль и к своему ужасу обнаружило, что интервьюируемые выступали против этой меры. Поскольку обычно более бедные группы приветствуют налогообложение прибыли, в Вашингтоне был назначен специальный человек, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. Побеседовав с людьми, этот чиновник отправил в Вашингтон короткую депешу, в которой сообщал, что негры не нашли в Библии подтверждения тому, что пророков следует облагать налогами![1] Эта реальная история показывает, как важно правильно сформулировать вопрос. Решение данной проблемы состоит в проведении так называемого «предварительного тестирования», которое заключается в том, что небольшой выборке населения задается целый ряд вопросов, считающихся адекватными и понятными, чтобы выяснить, действительно ли они являются таковыми. Если предварительное тестирование дает отрицательные результаты, то вопросы пересматриваются и формулируются по-другому.

Однако недостаточно, чтобы вопрос был понятным тому, кому его задают. Важно также, чтобы вопрос касался тем, событий и явлений, о которых интервьюируемый имеет более или менее четкое представление. Вскоре после окончания войны одно из учреждений по опросу общественного мнения задало вопрос: «Считаете ли вы, что королю Греции Георгу нужно разрешить вернуться в свою страну?», и в результате оказалось, что 60 процентов опрошенных людей ответили на него «Да». На основе этих данных было сделано заключение, согласно которому большинство англичан занимало сторону консерваторов в борьбе за власть, которая в то время проходила в Греции. В рамках еще одного исследования, на этот раз независимого, которое проводилось примерно в это же время, был задан несколько иной вопрос, а именно: «Вы когда-нибудь слышали о короле Греции Георге?». В результате оказалось, что лишь некоторые из опрошенных ответили на этот вопрос утвердительно. Следовательно, высокий процент ответивших «Да» на первый вопрос является отражением широко распространенной тенденции говорить: «Если этот парень — король Греции, то почему бы ему действительно туда не вернуться?», а не свидетельством политических предпочтений.

[1] В английском языке слова «прибыль» и «пророк» звучат одинаково. — *Прим. ред.*

Но даже если вопрос сформулирован правильно и имеет отношение к знакомым интервьюируемому явлениям, существует еще несколько моментов, которые надо иметь в виду. Одним из них является влияние контекста. До вступления Америки в войну по поводу того, следует ли разрешить американским гражданам вступать в английскую или немецкую армии, опрашивались две выборки американцев. Первой сначала был задан вопрос относительно английской армии, а потом относительно немецкой; 45 процентов ответили «Да» на первый вопрос и 31 процент ответил «Да» на второй вопрос. Второй выборке вопрос о вступлении американцев в немецкую армию был задан первым, а о вступлении в английскую — после него; 40 процентов ответили «Да» в отношении англичан и 22 процента — в отношении немцев. Таким образом, на полученные результаты повлияло изменение очередности вопросов.

Объяснить данный феномен довольно просто. В целом американцы более благосклонно относились к англичанам и на вопрос о том, следует ли разрешить американским гражданам вступать в английскую армию, отвечали утвердительно. Когда им нужно было ответить на такой же вопрос, но относительно немецкой армии, то при ответе они руководствовались тем, что Америка занимает нейтральную позицию и поэтому также отвечали «Да», но делали это реже, поскольку не одобряли нацистские методы. С другой стороны, если вопрос «Следует ли разрешить американским гражданам вступать в немецкую армию?» задавался первым, то естественной реакцией многих американцев был отрицательный ответ, а когда этот же вопрос задавался по поводу английской армии, факт нейтральности США приводил к тому, что многие интервьюируемые отвечали на него так же, как и на первый вопрос по поводу немецкой армии.

Еще одним фактором, который влияет на ответы опрашиваемых людей, является явная или скрытая постановка альтернатив. На вопрос, заданный американцам в середине войны: «Не пора ли нам подумать о мире?», 81 процент опрошенных ответил «Да», но когда альтернатива выбора была явной: «Не пора ли нам сначала закончить войну, а затем подумать о мире?», только 41 процент согласился с последним утверждением. Можно изменить установки человека, задавая вопрос с явной постановкой альтернатив.

Третья проблема касается вопросов, на которые принято отвечать определенным образом, чтобы не ломать принятые установки и существующие на данный момент стереотипы. Когда задаются вопросы подобного рода, интервьюируемый может скрыть свое настоящее мнение и вместо этого даст ответ, который, на его взгляд, одобрило бы общество. Следующий эксперимент показал, что подобная тенденция действительно существует. Двум группам людей был задан вопрос «Считаете ли вы, что у евреев в этой стране слишком много власти и влияния?» Одна группа опрашивалась обычным способом: ответы записывал интервьюер. Каждому члену второй группы выдали по отдельному листку бумаги и попросили записать на нем свой ответ, сложить вчетверо и опустить в прорезь большого ящика, на котором большими красными буквами было написано «Секретно». Из тех, кто опрашивался обычным способом, 56 процентов проявили свои антисемитские взгляды; из тех, кто принимал участие в тайном голосовании, этот процент составил 66. Разница в 10 процентов слишком велика, чтобы ее можно было считать случайной; она указывает на то, что некоторые люди в обычной группе давали ответ, который, по их предположениям, должно было одобрить общество.

Подобная тенденция интервьюируемых давать ответы, которые, на их взгляд, совпадают с мнением самого интервьюера или общепринятым, иногда приобретает большое значение. В рамках одного эксперимента, проводившегося до вступления Америки в войну, задавался вопрос о помощи Англии. Перед опросом на него отвечали сами интервьюеры, а затем с их мнением сравнивались результаты проведенного ими опроса.

Интервьюеры, считавшие помощь Англии необходимой, обнаружили, что 60 процентов опрошенных ими людей также придерживались этой точки зрения, а 40 процентов были против. Интервьюеры, которые не одобряли эту идею, обнаружили, что помочь Англии хотели 44 процента опрошенных, а 56 процентов были против. Таким образом, в результатах опроса присутствует некоторая доля предубежденности, хотя интервьюеров, естественно, предупреждают, что они всячески должны скрывать свое мнение.

Однако на практике сделать это довольно сложно, а иногда даже невозможно. Акцент, уровень образования и принадлежность к определенному классу интервьюера может в какой-то степени предопределить ответы опрашиваемых им людей. Так, группу американцев опрашивали по поводу их отношения к профсоюзному движению. Среди людей, принадлежащих к рабочему классу, которых опрашивал интервьюер из среднего класса, в поддержку этого движения высказался 41 процент; когда людей опрашивал интервьюер, принадлежащий к рабочему классу, процент составил 56. Очевидно, что интервьюируемые предполагали, будто интервьюеры из среднего класса будут против, а интервьюеры из рабочего класса — за профсоюзное движение.

Предубежденности очень трудно избежать; у учреждения, занимающегося опросом общественного мнения, в распоряжении есть несколько способов борьбы с ней. Одним из таких способов является так называемая техника «разделенного бюллетеня», которая заключается в том, что двум выборкам задаются вопросы, сформулированные разными словами. Если результаты опроса обеих выборок совпадают, то это считается доказательством того, что слова, из которых состоит вопрос, не несут предубежденности. Если результаты различаются, то необходимо повторное исследование, в рамках которого вопросы формулируются заново. Что касается предубежденности, связанной с личностью интервьюера, то сначала нужно узнать мнение последних по конкретной проблеме, а затем выяснить, насколько расходятся результаты проводимых ими опросов с разными точками зрения, и учесть эту разницу. Эти методы не всегда применяются учреждениями по опросу общественного мнения, считающими подобные исследования затратными, а иногда даже бесполезными.

Мы рассмотрели два момента: кого интервьюировать и как задавать вопросы. Теперь нам следует решить вопрос фундаментальной важности, который касается интерпретации полученных результатов. Некоторые данные, естественно, не нуждаются в интерпретации. Предвыборный рейтинг, согласно которому кандидат А наберет 60 процентов голосов, а кандидат Б — 40, не является важным с научной точки зрения и представляет интерес в основном для журналистов. Он просто сообщает нам, причем довольно приблизительно, то, что мы можем узнать точно на следующий день. Даже заявление о том, что эти рейтинги указывают на точность оценки общественного мнения, нельзя применить ко всем вопросам; вполне возможно, что опрос смог относительно точно определить избирательные намерения граждан, но не смог узнать их мнения по поводу легализации публичных домов или по вопросу существования Бога.

Проблемы интерпретации встают особенно остро, когда мы имеем дело с важными социальными проблемами, такими как процент людей с антисемитскими взглядами среди населения. В качестве примера давайте рассмотрим ответы на уже упоминавшийся ранее вопрос: «Считаете ли вы, что у евреев в этой стране слишком много власти и влияния?»

Известно, что 66 процентов населения отвечают на этот вопрос «Да». Можем ли мы из этого заключить, что 66 процентов населения придерживаются антисемитских взглядов? Естественно, ответ будет «Нет». Но задай мы совершенно другой вопрос, скажем, «Согласны ли вы, что евреи монополизируют все и вся и тем самым вредят англичанам?», то получили бы совершенно другой процент. В зависимости от каждого конкретного вопроса количество случаев антисемитизма будет варьировать от 3 до 80 процентов. Таким образом, с помощью данного метода нельзя сделать реальную оценку общественного мнения.

Учреждения по опросу общественного мнения, как правило, сообщают о результатах своей работы, представляя процент людей, ответивших «Да», «Нет» и «Не знаю» на каждый конкретный вопрос, и в связи с этим возникает еще одна проблема. Понять, почему это вызывает затруднения, поможет следующий пример.

Предположим, нам надо узнать средний рост населения. Мы могли бы сделать это, назначив группу исследователей, которые с помощью линеек одинаковой длины измерили бы рост репрезентативной выборки населения и сообщили, рост скольких людей из выборки больше длины линейки, равен ее длине или меньше длины линейки. В результате мы получили бы ответы, аналогичные тем, которые получают учреждения по оп-

росу общественного мнения: рост 70 процентов людей был больше длины линейки, рост 5 процентов равнялся длине линейки и рост 25 процентов был ниже ее длины. Эти цифры ничего не скажут нам о среднем росте, если мы не будем знать точную длину нашей линейки. Но выражение «длина линейки» подразумевает целую систему измерения, в рамках которой определяется длина, а если такая система измерений уже существует, то гораздо проще было бы измерить с ее помощью рост каждого человека из выборки и представить результаты в виде среднего количества дюймов.

До тех пор, пока мы не определим точную долю антисемитизма, которую содержит конкретное утверждение, знание процента согласных с ним людей практически ничего не скажет нам о степени распространенности этого явления. Нам нужно не какое-то конкретное заявление с процентами голосов «За», «Против», «Не знаю», а целая измерительная шкала, пример которой приводился в главе «Психология антисемитизма». В рамках этой шкалы утверждение средней степени антисемитизма будет соответствовать длине линейки в приведенном выше примере. Вне всякого сомнения, утверждения в рамках нашей измерительной шкалы будут труднее восприниматься публикой в целом, однако они будут представлять научную ценность, в отличие от тех процентных данных, которые приводятся сегодня учреждениями по опросу общественного мнения.

Все эти размышления в целом не касаются практической полезности опросов, но значительно преуменьшают их значимость с точки зрения социальной науки. Научный вклад опросов общественного мнения весьма невелик. На основе данных, полученных в ходе опросов, были сделаны определенные обобщения, которые кажутся важными: например, было обнаружено, что рабочий класс более склонен поддерживать решения в области внутренней политики, тогда как средний класс, как правило, поддерживает решения в области внешней политики. Но подобные обобщения крайне редки, и в большинстве случаев результаты представляют собой лишь констатацию определенных фактов, которая часто сводится к сообщениям о том, что с данным утверждением согласилось столько-то людей из выборки.

Факты являются своеобразным сырьем для науки, но их одних недостаточно. Вне системы теории или гипотезы, которую они могут подтвердить или опровергнуть, факты не играют особой роли. Таким образом, заключение, согласно которому опросы общественного мнения являются важными с научной точки зрения, поскольку с их помощью можно узнать достоверные факты, будет ошибочным. Если бы эти факты были интегрированы в общую систему или теорию, то представляли бы собой исключительную ценность для науки. Иногда их можно использовать для той или иной гипотезы, но мало кто из экспертов в области социальной психологии и социологии счел результаты этого полезными.

Таким образом, опросы общественного мнения и деятельность различных организаций, которые их проводят, мы можем оценивать только с практической точки зрения. Получить представление о той работе, которую проделывают подобные учреждения, читателю поможет несколько примеров, выбранных наугад из множества приведенных в литературных изданиях.

Первый пример касается британского правительственного учреждения «Сошиел Сервей», которое было основано во время войны и с тех пор занимается очень важной работой. В основном это сбор информации для различных министерств, стремящихся принимать решения с учетом фактических данных. В 1948 году возник вопрос относительно количества медалей, которые необходимо было отчеканить. В действительности примерно на 20 миллионов медалей при желании могли претендовать 7 миллионов человек. Вопрос заключался в том, сколько человек из этих 7 миллионов потребовало бы свои заслуженные медали, и в соответствии с этим задача «Сошиел Сервей» состояла в выяснении этого. По результатам опросов оказалось, что 35 процентов из людей, имевших право на получение медалей, заявили, что они их потребуют; в действительности 34 процента так и поступили. С учетом полученных данных правительство заказало гораздо меньшее количество медалей и сэкономило на этом сумму в пределах 100 000—150 000 фунтов стерлингов.

Второй пример касается опроса, связанного с использованием телефонных справочников. Всем абонентам телефонных

станций в Лондоне предоставлялись телефонные справочники как Лондона, так и его окрестностей, и правительство, желая сэкономить деньги и бумагу, задалось вопросом о целесообразности издания последних. Оно попросило «Сошиел Сервей» выяснить, как часто используются телефонные справочники окрестностей Лондона, для того чтобы рассмотреть возможность прекращения их выпуска без каких-либо неудобств для абонентов. Опрос показал, что от этих справочников действительно можно отказаться, и было принято соответствующее решение. Результаты оказались более чем обнадеживающими, так как удалось сэкономить несколько тысяч тонн бумаги и примерно 150 000 фунтов стерлингов. Примеры подобного рода можно приводить бесконечно, каждый из них указывает на возможность прогнозирования действий людей и изменения политических и социальных решений в соответствии с полученными результатами. Социальная политика, основанная на догадках и предположениях, является более затратной и менее эффективной, чем политика, основанная на знаниях, а учреждения, подобные «Сошиел Сервей», предлагают эти знания по минимальной цене. Исходя из всего вышесказанного напрашивается вывод, согласно которому сфера деятельности подобных учреждений должна стать шире, если мы действительно серьезно относимся к планированию, основанному на предоставляемой этими учреждениями информации. Если коммерческие организации тратят большие суммы денег на исследования рынка, то есть на попытки собрать информацию, которая поможет наиболее выгодно продать имеющийся у них товар, то уж в распоряжении правительства, чьи решения влияют на всю страну, тем более должна быть самая исчерпывающая информация.

Еще одним важным примером полезности изучения общественного мнения является следующий случай, на этот раз имеющий отношение к исследованию, которое проводилось специальным учреждением армии США. По окончании войны стала необходимой срочная демобилизация американских солдат и их возвращение домой. Верховное командование разработало систему, которая казалась солдатам настолько несправедливой и необъективной, что возникла реальная угроза военного мятежа. Для разрешения сложившейся ситуации психологов и социологов попросили разработать систему демобилизации с учетом мнений солдат. За короткое время опросили практически всех заинтересованных солдат, и вскоре эта система была разработана и представляла собой консенсус мнений тех, кого затрагивала. Она оказалась вполне надежной и быстро разрешила создавшийся конфликт, который мог не только отрицательно сказаться на внутренней политике Америки, но и на всей политической ситуации в мире.

Теперь подведем итог всему вышесказанному. Изучение общественного мнения действительно возможно, и при помощи подходящих методов отбора выборки и интервьюирования проводится оно с достаточно высокой степенью точности. Результаты, полученные при использовании этих методов в прошлом, показали огромную практическую ценность подобных исследований в контексте демократического планирования.

Не будет преувеличением сказать, что в своей способности смотреть далеко вперед указанные методы по отношению к политике являются тем же, чем глаза для человеческого организма. Вне всякого сомнения, в ближайшем будущем мы станем свидетелями бурного развития этих и похожих технологий, которые заменят предположения реальными знаниями, а догадки — статистикой.

Чрезмерная озабоченность практическими вопросами, однако, привела к тому, что люди, ответственные за новые технологии, пренебрегают научным использованием этих методов в рамках построения и подтверждения гипотез. Это плохой признак, так как развитие происходит гораздо быстрее, если теория и практика идут в ногу, поддерживая друг друга. В области изучения отношений мы пока наблюдаем лишь одностороннее движение: ученые-теоретики разработали методы, статистические формулы и технологии, которые используются учеными-практиками, но они ничего не получили взамен. Именно отсутствие двустороннего движения сделало социальную науку более академичной и отдаленной от реальности, чем она могла бы быть в противном случае, и именно оно с практической точки зрения помешало важным открытиям, которые могли бы быть сделаны в результате тесного сотрудничества. Бремя ответственности за недоста-

точную интеграцию теории и практики, конечно, отчасти лежит на тех, кто является сторонниками исключительно практического применения опросов общественного мнения, однако самую большую ответственность за это несут те люди и учреждения, из-за которых в Великобритании стали пренебрегать всей социальной наукой в целом. В этой стране нет соответствующего государственного департамента, который бы занимался вопросами развития и интеграции в столь важной области. Нам приходится полагаться почти исключительно на результаты экспериментов, проводящихся в Америке, где ученым удалось добиться гораздо большей интеграции практической и теоретической работы и где общество оказывает социальной науке гораздо большую поддержку.

Много говорится о том, что физическая наука развивается слишком быстро, и вскоре мы не сможем контролировать ее продукты, а также что мы должны усовершенствовать наши методы контроля над собой и окружающими нас людьми. Однако на самом деле политика нашего правительства и наших университетов говорит о том, что эти слова не являются искренними. Будь они таковыми, мы смогли бы в ближайшее время воспользоваться плодами работы департаментов социальной науки и стать свидетелями большей заинтересованности в результатах их исследований и как следствие улучшения качества последних. Без общественной поддержки социальная наука будет находиться в стадии застоя, и обвиняющие психологов или социологов в их неспособности предоставить немедленное решение всех насущных проблем должны понять, что ученый не может работать в вакууме, без поддержки извне, лишь благодаря которой он вообще существует и может делать свои открытия.

Психология и политика

Читатель наверняка понимает, что открытия в области психологии часто оказывают влияние на политические вопросы и разногласия. Иногда эта взаимосвязь является прямой, как, например, в случае с опросами общественного мнения, с помощью которых создаются предвыборные рейтинги (проигравший кандидат обвиняет людей, составлявших рейтинг, в предубежденности, а выигравший восхищается строгим соответствием научной беспристрастности). Однако гораздо более важным является влияние психологии на более фундаментальные области политического мышления и политических перипетий.

Политические партии, кроме того что они являются хищными группами, которые собираются вместе, чтобы поделить прибыль, имеют еще и свои убеждения и принципы, связанные определенным образом с человеческой природой, с принципами человеческой мотивации, со степенью изменяемости человеческой природы и методами, посредством которых людьми можно управлять и манипулировать. Очень часто эти убеждения носят скрытый, а не открыто выраженный характер: человек настолько уверен в их правильности, что считает их аксиомами, которые не нуждаются в обсуждении. Когда же они рассматриваются в свете беспристрастных научных фактов, политики реагируют на это крайне отрицательно, а иногда даже решительно выступают против. Лучше всего этот конфликт между наукой и политическим кредо можно показать на примере стран с диктаторским режимом. В нацистской Германии все факты, бросавшие хоть малейшую тень на превосходство «арийской расы» или, что еще хуже, на сам факт ее существования, уничтожались или фальсифицировались. Книги переписывались в соответствии с политическими доктринами, а независимых ученых, которые отказывались в этом участвовать, лишали жизни. Некоторые из событий тех лет трагичны, а некоторые — комичны. Один известный психолог, который, до того как Гитлер стал во главе страны, описывал тип «дегенерата» как человека с русыми волосами, быстро переменил свое мнение и сделал гениальное открытие, согласно которому у дегенерата на самом деле были темные волосы. У науки есть как свои герои, так и свои шуты; и те и другие играют не последнюю роль в конфликте между психологией и политикой.

СССР является еще одним примером конфликта между политическими догмами и научными фактами. Убежденность в том,

что все люди рождаются равными и могут бесконечно совершенствоваться, естественно, приводит к отрицанию важности наследственных факторов и ограничений. Если политической догме противопоставляются убедительные факты, то политик неизбежно будет их отрицать и ни в коем случае не пересмотрит свою догму. В стране с диктаторским режимом это отрицание распространяется не только на факты, но и на право существования самих ученых и их независимых исследований. В 1936 году указом ЦК КПСС был положен конец работе «тестологов», или «педологов», то есть русских психологов, которые использовали тестирование с целью выявления индивидуальных различий. В частности в резолюции сообщалось, что «ЦК КПСС считает так называемую «педологию» псевдонаучной и противоречащей марксистским принципам. Это противоречие несет в себе прежде всего главный «закон» современной педологии — «закон», согласно которому развитие ребенка зависит от биологических и социальных факторов и непосредственно связано с его наследственностью. Этот крайне реакционный «закон» полностью противоречит учению Маркса и практике социалистического строительства...

Подобная теория могла появиться только в результате того, что советские ученые потеряли бдительность и доверились взглядам и принципам антинаучной буржуазной педологии, целью которой является сохранение правящего класса. Для того чтобы добиться своей цели, педология пытается доказать, что особые таланты и способности, а также особые права от рождения оправдывают существование класса эксплуататоров и «высшей расы», а с другой стороны, утверждает, что рабочий класс, или «низшая раса», от природы является неполноценным как в физическом, так и в духовном плане».

Этот длинный аргумент подытоживался следующими резолюциями: 1. Следует немедленно прекратить всякий контакт педологов со школами и изъять всю педологическую учебную литературу. 2. Запретить педологию как специальный курс в педагогических университетах и техникумах. 3. Подвергнуть жесткой критике в прессе современные книги по педологии. 4. Тем педологам, которые откажутся от своих взглядов, рекомендовать работу педагогов.

Этот конфликт, который по своей сути ничем не отличался от громкого дела Лысенко, привел к краху русской психологии, все, что от нее осталось — это слаборазвитая физиология без собственных принципов и методов.

Интересно отметить, что сама резолюция признает то, что настоящие причины неприятия педологии заключались не в том, что были получены научные доказательства необъективности ее принципов, и не в том, что полученные результаты были необоснованными. Преступление педологов состояло лишь в том, что сделанные ими выводы «полностью противоречили марксизму и принципам строительства социализма». Взгляды и теории первых советских психологов считались неприемлемыми только исходя из существовавших политических догм, точно так же как 300 лет назад гелиоцентрическая теория Коперника и Галилея отрицалась исходя из религиозных соображений.

Однако неверным будет вывод, что раз психология находится в постоянном конфликте с крайне левыми силами, то ей удалось добиться гармоничных отношений с правыми политическими силами. На самом деле это далеко не так. В США, где социальная психология развита больше чем где бы то ни было, к психологам часто относятся как к опасным «красным» и «большевикам»; одного только термина «социальная наука» достаточно, чтобы консервативно настроенный бизнесмен задрожал от страха и потребовал от конгресса решительных действий против влияния, которое коммунисты оказывают на университеты. Психология является своего рода Золушкой среди остальных наук: ее ругают как правые, так и левые, ее с трудом терпят в демократических странах, от которых следовало бы ожидать более теплого приема. В чем же причины этой всеобщей неприязни?

Политики из различных партий часто относятся к психологии подозрительно главным образом потому, что она заменяет стереотипное мышление и неукоснительное следование догмам фактическими доказательствами и научным обоснованием. Политик привык к тому, что одной догме противопоставляется другая. Когда аргументы подтверждаются реальными фактами, он, лишенный своего главного оружия, оказывается бессилен. Не-

удивительно, что он всячески критикует подобный подход, так как в конечном итоге тот ставит под угрозу вопрос его существования.

Следующий пример поможет понять разницу между политическим и психологическим подходами. Давайте обратимся к ожесточенной дискуссии, которая велась несколько лет назад по поводу того, сколько лет дети должны учиться в школе. Многие из выдвигавшихся аргументов, естественно, вообще не имели никакого отношения к психологии. Очевидно, что из-за своей специализации психолог не обладает соответствующими знаниями для обсуждения экономических вопросов, связанных с данной проблемой. Тем не менее в данном случае вопросы психологические также играли не последнюю роль. Так, одним из центральных моментов дискуссии являлся пункт о том, окажет ли благотворное влияние на ребенка еще один дополнительный год учебы в школе. Следует отметить, что обе стороны пытались по-своему решить этот вопрос: одни говорили, что детям это пойдет на пользу, другие утверждали, что нет. Но данная задача фактически такова, что решение ее можно обосновать на базе существующей объективной информации или с помощью тщательно разработанного эксперимента. Зачем спорить по поводу какого-то вопроса, выдвигая *аргументы*, если можно доказать свою точку зрения, представив реальные *факты*?

Политик либо полностью игнорирует данную точку зрения, либо пытается ее опровергнуть. Обычно это делается следующим образом. «Вы утверждаете, что социальная наука располагает фактами и методами, которые могут пролить свет на насущные проблемы и вопросы. Но это слишком громкое заявление. Мы не раз просили ученых помочь нам в решении определенных проблем, таких как, например, забастовки шахтеров. Они либо вообще не предлагали нам никакого решения, объясняя при этом, что не проводили исследования в данной области, либо давали абсурдные советы, не имевшие никакого отношения к решению реально возникшей проблемы. Все, что нам нужно, так это ответы на поставленные вопросы, но, к сожалению, социальная наука не в состоянии нам их предоставить. Вы можете продолжать свои бесконечные исследования, у нас же тем временем много срочной работы, которая не может ждать, пока ваши эксперименты закончатся».

На первый взгляд эти аргументы кажутся убедительными, однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что это не так. Прежде всего, давайте посмотрим, что в подобных ситуациях происходит в других науках. В качестве нашего первого примера возьмем разработки по созданию атомной бомбы. Физики заявляют, что, возможно (хотя они в этом не уверены), атомную бомбу можно будет создать через несколько лет после многочисленных исследований и крайне затратного строительства соответствующего завода. Политики одобряют проект разработки атомной бомбы, и ученые продолжают свои исследования дальше, изучая все связанные с этим проектом проблемы. По прошествии определенного периода ученые создают атомную бомбу, причем за это время тратятся огромные деньги, а затем продолжают проводить эксперименты и исследования в этой области еще лет десять, для того чтобы исправить недочеты первоначального проекта. Далее позвольте привести различия между фактами, перечисленными выше, и фактами, приведенными в случае с проблемой забастовки шахтеров.

1. От психолога требуют немедленного ответа, тогда как физик может экспериментировать в течение нескольких лет, прежде чем от него потребуют отчета о проделанной работе. 2. В распоряжение физика предоставляются огромные суммы денег, как для предварительных работ, так и для заключительной стадии, в то время как психологу не оказывается практически никакой материальной поддержки. 3. Физик постоянно находится в тесном контакте с предметом своего изучения; психологу обычно не дают вступить в контакт с шахтерами, как, впрочем, и с любой другой группой, которую он изучает.

Как видим, отношение к деятельности психолога не таково, как отношение к деятельности физика. Точно так же можно было бы сказать физику: «Я хочу, чтобы вы сказали мне, есть ли запасы таких-то металлов в Антарктиде. Я запрещаю вам ехать туда или говорить с людьми, которые там были; я не дам вам ни цента на ваши исследования; и учтите, ответ мне нужен немедленно». Ни один физик не смог бы справиться с задани-

ем на таких условиях и, вероятно, ни один из них даже не пытался бы его выполнить.

Если требования, обычно предъявляемые политиками к психологам, являются абсурдными потому, что условия, в которых вынуждены работать последние, неприемлемы, то какие же требования будут считаться разумными? Давайте еще раз обратимся к примеру с забастовками шахтеров и предположим, что общество действительно решило заняться этой проблемой. Прежде всего нужно будет основать исследовательский институт — возможно, под эгидой Совета по исследованиям в области социальной науки, о необходимости создания которого так много говорили, но в конечном итоге ничего не сделали, — в котором бы работали ведущие эксперты в области социальных наук и который бы тесно сотрудничал с соответствующими факультетами в университетах. Далее необходимо будет финансирование широкомасштабных исследований, процесса отбора выборки и процесса интерпретации полученных результатов. Исследователям надо будет не просто разрешить, но и всячески помогать общаться с шахтерами, профсоюзными лидерами, официальными властями и со всеми людьми, связанными с этой отраслью промышленности. В глазах исследователя все группы будут равными; упор будет делаться только на фактические данные, научную беспристрастность и разумные рекомендации, основанные на этих фактах. Экспериментам начнут уделять особое внимание. Если будет выдвинута гипотеза о децентрализации и участии самих шахтеров в принимаемых решениях при посредстве профсоюзных комитетов, то необходимо будет провести соответствующие эксперименты на нескольких шахтах. Конечно, нет стопроцентной гарантии, что проблема в конечном итоге будет решена, но в свете того опыта, который имел место в случае с похожими проблемами, вероятность успеха окажется весьма высокой.

Возможно, работы одной специальной исследовательской организации будет недостаточно. Необходимо будет предоставление грантов многообещающим студентам, которые захотят посвятить себя в будущем психологии и социологии, целесообразным также кажется создание университета социальной психологии или экспериментальной социологии. Можно приводить многочисленные доводы, почему подобные планы нельзя в настоящее время осуществить. Но одной из главных причин является страх даже перед самым малым риском, который приводит к провалу на национальном уровне, точно так же как и в повседневной жизни каждого человека.

Несмотря на то что плохое финансирование действительно является серьезной помехой на пути развития социальной науки, еще более серьезным и фундаментальным препятствием является двойственность переживания в отношении к ней многих образованных людей. С одной стороны, они относятся к социологии с известной долей скептицизма и иронии, во-первых, потому, что чиновники в министерствах, представители профсоюзов, политики, бизнесмены и другие «практические» люди прекрасно знают, что им делать, и не нуждаются в непрактичных советах «академиков», а во-вторых, на их взгляд, сам факт того, что человеческое поведение становится объектом научных исследований и его пытаются вместить в рамки каких-то общих законов, противоречит понятиям здравого смысла и свободы воли человека и, следовательно, является абсурдным и смешным.

Когда речь идет о неоспоримых фактах (например, если ученые приводят доказательства того, что «практические» методы собеседования, используемые бизнесменами, приносят скорее вред, чем пользу, или если прогнозы об исходе выборов, сделанные «опытными» политиками и журналистами, оказываются совершенно неверными, как в случае с выборами 1945 года, когда опросы общественного мнения предсказали победу лейбористов, а «эксперты» пророчили успех партии консерваторов), общество склоняется к противоположной точке зрения, и психолог вдруг сразу наделяется таким качеством, как способность проникать в сущность человеческой природы, на что он лично никогда и не претендовал.

Подобная смесь скептицизма, насмешек, страха и низкопоклонства часто имеет место в психопатологии. История показывает, что угроза, которую любая новая наука представляет для укоренившихся взглядов и привычек, каждый раз вызывала подобное двойственное отношение.

Примеры насмешек приходят на ум чаще, чем примеры низкопоклонства, но достаточно вспомнить общепринятое мнение,

не подтверждаемое фактическими данными, согласно которому «психологическое лечение» может решить все проблемы пенологии (учение о наказании. — *Прим. ред.*) и согласно которому преступника можно сделать добропорядочным и полезным для общества гражданином. Также можно вспомнить не менее распространенное и также научно не подтвержденное мнение о том, что войн можно избежать, если каждого человека в раннем возрасте подвергать психологическому лечению. Подобная вера в «сверхъестественные» силы психологии, вероятно, является не меньшим препятствием, чем полное ее отрицание. И в том и в другом случае к психологу не относятся как к ученому, который пытается применить проверенные научные методы к новому и трудному предмету, в обоих случаях ему не дают проводить свои исследования человеческих проблем в единственном подходящем для этого месте — в шахте, в мастерской, в лагере, в тюремной камере, в армейских казармах, на фабрике.

Однако, хотя и очень медленно, климат общественного мнения изменяется. Частный сектор промышленности, в частности в США, начал понимать безграничные возможности в сфере контроля и прогнозирования, которые предлагает социальная наука. Вооруженные силы Великобритании, департамент по гражданским делам и правительство (с помощью «Сошиел Сервей») также используют психологические методы при отборе, при оценке общественного мнения и при прогнозировании. Очевидно, что влияние психологических методов на различные сферы жизнедеятельности будет быстро расти. В США число психологов, занятых на предприятиях, в правительственных учреждениях и в других «прикладных» областях, за последнее время существенно возросло. В Великобритании также начинает прослеживаться подобная тенденция. Невежество, страх и другие эмоциональные барьеры на пути научного подхода часто не дают использовать психологические открытия с максимальной пользой, но более близкое знакомство с методами социальной науки, возможно, со временем устранит эти препятствия. Сегодня практически во всех колледжах США психология является одним из обязательных курсов, а принимая во внимание огромное количество студентов в Америке и то, что именно они в ближайшем будущем займут лидирующие посты в правительстве, промышленности и других сферах, можно с уверенностью сказать, что следующее поколение не будет считать психологию непрошеным гостем, а будет относиться к ней как другу и помощнику. Будет жаль, если Великобритания, которая положила начало развитию психологии как науки с помощью таких людей, как Гальтон, Спирмен и МакДугалл, не сможет воспользоваться ее благами.

Однако не стоит думать, будто психология вступает в конфликт с политикой только в отношении практических вопросов. Существуют также другие точки их соприкосновения, которые могут быть не менее важными и фундаментальными. Как уже говорилось в начале этой главы, политические философии отчасти основаны на укоренившихся взглядах на человеческую природу, и если психология может пролить свет на истинность или ложность этих взглядов, то, вероятно, она имеет непосредственное отношение к данным политическим философиям. Мы уже упоминали о конфликте, который возник в СССР между политической догмой о том, что все люди равны в своих способностях, и научными фактами, которые указывали на неравенство и наследственную предрасположенность. Можно ли проследить подобные конфликты между научно доказанным фактом и утверждениями, лежащими в основе теории демократии?

В течение многих лет в число вопросов, задаваемых студентам Лондонского университета, я включал следующий: «Какая форма государственного устройства была бы наиболее подходящей, если бы: а) все люди рождались с одинаковыми способностями; б) существовали значительные врожденные различия в способностях?». 90 процентов студентов полагали, что, рождайся все люди с одинаковыми способностями, идеальной формой государственного устройства была бы демократия, и что, наоборот, существуй значительные врожденные различия в способностях, более приемлемой стала бы одна из форм автократии или диктаторского режима. Учитывая то, что последняя альтернатива подкрепляется результатами научных исследований, должны ли мы заключить, что наши демократические принципы основаны на иллюзиях?

Тот факт, что и СССР и США придерживаются гипотезы о равенстве людей, несмотря на совершенно разные политические системы, заставляет нас задуматься, дабы не сделать поспешных выводов. Если русские настаивают на том, что человек может совершенствоваться бесконечно, а также на том, что все люди равны, то мы также должны вспомнить американскую точку зрения, которая заключается в том, что «один человек ничем не хуже другого, а может быть, даже и лучше». Возможно, в аргументации от факта неравенства к желаемости диктаторского режима было допущено несколько ошибок, которые могут привести нас к немного иным выводам.

Во-первых, те, кто полагают, что неравенство приводит к диктатуре, убеждены, что самые умные люди должны быть и становятся лидерами или диктаторами. На самом деле это не так, что подтверждают факты из истории и психологические эксперименты. В истории найдется мало примеров, когда человек с исключительными умственными способностями становился диктатором; в самом лучшем случае IQ диктатора не превышал 130 пунктов, что гораздо ниже уровня гениев. Эксперименты показали, что лидерские качества лучше представлены у людей, которые немного умнее своих сверстников, но которые далеко не являются самыми умными. Интересы, мысли и способы аргументации ребенка или взрослого с IQ 160 пунктов и выше часто не встречают понимания у их сверстников. В целом вероятность того, что очень умный человек может стать лидером, настолько же мала, как и вероятность того, что им может стать умственно отсталый человек. Таким образом, нельзя сказать, что при диктатуре лидерские качества непосредственно связаны со способностями. Как раз наоборот, диктатура подразумевает, что умными людьми будет править человек, чьи скромные способности и безжалостный, твердый характер привели его к власти. В истории немало тому примеров.

Если диктатура не приводит к тому, что у власти оказываются самые одаренные люди, то это вовсе не значит, что современная демократия в этом преуспела. Трагикомические последствия появления на политической арене Джона Стюарта Милла могут служить тому доказательством. Мало кто из тех, кто внимательно читал речи членов британского парламента

или американских сенаторов, будет отрицать отсутствие элементарных фактических знаний, отсутствие логической последовательности и скудость интеллектуальной мысли некоторых из этих деятелей. Для тех, кто хочет занимать руководящие посты в демократическом государстве, выдающиеся умственные способности, возможно, являются такой же помехой, как и для тех, кто претендует на них в стране с диктаторским режимом. Качества, необходимые в данном случае для успеха — это качества более эмоционального порядка, которые прежде всего связаны с умением склонить народ на свою сторону, а не с интеллектуальным потенциалом. Но даже в этом случае демократические процессы помогают людям с высокими способностями чаще заявлять о себе в отличие от жестких процессов в стране, где правит диктатура. Вероятно, древнегреческая система выбора общественных деятелей посредством жребия дала бы более умным людям шанс прийти к власти, так как в этой практике отсутствует предубежденность против высокого интеллекта.

Можем ли мы предложить лучшую альтернативу перечисленным нами методам? Мало кто из психологов осмеливается размышлять на эту тему, но многие, вероятно, согласились бы с Полом Хорстом, утверждавшим, что «самая высокая цель, к которой должны стремиться психологи, занимающиеся измерением и оценкой, заключается в разработке таких инструментов и техник, которых от них требует общество, стремящееся доказать тот факт, что люди не рождаются равными». Он также дает ряд рекомендаций, которые на первый взгляд могут показаться странными, несмотря на то что вопрос об их полезности может стать предметом далеко не бессмысленного спора.

Так, одно из его предложений, которое он выдвигал и от которого позднее отказался, заключалось в усовершенствовании департамента по гражданским вопросам (отбор с помощью психологического тестирования способностей, продвижение по службе в случае проявления компетентности при решении различных рабочих вопросов), что подразумевало выбор на руководящие посты исключительно способных людей. «И в самом деле, — пишет он, — почему мы не можем требовать от наших

конгрессменов и сенаторов исчерпывающих знаний в области науки, экономики, социологии, политологии и т.д.? Возможно, нас не сочтут слишком требовательными, если мы будем настаивать на том, чтобы кандидат на пост президента обладал знаниями относительно сил, которые влияют на состояние здоровья нашей национальной структуры, и на том, что он должен доказать, как он ими владеет. Таким образом, мы сможем приблизиться к решению проблемы улучшения системы правления в нашей стране, если будем настаивать на измерении способностей и выбирать на руководящие посты только самых способных».

Этот метод, естественно, предполагает, чтобы отбор на все ответственные посты происходил исключительно на основании тестирования и результатов экзаменов, а выборы остались в прошлом. Но практика, а также эмоциональное давление показали бы несостоятельность подобной схемы. «Альтернативный метод мог бы заключаться в том, чтобы на одни посты люди отбирались с помощью тестирования, а на другие — с помощью голосования на выборах. Но в данном случае было бы необходимо тестировать также и способности избирателей, для того чтобы только самые умные могли участвовать в выборах».

Что бы мы ни думали об этом предложении, вне всякого сомнения, требования грамотности не противоречат принципам демократического общества, и подобное обобщение от грамотности к знаниям и способностям, возможно, является не таким уж и революционным. Вот уже несколько лет, для того чтобы узнать мнение людей, я использую один вопросник, в котором, кроме всего прочего, есть следующий вопрос: «Полагаете ли вы, что только люди с определенным минимумом умственных способностей и образования имеют право голосовать?» В выборке, состоящей из горожан среднего класса, 55 процентов консерваторов согласились с данным утверждением; среди либералов мнения разделились (47 процентов поддержали эту идею); социалисты высказались против, но не так решительно, как этого следовало ожидать (39 процентов поддержали идею). В случаях с выборками из рабочего класса большинство опрашиваемых высказалось против, хотя даже среди них нашлись люди, которые согласились с данным утверждением. Похожие ответы были также получены в Америке, Швеции и Германии — свидетельство того, что в этих странах люди недовольны политиками, которые приходят к власти с помощью существующей избирательной системы.

В конечном итоге Хорст склоняется к комбинации двух приведенных методов. «Разумеется, если мы действительно серьезно воспринимаем различия в умственных способностях и хотим извлечь из них максимальную пользу, для того чтобы нами руководили самые лучшие из нас, то нам следует совместить две системы. В этом случае кандидаты сначала должны будут сдать экзамен, чтобы доказать свое право претендовать на ответственные посты, и избиратели также должны будут сдать экзамен, чтобы доказать свое право участвовать в голосовании».

Эти идеи, естественно, не стоит принимать всерьез; существующие опровержения слишком очевидны, чтобы их здесь перечислять. Но тем не менее на них нельзя махнуть рукой, как на современную фантасмагорию. Неужели наша политическая система настолько идеальна, что не нуждается в усовершенствовании? Уверены ли мы в том, что только самые лучшие из нас занимают государственные и руководящие посты? До тех пор, пока мы не сможем с полной уверенностью ответить на эти вопросы «Да», мы не должны пренебрегать любыми предложениями в этой области.

Здесь я привел лишь один пример того, как результаты исследования в области современной психологии могут влиять на политику. Внимательный читатель, должно быть, обратил внимание на то, что и многие другие открытия, о которых я упоминал на страницах этой книги, имеют отношение к политической мысли. Я не думаю, что он придет к выводу, будто далеко не точная и не ясная картина человеческой натуры, которая начинает вырисовываться с помощью психологических исследований, более соответствует предпосылкам и предположениям какой-то одной партии. Скорее всего, как правые, так и левые используют определенные психологические истины, для того чтобы победить. И те и другие истины одинаково важны. В данном случае необходим синтез, но этот синтез не должен заключаться в приведении двух противоположных точек зрения к об-

щему знаменателю, а должен представлять собой гармоничное развитие, которое невозможно без независимых, лишенных предубежденности научных исследований законов, управляющих человеческим поведением. Тем, кто сомневается в полезности психологии в данном контексте из-за ее предполагаемой непрактичности или незрелости, я могу процитировать ответ, который Фарадей дал во время демонстрации изобретенной им динамо-машины. К нему подошла женщина и сказала: «Это очень любопытная маленькая вещица, мистер Фарадей, но какая от нее польза?» — «Мадам, — ответил этот великий человек, — а какая польза от младенца?»

Мир — это шахматная доска; фигуры — явления мироздания, правила игры — то, что мы называем законами природы. Игрок напротив скрыт от нас. Мы только знаем, что он всегда играет честно, беспристрастно и терпеливо. Но мы знаем также, по нашему опыту, что он никогда не пропускает ошибок и не допускает малейших попыток проявления невежества.

Т. Х. Хаксли

Психология: смысл и бессмыслица

Введение

В определенном смысле этот труд является продолжением книги «Психология: польза и вред», но написан он как самостоятельная работа. В первой книге я касался проблем социальной полезности психологии для общества, а также большого количества необоснованных заявлений, сделанных от ее имени, которые побудили многих умных критиков почти полностью обесценить психологию как науку. В настоящей работе я затрагиваю несколько более широкую сферу. Несомненно, что даже образованные люди высказывают немало бессмыслицы по различным проблемам, но маловероятно, что существует хотя бы один аспект знания, в котором отношение здравого смысла и абсурда было бы меньшим, чем в вопросах психологии.

Я выбрал несколько областей в попытке отделить зерна от плевел и представить перед читателем как факты, так и спекуляции, как смысл, так и бессмыслицу, окружающие эти вопросы. Безусловно, большинство обсуждаемых вопросов актуально, хотя и вызывает сомнение, что гипноз, толкование сновидений или даже телепатия когда-нибудь смогут достичь такого уровня разработанности, что их осуждение будет вестись на строго научной основе.

Однако наш интерес заключается исключительно в предмете как таковом, в фактах и теориях, сотканных вокруг этих фактов, в попытках объяснить их.

Интересно на минуту отвлечься и рассмотреть, почему относительно вопросов психологии существует так много неверных представлений. Я отчетливо помню случай, произошедший несколько лет тому назад, когда проректор одного из наших главных университетов, увидев, что на праздничном юбилейном обеде место его жены за столом находится рядом с профессором психологии, поспешно поменял карточки, объяснив это тем, что

даме вовсе не подобает сидеть рядом с психологом! Возможно, время с тех пор кое-что изменило, и некоторые люди поняли, что аура секса, распутства и неразборчивости в связях, которую общественное мнение приписывает психоанализу, не может автоматически переноситься на безвинных психологов, проводящих в лабораториях опыты над крысами или открывающих законы познания при подготовке студентов в университетах, непроизвольно заставляя их не замечать прозвучавший звонок. Но все же большинство людей имеют слабое представление о том, что пытается делать психолог. Нередка реакция непрофессионала (а еще чаще непрофессионалки) в момент представления психологу, которая заключается в стереотипном восклицании: «Ах, дорогой, держу пари, вы знаете все, о чем я думаю!». Психолог как частное лицо, возможно, порой и хочет узнать, что на уме у другого человека, но он определенно не станет рассматривать это как свое профессиональное занятие. Все, что он пытается сделать, — это просто открыть законы, способные объяснить поведение людей и животных; законы обучения и познания, памяти, чувств; развитие двигательных навыков и навыков восприятия; особенности развития и роста интеллектуальных способностей; законы социальных и межличностных отношений. Это достаточно полная и несомненно целесообразная программа. Во всем этом нет никакой черной магии, а есть лишь применение обычных научных методов к сравнительно сложному и трудному предмету.

На практике большинство людей проявляют странную и интересную двойственность отношения к таким программам. С одной стороны, звучат заслуживающие внимания слова одобрения. Большинство людей представляют себе, что наши знания о физическом мире значительно опережают наши знания о человечестве, и если мы не сможем найти какой-либо способ для исправления этого соотношения, то может остаться очень мало человечества для изучения. Эта точка зрения стала настолько общепринятой, что человек чувствует себя почти пристыженным, в очередной раз излагая ее на бумаге. Однако, что довольно курьезно, это почти всеобщее словесное одобрение никоим образом не отражается в поступках. Общее количество денег, выделяемых на все общественные науки в этой стране, представляет собой менее одной тысячной средств, расходуемых на естественные науки. Более того, если мы примем во внимание средства, которые вкладываются в промышленность, то соотношение станет еще гораздо более неутешительным. По всей стране существует не более дюжины маленьких, не укомплектованных штатом, слаборазвитых кафедр психологии, по большей части не имеющих элементарного лабораторного оснащения, необходимого для обучения. Следовательно, с практической точки зрения, можно сказать, что возвышенные стремления, провозглашаемые нашими так называемыми духовными лидерами, остаются лишь стремлениями, а их воплощение в реальность откладывается до греческих календ.

Часто кажется, будто люди, признавая на словах необходимость фактического обоснования выводов, предпочитают показное фразерство такого сорта, какое было предложено покойным Джоадом и многими его последователями. Психологические вопросы, по которым есть кое-какие фактические знания, нередко обсуждаются на Би-Би-Си, но почти всегда в их обсуждении принимают участие философы, зоологи, математики, журналисты, теологи или анонимные профессора «античного типа», которые, очевидно, даже не знают о существовании доступных фактических сведений и спекулируют, напыщенно вещая для собственного удовлетворения в такой манере, на которую они никогда не отважатся в своей собственной специальности.

Это лишь один пример того, что происходит в результате всеобщего убеждения, будто обсуждать психологические проблемы может каждый, независимо от того, потрудился ли он изучить предмет; что все мнения равны; будто профессионального психолога во что бы то ни стало следует из этого обсуждения исключить, потому что он может испортить праздник фактами, которые способны полностью разрушить спекуляцию и чудесные воздушные замки, столь старательно возведенные дилетантами.

Эта тенденция наиболее заметна, конечно же, когда факты, представляемые психологом, имеют отношение к политическим вопросам. В данном случае мы видим, что это полный абсурд. Естественно, всегда проявляется забота о том, чтобы дискуссия проводилась людьми, которые никоим образом не обременены фактическими знаниями и движимы почти исключительно же-

ланием набрать очки для своей стороны. Иллюстрацией того, что происходит почти каждый день, может послужить один пример. В книге «Психология: польза и вред» я описал в некоторых деталях структуру тестов умственных способностей, методы обоснования этих тестов и их полезность при отборе. В последние годы можно наблюдать, как усилилась критика относительно отбора, в частности касающаяся уровня 11-плюс, и поэтому имеет смысл рассмотреть наиболее распространенные возражения. По этому поводу, например, приводится довод, что многие дети так сильно волнуются во время тестирования, что не в состоянии полностью раскрыть свои способности. Также приводится довод в пользу того, что тренировка дает значительный эффект и, следовательно, результаты теряют смысл. Еще одним аргументом является то, что отбор осуществляется в слишком раннем возрасте, поэтому он либо не должен производиться вовсе, либо следует ввести некую форму «потока» (распределение учащихся по параллельным классам с учетом их способностей) с возможностью постоянного перемещения ребенка из одного потока в другой. Каким бы ни было возражение, дискуссия обычно заканчивается суждением, что проверка умственных способностей бесполезна или необоснованна.

Многие из этих доводов объясняются весьма похвальным желанием дать всем детям равные возможности на основании принципа, согласно которому все люди рождены одинаковыми. К сожалению, факты достаточно определенно доказывают, что это далеко не так и что наследственность явно разделяет людей на способных и тупых. На деле чем больше мы выравниваем возможности обучения, тем большим будет влияние наследственности в определении окончательного интеллектуального статуса каждого ребенка. Это положение часто оспаривается коммунистами, которые воображают, что людей можно штамповать на неком воображаемом конвейере, однако подобная точка зрения, естественно, является бездоказательной.

Учитывая, что различия в способностях являются врожденными, мы далее должны выделить еще один факт, подтвержденный экспериментально, т. е. что обучение намного более эффективно, когда обучаемые обладают сравнительно одинаковыми способностями. Неоднократно было продемонстрировано, что

изучение одного и того же материала группой, состоящей из детей с блестящими, средними и низкими способностями, занимает значительно больше времени и дает гораздо меньшую эффективность, чем усвоение того же материала группой, состоящей только из детей с одинаковым уровнем — только с блестящими, только со средними или только с низкими способностями. На первый взгляд может показаться странным, что легче обучать класс с низкими способностями, чем со средними.

Дело в том, что в классе с низкими способностями учитель может подстроить свою методику под уровень своих учеников, тогда как в классе со средним уровнем, состоящем из учеников как с блестящими, так и с низкими способностями, такой метод обучения просто неприменим ко всем членам класса. Временные затраты, естественно, увеличиваются. Поэтому, если мы хотим добиться эффективного обучения, то должны проводить разделение, не говоря уже о том, что определенные предметы слишком сложны для детей с невысоким коэффициентом интеллектуальности (IQ).

Поскольку по этой, а также по многим другим причинам некоторая форма разделения желательна, не является ли 11-летний возраст слишком ранним для определения способностей детей? Анализ имеющихся данных обычно показывает, что способности детей из средних школ и школ без преподавания классических языков очень редко совпадают даже при достижении ими 15- или 16-летнего возраста. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев прогнозы представляются в высшей степени точными. Далее, что можно сказать о критике тестирования и волнении при проведении тестов? Она действительно обоснованна, но критикуются не психологические тесты и психологическая теория, а политическое и социальное давление, которое препятствует наилучшему использованию существующих знаний.

Достоверно доказано, что своеобразная тренировка-«натаскивание» по тестам увеличивает коэффициент умственного развития примерно на десять баллов, что достаточно много. Однако есть также данные, что если просто предоставить детям несколько часов практики, то в выполнении интеллектуальных тестов это даст почти такой же эффект, что и тренировка, и приводит детей к такому уровню, когда их баллы уже не увеличивают ни

тренировка, ни опыт. Таким образом, решение проблемы тренировки видится достаточно простым: всем детям перед решающим испытанием следует предоставить пять часов практики по тестам на интеллект. Это должно нейтрализовать эффект тренировки, возможно, предоставленной им дополнительно, и дать им равные стартовые возможности. В то же время это уменьшило бы нервозность, вызванную столкновением с совершенно новым событием.

Во многих отношениях предпочтительно распределить эти пять часов практики на период школьного обучения — от шести до одиннадцати лет, с тем, чтобы пока интеллект сформируется, ребенок смог приобрести некоторые знания, что в значительной степени способствовало бы прогнозированию. Это также уменьшит значимость любого отдельного испытания и, таким образом, повлияет на снижение экзаменационной нервозности. Детей, не сумевших достичь возможного уровня, можно еще раз протестировать индивидуально, чтобы определить, не произошел ли «провал» из-за нервозности или внешних причин. Есть и другие способы, с помощью которых опытный психолог может помочь комиссиям по образованию преодолеть трудности, связанные с применением тестирования, и избежать упомянутой критики. Почему же ничего подобного не сделано?

Причина очень проста. Если стоимость одного теста на интеллект и подсчет результатов составляет, скажем, x на одного ребенка, то пять тестов будут стоить y. Решение, что будущее счастье ребенка, скорее, стоит только x, нежели $a \cdot x$, принято не психологами, а общественностью через выбранные ею органы местного самоуправления. Тем не менее можно сказать, что за x фунтов общество приобретает невероятно хороший товар. Так, проведение довольно поверхностного осмотра автомобиля стоит несколько фунтов; сравнительно полный медицинский осмотр стоит по крайней мере столько же. Выяснение интеллекта ребенка за x фунтов едва ли может расцениваться как неумеренные расходы. Степень точности таких измерений, конечно, напрямую зависит от количества денег, затраченных на них. Чем более высокая степень точности требуется, тем больше денег следует потратить на экзамен. Во время недавней поездки в Калифорнию мне показали целый ряд лабораторий, на создание которых истрачено несколько миллионов долларов, а единственным назначением их является достижение температуры, на несколько тысячных градуса ближе к абсолютному нулю! Наше общество согласно платить огромные суммы денег за небольшое увеличение точности физических измерений, подобных этим, но оно против указанных выше расходов при измерении психологических различий, имеющих огромное значение как для ребенка, так и для общества.

Моя цель при проведении такого сравнения состоит не в том, чтобы сказать, правильно такое общественное решение или ошибочно. Она скорее в том, чтобы обратить внимание на некоторые факты и показать, что если мы пока не можем совершенно точно измерить способности ребенка в возрасте 11 лет и старше, и тестирование подвергается различного рода критике, то порицать следует не психологов, а само общество. Отказывая в деньгах на исследования или отвергая проведение экспериментов частными исследователями из-за небольшого увеличения стоимости, общество приняло решение, которое может быть правильным или неправильным, но СМИ обрушивают всевозможные проклятия на голову психолога за отсутствие чудес по цене x и не представляют обществу данных о реальном положении дел, которые позволили бы ему пересмотреть свое решение.

Одной из причин, по которой общественная дискуссия по вопросам психологии страдает от значительного недостатка информации, является, возможно, то обстоятельство, что психология как наука использует методы и понятия узкоспециального характера. В частности, она использует статистические методы, а большинство людей статистику адекватно не воспринимают. Подобное восприятие интересно и в то же время странно, потому что кажется весьма односторонним. Обсуждения не менее статистических результатов скачек или перепасовок и комбинаций на футбольных полях популярны и широко распространены. Но когда статистические методы в отношении серьезных предметов пытается применить психолог, он сталкивается с обычным обскурантистским заявлением, что при помощи статистики ничего нельзя доказать. В известном смысле это справедливо. При помощи статистики ничего нельзя «доказать», если человек абсолютно несведущ в статистических вопросах. В действительнос-

ти ложные аргументы, которые статистик моментально распознает как таковые, часто имеют место в популярной прессе, где они замаскированы таким образом, что их статистическая природа не распознается.

Позвольте мне привести два таких примера. Хорошо известно, что в Британии около половины больничных коек заняты душевнобольными. Мне довольно часто встречались случаи, когда журналисты делали из этого вывод, будто половина пациентов больниц страны страдает психическими расстройствами. Внешне это может показаться вообще не статистическим вопросом, хотя на самом деле это не так. Между сочетаниями «половина коек» и «половина пациентов» можно поставить знак равенства только в том случае, если продолжительность времени, в течение которого больной остается на своей койке, одинакова для пациентов с психическими и физическими заболеваниями. Вполне очевидно, что если пациент, страдающий физическим недугом, остается в постели в среднем два дня и затем выписывается, а душевнобольной находится в больнице в среднем двадцать лет, то число первых в 3650 раз больше числа вторых. В настоящее время является фактом, что большое количество душевнобольных остаются в больнице на весьма длительные периоды, тогда как пациенты, страдающие физическими болезнями, в подавляющем большинстве случаев, остаются в больнице всего на несколько дней. Если точное соотношение неизвестно, то определить соотношение пациентов из соотношения больничных коек невозможно.

Другой пример можно взять из дискуссии о случаях рецидивизма, т. е. о вопросе, почему определенные преступники снова и снова возвращаются в тюрьму. Я посещал Алькатрас — знаменитую американскую тюрьму, расположенную на острове в бухте Сан-Франциско, где отбывают наказание наиболее опасные преступники Соединенных Штатов. Эта одна из самых суровых и строго охраняемых тюрем мира. Утверждается, что еще никому не удался успешный побег из нее. Случилось так, что во время визита я находился в компании нескольких пенологов и социологов, чья антистатистическая предвзятость выяснилась во время плавания по бухте. Тюрьму нам показывал один из заместителей губернатора, который слышал часть их аргументов, касающихся использования статистики. Он подмигнул мне, когда обсуждение вернулось к рецидивизму, и сказал группе, что Алькатрас практически покончил с рецидивизмом, потому что среди всех тюрем страны он находится в самом конце списка, касающегося числа людей, вновь преступивших закон. Это произвело сильное впечатление на его слушателей, которые после еще долго обсуждали возможные причины подобного явления. Им не пришло в голову, что большинство заключенных Алькатраса находятся здесь пожизненно или приговорены к длительным срокам заключения, так что они просто не имеют возможности снова совершить преступление, ведь очень немногие из них вообще будут освобождены! Этот вопрос может показаться элементарным, едва ли заслуживающим называться статистическим, но это именно тот вопрос, который так часто пропускается неискушенным журналистом или читателем, пытающимся отделаться от современной теории вероятности несколькими неодобрительными фразами.

Иногда общественная реакция на психологические исследования не только лишена энтузиазма, но и является активно недоброжелательной. Позвольте мне привести в качестве примера недавнее исследование по поводу влияния телевидения. Этот предмет представляет значительный общественный интерес, и сотни людей выражают свое мнение и отношение при полном отсутствии каких бы то ни было известных фактов. Некоторые осуждают влияние телевидения на детей, говоря, что оно держит их в домах, отрывает от чтения, делает безынициативными и непредприимчивыми и имеет множество других пагубных последствий. Другие возражают, говоря, что оно расширяет детский кругозор, делает их более осведомленными и удерживает от совершения других поступков, гораздо менее допустимых с точки зрения общества.

Очевидно, что это вопрос, для решения которого необходимы фактические данные, а также газеты, где бы эти данные могли опубликоваться.

В конце концов, фонд исследований назначил одного из наших хорошо известных общественных психологов координатором разработок по этой проблеме. Среди тысяч специально отобранных для этой цели школьников были распространены

многочисленные анкеты, дневники и прочие средства исследований. Некоторые дети, рассказывая об анкетах своим родителям, искажали суть определенных вопросов, и в результате родители стали жаловаться. Эти жалобы были представлены в национальной прессе, которая весьма интересно трактовала некоторые моменты этого предмета. Исследователи специально просили газеты не печатать никаких действительно используемых вопросов, поскольку это могло привести к тому, что анкеты, содержащие эти вопросы, пришлось бы заменить. Несколько газет согласились. Но то, что было напечатано в большинстве других, являлось не подлинными вопросами, а искаженными их версиями, полученными из третьих или четвертых рук, от родителей детей, отвечавших на вопросы исходных анкет. Эти вопросы, неточно процитированные и вырванные из контекста, очень мало походили на те, которые составляли часть действительного исследования. Когда на пресс-конференции газетчикам были переданы настоящие вопросы, многие издания тем не менее продолжали упорно публиковать искаженные версии, не поместив ни поправок, ни извинений.

Это лишь небольшой набросок некоторых реакций, встречавшихся в ходе данной работы, а явная враждебность и фактическая небрежность, характеризующие трактовку в прессе этого вопроса, весьма типичны и отражают то, что происходит каждый день в журналистских обсуждениях вопросов психологии. Неудивительно поэтому, что количество абсурда в отношении психологии настолько велико!

Не следует думать, однако, что «поставщики абсурда» в этой области целиком находятся в рядах не-психологов. Увы, многие члены психологического братства — особенно среди женщин — в равной степени виновны в этом отношении. Вряд ли необходимо документально обосновывать утверждение, что некоторые люди нисколько не сомневаются по поводу обстоятельств дела. Позвольте мне проиллюстрировать мое утверждение только одним примером, который касается вскармливания детей. Психологическая литература по этой теме всегда была одним из самых забавных и непоучительных примеров чудачества в истории цивилизации. В течение целого десятилетия все книги утверждали, что детей необходимо кормить через установленные

промежутки времени. Поэтому для матери является преступлением кормление ее ребенка без пяти час, но если она кормит его ровно в час, то получает полное благословение науки. Вскоре маятник качнулся в другую сторону, и каждой матери стали предписывать кормить ребенка по его требованию, независимо от времени дня или ночи. Родителям, упорно не подчиняющимся модным в настоящее время веяниям, угрожают тем, что у их детей будут развиваться все виды расстройств невротического и психотического типа.

Интересным моментом этого спора, а также многих других правил, установленных для вскармливания детей, является то, что в поддержку точки зрения авторов пособий мгновенно предоставляется любое реальное подтверждение экспериментального толка. Время от времени приводятся анекдотичные примеры ужасных вещей, происходящих с некоторыми детьми, которых кормили не в соответствии с пользующимися популярностью правилами и предписаниями. Однако возможность того, что этих детей могла бы постичь такая же участь, независимо от способа их вскармливания, никогда даже не обсуждается.

Так же абсурдны принятые общие понятия о воспитании детей в более позднем возрасте. Защитники *laisser faire* (предоставления свободы) и чрезмерной снисходительности — слева; те, кто за тезис «сбережешь розгу — испортишь ребенка» — справа. У обеих школ нет сомнений в том, что делать родителям. Пока ни та, ни другая не осознают тот факт, что их предписания основываются на непроверенных теориях и безосновательных догадках и что при отсутствии каких бы то ни было фактических данных о последствиях определенных типов воспитания их советы граничат с полным бесстыдством.

В общем, представление о том, что любой набор предписаний может быть полезным как общее руководство для человеческого поведения, представляет собой один из лучших экспонатов нашего музея абсурда. Тип воспитания, подходящий для ребенка, легко приобретающего условные рефлексы, может совсем не годиться для ребенка, делающего это с трудом. Мы обсудим этот вопрос далее. Правила, применимые для способного ребенка, не обязательно можно применить к недоразвитому ребенку. Воспитание, подходящее для эмоционально неустойчивого ребенка,

может быть вовсе непригодным для эмоционально устойчивого. Потребуется множество кропотливых исследований, прежде чем мы сможем, с известной долей сомнения, дать совет в данной сфере. Это все, что угодно, только не защита наших собственных предрассудков и душевного спокойствия. Мы можем сожалеть, что пока еще не способны ответить на многие вопросы в этой сфере, но само признание факта нашего невежества уже является многообещающим предвестником познания.

Что действительно важно в воспитании детей, так это такие сложные социальные проблемы, как война и мир, забастовочное движение и правонарушения. Многие люди наивно верят в то, что если каждого подвергнуть психоанализу, то войны, забастовки и преступность можно ликвидировать, как по волшебству. Увы, наиболее вероятным результатом, как показывают факты, может стать ныне существующее положение дел, не лучше и не хуже. Наука не занимается розничной торговлей карманными справочниками подобного рода, и не следует доверять тем, кто заявляет о том, что может разрешить все проблемы неким простым видом волшебства.

Можно спросить, почему общество настолько противоречиво в своем отношении к фактическому и экспериментальному изучению психологических явлений и почему оно охотно принимает безосновательные заявления о всевозможных универсальных психологических средствах. Трудно ответить точно, но одна из вероятных причин, возможно, заключается в следующем: политики и журналисты используют то, что Шалтай-Болтай называл сногсшибательным аргументом, т. е. чисто словесную дискуссию, полностью зависящую от манипуляции символами, которые по большей части не имеют совершенно никакого отношения к действительности. Ощутив однажды возбуждение от признания «экспертом» в социальных и психологических вопросах в силу их способности манипулировать лингвистическими символами, такие люди, естественно, не очень хотят видеть фактические результаты исследований, разоблачающие полуправду и расплывчатые обобщения — их основной акционерный капитал.

Необходимо принять во внимание тот факт, что, на словах приветствуя усилия экспериментатора, они тем не менее вставляют палки в колеса на пути успешного завершения его исследований, и после окончания эксперимента не обращают внимания на его выводы. Они по большей части находятся дома, с семантическими аргументами, не имеющими фактической основы, со своей системой надувательства и, следовательно, соответствующими принципами. Нет нужды приводить далее неопровержимые факты; принятие и неприятие может определяться скорее в единицах эмоций и предубеждений, чем в единицах доказательств и опровержений.

Ну что ж, пожалуй, достаточно для краткого введения в основную тему этой книги. Систематизация различных вопросов и их классификация заставили меня задуматься, в частности, при попытке найти общие названия для двух основных частей книги. Мои затруднения в этом отношении очень похожи на те, с которыми столкнулась Королевская комиссия, изучающая проституцию. Одной из первоочередных задач этой комиссии было обозначение предмета исследования. Первое сделанное предложение «A jam of tarts»[1] было отвергнуто благодаря возражениям одного из епископов, нашедшего его несколько вульгарным. Второе предложение — «Роман Троллопа» — было принято с большей благосклонностью, но расценено как несерьезное с литературной точки зрения. Третье предложение — «Антология проституции» — было в конце концов отвергнуто по той же причине. Окончательное согласие было достигнуто на четвертом и последнем предложенном определении: «Фанфары проституток». Я не способен на такую изобретательность по отношению к своей собственной проблеме, но надеюсь, что две в конце концов выбранные образные фразы «Пограничные области знания» и «Личность и общественная жизнь» дадут некоторое представление читателю о вопросах, обсуждаемых в двух частях этой книги.

[1] Непереводимая игра слов: jam — давка, забор, нагромождение, tart — проститутка, пирог, т.е. варенье из пирога или тяжелое положение проституток. — *Прим. ред.*

I. Пограничные области знания

Гипноз и внушаемость

Теория и практика гипноза определенно должны занимать почетное место в любой книге, если в ней есть раздел, посвященный смыслу и бессмыслице в психологии. В истории человечества найдется очень немного теорий, которые бы смогли породить столько нелепостей, недоразумений и неправильных представлений, как эта. Изучение гипноза с самого начала было связано с фантастическими концепциями вроде «животного магнетизма», влияния звезд и подобной тарабарщины. Даже в наши дни популярные концепции гипноза крайне невразумительны, а газетные публикации хотя и появляются, но проливают очень мало света на затрагиваемые вопросы.

Большинство проведенных в последние годы в этой области экспериментов касалось выяснения ошибок, совершенных первыми гипнотизерами. Поэтому необходим краткий экскурс в историю вопроса. Следует начать с довольно загадочной личности по имени Франц Антон Месмер. Он родился в 1733 году в маленькой австрийской деревушке Иснанг, возле озера Констанц. Родители хотели видеть его священником, и до пятнадцати лет Месмер ходил в монастырскую школу. Затем он разочаровался в церкви и стал студентом-юристом, но в конце концов занялся медициной. В тридцать два года Ф. А. Месмеру была присвоена ученая степень за работу, «рассматривающую влияние планет на человеческое тело». Эта диссертация содержала первое

упоминание о его точке зрения на «животный магнетизм» — теорию, которую он в дальнейшем развил в своей знаменитой книге о двадцати семи утверждениях. По существу, в них заключены основные моменты его учения, согласно которому «существует чувствительная связь между небесными телами, землей и одушевленными телами. Эта связь осуществляется посредством повсеместно распространенного флюида. Эксперименты показывают наличие рассеянного вещества, достаточно тонкого для того, чтобы проникать во все тела без какой бы то ни было значительной потери энергии. Оно действует на удаленном расстоянии, без участия какой-либо промежуточной субстанции. Это вещество, как и свет, усиливается и отражается зеркалами, а проявляемые им свойства аналогичны свойствам магнита, в частности, в человеческом теле. Это магнитное свойство может накапливаться, концентрироваться и передаваться другим людям. В соответствии с практическими правилами, которые я намереваюсь установить, эти данные доказывают, что описываемое свойство нервные расстройства будет излечивать непосредственно, другие же расстройства — косвенно. С его помощью врач получает знание относительно использования лекарства и может оказывать более действенную помощь и непосредственно влиять на кризисы, с тем, чтобы полностью контролировать их».

Таким образом, «животный магнетизм» воспринимался как неосязаемый газ, и предполагалось, что его распространение и воздействие управляются человеческой волей. Этот странный флюид мог не только отражаться зеркалами, но и даже быть видимым. В частности, предполагалось, что видеть его истечение наружу из глаз и рук магнетизера способны лунатики, хотя оказалось, что они расходятся во мнениях о том, какого он был цвета — белого, красного, желтого или голубого! Конечно, современному уму все это кажется не чем иным, как пустой бессмыслицей, но одно положительное утверждение стоит отметить: Месмер заявил, «будто эти начала излечат нервные болезни». Казалось несомненным, что он открыл то, что должно называться чудесным исцелением. К примеру, далее приведено публичное заявление Чарльза дю Хасси, майора пехоты и кавалера Королевского военного ордена св. Луиса, сделанное им под присягой:

«После четырех лет безрезультатного лечения у других докторов я обратился к Месмеру. Моя голова постоянно тряслась, шея была выгнута вперед, а глаза выпучены и сильно воспалены. Спина была почти полностью парализована, говорить я мог с трудом. И непроизвольно и без видимых причин смеялся. Мне было тяжело дышать, я страдал от жестокой боли между лопатками и постоянной дрожи. Меня шатало при ходьбе».

Дю Хасси лечился у Месмера и в процессе лечения испытал ряд сильных эмоциональных кризисов: «Мои конечности пронзал ледяной холод, сменяясь сильным жаром и зловонным потом». Свое заявление он заканчивает так: «Теперь, по прошествии четырех месяцев, я полностью излечен».

Методы Месмера были действительно нетрадиционными, и большей частью его интерес к оккультным материям не добавил ему любви к профессии медика. Он предусмотрительно женился на богатой вдове, которая была на двенадцать лет старше его, обеспечив таким образом гарантию того, что его эксперименты не будут прерваны из-за недостатка денег. Однако его несомненные успехи в излечении пациентов, по заключению официальной медицины считавшихся неизлечимыми, усиливали ненависть к нему со стороны приверженцев традиционных методов. В конце концов, когда он пытался вылечить слепоту некой высокопоставленной девушки, которой не смогли помочь величайшие специалисты того времени, традиционная медицина добилась его отлучения от церкви, и он переехал из Вены в Париж.

В то время ему было сорок пять лет, и почти сразу же после своего переезда в Париж он достиг триумфа. Стало модным иметь «жалобы на нервы» и обращаться с ними к Месмеру, точно так же как сейчас в Соединенных Штатах модно иметь те или иные формы невроза и подвергаться психоанализу. (Обычный представитель верхушки среднего класса из Нью-Йорка, Бостона, Лос-Анджелеса или Канзас Сити выглядел бы в глазах окружающих как полное ничтожество, если бы не смог поговорить о своем «психоаналитике», как и его парижский коллега, который не мог похвастать любовницей. Американские обычаи, возможно, не менее дешевы, определенно более целомудренны, но доставляют намного меньше удовольствий, чем французские. В целом

это, возможно, приносит некоторый вред, но в равной степени и некоторое благо.)

В самом деле, Месмер был настолько загружен работой, что это вынудило его ввести групповую психотерапию, и очень похоже на то, что современная психиатрия движется в том же направлении. Его больница казалась действительно замечательным местом. Лечение проводилось в просторном холле, затемненном шторами на окнах. В центре этой комнаты стоял знаменитый *baque,* открытый чан около фута высотой и достаточно большой, вокруг могли поместиться тридцать пациентов. Чан был наполнен водой, в нем помещались железные опилки, матовое стекло и множество бутылей, образующих симметричный узор. Чан накрывался дранкой, снабженной отверстиями, через которые выступали соединенные стальные прутья. Пациенты прикладывали эти прутья к различным больным местам, воспринимая таким образом действие целительных сил «животного магнетизма». Следовало соблюдать абсолютную тишину, и в процессе сеанса звучала заунывная музыка, исполняемая скрытым от глаз оркестром. В определенный момент появлялся сам Месмер в блестящем шелковом одеянии. Он передвигался среди пациентов, пронзая их своим взглядом, простирая свои руки над их телами и касаясь их длинным железным прутом.

Очевидно, что очень многие пациенты считали это лечение эффективным и заявляли об исцелении, как и множество современных пациентов, лечащихся при помощи психоанализа, заявляют иногда, что на них благотворно влияют такие же методы лечения. Сегодня трудно сказать, был ли Месмер шарлатаном и эксплуатировал пациентов, подверженных внушению, или же сам серьезно верил в научную правильность своей гипотезы. Берхайм говорит о недоверии, которое вызывало к его практике шарлатанство Месмера, однако Молл, пожалуй, наиболее известный и наиболее информированный автор по истории гипноза, менее суров. Вот что он пишет: «Я не хочу присоединяться к презренной группе профессиональных клеветников Месмера. Он мертв и более не может защитить себя от тех, кто порочит его, не принимая во внимание обстоятельства и время, при которых он жил. Возражая против общепринятого мнения о его алчности, я

отмечаю, что в Вене, а также позднее в Морсбурге и Париже, он всегда помогал бедным бесплатно. Я верю, что он заблуждался в своем учении, но критикую только его заблуждение, а не его личность. Давайте, однако, рассмотрим — поскольку я полагаю правильным защищать честь того, кто умер, — более внимательно, в чем же состояло его так называемое преступление.

Вначале он верил в то, что может лечить при помощи магнита, а позднее — что может делать это при помощи внутренних сил, которые он смог трансформировать в *baque*. Это явно было его убеждением, и он никогда не делал из этого секрета. Другие верят, что свою роль играло воображение пациента или что Месмер добивался нужного эффекта при помощи скрытых средств. Затем родилась легенда, будто Месмер владел неким секретом, посредством которого он и воздействовал на людей, но так и не раскрыл его. В действительности дело было вовсе не в секрете, который он умышленно утаивал, воображая, что использует некую личную силу. Наконец, если он использовал эту фиктивную силу, чтобы заработать деньги, то он поступал не хуже современных врачей и владельцев учреждений, которые также не из-за любви к ближнему лечат своих пациентов, а стараются заработать себе на жизнь, что вполне оправданно. Месмер вел себя не хуже тех, кто сегодня открывает новое лекарство и рассматривает его производство как средство обогащения. Давайте будем справедливыми и перестанем порочить Месмера, который мало чем отличался от только что упомянутых людей, против чьих методов никто не протестует, даже если лекарства, которые они предлагают, вообще не обладают никаким лечебным эффектом.

Через шесть лет после приезда в Париж между Месмером и некоторыми из его учеников возник спор о праве на чтение лекций, раскрывающих его предполагаемый секрет. Французское правительство вмешалось в этот конфликт и назначило комиссию по расследованию правдивости заявлений Месмера, которую особенно интересовали так называемые «кризисы Месмера» (пример мы уже приводили в связи с майором дю Хасси). Члены комиссии провели серию контрольных экспериментов того же типа, которые должен был осуществить сам Месмер, перед тем как делать какие-либо заявления. Далее приведена

часть их отчета: «Члены комиссии были особенно поражены тем фактом, что кризисы не случались, если субъекты не были осведомлены о том, что они магнетизируются. Например, эксперименты, проводившиеся Юмелином, выявили следующий факт. Женщина, которая оказалась очень восприимчивым субъектом, чувствовала тепло, как только Юмелин приближался к ней. Когда ей завязали глаза и сообщили, что она магнетизируется, и в этом случае она испытала то же самое ощущение. Но когда ее магнетизировали, не сообщая об этом, она не испытывала ничего. Несколько других пациентов точно так же испытывали сильное воздействие, когда никаких действий не производилось, и не испытывали ничего во время их проведения».

Неудивительно, что члены комиссии пришли к следующему заключению: «...путем не вызывающих сомнений экспериментов выяснили, что воображение отдельно от магнетизма вызывает конвульсии, а магнетизм отдельно от воображения не вызывает ничего; относительно же существования и пользы магнетизма сделано единогласное заключение, что ничто не доказывает существование флюида «животного магнетизма», что этот флюид, поскольку он не существует, не оказывает благотворного воздействия, что сильная реакция, наблюдавшаяся у пациентов во время публичного лечения, обусловлена соприкосновением, игрой воображения и механическим подражанием, которое непроизвольно побуждает нас повторять то, что воздействует на наши чувства».

Примерно в то же время Королевское медицинское общество выпустило очень похожий отчет, в котором говорилось, что «с точки зрения целебности «животный магнетизм» — это ничто иное, как искусство вызывать конвульсии у чувствительных людей». Эти отчеты положили конец карьере Месмера как врача-психиатра, и вскоре он покинул Францию.

В истории Месмера есть множество интересных параллелей с настоящим временем. Но я не буду обсуждать их, до тех пор пока мы не выясним природу гипноза, вместо этого я хочу обратить внимание на один довольно интересный факт, который пока остался без внимания. Выражения «месмеризировать» и «гипнотизировать» стали почти синонимами, и большинство людей считают Месмера отцом гипноза, или по крайней мере его пер-

воткрывателем и первым толкователем. Как это ни странно, правда состоит в том, что хотя гипнотические явления были известны на протяжении многих тысяч лет, Месмер в действительности вообще не гипнотизировал своих субъектов. Некоторые из его пациентов страдали самопроизвольными истерическими конвульсиями и подобными эмоциональными срывами и неадекватными реакциями, но ни в его работе, ни в трудах его последователей нет упоминания о подлинных гипнотических явлениях.

Таким образом, мы начали с того необычного вывода, что отец гипноза в действительности никогда никого не гипнотизировал, не был знаком с явлениями гипноза и не нашел им места в своей теоретической системе. Есть что-то мистическое в том, почему общественное мнение так твердо приписывает ему открытие, сделанное другими.

Первым, кто вызвал сонный транс, составляющий существенную часть гипноза, был ученик Месмера, маркиз де Пьюсегюр. Пытаясь вызвать обычные месмеровские истерические конвульсии с помощью метода магнетизации у молодого пастуха Виктора, маркиз обнаружил, что тот впал в сонный транс, в котором находился достаточно долго и о котором после пробуждения ничего не мог вспомнить. Это состояние сна, или транса с последующей амнезией (забыванием всего, что происходило в состоянии транса) привлекло большое внимание, и очень скоро стали появляться другие сообщения о различных гипнотических явлениях, таких как положительные галлюцинации, т. е. видение предметов, в действительности не находящихся в данном месте; негативные галлюцинации, т. е. слепота по отношению к присутствующим в данном месте предметам; анестезия, или отсутствие чувствительности по отношению к прикосновениям к коже; анальгезия, т. е. нечувствительность к боли; и постгипнотическое внушение, или тенденция выполнять внушения, сделанные под гипнозом, даже после его прекращения.

Немного позже мы обсудим эти явления более подробно. Прежде всего, давайте рассмотрим способ вызова гипнотического транса.

Существует множество методов гипноза. Почти каждый опытный гипнотизер использует вариации, слегка отличающиеся от тех, которые используются другими. Вероятно, самый общий

способ состоит в следующем: гипнотизер пытается добиться сотрудничества от своего субъекта, указывая ему на преимущества гипноза, например, такие, как помощь при излечении нервных заболеваний. Дело в том, что во время транса пациент способен вспомнить события, которые он не вспомнил бы другим способом. Пациента заверяют в отсутствии любой опасности, которую он может предполагать при погружении в состояние гипноза. Ему могут также сказать (вполне искренне), что способность впадать в гипнотический транс не является признаком неуравновешенности или слабости, а как раз наоборот — это свидетельство определенной степени интеллектуальности и умения концентрировать внимание.

Далее, субъекта просят лечь на кушетку или сесть в мягкое кресло. Внешнее воздействие сводится к минимуму: опускаются шторы, исключается, по возможности, воздействие любых шумов. Иногда полезно сосредоточить внимание субъекта на каком-нибудь небольшом ярком предмете, свободно подвешенном выше уровня глаз, вынуждая человека таким образом смотреть слегка вверх. Это приводит к быстрой утомляемости глазных мышц, облегчая тем самым восприятие им внушения, в результате чего он чувствует усталость и его глаза закрываются. Теперь гипнотизер начинает мягким голосом разговаривать с субъектом, бесконечно внушая ему, что субъект чувствует сонливость, усталость; его глаза закрываются; он погружается в глубокий сон; он не слышит ничего, кроме голоса гипнотизера, и так далее. У восприимчивого субъекта через несколько минут наступает легкий транс, и гипнотизер начинает углублять этот транс и проверять реакции субъекта, делая внушения, все более и более трудные для выполнения. Так, он может попросить субъекта сцепить свои руки вместе и сказать ему, что тот не сможет снова разъединить их. Субъект, стараясь изо всех сил, к своему удивлению обнаруживает, что действительно не может разъединить руки. Успешные внушения такого рода способствуют усилению гипнотического транса, и в конце концов в случае с особенно «хорошими» субъектами могут проявиться все явления, которые вскоре будут рассмотрены.

Так вкратце выглядит обычный способ установления транса. Очень трудно узнать, какой именно из приведенных элементов

действительно важен. Для того чтобы вызвать глубокий гипнотический транс у субъекта, я тихо повторял: «Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота». Во время войны мой друг должен был загипнотизировать французского солдата, который страдал от контузии. Так как солдат не говорил по-английски, необходимо было передать внушение по-французски. К несчастью, гипнотизер плохо знал язык и, к моему ужасу, стал повторять субъекту, что у того закрываются не глаза, а ноздри! Впрочем, для субъекта это было безразлично, и вскоре он погрузился в глубокий транс, несмотря на то, что подобное внушение должно было показаться ему странным. Оказывается, содержание внушения не столь уж важно, как кому-то может показаться на первый взгляд.

С другой стороны, содержание внушения играет определенную роль. Вот пример, который приводит один из самых известных американских гипнотизеров, столкнувшийся с большими трудностями при погружении в транс одного из своих субъектов. После нескольких часов напряженных усилий со стороны гипнотизера она (субъект) робко спросила, не позволят ли ей дать совет относительно способа, хотя до этого она не имела опыта общения с гипнотизерами. Вот какой совет она дала: «Вы говорите слишком быстро; вы должны говорить очень медленно и настойчиво и повторить это несколько раз. Проговорите все очень быстро и немного подождите, а затем повторите медленно и, пожалуйста, делайте паузы, чтобы я могла отдохнуть; и прошу вас, произносите слова более отчетливо». После того как гипнотизер последовал ее совету, довольно быстро наступил глубокий транс. Это всего лишь анекдотичное свидетельство, но, к сожалению, экспериментальных работ по форме и содержанию внушений для погружения в транс было сделано очень немного, и в результате на данный момент поэтому поводу не существует ничего, кроме догадок.

Ни изоляция, ни тишина, ни темнота, вероятно, не важны. Гипноз успешно проводился в условиях шума, при ярком дневном свете и даже, как хорошо известно, на сцене, в присутствии тысяч людей. В действительности, некоторые гипнотизеры заявляют, что такие условия более благоприятны для действия гипноза, чем абсолютная тишина и изоляция. По этому вопросу,

опять-таки, нет экспериментальных данных, но можно предположить, что разным людям подходят различные условия, и что если экстраверты и истерики легче гипнотизируются в условиях шума, возбуждения и света рампы, то интроверты и беспокойные люди могут предпочитать тишину врачебного кабинета. Впрочем, это никоим образом не является фактом.

Вопреки общепринятому мнению разбудить пациента, когда экспериментатор решил закончить транс, очень нетрудно. Гипнотизер обычно внушает субъекту, что когда он, экспериментатор, сосчитает до десяти, субъект пробудится ото сна и забудет все, что произошло во время гипнотического транса, что он будет чувствовать себя посвежевшим и испытает самые лучшие впечатления в своей жизни. Документальных свидетельств о каких бы то ни было трудностях относительно пробуждения субъектов при таких экспериментах не существует. Даже если гипнотизер не смог бы по какой-то причине прекратить гипноз, самое большее, что могло бы случиться с субъектом, это то, что он впал бы в обычный сон и проснулся через несколько часов без каких-либо последствий.

Какие явления можно обнаружить при погружении нашего субъекта в сравнительно глубокий транс? Первое и самое очевидное, от чего могут зависеть все остальные, — это потрясающее увеличение внушаемости субъекта. Он будет воспринимать любое внушение, предлагаемое гипнотизером, и действовать согласно его приказам со всем умением, на которое способен. Внушите ему, что он собака, — он встанет на четвереньки и будет с лаем бегать по комнате. Внушите ему, что он Гитлер, — и он начнет размахивать руками и пылко ораторствовать, имитируя хриплый голос фюрера! Такое гигантское усиление внушаемости часто используется на сцене, чтобы заставить людей совершать глупые и безрассудные поступки. Подобную практику не следует поощрять, потому что она противоречит чувству человеческого достоинства и является неправомерным использованием гипноза. Но об этом все же необходимо упомянуть, поскольку вероятно, что явления, аналогичные этим, известны широкой публике из водевилей, газетных публикаций и так далее.

Нельзя, однако, говорить о том, что субъект воспринимает все внушения, даже находясь в самом глубоком трансе. Это особен-

но справедливо для внушений, противоречащих этическим и моральным принципам, которых придерживается испытуемый. В качестве примера можно привести хорошо известную историю. Шарко, великий французский невролог, один из основоположников невропатологии и психотерапии, чью группу в одно время посещал Фрейд, читал лекцию о гипнозе и демонстрировал явления гипнотического транса на молодой восемнадцатилетней девушке. Когда та была глубоко загипнотизирована, Шарко вызвали, и он поручил демонстрацию одному из своих помощников. Этот молодой человек, которому не хватало серьезности, так желательной для студентов-медиков, даже французов, внушил молодой даме, что она должна раздеться. Она немедленно пробудилась от транса, влепила ему пощечину и бросилась вон из комнаты, к его крайнему смущению.

Иногда отказ подчиниться внушению достаточно непонятен и не кажется обусловленным этическими или моральными соображениями. Еще проводя свои первые эксперименты, я заинтересовался способностью загипнотизированных людей оценивать ход времени. Один субъект особенно точно подсчитывал количество секунд между двумя сигналами, подававшимися экспериментатором. Для улучшения точности ему попробовали внушить, что он — часы. По какой-то непонятной причине субъект недоброжелательно отнесся к этой идее и возбужденно повторял, что он не часы и не понимает, как он может ими быть. Чтобы сделать внушение более приемлемым, ему сказали, что он, конечно же, часы — разве он не слышит собственного тиканья? Это, казалось, несколько успокоило его, но он продолжал внимательно вслушиваться и, наконец, в глубоком волнении отверг предположение, что он может слышать собственное тиканье. Человек был так раздражен, что пришлось отказаться от этой идеи и подтвердить, что он вообще никогда не был часами. Поскольку до этого он не возражал быть другими предметами, гораздо более сомнительными, то этот неожиданный случай является загадкой, которую я не могу решить и по сей день. Вообще, нет ничего необычного в том, что гипнотизируемые люди делают исключения для определенных внушений, которые кажутся экспериментатору достаточно безобидными. Возможно, в этих случаях существует некий скрытый, особенный для субъекта смысл, для раскрытия которого мог бы потребоваться тщательно разработанный эксперимент.

Следующее часто наблюдаемое явление известно как положительные (позитивные) галлюцинации. В этом случае субъект видит, слышит и ощущает объекты, которых на самом деле нет. Скажите ему, что его невеста сидит в кресле напротив него, и он поздоровается с ней, подойдет и поцелует ее и вообще будет вести себя так, словно его невеста действительно здесь. Скажите ему, что сейчас в окно прыгнет лев, и он испугается, съежится от страха и в ужасе бросится из комнаты.

Противоположностью положительных галлюцинаций являются отрицательные (негативные) галлюцинации, которые тоже нетрудно вызвать. В этом случае субъект не способен видеть и ощущать предметы или слышать людей, которые на самом деле присутствуют. Внушите ему, что в помещении они с гипнотизером одни, и субъект не будет обращать никакого внимания на других людей и вести себя так, как будто их вообще там нет. Внушите ему, что его кожа потеряла чувствительность или что он не может слышать определенный звук, и он будет вести себя так, будто это правда. Положительные и отрицательные галлюцинации такого рода сравнительно легко вызываются у восприимчивых субъектов, но нередко звучат критические заявления, что все дело в простом желании со стороны гипнотизируемого угодить экспериментатору и что все эти демонстрации некоторым образом сфабрикованы. Более того, предполагается, что пациенты в действительности платят гипнотизеру и попросту претендуют на то, чтобы пройти через тяжелое испытание в ответ на полученную благосклонность. Эта критика может показаться справедливой любому, кто в действительности не видит разницы в поведении человека, попросту претендующего на то, чтобы быть загипнотизированным, и человека, находящегося в трансе. Такой подход вовсе не объясняет подобные явления.

Эстрадный «маг», гипнотизируя на сцене весьма самоуверенного, хорошо одетого молодого человека, убедил его снять брюки и скакать по сцене на палке от метлы. Публика при виде этого зрелища визжала от восторга, а когда гипнотизер вывел

юношу из транса, тот, увидев, в каком непристойном виде он находится, поднял метлу и сильно ударил гипнотизера. Вряд ли это было частью театрального действия!

Возможно, более доказательным является факт, что определенные гипнотические галлюцинации, которые вызываются гипнозом, невозможно проделать в обычном состоянии. Возьмите стакан мыльной воды и внушите загипнотизированному человеку, что это игристое шампанское. Он залпом выпьет ее с выражением удовольствия. Такое трудно осуществить в нормальном состоянии. Сомневающийся читатель может провести этот эксперимент над собой! Точно так же нормальный человек может притвориться, будто испугался несуществующего льва, который прыгает в окно, но он не сможет вызвать все автономные и психологические признаки страха, неподвластные волевому контролю, которые тем не менее можно обнаружить у гипнотизируемого человека. В общих чертах можно сказать, что определенное количество фальсификаций в эстрадных представлениях, несомненно, имеет место. Но для настоящего психолога не составило бы особого труда их обнаружить.

Уникальная природа гипнотических явлений будет более ясна, если мы обратимся к другой широко исследуемой области. Говоря об отрицательных галлюцинациях, я упоминал возможность вызывать при помощи внушения анестезию, т. е. неспособность субъекта чувствовать прикосновения к его коже. Точно так же можно внушить полную нечувствительность к боли, обычно называемую анальгезией. На протяжении многих лет это явление было предметом сомнений и насмешек, возможно потому, что большинство явлений, описанных до настоящего времени, можно было симулировать или фальсифицировать. Однако о человеческой реакции на боль известно очень многое, чтобы хоть чуть-чуть сомневаться в том, что если описанные психологами явления действительно верны, то в гипнозе мы имеем дело с чем-то сверхъестественным.

Давайте начнем с небольшой демонстрации. Глубоко загипнотизированному субъекту говорят, что его руку проткнут иглой и он вообще ничего не почувствует. Ему также говорят, что не будет никакого кровотечения. Гипнотизер протыкает иглой руку субъекта, а тот даже не смотрит на нее и продолжает говорить,

как будто ничего не произошло. Кровотечения нет, или же оно очень незначительно. Читатель, полагающий, что гипнотические явления можно сфальсифицировать, опять же может повторить этот эксперимент на себе!

Вышеописанная демонстрация — это один случай. Сложные операции — совсем другое дело. Нет сомнений, что буквально в тысячах случаев серьезные ампутации были произведены под гипнозом без боли, без обычно сопутствующего ей шока и иных травматических физиологических показателей. Большая заслуга во внедрении гипноза в эту область принадлежит Эллиотсону, молодому врачу одной из крупных лондонских больниц середины XIX века, и Исдейлу, врачу, работавшему в Индии. Обезболивающие средства еще не открыли, и любая операция, особенно серьезная, была очень кровавым делом, в прямом смысле слова. Эксперименты Эллиотсона с гипнозом были не очень хорошо приняты его коллегами — их возмущала его неуемная энергия. Им не нравилась необычная и нетрадиционная природа его метода. Исдейл усовершенствовал технологию, и в конце концов его заявления исследовала специальная комиссия, которая, хотя и настроенная вначале скептически, тем не менее была вынуждена представить отчет о том, что он действительно преуспел в проведении серьезных операций без каких бы то ни было проявлений боли или шока со стороны пациентов. Это породило язвительные дебаты, но когда приблизительно в это время открыли обезболивающие средства, благодарные медики погрузились в летаргический сон: перестали интересоваться гипнозом как таковым. Они отдавали предпочтение более осязаемыми и понятными им типам обезболивающих средств: эфиру и хлороформу. В наши дни в медицине для подавления боли гипноз применяется очень редко, хотя он во многом превосходит лучшие из существующих обезболивающих средств. Периодически появляются многообещающие сообщения о гипнотическом обезболивании во время родов, а в последнее время — и в связи с удалением зубов. Гиподонтика (гипностоматология), как немного странно называется этот новый метод, уже породила огромное количество сообщений о бескровном и безболезненном удалении зубов. А несколько лет назад в Соединенных Штатах состоялась публичная демонстрация, на которой перед большой группой стоматологов без применения

наркотиков или обезболивающих средств были удалены два верхних малых коренных зуба и один нижний, все с правой стороны. Была снята надкостница и удалено три зуба без малейшего проявления боли и кровотечения, в то время как пациент пребывал в глубоком трансе. После гипноза не осталось никаких признаков кровотечения или воспоминания о боли. Другим явлением, возникающим самопроизвольно и отмеченным с самых ранних дней гипноза, является *раппорт*[1]. В настоящее время это означает особые взаимоотношения, устанавливающиеся между гипнотизером и его субъектом. Эти взаимоотношения таковы, что субъект принимает приказы, внушения и т.п. только от гипнотизера и ни от кого больше. Фрейдовская концепция о переносе, т. е. существовании особой связи между пациентом и врачом, является во многих отношениях разбавленной версией понятия *раппорта*. Весьма вероятно, что при тщательном исследовании основа этих двух явлений может оказаться сходной. Хотя психоаналитики всегда протестовали против этого мнения, но кажется слегка сомнительным, что внушение, даже не обязательно гипнотического типа, играет очень важную роль в их трактовке. Однажды установленный *раппорт* по команде гипнотизера может быть перенесен на других людей. Он может сказать загипнотизированному субъекту: «Это мистер Смит. Я хочу, чтобы вы выполняли все, что он скажет вам, так же, как вы выполняли бы все, что скажу вам я». Такая команда устанавливает *раппорт* между субъектом и мистером Смитом, и таким образом *раппорт* может быть передан далее целому ряду людей. Если такой сознательной передачи не будет, на гипнотизируемого субъекта вообще не подействует внушение мистера Смита или кто-либо еще. Его *раппорт* целиком принадлежит человеку, первоначально осуществившему гипноз.

Постгипнотическая амнезия, или полное забвение всего, что случилось под гипнозом, часто сопутствует гипнотическому трансу. Впервые с ней столкнулись в случае с уже упоминавшимся Виктором, молодым пастухом, которого гипнотизировал маркиз де Пьюсегюр. Когда он (Виктор) очнулся от гипноза, то не смог вспомнить ничего из того, что произошло в это время.

[1] Раппо́рт — вид связи, возникающей между гипнотизером и гипнотизируемым субъектом. — *Прим. ред.*

Такие виды амнезии являются распространенными при состояниях глубокого гипнотического транса и не требуют внушения субъекту. Вероятно, они являются непосредственным результатом глубокого гипнотического транса. Когда транс менее глубок, то гипнотизеру может понадобиться внушить субъекту, что тот должен забыть все произошедшее. Подчинение таким командам обычно осуществляется без труда, за исключением самых легчайших степеней гипноза, когда они не действуют.

Таким образом, существует непрерывность между последним моментом перед погружением субъекта в гипнотический транс и первым моментом, когда он пробуждается, полностью забыв о том, что произошло между данными моментами времени. Это можно проиллюстрировать на примере эксперимента, проведенного над довольно хвастливым и самоуверенным молодым человеком, который вошел в лабораторию, громко заявляя, будто он не верит в гипноз и знает, что никому не удастся загипнотизировать его и что он скоро покажет, дескать что экспериментаторы — это скопление некомпетентных дураков. Он продолжал говорить в том же духе, пока ему повторяли гипнотическое внушение, чтобы погрузить его в глубокий сон до того момента, когда экспериментатор ударит по столу молоточком для проверки рефлексов. Молодой человек как раз говорил: «...более того, я ни за что не поверю, чтобы кто-нибудь с такой силой воли...» — и в это время экспериментатор резко ударил молоточком по столу. Глаза субъекта мгновенно закрылись, он умолк и впал в достаточно глубокий транс. В течение более двух часов с ним была проведена серия экспериментов, показавших, что он в действительности очень «хороший» субъект. После этого ему внушили, что после пробуждения он не будет помнить ничего из гипнотического периода. В тот момент, когда экспериментатор снова ударил по столу молоточком, субъект продолжил говорить прерванную фразу: «...как у меня, мог быть загипнотизирован». Когда ему рассказали о том, что произошло, он отнесся к этому весьма скептически, и только взгляд на собственные часы заставил его поверить в то, что он действительно находился под гипнозом.

Если мы снова загипнотизируем субъекта сразу после его постгипнотического пробуждения, то в его памяти второе гипнотическое состояние придет в контакт с первым, но все, что произош-

ло между ними двумя, забывается. Однако такие типы амнезии можно устранить при помощи внушения. Если субъекту в конце гипнотического транса внушить, что он вспомнит все произошедшее во время оного, то обычно не составляет большого труда сделать так, что он будет понимать и помнить то, что обычно остается неосознанным и забытым.

Одно из самых удивительных проявлений действия постгипнотической амнезии было обнаружено в случае другого гипнотического явления, которое вызвало большой интерес с первого дня его открытия. Это явление постгипнотического внушения. Если под гипнозом субъекту сделано внушение, которое следует выполнить в определенное время или после получения определенного сигнала, то он его выполнит, даже если будет в это время не в гипнотическом трансе, а в состоянии бодрствования. В качестве примера я уже приводил типичный случай когда загипнотизированному субъекту говорят, что он проснется через десять минут, потом добавляют, что через какое-то время после этого гипнотизер трижды высморкается. Это сигнал, после которого субъект встанет, выйдет в холл, возьмет с вешалки третий слева зонтик, вернется в комнату и раскроет зонтик.

На вопрос о причине этого поступка он, естественно, не может ответить, поскольку не осознает ее. Вместо этого он может привести относительно убедительный довод: к примеру, скажет что-то вроде «Ну вы же знаете старое суеверие о раскрытых в здании зонтиках. Мы как раз говорили о суевериях, и я хотел показать вам, что я вовсе не суеверен». Многие их этих разумно обоснованных объяснений достаточно изобретательны, и люди, в особенности умные, могут, как правило, найти подходящую причину для любого действия, которое было им внушено под гипнозом. Более того, они, по-видимому, сами безоговорочно верят своим собственным рационалистическим обоснованиям. Человеческая склонность рационализировать свои действия и способность свято уверовать в свои собственные объяснения, к сожалению, представляет собой слишком широко распространенное и слишком хорошо известное явление, чтобы ускользнуть от внимания философов и психологов. В данном случае важен способ, при помощи которого становится возможным контролировать ситуацию таким образом, что истинная причина поведения человека известна экспериментатору, но неведома самому человеку. Очень странно, что этот весьма эффективный метод исследования процесса рационализации не использовался в должной мере для экспериментальных целей, оставаясь, по большей части, забавной демонстрацией и послеобеденной игрой.

Нет сомнений относительно огромной силы постгипнотического внушения и его способности действовать на субъекта. В качестве примера мы уже рассматривали случай с психологом, который интересовался явлениями гипноза и сам захотел испытать явления гипноза непосредственно на себе. Несмотря на то что он прекрасно понимал механизм действия гипноза, он тем не менее не смог противостоять внушению.

В этих случаях происходит следующее: постгипнотическое внушение устанавливает в сознании защищенное от внешних воздействий стремление к действию, которое относительно независимо от сознательного контроля и настоятельно требует исполнения, прежде чем сможет объединиться с остальной частью сознания субъекта. Этим оно в миниатюре очень напоминает комплекс, часто встречающийся у неврастеничных или же эмоционально нестабильных пациентов. Субъекту неизвестна причина этого стремления, и даже если он догадывается о ней, как в случае с только что упомянутым психологом, это знание не может противостоять определяющему воздействию данного маленького «комплекса». Если вспомнить, что в упомянутом частном случае это однократное внушение одержало победу над устойчивостью и силой воли цельного, волевого и компетентного человека, который фактически знал, что происходит, то станет ясно, что гипноз и гипнотические внушения отнюдь не игрушки, а явления, обладающие огромной силой и влиянием.

Принимая во внимание это обстоятельство, неудивительно, что предпринимались попытки использовать постгипнотическое внушение в качестве лечебного метода. Эта идея стала особенно популярной, когда выяснилось, что постгипнотическое внушение может действовать в течение очень длительных периодов времени. Компетентные исследователи заявляли, что постгипнотические внушения имели силу через пять лет после того, как были сделаны, а за периоды от нескольких месяцев до года поручи-

лись несколько заслуживающих доверия экспериментаторов. Все же, несмотря на это, воздействие целительного постгипнотического внушения обычно не бывает абсолютно позитивным. Предположим, вы хотите избавиться от алкоголизма или табакокурения. Для этой цели можно сделать такое внушение, что после принятия алкоголя вы будете чувствовать себя больным, а у табака будет вкус алоэ. Это внушение определенно имеет силу во время гипнотического транса и даже в течение одного или двух дней после него, если сделано как постгипнотическое, но постепенно сила внушения ослабевает, до тех пор пока через неделю или около того от него ничего не останется и субъект не возвратится к своему первоначальному пристрастию. Конечно, можно каждые несколько дней повторно гипнотизировать его и давать постгипнотические внушения снова и снова, но такой способ не пользуется популярностью, поскольку многие люди боятся, что сам гипноз станет привычкой и, возможно, худшей и более затратной, чем алкоголь и табак. В результате в настоящее время постгипнотическое внушение применяется в очень незначительной степени, хотя мне всегда казалось, что если бы метод был экспериментально исследован более добросовестным образом, чем это делалось и делается до сих пор, то удалось бы получить намного более положительные результаты.

Другое часто наблюдаемое при гипнозе явление — это превышение обычной работоспособности. В связи с этим было сделано множество до смешного преувеличенных заявлений. В частности, некоторые писатели были настолько поражены тем, что могут делать люди под действием гипноза, что не стали выяснять, а нельзя ли сделать то же самое в обычном состоянии! Однако, кажется, зерно истины заключаетя в том, что под гипнозом определенные действия выполняются быстрее или более точно, чем в состоянии бодрствования. При выполнении таких простых заданий, как нанесение точек на небольшие квадратики с максимальной скоростью, умножение чисел, вычеркивание определенных букв из представленного списка, сложение чисел, счет по три, отбивание самого быстрого ритма, сортировка карт по колодам, нанизывание колец на шест и так далее, было обнаружено, что посредством гипнотического внушения можно добиться улучшения от 30 до 60 процентов. Несколько меньшее значение может получиться от постгипнотического внушения. Колебание процентных соотношений составляет приблизительно от 20 до 40 процентов.

После изучения всех отчетов по поводу спланированных и выполненных экспериментов в этой области становится ясно, что улучшение, полученное для поставленной задачи, не является неизменным, а представляет собой переменную, которая зависит от сложности задачи. Общее правило будет звучать следующим образом: *чем проще задача, тем больше улучшение,* и наоборот, *чем сложнее задача, тем меньшим будет улучшение.* Для очень сложных задач, таких как выполнение тестов на интеллект, улучшения может не только не быть вообще, но вероятно даже небольшое снижение производительности.

Трудно сказать, какому из причинных факторов можно приписать улучшение такого типа. Одна из гипотез, у которой есть экспериментальная поддержка, такова: улучшения связаны с уменьшением усталости, которая, как известно, сопутствует гипнотическому внушению. Это одно из самых примечательных свойств гипноза и единственное из признанных всеми, кто работает в этой области. Отчет о реальном эксперименте может проиллюстрировать разницу между нормальным и гипнотическим состояниями. Субъект просят сжимать динамометр в ритме, задаваемом метрономом. Динамометр — это прибор для измерения силы сжатия. Субъект тянет рукоятку изо всей силы. Рукоятка соединена со стальной пружиной, и давление, оказываемое на пружину, регистрируется по шкале. Сжатие динамометра в быстром темпе — весьма утомительное дело, и показатели очень быстро падают. Рисунок 1 показывает количество сжатий, выполненных субъектом в нормальном состоянии (N), а также в состоянии гипноза (H). Во время гипноза ему внушили, что он самый сильный человек в мире и что он вообще не почувствует усталости.

Можно заметить, что внушение о возросшей силе практически не имеет эффекта, поскольку начальные участки обеих кривых расположены рядом друг с другом. Однако эффект внушения об «отсутствии усталости» можно отметить уже с пятой попытки.

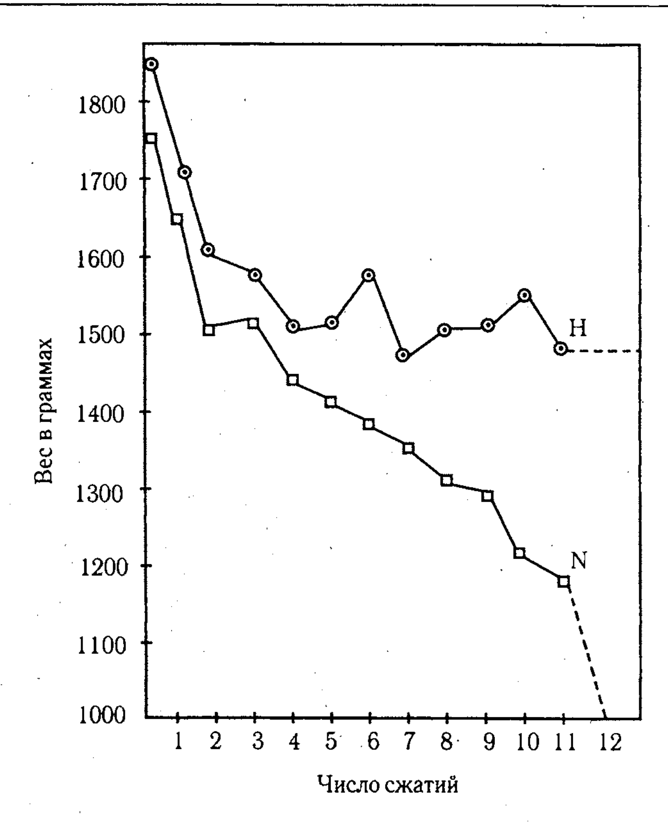

Рис. 1. Вес в граммах при сжатии субъектом динамометра в нормальном состоянии (N) и под гипнозом (H)

В то время как кривая, описывающая силу сжатия в нормальном состоянии, окончательно падает после двенадцатой попытки (субъект вообще не способен продолжать упражнение), под гипнозом она остается на том же уровне после пятой попытки, и субъект продолжает действие еще достаточно долго после двенадцатой попытки. Данный результат довольно типичен по сравнению с другими, полученными в этой области, и поскольку большое количество задач, в которых гипнотизируемый человек показывает превышение над нормальным состоянием, включает «мускульное» противодействие того или иного вида, то нельзя исключить вероятность того, что улучшение в большой степени обусловлено отсутствием усталости в условиях гипноза. Другая

гипотеза, которую следует рассмотреть, связана с возможностью того, что повышение производительности в действительности обусловлено изменениями в эмоциональном состоянии субъекта. Многие люди, подвергаясь психологическим тестам, выказывают определенное беспокойство и эмоционально реагируют на всю ситуацию в целом. В следующей главе будет показано, что эмоции имеют тенденцию мешать хорошей «мускульной настройке». Следовательно, можно полагать, что более ровная эмоциональная атмосфера, возникшая как часть гипнотической процедуры, и рассеивание беспокойства с помощью внушения — тоже части гипнотического метода, будут повышать производительность посредством уменьшения влияния эмоций. Во многих случаях это может выступать как сопутствующее обстоятельство, но маловероятно, что этим можно все объяснить. Один или два отчета показали, что при определенных обстоятельствах снятие беспокойства и других тревожных эмоций посредством гипноза может даже улучшить результаты по тестам на интеллект. Однако следует подчеркнуть, что это будет происходить лишь в случаях крайней эмоциональной неустойчивости и что для нормальных людей вероятность улучшить свой IQ посредством гипнотического внушения очень мала!

Третья гипотеза относится к вопросу мотивации. В нормальном состоянии многие субъекты могут не иметь сильной мотивации к выполнению простых задач, которые их просит решить экспериментатор. Гипноз способен изменить степень мотивации и, следовательно, привести к положительному эффекту. Все эти теории могут быть правильными частично. Несмотря на то, что двигательные функции под гипнозом улучшаются — это уже не вызывает сомнений, причины данного факта для определенного вида случаев неизвестны.

Еще одним явлением гипноза, которое привлекает, наверное, внимания больше, чем почти любое другое по причине своей лечебной перспективы, является улучшение памяти под гипнозом. Утверждается, что в гипнотическом трансе человек может вспомнить вещи, которые в нормальном состоянии вряд ли способен вспомнить. Действительно, высказывается мнение, что под гипнозом человек может быть «возвращен» в ранние годы и что в этих условиях он будет снова переживать события, которые произош-

ли в то время, и чувства, которые они вызывали в нем. Это утверждение привело к волне критических дискуссий, в особенности потому, что некоторые защитники «гипнотического возвращения» перешли в своих утверждениях к фантастическим отрезкам времени. Так, предполагалось, что под гипнозом человека можно вернуть не только к моменту рождения, но и к моментам внутриутробного существования. Абсурдные заявления такого характера не нашли положительного отклика среди ученых, но имеются некоторые данные, представляющие значительный интерес и важность.

Прежде всего, давайте посмотрим с чисто наглядной точки зрения на то, что происходит, когда человек гипнотизируется и возвращается к раннему возрасту. Субъект обычно использует тот язык, которого можно ожидать от человека с так называемым возвращенным возрастом. Его голос может стать детским, или человек, сохранив нормальный тембр, будет использовать только простые слова и фразы. Его общее поведение будет иметь тенденцию соответствовать предполагаемому возрасту. При возврате, скажем, в пятилетний возраст, он будет играть с игрушками, протестовать и плакать, если игрушки заберут. Рисунки испытуемого будут по-детски безыскусными и приблизительно соответствовать уровню ребенка заданного возраста. Почерк изменяется и часто становится похожим на детские каракули субъекта. В одном из экспериментов 20-летнюю девушку возвращали в различные возрасты. На уровне шестилетнего возраста она перекладывала мелок в левую руку, так как в шесть лет она начинала писать левой рукой.

В другом случае 30-летний субъект мужского пола сидел в кресле, устроенном так, что если открыть защелку, оно падало назад, в горизонтальное положение. (Это излюбленное приспособление, которое психологи используют для моделирования эмоциональных реакций!) Когда мужчина был возвращен в возраст примерно одного года, защелку внезапно открыли, и кресло опрокинулось назад. Взрослый человек или ребенок старшего возраста совершенно непроизвольно вытянул бы руки и ноги в попытке сохранить равновесие. Загипнотизированный же субъект испуганно закричал, но не сделал никакого движения конечностями и опрокинулся вместе с креслом. Еще одной реакцией, весьма неожиданной и смутившей как гипнотизера, так и субъекта, стало сопутствующее непроизвольное мочеиспускание! Маловероятно, что подобная реакция обусловлена просто вхождением в роль.

Другие типы исследований касались поведения субъектов, возвращенных в определенный возраст, при тестах на интеллект и в различных тестах, определяющих качество работы. Обычно такие люди при подобных тестах ведут себя соответственно заданному возрасту. Такие реакции, конечно, можно легко сфальсифицировать, но выявлено, что если сфотографировать движения глаз субъекта, то в момент его гипнотического возвращения к сравнительно юному возрасту наблюдается существенная нескоординированность и недостаточная устойчивость глазного яблока. Такие психологические явления характерны для маленьких детей, и произвольно вызвать их очень трудно, если вообще возможно. Подобный эффект был описан в случае с субъектом, чье зрение было повреждено в раннем детстве и который с 12 лет носил очки. Возвращение к 7-летнему возрасту вызвало определенное улучшение как ближнего, так и дальнего зрения, что было зафиксировано окулистом. Еще более впечатляющим является случай с субъектом, у которого со дна третьего желудочка была удалена коллоидная киста. До этой операции субъект страдал слепотой левой стороны правого глаза. После операции зрение стало нормальным, но когда субъект под гипнозом был возвращен к моменту, предшествовавшему операции, дефект зрения на время возвращения появился снова.

Несколько иной тип доказательства имеет чисто нейропсихическую природу и касается рефлекса Бабинского. У обычного взрослого человека поглаживание стопы заставляет большой палец ноги отклоняться вниз. У детей в возрасте примерно до семи месяцев рефлекторная реакция на поглаживание стопы выражается в изгибании спины или отклонении большого пальца ноги вверх. Если гипнотическое возвращение действительно существует, как мы предполагаем, то при возвращении взрослого человека в возраст пяти или шести месяцев должен появляться рефлекс Бабинского, т. е. изгибание спины. Это действительно было отмечено у субъектов, которые не могли знать эти, известные лишь посвященным, подробности нейропсихического развития.

При обсуждении некоторых фактов я не упомянул о многих исследованиях, в ходе которых пациентов просили вспомнить определенные события, произошедшие на сравнительно ранних этапах их жизни. Последующие проверки этих событий подтвердили их подлинность. Такой тип исследований слишком открыт для фальсификаций, и всякого рода неконтролируемые вмешательства имеют большое значение. Предполагаемые события, которые гипнотизируемый переживает при возвращении, могли обсуждать с ним другие люди, причем спустя много лет после того, как они произошли. На сами воспоминания свидетелей могла повлиять история, рассказанная возвращаемым субъектом. Кроме того, некоторые подтверждающие детали мог разработать сам экспериментатор, чтобы исключить неподходящие элементы. Однако сравнительно недавно такой неудовлетворительный вид доказательства был преобразован в научно пригодный и достаточно убедительный метод проведения экспериментов. Идея весьма проста и технически несложна. Пациент во время гипнотического возвращения говорит об определенных событиях и вспоминает о вещах, которые случились много лет назад. Как можно проверить правдивость этих воспоминаний вне зависимости от субъективных воспоминаний других людей? Ответ на этот вопрос очень прост, а любой читатель, нашедший его, показал бóльшую научную изобретательность, чем сотни академиков и медицинских гипнотизеров, которые раз за разом повторяли все те же неэффективные и бесполезные исследования.

Суть решения состоит в том, чтобы отыскать объективный факт, который субъект хорошо знал в то время, в которое он возвращен, но который в течение жизни, естественно, забыл. Фактами такого рода являются дни недели, на которые выпадал его четвертый, или восьмой, или десятый день рождения, или же день недели, на который приходилось празднование определенного Рождества, и так далее. Процедура теста очень проста. У субъекта спрашивают, на какой день недели приходился его, скажем, шестой день рождения. Практически никто не в состоянии правильно вспомнить подобное отдаленное событие, имевшее место двадцать или более лет назад. Затем субъект гипнотизируется и постепенно возвращается в тот конкретный день. Дни рождения

имеют для детей очень большое значение, и *в то время* они точно знают, на какой день недели приходится их день рождения. Следовательно, у субъекта, возвращенного в тот день, просто спрашивают, какой сегодня день недели. Правильные ответы дали 93 процента субъектов, возвращенных в 10-летний возраст; 82 процента субъектов, возвращенных в 7-летний возраст, и 69 процентов тех, кто был возвращен в 4-летний возраст.

Эксперименты, похожие на описанные выше, почти не оставляют сомнений в том, что в гипотезе о реальности возвращения в определенный возраст содержится определенная доля правды и что возможно восстановить те воспоминания, которые большинство людей считают полностью утраченными. Этот факт может быть использован для психотерапевтических целей, а то, как это можно сделать, покажем на примере. Пациентка — 42-летняя замужняя женщина, умная и начитанная. На протяжении многих лет эта пациентка, миссис Смит, страдала от периодических приступов астмы. Ее работа требовала от нее посещения различных больниц (она была социальным работником в области психиатрии), и в такой ситуации она всегда испытывала очень сильный страх. Другие необоснованные реакции вроде страха проявлялись у нее при виде пары волосатых мужских рук. Ножи также вызывали ужас, а по ночам ей снились кошмары.

Однажды во время самоиндуцированного транса она была возвращена в ранний возраст, где с необычайной ясностью пережила совершенно забытый инцидент. Она увидела себя лежащей на столе под яркими лампами. Мужчина, стоявший рядом с ней, держал небольшой нож. Сверху спустился некий незнакомый угрожающий предмет и повис над ее лицом. Девочку охватил ужас, она попыталась подняться, но две волосатых руки схватили ее и грубо толкнули назад. Она продолжала бороться, но ее снова кто-то сильно встряхнул и ударил. В конце концов, предмет опустился на лицо и задушил ее.

При анализе увиденного было обнаружено, что в возрасте шестнадцати месяцев ей сделали мастоидэктомию, после чего у нее были сильные осложнения, вызванные тяжелым шоком. Две медицинских сестры из больницы рассказали ее матери о жестокости, проявленной к ребенку анестезиологом, и о том, что за попытку протеста они были уволены. Через некоторое время пос-

ле этого ребенку стали сниться кошмары, и девочка стала эмоционально беспокойной. Последствием этой давней операции стал первый приступ астмы, случившийся с миссис Смит.

В результате «месмеровского кризиса» или «фрейдовской абреакции» миссис Смит полностью избавилась от астмы, перестала бояться волосатых рук, а страх перед ножами и больницами полностью исчез.

В связи с нашим обсуждением явлений, характеризующих гипноз, можно упомянуть еще два вопроса, не имеющих, однако, прямого отношения к данной теме. Один из них — можно ли людей, находящихся под гипнозом, побудить к совершению преступления, а второй — всех ли людей можно загипнотизировать? Эти вопросы задаются, пожалуй, чаще, чем любые другие, связанные с гипнозом. При рассмотрении первого вопроса — о совершении преступных действий загипнотизированными людьми, — можно сказать, что сравнительно недавно наиболее рассудительные авторы не были склонны принимать в расчет такую возможность. Они приводили пример с молодым помощником Шарко, который потерпел неудачу при попытке побудить гипнотизируемую девушку раздеться, и делали вывод, что внушение, побуждающее человека делать то, что сильно противоречит его моральным и этическим убеждениям, в общем не будет выполнено, а просто приведет к пробуждению. Действительно, в экспериментальной литературе можно найти множество наблюдений такого рода и с достаточной степенью уверенности сказать, что во многих случаях *явное внушение сделать что-либо неэтичное или аморальное субъект выполнять не станет.*

Однако совсем недавно был проведен ряд экспериментов с целью показать, во-первых, что это заключение не является универсально истинным и, во-вторых, что вся структура того типа экспериментов, на которых оно базируется, слишком узка. Может быть достаточно одного примера, чтобы пояснить характер связанных с этим экспериментов. Экспериментатор демонстрировал субъекту действие азотной кислоты, опустив в нее монету. Монета, естественно, полностью растворилась, и субъект осознал разрушительную силу азотной кислоты. В то время, как экспериментатор отвлек внимание пациента от сосуда с кислотой, помощник подменил его аналогичным сосудом с водой цвета метиленовой сини. Вода была постоянно горячей из-за наличия в ней мелких капелек перекиси бария.

Затем гипнотизируемому субъекту было приказано бросить сосуд с азотной кислотой (в действительности, конечно же, с безобидной водой) в помощника, находившегося в той же комнате. При таких условиях оказалось возможным заставить под гипнозом некоторых субъектов бросить то, что они считали крайне опасной кислотой, в лицо присутствующего человека, поскольку это можно было аргументировать тем, что, возможно, они (субъекты) обнаружили разницу между кислотой и водой. На самом же деле в этом конкретном эксперименте ответственный за него человек сделал то, что он назвал «самой прискорбной ошибкой в технологии», забыв подменить азотную кислоту безобидной чашкой воды. Так, в одном случае помощник был на самом деле облит азотной кислотой. (Благодаря быстро оказанной помощи рубцов на его лице не осталось.) Это соприкосновение с действительностью не было намеренным, но показывает, что даже экспериментатор и помощник не смогли отличить настоящую кислоту от фальсифицированной.

Другой эксперимент описывает, как постгипнотическое внушение было сделано солдату, призванному на воинскую службу. Согласно ему солдат дезертировал, совершив тем самым антиобщественный факт, который, несомненно, повлек бы суровое наказание, не будь известны обстоятельства дела. Отсюда следует, что определенные антиобщественные действия могут быть вызваны гипнозом, хотя читателю их сущность может показаться несерьезной. Трудность состоит в том, что если проступок носит серьезный характер, то выполнение действия вполне справедливо повлечет судебное наказание гипнотизера и, возможно, гипнотизируемого.

Однако другой вид деятельности, основанный на важном теоретическом соображении, намного важнее демонстраций того, что прямое внушение может вызвать антиобщественные действия. Ранее уже высказывалось утверждение, что, делая субъекту прямое внушение, гипнотизер на самом деле не наилучшим образом использует известные гипнотические явления. Мы можем рассмотреть уже неоднократно упомянутый случай с девушкой, отказавшейся раздеться. Размышляя о ее душевном состоя-

нии, мы можем заключить, что она испытала внутренний конфликт. С одной стороны — сильное внушение раздеться, с другой стороны — очевидное присутствие группы молодых мужчин, вызвали конфликт между внушением и этическими и моральными принципами, привитыми ей в процессе воспитания. Если бы гипнотизер действительно был настроен серьезно, то он должен был, конечно, приступить к делу несколько иным образом, например, попытавшись путем внушения устранить конфликт из сознания девушки. Ему следовало прежде всего вызвать в ней отрицательные галлюцинации, чтобы создать эффект того, будто она в комнате одна, или, возможно, только со своей подругой, роль которой экспериментатор мог взять на себя. Далее, он должен был использовать положительные галлюцинации, чтобы внушить, что они обе находятся в спальне девушки, затратив достаточно времени для внедрения этого внушения в сознание субъекта во всех подробностях, и красочно описать наличие и расположение различных предметов обстановки.

Следующим этапом внушения должно было бы стать, наверное, то, что уже якобы темнеет, что утром им рано вставать и что надо ложиться спать. Такой вид внушения, однажды принятого, быстро привел бы испытуемую к мысли, что теперь она должна снять одежду и лечь в кровать.

Почти не сомневаюсь, что при таких условиях вообще не составило бы труда получить желаемый результат. (Насколько мне известно, такой эксперимент не был осуществлен, однако свидетельство, которое будет приведено ниже, подтверждает мое предположение.)

По существу приемы, внушаемые для достижения антиобщественных результатов, не сильно отличаются от тех, которые используются многими людьми в повседневной жизни. Давайте возьмем случай сэра Пампердинка Фланнела Фланнела, усатого грубияна из мелодрамы викторианской эпохи. Что он делает, пытаясь соблазнить невинную девушку? Он явно не обращается к ней со словами: «В постель с тобой, моя гордая красавица». То, что он делает, — это хорошо известная практика попытки создания в сознании девушки ситуации, которой в действительности не существует. Он симулирует вечную любовь, изображает желание жениться на ней, дает огромное количество клятв, предназначенных для того, чтобы завуалировать результат и представить свои желания в ином свете. Итог, как показывает опубликованная статистика появления незаконнорожденных детей, весьма благоприятен, несмотря на отсутствие гипноза. Если к полученной картине добавить гипноз, то нет сомнений в гораздо большей эффективности метода такого типа.

Но перейдем от размышлений к экспериментам. В качестве примера давайте возьмем случай с рядовым 20-летним солдатом, имевшим очень хорошую воинскую характеристику. Эксперимент проходил в присутствии нескольких старших армейских чинов. Прямо перед субъектом, примерно в десяти футах от него, стоял подполковник. Субъект был погружен в транс, и ему внушили: «Через минуту ты медленно откроешь глаза. Перед собой ты увидишь грязного японского солдата со штыком. Он убьет тебя, если ты не убьешь его первым. Ты должен будешь задушить его голыми руками».

Субъект открыл глаза и начал медленно красться вперед. Затем в прыжке повалил подполковника на пол, ударил его о стену и начал душить обеими руками. Понадобились три человека, чтобы разжать ему руки и оттащить от жертвы. Он не мог успокоиться до тех пор, пока экспериментатор снова не погрузил его в глубокий, спокойный сон. Подполковник, подвергшийся нападению, сообщил, что оно было далеко не притворным и что он мог быть убит или получить телесные повреждения, не подоспей помощь вовремя. Учитывая, что нападение на офицера является очень тяжким воинским преступлением, мы видим, что квалифицированный гипнотизер, исказив субъекту представление ситуации, может легко спровоцировать весьма серьезный антиобщественный поступок. Если к этому рассуждению добавить тот факт, что субъект может быть загипнотизирован против его воли, то можно видеть, насколько опасна излишняя уверенность в том, что невозможно причинить большого вреда под гипнозом, из-за чувства самосохранения, скрытого в этическом и моральном кодексе индивидуума. Необходимо проделать большую работу, прежде чем мы узнаем возможные ограничения гипнотического контроля над людьми, однако уменьшить этим опасность, присущую антиобщественному использованию гипноза, определенно не удастся.

Серьезность этих опасностей, вероятно, связана с числом людей, которых можно ввести в глубокий гипнотический транс. Это число, к сожалению, неизвестно. В действительности задачу в том виде, в котором она сформулирована, в принципе, решить невозможно. По самой сути вещей мы не можем сказать, какая часть населения имеет высокий рост или избыточный вес, или какая умна, потому что это градуированные качества, и нет такой точки отсчета, относительно которой мы можем сказать, что любой, кто превышает ее, имеет высокий рост, или умен, или толст, и что любой, кто оказывается ниже этой точки, обладает обратными качествами. Подобным же образом гипнотическая восприимчивость образует ступенчатую непрерывность. Разные люди имеют различные степени восприимчивости, и нет такой точки, о которой можно сказать, что любой, кто находится выше нее, может считаться подверженным гипнозу. Эта непрерывная природа гипнотической внушаемости довольно ясно демонстрируется рядом «гипнотических шкал», которые были разработаны для измерения глубины гипнотического транса. В них используется ряд внушений возрастающей сложности. В каждом случае записывается успех или неудача гипнотизируемого человека по отношению к применявшемуся внушению. Значение отдельного явления оценивается с учетом его редкости, т. е. трудности его реализации у большой группы людей, подверженных гипнозу.

В таблице 1 представлена структура одной из таких шкал. Задаваемые внушения приведены слева. Количество очков, соответствующее каждому пункту, показывает число случаев, в которых это внушение было успешно выполнено. Так, большое количество людей принимали внушение, что их глаза устают, что они полностью расслаблены и неспособны действовать. Перчаточная анестезия, т. е. неспособность чувствовать прикосновение к участку кожи, закрытому перчаткой, вызывалась гораздо труднее. Иллюзии колокольного звона или движения ног были еще более редкими. Иллюзия включения электрической лампочки, постгипнотическое внушение с целью заставить субъект встряхнуть и открыть коробку, а также самопроизвольная амнезия по отношению ко всему процессу вообще были самыми редкими. Каждому индивидууму начис-

лялись очки по этой шкале, в соответствии с показанной им степенью внушаемости. Как видно, эти очки образуют равномерную последовательность, или непрерывность, направленную сверху вниз.

Таблица 1

Шкала Айзенка — Фурнье

Внушаемые элементы	**Очки**
Усталость глаз	76
Полное расслабление	76
Чувство неспособности действовать	65
Непреодолимое опускание рук	63
Тяжесть век	61
Невозможность поднять руку	59
Чувство большой отдаленности (на мили)	54
Чувство приятной теплоты	53
Перчаточная анестезия	46
Закрывание глаз	45
Окоченение и неподвижность рук	36
Невозможность поднять руку (глаза открыты)	24
Иллюзия колокольного звона	22
Полная каталепсия (оцепенение)	21
Не может слышать звонок	19
Иллюзия движения ног	18
Усиление качания тела (постгипнотическое)	18
Длительность внушаемости (постгипнотической)	16
Амнезия (самопроизвольная)	15
Встряхнуть и открыть коробку	13
Иллюзия включения электрической лампочки	12

Некоторые авторы непрерывной шкале предпочитают использование категорий. Так, один из них применяет следующие пять категорий:

1) *невосприимчивость*: полное отсутствие отклика на внушение;

2) *гипноидальность:* расслабление; дрожание век; закрывание глаз; полное физическое расслабление;

3) *легкий транс:* неподвижность глаз; оцепенение конечностей; жесткие каталепсии; перчаточная анестезия;

4) *средний транс:* частичная амнезия; постгипнотическая анестезия; изменения личности; простые постгипнотические внушения;

5) *глубокий транс:* способность открыть глаза без воздействия на транс; причудливые постгипнотические внушения; постгипнотические галлюцинации; положительные и отрицательные акустические галлюцинации; систематизированные постгипнотические амнезии.

Из отчетов, описывающих множество различных экспериментов, можно получить весьма приблизительные данные о процентном соотношении людей, попадающих в различные из указанных категорий. Около 15 процентов признаны невосприимчивыми; около 40 процентов впадают в гипноидальный или легкий транс; примерно у 25 процентов обнаружены характерные признаки среднего транса; около 20 процентов проявили характерные признаки глубокого транса.

Эти значения весьма показательны, но, к сожалению, не очень понятны. Тому есть несколько причин. В первую очередь, гипнотическое поведение может изучаться и осуществляться на практике фактически таким же образом, как изучаются и осуществляются на практике другие типы поведения.

Человек может начинать как довольно индифферентный субъект, но после определенной практики он, возможно, станет проявлять все более и более глубокие стадии гипноза. Если он, согласно своим реакциям, классифицируется как начинающий, то будет расценен как невосприимчивый или только гипноидальный. Если же он классифицируется после нескольких часов практики, то будет расценен как способный к глубокому трансу.

Другое затруднение связано с различными методами, используемыми гипнотизерами. Это различные способности и различный опыт самих гипнотизеров. Так, некоторые люди гораздо лучше других вызывают глубокий транс, и, следовательно, полученные ими процентные данные будут сильно отличаться от данных, полученных посредственными гипнотизерами.

Нельзя также сказать, что гипнотизер обязательно «хороший» или «плохой» в абсолютных показателях. Определенный гипнотизер может иметь успех с мистером Смитом и потерпеть неудачу с мистером Брауном, тогда как другой гипнотизер может, наоборот, иметь успех с мистером Брауном и потерпеть неудачу с мистером Смитом. Существование неоднозначных личных взаимоотношений может очень сильно усложнить картину.

Еще одним затруднительным параметром является конкретная техника, применяемая данным гипнотизером в конкретном случае, и продолжительность времени, в течение которого он готов продолжать попытку. Один из самых известных современных гипнотизеров сообщает, что кому-то из его самых способных субъектов потребовалось менее тридцати секунд для погружения в свой первый глубокий транс, в то время как второму субъекту потребовалось 300 часов систематического труда, прежде чем у него был вызван транс. Редко кто из экспериментаторов затрачивает столько же времени на своих менее успешных субъектов, как этот. Весьма вероятно, что поступай они именно так, большинство их субъектов можно было бы отнести к высшей категории. Один из отчетов проиллюстрирует элемент случайности, который делает большинство из приведенных данных в некоторой степени бессмысленными. Очень решительный гипнотизер провел несколько часов с определенным субъектом, не добившись никаких гипнотических реакций. Наконец после трехчасового сеанса он полностью лишился самообладания и крикнул субъекту: «Черт возьми, засыпай, скотина!» Тот мгновенно впал в глубокий транс и после этого стал образцовым субъектом.

К этим многочисленным трудностям добавляются частые изменения мотивации, которые, несомненно, играют роль в определении реакций человека в конкретных гипнотических ситуациях. Из всего этого можно заключить, что простой вопрос о числе людей, которых можно загипнотизировать, прямого ответа не имеет. Существует очень много квалификационных критериев и очень мало экспериментальных работ, которые могли бы прояснить влияние вышеупомянутых факторов, поэтому даже догадка может казаться обоснованной. Однако можно сказать, что в ру-

ках компетентного гипнотизера, который готов потратить по крайней мере четыре часа на каждого человека, и при условиях, которые делают субъект, скорее дружелюбным, чем враждебным, гипнотические явления можно вызвать, приблизительно, у 85 процентов населения. Вполне возможно, что эта цифра может быть еще выше и в действительности легко достигнуть 100 процентов. Таким образом, гипноз — это не редкое и обособленное явление, а феномен, который важен для огромного большинства людей, а возможно, и для всех.

Теперь охватим главные явления, характеризующие гипнотическое состояние. Мы можем снова вернуться к некоторым теориям, выдвинутым разными людьми, о причинах этих явлений. Месмеровская теория «животного магнетизма» имела немало последователей, которые интересовались гипнотическими явлениями. Едва ли есть необходимость возражать против этой доктрины, однако следует отметить некоторых из этих людей, которые впоследствии способствовали выдвижению альтернативных теорий. В частности, английский врач Джеймс Брэйд, и группа французских исследователей. Брэйд, который заинтересовался гипнотическими явлениями во время их публичных демонстраций, был вначале настроен скептически, но позднее убедился в реальности демонстрируемого. Он провел ряд исследований, очень скоро заставивших его отвергнуть мнение, будто гипнотические явления обусловлены флюидом, проходящим из тела гипнотизера в тело субъекта.

Брэйд придумал слово «гипнотизм», обозначавшее метод, описанный выше, и до сих пор широко используемое, а также применял транс для безболезненных хирургических операций. Кроме того, он был одним из первых, кто понял, что внушение играет главную роль в гипнозе. Этот вывод в общих чертах уже был сделан Королевской комиссией, отчет которой о работе Месмера цитировался выше.

Несмотря на то, что это делает Брэйду честь, следует отметить, что многие его экспериментальные работы были совершенно скверными и положили начало убеждениям, едва ли менее абсурдным, чем убеждения Месмера. Брэйд был твердым сторонником френологии, этой курьезной теории, которая учит, что люди обладают определенными способностями, что эти способности располагаются в определенных частях мозга, что степень развития конкретной способности зависит от физического развития соответствующей части мозга и что это физическое развитие отражено в форме черепа. В соответствии с этим, френологи ощупывают выступы черепа, для того чтобы определить темперамент и способности человека. Брэйд внес в эту теорию свой вклад в виде учения, гласившего, что если оказывать давление на область головы гипнотизируемого человека, то можно выявить особенности поведения той или иной способности. Так, он пишет, что при нажатии на бугор, или «орган благоговения», на голове пациента, «менялось выражение лица и движение плеч, а также кистей рук, которые, кроме того, потом еще и соединялись вместе, и пациент... вставал с сиденья и опускался на колени, словно молился».

Справедливости ради надо сказать, что Брэйд постепенно улучшил уровень своих экспериментов и в конце концов отказался от веры во френологию. Тот факт, что такой талантливый и абсолютно честный человек, как Брэйд, совершал такие элементарные ошибки, свидетельствует о трудностях как экспериментальной работы в этой области, так и о слаборазвитом состоянии самих экспериментов в области психологии. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Сопоставимый уровень развития наблюдался и во Франции, в значительной степени благодаря работам скромного врача из Нанси, который практиковал гипнотизм на приходивших к нему домой бедных крестьянах. Этот человек по фамилии Либо стал заслуженно знаменитым не только благодаря своему вкладу в изучение гипноза, но и благодаря бескорыстной щедрости. Он отказывался от гонораров за лечение гипнозом. А вот описание его клиники, сделанное Бромвеллом, известным британским историком гипноза: «Его клиника, постоянно переполненная, находилась в двух помещениях, в саду... Пациенты, которым велели спать, погружались в тихий сон, затем принимали свою дозу лечебных внушений и, когда им говорили пробуждаться, тихо уходили прочь или ненадолго присаживались, чтобы поболтать со своими друзьями. Весь процесс редко продолжался более десяти минут. Никаких лекарств не было, и Либо особенно старательно объяснял своим пациентам, что он не обладает никакими

сверхъестественными силами и они не руководят им; что он делает простые вещи, которые можно научно объяснить. Малышка лет пяти, одетая бедно, но, видно, в лучшее, что у нее было, с венком из бумажных лавровых листьев на голове и маленькой книжечкой в руке, прошла в «светилище», смело прервала доктора во время его работы, потянув его за пиджак, и сказала: «Ты обещал мне пенни, если я получу приз».

Похвалив девочку и улыбнувшись ей, он дал ей пенни, и работа продолжилась. Две другие маленькие девочки, шести или семи лет, которых, очевидно, привели друзья, вошли и сели на диван позади доктора. Он, прервав на мгновение работу, сделал пасс в их сторону и сказал: «Спи, мой маленький котенок», повторил то же самое другой, и через мгновение обе уснули. Он быстро сделал им внушение и, затем, очевидно, вообще забыл о них. Примерно через двадцать минут одна из девочек проснулась и, желая уйти, стала трясти и тянуть свою подругу, пытаясь разбудить ее. Удивленное выражение на ее личике, когда ей не удалось это сделать, было весьма уморительным. Примерно через пять минут проснулась вторая девочка, и они, смеясь, вприпрыжку убежали».

После многих лет упорного труда Либо изложил свои взгляды в книге. Главные его доктрины были подобны воззрениям Брэйда. Однако, из-за скромности автора, был продан только один экземпляр этой книги. Его теория не пользовалась популярностью до тех пор, пока спустя двадцать лет с Либо не познакомился Бернхейм, профессор высшей медицинской школы в Нанси. Внимание медиков обратилось к успехам Либо в лечении гипнозом различных видов расстройств и к его теориям, объясняющим эти эффекты внушением.

Можно предположить, что, если серьезные ученые изгнали дьявола «животного магнетизма» таким радикальным образом и появилось так много экспериментальных работ, показывающих реальный эффект воздействий, наступил период упорных, спокойных исследований, которым не мешали споры вокруг старых доктрин Месмера. Однако этого не случилось. Человек, который возродил теорию «животного магнетизма», был не кто иной, как хорошо известный французский анатом и невропатолог по имени Шарко. То, что Шарко, который был весьма талантливым

экспериментатором в области психологии, стал известен последующим поколениям главным образом из-за вопиющих ошибок в его экспериментальных исследованиях гипноза, является одной из трагедий науки. История того, как это случилось, интересна и поучительна, поскольку ясно демонстрирует, что компетентность в психологическом экспериментировании никоим образом не гарантирует компетентность в психологической работе и на самом деле может спровоцировать человека, о котором идет речь, не замечать источников ошибок чисто психологической природы.

Шарко очень боялся обмана со стороны своих субъектов и решил, что его эксперименты должны быть такими же строгими, как и его психологические работы. Следовательно, в поведении своих субъектов он тщательно выискивал признаки гипнотического транса, которые нельзя симулировать и которые имели чисто объективный характер. На основании своих исследований он сделал заключение, что гипнотизм имеет три определенных стадии: летаргия, каталепсия и сомнамбулизм. Летаргическая стадия, вызываемая закрыванием глаз субъекта, характеризовалась неспособностью последнего слышать или говорить. В результате сдавливания определенных нервов появлялись также контрактуры специфического характера. Стадия каталепсии вызывалась открыванием глаз субъекта, находившегося в летаргической стадии. При этом конечности оставались в любом из положений, в которое их помещал экспериментатор, и субъект по-прежнему не мог слышать или говорить. Затем, при помощи растирания верхней части головы могла быть вызвана стадия сомнамбулизма, или обычного гипнотического транса. Еще одним явлением, которое особенно подчеркивал Шарко, был *перенос*. Иногда он обнаруживал, что контрактуры, каталепсии и так далее появлялись только на одной стороне тела. Если в тот момент к конечностям, о которых идет речь, близко подносили большой магнит, то симптомы тотчас же распространялись и на другую сторону тела.

Бернхейм и Либо сообщали о том, что эти предполагаемые стадии гипноза никогда не обнаруживались в их работах, *если субъекты о них ничего не знали и не были готовы пройти через них*. Другими словами, якобы «объективные» признаки

гипноза Шарко в действительности в той или иной форме он сообщал своим субъектам, и эти признаки не имели никакой очевидной связи с гипнозом. Таким образом, из-за пренебрежения психологическими эффектами внушения демонстрации Шарко утратили реальность научного эксперимента. Последовала язвительная дискуссия, однако нет никаких сомнений в том, что убеждения Шарко были полностью ошибочны.

Ошибочной была и другая выдвинутая им теория о том, что гипноз может быть вызван только у ненормальных и неврастеничных субъектов, особенно у истериков, и что истерия причинно связана с гипнозом. Бернхейм сообщал, что в его и в работах Либо многие сотни и тысячи совершенно нормальных индивидуумов были успешно загипнотизированы, и, следовательно, нет никакой особенной связи какого бы то ни было характера между гипнозом и психической ненормальностью. Так называемая «школа Нанси» опять оказалась права, а Шарко ошибался. Все современные специалисты согласны с тем, что гипнотический транс может быть вызван как у психически нормальных, так и у психически ненормальных индивидуумов.

Если мы обратимся к современным теориям, то не сможем сказать, что навсегда вырвались из царства абсурда. По крайней мере некоторые из самых последних теорий так же невероятны, как и первоначальные месмеровские представления или взгляды Шарко. Краткая ссылка на одну из таких наиболее известных теорий может показать читателю, насколько незначительно согласие между различными авторитетными специалистами.

Согласно одной из старейших и наиболее заслуживающих уважения теорий гипноз является модифицированной формой сна. Сам термин «гипноз» показывает, что первоначально подобное сну свойство гипнотического транса предполагало отождествление этих двух состояний, и дальше всех пошел Павлов, заявив, что сон и гипноз аналогичны, так как и тот и другой вызывают распространение мозгового торможения. Эта теория почти наверняка ошибочна. Психологическая реакция организма, находящегося под гипнозом, весьма отличается от той, которая наблюдается во сне. Так, определенные рефлексы во сне действуют, а под гипнозом — нет. Электроэнцефалограммы, или «мозговые волны», этих двух состояний имеют различные характеристики, что является весьма убедительным доказательством против отождествления сна и гипноза.

Более приемлемой была бы гипотеза, рассматривающая гипноз как условный рефлекс. Эту точку зрения можно было бы развить в соответствующую теорию, но в данный момент она совершенно не отвечает многим явлениям, связанным с гипнозом. Кто-то спросит, как обусловливание может соответствовать непроизвольным постгипнотическим амнезиям? Хотя обусловливание не может быть полностью отвергнуто как возможная часть правильной теории гипноза, само по себе оно определенно недостаточно.

Почти то же самое можно сказать о диссоциации[1] как об объяснении гипнотических явлений. Хорошо известно, что кора головного мозга и центральная нервная система могут функционировать независимо от других органов человека, и многие гипнотические явления, похоже, имеют такой характер. Однако объяснить гипноз в терминах диссоциации будет трудно, поскольку о ней на самом деле известно очень немного, так что мы попросту объясняли бы одно неизвестное другим.

Подобное же возражение можно выдвинуть и против другой точки зрения, которая смотрит на гипноз как на чрезвычайную форму внушаемости. Хотя при гипнозе действительно имеет место значительно повышенная степень внушаемости, бесполезно искать объяснительный принцип в законах внушаемости, потому что о самом этом понятии известно очень мало. Так что мы снова попросту пытались бы объяснить одно неизвестное другим.

Одной из наиболее эзотерических теорий является теория Фрейда, согласно которой восприимчивость к гипнозу зависит от степени «*переноса*», формируемого между субъектом и гипнотизером. Этот «*перенос*» представляет собой особую взаимосвязь, которая восстанавливает связь, присутствующую изначально во взаимоотношениях родитель—ребенок. К этому добавляются различные эротические компоненты, которые должны, как предполагается, присутствовать в гипнозе. Он же, в

[1] Диссоциация (в психологии) — нарушение связности психических процессов. — *Прим. ред.*

свою очередь, рассматривается как проявление эдипова комплекса, мазохистских наклонностей и тому подобного.

Самой сверхъестественной является теория, которая утверждает, «что явления гипноза возникают из побуждения субъекта вести себя, подобно загипнотизированному человеку, как это определено гипнотизером и как понято субъектом». Это, вероятно, самое убогое истолкование из всех, ибо оставляет без ответа два ключевых вопроса: почему субъект захочет вести себя подобным образом, и как он справится с этим? Легко сказать, что человек хочет вести себя, как гипнотизируемый субъект, но как помочь ему вызвать отсутствие болевой чувствительности при операции?

Возможно, более многообещающей является теория идеомоторной деятельности. Существуют убедительные экспериментальные факты, подтверждающие, что мысленные образы определенных движений тесно связаны с выполнением этих движений. Если к мышцам руки субъекта подсоединить электроды и усилитель и сказать ему, чтобы он достаточно медленно лег на кушетку, но при этом представил, что поднимает эту руку, то регистрируется блокада нервных импульсов, проходящих по нервам в мышцы, которые были бы задействованы, выполняйся это движение на самом деле. Таким образом, передача нервных импульсов и мысленные образы, или идеи, тесно связаны, и кажется несомненным, что одно никогда не встречается без другого. Без исследования вопроса, что является причиной, а что — следствием, обоюдная взаимозависимость мысленных и физических явлений кажется несомненной. При этих условиях возможность достигнуть изменения в поведении человека посредством словесных средств, как при гипнозе, представляется возможной. В лучшем случае, это только частичная теория, которая нуждается в существенном расширении. Если бы ее можно было объединить с какой-нибудь теорией, подобной теории торможения, что мы обсудим в следующей главе, мы получили бы основу для истинной теории гипноза. В настоящее время нельзя сказать, что такая теория существует, и все, что мы можем сделать, — это отмечать достаточно хорошо установленные, экспериментальные факты и надеяться, что больший интерес к этим важным открытиям приведет в конечном счете к более существенным знаниям.

Интересно поразмышлять, почему развитие научных исследований гипнотических явлений идет так медленно. Приведем цитату из Кларка Л. Халла, чья книга «Гипноз и внушаемость» вышла в 1933 году и, можно сказать, ознаменовала конец донаучного и начало действительно научного исследования предмета. Вот что он пишет: «Все науки одинаково произошли от магии и предрассудков, но только гипноз так медленно освобождался от «зловещих» ассоциаций своего происхождения. Ни одна не была такой медлительной в приобретении действительно экспериментального и истинно научного характера... Кроме того, медленное развитие науки о гипнотизме особенно поразительно, если вспомнить, что практически с самого начала гипноз был определенно экспериментальным явлением. Не только это, но и экспериментирование было непрекращающимся и широко распространенным в течение того периода, когда другие отрасли науки добились величайших из когда-либо известных достижений. В этом случае, как и во всех остальных, парадокс исчезает с полным знанием сопутствующих обстоятельств... главным мотивом на протяжении всей истории гипнотизма был медицинский, заключающийся в лечении человеческих болезней. Вряд ли можно придумать худший метод для установления научных принципов среди крайне неуловимых явлений... Задача врача — излечение наиболее быстрым из возможных способов, с использованием более или менее совместно любых и всех средств, имеющихся в его распоряжении. В таких ситуациях нелегко вывести общие законы, которые предусматривают изменение одного показателя за один раз».

Весьма важным моментом, который подчеркивается Халлом снова и снова и которого недоставало в ранних работах по гипнозу, является понятие контролируемого эксперимента. Это понятие представляет собой почти универсальное требование в науке, а метод, лежащий в его основе, Джон Стюарт Милл сформулировал так: «В случае, если исследуемое явление встречается, и в случае, когда оно не встречается, все условия являются общими, кроме одного, имеющегося только в первом случае, то условие, которым отличаются оба события, будет являться действующей силой, или причиной, или необходимой частью причины явления».

Чтобы доказать необходимость контролируемых экспериментов, давайте в качестве примера возьмем проблему эффективности психотерапии. Большинство исследователей для выяснения эффективности использования психоанализа и других видов психотерапии в формировании ремиссии невротических симптомов брали группу серьезно больных людей. Им предлагался конкретный тип терапии; в конце курса лечения, растягивавшегося на несколько лет, устанавливалось, сколько пациентов было вылечено, у скольких наступило улучшение, сколько осталось практически в первоначальном состоянии, и у скольких наступило ухудшение. Это было всеобщей, но ни в коем смысле не убедительной, практикой. Предположим, мы установили, что 70 процентов наших пациентов после четырех лет лечения выздоровели. Улучшение их состояния могло быть обусловлено лечением, но могло произойти и по ряду других причин. Мы только тогда можем быть уверены в том, что причиной выздоровления стало именно лечение, когда имеем контрольную группу, т. е. группу пациентов с подобными болезнями, которая не получала психотерапию, назначенную экспериментальной группе. Если в контрольной группе число случаев, в которых не наступило улучшение, такое же, как и в экспериментальной, то мы действительно имеем основание считать, что психотерапия была эффективной.

В книге «Психология: польза и вред» я привел два факта. Первый состоит в том, что подобным образом не был выполнен ни один эксперимент и что в пятидесяти (или около того) опубликованных работах по эффективности психотерапии никто не использовал контрольную группу. Я также указал, как на примере историй болезни пациентов можно было продемонстрировать, что у пациентов-невротиков наступало существенное улучшение просто с течением времени, безо всяких видов психотерапии. В действительности это улучшение можно выразить в виде формулы. Если мы обозначим процент достигнутых улучшений как X, а число недель, прошедших без лечения психотерапевтического типа, как N, то $X = 100\,(1 - 10^{-0{,}00435N})$.

С использованием этих данных было выяснено, что объявленное психотерапевтами улучшение после лечения оказалось не большим и не меньшим, чем то, которое было получено вообще без лечения.

С тех пор правильный эксперимент был зарегистрирован в Калифорнии. Равнозначные группы страдающих невротическими заболеваниями людей, соответственно, получали и не получали терапевтическое лечение. Результат эксперимента практически полностью совпал с моим предыдущим заключением. Улучшение в группе, получавшей лечение, было значительным, но и в той группе, в которой лечение не проводилось, улучшение было таким же. Не будь такой контрольной группы, создалось бы ошибочное впечатление, что улучшение наступило благодаря психотерапии. Нельзя со всей строгостью утверждать, что ошибочные выводы такого рода столь часто встречаются в работах по гипнозу, психотерапии и так далее, по причине клинической склонности заинтересованных экспериментаторов. Желание помочь несчастному пациенту, страдающему невротическими и другими симптомами, сильнее стремления к научному знанию — единственной вещи, благодаря которой мы сможем оказать действенную помощь. У больных людей существуют, вероятно, внутренние проблемы, связанные с воздержанием от лечения, но не следует забывать и о существовании нравственных проблем, связанных с назначением лечения, эффективность которого не известна, не доказана и сомнительна. Вправе ли психотерапевт требовать от своего пациента значительных затрат времени, энергии и денег, связанных с психоанализом, если он не имеет никаких доказательств, свидетельствующих о том, что лечение будет более эффективным, чем отсутствие лечения вообще? Каким бы ни был правильный ответ на этот вопрос, читатель может захотеть поразмышлять над многими параллелями и сходствами в развитии месмеризма и психоанализа. В обоих случаях в качестве основателя культа — сильная личность, большая группа учеников, фанатично преданных продвижению доктрины учителя, разделение и образование различных школ, формулировка необычных, нетрадиционных и невероятных теорий на основании крайне сомнительных данных. В обоих случаях — сообщения о достижении излечения, и в обоих случаях — отсутствие контролируемого эксперимента, единственного средства, способного подтвердить сделанные заявления. Соединится ли фрейдистское либидо с чувственным восприятием в груде отвергнутых гипотез, для которых наука не нашла применения, покажет только будущее.

Детекторы лжи и сыворотки правды

Если правда, что на небесах и на земле существуют такие вещи, которые и не снились нашей философии, то несомненно, в равной степени, последней грезятся такие вещи, которые на небесах или на земле не существуют. Среди этих вымыслов воображения — такие разные понятия, как философский камень, служивший для превращения неблагородных металлов в золото; эдипов комплекс, подразумевавший превращение человека в дерганого неврастеника; гурии, чья красота и сладострастная чувственность предназначались для успокоения мусульманского воина, отдавшего жизнь в борьбе за веру в пророка; архетипы Юнга, предназначенные для того, чтобы мучить наше современное сознание мистическими напоминаниями о мудрости наследованной, сознательно или бессознательно от ушедших поколений.

Немного более научно доказуемым фактом, чем вся эта ложь, является довольно странное явление, достаточно широко изучавшееся в последнее время, под общим названием психосоматические расстройства. Под этой малопонятной фразой подразумеваются просто некоторые расстройства тела, или сомы, которые могут быть вызваны психологическими событиями, такими как сильные эмоции, и, следовательно, излечение от соматических расстройств может быть достигнуто прежде всего психологической «очисткой». Эта настойчивость на тесной взаимосвязи между телом и сознанием и взаимодействии между ними рассматривается как самая современная тенденция. Часто открытие того, что многие люди рассматривают как жизненно важную истину в медицине, приписывается Фрейду и психоаналитикам.

Это не исторический взгляд на факты. Общая теория психосоматического взаимодействия стара, по меньшей мере, так же, как человеческие размышления о сознании и материи, и в этих современных теориях можно отыскать весьма немногое из того, что может быть найдено у греческих или даже более ранних философов. Также нет ничего нового в особенном применении принципов, связанных с медицинской диагностикой и лечением. Чтобы привести только один пример, мы можем рассмотреть историю, изложенную в хорошо известном персидском произве-

дении «Ахлак-и-Джалали» в XV веке. Автор рассказывает, как великий доктор Рашез был вызван в Трансоксиану для осмотра Амира Мансура, страдавшего ревматизмом суставов, который придворные медики вылечить не могли. Подойдя к реке Оксус, Рашез отказался переправиться через нее в предоставленной лодке, потому что она была слишком маленькой и хрупкой. Посланники царя связали его по рукам и ногам, бросили в лодку и силой перевезли через реку. Рашез объяснил им причину своего сопротивления: он, дескать, знает о том, как многие тысячи людей каждый год безопасно пересекают реку. Но случись ему утонуть, люди говорили бы, каким глупцом он был, подвергнув себя такому риску по собственной воле, а вот если бы он погиб, когда его перевозили через реку силой, то люди бы не осуждали, а жалели его.

Достигнув Бухары, Рашез перепробовал различные способы лечения Амира, но безуспешно. Наконец, он сказал царю: «Завтра я попробую новое лечение, но это будет стоить тебе твоего лучшего коня и лучшего мула из твоих конюшен». Животные были предоставлены в его распоряжение. Рашез привел Амира в натопленную баню за городом, привязал оседланных и взнузданных коня и мула снаружи и наедине со своим пациентом вошел в парилку. Затем он вынул нож и стал обвинять Амира, напомнив тому об унижении, которому он, Рашез, подвергся, когда был насильно перевезен через Оксус. Он угрожал в отместку за это лишить Амира жизни. Амир был взбешен, и в результате — отчасти от страха, отчасти от ярости — он встал на ноги. Рашез мгновенно выскочил наружу, где его ждал слуга с лошадью и мулом, поскакал во весь опор и не останавливался, пока не пересек Оксус и не достиг Мерва, откуда написал Амиру следующее: «Да продлится жизнь царя во здравии и власти! Согласно моему обязательству я лечил тебя, стараясь изо всех сил. Однако из-за недостатка природного тепла это лечение сильно затянулось, поэтому я предоставил его психотерапии, и когда нездоровые настроения подверглись достаточному воздействию в бане, я намеренно спровоцировал тебя на усиление природного тепла, вызвав таким образом значительную силу, чтобы устранить уже смягченные умонастроения. Но встречаться нам впредь было бы неблагоразумно».

Этот пример «психотерапии» в подлиннике книги был назван действительно так и закончился не меньшим вознаграждением материального плана, чем это бывает в современной психотерапии. Амир, обрадованный вернувшимся здоровьем и возможностью свободно передвигаться, одарил Рашеза почетным халатом, мантией, тюрбаном, рабами и прекрасными рабынями, конем со всей сбруей и вдобавок назначил ему ежегодное жалованье в 2000 золотых динаров и 200 мер[1] зерна.

Очень похожая история рассказана величайшим мусульманским врачом Авиценной, родившимся приблизительно в 980 году, в его редком и неопубликованном сочинении «Книга происхождения и возвращения». В этом случае пациентом была женщина из домочадцев царя, которая, накрывая на стол, неудачно согнулась и ее поразил внезапный ревматический приступ суставов так, что не смогла принять вертикальное положение. Царский врач, которому было поручено вылечить ее и который не имел под руками лекарств, обратился к помощи психотерапии (снова автор называет ее именно так). Он призвал на помощь «чувство стыда» и стал снимать с женщины одежду. Тогда, по словам автора: «...в ней произошла вспышка гнева, которая устранила ревматические симптомы», и она выпрямилась, совершенно излеченная.

Примеры подобного рода можно привести из исторических документов многих стран. Все они говорят о том, что знания об основных принципах, управляющих связью тела с сознанием, существовали с незапамятных времен. Один из таких принципов лежит в основе современного метода обнаружения лжи. И хотя это достижение мы приписываем современности, на самом деле подобные методы были известны за сотни и даже тысячи лет до нашего времени и применялись людьми, к которым мы относимся, как к неграмотным дикарям.

Подобное применение, за которое ручаются современные антропологи, уходит во времена, находящиеся за пределами человеческой памяти. Использовавшийся способ можно проиллюстрировать следующим примером. Был убит вождь племени. В его смерти подозревались пять человек, которым он в прошлом нанес вред. Каким образом можно было найти виновного? Племя выстроилось в виде огромного полукруга на берегу реки. Пятеро обвиняемых стояли лицом к племени и спиной к реке. Колдун, устрашающе одетый и раскрашенный, скакал вокруг под ритмичные удары барабанов. По мере приближения момента истины напряжение неуклонно возрастало. Наконец, танец закончился. Колдун торжественно выложил на пять тарелок, сделанных из пальмовых листьев, рис из чаши. Затем он произнес перед племенем длинную речь о несправедливости убийства вождя и о магии, которая изобличит убийцу. Невиновные, объяснил он, съедят рис без труда. Виновный же, чье преступление так велико, что даже звери и растения не захотят иметь с ним дело, не сможет проглотить и нескольких зерен, и таким образом будет разоблачен в своем преступлении. Будучи хорошим практическим психологом, какими является большинство колдунов (если бы они не были таковыми, то не смогли бы долго оставаться в живых!), он снова и снова «вдалбливал» это внушение, вслух перечисляя предыдущие разбирательства, когда данный метод оказывался безошибочным и приводил к признанию. Затем он эффектно передал каждому из обвиняемых его тарелку с рисом. И вот четверо из них стали есть рис, если и без явных признаков удовольствия, то по крайней мере без видимого труда. Но пятый, мертвенно-бледный, едва держась на дрожащих ногах, отчаянно двигал челюстями в тщетной попытке проглотить хотя бы немного риса. Картина вины не могла бы быть красноречивее, и когда его, по приказу колдуна, с трудом поволокли прочь на съедение крокодилам, он во все горло прокричал свое признание.

Использованные в этом случае психологические приемы достаточно ясны. Всем нам известно, как от ужаса во рту пересыхает. Сильное переживание подавляет пищеварение и взаимосвязанное с ним слюноотделение. Без слюны пережевывание и глотание пищи затрудняется, или же вообще становится не возможным. Таким образом, мы легко можем представить, что происходило с несчастной жертвой в описанной выше сцене. Зная о собственной вине и суеверно боясь могущества колдуна и его способности установить правду, подозреваемый безусловно верит в те трудности, которые испытывает виновный человек при попытке съесть рис. Таким образом, страх перед последствиями

[1] Здесь мера — это количество, нагружаемое на одного вьючного осла.

неизбежного разоблачения делает его рот сухим, и осознание этого изменения еще более усиливает его страх в связи с неизбежным разоблачением. Когда рис уже передан ему, то жевать он не в состоянии, и снова субъективное осознание испытываемых при глотании трудностей усиливает его страх, загоняя виновного в замкнутый круг собственных эмоциональных реакций. Какой бы варварской не казалась эта история, в современных методах обнаружения лжи нет ничего принципиально нового, по сравнению с тем, что, несомненно, имеет место в данном случае. Мы можем обнаружить определенные усовершенствования в регистрации проявления эмоций, но, с другой стороны, наши современные методики вызывают гораздо меньше эмоций, чем был способен вызывать колдун и, в противовес, нет уверенности в том, что наши современные технологии имеют больше преимуществ.

Слюноотделение как показатель эмоции вообще не используется современными специалистами в области обнаружения лжи. В наши дни мы больше обращаем внимание на кровообращение, дыхание и некоторые электрические явления в коже, которые будут описаны в свое время. Несколько менее страшная история, чем о колдуне, может проиллюстрировать, что и эти методы также были хорошо известны тысячу лет назад. Она опять связана с Авиценной и в качестве примера приведена в его шедевре «Канон врачебной науки» в разделе, посвященном любви. Он классифицирует это чувство как умственное или психическое расстройство, наряду с сонливостью, бессонницей, амнезией, манией, гидрофобией, меланхолией и тому подобным. Когда Махмуд из Газны пытался похитить Авиценну (короли и правители в те времена проходили большие расстояния, чтобы воспользоваться услугами хорошего консультанта!), тот спасся бегством и тайно прибыл в город Гиркания на Каспийском море. Родственник правителя этой провинции страдал болезнью, приводившей местных докторов в недоумение. Авиценну попросили высказать свое мнение. Тщательно осмотрев пациента, он попросил помощи кого-нибудь, кто хорошо знал все округи и города провинции и смог бы повторять их названия, пока Авиценна держал руку на пульсе пациента. При упоминании одного из городов он почувствовал, что пульс участился. «Теперь, — сказал он, — мне нужен тот, кто знает все дома, улицы и кварталы этого города». Снова при упоминании определенной улицы появилось изменение пульса, и еще раз, когда были перечислены все члены одной из семей. После этого Авиценна сказал: «Все. Этот юноша влюблен в такую-то девушку, которая живет в таком-то доме, на такой-то улице, в таком-то квартале такого-то города, а лекарство для юноши — это лицо девушки». В выбранный Авиценной счастливый день была торжественно отпразднована свадьба, и лечение завершилось.

В этом случае мы снова имеем пример непроизвольного эмоционального отклика, выдающего тайну, которую по той или иной причине субъект эксперимента хочет скрыть. И этот непроизвольный отклик является сопутствующим элементом сильной эмоции. Тесная взаимосвязь между эмоциями, испытываемыми людьми, и физиологические изменения, происходящие в человеческом теле, являются основой нашей технологии обнаружения лжи. С ней имеют дело, как на экспериментальном, так и на теоретическом уровне, многие психологи и физиологи. Возможно, один из самых известных американских психологов, Уильям Джеймс, брат писателя Генри Джеймса, вместе с норвежским психологом Ланге, дал название закону, который определяет основу, в той или иной форме, большинства современных работ в области эмоций. Этот закон Джеймса—Ланге «переворачивает» то, что мы считали нормальным ходом вещей. Что, согласно обычному мнению, происходит, когда мы переживаем эмоцию?

Мы несчастны, следовательно — мы плачем; мы испуганы — и наше сердце бьется чаще; мы в ярости — и надпочечники выделяют адреналин в нашу кровеносную систему. Другими словами, нами осознанно ощущается, что вначале возникает эмоция, а затем приходят сопутствующие физиологические явления. Джеймс и Ланге утверждают, что это означает ставить телегу впереди лошади. В ответ на определенную ситуацию надпочечники выделяют адреналин в кровеносную систему, и поэтому мы чувствуем гнев. В определенной ситуации наше сердце бьется чаще, и это заставляет нас испытывать чувство страха. Определенная ситуация вынуждает нас плакать, и нашим субъективным чувственным ответом на слезы является чувство печали. Другими словами, внешний ситуативный стимул (S) порождает опреде-

ленные физиологические отклики (страх, адреналин, учащение сердцебиения), которые мы можем обозначить *PR*. Эти физиологические отклики, в свою очередь, порождают ощущение эмоции (*E*). Итак, формула Джеймса—Ланге выглядит следующим образом: $S \rightarrow PR \rightarrow E$, тогда как обычно мы представляем себе существующую последовательность скорее как $S \rightarrow E \rightarrow PR$.

По поводу этой теории ведется множество дискуссий, проводятся эксперименты. К сожалению, очень немногое из сделанного можно расценить, как проливающее некоторый свет на эту проблему — проблему связи тела и сознания вообще. Мы можем только решать, что порождает что: эмоция — физиологический отклик или физиологический отклик — эмоцию, выясняя, что из них приходит первым, но сделать этого мы, к сожалению, не можем. Эмоции субъективны. Для определения времени мы должны полагаться на интроспективные сообщения наших субъектов, которые не могут считаться очень точными, особенно, когда дело касается долей секунд. С другой стороны, физиологический отклик не является внезапным (есть — нет) событием. Его формирование также требует некоторого времени. Эти трудности наводят на мысль, что тогда как решение, пожалуй, не является невозможным, то оно определенно невозможно лишь в настоящее время. Следовательно, мы можем не обращать особого внимания на этот вопрос. Давайте просто отметим: обнаружено, что эмоциональные события, которые ощущаются индивидуумом, и определенные типы физиологических нарушений, которые подтверждаются записями специального электронного оборудования, всегда происходят вместе. Следовательно, можно использовать данные о появлении одного как доказательство существования другого. По сути дела, это принцип, на котором основано обнаружение лжи. Нет сомнений, что он является совершенно надежным и достаточным научным принципом. Немного позже у нас будет возможность рассмотреть трудности, которые могут возникать при использовании данного принципа.

Прежде всего, давайте выясним точно, чем же являются физиологические реакции, свидетельствующие о наличии эмоции. В значительной степени они могут быть идентифицированы потому, что передаются по специальной части нервной системы. Говоря в общих чертах, мы можем предположить, что люди (а

также, конечно, и высшие животные) имеют две нервные системы. Одна, так называемая центральная нервная система, ответственна за передачу импульсов к скелетной мускулатуре. Последняя, в свою очередь, отвечает за выполнение произвольных движений. Удар по мячу, написание сонета, прыжок в озеро или начертание крестика напротив имени кандидата — все это произвольные действия, выполняемые нашим скелетом, кости которого приводятся в движение мышцами, принимающими приказы из коры головного мозга через центральную нервную систему. Вторая же нервная система — более «древняя» и сравнительно независимая от центральной нервной системы. Она называется самонастраивающейся, или вегетативной нервной системой, которая по сути дела связана с определенными, крайне необходимыми, но неосознаваемыми действиями, поддерживающими наше тело в хорошем состоянии. Мы дышим; наше сердце бьется; осуществляется пищеварение; в нашу кровь выделяются гормоны; количество крови, проходящей через различные части тела, точно регулируется в соответствии с температурой; наш зрачок расширяется и сужается в зависимости от яркости — и все это происходит без какой-либо *сознательной* регулировки. Это и есть самонастраивающиеся, или вегетативные, отклики, которые так тесно связаны с эмоцией. Некоторые из основных самонастраивающихся изменений, сопровождающих эмоцию, знакомы каждому, и для их обнаружения не требуют измерительных приборов. Эти изменения включают покраснение или бледность лица, чрезмерную потливость, учащение сердечного ритма, сухость во рту, множество неопределенных интуитивных ощущений и так далее. В лабораторных условиях можно наблюдать множество других, более тонких физиологических изменений: повышение кровяного давления, увеличение потребления кислорода, расширение легочных бронхов, увеличение числа красных кровяных телец и тромбоцитов в циркулирующей крови, выделение глюкозы в кровяное русло, секрецию адреналина, снижение электрических характеристик кожи, подавление перистальтики в желудочно-кишечном тракте, увеличение содержания сахара в крови и многие сотни других, достойных упоминания. Большинство из этих изменений явно имеют адаптивное назначение. Основные эмоции вроде страха и гнева обычно являются предше-

ственниками активного действия, которое может быть борьбой или бегством. Для той и другой требуется сильное кровоснабжение. Следовательно, сердце бьется быстрее для удовлетворения предполагаемых потребностей; кровь отливает от желудка, тормозя, таким образом, пищеварение; некоторое количество энергии, запасенной телом, высвобождается в кровь, что делает организм более дееспособным. Кэннон в своей книге «Мудрость тела» во всех подробностях прослеживает способность к адаптации, которую продемонстрировали наши тела при реагировании на срочные ситуации такого рода и которая обязана всем не сознательному мышлению, а обязана всем унаследованной системе реакций, развившейся в течение миллионов лет эволюции.

К сожалению, многие из возникающих таким образом эмоциональных реакций слабо адаптированы к современному обществу. В цивилизованном мире ни драка, ни бегство не являются реакциями, определяющими выживание. Это обобщение не применимо для исключительных обстоятельств, а во время войны в особенности. Реакции, которые были нужны нашим предкам, когда они жили в джунглях, могут снова стать полезными. Но даже это становится все менее и менее справедливым, поскольку современные войны — деперсонализированы, рукопашное сражение заменяется битвой машин. Нет оснований считать, что сильные эмоции и высокая активность самонастраивающейся системы помогают бомбардиру-наводчику тогда, когда он нажатием на кнопку высвобождает ужасную разрушительную силу атомной или водородной бомбы. В действительности сильная эмоция мешает точной психической и мышечной координации, необходимой при выполнении задач подобного рода, требующих квалификации. Большинство людей получают интроспективные подтверждения этого факта из собственного опыта. Остроумная аргументация разрушается сильной эмоцией, когда мы раздражены. Мы не можем рассуждать так же убедительно и логически, как тогда, когда рассматриваем вопрос будучи невозмутимы. Во время игры сильная эмоция действительно может сделать нас более сильными и менее восприимчивыми к боли или усталости, но она также делает нас менее искусными и интеллектуальными в нашей тактике — мы можем ударить по мячу сильнее, но точность будет страдать.

В целом сильные эмоции могут подготовить нас к примитивному типу борьбы. Грубая сила, выносливость и скорость бегства определяют выживание, но они не только не способны дать нам преимущество в большинстве обстоятельств в том мире, который мы создали за последние несколько столетий, — они часто становятся настоящей помехой. Борьба в зале заседаний совета директоров за контроль над большим предприятием, битва между соперничающими политиками на выборах, сражение с налоговым инспектором за изменение кодового номера или переговоры с работодателем по поводу увеличения заработной платы — все эти современные формы борьбы, заменившие более физические типы, превалируют в ходе человеческой эволюции. Для всех этих форм эмоция скорее помеха, нежели помощь, и мы находимся в печальном положении обратного хода эволюционного процесса и на вызов стараемся дать интеллектуальный, а не эмоциональный ответ. И может, не будет слишком неправдоподобно полагать, что успех в этом повороте хода эволюции вспять может определить наше выживание на планете.

Завершись это обратное движение когда-либо полностью, люди определенно стали бы лучшими лгунами. По многим причинам это, естественно, не было бы в общем благоприятным. Одной из полезных функций эмоции является, несомненно, возможность обнаружения лжи. В известном смысле, конечно, термин «обнаружение лжи» здесь употреблен неправильно. То, что мы регистрируем в действительности, — это наличие некоторого вида эмоционального отклика. Мы интерпретируем его как доказательство лжи, поскольку организовываем ситуацию расследования таким образом, что другие источники эмоции по мере возможности исключаются. При таком способе страх, связанный с определением лжи, вызывает эмоциональный отклик, специфический для виновного человека. Этот отклик отсутствует, когда говорится правда. Следовательно, «обнаружение эмоции» в определенных, специально созданных условиях, становится «обнаружением лжи», но все же остается разбежка между одним и другим. Необходимо принять величайшую предосторожность, как мы вскоре увидим, чтобы обеспечить уверенность в том, что эта разбежка действительно обоснована и что не сдела-

ны ошибочные выводы из правды, обнаруженной так называемым детектором лжи. Возможно, следующий пример сможет прояснить встречающиеся трудности. Предположим, что в случае с попыткой колдуна выявить виновного человека все пятеро невиновны, но один знает, что колдун затаил на него злобу и собирается возложить на него вину за убийство. При таких обстоятельствах будет вполне резонно допустить, что он проявит реакцию такого же типа, как и виновный человек. Следовательно, неспособность этого подозреваемого проглотить рис может быть ошибочно истолкована как признак его вины. Существует несколько возможностей избежать таких просчетов. Мы обсудим их в оставшейся части этой главы.

Теперь мы должны обратиться к измерительным приборам, используемым в современных работах по обнаружению лжи. На обыденном уровне детектор лжи часто представляется как прибор, у которого всякий раз, когда исследуемый человек лжет, звонит колокольчик или вспыхивает лампочка. К сожалению, ничего более определенного и впечатляющего не существует. Определение лжи зависит от вывода, от косвенных доказательств и от соединения большого количества несопоставимых данных. Самая достоверная информация составляется из непрерывной и одновременной записи измерений кровяного давления, пульса и дыхания, происходящих во время обследования подозреваемого. Запись производится измерительным прибором, или полиграфом, который обеспечивает длительную запись физиологических реакций. По существу полиграф состоит из длинного рулона бумаги, протягиваемой с постоянной скоростью, ряд самописцев оставляет на бумаге непрерывную запись своего движения, которое в свою очередь управляется различными измерительными приборами, подключенными к человеку — субъекту обследования. Измерительные приборы подсоединяются к самописцам как электронно, так и механически.

Типичным примером используемого измерительного прибора является так называемый пневмограф, который применяется для регистрации дыхания. Трубка пневмографа, опоясывающая грудную клетку субъекта, состоит из плотно свитой пружины, покрытой тонкой резиновой оболочкой. Один конец трубки загерметизирован, тогда как другой подсоединен к полиграфу посредством небольшого резинового патрубка. Во время теста длина окружности грудной клетки субъекта увеличивается при вдохе и уменьшается при выдохе. Таким образом, при каждом вдохе трубка пневмографа растягивается, а при каждом выдохе — сжимается. Это движение трубки порождает изменения давления внутри нее, которые передаются на полиграф и записываются им.

Нашей первой задачей при реальном обследовании будет наличие тихого, уединенного кабинета для исследований, подключение различных измерительных приборов к субъекту и разъяснение ему общего характера теста. Ему демонстрируют прибор и разъясняют, что он способен определить, говорит ли субъект правду или нет. Ему объясняют также, что прибор записывает определенные физиологические изменения, указывающие на ложь, и то, что аппарат никоим образом не причинит ему никакой физической боли за исключением легкого временного неудобства от манжеты для измерения кровяного давления. Чтобы уменьшить нервозность и напряжение, испытуемому сообщают, что если он говорит правду, то может ни о чем не беспокоиться, поскольку прибор покажет, что он не лжет. Далее ему сообщают, что не будут спрашивать ни о каких его личных делах, или о чем бы то ни было, за исключением расследуемого преступления. Теперь все готово для начала теста.

Первая часть теста преследует практически ту же цель, что и длинная речь уже упоминавшегося колдуна, описывающего предыдущие успехи, которых он достиг при использовании этого специального метода. Современный «эквивалент» колдуна окажется в очень невыгодном положении по той причине, что его слушатели будут намного более скептичны и менее склонны к беспричинным страхам и вере в его могущество, чем примитивные дикари. Следовательно, вместо того, чтобы рассказывать своему субъекту о том, что за чудесный прибор перед ним, современный оператор проводит реальную демонстрацию. Обычно это делается следующим образом. Оператор берет семь или восемь игральных карт и просит субъекта выбрать одну из них, посмотреть на нее и вернуть в колоду. Затем он говорит субъекту, что будет поочередно показывать ему каждую из этих семи или восьми карт и что тот должен всякий раз на вопрос «Та ли это карта, которую вы выбрали?» отвечать «Нет». Ему особо подчеркива-

ется, что даже когда перед ним появится та карта, которую он выбрал, он должен солгать и сказать «нет». Затем оператор приступает к процедуре демонстрации субъекту той или иной карты, в каждом случае получая ответ «нет» и внимательно следя за движениями самописцев полиграфа. В девяноста пяти случаях из ста, когда субъект отвечает «нет» при демонстрации карты, которую он видел до этого, при записи появляется острая разоблачающая реакция его самонастраивающейся системы. Для большей гарантии оператор еще раз полностью повторяет процедуру и затем говорит субъекту, какую из карт тот видел. Он также — и на субъектов, привыкших видеть подобные вещи, производимые при помощи ловкости рук в мюзик-холле, это оказывает значительно большее впечатление — показывает действительные изменения, имеющие место в записи полиграфа в том случае, когда субъект лгал. Таким образом, субъект может видеть собственными глазами, что неподконтрольные ему реакции могут полностью выдать его и что детектор лжи может быть весьма беспощадным прибором для всякого, кто пытается дать ложное представление о любом фактическом обстоятельстве.

Затем субъекту, к этому времени соответствующим образом убежденному, задают ряд вопросов, относящихся к расследуемому преступлению. В зависимости от внешних обстоятельств могут использоваться один или два достаточно разных приема. Первый — это так называемый прием релевантных—нерелевантных вопросов. В этом случае вопросы, не относящиеся к делу, вроде «Вас зовут Джон Смит?» или «Вы родились в Ливерпуле?», задаются вперемешку с вопросами, относящимися к преступлению, такими, как «Вы украли кольцо с бриллиантом?» или «Вы стреляли в лорда Эдгвайра?». Этот прием в некоторой степени похож на опыт с игральными картами, когда карта, которую видел субъект, играла роль релевантного вопроса, а другие карты — роль нерелевантных вопросов. Обстоятельством, указывающим на ложь, является различие в физиологической реакции при переходе от нерелевантных вопросов к релевантным. Каковы же главные изменения, указывающие на ложь? Наиболее надежным показателем является одновременное угнетение дыхания и повышение кровяного давления сразу же после ответа субъекта. Однако даже если происходит лишь одна из этих

двух реакций, то это достаточно надежный ориентир для эксперта. Иногда на ложь может указывать снижение кровяного давления, случающееся через несколько секунд после того, как субъект дал ложный ответ на вопрос. Более тяжелое дыхание спустя 15—20 секунд после ответа на заданный релевантный вопрос также нередко бывает признаком лжи. Эта физиологическая реакция сопутствует чувству облегчения, вызванному тем, что опасный вопрос пройден с видимой безопасностью, и также может случаться в конце опроса, когда субъекту говорят, что ему больше не будут задавать никаких вопросов. Последним признаком лжи является замедление пульса субъекта немедленно после его ответа на вопрос.

При интерпретации этих реакций должны соблюдаться определенные правила, однако главное существующее правило гласит: *чтобы быть признанным в качестве доказательства лжи, физиологический отклик на релевантный вопрос должен полностью отличаться от физиологического отклика на нерелевантный вопрос.* Многие люди, хотя и не виновные в расследуемом преступлении, имеют нечистую совесть вообще, это вполне может сделать их нервозными и пугливыми или сильно обострить их эмоциональные реакции. Такие люди демонстрируют значительную физиологическую реактивность даже после нерелевантных вопросов и могут быть признаны лжецами, если это обстоятельство не будет принято во внимание. Характер ответов на нерелевантные вопросы дает для каждого субъекта базис, определяющий характер его реакций в том случае, когда он говорит правду. Ложь можно обнаружить лишь тогда, когда эти отличия, явно связаны с релевантными вопросами.

Еще одной мерой предосторожности, о которой необходимо помнить всегда, является то обстоятельство, что ни один единичный отклик не может считаться доказательством лжи. Тот же самый или подобный вопрос следует задать несколько раз, и только при наличии существенного совпадения характера ответов субъекта, указывающих на его виновность, можно делать какие-то выводы. Это действительно очень важная мера предосторожности. Случайные факторы, такие как внезапный спазм, чихание или случайный громкий шум, могут породить результаты, нео-

тличимые от сопутствующих лжи эмоциональных обстоятельств, а эти не имеющие отношения к делу факторы могут быть исключены лишь при повторении всей процедуры несколько раз.

При определенных обстоятельствах может использоваться форма опроса, в значительной степени отличающаяся и имеющая большие преимущества. Этот прием называется «пик напряжения», или «заведомая виновность». Его пригодность обусловлена тем фактом, что виновный человек может знать то, чего не знает невиновный. Любой вопрос, касающийся этого знания, или любое упоминание о нем вызовут у виновного человека эмоциональные реакции, которых не будет у невиновного. Этот вопрос может пояснить пример из моей собственной практики. В одной из больниц раз в неделю собирали простыни и помещали их в большие бельевые корзины на каждом этаже. Через несколько недель простыни в одной из корзин были загадочным образом изуродованы, и поскольку пациенты не имели доступа к корзинам, то подозрение пало на дюжину медсестер, работавших на указанном этаже. Им ничего не было сказано об этом акте вандализма. Следовательно, ни одна из них, за исключением виновной, не могла знать о случившемся. Наступила стадия расследования. Медсестрам сказали, что они примут участие в психологическом эксперименте, в ходе которого им будут зачитывать определенные слова, а они должны сказать первое, что придет им в голову. Среди сотни слов, использованных в эксперименте, было несколько, имевших некоторое отношение к преступлению: «простыня», «белье», «резать» и «корзина». После того как была сделана запись, эти «виновные» слова были сравнены с «невиновными» для каждой из медсестер. Только у одной из них было выявлено весьма заметное усиление активности самонастраивающейся системы для виновных слов, и в ее случае эта реакция появлялась на каждое виновное слово. Поставленная перед фактом в виде записи, она призналась и открыла мотивы своего поступка, которые, по сути дела, состояли в мести сестре-хозяйке, которая, по ее мнению, плохо с ней обращалась.

В этом частном случае тип использованной физиологической реакции не относится к реакциям, упоминавшимся до настоящего времени, а представляет собой так называемый кожногальванический рефлекс. Это довольно загадочное явление, включающее измерение электрического сопротивления кожи. На ладони и на тыльной стороне кисти закрепляются электроды и затем пропускается очень слабый, едва ощутимый, электрический ток. Сопротивление, создаваемое рукой прохождению тока, измеряется и — выясняется, что любой внезапный шок или эмоция вызывают снижение этого сопротивления, которое происходит после скрытого периода длительностью около одной секунды, после применения стимула, и оказывается примерно пропорциональным силе причиненного волнения. Общепризнанного объяснения этому явлению нет, хотя есть некоторое основание полагать, что оно связано с активностью потовых желез руки. Определенная эмоция вызывает активность последних, а пот, будучи слегка соленым, является хорошим проводником электрического тока. Однако это вряд ли является полным объяснением. Необходимо все же рассматривать и другие возможности. К счастью, пригодность этого способа регистрации эмоции целиком не зависит от знания механизма, который ее порождает, и при определенных обстоятельствах кожногальванический рефлекс (КГР) является лучшим индикатором лжи, чем любой из упоминавшихся ранее.

Довольно странно, что КГР почти никогда не используется в реальной полицейской работе. Видимо, он представляет собой слишком чувствительный критерий измерения даже для слабых эмоциональных изменений, поэтому в крайне заряженной атмосфере полицейской лаборатории отклики на релевантные и нерелевантные раздражители могут показать столько признаков эмоции, что дифференциация станет невозможной. Метод КГР находит применение по большей части в связи с расследованиями комнатных фокусов, к примеру, когда оператор хочет выяснить, какую из нескольких карт видел субъект, и в условиях, почти исключающих ошибку. В расследовании, описанном выше, этот метод использовался потому, что для медсестер весь эксперимент казался чем-то вроде комнатного фокуса и в их сознании не ассоциировался с преступлением, виновностью и ложью вообще. Этим можно объяснить получение хорошего результата. Для удовлетворения любопытства читателя, который, может быть, не знаком с подобного рода записями регистрирующих приборов, приведены записи действительных реакций, имевших

место у виновного и у одного из невиновных субъектов, на «виновные» и некоторые нейтральные слова. Глядя на эту запись, необходимо помнить, что падение на данной кривой соответствует уменьшению сопротивления кожи при прохождении приложенного электрического тока. Нет нужды комментировать эту запись. Она буквально говорит сама за себя.

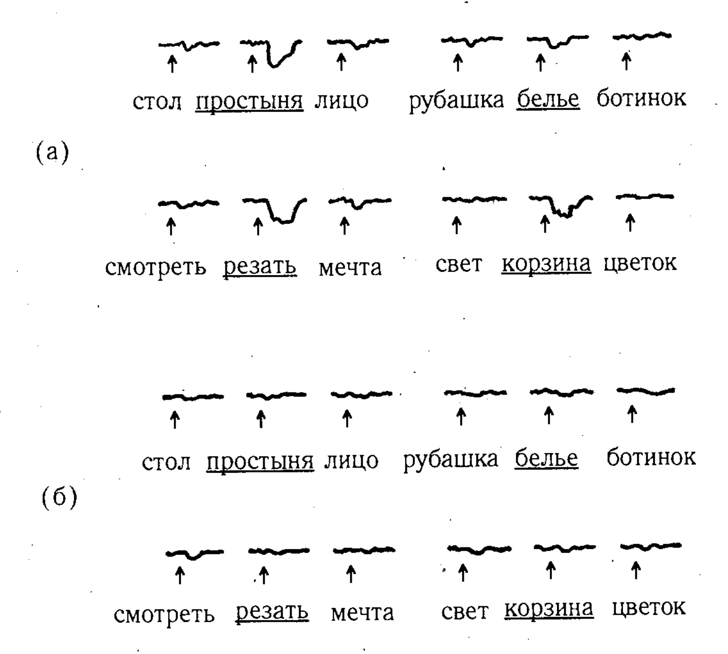

Рис. 2. Кожногальванический рефлекс виновного человека: «виновные» слова подчеркнуты; стрелки указывают, когда было произнесено стимулирующее слово (а). Кожногальванический рефлекс невиновного человека: «виновные» слова подчеркнуты (б)

Однако это довольно грубая картина характера процедуры, используемой в тестах по обнаружению лжи, и критериев, применяемых для установления наличия или отсутствия эмоции, сопутствующей ответу. Насколько неоспоримы тесты на детекторе лжи, и в какой степени им можно доверять? Это трудные вопросы, и прежде чем ответить на них, мы должны рассмотреть определенные факторы, воздействующие на интерпретацию полученных результатов. Одной из основных трудностей при испытаниях

такого рода является нервозность, проявляемая многими правдивыми или невиновными людьми в условиях допроса в полиции. Такая нервозность обычно отражается в виде общего неустойчивого характера в записи и в виде нарушения основных реакций, относящихся к релевантным вопросам. Так, психологические отклонения, связанные с нервозностью, появляются в записи детектора лжи вне всякой последовательной связи с любым вопросом или вопросами. Эти отклонения для задаваемых релевантных вопросов не являются более значительными, чем для нейтральных вопросов контрольного назначения. Иногда изменения или нарушения, по масштабу подобные появляющимся в записи, обнаруживаются даже в периоды отдыха, когда не задается вообще никаких вопросов. Наилучшим способом противодействия присутствию нервозности у субъекта является подбадривание и повторение. Повторение всей процедуры пять или даже десять раз действует подобно успокоительному средству. Субъект, первоначально боявшийся всевозможных вещей (например, многие люди, будучи пристегнутыми к аппарату, боятся получить удар электрическим током), теперь привык к процедуре и понимает, что в ней нет ничего опасного. Частые повторения, как упоминалось выше, также позволяют эксперту отыскать последовательность ненормальных реакций на один и тот же вопрос или вопросы, которые рассматриваются как релевантные. Эта последовательность гораздо важнее, чем отдельные изолированные реакции.

Нервозность сравнительно легко обнаруживается (обычно не требуется проверки записи, полученной на детекторе лжи, чтобы определить, находится ли субъект в крайне нервозном состоянии или нет) и не представляет непреодолимых трудностей. Сложнее обстоит дело с другими факторами. Например, умственная отсталость делает субъекта практически непригодным для тестирования на детекторе лжи. Очень тупой субъект, не способный понимать разницу между правдой и ложью или понимать общественную необходимость говорить правду, или тот, у кого нет страха перед разоблачением, не даст удовлетворительных результатов, которые могли бы быть интерпретированы каким бы то ни было образом. Почти то же самое относится к маленьким детям, которые также являются неподходящими

субъектами для проверки на детекторе лжи. Очевидно, невиновные люди часто дают настолько странные и отклоняющиеся от нормы показания, что никакая их интерпретация невозможна. Опять же, все эти обстоятельства не являются непреодолимыми трудностями. Умственную отсталость и психическую ненормальность, способные сделать проверку на детекторе лжи недействительной, легко распознать. Для установления истины вместо детектора лжи используются другие методы.

Гораздо большие трудности представляют некоторые сравнительно невосприимчивые к условиям проверки люди. Человек, отказывающийся верить в эффективность проверки и, следовательно, вообще не беспокоящийся о том, что может себя выдать, склонен выказывать меньше эмоций тогда, когда он лжет и, таким образом, дает менее легко интерпретируемую запись на полиграфе. Некоторые люди проявляют совершенно исключительное отсутствие эмоций и на основе их реакции при проверке на обнаружение лжи легко могут быть объявлены невиновными. Опять-таки, некоторые люди способны контролировать свои умственные ассоциации и процессы в достаточной степени, чтобы избежать выдающих их ответов. Превосходный пример такого приема имел место в связи с судебным разбирательством по делу Джерри Томпсона, который был казнен за изнасилование и убийство Милдред Холлмарк. Записи его проверки на детекторе лжи были весьма неопределенными и не могли быть интерпретированы. Однако совершенно независимо от проверки на детекторе лжи он сознался. За несколько дней до казни он был проинтервьюирован экспертом по обнаружению лжи, который хотел узнать, как Томпсону удалось «ускользнуть» во время проверки. Томпсон заявил, что каждый раз, когда во время проверки его спрашивали, он ли «изнасиловал и убил Милдред», он концентрировался и проигрывал в своем сознании различные случаи нетрадиционных сексуальных опытов, которые у него были с другой девушкой, носящей такое же имя. Томпсон утверждал, что при помощи этого приема всякий раз, когда задавался вопрос, ему удавалось выбросить из своей головы момент изнасилования и убийства Милдред Холлмарк. К счастью, только очень немногие люди оказываются способными контролировать свое сознание в той степени, которая требуется для «победы над машиной». Но необходимо помнить, что есть люди, которые все-таки обладают такой способностью, и особенно их много среди закоренелых преступников.

Люди, знающие физиологическую основу детектора лжи, иногда могут использовать другой трюк для того, чтобы сделать обнаружение невозможным. Следует помнить, что обнаружение лжи очень сильно зависит от сравнения релевантных и нерелевантных вопросов. Если субъект способен вызывать физиологические реакции на нерелевантные вопросы, то сравнение становится бесполезным и из записи будет невозможно извлечь разоблачающую информацию. Формирование физиологических реакций на «невиновные» вопросы можно осуществить различными способами. Один субъект (физиолог), столкнувший свою жену в Большой Каньон, вызывал реакции самонастраивающейся системы на нерелевантные вопросы, наступая каблуком своего ботинка на левую ногу. Вызываемая боль продуцировала реакцию, совершенно подобную той, которая возникает при лживом ответе, что делало запись бесполезной. Известно, что другие люди во время ответов на «невиновные» вопросы мысленно удовлетворяли свои сексуальные фантазии, вызывая таким образом физиологические реакции, которые исследователь приписывал следующему вопросу. Невозможно категорически утверждать, что такие трюки время от времени не срабатывают, но в большинстве случаев опытный эксперт заметит, что делает обвиняемый, и сможет извлечь из этого собственные выводы.

Теперь мы в состоянии определить практическую пользу проверок на детекторе лжи. В общем и целом трудно не согласиться с Инбау, очень опытным специалистом в этой области, когда он пишет, что «проверки на детекторе лжи, проводимые компетентными и опытными операторами, имеют очень большую практическую пользу. Во-первых, при помощи детектора лжи становится возможным обнаружить ложь с гораздо большей точностью, чем это достижимо иным способом. Во-вторых, прибор, тесты и сопутствующие процедуры оказывают несомненное воздействие, побуждая виновных к признанию и раскаянию».

К сожалению, получить достоверные данные о точности результатов детектора лжи почти невозможно. В реальной полицейской работе не всегда можно добиться подтверждающих или

опровергающих доказательств, так что в некоторых случаях мы можем так и не узнать правды по делу. По этой причине многие исследователи предоставляют данные, имеющие целью продемонстрировать точность проверок на детекторе лжи, основанные на экспериментах, проводящихся в лаборатории, в которых нет действительно совершенного преступления, а задача исследователя состоит в выяснении, как в уже приводившемся примере, какую из нескольких карт видел человек или кто из нескольких индивидуумов прочел определенное письмо. В таких лабораторных экспериментах правда известна и успех проверок на детекторе лжи может быть проверен на соответствие. В опубликованных отчетах точность колеблется в пределах от 80 до 100 процентов, и, вероятно, можно утверждать, что надлежащим образом проведенные испытания точны примерно в 95 процентах случаев.

К сожалению, мы не можем экстраполировать результаты экспериментальных исследований такого рода на тот тип работы, который проводится в полицейской лаборатории. Уже выяснено, что тогда как в психологической лаборатории отклик типа кожногальванического рефлекса особенно эффективен, он отнюдь не так полезен при допросах реальных подозреваемых в полиции. В настоящее время не очень понятно, почему это происходит, однако необходимо признать, что точность полицейской работы нельзя в достаточной мере оценить ссылкой на работы в психологической лаборатории.

Наиболее убедительная оценка точности приемов обнаружения лжи дана Инбау. Основывается она на почти двенадцатилетнем опыте работы в Научной криминалистической лаборатории в Чикаго. Согласно его оценке, из 100 случаев при помощи эксперта можно определенно и точно обнаружить ложь примерно в 70. В двадцати случаях показания записей будут слишком неопределенными для того, чтобы позволить компетентному и осторожному эксперту дать конкретное заключение. В этих случаях сомнения могут быть обусловлены как противоречивостью, так и бурным характером откликов в записи, а также общей невосприимчивостью субъекта. Что касается оставшихся десяти случаев, то даже самый опытный эксперт, вероятно, даст определенно ошибочное заключение. В этих случаях главный источник ошибок заключается, скорее, в неспособности эксперта обнаружить ложь виновного субъекта, чем в его ошибочном толковании записи невиновного.

Это осторожная оценка, и надо сказать, что некоторые эксперты публикуют заявления о том, что их методы точны на 97, 98 или 99 процентов, или даже в одном из случаев — на 100 процентов. Несомненно, это преувеличение и в результате неизбежно разочарование, следующее за ожиданиями, основанными на таких заявлениях. Возможно, это является причиной определенного недоверия к технике обнаружения лжи, которое можно наблюдать среди некоторых сотрудников полиции.

На первый взгляд, степень точности, достигаемая детекторами лжи в умелых руках, может не впечатлить. Если отбросить 20 процентов случаев, когда эксперт не может прийти к решению, то обнаружится, что в семи случаях из восьми эксперт оказывается прав, оставляя предел погрешности около 12 процентов. Все жаждут 100-процентной точности — а эта точность должна быть целью науки. Однако большинство из того, что мы имеем на практике, не достигает желаемого значения — предел погрешности в 12 процентов может показаться обескураживающе высоким. Хотя это обстоятельство и ограничивает пригодность детектора лжи, все же определенно нельзя сказать, что оно делает его бесполезным.

Во-первых, наиболее ценным побочным продуктом технологии обнаружения лжи является то, что она помогает получить признание в тех случаях, где другие методы дают сбой и где потребовался бы большой объем работы, если признания не происходит. Предъявление объективных доказательств лжи, прочерченных на бумаге полиграфом, весьма сильно действует на большинство преступников. Опыт показывает, что во многих случаях следуют признания. В самом деле, существует бесчисленное количество таких признаний, сделанных в ответ на предложение подозреваемому пройти проверку на детекторе лжи. Часто подозреваемые признавали свою вину в ожидании проверки. Другие признавались тотчас же, после того как оператор начинал настраивать приборы, приступая к проверке.

Полученные таким образом признания должны, несомненно, проверяться объективными данными. Признание само по себе,

полученное с использованием или без использования детектора лжи, большинством судов не будет рассматриваться как достаточное. Однако обычно содержащиеся в признании подробности дают возможность получить объективное подтверждение заявлений виновного субъекта. Необходимо подчеркнуть, что до настоящего времени не обнаружено ни одного случая ложного признания, вызванного психологическим эффектом от прибора или техники его использования. В этом смысле существует весьма заметная разница между способами применения детектора лжи и допроса «третьей степени» (допрос с применением пыток), который заставил многих людей, для того чтобы вырваться из невыносимого положения, признаться в преступлениях, которых они не совершали.

Способность детектора лжи вызывать признания у виновных для многих людей является главным критерием его практического использования. Даже с учетом ошибок этого прибора в некоторых случаях мы не можем игнорировать тот вклад, который в действительности внес детектор лжи, принимая во внимание и те случаи, когда признание не было получено. Иметь путеводитель к правде, даже если он надежен лишь на 90 процентов, определенно лучше, чем не иметь его вообще. Во многих случаях запись проверки на детекторе лжи дает полиции возможность отказаться от расследования по причине очевидной невиновности подозреваемого. В других случаях предположение его вины, подтвержденное записью проверки на детекторе лжи, может дать полиции возможность сосредоточить усилия на более очевидых подозреваемых. Во многих случаях подробности экспертизы могут быть полезными в получении полицией определенных улик, таких как имена сообщников или места, где спрятаны деньги или орудия убийства и тому подобное. При этом необходимо, конечно, представлять себе, что обвинительный приговор не основывается непосредственно на записи детектора лжи. Она является лишь одним элементом, принимаемым во внимание при составлении заключения. Это пункт доказательства среди прочих, ни один из которых не может быть назван совершенно надежным, но вместе взятые они указывают на виновность или невиновность конкретного подозреваемого.

Люди, критикующие использование технологии обнаружения лжи на основе отсутствия стопроцентной надежности, часто не замечают того, что все другие способы, используемые в настоящее время для определения правдивости или лживости версии подозреваемого, подвержены ошибкам по крайней мере настолько же, а во многих случаях и гораздо сильнее. Вопрос, который необходимо задать, состоит не в том, будет ли новое направление, такое как технология обнаружения лжи, абсолютно точным, а в том, будет ли оно точнее тех способов, которые заменит, и улучшит ли ту степень успеха, которая достижима в настоящий момент. В этом отношении можно не сомневаться, что технология обнаружения лжи начинает пользоваться успехом.

К рассуждениям, приведенным в пользу применения технологии обнаружения лжи, необходимо добавить еще одно. Единственный возможный способ выяснения несовершенства технологии — это экспериментирование и практика. Сказать, что технология обнаружения лжи не должна использоваться лишь потому, что не является абсолютно надежной, означает закрыть единственный путь, ведущий к ее усовершенствованию. Можно до дальнейших указаний проводить эксперименты в психологической лаборатории, но для реального развития технологии обнаружения лжи практическое ее использование просто обязательно. Лишь так может быть разработан наиболее эффективный и действенный способ допроса. Лишь таким способом может быть обучен квалифицированный персонал, и только так теоретические исследования могут быть направлены по перспективным путям.

Заявление о том, что технология обнаружения лжи должна использоваться в полицейской работе, является весьма неопределенным. Существует много других возможных способов применения такой технологии, и важно быть точным, давая какие-либо рекомендации. Однако прежде, мы, пожалуй, должны обратиться к существующим исследованиям юридической стороны использования детектора лжи. В Великобритании я не смог найти ни одного юридического подтверждения, касающегося этого вопроса. Поэтому мы волей-неволей должны направиться в Соединенные Штаты, где несколько судов рассматривали этот вопрос. Первое решение апелляционного суда по поводу допустимости использования полученных на детекторе лжи доказательств было вынесено в 1923 году федеральным судом. Обви-

няемый в попытке убийства предложил в качестве доказательства результаты проверки на детекторе лжи. Причина, по которой это предложение отвергли, была сформулирована очень ясно: «Трудно определить, когда точно научный принцип или открытие пересекают границу между экспериментальной и доказательной стадиями. Где-нибудь в этой неопределенной зоне доказательная сила принципа должна быть признана, и пока суды будут иметь большое влияние на признание свидетельских показаний эксперта, выведенных из общепризнанного научного принципа или открытия, должно быть полностью доказано, что факт, из которого сделан вывод, является полностью признанным в той конкретной области, которой он принадлежит. Мы полагаем, что выявление лжи путем проверки артериального систолического давления еще не получило должного научного признания среди специалистов в области физиологии и психологии, которое могло бы убедить суды признавать свидетельские показания эксперта, выведенные из открытия, заключения и экспериментов, сделанных до сих пор». Несколько других случаев произошли в более поздние годы, и во всех признание проверки на детекторе лжи как доказательство было отвергнуто. Таким образом, в настоящее время в Соединенных Штатах доказательство такого рода практически не имеет законного признания, и, вероятно, будет правильным предположить, что и в Великобритании положение вряд ли окажется иным.

Разумны ли эти решения, или же они просто свидетельство «отсталого» мышления, столь часто обнаруживаемого в таких традиционных сферах, как право?

Здесь мы снова должны, несомненно, согласиться с Инбау — экспертом, чью оценку надежности результатов, полученных на детекторе лжи, мы приводили ранее.

Вот его заключение, сделанное на основании фактов: «Общепризнано, что существующие узаконенные методы и процедуры установления правды и отправления правосудия далеки от совершенства, следовательно, мы всегда должны оставаться бдительными и стремиться к их улучшению. Но в то же время мы не должны опрометчиво принимать предлагаемые нововведения. В случае с детектором лжи такое осторожное отношение будет работать не только в интересах отправления правосудия, но будет также в высшей степени полезным для самой технологии. Необдуманное принятие результатов проверки в качестве законного доказательства было бы, несомненно, таким же, как и серия злоупотреблений и судебных ошибок, и навсегда запятнало бы технологию, как в области права, так и в области науки. Представляется намного более мудрым дождаться дальнейшего развития и улучшения технологии и сперва дать ей возможность пройти через серьезное испытание по-настоящему научного исследования относительно точности и надежности».

Инбау основывает свое заключение на двух главных аргументах. Для того чтобы быть принятой, технология должна обладать «надлежащей степенью точности показаний». Допустимое число ошибок, должно находиться в пределах 10 процентов, не больше, а во многих случаях не меньше того, которое имеют некоторые научно признанные способы, разрешенные в настоящее время судами. Следует, однако, помнить, что если бы результаты проверки на детекторе лжи были приняты как законное доказательство, то они предоставлялись и рассматривались бы как доказательство какого-то важного аспекта судебного дела, или даже обоснованности в целом иска или заявления одной из сторон. Другими словами, признание правдивым или лживым ответа на вопрос «Вы стреляли в X?» полностью решает проблему. С большинством форм научно обоснованного признания дело обстоит не так. Эксперт по баллистике может представить доказательство, сказав, что данная пуля была выпущена из данного оружия. Но один этот факт не сможет сам по себе решить вопрос. Как правило, научное доказательство не является окончательным относительно всего судебного процесса. Следовательно, нет большой вероятности несправедливого решения в результате ошибочного довода эксперта. Однако доказательства, полученные на детекторе лжи, обычно относятся к главному вопросу всего дела. Следовательно, будь они разрешены к признанию, ошибка могла бы оказаться крайне серьезной. Таким образом, слова «надлежащая степень точности показаний» должны интерпретироваться в контексте важности решения. То, что может быть надлежащей степенью точности в небольшом деле, может оказаться ненадлежащей степенью тогда, когда дело касается жизни и смерти. Если в деле такого типа происходит апелляция к

результатам проверки на детекторе лжи, то требующиеся от нее точность и безошибочность должны быть скорее выше, нежели ниже той, которую имеют другие методы научного доказательства.

Подходя ко второму необходимому условию, требующемуся для признания доказательства законным, то есть к признанию технологии в той области науки, которой она принадлежит, мы видим, что в то время как принципы, лежащие в основе технологии обнаружения лжи, признаны физиологами и психологами, такая конкретная форма их применения принята не столь широко. Отчасти это обусловлено невежеством. Немногие психологи и физиологи интересуются этим вопросом и, следовательно, вполне справедливо, они не готовы заниматься вопросом, в котором не являются специалистами. Кроме того, преувеличенные и сенсационные заявления нескольких операторов детекторов лжи сделали научно мыслящих людей весьма осторожными по отношению к любым утверждениям в этой области. К тому же, использующаяся в настоящее время технология обнаружения лжи не стандартизирована надлежащим образом в отношении приборов, способа, который должен использоваться при проведении проверки, интерпретации записей или подготовки компетентных экспертов. При таких условиях некомпетентные или нечестные люди могут представиться как «специалисты по детектору лжи» и получат возможность дать неточное или ложное доказательство для нанявшей их стороны.

Из правила непризнания результатов проверки на детекторе лжи в суде существует одно исключение. Если юристы, представляющие обвинение и защиту, согласны на признание результатов проверки на детекторе лжи, а также на проведение исследования конкретным экспертом, то такое доказательство будет принято, по крайней мере в Соединенных Штатах, рядом судов первой инстанции. Это исключение правомерно по двум причинам. Во-первых, можно предположить, что если противостоящие стороны и их адвокаты хотят прибегнуть к применению проверки на детекторе лжи, то дело является сомнительным, то есть таким, когда доказательства каждой стороны являются неубедительными и не подтверждаются дополнительными доказательствами. (В эту категорию часто попадают сексуальные преступления, когда в большинстве случаев не представлено никого, кроме двух вовлеченных людей, а физические улики того, что произошло доподлинно, появляются редко.) При таких условиях, когда любое принятое на основании имеющихся доказательств решение будет не слишком сильно отличаться от гадания, нет сомнений в том, что использование результатов проверки на детекторе лжи в значительной степени увеличило бы точность окончательного решения по сравнению с основанным только на догадках или интуиции судьи и присяжных, без доказательств детектора лжи. Еще один момент состоит в том, что когда обе стороны согласны с выбором эксперта, то он, вероятно, должен быть честным и компетентным и ни в коем случае не находиться под влиянием одной или другой стороны.

Читателю может показаться, что все сказанное нами до сих пор является явным противоречием. С одной стороны, утверждается, что существующая нынче практика, не признающая результаты проверки на детекторе лжи законно допустимыми доказательствами, является разумной и что в настоящее время нет оснований изменять это положение. С другой стороны, предлагается официально использовать в полиции детекторы лжи. Как можно согласовать две этих противоречащих друг другу рекомендации? В действительности ответ уже был дан, когда отмечалось, что одним из основных преимуществ использования детектора лжи было его содействие в получении признаний в тех случаях, когда обычные виды полицейского расследования не работали. Признания, раскаяния и другие доказательства, полученные с помощью использования детектора лжи, являются допустимыми в суде и имеют легальный статус, по крайней мере в Соединенных Штатах. Легальное использование такого доказательства в Великобритании до сих пор не наблюдалось, но предполагается, что положение не будет сильно отличаться от существующего в Америке. Законное решение по этому вопросу было принято Верховным судом Пенсильвании в 1939 году, когда обвиняемый сознался в совершении убийства. Признание последовало после проверки на детекторе лжи. Адвокат обвиняемого опротестовал приемлемость признания. Протест основывался на факте использования детектора лжи и на том, что следователи сказали подозреваемому следующее: «Ты можешь обмануть нас,

но ты не сможешь обмануть эту машину». Верховный суд Пенсильвании оставил в силе решение суда первой инстанции, установившего приемлемость признания. Они заявили, что поскольку при получении признания не были использованы обещания, сила или угрозы, то простое использование прибора не делает его неприемлемым. Не было также признано, что комментарий следователя о невозможности обмануть машину делает признание недействительным, потому что общая правовая норма в Соединенных Штатах считает приемлемыми признания, полученные «посредством хитрости или уловки, не предназначенной для получения неправды».

Другим аргументом, иногда используемым адвокатами для защиты, является то, что применение детектора лжи устанавливает практику «допроса третьей степени». Этот аргумент не зарекомендовал себя перед наиболее компетентными обозревателями или авторитетными специалистами в области права. Как уже отмечалось, некоторый легкий дискомфорт совершенно временного характера создается манжетой для измерения кровяного давления. Но он слишком незначителен, чтобы в каком-то смысле считаться болезненным. Более того, процедура проверки не относится к таким, которые могли бы способствовать или принудить человека сделать признание просто для того, чтобы избежать невыносимого положения. В связи с этим интересно отметить, что в нескольких случаях подозреваемый, выдержавший суровый «допрос третьей степени» и не сделавший признания, в конце концов признавал свою вину после короткого сеанса на детекторе лжи. Применение «допросов третьей степени», кроме того, что бесчеловечно, еще и неэффективно. Замена их проверкой на детекторе лжи в американской полиции могла бы значительно улучшить эффективность и точность раскрытия преступлений.

В целом вопрос об использовании уловок для получения признаний от преступников порождает множество запутанных правовых проблем. Можно сомневаться в том, что утверждение «Ты можешь обмануть нас, но ты не сможешь обмануть эту машину» является чистой уловкой, так как на самом деле это заявление в значительной степени правильно. Естественно, в некотором смысле его можно рассматривать как уловку, поскольку утверждение становится правдой, во-первых, вследствие того, что оно всего-навсего сделано и, во-вторых, вследствие веры в него подозреваемого. Однако может быть и так, что многие люди, особенно с гуманитарным складом ума и высокой степенью религиозной и нравственной ответственности, выступают против использования технологии обнаружения лжи, ссылаясь на ощущение того, будто она кладет на чашу весов нечто несправедливое по отношению к обвиняемому и является если не чем-то совершенно жульническим, то очень близким к этому. Эта распространенная точка зрения, в действительности отражающая беспокойство по поводу тщательной разработки норм доказательного права, которым обязана следовать полиция в Великобритании, не может не вызывать сочувствия. Гарантия того, что побежденный полностью защищен от общества и что по отношению к нему не будет применена несправедливость, поскольку он не может в одиночку противостоять силам, представляющим закон, является одной из главных характеристик демократического образа жизни, от которой очень немногие люди хотели бы отказаться в интересах большей эффективности.

Однако если проигравший должен быть защищен от общества, особенно в его монолитном современном виде, то и общество должно быть защищено от злостного преступника. Сочувствие должно относиться не только к правонарушителю, но и к его реальной или предполагаемой жертве. Возьмем дело Джерри Томпсона, судебное разбирательство над которым за изнасилование и убийство вызвало сенсацию несколько лет тому назад. Томпсон совершил много нападений и изнасилований. В данном случае в порыве ярости он душил и избивал свою жертву, как делал и прежде много раз с другими девушками. В этом же конкретном случае его жертва потеряла сознание и, предположив, что она мертва, Томпсон выбросил ее тело из своего автомобиля. Однако девушка, когда ее выбросили из движущегося автомобиля, еще была жива и умерла лишь от удара о дорогу.

К Томпсону была применена технология проверки на детекторе лжи, в результате которой он сознался. Несомненно, очень немногие согласятся, что моральным принципам больше соответствовало бы его освобождение и доставление ему возможности дальше заниматься нападениями и изнасилованиями, чем при-

нуждение его пройти проверку на детекторе лжи и вынесение приговора. Возможно, это исключительный пример, но он может противодействовать нашим сентиментальным желаниям смотреть на злостных и жестоких убийц как на мягкосердечных неудачников, к которым была несправедлива судьба.

По существу, положение дел таково. Сама по себе проверка на детекторе лжи с юридической точки зрения нейтральна. В настоящее время ее эффективность достаточно хорошо известна, и ее значение в получении правдивых признаний несомненно. Она никоим образом не имеет ничего общего с методами «допроса третьей степени». Она не причиняет обвиняемому никакой физической боли, и в случае неудачи не вовлекает в процесс рассматривания невиновного человека. Ее неудача — скорее неудача при выявлении того, кто лжет. Наконец, во многих случаях она служит щитом для невиновного, который не по собственной вине запутывается в массе косвенных улик и чье заявление о невиновности проверяется на детекторе лжи. Было бы неразумно безоговорочно принять столь самонадеянное утверждение и придать ему статус доказательства, принимаемого судом, а также использовать метод в каждом единичном случае. В равной степени было бы неразумным отвергнуть признание его потенциальной полезности, использование в тщательно отобранных случаях, где он может дать максимальные преимущества, и отказаться от его помощи, с применением строгих мер предосторожности, в содействии целям правосудия. В целом ситуация была сведена к нескольким фразам никем иным, как Даниэлем Дефо, который в 1730 году опубликовал памфлет под названием «Надежная схема по немедленному предотвращению уличного воровства».

Как будет видно из последующей цитаты, Дефо не только открыл основы современной технологии обнаружения лжи, но и обсуждал этические возражения относительно ее применения почти в таком же духе, что и современные авторы.

«Вина почти всегда несет с собой страх. В крови вора происходят толчки, которые, если обратить на них внимание, неизбежно выдают его. И если человек подозревается, то лишь по этому подозрению я бы всегда пощупал его пульс и рекомендовал это для практического использования. Невиновного человека, знающего о том, что он чист, не смутит, когда кричат «Держи вора!». Он гораздо меньше дрожит и трясется, изменяется в лице или бледнеет, он не бросится бежать изо всех сил и не попытается скрыться.

Правда, некоторые настолько ожесточились в преступном мире, что будут дерзко удерживаться в нем, преодолевая дух презрения и нагло встречая даже преследователя. Но схватите его запястье и пощупайте пульс, и вы поймете, что он виновен. Вопреки самоуверенному виду и лживым речам неровный пульс, внезапное сильное сердцебиение точно укажут, что он преступник. Именно это они не могут утаить. Сознающееся сердце выдаст себя трепещущим пульсом; величайшая наглость в лице или самая твердая решительность закоренелого преступника не может этого замаскировать и скрыть. Такие эксперименты, наверное, не проводились, и кто-то может подумать, что это несправедливый способ, даже по отношению к вору, поскольку он заставляет человека свидетельствовать против себя. Что касается этого, то данный вопрос я рассматриваю следующим образом, не больше: если для правосудия допустимо задержать человека на основании подозрения, если подробности правдоподобны и хорошо обоснованы, то не будет незаконным (*sic!*)[1] при помощи любой уловки, которая не вредна сама по себе, искать дополнительные основания для подозрения и смотреть, как одно обстоятельство согласуется с другим.

Возможно, и справедливо, что такое разоблачение при помощи пульсаций в крови не может дать полной уверенности, а следовательно, не может стать доказательством. Однако я настойчиво утверждаю, что будь все должным образом и умело измерено, то оно может быть разрешено как законное дополнение к другим обстоятельствам, особенно тогда, когда согласуется с другими законными основаниями для подозрения.»

Уделив в этой главе очень много внимания детектору лжи и посвятив только несколько слов обсуждению «сыворотки правды», мы, можно сказать, дали точное представление о важности этих двух типов эволюции и об их предполагаемой полезности. Детектор лжи основывается на твердо установившейся научной теории; его полезность общепризнанна, а его значение подтвер-

[1] *Sic*! (лат.) — так! (в скобках или на полях указывает на важность или подлинность данного места в тексте или выражает ироническое отношение автора). — *Прим. ред.*

ждается безукоризненными научными исследованиями. С другой стороны, «сыворотка правды» относится к несколько иной категории. Ее значение весьма спорно, а использование основывается на теории, не обоснованной научно. Только в одном отношении она имеет сходство с проверкой на детекторе лжи — это ее длинная история, уходящая в первобытные времена. Даже среди древних римлян было хорошо известно то, что с использованием алкогольных напитков можно заставить людей выдавать то, что они предпочли бы держать в секрете. Выражение «Истина в вине» имеет аналоги в каждом цивилизованном языке.

Современные «сыворотки правды» подобны алкоголю: они подавляют активность высших центров мозга и таким образом временно высвобождают из-под контроля низшие центры. В эти неконтролируемые моменты, когда постоянно бодрствующий цензор, как это случается, заторможен, определенные признания, в других обстоятельствах строго вычеркнутые, могут незаметно выскользнуть. Однако достичь равновесия очень трудно. Немного больше — и низшие центры также становятся парализованными, субъект засыпает. Слишком мало — высшие уровни сохраняют свои цензорские функции, и результат не эффективен. В этом случае, я имею в виду, когда индивидуум осознает определенный факт и не хочет признавать это, в действительности невозможно выявить данный факт при помощи любых так называемых «сывороток правды», доступных в настоящее время. Это было эффектно продемонстрировано в эксперименте, проведенном с различными нормальными и невротическими субъектами. Им рассказали о каком-то случае и предупредили, что они не должны сообщать никаких подробностей этой истории человеку, который придет и будет спрашивать их о ней. Затем им были сделаны инъекции пентотала (одна из «сывороток правды») и совершена попытка выведать у них подробности рассказанного. Усилия закончились провалом. Нормальные люди вообще не сообщили никакой информации, а неврастеники проговорились о деталях истории, кроме этого, они добавили в нее столько воображаемых фактов, что было практически невозможно реконструировать правду из их «излияний». В целом нет достаточного основания полагать, что осознанное решение не выдавать тайну можно преодолеть с использованием медикаментов, известных к настоящему времени медицинской науке. Конечно, вероятность того, что существуют секретные средства, имеющиеся в наличии у определенных восточных правительств и неизвестные здесь, не может быть исключена. Однако в отсутствие каких бы то ни было доказательств требуется «значительная доверчивость», чтобы относиться к такому предположению серьезно.

Все же существует одно применение так называемых «сывороток правды», которое придает некоторый смысл использованию этого термина. Неврастеничные пациенты часто не помнят определенных событий в их прошлой жизни. Часто такие события имеют важное эмоциональное значение и тесно связаны с конкретной недееспособностью, которой страдает больной. Так, у солдата, страдающего истерическим параличом, этот симптом мог появится в то время, когда его завалило землей при взрыве снаряда. Он может полностью забыть этот эпизод и не помнить его вообще. Но при расспросе под воздействием одной из «сывороток правды» он не только вспоминает эпизод, но может как будто вновь пережить все, съежившись в углу комнаты и крича от страха, и в конце концов впасть в бессознательное состояние. Терапевтическое использование таких средств для вызова воспоминаний оценить непросто, но то, что в таких условиях происходит правдивое изложение фактов о тех событиях, которые субъект в нормальном состоянии не помнит, не вызывает сомнений.

Разницу между восстановлением подавленной информации такого рода, которую субъект не самоосознает, и раскрытием определенных фактов, которые субъекту хорошо известны, но которые он не хочет разглашать, может пояснить пример. Во время войны солдат среднего возраста блуждал вокруг Лондона и был подобран военной полицией. Он заявил о практически полной амнезии, не мог вспомнить свое имя, свой гражданский адрес и вообще ничего о себе. У него не было знаков отличия, представлялось и казалось невозможно узнать что-либо о его подлинной личности. После инъекции пентотала он по-прежнему не мог ничего вспомнить. Это вызвало серьезное подозрение: при истинной невропатической амнезии проявляются, по меньшей мере, некоторые признаки восстановления памяти под воздействием наркотика. Однако примерно в то же время в больнице он влюбился в молодую пациентку. Они намеревались поженить-

ся, но однажды, идя вдоль по местной Хай Стрит, он столкнулся с женщиной в сопровождении семерых детей, которая заявила, что она его жена и не позволит ему вернуться в больницу. Ее рассказ оказался правдой. После нескольких допросов мужчина в конце концов признался, что выдумал всю историю с амнезией, для того чтобы сбежать от жены.

С точки зрения полицейского расследования и получения правды от кого-то, решившего не выдавать ее, «сыворотка правды» имеет небольшое значение. Возможно, что новые открытия в ближайшем будущем исправят положение. До тех пор, пока не станет известна лучше основа, на которой эти наркотики работают, сомнительно, что в этой области могут быть проведены серьезные эксперименты. Конечно, существуют возможности объединения технологий «сывороток правды» и детектора лжи, но, к сожалению, «сыворотки правды» сами по себе оказывают непосредственное воздействие на вегетативную нервную систему, противодействуя, таким образом, плавной работе детектора лжи. По крайней мере, в настоящий момент мы можем выбросить из головы мысли о «сыворотке правды», очень правильно называемой именно так, и сосредоточиться на практических задачах по развитию детектора лжи.

Телепатия и ясновидение

Согласно Т. Х. Хаксли, обычная судьба всех новых истин — начинаться как ересь и заканчиваться как суеверие. Пока большинство людей было не готово относиться к психическим явлениям как к «истинам» во всех смыслах, они определенно начинались как суеверия, а в научных кругах в этот момент вера в них рассматривается как ересь. Так, телепатия и ясновидение упорно стремятся остановить простое, общепринятое и понятное толкование событий, лежащих в их основании.

Феномены, с которыми имеют дело исследования в области парапсихологии, известны многие тысячи лет. Эти явления включают предчувствия, заговаривание воды, дома с привидениями, полтергейсты, выживание после смерти и телепатические сообщения. Говоря словами официального отчета «Общества психических исследований», объектом в этой области является «Исследование без предубеждения или предвзятости и в научном духе тех способностей человека, реальных или мнимых, которые кажутся необъяснимыми всеми общепризнанными гипотезами». Это определение является немного общим. У нас нет общепризнанной гипотезы для объяснения очевидного взаимодействия сознания и материи в простом акте осознания, нет также никакой официальной гипотезы для объяснения явлений гипноза или памяти. Даже более того, сознание, гипноз и память вообще не включены в психические исследования общества.

Мы не будем здесь пытаться дать общие определения психическим феноменам, а просто укажем природу тех явлений, о которых пойдет речь в данной главе. Эти явления часто относятся к категории с общим названием «экстрасенсорное восприятие», или сокращенно ЭСВ. Однако это означает получение знаний через каналы, не связанные с физическими ощущениями. Выделено два экстрасенсорных восприятия — телепатия и ясновидение.

Предполагается, что ясновидение имеет место, когда человек переживает определенную мысленную картину с чувственными образами, которая полностью или частично соответствует прошлому, настоящему или будущему физического объекта, или явления — таким образом, что наблюдаемое соответствие невозможно объяснить чувственным восприятием или умозаключением, основанным на чувственном восприятии, или же случайным совпадением. Дополнительным условием, необходимость которого мы увидим немного позже, является то обстоятельство, что более никто никогда не может воспринимать в данное время данный физический объект или явление. (Может показаться, что благодаря этому дополнительному условию совершенно невозможно проверить случаи ясновидения, но далее будет показано, что остроумные методы постановки экспериментов преуспели в преодолении очевидных трудностей, связанных с данным условием.)

Предполагается, что телепатия также имеет место, когда человек переживает определенную мысленную картину, которая полностью или частично соответствует прошлой, настоящей или

будущей мысленной картине другого человека, живого или умершего, в условиях, когда соответствие невозможно объяснить чувственным восприятием, или умозаключением, основанным на чувственном восприятии, или же случайным совпадением. Дополнительным условием является то обстоятельство, что возможность ясновидения должна исключаться. В большинстве исследований, отчеты о которых были опубликованы, невозможно определить, чем является якобы демонстрируемое ЭСВ — телепатией или ясновидением, потому что данные, если они будут приняты как таковые, можно легко объяснить на основе и того и другого. Следовательно, мы в основном будем иметь дело с обобщенной способностью экстрасенсорного восприятия, а не с каким-либо разграничением между ясновидением и телепатией. Однако есть одно или два исследования, в которых была сделана попытка провести строгое разграничение между этими двумя способностями. Эти исследования будут представлены далее в соответствующем месте.

Кратко коснемся еще одного явления — возможности или способности, называемой эффектом психокинеза (общепринятое название телекинеза). Как телепатия и ясновидение произошли с появлением древних колдунов, медиумов и медиков, так и психокинез произошел от полтергейстов и веры игроков в то, что они могут влиять на игральные кости, заставляя их падать определенным образом. Предполагаемая способность людей воздействовать на физические объекты, не передавая при этом каких бы то ни было известных форм энергии, является предметом психокинетических исследований. И хотя о психокинезе известно очень мало, его нельзя полностью исключить из рассмотрения в этой главе.

Большинство людей может принять в штыки намерение расследовать заявления такого рода. Сама возможность экстрасенсорного восприятия, или психокинеза, кажется противоречащей современной научной логике, и многие не желают даже рассматривать доказательства, предъявляемые в пользу этих мнимых способностей. Существует дилетантская стереотипная точка зрения на ученого как на бесчувственного, совершенно объективного и рационального человека, который принимает во внимание только факты и в своих решениях не руководствуется эмоциями и ощущениями. К сожалению, эта картина не очень правдива.

Ученые, особенно когда они уходят из области своей специализации, становятся обычными людьми, упрямыми и безрассудными, а их необычайно высокий интеллект лишь делает их предвзятыми и опасными, поскольку позволяет тщательно прикрыть это гладким и плавным потоком высокопарных речей, со значительным количеством которых мы столкнемся в ходе нашего исследования.

Можно спросить, как возник такой тип исследований. Ответ — так же, как и любой другой вид научного исследования. На протяжении сотен лет постепенно появляются сообщения об определенных явлениях, возникают некоторые проблемы. На первый взгляд они кажутся противоречащими широко распространенным мнениям, однако, оказывается непросто отбросить эти явления как обусловленные случайностью, недоразумением или мошенничеством. Другими словами, нам кажется, что здесь есть проблема, проблема очень важная и интересная, поскольку она затрагивает основу нашей современной научной точки зрения на существование. Неудивительно, что некоторые ученые с пытливым умом начинают применять научные методы к данной области, для того чтобы пролить немного света на эти интересные и неправдоподобные явления.

Давайте возьмем лишь несколько общеизвестных примеров из древних времен и из современности, для того чтобы проиллюстрировать явления, породившие такой интерес. Святой Августин, которого нельзя не считать весьма правдивым свидетелем, рассказывает, что один из его учеников попросил карфагенского медиума и прорицателя Альбицериуса сказать, о чем он думает. Альбицериус ответил, что этот ученик человек малообразованный думает о Вергилии, на самом деле пересказал весь ход его жизни. Это верное восприятие Альбицериусом того, что было в мыслях другого человека, может внушить предположение о реальности телепатии, хотя, несомненно, более приемлемым представляется мнение о случайном совпадении.

В качестве еще одного примера можно привести случай с Сосипатрой, знатной греческой женщиной-философом, которая прервала лекцию, которую читала, чтобы подробно описать несчастный случай, происходящий в тот самый момент с ее родственником Филометором, ехавшим в своей коляске за много

миль от нее. Описание Сосипатры было точным в большинстве деталей, и опять-таки наиболее предположительным видится объяснение с помощью ясновидения или телепатии, хотя, несомненно, это и не совсем так.

Более известной, чем обе предыдущие, является история с царем Крезом, рассказанная Геродотом. Крез искал помощи медиума, чтобы выяснить силу своих врагов. Привыкший полагаться на опыт, он прежде всего решил выяснить, кто из множества оракулов наиболее надежен. Для этого он послал своих представителей к семи наиболее известным прорицателям, приказав посланникам прийти к оракулам в один и тот же день и задать один и тот же вопрос: «Что делает царь Лидии в данный момент?». Когда наступил назначенный день, царь совершил самый невероятный, по его мнению, поступок: он убил черепаху, зарезал ягненка и сварил их в медном котле. И только знаменитый дельфийский оракул смог дать правильный ответ. Доверившись ему, царь спросил, что произойдет, когда он нападет на персов. В ответ он услышал, что могущественное царство будет разрушено. Он расценил это как одобрение. И действительно, предсказание в точности исполнилось, но разрушено было его собственное царство.

Едва ли нам потребуется предварительное экстрасенсорное восприятие для объяснения предсказания дельфийского оракула, поскольку на войне в конечном итоге одна из сторон побеждает, но правильное прорицание того, что делал в означенный день царь, объяснить гораздо труднее.

Возможно, конечно, что слухи и постоянный пересказ добавили в эти истории такие подробности, которые сделали все событие более чудесным, чем оно было на самом деле. Сложно также полностью исключить совпадения и жульничество. Будет гораздо труднее применить такие истолкования к некоторым более современным событиям, например, в случае, рассказанном доктором Дж. Ф. Лобшером, психиатром, работающим в Южной Африке. Он рассказывал, что подружился с туземным колдуном, который, как считалось, обладал способностями ЭСВ. Однажды, никому ничего не говоря, Лобшер тайно закопал в земле дешевый кошелек. Затем тотчас же отправился на автомобиле в хижину колдуна, находившуюся в 60 милях. Во время спиритического танца колдун в мельчайших деталях описал спрятанный предмет, вплоть до цвета обертки и характера местности, где он был зарыт.

Подобные истории, несомненно, неприемлемы как доказательство, но могут показаться чудом. Они поднимают проблему объяснения, и ни один ученый не оценит их выше этого. Вокруг них существует слишком много неконтролируемых вещей, что не позволяет относиться к ним с доверием.

Однако через несколько лет после основания в 1882 году «Лондонского Общества психических исследований» основные усилия ученых были сосредоточены на сборе историй такого рода, а также на исследовании психических явлений, о которых им сообщалось. Какой бы интересной ни была эта ранняя работа, она опять-таки не удовлетворяет требованию доказательности. Слишком много внимания уделяется показаниям людей, и слишком охотно принимаются сравнительно неконтролируемые условия. Человеческие свидетельства, к сожалению, весьма ненадежны, и люди представляют собой наблюдателя, настолько предрасположенного к неточностям и явным фальсификациям, что очень мало доверия вызывает все сообщаемое ими, тем более, что они не имеют никакого другого помощника, кроме своих чувств. То, что это не слишком резкое суждение, подтвердилось целым рядом экспериментальных исследований. В основном они касались свидетельских показаний, даваемых в суде и подверженных ошибкам. Результаты этих исследований также весьма важны для нашего обсуждения. Вот один из обычных экспериментов такого рода. Группа студентов слушает лекцию о неточности свидетельских показаний, а затем перед ними разыгрывается бурная и запутанная сценка. В аудиторию врывается неизвестный, размахивая револьвером и угрожая убить лектора. Затем двое студентов, схватив его за руки и за ноги, выдворяют из помещения. После этого предлагается представить письменные отчеты о происшедшем, и люди, не участвовавшие в экспериментах такого типа, могут поверить различным неточностям, появившимся в этих отчетах. Так, револьвер в них становится ножом, или ружьем, или палкой; нападающий может показаться женщиной, бородатым стариком, негром или сумасшедшим. Произнесенные им слова полностью искажаются, и в переска-

зах он может в одних случаях — сам выбежать из аудитории, в других — быть выдворенным дюжиной студентов.

Хорошим примером такой техники исследования надежности отчетов является эксперимент, описанный С. Дж. Дэви. Он интересовался явлениями, происходившими во время спиритических сеансов. Он проделывал несколько трюков, популярных среди медиумов того времени, используя простое надувательство, которое планировал заранее. Зрителей просили записать события, свидетелями которых они были, затем эти наблюдения сравнивали с тем, что происходило на самом деле. Вот отчет, написанный одной из свидетельниц такого сеанса: «При входе в столовую, где происходил сеанс, был обследован каждый предмет обстановки, а мистер Дэви вывернул свои карманы. Дверь была заперта и опечатана, газ выключен, и все (включая мистера Дэви) уселись вокруг стола, положив на него руки. На столе, покачиваясь, играл музыкальный ящик. Слышались удары и были видны яркие огни. Появилась женская голова, приблизилась и пропала. Через несколько секунд возникла половина мужской фигуры. Она изогнулась и затем со скрежетом исчезла через потолок».

Другая свидетельница также отмечает обследование комнаты, опечатывание двери и расположение медиума и участников сеанса вокруг стола. Она утверждает, будто голова женщины появилась в сильном свете, а потом бородатый мужчина, читающий книгу, исчез через потолок. Все это время участники, сидящие по обе стороны от мистера Дэви, крепко держали его руки, и, когда свет был зажжен, дверь по-прежнему оказалась запертой, а печать не повреждена.

Отчет третьего свидетеля был еще более сенсационным. Он сообщал, что «...ничего не было заранее подготовлено, сеанс был довольно неожиданным». Описав, как запирали и опечатывали двери, он продолжил затем, что ощутил прикосновение холодной липкой руки и услышал разнообразные крики, после чего увидел над головами участников голубовато-белый свет, который затем постепенно превратился в призрак, «ужасный в своем безобразии, но настолько отчетливый, что каждый мог видеть его... Были ясно заметны отдельные детали: голову, напоминавшую голову мумии, покрывало подобие капюшона...». После этого появился еще более удивительный дух. Сначала как будто произошла вспышка света, которая затем постепенно материализовалась в бородатого мужчину с восточной внешностью. Его глаза были застывшими и неподвижными, с пустым, безразличным выражением. По окончании сеанса дверь оставалась запертой и печать была нетронутой».

Думается, достаточно. Теперь вернемся к действительности. Сеанс вообще не был случайным, а заблаговременно тщательно отрепетированным. Вначале мистер Дэви вошел и на глазах у всех запер дверь, однако снова повернул ключ в обратную сторону, так что дверь на самом деле осталась незапертой. «Реквизит» для материализации головы был спрятан в буфете под книжной полкой. Свидетели, осматривавшие комнату, его не обнаружили, потому что именно тогда, когда они собирались это сделать, мистер Дэви отвлек их внимание, вывернув свои карманы, чтобы показать, что у него при себе ничего нет. Происходящие явления были созданы сообщником, который вошел через незапертую дверь после того, как был потушен свет, а музыкальный ящик играл достаточно громко, чтобы заглушить его шаги. «Призрак, ужасный в своем безобразии» был маской, сделанной из муслина, с картонным воротником, покрытым люминесцентной краской. Вторым «духом» был сообщник, стоявший за спинкой кресла мистера Дэви. Его лицо слабо освещалось фосфоресцирующим светом страниц книги, которую он держал. Скрежещущий звук, произведенный при мнимом исчезновении «духов» через потолок, получился случайно, но был истолкован свидетелями в соответствии с их концепцией происшедшего. Когда свет включили, клейкая бумага, которой была опечатана дверь, упала, но мистер Дэви быстро припечатал ее на место и затем обратил внимание свидетелей на то, что она «осталась нетронутой». Трюки мистера Дэви были настолько убедительны, что ведущие исследователи, включая биолога А. Р. Уоллеса, не поверили ему, когда он сказал, что не обладает способностями медиума и что все сделано при помощи трюкачества. В результате фокуснику предложили доказать, что он *не* медиум!

Относительно недавно появились отчеты о других исследованиях подобного типа. Все они подтверждают, что как доказательства человеческие показания — без тщательного контроля —

совершенно бесполезны. Это заключение вряд ли удивит того, кто когда-либо видел на сцене хорошего фокусника. Не многое из происходящего на сеансах бывает таким же поразительным, как происходящее на ярко освещенной сцене перед тысячами людей. Несколько часов обучения элементарным фокусам могут позволить даже не слишком подготовленному человеку проделывать большинство мнимых психических явлений, наблюдаемых на сеансах.

Можно вполне категорично утверждать, что свидетели, введенные в заблуждение в этих экспериментах, не были глупыми или легковерными людьми. Весьма сомнительно, что в подобных условиях даже самый выдающийся ученый смог бы с большей вероятностью дать правильный отчет. В науке общепризнанно, что вдобавок к доступному человеку визуальному наблюдению требуются измерительные приборы и что необходимы годы обучения по использованию этих приборов, только тогда можно признать, что подобные отчеты представляют правду о действительном ходе эксперимента. Утверждение, будто психические явления могут исследоваться без таких гарантий, слегка абсурдно, поскольку, если хотите, окружающие условия этих наблюдений (темнота, возбуждение и т. д.) таковы, что обеспечение обычных мер безопасности не просто желательно, но и необходимо.

Другой трудностью, которую следует принять во внимание, является тот факт, что даже очень умный и правдивый очевидец, говоря о событиях, происшедших непосредственно с ним, может дать отчет, весьма далекий от истины. Яркий пример такой фальсификации представляет собой случай с сэром Эдмундом Хорнби, который был председательствующим судьей Верховного консульского суда Китая и Японии. В 1884 году Общество психических исследований опубликовало его рассказ, в котором он заявил, что редактор и репортер одной из газет обычно по вечерам приходил к нему домой и забирал письменные судебные решения за день, чтобы их можно было опубликовать в утреннем выпуске. Однажды ночью сэра Эдмунда разбудил стук в дверь. Вошел репортер. Смертельно бледный, он подошел к кровати, и вежливо, но очень настойчиво попросил сэра Эдмунда дать ему устное резюме судебных решений. Тот согласился, и репортер,

поблагодарив его, удалился. Сэр Эдмунд взглянул на часы, они показывали половину второго. Проснулась леди Хорнби, и муж рассказал ей, что случилось.

На следующий день сэр Эдмунд услышал, что ночью репортер умер. Без четверти час его видели пишущим, а уже в половине второго он был найден мертвым. Возле тела лежала его стенографическая записная книжка, последним пунктом в которой был заголовок для судебных решений. По всей видимости, он умер от сердечного заболевания, и вряд ли было возможно, чтобы он ночью выходил из дому.

Впрочем, позже выяснилось, что редактор, о котором идет речь, умер между восемью и девятью часами утра одного из дней, накануне которого никаких судебных решений не выносилось, и произошло это за три месяца до женитьбы сэра Эдмунда. Услышав эти факты, оказавшиеся неопровержимыми, сэр Эдмунд признал, что его память сыграла с ним необычную шутку. Маловероятно, что он выдумал эту историю и позволил ее опубликовать, зная, что все было ложью и рискуя быть разоблаченным. Скорее всего, умерший репортер явился ему в видении, а поразительные подробности были постепенно добавлены к событию, пока в конце концов его воспоминание о событии полностью не изменилось. Такое искажение чьих-либо воспоминаний может произойти в результате любой крайне эмоциональной сцены, и, опять-таки, невозможно предположить, что реакция сэра Эдмунда Хорнби была какой-то иной, чем могла бы быть у кого-то другого. Итак, свидетельство одного человека, каким бы честным он не был, никогда не должно приниматься как доказательство для психического опыта.

Значит ли это, что мы должны отвергнуть все ранние отчеты о медиумах, спиритических сеансах и представлениях с телепатией и ясновидением? Ответ состоит в том, что большинство их наводит на размышления, но никогда не сможет использоваться для убеждения скептика, а в новых областях, таких как эта, ученый, почти по определению, должен брать на себя роль скептика.

Если возможно любое альтернативное объяснение экстрасенсорного восприятия, то каким бы невероятным оно ни было, оно должно быть принято. Так, до тех пор, пока существует любая

возможность обмана, жульничества, сговора, случайного совпадения, фальсификации памяти или чего бы то ни было подобного рода, исследователь может рассматривать описываемые явления как интересные, может использовать их в качестве подсказки для своей гипотезы, но ни при каких условиях он не должен рассматривать их как доказательство в пользу существования телепатии или ясновидения.

Однако есть несколько случаев, объяснить которые гораздо труднее даже самым большим скептикам. Возьмем в качестве примера случай с миссис Пайпер, молодой замужней женщиной из Бостона, штат Массачусетс. Ее способности исследовал профессор Уильям Джеймс, один из действительно ведущих специалистов в психологии. Зная качества большинства медиумов, Джеймс посмеивался над двумя своими родственницами, на которых миссис Пайпер произвела громадное впечатление. Но когда он сам пришел посмотреть ее работу, его мнение быстро изменилось. Она стала «одной его белой вороной», и на протяжении всей карьеры миссис Пайпер ее постоянно исследовали весьма критичные и способные экспериментаторы. Самого Джеймса к этой работе подключил доктор Ричард Ходжсон, секретарь Американского общества психических исследований, имевший достаточный опыт в выявлении ложных медиумов. Он нанял детективов для слежки за миссис Пайпер и ее семьей, чтобы выяснить, не наводит ли она втайне справки о личной жизни и делах участников своих сеансов. Ни детективы и никто из исследователей не обнаружили за миссис Пайпер бесчестных поступков.

Сильной стороной миссис Пайпер была способность рассказывать незнакомым людям об их личных делах, чего она обычно знать не могла. С целью сделать это незнание еще более определенным, миссис Пайпер пригласили в Англию, так, чтобы у нее были только иностранные посетители, о личных делах которых она не могла иметь никакой предварительной информации. Вот пример того, что она сделала. Она остановилась в доме сэра Оливера Лоджа, профессора физики Ливерпульского университета. Все слуги здесь были новыми и не осведомленными о семейных связях. Лодж, настроенный на том этапе весьма скептически, из предосторожности запер под замок даже альбомы с фотографиями и семейные библии и обыскал багаж миссис Пайпер. Вызвали совершенно незнакомых людей и представили их миссис Пайпер под вымышленными именами. Сама миссис Пайпер была довольно безразличной и казалась несколько ушедшей в себя.

Лодж провел эксперимент с миссис Пайпер. Он написал письмо дяде с просьбой прислать какую-нибудь реликвию, принадлежавшую дядиному брату-близнецу, умершему двадцать лет тому назад, и тот прислал старые часы, которые Лодж и передал миссис Пайпер, когда она находилась в трансе. Женщина почти мгновенно сказала, что часы принадлежат дяде. После множества запинок она произнесла имя «Джерри». Лодж попросил «дядю Джерри» вспомнить некоторые эпизоды из отрочества, которые помнил бы его здравствующий брат. Было упомянуто несколько таких случаев, включая плавание в бухте, когда он едва не утонул, убийство кота на поле Смита и то, что ему принадлежала необычно длинная шкура, похожая на кожу змеи. Дядя, с которым переписывался Лодж, ничего из этого не вспомнил, но, написав еще одному дяде, Фрэнку, Лодж получил подтверждение каждого из упомянутых миссис Пайпер эпизодов.

Лодж послал в родную деревню дяди Джерри агента, чтобы узнать, какую информацию можно получить, расспросив стариков в районе поля Смита и в окрестностях. Результат был почти нулевым. В связи с этим особенно интересно то, что сам Лодж ничего не знал о детстве дяди Джерри и, следовательно, ни до, ни после того, как предпринял расспросы, не мог сказать, были утверждения медиума правильными или нет. По-видимому, здесь мы имеем дело со случаем, когда сообщения были сделаны несколькими разными честными и умными людьми и, объяснить этот случай без привлечения экстрасенсорного восприятия довольно трудно, если мы не собираемся отнести все на счет случайного совпадения. Все же, такие поразительные утверждения не следует постоянно списывать на случайные совпадения. Необходимо помнить при этом, что для миссис Пайпер данный случай не был единичным, и она продолжала «выдавать» «случайные совпадения» изо дня в день, на протяжении двадцати пяти лет. Есть только один или два медиума, чьи способности конкурируют со способностями миссис Пайпер. В то время как ученые всегда с определенной долей скеп-

сиса воспринимают даже одно упоминание слова «медиум», это не может оправдать наш отказ от действий, тщательно продуманных и исследованных.

Все же, как бы невероятно не звучало объяснение «совпадением» тех явлений, что приписываются миссис Пайпер и другим медиумам, мы не можем установить степень вероятности такого факта, как верное указание имени дяди Оливера Лоджа, сделанное миссис Пайпер. То, что представляется невероятным одному человеку, другому может показаться вполне возможным, а наука не имеет дела с субъективными оценками такого рода. Прежде чем сделать какое-либо рациональное и научно приемлемое утверждение о предметах такого рода, мы должны иметь строгий статистический расчет вероятности правильных предположений, а также их общее число. Странные и неконтролируемые случаи спиритических сеансов, пророческих сновидений, высказывания медиумов — все это может быть ярким, интересным и интригующим, но это нельзя легко рассчитать, измерить и объяснить теорией вероятности.

Главный вклад психологии в изучение психических явлений имеет двоякий характер. Во-первых, условия, при которых эти явления возникают, были поставлены под контроль экспериментатора. А во-вторых, эти явления сделали поддающимися измерению и статистическим расчетам. Этот двоякий процесс — создание более строгих условий эксперимента и получение точного выражения вероятности, что можно объяснить необычные явления «совпадением», позволил достичь такой степени точности, которая выводит вопрос принятия или отклонения доказательства из области человеческой веры. В то время как это изменение акцента произошло во благо и в самом деле было совершенно необходимым для того, чтобы сделать предполагаемые явления доступными для ученых, оно имело одно довольно печальное последствие. Ушли чудесные истории и интересные персонажи — медиумы, фокусники, оракулы. Ушли пылкие споры о правдивости и о влиянии случайности. Ушли серьезные длиннобородые викторианцы, скучившиеся в тесных комнатках и пристально вглядывающийся в эктоплазму, выходящую изо ртов медиумов. Вместо всех этих красок, волшебства и веселья теперь мы имеем чисто выбритых молодых ученых, сотни тысяч раз повторяющих

простые карточные фокусы на угадывание. Мы имеем счетные машины, выдающие вероятности в виде крайне сложных формул, понять которые в состоянии только посвященные. Вся красочная история свелась к простым утверждениям, вроде того, что когда мистер А в пяти миллионах случаев, в которых он, согласно теории вероятности, должен был правильно назвать карту двадцать пять раз, сделал это в пятидесяти случаях, то вероятность того, что это произошло не случайно, объявляется астрономической.

Немного жаль, что викторианская эпоха психологических исследований прошла, но что бы мы ни делали, она не вернется. Однако читатель скоро увидит, что улучшения методологии были куплены дорогой ценой. Для многих людей этой ценой была жуткая тоска, вызванная прочтением бесчисленных отчетов, похожих как две капли воды, о том, как люди, делая в точности то же самое, в абсолютно таких же условиях, получают результаты немного лучшие тех, которые позволяет получить вероятность. Впрочем, даже в этой унылой сфере есть, к счастью, моменты, достойные восхищения. Прежде чем перейти к ним, давайте очень кратко рассмотрим статистическую основу современных исследований экстрасенсорного восприятия. Пусть читатель возьмет колоду из пятидесяти двух игральных карт, тщательно перетасует ее, снимет и посмотрит на верхнюю карту. Когда он смотрит на карту, попросите его нажать электрический ключ, который подает сигнал человеку в другой комнате записать свое предположение о масти карты. Затем колода снова перетасовывается. Таким же образом извлекается карта за картой, рассматривается и возвращается. Давайте сделаем 1200 таких попыток. Должно быть понятно, что вероятность правильного предположения равна одной четвертой. Следовательно, если ничего, кроме вероятности, на эксперимент не влияет, то вероятность правильного предположения должна быть равна одной четвертой от 1200, или всего 300. Маловероятно, конечно, что в любом реальном эксперименте число догадок будет точно равняться 300. Иногда мы будем иметь несколько больше, иногда несколько меньше. Если мы проведем 100 экспериментов, каждый из которых будет состоять из 1200 попыток, и запишем число успешных догадок в каждом эксперименте, то обнаружим, что счет, то есть число ус-

пехов, будет колебаться около отметки 300 в пределах от 270 до 330. Чрезвычайно редко мы будем получать более крайний результат, но в подавляющем большинстве случаев, при условии, что в ходе эксперимента имеет место только вероятность, он будет находиться в указанном диапазоне.

Теперь предположим, что, проверяя человека подобным образом, в 1200 попытках мы получили 400 верных ответов. Можем ли мы не принимать в расчет простое совпадение? Ответом является не простое «да» или «нет». Мы должны рассчитать вероятность такого крайнего отклонения. В нашем случае эта вероятность будет меньше, одна миллионная, и мы будем совершенно обоснованно считать, что она является достаточно плохим объяснением. Имей лошадь шанс выиграть дерби при вероятности миллион к одному, вряд ли кто-то захотел бы поставить на нее. Если шансы против гипотезы «совпадения» точно такие же, как в вышеприведенном примере, то немногие ученые согласятся поддержать ее. Таким образом, мы можем заключить, что, вероятно, вместо простого случая зарегистрированные результаты породило нечто другое.

Если бы мы рьяно выступали против веры в телепатию или ясновидение, то могли бы сказать, будто шансы против них настолько сильны, что единственный эксперимент не может являться доказательным. Следовало бы повторить эксперимент, и получи мы снова значение 400, вероятность против того, что это результат случайности, была бы приблизительно миллион раз по миллиону. Мы можем нагромождать вероятность на вероятность, но для большинства людей разумный уровень вроде миллиона к одному будет, вероятно, достаточно приемлемым, при условии, что технология эксперимента была удовлетворительна в других отношениях. Конечно, читатель может настаивать на принятии логики Паскаля для решения этой проблемы. Паскаль, как известно, был очень одаренным математиком, а также фанатичным католиком. Как и подобает одному из основателей современной теории вероятностей, он использовал свою теорию для доказательства того, что мы должны верить в Бога. Его аргументы выглядят следующим образом. Райское блаженство бесконечно. Следовательно, какой бы малой ни была вероятность того, что Бог существует, если вы умножите ее на бесконечность, то

она станет достоверностью. Следовательно, мы должны верить в Бога. Аргумент Паскаля обращен не к математикам и не к его единоверцам и остается чем-то вроде исторической достопримечательности. Его противоположность, гласящая, что психические явления бесконечно маловероятны и, следовательно, конечное множество вероятностей не может доказать их, пользуется несколько большим одобрением, хотя ее логическая основа в равной степени неверна.

Конечно, многие считают, что с помощью статистики можно доказать все, что угодно, и, следовательно, их не удивляют и не поражают современные данные такого рода. Это слишком радикальное мнение, чтобы принять его, потому что большая часть современной науки основана на статистической методологии и вычислении вероятности. Отказаться от всей современной науки, для того чтобы освободиться от необходимости признавать психические явления, — это все равно, что вместе с водой выплеснуть из ванны и ребенка. Возможно, с помощью статистики можно доказать все, что угодно, но только для людей глупых или невежественных. Методология современной статистики так широко принята учеными, что лишь те немногие, кто не знает о ней ничего, могут вообразить, будто они смогли бы сформировать ложное доказательство любого типа только потому, что оно покоится на статистической основе.

Суть современной научной работы в психических исследованиях состоит в организации эксперимента таким образом, чтобы вероятность любого полученного результата, обусловленного случайностью, можно было рассчитать. Это дает нам оценку вероятности «совпадения», ответственного за наши данные. Даже если «совпадение» будет исключено как вероятная причина наших данных, то само по себе это обстоятельство, конечно же, не доказывает существование «экстрасенсорного восприятия». В самом исполнении эксперимента могут быть недостатки, которые окажут влияние на полученные нами сверхслучайные результаты. Прежде чем обратиться к статистике как к арбитру, мы должны убедиться в том, что даже самый настойчивый и скептичный критик не сможет найти ничего, к чему можно было бы придраться в исполнении нашего эксперимента. Только тогда статистическое доказательство становится решающим.

Первый экспериментатор, чью работу следует здесь упомянуть, — это американский психолог Кувер, который был весьма решительно настроен против теории «экстрасенсорного восприятия». Для каждого из своих экспериментов он использовал двух человек: «отправителя», или «агента», который смотрел на карты одну за другой, и «получателя», или «реципиента», который записывал свои предположения. Всего Кувер использовал 105 «получателей» и 97 «отправителей». Он сидел в одной комнате с «отправителем», в то время как тестируемый субъект находился в соседней. Наличие двух комнат требовалось, конечно же, для того, чтобы «получатель» не смог ни разу взглянуть на карты и чтобы «отправитель» не мог подать «получателю» какой-нибудь сигнал, умышленный или неумышленный, который бы позволил тому определить карту обычными средствами.

В общей сложности было зарегистрировано 10 000 предположений с использованием игральных карт. Из каждой были изъяты двенадцать карт с картинками, так что колода содержала сорок карт. Тасуя и снимая колоду, Кувер бросал игральную кость на «чет» и «нечет», чтобы решить, должен ли отправитель смотреть на вытащенную карту. Такие попытки, при которых никто не видел карту, Кувер расценивал как средство эмпирического контроля испытаний, при которых агент сосредотачивался на картах. Но сегодня мы могли бы рассматривать их скорее как проверку ясновидения, в противоположность проверке телепатии.

Кувер зарегистрировал, что ни попытки проверки телепатии, ни «контрольные» попытки не выявили никакого значительного отклонения от среднего случайного ожидания, и поэтому он сделал вывод об отсутствии доказательства телепатии. Однако из общего числа в 10 000 попыток 294 были правильными, по сравнению с ожидаемыми 250, и может быть показано, что шансы против того, что это произошло случайно, равны приблизительно 160 к 1. Обычно в психологических исследованиях шансы 20 к 1 считаются существенными, а 100 к 1 — очень большими. Если это был психологический эксперимент обычного типа, то экспериментатор, несомненно, должен был сделать вывод о том, что как доказательство существования экстрасенсорного восприятия эксперимент был успешным. Безусловно, результаты не подтверждают заключение Кувера об отсутствии доказательства телепатии или ясновидения в его исследовании, но, с другой стороны, мы также не можем принять его как положительное доказательство. Главным недостатком оказался характер эксперимента. Как показали С. Г. Соул и Ф. Бейтман в работе «Современные эксперименты в области телепатии», последовательность извлечения карт в методе Кувера была случайной из-за того, что перетасовывание единичной колоды карт вручную неэффективно. Карточная колода имеет свойство легче сниматься в некоторых определенных местах. Если карта, такая как девятка «бубен» или туз «пик», расположена именно в таком месте, то она будет появляться чаще других и, соответственно, более часто угадываться, увеличивая, таким образом, число правильных ответов. Поскольку это так, то «первооткрывательский» эксперимент Кувера, будучи технически несовершенным, дал доказательство в пользу экстрасенсорного восприятия с шансами приблизительно 160 к 1. Довольно странно, что его продолжают приводить как «опровержение» существования экстрасенсорного восприятия. Это интересный случай принятия желаемого за действительное и сокрытия доказательства. К сожалению, в литературе по предмету можно найти множество других примеров подобного рода.

Несколько иной тип эксперимента был использован тремя датскими исследователями, Хеймансом, Бругмансом и Винбергом. Угадывающий сидел с завязанными глазами перед большой шахматной доской с 48 квадратами вместо обычных 64. Квадраты образовывали шесть рядов, обозначенных цифрами от 1 до 6, и восемь столбцов, обозначенных буквами от *A* до *H*. Таким образом, любой из 48 квадратов можно было найти по букве и цифре, как в континентальной системе шахматной записи. Экспериментаторы находились в комнате, расположенной непосредственно над той, где сидел тестируемый, и наблюдали за ним через толстое стекло в полу. Они выбирали один из 48 квадратов, вытаскивая карты из двух перетасованных колод, одна из которых содержала цифры от 1 до 6, а другая — буквы от *A* до *H*. Отмечалось, как субъект делал свой выбор, который затем записывался и сравнивался с правильной позицией. Их лучший субъект, молодой человек по имени ван Дам, дал 60 правильных ответов в 187 попытках, а предполагаемый результат ожидался

равным четырем. Это опять-таки выходит далеко за пределы любого разумного уровня статистической значимости, чтобы говорить о случайности в качестве вероятного объяснения. Однако и в этом случае есть критические замечания по поводу экспериментального метода. Условия наблюдения были неблагоприятными для экспериментаторов, и они действительно могли совершать ошибки, принимая приблизительный успех за полный. Опять-таки, экспериментаторы, знавшие правильный квадрат, наблюдали за субъектом в то время, как он ощупывал доску, и нельзя полностью исключить, что они вели себя возбужденно, когда его рука оказывалась в районе правильного квадрата, и таким образом продуцировали слуховые сигналы, улавливавшиеся субъектом. Читатель может счесть эти возражения несерьезными и неправдоподобными, но в истории предмета есть достаточно доказательств того, что даже очень слабый слуховой или зрительный сигнал может дать достаточно проницательному субъекту всю необходимую информацию.

В связи с этим можно привести два примера. Первый — с лошадьми Эльберфельда. Эти лошади прославились тем, что могли решать арифметические задачи, задаваемые им зрителями, и явно демонстрировали необычно высокую для лошадей степень развития. Хотя большинство исследователей были убеждены в подлинности этого феномена, в конце концов удалось установить, что лошади реагировали на легкие движения своего дрессировщика, вероятно, бессознательно. Многие волшебники сцены, находившие спрятанные предметы, полагались на неосознанные движения тех зрителей, которые знали, где спрятан предмет, и, реагируя на эти движения, успешно его находили.

Классическим примером подсознательной подачи слуховых сигналов является случай с дочерью латвийского крестьянина Илгой. Считалось, что она была способна при помощи телепатии читать любую книгу, которую рассматривала ее мать. Мать всегда находилась на заднем плане, подбадривая ее, пока девочка нетвердо читала почти по слогам. Когда звукозапись одобрительных возгласов матери была воспроизведена Илге, то выяснилось, что девочка реагировала на очень слабые слуховые сигналы, улавливаемые ею от матери и не замеченные множеством исследователей, обманутых Илгой.

Некоторые исполнители применяют сигнальные подсказки. Пример тому «ясновидящий», сидящий с завязанными глазами на сцене, в то время как его ассистент ходит среди зрителей и просит передавать ему различные предметы, которые его коллега отгадывает. Угадывание основано на различных типах слуховых сигналов, система которых тщательно разработана исполнителями и которые полностью ускользают от внимания зрителей. Есть некоторые доказательства, что немало удачных партнерских союзов игроков по бриджу основывается на этом же принципе!

Можно возразить, что Хейманс и другие экспериментаторы — весьма компетентные психологи и должны были увидеть такие вещи. Это, конечно, совершенно справедливый, но не относящийся к делу аргумент. Эксперимент, принимаемый в качестве убедительного, в делах такого рода не должен зависеть от чьей-то веры или убежденности в профессиональной компетентности исследователя.

Для того чтобы проект и исполнение были приемлемыми, их следует защитить от неправильного использования. Если существует малейшая возможность, пусть даже невероятная, что субъект мог достичь успеха не «экстрасенсорными средствами», то эксперимент не является доказательным. Насколько необходимо это общее правило, должно стать понятно, если вспомнить, что и лошади Эльберфельда и Илга были исследованы и признаны как подлинные случаи телепатии учеными с таким же статусом, что и датские исследователи, чью работу мы сейчас рассматриваем.

Следующий исследователь телепатии, Г. Х. Эстабрукс, использовал обычную колоду игральных карт. Он предпринял меры предосторожности, поместив «отправителя», «получателя» и угадывающего в двух половинах сравнительно звукоизолированной комнаты, разделенных перегородкой с двойной дверью, которая во время эксперимента была закрыта. Он провел также дистанционные эксперименты, в которых «отправитель» и угадывающий находились в двух разных комнатах на расстоянии шестидесяти футов друг от друга. Его результаты оказались на уровне 1000 к 1, но число попыток было сравнительно небольшим, поскольку Эстабрукс, кажется, был удручен тем фактом, что субъекты, начавшие с положительных результатов, стали

затем давать отрицательные. С тех пор это наблюдается во многих исследованиях и выглядит почти универсальным психологическим фактом. Печально, что Эстабрукс не продолжил свою работу, ибо в техническом плане он выглядел лучшим, пока его не вытеснили более современные исследователи, а результаты, несмотря на перспективность, не достигли уровня значимости, который помог бы признать экстрасенсорное восприятие обязательным.

Перейдем теперь к исследованию, проведенному Дж. Б. Райном в университете Дьюка, Северная Каролина. Бесчисленные научные работы, выполненные исследователем, его женой и коллегами и студентами, сделали, вероятно, больше, чем чьи-либо другие, для того чтобы психология стала «существующей». Эксперименты Райна настолько общеизвестны, что подробно излагать их не имело бы большого смысла. Поэтому я приведу их с меньшими подробностями, чем того, несомненно, заслуживает их важность.

Главным новшеством в технологиию Райна было введение нового типа экспериментального материала. Там, где раньше использовались игральные карты и числа, он ввел так называемые карты Зенера, или зенеровские карты, на которые нанесен один из пяти символов — круг, квадрат, пятиконечная звезда, волнистые линии или знак сложения (плюс). Карты укладывались в колоды по 25 штук, каждая колода содержала 5 карт с каждым символом. Это может показаться совершенно несущественным изменением, но по многим причинам оно очень важно. У игральных карт и чисел, как и у людей, есть свои фавориты и изгои. Среди карт туз «пик» и девятка «бубен» называются с большей вероятностью, чем четверка «треф» или туз «червей». Среди цифр вероятность быть названной для семерки выше, чем для двойки. Таким образом, игральные карты и цифры имеют ассоциативные значения, которые вмешиваются в расчет соответствия шансов и нарушают эксперимент, основанный на эквивалентности всех имеющихся символов в сознании субъектов. При выборе пяти сравнительно нейтральных символов, как это сделал Райн, большинство таких трудностей было исключено, хотя даже этот метод не полностью свободен от них.

В попытке выделить телепатию из ясновидения Райн опробовал различные технологии с этими картами. Иногда в тестах на телепатию «отправитель» должен был поочередно смотреть на каждую карту, «передавать» ее «получателю», а затем откладывать. Иногда в тестах на ясновидение «отправитель» должен был только поочередно поднимать каждую карту, не глядя, и затем снова откладывать, чтобы можно было проверить, соответствует ли она предположению «получателя». При так называемой «сквозной» технологии «отправитель» только смотрел на колоду зенеровских карт, а «получатель» пытался угадать их последовательность, даже не прикасаясь к ним.

Используя такие различные условия, Райн сообщил об удивительных результатах, которые резко повышали шансы против случайности в миллионы раз. Однако эти результаты подверглись жесткой критике, поскольку, некоторые из них имеют статистический характер и связаны с тем, что каждая колода содержала ровно пять карт с каждым символом. Это не строго вероятностный подход, в связи с чем обычная формула расчета вероятностей требует некоторого изменения. Однако необходимая поправка весьма незначительна, и скорее всего не смогла бы объяснить результаты Райна. В дальнейших исследованиях использовалась корректная формула или же последовательность символов устанавливалась на основе таблицы случайных чисел, что с точки зрения методики, вероятно, предпочтительнее. В любом случае критика статистических недостатков, направленная против Райна, необоснованна, за одним упомянутым исключением. Нет сомнений, что если современные исследователи в области телепатии и уязвимы для критики в несоответствии требованиям, то скорее не в плане статистики, а в плане эксперимента. По этому вопросу высказывается много вздора, даже теми людьми, которые должны быть осмотрительными. Необходимо подчеркнуть также, что величайшие авторитеты в области математической статистики в прямой форме благословили используемые в настоящее время методы анализа.

Другой момент в критике относится к несоответствующей перетасовке карт. Как известно большинству карточных игроков, обычный процесс перетасовки и снятия не полностью нарушает последовательность карт. Поэтому, если в эксперименте по телепатии угадывающий сумеет приспособиться к последовательностям карт, и, возможно, эти последовательности сохранятся в

течение нескольких перетасовок, то это может породить слегка завышенные результаты. В то время как совершенно справедливо, что последовательные расположения, полученные повторяющимися перетасовками колоды карт Зенера, не дают совершенно случайной комбинации из 623 360 743 125 120 возможных для 25 карт, тем не менее существует очевидное экспериментальное доказательство, что высокие результаты, показанные хорошими субъектами, не могут объясняться такими различиями. Очень простой метод доказательства предлагает сопоставить последовательность угадывания конкретного человека с последовательностью карт человека, для которого они не были предназначены. Так мы могли бы сравнить набор последовательностей мистера Смита с набором карт, показанных в другом случае мисс Дулиттл, а набор предположений, сделанных мисс Дулиттл, — с последовательностью карт, какая была до мистера Смита.

Выведенное из полумиллиона таких сопоставлений среднее значение было равно 4,9743 в противоположность случайному значению, равному 5,00. Таким образом, эта критика не может объяснить средние значения, равные 7, 8 или больше, показанные удачными субъектами.

Другой предполагаемой причиной высоких показателей является произвольная остановка. Поскольку вследствие случайности результаты часто будут в равной степени выше или ниже случайного уровня в 5 успехов на 25 попыток, то предполагается, что высокий результат можно было получить, просто продолжая работу с каждым субъектом, до тех пор пока он не покажет результат выше среднего уровня. До того как субъект может опуститься до своего следующего отрицательного значения, эксперимент прекращается. Работая с большим количеством субъектов по этой методике, мы можем прийти к существенным положительным отклонениям, которые, будучи сложенными вместе, дадут значительную разницу в сравнении со случайностью. Это интересная и на первый взгляд правдоподобная теория, которая в слегка упрощенной форме привела многих игроков к проигрышу миллионов франков на рулетке в Монте-Карло. Как показали Соул и Бейтман, основная трудность с аргументом такова. Некоторые начинают с отрицательного результата и продолжают, в среднем, с ним же. Чтобы превратить его в положительный, требуется такое количество циклов, что общее значение итогового результата уменьшается практически до нуля из-за необходимости большого числа попыток для получения положительного итога. При помощи произвольной остановки можно увеличить случайное значение чуть более 5, но это может быть принято в расчет соответствующими статистическими формулами и ни при каких условиях не может вызвать устойчиво высоких результатов, зарегистрированных у некоторых субъектов.

В качестве объяснения некоторых полученных данных можно предложить непроизвольный шепот. Мы уже видели, что нельзя слишком поспешно исключать это обстоятельство. Но эксперименты, проведенные с расстоянием между «отправителем» и «реципиентом» в несколько миль, свидетельствуют: едва ли можно предположить, что непроизвольный или подсознательный шепот мог разнестись так далеко! В тестах на ясновидение «отправитель» не имел представления о последовательности карт и поэтому вряд ли мог выдать ее посредством шепота. То же самое справедливо и для «сквозной» технологии. Ошибки при записи и проверке рассматривались как возможный источник влияния на некоторые сверхслучайные результаты. Предполагалось, что исследователь был склонен делать ошибки в пользу своего предвзятого мнения, считая совпадающими догадки, когда на самом деле карта и предположение были разными. Это опять же маловероятное объяснение. Повторная проверка показала, что ошибки были почти ничтожными, а там, где случались, в большей степени имели тенденцию показывать отсутствие правильного ответа, чем принятие неправильного. В современных экспериментах предпринимаются существенные меры предосторожности в виде дубликатов всех карт и результатов догадок, которые обычно проверяются независимо несколькими людьми.

Последним из критических высказываний в адрес Райна является некорректный отбор данных. Допускается, что группы данных, дающих только случайные результаты, были исключены, а зарегистрированы лишь те, которые давали положительные результаты. В качестве варианта можно рассмотреть то, что положительные результаты некоторых исследователей уравно-

вешиваются более многочисленными отрицательными результатами, которые могли получить другие, но которые не зарегистрированы в силу своего отрицательного характера. Первый из этих аргументов ставит под сомнение честность исследователя, и не доказано, что Райн впал в этот грех. Многие прежде недружелюбно настроенные исследователи, которые были полностью осведомлены об этих возражениях, подтвердили его положительные результаты, что исключает критику такого рода. О второй версии этого аргумента можно сказать, что потребовалось бы совершенно немыслимое число отрицательных случаев, чтобы уменьшить полученные положительные результаты до их незначительности. Следовательно, этот аргумент тоже должен быть отвергнут.

Необходимо упомянуть еще одно последующее критическое замечание, поскольку под ним подразумевается очень многое. Предполагается, что некоторые особенности на рубашках карт могли давать субъектам определенные подсказки. Символы также могли быть настолько сильно пропечатаны, что проступали на рубашке карт. Субъекты иногда могли видеть нижнюю карту колоды или карту в месте съема колоды. Такие случаи нельзя исключить для некоторых ранних экспериментов Райна, но они определенно не имели места в большинстве его исследований. Обычно карты были скрыты от «получателя» или же он и «отправитель» находились в разных комнатах. Как правило, субъект не знал, когда его результат был правильным, а когда — нет, и поэтому не имел возможности связать рубашку карты с символом на ее лицевой стороне.

Рассматривая шквал критики, обрушившейся на голову Райна, важно представлять, что он, хотя бы частично, был ответствен за это. Грубо говоря, существует два способа выполнения исследований в этой области. Один метод (именно он принят Райном) — начать эксперимент в весьма нестандартных и свободных условиях, дающих субъекту более положительный, дружелюбный тип отношений, который, несомненно, является важным психологическим фактором успешной работы, а строгий контроль имеет тенденцию к их разрушению. Постепенно Райн усиливал контроль, всегда стараясь поддерживать положительное отношение со стороны субъекта, пока, наконец, не достигал

точки, когда контроль становился абсолютно строгим, а субъект все еще давал положительные результаты. Альтернативный метод состоит в осуществлении наиболее жесткого контроля с самого начала, однако весьма возможно, что в таких условиях страдает сотрудничество и будут получены менее значимые результаты.

Вероятно, метод Райна лучше других. Однако вызывает сомнения, прав ли он был, публикуя результаты своих менее контролируемых экспериментов. Справедливая критика настроила многих против принятия последующих, более жестко контролируемых экспериментальных исследований. Возможно, было бы лучше ограничиться отчетом о небольшом количестве жестких экспериментов, которые не оставляли вообще никаких лазеек. Один из таких весьма впечатляющих экспериментов был выполнен с Губертом Пирсом, одним из знаменитейших субъектов Райна.

Во время проведения эксперимента субъект и «отправитель» находились в разных зданиях университета Дюка, между которыми не было даже телефонной связи. Согласно предварительно разработанной схеме, проводивший эксперимент доктор Пратт в назначенное время снимал верхнюю карту перетасованной колоды и клал ее лицом вниз в центре стола. Через тридцать секунд Пирс записывал свой ответ, а еще через тридцать секунд Пратт снимал следующую карту. Таким образом, они работали со скоростью одна карта в минуту, делая 50 предположений за один сеанс. Затем Пратт и Пирс запечатывали листы со своими записями и, не сообщаясь друг с другом, доставляли их Райну, который проверял результаты. Усредненный по 750 попыткам результат составил 8,7 совпадений на 25 карт. Перевес против случайности составил около 10^{20} к 1. При желании читатель может проверить все сделанные и приведенные выше критические замечания и лично убедиться, как мало они могут объяснить результаты, зарегистрированные в этих исследованиях.

За те годы, в течение которых Райн ужесточал свои средства контроля, кажется, произошло определенное изменение точки зрения. Ранее считалось, что почти у каждого есть парапсихологические способности, хотя бы в малой степени, и что эксперименты с привлечением большого количества людей будут в целом иметь тенденцию давать положительные результаты. Вполне

возможно, что достигнутые при тех условиях положительные результаты были, полностью или частично, обусловлены неточностью условий эксперимента. В последние годы внимание несколько сместилось в сторону небольшого числа высокоодаренных индивидуумов, от которых можно ожидать высоких результатов в течение длительного времени. Широкомасштабные эксперименты с привлечением большого количества людей имеют тенденцию давать только вероятностные результаты, хотя они могут быть полезны для поиска личности с редким даром, которая может изучаться в дальнейшем.

Думается, не очень интересно приводить в деталях подтверждающие эксперименты, выполненные Райном и его последователями. Будем надеяться, что это не гигантский тайный сговор, объединивший около тридцати университетских факультетов по всему миру и несколько сотен весьма уважаемых ученых в различных областях науки. Многие из них изначально недоброжелательно относились к заявлениям психологов-исследователей. Заключение непредубежденного наблюдателя может значить, что должно существовать небольшое число людей, получающих информацию, находящуюся в как в умах других людей, так и во внешнем мире, еще неизвестными науке средствами. Это не следует истолковывать в качестве поддержки таких понятий, как жизнь после смерти, философский идеализм или что-нибудь еще. Толкование данного факта должно дождаться более основательного знания условий, при которых получаются такие результаты, и средств, при помощи которых передаются экстрасенсорные сообщения.

Райн и его партнеры опробовали различные методы для обнаружения коррелятов этой экстрасенсорной способности. В частности, они интересовались вопросом, какой тип личности наиболее вероятно может дать положительные результаты ЭСВ. Интеллектуалы, хотя и наиболее очевидные кандидаты, вскоре были исключены. Оказалось, что нет достаточных оснований предполагать, будто экстрасенсорное восприятие можно более часто встретить среди людей высокого, среднего или низкого интеллекта. Поэтому внимание было нацелено на не познавательную сторону личности. Одной из первых, кто начал работать в этом направлении, была Хамфри, воспользовавшаяся рисуночным тестом. В этом тесте, изобретенным Элкишем, используются типы рисунков, создаваемых субъектами, участвующими в экспериментах для сопоставления «экспансивного типа», демонстрирующего воображение, живость и свободу выражения, с «зажатым типом», демонстрирующим заторможенность, отсутствие воображения и робость.

Хамфри предлагала своим субъектам сделать набросок, который бы основывался на рисунке, находящемся в непрозрачном запечатанном конверте, в надежде на некоторую связь между качествами экспансивности-зажатости эскиза и ясновидческой способностью человека реагировать на рисунок в конверте. Была разработана сложная система подсчета результатов, и Хамфри выяснила, что экспансивные дали средний результат, превышающий случайное ожидание, в то время как результат зажатых был ниже случайного уровня. Разница по отношению к случайности была очень большой — около 300 000 к одному. Общий итог экспансивных (положительное отклонение) и зажатых (отрицательное отклонение) в сумме дал результат, который не сильно отличался от случайного. Таким образом, итоговый результат не выявил доказательства экстрасенсорного восприятия.

В последующем эксперименте использовалась, скорее, телепатия, чем ясновидение. «Отправитель» смотрел на картинки, находясь в удаленной комнате, а угадывающие рисовали скетчи в другой комнате. На этот раз зависимость была обратной. Результаты зажатых были выше случайного уровня, а результаты экспансивных — ниже. В соответствии с этими данными другой исследователь обнаружил, что экспансивные субъекты, отобранные по их высоким результатам в тестах на ясновидение, в тестах на телепатию показали результаты, существенно ниже ожидаемых. Напротив, зажатые субъекты, давшие в тестах на ясновидение результаты ниже случайного ожидания, в тестах на телепатию показали результаты, намного превышающие случайные. Проведенные в Великобритании, эти эксперименты не дали повторения результатов, полученных в Америке. В любом случае необходимо отметить, что технология Элкиша не является очень надежной, так как один и тот же человек может делать зажатые рисунки в одном случае и экспансивные — в другом. В общем,

здесь, как и в других областях психологии, вероятно, надежным является правило: данные, перед тем как окончательно их признать, следует повторить в нескольких разных департаментах. Пока это не будет сделано, мы вряд ли сочтем выводы Хамфри выше, чем просто предположения.

Это справедливо и для экспериментов, выполненных Шмейдлер. Она делила своих субъектов на две группы, назвав соответственно «овцы» и «козы». «Козы» выражали убеждение, что телепатия в условиях эксперимента была невозможна, тогда как «овцы» допускали эту вероятность. В среднем, «овцы» имели тенденцию к результату немного выше пяти; а «козы» — немного ниже. В 185, 725 предположениях средние результаты были, соответственно, 5,15 и 4,92.

Далее Шмейдлер применила к своим субъектам тест чернильное пятно Роршаха, для измерения эмоциональной приспосабливаемости или устойчивости. Затем она разделила своих субъектов на четыре группы: хорошо приспосабливающихся и плохо приспосабливающихся «овец» и, соответственно, «коз», интуитивно предположив, что «овцы» с хорошей способностью к адаптации дадут более высокие результаты, чем с плохой, а хорошо приспосабливающиеся «козы» — большее негативное отклонение, чем плохо приспосабливающиеся. Таким образом, по ее мнению, плохая приспосабливаемость могла подавить способность субъектов давать как отрицательные, так и положительные результаты. В целом ее догадка подтвердилась, но различия оказались совершенно незначительными. Кроме того, следует отметить, что в своих расчетах она пользовалась некорректной формулой, хотя результаты, вероятно, остались бы примерно такими же, будь формула корректной.

По различным причинам с этими результатами трудно согласиться. Мы так мало знаем о телепатии и ясновидении, что кто-то может сказать, будто все возможно и эти результаты не более удивительны, чем те, которые мы рассматривали ранее. Однако мы кое-что знаем о тесте Роршаха, и, как увидим в следующей главе, для определения плохой или хорошей приспосабливаемости и эмоциональной устойчивости этот тест очень ненадежен и почти невалиден. При таких условиях представляется чрезвычайно маловероятным, что при помощи такого теста можно было

успешно произвести отбор, соответственно, плохих и хороших субъектов. Пока эти результаты не будут получены повторно, следует быть крайне осторожными в принятии выводов, сделанных на их основании. Чтобы продемонстрировать, насколько такой скептицизм необходим, мы, пожалуй, можем вспомнить, что вскоре та же версия теста Роршаха, которую применяла Шмейдлер, была использована другим исследователем для предсказания успеха обучения в колледже. Результаты оказались в значительной мере точны, но, когда исследования повторялись в других местах, результаты никогда не превышали случайных. Единственной мерой предосторожности против принятия ложных результатов является повторение экспериментов. Следовательно, в целом мы можем сказать, что ничего определенного об особенностях личности, относящихся к парапсихическим способностям, неизвестно, хотя в исследовании, кратко изложенном выше, могут содержаться некоторые многообещающие намеки.

Теперь мы должны обратиться к несколько иному аспекту телепатии и ясновидения, который до известной степени гораздо более удивителен и труден для принятия, чем любой из упоминавшихся до сих пор. В более ранней литературе явно прослеживается вера в существование «предварительного знания», то есть способности заглянуть в будущее и предсказать, что произойдет.

Часто сообщается о сновидениях, предсказывающих будущее. Это явление мы рассмотрим в следующей главе. Экспериментальное исследование предсказания и предвидения предшествовало экспериментам Райна, Тиррелла и Соула. В исследовании Райна существенным было то, что «получатель» называл последовательность карт Зенера в колоде, до того как эта колода была перетасована. Затем эта последовательность сопоставлялась с последующим порядком карт. Результат был выше случайного, но весьма незначительно, и с точки зрения определенных альтернативных гипотез эти данные некоторыми критиками не рассматриваются как полностью доказательные.

Исследования Тиррелла заслуживают внимания, поскольку основывались на применении машины, которая эффективно устраняет человеческий фактор при перетасовывании, регистра-

ции и так далее. Этот прибор состоял из пяти ящиков, в каждом из которых была небольшая электрическая лампа. Лампы соединялись проводами с пятью ключами, управляемыми экспериментатором, рабочее место которого находилось на расстоянии нескольких футов от ящиков. Субъект, помещенный позади большого экрана, мог поднимать крышки этих ящиков. Когда экспериментатор нажимал ключ, загоралась соответствующая лампа и субъект по сигналу электрического звонка поднимал крышку того ящика, в котором, по его предположению, горела лампа. (Лампа загоралась только после поднятия крышки, так как в противном случае субъект мог получить некоторую подсказку, вызванную нагревом ящика или светом, который мог случайно исходить из него.) Открывание ящика вызывало автоматическое прочерчивание линии на рулоне бумаги. Успешная попытка регистрировалась в виде двойной линии. Соединения ламп с ключами каждый раз изменялись переключателем, установленным в схеме устройства, причем экспериментатор не знал, какая из ламп загорится при нажатии определенного ключа. Кроме того, можно было обходиться без ключей и в качестве механического селектора использовать вращающийся переключатель с одним рычагом.

При всех этих условиях телепатия исключалась, поскольку Тиррелл сам не мог знать правильного ответа. Главный субъект исследователя, мисс Джонсон, крайне преуспела в испытаниях ясновидения, как и в тестах на предсознательное ясновидение, что делает ее успехи гораздо более интересными. В этих экспериментах мисс Джонсон открывала ящик примерно за полсекунды до того, как экспериментатор нажимал на ключ. Из 2,255 попыток успешными были 539, что на 88 превышает случайное ожидание. Преимущество перед случайностью составило около 270,000 к одному. Проверка автоматической записи показала, что в каждом успешном случае ящик действительно открывался до того, как происходило нажатие ключа. Объяснить такие результаты очень трудно.

Пожалуй, самой впечатляющей из всех исследований «предвидения» является работа С. Г. Соула, британского математика, который начал как скептик и много лет не получал положительных результатов. Подстегнутый другим исследователем, заявившим об обнаружении «предвидения», Соул внимательно пересмотрел большое количество своих данных в поисках того, что теперь называется эффектами «смещения». Согласно теории, человек, имеющий ввиду карту, которая в данный момент является его целью, в действительности может пропустить ее и перенести свою догадку на карту, находящуюся непосредственно перед или за показываемой. И в самом деле, Соул обнаружил, что два его субъекта, Базиль Шеклтон и Глория Стюарт, давали очень высокие результаты относительно тех карт, которые находились на одну позицию перед угадываемой и после нее. Дальнейшие исследования показали, что в особенности Шеклтон упорно переносил свою догадку на одну карту впереди угадываемой. При особенно настойчивом требовании он мог переносить свою догадку на действительную карту, но более естественным для него было смещение на еще не показанную. При увеличении скорости выборки карт догадка Шеклтона сдвигалась на две карты вперед, сохраняя, таким образом, обычное для него временное соотношение.

Эти эксперименты не являются необходимым доказательством существования «предвидения». Запланированная последовательность была предопределена перечнем случайных чисел, и если субъект мог получить сведения об этом перечне посредством телепатии, то он мог затем определить одну или две карты впереди, не используя «предвидение». Однако Соул проверил это предположение, во время конкретных сеансов определяя запланированный порядок извлечения фишек из чаши. Помощник вытаскивал фишку и показывал ее отправителю, который немедленно смотрел на карту, соответствующую числу, указанному на фишке. Прединтуитивный эффект остался на том же уровне достоверности.

Соединение вместе работ Райна, Тиррелла, Соула и других исследователей, таких как Карингтон, использовавший прием изображения людьми объектов, которые он пытался им «послать», оставляет, кажется, очень небольшую возможность для отрицания того, что «предвидение» существует. Как бы сильно такое заключение ни противоречило укоренившемуся в нас мнению, строгость и статистическая адекватность таких экспериментов делает критику бессильной. Опять-таки, если все люди и многочислен-

ные независимые счетчики очков и их коллеги, вовлеченные в эти исследования, не являются в действительности мошенниками, то заключение о способности определенных людей предсказывать события ближайшего будущего неизбежно.

Явление смещения — одно из множества вторичных эффектов, обнаруженных в парапсихологических исследованиях.

Другой такой вторичный эффект известен довольно давно. Так, у многих субъектов существует тенденция к снижению способностей с течением времени. Немногие из них сохраняют свои способности более двух или трех лет. Даже во время конкретного исследования они склонны к снижению результатов, даваемых в конце, скажем, трехчасового сеанса, относительно полученных в течение первых десяти минут. Иногда оказывается возможным уменьшить степень правильных ответов ниже случайного уровня. Люди, давшие в начале очень большое количество положительных результатов, в конце склонны давать значительное число отрицательных. Произойди подобное один или два раза, это, конечно, можно бы было расценить как случайное явление, но было установлено, что оно случается согласованно со многими субъектами и во множестве различных экспериментов. Еще один вторичный эффект относится к наблюдению такого факта, когда для конкретного набора из 25 карт наибольшее число правильных ответов было сделано, главным образом, в начале серии, чем в середине. То, что вторичные эффекты такого типа были обнаружены во многих различных исследованиях, наводит на мысль, что в этой сложной области еще можно обнаружить некоторые общие законы и что мы в конечном итоге придем к лучшему пониманию таких явлений.

Мы уже упоминали о трудности в разграничении телепатии и ясновидения. Наше краткое обсуждение «предвидения» выявит, почему так неимоверно сложна именно экспериментальная задача их дифференциации. Предположим, что наша процедура подобна следующей. Экспериментатор вскрывает в темной комнате новую колоду игральных карт, помещает их в механический тасующий автомат и, наконец, выбирает предназначенные для угадывания карты. «Получатель», находящийся в другой темной комнате, угадывает эти карты. Все же нельзя сказать, что в этом случае речь идет о ясновидении, поскольку кто-нибудь мог захотеть про-

верить догадки относительно порядка действительных карт, и воспринял их обычным образом. Человек, сделавший правильные предположения, мог осуществить это при помощи ясновидения, но мог также вступить в телепатический контакт типа предвидения с человеком, производившим проверку. Таким образом, этот эксперимент не будет адекватным для установления ясновидения в противоположность телепатии. Один возможный выход из затруднительного положения уже упоминался — это механическое устройство перемешивания и записи Тиррелла.

Подобные же трудности возникают и при доказательстве существования телепатии. Предположим, что экспериментатор думает о названиях зенеровских карт, не имея их перед собой, в то время как «получатель» записывает свои предположения в другой комнате. Если теперь экспериментатор записывает названия символов, то он представил их себе в соответствующем порядке, и сравнение с предположениями «получателя» обнаруживает доказательство ЭСВ. Мы все же не можем сказать, что доказали существование телепатии, поскольку возможно предвидение со стороны «получателя» относительно той физической записи, которую в будущем сделает экспериментатор. Выходом из затруднительного положения является система кодирования, известная только экспериментатору и никогда им не записываемая, при помощи которой номера, выбранные случайным образом из урны, он преобразует в символы, которые затем пытается передать «получателю». Записываются номера, но не код, преобразующий их в символы. Таким образом, если предвидение позволяет «получателю» знать извлеченные номера, то оно все же недостаточно для того, чтобы помочь ему преобразовать эти номера в символы, которые он в действительности должен разгадать.

Эксперименты в обоих указанных направлениях показали, что ясновидение и телепатию следует считать существующими. Также было обнаружено, что многие люди, обладающие способностью одного типа, склонны к обладанию и другой. Однако это вовсе не обязательно, так как в некоторых случаях испытуемые могут набрать большое количество баллов в тестах на телепатию, но не на ясновидение, и наоборот. Впрочем, большая часть экспериментов не преследует цель разделить эти две способности, и

их необходимо просто принять как доказательство существования некоторой способности парапсихического или экстрасенсорного восприятия у части успешных субъектов.

В заключение можно сказать несколько слов о телекинезе, последнем из множества экспериментально исследованных психических явлений. Метод Райна заключался в простом скатывании игральной кости по наклонной плоскости. Субъекту предоставлялась возможность заставить ее скатиться так, чтобы выпало большое (6 или 5) или маленькое (1 или 2) число очков. Обычный метод скатывания игральной кости был усовершенствован таким образом, чтобы сделать его независимым от субъекта. Было обнаружено, что полученные таким образом результаты могут существенно превышать случайные. Определенные экспериментальные трудности очевидны, поскольку игральная кость имеет свойство падать так, что 6 или 5 выпадают более часто, чем любые другие числа. Это происходит из-за небольшого уменьшения веса тех граней, на которые нанесено большое количество точек, сделанных в виде углублений, что приводит к более частому расположению этих граней сверху. Однако Райн успешно преодолел данные затруднение, предложив своим субъектам вызывать целые серии выпадения как *больших*, так и *маленьких* очков. Следует весьма осторожно принимать эти результаты, пока они не будут успешно подтверждены где-то еще. В целом число исследований этого явления очень мало в сравнении с тем, что выполнено в области телепатии и ясновидения. Доказательства весьма впечатляют, но, с моей точки зрения, не являются окончательными, и потребуется еще несколько лет, прежде чем можно будет сделать какие-либо определенные заключения в этом очень важном вопросе.

Было бы идеально, если бы в конце такой главы, как эта, появилось несколько абзацев, посвященных теориям, объясняющим рассмотренные явления. В то время как таких теорий предлагается великое множество, вникать в их детали не имеет большого смысла, поскольку эти теории не проливают свет на предмет нашего обсуждения. Прежде чем теория станет плодотворной в науке, необходимо установить множество фактов. В области экстрасенсорного восприятия известно очень немного, за исключением того что здесь кажется действующим «нечто», что невозможно объяснить в терминах наших обычных правил и теорий. Из-за того, что трудно изолировать явления и отыскать хороших субъектов, экспериментальные исследования не продвинулись далеко. Известны некоторые довольно интересные второстепенные факты, но требуется намного больший прогресс в их точном определении, прежде чем поиск разумной теории станет осуществимым. Это неутешительное заключение, и оно, несомненно, объясняет враждебность, которую проявляет ортодоксальная наука по отношению к данному явлению. Разрозненные факты нелегко вплести в ткань науки, и к настоящему моменту в парапсихологии нет последовательной системы фактов, объединенных гипотезами и теориями. Существуют некоторые азы в исследованиях, связывающих личность и парапсихологию, однако, как мы уже видели, эти связи очень слабы и им вряд ли можно доверять.

Одной из причин такого положения является, несомненно, сравнительная молодость и незрелость парапсихологии. Другая причина — трудность в получении необходимого финансирования для выполнения целенаправленных, скоординированных, долговременных исследований такого рода. Третью причину, вероятно, можно обнаружить в той враждебности, которую до недавнего времени вызывали исследования в области парапсихологии и которая даже в настоящее время полностью не преодолена. Несомненно, со временем все эти трудности исчезнут и появятся основы рациональной теории парапсихологии. А до тех пор мы, пожалуй, не должны быть слишком критичными и помнить, что у нас нет также соответствующей теории большинства психологических явлений — факт, который не мешает нам признать, что психологические явления существуют и заслуживают научного исследования.

Толкование сновидений

Человечество всегда интересовалось сновидениями. Делалось множество попыток истолковать их значение. Причины такого интереса отыскать нетрудно. Сновидения — это странные и замечательные явления, в некотором роде подобные мышлению наяву, но весьма непохожие в остальных смыслах. Объекты,

присутствующие в сновидениях, обычно являются повседневными — вроде лошадей, поездов и людей. Место, в котором происходит действие сновидения, обычно также хорошо знакомо — это дом, поле, принадлежащие сновидцу, или ночной клуб. Однако происходящее во сне часто очень непохоже на то, что происходит в повседневной жизни. Люди могут превращаться один в другого или в животных, мгновенно переноситься через столетия или океаны, с ними могут происходить и самые ужасающие, и самые необычные события — более страшные и чудесные, чем описанные в сказках «Тысячи и одной ночи». Кроме того, сновидения часто имеют очень сильное эмоциональное содержание. Это достаточно очевидно не только в случае ночного кошмара, но и в более обычных сновидениях, когда могут вызываться сильные эмоции, как приятные, так и неприятные. Присутствие таких эмоций повышает интерес к сновидениям и заставляет считать, что они имеют определенное значение.

Фактические данные скудны и мало что проясняют. Исследуя большое количество сновидений людей, принадлежащих к нашей культуре, мы можем сделать весьма приблизительный статистический анализ окружающей обстановки, в которой эти сновидения происходят, появляющихся в них персонажей, происходящих событий и эмоций, которые они вызывают. Большинство сновидений имеет довольно определенное окружение. Лишь в 5 процентах случаев сновидцу незнакома окружающая обстановка. В 15 процентах других случаев действие сновидения происходит в транспортном средстве, например, в автомобиле, поезде, самолете, лодке, метро или трамвае. Примерно около 10 процентов событий сновидений происходят в развлекательной обстановке: в парках с аттракционами, на танцах и вечеринках, на пляже, за просмотром спортивных мероприятий и так далее. Однако наиболее часто местом действия является дом или комнаты в доме. Это отмечается примерно в 35 процентах случаев. Наиболее популярным местом, очевидно, является гостиная. За ней по очереди следуют спальня, кухня, лестница, подвал, столовая и холл. Примерно в 10 процентах сновидений действие происходит в сельской местности и пространстве вне помещения. Сновидения мужчин имеют склонность чаще происходить в обстановке, находящейся вне помещения, а сновидения женщин — в помещении. В других 10 процентах сновидец идет по улице или дороге. Остальные сновидения трудно классифицировать по месту их действия.

Психоаналитики часто пытаются толковать определенные аспекты сновидения, принимая во внимание окружающую обстановку. То, что действие сновидения происходит, скажем, в транспортном средстве, толкуется в том смысле, что сновидец куда-то идет, находится в движении. Последнее представляет такие понятия, как честолюбие, побег откуда-либо, продвижение и достижение, разрушение семейных связей и так далее. Трамваи, автомобили и прочие транспортные средства являются инструментами силы, и, таким образом, толкуются как символы жизненной энергии инстинктивного влечения, в частности сексуального. Развлекательная окружающая обстановка, обычно чувственного характера, связанная с удовольствием и весельем, обычно предполагает скорее развлечение, чем работу. Символическое толкование такого рода может быть специализированным даже более сильно. Так, подвал представляется местом совершения *основных* дел или символизирует основные подсознательные импульсы. Обоснованностью таких толкований мы займемся позднее. Здесь же давайте только отметим то, что толкования подобного рода делаются некоторыми людьми.

Вдобавок к окружающей обстановке сновидение должно иметь и участников. Примерно в 15 процентах всех сновидений не появляется никто, кроме самого сновидца. В остальных 85 процентах появляются, в среднем, два других персонажа. Большинство из этих дополнительных участников сновидения являются членами семьи, друзьями и знакомыми сновидца. Около 40 процентов персонажей наших сновидений — незнакомцы. Предполагается, что они представляют собой нечто неизвестное, двусмысленное и неопределенное. Иногда они толкуются как чужеродные части нашей собственной личности, которые мы вынуждены признавать как принадлежащие нам. Известные личности в сновидениях появляются редко. Это может быть обусловлено тем, что наши сны касаются предметов, имеющих эмоциональное отношение к нам.

Что же делает человек в своих сновидениях? Примерно в 35 процентах случаев он занят каким-либо видом движения — ходьбой, ездой на автомобиле, бегом, падением или лазанием.

Главным образом, эти изменения местоположения происходят в его доме. В 25 процентах сновидений осуществляются пассивные действия: человек может стоять, наблюдать за чем-то, рассматривать что-то, разговаривать. В сновидениях обычно отсутствует требующая усилий или обыденная деятельность — работа, купля-продажа, печатание на машинке, шитье, мытье посуды и так далее. Когда в сновидении расходуется энергия, то она служит удовольствию, а не рутинным жизненным обязанностям. Женщины, обычно много говорящие, видят сновидения менее деятельные, чем мужчины.

К действиям и персонажам, а также к окружающим условиям сновидений, присоединяются все виды эмоций. Обычно неприятные сновидения более многочисленны, чем приятные. И чем старше становится человек, тем количество неприятных сновидений возрастает. Чувства страха, раздражения и печали отмечаются в два раза чаще, чем ощущения радости и счастья. Как мы увидим далее, эмоции в сновидениях нередко привлекаются как помощь при толковании. Сновидения очень сильно различаются по цвету. Примерно одно сновидение из трех является цветным, однако попытка найти хоть какое-то толкование разницы между возникновением цветных и черно-белых сновидений оказывается безрезультатной.

Итак, вот материя, из которой сделаны сновидения. Какой вид их толкования мы можем придумать, предполагая, что они несут какой-то смысл, пусть и искаженный, а не являются просто случайными последствиями чувственного возбуждения, случившегося в течение дня, или непосредственным сопровождением чувственного раздражения, имевшего место во время самого сновидения? Обе эти теории существуют, и могут толковать, по крайней мере, некоторые сновидения. В течение дня мы видели прекрасный автомобиль, и он может появиться в наших сновидениях. Может зазвенеть будильник — и вместо того, чтобы проснуться, мы увидим во сне церковные часы, призывающие верующих на молитву.

Несколько более адекватная и определенно более поэтическая теория поддерживается людьми из диких племен, которые верят, что когда человек спит, его душа улетает и действительно переживает те события, которые спящему кажутся сновидением. Такая точка зрения, несомненно, ведет к осложнениям. Так, некий вождь племени, услышав, что один из его подданных видел во сне, будто он имел половую связь с одной из его дочерей, потребовал от того выкуп, на основании теории о том, что душа спящего действительно получила удовлетворение, которое по закону могла получить лишь уплатив вождю стоимость его дочери. Читатель может рассмотреть этические последствия этой теории и обдумать способы ее опровержения. Мы же вместо этого без долгих рассуждений отклоним ее, как сделали с предыдущей теорией.

Для большинства сновидений такое толкование, как рассмотренное нами, явно неудовлетворительно. Далее мы столкнемся с двумя большими группами теорий, с помощью которых пытаются интерпретировать и объяснять сновидения.

Согласно первой из них, сновидения по своей природе являются пророческими. Они предупреждают нас о будущих опасностях, говорят о том, что случится, если мы сделаем то или это, могут выглядеть, как руководящие указания, которые мы по своему желанию можем принять во внимание или пренебречь ими. Это, вероятно, наиболее общий взгляд на сновидения, сохраняемый человечеством. Прототипом пророческого сна, несомненно, является сон фараона о семи тучных и семи тощих волах, который истолковал Иосиф. Здесь мы имеем все элементы пророческого сновидения — сильные эмоции, указывающие на важность сновидения, символический способ подачи информации и особенное искусство толкователя, который смог разгадать тайну сновидения и раскрыть его самое сокровенное значение.

Если мы примем эту гипотезу вполне серьезно, то изучение искусства толкования сновидений приобретет особую важность. Мы должны только рассмотреть возможности, открытые сновидениями и позволяющие заранее знать победителя дерби следующего года, чтобы показать, почему люди всегда были очарованы этим аспектом изучения сновидений и почему книги по их толкованию так часто становятся бестселлерами. Пример был дан итальянским ученым Артемидорусом, жившим во втором веке после Рождества Христа. Его книга называлась «Онейрокритика», что означает «Искусство толкования сновидений», и помимо того, что была переведена на многие языки, имела множество

подражаний и копий, сделанных огромным количеством авторов. По существу, книги такого рода основываются на той точке зрения, что сновидение представляет собой тайный язык, понять который можно с помощью некого словаря. Такой словарь автор книги предлагает в виде алфавитного перечня вещей, которые могут появляться в сновидениях и каждая из которых снабжена объяснением ее значения. Так, если человек видит сон о путешествии, он ищет в книге слово «путешествие» и находит, что это означает смерть. Несомненно, открытие обеспокоит его, но он может успокоить себя тем, что таким образом предсказана не обязательно его собственная смерть.

Такого рода толкование сновидений очень серьезно воспринимают немногие. По своим непроверенным утверждениям и неправдоподобной в общем теоретической основе оно имеет очевидное сходство с астрологией, гаданием на кофейной гуще и хиромантией. Тем не менее некоторые ученые серьезно принимают возможность предвидения, как мы видели в предыдущей главе, и один или двое уделили особое внимание силам предвидения, проявляющимся в сновидениях. Одним из самых известных является Дж. У. Данн, чья книга «Эксперимент» в свое время была широко популярной.

Давайте рассмотрим сновидение, которое он считает доказательством. В своем чрезвычайно ярком и неприятном сновидении он стоит на возвышенности или горе необычного белого цвета, с небольшими расщелинами тут и там, из которых кверху вырывается пар. Данн узнал место. Это был остров, который снился ему раньше. Острову грозила неминуемая опасность, исходящая от вулкана. Он вспомнил прочитанное о Кракатау, когда море, проникнув через подводную расщелину в самое сердце вулкана, разорвало на куски целую гору. «Великий Боже! — он задыхался, — все взлетит на воздух!» Его охватило неистовое желание спасти 4000 ничего не подозревающих жителей, и он предпринимал отчаянные попытки сделать это, убеждая власти вывезти их на кораблях.

А несколько дней спустя Данн получил копию «Дейли Телеграф» (в то время он находился в палаточном лагере возле развалин Линдли, в Орэндж Фри Стейт, и был почти лишен связи с внешним миром). В газете он прочел о взрыве вулкана Монт

Пили, разрушившем процветающий когда-то город Сент-Пьер, торговую столицу французского острова Мартиника в Вест-Индии. Сообщалось, что погибли 40 000 человек, а выживших в течение некоторого времени вывозили на кораблях.

Отметим, что число погибших было 40 000, тогда как в сновидении Данна речь шла о 4000. Однако, как он объясняет, читая газету, он второпях прочел, что число погибших было 4000, и впоследствии, пересказывая историю, он всегда говорил о напечатанной цифре, как о 4000. Он не представлял, что в действительности это было 40 000, до тех пор пока пятнадцатью годами позже не прочел копию статьи. Он объясняет все событие тем, что его сновидение было предвидением, вызванным прочтением газетного сообщения, и, следовательно, ошибка в сновидении относительно числа погибших была вызвана ошибкой при чтении заметки. Данн не принимает во внимание возможность того, что, напротив, его ошибка при чтении могла быть вызвана памятью о цифре 4000 из сновидения, хотя даже в этом случае мы должны признать некоторое совпадение его сновидения о взорвавшемся вулкане как раз перед реальным событием. В целом вряд ли можно считать это сообщение очень убедительным.

Другое сновидение наверняка представляется немного более интересным. Как-то ему приснилось, что он идет по тропинке, лежащей между двумя полями и отделенной от них высокой металлической изгородью. Неожиданно его внимание привлекла взбесившаяся лошадь на поле слева от него, которая яростно бросалась из стороны в сторону. Он с беспокойством осмотрел изгородь в поисках какой-либо дыры, через которую животное могло бы вырваться на свободу. Не найдя ничего, он продолжил свой путь, но тут, к своему ужасу, обнаружил, что животное все-таки смогло каким-то образом выбраться и преследует его. Он помчался как заяц, стремясь добраться до деревянных ступеней, ведущих вверх от тропинки.

На следующий день Данн рыбачил вместе со своим братом, когда последний обратил его внимание на поведение лошади. Между двумя полями, огражденных забором, проходила дорожка. Лошадь вела себя в точности, как в сновидении Данна. В конце дорожки также были деревянные ступеньки. В окружающей обстановке были небольшие отличия, но в общем и целом они не

имели особого значения. Данн стал рассказывать брату о сновидении, но вдруг прервал рассказ, обеспокоенный тем, что лошадь может выскочить, как это было во сне. Не увидев в заборе никаких брешей и даже ворот, он сказал: «Во всяком случае, эта лошадь не сможет выбраться» и посоветовал вернуться к рыбалке. Однако неожиданно брат окликнул его, и Данн увидел, что животное, в точности как в сновидении, каким-то непостижимым образом выбралось с поля и с топотом мчится по дорожке к деревянным ступенькам. Не добегая до Данна и его брата, лошадь свернула и бросилась в реку.

Конец истории был довольно банальным: выбравшись из воды, животное просто посмотрело на пару испуганных людей, фыркнуло и галопом умчалось по дороге. Это опять-таки до некоторой степени удивительное совпадение, однако никоим образом нельзя утверждать, что Данн никогда прежде не видел лошади, двух полей, тропинки и деревянных ступенек. Следовательно, различные элементы сновидения могут быть просто воспоминаниями о вещах, виденных ранее, но не оставивших никакого осознанного впечатления. Также нельзя исключить и различия в обеих историях, такие как то, что в первом случае Данн был один, а во втором — в компании с братом, или то, что в одном случае лошадь бежала по тропинке за Данном, тогда как в реальном событии лошадь пробежала мимо.

Похоже, это самые впечатляющие из сновидений Данна, и нет смысла приводить какие-либо еще. Данный факт побудил его провести ряд опытов, в которых он подробно записывал все свои сны, а затем отыскивал события, которые могли бы соответствовать им. Он предлагал и другим делать то же, заявляя, что таким образом можно понять большое количество пророческих сновидений. Спокойно взглянув на эти истории и зная, что они предположительно самые убедительные из тысяч, приведенных в книге Данна, скептически настроенный читатель не найдет веской причины отказаться от своего скептицизма.

Как способ доказательства попытка Данна несостоятельна, поскольку невозможно оценить влияние случайных факторов, вмешательства предыдущей осведомленности и тому подобных осложняющих деталей. Он сам соглашается с тем, что рассказанное им не является доказательством в обычном смысле, и рекомендует читателю самому испробовать данный метод. Это, утверждает Данн, приведет к полной уверенности. Даже если подобное утверждение справедливо, и я на протяжении нескольких месяцев буду записывать сновидения, не найдя ни одного, которое хоть в малейшей степени окажется пророческим по отношению к чему бы то ни было, это, конечно же, вообще ничего не доказывает. Эмоциональная уверенность в том, что частное мнение правильно, все же не составляет доказательства, хотя ее и может разделять множество людей. Данн берет понятие доказательства в целом слегка необдуманно, чтобы сделать свою работу заслуживающей более серьезного рассмотрения, чем труды его предшественников.

В литературе имеется сообщение только об одном хорошо проверенном исследовании, которое было проведено в марте 1932 года.

Через несколько дней после похищения ребенка Линдберга, но до того, как было найдено тело, следователи поместили в газетах по всей стране запрос по поводу сновидений, касающихся похищения, и получили более 1300 ответов. Затем сновидения сравнили с фактами, установленными несколько недель спустя, а именно, что *обнаженное* и *изуродованное* тело было обнаружено в *неглубокой могиле* среди нескольких *деревьев* возле *дороги* и что смерть была мгновенной. Лишь в 5 процентах сновидений ребенок являлся мертвым и только в семи довольно точно описывалось действительное местонахождение тела, его нагота или способ захоронения. Только четыре сновидения из семи содержали три элемента: смерть, захоронение в могиле и расположение среди деревьев. Вот сновидение, признанное самым точным из семи: «Я видел, что стою или иду по очень грязному участку среди деревьев. Одно место выглядело, как округлая неглубокая могила. И тут я услышал голос, который произнес: «Ребенок убит и похоронен здесь». Я так испугался, что сразу же проснулся».

Если вспомнить, что это самое точное сновидение из более чем 1300 и что оно содержит только некоторые из установленных позднее фактов, то на нас вряд ли произведут впечатление способности «предвидения» людей, приславших описания своих сновидений. Можно, конечно, возразить, что такой способностью обладают немногие и что они не прислали своих сообщений,

но это все же оставляет нерешенной задачу поиска тех, кто мог бы дать нам доказательство.

Подводя итог, можно сказать, что тогда как понятие способности предвидения является интригующим, то, кажется, в изучении сновидений нельзя найти серьезной опоры. Что действительно необходимо больше всего, так это метод, такой, как был открыт Райном, Соулом и другими в случае с телепатией и ясновидением, позволяющий нам получить надежную оценку случайных факторов, входящих в эксперимент. Не имея такой оценки, всегда можно возразить, что полученные результаты основаны на случайном совпадении, которое не следует рассматривать как доказательство такого *a priori* маловероятного события, как сновидение, предсказывающее будущее, даже если это сновидение произошло перед реальным событием. Было бы ненаучным отвергать принципиальную возможность обнаружения в конечном счете такого доказательства, но необходимо сделать заключение, что до настоящего времени доказательства в пользу такой точки зрения не достигли приемлемого уровня.

Мы должны обратиться ко второму существующему в настоящее время и достаточно отличному типу толкования сновидений для того, чтобы посмотреть, имеет ли оно больше доказательств в свою пользу. Как и многое из этой области, оно привязано к теории Фрейда, краткое обсуждение которой по меньшей мере существенно, хотя многие уже знакомы с некоторыми ее аспектами. Впрочем, как бывает во многих случаях, не всегда то, что всенародно считается сказанным Фрейдом, действительно было сказано им. Поэтому будет полезным вкратце изложить его теорию.

Согласно теории Фрейда и многих других, чьи труды предшествовали ему на протяжении сотен и тысяч лет, сновидения ничего не открывают о будущем. Вместо этого они кое-что говорят нам о наших нынешних неразрешенных проблемах и неосознанных комплексах и могут привести нас назад, в ранние годы нашей жизни, когда, согласно теории психоанализа, была подготовлена почва для этих позднейших нарушений. Мы, с некоторыми подробностями, обсудим три основных гипотезы этой общей теории. Первая состоит в том, что сновидение не является набором бессмысленных образов и мыслей, случайно собранных вместе, а

выступает скорее как целое, и каждый его элемент *имеет смысл*. Следующий момент теории Фрейда утверждает, что сновидения всегда являются в некотором смысле *исполнением желаний*. Другими словами, они имеют цель, и эта цель — удовлетворение некоего желания или влечения, обычно неосознанного характера. Третье заключается в том, что Фрейд полагает: эти желания и влечения подавляются в сознании из-за их неприемлемости для социализированного сознания сновидца. Без маскировки они не могут появиться даже в сновидении. Их охраняет цензор, или *супер-эго*, позволяющий им появиться только в сновидении, да и то замаскированными до неузнаваемости.

Давайте рассмотрим поочередно эти три утверждения. Мысль о том, что сновидение имеет смысл, как мы уже видели, очень древняя. Для Фрейда она непосредственно вытекает из детерминистской точки зрения: что все психические и физические события имеют причины и могут быть предсказаны, если эти причины полностью известны. Это философское понятие, оспаривать которое захотят очень немногие ученые. Следует, однако, заметить, что можно считать, будто все природные явления, включая сновидения, вызваны тем или иным фактором, без необходимости верить в то, что сны имеют смысл во фрейдовском понимании. Великий нейрохирург Пенфилд продемонстрировал, что когда в определенные участки мозга вставляются иглы и через них пропускается электрический ток, то в сознании пациента прокручиваются целые вереницы воспоминаний определенного вида. Одну и ту же последовательность воспоминаний можно вызвать снова и снова, просто повторно пропуская ток. Возможно, что произвольная стимуляция физического характера различных участков коры головного мозга вызывает случайные комбинации прошлых воспоминаний, которые в состоянии бодрствования перекрываются нашими чувственными впечатлениями и выступают во время сна в виде сновидений. Это не претензия на серьезную теорию, а просто намерение проиллюстрировать, что сновидения можно толковать с детерминистской точки зрения, но не признавая, что они имеют какой-нибудь объяснимый смысл. Этот вопрос часто приводит к недоразумению, поскольку ученые, будучи, в общем, детерминистами, принимают фрейдовское объяснение многозначительности сновидений в силу того, что оно яв-

ляется детерминистским. Поняв, что возможны и многие другие детерминистские объяснения, мы может быть в большей степени захотим взглянуть на доказательства в пользу этой конкретной интерпретации, чтобы увидеть, действительно ли она подтверждается.

Аргументация Фрейда о возможности толкования сновидений напрямую связана с его общей теорией о том, что все наши действия осмысленно детерминированы, теорией, охватывающей неправильное произношение, жесты, оговорки, эмоции и так далее. Пример можно найти в истории, рассказанной Жан-Жаком Руссо. Он имел привычку делать крюк, приближаясь к определенному бульвару. Спросив себя о происхождении этой «механической привычки», он пришел к следующему выводу: «Мои размышления привели к открытию, что до сих пор в моем сознании не было ничего подобного». Причина состояла в стремлении избежать маленького попрошайки, чья назойливая болтовня раздражала его. «У нас нет механических импульсов, — продолжает Руссо, — причину которых мы не могли бы найти в нашем сердце, если только знаем, как ее там искать». В действительности это и есть суть доктрины Фрейда о мышлении, доктрины, которая была общепринята и широко обсуждалась за сотни лет до его рождения, а он стал крайне эффективным ее популяризатором.

Давайте обратимся ко второй части доктрины Фрейда — ко мнению, что сновидение всегда является исполнением желания. Это связано с общей теорией личности. В общем, Фрейд признает три основных части личности. Одна из них, которую он называет *ид* (*подсознание*), представляет собой некий источник неосознанных влечений и побуждений, большей частью сексуального характера. Этот источник сам по себе обеспечивает динамической энергией все наши действия. В противоположность ему у нас имеется так называемое *супер-эго (сверх-я)*, которое является частично сознательным, а частично подсознательным, и представляет собой хранилище общественной нравственности. Промежуточной между ними частью, которая пытается разрешить их противостояние, является *эго (я)*, то есть сознательная часть нашей личности. Пользуясь языком религии, мы можем уподобить *ид* понятию первородного греха, *супер-эго* — понятию совести. Классические филологи не нуждаются в напоминании о выдающемся предвосхищении доктрины Фрейда, содержащемся в «Федре» Платона. Вот что рассказывает нам в своей истории Сократ: «Как я сказал в начале этого повествования, я разделил каждую душу на три — двух лошадей и возницу. Одна из лошадей хороша, а другая — плоха. Разделение может остаться, но я еще не объяснил, в чем же заключаются качества одной и недостатки другой, что и сделаю сейчас. Правая лошадь создана прямой и чистой; у нее высокая шея и орлиная линия носа; она белого окраса и с темными глазами; она приверженец чести, скромности и сдержанности, сторонник справедливого суждения; ее нет необходимости вразумлять хлыстом, она послушна лишь слову и наставлению. Другая лошадь — кривое неуклюжее животное, сложенное кое-как; у нее короткая толстая шея и плоская морда; она темной масти, с тусклыми, налитыми кровью глазами; друг высокомерия и гордыни, с косматыми ушами и глухая, с трудом подчиняющаяся кнуту и шпорам. И вот, когда возница узревает видение любви и вся его душа согрета чувством и полна покалываний и щекотки желания, то послушный конь, как всегда, удерживается, управляемый стыдом, от того, чтобы броситься на возлюбленную. Другой же, пренебрегая уколами шпор и ударами хлыста, бросается вперед и несет, давая своему собрату и вознице, которых он вынудил сблизиться с возлюбленной и запомнить радости любви, пример самого плохого обращения».

Как сказал один из толкователей: «Едва ли кто-то может надеяться найти более прекрасное описание трех основных слагаемых личности человека — его примитивных, насущных побуждений, сознательного или идеализированного его я и его рассудка». Следовательно, эта часть теории Фрейда также никоим образом не нова и не оригинальна, а является частью просвещенных идей на протяжении 2000 лет.

Связь между фрейдовской теорией личности и его теорией толкования сновидений очень проста: силы *ид* постоянно пытаются получить контроль над *эго* и заставить его осознать себя. Во время бодрствования индивидуума *супер-эго* строго подавляет и сохраняет их неосознаваемыми. Однако во время сна *супер-эго* менее бдительно, и, следовательно, некоторые жела-

ния, возникая в подсознании, получают возможность высвободиться в виде сновидений. Впрочем, *супер-эго* может не спать, а только дремать, и, следовательно, эти исполняющие желание мысли должны быть сильно замаскированы. Маскировка организовывается тем, что Фрейд называет работой сна. Следовательно, необходимо провести различие между явным сновидением, то есть сновидением, которое переживается и, возможно, отображается, и скрытым сном, то есть мыслями, желаниями и вожделениями, выраженными в сновидении без маскировки. Задача аналитика и толкователя в связи с такой точкой зрения состоит в объяснении явного сновидения в терминах латентного сновидения.

Как это следует делать? Фрейд использует два метода. Первый из них мы поприветствуем, как старого друга. Это метод символического толкования, с которым мы уже встречались в случае с Артемидорусом. Второй метод, гораздо более интересный и важный, — метод ассоциации.

Прежде всего, давайте рассмотрим использование Фрейдом теории символизма. В стиле, очень похожем на старинные книги о сновидениях, Фрейд представляет целый перечень символов, обозначающих определенные вещи и определенные действия. Однако если старинные книги о сновидениях имели более всестороннее значение и охватывали широкий круг вопросов, то Фрейд сосредоточивается почти исключительно на сексе и половых связях. Мужской половой орган, представленный в сновидениях, приводит в замешательство разнообразием символов. Все длинное и остроконечное — палка, сигара, дымоход, колокольня, стебель цветка — интерпретируется таким образом по причине очевидного физического сходства. Пистолет, нож, пинцет, орудие тоже могут обозначать пенис, потому что они извергают и проникают. Точно так же символом секса может стать и плуг, поскольку он проникает в землю. Езда на лошади верхом, подъем по лестнице и много-много других общепринятых действий обозначают, по Фрейду, половой акт. Полые предметы и сосуды являются женскими символами: дома, коробки, кастрюли, вазы — все это символизирует влагалище.

Члены семьи предстают в сновидениях также символически: так, отец и мать могут являться в виде короля и королевы. Не

имеет большого смысла приводить здесь длинный перечень объектов, действий и их символической интерпретации в терминологии Фрейда (с некоторыми из них мы столкнемся позднее, в ходе обсуждения определенных сновидений). Мы можем также отложить критическое обсуждение этой теории Фрейда и выдвижение более приемлемой альтернативной теории до того времени, пока не рассмотрим метод спонтанной ассоциации.

Данный метод по существу основывается на доктринах философов-ассоцианистов XIX века. Они полагали, что образы или представления связываются посредством подобия или близости и что внутреннюю жизнь можно полностью понять через такие ассоциации. Если представления соединяются случайным образом (согласно этой теории, то мы должны быть способны найти связи между явными и скрытыми явлениями и, начав с первых, через цепь ассоциаций проникнуть в последние. Другими словами, вот что под этим подразумевается: начав с определенных неприемлемых представлений, которым требуется выражение, мы в конце концов выясняем непонятные образы, содержащиеся в явном сновидении. Эти образы, создаваемые первоначальными скрытыми мыслями, связаны с последними цепью ассоциаций, и мы сможем открыть первоначальные мысли, двигаясь назад по этой цепи представлений. Для того чтобы осуществить это, Фрейд начинает с единичного образа, взятого из явного сновидения, и просит субъект зафиксировать образ в своем сознании и вслух произносить все, что придет ему в голову в связи с этим образом. Это делается в надежде на то, что продвижение по цепи ассоциаций приведет к скрытой причинной идее. Данный метод можно проиллюстрировать примером процесса реассоциации, позаимствованный у М. Ф. Фринка. Исходной отправной точкой в этом случае является не сновидение, а потеря памяти, однако, с точки зрения Фрейда, оба типа психических явлений определяются одинаково и одинаково пригодны для пояснения метода.

Один из друзей Фринка спросил у того название магазина, в котором продавался некий товар. Фринк помнил этот магазин, но забыл его название. Через несколько дней, проходя мимо магазина, который очень хорошо знал, он отметил, что название, которое он не смог вспомнить, было *Под (Pond)* — Пруд. Согласно Фрейду, это случай мотивированного и имеющего значение

события, и Фринк стал выяснять это значение методом спонтанной ассоциации. Начав со слова *пруд* (*Pond*), он подумал о некоем докторе *Понде*, который был подающим в бейсбольной команде. Далее его мысли перешли к *индейскому пруду*, где он рыбачил в детстве, и он увидел себя бросающим в воду большой *камень*, служивший якорем для его лодки. Затем он вспомнил человека по фамилии *Фишер* (*рыбак*), который также был *подающим* в бейсбольной команде. Продолжив свои ассоциации, он подумал об экстракте *Понда*; этот продукт содержит гамамелис, и это напомнило ему, что в детстве он использовал гамамелис для натирания рук, когда был *подающим* в бейсбольной команде. Это, в свою очередь, заставило его вспомнить довольно толстого парня, члена той же команды, который однажды упал головой вперед в грязную лужу и выбрался из нее такой перепачканный, что выглядел точь-в-точь, как *свинья*. Это привело к воспоминанию о другом молодом человеке по кличке *Поросенок*, а затем Фринк вспомнил, что и у него самого было прозвище *свинья*.

На некоторое время его ассоциации прервались, и он снова начал со слова *пруд*. Всплыло слово *размышлять*, затем *думать*, потом выражение «*покрытый мертвенною бледностью... (sicklied o'er with the pale cast...)*», которое от Шекспира привело его к *Гамлету (Hamlet)*, названию одной деревни, о которой он подумал, как о *деревушке (hamlet)*, и к фермеру в этой деревне, который рассказал ему о том, как один из соседей явно по злому умыслу убил двух свиней и бросил их в колодец. В этом месте Фринку внезапно вспомнилось то время, когда ему было семь лет, это и объяснило его неспособность вспомнить название магазина. Он играл со своим братом на берегу пруда. В пруду плавала собака, которую он очень любил. Мальчики бросали собаке камешки, которые животное пыталось поймать. И тут юный Фринк, желая испугать собаку, бросил большой камень, плохо прицелившись. Камень ударил собаку прямо по носу, и та утонула. Для маленького мальчика это было большим горем, и несколько месяцев он был безутешен. Иногда воспоминания о несчастном случае заставляли его плакать по ночам. Следовательно, с точки зрения психоаналитического объяснения, слово *пруд* забылось не случайно, а было вытеснено из сознания вследствие его болезненной связи с утонувшей собакой.

Для нас основной интерес представляют ассоциации, проверенные Фринком. Поначалу они кажутся сфокусированными вокруг момента, невидимого вначале, но неожиданно возникающего в конце. Возьмем первую ассоциацию, относящуюся к *доктору Понду*. Сам Фринк тоже доктор, несчастный случай имел место возле *пруда*, а *подающий* в бейсболе — это человек, бросающий мяч. Следующая ассоциация — *индейский пруд*. Этот пруд находится в том же городке, где утонула собака, и Фринк появляется там бросающим большой камень. Третья ассоциация представляет некоего *Фишера* (рыбака), и снова мысль о забрасывании. Ассоциации, возникающие при ссылке на *Гамлета,* также содержат мысль о метании и падении в воду, но это еще не все. В воспоминаниях появляются молодой человек по прозвищу *Поросенок* и убийство двух свиней. Это может показаться неясным, если не представить, что кличка собаки была *Gip*, что является прочитанным справа налево словом *pig (свинья)*.

Это типичный пример истолкования при помощи метода спонтанной ассоциации, и читатель, вероятно, согласится, что он довольно интересен. Описанная история пытается доказать существование причинной связи между тем, что Фринк забыл слово *пруд*, и его детским переживанием, однако это, конечно же, не меняет сути дела. Пример доказывает лишь одно — выражения, аналогичные по смыслу, имеют тенденцию ассоциироваться в чьем-то сознании. Однако этот факт вряд ли требует столь запутанного и тщательно продуманного доказательства. Тем не менее идея использования метода ассоциации в выявлении содержимого сознания крайне оригинальна и замечательна, и необходимо воздать должную похвалу тому, кто первым ввел ее в психологию. Этим человеком, вопреки общепринятому мнению, был не Фрейд, а сэр Фрэнсис Гальтон, чье имя более всего известно в связи с основанием им евгенистического движения, а его утверждения широко распространены во многих различных областях. Он был одним из самых разносторонних и выдающихся ученых XIX века, а его открытия во многих отраслях знания существенно влияют на нашу жизнь. Есть очень много причин называть его основателем современной психологии, титул которого обычно присваивается трудолюбивому и методичному нем-

цу Вундту, чей вклад носил скорее административный, чем творческий характер.

Гальтон был одним из последних универсальных гениев. Он исследовал и внес огромный вклад в различные сферы. Один из его биографов приводит следующий перечень: передвижение, погода, переливание крови, комбинированная фотосъемка, стереоскопические карты, свистки с высокой тональностью, отпечатки пальцев, числовые формы и словесная ассоциация, корреляция, близнецы, бесплодие и различные устройства и изобретения. Вывод о значительности некоторых из этих работ можно сделать, основываясь на высказываниях о вкладе Гальтона в область корреляции выдающегося ученого и специалиста по статистике Пирсона. О некоторых эмпирических исследованиях Гальтона Пирсон сказал следующее: «Потребности в новых статистических методах, которых требовали проблемы, привели его к корреляционному исчислению *fons et origo* (первоисточник) этого далеко простирающегося ответвления современной математической теории статистики... Из данной концепции возник новый взгляд на совокупность органического и неорганического, который предоставил всем ученым *novum organum* (новый инструмент), оказывающий гораздо большее воздействие, чем *novum organum* Бэкона, и являющийся такой же характеристикой последней четверти XIX века, какой было дифференциальное исчисление для семнадцатого».

Гальтон самостоятельно опробовал тщательно разработанную систему тестов словесной ассоциации и пришел к заключению, очень похожему на то, которое позже популяризировалось Фрейдом и Юнгом. Он говорил: «Результаты привели меня к интересному и неожиданному взгляду на ряд процессов, происходящих в головном мозге, и ту таинственную глубину, на которой они происходят, о чем до этого я имел весьма слабое представление. Общее впечатление, которое они произвели на меня, было таким же, как то, которое многие из нас переживают при капитальном ремонте сантехнического оборудования в подвале собственного дома, когда вдруг мы впервые представляем себе всю сложную систему канализационных, газовых и водяных трубопроводов, воздуховодов, телефонных проводов и тому подобного, от чего зависит наш комфорт, но что обычно скрыто от нашего взгляда, и до тех пор, пока исправно работает, совершенно нас не заботит».

Воспользовавшись методами символической интерпретации и ассоциации, которые были открыты задолго до него, Фрейд занялся анализом природы сновидений. Он трактовал свои открытия в терминах так называемых механизмов, действующих во сне. Первый из них он назвал *драматизацией*, просто обозначив этим факт, уже известный большинству людей, что основную часть сновидений составляют зрительные образы и что концептуальная теория сводится к некоторой форме пластического представления. Фрейд уподобил это графическому способу, при котором карикатурные картинки изображают концептуальные проблемы.

Карикатурист сталкивается с теми же трудностями, что и сновидец. Он не может выразить понятия словами, а должен придать им некоторую форму драматизированного и наглядного представления. Он не может недвусмысленно сказать, что немецкий кайзер Вильгельм II поступил неблагоразумно, отстранив опытного канцлера Бисмарка и взяв управление в свои руки. Но он может выразить это в наглядном графическом виде, в соответствии со стилем карикатуры в знаменитом журнале «Панч», на котором безумный император изображен на мостике корабля, в то время как лоцман с печальным лицом (Бисмарк) падает со сходней.

В дополнение к зрительным образам могут появляться словесные. В этом случае материальный смысл слов часто может ассоциироваться с довольно необычным значением. Задолго до Фрейда один из наиболее проницательных исследователей сновидений маркиз Эрве де Сен-Дени экспериментально обнаружил, что использование словесных образов в сновидении иногда может иметь вид каламбура. В качестве примера он приводит случай, в котором слово «Розали» вызвало у спящего образ постельного покрывала, на котором были вышиты розы. Как каламбур связь между именем «Розали» и словами *Rose-a-lit* (роза в постели) не очень хороша, но это довольно типичный способ использования зрительных образов в процессе драматизации.

С механизмом драматизации тесно связан механизм символизации, с которым мы уже встречались. Вот пример, который проиллюстрирует общий механизм драматизации и символизации в сновидениях. Молодой женщине приснился мужчина, пы-

тавшийся сесть на небольшую, но очень строптивую гнедую лошадь. Он сделал три безуспешных попытки. На четвертый раз, сумев усесться в седло, он ускакал. Как упоминалось ранее, езда на лошади, согласно общей теории символизации Фрейда, часто представляет половой акт. Что же произошло, если мы посмотрим на ассоциации субъекта?

Лошадь напомнила видевшей сон женщине о том, что в детстве ее называли французским словом *cheval* («кобыла»). Кроме того, она была очень живой и своенравной брюнеткой, подобно лошади в ее сновидении. Мужчина, пытавшийся сесть на лошадь, был одним из ее наиболее близких друзей. Во флирте с ним она зашла так далеко, что он трижды пытался овладеть ею, однако каждый раз ее нравственные чувства в последний момент одерживали верх. Во сне запреты не так сильны, и, таким образом, четвертая попытка закончилась исполнением желания.

Еще одним механизмом, действующим в вышеупомянутой работе сна, является сгущение. Явное содержание представляет собой только *аббревиатуру* скрытого содержания. По выражению Фрейда, «сновидение ограниченно, мелко и лаконично в сравнении с диапазоном и широтой целей сновидения». Образы явного содержания, говорит Фрейд, являются переопределяемыми, то есть каждый явный элемент зависит от нескольких скрытых причин и, следовательно, выражает несколько скрытых мыслей. В качестве примера приведем сновидение, рассказанное молодой женщиной. В нем она шла по Пятой авеню с другом и остановилась перед витриной магазина модистки, чтобы взглянуть на шляпки. В конце концов она вошла в магазин и купила одну из них. Фринк, анализировавший это сновидение, получил следующий ряд ассоциаций: женщина действительно шла по Пятой авеню со своим другом, но никакой шляпки не покупала. Ее муж в тот день был нездоров и лежал в постели и хотя его болезнь не была серьезной, она была очень обеспокоена и не могла избавиться от мысли, что он может умереть. Во время прогулки молодая женщина говорила о мужчине, которого знала до своего замужества и в которого была влюблена. На вопрос, почему же она не вышла за него замуж, она ответила, что его финансовое и общественное положение было слишком высоким по сравнению с ее собственным. На просьбу связать с чем-нибудь

покупку шляпки она сказала, что была очень восхищена шляпками в витрине и очень хотела купить одну, но не смогла этого сделать по причине бедности ее мужа. Фринк интерпретирует этот факт следующим образом: «Несомненно, сновидение удовлетворило ее желание, позволив купить шляпку. Однако это не все. Неожиданно она вспомнила, что в сновидении купленная ею шляпка была черной — траурной». Фринк объясняет это так: в день, предшествовавший сновидению, женщина испугалась, что ее муж умрет, и в сновидении покупка ею траурной шляпки была реализацией фантазии о смерти. В реальной жизни купить шляпку она не могла из-за бедности ее мужа, в сновидении же она совершила покупку. Скрытый смысл заключается в том, что у нее как раз-таки богатый муж, и из ее ассоциаций мы видим, что в ближайшем будущем это действительно очень богатый человек. Из этого Фринк сделал вывод, что молодая женщина устала от своего мужа, что ее страх перед его смертью является защитной реакцией против ее действительного желания его смерти и что она хочет выйти замуж за человека, в которого была влюблена и у которого достаточно денег для удовлетворения всех ее желаний. Когда Фринк ознакомил свою пациентку со своим истолкованием ее сновидения, та признала, что оно справедливо и поведала ему несколько фактов, подтверждающих его. Самым важным был тот, что после замужества она узнала: мужчина, в которого она была влюблена, также был в нее влюблен. Это воскресило ее чувства, и она сожалела о своем поспешном замужестве. Если мы примем эту интерпретацию, то увидим, как покупка шляпки переопределяется тройным желанием: увидеть своего мужа мертвым, выйти замуж за человека, которого она любила, и иметь деньги.

Последним из механизмов сновидения, который мы обсудим, является замещение. Это процесс, посредством которого эмоциональное содержание отрывается от соответствующего объекта и вместо него присоединяется к объекту несущественному или второстепенному. Таким образом, иногда важнейшая деталь скрытого содержания сновидения может оказаться почти не представленной в явном содержании вообще, по крайней мере внешними проявлениями. Она заменяется каким-нибудь явно безобидным объектом. Вот пример такого замещения, при котором

девушка, страдающая неврозом навязчивых состояний, видит во сне, что она находится в присутствии кого-то, чья личность очень расплывчата, но кому она чем-то обязана. В знак благодарности она подарила ему свой гребешок для волос. Относящиеся к делу детали истории следующие. Девушка была иудейкой, чьей руки годом ранее просил протестант и чьи чувства она полностью разделяла. Однако разница вероисповеданий воспрепятствовала помолвке, поскольку девушка верила, что появление детей в таком смешанном браке станет причиной раздоров и несчастий из-за вопроса, в какой вере они должны воспитываться. И она отвергла своего поклонника. В ночь перед сновидением у девушки произошла жестокая ссора с матерью, и она решила, что будет лучше для всех, если она уйдет из дома. Она отправилась спать, раздумывая о способах и средствах, какими будет содержать себя, будучи независимой от семьи. На просьбу провести ассоциацию со словом «гребешок» она ответила, что иногда, когда кто-либо собирался воспользоваться чужими расческой или гребнем, она слышала слова: «Не делай этого, ты смешаешь род». Эта ассоциация подсказывает интерпретацию сновидения. Человек, чья личность остается неясной, — бывший соискатель руки. Предлагая ему гребешок, девушка демонстрировала свое желание «смешать род», то есть выйти за него замуж и родить ему детей. Таким образом сновидение выражает крайне важное намерение, но механизм замещения сработал так, что мысль о браке с молодым протестантом в явном содержании не распознаваема и заменена очевидно не относящимся к делу дарением гребешка для волос.

Мы исследовали несколько сновидений в качестве примера метода Фрейда, и теперь должны попытаться прийти к некоторому суждению об адекватности фрейдовской гипотезы. Необходимо пояснить, что сновидения, выбранные в качестве примеров, очень прозрачны, находятся в русле фрейдовской теории и более определенны, чем подавляющее большинство сновидений, содержащихся в учебниках самого Фрейда и его последователей. Все они не один раз приводились психоаналитиками в поддержку их теорий. Для того чтобы должным образом проверить гипотезу Фрейда, мы взяли примеры, которые поддерживают ее более любых других. Если они не подтверждают его теорию, то вердикт должен быть отрицательным.

Необходимо также помнить, что центральным моментом всей теории Фрейда, единственным оригинальным и не производным ее элементом, является утверждение, что символы и другие механизмы сновидения используются для сокрытия чего-то настолько предосудительного, противоречащего нравственности пациента, что он не может допустить его рассмотрение в незамаскированном виде даже во сне.

Это утверждение кажется настолько противоречащим большинству очевидных фактов, что трудно представить, как оно вообще может всерьез приниматься в расчет. Давайте перечислим некоторые из таких возражений. Во-первых, понятие, в одном сновидении выраженное символически, в другом может быть выражено достаточно явно и непосредственно. Мы видим крайне символическое и запутанное сновидение, смысл которого истолковывается как наше желание убить родственника или совершить с кем-то половой акт, а в другом сновидении эти мысли выражены совершенно явно, в том смысле, что мы действительно убиваем своего родственника или совершаем половой акт с той самой девушкой. Какой же смысл устраивать маскарад в одном случае, только для того, чтобы избавиться от него в другом? Как было сказано Эдипу Иокастой: «Многие молодые люди в сновидениях спят со своими матерями». Если это так, то почему они должны переживать от сновидения, в котором они стреляют из револьвера в корову?

Второе возражение состоит в том, что символы, предназначенные для сокрытия цели сновидения, очень часто являются своего рода «холостыми». Многие люди, не имеющие никаких познаний в области психоанализа, способны безо всякого труда интерпретировать сексуальные символы, которые встречаются в сновидениях. И все-таки давайте не уклоняться от того факта, что существует множество сленговых выражений, относящихся к сексуальным действиям и анатомии пола, и что они слишком похожи на фрейдовские символы. Думается, что в приснившемся человеку петухе, носике чайника, взведенном курке (cock), которые символизируют и пенис, очень немного маскировки, если этот человек даже не знает термина «пенис» и всегда называет свой половой орган cock. Фрейд кажется необычайно далеким от повседневной жизни.

Последний вопрос в критике был поставлен Кальвином С. Холлом, чью теорию мы подробно рассмотрим. Он задает вопрос: почему у одного объекта так много символов? В своих исследованиях литературы он нашел 102 различных символа из сновидений, олицетворяющих пенис, девяносто пять — влагалище и пятьдесят пять — половой акт. Зачем, спрашивает он, необходимо скрывать эти предосудительные объекты за таким огромным множеством масок? Давайте посмотрим, до какой степени три приведенные нами сновидения в действительности поддерживают теорию Фрейда.

Прежде всего, давайте возьмем молодую даму по прозвищу «Кобыла», которая в последний момент расстроила три решительных попытки обольщения, предпринятых ее другом, и только во сне, в символическом виде, предприятие представилось ей успешным. Согласно теории Фрейда, мы должны считать, что представление о реальном половом акте с ее другом было для этой молодой дамы настолько шокирующим и настолько противоречащим ее нравственным принципам и воспитанию, что она даже во сне не могла рассматривать эту мысль, замаскировав ее символами. Это, конечно же, не очень убедительный аргумент. Представление о том, что девушка, несколько раз потакавшая таким горячим изъявлениям любви, что была в шаге от потери девственности, не смогла рассмотреть возможность полового акта, и должна была подавить ее в подсознании, вряд ли может серьезно поддерживаться даже тем психоаналитиком, который покорно следует по стопам хозяина!

Почти то же самое следует сказать в отношении молодой дамы, которой приснилось, что она купила траурную шляпку. Здесь также крайне маловероятно, что мысли, нашедшие во время сновидения выражение в символической форме — «Я хотела бы иметь деньги, чтобы покупать одежду»; «Я хотела бы выйти замуж за человека, в которого влюблена»; «Я хотела бы избавиться от моего мужа» — были ей настолько отвратительны, что она отвергла их сознательное рассмотрение или не позволила им найти открытое выражение даже во сне. В действительности оценка, данная психоаналитиком, открывает, что эти мысли у нее были достаточно осознанными. Тогда почему они потребовали символической маскировки?

Сновидение о «гребешке» той девушки, которая не хотела «смешать род», точно так же является опровержением гипотезы Фрейда. Понятие, нашедшее замаскированное выражение в сновидении — «Я хочу выйти замуж за моего жениха и уйти из семьи» — было для нее достаточно приемлемым и на самом деле являлось в ее мозгу постоянным источником осознанной озабоченности. Здесь нет возможности спорить с тем, что скрытые цели сновидений, возникающие из подсознания, были настолько непристойны, отвратительны и неприемлемы, что должны были превратиться в маскарад, прежде чем появиться даже в сновидении.

Таким образом, мы обнаружили, что три сновидения, отобранные психоаналитиком из многих тысяч как наиболее явно поддерживающие психоаналитические понятия, в действительности являются очевидным опровержением основного положения теории Фрейда. Следовательно, мы можем с уверенностью отвергнуть гипотезу Фрейда, касающуюся происхождения маскарада, имеющего место в сновидениях. Ее априорные основания достаточно неправдоподобны, она противоречива и не поддерживается психоанализом даже специально отобранных сновидений.

Можно ли заменить только что отвергнутую нами теорию более правдоподобной? Интересный шаг в этом направлении был сделан недавно известным американским психологом Кальвином С. Холлом. Его аргументация выглядит следующим образом. Один и тот же объективный факт — скажем, половой акт — для разных людей может иметь весьма различные значения. В одном понимании он может быть воспроизводящей и репродуктивной деятельностью, а в другом — агрессивным физическим нападением. Это два разных понимания одного и того же объективного факта, выражаются в выборе специальной символики сновидения. Сновидение о вспашке поля или севе являет собой символическое представление полового акта как действия воспроизводящего или репродуктивного. Сновидение о стрельбе в человека из ружья, убийство кого-либо кинжалом или езда на автомобиле символизируют взгляд на половой акт как на агрессивное нападение. Согласно этой теории, символы в сновидениях используются не для сокрытия значения сновидений, а как раз

наоборот, для выявления не только поступков тех людей, с которыми сновидец имеет дело, но и его представлений об этих поступках или людях.

Если человек видит сон о своей матери, и если она представлена в этом сновидении коровой или королевой, то у Фрейда этот факт означает, что человек маскирует свою мать таким образом, потому что не может допустить выказывания, даже себе самому, желаний и мыслей, выраженных в сновидении и связанных с личностью матери. В терминах теории Холла интерпретация будет выглядеть не только желанием человека представить свою мать, но и желанием показать, что он рассматривает ее как вскармливающего человека (корова), или же как величественного и отдаленного человека (королева). Таким образом, использование символов — это механизм выражения, а не средство маскировки, и примечательно, что в происходящем наяву символы используются точно по тем же соображениям: лев обозначает храбрость, змея — зло, а сова — мудрость. Символы вроде этих выражают лаконичным и сжатым языком завуалированные и сложные понятия.

В этой теории некоторые символы выбираются чаще других, потому что они одним объектом представляют различные концепции. К примеру, Луна является таким концентрированным и сверхопределенным символом женщины; месячные фазы Луны имеют сходство с менструальным циклом; увеличение Луны от молодой до полной символизирует округление форм женщины во время беременности. Луна подчинена Солнцу; она непостоянна, как изменчивая женщина, тогда как Солнце постоянно. Луна управляет отливами и приливами, что опять-таки связывает ее с ритмом семейной жизни. Луна, испускающая свой слабый свет, олицетворяет представление о женской хрупкости. Холл делает вывод: «Ритм, изменение, плодоносность, слабость, покорность — все общепринятые представления о женщине сконцентрированы в одном видимом объекте».

Чтобы показать, каким образом Холл использует эту теорию с целью интерпретации сновидений, приведем пример из его книги: «Я работал на автозаправочной станции. Мой друг Боб работал вместе со мной. Когда я наблюдал, как он проверяет уровень масла в автомобиле, мне показалось, что он новичок и не имеет

опыта работы. Он вытащил щуп для измерения уровня масла и смотрел на него. В этот момент я подошел к нему и довольно раздраженно сказал: «Боб, чтобы проверить уровень масла, нужно сначала вытереть щуп, затем вставить его обратно, снова вытащить и только тогда проверить показание». Он поблагодарил меня за совет, и сновидение закончилось».

Когда человека, видевшего этот сон, попросили сказать, что в связи с этим пришло ему на ум, он сказал, что сновидение напомнило ему половой акт, и что Боб делал его неправильно. Очевидно, Боб имел дело с проститутками, что его другу представлялось неправильным, и он хотел, чтобы Боб прекратил этим заниматься. Процедура вставления щупа в отверстие для масла была прямым представлением полового акта, и в значительной степени являла собой механистическое понятие сексуального удовольствия. И снова совершенно очевидно, насколько непригодна для этого сновидения теория Фрейда.

Концепцию Холла о символичности сновидений довольно легко применить ко многим сновидениям, которые он приводит в качестве примера, но в равной степени она не подходит ко многим другим. Читатель может сам решить, применима ли она для трех ранее описанных сновидений. Представляется справедливым, что любому автору толкования сновидений кажется возможным привести несколько примеров в поддержку своих взглядов, но что эти теории обычно невозможно применить к сновидениям, приводимым людьми с другими теоретическими воззрениями. Это наводит на мысль, что все теории об интерпретации сновидений могут иметь определенное ограниченное количество правдивости, но не обладают универсальной значимостью и применимы лишь к сравнительно небольшой части проблемы. Этот вывод укрепляется, если в дальнейшем понимаешь, что человек, чьи сновидения анализируются, начинает изучать гипотетический язык символов психоаналитика и послушно использовать его в своих сновидениях. Этим объясняется тот факт, что психоаналитики-фрейдисты сообщают, будто их пациенты всегда видят сновидения в символах Фрейда, тогда как последователи учения Юнга утверждают, что их пациенты всегда видят сновидения в символах Юнга, целиком и полностью отличных от фрейдовских!

В принятии символических интерпретаций, представляемых таким множеством толкователей сновидений, есть еще одно затруднение. Можно спросить, откуда мы знаем, что легковой автомобиль олицетворяет сексуальное побуждение и почему он не может быть просто легковым автомобилем? Другими словами, как может бедняга, видящий сновидение, даже грезить о чем бы то ни было таком, как дом, болт, шприц, паровоз, ружье, Луна, лошадь, ходьба, верховая езда, подъем по лестнице, или вообще обо всем, что существует на земле, если все это немедленно приспосабливается под символизацию чего-то другого? Что случится, если вы возьмете такое очень обыденное, повседневное событие, как поездка на поезде, и рассмотрите его в качестве сновидения? В следующем абзаце читатель увидит, как такое очень простое и непосредственное описание полностью мистифицируется фрейдистскими символами того или иного рода. Для облегчения распознавания релевантные слова и выражения выделены курсивом.

Начнем с того, что мы *упаковываем наши чемоданы, сносим их по лестнице* и вызываем такси. Мы *загружаем наши чемоданы внутрь*, затем *влезаем сами. Такси срывается с места и мчится вперед*, но вскоре мы попадаем в пробку, и *водитель ритмично поднимает и опускает руку*, показывая, что он останавливается. Наконец, мы *приезжаем на станцию* и входим в здание вокзала. У нас еще есть время, и мы решаем написать открытку. Мы *точим карандаш*, но *кончик обламывается*, и мы проверяем нашу авторучку, *брызнув несколько капель чернил на промокательную бумагу. Мы проталкиваем открытку в щель стоящего почтового ящика*, затем *пересекаем ограждение* и *входим в вагон. Мощный паровоз выпускает пар* и наконец *трогается*. Однако очень скоро поезд *входит в темный тоннель. Ритмичный* стук колес на стыках клонит нас ко сну, но мы пробуждаемся и *идем в вагон-ресторан*, где официант *разливает кофе из кофейника с длинным носиком*. Поезд движется очень быстро, и *мы подпрыгиваем вверх-вниз на наших сиденьях. Крылья семафоров на семафорных столбах поднимаются* при нашем приближении и снова *опускаются*, когда мы проезжаем. Мы смотрим в окно и видим *коров* на пастбище, *лошадей, скачущих друг за другом*, и фермеров, *пашущих землю* и *разбрасывающих семена. Солнце* садится, и встает *Луна*. Наконец, поезд *подходит к перрону*. Мы приехали.

Думается, читателю ясно, что в этом сновидении практически нет ничего, что мы можем делать или говорить во время нашего путешествия, что не являлось бы кричащим сексуальным символом. Следовательно, если мы бы хотели видеть путешествие на поезде, то как раз это и невозможно. Все, что мы можем видеть даже во сне, если следовать теории Фрейда, это секс, секс и еще раз секс. Читатель может попытаться провести эксперимент и описать футбольный матч, или загородную прогулку, или день в офисе без использования выражений, которые могут, согласно Фрейду, иметь сексуальный подтекст. Очень скоро обнаружится, что практически нет предметов, находящихся в повседневном пользовании, и действий, доставляющих удовольствие, которые не могли бы символизировать те или иные аспекты сексуального процесса.

Критически мыслящий читатель в этом месте может почувствовать: в то время как порой обсуждение было интересным, в его ходе все же не представлено ни одного научно обоснованного факта. Все — догадки, предположения и интерпретации. Решения принимаются на основе того, что кажется резонным и подходящим. Это не научный метод. Вы не будете оспаривать закон Ома или закон всемирного тяготения или кровообращения. Вы выдвигаете некую гипотезу, делаете из нее определенные выводы, а затем проводите эксперименты, способные подтвердить или опровергнуть вашу теорию. Это научный подход, и это именно то, чего не хватает во всех научных работах, которые мы до сих пор рассматривали.

Ответственность за такое положение дел следует возложить непосредственно на психоаналитиков, чьи усилия всегда были направлены скорее на убеждение и пропаганду, чем на беспристрастные исследования и доказательства. Читатель может вспомнить наше обсуждение необходимости контрольных групп в психологических исследованиях. В экспериментальных исследованиях толкования сновидений никогда не использовались контрольные группы, хотя, если поразмыслить, необходимость такого контроля очевидна. Согласно теории Фрейда, явное сно-

видение ведет обратно к скрытым сновидениям на основе символизации и свободной ассоциации. Это положение используется как довод в пользу той точки зрения, что предполагаемое скрытое сновидение является причиной явного сновидения, однако контрольный эксперимент здесь отсутствует. Что произойдет, если сновидение, рассказанное человеком А, предложить человеку В для ассоциации его различных элементов? Несколько раз выполнив этот эксперимент, я пришел к выводу, что ассоциации очень скоро приводят нас к точно таким же комплексам, которые мы получили бы, начав с одного из собственных сновидений В. Другими словами, отправная точка достаточно нерелевантна. Как все дороги ведут в Рим, так и человеческие мысли и ассоциации имеют свойство вести к сиюминутным личным тревогам, страстям и желаниям сновидца.

Я не утверждаю, что это установленный факт. Я просто говорю, что это альтернативная теория, которая способна так же легко объяснять наблюдаемые факты, но которая никогда не проверялась психоаналитиками. До того, как сказать что-либо окончательное о значении гипотезы Фрейда, следует сформулировать и проверить многочисленные альтернативные теории. Без этой работы, такой же интересной, как и некоторые из высказанных предположений, наш вердикт должен гласить, что доказательство, подобное приведенному здесь, заставляет кого-то согласиться со многими экспертами, говорящими: «То, что в теории Фрейда ново, — неверно, а то, что верно, — не ново». Возможно, будущие эксперименты смогут вызвать большее доверие к психоаналитическим постулатам в этой области, но в настоящий момент мы можем делать выводы, основываясь только на существующих доказательствах.

Действительно, будет некорректно утверждать, что в области изучения сновидений не сделано никаких экспериментов. Есть ряд перспективных примеров, но, как и следовало предполагать, они исходят от академических психологов, а не от самих психоаналитиков. Особенный интерес представляют работы Лурия, русского психолога, который исследовал проблему толкования сновидений как часть более широкой — экспериментального исследования комплексов. Его прием состоял во внушении комплексов под гипнозом и наблюдении различных

реакций субъекта, включая сновидения, после возвращения из гипнотического транса.

Внушенные комплексы были, конечно, неосознанными, в том смысле, что во время исследования субъект ничего о них не знал и не имел представления о том, что произошло во время гипнотического транса. Что представляет собой такая процедура, можно пояснить на примере, взятом из моего собственного исследования, выполненного с целью проверки некоторых данных, сообщенных Лурия. Субъект, 32-летняя женщина, гипнотизируется и затем ей сильно внушается следующая ситуация, как будто случившаяся на самом деле. Поздно ночью она идет по Хэмпстед Хит и вдруг слышит за спиной шаги. Она оборачивается и видит мужчину, бегущего за ней. Она пытается убежать, но преследователь хватает ее, сбивают с ног и насилует. Очнувшись от гипноза, она несколько встревожена, слегка дрожит, но не может объяснить причину своей тревоги; она полностью забыла событие, внушенное ей под гипнозом. Затем ее просят прилечь и отдохнуть. Через несколько минут она естественным образом засыпает, но ее тотчас же будят и просят вспомнить все, что ей приснилось. Она подробно рассказывает, что видела себя в каком-то пустынном, незнакомом ей месте, и что внезапно на нее напал огромный негр, и ножом ранил ее в бедро. Символическая реинтерпретация гипнотического транса в сновидении совершенно ясна и имеет тенденцию придавать конкретную форму тому факту, что сновидение выражает в драматизированной и символической форме определенные мысли, которые во время бодрствования были бы, вероятно, представлены в более непосредственной форме. Это многообещающий метод исследования, но, к сожалению, с его помощью сделано очень немногое. Один хорошо разработанный эксперимент стоит больше, чем тысячи анекдотических статей, публикуемых в психоаналитических журналах. К сожалению, наблюдается тенденция ко все более и более бесконтрольным, бездоказательным и неповторяемым исследованиям одиночных случаев, чем к научному и экспериментальному виду исследований, проведенных под надлежащим контролем. Итак, представляя себе, что ничего определенного не известно, можем ли мы по меньшей мере выдвинуть общую теорию, резюмирующую сказанное нами и не противоречащую ни

одному из известных фактов? Такая теория гласила бы следующее: рассудок имеет склонность находиться в постоянной активности. В состоянии бодрствования большинство фактов для его деятельности обеспечивается восприятием событий внешнего мира, и только эпизодически, как при решении проблем или во время мечтаний, имеют место протяженные периоды внутренней деятельности, обособленной от внешних воздействий. Во время сна такие внешние воздействия в более или менее полной мере отсутствуют и, следовательно, психическая активность перестает управляться такими воздействиями и становится чисто внутренней.

В общем, эта психическая активность в очень большой степени связана с теми же проблемами, которые занимают мышление во время бодрствования.

Наши желания, надежды, страхи, проблемы и их решения, наши взаимоотношения с другими людьми — вот те вещи, о которых мы думаем, когда бодрствуем, и которые мы видим во сне. Главным отличием психической активности во время сна является меньший уровень сложности и выражение представления в более архаичной форме. Обобщающая и осмысляющая части рассудка оказываются бездействующими, а их функцию перехватывает более примитивная система графического представления. Это та *примитивизация* процессов мышления, которая ведет к появлению символизма, выполняющего существенную функцию в теории Холла.

Данная символизированная деятельность в большой степени определяется предыдущим обучением. Для эскимоса будет невозможным сновидение о пахоте как о символе полового акта, поскольку эскимосы незнакомы с плугом. Пациенту, изучаемому последователями Фрейда, не представится случая увидеть сон в символах Юнга, потому что он не знаком с ними. В общем, символы связаны с образованием и опытом человека, видящего сновидение, хотя некоторые символы, такие как Луна, используются очень широко, так как известны почти всем людям.

Можно ли в таком случае утверждать, что сновидения полезны при лечении психических расстройств? Если наше убеждение, что сновидения — это просто «продолжение мышления другими средствами» (перефразируем известное высказывание), является правильным, то следует ожидать, что они (сновидения) способны сказать нам нечто о проблемах, желаниях и страхах видящего их человека. Но мы, вероятно, могли бы получить такую же информацию гораздо проще, непосредственно спросив его. Однако есть вероятность того, что в небольшом числе случаев такое выявление невозможно, поскольку пациент в действительности не осознает своих комплексов и мыслей. Если будет возможно продемонстрировать, что при таких условиях сновидения на самом деле выявляют эти неосознанные факты, то мы сможем дать утвердительный ответ на наш вопрос. До тех же пор, пока в пользу этой гипотезы не будут найдены доказательства более строгие, чем имеющиеся сейчас, мы можем сказать лишь, что достоверный ответ дать невозможно. Выполняя соответствующие эксперименты, необходимо быть осторожными, использовать контрольные группы и другие способы повышения достоверности полученных результатов, тогда мы смогли бы закончить эту главу на более оптимистической ноте. А в данный момент единственным подходящим вердиктом кажется шотландское: «не доказано».

II. Личность и общественная жизнь

Можно ли измерить личность?

Этот вопрос, так часто задаваемый психологам, почти полностью лишен смысла. Ответ зависит от того, что мы понимаем под словом «личность», что — под словом «измерение», и даже от того, что подразумевается под определением «можно». Понимаем ли мы это так, что имеется в виду возможность произвести такие измерения *сейчас*, или же — что если в настоящее время это невозможно, то возможно ли в принципе и будет ли сделано? Следовательно, перед тем как перейти к деталям, мы должны прежде всего вкратце рассмотреть, что же имеется в виду под словом «личность» и какое значение в связи с этим имеет термин «измерение».

Нелегкая задача — дать определение личности. Олпорт, написавший классическое введение в эту область психологии, рассмотрел около пятидесяти дефиниций, а в результате лишь «поцарапал поверхность». В нашем вопросе вряд ли поможет знание того, что, согласно философу Канту, «личность явно представляет перед нашими телесными глазами величественность нашей природы», что Штерн определял личность как «многообразное динамическое единство», а Виндельбанд — как «индивидуальность, которая стала объективной для самой себя». Мы можем восхищаться, не понимая, но в целом, вероятно, согласимся с известным социологом, согласно которому «слово *persona* вразвалку идет вдоль удивительных границ, ударяясь справа и слева, подсказывая новые мысли, вспенивая облака противоречия и занимая сегодня выдающееся место во всех дискуссиях по теологии и философии, хотя лишь немногие из тех, кто использует его, знают, как оно пришло сюда».

Хотя у нас и могут быть трудности в определении личности, но, к счастью, мы можем по меньшей мере сказать, как слово «личность» пришло к нам. Слово *persona* изначально относилось к театральной маске, которую использовали сначала в греческой трагедии, а позднее, около 100 года до н. э., переняли римские актеры. Говорили, будто это заимствование произошло из-за того, что популярный римский актер хотел скрыть за масками неприглядное косоглазие. Затем это слово использовалось в трудах Цицерона для обозначения того, чем персона представляется другим людям, но не тем, что она есть на самом деле, а еще и как сгусток личных качеств. В первом приближении, эта комбинация значений, относящаяся как ко внутренним психологическим качествам человека, так и к впечатлению, которое он производит на других людей, продолжает существовать и содержится в нашем современном использовании термина «личность».

Но по существу это слишком всеобъемлющее определение. Оно кажется почти равнозначным поведению и, следовательно, психологии в целом, которая обычно определяется как наука о поведении. Можем ли мы выразить его более точно? Можем, если только не будем рассматривать его как строгий научный термин, который должен иметь четкое значение подобно атому, рефлексу, планете, кислоте или молекуле, а вместо этого рассмотрим его как термин, описывающий сферу исследования. Поступив таким образом, мы сможем получить намного лучшее представление о точном месте личности в современной психологии.

Мы можем начать прежде всего с рассмотрения места психологии как целого среди наук. Мы обнаружим, что ее исключительная важность происходит из того факта, что она представляет собой вид моста между двумя очень большими и важными группами дисциплин. С одной стороны, она тесно связана с биологическими науками: неврологией, анатомией, биохимией, зоологией, генетикой и так далее. Многие ее теории основаны на

данных этих наук, и любое их достижение немедленно отражается на психологических исследованиях и построении теорий. С другой стороны, на глубинном уровне психология связана с общественными учениями: социологией, экономикой, историей, антропологией, социальной философией, психиатрией и так далее. Иногда их называют общественными науками, но мне кажется, что при их сегодняшнем уровне развития термин «наука» слегка вводит в заблуждение в применении к областям, которые в большей степени характеризуются рассуждениями и слепым эмпиризмом, чем экспериментально выведенными законами общей применимости. Однако очевидно, что эти столь различные области знания весьма сильно зависят от существования развитой совокупности знаний, относящихся к поведению людей. Хорошо развитая психологическая наука совершенно необходима и для их развития.

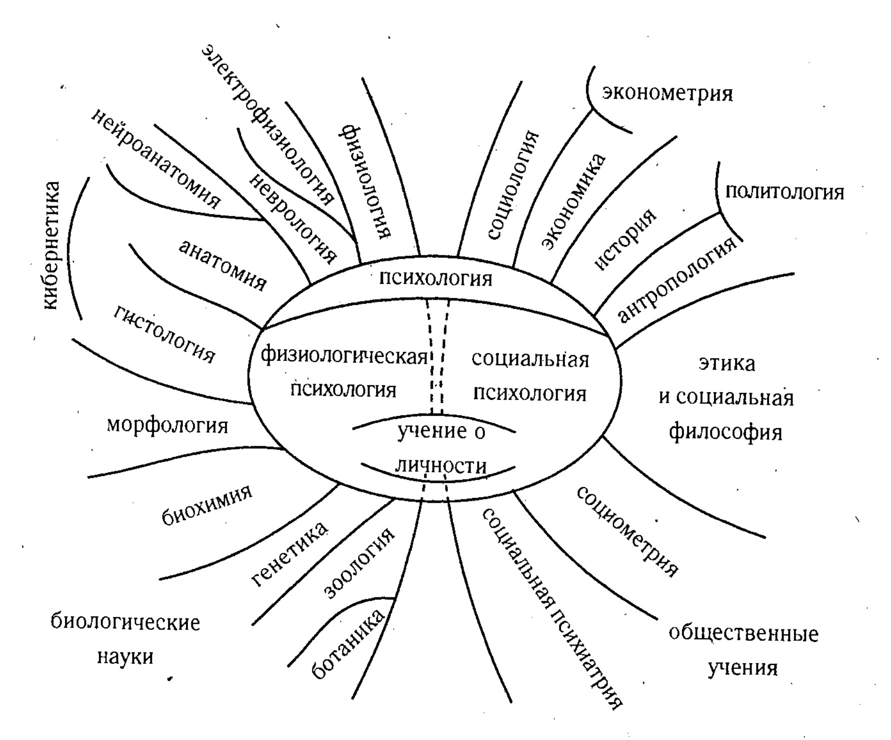

Рис. 3. Положение психологии среди других наук

Необходимость такой науки явно доказывается тем фактом, что при ее отсутствии многие вынуждены развивать свои собственные *ad hoc* (для данной цели) теории и часто абсурдные системы, которые можно назвать не более чем квази-психологией. Понятия «экономический человек» и «рациональный человек» — это только две из множества попыток, сделанных экономистами и социологами для некоторого психологического обоснования своих учений.

Реальная картина очень похожа на ту, которая представлена на рисунке 3, ясно показывающем связующее положение психологии. Однако понятие о психологии как об объединяющем предмете, находящемся между биологическими науками и общественными учениями, представляется не очень точным. Как можно видеть из схемы, психология сама по себе делится на две части. С одной стороны — это физиологическая психология, имеющая родство с биологическими науками, а с другой — социальная психология, родственная в основном общественным учениям. Разрыв между этими двумя группами учений очень глубок. Специалисты по физиологической психологии публикуют свои статьи в одном «семействе» журналов, а социальные психологи — в другом. Связь между этими группами журналов минимальна, и немногие читатели в равной мере знакомы с обеими из них. Следовательно, пропасть между биологическими науками и социальными учениями проходит как раз посередине психологии.

Поэтому внутри самой психологии наблюдается очевидная необходимость общего понятия, для того чтобы соединить обе ее стороны. Такая ключевая роль выпала понятию личности, которое приобрело свою исключительную важность вследствие того, что соединило две группы исследователей, изолированных друг от друга. Это происходит не столько по причине придания особого значения специальной области изучения, сколько из-за придания определенной точки зрения группам учений, которые в противном случае оставались бы совершенно несвязанными. Разницу, которую может принести такое изменение точки зрения, можно проиллюстрировать примером.

На протяжении многих лет физиологи интересовались проблемой плохого зрения в сумерках (куриная слепота). Они показали, что причины тому — физиологические. Одни связывали явление со структурой сетчатки глаза, другие — с недостатками

питания. Во время Первой мировой войны некоторые правительства проявили большой интерес к диагностике и определению куриной слепоты, так как стало совершенно очевидно, что солдат, страдающих таким недостатком, нельзя задействовать для определенных целей, и если их вовремя не диагностировать, они могут представлять определенную опасность как для себя, так и для своих товарищей. В связи с этим физиологов и психофизиологов попросили сделать оценку предполагаемых случаев, попадающих в такую категорию страдающих куриной слепотой. На деле данные оценки оказались абсурдными по отношению к оценкам группы людей, действительно имеющих дефекты зрения в темноте, и встал вопрос о причине этого очень большого расхождения.

Ответ стал очевидным, когда выяснилось, что многие люди, страдавшие куриной слепотой, оказались также до некоторой степени эмоционально неустойчивыми людьми. При детальных исследованиях было обнаружено, что у многих людей, страдавших куриной слепотой, не наблюдалось никаких физиологических причин, которые могли бы вызвать подобное состояние. В этих случаях были особенно заметны эмоциональная неустойчивость и наличие невротических симптомов. Позднее во время экспериментальных исследований была обнаружена достаточно тесная взаимосвязь между куриной слепотой и наличием определенных персональных невротических особенностей. Таким образом, причиной ошибочности первоначальных оценок было то, что физиологи и их коллеги психологи лечили определенную часть центральной нервной системы, которая изолированно способствует ночному зрению. Они имели дело с различными частями глаза, сетчатки, глазного нерва и так далее, совершенно не обращая внимания на отдельную личность, частью которой были эти структуры. Это, несомненно, в лучших традициях физиологии, которая пытается изолировать определенные структуры и изучать их в условиях максимального отсутствия любых воздействий со стороны других частей центральной нервной системы.

Такой тип сегментного анализа определенно полезен и важен, и ничего из сказанного здесь не следует истолковывать как какую бы то ни было критику исследований подобного типа. Однако надо понимать, что у здоровых животных или у людей такое

взаимодействие между различными структурами является не исключением, а правилом.

Следовательно, изучение только сегментарных процессов в полной изоляции мало что скажет о поведении всего организма. Физиологические исследования должны дополняться, и вот здесь появляется понятие личности. В настоящее время физиологические или любые другие процессы, изучаемые с точки зрения их взаимодействия с другими частями тела человека, стали частью учения о личности. Таким образом, это учение не отделяется от физиологической психологии теми явлениями, которые оно изучает, и тем окружением, в котором выполняются эксперименты и устанавливаются данные. Как психофизиолог, так и психолог, заинтересованные в изучении личности, могут проводить исследования в области ночного зрения. Однако там, где психофизиолог изучает явление куриной слепоты в условиях, которые, насколько это возможно, исключают воздействие факторов личности, или того, что мы можем назвать «центральными процессами», то для личностно ориентированного психолога это явление интересно именно в той мере, в которой оно подвергается воздействию этих самых «центральных процессов».

Причина этого очевидна. Если мы интересуемся такими «центральными процессами», как предрасположенность к страху или беспокойству, то вскоре перед нами возникает трудность, состоящая в том, что при нынешнем уровне наших знаний не существует непосредственного способа их измерения. Мы ограничены поиском определенных измеряемых явлений, которые показывают взаимосвязь между центральными процессами, являющимися предметом нашего интереса. Следовательно, выяснение того, что куриная слепота, обнаруженная у людей, не страдающих физиологическими недостатками, тесно связана с предрасположенностью к страху и беспокойству, является крайне важным, так как позволяет нам использовать измерение куриной слепоты как меру, хотя и не прямую и, возможно, не вполне удовлетворительную, центральных процессов, которые, собственно, и составляют предмет нашего интереса.

Почти то же самое можно сказать и об обусловленности. Большинство людей в наши дни знакомы со знаменитым экспериментом Павлова, в котором он продемонстрировал, что если звук

звонка сочетать с кормлением собаки, то через некоторое время она начнет реагировать слюноотделением только на звонок, даже тогда, когда ей вообще не дают никакой пищи. Этот механизм обусловленности, который часто изучается психофизиологами, интересен исследователям в области личности, поскольку может показать, что индивидуальные различия в скорости формирования таких условных рефлексов имеют очень важные корреляции в поведенческой сфере, и, таким образом, могут использоваться как объяснительные понятия для толкования различий в «личности». В следующей главе эта линия аргументации будет подробно развита.

Пожалуй, о взаимосвязях между личностью и физиологической психологией сказано достаточно. А что же можно сказать о ее взаимосвязях с социальной психологией? В этом случае связь, пожалуй, более очевидна. Строго говоря, социальная психология имеет дело с людьми, находящимися в группах. Она пытается сформулировать законы, которые могли бы дать нам возможность предсказывать, что люди будут делать в определенных условиях, когда двое или более индивидов сотрудничают, конкурируют или взаимодействуют друг с другом тем или иным образом. Такие законы взаимодействия неизбежно должны некоторым образом ввести определенные переменные, относящиеся к отдельным людям, вступающим во взаимоотношения. Следовательно, социальная психология очень сильно зависит от фундаментальных данных в области изучения личности.

В качестве примера мы могли бы, пожалуй, упомянуть о формировании общественных отношений и поведении во время выборов. Это явно социальные явления, и при их рассмотрении могут быть обнаружены некоторые общие законы. Более того, будет невозможно дать нечто вроде полного объяснения событий, интересующих социального психолога, не принимая во внимание личностные факторы рассматриваемых людей. В следующей главе мы попытаемся разъяснить, в мельчайших деталях, эти очень краткие замечания, а также показать, как благодаря промежуточным понятиям учения о личности могут быть использованы законы обусловливания для объяснения многих явлений формирования поведения вообще, поведения во время выборов и так далее.

Настоящее рассмотрение места личности в психологии может в общем смысле дать некоторое приблизительное представление об области исследований, которой мы будем касаться. Я не стану сейчас пытаться дать четкое определение, поскольку весьма сомнительно, что оно будет универсально приемлемым или на самом деле что-то добавит к пониманию читателем той темы, с которой мы будем иметь дело. Содержание этой главы должно дать по меньшей мере приблизительное представление о проблемах, которые в действительности изучают психологи, интересующиеся вопросами личности, и о тех методах, которыми они пользуются в своих исследованиях.

Если личность представляет собой область изучения, характеризующуюся частной точкой зрения, то совершенно очевидно, что мы не можем «измерить» личность, точно так же, как мы не можем точно измерить вселенную. Все, что мы можем сделать, — это измерить некоторые стороны как того, так и другого. Следовательно, наш вопрос немедленно видоизменяется. К сожалению, проблема измерения является очень сложной и до некоторой степени — технической, поэтому будет неуместно обсуждать здесь ее детали. Чтобы обрисовать общую линию аргументации, достаточно нескольких замечаний. Измерение определяется как назначение числовых значений объектам или событиям в соответствии с определенными правилами. Это весьма общее определение, однако очень трудно представить, как его можно сузить, не исключая процессы, всегда рассматриваемые в качестве составляющих измерения, и не вводя искусственные разрывы там, где на самом деле кажется, что ничего не существует. Приняв такое определение — а оно, в общем, является общепризнанным среди ученых, — мы можем тотчас же увидеть, что многие из тех, кто оспаривает возможность измерения количественных признаков личности, в действительности сами используют такие измерения в повседневной работе.

Так, психоаналитик, который явно возражает против применимости измерения к проблемам пациента, не колеблясь, говорит, что у мистера Бакстехуда неразрешенный эдипов комплекс, тогда как у мисс Швангершафт его нет. Но таким присвоением численного значения, равного 1, джентльмену, и числового значения, равного нулю, — леди, он на самом деле выполняет эле-

ментарный вид измерения, по крайней мере *пытается* произвести его. Мы, однако, выясним надежность и истинность такого измерения, а также его значительность. Весьма вероятно, мы узнаем, что это так называемое измерение имеет очень небольшое отношение к действительному факту. Но это, конечно же, отдельная проблема. Была попытка успешной или нет, но она была сделана, и, следовательно, наш психоаналитик не может оспаривать возможность измерения в этой области, если не хочет тем самым признать бесполезной свою собственную практику.

В большой степени то же самое справедливо и для действий психиатров, социологов и других, страстно выступающих против измерений. То, что они в действительности делают, является не заменой измерения чем-то другим, а использованием элементарных, неэффективных и нелогичных способов измерения там, где доступны сложные соответствующие и обоснованные методы. Подобно господину Журдену из известной пьесы Мольера, который с величайшим удивлением обнаружил, что всю свою жизнь изъясняется прозой, многие люди, работающие в этих областях, могут удивиться, узнав, что большую часть своей жизни выполняют измерения.

Таким образом, не следует утверждать, будто измерение количественных признаков, которыми интересуются ученые, изучающие личность, неосуществимо или неуместно. Я думаю, что большинство тех, кто делает заявления подобного рода, на самом деле пытаются сказать, что такой сложный вид статистической обработки не подходит для измерения, сделанного в действительности, и что приемлем лишь самый приблизительный и простейший вид обработки данных. Но на самом деле этот аргумент не убедителен и справедливым представляется совершенно обратное. Там, где измерения очень точны, чрезвычайно редко требуется сложная математическая обработка, поскольку связанные с измерениями взаимоотношения и функции достаточно ясны и очевидны. Однако при наличии в измерениях большого количества ошибок становится необходимым использовать сложные статистические методы, чтобы можно было рассчитать количество сделанных ошибок и выявить сложные взаимосвязи, существующие между данными. Этот процесс сортировки очень сложен и требует высокой технической квалификации. Поэтому

совершенно очевидно, что человек, не обладающий такой квалификацией, вряд сможет внести значимый вклад в этот предмет.

Теперь, придя в самых в общих чертах к согласию по поводу того, что мы имеем в виду под словом «измерение» и что — под словом «личность», давайте посмотрим на методы, используемые психологами и психиатрами при попытках точно определить весьма неуловимые качества, связанные с отдельными людьми.

Прежде всего, мы обнаруживаем метод, который используется с самых давних времен, хотя только в последние годы он стал формализованным и подвергся экспериментальному изучению. Это метод рейтинга, то есть оценки особенностей, способностей, положений и т.д. других людей на основании нашего наблюдения за их поведением. Время от времени все мы решаем, что мистер Митглэд общителен, миссис Паддлбэйсн — словоохотлива, мистер Гризпруф — юморист, а мисс Гроуншарп — критически настроенная особа. Делая заявления подобного рода, мы в действительности приписываем определенные качества указанным людям и осуществляем это, не осознавая, что выполняем очень примитивный анализ с последующим измерением такого же примитивного типа. Анализ ведет нас к утверждению о существовании конкретного качества. Измерение делает возможным отнести каждого человека к одной из двух категорий, то есть к категории людей, соответственно имеющих или не имеющих это определенное качество.

Мы можем пойти дальше такой оценки и иметь не две, а несколько категорий. Так, мы можем сказать, что одни люди обладают великолепным чувством юмора, вторые — хорошим чувством юмора, третьи — средним, некоторые — плохим, а есть и такие, которые вообще его не имеют. Таким образом, мы назначили людям одну из пяти категорий и, следовательно, получили сравнительно более точный тип измерения. Но, по существу, это усовершенствование не имеет отношения к делу, и мы можем в связи с целью нашего обсуждения не принимать его во внимание.

А что можно сказать об обоснованности измерений такого типа? К сожалению, факты довольно решительно противоречат нашему слишком серьезному отношению к оценкам, сделанным подобным образом, особенно когда их дают люди, не имеющие

специальной подготовки, направленной на ознакомление с трудностями и сложностями в этом деле.

Прежде всего, оценивая человека как обладающего хорошим чувством юмора, что конкретно мы имеем в виду? Мы можем полагать, что это:

1. Человек, который охотно смеется, то есть один из людей веселого типа, счастливый, добродушный и тому подобное.

С другой стороны, мы можем подразумевать, что это:

2. Человек остроумный, готовый рассказывать забавные истории и смешить других.

Или же мы можем считать, что это:

3. Человек, который смеется над тем же, над чем смеемся и мы, и, следовательно, его вкусы совпадают с нашими.

Или, опять-таки, мы можем считать, что это:

4. Человек, который способен посмеяться над собой, то есть человек не напыщенный, не самодовольный и не лопающийся от собственной важности.

Это только несколько способов, при помощи которых понятие «имеющий хорошее чувство юмора» было определено компетентными и высокоинтеллектуальными людьми, когда их спрашивали, что они имеют в виду под определенными терминами. Совершенно очевидно, просто знание того, что человек А думает о человеке В как об обладающем хорошим или плохим чувством юмора, может нам сказать не очень многое, если мы не знаем совершенно точно, что подразумевает А под «хорошим чувством юмора». Конечно, он может оказаться способным объяснить нам это. Но даже если это так, то очень часто обнаруживается, что он смешивает две или три, а то и все четыре различные возможности, перечисленные выше. Он может оценить одного человека как имеющего хорошее чувство юмора по одному признаку, а другого — по другому. Все это не имело бы значения, будь различные качества, связанные с различными определениями, тесно связаны и между собой, то есть если бы человек, который охотно смеется, имел склонность рассказывать смешные истории, смеяться над собой или разделять мнение оценивающего о том, что он находит забавным. Однако экспериментальные исследования выявили, что на самом деле эти различные качества не имеют тенденции к объединению. Человек, склонный рассказывать смешные истории, часто вообще может не смеяться над такими историями, когда их рассказывает кто-то другой, и часто не способен смеяться над собой. Итак, то, что представляется весьма простой процедурой оценки, в действительности оказывается крайне сложным процессом, который очень трудно, если вообще возможно, интерпретировать в каком-нибудь имеющем значение смысле.

Даже если существует некоторое согласие относительно того, что же подразумевается под значением оцениваемого качества, тем не менее может оказаться невозможным обосновать на обычном наблюдении любую имеющую значение оценку. Так, во время одного из исследований большой группы пациентов, страдающих неврастенией, каждый из них наблюдался двумя или более психиатрами. Учитывая ту важность, которую, как часто считается, имеет свойство внушаемости в продуцировании невротических симптомов, а также большое число дискуссий в психиатрической литературе, можно было подумать, что в вопросе о том, внушаем или не внушаем конкретный человек вообще, между психиатрами должно существовать полное согласие. Но в действительности было выяснено, что между ними абсолютно нет единодушия. Один психиатр мог считать пациента крайне внушаемым, второй — невнушаемым, а третий — средневнушаемым. Очевидно, оценка внушаемости пациента зависела не от каких бы то ни было его качеств, а скорее от того, какому из психиатров случилось выполнять процедуру этой оценки.

Это пример основной трудности, характерной для всех процедур оценки. То, что оценивающий говорит о том, кого оценивает, можно принять как доказательство какого-то качества, присущего последнему, но можно принять и как доказательство какого-то качества, присущего первому. Поясню сказанное на двух примерах. Если один и тот же набор ученических рефератов оценивается двумя учителями по 100-балльной шкале, то один из них может выставить среднюю оценку в 80 баллов, а другой — в 40. Мы можем рассматривать это обстоятельство как ничего не говорящее о качестве рефератов, но скорее скажем, что один учитель более строг в оценке, чем другой. Другими словами, мы можем использовать его оценку для того, чтобы сделать заключение не о предмете оценки, а о самом оценивающем.

Или давайте возьмем другую ситуацию. Попросим человека оценить по шкале превосходства шекспировского «Гамлета» и новейший голливудский шедевр. Мы будем рассматривать его вердикт не как говорящий нам очень многое о Шекспире и его превосходстве, а как дающий какое-то представление об оценивающем его.

Конечно, трудности совершенно неизбежны. На протяжении всего времени мы имеем дело с процессом взаимодействия двух людей, и нам следует анализировать это взаимодействие, а не принимать любую его сторону в качестве объективно верной. Существует явное доказательство того, что данное утверждение действительно правильно. В силу его важности будет приведено лишь одно исследование. Гипотезу, на которой основывалось это исследование, можно выразить следующим образом. Человек, оценивающий других в отношении конкретного качества, в своей оценке будет опираться не только на объективную реальность, но и на свое собственное обладание этим качеством. Влияние на его оценки будет осуществляться двумя разными способами, в соответствии с тем, осознает ли он то, что сам обладает оцениваемым качеством, или не осознает. Другими словами, если он этого не понимает, то будет склонен приписывать рассматриваемое качество другим людям в *большей* степени, тогда как в противоположном случае тенденция к приписыванию этого качества другим людям проявится в *меньшей* степени.

Эксперимент проводился по довольно простой методике. Была отобрана группа людей, каждый из которых достаточно хорошо знал других. Их попросили оценить самих себя и друг друга по ряду качеств, основным из которых была жадность. Прежде всего, были отобраны те люди, которые, по мнению большинства, были жадными. Другими словами, они могли рассматриваться как обладающие этим качеством в степени выше среднего. Затем их разделили на две группы: на тех, кто осознавал и оценивал себя как жадного, и тех, кто этого не осознавал и считал себя нежадным, и предложили им дать оценки остальным членам группы. На следующем этапе оценки, сделанные этими двумя группами судей по отношению ко всем другим людям в группе, сравнили со средними оценками, сделанными всей группой. Согласно гипотезе, те судьи, которые были жадными и осознавали это, будут довольно снисходительны и не припишут жадность другим людям, тогда как те судьи, которые были жадными и не понимали этого, будут более строгими и припишут другим людям жадность в большей степени, чем это объективно оправдано. Точно так все и произошло. Следовательно, мы можем видеть, что для того, чтобы понять значение оценки, данной одним человеком другому, мы должны иметь некоторое представление не только о том значении, которое оценивающий приписывает используемому термину, но и о том, обладает ли он сам рассматриваемым качеством и понимает или не понимает это обстоятельство. Конечно, такой подход неимоверно усложняет проблему оценок в целом.

К сожалению, это не единственная возникающая трудность. Их намного больше. Одной из наиболее распространенных является так называемый эффект «гало», термин, используемый для обозначения тенденции, общей для человеческих судей и заключающейся в симпатии или антипатии к оцениваемому в целом, вследствие чего последнему могут приписываться все приятные и замечательные качества, если он нам нравится, или все неприятные и не очень выдающиеся — если не нравится. Итак, снова отношение оценивающего к оцениваемому влияет на окончательную оценку, делая ее более субъективной и менее правдивой, чем нам бы хотелось. Обойти эффект «гало» очень трудно, но это можно сделать, если всегда иметь двух судей для каждого из оцениваемых — одного, которому он чрезвычайно нравится, и другого, которому он очень не нравится. Однако на практике это весьма трудно осуществимая вещь, а конечным результатом может стать то, что у каждого будет средняя оценка, поскольку оценки двух судей могут полностью уравновесить друг друга.

И последний момент, о котором необходимо упомянуть. Люди в очень большой степени отличаются по способности к оценке. Некоторые явно имеют почти сверхъестественную способность приходить к верному ответу, тогда как другие почти постоянно ошибаются в своих оценках и основанных на них прогнозах. Так, во время войны было выявлено, что в комиссиях Военного министерства по отбору, в которых ряд судей делали прогнозы относительно «офицерских качеств» и будущей карьеры молодых

кандидатов в офицеры, некоторые люди имели общий уровень правильных прогнозов, намного превышающий уровень своих коллег, тогда как другие были необычайно некомпетентными. Это обстоятельство было недавно подвергнуто экспериментальной проверке в Соединенных Штатах по нескольким различным методикам. В одном эксперименте оцениваемому дали заполнить персональный опросный лист, вид которого мы сейчас обсудим. После заполнения листа его попросили пройти в другую комнату, где он должен был встать на помост, закурить сигарету, пройтись из стороны в сторону, написать на доске «У Мэри есть маленький ягненок» и рассказать стихотворение. Он делал это перед довольно большой группой людей — «оценщиков» в этом эксперименте, которые внимательно наблюдали за ним. Затем они должны были заполнить персональный опросный лист так, как, по их мнению, заполнил бы его сам оцениваемый. Таким образом, появилась возможность сравнить действительные ответы, данные оцениваемым, с теми, которые, по предположению оценивающих на основании короткого знакомства с ним, он мог бы дать.

И опять-таки было обнаружено, что некоторые люди в данном отношении намного лучше других и что способность решать задачи подобного рода была явно общего свойства, поскольку при многократном повторении эксперимента с различными людьми в роли оцениваемых все те же «оценщики» снова и снова успешно отвечали на вопросы персонального опросного листа.

В другом, более основательном исследовании был использован метод, немного отличный от описанного. Короткие интервью с несколькими оцениваемыми, записанные на звуковую пленку, дали прослушать группе судей, которые должны были ответить на вопросы о личностях интервьюируемых. Ответы на эти вопросы, частично касавшиеся вербального поведения, частично — поведения в различных житейских ситуациях, были известны из досконального изучения истории жизни каждого субъекта, проведения испытаний и тому подобного. Таким образом, оценки, полученные субъектами, можно было сравнить с реальными данными. И снова было выявлено, что в способности оценивающих определять личности субъектов существуют значительные различия и что психологическая способность представлялась выдающейся характеристикой конкретного судьи, независимо от того, кого из нескольких субъектов он оценивал.

Несомненно, что эта психологическая особенность важна и что о ней известно очень немногое. Как вы могли предположить, интеллект и эмоциональная устойчивость имеют тенденцию непосредственно коррелировать с ней, однако взаимосвязь не настолько сильна, чтобы сделать отбор на этой основе очень эффективным. Кто-то может подумать, что в этом вопросе могло бы помочь специальное обучение психологии и психиатрии, но на самом деле выясняется, что это не так. Изучающие естественные науки обычно превосходят других в суждениях подобного рода. Психиатры способны довольно точно прогнозировать вербальное поведение, но не поведение в реальных жизненных ситуациях. В известной степени это и можно было предположить. Взаимоотношения между психиатром и его пациентом практически как раз и сводятся к словам и вербальному поведению. К сожалению, то, что человек говорит, и то, что он делает, не обязательно одно и то же, и не каждый может экстраполировать одно на другое.

Пожалуй, превосходство изучающих естественные науки над психиатрами и клиническими психологами не удивительно. Физики, химики, инженеры обучены иметь дело с фактами и не удовлетворяться рассуждениями и сложным теоретизированием, не подтвержденными доказательствами. Психоаналитики и другие клинические работники, не обученные таким образом, слишком легко принимают всерьез свои крайне умозрительные теории, забывая, что эти теории поддерживаются очень слабой фактологической базой, и делают необоснованные и сложные обобщения и прогнозы, не соответствующие действительности. Неизвестно, правильно ли это объяснение полученных результатов, но оно определенно представляется возможным, и можно надеяться, что экспериментальные данные вскоре докажут или опровергнут его. Накоплено значительное количество данных, свидетельствующих о том, что специалисты в более сложных областях клинической психологии склонны к меньшей точности в своих прогнозах, чем начинающие. Причина такого явления заключается как раз в склонности специалиста к сверхусложнению несущественных данных.

При таких весьма заметных различиях, проявляющихся среди различных судей, резонно предположить, что хорошие судьи могут давать ценные результаты, тогда как надеяться, что плохие судьи могут давать оценки какой-либо приемлемой степени полезности, невозможно. К сожалению, хорошие судьи встречаются редко, и их поиск весьма труден. Процедура их выявления в настоящее время настолько сложна и запутанна, что практически никогда не используется, за исключением экспериментальных и лабораторных целей. Можно надеяться, что в вопросе отбора и обучения психиатров, психоаналитиков и клинических психологов будет найдено место для экспериментальных методик такого типа, если только продемонстрировать большинству, насколько подвержены ошибкам человеческие оценки в таких сложных вопросах и проблемах. Однако на сегодняшний день можно лишь сказать, что для большинства людей метод рейтинга является очень ненадежным и негарантированным способом достижения точного мерила переменных личности и что другие методы, если они доступны, будут явно более предпочтительными.

При обсуждении этих методов, чем мы сейчас и займемся, необходимо принимать во внимание одну существенную трудность, которая делает данную область психологии особенно разочаровывающей и неудовлетворительной. Эта трудность связана с почти полным отсутствием какого бы то ни было надежного критерия, согласно которому мы можем оценить наши методы и тесты. В психологии тест рассматривается как имеющий силу, если можно показать, что он действительно измеряет заданные параметры. Например, давайте предположим, что перед нами поставлена задача подготовить батарею тестов для улучшения отбора подмастерьев для гончаров. Тогда как технически это может оказаться нелегкой задачей, в принципе относительно простое решение возможно, поскольку у нас есть критерий измерения соответствия любого предложенного теста. Мы можем предложить подходящий тест или батарею тестов при изучении 1000 подмастерьев, записать их результаты в виде набранных очков и затем соотнести эти очки с действительным количеством заготовок, сделанных каждым из наших субъектов за день, неделю или за год. Имея в распоряжении эти записи, сделанные гончарами, можно установить относительную способность их подмастерьев, и, таким образом, станет известным взаимосвязь этой способности с результатами испытаний. Затем мы можем оставить те тесты, которые показали наибольшую взаимосвязь со способностью делать заготовки, и исключить тесты с низкой или умеренной способностью прогнозирования.

Будут, конечно, всевозможные затруднения практического характера. Так, лондонские заготовки и заготовки из Глазго могут иметь разные параметры или же могут отличаться используемые инструменты. Могут быть различными ремесленные школы, а может существовать и всеобщее соглашение производить ежедневно не более определенного количества заготовок. Практические трудности такого рода делают жизнь индустриального психолога более деятельной и беспокойной, все же не являются непреодолимыми — обычно можно найти способы и средства для принятия в расчет ненадежных факторов подобного типа.

Трудность в области изучения личности состоит в том, что для тех переменных, которые нас действительно интересуют, нет никакого внешнего критерия. Если бы существовал некий конкретный способ определить, кто обладает хорошим чувством юмора, а у кого его нет, то мы могли бы легко сравнить любые имеющиеся оценки с действительными данными и таким образом выяснить, кто был хорошим судьей, а кто — нет. Подобным же образом мы можем сконструировать тесты на «чувство юмора», сохранив имеющие высокую корреляцию, согласно нашему критерию, и отбросив те, у которых ее нет. Но будь у нас такой совершенный критерий, мы, конечно же, не нуждались бы ни в оценках, ни в тестах. В действительности же тот факт, что и оценки и тесты все еще используются, более чем ясно показывает, что на практике объективного и надежного критерия не существует.

Чрезвычайные трудности в поисках хорошего критерия можно проиллюстрировать некоторым опытом, полученным во время войны, когда проблема отбора летчиков стала критической. Очевидно, что между людьми существуют значительные различия в способности учиться летать и управлять самолетом. Было бы весьма неэффективно и дорого обучать каждого желающего

и потом считать непригодным того, кто вдребезги разбил самолет, стоящий полмиллиона фунтов. В результате был создан ряд тестов, подобных упомянутым выше, поскольку считалось, что способности, измеренные при их помощи, будут релевантными по отношению к искусству управления самолетом. Однако не было зарегистрировано вообще никакого соответствия между результатами этих тестов и реальной способностью летать. Это показалось необоснованным, так как множество предыдущих исследований демонстрировало наличие такой взаимосвязи, и поэтому возникли сомнения относительно критерия оценки способности летать. Этот критерий, который на первый взгляд казался достаточно обоснованным, состоял из оценки опытного инструктора, который внимательно наблюдал за курсантами, выполнявшими серию предписанных маневров, каждый из которых оценивался в отдельности относительно совершенства его исполнения. Затем инструктор давал общую оценку, подсчитав количество баллов, полученных при выполнении различных маневров, и высказывал свое общее впечатление о кандидате.

С целью проверки надежности этого критерия ряду кандидатов было предложено выполнить определенные маневры, за которыми одновременно наблюдали несколько инструкторов, делавшие свои оценки, не консультируясь друг с другом. Когда их оценки сравнили, то было обнаружено, что между ними почти нет никакого согласия. Все они дали низкую оценку кандидату, который при попытке приземления сломал шасси своего самолета, опрокинул самолет и в конце концов умудрился разбить его. Но произошедшее с этим кандидатом стало единственным случаем полного согласия инструкторов. В отношении остальных субъективные мнения судей настолько разошлись, что стало совершенно очевидно: выработать разумный критерий на основании таких ненадежных оценок невозможно. На самом деле разработка объективной методики заняла очень много времени.

Традиционно используемым альтернативным (по отношению к оценкам) методом являются анкеты, или личные опросные листы. В этом случае интересующему нас субъекту предлагается ответить на ряд вопросов о самом себе, и на основе этих ответов мы пытаемся прийти к некоторым выводам о его личности. Данный метод, очевидно, имеет и недостатки, к которым мы сейчас и

обратимся. Однако в определенных ситуациях они не мешают ему работать вполне эффективно, и в психологии из всех методов сбора данных, относящихся к изучению личности, анкеты являются, вероятно, самым популярным.

Метод анкетирования возник почти так же, как и тесты на интеллект — в ответ на крайнюю необходимость. Во время Первой мировой войны американская армия была обеспокоена большим числом призывников, которые «забраковывались» по причине того или иного вида нервных заболеваний. Для армии это было серьезным вопросом, означавшим, что для ухода за такими невротиками требовалось большое количество медицинского персонала, медсестер, санитаров и так далее. К тому же необходимо было создавать специальные больницы, привлекать психиатров для определения степени непригодности и, самое последнее, но не самое немаловажное, — требовались существенные финансовые затраты. Было подсчитано, что «выделение» из армии одного невротика в итоге обходилось правительству Соединенных Штатов в 75 000 долларов, поскольку здесь этот процесс требует больших усилий. Если 75 000 долларов умножить на сотни тысяч случаев, то станет ясно, что для властей была бы огромной помощью возможность диагностировать потенциального невротика до его зачисления в армию. Такой ранний диагноз оказался бы чрезвычайно полезен не только для армии, но и, вероятно, для самого потенциального невротика. Это могло бы спасти его от почти неизбежного нервного расстройства, и возможно, он был бы намного полезнее для страны на гражданской работе, вызывающей меньший стресс и не ускоряющей так стремительно все невротические симптомы, с которыми мы так хорошо познакомились за последние пятьдесят лет. С этической точки зрения, этот аргумент иногда подвергается нападкам, поскольку означает, что разные люди несут разное бремя обязанностей, но каковы бы ни были этические последствия, немногие армии, по практическим причинам, отвергнут использование процедуры отбора, которая способна по возможности отсеять невротиков. Человеком, которому было доверена трудная задача создания такого сита, был Вудворт, один из самых выдающихся американских психологов. Понимая, что лабораторные эксперименты в армейских условиях отбора будут не-

возможны, Вудворт разработал анкету, на которую должны были ответить призывники. Анкета состояла из очень простых вопросов, ответы на которые следовало давать, подчеркивая слова «Да», «Нет» или, в случае затруднения, «?». Сами вопросы были взяты из нескольких учебников по психиатрии и обозначали все симптомы, связанные с неврозом: частые головные боли, ночные кошмары, беспокойство о чьем-то здоровье, частое чувство жалости, потеря уверенности в себе, чувство неполноценности или слишком длительные переживания в связи с оскорблениями. В своем окончательном опросном листе Вудворт свел вместе более 200 вопросов такого рода, но эта анкета никогда не использовалась для отбора, поскольку война к тому времени закончилась. Читатель, интересующийся типами предложенных вопросов, может прочесть очень краткий опросный лист, использовавшийся в Великобритании и приведенный ниже. Он содержит сорок вопросов, а результат представляет собой просто количество «Да», подчеркнутых субъектом. Среднее количество баллов для групп нормальных субъектов — около 10, а для невротиков — около 20. (Читатель не должен принимать слишком близко к сердцу тот факт, что в своих ответах на вопросы он обнаружит 20 и более ответов «Да». Это не означает, что он невротик. Опросные листы такого рода могут дать опытному психологу полезные сведения и выделить людей для дальнейшего исследования. Сами по себе они никогда и ни при каких обстоятельствах не могут использоваться для заключения о психическом здоровье человека.)

Медицинская анкета больницы Мадсли

Прочтите эти вопросы и подчеркните правильный ответ: «Да» или «Нет». Не пропускайте ни одного пункта. Ваша искренность очень важна.

1)	Испытываете ли Вы головокружения?	Да	Нет
2)	Бывает ли у Вас учащенное сердцебиение и глухие удары сердца?	Да	Нет
3)	Было ли у Вас когда-либо нервное расстройство?	Да	Нет

4)	Теряли ли Вы работоспособность из-за серьезного заболевания?	Да	Нет
5)	Часто ли у Вас возникает «волнение перед выходом на сцену»?	Да	Нет
6)	Часто ли Вы испытываете трудности при разговоре с незнакомцами?	Да	Нет
7)	Часто ли Вас беспокоит заикание или запинки?	Да	Нет
8)	Часто ли Вы теряли сознание на два и более часа вследствие несчастного случая или удара?	Да	Нет
9)	Слишком ли долго Вы переживаете оскорбления?	Да	Нет
10)	Считаете ли Вы себя нервным человеком?	Да	Нет
11)	Ваши чувства легко ранить?	Да	Нет
12)	Держитесь ли Вы в тени на общественных мероприятиях?	Да	Нет
13)	Подвержены ли Вы приступам дрожи и трепета?	Да	Нет
14)	Вы обидчивы?	Да	Нет
15)	Мешают ли Вам спать мысли, роящиеся у Вас в голове?	Да	Нет
16)	Беспокоят ли Вас возможные несчастья?	Да	Нет
17)	Вы застенчивы?	Да	Нет
18)	Ощущаете ли Вы иногда счастье, иногда подавленность без видимой причины?	Да	Нет
19)	Часто ли Вы мечтаете?	Да	Нет
20)	Кажется ли Вам, что Ваша жизнь менее значительна, чем жизнь других людей?	Да	Нет
21)	Чувствуете ли Вы временами боль в области сердца?	Да	Нет
22)	Бывают ли у Вас ночные кошмары?	Да	Нет
23)	Беспокоитесь ли Вы о своем здоровье?	Да	Нет
24)	Ходите ли Вы иногда во сне?	Да	Нет

25) Сильно ли Вы потеете без физических нагрузок?	Да	Нет
26) Считаете ли Вы трудным подружиться?	Да	Нет
27) Часто ли, задумавшись, Вы теряете нить своих действий?	Да	Нет
28) Обижаетесь ли Вы по различным поводам?	Да	Нет
29) Часто ли Вы раздражаетесь?	Да	Нет
30) Часто ли Вы чувствуете себя совершенно несчастным?	Да	Нет
31) Часто ли Вы чувствуете неловкость в присутствии старших?	Да	Нет
32) Страдаете ли Вы бессонницей?	Да	Нет
33) Страдаете ли Вы одышкой без выполнения тяжелой работы?	Да	Нет
34) Часто ли Вы страдаете сильными головными болями?	Да	Нет
35) Страдаете ли Вы от «нервов»?	Да	Нет
36) Беспокоят ли Вас боли и недомогания?	Да	Нет
37) Нервничаете ли Вы в таких местах, как лифты, поезда, тоннели?	Да	Нет
38) Страдаете ли Вы приступами поноса?	Да	Нет
39) Теряете ли Вы самоуверенность?	Да	Нет
40) Беспокоит ли Вас ощущение неполноценности?	Да	Нет

Ввиду простоты составления анкет и возможности одновременного тестирования огромного количества людей они стали весьма популярными в годы между двумя войнами. Они поставляли такое количества зерна на статистическую мельницу счетных машин психологов, что немногие умудрялись задавать критические вопросы о значимости собранных таким образом данных. Однако постепенно сомнения стали расти даже среди самых больших энтузиастов. Многие сомневались в правдивости ответов, даваемых субъектами. Часто можно было видеть несчастного индивидуума, с трясущимися и потными от волнения руками, который сидел со своим опросным листом, то бледнея, то краснея, без конца облизывая губы и нервно дрожа. Если в этот момент подойти к нему, чтобы хоть немного успокоить, то можно было увидеть, как напротив вопроса «Вы обычно нервный человек?» он жирными буквами писал «Нет»!

Сомнения такого рода созрели в 1930-х годах, поскольку со статистической мельницы стали поступать очень уж странные результаты. Чтобы объяснить вызванный ужас, мы должны вернуться немного назад, в 1920-е годы. В то время как, следуя Вудворту, большинство анкет было связано с диагностикой нервных расстройств и эмоциональной неустойчивостью, перевод книги Юнга «Психологические типы» вызвал интерес к исследованию экстраверсии и интроверсии, и многие анкеты были составлены для этой цели. Методика составления была почти такой же, как и использованная Вудвортом. По книге Юнга прошлись частым гребнем, а затем высказывания о поведении типичного экстраверта или интроверта были преобразованы в вопросы, на которые требовалось ответить «Да» или «Нет». Таким же образом были составлены длинные и подробные анкеты для измерения качества темперамента, которое, согласно гипотезе Юнга, было совершенно отличным и не связанным с невротизмом.

Около десяти лет психологи шли по своей дороге, успешно измеряя невротизм и интроверсию при помощи этих различных инструментов, как вдруг кого-то осенила светлая мысль сравнить результаты, показанные одной и той же группой людей, по различным типам анкет. Если все опросные листы по невротизму измеряют последний, то предположительно одни и те же люди, то есть эмоционально неустойчивые, должны были дать высокий результат (набрать большое количество баллов) по всем анкетам, в то время как другая группа людей, то есть эмоционально устойчивые, должны показать низкий результат (набрать небольшое количество баллов) по всем анкетам. Точно так же, по отношению к анкетам по интроверсии, все интроверты должны были набрать большое количество баллов по всем анкетам, тогда как экстраверты должны — напротив. А поскольку считалось, будто невротизм и интроверсия в достаточной степени не связаны друг с другом, то тот факт, что человек набрал высокий или низкий

балл по невротизму, никоим образом не должен определять его балл по анкете, касающейся интроверсии.

Множество исследований, проведенных с целью проверки этой гипотезы, привело к одному и тому же выводу. Между одним опросным листом по невротизму и другим вообще не было тесной связи. Взаимосвязь между одной измеренной интроверсией и другой также вовсе не была тесной. Хуже того, взаимосвязь между степенью интроверсии и степенью невротизма была точно такой, как и связь между двумя измерениями интроверсии или двумя измерениями невротизма! Иными словами, мы имеем дело со случайно сгруппированными пунктами или вопросами, которые не достигают цели в измерении какого-либо известного или предполагаемого типа поведения и которые по причине их произвольного выбора вообще не могут использоваться для проверки какой бы то ни было достойной гипотезы. Следовательно, анкеты такого типа бесполезны, вводят в заблуждение и должны рассматриваться как совершенно пагубные для развития научного изучения личности. Поэтому неудивительно, что оценка анкет психологами очень сильно упала и что потребовалось революционное изменение их построения, прежде чем они снова стали рассматриваться в качестве инструмента для изучения личности.

Пересмотр начался с обнаружения того, что одно фундаментальное предположение, сделанное составителями анкет, на самом деле оказалось малообоснованным. Это было предположение о том, что отвечающий на вопросы человек будет давать объективно правдивые ответы. Однако существует множество причин, по которым это не только маловероятно, но и невозможно. Давайте возьмем такой вопрос «Часто ли у Вас бывают головные боли?». Предположим, что человек, заполняющий анкету, хочет дать правдивый ответ. Что он должен сказать? Можно ли считать частым один приступ головной боли в неделю, или их должно быть больше, чем два в неделю, а может быть, один в день? Насколько сильной должна быть головная боль, чтобы ее квалифицировать как таковую? Возможно, в вопросе имеется в виду «более часто, чем в среднем», но тогда, что такое «в среднем»? Сколько приступов головной боли бывает у людей в течение года? Совершенно очевидно, что ответ субъективен не только в отношении действительного числа и силы приступов головной боли, случающихся у человека, но и в отношении его оценки того, что вопрос подразумевает, его оценки того, что в обществе считается средним количеством приступов головной боли, а также других различных факторов. В таком случае как мы можем приписать какое-нибудь непосредственное значение словам «Да» или «Нет», единственно разрешенным субъекту в качестве ответа?

Рассматривая ответ как правдивую оценку его собственного опыта, мы должны прийти к заключению, что его совершенно невозможно интерпретировать никаким приемлемым образом. Если читатель внимательно изучит сорок вопросов нашей анкеты, то обнаружит, что почти все они — подобного типа и могут быть подвергнуты такой же критике. Насколько легко должны задеваться чьи-то чувства, чтобы он ответил «Да» на вопрос 11? Насколько затруднительной должна быть возможность завести разговор с незнакомым человеком, для того чтобы ответить «Да» на вопрос 6? Насколько застенчивым должен быть человек, чтобы ответить «Да» на вопрос 17, и насколько обеспокоенным чьим-то здоровьем — чтобы ответить «Да» на вопрос 23? Совершенно очевидно, что вся основа анкеты, если использовать ее так, как задумано, неправильна.

Еще одна трудность заключается в том, что человек может не знать правды о самом себе и, следовательно, не будет способен дать верный ответ. Как мы видели ранее, жадный человек может совершенно не осознавать своей жадности и абсолютно не понимать этого. При таких условиях вряд ли уместно предполагать, что он даст нам ответ, сильно проясняющий или открывающий истинное положение дел. Например, немногие люди с плохим чувством юмора осознают этот факт. В одном хорошо известном эксперименте был поставлен такой вопрос: «Ваше чувство юмора превышает средний уровень?». 98 процентов ответивших на него заявили, что их чувство юмора превышает средний уровень!

Третий момент, создающий затруднения в принятии ответов на вопросы анкеты в их чистом виде, заключается в том, что их легко фальсифицировать. Большинство людей хотят выглядеть в выгодном свете. В связи с этим они склонны «выставлять впе-

ред свою лучшую ногу», или, иными словами, отрицать модели тех качеств и того поведения, которые в обществе считаются ненадежными, незрелыми, нестабильными и так далее. Почему мы должны считать, что человек станет осуждать в анкете самого себя? Какое мы имеем право рассчитывать на то, что он скажет нам правду о себе, если эта правда нелестна и покажет, что он довольно скверный парень? У нас вообще нет никакой гарантии того, что человек хотя бы попытается сказать нам правду, даже если предположить, что он ее знает и может усмотреть некий подтекст в наших вопросах. В последние годы все основополагающие принципы интерпретации анкет изменились и сделаны серьезные попытки преодоления имеющихся трудностей. Прежде всего, психологи, в большей или меньшей мере, отказались от мысли, что ответы, данные человеком, должны интерпретироваться как правдивое саморазоблачение. Мы сейчас говорим даже не об интерпретации ответов, а просто об объективном факте, который заключается в том, что человек охотнее ставит метку на одной части листа бумаги, чем на другой. Фактом является то, что человек подчеркивает «Да» или «Нет» после вопроса «Обижаетесь ли Вы по различным поводам?». Предположение, что он отвечает правдиво и действительно обижается по различным поводам, представляет собой субъективную интерпретацию этого объективного факта. Можно спросить, для чего нужен этот объективный факт данного человеком утверждения, если мы не можем его интерпретировать? Ответ очень прост. Давайте возьмем две группы, между членами которых мы хотим установить различия — скажем, группу нормальных людей и группу невротиков. Мы могли бы, конечно же, взять группу интровертов и группу экстравертов, или группу эпилептиков и людей с травмой головного мозга. Методика общая и может применяться всякий раз, когда есть критерий определения различия между двумя группами.

Теперь давайте применим нашу анкету к группе из 1000 нормальных и 1000 невротических индивидуумов и просто отметим объективные данные о том, сколько людей в каждой группе подчеркнули «Да» и сколько — «Нет». Было обнаружено, что, к примеру, на вопрос «Страдаете ли Вы бессонницей?» 32 процента невротиков отвечают утвердительно, тогда как из нормальных индивидуумов утвердительно отвечают только 13 процентов. Итак, это объективный факт. В нашем обсуждении мы не касались *причин*, по которым большее число невротиков отвечают на этот вопрос утвердительно. Может быть, это происходит потому, что невротики действительно более подвержены бессоннице, чем нормальные люди. Может, потому, что невротики более подвержены нытью, хотя объективно нормальные люди больше страдают от бессонницы. Возможно, и нормальные, и невротики в равной мере страдают бессонницей, но для эмоционально неустойчивых невротиков это представляет намного больший стресс. Какова бы ни была истинная причина, тот факт, что невротики и нормальные люди объективно различаются по их поведению, остается фактом. Следовательно, когда мы имеем дело с людьми, которых хотим систематизировать по двум вышеупомянутым группам, то подтверждение ответа «Да» на рассматриваемый нами вопрос анкеты делает более вероятной принадлежность отвечающего к группе невротиков, чем к группе нормальных людей. Зная ответ на этот частный вопрос и процентное соотношение подтверждений известных членов двух групп, мы можем точно рассчитать вероятность принадлежности конкретного человека к той или иной из двух групп.

На рисунке 4 показаны различия по шестнадцати пунктам медицинской анкеты Мадсли, существующие в положительных ответах для групп невротиков и нормальных людей, каждая из которых состояла из 1000 человек. При вынесении решения кто-то, несомненно, не будет полагаться на ответы только на единичные вопросы, но вероятности могут быть объединены, и по мере объединения их по 40 вопросам мы можем прийти к довольно обоснованному предположению, что человек принадлежит либо к группе невротиков, либо к группе нормальных людей, либо его статус не определен, и он находится где-то между двумя этими группами. Конечно, нам бы хотелось сделать определенной аргументацию, понаблюдав за группами с высокими и низкими результатами, однако в общем и целом здравый смысл подсказывает, что, изменив основу нашей интерпретации, мы оставили позади трясину неподтвержденного истолкования и стоим на достаточно твердой почве.

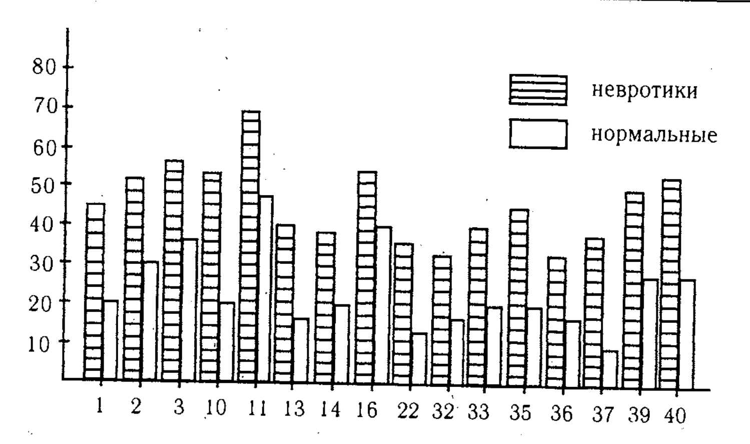

Рис. 4. Процентное соотношение нормальных и невротических субъектов, отвечающих «Да» на вопросы, выбранные из медицинской анкеты Мадсли

Теперь у нас есть метод, позволяющий исключить плохие вопросы и оставить хорошие. Любой вопрос, который не достигает дифференциации между нормальной и невротической группами, будет на этом основании плохим, несмотря на то, каким бы замечательным он не стал в учебниках по психиатрии. Любой другой вопрос, дающий хорошую дифференциацию между нормальной и невротической группами, может быть хорошим, хотя в учебниках может и вовсе не упоминаться. Наш подход является чисто эмпирическим, и это позволяет нам прибегнуть к помощи комплексного статистического и математического анализа. Таким образом, краткие и простые анкеты вроде представленной на предыдущих страницах могут быть созданы на эмпирической основе, и представляться действительно более обоснованными и надежными, чем те, что долго использовались в 1920-х годах.

Но как же нам преодолеть затруднения, связанные с фальсификацией? Как можно воспрепятствовать нашим субъектам давать ответы на все вопросы в «здоровом», а не в невротическом направлении? Ответ следующий: пока это сделать нельзя, но можно выявлять тенденции такого рода и либо делать на них поправку, либо не принимать во внимание результат опроса. Используемый метод, так называемая «шкала лжи», по своей сути очень прост. Человек, желающий создать о себе особенно хорошее впечатление, делает это, отвечая «Нет» на все вопросы, которые могут выставить его в менее выгодном свете, чем он того хочет. Следовательно, все, что мы должны сделать, чтобы изобличить его, — это составить шкалу таких вопросов, которые, хотя и представляют человека в довольно невыгодном свете, тем не менее имеют такой характер, что любой должен будет допустить на них ответ «Да», если он вообще честен. В качестве примера мы можем взять вопрос вроде следующего: «Лжете ли Вы во имя спасения?». Конечно, признание лжи означает выставление себя в не очень выгодном свете, однако очень немногие люди смогут искренне сказать «Нет». Если человек на этот и большое количество других вопросов подобного рода отвечает «Нет», то мы можем быть в большой степени уверены, что его ответам на вопросы анкеты нельзя доверять. Не исключено, конечно, что человек может совершенно искренне ответить «Нет» на все вопросы «шкалы лжи», но в этом случае он должен быть святым, а анкеты расчитаны на обычных людей.

Другим методом, весьма существенно улучшившим точность измерений при помощи анкетирования, является детальный внутренний статистический анализ, включающий расчет импликации (скрытого смысла), который более подробно рассматривается в главе «Политика и личность». Вкратце это просто означает, что психолог анализирует взаимосвязь между ответами на различные вопросы. Логически вопросы типа «Ваши чувства легко ранить?» и «Мешают ли Вам спать мысли, роящиеся у Вас в голове?» совершенно независимы; можно ответить на один «Да», а на другой — «Нет». В действительности те люди, которые отвечают «Да» на один из них, склонны отвечать «Да» и на другой, и *vice vetsa* (*наоборот*). Иными словами, здесь присутствует *фактическая связь*. Таким образом, зная ответ человека на один вопрос, мы можем предсказать его ответ на другой. Степени импликации можно придать численное выражение, и психолог занимается разработкой статистических методов анализа сети импликаций, опутывающей все вопросы в анкете. Используемые методы имеют в значительной степени технический характер, чтобы обсуждать их в этой книге, но они чрезвычайно помогают сделать анкеты более надежными, отсечь лишнее и вообще улучшить такие измерения.

Таким образом, современные анкеты методом своего построения и интерпретации совершенно отличаются от более ранних, которые подвергались такой суровой критике. Обычно в их составление вкладывается огромный труд, по сравнению с, *a priori,* поверхностными методами, ответственными за первоначальные опросные листы по невротизму и интроверсии. Обычно детальные экспериментальные исследования выполняются с различными определяющими группами для расчета импликации и применяется сложная система статистического анализа. Полученные в итоге данные имеют большую пользу с практической точки зрения и могут помочь психологу в его попытках измерить личность.

Несомненно, между оценками и анкетами есть, в определенном смысле, схожесть. Так, психиатр, который хочет оценить степень эмоциональной неустойчивости или невротизма человека, задаст ему в ходе собеседования ряд вопросов, которые по своей сути очень похожи на вопросы, содержащиеся в анкете. И действительно, во время экспериментов выявилось значительное соответствие между анкетными ответами, данными большим количеством выборок людей, и оценками тех же людей, сделанными высокопрофессиональным психологом после собеседования с ними. Можно спросить: если результат один и тот же, то почему мы больше доверяем методике анкетирования, чем процедуре оценки?

Тому есть несколько причин. Прежде всего, в точный выбор и формулировку вопросов анкеты вложен большой труд. Из почти 1000 опробованных вопросов в медицинской анкете Мадсли остались сорок. Большинство из них было отвергнуто после того, как экспериментально выявилось, что они не обнаруживают различия так же хорошо, как те, которые впоследствии были оставлены. Обычно психиатр, проводящий собеседование с пациентом, не выполняет значительной исследовательской работы, которая осуществляется при тщательном отборе вопросов на объективной основе. Следовательно, его выбор почти неизбежно хуже того, что сводится к составлению анкет.

Во-вторых, собранные данные следует интерпретировать и подвергнуть сравнению. Лучше всего это делать при помощи статистической методики, соотнося результаты, полученные от

конкретного человека, с ответами, полученными от больших контрольных групп, чьи ответы известны. Психиатр редко задает одни и те же вопросы двум разным людям, и никогда не ведет точной статистики по поводу того, что представляют собой средние значения для различных групп.

Следовательно, он неявно приблизительно делает в своей голове то, что психолог делает явно и с использованием вычислительных машин.

В-третьих, психолог, используя опросные листы, тщательно собирает большие группы нормальных людей, которые дадут ему основание для интерпретации. Психиатр в ходе своей работы вряд ли вообще видит нормальных людей, и поэтому у него нет объективного базиса такого рода.

Реальный эксперимент способен выявить довольно заметные различия в оценках, которые могут возникнуть у психиатров из-за разных источников ошибок.

Данные касаются медицинского обследования всех образованных новобранцев в Соединенных Штатах до их зачисления на службу. Исследования проводились в августе 1945 года на примерно 50 пунктах по всей стране. 14 процентов кандидатов было отвергнуто по психиатрическим причинам, и будет весьма поучительным проанализировать причины отказа на различных призывных пунктах. Существует достаточно доказательств для того, чтобы показать, что кандидаты, пришедшие на различные призывные пункты, не очень сильно отличались друг от друга, так что различия в диагнозах не могли быть обусловлены ими самими, а зависели от обследовавших их психиатров.

Прежде всего, давайте рассмотрим процентное соотношение психиатрических отклонений на различных призывных пунктах. Как было упомянуто выше, общее процентное соотношение равнялось 14. На некоторых призывных пунктах только 0,5 процента, то есть один человек из 200, были «забракованы» по указанным причинам. На другом призывном пункте процентное соотношение составило 50,6 процента, то есть по психиатрическим причинам был «забракован» каждый второй кандидат. Иными словами, на одного призывника, отвергнутого по психиатрическим причинам на одном пункте, приходилось 100 «забракованных» по этим же причинам на другом!

Если мы посмотрим на причины, по которым люди были «забракованы», то снова обнаружим существенные колебания от одного пункта к другому. Из всех отчисленных по психиатрическим причинам в среднем 40 процентам был поставлен диагноз «психоневротик». Однако за этим «средним» скрываются очень большие отклонения. Так, на одном пункте были диагностированы как психоневротики 2,7 процента; на другом — 90,2 процента. Различия по другим психиатрическим категориям были такими же большими, или даже больше, и должно быть совершенно ясно, что оценки такого типа подвержены всем источникам ошибок, приведенным в предыдущем абзаце.

В отличие от этого анкеты, розданные на различных пунктах подобным группам кандидатов, не обнаружили никакого непостоянства подобного типа, поскольку в этом случае было возможно сделать метод отбора объективным, установить определенные стандарты и извлечь, таким образом, все преимущества объективного подхода в противоположность субъективному. Это лишь один пример из того множества, которое можно привести, но он иллюстрирует, что, хотя в принципе между методикой собеседования и оценки, с одной стороны, и методикой работы с анкетами — с другой, большой разницы может не быть, все же последней присуще огромное количество преимуществ, которые не следует игнорировать.

Теперь мы должны обратиться к третьему методу исследований, который намного важнее и научно продуктивнее, чем рассмотренные до сих пор, и который становится все более и более общепринятым методом в исследованиях личности.

То, что мы в этом случае используем, не является высказываниями одного человека о другом или о самом себе. Мы производим действительное измерение наблюдаемого поведения человека в ситуации или в ходе теста, построенного таким образом, чтобы вызвать тот тип поведения, который нас интересует. Легче всего будет объяснить данный тип измерения, обсудив разбор теоретического положения, упомянутого в начале этой главы, но в полной мере не рассмотренного. Тогда мы отметили, что человек с улицы обсуждает количественные признаки личности в терминах таких понятий, как «качества». До сих пор мы также следовали его примеру, не вдаваясь ни в какие подробности такого

очень важного вопроса. Давайте исправим это упущение и начнем с рассмотрения конкретного качества, скажем, настойчивости. Что мы имеем в виду, когда говорим, что конкретный человек настойчив? Мы, несомненно, понимаем под этим, что он склонен продолжать действовать, невзирая на тоску, боль или изнеможение, даже после того, как люди, менее настойчивые, могут остановиться. В этом качестве содержится элемент, который предполагает, что настойчивость будет проявляться конкретным человеком не только в отдельной ситуации, но и в широком диапазоне ситуаций. Мы не будем называть человека настойчивым, если он продолжает выполнять только один тип деятельности, невзирая на усталость и тоску, но позволит себе отложить продолжение других дел. Таким образом, для нашей концепции качества довольно существенным является понятие всеобщности. Качество — это нечто, проявляемое в большом количестве различных ситуаций.

Трудность, вызываемая этим требованием, неясно отмечена и в обычном языке. Так, мы имеем понятие «трусость» как качество, но достаточно очевидно, что оно по-разному проявляется в различных ситуациях. С вице-консулом может случиться обморок в кресле дантиста; другими словами, он может быть трусом в одной ситуации и героем — в другой. Школьник, будучи физически сильным, может не проявлять редкого качества моральной отваги. Фактическим вопросом становится выяснение того, является ли конкретное предполагаемое качество в деле общим в том смысле, что оно проявляется в множестве ситуаций, или же мы на самом деле имеем дело со специфической реакцией на специфическую ситуацию.

Как это можно применить к задаче измерения настойчивости? В этом случае мы должны использовать целую серию шагов, которую можно взять как иллюстрирующую метод, используемый современными психологами при измерении конкретного качества личности. Во-первых, мы должны сделать теоретическую формулировку характера исследуемого качества до некоторой степени так, как показано в предыдущем абзаце, в котором мы определили настойчивость как склонность действовать, вопреки усталости, боли или тоске. Следующим шагом должно стать создание ряда тестов или ситуаций, делающих для субъекта воз-

можной демонстрацию различных степеней исследуемого качества. Далее приводится несколько таких тестов, взятых более или менее произвольно из имеющейся обширной литературы по концепции настойчивости. Большинство из них используется в отношении школьников, однако многие были адаптированы для применения ко взрослым, и результаты оказались совершенно адекватными.

Итак, вот наш первый тест. Субъекту дают составную картинку-загадку, которую он должен собрать. Ему говорят, что это тест на интеллект или какую-либо другую способность и что для выполнения задания у него столько времени, сколько ему надо. Однако перед тем как вручить картинку субъекту, экспериментатор изымает несколько фрагментов и заменяет их другими, делая успешное выполнение задания совершенно невозможным. (Естественно, кандидат не знает об этом и не может на каком-либо этапе предположить, что его задача объективно невыполнима.)

Субъект начинает складывать картинку, и по мере того, как не может продвинуться дальше некоторой точки, постепенно устает. В конце концов он сдается, обескураженно говоря: «Для меня это слишком сложно», или: «Я не думаю, что способен это сделать». Известны крайние случаи, когда субъекты выбрасывали фрагменты картинки в окно, швыряли их в экспериментатора или внезапно начинали плакать и уходили в слезах. Как бы ни закончился эксперимент, количество баллов определяется временем, прошедшим от его начала и до конца, поскольку оно представляет собой период, в течение которого субъекты продолжали решать задачу.

Теперь давайте рассмотрим следующий тест. В этом случае субъекту предлагается растянуть динамометр так сильно, насколько он может. (Динамометр — это прибор для измерения растягивающего усилия пациента, приложенного к стальной пружине. Результат, выраженный в фунтах, регистрируется на большом круглом циферблате.) Определив наибольшую силу, с которой субъект может растянуть динамометр, экспериментатор предлагает ему растягивать динамометр с силой, в точности равной половине максимальной, так долго, насколько это возможно. Продолжительность времени, в течение которого кандидат способен делать это, берется в качестве еще одной меры его настойчивости (не его силы — этот количественный признак контролируется выполнением заданий, связанных с силой начального растягивания).

Третий возможный тест может состоять из одной из китайских головоломок, в которой фигурные кусочки дерева следует сложить в форме креста. Субъекту показывают собранный крест, который затем разбирается на кусочки, и тест начинается. В то время, как теоретически кандидат может справиться с этой задачей, она настолько сложна, что на практике никто не смог одолеть ее и сдавался. Снова в качестве меры настойчивости кандидата берется время, прошедшее от начала до того момента, когда он сдается.

Четвертое испытание содержит элемент интеллектуального теста, в достаточной степени превышающий способности кандидата. Время выполнения каждого элемента теста определяется отдельно, и то время, которое кандидат готов затратить на выполнение слишком трудного для него элемента, является мерой его настойчивости.

Могут быть использованы сотни подобных тестов, однако читатель уже должен понять основной принцип и без дополнительных примеров. Вместо них мы перейдем к третьей стадии измерения настойчивости. Если наша гипотеза настойчивости как общего качества верна и если все вышеописанное является его измерениями, то из этого должно следовать, что человек, проявляющий настойчивость в любом из этих тестов, должен быть настойчивым и в других, а тому, кому недостает настойчивости в одном из этих тестов, будет недоставать ее и в других. Следовательно, мы должны применить целую серию из тридцати или около того испытаний к группе субъектов, определить количество очков, набранных субъектом в каждом из тестов, а затем статистически исследовать степень, с которой успех в одном испытании предопределяет успех во всех остальных, а неудача в одном из тестов — неудачу во всех остальных.

Имеется очевидное доказательство того, что существует весьма значительная степень соответствия между различными тестами. Можно подумать, *a priori*, что интеллектуальный ребенок настойчив при решении, скажем, сложного элемента интеллек-

туального теста, но теряет настойчивость при растягивании динамометра, а физически развитой ребенок, наоборот, может быть настойчивым в отношении «динамометра», но не в решении более интеллектуальных задач. И это, с большой степенью точности, именно так. Существует тенденция гораздо более тесного объединения интеллектуальных или физических задач между собой, чем между одной и другой группами задач, ведь различие невелико, а окончательная согласованность существенна. Поэтому оказывается, что мы оправданно можем говорить о настойчивости как о качестве, проявляющемся во всех этих тестах. Выяснив это, можно далее заключить, что лучшей мерой настойчивости является средняя производительность, показанная человеком в серии хорошо отобранных тестов такого рода. Под хорошим подбором, в связи со сказанным, мы имеем в виду, что тесты должны охватывать как можно больше различных аспектов способности и интереса; что они должны соответствовать тем возрастным группам, для которых разработаны, и для их осуществления не должно требоваться много времени и слишком сложного оборудования.

Разработав нашу серию тестов для измерения настойчивости, мы должны продемонстрировать, что они действительно измеряют скорее настойчивость, чем что-то еще. Например, они могут измерять интеллект, и тогда умный ребенок будет склонен выполнять их лучше, чем глупый. С точки зрения их априорных принципов это может казаться маловероятным, однако психолог со справедливой подозрительностью относится к этим принципам и, прежде чем прийти к какому-то выводу, предпочитает иметь некоторое эмпирическое доказательство. Одним из возможных решений этого вопроса является применение тестов на интеллект к тем же детям, которые проходили тесты на настойчивость. После этого можно будет статистически показать, что все имеющееся в общем в тестах на настойчивость — это не интеллект. Вторым методом доказательства правдивости нашей серии тестов, скорее положительным, чем отрицательным способом, является определение некоторого соответствующего внешнего критерия и соотнесение с ним результатов тестов. Из нашего обсуждения внешних критериев должно быть ясно, что вряд ли мы сможем найти очень хороший критерий или такой, который даст высокую корреляцию с нашими тестами. Тем не менее мы с некоторым недоверием отнесемся к нашим результатам, если обнаружим, что при соотнесении их, скажем, с учительской оценкой настойчивости, никакой корреляции нет вообще. Точно так же у нас вызовет недоверие, если оценки настойчивости ребенка, данные его одноклассниками, вообще не соотносятся с его показателями во время тестов. В действительности, обнаружена довольно высокая корреляция, так что не вызывает больших сомнений то, что серия тестов более надежно и более основательно измеряет то качество, которое учителя и одноклассники обозначают при помощи своих оценок.

Третий, часто используемый метод, состоит в определенных логических выводах из того предположения, что измеряемое нами качество — это настойчивость, и в дальнейшей проверке этих выводов. Так, будет разумно предположить, что при одинаковой степени интеллекта настойчивый человек окажется более преуспевающим в школе или университете, чем человек, которому не хватает настойчивости. С экспериментальной точки зрения это должно привести нас к применению нашей серии тестов к группе школьников или студентов, после чего мы должны будем отобрать из них группу крайне настойчивых, а также группу не настойчивых субъектов. Затем нам надо будет применить к этим группам тесты на интеллект и уравнять настойчивых и не настойчивых по интеллекту, исключая из более интеллектуальной группы одного или двух ее самых интеллектуальных членов, так, чтобы группы сравнялись по IQ. Наш прогноз состоит в том, что группа более настойчивых, хотя интеллект ее не выше, чем у группы менее настойчивых, будет лучше справляться с учебой школе или получать более высокие научные степени в университете, чем менее настойчивая группа. Имеется явное доказательство того, что это действительно так и что это заметно способствует успеху. Итак, теперь мы можем быть уверены в том, что с заданной степенью надежности и валидности в измерении настойчивости мы преуспели, и можно приобщить к делу доказательство, показывающее, что это качество — не плод воображения.

Я взял в качестве примера такое качество, для которого результаты ряда экспериментов, выполненных многими авторами, были весьма положительными. Для следующего примера я возьму качество, для которого конечный результат более сложен,

и понятие единого качества не подтверждается доказательством. Это качество внушаемости. Исследования, выполненные в этом плане, весьма поучительны. Прежде всего, давайте начнем с определения того, что же имеется в виду под внушаемостью. Это состояние или качество, вынуждающее человека выполнять определенные действия без наличия какой бы то ни было собственной мотивации или же вопреки определенной степени противоположной мотивации. На протяжении многих лет психологи создают тесты на внушаемость, и некоторые из них стоит привести.

1. *Маятниковый тест Шевроля.* Экспериментатор чертит мелом на столе прямую линию. В руке он держит небольшой маятник, сделанный из кусочка металла, подвешенного на нити, за которую и удерживает маятник. Он говорит субъекту, что силовые линии магнитного поля земли направлены параллельно линии, которую он начертил на столе, и что они воздействуют на маятник, вынуждая его раскачиваться туда и обратно. Говоря это, он легонько подталкивает маятник, заставляя его раскачиваться параллельно линии на столе. Затем он передает маятник субъекту, и говорит, что тот должен постараться удерживать маятник в состоянии покоя над серединой линии, начерченной на столе, хотя ему будет трудно сделать это, поскольку силовые линии магнитного поля земли заставляют маятник раскачиваться. И в самом деле многие субъекты принимают это внушение и совершенно непроизвольно и неосознанно двигают рукой так, что маятник начинает раскачиваться, словно следуя словам экспериментатора.

2. *Тест на наклон тела.* В этом случае субъекту приказывают стоять на месте, расслабиться, закрыть глаза, свести пятки вместе и вытянуть руки по швам. Ему специально говорят, что он должен стоять именно таким образом в то время, когда ему воспроизводят запись, состоящую из бесконечного повторения внушения: «Ты падаешь; ты падаешь вперед; ты падаешь вперед; ты падаешь; теперь ты падаешь вперед...». Действительная величина отклонения, производимого внушением, измеряется при помощи нити, протянутой от воротничка субъекта через ряд колес к индикатору кимографа, который осуществляет графическую запись отклонений субъекта вперед или назад, на рулоне

бумаги, протягиваемой двигателем над поверхностью металлического барабана. Некоторые субъекты принимают внушение и отклоняются в большой степени; некоторые даже падают, и экспериментатору, стоящему прямо перед ними, приходится их подхватывать.

3. *Тест на поднятие руки.* В ходе этого теста субъект стоит с закрытыми глазами, а его правая рука вытянута в сторону на высоте плеча. Ему велят удерживать ее в таком положении, пока ему воспроизводится при помощи граммофона серия внушений о том, что его рука становится легче, что она поднимается и так далее. Опять же, производится запись величины перемещений, которые делает рука, вверх или вниз.

4. *Тест на внушение запаха.* В этом случае субъекту сообщают, что его собираются подвергнуть проверке на чувствительность к запахам. Он сидит в углу комнаты, а экспериментатор в это время идет в другой угол и берет флакон с розовым маслом. Флакон открывают, и экспериментатор медленно несет его к субъекту, который должен произнести слово «Теперь» в тот момент, когда уловит малейший запах духов. Когда субъект произносит «Теперь», экспериментатор для виду берет рулетку и измеряет точное расстояние между флаконом и кончиком носа субъекта. Затем это показание записывается в большую красную книгу, и экспериментатор повторяет процедуру с гвоздичным, а затем — с камфарным маслом. В четвертый раз экспериментатор берет просто флакон с дистиллированной водой и снова несет его в сторону субъекта. Предполагаемое внушение всей процедуры состоит в том, что и этот флакон содержит некое ароматическое вещество. Многие субъекты принимают это внушение и выкрикивают «Теперь», когда экспериментатор достигает той же точки, в которой они ощутили запах в предыдущий раз.

5. *Тест на постепенно возрастающий вес.* В ходе этого теста субъект сидит за столом, а вокруг него полукругом расположены пятнадцать коробочек, пронумерованные от 1 до 15 и совершенно идентичные по всем параметрам, отличаясь лишь по весу — первая коробочка весит 20 граммов, вторая — 40, третья — 60, следующая — 80, а все остальные весят по 100 граммов. Субъекту дают указание поднять первую коробочку, затем — вторую. Его задача — сказать, тяжелее ли второй пер-

вая коробочка. Он отвечает утвердительно и после этого получает указание поднять коробочки 2 и 3. И опять вторая из них оказывается тяжелее. Процедура продолжается, и субъект все время обнаруживает, что последующая коробочка тяжелее предыдущей, пока не доходит до коробочек 5 и 6, которые, как мы помним, имеют одинаковый вес. Многие субъекты принимают скрытое в процедуре внушение, что вторая коробочка всегда тяжелее первой, и продолжают говорить «тяжелее» до конца теста, невзирая на реальный вес коробочек.

6. *Тест на внушение воспоминания.* При проведении этого теста субъекту показывают картинку, содержащую большое количество деталей. Его просят запомнить эти детали в течение 15 секунд, а затем картинку убирают и задают субъекту ряд вопросов о ее содержании. Одним из них может быть такой вопрос: «Кресло, на котором лежит кот, находится в правом или в левом углу комнаты?». На картинке вообще нет никакого кота, но многие принимают подтекст вопроса и убеждают себя, что на одном из кресел был кот.

Это только некоторые из множества тестов, использующихся для измерения внушаемости. Когда значительное их число применяется к группам людей, и мы снова задаемся вопросом, как и в случае с тестами на настойчивость, является ли человек, внушаемый в одном из тестов, также внушаемым и в других, то обнаруживаем, что в этом случае ответ является отрицательным. Первые три из приведенных тестов, т. е. маятниковый тест Шевроля, тест на наклон тела и тест на поднятие руки, действительно в большой степени коррелируют друг с другом. Следующие три, т. е. тест на внушение запаха, тест на постепенно возрастающий вес и тест на внушение воспоминания, также коррелируют между собой, хотя их взаимосвязи намного слабее, чем в случае трех первых тестов. Но когда первые три теста соотносятся со второй тройкой, то никакой взаимосвязи нет вообще. Иными словами, человек, определенный как «внушаемый» по результатам первых трех тестов, может быть, а может и не быть «внушаемым», по его результатам, полученным во второй тройке тестов. В этом случае невозможно сделать какой-либо прогноз, потому что между этими двумя значениями термина вообще нет никакой взаимосвязи. Мы имеем дело с двумя совершенно не связанными типами внушаемости — так называемыми первичной и вторичной внушаемостью, которые не только не связаны друг с другом, но и ведут себя совершенно по-разному. Так, первичная внушаемость вообще не коррелирует с интеллектом — интеллектуальные люди в этом случае не менее внушаемы, чем глупые. Однако вторичная внушаемость коррелирует с интеллектом. В этом случае более интеллектуальные люди менее, а глупые — более внушаемы. В то же время первичная внушаемость тесно связана с гипнозом — тот, кто в высокой степени внушаем, имеет также склонность более легко гипнотизироваться. Для вторичной внушаемости это утверждение не подходит. Внушаемый в соответствии с методом указанных тестов человек не гипнотизируется более легко и не подвержен гипнозу в меньшей степени, чем не внушаемый человек. Это лишь некоторые различия, наблюдаемые между двумя данными типами внушаемости. На самом деле их гораздо больше и они не оставляют никакого сомнения в том, что мы имеем дело с совершенно различными качествами.

И эти два типа внушаемости являются не единственными. Третья разновидность, которая даже не кажется коррелирующей с обеими другими, называется третичной внушаемостью и демонстрируется в тестах следующего типа. Группе людей раздаются анкеты социальной установки для отражения их мнений по различным социальным вопросам. Затем заполненные анкеты собираются и оцениваются. После этого составляется новый комплект анкет, содержащих намного больше вопросов, чем старые, но включающих и все старые вопросы. Однако в это время студентам сообщают, как на каждый из вопросов ответили некоторые авторитетные люди, например, президент Соединенных Штатов, члены местной Торговой палаты или даже их собственный профессор. Новые анкеты раздаются через три или четыре месяца. Для каждого человека с особой тщательностью разрабатываются гипотетические «авторитетные» ответы. Они даются таким образом, что в половине случаев совпадают с предыдущими ответами анкетируемого, а в половине — противоположны им. Таким образом, становится возможным измерить количество изменений, возникших в ответах в связи с представлением результатов группы авторитетных людей. Если испытуемый внушаем, то мы предполагаем, что его ответы изменятся в соответ-

ствии с ответами авторитетной группы. Это действительно происходит, и люди значительно отличаются по степени внушаемости, выявляемой подобными тестами.

Итак, мы выяснили, что существует по меньшей мере три типа внушаемости, а, возможно, о ходе дальнейших экспериментов будет обнаружено и еще несколько различных типов, совершенно не связанных с упомянутыми до сих пор. Теперь должно быть понятно, почему в наших экспериментах по рейтингам было так мало согласия между различными экспертами в определении «внушаемости» субъектов, которых они оценивали. Так происходило просто потому, что это качество внушаемости, которое можно оценить таким образом, не одно и то же. И если мы не выясним, с каким типом внушаемости имеем дело, то попадем в западню семантической путаницы. Однако прежде чем разъяснить эту семантическую путаницу, мы должны, посредством экспериментальных исследований, подобных только что описанным, разъяснить гипотезу, воплощенную в названиях качеств. Поскольку мы можем сделать это на объективной основе, то тест представляется гораздо лучшим средством, чем рейтинг или анкета.

Обсуждавшийся до сих пор метод иллюстрирует только один из способов использования объективных тестов для измерения качеств личности. Необходимо отметить, что до сих пор делается по существу следующее. Мы начинаем с общедоступного определения какого-то качества. Затем уточняем это понятие, выражаем его в терминах объективных тестов, статистически изучаем его импликации и, наконец, получаем намного более ясное и точное понятие, чем то, с которого начали. В этом отношении то, что мы делаем в области характера и темперамента, по существу похоже на то, что осуществляется в сфере способностей. Методы, используемые для выявления и измерения настойчивости и внушаемости, аналогичны методам, применяемым для выявления и измерения речевой способности, способности восприятия, памяти или умственных способностей. Читатель, знакомый с моим обсуждением этих вопросов в книге «Психология: польза и вред», без труда увидит параллель.

Но объективные тесты позволяют нам сделать значительно больше. Все сказанное до сих пор касалось того, как просто улучшить описание поведения. Не упоминалось ни о каких фундаментальных законах, управляющих поведением, ни о каких выводах из таких законов, показывающих, почему человек проявил сильную или слабую степень настойчивости, или внушаемости, или любого качества, которого мы могли бы коснуться.

Описательно мы преуспели в выявлении некоторого континуума, в котором можем оценить положение субъекта с определенной степенью точности. Хотя это и полезный первый шаг, его явно недостаточно. Как-никак, индивидуум ничего не может сделать с этим континуумом, кроме как быть в нем, а нам хотелось бы иметь возможность сделать гораздо больше. Нам интересно знать, почему данный индивидуум оказался в том положении, которое он занимает. Нам интересно знать, как он может изменить это положение. И, наконец, нам хотелось бы иметь возможность вывести все это из некоего общего закона. Задачей следующей главы и будет показать, как это можно сделать, и как мы можем прийти к более фундаментальным типам измерений. Тема слишком важна и сложна, чтобы втиснуть ее в несколько абзацев заключительной части текущей главы.

Мы не будем касаться и еще одного типа измерений, который также имеет большое значение. Это область психофизиологии, или психосоматических взаимосвязей, и в ней за последние годы наблюдаются большие успехи, достигнутые благодаря преимуществам электронных приборов, которые могут использоваться для точнейшего измерения малейших физиологических изменений, указывающих на эмоцию. Опять-таки, эта сфера также слишком сложна, чтобы сжать ее до нескольких фраз, и я попытался рассмотреть некоторые ее аспекты в одной из предыдущих глав, где шла речь о детекторе лжи, основанном по сути на этих психофизиологических взаимосвязях.

Пожалуй, в данной главе остается рассмотреть группу тестов, которые в течение последних двадцати лет распространились с удивительным размахом и настолько широко используются, что ни одна глава, посвященная измерению личности, не сможет быть полной без упоминания о них. Я имею в виду так называемые «проективные методы», которые отличаются от методов, рассмотренных до сих пор, поскольку они скорее субъек-

тивны, чем объективны, и имеют дело не с конкретными изолированными качествами, а с тем, что часто называется «целостной личностью». Типичным результатом обследований при помощи одного из проективных методов является не оценка конкретного качества или набора качеств, а описание личности, в котором делается попытка выразить общее впечатление об испытуемом и обследуемом человеке.

Современный термин «проекция» при использовании в связи с одноименными тестами представляет собой некое искажение названия. Первоначально он использовался Фрейдом для характеристики склонности приписывать внешнему миру подавленные мысли, которые не были сознательно распознаны. Предполагалось, что в результате этого подавления содержание таких мыслей переживается как часть внешнего мира. Мы уже встречались с подобным примером процесса проекции, когда рассматривали эксперимент по определению рейтинга, в котором люди, не осознававшие факта собственной жадности, «проецировали» это качество на других.

По мысли Фрейда, люди, имея полностью подавленное знание об этом предосудительном качестве в самих себе, были склонны проецировать его наружу и искали доказательств его существования в других, вопреки объективной действительности.

Это изначальное значение термина проекции более поздними авторами было значительно расширено и в настоящее время означает просто склонность индивидуума выражать свои мысли, ощущения и эмоции, осознанно или неосознанно, придавая некую структуру сравнительно бесформенной материи. Из сказанного видно, что проективные тесты коренным образом отличаются от объективных, рассмотренных до сих пор. В объективном испытании существует правильный ответ, верный или ошибочный образ действий или по крайней мере числовая мера успеха и неудачи. В проективном испытании все это исчезает. Субъекту могут показать картину и попросить написать рассказ о ее содержании, отображенной на ней ситуации, о том, как эта ситуация возникла, как она закончится, что случится с главными героями и так далее. Гипотеза, лежащая в основе метода, состоит в том, что, рассказывая историю, субъект неизбежно вызовет свои собственные надежды и страхи, свои собственные осознанные и неосознаваемые эмоциональные комплексы и тем или иным образом проявит их в рассказе. Очевидно, обратное следование от рассказанной истории до такого гипотетического комплекса, ощущения и тому подобного является весьма рискованным делом. В равной степени очевидно, что нет правильного или неправильного способа рассказывать историю. Этот метод, называемый Тематический Апперцепционный тест (ТАТ), очень широко используется. Существуют некоторое доказательство того, что по меньшей мере определенные типы мысленного содержания действительно распознаваемо выражаются в рассказанных историях. Так, в одном из экспериментов группам студентов, чьи политические симпатии были известны, показали фотографии, изображающие столкновения между полицией и забастовщиками. Затем истории, рассказанные ими об этих фотографиях, были оценены в соответствии со степенью симпатии, проявленной, соответственно, к полиции или забастовщикам. Оказалось, что результаты этих оценок в очень большой степени соотносились с определенными политическими убеждениями студентов. Иными словами, правое крыло студентов написало истории, в которых забастовщики совершали различные преступления и необдуманно сопротивлялись законным патриотически настроенным силам полиции. С другой стороны, студенты, тяготевшие к левым взглядам, написали истории, в которых жестокие и безнравственные полицейские сбивали с ног трудолюбивых людей, выступавших против невыносимой несправедливости.

Другой тест, ставший широко известным, — это так называемый тест Роршаха. В этом случае субъекту демонстрируется ряд чернильных пятен, часть из которых цветные, а некоторые — только черные и белые. Ему даны следующие инструкции: люди видят в этих пятнах все мыслимые вещи, а теперь скажите мне, что видите Вы, чем это может быть для Вас, о чем это заставляет думать Вас. При попытке интерпретации внимание обращается на четыре вещи. Первое: в каком месте карточки субъект видит что бы то ни было из того, о чем он говорит. Использует ли он всю карточку, или же видит крошечные детали где-то в углу? Это называется анализом по местоположению. Второе: эксперт пытается выявить так называемые детерминанты чернильного пятна, которые субъект использует при конструировании ответа, такие

как форма, цвет, оттенок и тому подобное. В-третьих, эксперт подробно изучает содержание ответа, то есть какого типа вещь видит субъект. И последнее, в расчет принимается обыденность или оригинальность ответа — некоторые люди дают только стереотипные ответы, другие же видят в чернильных пятнах крайне оригинальные и необычные вещи. Были разработаны различные взаимосвязи между этими различными категориями и личностными характеристиками. Так, склонность давать ответы, базирующиеся в большей степени на всей карточке, чем на ее части, предполагает указание на тенденцию делать широкие наблюдения представленного материала, тенденцию, которая, будучи гиперболизированной, указывает на человека, любящего широкие обобщения и пренебрегающего очевидными деталями. Наоборот, повышенное внимание к небольшим деталям пятна предполагает указание на привычку к более конкретному и практичному подходу. В крайних формах это предполагает указание на педантичность и одержимость скрупулезностью и осторожностью. Тенденция к преобладанию цвета при ответах указывает на поведенческую импульсивность, эксцентричность, способность к сильным эмоциональным переживаниям и, как крайний случай, на насилие и взбалмошность. Большее внимание к форме, чем к цвету, предполагает указание на разумное постоянство или интроверсию. Если же определяющими характеристиками при ответах является оттенок пятна, то это предполагает значительную степень сдержанности.

Тест Роршаха оброс настолько обширной мифологией, что в Соединенных Штатах есть общепризнанные эксперты, которые не пользуются ничем иным, а только изучают ответы, даваемые пациентами по поводу чернильных клякс.

Многие психиатры, отчаявшиеся постигнуть когда-либо сложности невротического поведения в ситуации проведения опроса, хватаются за тест Роршаха, как человек из известной пословицы хватается за соломинку, и придают его вердикту очень большое значение.

К сожалению, доказательство, касающееся его валидности, показывает, что если бы самые различные возможные диагнозы были написаны на различных гранях игральной кости, а затем эту кость бросили случайным образом, то диагноз, полученный

таким способом, был бы не намного хуже диагноза, полученного по методике Роршаха экспертом, облаченным во все свои доспехи. Чтобы проиллюстрировать правильность этого замечания, достаточно одного эксперимента, в ходе которого будущим пилотам Военно-воздушных сил Соединенных Штатов была предложена целая группа проективных тестов, включая тест Роршаха. Эксперимент продолжался несколько лет, и в конце концов были отобраны две группы: одна состояла из тех, кто явно сломался от нервных расстройств того или иного рода, а другая — из тех, кто продемонстрировал впечатляющую приспособительную реакцию, несмотря на значительный стресс. Другими словами, из одной очень большой группы людей были выбраны две группы, представляющие, соответственно, людей с наилучшей и наихудшей приспособляемостью. Затем результаты их проективных тестов были изъяты из их личных дел и переданы признанным в этой области экспертам. Им предстояло определить, какой результат предопределяет хорошую приспособляемость, а какой — плохую. Эксперты были знакомы с использованным критерием, имели опыт решения задач типа предложенной и в целом рассматривали ее как заслуживающий внимания эксперимент, в котором предполагали преуспеть. На самом же деле ни один из них в прогнозировании будущих летных качеств пилотов не добился успеха большего, чем определяемый случайностью. Их прогнозы были ошибочными при использовании и единичного теста и всех тестов вместе, и тогда, когда комбинировались всеми возможными способами. И только один-единственный результат был статистически значимым, и эта значимость состояла в его ошибочности!

Если данный результат является типичным для экспериментальных попыток обосновать действенность теста Роршаха, то читатель вправе спросить, почему тест достиг такой всеобщей известности и так широко используется. Ответ весьма непрост, но его можно предварить небольшой историей, которая проиллюстрирует некоторые механизмы в работе. Много лет назад я изучал французскую литературу и историю в Дижонском университете. Курсы посещала одна девушка из Вены. Не будь ее, мой французский мог бы быть сейчас гораздо лучшим, чем есть на самом деле. К сожалению, соотношение количества мужчин к

количеству женщин в университете было прискорбно высоким, и многие студенты-французы предлагали свои услуги в обучении этой девушки французскому и в послеурочное время. (Мне никто не предлагал улучшить мой французский!) Впрочем, она очень любила танцевать, и мне выпала удача пригласить ее на официальный бал по случаю завершения учебного семестра. Этот бал был значительным общественным событием в жизни города. По дороге на бал я, к своему разочарованию, вывихнул ногу и едва смог доковылять до места проведения торжества. Я отчаянно заставлял свой мозг искать способ заинтересовать молодую особу, не выходя на танцплощадку, и в конце концов случайно обнаружил то, что показалось мне весьма оригинальной идеей. Мы сидели за большим столом с интернациональной группой студентов, и я мимоходом упомянул, что являюсь опытным графологом и могу определить чей угодно характер по почерку. (Конечно же, я вообще ничего не знал о графологии, но отчаянная ситуация спровоцировала отчаянные меры.) Ответная реакция была, без преувеличения, чрезвычайной. Каждый стал вытаскивать из своих карманов письма и другие документы, требуя, чтобы я определил характер писавшего. Многие потихоньку выскользнули из помещения, чтобы самим что-нибудь написать и узнать, наконец, хоть что-то о своем характере.

Короче говоря, я умудрился сохранить внимание моей компаньонки на протяжении всего вечера и, вероятно, сделал для популярности графологии как точной науки намного больше, чем был способен когда-либо навредить ей в моих профессиональных работах. Около 95 процентов «клиентов» были сами поражены сверхъестественной точностью моих характеристик. Я думаю, что любой ученый, который в тот момент стал бы сомневаться в притязаниях графологии, действительно испытал бы очень большие трудности. Что же произошло?

Когда мы пишем характеристику личности, то существует ряд показателей, приемлемых для того, кому они предназначаются, хотя объективно здесь может не быть вообще никакой связи. Во-первых, существует ряд качеств, обладателями которых считает себя большинство людей, хотя в действительности они вообще могут ими не обладать. Такой пример мы уже приводили, когда отметили, что 98 процентов населения полагают, что имеют чувство юмора, превышающее средний уровень. Следовательно, если мы хотим составить описание, которое было бы приемлемым почти для каждого, то должны просто вставить высказывание вроде следующего: «У Вас очень хорошее чувство юмора». По крайней мере 98 процентов населения согласятся с нами и будут восхищаться точностью, с которой мы смогли диагностировать их почерк, или расшифровать результаты теста Роршаха, или проанализировать их результаты по Тематическому Апперцепционному тесту. Аналогичным образом, почти все люди временами чувствуют себя небезопасно, почти все они полагают, что их достоинства не всегда ценятся должным образом, что их в последнюю минуту обходят менее способные люди. Поэтому просто наполните общее описание вашей личности универсально приемлемыми утверждениями такого рода, и каждый увидит в нем свой собственный портрет. Справедливость этого была экспериментально продемонстрирована в нескольких случаях. Экспериментатор излагает своим студентам основные положения, скажем, графологов или экспертов теста Роршаха, затем просит их представить образцы своего почерка или пройти тест Роршаха. Он забирает результаты с собой, а через несколько дней вручает каждому члену группы отпечатанное изложение того, что выявил анализ теста Роршаха или образец почерка относительно характера студента. Студентам дается несколько минут на прочтение своих характеристик, а затем их спрашивают, являются ли эти характеристики точным описанием их личностей. Обычно 90—95 из ста поднимают руки. Далее экспериментатор просит кого-нибудь из них прочесть вслух свою характеристику. И тут все остальные понимают, что каждый из них получил одно и то же описание личности и что все, с чем они согласились как со своими чертами, на самом деле является полным набором качеств, применимых практически к каждому!

Вторым фактором, работающим в пользу анализа, является неопределенность и двусмысленность используемых терминов. Люди, чей характер анализируется, почти неизбежно выбирают то значение термина или фразы, которое они считают применимым к самим себе, забывая обо всех других его значениях, может быть, не столь популярных. Эти два фактора особенно сильно работают в случаях невротических и психотических пациентов,

для обследования которых наиболее часто применяется тест Роршаха. В каждом случае можно смело сказать, что пациент встревожен или подавлен. Если это не так очевидно, то всегда можно доказать, что некоторые другие симптомы действуют как защита против беспокойства, которое, таким образом, остается неосознанным. Эта политика по принципу «я выигрываю головы, ты проигрываешь хвосты», так характерная для психоанализа в целом, триумфально применяется экспертами теста Роршаха и затрудняет любую экспериментальную проверку их догматов.

Таким образом, мы должны целиком и полностью исключить описание личности как приемлемое каким бы то ни было образом доказательство точности методов проективного типа. Мы можем увидеть, почему графологи, хироманты и прочие самозваные ученые так преуспевают в мистификации публики, и почему астрологи до сих пор могут убеждать более доверчивых членов общества в своих оккультных силах.

Если мы исключаем характеристику личности, то с чем остаемся? Часто используется другой метод, ставший известным под названием «метод согласования». В этом случае предпринимается попытка исключить множество источников ошибок, присущих простой оценке описания личности. Вот что делается вместо этого. Скажем, пятерым пациентам предлагается пройти тест Роршаха. Затем их результаты анализируются, и полученные таким образом описания личностей передаются другому эксперту, у которого также имеются выписки из истории болезни тех же пятерых человек. Далее, его задача состоит в согласовании выписок и характеристик личности. Если он успешно справляется с заданием, то это доказывает, что описание личности некоторым образом справедливо, в противном случае, как могло бы быть получено правильное согласование?

К сожалению, этот метод также подвержен такому множеству источников ошибок, что является практически бесполезным. Очень часто имеется возможность получить из записи некоторые биографические данные, сведения о воспитании, показатели умственных способностей человека, которые могут служить его идентификации, но которые совершенно не зависят от результата теста. Так, в одном из экспериментов, касавшемся графологии, который я выполнял сам, субъекта просили переписать вопросы анкеты, на которые он должен был и ответить. Затем ответы отрезались, и образец почерка предоставлялся эксперту. Один из субъектов, нумеруя вопросы, пропустил номер 13, и поставил вместо него 12а. Эксперт определил его как «суеверного», и тот был правильно согласован вследствие одного этого прилагательного.

Другой субъект при подобном изучении по Роршаху дал много анатомических ответов и был правильно идентифицирован как студент-медик, единственный из пяти человек.

В изучениях подобного рода требуется, чтобы согласование делалось не только экспертом-графологом или специалистом по тесту Роршаха или по Тематическому Апперцепционному тесту, но также высокоинтеллектуальным человеком, который знаком с правилами интерпретации этих тестов. В ряде экспериментов я выяснил, что такой независимый наблюдатель, целиком и полностью полагаясь на внешние подсказки упомянутого вида, в действительности достиг гораздо большего успеха в точном согласовании, чем эксперты по Роршаху и графологии! Без контрольных экспериментов такого рода согласование не является надежным средством, чтобы использоваться в качестве доказательства.

Все, что было сказано о методе Роршаха, почти таким же образом применимо к другим проективным методам, применявшимся в разное время. Поскольку читатель может заинтересоваться типами использовавшихся методов, некоторые из них я перечислю.

Аудиальный вариант Тематического Апперцепционного теста, так называемый таутофонный тест, или «вербальный сумматор». Этот тест состоит в том, что субъекту не очень громко и на некотором расстоянии воспроизводится запись грампластинки, на которой повторяется серия конкретных наборов гласных звуков. Таким образом создается иллюзия, будто он слышит человеческую речь. Инструкция предписывает субъекту сообщить, что говорит человек на пластинке, если это можно понять. Затем результат субъекта подробно анализируется.

Еще один метод, довольно похожий на Тематический Апперцепционный тест, представляет собой изложение историй. В этом случае субъекта просят рассказывать истории об описан-

ных ему людях или ситуациях, или даже о музыкальных отрывках или запахах, которые используются для стимуляции фантазии. В качестве альтернативы может быть предложено начало истории, а субъекту предлагается закончить ее.

Несколько более аналитичным типом является тест незаконченных предложений. Субъекту дают начала некоторых предложений и просят дописать их окончания. Несколько начальных слов используемых предложений приведены ниже:

Мой герой.......

Я беспокоюсь о......

Меня раздражает.....

Мне стыдно, когда.....

Мне не хватает......

Мой отец привык.....

Люди вокруг.....

В этих случаях в той или иной степени предполагается, что написанное субъектом продолжение выявит какие-то его отношения, страхи и комплексы.

Еще одним так называемым проективным методом является анализ почерка, при котором используются различные характеристики почерка человека, чтобы получить описание его личности. Так, предполагается, что, например, тревога будет выражаться узкими промежутками между словами, строками; начало строк до предела сдвинуто влево, поле отсутствует; наклоны и завитушки направлены влево; сильный нажим или периодическое отсутствие нажима; медленная манера письма и мелкий почерк с неожиданными резкими потерями высоты. Несмотря на существование слабого доказательства, что графология может заслуживать изучения в будущем, в настоящее время она определенно не может считаться ни надежным, ни достоверным методом. Черчение, рисование, игра — все может использоваться в качестве проективных методов. Производятся интерпретации детских набросков или рисунков, изображающих совершенно спонтанные или определенно узнаваемые объекты, например, дерево, или дом, или человек. Подобным образом в стандартной ситуации может анализироваться игра, когда субъекта снабжают набором кукол, представляющих отца, мать, малыша и так далее. Если, например, ребенок засовывает голову куклы-отца в туалет, то это может интерпретироваться как обозначение агрессивных чувств по отношению к отцу!

Главное, что приходит в голову по поводу всех проективных методов, кроме того, что обычно не делается никакой попытки показать их реальность как показателей личности, и того, что «экспертами», использующими эти приемы, совершенно не принимаются во внимание отрицательные результаты, так это тот факт, что все они кажутся основанными на логической ошибке. Довод, обычно приводимый в их пользу, подобен следующему: все из того, что мы делаем, определено осознанными или неосознаваемыми изменениями психики того или иного рода. Согласно этой базовой «динамической» теории, все, что мы делаем, можно использовать для обратного доказательства причинных факторов, ответственных за наше действие. Будь это так, то наилучшими методами диагностирования личности были бы, очевидно, те, которые дают наибольшую свободу выбора в структурировании нашего окружения. Это с учетом того соображения, что истории, рисунки, интерпретация теста Роршаха и так далее рассматриваются как вещи, заслуживающие внимания.

Этот аргумент привлекателен для многих людей, поскольку его главная посылка, вероятно, достаточно правильна. Конечно, явно убедительного доказательства нет, однако будет резонно предположить, что большинство наших основных действий формируется по определенной причине или что эта причина в некотором смысле выявляет нашу личность. Из того, что почти все действия, изучаемые экспертами посредством проективных методов, порождаются свойствами личности и диагностируют их, не следует, что мы способны провести обратное доказательство от конечного продукта к причинному механизму. Пожалуй, наилучшим образом я смогу объяснить это при помощи несколько необычного примера.

Часто говорят, что спортивные автомобили «Ягуар» покупаются спортивными молодыми людьми. Другими словами, покупка спортивного автомобиля «Ягуар» рассматривается как вид проективного теста, в котором находит проявление своих различных характеристик личность нашего «спортивного молодого человека» в скорости, мощи и т.д. этого особенного автомобиля.

Давайте предположим, что данный аргумент правилен. Эксперт по проективным методам заявляет, что мы можем провести обратное доказательство от покупки спортивного автомобиля «Ягуар» к обладанию этими различными психологическими особенностями. Однако логически это будет справедливо лишь в том случае, если мы сможем сказать, что *только* спортивные молодые люди покупают автомобили «Ягуар». При этом вполне возможно и действительно правдоподобно, что люди многих других типов по многим другим причинам также покупают спортивные автомобили «Ягуар», делая полностью несостоятельной инверсию исходного доказательства. Размышляя о сравнительно ограниченном круге моих знакомых, купивших спортивные автомобили «Ягуар», я обнаружил следующие причины покупки. Первый из них был американским бизнесменом, который, предпочитая более традиционный семейный автомобиль, говорил, что цена перепродажи спортивного автомобиля в Соединенных Штатах намного выше той же цены британского семейного автомобиля. Еще один бизнесмен купил его потому, что был коммивояжером, и ему приходилось очень быстро передвигаться по стране, а также совершать длительные поездки на континент, где он считал скорость неоценимой. Третий купил «Ягуар», для того чтобы произвести впечатление на свою подругу. По-видимому, существует множество причин, по которым человек может купить конкретный автомобиль, причин, которые могут сделать крайне рискованным обратное доказательство от покупки до личности человека.

Однако совершенно точно, что это логически ошибочное доказательство лежит в основе всех проективных методов. Делается заявление, что поскольку человек с сильными эмоциями выбирает использование цвета в своей интерпретации теста Роршаха, то, следовательно, человек, выбравший в качестве интерпретации цвет, должен обладать сильными эмоциями. Даже если первая часть доказательства верна, что вовсе не так, то из этого никоим образом не будет следовать вторая. Существует множество других причин, по которым человек может быть особенно восприимчив к цвету и которые, если принять их во внимание, могут привести к совершенно другим взглядам на его личность. Вкратце, эксперты по проективным методам очень

напоминают известную историю Тартарена из Тараскона. Знакомые с классикой Доде вспомнят, что Тартарен был величайшим охотником этого прелестного маленького городка в *Миди*. Поскольку, к сожалению, в окрестностях не было животных, на которых можно было охотиться, то все, что могли делать тарасконцы, выйдя ясным солнечным утром из укрытия, так это подбрасывать вверх свои шапки и стрелять по ним. Выигрывал тот, кто проделывал наибольшее количество отверстий в своей шапке. Тартарен, не удовлетворенный своей репутацией, приобретенной таким образом, хотел расширить поле своей деятельности и отправиться в Африку охотиться на львов. Чем больше он говорил об этом и чем явственнее описывал подвиги, которые собирался совершить, тем больше становился уверенным в том, что он действительно там был, и что описываемые подвиги были совершены на самом деле. Его давнишний городской приятель подпал под то же самое проклятье, но в конце концов оно было разбито и он смог превратить свой великий план в реальный факт.

Его приключения в Африке были многочисленными и разнообразными. Но, пожалуй, самым значительным из них было то, что он ухитрился подстрелить слепого, старого и шелудивого льва, которого арабы использовали почти так же, как нищие используют собаку, держащую перед прохожими шапку, чтобы в нее бросали монетки. Шкура этого жалкого животного была содрана и отправлена в Тараскон. Когда, наконец, путешественник вернулся в сопровождении верблюда, которого он каким-то образом умудрился приобрести, то был восторженно встречен горожанами, превратившими эту плешивую, побитую молью шкуру в символ славной победы над сотнями коварных и опасных царей пустыни.

Почти таким же образом эксперты по проективным методам начали с придания особого значения способам, которые обеспечили бы реальный смысл их методам. Постепенно они убедили себя и тех, кого смогли заставить себя слушать, что доказательство уже достигнуто. Однако, когда пришло понимание того, что ничего подобного на самом деле не произошло и они вынуждены искать ясное и осязаемое доказательство, то они бесстыдно выставили лишь «побитые молью» и бесполезные

данные, основанные на логических ошибках, совершенно лишенные даже самого элементарного контроля, необходимого в исследованиях такого рода.

Личность и обусловливание

Эта глава посвящена ряду экспериментов и теорий, появившихся благодаря человеку, который был, пожалуй, величайшим психологом в короткой истории этой науки. Сам Павлов, и это довольно курьезно, считал себя физиологом и в целом был чрезвычайно низкого мнения о психологии. Тем не менее основной вклад он внес, по всеобщему мнению, именно в психологию, а физиологические теории ученого были весьма холодно встречены его собратьями-физиологами.

Многие люди кое-что слышали о его работах, а изначально введенный и определенный им термин «обусловливание» стал довольно широко известным, хотя истинная важность его исследований редко понимается полностью, и даже среди психологов в этом отношении часто встречаются неправильные представления. Совершенно потрясающее резюме этих неправильных представлений можно найти в произведениях Б. Шоу, в частности в книгах «*Everybody's Political What's What*» и «*The Black Girl in Search of God*».

То, что говорит Шоу, интересно, хотя в действительности это почти полная бессмыслица. Интересно потому, что показывает, как высокоинтеллектуальный человек может совершенно не понимать целей и результатов научных экспериментов. Это отсутствие понимания научной методологии и цели будет поразительным для каждого имеющего даже весьма скромную научную базу, но заслуживает серьезного восприятия вследствие широкой распространенности.

Каков же аргумент Шоу? Для него Павлов — «король псевдонаучных простаков». Все, что он сделал, так это «посвятил двадцать пять лет свой жизни экспериментам над собаками, чтобы определить для своей теории, увлажняются ли их рты, и если да, то насколько (выраженные в каплях слюны), при возникновении определенных ощущений, таких как вид или запах пищи, при определенных словах или звуках, при определенных прикосновениях или виде определенных людей или объектов».

Таким методом Павлов открыл, что навыки, или «условные рефлексы», могут порождаться ассоциацией. «Это замечательное открытие, — так, согласно Шоу, говорит Павлов, — стоило мне двадцати пяти лет, посвященных исследованиям, в течение которых я иссекал мозг бесчисленного количества собак и наблюдал за их слюной, стекающей через проделанные в их щеках отверстия для слюноотделения, вместо того чтобы дать слюне стекать по языку». — «Почему вы не спросили меня? — сказала девочка из произведения Б. Шоу. — Я смогла бы рассказать вам это за двадцать пять секунд и надо было бы резать бедных собак». — «Твои невежество и самоуверенность невозможно выразить словами, — отвечает ей Павлов словами Шоу. — Конечно, этот факт был известен каждому ребенку, но он никогда не был доказан экспериментально, в лаборатории, и, следовательно, он вообще не был научно известным фактом. Он пришел ко мне как примитивная догадка, а вышел от меня как наука».[1]

[1] То, что некоторые данные об обусловливании были известны до работ Павлова, конечно, не подлежит сомнению. В качестве примера мы можем, пожалуй, привести цитату из пьесы известного испанского драматурга Лопе де Вега «Капеллан де ла Вигрен», написанной около 1615 года. Вот несколько вольный перевод одного эпизода: «Святой Ильдефонсо бранил и наказывал меня множество раз. Он заставлял меня сидеть на голом полу и есть вместе с монастырскими котами. Эти коты были настолько жестокими, что стали главным моим наказанием. Они сводили меня с ума, воруя лучшие куски еды. Прогнать их было невозможно. Но я нашел способ совладать с этим зверьем, чтобы иметь возможность наслаждаться пищей во время наказания. Я засунул их всех в мешок, и темной, как деготь, ночью отнес под арку. Сначала я кашлянул и тотчас же выпорол котов. Они завыли и завизжали, как адский орган. Я сделал небольшую паузу и повторил процедуру — сначала кашель, а затем порка. Наконец, я заметил, что даже без битья эти скоты выли и визжали, как сам дьявол, всякий раз, когда я кашлял. Тогда я выпустил их. После этого каждый раз, когда я должен был есть на полу, я оглядывался вокруг. Если животное приближалось к моей пище, то мне нужно было только кашлянуть, и — как же этот кот давал деру!»

Мы можем выбросить из аргументации Шоу его эмоциональную навязчивую идею о мнимой жестокости Павлова к собакам, а также слегка снисходительное отношение к его работам, подразумевающее, что если бы он, Шоу, смог на несколько недель оставить свои важные дела и наставить Павлова на истинный путь, то все было бы в полном порядке. Если отбросить эти ложные отвлекающие маневры и риторическую напыщенность, которые Шоу использует, для того чтобы сплести аргумент, то по сути говорит он следующее: «Павлов открыл, что два события, происходя одновременно, связываются в мозгу человека или собаки и что таким образом создаются навыки. Этот факт известен каждому, однако Павлову потребовалось двадцать пять лет, чтобы доказать его. Какими же глупцами бывают эти ученые!».

Точно так же кто-то может перечеркнуть вклад, сделанный Ньютоном в физику. Мог бы последовать аргумент вроде этого: «Предметы, лишенные опоры, стремятся упасть на землю. Это известно каждому, но Ньютону потребовалось двадцать пять лет на доказательство этого факта». Большинство людей смогут понять слабость подобного аргумента. Точно такая же слабина содержится и в аргументации в отношении Павлова. Конечно, все мы знаем, что предметы падают на землю, но немногие из нас знают законы, в соответствии с которыми они это делают. Мы все знаем, что навыки формируются, но немногие из нас в точности знают, как они формируются и как могут быть утрачены. Наше смутное знакомство с некоторыми явлениями природы едва ли может означать, что научное изучение этих явлений не является необходимым. Здравый смысл может туманно осознавать, какого рода вещи происходят, но наука требует большего. Она требует описания и объяснения. Эти два термина и то значение, которое они имеют в науке, настолько важны, что краткое их обсуждение представляется необходимым.

С принципиальной точки зрения, описание и объяснение не следует рассматривать как целиком и полностью различные процессы. Как мы объясняем причину падения всех предметов на землю? Мы объясняем ее в терминах теории тяготения. Как мы обнаруживаем закон тяготения? Мы открываем его путем подробного «описания» предметов, падающих на землю. Объяснение — это просто обращение от отдельных фактов к общим законам, которые в свою очередь выведены из детального наблюдения и описания отдельных фактов. С точки зрения здравого смысла эти отдельные факты могут быть известны, и здравый смысл может быть даже способен сделать некоторые расплывчатые обобщения. Но для ученого этого недостаточно. Описания при помощи здравого смысла выражаются скорее словами, чем числами, и не принимают в расчет множество возможных источников ошибок. Обобщения, сделанные с помощью здравого смысла, туманны, интуитивны и часто противоречивы. Стоит лишь сравнить обобщение, сделанное посредством здравого смысла — «лишенные опоры предметы стремятся упасть на землю», с реальной формулой, описывающей поведение падающих тел, в виде $\frac{1}{2}gt^2$, чтобы понять огромную разницу между концепциями и объяснениями в первом случае и научными законами и формулами — во втором.

Главное различие между описанием и объяснением состоит, таким образом, в свободе и широте. Описание, по сути, относится к отдельным явлениям. Объяснение выражается в терминах законов, выведенных из множества отдельных явлений и применимых буквально к бесконечному числу последующих отдельных событий. Это те законы, которых всегда стремится достичь наука, и продвижение вперед в этом направлении представляет величайшую важность в ее развитии. На пути к открытию таких законов и обобщений часто бывает необходимо также создавать или открывать некоторые концепции необычно абстрактного характера. Ньютоновская сила тяготения была именно такой концепцией. Павловское «обусловливание» — еще одна такая же концепция. Эти выражения имеют отношение не к реальным наблюдаемым объектам или событиям, а к гипотетическим конструкциям, которые облегчают рассуждения о наблюдаемых событиях и которые можно ввести в наши уравнения, описывающие и «объясняющие» поведение объектов, животных или людей.

Данное понятие объяснения с помощью ссылки на общие законы будет расходиться с совершенно отличающимся понятием, которое часто встречается и которое особенно подходит для психологических явлений. Мы часто думаем, будто «объяснили» чье-

то поведение, если смогли выяснить, что оно некоторым образом похоже на то, с которым мы уже были наглядно знакомы. Так, все мы хорошо знаем, что такое чувство раздражения и желание ударить того, кого мы считаем виновным в нем. Поэтому, когда мы видим, как один человек бьет другого, а потом узнаем, что этот другой стал причиной раздражения индивида, чью агрессивность мы пытаемся объяснить, то чувствуем, что у нас есть полное объяснение ситуации. «Он был раздражен, — говорим мы, — и поэтому сбил с ног парня, который вывел его из себя». Вообще же это ни в коем разе не объясняет того, что произошло. Люди часто бывают раздражены, но не бросаются при этом в драку. Почему же тогда в этом частном случае агрессивное действие произошло, а в другом — нет? Мы можем сказать, что в одном случае раздражение было сильнее, чем в другом. Но если спросить, откуда мы это знаем, мы можем лишь предположить, что это должно быть именно так, поскольку в одном случае насилие произошло, а в другом — нет. Обоснование подобного типа явно не удовлетворительно. Всякое научное объяснение является циклическим, а в этом случае это не так. Наше возражение относится к тому, что круг слишком узок и мал; ни в одной из точек у нас нет общих концепций или законов, проникновение в которые определяется *объективно и независимо от фактов, которые они призваны объяснить.*

Закон тяготения выводится из наблюдения над падающими телами и в свою очередь используется для объяснения их поведения. До этого момента аргумент должен быть признан циклическим, но в объяснении скорости, с которой падает кирпич (который я сбросил с крыши больницы Мадсли на теннисный корт), я не могу использовать никаких данных, полученных на основании исследования этого конкретного кирпича. Я обращаюсь к общему закону, открытому триста лет назад, когда Галилей бросал различные предметы с «падающей» Пизанской башни. Однако объясняя агрессивное поведение человека на основании степени его раздражения, я пользуюсь его реальным поведением для указания этой степени. Здесь нет общего закона, а просто формулировка вопроса. В качестве иллюстрации приведу пример того, как мы можем перейти от общераспространенного обывательского вида психологического объяснения, который Павлов и его последователи часто называют менталистским, к более фундаментальному и научному объяснению, ставшему возможным благодаря работам Русской школы.

Вы у дантиста. Бор сверлит один из ваших коренных зубов и внезапно задевает нерв. Вы сжимаете ручки кресла со всей силой, на которую способны, и замечаете, будто боль слегка ослабела. Это реакция по крайней мере некоторых людей. Другие могут пытаться отвлечься, щипая свои бедра, вонзая ногти в ладони или даже решая в уме сложные задачи по сферической тригонометрии. Опять же, быстро приходит в голову объяснение с точки зрения здравого смысла. Наше сознание, как сказано выше, отвлекается от боли, и поэтому мы ощущаем ее не так остро. Чем сильнее отвлечение, тем больще ослабевает боль. Откуда мы знаем, какое отвлечение больше, а какое — меньше? Мы просто замечаем степень ослабления боли. Это просто другой пример циклического обоснования, в котором явно отсутствует какой бы то ни было общий термин. Ослабление боли приписывается отвлекающим раздражителям, а сила отвлекающих раздражителей измеряется ослаблением боли. Такую теорию невозможно ни доказать, ни опровергнуть, поскольку не существует независимого подтверждения. Что же, в таком случае, мы можем сделать, чтобы уйти от этой умственной интерпретации и прийти к теоретической формулировке, способной выработать широкое обобщение и подчиняющейся обычному процессу научного доказательства?

Мы можем начать с совершенно общего закона, открытого Павловым и названного им «отрицательной индукцией». (На самом деле, если быть абсолютно точным, первое упоминание о таком законе принадлежит немецкому психологу и физиологу Герингу, но этот закон в его теории не играл никакой значительной роли, и он никогда не использовал его столь систематизированно, как это делал Павлов.) Под отрицательной индукцией Павлов имел в виду доказуемый факт того, что положительный раздражитель (стимул), приложенный к одному участку мозга, может вызвать торможение деятельности других его участков. Для демонстрации этого факта он использовал, как определяющий, эксперимент следующего типа. Собака была «обусловлена» отвечать потоком слюны на метроном, отсчитывавший

120 ударов в минуту. Под выражением «собака была «обусловлена» подразумевается непосредственно следующее. Собака стоит на столе в звуконепроницаемой комнате, зафиксированная ремнями, которые не позволяют ей спрыгнуть со стола. Находящийся вне комнаты экспериментатор может воздействовать на собаку различными раздражителями. Он может наблюдать за животным через экран, прозрачный только с одной стороны, оставаясь невидимым для собаки. Посредством электрической передающей системы он может подчитывать количество капель слюны, выделяемой собакой. Когда экспериментатор запускает метроном, можно видеть, что собака смотрит на источник звука, но слюна при этом не выделяется. Следовательно, метроном представляет собой то, что можно назвать нейтральным раздражителем, то есть он не вызывает рефлекс, являющийся предметом измерения. После нескольких повторений собака перестает даже смотреть на метроном и совершенно привыкает к его присутствию. Теперь животному, которое не кормили несколько часов, предлагается кусочек пищи. Наблюдается значительное слюноотделение. Это значит, что пища является необусловленным раздражителем, то есть раздражителем, который порождает отклик или ответ без тренировки. (Правильным переводом терминов Павлова будет скорее «условный» и «безусловный», чем «обусловленный» и «необусловленный». То, что мы называем обусловленным ответом, представляет собой ответ, обусловленный тренировкой или обучением; то, что мы называем необусловленным ответом, — это ответ, не обусловленный тренировкой. Точно так же необусловленный раздражитель — это такой раздражитель, который вызывает эффект без промежуточного периода тренировки.)

Теперь начинается процедура обусловливания. Производится ряд тренировочных попыток, во время которых звук метронома сопровождается кормлением собаки сравнительно небольшим количеством пищи. Примерно после десяти попыток метроном включают, тогда как пища не предлагается. Выясняется, что метроном приобрел некоторые свойства необусловленного раздражителя, поскольку теперь, как только его включают, следует слюноотделение. Дальнейшие тренировочные попытки увеличивают силу ассоциации, до тех пор пока в конце концов слюноотделение, вызываемое исключительно метрономом, не начинает продуцировать такое же количество капель слюны, как и предоставление пищи. Прежде нейтральный раздражитель, то есть метроном, будучи объединенным в пару с необусловленным раздражителем — пищей, сам становится обусловленным и вызывает рефлекс слюноотделения.

Теперь мы можем последовать за экспериментом Павлова по отрицательной индукции. Собаке, которая была обусловлена метрономом, теперь добавляется другой нейтральный раздражитель (скажем, звонок), каждый раз подкрепляемый кормлением. После ряда таких попыток при включении звонка выделяется четыре капли слюны. Теперь, только в течение одной попытки, собака раздражается сначала метрономом (вместе с пищей), а затем — звонком. На этот раз звонок не сопровождается вообще никаким слюноотделением. Другими словами, наличие сильного положительного обусловленного раздражителя тормозит появление сравнительно более слабого обусловленного ответа, связанного с другим раздражителем. Значит, это — пример отрицательной индукции, или затормаживания деятельности в одном участке мозга, вызванного деятельностью в другом участке. Теперь давайте применим эту концепцию к креслу дантиста. Когда начинается сверление, пациент применяет сильный раздражитель (стискивание ручек кресла, щипание самого себя или обдумывание каких-то сложных проблем). Согласно закону отрицательной индукции, мы предполагаем, что этот новый раздражитель вызовет торможение в остальной части мозга и, таким образом, ослабит боль от сверла дантиста.

В ответ читатель может возразить, что это объяснение чисто анекдотическое и не представляет ничего, кроме аналогии. Такое возражение совершенно резонно и правильно, но оно не учитывает одной существенной детали. Теперь мы находимся в том состоянии, когда можем перенести нашу проблему в лабораторию, количественно определить рассматриваемые переменные и провести экспериментальное испытание адекватности нашего объяснения. Сделанное нами заявление — это просто гипотеза. Теперь мы в состоянии продолжить доказательство правильности различных выводов, которые можно сделать из этой гипотезы.

Прежде всего мы должны количественно выразить рассматриваемые переменные. Очень трудно измерить боль, причиняе-

мую сверлом дантиста, — во всяком случае, она постоянно изменяется. Так же трудно измерить силу сжатия, прикладываемую к ручкам кресла гипотетическим субъектом нашего примера. Поэтому давайте заменим сверло дантиста психологическим пыточным прибором — долориметром, который измеряет боль в единицах, называемых долами. По существу он состоит из светового луча, фокусируемого при помощи системы линз на лбу субъекта эксперимента. Увеличивая силу света, экспериментатор увеличивает также и количество генерируемого тепла, и световое пятно на лбу субъекта начинает вызывать чувство тепла. В конце концов это тепло вызывает ощущение боли. Далее эта боль может увеличиваться до тех пор, пока экспериментальное исследование не будет завершено, или же пока субъект не решит, что психологические исследования не для него! Количество тепла на лбу субъекта можно измерить с большой точностью, поскольку оно пропорционально силе тока, питающего прибор. Итак, о количественном выражении болевого раздражителя достаточно.

Сжатие ручек кресла можно легко заметить сжатием динамометра. Как я уже описывал, он состоит из стальной пружины, которая сжимается субъектом. К этой пружине присоединена шкала со стрелкой, указывающей степень приложенного воздействия, количественно выражаемого тормозящим раздражителем.

Наконец, мы должны каким-то образом количественно выразить и олицетворить весьма субъективное понятие боли. Поскольку мы должны полагаться на нашего субъекта, всякий раз, когда раздражитель становится болезненным, произносящего «О! Ох!» или что-то в этом роде, то всегда можно возразить, что, пожалуй, он не в должной мере принимается во внимание или что его реакцию определяют другие субъективные источники ошибки. К счастью, существует несколько объективных показателей, указывающих точный момент, когда начинает ощущаться боль. Одним из них является психогальванический рефлекс, который я довольно подробно описывал в предыдущей главе. Однако в связи с этим более полезным представляется так называемый зрачковый рефлекс. Когда человеку причиняется боль, его зрачки рефлекторно расширяются. В эксперименте с долориметром было выяснено, что небольшое расширение зрачков может проявляться *непосредственно перед* тем, как субъект сообщает о первых признаках боли. Иными словами, в этом случае мы имеем объективный индикатор болевого порога индивидуума в любой момент времени.

Теперь мы готовы к нашему эксперименту. Субъект сидит за столом, его лоб зачернен жженой пробкой. Долориметр испускает лучи относительно низкой интенсивности, так что субъект чувствует скорее тепло, чем боль. В то же самое время кинокамера, сфокусированная на его глазах, снимает на пленку его зрачки. Затем ток через долориметр увеличивают, до тех пор пока экспериментатор не отметит, что зрачки субъекта расширяются. Эксперимент прекращается, пленка проявляется, и определяется точный момент, когда зрачки субъекта начали расширяться. Затем этот момент сопоставляется с установками долориметра, и мы получаем, таким образом, оценку болевого порога субъекта, то есть точное значение количества теплоты, требующегося для того, чтобы вызвать ощущение боли. Чтобы получить надежную оценку, берут несколько показаний, но метод определния болевого порога в точности такой же.

Теперь вся процедура повторяется, но с одним важным отличием. На этот раз субъекту требуется растянуть динамометр со сравнительно небольшим усилием, скажем, эквивалентным десяти фунтам. Снова делается ряд измерений его болевого порога. Из существующей теории следует, что вследствие отрицательной индукции теперь болевой порог должен быть выше, то есть субъект будет способен вынести немного большую степень нагрева (а следовательно, и большее количество тепла) без появления зрачкового рефлекса, указывающего на боль. Было обнаружено, что это действительно так, и эксперимент повторяется, с каждым разом увеличивая силу растяжения динамометра. Нагрузка в десять фунтов сменяется нагрузкой в двадцать, затем в тридцать, затем в сорок и наконец — в пятьдесят фунтов. Теория каждый раз предсказывает возрастание болевого порога субъекта, и каждый раз это возрастание на самом деле регистрируется. По окончании эксперимента мы можем построить график функции, показывающей зависимость возрастания болевого порога от силы растяжения динамометра, или, словами Павлова, «количество отрицательной индукции как функцию данного положительного раздражителя». Таким способом мы можем численно определить переменные, с

которыми имеем дело, изучить функциональные взаимосвязи между ними и демонстрировать адекватность наших теоретических формулировок, для того чтобы обсуждать явления подобного типа. Преимущество над менталистским объяснением в терминах понятий вроде «внимание» и «отвлечение» очевидно.

В объяснении, которое мы дали для явлений внимания и отвлечения, концепция отрицательной индукции использована так, как будто в этом случае невозможно провести какой-то иной анализ. Однако это не так. В действительности Павлов продвинул дело еще на один шаг вперед, но, прежде чем мы сможем обсудить его теорию возбуждения и торможения, следует рассмотреть еще одну серию экспериментов, которая привела его к постулированию существования этих двух крайне важных свойств коры головного мозга. Это даст нам не только лучшее понимание описывамых экспериментов, но еще и приведет непосредственно к объяснению некоторых крайне важных определяющих факторов личностных различий.

Итак, давайте вернемся назад, к начальным экспериментам по обусловливанию, в которых собака становится обусловленной нейтральным раздражителем, объединенным в пару с раздражителем необусловленным. Что же представляют собой условия, при которых формируется обусловленный рефлекс? Прежде всего, животное должно быть здорово. У собаки, которая не очень хорошо себя чувствует или испытывает боль, нормальные обусловленные рефлексы будут формироваться с трудом, в том числе, возможно, и из-за отрицательной индукции. Собака должна находиться в настороженном состоянии: вялая или сонная, она может даже не заметить нейтрального раздражителя и, следовательно, не свяжет его с пищей. Собака должна быть голодной: в состоянии пресыщения даже пища не будет вызывать слюноотделение, и поэтому надежда на то, что это сможет сделать нейтральный раздражитель, весьма мала. Должны отсутствовать сильные беспокоящие раздражители — в противном случае отрицательная индукция будет затормаживать формирование обусловленного рефлекса. Обусловленный раздражитель не должен быть сильным или необычным, иначе он сам будет формировать отрицательную индукцию и, следовательно, затормаживать формирование обусловленного рефлекса.

И наконец, внешний раздражитель, который должен стать сигналом для обусловленного рефлекса, должен совмещаться по времени с действием необусловленного раздражителя. Другими словами, будет неправильным сначала запустить метроном, затем остановить его, а спустя десять минут дать собаке пищу. Не будет также никакой пользы, если сначала дать собаке пищу, а затем включить метроном.

Впрочем, из этого общего правила есть одно исключение, однако оно является очень важным, поскольку показывает, как может быть установлена целая цепь обусловленных рефлексов. Предположим, что мы обусловили нашу собаку выделять слюну на звук метронома. Теперь мы хотим заставить ее выделять слюну всякий раз, когда включаем перед ее глазами тусклый свет. Было бы легко достигнуть этого, совместив свет с раздражением пищей. Но это можно сделать и не устанавливая какой бы то ни было связи между светом и пищей. Метод заключается в следующем. Свет сначала включается, а через несколько секунд — выключается, затем запускается метроном. После ряда повторений этой ассоциации между светом и метрономом свет сам по себе вызывает слюноотделение. Это называется установлением вторичного обусловленного рефлекса, или рефлекса второго порядка. Было доказано, что можно идти в этом направлении дальше и устанавливать обусловленные рефлексы еще более высоких порядков. Так, мы можем обусловить собаку отвечать слюноотделением на звонок, объединив, по описанному выше способу, звонок со светом. Таким образом, через установление обусловленных рефлексов высших порядков сеть связей в коре головного мозга может стать чрезвычайно сложной.

Какой раздражитель можно использовать для формирования обусловленного рефлекса? Перечень практически бесконечен. Это может быть любой существующий в природе фактор, который воздействует на рецептор любого органа. Этот раздражитель может изменяться как угодно, то есть громкость звука может возрастать или яркость света — уменьшаться. Это может быть любая комбинация раздражителей, например, звук звонка *и* включение света, а также исчезновение раздражителей, например, выключение света или звонка. Это может быть просто проме-

жуток времени; так, при кормлении собаки каждые полчаса у нее будет с течением времени начинаться слюноотделение незадолго до того момента, как ей должны дать пищу. Но особенно интересен другой тип раздражителя, известный как «следящий рефлекс», который очень важен потому, что расширяет диапазон, в котором может работать обусловленный рефлекс. Так, собаку можно обусловить промежутком времени между моментом применения раздражителя и получением вознаграждения, то есть пищи. Если мы обусловливаем собаку звонком, применяемым одновременно с ее кормлением, устанавливая, таким образом, обусловленный рефлекс на звонок, то можем трансформировать его в следящий рефлекс, постепенно увеличивая промежутки времени между звонком и кормлением собаки. Следовательно, следящий рефлекс расширяет возможное действие обусловленности по времени, тогда как вторичный обусловленный рефлекс расширяет его с точки зрения различных раздражителей.

Необходимо отметить один метод расширения диапазона деятельности обусловленного рефлекса. Предположим, что мы обусловили собаку выделять слюну на звук, издаваемый камертоном, колеблющимся с частотой 1000 колебаний в секунду. Предположим, что теперь мы заставили звучать другой камертон с частотой 800 колебаний в секунду. Будет ли собака выделять слюну? Кто-то может утверждать, что она была обусловлена звуком и, следовательно, должна выделять слюну. Еще кто-то также может сказать, что она была обусловлена конкретным звуком, а поскольку существующий теперь звук — другой, то она не должна выделять слюну. На самом же деле собака будет придерживаться не принципов, а компромисса между этими двумя крайностями. Она будет выделять слюну, но несколько слабее, чем в ответ на звук усвоенной высоты. Достаточно общим является то обстоятельство, что чем больше сходство между обусловленным раздражителем и раздражителем, применяемым к собаке, тем большей будет сила обусловленного рефлекса. Реальный пример из исследований Павлова может лучше прояснить это положение. Собака была обусловлена выделять слюну на прикосновение к бедру. Она также выделяла слюну при прикосновении к любой части тела, но чем дальше от бедра происходило прикосновение, тем слабее проявлялось слюноотделение (см. табл. 2).

Таблица 2

Задняя лапа	33 капли
Бедро	53 капли
Таз	45 капель
Середина туловища	39 капель
Плечо	23 капли
Передняя нога	21 капля
Передняя лапа	19 капель

Это общее правило известно как закон *генерализации раздражителя*. Другими словами, обусловливая конкретный раздражитель S_1, мы также одновременно обусловливаем целую группу раздражителей S_2, S_3, S_4... S_n таким образом, что обусловленный рефлекс, полученный в ответ на любой из них, пропорционален степени сходства раздражителя из этой группы с первоначальным. Без этого закона весь процесс обусловливания имел бы чисто эзотерический интерес. Точную идентификацию раздражителей довольно сложно произвести даже в лаборатории и совершенно невозможно достичь этого в повседневной жизни. Следовательно, если обусловливание зависело от идентичных повторений, то диапазон его применения будет минимальным, однако через закон генерализации раздражителя оно становится расширенным и применимым к повседневной жизни.

Все рассмотренные до сих пор явления трактовались Павловым под общим термином «возбуждение». По сути под этим он имел в виду, что когда раздражитель направлен на любой орган чувств — свет, нацеленный в глаза; звук, ударяющий в уши; прикосновение к коже — создается нервное возбуждение, которое поступает через центральную нервную систему в кору головного мозга и там взаимодействует с любым другим типом нервного возбуждения, создаваемого одновременно с ним. Точные неврологические детали того, что происходит, по большей части неизвестны, и в любом случае нас не касаются, поскольку эта книга не о неврологии. Однако мы можем отметить: существует достаточное неврологическое доказательство того, что прохождение нервного тока через цепочку нервов не оставляет эту цепочку в прежнем состоянии, но имеет тенденцию определенным образом изменять ее. Это изменение

представляется наибольшим в синапсах, то есть в точках соединения разных нервов или нейронов, где нервные импульсы передаются от одного набора нейронов к другому. Синапсы представляют собой некий вид коммутационного устройства, а прохождение нервных импульсов определенной силы, идущих в определенном направлении, создает определенные долговременные эффекты, облегчающие последующее прохождение подобных нервных импульсов в том же направлении. Вполне вероятно, что эти полуперманентные изменения, происходящие в синапсах, лежат в основе явлений обучения, навыков и обусловливаемости, хотя, пожалуй, будет ошибкой утверждать, что данный навык в любом смысле располагается в конкретном синапсе или наборе синапсов. Картина гораздо более сложна, но для целей этой главы сказано уже достаточно, чтобы дать читателю представление о том, что означает «возбуждение» в контексте теории Павлова.

Получение Павловым некоторых положительных данных о возбуждении является достаточно важным, но намного более важными были открытия, сделанные им относительно большой группы других данных, дополняющие данные по возбуждению и проходящие под названием «торможение». Необходимость постулирования такого дополняющего набора данных стала очевидной в более ранних исследованиях Павлова и была усилена им с помощью результатов, воспроизведенных с тех пор во многих лабораториях.

С одним видом торможения мы уже сталкивались. Павлов назвал его «внешним торможением» и форсировал его рассмотрение, обнаружив, что обусловленные рефлексы можно легко нарушить или даже полностью затормозить сильными внешними раздражителями. В первые годы своих исследований он не придавал значения наличию звуконепроницаемых лабораторий, и множество помех — визуальных и вербальных — в открытых помещениях, где он пытался обусловить собак, создавали так много отвлекающих раздражителей, что, действительно, было очень трудно получить заслуживающие внимания результаты. Внешнее торможение такого типа имеет настолько всеобщий характер, что исследователю не составляет труда наблюдать его. Скорее наоборот, трудность заключается в устранении беспокоящих эффектов, вносимых им.

Внешнее торможение — достаточно очевидный вид воздействия, который можно предвосхитить. А вот различные виды внутреннего торможения намного менее очевидны. Первым из открытых было явление, ставшее известным как «угасание». Давайте предположим, что обусловленный рефлекс слюноотделения был установлен на звук звонка. Теперь допустим, что звонок несколько раз звучит без подкрепления, то есть без последующего предоставления пищи. Постепенно количество капель выделяемой слюны будет уменьшаться, пока слюноотделение не прекратится полностью. Когда это состояние достигнуто, говорится, что отклик *экспериментально погашен*, и внешне ситуация теперь представляется очень похожей на ту, какой она была перед обусловливанием. Бывший ранее нейтральным раздражитель снова стал таковым, в том смысле, что не вызывает никакой реакции.

Можно спросить: а зачем нужна дополнительная концепция торможения? Не будет ли проще сказать, что животное, первоначально наученное отвечать слюноотделением на обусловленный раздражитель, теперь, не получая подкрепления, постепенно забыло ответ? Такой взгляд неприемлем по двум причинам. Во-первых, требуется активный процесс угасания, чтобы заставить животное «забыть». Не погашаемые активным образом обусловленные отклики сохраняются месяцами и годами, так что пассивно процесс забывания не может произойти.

Пожалуй, более убедительным является другое явление, вытекающее из угасания, то есть *восстановление*. Давайте снова вернемся к собаке, реагирующий на звонок, обусловленный ответ которой был затем погашен до такой степени, что никакого слюноотделения в ответ на звонок не происходило вообще. Проверьте ее на следующий день, и обусловленный ответ снова проявится в той же степени, что и всегда. Он снова может быть погашен, но после разумной паузы восстановление состоится. Однажды твердо установленный обусловленный ответ может погашаться десятки раз, но он всегда возвращается, как «плохой пенни» из пословицы. Эти факты довольно существенно влияют на то, чтобы считать торможение активным процессом, который порождается экспериментальным погашением и который противодействует эффектам возбуждения. Эксперимент подсказывает одно очень важное свойство торможения, которое неизбежно следует из приведенных до сих пор данных. Если поведение наблюдаемого животного рассматривать как алгебраическую сумму некоторого числа еди-

ниц возбуждения минус некоторое число единиц торможения, то можно будет сказать, что при полном угасании количество наличествующего у животного торможения равно количеству возбуждения. Однако на следующий день животное, без всякой дальнейшей тренировки, снова дает положительный отклик. Это означает, что присутствующее теперь число единиц возбуждения превышает число единиц торможения. Другими словами, *торможение рассеивается быстрее, чем возбуждение*. Позднее мы будем иметь возможность вернуться к этому очень важному свойству торможения. На данный же момент мы можем изобразить последовательность событий в типичном эксперименте на угасание в виде графика, который послужит иллюстрацией того, о чем мы говорили до сих пор (рис. 5—6).

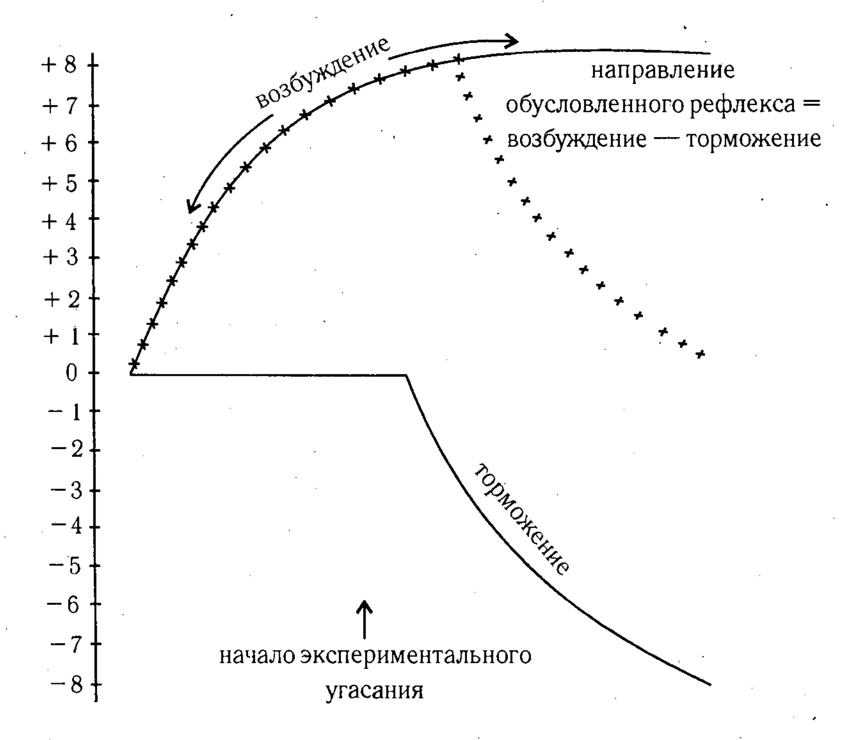

Рис. 5. Гипотетический ход эксперимента по погашению, в котором сила обусловленного рефлекса определяется алгебраической суммой возбуждения и торможения

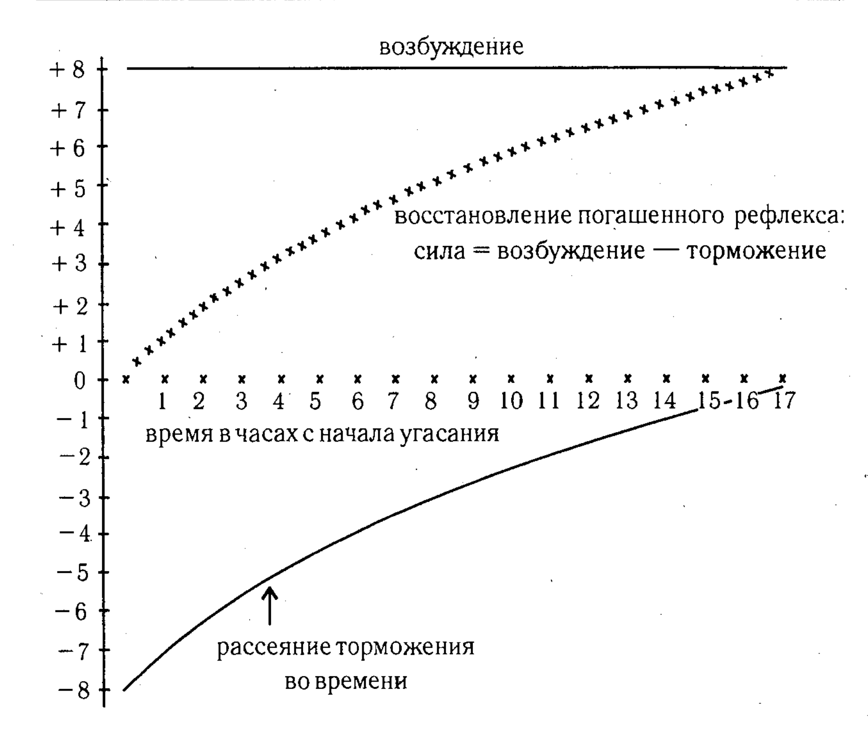

Рис. 6. Гипотетический ход эксперимента по восстановлению, в котором восстановление силы обусловленного рефлекса определяется рассеиванием торможения с течением времени

Важным и полезным расширением концепции торможения является понятие растормаживания. Мы уже видели, что возбуждение можно затормозить разрушительным внешним раздражителем. Что произойдет, если такой тормозящий раздражитель будет приложен к организму, уже находящемуся в заторможенном состоянии, например, к собаке, у которой положительный обусловленный рефлекс полностью погашен? Согласно теории, внешний тормозящий раздражитель должен затормозить внутренний тормозящий раздражитель, и, следовательно, снова должен вызываться положительный обусловленный рефлекс. Это именно то, что и было обнаружено. Погасите у собаки обусловленный рефлекс, а затем посветите ей в глаза ярким светом или громко позвоните в колокольчик над ее головой, и совершенно внезапно погашенный рефлекс проявится снова, и собака будет

выделять слюну на обусловленный (и погашенный) раздражитель. Экспериментальное доказательство этого торможения добавляет дополнительный аргумент для принятия торможения как активного процесса.

Мы вскользь упоминали, что самый вероятный ключевой момент возбуждения заключается в модификации структуры центральной нервной системы, в частности ее синапсов. Здесь же мы должны искать и ключевой момент торможения. О точных анатомических деталях известно немногое, но можно отметить, что в последние годы стало возможным при помощи микроскопа обнаруживать физические изменения на синаптическом уровне, соответствующие функциям возбуждения и торможения. На данный момент невозможно сказать, является ли наблюдаемое под микроскопом явление в действительности физиологической основой, прямой или косвенной, психологических концепций возбуждения и торможения. Потребуются многочисленные детальные исследования, прежде чем с некоторой уверенностью можно будет сделать какое бы то ни было отождествление подобного рода. Однако даже если эта возможность не выдержит тщательной проверки, значение теории Павлова нисколько не умаляется. Она позволяет суммировать существующие знания, служит для привлечения нашего внимания к важным, с точки зрения будущих исследований, областям, и точно говорит нам, что искать в психологических исследованиях и под микроскопом. Не многие другие психологические теории могут претендовать на это.

Несмотря на то что угасание, вероятно, наиболее широко изучаемый тип торможения, это не единственная его форма. Еще одну важную разновидность *торможения* Павлов назвал *дифференцировкой*. В экспериментах этого типа животное сначала обусловливается выделять слюну в ответ на конкретный раздражитель, например, зрительный образ круга. Если теперь животному показать эллипс, то мы знаем, что вследствие генерализации раздражителя оно также будет выделять слюну, хотя и несколько слабее, чем в случае с кругом. Если теперь продолжать кормить животное каждый раз, когда ему показывают круг, но никогда не давать ему пищу при демонстрации эллипса, то его реакция на эллипс затормозиться таким образом, что

после этого слюноотделение будет происходить только при виде круга и никогда — при виде эллипса.

Этот метод дифференцировки торможения важен по двум причинам. Во-первых, благодаря его использованию мы можем кое-что узнать об остроте ощущений собак. Предположим, мы хотим узнать, насколько можем сделать эллипс похожим на круг, чтобы они, с точки зрения наблюдателя, продолжали различаться. С наблюдателями-людьми это не представляет трудностей, так как мы можем основываться на словесном выражении суждений наших субъектов. Но предположим, что нас интересует ответ на этот вопрос в случае с собаками. Ввиду их ограниченного словаря мы не можем использовать тот же метод, что и с людьми. Но можно начать с выполнения обусловливающего эксперимента по противопоставлению круга и достаточно узкого эллипса, подкрепляя первый и затормаживая второй. Когда собака посредством дифференцировки торможения станет успешно определять различие, возьмем другой эллипс, немного более округлый, чем первый, и гасим ответы собаки на него. Таким образом, заменяя эллипсы все более и более похожими на круг, мы наконец приходим к эллипсу, для которого отношение высоты к ширине составляет примерно 8 к 7, когда селективная способность собаки перестает действовать. Значит, эта точка обозначает порог ее способности определять различия для данного конкретного типа раздражителя. Мы, конечно, можем повторить эксперимент с любым другим типом раздражителя, представляющим для нас интерес, очень подробно выясняя, таким образом, способность собаки делать сенсорные различия.

Будучи важным, это достижение тем не менее уступает с точки зрения теории личности наблюдению, сделанному Павловым в ходе его эксперимента. Он обнаружил что, достигнув точки утраты способности к различению, то есть той точки, когда животное не могло более делать правильную дифференциацию, собака вела себя так, как могла бы себя вести при неком нервном расстройстве. Ее поведение внезапно менялось самыми различными образами. Она становилась крайне возбужденной, начинала лаять, отказывалась стоять в стойке, проявляла агрессивность по отношению к экспериментатору, теряла обус-

ловленные ранее рефлексы, не хотела возвращаться в комнату для экспериментов и даже отказывалась от пищи, хотя была голодной. Это необычное поведение могло продолжаться и за пределами лаборатории и даже вызывать такие симптомы, как половое бессилие. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с весьма необычным и крайне важным типом реакции. У нас нет необходимости слишком активно интересоваться, было ли явление, обнаруженное Павловым, действительно «экспериментальным неврозом». Сходство и в самом деле поразительное, но нам еще не настолько известно то, что точно вовлечено в человеческие неврозы, и посему в настоящий момент невозможно рассматривать открытие Павлова как нечто большее, чем аналогия.

Его теория, относящаяся к происхождению этого экспериментального невроза, определенно умещается в концепцию человеческого невроза, разделяемую многими экспертами. По мнению Павлова, экспериментальный невроз с его собаками происходил из-за конфликта — столкновения в коре головного мозга процессов возбуждения и торможения, вызванных различными раздражителями, которые приобрели, соответственно, возбуждающие и тормозящие качества, но на уровне восприятия более не отличались один от другого. С точки зрения физиологии, очень трудно точно понять, что может означать такое столкновение. С точки зрения психологии, теорию определенно не следует отбрасывать, не рассмотрев ее со всей серьезностью.

Это особенно важно потому, что в ситуации другого типа, опять же вызывающей столкновение между процессами возбуждения и торможения, Павлов также добился возникновения экспериментального невроза. Некоторые сильные и болезненные раздражители приводят к защитным реакциям со стороны животного и полностью тормозят секрецию слюны и пищеварительную деятельность. Когда раздражитель подобного типа, скажем, сильный удар электрическим током, используется как обусловленный раздражитель для слюноотделения, мы имеем конфликт между нормальным рефлекторным ответом на сильный электрический удар (высыхание слюны) и обусловленным рефлексом (слюноотделение). Если теория Павлова верна, то при таких

условиях снова должен случиться экспериментальный невроз, и действительно, факты подтверждают гипотезу.

В этих экспериментах мы впервые видим связь между законами обусловленности, с одной стороны, и экспериментальным изучением личности — с другой. Довольно интересно, что Шоу, который, похоже, так и не продвинулся дальше первой главы книги Павлова, не упоминает эти открытия, возможно, потому, что даже черная девочка из его произведения не смогла рассказать ему о них за 25 секунд, опираясь на свои богатые запасы здравого смысла.

Есть одна или две разновидности торможения, но это сравнительно маловажно, и нам нужно только попутно отметить их. Одна из них — это так называемое «обусловленное торможение». Вероятно, читатель помнит, что при выработке вторичного обусловленного рефлекса новый обусловленный раздражитель связывается с рефлексом через ранее выработанный обусловленный раздражитель и что эта связь осуществляется путем представления животному нового стимула, который затем устранялся и предоставлялась пауза в несколько секунд перед применением ранее обусловленного раздражителя. Она абсолютно необходима для выработки обусловленных рефлексов высших порядков. Если новый раздражитель применяется совместно со старым, то есть с малым промежутком времени между ними или же вовсе без такового, то новый обусловленный раздражитель приобретает тормозящие свойства. Павлов назвал его «обусловленным торможением». Эти тормозящие свойства можно продемонстрировать, применив его (новый раздражитель) одновременно с каким-нибудь обусловленным раздражителем, установленным ранее. Он будет оказывать эффект торможения потока слюны до гораздо более низкого уровня, чем обычно.

Другой тип торможения Павлов назвал запаздывающим торможением. Мы уже упоминали о существовании следящих рефлексов, при которых обусловленный ответ не появляется в течение одной или двух минут. Очевидно, в этот промежуточный период присутствует торможение, которое и подавляет активное проявление рефлекса. То, что это правильно, можно продемонстрировать при помощи простого способа, применив растормаживающий раздражитель вскоре после применения обусловлен-

ного раздражителя. Животное ответит немедленным слюноотделением, вместо ожидаемого промежутка времени, для которого был обусловлен следящий рефлекс.

Необходимо упомянуть и о последнем типе торможения. Это «торможение с подкреплением», как сформулировал Павлов: «под воздействием обусловленного раздражителя клетки коры головного мозга всегда имеют тенденцию переходить, хотя иногда и очень медленно, в состояние торможения». Павлова привело к этому убеждению наблюдение, что при определенных обстоятельствах не было необходимости гасить обусловленный рефлекс описанным выше способом. Если просто повторять исходную процедуру обусловливания, то есть применять обусловленный раздражитель с последующим предоставлением пищи несколько сот раз, животное, в конце концов, перестает проявлять всякие признаки обусловленного ответа. Это был совершенно загадочный эффект, для которого Павлов не представил убедительного объяснения. Кажется несомненным, что торможение с подкреплением действительно происходит, и так же очевидно, что обусловленный раздражитель приобретает тормозящие свойства. Это можно показать таким же способом, что и ранее, объединив его в пару с другим вновь выработанным обусловленным раздражителем, и продемонстрировав, что он активно подавляет степень слюноотделения, вызываемую этим вновь выработанным раздражителем.

Итак, весьма кратко обрисовав некоторые факты, на которых базируется теория Павлова о возбуждении и торможении, мы можем упомянуть одну более позднюю его теорию, которая также тесно связана с теорией личности. Интересуясь общими законами коркового поведения, Павлов не мог не обратить внимания на очень заметные индивидуальные различия в поведении собак, с которыми он работал. В качестве одного из примеров можно привести следующий. У некоторых собак обусловленные рефлексы легко вырабатывались, но несколько труднее поддавались погашению. У других обусловленные рефлексы формировались с трудом, но очень быстро погашались. Эти два типа собак существенно различались и по их общему поведению. На основании своей теории Павлов рассматривал эти различия как следствие врожденных свойств центральной нервной системы

этих собак. Его объяснение выглядит следующим образом. У средней собаки существует определенный баланс между развитием процессов возбуждения и торможения. У некоторых же отношение возбуждения к торможению относительно высокое, и это нарушение баланса ведет к тому, что обусловленность у них легко вырабатывается и трудно угасает. И наоборот, у некоторых собак отношение возбуждения к торможению необычайно низкое. Это ведет к трудностям в формировании обусловленности и легкому ее угасанию (эти последствия нарушения в равновесии отношения возбуждения к торможению совершенно естественно следуют из концепции Павлова об ответственности возбуждения за выработку обусловленных рефлексов, а торможения — за их угасание).

В последние годы своей жизни Павлов заинтересовался психическими аномалиями и много времени проводил в психиатрических больницах, наблюдая симптомы психических больных. Он был поражен явной схожестью некоторых из этих симптомов на поведенческие трудности его собак и пытался объяснить их на основании своей концепции возбуждения и торможения. Разделяя невротических пациентов на две большие группы, он следовал в этом Жане, известному французскому психиатру. С одной стороны — это истерики, люди, характеризующиеся актерской личностью, некоторой утратой угрызений совести, открытым интересом к сексуальным вопросам и значительной склонностью к обществу других людей. При более крайних формах истерии проявляются симптомы паралича, дисфункции восприятия, такие как слепота или глухота, и амнезии, при которых индивидуум может забывать некоторые эпизоды или целые части своей жизни (читатель может вспомнить, что многие из этих симптомов наблюдались у пациентов Месмера. И действительно, ничто не может более ясно продемонстрировать потребность психологического базиса для этих симптомов истерии, чем то, что их можно ослабить, а часто и полностью устранить, под гипнозом).

Другая большая группа расстройств в разные времена обозначалась по-разному. Пожалуй, лучше всего их описывает термин «дистимия». Люди этой группы застенчивы и необщительны, подвержены сильным эмоциям, впадают в беспокойство и

депрессию и могут даже иметь навязчивые и маниакальные склонности. Если истерические симптомы находят выражение в формах, легко наблюдаемых извне, то симптомы дистимии скорее доступны только для самонаблюдения. Каждый может увидеть парализованную конечность или функциональную слепоту истерика, но обеспокоенность комплексом собственной вины и глубокая подавленность, ощущаемые человеком с дистимическим синдромом, может часто ускользать от внимания. Не все невротики попадают в одну из двух указанных групп. Действительно, большинство будет, вероятно, относиться к смешанной группе, характеризующейся как истерической, так и депрессивной симптоматикой. Пожалуй, приблизительно можно непрерывно распределить пациентов на всем протяжении от почти чистой истерии, через различные смешанные состояния, до почти чистой дистимии.

Павлова поразил тот факт, что симптомы истериков всегда имели природу торможения. Паралич был следствием торможения моторно-эффекторной системы. Нечувствительность к боли и другие дисфункции восприятия вызывались торможением аффекторно-перцептивного механизма; амнезии — торможением части корковых систем, обслуживающих процессы памяти. Ему казалось, что дистимические симптомы, напротив, явно демонстрируют избыток силы возбуждения и сбой в развитии достаточной силы торможения. Таким образом, эта гипотеза, основывающаяся на таких наблюдениях и выводах, работает следующим образом: истерические симптомы развиваются у тех индивидуумов, у которых баланс между возбуждением и торможением склоняется к преобладанию торможения, а дистимические симптомы развиваются у тех, у кого баланс между возбуждением и торможением склоняется к преобладанию возбуждения.

Павлов не довел эту теорию до экспериментальной проверки, но это было сделано после него, и результаты подтверждают мнение ученого. Из его теории следует, что истерики ввиду превышения возбуждения над торможением будут обусловливаться с трудом, тогда как пациенты-дистимики должны легко поддаваться обусловливанию, благодаря явному преобладанию возбуждения над торможением. Было сделано несколько попыток проверить этот вывод, и результаты всегда подтверждали мнение Павлова.

Читателю, может быть, интересно узнать, как эксперименты по обусловленности производятся на людях. Хотя использование рефлекса слюноотделения и возможно, но это несколько безнравственно, и обычно предпочтение отдается другим рефлексам. Одним из них является рефлекс мигания глаз. В этом случае в качестве необусловленного раздражителя используется струя воздуха, направленная в глазное яблоко. С этим раздражителем связан рефлекс быстрого смыкания век. Если теперь несколько раз перед тем, как направлять струю воздуха, с интервалом примерно в полсекунды, подключить обусловленный раздражитель, которым может быть звук, воспроизводимый через наушники, то мигание глазами обусловится звуком и будет происходить без струи воздуха, направленной в глаз. Другой часто применяемый метод использует кожногальванический рефлекс, то есть внезапное падение сопротивления кожи электрическому току, которым сопровождается любой неожиданный раздражитель. Этот метод описан в одной из предыдущих глав. В ходе эксперимента субъекту могут демонстрироваться на экране различные слова. Каждый раз демонстрация конкретного слова сопровождается ударом электрического тока. Очень скоро кожногальванический рефлекс, которым всегда сопровождается такой удар, начинает ассоциироваться с самим словом, становясь, таким образом, обусловленным раздражителем. Используется еще множество других методов, но эти являются, пожалуй, самыми популярными.

Связь между легкостью обусловливания и невротической симптоматикой определенно интересна, но похоже, не нашла простого применения к нормальным личностям. Однако, выход из затруднения нашел хорошо известный психиатр К. Г. Юнг. Как известно, Юнг постулировал существование континуума от экстраверсии до интроверсии, в который могут быть помещены все люди. По его мнению, экстраверт проявляется как человек, который оценивает внешний мир как в его материальном, так и нематериальном аспектах (имущество, богатство, власть, престиж). Он общителен, легко заводит друзей и доверяет другим людям. Он проявляет направленную вовне физическую деятельность,

тогда как деятельность интроверта сосредоточена, главным образом, в мыслительной, интеллектуальной сфере. Экстраверт непостоянен, любит новые вещи, новых людей, новые впечатления. Его эмоции легко вызываются, но никогда не бывают очень глубокими. Он относительно бесчувствен, несколько лишен индивидуальности, опытен, меркантилен и грубоват.

Может быть, читателю помогут разобраться в этом несколько абстрактном описании экстраверта и интроверта несколько примеров. Они взяты случайным образом, частично — из реальной жизни, частично — из воображения. Единственная вещь, которая их объединяет, это то, что все они являются хорошими примерами ярко выраженных интровертов или экстравертов. Просматривая список, читатель должен помнить, что и экстраверты и интроверты могут быть умными или глупыми, стабильными или нестабильными, нормальными или помешанными. Когда о двух людях говорится, что они оба экстраверты, то этим самым не подразумевается, что они похожи по всем личностным качествам, известным психологам. Они похожи лишь в отношении тех качеств, которые формируют синдром, или в отношении совокупности качеств, конституирующих экстраверсию-интроверсию. Если теперь читатель быстро просмотрит два приведенных ниже списка, пытаясь понять, что же общего между всеми людьми из каждого, у него может появиться интуитивное понимание природы экстраверсии и интроверсии.

Что ж, давайте начнем с чертовой дюжины интровертов, сопровождаемой таким же количеством экстравертов. Вот эти интроверты: Гамлет, Шерлок Холмс, Робеспьер, Савонарола, Спиноза, Кассиус, Джон Стюарт Милл, Мата Хари, сэр Стаффорд Криппс, Фауст, Катон Старший, Дон-Кихот и Кант.

Далее команда экстравертов: мистер Пиквик, Бульдог Драммонд, Босвелл, мистер Панч, Калибан, Дюма, Дональд Дак, Черчилль, Пепис, Цицерон, Фальстаф и Тоуд из Тоуд Холла.

Было бы ошибкой приписывать Юнгу открытие этого измерения личности. Термины экстраверсии и интроверсии можно найти намного раньше — в XVI веке, а в более поздние времена английский психолог Джордан и австрийский психиатр Гросс предвосхитили его в выдвижении весьма похожих теорий. Однако он популяризировал эту частную типологию и сделал в нее очень важный вклад, показав, что *истерические расстройства имеют тенденцию развиваться у экстравертированных личностей, тогда как интроверты более подвержены дистимическим симптомам.* Эта связь экстраверсии и истерии, с одной стороны, и интроверсии и дистилии — с другой, получила явную экспериментальную поддержку. Следовательно, мы можем расширить теорию Павлова и сказать, что там, где баланс возбуждения-торможения склоняется в сторону преобладания возбуждения, мы, вероятно, обнаружим индивидуумов-интровертов, тогда как в случае баланса, направленного в противоположную сторону, мы с большой вероятностью найдем индивидуумов-экстравертов. Значит, согласно этой теории, следует предположить, что экстраверты будут обусловливаться труднее, а интроверты — легче. Этот вывод также получил экспериментальную поддержку.

Однако при расширении теории Павлова мы потеряли одно связующее звено между возбуждением и торможением, с одной стороны, и личностью — с другой. Хотя его предчувствие, что истерия и избыточное корковое торможение связаны, базировалось просто на разумной аналогии, тем не менее оно обеспечило связь между этими концепциями. Представляется, что между торможением и экстраверсией или между возбуждением и интроверсией нет прямой связи. Обеспечение такой связи станет последней задачей этой главы, но чтобы сделать это, мы должны пойти несколько обходным путем.

Павловская теория обусловленности требует для обучения полной близости. Объединение в пару обусловленного и необусловленного раздражителей и полная возможность совместного их применения дадут желаемый эффект ассоциации обусловленных раздражителей с рефлексом или ответом. Однако это кажется противоречащим самому основному принципу человеческого обучения, так называемому *закону эффекта*, согласно которому обучение имеет место только при наличии поощрения или наказания. Типичным экспериментом, иллюстрирующим закон эффекта, является так называемый ящик Скиннера, получивший свое название в честь известного американского психолога, которому принадлежит пальма первенства в его создании. По сути, это звуконепроницаемый ящик со стеклянной крыш-

кой. Он совершенно пуст внутри за исключением небольшого подвижного рычага на дне и выемки, расположенной рядом с рычагом. В этот ящик помещается голодная крыса. Обследуя ящик, она случайно нажимает на рычаг, связанный проводом с хранилищем пищи таким образом, что в выемку падает небольшая порция пищи. Крыса быстро съедает ее и вскоре обучается нажимать на рычаг для получения следующих порций. Разница между экспериментами Скиннера и Павлова состоит в следующем. В эксперименте Скиннера выученный ответ, то есть нажатие рычага, является инструментальным в отношении вознаграждения. Иными словами, крыса вознаграждается за совершение этого конкретного действия. В эксперименте Павлова выученный ответ, то есть слюноотделение, никоим образом не является инструментальным относительно получения пищи: животное получало бы столько же пищи, даже если бы оно никогда не научилось выделять слюну в ответ на обусловленный раздражитель. Поэтому эксперименты по типу Скиннера часто относят к «оперантному обусловливанию», тогда как вариант Павлова — к «классическому обусловливанию». Следует отметить еще одно различие. «Оперантное обусловливание» имеет дело с обусловленными ответами, вовлекающими мышцы и кости, тогда как ответы, связанные с «классическим обусловливанием», используют секрецию желез и другую деятельность, связанную скорее с деятельностью вегетативный, нежели центральной нервной системы. В несколько других выражениях «оперантное обусловливание» вызывает преднамеренные действия, а «классическое обусловливание» — по большей части непроизвольные действия.

Многое можно сказать в пользу той точки зрения, которая утверждает, что эти два типа обучения имеют много важных различий и что законы, согласно которым они работают, никоим образом не идентичны. Не станем вникать во все детали этого вопроса, отметим лишь, каким образом эти два различных типа обучения дополняют друг друга и участвуют в приобретении различных типов навыков человеческим детенышем по мере его роста.

В общем, существует два различных типа деятельности, которым должен научиться маленький ребенок. Овладение первым видом деятельности сравнительно легко объясняется на основании закона эффекта. Младенец должен научиться, например, сосать грудь матери. Он решает эту задачу почти так же, как крыса решает задачу в ящике Скиннера. Случайные движения головы и рта, возможно, в некоторой степени направляемые матерью, дают молоко и уменьшают чувство голода, точно так же, как нажатие рычага выдавало порцию пищи в случае с крысой. Несколько повторений дают младенцу возможность заучить последовательность событий и пользоваться этим оперантным обусловливанием для утоления голода. Это может служить прототипом множества различных типов деятельности, при которой то, чему индивидуум научился, приносит ему непосредственную и немедленную пользу. Успех оперантного обусловливания обеспечивается законом эффекта.

Однако существует множество действий, которые могут быть приятны и полезны сами по себе, но не разрешены обществом. Примером может послужить неразборчивое детское мочеиспускание и опорожнение кишечника. Для старших детей и взрослых мы можем использовать в качестве примера бесконтрольное высвобождение агрессивных и сексуальных побуждений. Трудность контролировать то, что часто называется чьей-то «животной натурой», вошла в пословицы. И это чудо, что подобный контроль вообще может осуществляться. Оперантное обусловливание и закон эффекта здесь нам не помогут.

Как же в таком случае может осуществляться процесс социализации? Достаточно краткий ответ состоит в том, что обусловливание, по Павлову, необходимо в качестве дополнительной переменной. Неприятные автономные отклики, такие как боль и страх, в процессе обучения становятся обусловленными антиобщественной деятельностью, и индивидуум, не вовлекаясь в эту антиобщественную деятельность, получает немедленное вознаграждение в виде ослабления болезненных автономных откликов. Может быть, эту концепцию трудно понять сразу, и пример поможет сделать ее более ясной.

Давайте возьмем маленького бурого медвежонка. Как и ребенок, он должен научиться двум видам деятельности: той, которая немедленно приносит ему пользу, и той, на которой общество должно настаивать как на условии выживания. В качестве примера первого типа деятельности давайте возьмем обеспечение

пищей. Медведица-мать должна научить его, что ягоды голубики пригодны в пищу. Трудности у нее при этом очень небольшие — просто взять детеныша за загривок, отнести в ближайшие заросли голубики и забросить его в них. В ходе своих слегка нескоординированных попыток выбраться из кустарника он случайно раздавит несколько ягод своими лапами и рефлекторно их оближет. Вознаграждение в виде сока голубики с помощью «оперантного обусловливания» обеспечивает то, что с этого момента он будет старательно искать голубику.

Однако у медведицы-матери есть другая, гораздо более трудная задача. Медведь-отец, имея некоторые каннибальские наклонности, не хотел бы ничего лучшего, чем мясо своего сына. Единственный способ, которым мать может защитить его, состоит в том, чтобы научить его взбираться на ближайшее дерево всякий раз, когда она подаст ему знак о приближении отца. Она должна также научить его оставаться на дереве до тех пор, пока не получит знак о том, что все спокойно.

Вряд ли медведица может объяснить эти вещи медвежонку, а перед ней встает дополнительное затруднение: он считает, что жить на земле намного интереснее, чем влезать на дерево и сидеть там. Это очень скучно и противоречит его воле. Но, будучи, как большинство животных, хорошим психологом, медведица-мать начинает выполнение своей задачи почти в соответствии с тем, что диктует павловское обусловливание. Взяв малыша за загривок, она несет его к ближайшему дереву, очень громко рычит, а затем больно кусает. Удивленный медвежонок, испытывая боль, пытается убежать от своей вдруг ставшей агрессивной матери, и вскарабкивается на дерево. Немного погодя, он пытается спуститься на землю, но мать приходит в ярость и снова больно кусает его, заставляя подняться наверх. Наконец, она дважды кричит, в знак того, что опыт закончен, и медвежонок может спуститься вниз. Вся процедура повторяется несколько раз, пока в конце концов медвежонок не выучивает урок, а бдительность его матери способна защитить его от основных инстинктов отца. Малыш настолько хорошо заучивает урок, что когда мать решает, что он уже достаточно взрослый, чтобы защититься самостоятельно, она просто отправляет его на дерево сигналом тревоги, а затем уходит, оставляя навсегда. Медвежонок настолько хорошо

обусловлен не слезать вниз без ее разрешения, что может оставаться на дереве часами и даже целыми днями, пока в конце концов голод не сгонит его вниз.

Что же происходит в этом случае? Соединив в пару предупредительный сигнал (условный раздражитель) с болезненным укусом (безусловный раздражитель), мать устанавливает обусловленный рефлекс, при котором предупредительный сигнал вызывает у медвежонка сильное чувство страха. Избавиться от этого чувства можно только при помощи действия, которым он был обусловлен, то есть влезть на дерево. Таким образом, обусловленный автономный ответ становится посредником для закона эффекта — вознаграждение, которое получает медвежонок за подчинение общественным законам своего клана — это скорее ослабление беспокойства, чем любое другое внешнее вознаграждение. Почти то же самое происходит, когда он находится на верхушке дерева и хочет спуститься прежде, чем получит сигнал «все спокойно». Начиная спускаться с дерева, он сталкивается с раздражителями, которые стали обусловленными вследствие его прошлого опыта (болезненные укусы его матери). Следовательно, обусловленный ответ, то есть страх или беспокойство, становится все сильнее и сильнее, и в конце концов медвежонок снова лезет вверх, чтобы обеспечить свою безопасность.

Это объяснение поведения медвежонка пожет показаться слегка странным, но оно является хорошим экспериментальным доказательством основных теоретических моментов. По общему согласию эксперименты проводились на крысах, а не на медведях (даже американские факультеты редко бывают достаточно хорошо оснащены, они не способны предоставить несколько сотен медведей для выполнения и защиты выпускниками кандидатских диссертаций). Тем не менее общая картина того, о чем идет речь, вероятно, достаточно точна и способна выдержать тщательную критическую проверку.

Теперь мы достигли того момента, когда можем рассматривать обусловливание как неотъемлемую основу социализации. Когда религиозный человек говорит о совести как о сдерживающем факторе для злоумышленника, психолог будет говорить о процессе обусловливания как о факторе, ответственном за нали-

чие совести в сознании злоумышленника. Аналогично этому, там, где Фрейд приписывает бескорыстность и духовную деятельность *супер-эго*, происходящему от родительского обучения и примера, психолог будет рассматривать обусловливание по теории Павлова как средство достижения этой цели. Между религиозным, павловским и фрейдовским подходами нет принципиальной разницы. Главное различие состоит в том, что ни фрейдовский, ни религиозный подходы не предоставляют экспериментально проверяемой гипотезы, способной дать нам точный метод, при помощи которого достигается конечный результат социализации. Возможно, черная девочка Шоу могла за 25 секунд разработать проверяемую теорию, но ее довольно агрессивное поведение, означающее очень истеричную и экстравертированную личность, заставляет усомниться в том, что она в достаточной степени представляла себе значение процесса социализации.

Теперь мы достигли того момента, когда, как и было обещано, можем связать воедино процесс обусловливания, с одной стороны, и экстраверсию-интроверсию — с другой. Начнем с известного факта баланса возбуждения-торможения, различий, которые проявляются в разной степени способности к обусловливаемости. Имея в качестве исходных данных то обстоятельство, что некоторые люди обусловливаются легче других, предположим на время, что все люди подвергаются одинаковым процессам социализации. Тогда из нашей общей теории будет следовать, что те, кто наиболее трудно поддаются обусловливанию, должны быть относительно недосоциализированными, тогда как те, кто относительно легко поддаются обусловливанию, будут, используя сравнение, сверхсоциализированными. Следовательно, на основании нашей теории, сверхсоциализация и интроверсия должны идти вместе, как и недосоциализация и экстраверсия. Так ли это в действительности? Экспериментальные доказательства не настолько обширны, как хотелось бы, но в той степени, в которой существуют, они определенно поддерживают это мнение. Давайте снова посмотрим на наших невротических экстравертов и интровертов, разделенных, соответственно, на группы истериков и дистимиков, поскольку в них мы видим чрезвычайную степень определенной качественной

характеристики экстравертов и интровертов в целом. Близкими к истерикам, но даже более экстравертированными, согласно результатам их тестов, являются так называемые психопаты. Это люди, характеризующиеся почти полным отсутствием общественной ответственности. Многие из них — патологические лгуны, обманывающие почти по предпочтению, несмотря на то, что будут несомненно разоблачены. Другие совершают кражи, невзирая на неизбежные последствия. Некоторые уходят в самовольные отлучки и нарушают другие правила и положения беспредметно и назло тому, что будут неизбежно изобличены и наказаны. В целом психопаты кажутся в этом отношении полностью утратившими совесть или супер-эго, делающими возможной цивилизованную жизнь. Довольно типично, что на основании экспериментальных тестов они как группа труднее всех поддаются обусловливанию и наиболее экстравертированы. Истерики также склонны к недостатку сильного «внутреннего света», который был бы им руководством к действию. Ими легко управляют мгновенные страсти, плохие компании или уставы небольших групп, членами которых им случается быть. Хотя они и менее экстремальны, чем психопаты, тем не менее могут справедливо считаться недосоциализированными.

Группа дистимичных характеризуется совершенно противоположными свойствами. Там, где истерики и психопаты стараются «уйти с добычей» при каждой возможности и часто даже при условиях, когда разоблачение неизбежно, типичный дистимичный тип не только не участвует в антиобщественных действиях, но и чрезвычайно обеспокоен малейшим нарушением общественных норм морали, от которых другие отделываются простым пожатием плеч. Если психопат может без колебаний совратить свою девушку или в угоду прихотям пойти на двоеженство, типичный дистимичный человек будет бесконечно беспокоиться по поводу этических последствий одного невинного поцелуя. Даже сравнительно мелкие грешки могут привести его к совершенно чрезвычайным способам искупления, таким как навязчивое мытье рук сотни раз в день для того, чтобы очиститься от относительно незначительного правонарушения. Неудивительно поэтому, что главной харак-

теристикой экстраверта является предпочтение действия, а не размышления, тогда как типичный интроверт предпочитает размышление действию. Акцент процесса социализации приходится в основном на запрещение действия, на отказ от агрессивных или сексуальных действий того или иного рода. Следовательно, интроверт — сверхсоциализированный человек, очень хорошо усвоивший этот урок, — склонен обобщать это правило на все действия и предпочитает искать спасение в собственных мыслях. Напротив, типичный экстраверт, не обращая внимания на уроки процесса социализации, предпочитает немедленное удовлетворение своих порывов посредством действия.

Такова общая картина, вырисовывающаяся из теории Павлова и современных исследований. Потребуется расставить еще много точек над i, прежде чем мы будем уверены в точных взаимосвязях, достаточно подробно описанных выше, однако, думается, основной контур картины не потребует какого-то серьезного пересмотра. В любом случае содержание данной главы послужит демонстрации того, как измерения личности могут быть связаны с фундаментальными психологическими теориями, которые, возможно, далеки от более очевидных тестов, описанных в последней главе. Похоже, что именно в дальнейшем прогрессе таких фундаментальных измерений заключается наибольшая перспектива расширения наших знаний о личности.

Политика и личность

В настоящее время в обществе распространены две противоположные точки зрения, и довольно часто одни и те же люди в разное время придерживаются их обеих. Некоторые верят в то, что политические взгляды человека являются результатом объективного опыта, размышлений и определенного решения, что такие убеждения возникают после тщательного взвешивания доказательств и способны изменяться под действием логической аргументации и фактического доказательства. Противоположная точка зрения состоит в том, что политические взгляды представляют собой отражение личности, и в большинстве своем определяются иррациональными мотивами того или иного рода, не поддаются логической аргументации или фактическому опровержению и скорее являются выражением личности в целом, чем реакцией на внешнюю действительность. Многие убеждены, что первое из этих двух мнений адекватно характеризует поведение во время выборов их и их друзей. Второй тип мотивации может более легко признаваться за теми, кто голосует за противоположную сторону.

Среди тех, кто обычно или по крайней мере в определенное время придерживался мнения, что личностные факторы, хотя бы частично, отвечают за политические взгляды и общественные отношения, существует согласие и относительно основных качеств, отвечающих за личный выбор политической партии. Они заявляют, что их политические оппоненты приходят к своим убеждениям вследствие недостатка интеллекта, эмоциональной неустойчивости и хронического эгоизма, который заставляет их ставить интересы класса выше интересов страны; и наоборот, те, кто разделяет их взгляды, характеризуются высоким интеллектом, высочайшей эмоциональной устойчивостью и незапятнанной честностью, которая заставляет их презирать награды, предлагаемые соперничающими политиками.

Какими бы неперспективными ни казались такие убеждения, они дали начало множеству экспериментальных исследований в области общественных наук, особенно в Соединенных Штатах. Достаточно большая исследовательская работа была проведена по гипотезе о том, что социалисты, образующие в Америке относительно небольшую группу меньшинства, страдают недостатком эмоциональной устойчивости. Результаты, в общем и целом, не выявили никакого различия в этом отношении между социалистами и членами демократической и республиканской партий, соответственно. Другие исследования, включающие измерение интеллекта, обнаружили некоторое превосходство более радикально настроенных людей в противоположность более консервативным. Однако это превосходство оказалось ограниченным студенческой средой 1930-х годов, и, кажется, не применялось к менее тщательно отобранным выборкам в течение столетия. В целом можно сказать, что вплоть до последнего времени попытки связать личность и политические убеждения были огра-

ничены сопоставлением консервативных и радикальных мнений и почти всегда приводили к неудаче. Интересно выяснить причины этих неудач и показать, как при помощи более определенного применения научного метода в этой области также можно достичь успеха.

Мы можем начать с рассмотрения двух противоположных часто приводимых утверждений. Используемые предвзято, они скорее препятствуют, нежели способствуют научному изучению социальных и психологических вопросов. Первой точки зрения, которую следует упомянуть, часто придерживаются старомодные ученые-обществоведы, многие политики и, по меньшей мере неявно, многочисленные группы людей, имеющих лишь косвенное отношение к общественным наукам, — историки, экономисты и социологи. Эту точку зрения лучше всего можно выразить следующим образом. В общественных науках эмпирическим исследованиям придается гораздо более низкое и менее важное положение, чем философским аргументам, ученым пересмотрам точек зрения известных авторов (предпочтительно — ушедших в мир иной) и дискуссиям вокруг возможных причин исторических событий. Фактические исследования воспринимаются негативно, поскольку вынуждают пересматривать заветные ценности и верования и обычно не совпадают с образцами мышления, сформировавшимися много лет назад.

Эта смутная неприязнь к эмпирическим исследованиям, являющаяся достаточно общей для Англии, недавно нашла в Соединенных Штатах до некоторой степени опасное выражение. В 1953 году 83-й Конгресс создал специальную комиссию под председательством господина Риса для расследования освобожденных от налогов организаций. Эта комиссия собрала подтверждающие доказательства, предоставленные организациями по исследованиям в области естественных наук, и выделила в отдельный пункт критику эмпирических исследований. Выраженные взгляды настолько нелогичны и туманны, что трудно понять, что же конкретно имеется в виду. Тип приведенных измышлений иллюстрируется следующим заявлением: «Доверенным лицам (организации), возможно, не приходило на ум, что возможность предоставления данных в виде книг может стимулировать других к их неквалифицированному использованию, без предварительной проверки на соответствие принципам, открытым дедуктивным методом». Если это заявление что-либо означает — вопрос, конечно, спорный, — так это то, что данные не должны выявляться, если они не согласуются с принципами, открытыми дедуктивным методом, то есть, если они *a priori* не совпадают со взглядами человека или группы людей, ответственных за расследование или проводящих расследование от имени комиссии Конгресса. Такой тип аргументации является, несомненно, общепринятым в России (и гитлеровской Германии), где фактические исследования в области общественных наук вообще не проводятся или же исследователю заблаговременно и недвусмысленно говорят, каких именно результатов от него ждут. Поэтому немного тревожит выявление таких мнений, выраженных, по сути, органом Конгресса демократической страны.

Нетрудно понять, почему такое недоверие к реальным эмпирическим исследованиям в области общественных наук возникло среди политиков и прочих, кто точит топор палача. Успех и само существование подобных исследований основывается на их способности убедить довольно большую часть населения, что частные мнения, которых они придерживаются, и универсальные средства, которые они пропагандируют, некоторым образом полезны обществу в целом. Им противостоят другие политики, утверждающие прямо противоположное, и вместе с обычным качанием маятника обе стороны, каждая в свое время, получают хмельной глоток власти, даваемой им избирателями. Они привыкли к такой специфической игре и в общем и целом не испытывают к своим оппонентам враждебных чувств.

Однако здесь немедленно возникает обвинение в эмоциональности, когда появляется ученый-обществовед и говорит: «У нас есть две противоположные гипотезы. Давайте не будем тратить время на *разговоры* о том, какая из них ближе к истине, а проведем эксперимент, чтобы понять, какая же гипотеза действительно ближе к истине». Такое предложение, почти без исключений, рассматривается политиком как угроза его особенному положению в обществе. У него самого нет средств для выполнения такого исследования, и, как правило, он даже не сможет понять представленные ему результаты. Он знает, как

обращаться с коллегой-политиком и с аргументами, слышанными уже тысячи раз, но линия партии обеспечит ему немалую поддержку против выскочки-ученого, который относится к этим теориям слишком серьезно и действительно хочет выяснить, работают они или нет!

В то время как очень легко понять, почему политики должны быть в некоторой степени осторожными в использовании эмпирического подхода, трудно понять, почему должен иметь против него какие-то возражения обыватель. Как выразил это президент Совета по исследованиям в области общественных наук: «Подойти к проблеме эмпирически — означает сказать: «Давайте взглянем на данные. Применять эмпирический метод — означает пытаться получить данные. Везде, где возможно, предпринимаются подсчеты, измерения и испытания. Эмпирические методы не означают чего-то неизбежно технического, и не существует простого отличительного эмпирического метода как такового. Комиссии Конгресса по расследованиям обычно придерживаются эмпирического подхода. Подразумевать что-то безнравственное в использовании такого метода в исследовании — это примерно то же самое, что предполагать вредным и использование синтаксиса». Альтернативой эмпирическому исследованию являются умозрительное построение, беспредметная дискуссия и безосновательное теоретизирование. Как сказал Джон Локк, известный британский философ, часто называемый отцом эмпиризма, в беседе со своим другом, который напомнил ему о рационалистических спекуляциях одного континентального философа: «И у тебя, и у меня было достаточно такого же вздора».

Вопреки выводам комиссии Риса, мы можем сделать заключение, что общественные науки, если они должны быть чем-нибудь, кроме пустых умозрительных построений и бесплодной, сухой, как пыль, схоластики, должны иметь эмпирическую основу. Другими словами, они должны прочно основываться на установленных фактах. Но достаточно ли этого? Кажется, многие ученые-обществоведы убеждены, что ответом на этот вопрос является «Да», и это второе убеждение, которое, как я полагаю, требует даже более тщательного анализа и опровержения, чем первое. Его бессмысленность менее очевидна, но, тем не

менее, оно, наверное, одинаково губительно для развития подлинной науки о личности и общественной жизни. Причина очень проста. Наука определяется как *систематизированные* знания, а не просто знания. Эмпирическое содержание является, несомненно, его важной частью. Система, или организация этого эмпирического содержания, имеет, по меньшей мере, такую же важность. Ученый отыскивает не множество разрозненных фактов, а правила и законы, связывающие воедино большие группы данных и дающие возможность, как только закон становится известным, логически выводить из него эти факты. Данные тысяч различных опросов института Гэллапа по всевозможным вопросам публикуются в самых разных странах. Эти данные предоставляют большое количество эмпирического содержимого, но не превращают опросы института Гэллапа в науку. Только в том случае, если бы было возможно установить некоторое общее правило или закон, связывающий эти данные и дающий возможность вывести из общего закона отдельные результаты, подобная работа была бы настоящим вкладом в науку.

Этот момент можно пояснить на простом примере. На небе открыты сотни тысяч звезд. Все они на вид приблизительно круглой формы. Из этого почти несомненно следует, что они действительно имеют сферическую или почти сферическую форму. Теперь давайте предположим, что открыта новая звезда. Если нас спросят, какова, по нашему мнению, ее форма, то каким будет наш ответ? По-видимому, почти все выскажут предположение, что вновь открытая звезда также должна быть сферической формы. И самой главной причиной этого предположения будет то, что в прошлом все зарегистрированные звезды были сферическими и что новая звезда, вероятно, не должна быть исключением. Аргумент такого рода не лишен эмпирического содержания (как-никак, большое количество звезд в прошлом действительно наблюдалось), но тем не менее это не научный аргумент. Если спросить мнение ученого, он сделает то же предположение, что и обыватель, но — на совершенно других основаниях. Он аргументирует это тем, что, согласно физическим законам Ньютона, любое большое тело, состоящее из физической материи, с течением времени примет сферическую форму. Даже не будь обна-

ружено до этого ни одной звезды, ученый способен сделать такое предсказание при помощи простого логического вывода из определенных известных законов. Существование таких законов и возможность дедуктивного продвижения от закона к отдельным фактам, а также индуктивного — от набора фактов к данному закону, характеризуют науку как противоположность простому сбору изолированных и несвязных данных.

Эмпирическая деятельность лежит в основе науки, но просто эмпирические исследования — это еще не все. Они должны направляться теориями всеобщего значения и законами с дедуктивными возможностями и вести к ним. Только при этих условиях мы можем говорить об изучаемой сфере как о науке. Как однажды сказал Т. Х. Хаксли в своей лаконичной манере: «Те, кто отказывается продвигаться дальше фактов, редко достигают большего, чем факты. Каждый, кто изучал историю науки, знает, что почти любой значительный шаг в этом направлении был сделан при помощи предвидения событий, выдвижения гипотезы, хотя и проверяемой, но часто имевшей очень немного оснований для своего появления и нередко, вопреки длительному успешному использованию, оказывавшейся в конце-концов полностью ошибочной».

Если это так, и ученые, логики и философы науки полностью согласны с тем, что это неотъемлемые свойства научных устремлений, то можем ли мы рассматривать психологию и общественные науки как истинно научные? Собственно говоря, достигли ли они этой ступени или же остаются на донаучной стадии сбора обособленных фактов и прочих не принимаемых в расчет пустяков? Я думаю, ответ должен состоять в том, что некоторые разделы психологии уже достигли стадии науки, а другие находятся на донаучной ступени. Тем, кто сомневается в первой части данного утверждения, я хотел бы предложить остаток этой главы в качестве примера, показывающего возможность достижения выводов из всеобщих законов и эмпирической проверки таких выводов, которые составляют, как мы только что видели, суть науки.

Первая вещь, поражающая нас при взгляде на общественные отношения, политическое поведение, партийную борьбу и голосование, — это впечатление об отсутствии в них чего бы то

ни было, во всех смыслах, естественного, и представление о них как о следствии некоего обучения. Впрочем, какой бы верной не казалось в определенные моменты старая поговорка «Каждый мальчик и каждая девочка, родившиеся в этом мире, либо маленький радикал, либо маленький консерватор», в глубине души каждый из нас знает, что это не так. Представьте только реакцию эскимоса на предвыборную избирательную кампанию, проводимую на основе национализации сталелитейной промышленности, или зулуса, у которого пытаются узнать его мнение об относительной важности федерального права и прав штата! Мы изучаем политику так же, как изучаем язык, и если хотим узнать что-нибудь о политических отношениях, то должны уметь обращаться с законами обучения.

При этом мы видим, что здесь, оказывается, существует не один, а скорее два закона, которые признаны уже много лет, хотя только в последние годы они были сформулированы в достаточно явном виде, поддающемся экспериментальному исследованию. Мы можем назвать один из них законом гедонизма, а другой — законом ассоциации. Закон ассоциации просто утверждает, что мы узнаем, что А предшествует В, потому что в прошлом А и В всегда, или очень часто, ассоциировались друг с другом. С другой стороны, закон гедонизма гласит, что мы изучаем вещи потому, что они некоторым образом воздействуют на наше благополучие. Просто ассоциации недостаточно; она должна сопровождаться некоторым видом вознаграждения или наказания.

Эти два взгляда можно подтвердить на основании двух экспериментов. Чтобы охарактеризовать ассоциативную точку зрения, обратимся за помощью к собакам Павлова, о которых мы говорили в предыдущей главе. Простая ассоциация звонка и пищи, повторенная несколько раз, побуждает собаку научиться тому, что звонок сопровождается получением пищи, и вызывает слюноотделение в ответ только на звонок. С другой стороны, в эксперименте с ящиком Скиннера, также упоминавшемся в предыдущей главе, крыса добывает порцию пищи, случайно нажав на рычаг, соединенный с кормушкой. Насыщение, произведенное этим действием, побуждает крысу научиться особенному движению, чтобы получать пищу всякий раз, когда захочется. Эти два раз-

личных типа изменения нервной системы животного в результате опыта могут быть названы, соответственно, обусловленностью и обучением.

Теперь мы должны исследовать результаты в политической сфере, которые можно вывести из нашего знания этих двух различных процессов. Для начала давайте обратимся к некоторым сведениям о том обществе, в котором мы выросли, сведениям, которые каждый ребенок получает в первые годы своей жизни. Итак, мы должны знать: люди отличаются по своему общественному положению. Под положением мы имеем в виду зарабатываемое человеком количество денег, его образование или образование, которое он может предоставить своим детям, его дом и район города, где он живет, его произношение, тех людей, с которыми он общается, и так далее и тому подобное. В качестве одной крайности возьмем миллионера, который живет в огромном доме в привилегированном квартале города, держит нескольких горничных и дворецких, разъезжает на нескольких автомобилях, посылает своих детей на учебу в Итон и Оксфорд, занимается спортом со старыми школьными друзьями и говорит с таким произношением, которое все признают «превосходным». Вторая крайность — безработный, дремлющий на скамейке на набережной, за которым никто не ухаживает, в поношенной одежде, голодный, и с произношением, непонятным почти никому, кто не знаком с той частью страны, откуда родом этот парень. Между этими двумя крайностями располагаются всевозможные общественные ступени, однако в целом не составляет большого труда непрерывно распределить всех людей от одного конца до другого.

С практической точки зрения часто бывает полезно распределить людей по ряду групп в соответствии с положением. Существует множество типов такой классификации, например, используемая при опросах институтом Гэллапа. Верхняя группа, или Av+, характеризуется следующими признаками: состоятельные мужчины (или их жены) самых престижных профессий, например, богатейшие дипломированные бухгалтеры высшей квалификации, адвокаты, священники, врачи, профессора или бизнесмены высшего разряда, например, владельцы, директора, главные акционеры больших предприятий. Почти без исключения у них есть телефон, автомобиль и домашняя прислуга.

Av: Средний класс и его верхушка. Лица свободных профессий не высшей категории. Штатные конторские служащие, такие как банковские клерки; квалифицированные учителя, владельцы и управляющие больших магазинов; контролеры на фабриках, не являющиеся работниками физического труда; фермеры, если их фермы не очень крупные, иначе они попадают в группу Av+. Многие имеют телефон, автомобиль или нанимают поденных рабочих для работы по дому.

Av-: Нижняя часть среднего и рабочий класс. Самая большая группа. Рабочие, занятые физическим трудом, продавцы, обслуживающие работники кинотеатров, поверенные, конторские служащие.

Группа D: очень бедные люди, без постоянной работы, неквалифицированные рабочие или живущие только на пенсию по старости. Жилищные условия плохие. Позволяют себе только самое необходимое.

Многие психологические характеристики коррелируют с этим делением людей на разные группы в соответствии с их положением. Средний коэффициент умственных способностей мужчин группы Av+ (но не обязательно их жен) составляет 140—150; группы Av — около 120, Av- — немного ниже 100, а группы D — около 90. Я обсуждал некоторые детали таких взаимосвязей в книге *«Психология: польза и вред»*, и не буду здесь повторяться. Достаточно подчеркнуть, что концепция общественного положения не определяется только на основании позиций, но связана еще и с психологическими концепциями. Вдобавок к положению, которое как объективный факт можно легко установить в отношении любого конкретного человека, мы имеем еще одну концепцию, гораздо более субъективного характера, но также очень важную для нашего анализа. Это концепция общественного класса. Каково бы ни было их действительное положение, люди в демократических странах склонны считать общество разделенным на различные классы и причислять себя к тому или иному. Это знание и убеждение довольно рано развивается у поколения наших детей. Ко времени окончания школы они так же хорошо знакомы с концепцией классовой структуры, как и их

родители. В то время как концепция классов субъективно зависит от личного мнения и убеждений каждого человека, фактически она имеет сильную связь с общественным положением. Представители группы Av+ склонны считать себя высшим классом и верхушкой среднего. Представители группы Av высказывают тенденцию относить себя к среднему классу, тогда как люди из группы Av- и многие другие, в частности, очень бедные, склонны считать себя рабочим классом. Взаимосвязь между общественным положением и социальным классом показана в таблице 3. Данные были получены Британским институтом общественного мнения по выборке из примерно 9000 человек. Можно увидеть, что понятие социального класса (как считает в каждом случае сам опрашиваемый) и общественного положения (как считает в каждом случае опрашивающий после беседы с опрашиваемым) довольно точно соответствуют друг другу. В действительности эта таблица преуменьшает степень соответствия, существующего между двумя концепциями, поскольку оценка опрашивающим общественного положения человека, как известно, не слишком надежна. При внесении поправки соответствие становится намного выше указанного в таблице.

Таблица 3

Взаимосвязь между общественным положением и социальным классом (в процентах)

Положение	Класс				
	Высший и верхушка среднего	Средний	Ниже среднего	Рабочий	Не знаю
Av+	57	36	4	3	—
Av	16	58	13	10	3
Av-	2	20	20	55	3
D	—	7	8	76	11

Таким образом, мы начали наш анализ с двух хорошо известных и общепринятых фактов, а именно, что люди отличаются по общественному положению, осознают эти различия и, как следствие, считают самих себя принадлежащими к определенным социальным классам. Продолжим, отметив то обстоятельство, что могут возникать определенные политические события, которые будут способствовать целям людей, принадлежащих одному социальному классу, и противоречить интересам людей, принадлежащих другому классу общества. В самом деле, будет трудно найти много событий, которые не относились бы тем или иным образом к этой категории. Эта общеизвестная истина часто облекается в форму аналогии с общественным пирогом. Несмотря на то, что он слоеный, некоторые люди будут получать больше, чем другие, и интересы одной группы будут почти наверняка противоположны целям другой. В этих условиях кажется почти неизбежным возникновение политических групп, представляющих соответствующие интересы. На самом деле, как хорошо известно, во всех демократических странах возникают группы политических партий, представляющие эти различия в интересах. По общепринятой традиции, партии, представляющие интересы высших социальных групп, называются консервативными, или правыми партиями, тогда как партии, представляющие интересы низших социальных групп, называются радикальными, или левыми.

Это раздвоение представляет собой неизбежное следствие закона обучения и может быть непосредственно выведено из него. Радикальное правительство, действуя в интересах групп с низким общественным положением, будет, таким образом, помогать членам групп с низким общественным положением и вознаграждать их за то, что они голосуют за одну конкретную партию. Наоборот, консервативное правительство, действуя в интересах групп с высоким общественным положением, будет, таким образом, помогать членам групп с высоким общественным положением и вознаграждать их за то, что они голосуют за другую конкретную партию. Крыса в ящике, получающая пищу, нажимая на красный рычаг, и получающая удар электрическим током, нажимая на синий рычаг, очень быстро научится нажимать на один и избегать другого. Точно так же избиратели, получающие от одного правительства блага, а от другого — снижение их общественного положения, скоро научатся голосовать в соответствии со своими интересами. В

этом выводе нет ничего непостижимого или слишком сложного, а принцип является общепринятым. Таблица 4 показывает взаимосвязь между общественным положением и политическим отношением в Великобритании. Опять же необходимо помнить, что взаимосвязь была бы сильнее, будь оценки социального положения надежнее. Однако даже приведенные значения не оставляют сомнений в том, что для репрезентативной выборки населения существует тесная связь между волеизъявлением и общественным положением. Такая же тесная взаимосвязь существует и между общественными классами и поведением во время выборов. 79 процентов тех, кто относит себя к высшему классу и верхушке среднего, голосуют за консерваторов, тогда как 20 процентов считающих себя рабочим классом голосуют таким же образом. Только группа из 5 процентов самозваных представителей высшего класса голосует за лейбористов, в то время как более 90 процентов тех, кто относит себя к рабочему классу или нижним слоям среднего класса, также голосуют за лейбористов.

Таблица 4

Взаимосвязь между общественным положением и политическим отношением (в процентах)

Положение	Консерваторы	Лейбористы	Либералы	Другие	Не знаю	Общее число
Av+	77	8	11	—	3	447
Av	63	16	12	1	10	1855
Av-	32	47	9	1	11	4988
D	20	52	9	1	18	1621
Общее число	3411	3545	894	60	1001	8911

Может возникнуть вопрос, почему взаимосвязь не безупречна. Если наше обобщение справедливо и закон именно такой, как указано, то, несомненно, весь рабочий класс должен голосовать за лейбористов, а весь средний класс — за консерваторов. Этого не происходит по целому ряду причин. Для начала, в обучении крысы нажимать на один рычаг и избегать другого для выработки соответствующего поведения требуется большое число повторений. Напротив, количество выборов, в которых принимает участие тот или иной человек, ограничено. Немногие люди, голосующие в этом году, участвовали в четырех или пяти предыдущих выборах. Из этого следует, что количество полученного подкрепления сравнительно невелико, и, значит, можно преположить довольно случайное поведение.

Более того, в эксперименте с крысой вознаграждение неизбежно и следует незамедлительно. В случае политических действий вознаграждение не столь неизбежно и может последовать далеко не сразу. В данное время рабочий класс может быть более состоятельным под управлением лейбористского правительства, чем это было бы в то же самое время при правлении консерваторов. Однако из-за общей мировой обстановки, находящейся вне контроля любого британского правительства, абсолютное благосостояние рабочего класса может быть даже худшим, чем то, которым он обладал при предыдущем правительстве консерваторов. При таких условиях картина подкрепления довольно беспорядочна, и поэтому невозможно ожидать безупречного совпадения классовой принадлежности и поведения во время выборов.

Возникает еще один аспект, который состоит в том, что это поведение можно использовать для выражения убеждений и эмоций, не относящихся к рассматриваемым вопросам. Так, сын грубого и невнимательного отца-консерватора может голосовать за лейбористов не потому, что чувствует какую-то близость к социалистическим убеждениям, а просто потому, что хочет вызвать раздражение своего отца. Наоборот, сын такого же грубого социалиста может голосовать за консерваторов по той же причине. Случаи такого типа не являются систематическими в каком бы то ни было смысле, и на протяжении длительного времени будут уравновешиваться. Однако они способствуют тому, что соответствие между общественными классами и положением, с одной стороны, и поведением во время выборов — с другой, становится менее совершенным.

Теперь должно быть понятно, почему мы не ожидаем и не обнаруживаем в действительности никакой корреляции между личностью и политическим поведением для рассматриваемого континуума правые — левые или консерваторы — радикалы. Может случиться и так, что очень ограниченные люди медленнее учатся разбираться, где лежат их настоящие интересы, и, таким образом, возможно, голосуют против той партии, которая в действительности дала бы им наибольшее количество благ. Возможно также, что некоторые невротические и эмоционально неустойчивые индивидуумы могут, по неясным и иррациональным причинам, быть в оппозиции к той партии, которая наилучшим образом воплощает в жизнь их интересы. Может существовать множество других индивидуальных особенностей, которые в каждом конкретном случае способны побудить конкретного человека реагировать таким образом, который противоречит установленному нами обобщению. Однако эти исключения не имеют систематического характера. Ограниченный представитель рабочего класса, который может проголосовать против своих интересов, будет уравновешиваться ограниченным представителем среднего класса, голосующим против своих интересов. Таким образом, в этом случае не будет и корреляции между интеллектом и тенденцией голосовать скорее за одну партию, чем за другую. Итак, хотя эти индивидуальные склонности делают закон менее универсальным, они не создают никаких систематических тенденций.

Пожалуй, необходимо сказать несколько слов о положении, существующем в настоящее время в Соединенных Штатах. Там часто можно услышать, что страна относительно свободна от концепций общественных классов и что главные политические партии не разделены, как европейские партии, на какой бы то ни было классовой основе. Это весьма и весьма далеко от истины. Многочисленные исследования показали, что американцы считают себя представителями рабочего или среднего класса почти в такой же степени, как и англичане, французы или немцы. Кроме того, выяснилось, что политическая связь с классом и положением в обществе в Соединенных Штатах также достаточно сильна. В общем и целом группы с низким общественным положением и те, кто считает себя рабочим классом, склонны голосовать за демократическую партию, тогда как группы с высоким положением и люди, относящие себя к среднему классу, проявляют тенденцию голосовать за республиканскую партию. Взаимосвязь между классом и общественным положением, с одной стороны, и поведением во время выборов — с другой, не так сильна, как в европейских странах, но ее степень с годами возрастает, и есть все основания полагать, что через несколько лет структура партий и их группировка во всех отношениях будут копией того, что наблюдается здесь.

К этому моменту мы в некоторых деталях ознакомились с предполагаемыми следствиями гедонистического закона обучения. Теперь мы должны рассмотреть следствия, происходящие из ассоциативного закона обусловленности. Для этого необходимо обратиться к помощи аргумента, уже представленного в одной из предыдущих глав. Как читатель помнит, различия во врожденной способности людей легко и быстро формировать условные рефлексы были ответственны за явные индивидуальные различия в темпераменте, в частности, вдоль континуума экстраверсии — интроверсии. Мы также видели, что уровень социализации, которого по требованию достигал человек, в большой степени определялся его «обусловливаемостью». Так, человек, у которого условные рефлексы формировались легко и быстро, был склонен становиться сверхсоциализированным, по сравнению со средним уровнем, а человек, у которого условные рефлексы формировались медленно и с трудом, был склонен становиться недосоциализированным, в сравнении со средним уровнем.

В сфере общественного поведения и общественных отношений существует два аспекта, в которых социализация будет проявляться наиболее явно, — это сексуальное и агрессивное поведение. В этом случае мы имеем наиболее очевидный конфликт между очень сильными и действенными желаниями и страстями человека и в равной степени сильными и действенными общественными запретами и ограничениями. Можно сказать, что процесс социализации состоит, по большей части, из воздвижения барьеров перед немедленным удовлетворением агрессивных и сексуальных побуждений. Эти барьеры совершенно необходимы для выживания общества, и в той или иной

форме они существуют даже в обществе самого примитивного типа. Однако какими бы важными они ни были для общества, они утомляют и раздражают того индивидуума, который считает себя ущемленным в выражении того, что является для него совершенно естественными потребностями и желаниями. Таким образом, это потенциальная область большого конфликта, и здесь, как нигде, мы можем ожидать наиболее явного контраста между экстравертом и интровертом; легко обусловливаемым и плохо обусловливаемым. Как будет этот конфликт проявляться в сфере общественных отношений и политического поведения?

Наше предположение непосредственно следует из сказанного до сих пор. Мы предполагаем найти континуум, простирающийся от интровертированного до экстравертированного типа отношений, от сверхсоциализированности до недосоциализированности. На одной стороне мы будем предполагать сильное противодействие барьеров того или иного рода, препятствующих свободному выражению сексуальных или агрессивных побуждений. Эти барьеры могут быть религиозного или нравственного характера, но, общим для всех убеждений и отношений с этой стороны будет желание ограничить открытое выражение общественно неприемлемого поведения. На другой стороне континуума мы предполагаем найти противоположность, то есть сравнительно открытое требование ослабления запретов, неприкрытое желание выражения сексуальных и агрессивных побуждений. Способом таких отрытых проявлений стала клевета на религиозные и моральные нормы. Итак, с одной стороны мы должны обнаружить тактично-послушное отношение к обычаям и правилам, защищающим общество от биологических потребностей человеческой натуры, с другой — обнаружить жестко-непримиримое желание отвергнуть эти обычаи и правила и стремление к прямому выражению животных инстинктов.

Таким образом, данная гипотеза приводит нас к предсказанию существования, вдобавок к нашему консервативно-радикальному континууму, жестко-непримиримого против тактичнопослушного континуума, совершенно не связанного с первым, и следовательно, полностью противоречащего широко известной и популярной политической ереси. Прежде чем обратиться к доказательству, показывающему, действительно ли это предсказание подтверждается, давайте кратко рассмотрим структуру политических группировок и партий в Англии. Как сказал Дизраэли: «Партия — это организованное мнение», и поэтому изучение организации отношения, воплощенного в основных партиях, будет иметь отношение к нашей проблеме.

Рассматривая взаимоотношения между партиями, мы находим две явно противоречащие друг другу и довольно широко распространенные теории. Часто считается, что основные политические силы этой страны — консерваторы, социалисты, либералы, коммунисты и фашисты — образуют континуум левых—правых таким образом, что коммунисты, считается, находятся на левом краю, социалисты — несколько ближе к центру, либералы посередине, консерваторы правее, а фашисты — на самом краю справа. Эта теория графически представлена на рисунке 7 (а).

С другой стороны, многие считают такой порядок расположения несколько неубедительным. Они возражают, говоря, что коммунисты и фашисты имеют очень много общего, что противопоставляет их демократическим партиям, и что размещать их на противоположных краях континуума явно абсурдно. Следовательно, говорят возражающие, в действительности мы будем иметь континуум другого типа, на одном краю которого находятся коммунисты и фашисты, а на другом — демократические партии. Иногда аргументация заходит несколько дальше, и говорится, что и демократические партии в этом континууме могут быть разделены. При этом либералы находятся в крайней оппозиции к коммунистам и фашистам, а социалисты и консерваторы чуть менее оппозиционны доктринам этим двух авторитарных партий. Данная гипотеза схематично представлена на рисунке 7 (б).

Без сомнения, большинство людей найдет в некоторой степени правильными обе эти, казалось бы, противоречащие друг другу гипотезы. Но противоречие легко устранить, если мы решим, что требуется не одно измерение, или континуум, а два, расположенных под прямым углом друг к другу. Один из этих двух континуумов, радикально-консервативный, будет распределять партии по линии от коммунистов слева до фашистов справа. Другой континуум, который можно назвать авторитарно-демократическим,

будет располагаться перпендикулярно первому и распределять партии с коммунистами и фашистами на авторитарном конце, а либералов — на демократическом конце. Это решение показано на рисунке 7 (в). В данный момент оно представлено как чистая гипотеза, а не как фактическое утверждение. Позднее мы увидим, что имеется довольно сильное доказательство в пользу этой гипотезы и что рисунок 7 (в) представляет действительность с хорошим приближением.

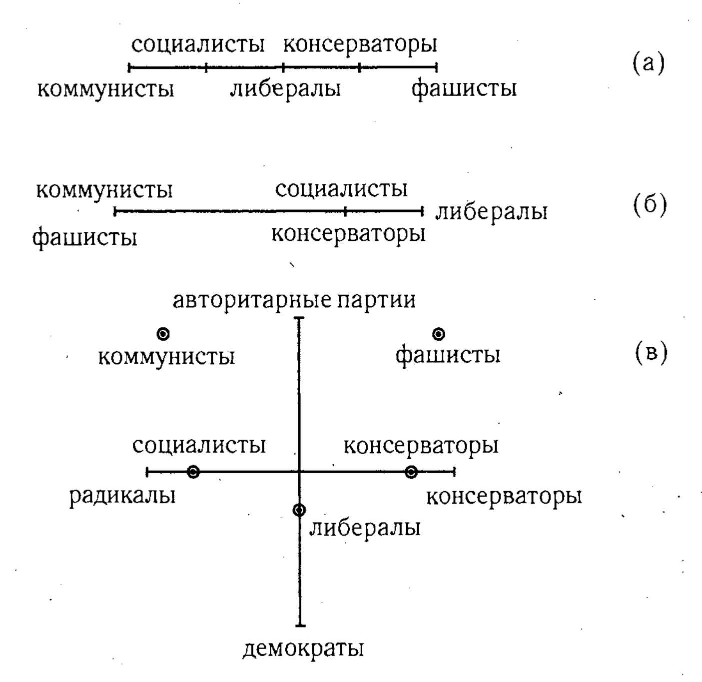

Рис. 7. Схематическая иллюстрация трех гипотез относительно соответствующих позиций различных политических партий

Мы можем сделать еще один шаг вперед и задать себе вопрос, а нельзя ли идентифицировать эту группу политических партий при помощи организации отношений, которую мы вывели из принципов обучения и обусловленности. Радикально-консервативный континуум представлен в обеих гипотезах, и мы можем легко принять вероятность того, что и здесь имеем дело с идентичными понятиями. Можем ли мы пойти дальше и

идентифицировать авторитарно-демократический континуум с нашим тактично-послушным против жестко-непримиримого континуумом? На априорных основаниях и судя по общим знаниям и наблюдениям это кажется в некоторой мере оправданным. Высокая степень агрессивности недемократических партий этой страны хорошо известна, как и крайняя степень отсутствия сексуальной нравственности, характеризующая многих сторонников двух экстремистских групп. (То, что является правдой о коммунистах в Европе, Великобритании и Соединенных Штатах, не обязательно применимо к СССР или другим странам, в которых коммунисты у власти.) Однако подобного рода решения, вынесенные с точки зрения здравого смысла, не имеют научного значения, и хотя в состоянии представить частное решение как разумное, все же не могут служить доказательством. Следовательно, мы должны поставить себе задачу найти такое доказательство, если его вообще можно найти.

В поисках доказательства в пользу нашей гипотезы мы прежде всего должны более точно указать, что же именно утверждаем. А мы утверждаем, что отношения и мнения по социальным вопросам не являются независимыми друг от друга, но организованы и структурированы. Иными словами, они проявляют тенденцию выглядеть как блоки. Более того, мы предполагаем, что существуют два основных набора этих блоков, которые, взятые вместе, объясняют основную часть взаимосвязей между различными отношениями. Один из них мы назвали радикально-консервативным блоком, а другой — жестко-непримиримым против тактично-послушного. Какое же доказательство нам надо привести, чтобы показать, что, во-первых, эти отношения действительно связаны друг с другом, а во-вторых, что они приводят к двум наборам блоков, которые мы определили?

Сравнительно нетрудно ответить на первую часть вопроса. Этот ответ зависит, по сути дела, от статистического метода *связи*. Давайте возьмем два логически независимых отношения. Например, «Евреи трусливы» и «В этой стране у евреев слишком много власти и влияния». Логически между этими двумя утверждениями нет никакой связи. Человек может быть трусливым, не имея большой власти и влияния в стране, и наоборот, он может обладать большой властью и влиянием, не буду-

чи при этом трусливым. Следовательно, нет логического указания, что человек, подтверждающий одно утверждение, будет также подтверждать и второе. Однако мы можем утверждать, что в этом случае имеет место континуум антисемитизма, исходя из условия, что некоторые люди будут склонны подтверждать все антисемитские заявления, тогда как другие — не станут соглашаться ни с одним из них. Будь это правильно, мы бы обнаружили, что в действительности люди были бы склонны либо подтверждать оба заявления, либо не подтверждать ни одного. Сравнительно небольшое число людей подтверждали бы одно и не подтверждали другое заявление. Давайте предположим, что мы опросили тысячу человек и что, как показано ниже, 450 подтвердили оба заявления, 350 не подтвердили ни одного, 100 человек подтвердили заявление о том, что евреи трусливы, но не подтвердили заявления о том, что у них слишком много власти и влияния в этой стране, тогда как оставшиеся 100 человек согласились с заявлением о том, что у евреев слишком много власти и влияния, но не подтвердили заявления о том, что они трусливы (эти цифры полностью вымышлены и приведены лишь с целью пояснения).

		У евреев слишком много власти и влияния	
		Да	Нет
Евреи трусливы	Да	450	100
	Нет	100	350

Из схемы видно, что в действительности существует связь одного утверждения с другим. Человек, убежденный в том, что евреи трусливы, считает, что у них слишком много власти и влияния в этой стране, с вероятностью, в 4,5 раза большей, чем человек, не считающий, что евреи трусливы. Мы можем измерить степень связи, содержащейся в этой схеме, и выразить ее конкретным числом, которое обычно представляется в виде коэффициента, изменяющегося от нуля, в том случае, когда связи нет вообще, до единицы, когда существует полное согласие. Если бы число людей в каждой из четырех ячеек нашей таблицы в точности равнялось 250, то связи бы не было, и корреляция равнялась нулю.

Если бы число случаев в ячейках с утвердительным и отрицательным ответом для обоих утверждений равнялось 500, то связь была бы полной, и корреляция была бы равна 1. Мнение человека по одному вопросу полностью определяло бы его мнение по другому вопросу.

В действительности диапазон корреляции между различными отношениями составляет от 0,2 с меньшей стороны до примерно 0,7—0,8 с большей стороны. Итак, в области общественных отношений существуют определенные связи, но они представляют тенденции, а не несомненные факты.

Изучая фактические связи статистическим методом на больших выборках населения, мы обнаруживаем, что эти связи организованы в некий вид иерархической системы. Внизу иерархии мы находим миллион и одно случайное выражение отношения или мнения, которые мы высказываем в течение нашей жизни. Некоторые из них характеризуют наши долгосрочные взгляды, другие же являются совершенно мимолетными и могут быть просто результатом временного раздражения. Так, у человека, чей новый автомобиль поцарапала неопытная женщина-водитель, до некоторой степени случайным образом может возникнуть желание высказать несколько резких замечаний о женщинах-водителях. При этом в более спокойной для него обстановке он не имеет непременно подразумевающейся антифеминистской позиции. Только в том случае, когда высказывание мнения происходит более одного раза, мы достигаем его относительной стабильности, которая делает его пригодным для измерения и записи.

Таким образом, если человек в нескольких случаях высказывается в том духе, что детей должно быть видно, но не слышно, то мы можем рассматривать это как подлинное выражение мнения.

Подобные мнения коррелируют между собой. Мы видели это на примере с двумя мнениями о том, что «Евреи трусливы» и «В этой стране у евреев слишком много власти и влияния». Взаимосвязи такого рода, вовлекающие множество мнений в дискуссии по одному центральному вопросу (в этом случае — отношения к евреям), дают начало чему-то вроде концепции более высокого порядка, чем концепция мнения, а именно — концепции уста-

новки. Однако сами установки не являются несвязанными, и когда мы анализируем взаимосвязи между ними, то приходим к конструкции еще более высокого порядка, а именно — к идеологии, например, идеологии консерватизма.

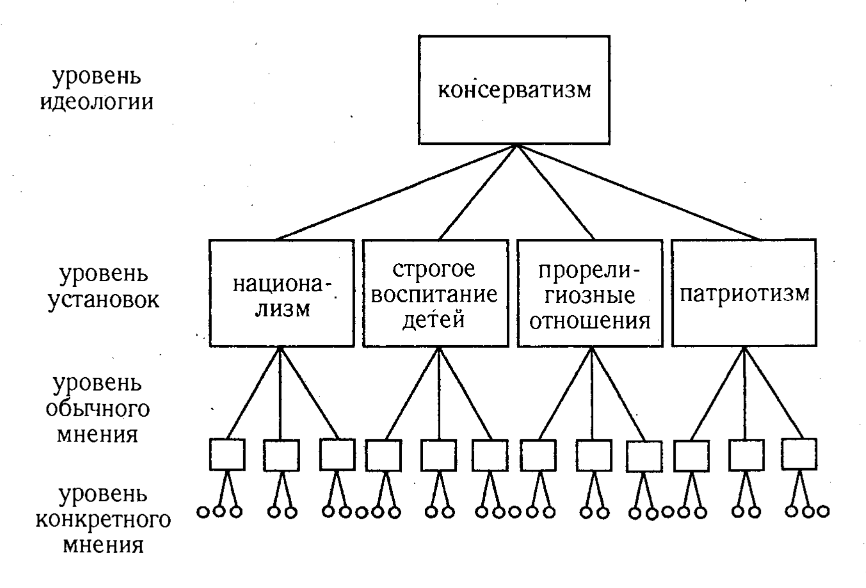

Рис. 8. Схематическая иллюстрация структуры установок

Иерархическая система, подобная описанной нами, иллюстрируется рисунком 8. Изучая этот рисунок, необходимо помнить, что подразумеваемые здесь взаимосвязи никоим образом не являются случайными или основанными на априорных соображениях со стороны исследователя. Рисунок просто представляет в схематическом виде реальные взаимосвязи, наблюдаемые между установками и мнениями, которых придерживаются репрезентативные выборки населения. Связь одного мнения или установки в другой является фактической. Ее измерение основано на выражении точек зрения тысяч людей, выбранных случайным образом из общей совокупности населения. Вот какой момент очень важно помнить. Вклад психолога состоит из теории и способа анализа и организации данных. Однако действительное содержание этой схемы определяется людьми, чьи мнения и установки он анализирует.

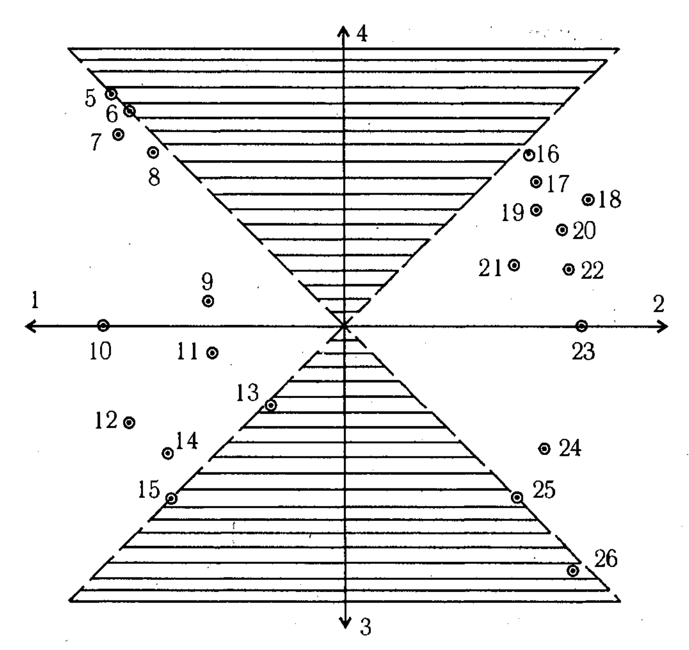

Рис. 9. Эмпирически определенные взаимосвязи различных социальных установок друг с другом и с двумя основными принципами организации:

1 — радикализм; 2 — консерватизм; 3 — тактичность-послушание; 4 — жесткость-непримиримость; 5 — брак, перед заключением которого будущие супруги договариваются о количестве детей и условиях развода; 6 — упрощенное бракоразводное законодательство; 7 — празднование воскресенья устарело; 8 — отмена абортов и лицензионного законодательства; 9 — отмена ограничений на замужество учительниц; 10 — отмена частной собственности; 11 — патриотизм — сила, направленная против мира; 12 — отказ от национального суверенитета; 13 — запрет принудительной стерилизации; 14 — пацифизм; 15 — отказывающиеся от прохождения военной службы по политическим или религиозно-этическим убеждениям не являются предателями; 16 — цветные (люди) неполноценны; 17 — евреи слишком влиятельны; 18 — телесное наказание; 19 — суровое обращение с преступниками; 20 — смертная казнь; 21 — «экономия розог»; 22 — против смешанных браков; 23 — национализация неэффективна; 24 — сделать религиозное образование обязательным; 25 — сделать контроль рождаемости незаконным; 26 — возврат к религии

Его гипотеза может предусматривать высокую корреляцию между двумя мнениями, но будет ли такая корреляция существовать на самом деле, — вот вопрос, ответ на который может дать только эмпирическое исследование.

Каков же вердикт такого эмпирического исследования, примененного к гипотезам, которые мы рассматриваем в настоящий момент? Результат выполнения детального анализа такого рода на выборках из нескольких тысяч мужчин и женщин, представителей рабочего и среднего классов всех уровней образования, всех возрастов и голосующих за весь спектр политических партий страны, приведен на рисунке 9. Здесь представлена организация мнений и установок, объективно определяемая расчетом связей. Можно видеть, что результат весьма сильно подтверждает нашу общую теорию. Действительно, наблюдаются две основных противостоящих группы идеологий, соответствующих радикализму и консерватизму, и тактичности-послушанию и жесткости-непримиримости. Консервативные убеждения явно содержат мнение, что национализация неэффективна, что религиозное образование должно быть обязательным, что цветные люди неполноценны, что контроль рождаемости необходимо сделать незаконным, что смертная казнь должна быть сохранена и так далее. С другой стороны, радикалы убеждены, что частную собственность следует отменить, что празднование воскресенья устарело, что мы должны отказаться от национального суверенитета в интересах мира и так далее. То, что эти пункты в действительности представляют консервативное и радикальное мнения, можно продемонстрировать при помощи простого расчета. Процент одобрительных утверждений для каждого пункта был рассчитан отдельно для избирателей, голосующих за консервативную и лейбористскую партии. Избиратели были выравнены по социальному классу, образованию, возрасту, полу и другим важным переменным. Затем для каждого пункта была рассчитана разница утверждений в процентах. В результате обнаружилось, что мнения по указанным выше, а также по другим вопросам, приведенным на рисунке, действительно выявили заметную разницу в утверждениях между избирателями консервативной и лейбористской партий. Следовательно, не вызывает сомнений, что и здесь мы имеем дело с подлинным радикально-консервативным континуумом.

А что насчет жестко-непримиримого—тактично-послушного континуума? Видно, что наше предположение подтверждается. На жестко-непримиримой стороне мы видим откровенно агрессивные и сексуальные отношения. Агрессивные отношения выступают за телесные наказания, смертную казнь, суровое обращение с преступниками, телесные наказания для детей и так далее. Откровенные отношения в области секса поддерживают брак, перед заключением которого будущие супруги договариваются о количестве детей и условиях развода, или пробный брак, упрощенное бракоразводное законодательство, отмену закона об абортах, делая, таким образом, аборты более легкодоступными каждому, и так далее. С другой стороны, отношения, характеризующие тактично-послушную сторону континуума, придают особое значение этическим и религиозным ограничениям и пацифизму, отказу от национального суверенитета, возврату к религии, приданию религиозному образованию статуса обязательного, признанию незаконным контроля рождаемости и отмене телесных наказаний и смертной казни. Следовательно, в ходе нашего анализа отношений это представляет существенное доказательство то, что сделанный нами вывод подтверждается.

Однако мы до сих пор не показали, что наш анализ взаимосвязей между политическими партиями таков, как предположительно изображен на рисунке 7 (в), и к этой задаче мы и должны сейчас обратиться. Если наша гипотеза верна, то предположим, что коммунисты должны быть жестко-непримиримыми радикалами, а фашисты — жестко-непримиримыми консерваторами. Либералы должны быть тактично-послушной частью и промежуточным звеном в континууме радикализма — консерватизма, а социалисты и консерваторы — промежуточным звеном в тактично-послушном континууме между авторитарными партиями и либералами, и между левыми и правыми, соответственно, в радикально-консервативном континууме. Доказательство этого предположения отыскивалось по следующему алгоритму. Были разработаны анкеты, пункты которых наилучшим образом характеризовали консервативно-радикальный и жестко-

непримиримый—тактично-послушный континуум. Эти две анкеты мы будем называть, соответственно, опросными листами R и T, которые могут рассматриваться как достаточно надежные и обоснованные критерии двух наших континуумов. Их опробовали и усовершенствовали в целом ряде исследований, прежде чем наконец применили к большим группам людей — членов различных партий, с которыми мы имеем дело, или голосовавших за них. Результаты этих опросных листов были определены и представлены в графическом виде. После этого выяснилось, что наше предположение об относительных положениях различных групп подтвердились во множестве деталей. Единственное расхождение произошло в отношении к фашистам, которые в действительности были жестко-непримиримыми и консервативными, но в меньшей степени, чем избиратели консервативной партии. Во всех остальных деталях предположение в точности исполнилось. Следовательно, мы можем сделать вывод, что наша гипотеза в значительной степени прогностична.

Читателя может заинтересовать определение своей собственной позиции и позиции других людей относительно этих двух континуумов. С этой целью ниже я привожу анкету из 60 пунктов, которую можно применить для определения результата по обоим, R и T, континуумам. Читатель может сначала заполнить анкету, а затем посмотреть разъяснение для расшифровки результата. Инструкции, предшествующие анкете, точно такие же, как и те, которые обычно давались вместе с ней. Разъяснение, а также способ подсчета баллов и среднего балла для различных репрезентативных выборок приведены в конце этой главы.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК

Ниже приведены 60 высказываний, которые представляют широко распространенные мнения по различным социальным вопросам, отобранные из выступлений, книг, газет и других источников. Они подобраны таким образом, что большинство людей, вероятно, согласятся с некоторыми из них и не согласятся с остальными.

От вас требуется записать ваше личное мнение после каждого высказывания. Вы должны использовать следующую систему оценок:

\+ + если вы в большой степени согласны с высказыванием;

\+ если вы согласны в целом;

0 если вы не можете решить ни «за», ни «против», или полагаете, что вопрос сформулирован так, что вы не можете дать на него ответ;

– если вы не согласны в целом;

– – если вы не согласны в большой степени.

Просьба отвечать искренне. Помните, что это не тест. Здесь нет «правильных» или «неправильных» ответов. Требуемый ответ — это ваше личное мнение. Не пропускайте ни одного вопроса. Анкета анонимная, поэтому не пишите свое имя.

Отвечая на вопросы анкеты, ни с кем не советуйтесь.

Мнение, выраженное в высказывании	*Ваше мнение*
1. Нация существует для блага людей, составляющих ее, а не люди существуют для блага нации.	
2. Цветные от природы хуже белых.	
3. Война заложена в природе человека.	
4. В конечном счете частная собственность должна быть отменена и введен полный социализм.	
5. Люди с серьезными врожденными дефектами и болезнями должны принудительно стерилизоваться.	
6. В интересах мира мы должны частично отказаться от нашего суверенитета.	
7. Промышленность и торговля должны быть свободны от правительственного вмешательства.	
8. Бракоразводное законодательство должно быть изменено для облегчения разводов.	

9. Так называемый неудачник вовсе не заслуживает жалости или помощи удачливых людей.
10. К людям, совершившим насильственные преступления, должны применяться телесные наказания.
11. Национализация крупных отраслей промышленности ведет, вероятно, к неэффективности, бюрократии и застою.
12. Мужчины и женщины имеют право до брака выяснить, подходят ли они друг другу в сексуальном отношении (гражданский брак).
13. Высказывание «Это моя страна, права она или не права» — совершенно верная установка.
14. Средний человек может хорошо жить и без религии.
15. Было бы ошибочным назначать цветных начальниками над белыми.
16. Люди должны понимать, что их величайшей обязанностью является семья.
17. Жизни после смерти нет.
18. Смертная казнь — это варварство, и она должна быть отменена.
19. Могут быть небольшие исключения, но, в общем, все евреи одинаковы.
20. Атомная бомбардировка японских городов, убившая тысячи невинных женщин и детей, была аморальна и несовместима с нашим типом цивилизации.
21. Контроль рождаемости, за исключением случаев, рекомендованных врачом, следует сделать незаконным.
22. Люди, страдающие неизлечимыми болезнями, должны иметь возможность безболезненного умерщвления.
23. Воскресные праздники старомодны и должны прекратить влиять на наше поведение.

24. Капитализм аморален, потому что эксплуатирует рабочих, лишая их выплаты полного вознаграждения за труд.
25. Мы безоговорочно должны верить всему, что говорит нам церковь.
26. Человек должен быть свободен в выборе своего образа жизни, если он этого хочет, без всякого вмешательства со стороны общества.
27. Свободная любовь между мужчинами и женщинами должна поощряться как средство, способствующее психическому и физическому здоровью.
28. Обязательная военная подготовка в мирное время важна для выживания нашей страны.
29. Сексуальные преступления, такие как изнасилования и нападения на детей, заслуживают большего наказания, чем просто тюремное заключение. Такие преступники должны наказываться телесно или еще строже.
30. Ложь во спасение — часто хорошая вещь.
31. Понятие бога — изобретение человеческого ума.
32. Неправильно, что общество должно разрешать мужчинам иметь большую сексуальную свободу, чем женщинам.
33. Церковь должна пытаться увеличить свое влияние на жизнь нации.
34. Человек, отказывающийся от прохождения военной службы по политическим или религиозно-этическим убеждениям, — предатель своей страны, и с ним нужно обращаться соответственно.
35. Законодательство, направленное против абортов, должно быть отменено.

36. Большинство религиозных людей — лицемеры.
37. Сексуальные связи, за исключением брачных, всегда неправильны.
38. Беженцы из Европы должны заботиться о себе сами.
39. Только возврат к религии может дать цивилизации надежду на выживание.
40. Неправильно наказывать человека, помогающего другой стране, за то, что он предпочитает ее своей собственной.
41. Справедливо, что борьба за существование отсеивает тех, кто не выдерживает темпа.
42. Принимая участие в мировых организациях любого типа, страна должна быть определенно уверена, что ни ее независимость, ни ее авторитет не будут утрачены.
43. В наши дни все больше и больше людей вмешиваются не в свои дела.
44. Все формы дискриминации по отношению к цветным расам, евреям и т.д. должны быть незаконными и подвергаться суровому наказанию.
45. Обязательность религиозного образования в школах правильна и уместна.
46. Евреи такие же полезные граждане, как и любая другая группа.
47. Наше обращение с преступниками слишком сурово. Мы должны стараться исправить их, а не наказывать.
48. Церковь — главная сила, противостоящая дурным тенденциям в современном обществе.
49. В поездках без билета время от времени нет вреда, если можно выйти сухим из воды.
50. Японцы — люди, жестокие по натуре.

51. Жизнь настолько коротка, что человек вправе доставлять себе столько удовольствий, сколько может.
52. Иностранная оккупация лучше войны.
53. Христос был божественным, полностью или частично, в том смысле, что отличался от других людей.
54. Было бы лучше держать цветных в их собственных округах и школах, чтобы предотвратить слишком частые контакты с белыми.
55. Гомосексуалисты вряд ли лучше преступников и должны сурово наказываться.
56. Вселенную создал Бог.
57. Кровавые виды спорта, например, охота на лис, порочны и жестоки, и их следует запретить.
58. Поддержание внутреннего порядка в стране важнее гарантий полной свободы для всех.
59. Каждый человек должен безоговорочно верить в некую сверхъестественную силу и безо всяких вопросов повиноваться ее решениям.
60. Деловой человек более полезен обществу, чем мыслитель.

Осталось еще один или два вопроса, которые необходимо обсудить. Первый из них связан с классовыми различиями среди жестко-непримиримого типа. Мы видели, что из нашей гедонистически-обучающей сферы можно предсказать: группы представителей рабочего класса должны быть преимущественно радикальными в своих симпатиях, тогда как группы представителей среднего класса — преимущественно консервативными. Можем ли мы сделать какое-нибудь предсказание о классовых различиях, исходя из нашей гипотезы ассоциативности—обусловленности? Ответ, как представляется, будет положительным. До сих пор в наших выводах мы пред-

полагали, что легко обусловливаемые и трудно обусловливаемые люди подвергаются приблизительно одинаковому для всех них по силе и преимущественности процессу социализации. Однако в действительности это, несомненно, не так. Мы знаем, что на самом деле некоторые дети подвергаются очень строгому процессу социализации, а другие — очень слабому. Результат, несомненно, будет определяться не только степенью обусловливаемости ребенка, но и количеством обусловленности, которое к нему применяется. Имея одинаковую степень обусловливаемости для групп детей, мы будем считать самыми «сверхсоциализированными» тех, кто подвергся наиболее строгому процессу социализации, и самыми «недосоциализированными тех, кто подвергся наиболее слабому процессу социализации.

Итак, нет причины искать какие-либо различия между общественными классами в отношении обусловливаемости, но существуют весьма веские причины предполагать значительные различия между ними относительно степени социализации, которой они подвергаются. Например, в Соединенных Штатах Кинси обратил особое внимание на разное значение, возлагаемое на сдерживание открытых сексуальных побуждений представителями групп среднего и рабочего классов. Он показал, что если родители из среднего класса ставят очень строгие преграды на пути открытого сексуального удовлетворения для своих подрастающих детей и прививают им очень высокую степень социализации, то родители из рабочего класса в целом намного более небрежны и безучастны. Например, он обнаружил, что во многих группах рабочего класса добрачные половые сношения рассматриваются не только как неизбежные, но и как вполне приемлемые.

В отношении агрессии точно так же существует достаточно свидетельств, взятых из различных социологических исследований, выполненных как в Соединенных Штатах, так и в Великобритании, и выявляющих в группах среднего класса тенденцию устанавливать для своих детей более строгие нормы, чем в группах рабочего класса. Открытое выражение агрессивности, которое осуждается в семьях среднего класса, в группах рабочего класса часто не только приемлемо, но и похвально.

Существует, конечно, множество исключений, которые незамедлительно придут на ум читателю. Есть семьи среднего класса, в которых родители совершенно не способны внедрить в сознание своих детей общественные нравы и обычаи и где открытое выражение антиобщественных склонностей явно прощается или по меньшей мере строго не осуждается. И наоборот, во многих семьях рабочего класса, особенно там, где существует стремление подвигать детей к достижению более высокого общественного положения, существует крайне сильная тенденция акцента на общепринятые ценности, и в детях прививается уважение к ним. Однако, вопреки многочисленным исключениям, существующие данные не оставляют сомнения в том, что в среднем существуют различия между общественными классами и группами, которые в общем и целом позволяют сделать обобщение, ведущее к утверждению, что процесс социализации более силен и совершенен в среднем классе, чем в группах рабочего класса.

Если это так и у нас нет причин предполагать наличие врожденных различий между двумя группами в обусловливаемости, то мы обнаружим, что группы среднего класса должны быть более тактично-послушными, чем группы рабочего класса. Эта гипотеза была подвергнута тестированию с применением анкет типа Т к группам рабочего и среднего классов, совпадающих по ряду релевантных переменных. Результат был чрезвычайно четким. Консерваторы из среднего класса оказались более тактично-послушными, чем консерваторы из рабочего класса; либералы из среднего класса оказались более тактично-послушными, чем либералы из рабочего класса; социалисты из среднего класса оказались более тактично-послушными, чем социалисты из рабочего класса. И даже коммунисты из среднего класса оказались более тактично-послушными, чем коммунисты из рабочего класса! Не нашлось достаточного количества фашистов, чтобы можно было провести сравнительное исследование среди них, но для всех других групп были выявлены значительные различия в предсказанном направлении. Таким образом, мы можем сделать обобщение и сказать, что в целом люди из среднего класса имеют склонность быть более тактично-послушными, а из рабочего класса — более

жестко-непримиримыми. Конечно, имеет место значительное наложение, но в существовании заметной средней разницы можно не сомневаться.

Еще одним вопросом, который может нас касаться, являются национальные различия. Большинство из упомянутых исследований выполнено в Великобритании, и не обязательно то, что справедливо здесь, является таковым и в других странах. К счастью, существует ряд исследований, показывающих, что организация общественных отношений во Франции, Германии, Швеции и Соединенных Штатах в действительности очень похожа на выявленную в Великобритании. Точно так же и взаимосвязи, или R- и T-размерности, для политических партий подобны тем, которые наблюдаются здесь.

Имеются, однако определенные различия, причем очень поучительные. Так, в Великобритании основные политические партии различаются почти полностью — на основании радикально-консервативного континуума, и сравнительно слабо — в отношении жестко-непримиримого и тактично-послушного континуума. Социалисты и консерваторы приблизительно равны в отношении степени их жесткой непримиримости. Либералы немного более тактично-послушны, но разница не очень велика. И только группы меньшинства, вроде коммунистов и фашистов, показали значительное отклонение от нормы.

Однако, к примеру во Франции положение сильно отличается. Было обнаружено, что T-размерность весьма далека от того, чтобы ее можно было не принимать в расчет, а, напротив, даже более важна, чем размерность радикализма—консерватизма. В то время как в Великобритании отношение важности для этих двух показателей равно приблизительно 10 : 1 в пользу радикализма—консерватизма, то постольку, поскольку речь идет об основных политических партиях во Франции, это соотношение равняется 4 : 3 в пользу тактично-послушной—жестко-непримиримой размерности. (Этого можно было ожидать ввиду хорошо известной силы коммунистов и различных фашистских групп на политической арене Франции.)

Это открытие очень важно для каждого, кто хочет сравнить политическую структуру Англии и Франции. В Англии партии делятся на основании радикализма—консерватизма. Разделение на жестко-непримиримых и тактично-послушных обычно происходит внутри основной партии, разбивая ее на подсекции. В противоположность этому во Франции основное разделение происходит относительно жесткой непримиримости и тактичного послушания, а радикально-консервативное разветвление часто обнаруживается внутри каждой из основных партий. Положение во Франции не так прозрачно, как в Англии, потому что в этом случае два принципа, или размерности, имеют примерно одинаковое значение. Тем не менее такая тенденция существует, и теперь должно быть ясно, почему британским исследователям, привыкшим к нашему типу политической организации, так трудно понять полностью отличающуюся модель французской политической сцены. Если при изучении французской политики читатель примет во внимание эти соображения, то я думаю, он найдет свою задачу существенно более легкой, а понимание им вопроса, соответственно, возрастет.

А что относительно стран и народов, не входящих в европейский круг обстоятельств? Можно ожидать, что размерность жесткой непримиримости и тактичного послушания имеет тот же вид, поскольку основана на относительно общих и неизменных характеристиках людей. Однако не следует ожидать, что мы найдем радикально-консервативную размерность, проявляющуюся в той же форме, что и в Европе, если только социальные условия не сформировали классы и общественные группы аналогичного характера с теми, которые господствуют на общественной сцене в европейских и североамериканских странах. Например, в феодальном обществе вы не можете предполагать появления чего-либо, напоминающего наш консервативно-радикальный континуум.

Было выполнено только одно исследование такого типа в полуфеодальной стране. Среди арабов Ближнего Востока было выявлено, что в то время, как жестко-непримиримая—тактично-послушная размерность также явно выражена во взаимосвязях, наблюдающихся между различными отношениями, то ничего, соответствующего радикально-консервативному континууму, здесь не существует. Такие исследования представляли бы огромный интерес, будь возможность их провести в таких странах, как Китай, Россия и так далее. Однако

связанные с этим практические трудности и финансовые расходы делают маловероятным, что в ближайшем будущем наши знания пополнятся благодаря включению этих стран в круг наших исследований.

Необходимо отметить, что до сих пор в нашей теории ничего не было сказано о связи, которая связала бы личность соответственно с жестко-непримиримыми и тактично-послушными отношениями. С одной стороны мы заявляем, что трудно обусловливаемый человек будет демонстрировать образцы жестко-непримиримых отношений. В предыдущей главе мы утверждали, что он будет проявлять образцы экстравертивного поведения. Точно так же в этой главе мы заявили, что человек, особенно легко обусловливаемый, будет демонстрировать тактично-послушные отношения, а в предыдущей утверждали, что такой человек будет проявлять образцы интровертивного поведения. Следовательно, можно ожидать, что жестко-непримиримый человек будет склоняться к экстраверсии, а тактично-послушный — к интроверсии. Эта теория неоднократно проверялась при помощи тестов, и каждый раз полученные результаты подтверждали ее. Для экстравертов представляется определенной тенденция демонстрировать жестко-непримиримые отношения, тогда как интроверты обнаруживают в такой же степени определенную тенденцию проявлять тактично-послушные отношения. С этим открытием наш набор гипотез образовал замкнутый круг, и теперь мы в деталях видим связи, образующиеся между личностью, общественными отношениями и политическими действиями. Учитывая многочисленные источники ошибок, связанных с измерением и определением личности и общественных отношений, обнаруженные взаимосвязи представляются в высшей степени тесными. Тем не менее необходимо помнить, что они далеко не безупречны. Мы выяснили, что коммунисты склонны быть экстравертами и жестко-непримиримыми радикалами, тогда как фашисты — экстравертами и жестко-непримиримыми консерваторами. Однако из этого не следует делать вывод, что и обратное так же верно, и что все экстравертированные, жестко-непримиримые радикалы являются коммунистами, а все экстравертированные, жестко-непримиримые консерваторы — фашистами. Все полицейские имеют рост свыше 6 футов, но не

все мужчины ростом выше 6 футов являются полицейскими. Доказательство от одного к другому не может быть обращено вспять. (Я понимаю, что правило о росте полицейских, как и многие другие вещи, подвергается изменениям, и в наши дни можно увидеть полицейского ростом всего лишь пять футов и девять дюймов. Я попытался получить на этот счет экспериментальное доказательство, но был обескуражен необычным головным убором полицейских, делающим любое измерение их роста крайне ненадежным.)

В действительности нельзя утверждать, что все члены коммунистической партии, скажем, жестко-непримиримые радикалы. Люди вступают в партию по самым разным причинам, и было бы опрометчиво предполагать полное соответствие. Если взять крайний случай, то агент-провокатор или полицейский шпион может вступить в экстремистскую партию, чтобы наблюдать за ней. Вы не должны предполагать, что он обязательно разделяет взгляды и установки этой партии. Опять же, в некоторых случаях было выявлено, что, скажем, муж-коммунист вынужден убедить свою жену также вступить в коммунистическую партию. Она может сделать это, не желая разрушить брак, но на деле не разделяя целей и убеждений партии. Всегда будет существовать ряд людей, чье членство в партии основывается на взглядах, имеющих в большей или меньшей степени косвенное отношение к партийным убеждениям и целям. От таких людей не следует ожидать проявления установок, идентичных тем, которых придерживается большинство членов этой партии.

Итак, наш систематический анализ относительно полон, но остается чувство, что более детальное исследование личностей членов коммунистических и фашистских партий могло бы выявить нечто большее, чем общее утверждение об их склонности быть экстравертами. По-видимому, это подозрение обоснованно, но, к сожалению, с членами экстремистских групп крайне сложно добиться сотрудничества с целью изучения структуры их личностей. Коммунисты в целом более дружелюбны, но фашисты крайне мнительны и недоверчивы и категорически отвергают любые предложения о сотрудничестве. В этих обстоятельствах удалось сделать сравнительно немно-

гое, но даже те немногие разрозненные доступные результаты представляют большой интерес.

Одно из таких исследований поддерживает гипотезу, обозначенную в начале этой главы, о том, что особенной характеристикой фашистских и коммунистических групп должна быть их агрессивность, то есть неспособность к соответствующей обусловливаемости общественными запретами, касающаяся открытого выражения насилия против других людей. В этом редком эксперименте были исследованы 43 коммуниста и 43 фашиста. Их реакции сравнили с реакциями группы из 86 человек, уравненных с ними с точки зрения возраста, класса и общественного положения, но отличающихся тем, что последние разделяли взгляды одной из трех демократических партий. Вдобавок к анкетам, относящимся к радикализму—консерватизму, эти три группы были также исследованы при помощи тематического апперцепционного теста, описанного в одной из предшествующих глав. Особое внимание уделялось анализу рассказанных субъектами историй, с целью обнаружения агрессии как явного, так и скрытого характера. Определение результата подобным образом вполне надежно, если производящие подсчет придерживаются определения агрессивности, принятого для этой цели, которое было следующим: «Ненавидеть, бороться или покарать правонарушение. Злонамеренно критиковать, порицать, обвинять или высмеивать. Ранить или убить, или быть беспощадным. Бороться против законно учрежденных властей. Преследовать, схватить и заключить в тюрьму преступника или врага». Каждый человек оценивался количеством баллов, соответствующим тому, сколько раз в его рассказе обнаруживалось явное свидетельство агрессии. Результат анализа приведен на рисунке 10, где количество баллов шкалы «радикализм—консерватизм» показано по оси абсцисс, а количество баллов агрессивности — по оси ординат. Как видно, каждый из коммунистов имел количество баллов агрессивности, превышающее среднее значение нейтральной группы, то есть группы людей, голосующих за три демократические партии. То же самое, за несколькими исключениями, справедливо и для фашистов, принимавших участие в эксперименте. Только четверо из них имеют показатель агрессивности немного ниже, чем нейтральная группа.

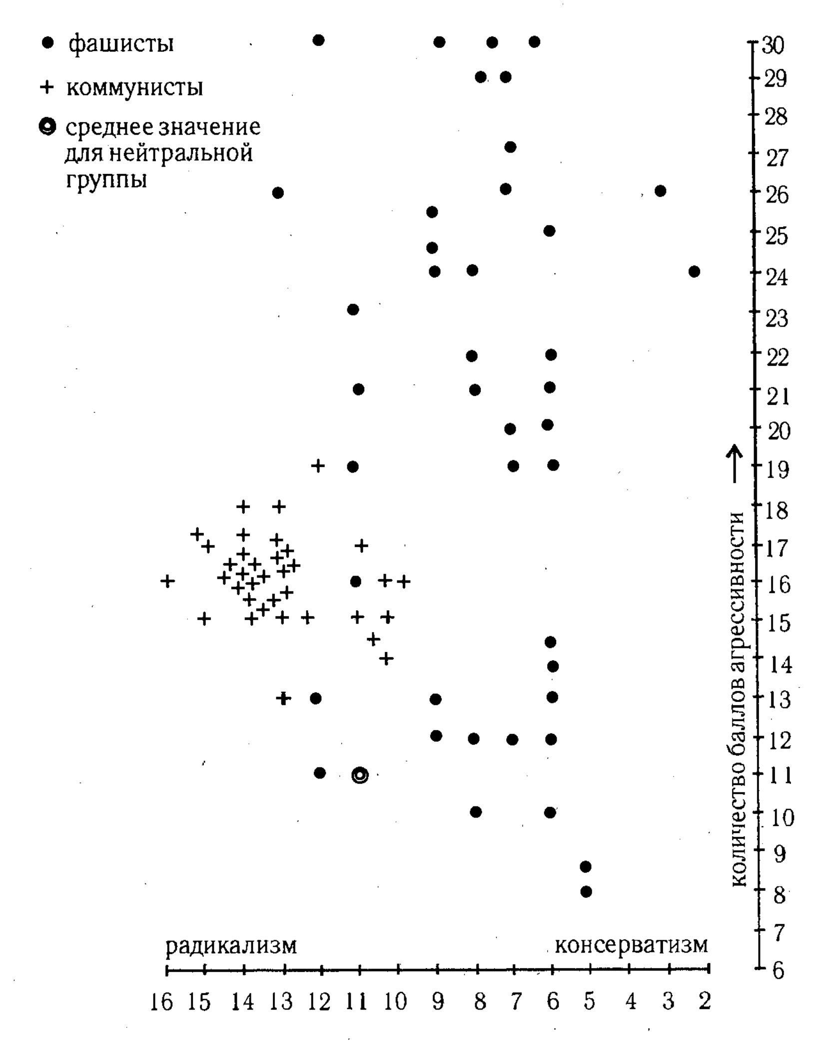

Рис. 10. Степень агрессии фашистов и коммунистов в сравнении с нейтральной группой

Рассмотрение реальных историй, рассказанных фашистами и коммунистами, выявило, что все они «пахнут» кровью. Это особенно верно для множества историй, рассказанных фашистами. Уровень агрессивности, обнаруженной в их рассказах, в самом деле превышает предел, выявленный у обычных людей. Из рисунка видно, что количество баллов, превышающее 30, не являет-

ся чем-то необычным среди фашистов, в сравнении со средним значением, равным 11, для нейтральной группы. Коммунисты несколько более агрессивны по отношению к среднему значению, но не в такой степени, как фашисты. Их среднее значение составляет примерно 16 баллов. Эти данные подсказывают определенное различие между коммунистами и фашистами, но выяснить большее количество деталей таким способом невозможно.

Другие исследования аналогичного характера показывают, что в выявлении степени жесткости и неспособности переносить неопределенность фашисты и коммунисты должны быть доминантными по отношению к членам демократических партий. Как подсказывают эти данные анализа, должно быть очевидным, что потребуется большое количество всесторонних экспериментальных исследований, прежде чем мы сможем заявить о существенном, а не поверхностном понимании движущих сил, вынуждающих человека становиться членом коммунистической или фашистской партий.

Читатель, удобно устроившийся в своем кресле перед камином и читающий страницы с описанием этих результатов, почти определенно будет чувствовать, как и автор этих строк, что они вызывают нечто большее, чем простое разжигание аппетита, и его может удивлять, почему же в этой области не было сделано чего-то более существенного. Одна из основных причин — огромные трудности, лежащие на пути исследователя. Проведение Тематического Апперцепционного теста и распространение нескольких анкет среди 43 фашистов и 43 коммунистов не кажется такой уж сложной задачей. Тем не менее исследовательнице, занимавшейся этой работой, понадобился почти год, для того чтобы просто получить доступ на собрания этих партий, добиться доверия нескольких членов каждой из них и подготовить почву для умопомрачительно сложной задачи индивидуального уговаривания 43 членов каждой группы подвергнуться программе тестирования. Все это нужно было сделать так, чтобы не раскрыть цель эксперимента, не потерять доверие членов партий (это могло бы сорвать процедуру отбора) и не попасть под подозрение членов одной из партий, что у нее хоть в какой-то мере имеются дружеские отношения и с членами другой партии. Почти каждый субботний вечер, в любую погоду, эта отважная молодая женщина ходила на митинги на открытом воздухе. Много вечеров она посвятила спорам, дебатам и чтению

партийной литературы, чтобы иметь возможность разговаривать на принятом уровне. Неизбежно возникали требующие решения личные проблемы. На протяжении всего времени работы над ней висела угроза разоблачения. Немногие ученые хотят или могут выполнять научные исследования на высоком уровне в подобных условиях, а большинство удовлетворится менее интересными, но легче добываемыми данными.

Вопреки всем этим очевидным и очень большим трудностям всегда можно побудить нескольких наиболее смелых ученых принять участие в исследовании такого рода, если общество выказывает интерес к результатам, добываемым с таким трудом. Но, к сожалению, экспериментальные общественные науки не очень приветствуется в академических кругах, где полусон читального зала и безжизненные и забытые писания ничтожеств минувших времен гораздо более успокаивают, чем свежий воздух эмпирического исследования и хмельной поток фактических данных. До тех пор, пока подобное общее положение не изменится, бесполезно ожидать каких бы то ни было серьезных достижений в этой сложной и трудной области.

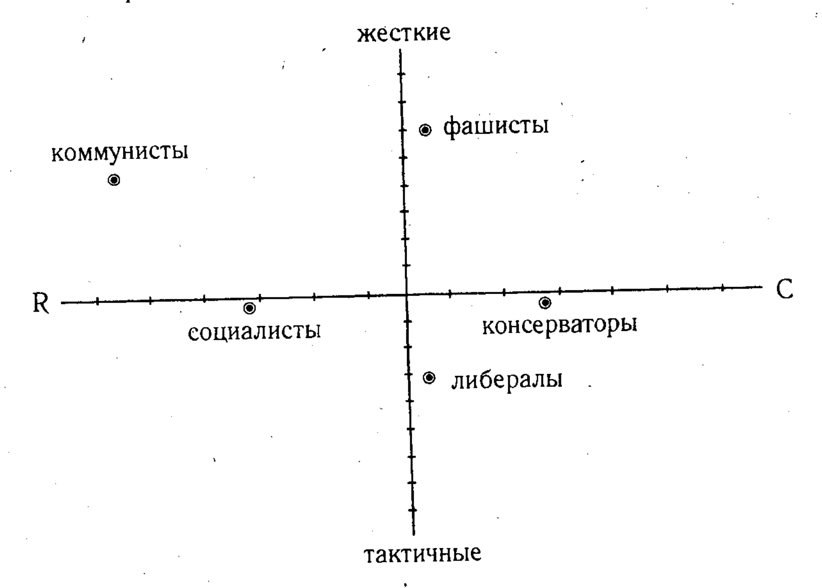

Рис. 11. Эмпирически определенные по двум главным размерностям позиции коммунистов, социалистов, либералов, консерваторов и фашистов

Ключ к опросному листу социальных установок

После каждого пункта указан ключ для подсчета очков. В анкете 16 вопросов предназначено для измерения по шкале R и 32 — по шкале Т. Часть пунктов используется для измерения обеих размерностей. Некоторые пункты представляют собой «заполнители» и вообще не используются для подсчета. Что касается подсчета баллов, то по шкале R он всегда ведется в направлении радикализма. Для пунктов, помеченных R+, согласие (+ или ++) оценивается 1, а любой другой ответ — 0. Для пунктов, помеченных R–, несогласие (– или – –) оценивается 1, а любой другой ответ — 0.

По шкале Т подсчет всегда ведется в тактично-послушном направлении. Для пунктов, помеченных Т+, согласие (+ или ++) оценивается 1, а любой другой ответ — 0. Для пунктов, помеченных Т –, несогласие (– или – –) оценивается 1, а любой другой ответ — 0. Диапазон баллов шкалы Т — от 0 до 32, шкалы R — от 0 до 16.

Для сравнения количества баллов членов различных политических групп читателю может быть полезен рисунок 11. На нем показаны реальные средние значения для коммунистов, фашистов, социалистов, либералов и консерваторов по шкалам R и Т. Введя собственные оценки в таблицу, читатель сможет определить свою позицию относительно основных политических организаций страны.

Мнение, выраженное в высказывании *Ваше мнение*

1. Нация существует для блага людей, составляющих ее, а не люди существуют для блага нации.
2. Цветные от природы хуже белых.
3. Война заложена в природе человека.
4. В конечном счете, частная собственность должна быть отменена и введен полный социализм. R+
5. Люди с серьезными врожденными дефектами и болезнями должны принудительно стерилизоваться.

6. В интересах мира мы должны частично отказаться от нашего суверенитета.
7. Промышленность и торговля должны быть свободны от правительственного вмешательства. R–
8. Бракоразводное законодательство должно быть изменено для облегчения разводов. Т–
9. Так называемый неудачник вовсе не заслуживает жалости или помощи удачливых людей. Т–
10. К людям, совершившим насильственные преступления, должны применяться телесные наказания. R– Т–
11. Национализация крупных отраслей промышленности ведет, вероятно, к неэффективности, бюрократии и застою. R–
12. Мужчины и женщины имеют право до брака выяснить, подходят ли они друг другу в сексуальном отношении (гражданский брак). R+ Т–
13. Высказывание «Это моя страна, права она или не права» совершенно верная установка. R–
14. Средний человек может хорошо жить и без религии. Т–
15. Было бы ошибочным назначать цветных начальниками над белыми.
16. Люди должны понимать, что их величайшей обязанностью является семья.
17. Жизни после смерти нет. Т–
18. Смертная казнь — это варварство, и она должна быть отменена. R+ Т+
19. Могут быть небольшие исключения, но, в общем, все евреи одинаковы. Т–
20. Атомная бомбардировка японских городов, убившая тысячи невинных женщин и детей, была аморальна и несовместима с нашим типом цивилизации. Т+
21. Контроль рождаемости, за исключением случаев, рекомендованных врачом, следует сделать незаконным. Т+
22. Люди, страдающие неизлечимыми болезнями, должны иметь возможность безболезненного умерщвления. Т–
23. Воскресные праздники старомодны и должны прекратить влиять на наше поведение.

24. Капитализм аморален, потому что эксплуатирует рабочих, лишая их выплаты полного вознаграждения за труд. R+
25. Мы безоговорочно должны верить всему, что говорит нам церковь. R−
26. Человек должен быть свободен в выборе своего образа жизни, если он этого хочет, без всякого вмешательства со стороны общества. T−
27. Свободная любовь между мужчинами и женщинами должна поощряться как средство, способствующее психическому и физическому здоровью. R+ T−
28. Обязательная военная подготовка в мирное время важна для выживания нашей страны. T−
29. Сексуальные преступления, такие как изнасилования и нападения на детей, заслуживают большего наказания, чем просто тюремное заключение. Такие преступники должны наказываться телесно или еще строже. R−
30. Ложь во спасение — часто хорошая вещь. T−
31. Понятие бога — изобретение человеческого ума. T−
32. Неправильно, что общество должно разрешать мужчинам иметь большую сексуальную свободу, чем женщинам.
33. Церковь должна пытаться увеличить свое влияние на жизнь нации. T+
34. Человек, отказывающийся от прохождения военной службы по политическим или религиозно-этическим убеждениям, — предатель своей страны, и с ним нужно обращаться соответственно.
35. Законодательство, направленное против абортов, должно быть отменено.
36. Большинство религиозных людей — лицемеры. T−
37. Сексуальные связи, за исключением брачных, всегда неправильны. R− T+
38. Беженцы из Европы должны заботиться о себе сами. T−
39. Только возврат к религии может дать цивилизации надежду на выживание.

40. Неправильно наказывать человека, помогающего другой стране, за то, что он предпочитает ее своей собственной. R+
41. Справедливо, что борьба за существование отсеивает тех, кто не выдерживает темпа. T−
42. Принимая участие в мировых организациях любого типа, страна должна быть определенно уверена, что ни ее независимость, ни ее авторитет не будут утрачены. R−
43. В наши дни все больше и больше людей вмешиваются не в свои дела. T−
44. Все формы дискриминации по отношению к цветным расам, евреям и т.д. должны быть незаконными и подвергаться суровому наказанию.
45. Обязательность религиозного образования в школах правильна и уместна.
46. Евреи такие же полезные граждане, как и любая другая группа. T+
47. Наше обращение с преступниками слишком сурово. Мы должны стараться исправить их, а не наказывать. R+ T+
48. Церковь — главная сила, противостоящая дурным тенденциям в современном обществе. T+
49. В поездках без билета время от времени нет вреда, если можно выйти сухим из воды. T−
50. Японцы — люди, жестокие по натуре.
51. Жизнь настолько коротка, что человек вправе доставлять себе столько удовольствий, сколько может. T−
52. Иностранная оккупация лучше войны. R+ T+
53. Христос был божественным, полностью или частично, в том смысле, что отличался от других людей. T+
54. Было бы лучше держать цветных в их собственных округах и школах, чтобы предотвратить слишком частые контакты с белыми.
55. Гомосексуалисты вряд ли лучше преступников и должны сурово наказываться.
56. Вселенную создал Бог. T+
57. Кровавые виды спорта, например, охота на лис, порочны и жестоки, и их следует запретить. T+

58. Поддержание внутреннего порядка в стране важнее гарантий полной свободы для всех. Т—
59. Каждый человек должен безоговорочно верить в некую сверхъестественную силу и безо всяких вопросов повиноваться ее решениям.
60. Деловой человек более полезен обществу, чем мыслитель.

Психология эстетики

Немногие темы могут более определенно вести к таким бурным дискуссиям, чем те, которые связаны с эстетикой, и, пожалуй, немногие темы в области самой эстетики могут побудить обычно спокойных художников, философов и специалистов по эстетике к проявлению неконтролируемого негодования, чем та, которая дала название этой главе. Сама мысль о том, что объекты красоты, равно как и их создание и восприятие, становятся предметами научного исследования, представляется большинству людей отвратительной, точно как же, как мысль о том, что физики могут изучать и анализировать объективными методами цвета радуги, была бы отвратительна нашим бабушкам и дедушкам. Создается впечатление, будто люди боятся, что неумелое обращение может помять крылья бабочки, то есть анализ может разрушить объект изучения!

Пожалуй, с этой боязнью связано кое-что другое. Большинство людей крайне не расположены отказываться от своих взглядов на эстетику, хотя эти взгляды не основываются ни на каких объективных фактах. И действительно, обычно отвергается сама мысль о том, что чьи-то взгляды необходимо связывать с фактическим доказательством. Утверждается, что в этой области главенствует субъективность. Конечно, это разумная точка зрения. Однако она опровергается хорошо известной склонностью большинства людей спорить о своих эстетических воззрениях часто весьма резко, всегда с огромным упорством и никогда — с той сдержанностью, которую должна бы порождать в них гипотеза о полной субъективности. Если эстетические суждения полностью субъективны, то, казалось бы, у аргумента столько же достоинств, что и у научного эксперимента: если допустимо одно, то

допустимо, конечно же, и второе. Пожалуй, возражение против научного исследования частично обусловлено страхом перед тем, что полученные данные могут оказаться сильнее аргументов и заставят человека отречься от заветного отношения и признать определенные объективные факты, которые он предпочитает не замечать.

Как бы то ни было, не вызывает ни малейших сомнений, что психология встречает враждебную реакцию со всех сторон, пытаясь внедрить научные методы в изучение эстетики. Вероятно, в немалой степени эта враждебность основывается на недоразумении, и целью данной главы будет достаточно подробное объяснение того, что же именно пытается делать психолог и как он к этому приступает. Насколько это будет возможно, я попытаюсь избегать аргументов и сравнений, связанных с философскими понятиями и проблемами. Они часто кажутся весьма похожими на те, которые исследуются психологами, но это только поверхностное сходство. Читатель, знакомый с современной эстетической доктриной и с длинной историей дискуссии в этой области, легко сможет применить данные психологических исследований к решению интересующих его философских проблем.

С чего же начинает психолог? Он отмечает, что относительно некоторых объектов часто высказываются суждения определенного типа. Эти суждения выражаются словами «красиво» и «безобразно» или их синонимами и применяются к различным комбинациям цветов и форм в изобразительном искусстве, слов — в поэзии или звуков — в музыке. Следовательно, существенным исходным фактом, с которым он имеет дело, является связь между раздражителем (картиной, стихотворением, музыкальным произведением) и человеком, который реагирует на эти раздражители неким общепринятым образом. Обычно реакция бывает словесной, однако можно, и в определенных ситуациях полезно, записать физиологические реакции, указывающие на эмоции, такие как сердцебиение, частота пульса, температура кожи или изменения ее электрической проводимости.

При анализе этих связей психолог сталкивается с двойственной проблемой. Он должен спросить себя, во-первых: чем же именно является физическое свойство раздражителя, вызывающее благоприятную реакцию в противоположность неблагоп-

риятной, у большинства субъектов, с которыми он работает? И во-вторых: по какой именно причине один человек реагирует на конкретный раздражитель благоприятно, а другой — неблагоприятно? Возможный ответ на первый вопрос можно получить на основании определенного «закона сравнения», например, того обстоятельства, что интерес к картине должен основываться на разделении ее на «трети», то есть на линиях, нарисованных параллельно боковым сторонам и нижнему краю картины и делящих ее на три равных части тем или другим способом. Ответы на второй вопрос могут быть даны на основании характеристик или типов темперамента; так, можно доказать, что интроверты предпочитают классическую, а экстраверты — романтическую музыку. Я не доказываю, что эти примеры каким-то образом соответствуют фактам, а привел их, просто чтобы показать возможные способы ответа на психологические вопросы.

Психолог неизбежно начнет свои исследования с экспериментов над простейшими раздражителями — простые цвета и их комбинации, простые пропорции линий и так далее. Поступая таким образом, он следует обычным путем научного прогресса — от простого к сложному. Именно на этом пути он часто сталкивается с первым серьезным возражением со стороны философов и специалистов по эстетике, которые заявляют, что суждения, относящиеся к сравнительной красоте простых цветов или линий, никоим образом не связаны с суждениями о более сложных раздражителях вроде пейзажей Сезанна или портретов Рембрандта, и, следовательно, правила и законы, выведенные из простого раздражителя, не могут иметь отношения к тому, что считается «реальными» произведениями искусства. В пользу этого возражения не приводится никаких других доказательств, кроме субъективного ощущения критика, что эти суждения «качественно» различны. Я не буду пытаться оспорить этот момент сейчас, а отложу дискуссию на более позднее время, когда будет приведено совершенно определенное доказательство наличия существенных аналогий, связывающих эстетические суждения о простых с подобными же суждениями о сложных раздражителях.

Как психолог разрабатывает свой эксперимент? Обычно он предоставляет ряд раздражителей с известными физическими свойствами и просит своих субъектов оценить их с точки зрения

эстетических качеств, то есть от наиболее до наименее нравящихся. Альтернативно он может предложить им два раздражителя одновременно, попросив сказать, какой из них доставляет большее эстетическое удовольствие. Таким способом можно демонстрировать все возможные комбинации раздражителей. И та и другая методика будут иметь следствием средний порядок предпочтений. Опыт показывает, что этот порядок будет одинаковым, независимо от метода, используемого для его получения. Из этого среднего порядка «эстетических» качеств можно сделать выводы о физических, связанных с высокой или низкой оценкой объектах, соответственно.

В связи с этим часто будет возникать второе возражение, состоящее в том, что психологи трактуют восприятие «красоты» так, словно она является, по сути, аналогом некоего «объективного» качества вроде зеленого цвета или размера и формы. Но это едва ли допустимо. Несомненно, «красота» не является качеством, характеризующим объект точно так же, как его характеризуют, скажем, зеленый цвет или треугольная форма. Другими словами, красота в значительной мере субъективна. Цвет, форма и другие качества раздражителя — объективны. Каким же образом можно корректно использовать методы, пригодные для изучения одного раздражителя, при изучении раздражителя отличающегося типа?

Это возражение основано на полном заблуждении, почтенный возраст которого не мешает ему появляться снова и снова в современных дискуссиях. Объект не «содержит» зеленый цвет, ни в каком смысле этого понятия, поддающемся интерпретации. Он отражает свет определенной длины волны, который некоторые люди воспринимают как зеленый, а другие, страдающие дальтонизмом, как серый. Точно так же объект не «содержит» красоту в каком бы то ни было поддающемся интерпретации смысле этого понятия — он отражает свет определенной комбинации длин волн, которую некоторые люди воспринимают как красивую, а другие — как отвратительную или безразличную. Некоторые, возвращаясь к исходному разграничению, проведенному Локком между первичными и вторичными качествами, готовы признать силу этого аргумента в отношении цвета, но отказываются распространить его на форму. В этом случае, скажут

они, существует полное соответствие между раздражителем и опытом: каждый человек видит, что круг круглый, а треугольник отличается от квадрата. Увы, факты противоречат даже этому уверенному утверждению. Эксперименты с людьми, чья врожденная слепота была впоследствии хирургически устранена и таким образом они впервые в жизни стали зрячими, показали, что эти люди были совершенно не способны отличить круг от квадрата или распознавать треугольники и другие простые фигуры. Им потребовались месяцы утомительного обучения, чтобы делать такие весьма простые разграничения, а приводящая в уныние медлительность, с которой это обучение происходит, явно свидетельствует об абсурдности представления о том, что «округлость» или «квадратность» являются неотъемлемыми качествами объекта, просто ждущими восприятия. Критерии восприятия этих качеств должны быть приобретенными, точно так же, как мы должны овладеть критериями восприятия красоты, без которых не существует, в буквальном смысле, никакого восприятия вообще.

Этот факт особенно четко был выявлен в экспериментах с животными, главным образом с шимпанзе и крысами, выращенными в темноте. Несмотря на то, что никакого вмешательства в физиологический аппарат зрения не было, животные, когда их вынесли на свет, вели себя во всех отношениях так, словно были слепыми. Они не могли научиться избегать большого, различимого объекта, от которого получали сильные электрические удары, а также узнавать закрепленного за ними служителя, несмотря на то, что он заметно выделялся благодаря белой одежде на однородном сером фоне. Восприятие цветов, форм и других физических свойств является следствием обучения, а то, что воспринимается очень сильно, зависит от типа и количества обучения, которому подверглось животное или человек. Следовательно, в этом отношении восприятие «красоты» не отличается от восприятия других качеств.

Все эти факты показывают, что необходимо выяснить точное значение терминов «объективный» и «субъективный», так часто используемых для обозначения различия между теми качествами, которые, по предположению, можно исследовать при помощи научных методов (например, формой и цветом), и другими, которые нельзя исследовать таким образом (например, красотой). «Объективный» обычно считается синонимом понятия «реальный», а субъективный — синонимом понятия «нереальный». Однако мы доказали, что определение раздражителя как «зеленого» весьма далеко от «объективного» описания. Объективно мы можем сказать лишь то, что объект-раздражитель отражает световые волны определенной частоты. Восприятие его «зеленым» субъективно, то есть скорее присуще наблюдателю, чем является характеристикой раздражителя. Тем не менее если допустимо пытаться связать субъективный опыт и объективный раздражитель в восприятии цвета или формы, то трудно понять, почему нельзя сделать то же и с нашим восприятием «красоты».

Здесь мы имеем дело с аргументом, часто изменяющим свою суть, и термин «объективный» принимает разные значения. Считается установленным, что каждый человек видит зеленый цвет тогда, когда его глаза раздражаются светом с длиной волны 515 миллимикрон; тогда каждый скажет, что видит красный цвет, когда длина волны составляет 650 миллимикрон. Однако в отношении восприятия «красивого» и «безобразного» такого согласия нет — de gustibus non disputandum est — о вкусах не спорят. Иными словами, «объективность» определяется на основании согласия наблюдателей. Там, где такое согласие существует, как в случае с суждениями о цвете среди людей, безупречно различающих цвета спектра, суждение считается объективно обоснованным. Там, где такого согласия нет, — суждение считается субъективным. Мы можем принять такой тип определения, но в этом случае следует осознавать, что отказываемся от абсолютного различия между «объективным и «субъективным» и вместо этого признаем некие степени «объективности», зависящие от степени согласия среди субъектов. Другими словами, наше решение относительно «объективности» суждения перестает определяться философским доказательством, а вместо этого становится эмпирическим и экспериментальным вопросом, который можно решить при помощи результатов наблюдений, касающихся выявленной степени согласия. Именно в этом смысле термин и будет нами использоваться.

Давайте возьмем в качестве примера экспериментального исследования в обсуждаемой области многочисленные исследования по цветовым предпочтениям. Для того чтобы оценить их результат, мы прежде всего должны уметь определить цветовой

раздражитель. Если мы не сможем этого сделать, то не сможем и полностью описать наш эксперимент. Таким образом, его не удастся повторить другим. К тому же мы не сможем установить никаких законов, связывающих суждения о предпочтении с физическими свойствами раздражителя. По сути дела, существует три параметра, по которым цвета могут отличаться один от другого (черный, белый и серый, обозначаемые в нашем случае словом «цвет» вдобавок к красному, зеленому, желтому, синему и другим хроматическим цветам). Эти три параметра известны как оттенок, насыщенность и яркость. *Оттенок* относится к цветовому качеству, которое отличает красный от желтого или синий от зеленого. Он измеряется на основании длины волны. *Яркость* относится к количеству света, отражаемого цветом, тогда как *насыщенность* относится к обнаруживаемому количеству хроматического цвета (его блеск). Цвета расположены по кругу (так называемый «цветовой круг»).

Если мы возьмем цветные фишки, представляющие различные части цветового круга и имеющие одинаковую яркость и насыщенность, и попросим целый ряд людей оценить их в порядке предпочтений при помощи любого из двух описанных ранее методов, то обнаружим значительное согласие между разными людьми. Это согласие будет проявляться и тогда, когда мы менее тщательно подберем яркость и насыщенность всех цветов, но оно будет уже не таким строгим, поскольку теперь суждения основываются не только на одной характеристике (оттенок), а на комбинации нескольких параметров. Тем не менее существенное согласие обнаруживается даже тогда, когда мы сравниваем субъектов из Европы и из диких племен, белых американцев с краснокожими индейцами и субъектов с Востока с представителями западных культур. Таким образом, в суждениях о предпочтении цветов спектра проявляется некая строгая биологическая основа, которая иногда может быть подавлена культурными влияниями, но которая заявляет о себе при изучении всего множества самых разнообразных групп людей.

Думается, существует определенное физическое свойство раздражителя, ответственное за такой универсальный порядок предпочтений. Обычно цвета спектра с малыми длинами волн предпочитаются цветам с большими длинами волн. Корреляция между

длиной волны и предпочтением почти безупречна. Эта взаимосвязь не установлена для маленьких детей, но для подростков и взрослых она представляется установленным законом природы.

Если люди в своих суждениях о предпочтении отличаются и согласие весьма далеко от совершенства, то из этого будет следовать, что суждения некоторых людей находятся в большем соответствии со средним порядком предпочтений цветов спектра, чем суждения других людей. Если теперь, в соответствии с нашим определением термина «объективный», мы назовем этот средний порядок предпочтений цветов спектра «объективным» или «точным», то пожалуй, тех, чьи суждения более всего согласуются с ним, мы можем назвать «наилучшими» судьями, а тех, чьи суждения менее всего согласуются с этим порядком, — «наихудшими». В качестве альтернативы можно сказать, что у наших «наилучших» судей «хороший» вкус, а у наихудших — «плохой». В этом случае мы определяем термины «плохой» и «хороший» несколько необычным образом, и читатель, конечно, вправе отвергнуть такое определение. Доказательство того, что предложенное словоупотребление во многих отношениях достаточно хорошо согласуется с общепринятым использованием, мы перенесем на последующие страницы, а на данный момент давайте просто отметим этот новый способ определения концепции.

Мы имели дело с суждениями о предпочтении оттенка при заданных насыщенности и яркости. Что произойдет, если мы с теми же субъектами проведем тест, используя оттенки разной степени насыщенности и яркости? Что случилось бы, предложи мы им тесты, в которых суждения о предпочтении следовало бы делать для цветов спектра различных степеней насыщенности, при неизменных оттенках и яркости, или для цветов спектра различных степеней яркости при неизменных оттенках и насыщенности? Результат этих экспериментов совпадает с результатом уже описанного эксперимента на «оттенок». В этом случае также наблюдается существенное согласие между различными судьями, и те, кто были «хорошими» судьями (с хорошим вкусом) в одном из тестов, в целом были таковыми и в других. Таким образом, качество, которое мы обозначили как «хороший вкус», не зависит от любого конкретного теста. В общем виде оно применимо ко всем тестам в области предпочтения цвета.

Что происходит, когда мы расширяем наши исследования до комбинаций цветов спектра, скажем, сочетание двух цветов одинаковой яркости и насыщенности, чтобы оставить задачу на решаемом уровне. Ответ на этот вопрос важен по двум причинам. Во-первых, специалисты по эстетике часто утверждают, что суждения, относящиеся к одиночным цветам спектра, вообще не являются эстетическими суждениями, а простейшие формы эстетических суждений начинаются с уровня сложности, представленного комбинацией цветов спектра. Поэтому доказательство того, что суждение о простом цвете справедливо и для суждений, касающихся цветовых сочетаний, является очень важным для демонстрации возможной ошибочности аргумента специалистов по эстетике. К тому же мы можем сделать обобщение из экспериментов с простым цветом для более сложных раздражителей.

Не менее важен другой аргумент. В психологии существует важное учение — холистика, или «гештальт», которое утверждает, что сложные элементы, или «гештальты», не создаются атомистически из более простых единиц, или «атомов», а скорее, более сложные элементы выявляют «производные» качества, которые невозможно предсказать из знания более простых составных частей и связей между ними. Будь этот аргумент справедлив, то наша попытка вывести законы, управляющие восприятием сложных произведений искусства, из экспериментов со сравнительно простыми объектами была бы целиком обречена на неудачу. У нас есть идеальный полигон для проверки «атомистической» гипотезы. Если мы сможем предсказать предпочтения для комбинаций цветов спектра, зная предпочтения для простых цветов и связи между ними на цветовом круге для каждой комбинации, то этим самым мы сможем опровергнуть «гештальтный» аргумент и с полным основанием пойдем дальше, в соответствии с нашим общим планом. Если будет доказано, что такое предсказание невозможно, то мы должны будем отказаться от нашего «атомистического» подхода и искать другую методологию.

Прежде всего, давайте отметим, что в отношении к комбинациям цветов спектра мы снова находим определенно заметную степень согласованности или «объективности». Во-вторых, опять-таки, те, кто доказали, что являются «хорошими» судьями в одном из тестов с использованием комбинаций цветов спектра, оказались также «хорошими» судьями и в других таких же тестах. В-третьих, этими «хорошими» судьями относительно цветовых комбинаций оказались именно те, кто ранее был признан хорошими судьями относительно простых цветов спектра и их эстетических ценностей. Все, что составляет «хороший вкус» в одном эксперименте, явно составляет «хороший вкус» и в другом, и мы можем совершенно обоснованно сделать обобщение от простых раздражителей к более сложным.

Но еще более важным, чем это, является другое доказательство. Можно показать, что суждения о цветовых предпочтениях зависят от двух факторов. Первый представляет собой простую сумму предпочтений для отдельных цветов. Если нравятся оба отдельных цвета, составляющих комбинацию, то в целом будет нравиться и сама комбинация. Если оба цвета не нравятся, то будет наблюдаться тенденция к тому, что и их комбинация тоже воспримется отрицательно. Если один цвет нравится, а другой — нет, или оба нейтральны, то эмоциональный показатель комбинации будет стремиться к нейтральному.

Второй фактор связан с положением двух составляющих цветов на цветовом круге. Чем ближе на нем два цвета друг к другу, тем ниже будет эстетическая оценка комбинации. Чем дальше они отстоят друг от друга — тем эстетическая оценка комбинации будет выше. Наиболее нравятся обычно пары дополнительных цветов, то есть расположенных на цветовом круге строго напротив друг друга.

Если мы объединим эти два фактора — симпатии к отдельным цветам и знание их классификации по цветовому кругу, — то действительно сможем предсказать с весьма большой точностью эстетическую оценку цветовой комбинации. Таким образом, мы имеем явное доказательство в пользу атомистической гипотезы, и оно вовсе не согласуется с холистической точкой зрения на то, что в оценке сложных объектов начинают действовать «производные» качества, которые нельзя рассматривать на основании простых качеств и их связей. Конечно, это заключение может потребовать некоторого изменения при рассмотрении объектов очень высокой степени сложности вроде пейзажей и портретов, но даже в этом случае наш вывод представляется весьма обнадеживающим.

До сих пор мы имели дело исключительно с цветами спектра, и необходимо взглянуть на следующий вопрос: а можем ли мы распространить наши выводы на другие свойства предметов искусства? Один ряд таких свойств уже упоминался при рассмотрении «законов композиции», и кажется заслуживающим внимания рассмотрение возможной связи между «хорошим вкусом» в том виде, в каком он определен к настоящему моменту нашими экспериментами, и «хорошим вкусом» в том виде, в котором он может быть определен при помощи этих законов.

К счастью, существуют тесты, созданные с явной целью — получить критерий способности оценивать элементы, являющиеся составной частью хорошей композиции. Обычно это делается противопоставлением двух чертежей или рисунков, один из которых умышленно нарушает то или иное из подобных правил, тогда как второй на этот счет безупречен. При создании таких тестов предпринимаются все меры, чтобы получить наилучшие советы от художников, преподавателей предметов искусства, художественных критиков. И только в том случае, когда эти эксперты практически единодушны в оценке соответствующего эстетического значения двух рисунков, составляющих каждый из элементов теста, рисунки включают в тест. В данном случае мы имеем, скорее, иной критерий «хорошего вкуса», более близкий к способу его использования в обычной речи. Конечно, можно все же возразить, что единодушный вердикт всех экспертов, посвятивших свою жизнь практике и изучению живописи, ошибочен, и что их стандарты совершенно произвольны. С такой нигилистической точки зрения было бы очень трудно найти объяснение некоторым данным, которые будут сейчас приведены.

Во-первых, тесты такого типа с большой точностью предсказывают, кто из студентов художественных школ будет добиваться успехов в учебе, а кто постыдно провалится. Необходимо отметить, что тесты не прогнозируют, будет ли человек с высоким баллом писать картины в классической манере или же станет революционером, они просто предсказывают, что он, вероятно, будет писать хорошо, безотносительно к конкретной манере или стилю, которые он в конце концов выберет. Споры о «современной живописи» заслонили от многих людей тот факт, что произведения изобразительного искусства отличаются по качеству, а также и по стилю, и что кто-то может рисовать хорошо или плохо в любом стиле, а именно это качество и пытаются прогнозировать тесты. Результаты свидетельствуют о том, что они делают это успешно, по крайней мере, в известной степени.

Во-вторых (впрочем, этот пункт не столь существен), было выяснено, что люди, проявившие хороший вкус в своих суждениях о простых цветах спектра и их комбинациях, также преуспели в полностью ахроматических тестах на композицию. Такое открытие определенно должно быть чем-то неожиданным для субъективиста. Его можно объяснить на основании гипотезы о том, что существует некое свойство центральной нервной системы, определяющее эстетические суждения. Это свойство биологического происхождения и охватывает всю сферу изобразительного искусства. Согласно этой гипотезе предполагается, что люди будут отличаться по отношению к «хорошему вкусу» так же, как они отличаются по степени восприятия, — от полного отсутствия способности воспринимать прекрасное до почти инстинктивного признания хорошего и красивого и отвращения ко всему плохому и безобразному. По общему признанию, это лишь гипотеза, но, кажется, единственная, объясняющая все факты, и ценная с научной точки зрения тем, что ее можно легко проверить или опровергнуть. Например, одним из выводов может быть предположение о том, что такая способность должна в большой степени определяться наследственностью. В пользу этого предположения уже есть некоторое доказательство, однако, чтобы сделать его окончательным, требуются эксперименты с однояйцевыми и двуяйцевыми близнецами.

Еще одним выводом может быть то обстоятельство, что человек, проявивший хороший вкус (как определено) относительно одного вида изобразительного искусства, должен проявлять хороший вкус и по отношению к любому другому его виду. Этот вывод был проверен при помощи тестов, включающих большое разнообразие различных видов визуальных раздражителей — портретов, пейзажей, книжных переплетов, столового серебра, статуй, пейзажных фотографий, ковров и многого другого. В каждом случае было выявлено, что человек, проявляющий хороший вкус в одном из тестов, склонен к этому и в остальных тестах, как и предполагает наша гипотеза. Этот результат так же трудно

объяснить на основании любой альтернативной гипотезы, хотя некоторые из них могут прийти читателю на ум.

Во-первых, последует возражение, что это соответствие может быть полностью обусловлено интеллектом. Более интеллектуальный человек может быть и более «художественным» и наверняка более осведомленным относительно эстетических ценностей. Эта гипотеза несостоятельна, поскольку интеллект только в очень слабой степени коррелирует с хорошим вкусом, и совершенно определенно, корреляция слишком слаба, чтобы объяснить полученные данные.

Более обоснованной могла бы быть гипотеза, относящая наблюдаемую корреляцию целиком на счет культурных факторов. Аргументировать это можно примерно так. Человек, знакомый с современными взглядами на эстетическую ценность определенных картин, будет знаком и с современными взглядами на эстетическую ценность различных типов ковров, или статуй, или книжных переплетов. Таким образом, тесты измеряли бы скорее просто «культурный уровень», чем нечто более фундаментальное.

Этот аргумент также невозможно подтвердить: образцы, которые использовались в качестве тестовых объектов, были неизвестны субъектам, принимавшим участие в эксперименте. Они отбирались с особой тщательностью, чтобы избежать любой критики эксперимента с точки зрения «культурной» гипотезы. Когда выбирались картины из произведений относительно известного художника, то весь тест состоял только из его картин, так что в этом случае не могло быть никакого «культурного влияния» или «общего отношения», определяющего относительную ценность различных предметов. Но последнее соображение еще более убедительно — как могут культурные влияния создать корреляцию между эстетическими тестами описанного типа и суждениями о простом цвете? Не существует никакого культурного управления, которое было бы известно некоторым субъектам и которому они могли бы подчиняться в области оценки цветов спектра. В действительности большинство субъектов сомневалось в том, что между людьми есть вообще хоть какое-нибудь согласие в этой сфере, строго придерживаясь «субъективной» позиции. Но влияние, которого не было в случае с одним из тестов, не может ни с какой долей вероятности стать причиной корреляции между этим тестом и другими. Следовательно, мы должны отбросить «культурный» аргумент вопреки его кажущейся внешней убедительности.

Но такое мнение не должно заходить слишком далеко. Нельзя отрицать того, что культурные влияния действительно имеют очень большое значение. Если мы посмотрим на факторы, определяющие суждения многих людей в области искусства, то обнаружим, что некоторые из этих факторов вообще не имеют эстетической природы. Денежная ценность картины, ее известность, тот факт, что она выставляется Королевской академией, знание положения художника в иерархии его коллег — все это и множество других внешних соображений определяют то, что скажет человек, когда его спросят: «Вам нравится эта картина?». Однако психолога, не более чем специалиста по эстетике или философа, не особенно интересуют такие не имеющие отношения к делу факторы. Он хочет изолировать определяющие факторы подлинно эстетических реакций. С этой целью он должен тщательно отбирать материал, так, чтобы соображения приведенного выше типа не могли влиять на его субъектов. Такой контроль абсолютно необходим. Без него мы заблудимся в неразберихе противоречивых и неэстетических факторов влияния.

Аналогичные аргументы применимы и к другому вызывающему беспокойство вопросу. Если мы составляем тест с широким диапазоном отличий как по качеству, так и по стилю — скажем, работы старых мастеров и работы школы Пикассо — Матисса, то тип предпочтений будет в некоторой степени скрывать различия в качестве, представляющие наш главный интерес. Следовательно, такой тест для нашей цели не годится. Мы должны будем разделить его на два, составив один исключительно из работ старых мастеров, а второй — исключительно из работ школы Пикассо — Матисса. Таким способом мы предотвратим в суждениях наших субъектов влияние различий стиля на измерения различий качества картин.

Можно ли оправданно пренебречь такими важными факторами, как те, которые связаны с разногласиями между античностью и современностью? Несомненно, мы не можем пренебречь ими ни в каком систематизированном описании эстетического

понимания в целом. В нашей попытке, однако, выделить и измерить один конкретный аспект эстетики — качественный, который представляется в значительной степени независимым от разногласий, мы должны оставить эти факторы без внимания. Мы не можем дать адекватное описание тела человека, измерив только его рост. Но, желая измерить только рост, мы оставляем без внимания такие факторы, как вес, плоскостопие и бородавку на его носу. Для определенных целей измерения роста имеют большое значение, для других же они практически бесполезны. Что именно мы хотим измерить, зависит от нашей цели. Если качество и стиль картины являются независимыми переменными, а доказательство в пользу этого мнения весьма сильно, то мы должны измерять их независимо и изолированно. Если все же присутствуют какие-либо посторонние факторы, то их также необходимо исследовать и измерить, каждый в свою очередь.

В действительности намного легче измерить предпочтения стиля, чем суждения о качестве. Обычный метод состоит в выборе двух картин с аналогичными сюжетами, скажем, ветряная мельница или водопад. Одна из картин взята из работ известного современного художника, а вторая — из работ настолько же хорошо известного классика. При таком способе можно рассчитывать на контроль над сутью вопроса, качеством картины и восприятием имени художника. В этом случае суждения о предпочтении между двумя картинами будут строгим критерием предпочтений «стиля». Исследования в данном направлении довольно убедительно показали, что такие предпочтения связаны с темпераментом. Интроверты склонны предпочитать более старые работы, а экстраверты — современные. Интересно, что это открытие в некоторой степени представляется главным аргументом.

Таким образом, мы, можно сказать, в некотором смысле приняли средний порядок предпочтений населения в качестве нашего стандарта хорошего вкуса. Этот шаг настолько чужд большинству ветхозаветных догматов, которые исповедуют специалисты по эстетике и философы, что подвергается осмеянию по причинам, не относящимся к делу. Так, можно сказать, что Моцарт более великий композитор, чем Ирвин Берлин (несмотря на то, что подавляющее большинство предпочитает

произведения последнего). Голливудский мюзикл в эстетическом плане хуже, чем «Сон в летнюю ночь», но он может привлекать очень многих. Как, в таком случае, мы можем использовать среднее суждение масс в качестве арбитра для эстетического превосходства?

Такая критика упускает из виду всю суть доказательства. Средний порядок классификации произведений искусства является хорошим критерием превосходства *только при тщательно подобранных условиях*. Прежде чем мы сможем принять среднее суждение как имеющее вообще какое-либо значение, следует исключить все не относящиеся к делу и внешние факторы. Предпочтение «шоу ног» или более «грудастой» голливудской продукции произведению Шекспира может быть хорошим критерием сексуального интереса, но оно не имеет отношения к соответствующим эстетическим ценностям этих двух творений, поскольку суждение не основывается на эстетической почве. В науке полезность и значение понятия «среднее» целиком зависят от изучаемого вопроса, условий эксперимента и точного характера усредненных данных. При соответствующих условиях такое среднее может представлять собой колоссальную ценность, а при других условиях — быть бесполезным или вводить в заблуждение. Критика того, что усредненная классификация предметов эстетики может дать нам приемлемый критерий эстетической ценности, обычно основывается на примерах, в которых нарушены все правила получения имеющего смысл среднего значения. Это может способствовать бурной дискуссии, но не поможет в поиске научных критериев «красоты».

Нам необходимо рассмотреть еще один момент. Кроме стиля и хорошего вкуса, предпочтения часто определяются в высшей степени индивидуальными и уникальными факторами. Человек может любить желтое, потому что его девушка всегда одета в желтое; или предпочитать какую-либо картину, поскольку она напоминает ему солнечные летние дни на песчаных пляжах Балтики. Все это внешние факторы, которые сами по себе могут быть интересными, но не влияют на определение нашего среднего порядка. Будучи особенными для одного человека, они ничего не значат для других. По существу, это

детерминанты предпочтения неэстетической природы, и основываются они главным образом на ассоциациях с конкретными событиями, которые вызвали у изучаемого субъекта ощущение счастья или боли.

В этой книге у меня нет достаточного места для рассмотрения большей части экспериментальных работ, проведенных в области музыки и поэзии. В общем и целом полученные в них данные аналогичны данным в области изобразительного искусства. Кроме того, у нас нет возможности обсудить и эстетическое творчество — слишком мало известно в этой области, кроме оригинальных, но маловероятных измышлений Фрейда, чтобы можно было сделать какое-нибудь обоснованное заключение. В общем мы можем сказать, что экспериментальные исследования в области эстетики открыли целый ряд фактов, которые не останутся без внимания тех, кто интересуется проблемой формирования эстетических суждений, и что эти факты по всем вопросам замечательно согласуются с теорией эстетики, которая прочно привязана к биологии и устанавливает происхождение суждений о «красоте» из неотъемлемых свойств центральной нервной системы. Чрезмерно упрощенно и недостаточно для того, чтобы иметь дело с колоссальной сложностью величайших произведений искусства? Несомненно. И все-таки это то начало, которое в свое время обещает привести нас к более адекватной оценке.

Необходимо отметить, что наше обсуждение почти полностью было посвящено тому, что называется формальными элементами искусства. Можно ли сделать еще один шаг в том направлении, которое мы рассматривали до сих пор, и действительно попытаться записать формулу полностью объективного характера для измерения красоты? Попытка сделать это довольно-таки не нова. Можно вспомнить, что Пифагор пытался свести красоту музыки к математическим зависимостям между длинами струн аккордов. Другие авторы античности временами также делали аналогичные попытки. К примеру, так она выглядела у Платона: «Самым прекрасным треугольником... будет такой, который, будучи сдвоенным, образует третий равносторонний треугольник». Мотивом для такого высказывания Платона было то, что из такой фигуры можно составить равносторонний треугольник, прямоугольник, параллелограмм, ромб и правильный шестиугольник из числа многоугольных фигур, а также три из пяти тел правильной формы, как видно из рисунка 12. Эта возможность комбинаций была очень важна для Платона, который считал ее ценной для своей космологической теории. Нас вряд ли удовлетворит это, и вряд ли мы станем рассматривать его мотивы как имеющие эстетическую природу. Способность не опускать суть вопроса, несомненно, всегда характеризовала философов. (Одним из экстремальных примеров этого обстоятельства является известная статья Шопенгауэра о юморе. Он исписал около шестидесяти страниц, пытаясь проанализировать особенное превосходство того, что рассматривает как наилучшую шутку, когда-либо приходившую ему в голову. Эта шутка, по-видимому, — и здесь прослеживается интересная параллель с Платоном — заключается в касательной к окружности. Изысканный юмор линии, приближающейся к окружности, а затем снова удаляющейся от нее, вызывает у Шопенгауэра восторженные оды, которые, впрочем, не нашли отклика у большинства читателей!)

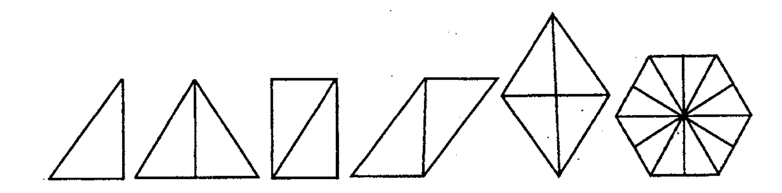

Рис. 12. Схема, демонстрирующая многообразие взаимосвязей, которая побудила Платона назвать крайний слева треугольник «самым прекрасным из всех»

Было бы чрезвычайно скучно рассматривать всю историю попыток подобного рода, но мы должны упомянуть одного психолога, который, можно сказать, поднял эстетику до уровня научной дисциплины. Фехнера особенно интересовало экспериментальное определение предпочтений для пропорций. Он пытался связать их с хорошо известной эстетической доктриной о «золотом сечении». Это такое сечение отрезка прямой, которое делит его на две части так, что большая часть является средним пропорци-

ональным между меньшей частью отрезка и его полной длиной. Фехнера особенно интересовал так называемый «золотой прямоугольник», то есть прямоугольник, отношение сторон которого представляет собой «золотое сечение». Философы и эстеты предполагали, что такие прямоугольники, с отношением большей стороны к меньшей равным 1,618 или очень близким к 8:5, обладают некой оккультной красотой, благодаря которой они совершенно выдающимся образом превосходят прямоугольники других типов.

Экспериментальные исследования Фехнера и его последователей выявили, что прямоугольники, пропорции которых близки к «золотому сечению», действительно более приятны. Однако выяснилось также, что точная пропорция сторон, которой требует предполагаемый закон, вовсе не обязательно превосходит близкие соотношения и, даже часто оказывается хуже них. Таким образом, представляется, что ничего очень тайного или загадочного в этом соотношении нет, и общая теория, наделяющая его особенной красотой, остается весьма сомнительной.

В последние годы американский математик Джордж Д. Биркхофф снова поднял проблему эстетической формулы в своей книге «Мера эстетики», в которой он предпринял радикальную попытку вывести общую формулу для измерения произведений искусства (изобразительного, поэзии, музыки). В эту формулу входят три элемента, связанные с тремя фазами эстетического переживания, которые различает автор: 1) предварительное напряжение внимания, необходимое для акта восприятия, возрастающее пропорционально тому, что Биркхофф называет *сложностью* (C) объекта; 2) понимание ценности, или *мера эстетики* (M), вознаграждающая напряжение внимания; и, наконец, 3) понимание того, что объект характеризуется определенной гармонией, симметрией или порядком (O), более или менее скрытым, который кажется необходимым для эстетического воздействия. Приняв намек хорошо известного эстетического требования «единство в многообразии», он утверждает: его анализ эстетического переживания свидетельствует, что эстетические ощущения первоначально возникают из-за необычайной степени гармоничных соотношений в объекте. Он продолжает, говоря следующее: «Более определенно, если мы

рассматриваем M, O и C как измеряемые переменные, то это приводит нас к выражению

$$M = O/C,$$

воплощающему в основной формуле гипотезу о том, что мера эстетики определяется плотностью связей порядка в эстетическом объекте... Если мы признаем действительность такой формулы, то можно сделать следующую математическую формулировку фундаментальной эстетической проблемы: *внутри каждого класса эстетических объектов определить порядок O и сложность C так, чтобы отношение $M = {}^{O}/_{C}$ выражало меру эстетики каждого объекта класса*».

Многие работы Биркхоффа связаны с точным определением того, как можно измерить этот порядок сложности элементов. Например, в случае с многоугольными фигурами сложность определяется как «число бесконечно продленных прямых линий, составляющих все стороны многоугольника». Анализируемые упорядоченные элементы состоят из следующего: V, или вертикальная симметрия; E, или уравновешенность; R, или осевая симметрия; HV, или горизонтально-вертикальная сеть; F, или неудовлетворительная форма, нечто вроде лоскутной сумки, включающая следующие факторы: слишком малые расстояния от вершины до вершины или до сторон, или между параллельными сторонами; углы, слишком близкие к 0° или 180°; другие неопределенности; не имеющие опоры входящие стороны; разнородность углублений; неоднородность направлений; отсутствие симметрии. Все термины, используемые в этой формуле, точно определены, и для каждой конкретной многоугольной фигуры можно прийти к мере M, которая, на основании теории Биркхоффа, даст степень меры эстетики этой фигуры.

Остается, несомненно, еще один важный вопрос. Действительно ли эта формула работает? Мы можем соглашаться или не соглашаться с теоретическим построением, нам может нравиться или не нравиться все направление исследований Биркхоффа. Впрочем, если случится так, что он преуспеет в предсказании суждений об эстетических предпочтениях на основании своей формулы, то мы вряд ли сможем пренебречь таким важным вкладом. Однако кажется, что формула работает по сути,

но не слишком хорошо. Соответствие с фактическими суждениями о предпочтении, выраженными многими людьми, относительно невелико.

Нам кажется, что тому есть три основных причины. Во-первых, Биркхофф основывает часть своей теории на предположении, которое в действительности не подтверждается. В своем рассуждении об элементах сложности эстетического восприятия он связывает их с усилием, которое делает наблюдатель в акте восприятия, и, кажется, что он, Биркхофф, уравнивает это усилие с фактическим количеством мышечного напряжения. Вот что он говорит: «Предположим, что мы фиксируем внимание на сложном многоугольном изразце. Акт связанного с этим восприятия происходит так быстро, что кажется почти мгновенным. Ощущение напряжения почти ничтожно, в то время как глаз последовательно скользит по сторонам многоугольника, а соответствующие моторные регулировки осуществляются автоматически. Тем не менее, согласно изложенной выше точке зрения, наблюдается легкое чувство напряжения, сопровождающее каждый акт регулировки, и сложность *C* будет измеряться числом сторон многоугольника». Так вот, даже самые элементарные познания в области психологии подсказали бы Биркхоффу, что на самом деле глаз, воспринимая фигуру любого типа, многоугольную или любую другую, не «скользит последовательно по сторонам». При помощи фотографирования движений глаз во время чтения, восприятия картин, многоугольных фигур или других объектов, было установлено, что взгляд не следует плавно вдоль линий, образующих объект восприятия, а скорее на короткий момент останавливается, а затем при помощи так называемых *саккадических движений* совершает прыжок к другой точке, снова останавливается на долю секунды, прежде чем прыгнуть снова. При разглядывании гипотетического изразца Биркхоффа направление этих прыжков было бы довольно нерегулярным и определенно не следовало бы по линиям наблюдаемой фигуры. Следовательно, из таких псевдо-физиологических предпосылок, как те, что использует Биркхофф, элемент сложности вывести невозможно. (Интересно отметить, что несколько других математиков и философов, пытаясь создать логически последовательное представление визуального восприятия и оценки

красоты, попадали в эту же ловушку. Кажется, представление о том, что в психологии каждый волен выдвигать постулаты любого типа, живет до сих пор. Много сил и времени, затрачиваемых и сейчас, могли бы дать лучший результат, если бы, прежде чем делать предположения такого рода, авторы занялись выяснением реального положения дел!)

Если первая ошибка Биркхоффа была фактической, то вторая представляется теоретической. Он принимает меру эстетики объекта как соответствующую числу упорядоченных элементов и обратно пропорциональную числу элементов сложности. Это чисто априорное представление. Похоже, что Биркхофф не выполнил вообще ни одного экспериментального исследования, чтобы проверить правильность своей гипотезы или точность своей меры эстетики. В длинной серии экспериментов автор этих строк пришел к выводу, что общая формула ошибочна и что мера эстетики является не отношением упорядоченных элементов и элементов сложности, а их произведением. Иными словами, $M = O \times C$, а не $^{O}/_{C}$. Пожалуй, этот вывод лучше всего проиллюстрирует рассмотрение многоугольника, имеющего в таблице Биркхоффа наибольшее значение параметра *M*, то есть квадрата. Эту фигуру не особенно предпочитают субъекты исследования, поэтому сложно понять точные причины, побудившие Биркхоффа дать ей такую высокую оценку. Квадрат имеет низкий порядок сложности и относительно высокую степень упорядоченности. В большинстве заключений такой объект оказывается «скучным», «неинтересным», «слишком правильным» и «банальным». Другими словами, он обладает слишком малым разнообразием и слишком упорядочен для того, чтобы быть привлекательным. Наиболее предпочтительными объектами кажутся те, которые имеют высокую степень и сложности *и* упорядоченности. Когда формулы были выведены на этой основе, то соответствие с наблюдаемыми суждениями о предпочтении выросло до приемлемого уровня. На основании новой формулы можно сказать, что мы можем прогнозировать эстетические реакции, пользуясь простой объективной математической формулой.

Третья причина, которая привела Биркхоффа к ошибочному выводу, заключается в отказе принять во внимание некоторые

дополнительные сложности. Вдобавок к общей характеристике суждений о предпочтении групп людей мы должны принимать во внимание и значительные индивидуальные различия, которые представляются особенно связанными с предпочтениями элементов порядка или сложности, соответственно. Другими словами, некоторые люди оказывают предпочтение эстетическим объектам с относительно высокой степенью сложности, тогда как другие — объектам с относительно высокой степенью порядка. Впрочем, это можно проиллюстрировать и данными нескольких экспериментов по восприятию поэзии. Люди с сильной симпатией к преобладанию элементов порядка склонны отдавать предпочтение стихам с простым регулярным ритмом — простой непосредственной схеме рифмовки, с правильным и сильно акцентированным размером. Те же, кто отдает предпочтение высокой степени сложности, являются любителями более сложных типов фразовых форм, то есть неортодоксальной нерегулярной схемы рифмовки и намного менее очевидного размера.

В среднем два указанных типа стихосложения должны иметь примерно одинаковое количество предпочтений, но скорее всего, будут существовать большие разногласия между субъектами: одним нравится первое и не нравится второе, и наоборот. Есть некоторые свидетельства, дающие основание предположить, что по крайней мере частично эти различия обусловлены факторами темперамента. Экстраверты склонны отдавать предпочтение стихам простого типа с регулярной схемой рифмовки и сильно акцентированным размером. Интроверты предпочитают стихи более сложного типа, с нерегулярной схемой рифмовки и менее очевидным размером.

Кроме того, есть некоторые свидетельства, заставляющие предположить, что опыт и знание также играют свою роль в определении оценки, даваемой человеком. К примеру, когда людей просили определить, какие фортепианные аккорды — простые или сложные — они предпочитают, то оказалось, что их предпочтения склонялись к простым и более известным аккордам. Однако, когда эксперимент был повторен много раз, простые и знакомые аккорды начинали терять свою привлекательность, а популярными становились более сложные и незнакомые. Почти то же самое было обнаружено и для других предметов искусства, как и можно было предположить на основании здравого смысла. Несомненно, знание должно учитываться в формуле как дополнительный элемент порядка. Таким образом, простое повторение наблюдения или прослушивания может изменить меру эстетики данного объекта. Конечно, эти дополнительные осложнения следует учесть в конечной формуле, но становится очевидным, что это далеко не так просто, как предполагается Биркхоффом. К сожалению, в настоящее время среди психологов существует весьма небольшой интерес к экспериментальным исследованиям эстетики, и маловероятно, что очень перспективное начало в области предпочтений цветов спектра и меры эстетики примет научные масштабы с целью быстрого прогресса в этой очень сложной области.

На протяжении всей главы мы касались формальных аспектов искусства. Эти аспекты всегда представляли для психологов главный интерес, поскольку только их оказывалось легко измерить и, следовательно, формулировать законы и накапливать экспериментальные доказательства, так необходимые для точного установления взаимосвязей. Однако, правильно это или нет, но и обыватель, и литературный критик, и художник обычно проявляют гораздо больший интерес к совершенно другому типу анализа, который относится в большей степени к содержанию, чем к форме. Этот анализ скорее субъективен, чем объективен. Он не дает точных формулировок в числовой форме, а скорее пытается передать впечатления при помощи слов. Благодаря этим качествам, представляющим такой тип анализа несколько сомнительным для ученого, он охотно принимается самым широким кругом людей, которые интересуются больше гуманизмом, чем наукой, и неодобрительно смотрят на любую попытку сделать эстетические впечатления доступными научным законам.

Множество различных аналитических исследований такого типа, который я упоминал, выполнено в области трагедии и романа, в основном, видимо, потому, что в них содержание гораздо более важно, чем форма, тогда как результаты научного анализа наиболее выпукло проявляются в области изобразительного искусства и музыки, где форма важнее содержания. Наиболее известным из различных видов анализа содержания является, вероятно, анализ, выполняемый психоаналитиками. В эту область ими направлено большое количество энергии. Пример может

достаточно точно продемонстрировать, что пытаются сделать эти авторы, а далее мы сможем продолжить обсуждение того, насколько то, что они пытаются делать, осуществимо и успешно.

Поскольку у нас нет возможности подробно рассмотреть то множество опытов, которые предприняты психоаналитиками, мы ограничимся одним или двумя примерами. Для того чтобы быть честным, в качестве своей первой демонстрации я выбрал то, что, по всеобщему признанию, оценивается как самая успешная из этих попыток. Я обращаюсь к попытке Эрнеста Джонса объяснить то, что он называет «тайной Гамлета», на основании эдипова комплекса. В этом случае он просто идет по стопам самого Фрейда, который сделал аналогичное предположение в подстрочном примечании в одной из своих книг.

Итак, что же такое «тайна Гамлета»? Это, согласно Джонсу, странная нерешительность, продемонстрированная Гамлетом в попытке отомстить убийце его отца.

Для объяснения этого «сфинкса современной литературы» были выдвинуты гипотезы трех типов. Первая из них видит трудность осуществления задачи в темпераменте Гамлета, как видно, не подходящем для эффективных действий любого типа. Этот взгляд, ищущий объяснение гамлетовского торможения в неких сложностях его характера, первоначально был предложен Гете, Шлегелем и Кольриджем. Гипотеза резко утверждает, что в силу высокоразвитого интеллекта и широких и разносторонних симпатий у Гамлета никогда не было простого взгляда на любую проблему, а он всегда видел целый ряд различных аспектов и возможных объяснений. Следовательно, ни один конкретный образ действий даже не казался ему определенным и очевидным, а значит, его скептицизм и мыслительные способности имели тенденцию парализовывать его поведение в реальной жизни. На основании концепций, рассмотренных в одной из предыдущих глав, мы могли бы сказать, что Гамлет был крайне интровертированным человеком, возможно, с сильными невротическими наклонностями; человеком, склонным теряться в абстрактных мыслях при столкновении с действительностью.

Вторая гипотеза ищет причину не в личности Гамлета, а скорее в трудности самой задачи. Существует целое подмножество гипотез такого рода, но все они сходятся на том, что свержение

правящего монарха и сохранение в то же время собственной жизни — дело в высшей степени трудное, особенно, если при этом попытка должна заключаться не только в том, чтобы убить, но и заставить сознаться в совершенном убийстве.

Джонс отвергает обе гипотезы объяснения нерешительности Гамлета и продолжает: «Если дело не в его неспособности действовать вообще, и не в необычайной сложности рассматриваемой задачи, то суть должна заключаться в *третьей* возможности, а именно, в некоем особенном свойстве задачи, которое делает для него эту задачу отвратительной. Гамлет в глубине души не хочет ее выполнять, и этот вывод кажется настолько очевидным, что трудно понять, как любой критический читатель умудрился не прийти к нему».

Хотя Джонс предполагает, что Гамлет испытывал некое отвращение к выполнению задачи, это мнение имеет некоторый недостаток, поскольку в пьесе ни в одном из монологов Гамлета такое отвращение не подтверждается. Впрочем, для Джонса это не является затруднением. Если в словах Гамлета нет никакого доказательства его отвращения, никакой сдерживающей его причины, то вывод очень прост — он сам не понимал природы своего отвращения. Другими словами, он не осознавал его.

Навязывая, таким образом, объяснение тайны, которое он ищет в неосознанности, Джонс продолжает попытки выяснить, что же было подавлено. Он начинает с того, что устанавливает закон, который гласит: «Что неприемлемо для множества — неприемлемо и для отдельного элемента». Джонс продолжает: «По этой причине нравственные, общественные, этические или религиозные влияния вряд ли когда-либо бывают «подавлены», потому что, однажды принятые индивидуумом от своего племени, они никогда не вступят в конфликт с последним... Обратное в равной степени справедливо, а именно, ментальные тенденции, «подавленные» индивидуумом, являются наименее приемлемыми для его племени».

Из этих утверждений вытекает следующее: то, что было подавлено и вынудило Гамлета колебаться, является чем-то неприемлемым для него или его окружения.

Это «что-то» Джонс ищет, анализируя отношение Гамлета к объекту мщения, Клавдию, и к преступлениям, которые должны

быть отомщены. Это, во-первых, кровосмешение Клавдия с королевой и, во-вторых, убийство им отца Гамлета, брата самого Клавдия. Пытаясь объяснить отношение Гамлета к Клавдию, Джонс заявляет, что это не просто сплошная брань, и здесь есть сложность, возникающая следующим образом: «...дядя не просто совершил *каждое* из этих преступлений, но он совершил *оба* преступления — существенно важное различие, позволяющее ввести для *комбинации* преступлений новый фактор, который создан возможной взаимосвязью между двумя преступлениями и который не дает возможности получить результат простым суммированием. Кроме того, следует иметь в виду, что преступник является родственником, и весьма близким».

Заведя нас так далеко, Джонс теперь объясняет механизм так называемого эдипова комплекса, который, по его убеждению, в то же время объяснит и нерешительность Гамлета. Предполагается, что этот комплекс возникает по причине сильной сексуальной связи между мальчиком и его матерью. (Девочки как-то выпали из этого интригующего созвездия, и хотя Фрейд иногда делал формальные попытки поместить их туда, нельзя сказать, что они были чем-то существенным для концепции эдипова комплекса.) В этой взаимосвязи отец рассматривается как преуспевающий конкурент, стоящий между ребенком и его матерью. Следовательно, мальчик хочет убить отца и жениться на матери — поступок, действительно совершенный Эдипом в греческой легенде и в трагедии Софокла. По причине сходства между историей Эдипа и мнимыми желаниями маленьких мальчиков этот комплекс и получил свое название.

Вот как Джонс объяснил бы «тайну Гамлета» на основании эдипова комплекса. Испытывая в юности подавленные чувства агрессии по отношению к отцу и сексуальные чувства к матери, он узнает о смерти отца и втором замужестве матери. Как следствие, Джонс отмечает следующее: «Длительно «подавляемое» желание занять место отца в близости к матери стимулировало неосознанную деятельность на поиск кого-то, кто узурпировал это место в точности так, как он сам страстно когда-то хотел это сделать. Более того, этот кто-то был членом той же семьи, таким образом, фактическая узурпация в дальнейшем сделала этого воображаемого «кого-то» виновным в кровосмешении. Вообще

не осознаваемые им, эти древние желания, как колокол, звенят в его мозгу, делая еще одно усилие, чтобы найти выход, и требуют таких затрат энергии на их новое «подавление», что он доходит до плачевного психического состояния, которое сам так ярко описывает».

Добавьте ко всему этому откровение призрака о том, что дядя — еще и убийца его отца, и сознание Гамлета приходит в полное смятение. Согласно Джонсу, его отношение к Клавдию становится очень сложным. Он ненавидит своего дядю, но это ревнивая ненависть одного преступника к своему удачливому коллеге. Это мешает ему изобличить дядю, потому что, чем решительнее он делает это, тем сильнее стимулирует деятельность своего подсознания и «подавляет» комплексы. Итак, вот объяснение Джонса неудачи Гамлета. Он не может подчиниться чувству долга и убить своего дядю, потому что оно связано с требованием его натуры убить мужа своей матери, будет ли он первым или вторым. Последнее требование сильно «подавлено», а следовательно, и первое — тоже. Иными словами, Гамлет, имея в юности «подавленное» желание (гипотетическое) убить своего отца, теперь, по непонятной причине, переносит это «подавление» на второго мужа своей матери и, следовательно, становится неспособным отомстить.

Это объяснение может быть или не быть привлекательным для читателя, но прежде чем обсуждать его, давайте сначала попытаемся совершенно точно понять, что же такое было сказано. Джонс высказывает предположение, что Гамлет страдает эдиповым комплексом, который в некотором роде сам по себе не совсем понятен и, похоже, опирается на совершенно произвольное допущение, заставляющее принца колебаться в вопросе убийства Клавдия. Но как доказательство это высказывание, несомненно, не имеет никакого значения. В конце концов Гамлет — несуществующий человек, а лишь плод воображения, а объявить, что несуществующий человек обуреваем эдиповым комплексом, — не очень поучительно. Очевидно, что его невозможно опровергнуть или подтвердить никаким мыслимым образом. Но Джонс, несомненно, использует это утверждение только как очередную ступеньку. Он хочет исследовать связь комплекса Гамлета с внутренней деятельностью психики Шекспира. Итак, он

продолжает: «В этом содержится утверждение, что данный конфликт является эхом наличия аналогичного конфликта у самого Шекспира, как в большей или меньшей степени у всех мужчин». Другими словами, Джонс заявляет, что Гамлет — это своего рода тематический апперцепционный тест, который можно использовать для диагностики невроза у Шекспира. Поскольку о личности Шекспира вообще ничего не известно, то, несомненно, такое утверждение можно сделать совершенно уверенно. Его тоже нельзя ни доказать, ни опровергнуть. В частности, исключается любое опровержение, потому что конфликт, связанный с эдиповым комплексом, неизбежно является неосознаваемым и, следовательно, должен навсегда оставаться скрытым.

Но это не конец истории. Если Шекспир, неосознанно и непроизвольно, наделил Гамлета неосознанными желаниями, не позволяющими ему выполнить свой долг, то он также породил и драму, которая относится и к нам, поскольку этот же конфликт (естественно, неосознанный) присутствует и в нашем рассудке. Так, подсознание Шекспира через подсознание Гамлета взывает к подсознанию театральных зрителей, которые смотрят пьесу и неосознанно оценивают все эти неосознанные определяющие факторы.

Но и это еще не все. Фрейд и Джонс явно утверждают, что эдипов комплекс представляет собой характеристику всех людей. Ввиду этого совсем нетрудно увидеть, как его можно приспособить для объяснения действий любого конкретного человека. Этот пункт часто упоминается в критике теорий Фрейда. Делая свои концепции универсальными, то есть применяя их ко всем людям, он еще и делает невозможным использование этих концепций. Только та, которая воздействует на разных людей поразному, может превратиться в объяснительный принцип для их различий. Если эдипов комплекс есть у каждого, то обладание им не отличает Гамлета от Клавдия или Лаэрта, как не отличает его от Шекспира или любого зрителя на спектакле. Пожалуй, все же диагноз должен быть более подробным. Но каким образом это можно сделать? Сам Фрейд разъясняет, что надежный диагноз можно поставить только посредством детального многолетнего анализа и при помощи процедур толкования сновидений и свободной ассоциации. Ставить такой диагноз человеку, кото-

рый умер 300 лет тому назад и о жизни которого практически ничего неизвестно, на основании весьма эзотерической интерпретации нескольких строк, написанных, вероятно, но не определенно, этим человеком, на основании истории, которая уже в те времена существовала в нескольких различных вариантах, кажется до некоторой степени экстравагантной претензией. Представляется ли читателю объяснение Джонса правдоподобным или нет, он должен согласиться с тем, что весь процесс его получения является скорее литературным, чем научным приемом. Хотя он более красочен, чем серьезное научное исследование, все же вряд ли сделанные из него выводы достигают такой же степени убедительности.

Почти то же можно сказать и о немного менее известном психоанализе, проведенном Шилдером по поводу книги «Алиса в стране чудес», а через нее — и по поводу Льюиса Кэрролла. Шилдер основывается на высказывании Фрейда, согласно которому бессмыслица в сновидениях и так называемое подсознательное мышление означают презрение и насмешку. Поэтому он говорит: «Мы можем предположить, что лишенная смысла литература представляет собой выражение особенно сильных деструктивных наклонностей весьма примитивного характера». Откуда же взялись эти деструктивные наклонности? Шидлер утверждает, что они возникли у Кэрролла потому, что он был из многодетной семьи, никогда в полной мере не испытывал родительской любви и, следовательно, ненавидел и хотел уничтожить своих многочисленных братьев и сестер. Кэрролл, отмечает Шилдер, любил играть с жабами, улитками и земляными червями, а Алиса постоянно боится критики или осуждения со стороны животных. «Не представляют ли насекомые, — вопрошает Шилдер, — многочисленных братьев и сестер, которые должны были вызывать ревность Кэрролла?»

Затем, несколько непоследовательно, Шилдер переходит по поводу Кэрролла к такому вопросу: «Во всяком случае, каким было его отношение к своему половому органу?». Ответ, который он дает, связан с теорией, в общих чертах описанной другим известным психоаналитиком, Феникелем, который считал возможным, что маленькие девочки могут символизировать фаллос. В поддержку этого мнения Шилдер отмечает, что Алиса постоян-

но меняет свой внешний вид. Она постоянно под угрозой и постоянно в опасности. Очевидно, Кэрролл страдает комплексом кастрации, который таким образом представляется сильным стимулирующим фактором его произведений.

А что же по поводу читателя? Шилдер заявляет, что для него Кэрролл должен представляться весьма деструктивным писателем. Может ли такая литература не вызывать у детей рост деструктивных отношений сверх желательной меры, спрашивает он. Несколько курьезное соседство, но «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» присоединяются к разряду ужасных комиксов!

Это далеко не единственная психоаналитическая интерпретация «Алисы». Существуют и другие, которые используют совершенно отличающиеся гипотезы и приводят к совершенно другим выводам. Читатель с богатым воображением и некоторыми познаниями в области психоаналитической системы получит многочасовое удовольствие, следя за приключениями Алисы, пытаясь связать их с более очевидными психоаналитическими концепциями, которые могут прийти ему в голову. Такой способ, может, и не прольет свет на психологию эстетики, но доведет до сознания читателя беспримерное изобилие аналогий, которые должны обнаруживаться в методике Фрейда, и полную невозможность подвергнуть эти аналогии никакой разумной проверке на истинность или ложность.

Теории не являются правдивыми или фальшивыми — они либо продуктивны, либо бесплодны.

Клод Бернар

Психология: факты и вымысел

Введение

Подобно предыдущим работам «Психология: польза и вред» и «Психология: смысл и бессмыслица», данную книгу можно читать отдельно, однако последовательное прочтение всех трех работ позволит читателю лучше понять обсуждаемые здесь проблемы. В этой работе я в основном рассматривал вопросы, связанные с понятием личности, ее природой и измерением, а также причины, по которым личность оказывается подвержена неврозам, несчастным случаям, криминальному поведению и другим социальным конфликтам. Я попытался упростить такую очень сложную и трудную тему и, несомненно, некоторым покажется, что это было излишне. Я также сделал в некоторых местах оговорки, когда становилось ясно, что из-за ограниченности объема я не смогу полностью раскрыть какой-либо аспект, так как, безусловно, нельзя включить в работу такого формата абсолютно все важные проблемы, которые хотелось бы осветить.

Две предыдущие книги очень часто характеризовались как «противоречивые», и автор действительно настолько привык к такому определению, что у него возникает чувство обделенности, если на какой-либо конференции председатель, представляя его, забывает употребить этот термин. Вы можете сказать, что любой вопрос противоречив, потому что люди спорят о нем и тем самым создают противоречие. При таком подходе противоречивым остается и вопрос о том, является Земля круглой или плоской, ведь существует еще много сторонников второго варианта ответа, считающих, что все доказательства обратного за последние триста лет — ложные. Поэтому с их точки зрения мы можем заявить, что вопрос о форме Земли все

еще остается спорным. Однако я не думаю, что кто-то согласится с таким мнением при научном подходе; все компетентные в этой области специалисты соглашаются, что Земля имеет определенную форму, не являющуюся плоской. И с этой точки зрения в вопросе о форме Земли нет никакого противоречия.

Но говоря так, я не считаю, что в данной книге на самом деле нет никаких противоречивых вопросов. Например, то значение, которое я придаю проблеме личности, может показаться многим экспериментирующим психологам слишком преувеличенным. По мнению таких исследователей, в психологии, как в любой другой науке, рассматривается в основном функциональная зависимость одной переменной величины от другой, и это не может быть сделано без постулирования таких основных понятий, как личность, темперамент и т. д. Я считаю, что подобное упрощенное сопоставление психологии с другими физическими науками ошибочно. Насколько любой индивидуум отличается от другого, настолько его индивидуальность должна быть уравновешена, что разрушит общепринятое доверие к функциональным взаимоотношениям. Индивидуумы действительно различаются — частично благодаря наследственным характеристикам, частично вследствие полученного воспитания, и мне кажется, что психология никогда не сможет значительно продвинуться вперед без признания сложностей, порожденных этим фактором личности. Поэтому я не раскаиваюсь в своем подходе, но в тоже время сознаю, что некоторые психологи, чьими работами я восхищаюсь и чьи мнения должны рассматриваться очень серьезно, тем не менее не согласны со мной по этому вопросу. В таком случае справедливо будет сказать, что выраженные в данной книге соображения действительно являются противоречивыми.

Возможно, так же противоречива и преобладающая на страницах издания точка зрения о том, что личность может исследоваться научно, посредством лабораторных экспериментов. По словам многих критиков, человеческие существа слишком сложны, чтобы можно было проводить их изучение таким способом, и любые подобные попытки обречены на провал. Похожим, это верно, но, только попытавшись сделать это, можно удостовериться, стоит заниматься таким исследованием или нет. Я не вижу причин отступать в этих исследованиях от хорошо зарекомендовавших себя научных методов.

Очень верно на сей счет выразился Кларк Максвелл: «При изучении любого сложного объекта мы должны сконцентрировать свое внимание на тех его элементах, которые можем наблюдать и заставлять изменяться, не обращая внимания на те из них, которые не можем ни наблюдать, ни заставлять изменяться». И опять-таки я могу ошибаться, считая, что эта рекомендация так же ценна для психологии, как и для физики, однако современные результаты свидетельствуют, что мы можем значительно продвинуться вперед на пути к нашей цели, следуя совету Максвелла.

Я оказался противоречив и еще в одном аспекте. Популяризатор в науке обычно ведет себя очень осторожно и имеет дело только с теми явлениями и теориями, которые широко приняты и полностью задокументированы. Я же пошел дальше фактов, установленных с помощью тщательно проведенных исследований, и попытался предложить читателю возможности, неотъемлемо присущие научной психологии. По мере возможности я всегда старался дать понять, где приводятся такие факты, а где преобладает воображение. Читатель может подумать, что я слишком увлекся этим направлением, и что было бы лучше придерживаться чистых фактов. Однако, как заметил Т.Х. Хаксли, «те, кто отказывается подняться над фактом, редко постигают сущность самого факта», и я особенно постарался показать читателю, почему определенные факты важны и почему проводятся лабораторные исследования некоторых из них. Именно в лаборатории лучше всего установить их достоверность.

Таковы, в сущности, аспекты противоречивости этой книги. Буду считать своим успехом, если книга заставит читателя размышлять, а не просто соглашаться со мной. Бертран Расселл однажды сказал: «Судьба бунтарей — поиск новых религий». Но в мои планы это не входит.

Однако противоречивость — не главное в этой книге, в ней просто ведутся поиски способов подтверждения очевидного. За последние триста лет мы преуспели в тех областях знания, где в

решении определенных проблем применялся научный метод, и терпели неудачи там, где этого не делалось. Большинство таких проблем были частью физических и химических наук, но то, что достоверно, должно быть таковым и по отношению к социальным наукам. И все-таки даже в отношении физики немногие должностные лица и политики имеют представление о том, насколько может быть всеобъемлющим влияние научного метода и суверенитет научных законов.

Рассмотрим закон Бойля на примере униформы стюардесс британской авиакомпании B.O.A.C. Костюмы для них были сшиты в обтяжку, но, увы, их руководители забыли закон Бойля, согласно которому объем и давление газа изменяются обратно пропорционально. В результате оказалось, что животик стюардессы представляет собой газонаполненный баллон, а давление в нижнем салоне самолета на высоте, например, 5000 футов приводит к увеличению этих «баллонов» на 20 процентов, резко нарушая прилегаемость и удобство прекрасной новой униформы. Такое влияние законы физики оказывают даже в тех областях, где этого меньше всего ожидают, и можно было бы избежать многих излишних расходов и беспокойств, если бы эти законы с самого начала принимались в расчет.

Любому, кто намеревается применить научные законы и методы в социальной области, сразу же говорят, что в психологии нет таких обобщений и законов, которые могли бы послужить достаточной базой для исследований. При этом задается риторический вопрос: «Какой закон в психологии может сравниться с законом Бойля в физике?». Строго говоря, можно было бы, конечно, продолжить этот список, добавив к нему ссылки на законы Бансена-Роско, Каппера, Корте, Марбе или большое количество других обобщений, которые, к сожалению, без детального пояснения ничего не значили бы для спрашивающего.

Но на менее возвышенном уровне лучшим ответом на такой вопрос стала бы демонстрация того, как обобщения в современной психологии могут применяться и применяются в отношении проблем современной жизни. Очень надеюсь, что читатель, ознакомившись с содержанием этой книги, поймет, что, хотя психология находится в стадии младенчества и на несколько веков

отстает в развитии от физики, она тем не менее уже сейчас способна внести посильный небольшой вклад в решение социальных проблем, а ее потенциал при должном к ней внимании и поддержке представляется огромным.

Часто можно услышать и другой традиционный вопрос: «Но почему психологи так часто спорят и противоречат друг другу?». Конечно, это случается с ними, так же, как и с математиками, физиками, химиками и другими учеными. Споры математиков также кажутся дилетанту слишком непонятными, но дебаты психологов имеют к нему более близкое отношение. Вот почему он не знаком с первыми, но ему известно о последних. Тот факт, что раньше считалось, будто свет состоит из частиц, а затем его природа стала определяться как скорее волновая, привел ко многим диспутам и «решающим» экспериментам. Однако никому в голову не пришло приуменьшать значение физики из-за различных точек зрения, порожденных этой проблемой, включая наше нынешнее довольно толерантное рассмотрение света как явления, имеющего двойственную природу! Имеется много причин, по которым временами какое-либо явление рассматривается противоречиво, однако продолжительные исследования обычно приводят к нахождению истины.

Давайте рассмотрим две гипотезы, одинаково популярные среди исследователей. Одни говорят, что «разлука с человеком приводит к усилению любви», т. е. постулируется позитивное усиление F (сердечная привязанность) в зависимости от L (длительность разлуки). Совершенно противоположный постулат выдвигается сторонниками принципа «с глаз долой — из сердца вон». Вот здесь мы имеем типичное начало спора между двумя психологическими школами.

Но, возможно, они обе правы. Может быть, соотношение между F и L имеет криволинейный характер, как показано на рисунке 1. В соответствии с этим графиком разлука сначала приводит к усилению F, но затем, после пика, снижается, и «с глаз долой» действительно становится «из сердца вон». Такое положение примирило бы обе теории, объединив их в одном законе, который можно было бы применять к любым исходным данным.

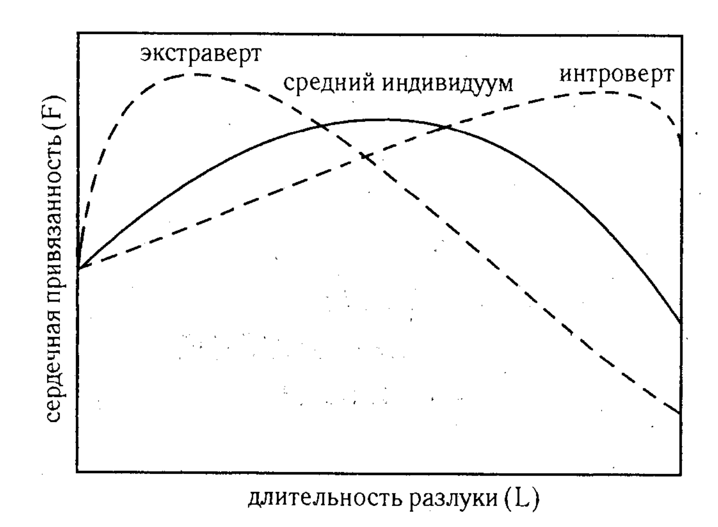

Рис. 1. Диаграмма, иллюстрирующая противоречия, на основе которых возможно формулирование психологических законов

Возможно, следует внести дальнейшие усложнения в эту схему. Так, экстравертированные личности могут пройти пик «сердечной привязанности» за относительно более короткую разлуку, в то время как интроверты делают это после гораздо более длительного расставания, как показано на диаграмме. Таким образом, мы должны внести личностные различия в наш закон. Это только некоторые из наиболее очевидных сложностей, с которыми мы будем вынуждены сталкиваться. Но непреложным остается тот факт, что не существует очевидной причины, по которой не могут быть найдены решения по всем аспектам этой проблемы; и даже частичные, неполные решения могут иметь важное практическое значение. Выбранный мной пример, конечно, является вымышленным и несколько легкомысленным, но извлеченный из него урок применим к более серьезным аспектам, которые я рассматриваю в этой книге. Впрочем, читатель должен сам определить, насколько хороша приведенная мною иллюстрация.

I. Посещение психологической лаборатории

Для большинства людей даже сам термин «психологическая лаборатория» несет в себе противоречие. По их мнению, психология — это преимущественно изучение умственных способностей и психики; как такие нематериальные вещи можно поместить в замкнутое пространство, ограниченное размерами комнаты, заполненной различной аппаратурой или (что еще более кощунственно) крысами и голубями? Такие вопросы, несомненно, заслуживают ответа, и в этой главе я проведу читателя по некоторым помещениям моей собственной лаборатории, остановлюсь на отдельных работах и, что гораздо важнее, объясню причины, по которым специалисты занимаются именно теми или другими вещами.

Это, безусловно, главный момент, мимо которого обычный посетитель любой научной лаборатории довольно часто проходит мимо. Обычно ему показывают аппаратуру, электронные приборы, просторные залы, заполненные учеными в белых халатах, склонившимися над микроскопами или наблюдающими за движением электронов в циклотронах. Однако если посетивший лабораторию не узнает целей эксперимента, он лишь получит впечатления, но не знания. Проводя посетителей по своим лабораториям, психологи больше склонны рассказывать о сложностях аппаратуры и ее совершенстве, чем о целях ее использования. У многих исследователей «социальных наук» укоренилось внутреннее представление, что научная респектабельность основывается на

оборудовании, а оно почти не применяется в теоретических разработках и психологических экспериментах. Я лишь вкратце коснусь описания применяемого нами оборудования, в основном же буду говорить о функциях, выполняемых этим оборудованием в раскрытии некоторых секретов поведения человека.

Следующий вопрос является очень важным. Такие качества личности, как «ум», «душа», «психика» слишком нематериальны, чтобы исследовать их любыми научными методиками. Поэтому в действительности психолог имеет дело с *поведением,* которое достаточно ощутимо для того, чтобы наблюдать, регистрировать и анализировать его. Эта трезвая позиция часто критикуется людьми, полагающими, что такой подход оставляет в стороне важные качества и свойства психики человечества. Подобное возражение в конце концов может оказаться верным, но таким образом проблема переносится в область скорее философии, чем строгой науки. Поэтому не станем спорить, а просто условимся, что мы будем продвигаться вперед, обращая внимание только на поведение, ответ же на вопрос о возможной ограниченности такой позиции оставим на будущее.

Сейчас вам станет более понятно, для чего психологу требуется лаборатория. Поведение может анализироваться по трем основным компонентам. С одной стороны, имеются *раздражители*, воздействующие на организм и заставляющие его реагировать. Такие раздражители могут поступать либо из внешней среды (свет, звуки, запахи и т. д.), либо изнутри из самого организма, как, например, от мышечных нервов, расположенных в наших руках и ногах и сообщающих нам сведения о положении конечностей.

На другой чаше весов находятся *реакции* организма. Они могут быть мышечными, т. е. движениями тела, производимыми сокращением и расслаблением мышц; секреторными, т. е. связанными с секрециями желез; либо могут выполняться вегетативной нервной системой, которая управляет основным количеством непроизвольных реакций, таких как расширение зрачка или потливость рук. Так называемая «умственная» активность может также рассматриваться как реакция, хотя в данном случае мы, конечно, оказываемся в затруднении, когда

пытаемся зарегистрировать эту реакцию каким-либо объективным способом.

Между раздражителем и реакцией находится *организм.* В ранние периоды развития психологии предпринимались попытки исключить организм из этой схемы и описывать поведение лишь в терминах связей раздражителя и реакции. Такая психология стала известна под названием «психология S-R» (Stimulus-Reaction — Стимул-Реакция), но впоследствии выяснилось, что один и тот же набор раздражителей может вызвать совершенно различный набор реакций в разных организмах или даже в одном и том же организме в разное время. Это в самом деле настолько очевидно, что об этом не стоит и распространяться, но очевидные вещи иногда игнорируются, поэтому лишь сравнительно недавно роль организма в этой цепочке была восстановлена.

Поясним еще раз, почему психологу требуется лаборатория. Прежде всего, он должен создать раздражители, чтобы можно было наблюдать, какое воздействие они оказывают на исследуемый организм, будь это человек, крыса, земляной червь или амеба. На первый взгляд, эта задача не представляется трудной, но когда становится понятно, что человеческий организм сконструирован настолько совершенно, что способен воспринять своими органами чувств различия между раздражителями, не превышающими один квант энергии, возникает необходимость в получении с высочайшей точностью определенных количеств звуков, цветов, запахов и т. д., которые могут быть определены физическими и химическими терминами, а также воспроизведены другими исследователями, желающими проверить представленные результаты. Более того, длительность воздействия раздражителей часто должна быть строго определена по времени, вплоть до одной тысячной секунды и менее, а этого не так легко добиться. Побочные внешние раздражители следует исключить, чтобы экспериментатор был уверен: организм реагирует только на его раздражители, а не на какие-либо другие. Для этого требуется лаборатория со звукоизоляцией, кондиционированием воздуха и предпочтительно полностью изолированная от остальных помещений здания, в котором расположена. Имеются даже свидетельства, что преобладание отрицательно или положительно за-

ряженных ионов в воздухе может изменить реакции людей на различные раздражители, хотя совсем немногие психологи занимались серьезным изучением этой переменной величины!

Когда дело доходит до записи реакций, мы опять сталкиваемся со значительными трудностями. Довольно легко вести запись действий человека, нажимающего кнопку в качестве реакции на внезапное появление света. Можно даже записать скорость его реакции. Несколько труднее измерить усилие, с которым он нажимает кнопку. Но фактически невозможно провести запись иннервации мускулов перед началом их видимого движения. Или возьмем, к примеру, сны: легко узнать у человека в бодрствующем состоянии, видел ли он сон последней ночью, но его ответ будет иметь ограниченное значение. Однако можно показать, что сновидения всегда связаны с определенными движениями соединенных с глазными яблоками мускулов, а также с определенными электрическими сигналами, возникающими в головном мозге. Таким образом, и для записи такой простой вещи, как появление сновидения, требуется сложная аппаратура. Многие реакции, которые нам хотелось бы записать, в настоящее время нельзя измерить, например, секрецию гормонов в кровяной поток.

Изучение раздражителей и реакций часто затруднительно, но в принципе возможно. Психологи часто сталкиваются с невнимательным отношением к себе, распространенным среди руководителей научных учреждений, к которым они обращались с просьбами о приобретении дорогого оборудования, выделения помещений со звукоизоляцией и даже предоставлении таких необходимых каждому исследователю вещей, как ручки и бумага и т.д. Однако в последнее время ситуация улучшилась, и мы приобретаем большой опыт в точном дозировании раздражителей и точной регистрации реакций. Однако в отношении самого организма трудности возрастают до таких огромных масштабов, что многие психологи оставили надежду заняться этой проблемой в течение своей жизни и предпочитают рассматривать его как нечто, называемое на профессиональном языке «черным ящиком», т. е. прибором, в который подается электрический ток и который отвечает определенными реакциями. Но структура и электропроводка этого ящика неизвестны,

поскольку его невозможно открыть. Некоторых экстремальных исследователей такой взгляд на положение дел привел к доктрине «пустого организма», то есть к отказу даже размышлять о содержании этого «черного ящика» и возвращению к старой концепции раздражителей и реакций, не обращая никакого внимания на сам организм. Однако сейчас подобный подход не отвечает современному развитию ситуации. Существует явное сходство между «организмом», о котором мы вели речь выше, и понятием «личности», составляющим основную часть всей моей работы. В дальнейшем я буду в основном рассматривать пути и способы преодоления трудностей, создаваемых «черным ящиком», а также попытаюсь доказать, что организм не будет вечно оставаться «пустым».

После этой вступительной речи перейдем к делу и отправимся в первую комнату справа. В ней вы не увидите ничего выдающегося и впечатляющего — здесь находится довольно простой аппарат под названием «ротор преследования».

Надеюсь, смогу показать вам, что этот простой прибор при правильном использовании способен пролить свет на некоторые очень важные и сложные проблемы в психологии. Возможно, скептику понравится цитата из знаменитой книги Фарадея «Химическая история свечи»: «Не существует ни одного закона, управляющего какой-либо частью нашей вселенной, который начал бы действовать и не был затронут этими явлениями. Не существует лучшего пути или иной открытой двери, через которую можно войти в кабинет естественной философии, кроме рассмотрения физических явлений свечи (единицы силы света)». Может быть, и ротор преследования в своем роде играет такую же роль, которую сыграла для Фарадея свеча.

Этот прибор представляет собой что-то вроде проигрывателя для пластинок со скоростью вращения диска, изготовленного из пластмассы, 60 оборотов в минуту. На краю диска, вращающегося перед испытуемым, закреплена маленькая металлическая пластина. Испытуемый держит в руке закрепленный на шарнире контактный элемент (иглу) с металлическим наконечником (шарнир нужен для предотвращения слишком сильного нажатия на диск и замедления его скорости). Он получает задание постараться удерживать наконечник иглы в контакте с металли-

ческой пластиной. Для этого он должен делать рукой круговые движения в соответствии с вращением диска. Это гораздо труднее, чем может показаться на первый взгляд, многие люди не могут вначале даже попасть иглой в диск. Только со временем они начинают делать правильные движения. Некоторым нужно 15-20 минут практики, прежде чем они добиваются хороших результатов.

Выполнение этого задания измеряется с помощью двух электрических часов, которые подключаются к сети попеременно через каждые десять секунд. Пока испытуемый находится «на цели», то есть пока игла соприкасается с пластиной, ток протекает по цепи и приводит электрочасы в движение. Когда контакт нарушается из-за неспособности испытуемого удерживать иглу на пластине, часы останавливаются и включаются снова, когда контакт восстанавливается. Через десять секунд первые часы отключаются, и в сеть подключаются вторые часы, чтобы мы могли снять показания на первых часах — точное время, в течение которого испытуемый был «на цели». Этот период, конечно, может быть и больше, и меньше десяти секунд. После этого первые часы автоматически обнуляются, чтобы быть готовыми снова подключиться к сети, а экспериментатор снимает показания со вторых часов и определяет время «на цели» за второй десятисекундный период. Таким образом, выполнение задания испытуемым наносится на диаграмму во временных величинах по десятисекундным периодам.

На этом закончим рассказ о приборе и описание метода его действия и записи полученных данных. На первый взгляд эти моменты могут показаться очень простыми, не представляющими интерес с научной точки зрения. Но именно поэтому я выбрал ротор преследования в качестве моего первого примера, поскольку уже давно хотел продемонстрировать, что с его помощью можно с определенной степенью точности измерить мотивацию человека и импульсы, лежащие в основе определенных типов деятельности. Так мы сможем определить темперамент человека, проанализировать влияние возраста и повреждений мозга, открыть некоторые причинные факторы его психического заболевания. Но прежде, чем это сделать, вернемся к анализу полученных с этого прибора данных.

Предположим, что испытуемый выполнял задание в течение пяти минут и его показатели были записаны в виде диаграммы. В результате получилась довольно рваная кривая, начинающаяся с очень низкого уровня от 0 до 0,5 секунды на цели и повышающаяся до 1—5 секунд в конце пятиминутного периода. Люди очень различаются по скорости приобретения навыков выполнения этого задания, некоторые показывают очень низкие результаты даже после продолжительной практики (в основном это касается женщин). Если мы усредним результаты нескольких испытуемых, то получим довольно ровную кривую, представленную на рисунке 2, где были сглажены все случайные отклонения, образующие очень важную часть индивидуальных кривых.

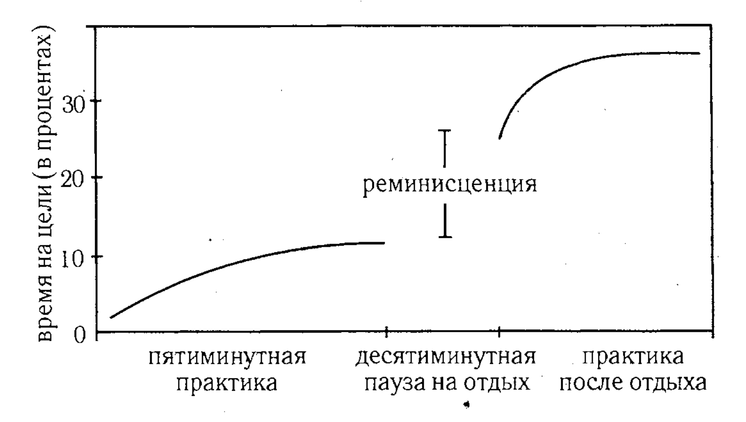

Рис. 2. Средняя результативность группы испытуемых на роторе преследования. После пятиминутной практики была десятиминутная пауза для отдыха, затем снова практика. Особый интерес представляет так называемое явление «реминисценции», т.е. повышение результативности после паузы для отдыха к моменту начала следующего периода практики

Когда наш испытуемый начинает проявлять усталость, мы предоставляем ему десятиминутную паузу для отдыха. Его усталость — это, конечно, не такая мышечная усталость, которая наступает после пробежки одной мили за четыре минуты. Количество затраченной им мышечной энергии настолько мало, что не может сравниваться даже с медленным шагом на такую

дистанцию. Ниже мы обсудим, почему наш испытуемый чувствует монотонность и усталость, а сейчас давайте вернемся к заданию после десятиминутного отдыха и попросим выполнять его следующие пять минут. Когда мы нанесем на диаграмму результаты второго пятиминутного периода, то обнаружим нечто неожиданное и важное: результативность (действия) после отдыха оказалась намного выше, чем до него. Мы же ожидали, что испытуемый начнет выполнение задания с приблизительно такого же уровня, которого он достиг ранее — не имея практики в течение десятиминутного отдыха, за который он не мог улучшить свои навыки и результативность (конечно, мы позаботились, чтобы он никак не мог тренировать нужные движения во время отдыха, — отвлекали его другими занятиями, не имеющими ничего общего с заданием на роторе преследования).

Это улучшение, наблюдаемое снова и снова во многих различных типах заданий, получило довольно загадочное название *реминисценция*. Причина такого странного выбора термина имеет исторические корни, которые, хотя и могут дать ему объяснение, но не делают его более соответствующим. Во всяком случае здесь мы, безусловно, имеем феномен, требующий объяснения, и это объяснение уводит нас в область теории. В соответствии с этой теорией мы должны определять различие между действием (т.е. актом выполнения определенного типа деятельности) и навыком (т.е. внутренней организацией нервной системы, которая благодаря ранее полученным навыкам дает нам возможность выполнять конкретное действие). Действие возможно только в случае, если навык активизируется определенным импульсом, что можно представить почти в виде уравнения: действие = навык × импульс. Я могу обучиться играть в теннис, говорить по-французски или танцевать мазурку, но эти навыки будут реализованы в действиях только при наличии соответствующего импульса.

Далее. В дополнение к положительным импульсам на выполнение данного действия существуют также отрицательные импульсы, побуждающие прекратить выполнение этого действия. Усталость может быть примером отрицательного импульса, а когда такие отрицательные импульсы достигают такого же количества, что и положительные, или превосходят их по силе, индивидуум прекращает работать. Наступает «блокировка» или непроизвольная пауза для отдыха.

Теперь мы имеем достаточно доказательств, чтобы предположить, что прохождение нервных импульсов через определенный канал в центральной нервной системе сопровождается его торможением; такое торможение даже усиливается при прохождении каждого следующего импульса одинаковой силы через один и тот же ряд нейронов. Этот процесс можно сравнить с передачей электрического тока по проводнику. Температура проводника повышается при прохождении через него тока, а повышение температуры в свою очередь увеличивает сопротивление проводника. Это явление известно в психологии как *реактивное торможение* и, предположительно, является объективной реальностью, на которой основываются наши чувства монотонности и усталости.

Теперь мы лучше представляем, что происходило в первые пять минут практики. Наш испытуемый, действуя под влиянием определенного импульса, приобрел некое мастерство в применении навыков, необходимых для хорошей работы с ротором преследования. Однако у него появился и некоторый объем торможения, что выразилось в субъективном ощущении монотонности и усталости. Ослабляя силу импульса, это торможение снизило эффективность его действий ниже того уровня, при котором торможение отсутствовало. Во время паузы для отдыха торможение в значительной степени исчезает и производительность становится намного выше, чем до отдыха, когда наш испытуемый нес большую нагрузку торможения.

Из этого следует, что реминисценция является хорошим способом измерения величины торможения, которое приобрел индивидуум, при условии, что пауза для отдыха достаточно продолжительна для снятия всего, или почти всего, объема накопленного торможения. Легко можно продемонстрировать, что отдыха в течение 8—10 минут обычно достаточно, чтобы за короткое время произвести довольно точное измерение торможения в нашем поведении. Таким образом, мы смогли хотя бы заглянуть в «черный ящик», и сейчас вопрос состоит в том, сможем ли мы использовать эти знания для получения дальнейшей информации.

Давайте ненадолго вернемся назад, чтобы рассмотреть, как накапливается торможение. Мы уже разъяснили, что торможение является отрицательным импульсом, и есть основания предположить, что отрицательный импульс усиливается приблизительно как прямая функция времени. Происходит ли он постоянно? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Понятно, что торможение может возрастать только до того уровня, когда его сила, как отрицательного импульса, сравняется с силой положительного импульса, активизирующего работу организма. При достижении этого уровня наша формула будет выглядеть следующим образом:

действие = навык × 0,

что означает, что работа должна прекратиться и наступает то, о чем мы говорили выше — непроизвольная пауза для отдыха, или блокирование. Во время такого отдыха торможение должно «рассеиваться» до тех пор, пока положительный импульс не станет опять значительно сильнее отрицательного, что позволит возобновить деятельность. В дальнейшем торможение снова будет накапливаться до наступления следующей паузы для отдыха. Таким образом, деятельность будет осуществляться в виде серии рабочих периодов, прерываемых регулярными короткими периодами для отдыха.

Но имеют ли место эти непроизвольные периоды для отдыха? Существуют два источника, свидетельствующих, что это так. Во-первых, непроизвольные периоды отдыха могут наблюдаться при регистрации действий конкретного индивидуума. Часто это трудно сделать, особенно при заданиях, подобных работе с ротором преследования, но удавалось успешно сделать в ряде других случаев. Во-вторых, оказалось возможным открыть психологические эквиваленты непроизвольных периодов отдыха, которые могут быть записаны и измерены. Для этого используется электроэнцефалограф (ЭЭГ) — прибор, который записывая электрическую активность мозга, воспроизводит различные волны во время состояния сна и бодрствования. Так, было обнаружено, что во время продолжительного выполнения монотонных заданий нормальная волна бодрствования неожиданно прерывается на короткие промежутки волнами, типичными для сна. Более того, появление этих волн

сна совпадает со значительным ухудшением выполнения действий. Таким образом, почти с уверенностью можно сказать, что непроизвольные паузы для отдыха имеют место, а их наступление отмечается в момент, когда торможение становится равным импульсу.

Мы уже убедились, что реминисценция является хорошим способом для измерения торможения. Мы также показали, что торможение становится равным импульсу, как только достигается критическая точка, при которой и наступают непроизвольные паузы отдыха. Отсюда следует вывод, что реминисценция должна быть хорошим средством измерения величины импульса при достижении критической точки, а мы можем предположить, что при сравнении двух групп людей, одна из которых работает при высокой мотивации, а другая — при низкой, у первой будет более высокая величина реминисценции, чем у второй. Это довольно ясное и недвусмысленное предположение показывает значимость теоретического анализа. Вряд ли какой-либо человек в здравом уме смог бы указать на реминисценцию как на хорошее средство для измерения величины *импульса*. Здравый смысл, скорее, заставил бы указать на фактические действия в качестве средства измерения степеней мотивации.

В действительности представляется возможным сделать более детальное и количественное предсказание о том, что можно ожидать от сравнения величины реминисценции групп людей с сильными и слабыми импульсами. Обе группы должны продемонстрировать увеличение реминисценции в зависимости от затраченного на работу времени до тех пор, пока группа со слабыми импульсами не достигнет уровня, при котором торможение не уравняется с их (слабыми) импульсами. В этот момент, наступающий примерно через две минуты, обе группы будут иметь приблизительно одинаковые величины реминисценции, но затем торможение, а следовательно и реминисценция, группы с сильными импульсами будет продолжать расти, пока эта группа также не достигнет точки, при которой величины торможения и их (сильные) импульсы уравниваются, в то время как торможение и реминисценция группы со слабыми импульсами должны будут еще долго оставаться на том же уровне, которого они достигли через две минуты работы.

На рисунке 3 показаны результаты такого эксперимента. В нем участвовали четыре группы с сильными импульсами и четыре — со слабыми. Паузы для отдыха были запланированы для всех групп соответственно через две, три, шесть и восемь минут работы на роторе преследования. Как можно было обеспечить получение более сильных импульсов одной группой по сравнению с другой? Обе группы были составлены из подмастерьев с предприятий, причем для группы с сильными импульсами эксперимент на роторе преследования был представлен как один из приемных тестов для поступления на профессиональное обучение, что для этих подростков было важнее, чем отличная сдача экзаменов в школе. В случае успеха они получали стипендию на период обучения и высокооплачиваемую квалифицированную работу после его окончания. Что касается группы со слабыми импульсами, они уже были приняты на работу и согласно законам о профсоюзах гарантированно обеспечивались рабочими местами без получения профессионального образования или чего-то, связанного с ним. Поэтому их мотивация на выполнение теста была минимальной — просто сделать все адекватно и не получить замечания во время эксперимента, но без особой заинтересованности в его результатах. Особенно интересно, что обе группы этих учеников незначительно отличались по своим действиям, однако, между ними проявилась большая разница в величине реминисценции и, как показано на рисунке 3, эти величины оказались соответствующими предположениям, сделанным на теоретической основе. Таким образом, было подтверждено, что наша теория верна и дает нам возможность измерять импульсы и мотивацию, которые всегда отличались трудными для изучения качествами. Во всяком случае, так обычно было в отношении людей.

Люди различаются по скорости кумуляции торможения и темпам его рассеивания. Можно предположить, что эти различия имеют серьезные последствия для их общего поведения не только в рабочих ситуациях, но и в жизни в целом. Имеются доказательства, свидетельствующие, что экстраверты общительные, жизнерадостные, импульсивные и проявляющие интерес к окружающему миру люди, кумулируют торможение быстрее и рассеивают его медленнее, чем интроверты, застенчивые, глубокомысленные, интроспективные и проявляющие больший интерес к идеям, чем к действиям. Можем ли мы объяснить различия в поведении интровертов и экстравертов в терминах этой разницы в торможении? Я вернусь к данному вопросу позже, но сейчас хочу привести лишь один пример в качестве аргумента, который показывает связь экспериментальных результатов с определенным типом поведения. Выбранный мной пример на сленге экспериментаторов называется «поведение чередования» и в таком плане обычно и рассматривается.

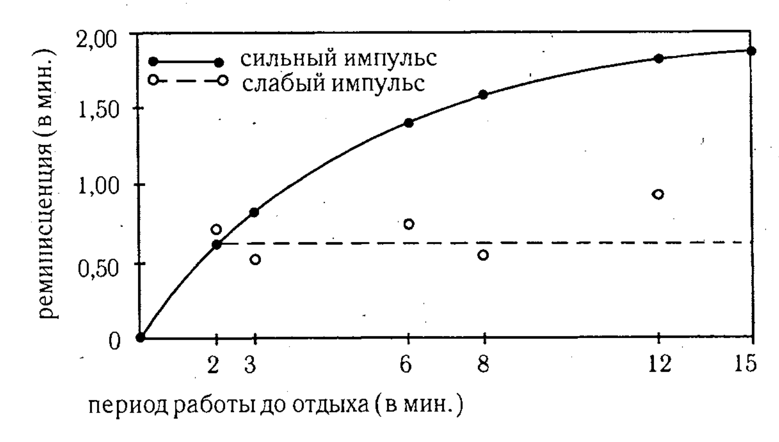

Рис. 3. Результаты широкомасштабного эксперимента, подтверждающего зависимость реминисценции от силы импульса

Эксперимент с крысами (мы посетим лабораторию с животными чуть позже, но для иллюстрации я должен немного забежать вперед) может служить подтверждением того, что я имел в виду под понятием «поведение чередования». Предположим, мы поместили крысу в ящик с двумя выходами, тем самым предоставив ей выбор пойти направо или налево. Крыса голодна и может найти пищу в конце правого или левого туннелей, в зависимости от того, какой выберет. Когда она находит пищу, ее достают и помещают обратно в исходную точку (а пища, конечно, положена уже в другое место). В таких условиях следует ожидать, что крыса, пойдя, например, направо и найдя пищу, будет каждый раз отправляться направо. Однако теория торможения предполагает, что этот «поход направо», заканчивающийся каждый раз

нахождением пищи, вызовет торможение, которое снизит импульс к выполнению этого действия настолько, что вскоре крыса подойдет к такому моменту, что будет поворачивать налево, то есть в направлении, которое она сначала не предпочитала и где не получала вознаграждения. Именно это и происходит в ходе эксперимента — крыса меняет свое предпочтение с правого на левый туннель, потом с левого на правый. В данном случае отмечается торможение, состоящее из двух компонентов. Один из них можно определить как мускульный компонент: торможение действует против поворота каждый раз в одну и ту же сторону. Другой компонент можно назвать перцепционным — он основывается на отказе многократно следовать по одному и тому же пути к пище. Безусловно, эти две переменные величины можно экспериментально изменять. Таким образом нам удастся повысить мускульное усилие, сделав туннель извилистым, или заставить крысу совершать несколько правых и левых поворотов, пока она не достигнет своей цели. С другой стороны, можно усилить и перцепционный компонент, изготовив две максимально отличающиеся коробки для кормления — разных размеров, различной окраски и т. д. В результате введения такого новшества выясняется, что перцепционное торможение длится гораздо дольше и рассеивается медленнее, чем мускульное — этот факт нашел подтверждение и в экспериментах с людьми.

Между крысой и человеком существует большая разница, но безусловно, поведение чередования часто наблюдается и среди людей. Исследование поведения по выбору еды в реальных ситуациях в кафе показало, что, например, как и предполагалось, люди, видя изо дня в день одно и то же меню, меняют свой выбор кафе, причем для одних такое чередование более характерно, чем для других. Это относительно простая ситуация, но такой принцип может быть широко применен и ко многим другим случаям. Одни люди живут в одном и том же месте всю свою жизнь, другие много раз переезжают с места на место. Некоторые всю жизнь работают в одной и той же компании на одной и той же работе, другие постоянно меняют место работы. Одни всю жизнь счастливы с избранным супругом, другие периодически появляются в судах по бракоразводным делам. Во всем этом, конечно, играют роль и не зависящие от человека обстоятельства, однако и человек тоже делает свой выбор сам. Мы предположили, что ускорение накопления экстравертов и рассеивания торможения у экстравертов делает их более переменчивыми во всех таких ситуациях. И действительно обнаружилось много подтверждений этому предположению. Экстраверту необходимы новые стимулы, новые лица, новые места работы и перемены в жизни; интроверт склонен довольствоваться обычным, установившимся порядком жизни. Было бы глупо заявлять, что один из них в каком-либо смысле лучше, чем другой — они просто разные. Оба эти типа поведения могут, конечно, стать патологическими в своих крайних проявлениях; в нормальном диапазоне поведения ни в одном из них нельзя признать человека с нервным заболеванием, хотя некоторые представители одной из этих групп часто испытывают тревожное подозрение по отношению к другой группе!

Теперь давайте обратимся к последнему аспекту использования ротора преследования, на этот раз — к проблеме психических расстройств. Самыми серьезными и опасными из них являются те, которые относятся к группе психотических: шизофрения и маниакально-депрессивный психоз — два самых известных вида психических расстройств. Среди многих других симптомов умственного расстройства (мания преследования, неуместные эмоции, чувство вины, не подтвержденной фактами, нарушения в мышлении и т.д.) имеется один очень характерный для всех психотических расстройств и относящийся к умственной деятельности — необычайная медлительность, проявляющаяся как в мышлении, так и в действиях. Теперь мы можем предполагать, что эта медлительность обусловлена излишним торможением у психотического индивидуума. А излишнее торможение в свою очередь объясняется трудностями, возникающими у организма при рассеивании и избавлении от постоянно накапливающегося торможения. Если эта гипотеза верна, мы должны были бы ожидать, что психотические больные при участии в обычном эксперименте с ротором преследования не смогли бы продемонстрировать какую-любо реминисценцию после десятиминутного перерыва на отдых (следует напомнить, что реминисценция является средством измерения величины торможения, рассеянного во время отдыха; если нет рассеивания торможения, не будет и реминисценции). На рисунке 4 показано, что это предположе-

ние в самом деле подтверждается фактически: психотические индивидуумы не показывают никакой реминисценции, а контрольная группа людей с нормальной психикой демонстрирует значительную реминисценцию. Но даже и у психотических испытуемых торможение должно в конце концов рассеяться, хотя это происходит очень медленно, и мы можем предположить, что при увеличении паузы отдыха до 24 часов вместо десяти минут психотические типы также покажут реминисценцию. На практике так и оказалось, что, возможно, свидетельствует о том, что мы выделили один из причинных факторов психоза. Теперь можно продолжать исследование с этой позиции и подбирать медицинские препараты или другие способы лечения, которые ускоряют темп рассеивания реактивного торможения.

Мы почти закончили изучение эксперимента с ротором преследования, и, надеюсь, что читатель будет теперь смотреть на этот простой прибор с большим интересом и уважением, чем в самом начале. Он прекрасно иллюстрирует точку зрения, которую я хочу отстоять в этой книге, а именно: не столь важно то, что вы делаете, а то, почему вы это делаете — вот благодаря чему какой-либо эксперимент или прибор становится интересным и важным. В этом описании, как и в дальнейшем, я, конечно, веду себя чрезмерно свободно, чего никто не стал бы делать при написании монографии или статьи в научный журнал. Я поступаю так, чтобы показать читателю тот способ мышления, который стоит за экспериментальным исследованием подобного типа. Многое в таком подходе, конечно, может быть ошибочным. Наверно, несправедливо будет связывать аргументами поведение чередования у крысы с «последовательной полигамией», характерной для некоторых экстравертированных кинозвезд. Здесь на ум приходят другие объяснения, которые должны быть обязательно проверены экспериментально. Но до проверки какой-либо идеи нужно, чтобы эта идея появилась, и вот такие пояснения служат иллюстрацией того пути, по которому подобные идеи доводятся до экспериментирования. Ученые обычно очень осторожны в отношении представления прекрасных бабочек своего воображения перед ярким светом общественного обсуждения — это привычка самосохранения, которая говорит сама за себя. Тем не менее без некоторой сте-

пени интеллектуального стриптиза невозможно проверить в деятельности какую-нибудь справедливую идею, чем и занимается психологическое исследование.

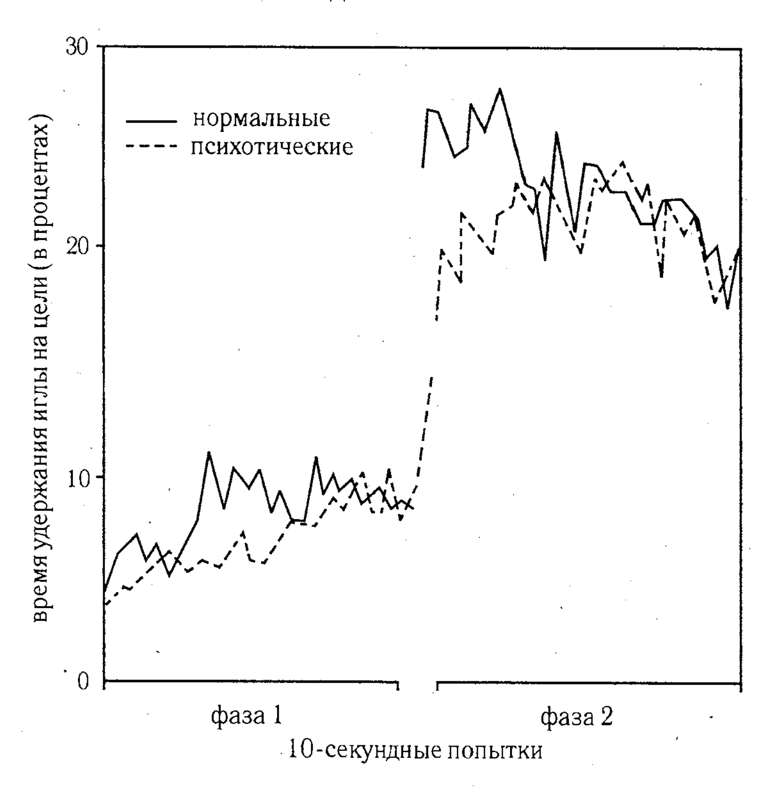

Рис. 4. Результаты, полученные у нормальных и психотических индивидуумов. Как видно, психотические испытуемые почти не имеют реминисценции, в то время как у людей с нормальной психикой она значительной величины

Мы уже довольно долго находимся в первой комнате нашей лаборатории (что типично для таких экскурсий), и теперь пора заглянуть дальше.

Здесь, в комнате № 2, мы видим в развитии эксперимент, который настолько прост, что даже не заслуживает названия. Испытуемый держит в руке металлическую иглу и стучит ею по металлической пластине в самом быстром темпе, на который он

способен. Это очень простое и дешевое устройство, сделать которое почти ничего не стоит. Что же мы можем узнать, изучая такие однотипные действия? Читатель, наверное, помнит наше рассмотрение непроизвольных пауз для отдыха. Их очень трудно продемонстрировать на практике и точно измерить, а в данном эксперименте мы надеялись, что после нескольких минут усердной работы с иглой у испытуемого появится значительная степень торможения, что приведет к проявлению большого количества непроизвольных пауз отдыха. Чтобы обнаружить их, мы должны записывать его действия со всеми подробностями. Прибор для измерения величины производительности занимает целую комнату и стоит около £1500. Его работа заключается в измерении с точностью до тысячной доли секунды продолжительности времени, когда металлическая игла находится в контакте с металлической пластинкой — это можно назвать длительностью подключения. Он также измеряет точную длительность времени нахождения иглы в воздухе до момента ее возвращения на пластинку — это мы называем длительностью паузы между подключениями. В такой ситуации не происходит совершенствования навыка, а действия в целом заметно и не улучшаются, и не ухудшаются. Длительность пауз и подключений остается почти неизменной. Записав на наш прибор, мы можем перенести их на диаграмму и детально проанализировать.

Проделав это, мы обнаруживаем нечто интересное. В целом наши ожидания оправдались. Если рассматривать паузы (то же самое относится и к подключениям), то они имеют тенденцию оставаться неизменными по продолжительности для каждого отдельного участника, незначительно отклоняясь от средней величины. Но иногда имеются паузы, превышающие среднюю величину в 2—3 раза; иными словами мы сделали визуальными непроизвольные паузы отдыха, о которых вели речь. Позже я графически покажу непроизвольные паузы отдыха, продуцированные соответственно экстравертами и интровертами, а читатель помнит, что по нашей гипотезе экстраверты, проявляющие большее торможение, должны продуцировать намного больше непроизвольных пауз отдыха, чем интроверты. Но сейчас давайте остановимся на констатации возможности существования важной связи между таким простым заданием, как подключение

иглы, и определенными параметрами личности. Отметим также, что простое задание подобного типа может использоваться для визуального (почти как под микроскопом) исследования работы нашей нервной системы.

Теперь поспешим в комнату № 3, где находится нечто похожее на спираль, нарисованную на куске картона, который вращается по часовой стрелке со скоростью около 100 оборотов в минуту. Комната затемнена, а спираль освещается лучом света установленной яркости. Мы получаем задание сосредоточенно смотреть в центр спирали и по возможности не моргать как можно дольше. По мере вращения спирали начинает казаться, что она расширяется и становится больше. Вдруг экспериментатор останавливает вращение спирали и спрашивает, что мы видим. К нашему удивлению, кажется, что спираль, оставаясь неподвижной, быстро уменьшается. В самом деле, если мы посмотрим на лицо экспериментатора (или какой-либо другой объект), будет тоже казаться, что оно уменьшается в размерах. Постепенно этот эффект уменьшения снижается и окончательно исчезает. Он называется спиральным эффектом последствия и может возникать после сосредоточенного наблюдения за любым движущимся объектом в течение определенного времени. Этот эффект также известен под названием «водопадная иллюзия»: если вы в течение 1—2 минут будете неотрывно смотреть на водопад, а затем посмотрите на дом или машину, вам покажется, что они двигаются в направлении, обратном движению падающей воды. В лабораторных условиях этот эффект иногда достигается путем вращения перед испытуемым барабана с белыми и черными полосами, нарисованными на нем поочередно вокруг его горизонтальной оси. Если у вас нет перед глазами водопада или таких барабанов, можно использовать списки заголовков телепередач, которые показывают в конце вещания по телевизору. Эти списки обычно двигаются по экрану снизу вверх, и вы получите прекрасный «спиральный эффект последействия», если будете неотрывно смотреть в центр экрана.

Люди очень различаются в отношении длительности времени сохранения таких эффектов последействия. Это время измеряется с момента остановки вращающейся спирали или барабана до момента, когда испытуемый перестает воспринимать

какое-либо видимое движение стационарного объекта. Длительность эффекта последействия, безусловно, зависит от длительности стимуляции: чем дольше продолжается исходная стимуляция, тем дольше сохраняется последействие. Однако даже при одинаковой продолжительности периода стимуляции отмечаются различия между разными людьми. Чтобы объяснить, это мы должны осторожно взглянуть на психологическую теорию, лежащую в основе данного явления.

Мы несколько ограничены тем фактом, что ни психологами, ни физиологами не представлены реальные объяснения этого эффекта последействия (вообще-то есть несколько теорий, но ни одна из них не может восприниматься серьезно). Тем не менее кажется вероятным, что исходное вращение спирали, как все перцептивные процессы, вызывает некоторую степень торможения, которая должна быть больше у экстравертов, чем у интровертов. Снижая общий стимулирующий эффект, это торможение будет действовать таким же образом, как действовал бы декремент во время получения стимуляции, сокращая таким образом эффект последействия. Точно так же любые физиологические процессы, лежащие в основе самого эффекта последействия, должны быть подвержены торможению, что приводит к такому же предположению. Факты подтверждают эти предположения, поскольку неоднократно наблюдалось, что экстраверты в самом деле демонстрируют более короткий эффект последействия, чем интроверты. Было также обнаружено, что эти эффекты укорачиваются так называемыми *депрессантами,* например, алкоголем и амиталом натрия, и удлиняются так называемыми стимулирующими препаратами — кофеином, декседрином и т.д. Это — подтверждающие доказательства, так как часто наблюдалось, что депрессанты производят эффект торможения в коре головного мозга и изменяют поведение человека в направлении экстраверсии, в то время как стимулирующие препараты вызывают в коре головного мозга эффект возбуждения и меняют поведение человека в направлении интроверсии. Поэтому эксперименты с такими препаратами являются полезным дополнением к исследованию различий между индивидуумами.

Однако полезность изучения этого явления далеко не исчерпана. Так, известно, что люди, страдающие умственными расстройствами, гораздо хуже воспринимают эффект последействия, а само восприятие продолжается недолго. В этом нет ничего неожиданного, ведь умственные расстройства, приобретенные естественным путем или в результате операции, увеличивают торможение в коре головного мозга и, как следствие, вызывают экстравертированное поведение. Пожилой возраст также часто сопровождается некоторыми легкими формами умственных расстройств, что приводит к увеличению коркового торможения. Мы предположили, что молодые люди будут воспринимать эффект последействия дольше, чем пожилые, и опять-таки это подтвердилось экспериментально.

Можно допустить, что этот тест мог бы использоваться для точного измерения повреждений мозга и представлять большой клинический интерес, но это, к сожалению, не так. Длительность эффекта последействия, как мы видели, определяется многими факторами, и повреждение мозга — это лишь один из них: умственно здоровый экстраверт может дать результаты, схожие с результатами интроверта с умственным расстройством (и это лишь один яркий пример). Для преодоления подобной проблемы необходимо знать результаты человека до и после получения мозговой травмы. Можно также предположить, что пожилые люди, пациенты с повреждениями мозга или непостоянные экстраверты будут иметь достаточную мотивацию, чтобы продолжать смотреть на изменяющийся объект до полной его «остановки», и поэтому скажут, что он остановился раньше, чем это сделают здоровые люди или интроверты. Для проверки этого в группах с сильными и слабыми импульсами были проведены эксперименты, подобные тем, которые выполнялись с ротором преследования. Результаты убедительно показали, что слабые импульсы дают какие угодно эффекты, но только не уменьшение эффекта последствия. Оказалось даже наоборот: высокоимпульсные группы показали меньший эффект последействия, чем низко импульсные! В качестве упражнения читатель может сам соотнести эту информацию с теорией, объединяющей торможение и импульс, описанной несколькими страницами выше!

И опять мы видим, что какое-либо изолированное и необычное явление в психологической лаборатории связано со многими ин-

тересными и важными аспектами внешнего мира. Оно отражает личностные модели экстравертированности и интровертированности, повреждения мозга, полученные в результате травмы или как следствие пожилого возраста; оно может быть использовано в качестве средства измерения импульса или мотивации, а его более детальное изучение может привести к соотношению со многими интересными и важными, но малоизученными областями науки. Его кажущаяся простота не должна вызывать у нас желания смотреть на него, как на недостойное научного анализа. В конце концов, по-видимому, понадобятся объединеные усилия многих психологических, психиатрических, анатомических, неврологических, физиологических и фармакологических центров, чтобы раскрыть сущность работы спирального эффекта последействия.

Кроме спирального эффекта последействия, в этой комнате проводятся некоторые другие эксперименты для определения природы перцепции. В одном из них определяется так называемый критический порог слияния мельканий (КПСМ)[1]. Эксперимент состоит в подаче света, который за секунду многократно включается и выключается. При этом экспериментатор может изменять частоту мельканий, а также продолжительность периодов включения и отсутствия света. При низкой частоте мельканий все видят их, но по мере ее увеличения мелькания перестают восприниматься, и человек начинает видеть непрерывный свет. Точка перехода от мельканий к непрерывному свету называется порогом КПСМ и может быть определена с достаточно высокой точностью. (Обычная лампочка накаливания, питаемая переменным током в 50 Гц, работает чуть ниже этого порога, и некоторые люди способны видеть ее мелькание, особенно когда смотрят на нее не прямо, а искоса; изображение на экране телевизора может также иногда видеться мигающим.)

Высокий порог может рассматриваться как позитивное качество, так как это означает высокую разрешающую способность приема поступающих в глаз раздражителей в больших количествах. Эта способность присуща больше интровертам, чем экстравертам. Она повышается стимулирующими препаратами и

[1] В русскоязычной психологической литературе принято обозначение КЧСМ — критическая частота световых мельканий. — *Прим. ред.*

снижается депрессантами; она понижается от повреждений мозга и в пожилом возрасте. Но здесь опять-таки не существует общепризнанной теории, объясняющей факты ее зависимости от типа личности и препаратов, хотя это устанавливалось неоднократно (к вышесказанному следует добавить, что у невротических больных разрешающая способность ниже, чем у здоровых людей).

Есть еще один похожий эксперимент, в котором изучается необычайно интересное явление *кажущегося движения*. Однажды некий скептически настроенный журналист попросил одного знаменитого психолога назвать хотя бы одно психологическое явление, по существованию которого было бы полное согласие между учеными-психологами, а также законы этой науки, которые имели бы общепризнанную практическую ценность. Тот ответил, что такое явление не только существует, но оно к тому же настолько высоко ценится современным человечеством, что в его честь воздвигнуты храмы во всех городах и деревнях, и миллионы людей посещают эти храмы еженедельно, платя немалые деньги, чтобы иметь возможность увидеть это явление. Журналист был сначала удивлен, но вскоре понял, что психолог имел в виду кинематограф. Вся эта процветающая индустрия (в наши дни к ней может быть добавлено телевидение) основывается на явлении кажущегося движения, которое в принципе возникает, если два луча света в темной комнате вспыхивают на короткий период времени один сразу же за другим. При таких обстоятельствах зритель видит не два луча, падающих на точки А и В соответственно, а один луч, перемещающийся из точки А в точку В. Говоря кинематографическими терминами, ему в быстрой последовательности показывают две картинки, А и В, разделенные периодом темноты; он же, конечно, видит движущуюся сценку, в которой нет никаких разрывов.

В отношении этого явления существует несколько законов, регулирующих такие вещи, как оптимальный интервал между двумя раздражителями, эффект от их яркости и расстояния между ними. Они являются частью того общепризнанного экспериментального знания, существование которого так успешно скрывается от дилетантов путем абсурдного выпячивания споров между «школами» и других второстепенных вещей, которые привлекают больше внимания, чем кропотливая экспериментальная работа с фактами, а не с вымыслами.

При изучении кажущегося движения мы опять имеем дело с порогом, так как при увеличении скорости следования луча В за лучом А наступает предел, при котором испытуемый видит не последовательность, а одновременность. (Существует, конечно, и другой порог, при котором интервал между А и В становится настолько длинным, что мы видим лишь два не связанных между собой луча, не представляющих никакого движения. Однако этот порог намного более субъективен, его гораздо труднее измерить, чем первый, и обычно он не исследуется.) Мы могли бы предположить, что порог кажущегося движения, подобно порогу КПСМ, изменяется под влиянием препаратов и особенностей личности. Несмотря на меньшую убедительность имеющихся доказательств, тенденция к этому очевидна.

Оборудование для измерения КПСМ или порога кажущегося движения относительно простое, а вот приборы для эксперимента, который мы рассмотрим далее, довольно сложные. Еще много лет назад психологи поняли, что им нужны приборы для создания раздражителей, в которых временной период можно варьировать очень точно, возможно, до одной тысячной секунды. Ряд аппаратов, созданных для этих целей, получил общее название *тахистоскоп*. Тот, который мы сейчас собираемся использовать, показывает не один, а два раздражителя; кроме возможности регулировки экспозиции каждого из двух раздражителей, он позволяет нам варьировать длительность времени между исчезновением одного раздражителя и появлением другого. Предположим, что первый раздражитель — это черный круг, и мы показываем его в течение приблизительно 30 миллисекунд. Даже для людей с плохим зрением не составляет труда правильно воспринять этот круг, поэтому длительность показа вполне достаточна. Но теперь давайте после короткой паузы покажем вместо этого круга кольцо, внутренняя кромка которого точно совпадает с внешним контуром ранее показанного круга (рис. 5). При определенно заданном времени показа круга, кольца и интервала между ними виден будет не круг с последующим кольцом, а просто кольцо с пустым центром. Такое явление в кино называется «каширование» — подавление одного раздражителя другим, примыкающим к нему. Это одна из многих иллюстраций того факта, что видимое нами — не обязательно то же самое, что нам показывают.

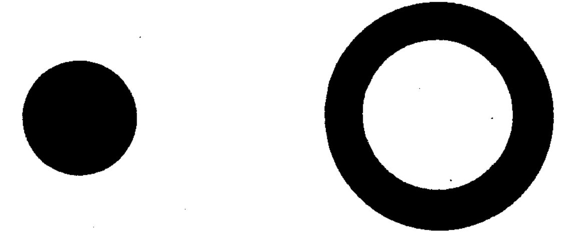

Рис. 5. Эффект каширования (маскировки) круга

Этому эксперименту можно, по-видимому, дать такое же объяснение, как и другому похожему опыту, в котором глаз человека получает раздражитель в виде красного света (показывается в течение 20 миллисекунд), за которым следует белый свет. При определенной яркости обоих цветов испытуемый видит не последовательность красного и белого цветов, а зеленый свет! Происходит следующее. Во-первых, мы знаем, что сильные визуальные эффекты производят последствия в виде других или добавочных цветов. Например, если вы посмотрите на яркий красный свет, а затем закроете глаза, то увидите последействие в виде яркого зеленого света того же размера и конфигурации, что и оригинальный красный раздражитель. По-видимому, оно производится своего рода обратным химическим процессом в сетчатке глаза, в соответствии с которым некое загадочное вещество *исчерпывается* от раздражения красным светом; это вещество восстанавливается после исчезновения красного раздражителя, и подобное восстановление воспринимается как зеленый цвет. (Таким же образом, если исходный раздражитель был зеленым, это вещество увеличилось бы во время первичного периода стимуляции, затем восстанавливалось бы, уменьшаясь до более низкого уровня после прекращения стимуляции, производя красное изображение.)

Поэтому зеленый цвет, воспринимаемый в ходе эксперимента, может быть представлен как последствие красного, использованного в качестве раздражителя глаза.

Почему же красный свет совсем не воспринимался? Причина этого лежит в довольно любопытном явлении *предвозбудительного торможения*. В психологических исследованиях

было показано, что когда раздражитель попадает на сетчатку глаза, поднимается волна возбуждения, соответствующая раздражителю и выполняющая функцию посредника для нашего восприятия. Однако до этой волны возбуждения поднимается очень быстрая волна торможения, которая очищает «палубу» для прибытия раздражителя; она смывает все имеющиеся следы возбуждения, чтобы не было конкуренции для следующего раздражителя. Эта волна торможения поднимается быстрее, чем волна возбуждения, и при определенных временных соотношениях волна торможения от белого раздражителя смывает волну возбуждения от предыдущего красного раздражителя до того, как она поднимется выше порога и станет активно воспринимаемой. Поэтому все, что наблюдается — это последействие, которое возникает после того, как вызванная белым раздражителем волна торможения уже прошла.

Если эта волна торможения каким-либо образом похожа на тип торможения, о котором мы вели речь выше, тогда ее сила должна быть увеличена депрессантами и уменьшена стимулирующими препаратами. И это на самом деле так. Депрессант увеличивает силу красного света, который может быть нейтрализован предвозбудительным торможением, вызванным белым светом, а стимулирующие препараты оказывают обратный эффект. Такой же эффект препаратов был обнаружен в отношении явления каширования (маскировки), описанного выше. До настоящего времени это явление мало исследовалось в связи с личностными различиями или влиянием повреждений мозга и пожилым возрастом, но то, что уже сделано, показывает, что наши предположения вполне верны для различий в типах личностей.

Теперь мы должны перейти в специальную комнату со звукоизоляцией, так как следующий эксперимент может быть легко нарушен малейшими звуками и другими раздражителями, поступающими снаружи. Это своего рода копия знаменитого тренировочного помещения Павлова (рис. 6), в котором он обучал собак ассоциировать звон колокольчика с пищей, подаваемой им сразу же после этого. Подробности этих опытов известны многим, но мы кратко напомним их. На столе стоит собака, пристегнутая ремешками к стойкам. За ней наблюдает экспериментатор, который периодически входит в комнату в процессе эксперимента. Он может применять различные раздражители и записывать степень слюноотделения у собаки в любой момент времени. Сначала экспериментатор показывает, что у собаки нет слюноотделения при звоне колокольчика. Затем он отмечает, что у собаки появляется слюноотделение при виде пищи. Затем он объединяет колокольчик и пищу, строго следя, чтобы звон колокольчика предшествовал подаче пищи. Через некоторое время он использует только колокольчик и показывает, что вследствие совмещения условного раздражителя (колокольчика) и безусловного раздражителя (пищи) первый приобрел определенные раздражительные свойства, которые имелись ранее только у пищи. Иными словами, у собаки теперь появляется слюноотделение при звоне колокольчика.

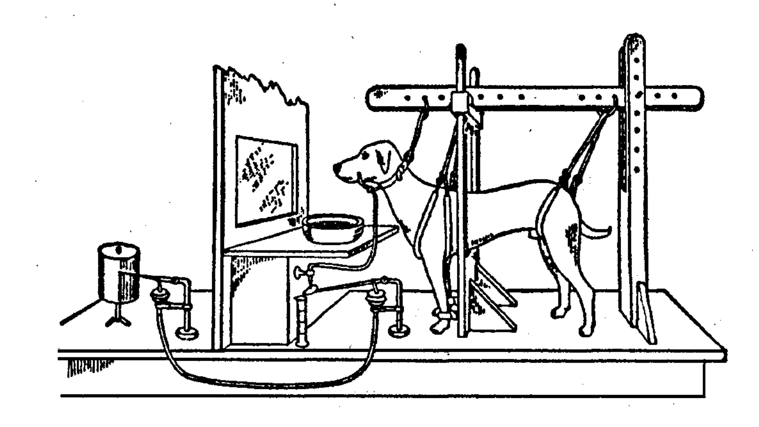

Рис. 6. Изображение эксперимента Павлова: собака, пристегнутая к стойкам; записывающий прибор установлен вне комнаты

Как я уже писал, существует много способов проведения экспериментов такого типа с людьми, в некоторых из них также применяется прием слюноотделения. Но это не очень приятное занятие, поэтому мы выбрали несколько иную процедуру. Наш испытуемый сидит за столом, к его обеим ладоням прикреплены электроды. Через его тело проходит ток очень маленькой вели-

чины и сопротивление, оказываемое его телом току, записывается соответствующим прибором. Хорошо известно, что любая эмоциональная или физиологическая нагрузка, стресс или расстройство вызывают легкое потоотделение на ладонях, а пот, являясь своего рода электролитом, снижает сопротивление тела, что и может быть измерено с высокой точностью нашим прибором. Существует много способов вызвать у человека подобное расстройство: мы можем, например, подвергнуть его электрическому шоку или воспроизвести громкий звук у его уха. Это — безусловные раздражители, названные так, потому что они создают свой эффект без предварительного процесса обучения или тренировки. Предположим, мы выбрали громкий звук, подаваемый в наушники.

В качестве специального условного раздражителя, который мы хотим ассоциировать с безусловным, мы выбрали слово «корова». Оно предъявляется испытуемому наряду со многими другими словами, размещенными на барабане, который вращается перед его глазами, воспроизводя эти слова по очереди с интервалом в пять секунд. Прежде всего мы отмечаем, что ни одно из этих слов не вызывает какой-либо особой реакции со стороны его нервной системы, определяющей степень потоотделения, а следовательно, и электропроводности его кожи. Удостоверившись в этом, мы переходим к выработке условной реакции путем подачи громкого звука в его ушах каждый раз, когда перед ним появляется слово «корова». После нескольких повторений мы обнаруживаем, что при каждом следующем появлении слова «корова» на барабане в наших записях уровня электропроводности его кожи появляются четко выраженные признаки стресса, даже после того, как мы на время прекратили подачу громкого звука в наушники. Иными словами, он стал обусловленным на слово «корова».

В ходе эксперимента также обнаружились очень интересные явления, которые впервые были открыты Павловым. Например, мы смогли убедиться в существовании явления *генерализации*.

Павлов показал, что когда собака реагировала на определенный звук, она проявляла условную реакцию и на другие звуки, схожие с оригиналом, но не идентичные. Он также отметил, что чем больше сходство между первоначальным и новым звуками, тем сильнее было слюноотделение при новом звуке. Чем меньше было сходство между этими двумя звуками, тем слабее наблюдалось слюноотделение. В нашем эксперименте мы смогли показать, что, хотя испытуемый был обусловлен на слово «корова», он также реагировал повышением электропроводности на слова «овца» и «коза», в то время как никакой реакции не проявлялось на слова «бумага» или «дверь». Иначе говоря, он обобщил свои реакции по градиенту смыслового типа и реагировал условным рефлексом на слова, близкие по значению с оригиналом, потому что все они обозначали сельскохозяйственных животных, и не реагировал на слова, обозначающие предметы мебели или быта.

Кроме обобщения, мы смогли также выявить *угасание* условного рефлекса. Павлов показал, что после неоднократного звучания колокольчика без последующей подачи пищи у собаки исчезала первично выработанная реакция. Другими словами, слюноотделение становилось все меньше после каждой стимуляции и в конце концов полностью прекратилось при звуке колокольчика. То же самое отмечалось и в нашем эксперименте — после неоднократного предъявления испытуемому слова «корова» без подачи громкого звука в наушники его реакция постепенно уменьшалась и в конце концов полностью исчезла.

У собаки в эксперименте Павлова не было волевого контроля над слюноотделением, она не могла определить, будет выделяться слюна или нет, а также, вероятно, не понимала, в чем заключается весь процесс. Точно так же и наш испытуемый специально не контролировал свою вегетативную систему и незначительную степень потоотделения, которая влияет на изменение сопротивления его кожи.

Он в самом деле не осознавал, что происходит, и не знал, какую реакцию мы записывали. Он был не знаком с исследовавшимся нами явлением и никак не контролировал его своей волей. Это, безусловно, было крайне важно для нас, поскольку означало, что мы могли не беспокоиться о фальсификации показаний или попытке создать впечатление, что у него быстро наступает обусловленность, либо он не способен к обусловливанию вообще. Мы вполне уверены в достоверности результатов нашего эксперимента и получении точных характеристик его физиологических реакций.

Следующая комната, которую мы посещаем, почти пуста. В ней находятся только сидящий на стуле испытуемый и установленный перед ним магнитофон. Последний воспроизводит длинный список цифр, называя их по одной в секунду. Иногда проходит последовательность из трех нечетных цифр, например, «один, девять, три», или серии из трех четных цифр, например, «восемь, четыре, шесть». Когда это происходит, испытуемый нажимает ключ Морзе, который он держит в руке, и его ответ записывается в следующей комнате на автоматический самописец. Это так называемый эксперимент проверки вигильности (бдительности). Он появился во время Второй мировой войны, когда с большой точностью требовалось выполнять некоторые утомительные и монотонные задания. Например, операторы радаров в поисках субмарин и самолетов должны были долгие часы неотрывно наблюдать за экраном, ожидая пятнышка, которое могло не появиться вовсе или появиться на короткое время, а затем исчезнуть навсегда, если вовремя незамеченное. Вскоре было выявлено, что способности людей обнаруживать подобного рода сигналы резко снижались через такой короткий промежуток времени, как полчаса; также выяснилось, что люди сильно различались по своим способностям к бдительности. Для изучения этого феномена были начаты лабораторные исследования с разработкой различных экспериментальных тестов по проверке способности человека к поддержанию бдительности.

Один из таких типичных экспериментов включал задание наблюдать часы, в которых была только одна движущаяся секундная стрелка. Иногда стрелка передвигалась сразу на два деления вместо одного — это было стимулом подать сигнал путем нажатия ключа. Снижение со временем эффективности при выполнении этого задания может быть справедливо обосновано торможением. Таким образом, мы можем использовать этот вид теста для измерения различий у индивидуумов, предполагая, что экстраверты покажут более быстрое снижение производительности, чем интроверты. Мы можем также изучить условия, способствующие повышению бдительности или, наоборот, понижающие ее эффективность. И, наконец, мы можем также исследовать влияние препаратов на это явление, предполагая, например, что кофеин и бензедрин повысят бдительность, а алкоголь и барбитурат снизят ее. Действительно, все эти эффекты были обнаружены в ходе наших экспериментов.

До посещения лаборатории с животными у нас осталось немного времени, чтобы заглянуть в еще одну комнату. Здесь мы видим проведение очередного перцептивного эксперимента. Перед испытуемым находится лист бумаги с изображением маленького креста и небольшого черного квадрата слева от него. Он смотрит на крест в течение минуты. После этого, по команде экспериментатора, он сразу же переводит взгляд на другой лист бумаги с изображением креста посередине (испытуемый должен смотреть на него) и двумя белыми квадратами чуть большего размера по бокам от него. Оба белых квадрата абсолютно равны по размерам, но на вопрос экспериментатора об их размерах испытуемый отвечает, что левый выглядит больше, чем правый. Данный эксперимент проиллюстрирован на рисунке 7 и читатель может сам провести его, хотя в домашних условиях это сделать сложнее, чем в лаборатории.

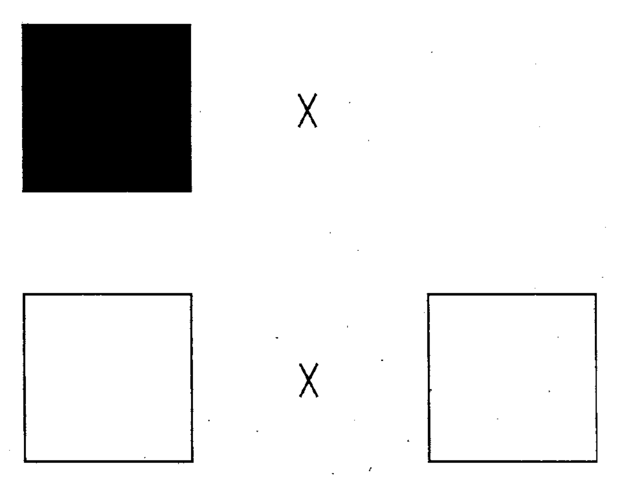

Рис. 7. Эксперимент, иллюстрирующий последействие фигуры. Для получения этого эффекта зафиксируйте свой взгляд на кресте в верхней части листа на одну минуту, затем сразу же переведите его на крест внизу листа и сравните размеры квадратов, расположенных по его сторонам. Левый будет выглядеть больше, хотя в действительности их размеры одинаковы

Этот эффект называется *последействием фигуры.* По одной из гипотез, его природа объясняется следующим образом. Передача нервных импульсов, вызванных малым черным квадратом, на который испытуемый смотрел в течение первой минуты эксперимента, продуцирует торможение в нервных каналах — это торможение иногда называется *насыщением.* Когда испытуемый смотрит на второй набор фигур — два больших белых квадрата, левый квадрат будет находиться вне насыщенной зоны в комплексе зрительных каналов, идущих от глаза к мозгу. Эти каналы, находящиеся словно под торможением, будут стараться «оттолкнуть» очертания большого белого квадрата от заторможенной зоны так, чтобы обеспечить проход через более свежие, менее заторможенные части зрительных каналов. Именно по этой причине левый квадрат кажется больше правого.

В лаборатории можно посетить еще много других комнат, но нам надо поторопиться, чтобы хотя бы несколько минут провести в лаборатории для животных. Мы уже познакомились с одним экспериментом с участием животных, когда говорили о поведении чередования. Сейчас мы увидим эксперимент совершенно иного типа. На полу — большая круглая площадка, разделенная на квадраты и окруженная высокой стенкой. Площадка ярко освещена и над ней установлено несколько громкоговорителей, воспроизводящих продолжительный шум[1] постоянного уровня.

Экспериментатор помещает на эту площадку белую крысу, а затем отмечает на листе бумаги точные движения крысы по мере того, как она переходит с одного квадрата на другой. Он также считает количество фекальных шариков, которые крыса откладывает на этой арене, а также количество ее мочеиспусканий. Данный опыт под названием «Тест на открытом поле» проводится для измерения эмоциональности. Когда крыса испугана, она старается скорее прижаться к углу, чем бродить вокруг, переходя с квадрата на квадрат; она также усиленно выделяет фекалии и мочится, подобно тому как и человек поступал бы в подобных условиях. Для примера можно привести краткое историческое повествование о битве в древней Персии, в которой поведение вражеских военачальников во время бегства после поражения

[1] Разнородная смесь звуковых волн широкого диапазона частот.

описывается следующим образом: «Чтобы спасти свои жизни, они прыгали через трупы своих солдат и убегали. Они потеряли всю свою храбрость, как пойманные птенцы. Они мочились и испражнялись в свои колесницы.» Нечто похожее можно найти и в исследованиях истории Второй мировой войны, где сообщается, что во время боя нужда испражнения у солдат возрастала так сильно, что они не обращали внимания ни на какие правила приличия. Среди всего континуума физиологических реакций на страх потеря контроля над испражнением является самой выразительной. Находясь под огнем, 9% мужчин мочатся в штаны, а 21% не могут сдержать испражнение. Для сравнения следует отметить, что в этих условиях 57% подвержены рвоте, а 84% чувствуют сильное биение сердца.

Таким образом, здесь мы видим эксперимент, в котором объективно измеряется степень страха, испытываемого животными, помещенными в идентичные условия для прохождения аналогичного испытания. Примечательно, что в таких обстоятельствах животные очень сильно различаются между собой. Некоторые начинают бесстрашно обследовать новое место и совсем не мочатся и не испражняются, в то время как другие жмутся в угол, могут помочиться несколько раз и отложить пять и более фекальных шариков в течение 5 минут. Этот факт позволяет нам изучать наследственность эмоциональности, а позднее мы увидим, что исследования подобного рода могут быть действительно очень информативными.

В следующей комнате проводится совершенно другой вид эксперимента. Здесь животных приучают получать пищу после того, как прозвенит звонок. Они бросаются к ванночке в углу своей клетки, где разложены вкусные шарики пищи, и с аппетитом едят. Приучив их отправляться в угол и съедать шарики пищи только при звуке звонка, экспериментатор начинает учить их хорошим манерам. Он хочет воспитать в них следующее конкретное правило этикета: крысы не должны набрасываться на еду сразу же после звонка, они должны выждать по крайней мере 3 секунды, прежде чем дотронуться до еды. Чтобы обучить их этому этикету, экспериментатор подготовил для них электрошок, который они получают от металлических пластин в полу клетки как только они начинают есть раньше, чем через 3 секунды после

раскладки пищи в ванночке и подачи сигнала звонком. Этот эксперимент очень схож с тем воспитанием, которое осуществляется в человеческом обществе, когда детей приучают не пачкать штаны, не демонстрировать открытую агрессию и вести себя в соответствии с общепризнанными нормами. Что же делают крысы? У них проявляется три вида реакции на это воспитание. Первый вид можно назвать правонарушительным или психопатическим: крыса идет и ест поданную пищу несмотря на получаемое ею наказание. Второй вид реакции можно назвать невротическим: крыса настолько напугана всей этой процедурой, что прячется в дальний угол и отказывается есть, даже когда это вполне безопасно. И третий вид можно определить как нормальную, или интегративную реакцию: крыса научилась ждать 3 секунды, а затем есть пищу в полной безопасности. Можно ли использовать эксперименты подобного рода для изучения криминального и невротического поведения среди людей? Ответ, по-видимому, следует дать утвердительный, но нужно подождать до одной из следующих глав, где мы вернемся к этому вопросу. А сейчас мы должны закончить наш визит кратким посещением еще одного экспериментатора в соседней комнате. Он заставляет животных бегать по прямой дорожке, начиная от стартовой коробки к кормушке на середине дорожки, где они останавливаются, съедают 1—2 шарика пищи, а затем бегут ко второй кормушке в конце дорожки, где опять получают пищу. Этот процесс повторяется несколько раз, пока у крысы не появляется понимание, что она может найти еду в кормушках на середине и в конце дистанции. Экспериментатор регистрирует скорость, с которой крыса бежит от стартовой коробки до центральной кормушки, а затем от нее до конечной кормушки. Затем он прекращает класть пищу в центральную кормушку, предполагая, что крыса будет очень разочарована этим. Целью эксперимента является изучение действия эффекта разочарования, а гипотеза заключается в том, что разочарование, будучи сильным эмоциональным импульсом, заставит крысу быстрее бежать вторую часть пути от центральной кормушки до конечной. И мы в самом деле видим это. Разочарование имеет очень сильный активирующий эффект и крыса действительно бежит гораздо быстрее, чем раньше. Опять мы можем

задать вопрос, имеет ли это какую-либо связь с человеческим поведением? Похожи ли действия разочарованной крысы на действия разочарованного водителя, который едет за другой машиной уже долгое время и никак не может ее обогнать, затем жмет на газ и несется вперед на обгон, хотя ситуация настолько опасна, что в обычных условиях он никогда бы не стал обгонять? И снова мы должны на некоторое время оставить обсуждение этого вопроса.

На нашем обратном пути мы можем услышать шумное веселье, смех и звон бокалов. Читателя удивит, что вечеринка может использоваться в качестве инструмента исследования для психолога, однако в социальной психологии имеется ряд вопросов и проблем, которые лучше всего изучаются путем изменения строгой лабораторной атмосферы таким образом, чтобы лишь немногие догадывались, что здесь проводится эксперимент. Давайте на несколько минут присоединимся к вечеринке. Мы видим здесь около десяти человек, которые развлекаются, разговаривают друг с другом, танцуют, флиртуют и вообще веселятся. Есть здесь и два более трезвых индивидуума, которые общаются со всеми, но не очень увлечены общей атмосферой праздничного события. Это — экспериментаторы. Какова цель эксперимента?

В основном здесь мы пытаемся получить ответ на вопрос типа «Можете ли вы отличить маргарин от масла?». Большинство людей, независимо от того, евреи они или антисемиты, считают, что евреи составляют отдельную биологическую группу и отличаются от большинства европейцев и американцев своими физическими признаками: у них определенный тип носа, определенный тип волос, своеобразный выговор и т. д. Соответствует ли это действительности? Я помню, как такой вопрос встал передо мной много лет назад, когда я был еще школьником. Я смотрел на улицу с балкона нашего дома в Берлине, когда по ней маршировала группа штурмовиков. По противоположной стороне улицы шел мужчина явно еврейской внешности. Как только штурмовики увидели его, они бросились к нему из строя и начали избивать его с криками «Бей грязного еврея!» и т. д. Я побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступени, чтобы попытаться чем-то помочь этому человеку, хотя и сам не знал, что могу

сделать. Однако когда я спустился на первый этаж, проявлять героизм было уже поздно. Штурмовики снова продолжали маршировать, а этот человек лежал на тротуаре, истекая кровью. Как вы можете представить, он был возмущен всем этим, но из его высказываний я понял, что мне не стоило беспокоиться о нем, потому что, как оказалось, он был вовсе не евреем, а членом нацистской партии, причем одним из первых ее членов. Его расовая принадлежность была наверняка проверена очень тщательно, и наверняка на протяжении сотен лет среди его предков не было ни одного еврея!

В другом случае нацистское правительство направило во все школы своих специалистов для изучения учеников и определения степени их принадлежности к арийской расе. Каждого из нас обследовали сверху донизу, обмерили и, наконец, вынесли заключение о том, кто ариец, а кто нет. И случилось так, что высшую степень принадлежности к арийской расе получил мой лучший друг, полнокровный еврей!

Это, конечно, просто анекдоты, которые подтверждают лишь то, что иногда мы ошибаемся в наших суждениях. Эксперимент необходим для того, чтобы определить, *насколько* будет ошибаться обычный человек в большинстве случаев. И вот с этой целью на несколько вечеринок были приглашены группы по десять человек, пять из которых были евреи, а пять — определенно нет. Их попросили общаться, разговаривать друг с другом, веселиться, но не раскрывать свои настоящие имена. Они не имели понятия о цели эксперимента, однако в конце, после нескольких часов общения, экспериментаторы предложили им сказать, кто из участников вечеринки был евреем (если таковые вообще были), а кто нет. Суммированный ответ оказался ошеломляющим. Все отвечали просто наугад. Они оказались полностью неспособными отличить еврея от нееврея по внешнему виду, одежде, выговору, поведению или по каким-либо иным признакам. Во время нашей предыдущей подобной работы, проводившейся в США, мы ожидали, что неевреи, не имевшие особых семитских предрассудков, будут неспособны отличить еврея от нееврея, но были некоторые свидетельства, что антисемиты и евреи могут показать хорошие результаты. Однако это не подтвердилось. По всем исследованным группам результаты евре-

ев и антисемитов оказались не лучше, чем у неевреев, которых этот вопрос вообще не интересовал.

Некоторые пуритане могут заявить, что эксперимент подобного рода хоть и интересен, но отличается по своей природе от типичного лабораторного эксперимента и, следовательно, имеет другой статус в научном плане. Я не думаю, что мы можем провести четкое различие между лабораторными экспериментами, описанными на предыдущих страницах и этим, а также подобными ему. Суть эксперимента заключается в том, что мы можем контролировать переменнные величины, которые влияют на результат эксперимента. В некоторых случаях для этого может потребоваться очень точное оборудование, в других — управление социальными переменными величинами совершенно иного типа. Принципиальной разницы между этими двумя видами нет, поэтому я и включил данный эксперимент в наш список.

На этом придется завершить нашу экскурсию. У нас было время заглянуть лишь в десяток комнат; есть еще около сорока комнат, на посещение которых у нас не хватает времени. Но, возможно, от того, что мы увидели, у читателя сложилось представление о характере проводимой здесь работы, а также понимание причин, по которым отдельные психологи занимаются работой такого плана. Далее мы попытаемся объяснить это подробно и показать читателю, как эксперименты подобного рода могут быть объединены в теорию, которая влияет или может влиять на многие аспекты его жизни. Конечно, нам предстоит долгий путь от таких лабораторных экспериментов до изучения поведения преступников, невротических больных или жертв автомобильных аварий. Но какой бы длинной и сложной ни была эта цепочка рассуждений между лабораторией и реальной жизнью, я тем не менее убежден, что такая взаимосвязь существует, и я также уверен, что мы никогда не поймем события повседневной жизни и не сможем управлять ими, если не перенесем их на уровень лаборатории и не изучим в упрощенных условиях, обеспечиваемых нашим контролем над стимулами и реакциями. Такой взгляд, конечно, совершенно не приемлем для тех, кто предпочитает изучать жизнь в ее полной комплексности. Но как бы ни хотелось это сделать, к сожалению, такой подход не представляется практичным. Более разумным является путь, по которому была вы-

нуждена пойти физика. Физик так же не может изучать поведение неодушевленных объектов во всей их сложности; он так же вынужден переносить свои проблемы в лабораторию, упрощать или даже переупрощать условия, пока не получит такие ответы, которые он искал и которые затем может применить к природе в целом в виде научных законов. Поведение человека так же является необычайно сложным, чтобы сразу исследовать его полностью; мы должны делать это постепенно, шаг за шагом, а если наши первые неуверенные действия покажутся критику смешными и неадекватными, мы можем только сказать, что другой реальной альтернативы нет. На протяжении тысячелетий человечество пыталось управлять поведением людей, не прибегая к помощи научного подхода и лабораторных исследований, и потерпело явную неудачу. Возможно, и научно-лабораторный подход тоже не справится с этой задачей. Точно предсказать конечный результат невозможно.

II. Личность и демон Айзенка

Понятие личности широко признано как одно из центральных в психологии, однако его точное определение еще не выработано. Многие ученые соглашаются, что оно относится к некоторым устойчивым характеристикам склада ума индивидуума и составляет основу важнейших индивидуальных аспектов его поведения, но какова ее природа и происхождение, как она может быть определена и оценена — вот вопросы, по которым у психологов существуют серьезные разногласия. Эти проблемы расматриваются во многих учебниках с различных точек зрения; я не буду пытаться делать нечто подобное в книге. Вместо этого я постараюсь представить одну точку зрения, которая, возможно, поддеживается меньшинством, однако имеет большое преимущество, поскольку объединяет в себе психологию, неврологию и вообще биологические науки в целом. Это, на мой взгляд, очень важно. Т.Х. Хаксли, соратник Чарльза Дарвина в ожесточенных сражениях по проблемам эволюции, однажды произнес такую яркую фразу: «Нет психоза без невроза». Он имел в виду, что не существует проявлений умственных отклонений без лежащих в их основе физиологических или неврологических факторов, которые можно исследовать и оценить физическими методами. Однако что касается понятия личности, далек еще тот день, когда мы сможем совершить такое точное исследование. Но я все-таки попытаюсь показать в данной главе, что надежда на достижение этой цели не призрачна, уже сейчас имеются некоторые доказательства взаимосвязей опре-

деленных структур в нервной системе с определенными типами моделей поведения.

Однако прежде, чем приступить к обсуждению таких взаимосвязей, мы должны разобраться с совершенно другой проблемой. Изучая явление личности, психологи пришли к необходимости проводить некое разграничение, которое обычно делается и в других науках, а именно разграничение между дескриптивным и каузальным анализами. Астрономы, если в качестве примера взять одну из древнейших наук, на протяжении многих веков довольствовались простым математическим описанием орбит планет. Надо признать, что они часто выдвигали некоторые крайне рудиментарные причинные гипотезы, как, например, гипотеза о том, что планеты двигаются в кристаллических сферах. Следует отметить, что эти теории носили лишь эстетический характер и никак не были связаны с проблемами дескриптивного анализа. С дескриптивной точки зрения нет почти никакой разницы, рассматриваем мы Солнце или Землю в качестве центра нашей планетарной системы; вполне возможно сформулировать уравнения, которые довольно точно представят движение планет по отношению и к Солнцу, и к Земле. Конечно, проще и удобнее соотнести движение планет с Солнцем, чем с Землей, но здесь действует лишь принцип удобства. Однако ситуация меняется, когда мы, наряду с Галилеем и особенно Ньютоном, применяем понятия силы притяжения и других причинных гипотез, которые, насколько бы несовершенными они ни были, выдвигались для представления лишь причинных законов, в соответствии с которыми осуществляется движение планет и которые в соответствии с законами природы объясняют, почему планеты двигаются именно таким образом, а не иным. Пока Галилей рассматривал гелиоцентрическую точку зрения просто как дескриптивную гипотезу, инквизиция не имела к нему претензий. А вот его осознание и упорное отстаивание того, что существуют и причинные моменты в этой гипотезе, привело к суду инквизиции и принудительному отречению от своих взглядов.

В психологии мы сталкиваемся с теми же двумя проблемами. Поведение человека можно *описывать* в терминах характерных черт, типов, установок, привычек и т.д., без необходимости

отвечать на вопрос, *почему* этот человек ведет себя именно таким образом. Такие причинные вопросы очень важны, но они отличаются от вопросов дескриптивного типа, да к тому же исторически появились гораздо позже. Прежде чем мы сможем должным образом рассматривать причинные проблемы, мы должны получить некоторые предварительные ответы на дескриптивные проблемы. В книге «Психология: смысл и бессмыслица» я уже подробно рассматривал проблему дескриптивности, поэтому здесь остановлюсь лишь на общих очертаниях ее решения; здесь я хочу больше внимания уделить причинной проблеме. Давайте сначала посмотрим на рисунок 8, представляющий общие результаты многочисленных исследований. В малом круге в центре рисунка читатель видит четыре классических типа темперамента, в том виде, в котором они были впервые представлены Галеном, позднее адаптированы знаменитым немецким философом Эммануилом Кантом, а еще позже великим немецким психологом В. Вундтом. Как мы увидим далее, два из этих типов темперамента — холерический и меланхолический — противопоставлены флегматическому и сангвиническому в том смысле, что первые обладают сильными эмоциями, являются относительно неуравновешенными и невротичными, в то время как вторые характеризуются более сдержанными эмоциями и более уравновешенным поведением.

Точно так же холерики и сангвиники объединяются набором общих характеристик, которые по современной терминологии определяются как экстраверсия, в то время как меланхолики и флегматики относятся к интровертированному типу. Позже мы покажем, что это дает нам два абсолютно различных принципа классификации, которые можно назвать *категориальным* и *размерностным*. В соответствии с категориальной системой мы можем распределить людей по четырем квадрантам, называя их холериками, меланхоликами, флегматиками или сангвиниками. И Гален, и Кант были твердо убеждены, что человек может относиться только к одному либо к другому типу, без каких-то возможных совмещений: «Не существует комбинированных темпераментов, например, сангвиник-холерик. Существует только четыре типа темперамента, каждый из которых прост и ясен, и невозможно представить себе человека, который совмещает их».

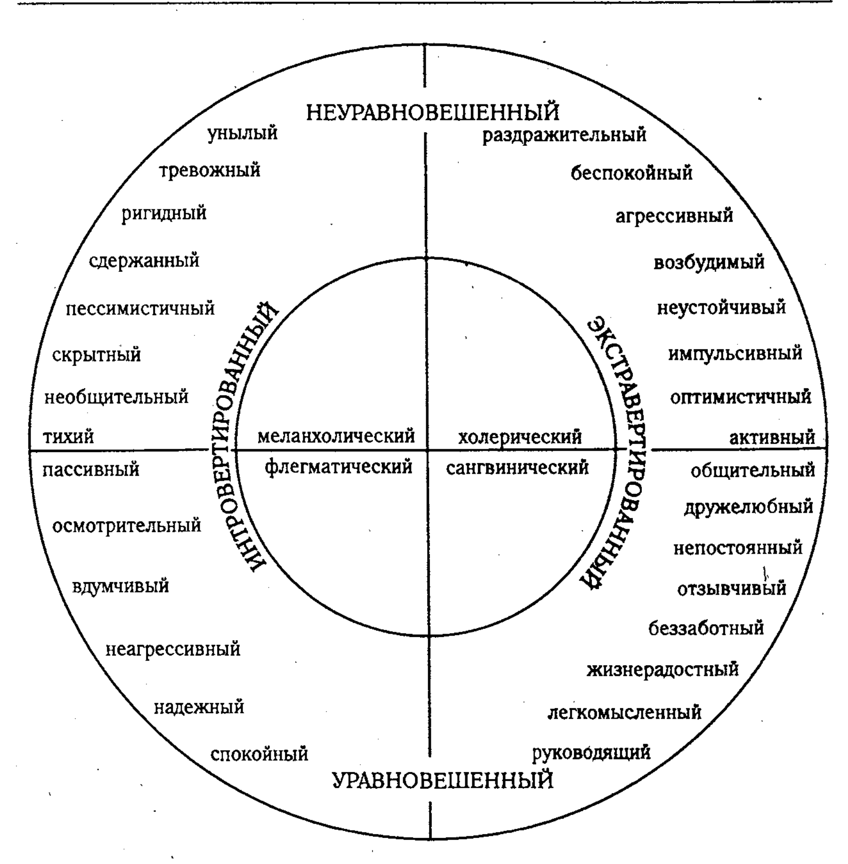

Рис. 8. Во внутреннем круге отражена знаменитая доктрина о четырех типах темперамента; внешний круг представляет результаты многочисленных современных экспериментов с оценками и самооценками моделей поведения больших групп людей

Согласно альтернативной точке зрения, каждому человеку можно определить место на двух континуумах, или осях; иными словами, человек может находиться в любом месте на котинууме интровертный — экстравертный, а также занимать определенное место на котинууме уравновешенный — неуравновешенный. Тогда можно описывать его, ссылаясь на его положения в такой двухмерной рамке. Естественно, все положения возможны в том смысле, что они могут быть заняты определенными людьми, и большинство из них сохранят свою оригинальность, то есть не

будут ни меланхоликами, ни флегматиками, ни холериками, ни сангвиниками. Такой взгляд был разработан Вундтом в 1880-х гг., и сейчас является универсально принятым. Доктрина категориальных типов личности психологами и психиатрами в настоящее время серьезно не рассматривается.

А как обстоят дела с описанием этих четырех типов темперамента? Давайте обратимся к работам Канта, который впервые опубликовал труды на эту тему в 1798 году. По его словам, «человек сангвинического типа беззаботен и полон надежд; придает большое значение всему, чем он занят в данный момент, но может забыть об этом в следующую минуту. Он искренне обещает сдержать свои обещания, но не сдерживает их, потому что перед этим никогда глубоко не задумывается, сможет ли он их сдержать. Он достаточно добродушен, помогает другим, но не умеет возвращать долги, всегда просит отсрочку. Он очень общителен, любит пошутить, доволен собой, ничего серьезно не воспринимает, и у него очень много друзей. Он не зловреден, но ему трудно менять свои греховные наклонности; он может раскаяться, но это раскаяние (которое никогда не становится чувством вины) вскоре забывается. Он быстро устает от работы, но постоянно участвует в различных играх — они привлекают его постоянными изменениями, а настойчивость и упорство не являются его сильными сторонами».

Следующим идет описание меланхолического темперамента. «Склонные к меланхолии люди придают большое значение всему, что их касается. Во всем они находят причину для беспокойства и, в противоположность сангвиникам, в первую очередь замечают трудности в любой ситуации. Меланхолик не дает обещаний легко, так как свое слово всегда старается выполнить: он должен подумать, сможет ли это сделать. Все это объясняется не моральными качествами, а тем, что взаимоотношения с другими людьми беспокоят его, делают подозрительным и рассудительным. Именно поэтому счастье обходит его стороной».

А вот что Кант пишет о холерическом темпераменте: «Человек холерического типа считается вспыльчивым, горячим; он быстро возбуждается, но легко успокаивается, если его оппонент отступает; его раздражение не сопровождается продолжитель-

ной ненавистью. Его активность быстра, но неустойчива. Он не против работы, но не любит быть занятым конкретным делом, ибо не отличается упорством; он предпочитает отдавать распоряжения, но не заботится об их исполнении. Он любит всеобщее признание и хочет, чтобы его прилюдно хвалили. Ему нравятся выходы в общество, помпезность, формальные процедуры; он полон гордости и самовлюбленности. Он скуп, вежлив, но церемониален; больше всего страдает от отказа других людей выполнять его желания. Одним словом, холерический тип наименее счастлив, поскольку склонен вызывать сопротивление самому себе».

И, наконец, флегматичный тип темперамента. «Слово «флегма» означает недостаток эмоций, а не лень; оно подразумевает, что человек действует ни быстро, ни медленно, а упорно и настойчиво. Такой человек медленно сближается, но сохраняет эту близость дольше. Он действует по принципу, а не по инстинкту; удачливость у него восполняет недостаток прозорливости и мудрости. Он расчетлив в общении с другими людьми и обычно упорно идет к достижению своих целей, хотя кажется, что уступает дорогу другим». (Читатель, возможно, догадался, что Кант сам считал себя флегматиком!)

Зачем опять возвращаться к этим старым теориям и гипотезам? Разве мы не продвинулись вперед по сравнению с уровнем XV века? Ответ на эти вопросы находится в кольце названий характеристик на внешнем круге рисунка 8. Они сжато представляют результаты большого количества эмпирических исследований, проведенных в основном в первой половине XX века, в которых участвовало огромное количество испытумых из Америки, Англии и континентальной Европы. Они оценивались экспериментаторами, либо сами заполняли анкеты по большому спектру различных характеристик и типов поведения. Результаты этих исследований были подвергнуты комплексным статистическим анализам, корреляционным анализам, анализам по основным компонентам, анализам по факторам и т. д. в надежде, что таким образом будет возможно представить основные параметры личности. Результат всей этой работы сейчас довольно широко признан в виде двух очень сильных, веских и очень влиятельных факторов, осей или величин, которые по своей сути идентичны

параметрам, предложенным Вундтом. Одна из осей обозначена нами как интровертированность — экстравертированность, хотя этим мы не подтверждаем, что концепция идентична той, которую выдвинул известный швейцарский психиатр К.Г. Юнг. Несмотря на распространенное мнение, что авторство терминов «экстравертированность» и «интровертированность» принадлежит ему, это на самом деле не так. Он позаимствовал их из общеевропейского употребления, где они действительно широко применялись на протяжении более двухсот лет. Не ему также принадлежит первенство в описании типов темпераментов, как принято считать; как было указано выше, это было сделано Галеном, а может быть, и до него. А о личном вкладе Юнга в эту типологию можно сказать только следующее: все, что у него новое, — неверно, а все, что верно, — не новое.

Другой параметр определяется различными терминами: состояние нервной системы, эмоциональность или нестабильность в противопоставление стабильности и нормальности. В описательном плане обнаруживается удивительное соответствие между современными исследованиями и старым учением о темпераментах. Названия характеристик, приведенные во внешнем круге, отражают в общем результаты современных исследований в том смысле, что чем ближе находятся названия характеристик, тем выше эмпирически наблюдаемая связь между ними. Когда угол между ними составляет около 90 градусов, связи нет, но по мере изменения угла до 100 или 80 градусов эта связь становится отрицательной. Соответственно между характеристиками неустойчивости и возбудимости с одной стороны и беззаботностью и отзывчивостью с другой нет никакой взаимосвязи. Между такими чертами, как «пессимистичный» и «умеренный», а также «разговорчивый» и «дружелюбный» существует отрицательная взаимосвязь. Очень высока корреляция между такими характеристиками, как «раздражительный» и «унылый». Таким образом, внутренний круг рисунка 8 представляет древнюю теорию описания личности; внешний круг отражает результаты самых последних исследований в этой области. Читатель сам должен определить для себя, является ли соответствие между этими двумя подходами настолько близким, как полагает автор.

Понятие эмоциональной неуравновешенности (нестабильности), или невротизм, представляется слишком очевидным, чтобы давать ему определение, а названия характеристик, приведенные на рисунке 8, позволят читателю сформировать достаточно точное понимание этого явления без какого-либо формального определения. В книге «Психология: смысл и бессмыслица» я предложил вопросник для определения степени такой эмоциональной нестабильности. К нему может обратиться любой из тех, кто не считает данную концепцию значимой или кто не до конца понимает ее выводы. Сейчас же я хочу остановиться на концепции экстравертированность/интровертированность и привести краткое описание типичных экстравертов и интровертов. Этим, конечно, не утверждается, что каждый человек является либо интровертом, либо экстравертом, или что все люди всегда находятся в каком-либо из этих крайних состяний. Экстравертированность/интровертированность — это измерение, изменяющееся от одной крайности до другой и проходящее через срединный участок, где люди не относятся ни к одному, ни к другому типу; эмпирические данные свидетельствуют, что большинство людей относится именно к этому срединному участку. Такое положение очень схоже с результатами, получаемыми при помощи тестирования умственных способностей. Мы говорим об умных и глупых людях, вовсе не подразумевая, что каждый человек является либо тем, либо другим. Мы прекрасно знаем о существовании целого континуума, начинающегося от низшего уровня умственной отсталости и продолжающегося до высшей точки гениальности. В этом континууме большинство людей показывают коэффициент интеллектуальности от 90 до 110. Однако для более точного понимания данного измерения полезно иметь представление об этих крайностях, для чего ниже и приводится их описание.

Типичный экстраверт общителен, любит вечеринки, имеет много друзей, нуждается в собеседниках и не очень любит читать и учиться. Он жаждет возбуждения, рискует, часто «высовывает голову», действует «на острие атаки» и вообще является импульсивным человеком. Он любит грубые шутки, розыгрыши, всегда готов к ответу, ему нравятся перемены; он легкомысленен, оптимистичен, любит смеяться и веселиться. Он предпочитает движение и действия, склонен к агрессии и быстро теряет свой пыл. В целом же, его чувства не контролируются, и он не отличается надежностью.

С другой стороны, типичный интроверт — спокойный, скромный человек, склонный к уединению, любящий книги больше, чем общение с людьми; он сдержан и дистанцирован ото всех, кроме близких друзей. Он старается все планировать заранее, «подумает, потом сделает», недоверчиво относится к моментальным импульсам. Ему не нравятся волнения, он относится к повседневным заботам с должной серьезностью и предпочитает упорядоченный образ жизни. Он строго контролирует свои чувства, редко ведет себя агрессивно, его трудно вывести из себя. Он надежен, слегка пессимистичен и высоко ценит этические нормы.

Экстраверты и интроверты также различаются по своим жизненным позициям, особенно по социальным и политическим вопросам. Как я отмечал в книге «Психология: смысл и бессмыслица», для экстравертов характерны жесткие, непримиримые позиции. Они консервативны, а интроверты проявляют большую религиозность, склонны к вере. Экстраверт выступает за сохранение смертной казни и телесные наказания для преступников, против смешения рас — он считает не белых людей низшей расой и т.д. Интроверт в расовых вопросах более миролюбив и склонен поддерживать идеалы квакеров. Экстраверт ратует за браки по контракту, упрощение законов о разводе, считает посещение воскресных месс в церкви старомодным и т.д. Экстремистские консервативные экстраверты склонны поддерживать фашистские идеи, а радикальные экстраверты — коммунистические идеалы. Таким образом, мы видим, что различия между этими двумя типами личности проявляются во многих сферах жизни.

Из всего сказанного, безусловно, вовсе не следует, что только в терминах этих двух измерений можно описывать или анализировать личность. Вероятно, существуют и другие параметры, но именно к этим двум измерениям в конце концов приходили многие исследователи, использовавшие различные методики. И, по-видимому, следует согласиться, что эти два измерения являются важнейшими при описании человеческого поведения. Если бы

мы были ограничены при описании личности всего тремя параметрами, то, я уверен, для обобщения и оценки ее реального характера выбрали бы степень ее умственного развития, степень ее экстравертированности и ее невротизации. Сегодня для измерения личности большего и не требуется, хотя будущие исследователи, несомненно, откроют многие новые параметры, но они будут менее обобщенными и важными, чем представленные здесь.

На этом заканчиваем описательную часть сей главы. А каковы же причинные аспекты, отвечающие за эти модели поведения? Перед рассмотрением проблемы давайте прежде всего разберемся, чем больше определяются эти модели поведения: наследственностью или тем или иным влиянием окружающей среды? Постулат о влиянии окружающей среды еще имеет достаточную силу. Многие читатели знают знаменитое высказывание Дж. Б. Уотсона о том, что если бы ему дали ребенка в младенческом возрасте, и он мог бы предписывать ему точную окружающую среду, он сделал бы из этого ребенка все, что захотел, включая знаменитого музыканта, ученого и т. д. Убеждения подобного рода характерны для обществ со строгим управлением и сильной верой в возможность разрешения всех проблем технологическими способами. Экспериментальные доказательства, однако, противоречат таким убеждениям; нет сомнений, что мы должны очень серьезно относиться к наследственной предрасположенности.

В исследовательских работах в этой области широко использовались определенные эксперименты, которые природа проводит сама. Так, хорошо известно, что существует два типа близнецов: так называемые однояйцевые близнецы, имеющие идентичную наследственность, и двуяйцевые близнецы, у которых наследственность схожа не более, чем у обычных братьев и сестер, т. е. составляет не более 50 процентов. В нашей попытке раскрыть тайну наследственности и влияния на личность окружающей среды мы можем использовать эти интересные природные явления различными способами. Прежде всего, давайте сравним группы однояйцевых и двуяйцевых близнецов по какой-либо одной характеристике. Если мы предположим, что эта характеристика унаследована, тогда у однояйцевых близнецов она должна проявиться в абсолютно одинаковой степени. Двуяйцевые близнецы, получающие менее идентичную наследственность, должны значительно различаться по этой характеристике, хотя, конечно, и в меньшей степени, чем наугад отобранные люди. Теперь давайте посмотрим на другую черту характера, которая не имеет никакого отношения к наследственности. В формировании этой черты важнейшую роль играет окружающая среда, и, как следствие, по ней однояйцевые близнецы должны иметь не больше схожести, чем двуяйцевые. В этих двух ситуациях нет никаких сложностей, и они не представляют особого интереса. Гораздо более любопытна ситуация на границе между этими двумя факторами, когда черта характера определяется частично наследственностью, а частично — окружающей средой. В таких обстоятельствах однояйцевые близнецы должны иметь большую схожесть, чем двуяйцевые, но это различие должно быть меньше, чем в случае с полностью унаследованной чертой, и мы могли бы использовать это различие в степенях сходства между однояйцевыми близнецами, с одной стороны, и двуяйцевыми — с другой, для оценки степени того значения, которое наследственность имеет в определении этой черты.

Эксперимент неоднократно проводился с учетом оценки различных состояний нервной системы и степеней экстравертированности. Результаты всегда свидетельствовали, что наследственность на самом деле играет большую роль в формировании личности, но и не исключает полностью влияния факторов окружающей среды. Такие эксперименты нередко критиковались на том основании, что однояйцевые близнецы, будучи очень похожими, по-видимому, испытывали более одинаковое к себе отношение со стороны родителей, учителей и других людей, чем двуяйцевые, которые в сущности ничем не отличаются от обычных родных сестер и братьев. Эта критика небезосновательна, хотя изучение отношения к близнецам и их реакции на него в целом не подтверждают подобные претензии. На самом деле однояйцевым близнецам не нравится быть просто зеркальным отражением друг друга, и они стараются проявлять свою индивидуальность всеми возможными способами. Их реакция на свою идентичность выражается в попытках индивидуализиро-

ваться по сравнению друг с другом и стать по возможности разными. Таким образом, в ответ на указанную критику следует добавить, что экспериментально полученные результаты в отношении сходства между однояйцевыми близнецами скорее занижены, чем завышены.

Для более тщательного рассмотрения этой проблемы можно использовать другой метод. Что произойдет, если однояйцевые близнецы будут разделены при рождении или вскоре после этого и воспитаны в совершенно различных условиях? Именно такое исследование было проведено Дж. Шилдсом, который путем обращения по телевидению обнаружил много таких пар близнецов. В результате оказалось, что однояйцевые близнецы сохранили намного больше схожести, чем двуяйцевые, воспитывавшиеся вместе. При сравнении однояйцевых близнецов, воспитывавшихся отдельно, и таких же пар, воспитывавшихся вместе, по умственному развитию, степени экстравертированности и невротизма Шилдс обнаружил, что первые проявили больше схожести, чем вторые. Этот факт стал полным подтверждением обоснованности описанного выше метода исследований черт характера близнецов и достойным ответом критикам таких исследований, основанных на сравнении воспитывающихся вместе однояйцевых и двуяйцевых близнецов.

Третий метод состоит в определении и измерении характеристик личности у различных членов какой-либо семьи. Гипотеза здесь заключается в том, что если наследственность играет важную роль, то степень схожести между различными членами семьи должна в определенной мере отражать степень соотношения исследуемых факторов в формировании личности. Этот эксперимент также проводился неоднократно и продемонстрировал положительные результаты: оказалось, что в плане экстравертированности и невротизма степень сходства отражается степенью родства. То же самое проявилось и в отношении умственного развития, которое в целом наследуется в той же степени, что и эмоциональность, или невротизм, а также экстравертированность — интровертированность.

Есть еще один открытый для нас путь экспериментирования в этой области, который представляется наиболее приемлемым. «Скрещивание» человеческих существ происходит таким образом, при котором не допустим никакой научный контроль; все наши экспериментальные и аналитические исследования мы можем проводить на основе уже свершихся событий. В лучшем случае мы можем использовать преподнесенные нам природой эксперименты, как, например, появление однояйцевых и двуяйцевых близнецов, но мы не можем планировать такие исследования заранее. Конечно, иначе обстоят дела с животными. Здесь мы можем проводить экспериментальные работы по своему выбору, скрещивая и выводя животных с различными моделями поведения, которые, по нашему небезосновательному мнению, частично или полностью определяются наследственными факторами. Позвольте для иллюстрации этого метода привести всего один пример.

Читатель уже знаком с тестом «Открытое поле» для измерения степени эмоциональности у крыс; вкратце он был описан в первой главе, во время нашего короткого посещения экспериментальных комнат в лаборатории для животных. Можно напомнить, что в тесте замерялось количество фекальных шариков, отложенных крысой во время ее кратковременного пребывания на открытой площадке с ярким верхним светом и громким шумом из громкоговорителей. Теперь известно, что крысы значительно различаются по своему поведению в таких условиях и можно отобрать крыс с высокой эмоциональностью — то есть откладывающих много шариков — и скрещивать их, и с низкой эмоциональностью — т. е. откладывающих мало шариков — и также скрещивать их. Мы можем делать это на протяжении нескольких поколений, постоянно скрещивая между собой высокоэмоциональных крыс с одной стороны, и низкоэмоциональных — с другой. Предполагая, что наследственность играет важную роль в генезисе эмоциональности, мы должны получить ситуацию, при которой потомки эмоциональной группы по своему поведению не будут иметь никаких сходств с потомками неэмоциональной группы. На рисунке 9 показаны результаты такого эксперимента с указанием среднего количества шариков, отложенных в экспериментальной ситуации каждым последующим поколением. Как видно, по мере развития эксперимента две линии все больше расходятся, пока в конце не оказываются очень далеко друг от друга. Нигде не отмечается наложения двух линий, и это означа-

ет, что наиболее эмоциональный потомок из неэмоциональной группы менее эмоционален, чем наименее эмоциональный потомок из эмоциональной группы. Конечно, существуют технические способы точного измерения степени присутствия наследственных черт у животных и даже степени доминантности, пенетрантности[1] и т. д., но мы не будем вдаваться в эти довольно сложные вещи. Достаточно сказать, что факт возможности выводить породы животных с определенными характеристиками подтверждает, что наследственность играет большую роль в формировании этих характеристик.

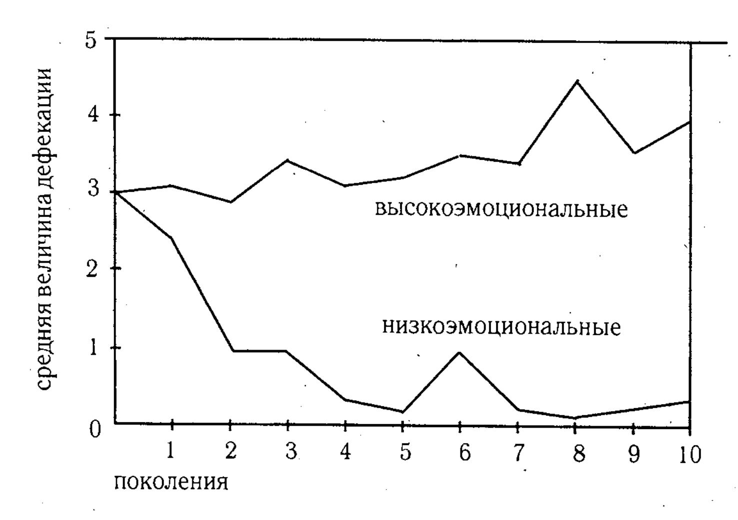

Рис. 9. Результаты эксперимента, в ходе которого выводились породы крыс с высокой и низкой эмоциональностью соответственно

Выделение такой характеристики у животных, конечно, не означает, что полученные результаты на крысах будут верны для человека. Но в первой главе мы уже видели, что у людей дефекация и мочеиспускание также часто являются следствием сильных эмоций страха, в чем они схожи с крысами; мы также показали, что другие методы исследования (например, близнецовый

[1] Пенетрантность — относительная способность гена производить в какой-либо мере свой специфичный эффект в организме, в котором он находится.

метод), примененные к людям, также показывают, что эмоциональность, или невротизм, наследуется. Поэтому можно сказать, что подобные методы, примененные к животным, могут использоваться в поддержку результатов, полученных в экспериментах с людьми.

Важность исследований наследственности состоит в том, что они позволяют четко увидеть существование неких биологических корней, лежащих в основе личности и ее поведения. Невозможно представить, чтобы такие характеристики личности, как экстравертированность и эмоциональность, наследовались без предварительного существования некоторых физиологических, биохимических или неврологических субстратов, которые были созданы или по меньшей мере модифицированы генами — носителями нашей наследственной предрасположенности. Иными словами, мы считаем, что наследуется не сама модель поведения, а скорее определенные структуры в центральной нервной системе или вегетативная нервная система, которая в свою очередь, взаимодействуя с окружающей средой, определяет модель поведения человека. Говоря еще проще, наследуется *генотип,* а то, что наблюдает интересующийся поведением психолог, является *фенотипом.* Это — технические термины для научного исследования наследственности; кратко их можно определить следующим образом: генетическое строение индивидуума называется его генотипом, а его фактическое внешнее проявление, являющееся продуктом генотипа и влиянием окружающей среды, называется его фенотипом. Конечно, это теоретически важное различие не всегда легко уловить, но о нем всегда следует помнить при обсуждении таких вопросов.

Сейчас мы подошли к моменту, когда на описательном уровне определили существование двух важных параметров измерения личности: экстравертированность — интровертированность и невротизм — стабильность. Мы также пришли к выводу, что эти измерения четко определяются наследственностью, и поэтому, вероятно, имеют некую физиологическую, неврологическую или биохимическую основу в нервной системе индивидуума. Можем ли мы пойти далее и точно описать природу этого причинного фактора? Следует ответить, что это нельзя сделать с большой

степенью точности или убедительности, однако в настоящее время существует много путей, по которым мы можем достичь по крайней мере края этой земли обетованной. Сначала рассмотрим понятие эмоциональности, или невротизма. Здесь, безусловно, мы имеем дело с чрезмерной реакцией со стороны индивидуума на различные стимулы, принимающей формы очень сильных эмоций, выраженных в условиях, при которых большинство людей не выражают эмоций или делают это слабо. К счастью, сейчас известно много о природе и каузальности эмоций, о чем я подробно писал в книге «Психология: смысл и бессмыслица», здесь же я лишь кратко изложу написанное ранее.

Все млекопитающие имеют центральную нервную систему, которая в основном состоит из длинных нервных каналов, идущих от всех других частей тела к мозгу и передающих воспринятую органами чувств информацию. Она также включает другие каналы, идущие от мозга к мускулатуре тела, вызывая произвольные движения. В дополнение к центральной нервной системе у нас имеется вегетативная нервная система, которая осуществляет (согласно своему названию) определенную непроизвольную деятельность, являющуюся жизненно важной для организма. Например, она регулирует сердцебиение, заставляет нас продолжать дышать во время сна, управляет потоком крови в организме и подстраивает его под изменения температуры, регулирует величину зрачка в соответствии с силой поступающего на него света, расширяя его при низкой освещенности и сужая при ярком свете, определяет электропроводность кожи, увеличивая ее в состоянии расстройства, эмоций или опасности и снижая в состоянии покоя. Эта вегетативная система сама подразделяется на две части: так называемые симпатическую и парасимпатическую системы. Первая является аварийной системой, готовящей тело, например, к бою или полету; она прекращает пищеварение, ускоряет сердцебиение, увеличивает темп дыхания, а также многими другими способами готовит тело к опасным ситуациям. Если читатель мысленно вернется к случаям, когда он был очень испуган или очень разозлен, то, наверное, вспомнит эти реакции в терминах симпатической нервной системы — быстрое сердцебиение, учащенное дыхание и другие подобные реакции. Парасимпатическая

система антагонистична симпатической и вызывает совершенно противоположные эффекты. Она снижает темп дыхания, уменьшает сердцебиение и всеми другими способами оказывает совершенно обратное влияние по сравнению с симпатической системой. Это по сути своей система спокойного, радостного и мирного существования, позволяющая организму процветать автономно.

Сегодня уже нет сомнений, что различия между людьми по эмоциональности, или невротизму вызываются наследственными различиями в устойчивости и возбудимости нервной системы. Некоторые люди по складу характера предрасположены сильно реагировать своей симпатической системой на поступающие стимулы различного рода, в то время как другие предрасположены реагировать менее выраженно. Эти реакции, интегрированные с текущей активностью, выражаются организмом в виде эмоций и вызывают соответствующую реакцию окружающих. В этом процессе в принципе остается мало загадочного, хотя, как мы увидим далее, имеются некоторые определенные трудности в точном предсказании реакций какого-либо конкретного человека. Одна из этих трудностей заключается в специфичности реакций. Мы говорили о симпатической нервной системе так, как будто она действует целиком, но на практике все происходит иначе. Это верно, что чрезвычайные ситуации стимулируют всю симпатическую систему, но все-таки и в таких случаях наблюдаются различия в степени реакции со стороны различных частей этой системы. Так, реакция одного человека характеризуется особенно учащенным сердцебиением, а второй имеет тенденцию особенно реагировать ускоренным темпом дыхания. Третий, в свою очередь, может выраженно реагировать в виде напряжения мускулов по всему телу, а у четвертого реакция выражается преимущественно еще каким-либо образом. Неизвестно, является каждая из таких моделей реакции наследственной или вызывается благодаря процессу предыдущего обучения; по-видимому, в большинстве случаев действуют оба фактора. Таким образом, исследования эмоциональной реактивности человека должны быть относительно комплексными и проводиться с использованием нескольких параметров измерений. Эти и другие факторы, безусловно, должны учиты-

ваться психологом-экспериментатором, изучающим данные реакции, но ни в коем случае не должны вынуждать нас принижать значение вегетативной системы как наиболее вероятной биологической основы индивидуальных различий в эмоциональных реакциях.

В прошлом именно при исследовании экстравертированности — интровертированности возникали трудности, поэтому сейчас я хочу представить маленького демона, о котором мы упомянули в названии данной главы. У читателя наверняка возникнет вопрос о целесообразности включения демона в научную книгу по проблемам личности, но для этого имеется хороший исторический прецедент. Читатели, изучавшие физику, могут вспомнить демона Максвелла, выдуманного этим знаменитым автором теории электрических полей для иллюстрации некоторых типов поведения молекул в газообразных веществах. С этой целью он в качестве постулата предложил рассматривать маленького демона, помещенного около отверстия в перегородке, разделявшей на две половины большую заполненную газом камеру. Заданием демона было пропускать молекулы газа из камеры А в камеру В и препятствовать их движению из камеры В камеру А. В результате молекулы создавали разницу давления в этих двух камерах — разницу, которая не могла бы появиться при сохранении обычных законов распределения движения молекул. Демон Максвелла в действительности, конечно, не существовал, но был придуман просто как некое устройство для пояснения определенных положений. Однако демон Айзенка — гораздо более реальное явление, и я смогу показать, что по крайней мере в некоторой форме он может реально существовать в дальних уголках нашего мозга.

Пока давайте рассматривать этого демона просто как некоего гомункулуса, сидящего около точки, где длинные каналы центральной нервной системы входят в нижние части мозга. В своих руках он держит два рычага, один из которых помечен словом «возбуждение», другой — словом «торможение». При прохождении сенсорных раздражителей по этим каналам, он нажимает иногда один рычаг, иногда — другой, а иногда — оба. Затем обработанные с помощью этих рычагов раздражители посылаются в мозг, где они либо облегчают прохождение

и взаимодействие поступающих нервных раздражителей, либо подавляют и тормозят их. Поэтому с одной стороны демон действует как усилительная лампа, с другой — как подавляющее устройство; в обоих случаях демон привносит значительную степень гибкости в систему поступающих и исходящих сообщений.

Сейчас хотелось бы точнее пояснить, что понимается под возбуждением и торможением. В терминах нервной системы и поведения под возбуждением мы понимаем высвобождение перцептивных, двигательных, познавательных и мыслительных реакций в центральной нервной системе. Под торможением мы понимаем противоположные вышеуказанным явления, то есть подавление центральных двигательных, познавательных и мыслительных реакций. В связи с этим читатель может вспомнить нашу первую главу, где мы уже представили некоторые исследования по поведению, включающие эти понятия, особенно понятие торможения. Давайте сейчас возложим на демона всю ответственность за создание торможения, а также противоположных процессов: высвобождение, или возбуждение нервных импульсов, их передачу и т. д. Поможет ли это в наших поисках биологической основы для поведенческих понятий экстравертированности — интровертированности? Нет, само по себе не поможет, но мы должны сделать еще одно предположение, которое является чрезвычайно важным для гипотезы, которую я намереваюсь выдвинуть в этой главе. Давайте предположим, что одни демоны — правши, а другие — левши; одни склонны дергать за рычаг торможения сильнее, чем другие, которые по сравнению с первыми склонны сильнее дергать за рычаг возбуждения. Сделаем и еще одно предположение — будем считать, что демоны-левши, склонные к более сильному дерганию рычага торможения, находятся в центральной нервной системе экстравертированных людей, в то время как демоны-правши с тенденцией сильнее дергать рычаг возбуждения, поселились в центральной нервной системе интровертов. Тогда демоны, владеющие одинаково обеими руками и без склонности к более сильному дерганию рычага какой-либо одной рукой, будут, конечно, обнаружены в центральных нервных системах амбивертов — людей, которые не являются ни экстравертами, ни интровертами.

Как мы можем подкрепить подобные гипотезы некоей мерой экспериментальных доказательств? Оставляя на минуту в стороне демонологические аспекты нашей теории, мы хотим доказать, что сила торможения обычно должна быть выше у экстравертированных людей, а сила возбуждения — у интровертированных. К счастью, мы уже в некоторой степени знакомы с экспериментальными мерами этих двух сил, что позволяет незамедлительно провести непосредственную проверку нашей гипотезы. Так, на примере ротора преследования мы показали в первой главе, как реминисценция, или повышение результативности после периода отдыха (благодаря рассеиванию торможения) может являться непосредственной величиной измерения величины торможения, накопленного до периода отдыха. Поэтому мы вправе ожидать (и это действительно подтвердилось), что экстраверты будут накапливать больше торможения, рассеивать больше торможения и, соответственно, демонстрировать большую реминисценцию. Именно из-за своей необычности для здравого смысла подобные полученные данные должны прочно поддерживать общую теорию, которая позволяет получать их в лаборатории.

Мы уже упомянули в первой главе, что с помощью простых тестов по работе на роторе преследования можно измерить количество непроизвольных пауз отдыха, вызванных торможением. Такое количество пауз должно быть больше у экстравертов, чем у интровертов; на рисунке 10 представлена фактическая результативность девяти интровертов и девяти экстравертов в течение первых пяти минут теста. Эти испытуемые были отобраны на основе анкетирования из девяноста заводских рабочих (мужчин); они не имели никаких экстремальных характеристик в патологическом смысле и были самыми обычными людьми, которых мы ежедневно видим на улицах. Однако по результатам теста разница между ними оказалась разительной. Среднее количество непроизвольных пауз отдыха в экстравертной группе составило восемнадцать, а в группе интровертов — только одну. Никаких пересечений в показателях этих двух групп не отмечено. Максимальное количество пауз отдыха у интроверта оказалось намного меньше, чем минимальное количество пауз отдыха у экстраверта. Дальнейшей дискуссии не требуется — диаграмма говорит сама за себя.

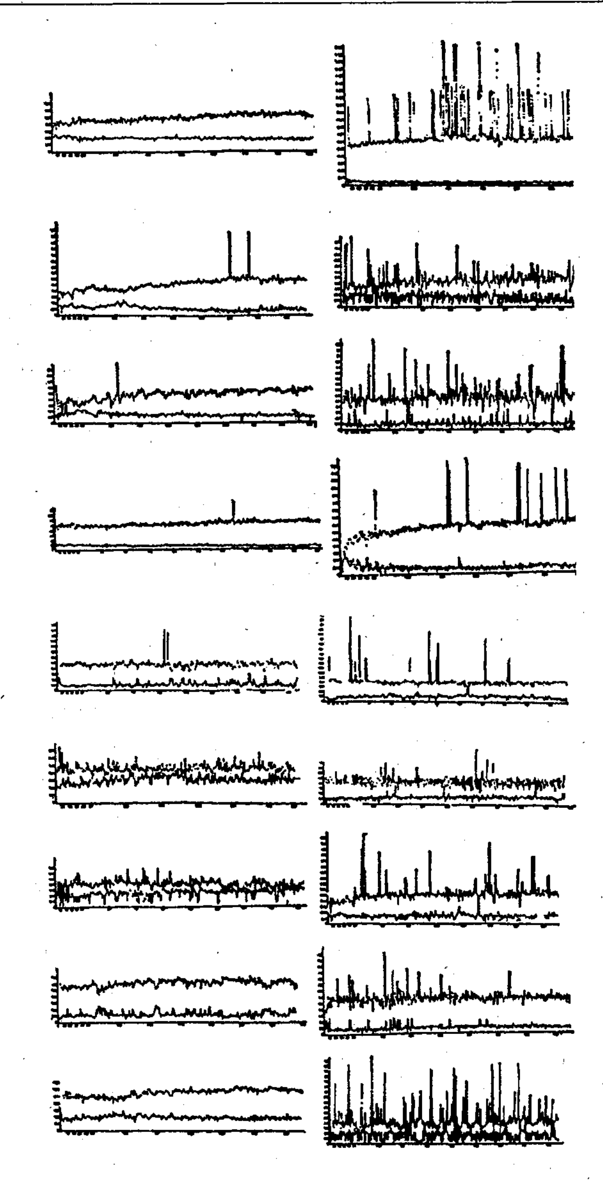

Рис. 10. Результаты эксперимента, проведенного с экстравертами и интровертами. Длительность удерживания (нижняя линия на каждой диаграмме) и длительность разрыва (верхняя линия на каждой диаграмме) записывались для каждого отдельного удерживания и разрыва

В первой главе речь также шла о спиральном эффекте последействия и о предположении, что у экстравертов это последействие будет короче, чем у интровертов. Это предположение оказалось верным и было подтверждено во многих лабораториях. Говорилось также и об эффекте каширования (маскировки); мы увидели, что в этом эксперименте экстраверты имеют тенденцию проявлять торможение в большей степени, чем интроверты — данный вывод также получил многочисленные подтверждения. Третья величина измерения, полученная с помощью теста последействия фигуры, может также рассматриваться в качестве меры торможения и, как ожидалось, экстраверты демонстрируют большие последействия, чем интроверты.

Однако наибольшее значение для наших аргументов представляют различия в предварительном обучении (тренировке обусловливанию). Павлов первым показал, как сильно торможение может снижать эффективность и расстраивать программы обучения условным реакциям, поэтому мы можем предположить, что экстраверты, обладая большой силой торможения, будут хуже обучаться и утрачивать свои навыки быстрее, чем интроверты. На рисунке 11 показаны результаты одного из подобных тестов, проведенных с группами интровертированных и экстравертированных испытуемых, как психически нормальных, так и с повышенной невротичностью. (Интересно отметить, что между нормальными и невротичными людьми различий как таковых не существует, поэтому мы вполне уверенно соединили экстравертированных нормальных и невротичных, с одной стороны, и интровертированных нормальных и невротичных, с другой. Конечно, их пропорции в каждой группе были одинаковы.) Здесь опять-таки график говорит сам за себя: очевидно, что обусловленность у интровертов в два раза сильнее, чем у экстравертов.

Можно еще долго продолжать показывать на других тестах, например, на тесте на вигильность (бдительность), что предполагаемые различия между экстравертами и интровертами действительно существуют. Однако в этом нет необходимости. В данный момент мы хотим проиллюстрировать *виды* различий, которые можно наблюдать. Но здесь стоит сделать

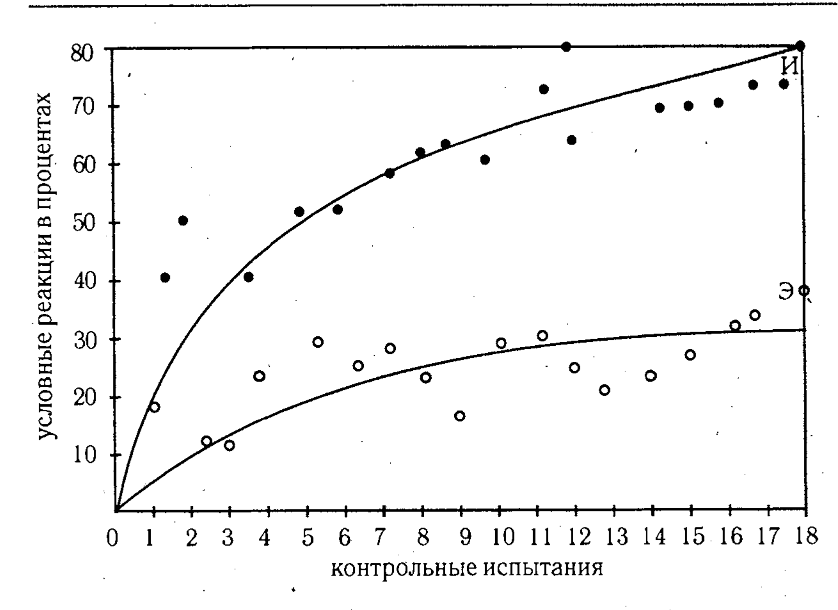

Рис. 11. Результаты эксперимента по тренировке обусловливания моргания, показанные интровертами (черные кружки) и экстравертами (светлые кружки)

одно предупреждение. Предположения в этой области иногда могут оказаться более сложными, чем это кажется на первый взгляд. В качестве примера давайте возьмем тест на последействие фигуры. Как читатель помнит, в нем испытуемый должен зафиксировать взгляд на рисунке с геометрическими фигурами на период от одной до пяти минут в зависимости от аранжировки эксперимента, затем он переводит взгляд на другой рисунок, и экспериментатор изучает последействие первого рисунка в восприятии второго. Но как мы отметили, эти последействия имеют природу торможения, и в соответствии с нашей теорией можно предположить, что экстраверты будут демонстрировать их сильнее интровертов. Однако здесь есть одно очевидное осложнение, которое может заметить придирчивый читатель. Испытуемый должен смотреть на рисунок в течение длительного периода времени; это действие требует концентрированного усилия, поэтому по нашей же теории можно предсказать, что включится торможение и затруднит непрерывную фиксацию взгляда испытуемого на рисунке. Он

может на секунду перевести взгляд на другой объект (конечно, непроизвольно и без намерения нарушить установку экспериментатора), изменить положение своего тела или допустить какого-либо рода непроизвольную паузу отдыха, в результате чего будет нарушена концентрация фиксированного взгляда на картинку, от чего зависит эффект последействия. Сила торможения, вызванная этим длительным процессом фиксации взгляда, должна быть сильнее у экстравертов, чем у интровертов и, соответственно, мы можем предположить, что они будут смотреть на первый рисунок менее фиксированно, чем интроверты. Это будет мешать накоплению насыщения, которое мы измеряем после перевода взгляда с первого рисунка на второй. Иными словами, здесь мы имеем дело с двумя противоположными эффектами. Первый из них, касающийся фиксации взгляда на первом рисунке, будет в пользу интровертов и позволит нам предположить, что у них будет более продолжительный эффективный период фиксации, а значит, последействие при взгляде на второй рисунок у них будет сохраняться дольше. С другой стороны, накапливание большего насыщения во время периода фиксации у экстравертов дает нам основание предположить, что у них будут более длительные визуальные последствия. В таком случае становится ясным, что результат может быть любым, а поэтому, исходя из нашей гипотезы, невозможно сделать какое-либо определенное предположение.

К счастью, эта ситуация не так безнадежна, как может показаться. Мы знаем, что процессы торможения, относящиеся к мускульным движениям, как, например, те, которые поддерживают фиксацию глаз на указанной точке в первом рисунке, подвержены некоему торможению, которое развивается гораздо медленнее, чем торможение, являющееся основой перцептивного насыщения, от которого зависит последействие фигуры. Соответственно, мы можем изменить наше предположение в сторону усложнения, сказав, что если период фиксации относительно непродолжителен, будет мало возможности для накопления мускульного торможения и насыщение станет главным определяющим фактором в продолжительности последействие фигуры. При этих условиях экстраверты должны показать более длительное последействие фигуры; именно о таком типе эксперимента я до сих пор и вел речь. Однако, если период фиксации будет значительно продлен, можно предположить противоположный результат: интроверты покажут большее последействие фигуры. При промежуточной длительности периода фиксации можно предположить перекрестный результат, когда обе группы покажут одинаковые результаты в одной точке. Таким образом, мы получили намного более сложное предположение, но в случае фактического подтверждения оно еще более усилит общую теорию, которую мы отстаиваем. Эффекты насыщения и торможения согласно теории более выражены у экстравертов, чем у интровертов. Соответственно времени насыщения и торможения последействие фигуры должно быть сильнее у экстравертов при коротких периодах фиксациях и продолжительнее у интровертов при более длительных периодах фиксации. На диаграмме подтверждаются предположения об изменения в параметрах в результате эксперимента с участием 24 невротичных экстравертов (истерики) и 24 невротичных интровертов (дистимики). На рисунке 12 показаны результаты эксперимента, проведенного специально для проверки этой более общей гипотезы.[1] На горизонталньной линии нанесены шесть применявшихся периодов фиксации, варьирущих от 15 до 210 секунд, а на вертикальной оси показаны величины последействий. Как видно, при коротких периодах фиксации экстравертированные группы показывают более высокие величины последействий; при длительности периода фиксации около 135 секунд появляется перекрестный результат; при более длительном периоде фиксации интроверты, как мы и предполагали, показывают более длительное последействие.

Я подробно остановился на проблеме экспериментальных сложностей, чтобы дать читателю представление о том, какие трудности возникают в процессе непосредственного подтверждения предположений, которые можно сделать на основании рассматриваемой нами теории. Конечно, подобные сложности встречаются и во всех других упомянутых мной эк-

[1] В эксперименте преимущественно применялись не визуальные, а кинестетические стимулы.

спериментах. Я преднамеренно воздержался от описания слишком большого количества деталей, поскольку это было бы уместно для учебника, а не для книги, ориентированной на широкий круг читателей.

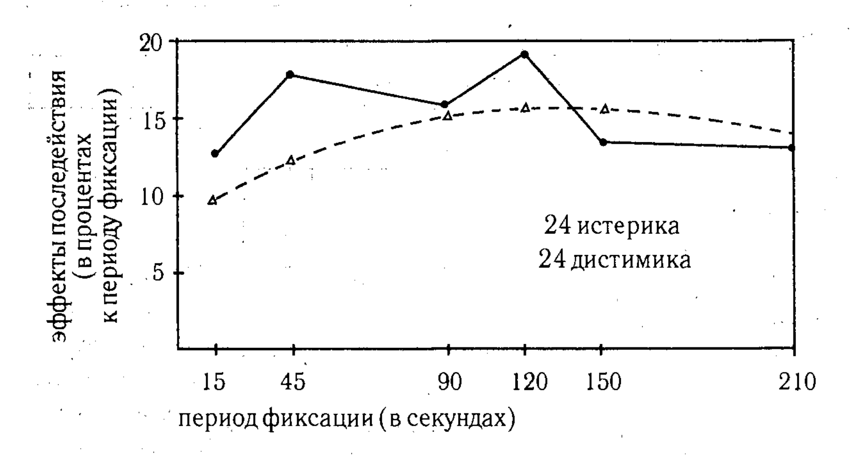

Рис. 12. Иллюстрация изменений в параметрах в результате эксперимента с участием экстравертов и интровертов

Как же теперь выглядит наша общая картина структуры личности? На рисунке 13 я попытался в общих чертах представить то, как мы можем рассматривать отношения между генотипным и фенотипным уровнями в развитии личности. Внизу — то есть на самом фундаментальном уровне из всех — находится теоретический блок, баланс возбуждение — торможение, или, если вам нравится, демон Айзенка. Он представляет собой органическую часть личности, поэтому я обозначил этот уровень буквами Ло. Этот теоретический блок баланса возбуждение/торможение должен соотноситься с генотипным аспектом личности, и именно его мы представляем как унаследованный по обычным линиям наследственности Менделя. Теоретический блок может быть воплощен в экспериментальный объект для наблюдения путем изучения способностей к обусловливанию, вигильности, реминисценции, продолжительности последействия фигуры и т.д. Естественно, ни одно из этих явлений не является точной единицей измерения возбуждения или тор-

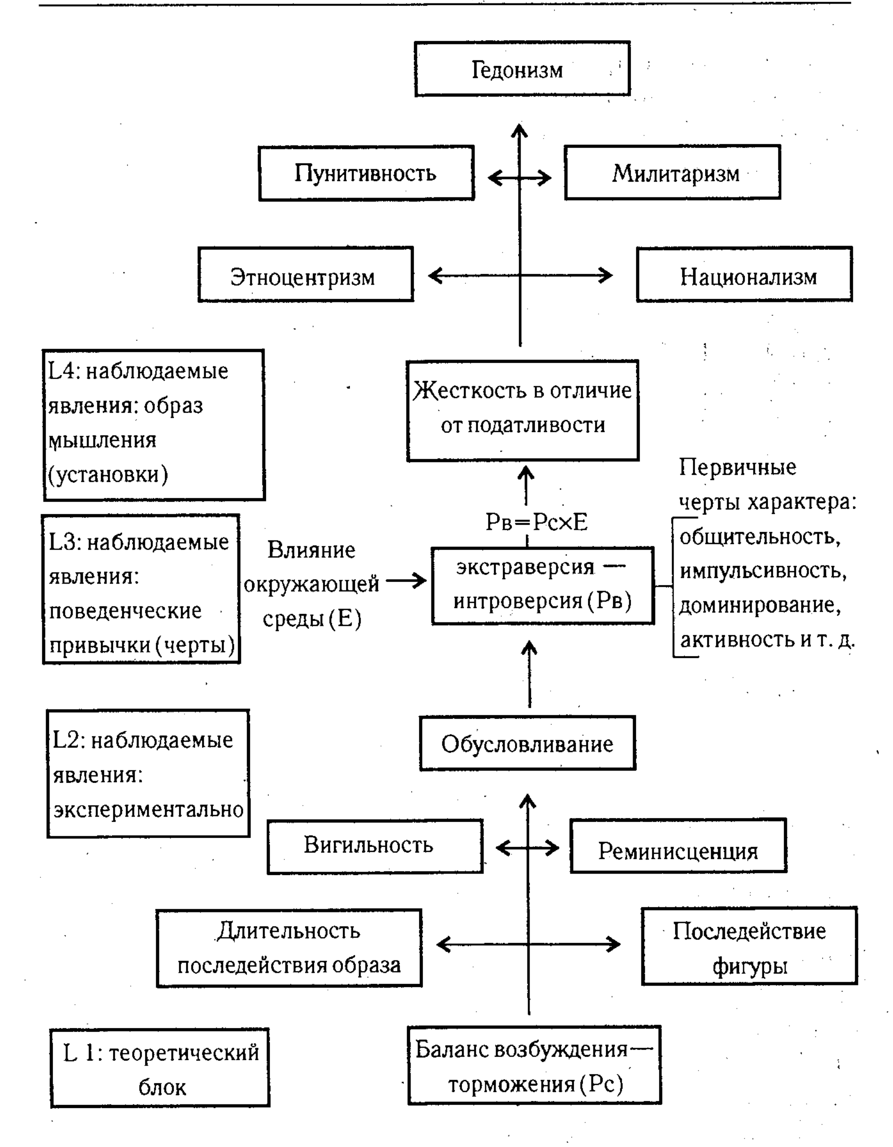

Рис. 13. Влияние наследственности и окружающей среды на личность

можения и, следовательно, невозможно принять их в качестве точных величин для измерения генотипа, который нас очень интересует. Однако все они в некоторой степени определены те-

оретическим блоком, нашим маленьким демоном, держащим левую или правую руку на рычагах возбуждения и торможения, и поэтому объемная совокупность этих различных тестов должна дать нам довольно хороший способ измерения для теоретического блока, или, если вам нравится, природы нашего демона.

Наш организм, снабженный конкретной генотипной структурой, встречается с определенным типом окружающей среды, затем взаимодействие среды и генотипа порождает фенотипную экстравертированность и интровертированность, а также различные первичные характеристики: общительность, импульсивность, доминирование, активность и т. д., которые в совокупности составляют это понятие. На схеме я представил это в виде уравнения: Рв = Рс × Е, то есть поведение личности равно органической личности, умноженной на окружающую среду. В этой формуле знак умножения, безусловно, не имеет никакого математического значения — он просто предполагает взаимодействие двух величин.

Первичные черты характера, определяющие экстравертированность и интровертированность, могут рассматриваться как привычки, а мы поднимемся на следующий уровень, который обозначен на диаграмме как L4. В нем представлены такой образ мышления, такие позиции, как жесткость и податливость, которые я упоминал раньше в связи с экстраверсией и интроверсией. Позиции жесткости выражаются в этноцентризме, враждебности, гедонизме, милитаризме и национализме. Они также представляются как результат взаимодействия генотипа с влиянием окружающей среды.

Внимательный читатель заметит, что в нашей схеме имеется явный разрыв между вторым уровнем — наблюдаемые (экспериментальное в лабораторных условиях) явления бдительности, обусловливания, реминисценции и т. д. — и третьим уровнем — наблюдаемыми привычками и чертами характера. Мы показали, что между ними действительно существует взаимосвязь в том смысле, что общительные, импульсивные, доминирующие и активные люди (иными словами, люди экстравертированного типа) проявляют определенные реакции в экспериментальных ситуациях: они плохо обусловливаются, демонстрируют низкую вигильность, короткое последействие образа, длительную реминисценцию и т.д. Но мы не предоставили причинную цепочку, которая помогла бы нам сделать вывод о существовании этих первичных черт, из того, что известно о балансе возбуждения и экспериментальных лабораторных явлениях, связанных с ним. К выполнению этого задания мы сейчас и приступим.

Давайте начнем с рассмотрения некоторых характеристик экстраверта, которые мы уже цитировали из работы Канта. По его мнению, темперамент сангвиника характеризуется «быстрым уставанием от монотонной работы». О холерике также говорится, что «он чрезвычайно активен, но непродолжительное время». Перефразировав эти умозаключения в термины черт характера, которые современные исследователи считают свойственными для экстраверта, можно сказать, что он неустойчив и беззаботен; он не может последовательно продолжать заниматься одной деятельностью длительное время, переключается на какое-либо другое занятие. Почему так происходит? Здесь взаимосвязь с нашим гипотетическим демоном, слишком сильно дергающим рычаг торможения, становится, несомненно, очевидной. Любая деятельность, которой начинает заниматься экстраверт, включает процесс торможения; оно накапливается вплоть до остановки деятельности — непроизвольной паузы, с которой мы ранее часто встречались. Если не наступает продолжительного отдыха, эта деятельность в конце концов будет полностью прекращена, и если у человека будет свобода выбора, он переключится на другой вид деятельности. В отличие от него интроверт, накапливающий меньше торможения в процессе работы, способен продолжать ее гораздо дольше.

Такое непостоянство экстраверта оказывает влияние на многие различные аспекты его жизни. Он склонен к смене места работы, своей профессии, переходу из одной фирмы в другую или из одного отдела фирмы в другой. Он может легко переехать из одного дома в другой, из одного района города в другой или даже уехать жить в другой город. Он любит ежедневно менять свои кулинарные пристрастия, часто переодеваться в «новенькое». Он склонен менять своих подружек, а позднее — развестись и сменить жену. Он совершенно не может долго пользоваться одной и той же машиной или постоянно видеть одни и те

же цвета или одну и ту же мебель в своем доме. Такое всеобъемлющее непостоянство, являющееся фундаментальной частью природы экстраверта, является прямым следствием мощного влияния силы торможения.

Просто удивительно, как малейшие изменения в графике могут сильно отразиться на эффективности учебного процесса для экстравертов. Вот один пример из клиники, в которую были направлены два подростка: один — ярко выраженный экстраверт, другой — интроверт. Оба были совершенно не способны научиться читать, и психолог должен был найти путь преодоления этой проблемы. Что касается интроверта, с ним особых трудностей не было: в его случае эта проблема была вызвана болезнями и пропусками занятий в школе, поэтому могла быть легко преодолена наставником. Что же касается экстраверта, то у него не было пропусков школьных уроков, и дополнительные занятия с наставником не имели никакого эффекта. Тогда для этого подростка была сформулирована гипотеза, состоявшая в том, что его проблема основывалась на быстро возраставшем торможении, вызванном формой преподавания. Было принято решение проверить эту гипотезу путем сокращения для него обычной длительности уроков наполовину. После каждого урока давалась оценка полученных им навыков. Такой же график был применен и для интровертированного подростка, и результат оказался довольно интересным. Для последнего длительность уроков не имела никакого значения. А экстраверт, не научившись ничему при обычной длительности уроков, показал хорошие результаты после сокращения длительности уроков наполовину, т. к. его торможение не достигало больших объемов. Это, конечно, простой пример, который не доказывает, что такой метод будет всегда продуктивен в подобных обстоятельствах, однако демонстрирует тип существующего различия между экстравертом и интровертом.

В связи с этим можно выделить еще одну характеристику в поведении экстраверта, часто проявляющуюся в различных ситуациях: и в повседневной жизни, и в лаборатории. Она заключается в вариативности показателей его деятельности. При планировании действий какого-либо человека на рабочем месте или в ходе эксперимента можно провести различия между людьми при определении их среднего уровня эффективности выполнения заданий. Предположим, вы замеряете время их реакций на какой-либо раздражитель. Испытуемый А имеет следующий временной ряд реакций в миллисекундах: 180, 184, 176, 181, 182, 178, 179; а испытуемый В показывает такие результаты: 200, 160, 175, 185, 210, 180, 150. Оба испытуемых имеют одинаковое среднее время реакции — 180, однако очевидно, что испытуемый А намного более последователен в своих реакциях, которые ни разу сильно не отклонились от среднего показателя, в то время как испытуемый В был очень вариативен — время его реакций изменялось от 150 до 210. Эта вариативность очень четко объясняется в терминах торможения и непроизвольных пауз отдыха. Вследствие непроизвольной паузы отдыха получается низкий, более длительный по времени результат, а сразу же после отдыха организм способен выполнять задание очень быстро, поэтому в записи получаются такие различные крайне низкие и крайне высокие результаты. Вернувшись к рисунку 10, читатель может увидеть, насколько заметной может быть такая разница. На представленных записях выполнения задания экстравертами и интровертами видно, что последние каждый раз показывают равномерные результаты с очень редкими отклонениями от среднего уровня, а первые, как говорится, «разбросаны везде». Тем не менее обе группы в среднем показали хорошую результативность в количественных показателях: между экстравертами и интровертами различий не имеется. Именно вариативность выполнения задания различает их, и эта вариативность, особенно характерная для экстравертов, непосредственно обусловлена их высоким уровнем торможения.

Существует еще один диапазон моделей поведения, который можно проследить исходя из постулированных нами различий в поведении демона Айзенка. Давайте рассмотрим какой-либо вид поступающей сенсорной стимуляции. В соответствии с нашей гипотезой этот демон может либо усиливать такую поступающую стимуляцию и способствовать ее прохождению, либо действовать в режиме торможения и подавлять уровень стимуляции, поступающей в кору головного мозга. На основе этой простой гипотезы можно сделать много выводов. Представим, что индивидуумы получают очень сильный, болезненный раздражитель, но имеют мотивацию постараться выдерживать это

как можно дольше. Можно предположить, что экстраверт будет терпеть боль дольше, чем интроверт, потому что, несмотря на одинаковую величину наносимой боли, ощущаемая боль для экстраверта будет намного меньше благодаря действиям демона Айзенка по ее подавлению и торможению. И наоборот, испытываемая интровертом боль будет больше, т. к. демон будет предпринимать действия по ее возбуждению и облегченному поступлению. Это предположение легко проверяется с помощью тестов, и между группами экстравертов и интровертов в результате были выявлены большие различия, подтверждающие его.

Можно сделать абсолютно противоположное предположение в отношении условий сенсорной депривации. Такие исследования привлекли большое внимание в последние годы, что, возможно, объясняется их связью с пребыванием космонавтов в космическом пространстве и их ощущениях. В типичном эксперименте подобного рода испытуемый в одиночку помещается в маленькую закрытую комнату; на глазах у него повязка, в ушах — затычки из ваты, и к тому же комната, в которой он находится, звукоизолирована. Вокруг его рук закреплены картонные чехлы, чтобы он не мог ничего ощущать. Так в одиночестве он проводит несколько дней подряд. В некоторых экспериментах применяется еще более строгий режим — испытуемого погружают под воду, имеющую температуру тела, его дыхание обеспечивается через приемный патрубок, и он оказывается изолированным от любых сенсорных сигналов. Не многие люди могут длительно выдерживать такие условия, а отсутствие стимуляции может быть столь же болезненным, как и значительный уровень физической боли. Мы можем предположить, что интроверты будут способны гораздо лучше переносить такие условия сенсорной изоляции, потому что даже при минимальном поступлении стимуляции, если она вообще будет, они получат ее, в то время как экстраверты получат намного меньше даже от минимальной стимуляции вследствие тормозящей активности их центральной нервной системы. Это предположение также подтвердилось несколькими различными исследованиями.

Мы можем даже расширить такое наше понимание, выдвинув постулат о том, что экстраверт испытывает то, что называется «жаждой раздражителя», то есть желание получить сильную сенсорную стимуляцию. Подобное желание намного меньше выражено у интроверта. Кроме того, мы можем сделать другие заключения, проверяемые экспериментально. Можно, например, предположить, что экстравертам нравятся громкие звуки, джаз и яркие цвета; их притягивает алкоголь и наркотики; они много курят, склонны к внебрачным связям и нетрадиционным видам сексуальной активности. В действительности имеется много фактов, подтверждающих, что это в самом деле так. Например, после тестирования матерей-одиночек оказалось, что большинство из них — ярко выраженные экстраверты. Другое исследование показало, что существует почти прямая зависимость между степенью экстравертности и количеством выкуриваемых сигарет.

Было также выявлено, что среди пьющих людей гораздо больше экстравертов, чем среди трезвенников. Исследования по определению эстетических предпочтений показали, что экстраверты действительно предпочитают картины с яркими красками, в отличие от интровертов, которым больше нравятся старомодные картины пастельных тонов. Высокая степень общительности, столь характерная для экстраверта, по-видимому, также определяется этой жаждой раздражителя; ведь большую часть стимуляции мы получаем из общения с другими людьми, а общеизвестная тенденция интроверта устроиться поудобнее наедине с хорошей книгой совсем не подходит экстраверту, который так нуждается в веселой попойке!

Между тем одна из важнейших цепочек аргументов, относящихся к генотипному и фенотипному уровням, основывается на процессе обусловливания (приобретения условных рефлексов). Поскольку этот вопрос будет подробно рассматриваться ниже, сейчас я только кратко остановлюсь на нем. Мы исходим из понимания, что большинство нервных расстройств, особенно беспокойства, фобии или навязчивые привычки, характерные для многих наших пациентов, являются фактически не чем иным как условными эмоциональными реакциями, приобретенными в процессе обычного обусловливания, описанного Павловым. Учитывая это, а также тот факт, что все травмирующие и болезненные события повседневной жизни, представляющие собой безусловные раздражители в этом процессе, распределяются

приблизительно одинаково среди всего населения, мы можем предположить, что люди, поддающиеся обусловливанию легче (интроверты), будут больше страдать от различных видов нервных расстройств. В настоящее время имеется настолько много доказательств верности этого предположения (что интровертированность, обусловливание и тревожность, фобии и навязчивые привычки соединяются в людях), что вряд ли есть необходимость обосновывать это документально.

Таким же образом далее будет показано, что принцип обусловливания Павлова лежит в основе так называемого процесса социализации, посредством которого общество навязывает детям и подросткам модель поведения, которая, по его мнению, необходима для выживания. Эта модель, конечно, включает различные виды поведения, начиная от первоначального обучения мочиться и испражняться в горшок, а не в одежду или кровать, до более важного понимания этических и моральных норм поведения в соответствии с требованиями закона: исключение агрессивного поведения, открытых сексуальных домогательств и т.д. и т.п. Если способность к обуловливанию определяет степень нашего восприятия этих моральных норм, можно предположить, что те, кто не смог воспринять их (несовершеннолетние преступники, криминальные элементы, психопаты, моральные имбецилы и подобные им типы), должны быть в основном экстравертными и трудно поддающимися обусловливанию. И это предположение опять-таки подтверждается многими свидетельствами. На рисунке 14 представлены результаты анкетных опросов различных типов людей с нервными заболеваниями и криминальными наклонностями. Как видно, в соответствии с предположением склонные к совершению преступлений и психопатические группы характеризуются высокой эмоциональностью и экстравертированностью, в то время как группа невротиков показывает высокую эмоциональность и высокую же интровертированность. Диаграммой я заканчиваю сейчас обсуждение этого вопроса, но, как говорилось раньше, он будет детально рассмотрен ниже.

Итак, мы обрисовали приблизительный портрет демона Айзенка и виды его действий в центральной нервной системе, а также попытались проследить цепочку между этими действиями и обычным повседневным поведением людей, в которых он обо-

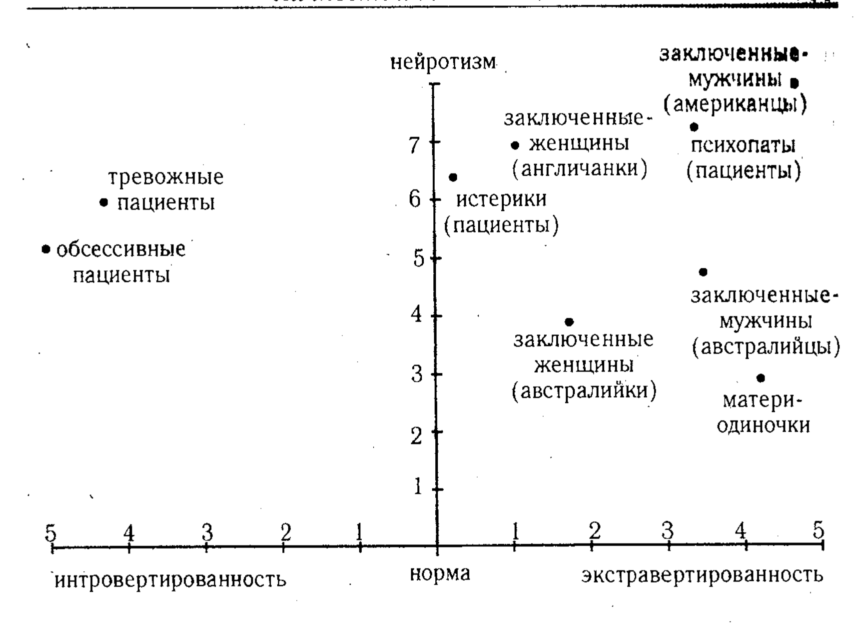

Рис. 14. Результаты анкетирования различных групп с нервными расстройствами и разных криминальных групп в отношении невротизма и экстравертированности — интровертированности

сновался. Можем ли мы теперь попробовать определить местонахождение и имя демона? Я попытаюсь сделать это, но хочу предупредить читателя, что мы сейчас находимся на довольно опасной и спорной позиции, поскольку в настоящее время проводится много исследований по физиологическому изучению обсуждаемых мной структур, поэтому то, что я говорю сегодня, скоро может устареть. И все-таки, постоянно осознавая эту опасность, давайте посмотрим, сможем ли мы опустить этого демона к земле ближе, чем делали это до сих пор?

Давайте кратко рассмотрим структуру центральной нервной системы. Прежде всего, она включает длинные нервные каналы, передающие информацию о состоянии внешнего мира от рецепторов к мозгу. Во-вторых, это ряд длинных моторных каналов, соединяющих мозг с мускулами и приводящих их в движение в соответствии с полученной по сенсорным каналам информацией. Однако в дополнение к этим двум простым подсистемам в последние годы добавилась еще одна структура, так называе-

мая восходящая ретикулярная формация (сетевидное образование), расположенная в стволе мозга и его нижней части. Эта ретикулярная формация может рассматриваться как канал для прохождения импульсов, который является вспомогательным для классических длинных центростремительных каналов. В то время как импульсы, передаваемые по этим классическим каналам, в основном стараются донести подробную сенсорную информацию, другие импульсы, двигающиеся через ретикулярную формацию и переработанные (конкретизированные) ею, стараются избежать способствующего и подавляющего эффектов, которые могут направить передачу этих импульсов через другие центры. На рисунке 15 в общем плане показано, как это происходит. Ретикулярная формация (РФ) представлена в виде альтернативного канала для импульсов, поступающих от рецепторных органов в кору головного мозга. Импульсы, двигающиеся в кору головного мозга по классическим центростремительным каналам (Цс), также поступают в ретикулярную формацию через вспомогательные нервные волоконца из центробежных каналов, превращаясь в импульсы, которые не только направлены в определенную зону коры головного мозга, куда ведет центробежный нерв, но могут также быть направлены диффузно по всей ширине зоны коры головного мозга.

Эти импульсы из ретикулярной формации очень важны. Так, было установлено, что поступления специфичных сенсорных импульсов в мозг недостаточно для сознательного восприятия данных импульсов без активности со стороны ретикулярной формации. Поэтому особенно важно отметить, что бессонница не может поддерживаться без целостности ретикулярной формации ствола мозга, так как при ее отсутствии активация не будет продолжаться дольше, чем фактический раздражитель. Таким образом, ретикулярная формация выполняет своего рода пробуждающую функцию, которая может быть довольно тесно соотнесена с понятием возбуждения, о котором шла речь выше.

Однако некоторые участки ретикулярной формации также оказывают активное тормозящее влияние. Особенно это касается участка ретикулярной формации, известного под названием «рекрутирующая система». Действие этой системы в значитель-

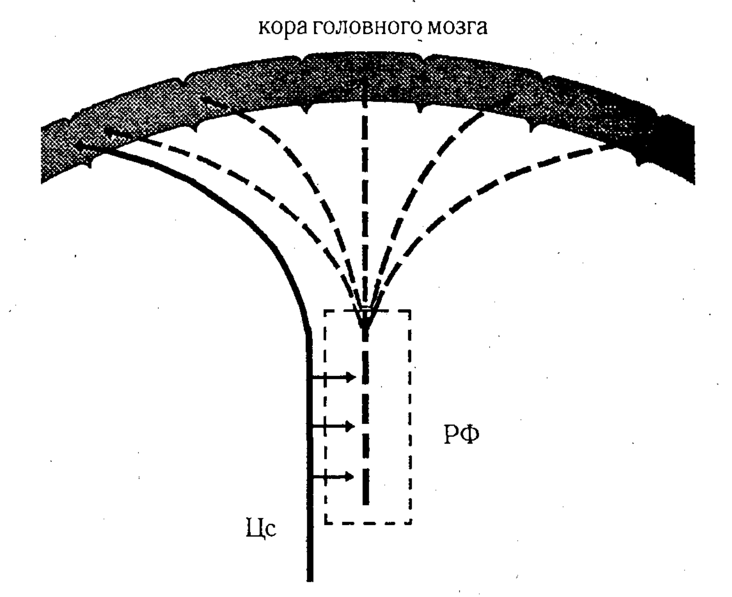

Рис. 15. Схематическое представление восходящей ретикулярной формации (РФ)

ной степени соответствует тому, что до сих пор называлось торможением. Таким образом очевидно, что ретикулярная формация оказывает на импульсы как подавляющее, так и усиливающее влияние, что очень похоже на действия нашего гипотетического демона. На рисунке 16 представлена общая схема различных частей ретикулярной формации. Обобщая всю эту информацию, мы можем предположить, что очевидна вероятность наличия в центральной нервной системе определенных структур, различных частей так называемой восходящей ретикулярной формации, которые, по-видимому, выполняют функции, приписывавшиеся нами ранее соответственно правой и левой рукам нашего демона. Поэтому теперь мы можем предоставить отпуск этому очень полезному маленькому гомункулу, провожая его с благодарностью и передавая его функции гораздо менее эфемерным, более явственным физическим структурам, которые можем обнаружить в нашей нервной системе. По всей видимости, мы имеем здесь дело с точкой взаимодействия между поведением в широком психологическом смысле и физиологической и неврологической активностью, по-

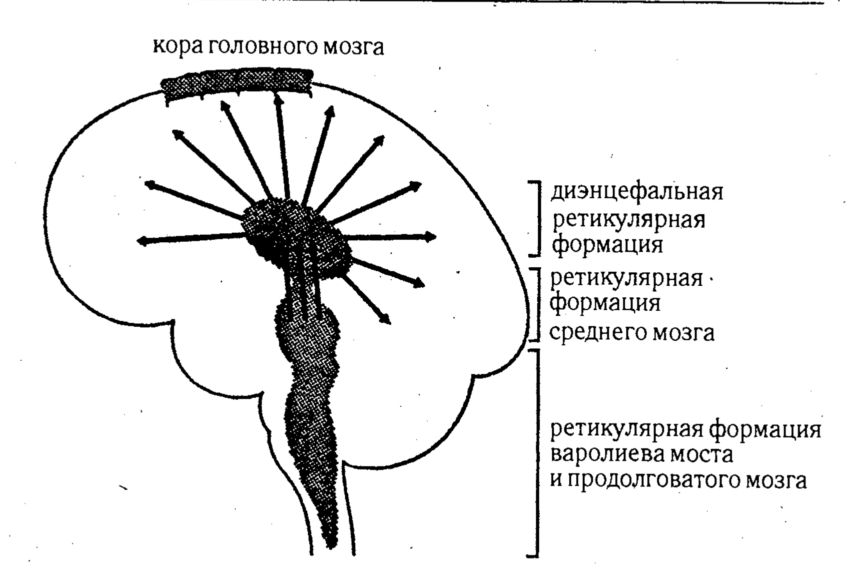

Рис. 16. Схема точного расположения различных частей ретикулярной формации в мозгу

этому есть основания предположить, что эти части личности, соотносимые с экстравертированным и интровертированным поведением, могут обнаружить свое происхождение именно в этой структуре.

Имеются ли более прямые доказательства существования такого рода связи между ретикулярной формацией и личностью? Одна из удачных попыток получения этих доказательств состояла в исследовании воздействия медицинских препаратов на центральную нервную систему. Хорошо известно, что так называемые стимулирующие и успокоительные препараты (например, алкоголь и барбитураты — успокоительные; амфитамин и кофеин — стимулирующие) оказывают непосредственное воздействие на различные части ретикулярной формации; таким же постулатом является факт, что успокоительные препараты оказывают экстравертивный эффект, увеличивая силу торможения и уменьшая силу возбуждения, а стимулирующие дают интровертивный эффект, снижая торможение и повышая возбуждение. Но справедлив ли этот постулат в действительности?

Существует много доказательств тому, что мы можем сместить позицию какого-либо человека на континууме экстравертированность/интровертированность при помощи препаратов. Это можно подтвердить следующим образом. Давайте возьмем один из описанных нами ранее тестов, в котором показывается разница в результативности исполнения между экстравертами и интровертами, и применим его к группе людей, которым дали принять псевдотаблетки, не оказывающие никакого фармакологического эффекта на результативность их действий. Мы будем использовать эту группу в качестве контрольной, поскольку часто обнаруживалось, что просто прием фиктивных препаратов оказывает некоторый эффект на результативность и чувства отдельных испытуемых — так называемый «эффект плацебо», — что, по-видимому, объясняется их предрасположенностью и обусловливанием. Кроме контрольной, у нас есть еще две группы, одной из которых дали принять стимулирующий препарат, а другой — успокоительный. Теперь предложим этим трем командам выбранный нами тест, предполагая, что группа, принявшая стимулирующий препарат, будет показывать результативность, близкую к результативности группы интровертов, а группа, принявшая успокоительный препарат, будет действовать, как группа экстравертов. Контрольная группа «с эффектом плацебо» будет, конечно, нейтральной и окажется между двумя другими по результативности.

Имеется много свидетельств, что именно так и происходит в действительности. Стимулирующие препараты дали в общем возбуждающий эффект, а успокоительные — эффект торможения. Можно привести самый простой пример: после тестов на обусловливание неоднократно обнаруживалось, что оно улучшается и облегчается стимулирующими препаратами и снижается и затормаживается успокоительными препаратами. Практически все тесты, описанные в первой главе этой книги, были проведены с применением препаратов, и их экспериментальные результаты полностью подтвердили наши предположения. Это значительно укрепляет наше убеждение в том, что ретикулярная формация действительно является физиологической и неврологической основой моделей фенотипного поведения, кото-

рые мы определили как экстраверсию и интроверсию, что может использоваться нами как удобное средство для управления поведением.

Рассмотрим один из двух видов применения описанных выше принципов в решении практической проблемы. Предположим, что мы имеем дело с людьми, демонстрирующими модели крайне психопатического или криминального поведения, которое стало настолько недопустимым, что уже требуются соответствующие действия правоохранительных органов. В соответствии с обсуждавшимся выше мы можем предположить, что перед нами экстравертированные личности, и по крайней мере частичное решение этой проблемы может быть найдено, если мы сместим их позицию на континууме в направлении интровертированности. Для этого мы можем посоветовать им прием определенного количества стимулирующих препаратов. Но поможет ли это на самом деле?

Рассмотрим эксперимент, проведенный в специальной школе для несовершеннолетних негритянских преступников. Некоторым из них давали стимулирующие препараты, другие их не принимали. В результате оказалось, что последние, контрольные испытуемые, проявили стабильное усиление симптомов в процессе учебы, а принимавшие стимулирующие препараты показали значительное снижение симптомов. В это исследование была, кроме того, включена группа, принимавшая псевдотаблетки, и подростки, получавшие такие плацебо-препараты, также показали снижение симптомов, которое не могло быть обосновано воздействием каких-либо препаратов. Впоследствии было решено повторить этот эксперимент при усовершенствованных условиях контроля. Результаты этого исследования представлены на рисунке 17. Итак, имеется три группы: контрольная группа, которая не получает никаких лекарств, плацебо-группа (т.е. подростки, получавшие псевдотаблетки) и медикаментозная группа, получавшая стимулирующий препарат под названием декстроамфитамин. Он принимался в увеличивавшихся дозах с 40-го по 100-й день эксперимента, как показано на черной диаграмме в низу графика. Поведение подростков оценивалось независимыми экспертами, которые не знали, кто из подростков принимал пре-

параты, и каков был тип этих препаратов. Эксперимент начался с периода наблюдения, затем последовал прием препаратов и в конечной стадии — прием препаратов прекратился, а наблюдение продолжалось. Как видно, в начале периода приема препаратов наблюдается общее улучшение результативности во всех трех группах, объясняемое, вероятно, тем фактом, что эксперимент проводился с мальчиками, и они определенным образом реагировали на общественную атмосферу. Однако очень скоро контрольная и плацебо-группы вернулись к своему прежнему уровню отклонений в поведении, в то время как медикаментозная группа продолжала улучшаться и к концу периода приема препаратов их оценочная величина симптомов была вдвое меньше, чем у контрольной и плацебо-групп вместе взятых. После завершения периода приема препаратов медикаментозная группа показывает постепенное возвращение к своему исходному уровню, но все-таки остается несколько ниже него. Этот эксперимент типичен для всех подобных исследований с применением амфитамина в таких ситуациях, где быди получены аналогичные и даже более убедительные результаты. Теперь не остается сомнений относительно того, что поведение человека может контролироваться с помощью медицинских препаратов, что этот контроль эффективно реализуется с учетом общих теоретических положений, представленных в данной главе.

А теперь пришла пора суммировать наши основные изыскания, прежде чем перейти к некоторым другим темам, которые меньше связаны с действиями нашего маленького демона. Мы показали, что значительная часть поведения, образующая понятие личности, может быть описана в терминах двух основных измерений (или факторов, осей, континуумов): один из них — экстраверсия — интроверсия, другой — эмоциональность, или невротизм, как противопоставление стабильности или нормальности. Оба эти измерения независимы от интеллекта. Мы также показали, что они в значительной степени предопределяются факторами наследственности, и вывели постулат о том, что эта предопределенность должна иметь некую основу в нервной системе индивидуумов. И, наконец, мы попытались показать, что такая основа действительно может быть обнаружена и скорее всего будет

ассоциирована с так называемой восходящей ретикулярной формацией, и что мы можем использовать стимулирующие и успокоительные препараты для изменения поведения этой формации и изменять таким образом положение человека на континууме экстраверсии — интроверсии в любом нужном нам направлении. В следующих главах мы попытаемся на практике применить некоторые из этих знаний, полученных с целью использования в изучении причин и лечении невротических расстройств, преступных наклонностей, тенденций к совершению несчастных случаев и самоубийств, а также различных других отклонений.

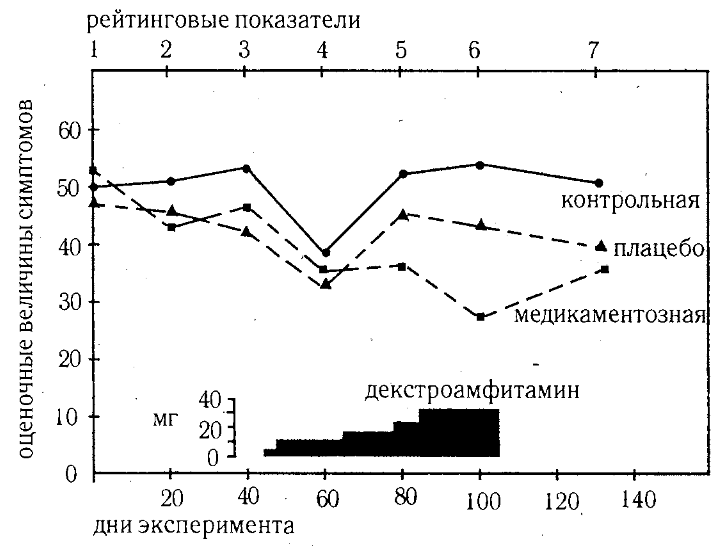

Рис. 17. График результатов эксперимента с применением стимулирующего препарата для несовершеннолетних преступников

III. Маленький Ганс или маленький Альберт?

В современной психологии имеются две хорошо известные концепции, которые могут рассматриваться почти как парадигмы для двух контрастных путей, направленных на понимание поведения человека. Это концепция «маленького Ганса» и концепция «маленького Альберта». Первая отражает подход Фрейда и в целом психоаналитиков, вторая — точку зрения Павлова и бихевиористов. Этот контраст пронизывает всю современную психологию и распространяется на другие области знаний, такие как, например, антропология, социология, литература и интерпретация истории. Здесь мы будем иметь дело с той формой, которую этот конфликт приобрел в области невротического поведения и в особенности в случаях такого поведения, соответственно представленных в постулатах этими двумя школами.

В данной главе рассматривается тема невроза. Это слово сейчас у всех на устах, и в отношении него существует столько же неверной информации, как и в отношении любой другой концепции. Известные психиатры заявляют, что мы все невротичны, что половина пациентов, обращающихся к практикующим врачам, страдают не только от физических недугов, но и от неврозов, и что количество случаев неврозов резко увеличилось за последние сто лет (вполне возможно, как следствие ускорения темпа жизни). По их мнению, неврозы являются следствием давно забытых событий в раннем детстве и могут быть излечены только

путем «раскрытия» этих давних комплексов; что таким образом с помощью психоанализа можно добиться самых чудесных изменений личности. Любое из этих утверждений, либо все они могут быть верными, но когда мы просим представить для них доказательства научного характера, оказывается, что таковых не существует. Иными словами, в этой области мы имеем дело с теориями, гипотезами, интуитивными предположениями, догадками, точками зрения, убеждениями, часто выражаемыми с упорством и большой энергией, но тем не менее не основанными на неопровержимых доказательствах. В фильмах, романах, пьесах и других произведениях массовой культуры представлена совершенно ошибочная картина в отношении этой концепции, в которой утверждается, что некоторые теории о причинах невроза были фактически проверены научными экспериментами, и что некоторые методы лечения оказались эффективными. Это не соответствует действительности, и в тех моментах, где эксперты расходятся во взглядах, даже непрофессионал может легко изучить имеющиеся доказательства, прежде чем принимать на себя какие-либо обязательства.

Такие разногласия среди специалистов распространяются даже на само определение термина «невроз». Большинство из них признают, что оно должно быть связано с эмоциональными реакциями человека, не умеющего приспосабливаться к окружающей среде, однако сверх этого даже самые элементарные аспекты вызывают споры. Так, многие психиатры считают, что неврозы и психозы — это совершенно отдельные и несопоставимые типы умственного расстройства: первые, характеризующиеся эмоциональными реакциями, не предполагают неспособности пациента понимания сути своего состояния или определения его как «душевнобольного» в юридическом смысле, в то время как вторые, характеризующиеся маниями, галлюцинациями и другими умственными расстройствами, приводят к освидетельствованию и госпитализации. Другие же психиатры оспаривают такое разделение и заявляют, что неврозы, как накопители стрессов, могут перерасти в психозы, и что эти оба типа расстройств в любом случае вызываются тождественным набором причин.

Споры также ведутся по поводу подразделения неврозов на такие расстройства, как тревожность, истерия, фобия, обсессии и компульсии или психопатия; под сомнения ставятся не только используемые на практике диагнозы и их определения, но и способность психиатров согласованно и последовательно применять их. Несколько экспериментальных исследований показали, что когда различных психиатров одной и той же больницы просили независимо друг от друга дать диагнозы ряду невротических пациентов, между ними наблюдались почти такие же разногласия, как и между специалистами различных клиник; этот факт неизбежно вызывает вопрос о практической пользе используемых «ярлыков». Даже различия между неврозами и психозами не выявлены с полной ясностью — разногласия здесь встречаются чаще, чем совпадения позиций. Далее мы увидим, что в этой области догматические утверждения, даже сделанные специалистами, не должны приниматься на веру безоговорочно; в каждом случае мы должны потребовать предъявить доказательства, а затем решать, достаточно ли их для того, чтобы признать какое-либо заключение обоснованным. Несмотря на такое состояние дел, а, вероятно, и благодаря ему, можно наблюдать, что многие специалисты адаптировались к какой-либо позиции — они без всякой критики и сомнений следуют одной из противоборствующих сторон, не оглядываясь ни направо, ни налево, повторяя про себя знаменитый лозунг военных времен: «Не сбивайте меня с толку фактами, я свой выбор сделал!». По словам одного известного ученого-социолога, такая установка привела к преждевременному становлению ложного учения, столь характерного для этой области познания.

Как же тогда быть в отношении определения неврозов? А может быть, мы не с того начали? В науке широко принятые определения естественных явлений обычно не формулируются до того, как получено достаточно современного понимания их причин. Слона легче описать и признать, чем дать ему определение, поэтому, может быть, лучше начать с описания некоторых типов поведения, которые многие люди единодушно считают действительно невротическими. Удобно будет взять для начала так называемые фобии, поскольку в них воплощены некоторые крайне очевидные аномалии. Невротические недуги, вызванные сильным, необоснованным страхом перед некоторыми вещами, ме-

стами, личностями или животными, обычно называются «фобиями»; открытые места, высоты, небольшие замкнутые помещения, пауки, змеи — это одни из наиболее частых объектов подобных интенсивных и вполне беспричинных страхов. Но для пациента с фобией объектом страха может быть буквально все; для постановки диагноза требуется лишь наличие сильного, необоснованного страха. Пациент, конечно, осознает тот факт, что его страх не имеет обоснованной причины — он полностью понимает, что его поведение является ненормальным и необоснованным. Тем не менее он совершенно не способен преодолеть свою боязнь, хотя во многом это мешает ему вести нормальный образ жизни. Таким образом, насколько иногда комично звучит название фобии, настолько печальной и трагической является реальность, особенно для страдающего от нее человека. Вследствие невозможности для пациента оказаться на открытом пространстве, в замкнутом помещении или выше уровня земли, его фобия не позволяет ему выполнять некоторые виды работ и ограничивает его личную жизнь, ибо все должно быть предусмотрено для предотвращения возникновения у него страха.

То же самое справедливо в отношении симптомов обсессий и компульсий, которые также отличаются поразительным разнообразием. Такой пациент может испытывать потребность мыть руки пятьдесят раз в день, необходимость дотрагиваться до каждой двери, мимо которой он проходит, или наступать на каждую трещину на асфальте при ходьбе. С другой стороны, он может повторять выполнение одной и той же работы три или четыре раза, чтобы удостовериться, что он не сделал никакой ошибки — он вынуждает себя делать это, хотя отлично знает, что все сделано безошибочно. Такой пациент обычно понимает, что его поведение необоснованно и неоправданно, но ничего не может с собой поделать — иногда кажется, что им движет нечто такое, что сильнее его воли, а иногда даже его инстинкта самосохранения. В жизни это приводит к катастрофам: из-за такого странного поведения его могут уволить с работы, от него может уйти жена, но он не сумеет заставить себя это прекратить.

Тревожность является главным видом из всех распространенных невротических расстройств, которые часто сопровождаются

депрессией. Беспокойство может быть связано с реальными проблемами, например, войной, «бомбой», трудностями с работой, финансовыми затруднениями, проблемами сексуального характера или семейными неурядицами, но для невротической тревожности характерно то, что она намного превышает реальное значение проблемной ситуации. Бояться «бомбы» естественно, но неестественно впадать в такое состояние, когда действительный взрыв бомбы становится для человека почти высвобождением от невыносимого напряжения и беспокойства. Довольно часто тревожность порождает порочный круг, когда небольшое огорчение приводит к преувеличенному беспокойству, делающему, в свою очередь, индивидуума неспособным справиться с возникшей ситуацией, которая еще больше ухудшается, приводя к большему беспокойству, и т.д. Позже мы рассмотрим фактические механизмы, являющиеся причиной таких взаимных действий, а сейчас нам нужно только отметить тот факт, что беспокойство — это очень разрушительная эмоция, которая в излишке может быть крайне болезненной и действительно невыносимой: многие люди предпочитают совершить попытку самоубийства, чем продолжать жить тем же образом. Бесчувственные и бессострадательные люди часто обзывают невротических больных «симулянтами», которые пытаются увильнуть от своей работы, но никто мало-мальски знакомый с жестоким страданием, которое испытывают невротические пациенты, не будет высказывать такое мнение.

Реактивная депрессия, называемая так для отличия от эндогенной депрессии, являющейся беспричинной и психотической болезнью, представляет собой другой, часто встречающийся невротический симптом, который обычно сопровождается тревожностью. Она называется реактивной, поскольку представляет собой обоснованную реакцию на некоторые внешние события, как, например, потерю близкого родственника. Она считается невротичной, так как протекает намного острее и длительнее, чем у обычных людей. Депрессия, как и тревожность, представляет собой излишнюю эмоциональную реакцию; в отличие от тревожности, которая направлена вперед и связана со страхами о будущем, депрессия обращена назад и связана с печальными ассоциациями в прошлом. Различия между ними, по-видимому,

менее важны, чем сходства — оба эти состояния обычно обнаруживаются вместе в одном человеке; в природе они редко наблюдаются четко разделенными, как это представлено в учебниках по психиатрии. Нередко они сопровождаются чрезмерной усталостью и утомленностью. Это иногда объясняют «расходованием нервной и эмоциональной энергии», вызванным беспокойствами, страхами и депрессией пациента — по аналогии с физическими принципами «экономии энергии», которые не имеют большого научного значения. Другими распространенными факторами всех этих симптомов являются чрезмерная озабоченность этическими и религиозными проблемами, постоянная интроспекция и самоанализ, чувства вины и никчемности. Такое сочетание невротических симптомов можно назвать «неврозы первого типа»; недавно для этого стал широко использоваться другой термин — «дистимия». Он подчеркивает, что здесь мы имеем дело с глубокой дисфункцией в настроении человека, неисправностями в работе его эмоционального аппарата. Ниже мы увидим, что существуют также «неврозы второго типа», характеризующиеся преимущественно отклонениями в поведении. О них сейчас и пойдет речь.

Некоторые невротики выглядят довольно свободными от тяжелого бремени беспокойства, страха и депрессии, характерных для дистимиков, хотя их беспокойства кажутся такими же реальными и тягостными. Кроме всех других в эту группу входят истерики и психопаты. Оба эти термина используются во многих различных значениях, но, по-видимому, существует общий набор симптомов и характеристик личности в каждом случае определения таких диагнозов у пациентов. Истерики чаще страдают от недугов явно органического характера: потеря чувствительности в конечностях, потеря зрения или слуха, паралич, ослабление памяти; при проведении соответствующего медицинского обследования не обнаруживается никакой физиологической или иной причины. Иногда о таких пациентах говорят, что они «преобразовали» эмоциональный конфликт в физический симптом. Так, солдат, испытывающий страх перед боем, может «преобразовать» его в некий физический недуг, который позволяет ему удалиться с поля боя. Поэтому не удивительно, что он потом смотрит на свой физический недостаток с тем «веселым безразличием», которое, как считается, является распространенным признаком истерии. Однако в таких случаях также будет несправедливо заявлять, что эти люди являются простыми симулянтами — истериков расстреливали как симулянтов, не обращая внимания на их симптомы, чтобы версия об их «притворстве» никем не подвергалась сомнению. Многие специалисты считают, что истерики имеют свои характерные черты личности: импульсивность, модели «актерского» поведения, тенденцию к изменчивости и непостоянству, недостаток моральных принципов поведения и ответственности, которые в легких случаях могут быть единственными присутствующими симптомами.

Психопаты — это люди, не демонстрирующие никаких симптомов в обычном смысле, но их поведение в целом таково, что вовсе не может быть объяснено в терминах поведения обычных людей. Они — «морально помешанные», хотя обладают стандартным или даже повышенным интеллектом; они как будто не способны оценивать последствия своих действий и ведут себя асоциальным образом, несмотря на угрозу наказания. Они предпочитают лгать, нежели говорить правду, даже в тех случаях, когда не извлекают из этого никакой пользы, а ложь их наверняка будет раскрыта, и они понесут за это наказание. Невзирая ни на какие последствия, моментальный импульс для них превыше всего; они не испытывают никаких чувств по отношению к другим людям, не принимают во внимание их права и не чувствуют за собой никакой вины перед обществом, когда привлекаются к ответственности. Из-за стремления значительно преувеличивать социальную природу своих проблем этих людей иногда называют «социопатами»; обществу они приносят столько же беспокойств, сколько и лечащим их психиатрам. Они часто оказываются преступниками, но это бывает не всегда — изучение историй болезни показывает, что психопат может годами жить за счет женщин, соблазняя их, привязывая их к кровати и избивая кнутом, причем ни одна из женщин при этом не обращается в полицию. С другой стороны, преступники отнюдь не поголовно, и даже не регулярно, оказываются психопатами. Мы вернемся к этой проблеме позже, когда придем к пониманию причин психопатического поведения.

Неврозы второго типа во многих отношениях отличаются от неврозов первого типа, особенно отсутствием долговременных эмоциональных реакций, беспокойства и депрессий. Почему же мы называем оба эти типа симптомов «неврозами»? Конечно, на это имеются исторические причины: психиатры всегда были склонны обосновывать подобные реакции одной концепцией. Но имеются также экспериментальные основания. Когда мы проводим различные тесты по определению типа личности с такими пациентами, обладающими различными типами реакций, выяснилось, что все они отличаются от нормальных людей в одном и том же отношении: невротики и первого, и второго типа демонстрируют единообразие реакции, что означает наличие схожих первопричин в основе внешнего разнообразия их реакций. И мы можем получить ключ к пониманию природы первопричин, установив, что истерики и психопаты похожи на других невротиков проявлением аналогичных чрезмерных эмоциональных реакций, которые отличают их от пациентов, страдающих тревожностью, депрессиями и фобиями. Другие сходства и различия будут объяснены ниже.

Неврозы первого типа иногда называются *проблемами личности*, а неврозы второго типа — *проблемами поведения*. Оба типа могут наблюдаться как у детей, так и у взрослых, причем в этом ребенок может рассматриваться как будущий взрослый, ибо модели поведения взрослого человека могут быть с определенной степенью точности предсказаны по поведению ребенка. Рассмотрим рисунок 18, на котором отражено распределение большой группы детей с различными проблемами личности и поведения. Диаграмма основана на детальном статистическом анализе и составлена таким образом, чтобы характеристики, обнаруживаемые вместе в одном и том же ребенке, были размещены рядом, а характеристики, редко обнаруживаемые вместе в одном ребенке, помещены дальше друг от друга. Так, «рассеянный» мальчик почти всегда будет «чувствительным», «неумелым» и с полным «комплексом неполноценности».

«Непослушный» ребенок наверняка будет «деструктивным», «грубым» и «эгоцентричным». Ребенок, который ворует или прогуливает уроки, редко оказывается мечтательным или замкнутым. Дети первого типа, то есть имеющие проблемы личности, являются в основном интровертами, а дети с проблемами поведения в своем большинстве относятся к экстравертам; на данном чисто

дескриптивном уровне детей, проявляющих и набор симптомов, и черты личности, можно назвать «невротичными». Эти личностные корреляты невротичного поведения здесь лишь упомянуты, более подробно мы будем рассматривать их ниже.

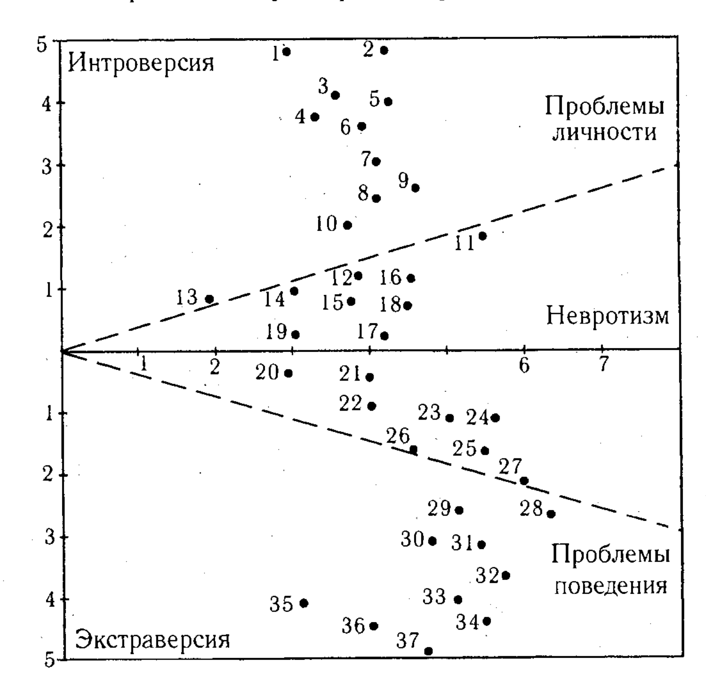

Рис. 18. Диаграмма, отражающая результаты статистического анализа моделей поведения детей с отклонениями:
1 — психоневротичный; 2 — чувствительный; 3 — рассеянный; 4 — изолированный; 5 — мечтательный; 6 — депрессивный; 7 — неумелый; 8 — комплекс неполноценности; 9 — сомневающийся; 10 — изменчивое настроение; 11 — нервозный; 12 — спутанное сознание; 13 — сообразительный; 14 — эмоционально нестабильный; 15 — ленивый; 16 — раздражительный; 17 — испорченный; 18 — мастурбирующий; 19 — безответственный; 20 — сексуальные преступления; 21 — отсутствие интересов; 22 — заносчивый; 23 — непопулярный; 24 — вспыльчивый; 25 — необычайно лживый; 26 — эгоцентричный; 27 — грубый; 28 — драчливый; 29 — неистовый; 30 — непослушный; 31 — возмущающие действия; 32 — сквернословящий; 33 — деструктивный; 34 — лживый; 35 — прогульщик (в школе); 36 — лентяй (дома); 37 — ворующий

Симптомами, о которых до сих пор велась речь, конечно, не исчерпывается разнообразие жалоб, с которыми практикующие психиатры встречаются в клиниках. Эта книга создавалась совсем не как учебник по психиатрии, а данная глава имеет целью просто установить основу для обсуждения причин подобных отклонений и их лечения. Позвольте мне на этом этапе констатировать, что существует много «расстройств», часто называемых «невротическими», где очень трудно определить, правильно ли данный термин применяется для них. Является ли гомосексуалист невротиком? Его эмоциональные реакции имеют такую сексуальную направленность, которая считается неприемлемой и неодобряемой в обществе. Но что было бы, если бы, предположим, он жил в обществе, где гомосексуализм допустим и считается идеальным состоянием для многих? Являются ли люди, склонные к половым извращениям, «невротичными»? Мы считаем естественным для мужчин получать сексуальное возбуждение, целуя женщину и лаская ее грудь, однако на многих островах южных морей такое поведение считается извращенным — женская грудь имеет там чисто функциональное назначение. В Соединеных Штатах социалисты часто рассматриваются как «невротичные» люди, так как их убеждения необычны и противоположны убеждениям большинства населения, но, может быть, к ним будут относиться, как к «нормальным» в Швеции? Является ли чрезмерное потребление алкоголя «неврозом», и что считать «чрезмерным»? Является ли неосторожный пешеход или нарушитель правил дорожного движения невротиком или психопатом? А как насчет заключенного? Насколько сильными должны быть неприемлемые эмоциональные реакции, чтобы определить для человека диагноз и направить его на лечение? Если у меня фобия на котов, из-за чего я вынужден закрываться в своей квартире, потому что боюсь встретить кота, выйдя из нее; я вынужден выключать телевизор, когда там показывают кота; я вынужден задергивать шторы на случай, если это животное вдруг захочет запрыгнуть на мой подоконник, — тогда будет достаточно оснований считать меня невротичным. Но если у меня только легкая боязнь пауков, тоже безосновательная, можно ли меня признать таковым?

Дескриптивный курс помог нам немного продвинуться вперед, но теперь мы должны изменить этот курс и перейти к более систематическому подходу.

Исторически изучение невроза началось с позиций медицины, и наша терминология и вся ориентация все еще сохраняют много следов этого изучения. Медицина имеет дело с болезнями, которые имеют свои причины, отличающиеся от их симптомов, для болезней имеются способы лечения, направленные скорее на причины, а не на симптомы. Психиатрия автоматически перенесла эти понятия в область неврозов, но возникает вопрос, справедливо ли это. Рассмотрим основной вопрос: являются ли неврозы болезнями? Ответ дать непросто, ибо доктора никогда не давали определения термину «болезнь», поэтому мы пытаемся сделать невозможное, ища ответ на вопрос, может ли нечто неопределенное и неопределенный термин служить основой для другого также неопределенного термина! Но давайте обратимся к здравому смыслу. Под «болезнью» мы традиционно понимаем такое состояние индивидуума, которое в определенном категорическом виде отличается от его нормального состояния. Он может страдать от малярии, сломанной руки, сифилиса, скарлатины, тромбоза или инсульта — в каждом случае имеется очевидный раздел между нормальным и (медицински) ненормальным. Более того, для каждого недуга существует определенная причина: в организме поселился глист или человек получил какую-либо физическую рану. Ничего этого нельзя сказать о неврозе. Не существует такого категорического состояния «невроз», которое можно было бы определенно отличить от «нормальности»; психиатры давно перестали заниматься поиском определения сущности болезни «невроз». Здесь мы имеем только количественное изменение в некоторых аспектах поведения, и присутствует полная непрерывность между одной крайностью «нормального» поведения и другой крайностью «невротического» поведения. Пришла пора отказаться от ошибочного трактования невроза как болезни и понять, что невротическое поведение во всех его проявлениях неразрывно связано с нормальным поведением. Такой *размерный* подход, в отличие от категориального, находится гораздо ближе к

фактам, хотя и вынуждает нас расстаться с многовековыми традициями медицинской семантики.

Начнем с рассмотрения основной характеристики невротического поведения, которая была названа О.Х. Моурером «невротический парадокс». Размышляя о центральной проблеме невроза и его лечении, он отмечает: «Если сформулировать как можно проще, это парадокс — парадокс поведения, которое одновременно является самосохраняющим и саморазрушающим! Начиная от простых «плохих привычек», пороков и пагубных пристрастий и кончая классическими психоневротическими и психотическими симптомами, существует большое количество динамических процессов и стратегий, которые легко подгоняются под такое описание, но игнорируют простое объяснение на основе здравого смысла. Здравый смысл предполагает, что нормальный, благоразумный человек, или даже животное в меру своего интеллекта, будет взвешивать и оценивать последствия своего действия: если результирующий эффект благоприятен, производящее его действие будет сохранено навсегда; если же результирующий эффект неблагоприятен, производящее его действие будет подавлено и устранено. Однако при неврозе можно наблюдать действия, имеющие преимущественно неблагоприятные последствия, и все-таки они продолжают выполняться в течение месяцев, годов или всю жизнь. Поэтому неудивительно, что здравый смысл снял с себя ответственность за такие явления и перенес их в область сверхъестественного, мистического, необычного, ненормального».

И действительно, самым простым и ранним путем разрешения этой проблемы стало создание образов сатаны, демонов, на которых возлагалась ответственность за действия, составлявшие невротический парадокс. Естественно, такие объяснения не приемлемы для современного научного мышления. Зигмунд Фрейд первым представил полностью натуралистическое объяснение такого поведения. В одной из своих начальных попыток рассмотрения этой проблемы он выдвинул концепцию эротической фиксации. Он утверждал, что вследствие ранних любовных пристрастий либо к другому человеку, часто находящемуся с ними в родственных отношениях, либо к самому себе некоторые индивидуумы останавливались в своем развитии и впоследствии упорно продолжали такие же бесплодные, саморазрушающие действия, которые нормальный, нефиксировнный человек вскоре бы прекратил. Таким образом, в качестве ответственных за парадоксальное поведение невротика мы вместо дьяволов и демонов получили комплексы Эдипа и Электры. Преимущество здесь в том, что выдвигается постулат о предопределенности поведения в зависимости от устанавливаемых факторов окружающей жизни, но это преимущество не настолько велико, потому что, как неоднократно подчеркивалось ранее, сложности психоаналитических обоснований препятствуют всякому научному тестированию таких теорий. Более того, при рассмотрении доказательств, на которых основываются теории Фрейда, можно обнаружить, что это не тот тип доказательств, который можно порекомендовать ученому. Вместо экспериментально проверенных выводов из четко сформулированных гипотез мы обнаруживаем всего лишь анекдотичные свидетельства, собранные довольно случайным образом из индивидуальных историй болезней. Этот недостаток достоверных доказательств часто скрывается от читателя превосходными писательскими способностями Фрейда, за что в Германии ему заслуженно была присуждена премия Гете за достижения в области литературы. Однако в науке убеждение не должно подменять доказательство, и нам следует более тщательно исследовать доказательные попытки Фрейда, прежде чем сделать выводы о достоверности его гипотез. С целью такого исследования я выбрал опубликованную Фрейдом в 1909 г. работу под названием «Анализ фобии пятилетнего мальчика». Описанный в ней пример часто называют «историей маленького Ганса». Как отмечает Эрнст Джонс в своей книге о биографии Фрейда, это было «первым опубликованным исследованием анализирования детей». Он также добавляет: «Блестящий успех в деле анализирования детей был основан на изучении этой истории бюлезни». Слава, которую приобрел маленький Ганс, явилась одной из причин моего выбора именно этой истории. Так, знаменитый английский психоаналитик У. Гловер высказывает следующее мнение: «Для своего времени анализирование маленького Ганса явилось замечательным достижением, а описание его анализирования составляет одну из ценнейших страниц в архивах психоанализа. Наши концепции о формировании фобии, позитивном эдиповом комплексе, амбивалентности, страхе перед

кастрацией, вытеснении воспоминаний из сознания и других явлениях были подкреплены и усилены в результате этого анализа».

Другой причиной для детального изучения маленького Ганса является тот факт, что Дж.Б. Уотсон разработал теорию, альтернативную взглядам Фрейда. Он также представил ее в виде истории маленького мальчика — на этот раз Альберта. Трудно представить себе лучший способ определить различия между психоанализом и современной психологией, чем контрастное сравнение историй маленького Ганса и маленького Альберта, а также сделать выводы из этого сравнения.

И, наконец, у нас есть большое преимущество в том, что история маленького Ганса была тщательно изучена двумя современными психологами Джозефом Вольпе и Стенли Рэчменом в работе, которая стала классической.[1] В дальнейшем я буду лишь следовать их дискуссии, цитируя и перефразируя некоторые высказывания. Читатель, желающий знакомиться с этой дискуссией более подготовленным, может также обратиться к оригинальной работе Фрейда, чтобы самому судить о справедливости высказываемой критики.

Вольпе и Рэчмен начинают с заявления о том, что они еще раз исследуют эту историю болезни и дадут свои оценки представленным доказательствам. Далее они продолжают: «Мы покажем, что, хотя и имеются проявления сексуального поведения со стороны Ганса, никаких научно приемлемых доказательств связи его поведения со страхом перед лошадьми у мальчика не представлено; что утверждение о наличии такой связи является простым предположением; что скрупулезные дискуссии, последовавшие за появлением этой книги, были простыми размышлениями; и что эта история не представляет никакой фактической поддержки какой-либо из концепций, перечисленных выше Гловером. Наше исследование этой болезни детально выявляет модели мышления и отношения к доказательствам, которые почти универсальны среди психоаналитиков. Такой подход предполагает

[1] Я должен поблагодарить авторов и издателей, а также главного редактора журнала «Нервные и умственные болезни» за разрешение свободного цитирования указанной работы.

необходимость более тщательного рассмотрения основ психоаналитических «открытий», чем это было до сих пор. И мы надеемся, что он подтолкнет психологов к проведению такого же критического изучения фундаментальных трудов по психоанализу».

Первая интересная деталь истории заключается в том, что материалы по этому случаю, на которых основывается анализ Фрейда, были собраны отцом маленького Ганса, регулярно посылавшим Фрейду письменные отчеты о своих наблюдениях.

Отец не раз вступал в споры с Фрейдом относительно фобии маленького Ганса, но за все время анализирования сам Фрейд видел этого мальчика только один раз!

Приведем наиболее значимые факты из раннего детства Ганса. В возрасте трех лет он проявил «довольно необычный живой интерес к той части своего тела, которую он обычно называл своим мочуном». Когда ему было три с половиной года, его мать застала его держащим свой пенис в руке. Она пригрозила ему: «Если ты будешь так делать, я пошлю за доктором А., чтобы он отрезал твой мочун (Wiwimacher). С чем ты тогда будешь играть?». Ганс ответил: «С моей попкой». В возрасте от трех до четырех лет Ганс делал много замечаний в отношении «мочунов» у животных и людей, включая вопросы матери и отцу о том, есть ли таковые у них. Фрейд придает значение следующему диалогу между Гансом и его матерью, когда Ганс «внимательно следил, как раздевается его мать»:

МАТЬ: Почему ты так смотришь на меня?

ГАНС: Я только хотел посмотреть, есть ли у тебя мочун тоже.

МАТЬ: Конечно. Разве ты этого не знал?

ГАНС: Нет, я думал, ты такая большая, что у тебя такой же мочун, как у коня.

Когда Гансу было три с половиной года, у него родилась сестричка. Мать рожала дома, и Ганс слышал, как женщина «кашляла». Он увидел лицо доктора после родов, затем его позвали в спальню. Сначала Ганс очень «ревновал к новому существу», но через шесть месяцев его ревность уступила место «братской любви».

В возрасте четырех с половиной лет Ганс поехал со своими родителями на летние каникулы в Гмунден. Там у него появилось несколько друзей, включая 14-летнюю девочку Мариедль.

Однажды вечером Ганс сказал: «Я хочу, чтобы Мариедль спала со мной». Фрейд заявляет, что это желание Ганса было выражением того, что он хотел, чтобы Мариедль стала членом их семьи. Родители Ганса иногда разрешали ему спать в их постели. Фрейд считает, что «нахождение рядом с ними, несомненно, пробуждало в нем эротические чувства[1], поэтому его желание, чтобы Мариедль спала вместе с ним, также имело эротический смысл».

Фрейд придает большое значение и другому случаю во время летних каникул, оценивая его как попытку Ганса соблазнить свою мать. Процитируем его полностью.

«Гансу четыре с половиной года. В это утро его мать, как обычно, помыла его в ванной, затем вытерла и посыпала пудрой. Когда она наносила пудру вокруг его пениса, стараясь не коснуться его, Ганс сказал: «Почему ты не хочешь поместить свой палец туда?»

МАТЬ: Потому что это некрасиво.

ГАНС: Как это? Некрасиво? Почему?

МАТЬ: Потому что неприлично.

ГАНС (смеясь): Но это так забавно».

Другой случай до появления его фобии произошел, когда Ганс в возрасте четырех с половиной лет рассмеялся, наблюдая, как моют в ванной его сестричку. На вопрос о том, почему он смеется, он ответил: «Я смеюсь над мочуном Ханны». «Почему?» «Потому что у нее такой красивый мочун!» Его отец так прокомментировал это: «Конечно, его ответ был неискренним. На самом деле ее мочун показался ему смешным. Более того, это был первый раз, когда он признал разницу между мужскими и женскими гениталиями и не отверг ее».

В начале января 1908 года отец написал Фрейду, что у Ганса, которому тогда уже было пять лет, появилось «нервное расстройство». Он сообщил о следующих симптомах: боязнь выходить на улицу, депрессия по вечерам и страх перед тем, что на улице его укусит лошадь. Отец Ганса предположил, что «...причиной этого является сексуальное перевозбуждение,

[1] Это всего лишь предположение, и все-таки Фрейд использует в его отношении слово «несомненно».

вызванное материнской нежностью», и страх перед лошадью «каким-то образом связан с тем, что он был напуган увиденным у коня большим пенисом». Первые признаки этого расстройства проявились 7 января, когда няня повела Ганса на ежедневную прогулку в парк. Он начал плакать и проситься к маме, чтобы та приласкала его. Дома «его спросили, почему он отказался гулять и начал плакать, но он ничего не ответил». На следующий день после некоторого сопротивления и плача он пошел на прогулку с матерью. Возвращаясь домой, Ганс сказал («после долгого внутреннего колебания»): «*Я боялся, что лошадь укусит меня*» (в оригинале выделено курсивом). Как и накануне, вечером у Ганса появился страх, и он попросил, чтобы его приласкали. Он также сказал: «Я знаю, что завтра я должен буду снова пойти на прогулку,» а также «В эту комнату придет конь». В тот же день мать спросила его, трогает ли он рукой свой мочун. Он ответил утвердительно. На следующий день мать сказала ему, чтобы он этого не делал.

В этом моменте повествования Фрейд представил свою интерпретацию поведения Ганса, а затем договорился с отцом, «чтобы он сказал мальчику, что вся эта бессмыслица в отношении лошадей — всего лишь бессмыслица и ничего больше. Его отец должен был убедить его, что все дело в том, что он очень любил свою мать и хотел, чтобы она пустила его в свою постель. Причина его боязни лошадей заключалась в том, что он проявлял слишком большой интерес к их мочунам». Фрейд также предложил поговорить с мальчиком, просветить его на сексуальные темы и объяснить ему, что у женщин «вообще нет никакого мочуна».[1]

«После того как с Гансом поговорили на эти темы, последовал относительно спокойный период». Но после болезни гриппом, из-за чего мальчик находился в постели две недели, фобия усилилась. Потом ему удаляли миндалины, и всю следующую неделю он был в больнице. Фобия «усилилась еще больше».

В марте 1908 года после излечения физических недугов у Ганса было много бесед с отцом о его фобии. Первого марта отец

[1] Это противоречит тому, что мать Ганса говорила ему раньше.

опять сказал Гансу, что лошади не кусаются. Ганс ответил, что белые лошади кусаются и вспомнил, что когда они были в Гмундене, то слышал и видел, как отец Лиззи (его подруги) предупреждал ее, чтобы она не подходила к белым лошадям, потому что они могут укусить ее. Папа сказал Лиззи: «*Не протягивай палец белой лошади*» (в оригинале выделено курсивом). На это воспоминание Ганса его отец ответил: «Меня поражает, что ты имеешь в виду не лошадь, а мочун, который нельзя брать в руки». Ганс сказал: «Но мочун не кусается». Отец: «А может и кусается». Тогда Ганс «стал страстно доказывать мне, что он думал именно о белых лошадях». На следующий день в ответ на замечание своего отца Ганс сказал, что его фобия «была такой сильной, потому что он каждую ночь брал свой мочун в руку». Фрейд отмечает здесь, что «доктор и пациент, отец и сын единодушно признали, что основной причиной патогенеза в настоящем состоянии Ганса является его склонность к онанизму». Он считает такое единодушие очень важным, полностью игнорируя наставления, которые отец высказал Гансу в предыдущий день.[1]

Спустя некоторое время отец опять сказал Гансу, что у девочек и женщин нет мочунов. «У мамы его нет, у Ханны нет и так далее». Ганс спросил, как же они писают, и получил ответ: «У них не такой мочун, как у тебя. Разве ты не заметил этого, когда мы купали Ханну в ванной?». 17 марта Ганс рассказал, что видел во сне маму голой. На основании этого сна и вышеприведенного разговора Фрейд делает заключение, что Ганс не воспринял сексуальное просвещение своего отца. Фрейд заявляет: «Ему не понравилось то, что говорил ему отец, и он придерживался своего видения во сне. Возможно, у него с самого начала были свои причины не верить своему отцу». Обсуждая эту проблему позднее, Фрейд пишет, что полученное ранее «просвещение» о том, что у женщин нет «мочуна», должно было произвести потрясающий эффект на самосознание мальчика, и вызвало у него комплекс кастрации. По этой причине он не хотел верить в эту информацию, и поэтому она не имела терапевтического эффекта.[1]

[1] Тот факт, что Ганс повторяет объяснения, услышанные им от отца, Фрейд объясняет точностью этих объяснений, хотя приведенные выше в этом абзаце спонтанные ответы ребенка ясно указывают на обратное.

Ввиду ограниченности формата книги мы представим дальнейшие события очень кратко. После посещения зоопарка у Ганса появилась боязнь жирафов, слонов и всех крупных животных. Отец Ганса сказал ему: «Знаешь, почему ты боишься больших животных? У них большие мочуны, а ты очень боишься больших мочунов». Но мальчик это отрицал.

Следующее важной событие — сон (или фантазия), рассказанный Гансом. «Ночью в этой комнате был один большой жираф и другой — помятый. Большой жираф начал кричать, потому что я забрал у него помятого жирафа. Потом он перестал кричать, а я уселся сверху на помятого жирафа».

Переговорив с сыном, отец сообщил Фрейду, что его сон был «супружеской сценкой, перенесенной на жизнь жирафов. Ночью он был охвачен стремлением к своей матери, к ее ласкам, к ее генитальному органу, поэтому и вошел в эту комнату. Все это является продолжением его боязни лошадей». Отец делает вывод, что этот сон связан с привычкой Ганса иногда забираться в постель родителей несмотря на неодобрение отца. В дополнение к «проницательному наблюдению отца» Фрейд заявляет, что сидение мальчика на «помятом жирафе» означает овладение своей матерью. Подтверждением такой интерпретации его сна он считает то, что произошло на следующий день. Отец написал ему, что, уезжая из дома с Гансом, он сказал своей жене: «До свидания, большой жираф!» «Почему жираф?» — спросил Ганс. «Мама — это большой жираф», — ответил отец. «О, да, — сказал Ганс, — а Ханна[2] — это помятый жираф, правда?» Далее отец пишет: «В поез-

[1] Здесь уместно предположить, что Ганс «сопротивлялся» этому просвещению, потому что его мать говорила ему совершенно обратное, а его наблюдение за мочуном сестры не было опровергнуто. В возрасте четырех лет Ганс еще думал, что мочун его сестры «еще очень маленький». Когда ему было четыре с половиной года, он, опять наблюдая купание своей сестры, отметил, что у нее «очень красивый мочун». Ни в одном из случаев ему никто не противоречил.

[2] Маленькая сестренка Ганса, а *не* его мать. Опять более спонтанный ответ прямо противоречит интерпретации Фрейда. Таким образом,

де я объяснил ему его фантазию с жирафом, после чего он сказал «Да, это верно», а когда я сказал ему, что большой жираф — это я, и что его шея напоминала ему о мочуне, он сказал «У мамы шея тоже, как у жирафа. Я видел это, когда она мыла свою белую шею».

30 марта у мальчика была короткая консультация с Фрейдом, который отметил, что, несмотря на все представленные Гансу объяснения, его боязнь лошадей оставалась неизменной. Ганс объяснил, что он особенно боялся того, «что лошади носят перед своими глазами и чего-то черного вокруг их рта». Последнюю деталь Фрейд интерпретировал как обозначающую усы. «Я спросил его, имел ли он в виду усы», а затем «объяснил ему, что он боялся своего отца именно потому, что очень любил мать». Фрейд подчеркнул, что это был безосновательный страх. Второго апреля отец сообщил о «первом реальном улучшении». На следующий день Ганс, отвечая на вопросы отца, объяснил, что он залезал в постель отца, когда ему было страшно. В следующие несколько дней были уточнены дальнейшие детали боязни Ганса. Он сказал отцу, что больше всего боялся лошадей с «какой-то штучкой на рту», боялся, что лошади могут упасть, и больше всего боялся лошадей запряженных в омнибусы.

ГАНС: Я больше всего боюсь, когда мимо проезжает такой омнибус.

ОТЕЦ: Почему? Потому что он такой большой?

ГАНС: Нет, потому что однажды лошадь такого омнибуса упала.

ОТЕЦ: Когда?

Ганс рассказал об этом случае. А позже мать подтвердила это.

ОТЕЦ: Что ты подумал, когда эта лошадь упала?

ГАНС: Теперь так будет всегда. Все лошади омнибусов будут падать.

ОТЕЦ: Всех омнибусов?

ГАНС: Да. И лошади мебельных фургонов тоже. Но лошади этих фургонов будут падать реже.

ОТЕЦ: К тому времени у тебя уже была эта бессмыслица в голове?

последующий комментарий Фрейда о том, что Ганс подтвердил эту интерпретацию двух жирафов, как его отца и матери, а не сексуальной символичности, также противоречит фактам.

ГАНС: *Нет* (курсив добавлен мной). Она только тогда появилась. Когда лошадь омнибуса упала, я сильно испугался — тогда то у меня в голове и появилась эта бессмыслица.

Отец добавляет, что «все это было подтверждено его женой, а также тот факт, что *боязнь появилась сразу же после того случая* (курсив добавлен мной).

Отец продолжал выяснять, что это была за черная штучка вокруг рта лошади. Ганс сказал, что она была похожа на намордник, но отец никогда не видел такого у лошадей, «хотя Ганс настаивает, что такие лошади существуют».[1] Он продолжает: «Я предполагаю, что какая-то часть уздечки лошади напоминала ему усы, и после того, как я упомянул это, его страх исчез». На следующий день, увидев обнаженного по пояс отца, Ганс сказал: «Папа, ты такой красивый! Ты такой белый!».

ОТЕЦ: Да, как белый конь.

ГАНС: Черные у тебя только усы. Или, может быть, это черный намордник.[2]

Позже у Ганса удалось узнать другие детали о лошади, которая упала. Он сказал, что в омнибус были запряжены две лошади, обе они были черными, «очень большими и толстыми». Отец Ганса опять спросил, о чем он подумал, когда лошадь упала.

ОТЕЦ: Когда лошадь упала, ты думал о папе?[3]

ГАНС: Может быть. Да. Возможно.

На протяжении нескольких дней после этих разговоров о лошадях интересы Ганса, согласно сообщениям отца, были «сконцентрированы вокруг фекалий и мочи, но мы не знаем, почему». Фрейд отмечает, что в этот период «анализирование стало неясным и неопределенным».

---

[1] Шесть дней спустя отец сообщает: «Наконец-то я смог установить тот факт, что это была лошадь с кожаной уздечкой».

[2] Хороший пример успеха работы по образованию.

[3] Один из многих главных вопросов, положительный ответ на который, конечно, ничего не значит. Следует отметить, что тот же самый вопрос, но сформулированный иначе, вызывает у Ганса ответ противоположного содержания. Когда ранее его спросили, что он подумал, когда упала лошадь, он ответил, что подумал, что в будущем так будет происходить всегда.

11 апреля Ганс рассказал о своем следующем сне. «Я был в ванной, когда пришел водопроводчик и раскрутил ее. Потом он взял большое сверло и воткнул его мне в живот». Отец Ганса сделал следующий «перевод» этого сна: «Я был в постели с мамой. Потом пришел папа и прогнал меня. Он вытолкнул меня своим большим пенисом с моего места рядом с мамой».

Остальные материалы по этой истории болезни до выздоровления Ганса от фобии в начале мая связаны с темой экскрементов и чувствами Ганса по отношению к родителям и сестре. Сразу же можно отметить, что эти материалы не являются удовлетворительными в качестве подтверждения теорий Фрейда. В основном здесь ведется речь о том, как отец разъяснял свои теории мальчику, который иногда соглашался с ними, а иногда — нет. Приведем два примера, отражающих общий характер последней части этой истории.

Ганс обсуждал с отцом свою легкую боязнь упасть во время купания в большой ванне.

ОТЕЦ: Но ведь мама купает тебя. Ты боишься, что мама уронит тебя в воду?

ГАНС: Я боюсь, что она упустит меня, и моя голова уйдет под воду.

ОТЕЦ: Но ты же знаешь, что мама любит тебя и ни за что не упустит.

ГАНС: Я просто так подумал.

ОТЕЦ: Почему?

ГАНС: Даже и не знаю.

ОТЕЦ: Может быть, это из-за того, что ты был непослушным и подумал, что мама больше тебя не любит?[1]

ГАНС: Да.

На следующий день отец спрашивает: «Ты любишь Ханну?»

ГАНС: О да, очень люблю.

ОТЕЦ: Ты хотел бы, чтобы Ханна умерла или оставалась живой?

ГАНС: Я хотел бы, чтобы она умерла.

В ответ на прямые вопросы Ганс высказал несколько жалоб в отношении своей сестры. Тогда его отец продолжил ту же тему:

[1] Главные вопросы.

ОТЕЦ: Если ты хотел бы, чтобы она умерла, значит, ты совсем не любишь ее.

ГАНС (соглашаясь[1]): Ну, в общем-то, да.

ОТЕЦ: Поэтому, когда мама мыла ее в ванне, ты думал, что вот если бы мама упустила ее, и Ханна упала бы в воду. ..

ГАНС (продолжая фразу):... и умерла.

ОТЕЦ: Тогда ты остался бы один у мамы. Но хороший мальчик не желает таких вещей.

24 апреля был записан следующий разговор.

ОТЕЦ: Мне кажется, ты все равно хочешь, чтобы у мамы был еще один ребенок.

ГАНС: Но я не хочу, чтобы это случилось.

ОТЕЦ: Но ты желаешь ей этого?

ГАНС: Ну, да, *желаю.*[2]

ОТЕЦ: А знаешь, почему ты желаешь этого? Потому что ты хотел бы быть папой.

ГАНС: Да. А почему так получается?

ОТЕЦ: Ты хотел бы стать папой и жениться на маме, ты хотел бы быть таким же большим, как я, и носить усы, и ты хотел бы, чтобы у мамы был ребенок.

ГАНС: Но, папа, если я женюсь, у меня будет только один ребенок, если я захочу его, а если я не захочу его, то и Бог тоже его не захочет, когда я женюсь.

ОТЕЦ: Ты хотел бы жениться на маме?

ГАНС: О да.

Изложив подробно факты истории, Вольпе и Рэчмен рассматривают ценность этих доказательств. Первое, о чем они говорят, это принцип отбора материала: основное внимание уделяется материалу, имеющему отношение к психоаналитической теории, а по отношению к другим фактам прослеживается тенденция игнорировать их. Говоря об этих родителях, Фрейд сам заявляет, что «они были его твердыми сторонниками». И Ганса

[1] Очень спорное подтверждение.

[2] Курсив в оригинале сделан для придания значения тому, что не является достоверным, так как ребенка провоцировали на ответ, который противоречил его первоначальному высказыванию. Обратите внимание на спровоцированные «доказательства» по мере продолжения разговора.

также постоянно подталкивают (прямо или косвенно) к созданию материалов, имеющих отношение к психоаналитической доктрине.

Во-вторых, спорной является та значимость, которая придается свидетельствам отца и маленького Ганса. В некоторых случаях сообщения отца о поведении Ганса вызывают подозрения. Например, он пытается представить свои собственные интерпретации высказываний Ганса как наблюдавшиеся факты. Таково, к примеру, сообщение отца о разговоре с Гансом о смерти его сестры Ханны. Отец: «Как Ханна выглядела?». Ганс (лицемерно): «Вся в белом и очень красивая. Такая красивенькая!». Комментарий в скобках в этом отрывке представлен как наблюдавшийся факт. Другой подобный пример уже приводился раньше: когда Ганс заметил, что «мочун» Ханны «такой красивый», отец утверждает, что это был «неискренний» ответ, и что «на самом деле ее мочун показался ему смешным». Искажения подобного рода часто встречаются в сообщениях отца.

Свидетельства самого Ганса по многим причинам довольно неубедительны. В течение нескольких последних недель своей фобии он много раз лгал и, к тому же, неоднократно делал непоследовательные, а иногда и противоречивые высказывания. Однако важнее всего то, что многие вещи, представленные как взгляды Ганса, являются лишь высказываниями отца. Фрейд сам признает это, но пытается оправдать такое положение дел. Он пишет: «Это верно, что во время анализирования Ганса вынуждали говорить многие вещи, которые он сам не мог бы сказать; что ему представляли такие мысли, которых у него до тех пор не было, и что его внимание было привлечено к тому направлению, от которого его отец мог чего-то ожидать. Это снижает доказательную значимость анализа, но такая процедура проводится в каждом случае болезни, так как психоанализ является не беспристрастным научным исследованием, а терапевтической мерой». Суммируя все сказанное, Вольпе и Рэчмен заключают: «Свидетельства Ганса являются не только «простыми предположениями» — они содержат много материала, который вообще не мог рассматриваться в качестве свидетельств!».

Интерпретация Фрейдом фобии Ганса заключается в том, что эдиповы комплексы мальчика сформировались на основе бо-

лезни, которая «вспыхнула», когда он перенес период «ограничений и интенсивного сексуального возбуждения». Фрейд пишет: «У Ганса это были тенденции, которые уже подавлялись ранее и для которых, насколько мы понимаем, он никогда не мог найти свободного выражения: чувства враждебности и ревности по отношению к отцу и садистские импульсы (предчувствие копуляции) по отношению к матери. Эти ранние ограничения, по-видимому, способствовали формированию предрасположенности к его последующей болезни. Такие агрессивные наклонности Ганса не находили выхода, и, как только наступил период ограничений и интенсивного сексуального возбуждения, они попытались вырваться наружу с особой силой. Именно в это время разразилась битва, которую мы называем его «фобией».

Здесь, безусловно, применима теория эдипова комплекса, в соответствии с которой Ганс хотел занять место своего отца, которого ненавидел как своего соперника, и совершить половой акт, овладев своей матерью. В качестве подтверждения Фрейд ссылается на следующее: «Другое симптоматическое действие, произошедшее как будто случайно, служит подтверждением того, что он желал смерти отца: в тот момент, когда отец говорил о том, желает ли он кому-то смерти, Ганс уронил лошадку, с которой играл — фактически он бросил ее». Исходя из этого Фрейд утверждает: «Ганс действительно был маленьким Эдипом, который хотел «убрать с пути» своего отца, избавиться от него, чтобы остаться наедине со своей любимой матерью и спать с ней». Предрасположенность к болезни, вызванная эдиповым комплексом, по-видимому, сформировала основу для «трансформации его половых устремлений в беспокойство».

Какова же связь между всем этим и лошадьми? Как нам говорят, Ганс «перенес свое отношение к отцу на лошадей». Во время своей единственной беседы с Гансом Фрейд сказал ему, что «он боялся своего отца, потому что тот сам вскармливал в нем ревность и враждебность по отношению к себе. После этого я частично интерпретировал его боязнь лошадей: лошадь олицетворяла для него отца, к которому он обоснованно испытывал внутренний страх». Фрейд утверждает, что страх Ганса перед черными штучками на ртах лошадей и предметами перед их глазами был основан на усах и очках, которые он «прямо

перенес со своего отца на лошадей». Лошади «стали представлять ему его отца». Таким образом Фрейд интерпретирует элемент боязни пространства в фобию Ганса. «Сущность его фобии была таковой, что накладывала большую степень ограничений на его свободу передвижения, такова была ее цель. ...В конце концов боязнь лошадей у Ганса стала препятствием для его выхода на улицу и могла служить в качестве средства, позволявшего ему оставаться дома со своей любимой матерью. Поэтому таким образом его любовь к матери триумфально достигла своей цели».

Фрейд объясняет исчезновение фобии у Ганса тем, что его эдипов комплекс разрешился путем «отведения отцу роли мужа бабушки Ганса... вместо того, чтобы убить его». Эта заключительная интерпретация основана на следующем разговоре между Гансом и его отцом.

30 апреля Ганс играл со своими воображаемыми детьми.

ОТЕЦ: Здравствуй! Твои детки еще живы? Ты же знаешь, у мальчика не может быть детей.

ГАНС: Я знаю. Раньше я был их мамой, *теперь я — их папа* (курсив в оригинале).

ОТЕЦ: А кто у этих детей мама?

ГАНС: Ну как же? Мама, а ты — *их дедушка* (курсив в оригинале).

ОТЕЦ: Значит, ты хотел бы быть таким же большим, как я, жениться на маме, и чтобы у нее были дети.

ГАНС: Да, вот этого я и хотел бы, и тогда твоя бабушка стала бы их бабушкой.

Вольпе и Рэчмен пишут: «Наши разногласия состоят в том, что позиция Фрейда в данном случае не поддерживается исходными сведениями ни частично, ни в целом. Основными выявленными пунктами он считает следующие:

1) Ганс испытывал сексуальное влечение к своей матери; 2) он ненавидел своего отца, боялся его и хотел убить; 3) его сексуальное возбуждение и влечение к матери трансформировались в беспокойство и страх; 4) его боязнь лошадей стала символом страха перед отцом; 5) его болезнь была направлена на желание оставаться рядом с матерью; и, наконец, 6) его фобия исчезла, так как у него разрешился его эдипов комплекс.

Давайте рассмотрим каждый из этих пунктов.

1. Мы не будем оспаривать, что Ганс получал удовольствие от нахождения рядом с матерью. Однако нигде нет свидетельства о его желания совокупиться с ней. Как имевшие место факты упоминаются «инстинктивные предчувствия», однако доказательств их присутствия нигде не приводится.

Единственный момент полового сближения (см. выше) указывает, что Ганс желал сексуального контакта со своей матерью, однако сексуального контакта простого, примитивного типа. Этого свидетельства не достаточно, чтобы обосновать утверждение, что у Ганса был эдипов комплекс, который предполагает сексуальное влечение к матери, желание овладеть ею и занять место своего отца. Самое большее, что можно утверждать на основе этой «попытки соблазнения», это то, что она в небольшой степени поддерживает предположение о стремлении Ганса к сексуальной стимуляции со стороны какого-нибудь другого человека (следует напомнить, что он часто мастурбировал). Даже если предположить, что стимуляция со стороны его матери была особенно желанна для него, две другие характеристики эдипова комплекса (стремление обладать матерью и занять место отца) никак не подтверждаются фактами этой истории.

2. Ганс никогда не выражал страха или ненависти по отношению к своему отцу, однако Фрейд сказал ему, что эти чувства у него есть. В нескольких случаях, когда отец спрашивал его об этом, Ганс все отрицал. Но в конце концов он сказал «да» на подобное заявление своего отца. Это простое подтверждение, полученное после значительного давления со стороны Фрейда и отца, принимается как действительное положение дел, а все предыдущие отрицания Ганса игнорируются. «Симптоматический акт» сбрасывания игрушечной лошадки трактуется как еще одно доказательство агрессивной настроенности Ганса по отношению к отцу. Из этого «интерпретированного факта» делаются три предположения: во-первых, что лошадка представляла собой отца Ганса; во-вторых, что сбрасывание лошадки не случайно; и в-третьих, что этот акт указывает на желание устранить того, кого символизировала лошадка.

Ганс неоднократно отрицал соотнесенность между лошадкой и своим отцом. Он говорил, что боится лошадей. Загадочный чер-

ный предмет вокруг рта лошади и какие-то штучки на их глазах, как позже догадался отец, были уздечкой и шорами. Эта догадка опровергает предположение (сделанное Фрейдом), что они символизировали усы и очки. Никаких других доказательств, что лошади олицетворяли отца Ганса, нет. Предположение о том, что сбрасывание игрушечной лошадки было значимым и вызванным подсознательным мотивом, является, как и в большинстве других подобных примеров, спорным.

Так как не имеется никаких оснований для первых двух предположений, сделанных Фрейдом при интерпретации этого «симптоматического акта», третье предположение (что этот акт указывает на желание смерти отцу) является несостоятельным, и следует еще раз подчеркнуть отсутствие объективных доказательств того, что мальчик боялся или ненавидел своего отца.

3. Третье утверждение Фрейда состоит в том, что сексуальное возбуждение Ганса и его желание обладать матерью трансформировалось в тревожность и страх. Это утверждение основывается на суждении о том, что «теоретический анализ предполагает, будто имеющийся в настоящее время объект фобии был некогда в прошлом источником большого удовольствия». Такая трансформация никак не подтверждается представленными фактами. Как было указано выше, доказательств сексуального влечения Ганса к матери не существует. Не имеется также доказательств какого-либо изменения в его отношении к ней перед появлением фобии. Даже если есть некоторые признаки того, что раньше лошади были для мальчика в какой-то степени источником удовольствия, в целом точка зрения, что объекты фобии ранее должны являться источником удовольствиий в прошлом, полностью опровергается экспериментальными доказательствами.

4. Суждение о том, что фобия Ганса по отношению к лошадям символизировала его страх перед отцом, уже критиковалось. Предполагаемая соотнесенность между отцом и лошадью не имеет под собой никакого основания. Похоже, она возникла в результате странной неспособности отца поверить, что под «черным предметом вокруг рта лошади» мальчик имел в виду уздечку.

5. Итак, фобия Ганса якобы определялась стремлением находиться рядом с матерью. Утверждение о том, что нервные расстройства появляются в связи с какой-то определенной целью, очень спорно. К тому же, в этой интерпретации не учитывается тот факт, что Ганс испытывал беспокойство даже во время прогулок *со своей матерью.*

6. Мы уже пытались показать, что убедительных доказательств наличия у Ганса Эдипова комплекса не имеется. К тому же, утверждение о разрешении этого предполагаемого комплекса основано лишь на одном разговоре Ганса с отцом (см. выше). Этот разговор представляет собой яркий пример того, что сам Фрейд описывает следующим образом: «Это верно, что Ганса вынуждали говорить многие вещи, которые он сам не мог бы сказать, что ему сообщали такие мысли, которых у него до тех пор не было, и что его внимание было привлечено к тому направлению, от которого его отец мог чего-то ожидать».

Нет также приемлемых доказательств того, что «взгляды внутрь себя», к которым постоянно привлекали внимание мальчика, имели какую-нибудь терапевтическую значимость. Представленные факты этой истории показывают лишь случайные совпадения между интерпретациями и изменениями в фобических реакциях ребенка. Например, «спокойный период» последовал сразу же после заявления отца о том, что боязнь лошадей была «бессмыслицей, и что на самом деле Ганс хотел забраться в постель к матери. Но вскоре после этого, когда Ганс заболел, его фобия усилилась как никогда раньше. Позже, проведя несколько безрезультатных бесед, отец отмечает, что 13 марта Ганс, подтвердив, что все еще *хочет* играть со своим мочуном, уже намного меньше боялся лошадей. Однако 15 марта он испугался лошадей после того, как ему сказали, что у женщин нет «мочуна» (хотя перед этим мать говорила ему обратное). Фрейд считает, что Ганс противился этой информации, поскольку она вызывала у него страх кастрации, и поэтому никакого терапевтического эффекта не наблюдалось. «Первое реальное улучшение» 2 апреля приписывается «разъяснению об усах» 30 марта (что позднее оказалось ошибочным), когда мальчику сказали, что он «боялся своего отца именно из-за того, что он так сильно любил свою мать». 7 апреля, несмотря на стабильное улучшение состояния Ганса,

Фрейд дал оценку, что ситуация «совершенно неясная» и «анализ идет с небольшим прогрессом».[1]

Такие неточные и скудные сведения никак не подтверждают, что выздоровление Ганса вызвано доведением до его сознания различных неприемлемых, подсознательных, навязанных желаний. В самом деле, Фрейд полностью основывает свои заключения на выводах из своей теории. Дальнейшее выздоровление Ганса проходило спокойно, постепенно и никак не было связано с его интерпретациями. В целом же Фрейд определяет взаимосвязи в манере, совершенно не имеющей отношения к научным методам: если разъяснения или интерпретации, которые преподносятся Гансу, приводят к улучшению его поведенческого состояния, то они автоматически считаются действенными. Если после них улучшения не наблюдается, нам говорят, что пациент не воспринял их, а не то, что они не действенны. Размышляя о неудаче с первыми разъяснениями, Фрейд говорит, что в любом случае терапевтический успех не является первичной целью анализ[2], таким образом обходя стороной главный вопрос; он утверждает, что улучшение произошло благодаря одной из интерпретаций, даже когда она была ошибочной, например, в случае с интерпретацией усов.

Читатели, не знакомые с литературой по психоанализу, к этому моменту получили некоторое понимание тех причин, по которым психологи с научным опытом склонны с недоверием рассматривать доказательства такого вида, который представлен в подобных историях болезни, и по которым психоанализ никогда серьезно не воспринимался людьми, имеющими понятие о принципах научного метода. Почему же психоаналик занял такие твердые позиции, несмотря на критику в его адрес? Одна из причин этого была высказана известным ученым-философом Конантом, который отметил, что никакой объем фактического опровержения не будет достаточным для разрушения какой-либо теории в науке или медицине — для этого требуется только лучшая теория. Пока не появится какая-либо другая интерпретация подобных фактов, психоаналитическая аргументация будет процветать. К счастью, ситуация постепенно меняется в лучшую сторону, и уже появились альтернативные теории, применимые для рассмотрения таких фактов, которые приведены в истории болезни маленького Ганса. Прежде чем попытаться дать иную интерпретацию рассмотренной нами фобии, давайте познакомимся с другим маленьким мальчиком, на этот раз американцем, которого наблюдал знаменитый основатель школы бихевиоризма Дж.Б. Уотсон. Он утверждал, что фобии можно создать экспериментально посредством парадигмы Павлова по простому обусловливанию, и попытался доказать это с помощью маленького Альберта, оставшимся сиротой в возрасте 11 месяцев. Маленькому Альберту очень нравились белые крысы, он любил подолгу играть с ними и совершенно их не боялся. Уотсон решил создать у маленького Альберта фобический страх перед этими животными, и это ему удалось путем имитирования методики Павлова, с помощью которой последний вырабатывал слюноотделение у собак при звоне колокольчика, неоднократно совмещая этот звон с подачей пищи.

[1] По признанию Фрейда, состояние Ганса улучшалось, несмотря на отсутствие прогресса в анализ.

[2] Но в другом месте он заявляет, что психоанализ является терапевтическим средством, а не научным исследованием!

Метод Уотсона был простым, непосредственным и очень оригинальным. Он становился за спиной маленького Альберта, держа металлический стержень в одной руке и молоток — в другой. Как только Альберт протягивал руку к крысам, желая поиграть с ними, Уотсон ударял стержнем по молотку, производя громкий звук. В этой ситуации крысы являлись условным раздражителем, громкий звук от металлического стержня — безусловным раздражителем, который вызывает реакцию страха. Строго соблюдая порядок, при котором вид и прикосновение к условному раздражителю (крысам) предшествовал появлению безусловного раздражителя (звук), Уотсон надеялся выработать условную реакцию страха, чтобы ребенок реагировал на крыс таким же образом, как и на звук от металлического стержня, то есть выказывал страх и желал удалиться. Именно это и произошло. После нескольких повторений процедуры маленький Альберт стал бояться крыс, хныкать, пытаться уползти подальше от них; иначе говоря, вел себя точно так, как будто страдал тяжелой фобией к крысам. Таким образом, Уотсон ус-

пешно справился с задачей, которую поставил перед собой — выработал фобическую реакцию экспериментальными средствами. Эта фобия не исчезла через несколько дней и продолжала оставаться неизменной длительное время. Более того, в ней проявилась другая характеристика условных рефлексов, а именно генерализация. Маленький Альберт стал бояться не только крыс, но и других пушистых животных. Именно это можно было предположить на основе знания генезиса генерализации условных рефлексов у животных и людей.

Конечно, мы не можем оставить маленького Альберта наедине с его фобией, и в следующей главе увидим, как его можно излечить от нее. Однако прежде, чем сделать это, мы должны вернуться к нашему маленькому Гансу, чтобы посмотреть, сможем ли мы интерпретировать его конкретное расстройство на основе эксперимента Уотсона. Если мы сделаем обобщение на основе сведений, полученных от Уотсона, то сможем рассматривать его как обусловленное беспокойство или реакции страха. Любой нейтральный раздражитель (простой или сложный), который оказывает воздействие на индивидуума во время, когда провоцируются реакция страха, приобретает способность провоцировать страх и в дальнейшем. Если страх при первоначальной обусловливающей ситуации имеет высокую интенсивность или если обусловливание повторяется многократно, то страх будет обладать способностью, характерной для *невротического* страха — появление обобщения реакций страха на раздражители, схожие с условным раздражителем.

Как говорилось, Ганс был чувствительным мальчиком, который «никогда не оставался равнодушным, если кто-то плакал в его присутствии». А задолго до появления фобии он однажды «очень расстроился при виде того, как били лошадок на карусели». Вольпе и Рэчмен считают, что этот инцидент, который Фрейд рассматривал как просто возбудительную причину фобии Ганса, является причиной всего расстройства. Ганс говорит: «Нет. Она [фобия] появилась у меня тогда, когда лошадь и омнибус перевернулись, я так испугался! Правда! Вот тогда у меня и появилась эта бессмыслица». Отец говорит: « Все это подтверждается моей женой, а также тем фактом, что это беспокойство возникло у него сразу же после этого случая». К тому же, отец сообщил и о двух других неприятных инцидентах с Гансом и лошадьми, которые имели место до появления фобии. Вполне вероятно, что эти случаи обострили чувства мальчика к лошадям или, говоря другими словами, он уже был частично обусловлен на страх перед лошадьми. В первом случае это было предупреждение, высказанное отцом друга Ганса, чтобы он держался подальше от лошадей, иначе они его укусят; во втором случае другой приятель Ганса поранился (из раны пошла кровь), когда они играли в лошадки.

Вольпе и Рэчмен продолжают:

«Так же, как и маленький Альберт в классическом эксперименте Уотсона реагировал с беспокойством не только на исходный условный раздражитель, белую крысу, но и на другие похожие раздражители, такие как пушистые предметы, шерстяные клубки и т. д., Ганс беспокойно реагировал на лошадей, омнибусы и фургоны с запряженными лошадьми, а также предметы, связанные с лошадьми: их шоры и уздечки. Фактически, он проявлял страх перед широким набором обобщенных раздражителей. В случае, который спровоцировал фобию, присутствовали две лошади, запряженные в омнибус, и Ганс потом утверждал, что боится больше крупных повозок, фургонов и омнибусов, чем маленьких. Как и следовало ожидать, чем меньше сходство между фобическим раздражителем и исходным инцидентом, тем менее беспокоящими они казались для Ганса. Более того, последним исчезнувшим объектом фобии Ганса был страх перед большими фургонами и омнибусами. Имеется немало экспериментальных доказательств того, что в процессе исчезновения реакций на обобщенные раздражители те из них, которые имеют большую схожесть с исходным условным раздражителем, исчезают последними.

Выздоровление Ганса от фобии может быть объяснено различными путями на основе принципа обусловливания, однако действительный механизм не может быть идентифицирован, поскольку отец мальчика не обращал внимания на ту информацию, которая представляла бы интерес для нас. Хорошо известно, что многие фобии, особенно у детей, уменьшаются и исчезают в течение недель и месяцев. Причиной этого является тот факт, что в обычной жизни генерализированные фобические раздражители могут вызвать настолько слабые реакции, что тормозятся другими эмоцио-

нальными реакциями, возбужденными в индивидууме. Возможно, этот процесс и явился действительным источником выздоровления Ганса. Представленные Фрейдом и отцом интерпретации могли быть неуместными или даже привести к замедлению его выздоровления, добавляя новые угрозы и новые страхи к уже имевшимся. Но так как Ганс, по-видимому, был не очень расстроен этими интерпретациями, вполне вероятно, что такая терапия оказалась на самом деле полезной, поскольку фобические раздражители предъявлялись ребенку раз за разом в различных эмоциональных контекстах, что могло затормозить беспокойство и в результате снизить его обычную интенсивность. *Постепенность* выздоровления Ганса вполне соответствует такому объяснению».

Возможно, попытка заново интерпретировать фобию мальчика, которую лечили пятьдесят лет назад, покажется нелогичной. Однако все факты хорошо описываются на современном уровне знаний, и, по крайней мере, у нас сейчас есть альтернативная теория, которая многим покажется более убедительной, чем первоначальная теория Фрейда. Но для этого нам явно требуется метод доказательства, по которому можно будет определить степень правдоподобности этих двух альтернативных интерпретаций, что нужно не столько для маленького Ганса, сколько для случаев болезни, которые могут возникнуть в наше время и которые могут лечиться по методам, основывающимся либо на теории Фрейда, либо на теории Вольпе. Этот вопрос мы рассмотрим в следующей главе. А сейчас позвольте процитировать выводы, к которым пришли Вольпе и Рэчмен на основе своего изучения истории болезни маленького Ганса.

Главный вывод, который может быть сделан из исследования случая с маленьким Гансом, состоит в том, что в нем не представлено ничего, что было бы похоже на прямые доказательства психоаналитических теорем. Мы скрупулезно искали среди указанных Фрейдом доказательств такие, которые можно было бы представить на научный суд, и не нашли ни одного такого... Фрейд считал, что в лице маленького Ганса он приобрел прямое подтверждение своих теорий, ибо в конце он пишет об «инфантильных комплексах, обнаруженных за фобией Ганса». Становится очевидным, что, несмотря на стремление выглядеть ученым, Фрейд был удивительно наивен в отношении требований к научным доказательствам. Инфантильные комплексы не были *обнаружены* (проявлены) в фобии Ганса — их просто представили в качестве гипотезы.

Примечательно, что бесчисленное множество психоаналитиков выражали свое восхищение историей с маленьким Гансом, не обращая внимания на вопиющие несоответствия. Мы не будем здесь пытаться объяснить это, укажем лишь на один важный момент — безоговорочную убежденность аналитиков в том, что Фрейд обладал какой-то безошибочной проницательностью, которая освобождала его от обязанности подчиняться правилам, установленным для обычных людей. Так, например, Гловер, говоря о других аналитиках, которые безосновательно присваивают себе провозглашенное Фрейдом право подвергать его материалы «легкому пересмотру», пишет: «Безусловно, когда в нашей среде появится человек масштаба Фрейда, ему будет беспрепятственно предоставлена... эта привилегия». Но предоставление такой привилегии означает нарушение главных устоев науки.

Автор этой книги полностью согласен с подобным выводом. А психоаналитики — нет, и это любопытно.

Они стараются доказать, что субъективный опыт, который, например, приобретается терапевтом при лечении какого-либо определенного заболевания, недооценивается теми, кто основывает свои выводы на статистических анализах многих исследований; более того, они настаивают, чтобы общепринятое понимание слова «наука» было расширено и включило работу, которой они занимаются. Спорить по этому поводу нецелесообразно. Это напоминает мне один из известных рассказов Сиднея Смита. Находясь в Абердине, он прогуливался со своим другом в районе бухты. И вдруг они увидели, как две торговки рыбой, находившиеся на разных сторонах улицы, начали кричать и ругать друг друга, высунувшись из окон. «Эти две женщины никогда не помирятся, — сказал Сидней Смит своему приятелю, — они ведут спор, находясь в разных помещениях».

Хотя и не имеет смысла убеждать обратиться в веру уже верующего человека, не знакомый с научными методами читатель, который к тому же не имеет ничего против психоанализа, может задать вопрос, почему же нельзя допустить некоторую степень субъективности. В истории науки имеются очень яркие свидетель-

ства возникновения ошибок и заблуждений как следствие слишком сильной веры в способность человека выступать в качестве регистрирующего прибора. Интересным примером этого являются N-лучи, открытые в 1902 году профессором М. Блондло, знаменитым физиком университета Нанси и членом Французской Академии наук. Открытие Блондло, сделанное спустя шесть лет после открытия Х-лучей Рентгеном, было вскоре подтверждено в других лабораториях вполне авторитетными физиками. Наличие этих лучей определялось уменьшением сопротивления искрового промежутка, усилением свечения платиновой проволоки и увеличением свечения фосфоресцирующей поверхности. Все эти факторы определялись зрительно, то есть N-лучи не могли быть зафиксированы фотоаппратурой. Е.З. Вогт и Р. Хайман, описывая это открытие в своей книге «Water Witching U.S.A.» («Определение присутствия подпочвенной воды с помощью магии»), сообщают о многих случаях применения N-лучей.[1] Так, Корсон использовал их в химии, Ламберт и Майер изучали их влияние на биологические объекты и растения, а Шарпантье обнаружил, что сдавливание нерва сопровождалось эмиссией N-лучей. Знаменитый специалист по болезням мозга Брока исследовал взаимосвязь между N-лучами и мозгом.

Однако другие физики, пытавшиеся получить эффект N-лучей, имели отрицательные результаты. Споры по этому вопросу чуть было не спровоцировали международный инцидент, когда было определено, что N-лучи обнаруживались только французскими учеными. В конце концов известный физик Р.В. Вуд из университета Джона Хопкинса лично приехал в лабораторию Блондло, чтобы выяснить, почему другие физики не могли получить такие же результаты, как у него. Вот его отчет об этом посещении.

Итак, прежде чем отправиться в Париж встречать семью, я поехал в Нанси и встретился с Блондло в его лаборатории в назначенное время. Он не говорил по-английски, и я выбрал немецкий язык в качестве средства общения, так как хотел, чтобы он чувствовал себя свободно и мог доверительно разговаривать по-французски со своим ассистентом, который был похож на

[1] Я внимательно изучил их великолепное произведение.

высококвалифицированного лабораторного уборщика. (Вуд, конечно, хорошо понимал и говорил по-французски.)

Сначала он показал мне какую-то карточку, на которой люминесцентной краской были нарисованы кружки. Он потушил газовый светильник и обратил мое внимание на увеличение свечения этих кружков после включения N-лучей. Я сказал, что не вижу никакой разницы. Он заявил, что причиной тому является недостаточная чувствительность моих глаз, поэтому это ничего не доказывает. Когда он говорил, что видит колебания на непроницаемом свинцовом экране, я спросил его, могу ли я удалять и опять вставлять экран на пути этих лучей. Он ошибался почти на сто процентов, заявляя, что видит колебания, когда я не вставлял на место эту пластину. Для меня все было ясно, но я держал язык за зубами.

Вуд провел еще несколько тестов, которые подтвердили, что лучи Блондло существуют только в его воображении. Так, Блондло заявил, что может видеть циферблат слегка освещенных часов сквозь металлический флакон с помощью N-лучей. Он согласился, чтобы Вуд держал этот флакон перед его глазами, но незаметно для Блондло Вуд заменил металлический флакон деревянной линейкой — в затемненной лаборатории Блондло не заметил этого. В результате он подтвердил, что видит циферблат сквозь линейку, хотя дерево якобы является одним из веществ, через которые N-лучи не проникают.

После того как Вуд опубликовал свои разоблачения и показал, что N-лучи являются просто результатом ложного человеческого восприятия, вызванного предположением, вся концепция Блондло была немедленно удалена из физики. Конечно, последствия для Блондо были трагическими. Перед самым разоблачением Французская Академия наук наградила его премией Лаланда в размере 20 000 франков и золотой медалью «За открытие N-лучей». После опубликования сообщения Вуда Академия оставила Блондло премию, изменив формулировку: «За предыдущий вклад в развитие физики». Но это было недостаточным утешением для Блондло, и в конце концов он сошел с ума и умер, не вынеся своего позора. Если такие вещи могут случиться в физике, королеве наук, и если на человека нельзя полагаться как на объективного наблюдателя даже в таких простых

условиях, как в эксперименте Блондло, то насколько же меньше можно полагаться на психоаналитиков, наблюдающих гораздо более сложные менее изученные явления и изначально вооруженных некой системой, которая во всех деталях предписывает им, чтп надо искать и чтп они должны найти!

Естественно, в истории известно много примеров, которые показывают, что такие предвзятые мнения могут направлять по ложному пути даже опытных и знаменитых ученых. Одним из таких примеров является процесс развития френологии, науки о зависимости способностей человека от формы и размера его мозга. На протяжении многих лет самые известные хирурги по головному мозгу и врачи в Европе верили в точность и достоверность прогнозирования на основе этой системы, разработанной Галлом и Спурцхаймом, хотя сейчас мы знаем, что ни один из таких прогнозов не имеет никакого отношения к реальности. Другим ярким примером является, несомненно, астрология. Так, можно отметить, что даже такие самые известные астрономы, как Кеплер, твердо верили в наличие влияний планет на нашу жизнь. Тем не менее сейчас мы знаем, что это не что иное, как предрассудок. Определение присутствия подпочвенной воды с помощью магии — это еще один подобный пример, хотя и в наши дни многие образованные люди и даже некоторые ученые верят, что с помощью движений прутика, удерживаемого двумя руками, знающий магию человек может в самом деле найти подземный источник воды при условии, что другие сенсорные сигналы для него исключены. Увы, и это убеждение не выдержало испытания экспериментальным исследованием: Вогт и Хайман в упомянутой выше книге довольно убедительно показали, что при создании таких экспериментальных условий, когда исключены субъективные ошибки и случайные эффекты, знающий магию человек становится полностью не способным продемонстрировать свои возможности.

Проще говоря, истина заключается в том, что на ранних этапах развития каждая наука должна пройти через суровое испытание знахарством и шаманством. Вероятно, астрология была так же необходима для развития астрономии, как френология — для современного развития исследования свойств различных частей головного мозга. Такое развитие всегда сопровождалось сдвигом от субъективных ощущений к объективным оценкам, и, конечно,

только путем проведения (в максимальных объемах) объективных проверок и перепроверок имеющихся сведений мы можем начать разрабатывать теории, которые можно будет применять в дальнейших исследованиях. Ученые должны выполнять две вещи: формулировать новые теории, которые продвинут вперед области знаний, исследуемые ими, и стремиться предоставить доказательства этих теорий. Вклад Фрейда состоял в выполнении только первой части. Он представлял собой богатый источник теорий, разбрасывая их, почти как вращающееся колесо с фейерверками разбрасывает искры, но был абсолютно лишен способности предложить и выполнить эксперименты, в которых его теории подверглись бы строгой проверке. В действительности же он относился к экспериментальной работе с презрением, и хорошо известен его ответ одному американскому психологу, который в своем письме предложил предоставить ему возможность проверить некоторые из его гипотез в экспериментальной лаборатории. В ответ он написал: «Мои теории подтверждены на кушетке. Они не требуют экспериментальных доказательств». Это не может быть названо позицией ученого, и очень жаль, что пример Фрейда был перенят его последователями, которые не только не имели позиций ученого, но и огромной способности формулировать перспективные гипотезы, присущей Фрейду.

В заключение этой главы хотелось бы привести высказывание Карла М. Далленбаха, который в 1955 г. прочитал поразительную лекцию по сравнению френологии и психоанализа. Он завершил ее следующими словами: «Что же ожидает психоанализ в будущем? В свете наших знаний о прошлом я мог бы сделать предсказание, но предпочитаю привести слова самого Фрейда о собственной терапии. Как пишет его биограф Эрнст Джонс, он сказал, «что в будущем истерию и нервные болезни можно будет лечить химическими препаратами без какого-либо психологического лечения». Если это действительно будет так, и многие считают, что так и будет (некоторые свидетельства этого мы видим уже сегодня), как это отразится на психоанализе? Какова тогда будет ниша Фрейда в истории? Не станет ли она, как у Галла, насестом для шарлатанов? А не занята ли она уже шарлатанами? Предоставляю вам возможность самим ответить на эти вопросы».

IV. Новые способы лечения неврозов

В предыдущей главе мы оставили маленького Альберта подвешенным между небом и землей наедине со своей фобией. Предусматривает ли наша теория какие-нибудь способы излечения мальчика от этого приобретенного недуга? Судя по всему, логично будет предположить, что если мы, используя наши знания о приобретении условных реакций, смогли вызвать у маленького Альберта реакцию страха, то с помощью экспериментальных данных о подавлении условных реакций могли бы, по крайней мере, составить некоторые предположения относительно способов излечения мальчика от фобии. Но прежде чем что-либо прогнозировать, давайте выясним, что же мы уже сделали.

В предыдущей главе мы объяснили, что вегетативная нервная система, которая является связующим звеном эмоциональных реакций, подразделяется на две антагонистичные подсистемы: симпатическую и парасимпатическую. Очевидно, что условный рефлекс, который мы вызвали у маленького Альберта, связан с симпатической нервной системой; другими словами, мы сформировали условный рефлекс на вид белых крыс и звуки. Одним из способов избавления от этого условного рефлекса и полного искоренения может быть выработка условной парасимпатической реакции на вид белых крыс и звуки. Парасимпатические реакции являются антагонистичными по отношению к симпатическим, поэтому могут подавить их, тогда у мальчика не будет вообще никаких условных рефлексов на белых крыс, и он снова станет

их любить и играть с ними. Как можно вызвать парасимпатическую реакцию? Существует много способов, однако самым простым является предложенный Уотсоном, который заключается в следующем: нужно предложить ребенку плитку шоколада, когда он довольно сильно проголодался. Как уже упоминалось ранее, существует тесная взаимосвязь между парасимпатическими реакциями и пищеварительной системой, а Уотсон как раз и предложил использовать эту взаимосвязь.

При попытке осуществить этот план на практике сразу же возникли определенные затруднения. Мэри Ковер Джонс, которая проводила эксперимент, обнаружила, что условная симпатическая реакция страха у мальчика была настолько сильной, что он вообще не реагировал на предлагаемый ему шоколад, а просто пытался отодвинуться как можно дальше от крыс. В сложившихся обстоятельствах она применила очень простой способ, который, возможно, знаком читателю. Когда мы испытываем страх перед каким-то человеком, животным или предметом, то он прямо пропорционален расстоянию, которое нас от него отделяет: чем мы ближе к нему, тем страх сильнее.

На рисунке 19 эта закономерность представлена на графике. Степени испытываемого страха соответствует вертикальная ось, а расстоянию между субъектом и объектом страха — горизонтальная. Эту взаимосвязь можно установить не только с помощью интроспекции и наблюдения, но и более научным способом, фиксируя расстройства симпатической системы с помощью полиграфа, который записывает сердцебиение, количество вдохов и выдохов, электрическую проводимость кожи и так далее. По мере того как объект приближается к субъекту, полиграф фиксирует определенные изменения, которые свидетельствуют об увеличении страха. Таким образом, Мэри Джонс просто перенесла крыс в дальний угол комнаты и обнаружила, что при таких условиях ребенок стал проявлять интерес к шоколаду, хотя и продолжал с опаской поглядывать на крыс. В этот момент ей удалось выработать у ребенка условную парасимпатическую реакцию, то есть связать вместе вид крыс, условный стимул, удовольствие от еды, выделение желудочного сока и так далее. Повышение влияния парасимпатического обусловливания вычли из общей суммы симпатического обусловливания, которое имело место, и в резуль-

тате кривая А, изображенная на рисунке 19, опустилась в положение В, и в следующий раз крыс можно было поднести к ребенку чуть ближе, чтобы опять повторить весь процесс парасимпатического обусловливания. Каждый раз, когда парасимпатическое обусловливание имело место, кривая страх—расстояние немного опускалась, и экспериментатор мог подносить крыс все ближе и ближе, до тех пор пока они не оказались совсем рядом с ребенком, который уже не боялся и даже играл с ними, то есть до тех пор, пока парасимпатические условные реакции полностью не вытеснили симпатические. Интересно то, что страх исчез навсегда и ребенка больше не надо было кормить шоколадом!

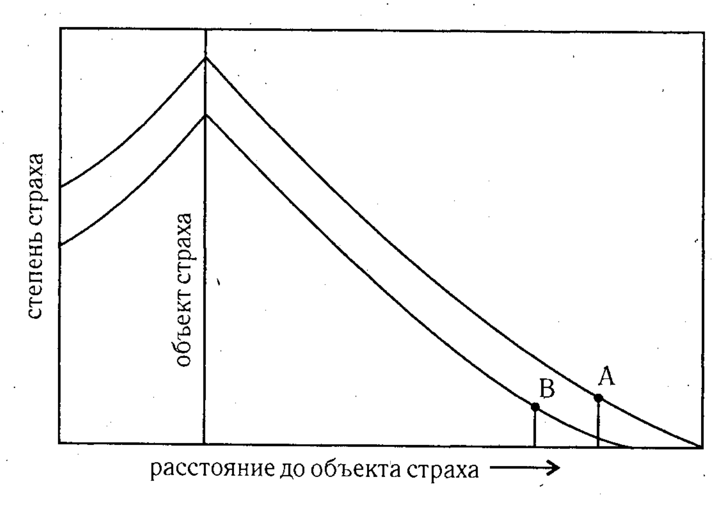

Рис. 19. На графике изображено понижение испытываемого субъектом страха (вертикальная ось) по мере того как он удаляется все дальше и дальше от объекта своего страха (горизонтальная ось). Каждый раз, когда попытка нарушить приспособительную реакцию страха оказывается успешной, кривая опускается ниже и при следующей попытке объект страха можно немного приблизить к субъекту

Дж. Вольпе, который впервые применил результаты лабораторных экспериментов для лечения серьезных случаев нервных расстройств у взрослых людей, назвал этот процесс терапией *реципрокного торможения*. Эксперименты Уотсона и Мэри Джонс имели отношение к ограниченному количеству случаев

нервных расстройств и проводились исключительно в лабораторных условиях. Можно ли обобщить результаты их работы и применить к фобиям, которые не являлись продуктом лабораторного обусловливания, а уже имели место до начала экспериментов?

Случай фобии на кошек

Этот случай, описанный доктором Фрименом и доктором Кендриком, связан с замужней женщиной двадцати восьми лет, которая страдает фобией на кошек, что в свою очередь приводит к напряженности, тревожности, а иногда и к депрессии. Ее отец был очень строг по отношению к детям, доминировал над матерью и считал, что его слово должно быть законом для всех остальных членов семьи. Будучи ребенком, девочка его боялась и не испытывала к нему привязанности. Ее мать была простой, довольно болтливой старой женщиной, склонной к «нервным срывам». Девушка вышла замуж в двадцать два года за человека, с которым встречалась четыре года. Ее муж работает учителем в школе, он внимателен, общителен и хорошо воспитан. Его очень беспокоит фобия жены, и он делает все, чтобы кошки не попадались ей на глаза. У них двое детей: девочка четырнадцати лет и мальчик двенадцати лет. Сама женщина очень общительна, у нее много друзей, она ведет активный образ жизни; очень гордится своим домом, возможно, даже чересчур. При этом она крайне чувствительна, раздражительна и склонна к проявлению своих чувств. Ей нравятся все животные за исключением кошек, и у ее детей есть морские свинки, черепахи и птицы.

Страх перед кошками присутствовал у пациентки столько, сколько она себя помнит. Возможно, этот страх появился у нее в четыре года, когда отец на ее глазах утопил в ведре котенка. Она помнит, что в детстве, сидя за столом, она часто поднимала ноги, так как ей казалось, что по полу крадется кошка, она также помнит, как кричала при виде приближающегося кота.

Когда ей было четырнадцать лет, родители однажды положили ей на кровать кусочек меха. С ней случилась страшная истерика, когда она его обнаружила. В возрасте восемнадцати лет девушка пережила еще один сильный шок, когда в ее спальню забралась

кошка. После замужества она стала бояться кошек еще больше; далее, в течение десяти лет, страх оставался примерно на одном и том же уровне, но недавно стал прогрессировать. Пациентку приводила в ужас уже одна мысль о том, что кошка может прыгнуть на нее и расцарапать ей лицо, хотя она прекрасно осознавала, что это маловероятно. При виде кошки ее охватывала паника, и часто из-за переполнявшего ее страха она полностью теряла над собой контроль. Девушка всегда ходила по той стороне тротуара, которая прилегала к дороге, чтобы быть подальше от котов на заборах, и никогда не ходила одна ночью. Ее невозможно было уговорить зайти в комнату, где находилась кошка. Она боялась выходить в сад, а банные дни (дни уборки) были для нее настоящей пыткой. «Она боялась дотронуться до любого меха, похожего на кошачий, не носила перчатки с мехом, и чувствовала себя очень неуютно, если рядом с ней оказывался кто-нибудь в одежде из меха. В последние месяцы она не могла думать ни о чем, кроме кошек. При каждым шорохе, при виде неясной тени или резком движении ей мерещились кошки. Она очень расстраивалась, если ей на глаза попадался плюшевый коала дочки. Когда она выходила утром из дома, то ее первой мыслью было: сколько кошек она увидит сегодня за день. Время от времени ей снились кошмары, связанные с кошками».

Психологические исследования показали, что она достаточно умна (ее IQ составил 112 пунктов) и что у нее экстравертированный тип личности. Ее страх перед кошками был настолько велик, что начать лечение, поместив даже самого маленького котенка в одну с ней комнату на максимальное расстояние, было просто невозможно: он вызывал у нее неописуемый ужас. Тогда было решено несколько видоизменить градиент расстояния. Были отобраны предметы, немного напоминающие кошек, и таким образом был создан воображаемый градиент расстояния. Были подготовлены кусочки материи, начиная от тех, которые по своей текстуре и расцветке вообще не походили на кошачий мех, и заканчивая кусочками меха кролика, который очень похож на кошачий. Затем пациентку попросили подержать в руках все эти кусочки материи по порядку в зависимости от степени похожести на кошачий мех, причем каждый раз перед тем, как дать ей в руки следующий кусочек материи, ее просили не волноваться и не беспокоиться. После того как она смогла перебороть страх и по-

держать в руках мех кролика, ей предлагали поддержать в руках игрушечного котенка, полистать альбом с фотографиями кошек и так далее, до тех пор, пока все это больше не вызывало у нее беспокойства. Когда этого удалось добиться, ей показали маленького котенка, постепенно его подносили к ней все ближе и ближе, до тех пор, пока она не выразила желания его погладить, затем ей предложили взять его к себе домой, как только она будет к этому готова. Предполагалось, что, так как чувствительность по отношению к кошкам становилась все менее выраженной, то в результате она должна была распространиться на всех взрослых кошек, и женщина должна была избавиться от своей фобии.

Сначала метод лечения обсуждался с пациенткой, которая согласилась его попробовать, хотя и была настроена очень скептически; она не верила в то, что когда-нибудь захочет дотронуться до котенка. По прошествии трех недель экспериментаторам удалось преодолеть страх перед кусочками материи, игрушками и изображениями кошек и значительно снизить беспокойство пациентки. Женщина перестала все время думать о кошках, а ее семья заметила, что она стала более спокойной и жизнерадостной. Она уже могла пройти примерно в десяти ярдах от кошки, не вздрагивая при этом от страха, и, открывая окно уторомм, она уже не смотрела первым делом, нет ли в саду кошек.

Быстрота формирования условных реакций была просто поразительной и вскоре пациентка оказалась готова ко встрече с живым котенком. Когда пациентка зашла в комнату, то увидела маленького котенка, который сидел на коленях у медсестры. Она села с ней рядом, погладила котенка и затем посадила его к себе на колени. Все это время она вела себя очень эмоционально, то смеялась, то плакала, однако скоро упокоилась и позже объяснила, что это происходило с ней не из-за того, что она расстроилась, а потому что она испытала невероятное облегчение, сделав то, что считала для себя невозможным.

Позже она описывала этот день как «один из самых великих дней в моей жизни». В течение следующих двух дней она ухаживала за котенком в больнице, а после забрала его домой, где он и остался. Это произошло через месяц после ее первого посещения клиники, затем она продолжала туда ходить два раза в неделю, главным образом потому, что ее интересовали занятия по искусст-

ву. Каждую неделю она ходила на прием к психиатру, который каждый раз отмечал улучшение ее психического состояния. Женщина призналась, что с ее плеч как будто свалился тяжкий груз и что впервые в жизни она перестала обкусывать ногти. Она уже не ходила по внешнему краю тротуара, начала надевать перчатки с мехом и перестала испытывать дискомфорт при виде людей, одетых в меха. Ее больше не волновали изображения кошек, и она почувствовала, что уже не так боится выходить ночью на улицу одна. Ночные кошмары перестали ее мучить. По ее же собственному утверждению, жизнь изменилась к лучшему, она перестала бояться. Спустя пять месяцев после начала лечения она уже выходила из дому ночью и даже могла пройти по слабо освещенным улицам. Следует отметить, что в течение всего периода лечения методы прямого гипноза и убеждения не применялись. Собеседования, проводившиеся психологами и психиатрами, ограничивались объяснениями процедуры лечения, применением стимулов и оценкой достигнутых результатов. Интересно также то, что как только с помощью терапии удалось разорвать замкнутый круг фобических реакций, то произошла не только ремиссия поведенческих симптомов, но также снизился общий уровень тревожности.

Этот случай похож на многие другие, связанные с лечением фобий. Прежде чем приступить к более детальному обсуждению некоторых важных в данном случае вопросов, я хотел бы привести еще один случай, несколько иного характера.

История болезни мужчины с фобией на обои

Мужчина среднего возраста обратился за помощью, так как страдал импотенцией. Он не мог заниматься сексом со своей женой, но не всегда, а только когда они находились дома. Если же они ночевали у друзей или в гостинице, никаких проблем с выполнением супружеских обязанностей у пациента не было. В течение нескольких лет он проходил сеансы психоанализа, которые разбудили в нем множество детских воспоминаний и закончились тем, что ему был поставлен диагноз эдипова комплекса, что вполне устроило психоаналитика, но не произвело положительного эффекта на пациента. В конце концов, пациент обратился за помощью к психологу, который интересовался декомпенсацией нервных расстройств. Психологу удалось узнать от пациента следующее. Будучи еще молодым юношей, пациент встречался с женой другого мужчины, который однажды застал их в постели, когда они занимались любовью. Этот мужчина физически был гораздо сильнее пациента и избил последнего чуть ли не до смерти. Это избиение можно рассматривать как безусловный стимул, который приводит к очень сильным симпатическим реакциям страха, боли и беспокойства. Согласно теории научения все, что пациент видел и слышал в подобной ситуации, может стать условным стимулом. Как оказалось, в течение этих нескольких крайне неприятных для него минут пациент смотрел на обои на стене, и, таким образом, мы имеем очень простую парадигму обусловливания, в которой обои играют роль условного стимула и становятся источником сильного симпатического беспокойства. Случилось так, что обои в спальне пациента оказались похожи на те, которые были в той комнате, где его избили. Исходя из этого, психолог пришел к заключению, что импотенция пациента объясняется условной симпатической реакцией, которая препятствует нормальной эрекции, как известно, связанной с парасимпатической нервной системой. (Следует отметить, что пациент был французом и имел обыкновение заниматься любовью при включенном свете!) Это также помогло понять, почему проблем с эрекцией не возникало за пределами спальни, и рекомендации психолога заключались не в назначении дополнительных сеансов психоанализа, а лишь в совете переклеить обои в спальне. Когда пациент последовал этому совету и поменял в комнате обои, то полностью излечился от своего недуга. Кроме этого, произошло улучшение его психического состояния в целом, снизился уровень тревожности и наладились отношения с женой. Этот случай, естественно, также не является типичным (следует сказать, что типичных историй болезней вообще нет), однако очень четко показывает силу воздействия парадигмы обусловливания при возникновении и лечении нервных симптомов.

Далее давайте рассмотрим историю болезни девушки с фобией на воду.

История болезни девочки с фобией на воду

Этот случай представляет интерес не только потому, что мы имеем дело с серьезным нервным расстройством, но еще и потому, что он демонстрирует, как работают механизмы формирования и разрушения нервных фобий, а также указывает на четкую разницу между методами современной теории научения и традиционным подходом, который использовали в прошлом многие матери (возможно, и отцы) для того, чтобы справиться со страхами своих детей.

Это история болезни, описанная Бентлером, касается девочки в возрасте одиннадцати с половиной месяцев по имени Маргарет, которая любила плескаться в маленьком бассейне и никогда не выказывала при этом признаков беспокойства. Однажды Маргарет попробовала встать на ноги в ванне, поскользнулась и начала плакать. Купание пришлось прекратить, так как девочку невозможно было успокоить. В течение следующих дней она реагировала громким плачем не только на ванну, водопроводный кран и на воду в ванне, но и на купание в раковине, на все водопроводные краны в доме, а также на бассейн. Очевидно, что страх, появившийся в результате того, что девочка поскользнулась, вызвал у Маргарет условную реакцию страха, и в течение следующей недели стало понятно, что страх перед водой у нее не исчезнет до тех пор, пока не будут предприняты систематические шаги по его преодолению.

Для того чтобы сформировать у ребенка нужные реакции, использовались различные отвлекающие способы, игрушки, телесные контакты и другие, связанные с матерью, стимулы. Лечение, которое заняло приблизительно один месяц, состояло из четырех этапов. На первом этапе в пустую ванну клали игрушки, при этом Маргарет могла свободно попасть в ванную комнату. Девочка заходила в ванную комнату, брала игрушку, но тут же уходила. Она продолжала плакать, если предпринимались попытки ее помыть, но уже не так бурно реагировала на вид ванной. Во время второго этапа лечения Маргарет дважды сажали на стол возле раковины на кухне, которая была наполнена водой, где плавали игрушки. Сначала она начинала плакать при виде воды. Тогда игрушки достали из воды и положили с другой стороны раковины — так, что Маргарет могла достать их, только ступив в воду и пройдя по раковине. В конце концов, она, хотя и неохотно, ступила в воду; сначала стала плакать, но вскоре успокоилась; таким образом, с помощью кухонной раковины удалось побороть страх ребенка перед водой.

Третий этап лечения заключался в том, что Маргарет каждый раз после того, как ей меняли подгузник, купали в раковине в ванной. Ей давали ее любимую игрушку, но оказалось, что зеркало над раковиной представляло для нее гораздо больший интерес, и вскоре плач сменился на довольное повизгивание. Четвертый, заключительный этап состоял в купании ребенка в ванне с включенным краном. Сначала девочка возражала против купания громким плачем, но спустя два дня она перестала плакать. Таким образом, за месяц ребенка удалось полностью излечить от фобии, и Маргарет опять стало нравиться купаться и играть в ванной. Ее страх перед кранами, ванной или водой в доме полностью исчез, она не только перестала плакать во время купания в ванной, но и с радостью стала плескаться в своем бассейне. Серия последующих наблюдений показала, что улучшение носило постоянный характер, от фобии не осталось и следа.

Этот случай может показаться несерьезным, но я знаю немало примеров того, как подобные незначительные отклонения у детей очень быстро перерастают в тяжелые состояния. Я также могу привести много примеров того, как детей лечили от похожих фобий с помощью психоанализа, который приводил к самым печальным последствиям. С другой стороны, я знаю немало случаев, когда родители пытались самостоятельно справиться с фобиями своих детей, причем небезуспешно, так как интуитивно применяли метод реципрокного торможения. В простых случаях родители могут сами справиться с условными страхами своих детей; однако более серьезные случаи требуют вмешательства специалистов и применения теории научения.

Прежде чем перейти к описанию более серьезных случаев, мы должны более внимательно посмотреть на теоретическое обоснование этого вида терапии, одним из родоначальников которого является Дж. Вольпе. Мы уже видели, что простой прием, который можно использовать для лечения детских фобий, заключающий-

ся в том, чтобы переместить предмет страха в дальний угол комнаты на максимальное расстояние от ребенка, очень трудно, а в большинстве случаев даже невозможно, применить по отношению к серьезным нервным расстройствам взрослых людей. Страх бывает слишком сильным, поэтому этот прием не подходит, по крайней мере, на начальном этапе лечения, к тому же природа многих фобий такова, что подобную технику использовать просто невозможно. Человек может бояться высоты, открытых пространств или крови; его может сильно тревожить политическая обстановка в стране, водородная бомба или коммунисты. Этими стимулами нельзя манипулировать так же, как белыми крысами маленького Альберта, поэтому нам необходимы источники опосредованной репрезентации, то есть, использование слов, воображения, рисунков и фотографий. Кроме того, фобические реакции, как правило, сопровождаются несколькими симптомами, а не одним, как в случае с маленьким Альбертом или женщиной с фобией на кошек. Обычно беспокойство и страх вызывает не какой-то один объект, а несколько; причем эти объекты могут быть совершенно не похожи друг на друга. Вольпе подчеркивает, что необходимо классифицировать все стимулы, вызывающие страх, в иерархическом порядке. Под этим он подразумевает, что, прежде всего, их нужно сгруппировать в зависимости от объединяющего объекта. Например, следует собрать вместе все стимулы, связанные с собаками, все стимулы, связанные с людьми, все стимулы, связанные с высотой, и так далее. Затем внутри каждой сформированной группы нужно выстроить иерархию, начиная с самого сильного стимула и заканчивая самым слабым. Примером подобного подхода является случай испугавшегося кондуктора.

Случай испугавшегося вагоновожатого

Этот случай из практики Дж. Вольпе, который рассказывает следующее. Двадцатитрехлетний парень вошел в приемный покой в крайне взволнованном состоянии. За несколько часов до этого какая-то женщина кинулась под медленно идущий трамвай и отлетела в сторону с разбитой головой, из которой пошла кровь. Хотя позже доктор сообщил ему, что травма оказалась не очень

серьезной, он никак не мог успокоиться, его начало сильно трясти, появились резкие боли в желудке. Раньше, когда случались аварии, он отходил через час или два, однако во всех этих авариях люди никак не страдали. Дело в том, что когда пациенту было тринадцать лет, его отец умер, после того как попал в аварию. С тех пор он не выносил вида человеческой крови. Даже крошечная капелька, появившаяся на его щеке во время бритья, выводила его из равновесия. При этом его совершенно не волновал вид крови животных, и было очевидно, что беспокойство, появившееся в результате этого случая с женщиной, бросившейся под его трамвай, было напрямую связано с его фобией человеческой крови.

Таким образом, терапевтическими методами следовало помочь пациенту справиться с этой фобией. Были придуманы различные ситуации, связанные с видом крови, которые представлялись пациенту в порядке возрастания в зависимости от силы воздействия стимула. Во время каждого сеанса терапии, пока пациент пребывал в состоянии гипнотической релаксации, его заставляли наблюдать «кровавые ситуации». Самой первой ему была представлена ситуация с маленьким бинтиком, пропитанным кровью, который лежал на дне мусорной корзины. После того как эта ситуация перестала выводить его из состояния релаксации, ему предложили новую ситуацию, во время которой он поранил себе щеку бритвой, в результате чего на ней выступили капельки крови. Постепенно при помощи создания двух или трех различных ситуаций за каждый сеанс врачам удалось добиться того, что пациент мог себе представить морг, полный трупов, без каких-либо признаков тревожности. Эффективность этого метода в реальных жизненных ситуациях была доказана довольно необычным способом. Спустя два дня после последнего сеанса терапии пациент увидел на улице мужчину, сбитого мотоциклом. Человек очень серьезно пострадал и лежал в луже собственной крови. Вид крови не вызвал у пациента беспокойства, и он даже помог перенести мужчину в машину скорой помощи, которая приехала на место происшествия.

В данном случае оказалось достаточно одной иерархии, но, как отмечалось ранее, в более серьезных случаях их может понадобиться две, три и даже десять. Причем каждая из них должна быть проработана от основания до верхушки. На самом деле это

не так сложно, как может показаться на первый взгляд, так как в действительности было обнаружено, что сила воздействия верхних уровней иерархии уменьшается при удалении нижних уровней этой иерархии, а тревожность в одной иерархии снижается при искоренении тревожности в других иерархиях.

Я специально оставил в стороне один очень важный вопрос, имеющий отношение к терапии реципрокным торможением, который заключается в формировании реакций, антагонистичных по природе своей тревожности. Самой важной с практической точки зрения является категория реакций релаксации. Якобсон доказал экспериментальным путем, что полное расслабление мышц сопровождается эффектами вегетативного характера, которые антагонистичны эффектам тревожности. Он же разработал метод «прогрессивной релаксации», который заключается в расслаблении мышц всего тела с помощью поочередной концентрации внимания на отдельных частях тела до тех пор, пока не будет достигнуто состояние полной релаксации. Стимулы, при которых возникает тревожность, вызывают сильное мускульное напряжение, и, следовательно, постоянная релаксация мышц является своеобразной мерой взаимного торможения эффектов любых стимулов, которые могут вызывать беспокойство. Как правило, для того чтобы научиться релаксации, необходимо несколько сеансов с применением гипноза. После того как пациент уже может сам добиваться полной релаксации своего тела, его просят представить сцену, ключевым моментом которой является самый слабый элемент иерархии, и сообщать о малейших признаках беспокойства, если таковые будут иметь место. Релаксация противодействует малейшим признакам беспокойства, которые возникают при определенных стимулах и, таким образом, происходит реципрокное торможение. Обычно во время каждого сеанса пациенту представляются два или три объекта из иерархии. Скорость прогрессии зависит, естественно, от того, какую степень беспокойства они вызывают у пациента после сеанса. Объект показывается субъекту снова и снова, пока он не перестает на него реагировать. Как правило, для того чтобы пациент спокойно воспринимал объекты на верхних уровнях иерархии, требуется от десяти до тридцати сеансов терапии.

В России используется несколько иной метод, который недавно стал применяться и в Соединенных Штатах. Он заключается

в том, что полная релаксация достигается с помощью переменного низкочастотного слабого тока, который воздействует на кору головного мозга посредством специальных электродов. Этот метод основан на теории торможения Павлова и может применяться в случаях, когда пациенту трудно добиться релаксации или когда нет времени на продолжительные сеансы терапии.

Реакции на еду, разумеется, также можно использовать как в случае со взрослыми людьми, так и с детьми и подростками, несмотря на то что в прошлом ими пренебрегали. Вольпе говорит, что «в присутствии стимула, вызывающего беспокойство, важно предлагать еду только в том случае, когда человек очень голоден, так как тогда в процессе поглощения пищи будет происходить торможение беспокойства. Вероятно, именно этим фактом можно объяснить положительный эффект подкожного введения малых доз инсулина при лечении неврозов».

Еще один метод предусматривает вдыхание сильно концентрированного углекислого газа. Процессы, антагонистичные по своей природе беспокойству, можно обнаружить как при возбуждении, которое сопровождает интенсивную респираторную стимуляцию с помощью газа, так и при полной мускульной релаксации, которая возникает в результате воздействия сильно концентрированного углекислого газа. Вольпе отмечает, что этот метод приносит быстрое и, при определенных обстоятельствах, долговременное избавление от недетерминированной («свободно плавающей») тревожности. Однако этот весьма любопытный метод не использовался в полной мере.

Еще одним, в корне отличающимся от вышеперечисленных, является метод, который Вольпе называет методом настойчивых реакций. Они используются для подавления неадаптивной тревожности, которая возникает у человека при непосредственных контактах с определенными людьми.

Одним из самых распространенных является случай, когда пациент чувствует себя подавленно, если члены его семьи начинают его критиковать, и реагирует на критику, пытаясь защитить себя, либо замыкаясь в себе, либо впадая в приступы ярости. Подобные реакции свидетельствуют о тревожности и беспомощности. Кроме того, в данном случае всегда присутствует некоторая доля негодования. Пациент не может найти выход своему

негодованию, так как сама мысль о ссоре с членами семьи уже вызывает у него беспокойство. Поскольку эта тревожность тормозит внешнее проявление негодования, то можно предположить, что если бы пациента можно было спровоцировать на проявление негодования, последнее стало бы реципрокно тормозить тревожность и подавлять ее. Терапевту удается уговорить пациента, убеждая словами о беспочвенности его страхов и подчеркивая, что его подверженность страху сделала его абсолютно беспомощным и зависимым от окружающих его людей, а также указывая ему на то, что, хотя на первых порах ему будет трудно проявлять открыто свое негодование, с каждым разом это будет даваться ему все легче и легче. Как правило, пациентам не требуется много времени, чтобы перестроить свою модель поведения, но все же некоторым из них на начальном этапе необходимы постоянные увещевания и уговоры. Постепенно пациент начинает вести себя настойчиво и отмечает исчезновение чувства неловкости в различных ситуациях. Очевидно, что в данном случае имеет место развитие условного торможения, предположительно, на основе постоянного реципрокного торможения.

Еще один похожий метод Вольпе назвал методом сексуальных реакций. Эти реакции, разумеется, следует использовать, когда тревожность является условной реакцией на определенные сексуальные ситуации. Обычно торможение сексуальных реакций бывает частичным и неполным; оно варьирует в зависимости от конкретных характеристик определенных ситуаций.

Пациенту говорят, что он должен заниматься сексом до тех пор, пока чувствует, что действительно хочет этого, так как в противном случае он может усилить сексуальное торможение. Ему говорят, что он должен ждать, или сам создавать такие ситуации, при которых у него возникают положительные сексуальные эмоции, которым он должен «отдаться». Если ему удается действовать согласно этому плану, то он начинает испытывать постепенное повышение сексуальной реактивности при ситуации, которую он использовал, с разной степенью генерализации на сексуальные ситуации другого рода. Скорее всего, положительный эффект имеет в данном случае место, так как каждый раз, когда положительные сексуальные эмоции имеют место и закрепляются непосредственными действиями, происходит реципрокное торможение

любых беспокойств, связанных с ситуацией, и с каждым разом сила тенденции проявления тревожности уменьшается.

Эти виды терапии можно проиллюстрировать на двух следующих примерах.

Случай женщины, склонной к повиновению

Отчет Вольпе представляет собой следующее.

Привлекательная женщина двадцати восьми лет обратилась за помощью, потому что была на грани нервного истощения из-за того, что ее любовник плохо к ней относится.

Каждый из ее многочисленных романов проходил по одному и тому же сценарию. После знакомства она очень быстро уступала желаниям своего нового партнера, который впоследствии начинал ее презирать и в конце концов бросал. Ей не хватало уверенности в себе, она была очень зависимой и практически всегда пребывала в состоянии напряжения и тревожности.

Во время пятого сеанса ей объяснили неадаптивность ее тревожности и механизмы работы принципов реципрокного торможения, и она ушла в более оптимистичном расположении духа.

Во время следующего сеанса ей была сказано, что она должна проявлять твердость характера и стать независимой от своего партнера. Женщина в точности исполняла все, что ей говорили, и в конечном итоге смогла с достоинством порвать с ним всяческие отношения без ущерба для своего психического здоровья.

Пациентку также научили, как вести себя с вечно придирающейся к ней матерью, с начальником по работе и другими людьми, которые могли легко вывести ее из себя. Постепенно она развила в себе чувство уверенности как дома, так и на работе, и, в конце концов, почувствовала, что может управлять различными ситуациями, в том числе и личного характера. После тринадцатого сеанса она поехала отдыхать и вернулась через шесть недель. Во время очередного сеанса она рассказала, что постоянно пыталась контролировать межличностные ситуации и чувствовала гораздо большую эмоциональную стабильность. После этого вся жизнь ее изменилась в лучшую сторону как в социальном, так и в личном плане. Вскоре она встретила мужчину, который ей понравился, и на этот

раз ее чувства носили зрелый независимый характер. Спустя три месяца, которые оказались для нее нелегкими, она вышла за него замуж. В целом ей понадобилось сорок сеансов, чтобы полностью поправить свое психическое состояние и начать жить счастливо.

Следует отметить, что полностью исчезли все нервные симптомы, которые были свойственны ей до начала лечения.

Теперь давайте рассмотрим случай бухгалтера, страдающего импотенцией.

Случай бухгалтера, страдающего импотенцией

Этот сорокалетний мужчина был направлен на лечение психоаналитиком, после того как сказал, что не может ждать два года, которые необходимы для психоаналептической терапии. В двадцать два года пациент постоянно встречался с девушкой, с которой они часто занимались петтингом, обычно заканчивавшимся оргазмом как у него, так и у нее. Вскоре пациент забеспокоился, так как заметил, что оргазм наступал у него очень быстро, а его дядя еще больше встревожил его, сказав, что у него «частичная импотенция». В течение последующих лет для его сексуальной жизни стала характерна преждевременная эякуляция, и так продолжалось до тех пор, пока в двадцать девять лет пациент не женился.

В браке преждевременная эякуляция также очень часто имела место, и через девять лет брак распался. Некоторое время у пациента была нормальная сексуальная связь с одной замужней женщиной, но, в конце концов, перенеся тяжелую форму гриппа, он стал настоящим импотентом. Все его попытки сексуальной близости с женщинами заканчивались либо отсутствием эрекции, либо преждевременной эякуляцией.

По прошествии какого-то времени пациент влюбился в девушку двадцати четырех лет, но по-прежнему не мог жить нормальной сексуальной жизнью. Однажды ему удалось все-таки лишить ее девственности, однако преждевременная эякуляция происходила все чаще и чаще. Девушка стала относиться к нему холодно, поэтому он решил как можно быстрее избавиться от своей проблемы. Пациенту был объяснен принцип реципрокного торможения, и он посетил несколько сеансов для того, чтобы научиться прогрессивной релаксации. Ему также сказали, что прежде чем заняться сексом, он должен добиваться максимальной релаксации. Также ему посоветовали не заниматься сексом до тех пор, пока у него не наступит сильная эрекция, а после начала полового акта не концентрироваться на мысли о том, сколько она у него продержится, а расслабиться и получать удовольствие. «Все эти советы основаны на следующем: так как эрекция является парасимпатической функцией, а эякуляция симпатической функцией, то симпатическая разрядка тревожности препятствует эрекции и ускоряет эякуляцию. Если тревожность снизить до максимально низкого уровня, то сексуальные реакции будут реципрокно ее тормозить.»

Во время четырнадцатого сеанса пациент отметил, что у него уже два раза был удачный секс — в первом случае оргазм был немного преждевременным, но во втором случае его удалось оттянуть его на довольно продолжительное время. Пациент был очень воодушевлен и сделал предложение своей девушке. После двадцать третьего сеанса лечение было завершено (ровно через три месяца после его начала), и с тех пор мужчина стал доволен своей сексуальной жизнью. Наблюдения в течение последующих шести лет подтвердили то, что пациент полностью излечился от своего недуга.

Возможно, теперь будет интересно обратиться к совершенно иному случаю, чем те, которые были приведены выше. Он касается пациента, страдающего непреодолимой тягой к определенным поступкам и навязчивыми состояниями.

На примере этого случая можно показать, что вышеперечисленные методы эффективны не только в случае лечения фобий, но и при лечении серьезных нервных расстройств.

Случай агрессивного человека, страдающего непреодолимой тягой к мытью рук

Этот случай, описанный Д. Уолтоном и Н.Д. Матером, имеет отношение к молодому мужчине тридцати лет, страдавшему навязчивой тягой к мытью рук, которая началась у него примерно семь месяцев назад. Он уделял мытью рук столько времени, что не

мог задержаться надолго ни на одной работе. Если он что-нибудь мыл или чистил, ему всегда казалось, что он чистит или моет недостаточно хорошо. Его уровень умственных способностей был выше среднего и в восемнадцать лет он уже поступил в университет, из которого ушел спустя два месяца без всяких на то причин, устроившись работать на завод. Там он вступил в конфликт с одним из рабочих, который ударил его в челюсть. Это пробудило в нем один из его давних страхов, что ему могут выбить зубы, и он должен будет ходить со вставной челюстью. Он начал чувствовать агрессию по отношению к ударившему его человеку, так как ему казалось, что он представляет для него угрозу. На следующий день он взял с собой на работу молоток и острый нож для того, чтобы с ним расправиться. Когда пациент осознал, что способен на такую ненависть и жестокость, то почувствовал себя виноватым. Он считал, что намерение причинить вред было настолько же недопустимым, как и сам вред, хотя он свое намерение так и не осуществил. В течение последующих нескольких месяцев его страх перед собственной агрессивностью и садистскими наклонностями генерализировался и распространился на других рабочих, а также на членов его семьи. Спустя год после происшествия на заводе он стал придерживаться определенного ритуала при мытье рук. Некоторое время он проходил лечение в психиатрической клинике, из которой позже был направлен в другое медучреждение для прохождения полного курса стационарного лечения.

Уолтон и Матер выдвинули гипотезу, согласно которой эмоциональные побуждения пациента стимулировались чувством агрессии, и при создавшихся условиях окружающей среды это негативное чувство усилилось, увеличив связанную с ним тревожность. Навязчивая тяга к мытью рук играла важную роль в уменьшении этой нервозности, и ее можно было бы устранить, снизив тревожность до нормального уровня. Они решили применить метод реципрокного торможения с помощью принципа самоутверждения, который мы уже упоминали ранее; таким образом, тревожность, связанная с агрессивным поведением, должна была уменьшиться. Это в свою очередь ослабило бы чувство подавляемой агрессии и снизило вероятность внезапного «срыва». Предполагалось, что понижение уровня агрессивности и тревожности должно было снизить общий уровень эмоциональности пациента. В результате тяга к постоянному мытью рук, которое подавляло чувство тревожности, должна была исчезнуть. Лечение заняло три месяца. В течение этого времени пациента периодически побуждали к самоутверждению. Постепенно его эмоциональное состояние стало улучшаться, и к концу трехмесячного периода его навязчивая тяга совсем исчезла; спустя еще один месяц он выписался из клиники «совершенно здоровым человеком».

Этот случай показывает, что важно не только воздействовать на основной симптом, но и принимать во внимание все сопутствующие. Если бы мы боролись только с привычкой пациента постоянно мыть руки, то оставили бы в стороне гораздо более серьезные проявления тревожности (вегетативные симптомы), которые и являлись первопричиной этой навязчивой тяги. Только после избавления от скрытых симптомов можно говорить о полном выздоровлении. Слова о том, что невроз это не что иное, как сумма симптомов, часто подвергается критике, однако в данном случае упускается из виду тот факт, что термин «симптом» включает в себя не только очевидные физические или моторные симптомы пациента, но и вегетативные, и эмоциональные реакции, которые менее заметны.

Неправильное истолкование термина «симптом» привело к тому, что психологов критикуют за то, что они устраняют симптомы, а не пытаются разобраться в подсознательных комплексах; очень странно слышать, как люди критикуют бихевиористов[1] за то, что те *всего лишь* устраняют симптомы, хотя сами не могут сделать даже этого!

Экспериментальные психологи иногда с подозрением относятся к клиническим исследованиям, даже если предпринимаются попытки по проведению так называемых клинических экспериментов, когда сравниваются две группы пациентов: экспериментальная и контрольная. Подобный скептицизм объясняется тем, что даже по всем правилам проведенный клинический эксперимент никогда не сравнится по точности и эффектив

[1] Бихевиоризм — ведущее направление американской психологии XX в. Предметом психологии считается не сознание, а поведение, понимаемое как совокупность двигательных и сводимых к ним словесных и эмоциональных ответов (реакций) на воздействия (стимулы) внешней среды.

ности с лабораторным экспериментом, так как в данном случае невозможно учесть все факторы. Интересно, что лабораторный эксперимент по устранению фобии действительно имел место. Исследование проводилось в университете Питсбурга Питером Ланге и Дэвидом Лазовиком. Субъектами исследования были студенты, страдающие фобией на змей. Их выбрали по той причине, что эта фобия очень распространена среди учащихся (примерно три студента из ста боятся змей), а также потому, что психоаналитики объясняют ее причинами сексуального характера. «Тот факт, что фобия на змей считается отражением внутреннего конфликта, затрагивающего фундаментальные системы личности, указывает на то, что ее можно использовать для тестирования эффективности бихевиоральной терапии». В общей сложности в эксперименте приняли участие двадцать четыре субъекта. Студенты рассказали о различного рода неудобствах, которые испытывали от своего страха: «Меня начинает выворачивать наизнанку, когда я вижу змею»; «У меня потеют ладони; я не могу расслабиться». Все они начинали волноваться при виде змей по телевизору или в кинотеатре и либо выходили из зала с закрытыми глазами, либо отворачивались от экрана. «Даже изображения змей в журналах или книгах, а также различные предметы, такие как ремень из змеиной кожи, вызывали у них чувство тревоги.»

Была произведена оценка степени страха каждого субъекта на основе его словесных высказываний по этому поводу, а также с помощью экспериментальной ситуации, которая заключалась в том, что в комнате на расстоянии пятнадцати фунтов от входа была поставлена стеклянная клетка с абсолютно безобидной большой змеей. Экспериментатор заходил в комнату со студентом, затем подходил к клетке, снимал стальную решетку, закрывавшую ее сверху, и заверял студента в том, что змея неядовита и не может причинить ему вреда. Затем он просил его подойти и посмотреть на змею. Проводивший эксперимент измерял длину расстояния, которое каждый студент смог преодолеть по направлению к змее, и таким образом определял степень страха субъектов. Были записаны на пленку разговоры со студентами, которые подробно рассказывали об испытываемом ими страхе. На основе всех вышеперечисленных процедур студенты были разделены на две группы: на тех, кто должен был пройти курс бихевиоральной (поведенческой) терапии, и на тех, кто не должен был. Курс терапии занял одиннадцать сеансов в независимости от того, наступило ли к концу этого периода значительное улучшение состояния или нет. По завершении курса терапии студентам из экспериментальной и контрольной группы опять показали змею в клетке и попросили подойти поближе и подержать ее в руках; также было проведено повторное собеседование с каждым из субъектов.

Результаты эксперимента заключались в следующем. Во-первых, было обнаружено, что студентам из контрольной группы не удалось преодолеть свой страх, они точно так же боялись змей, как и в начале эксперимента. За эти несколько месяцев случаев спонтанной ремиссии не было. Состояние студентов из экспериментальной группы, напротив, значительно улучшилось, они уже не так боялись змей, как до начала курса терапии. Некоторые даже осмелились подойти близко к клетке и потрогать змею. Таким образом, несмотря на небольшое количество терапевтических сеансов, экспериментаторам удалось добиться заметного улучшения состояния студентов в тестируемой группе. Интересен тот факт, что степень улучшения была связана с общим уровнем тревожности субъекта. Те пациенты, если мы можем их так назвать, которые во время собеседования признавались в различного рода беспокойствах, получили от лечения меньше пользы, чем те, для которых змеи являлись практически единственным источником беспокойства и необоснованного страха. Кажется, есть все основания предполагать, что для того чтобы вылечить самых беспокойных субъектов понадобилось бы больше сеансов, чем для лечения более спокойных.

На основе результатов эксперимента Ланге и Лазовик пришли к трем основным выводам. Первый заключается в том, что «для того чтобы устранить чувство постоянного страха, необязательно пытаться узнать с помощью субъекта факторы, обусловившие появление фобии или ее «подсознательное значение». Согласно второму выводу, «использовавшаяся форма терапии не приводит к замещению симптома или к новым расстройствам психики». А последний вывод заключается в том, что «для того чтобы значительно ослабить фобические реакции, необязательно изменять основные модели поведения, ценности и моральные устои субъекта, также нет необходимости в изменении «личнос-

ти в целом». Забывание выученных фобических реакций аналогично устранению других реакций из поведенческого репертуара субъекта». Этот интересный и тщательно спланированный эксперимент еще раз подтверждает результаты, полученные в ходе других исследований, упоминавшихся в этой главе.

Это всего лишь некоторые из большого числа технологий реципрокного торможения тревожности и страха. Существует множество других, однако они более техничны по своей природе и поэтому не подходят для жанра этой книги.

Читатель может захотеть выйти за рамки перечисленных случаев и узнать, насколько упомянутые методы эффективны при лечении нервных расстройств. В частности, он, возможно, захочет узнать, являются ли эти методы более эффективными, чем, скажем, психоанализ. Ему также будет интересно, приведут ли они к лучшим результатам, чем самопроизвольная ремиссия. Как известно, скорость самопроизвольной ремиссии является таковой, что 45 процентов больных выздоравливают через год, а 70 процентов — спустя два года без какого-либо вмешательства психиатров. Спустя пять лет выздоравливает примерно 90 процентов всех больных.

Общепринятые психические и психологические методы лечения по своей эффективности не могут превзойти эти показатели, а иногда дают даже худшие результаты. Овчинка не стоит выделки, пока процент выздоровевших с помощью определенного вида лечения не превысит эти цифры.

И Вольпе, и Лазарус упоминают в своих отчетах о большом количестве пациентов с серьезными случаями нервных расстройств, которые проходили курс поведенческой терапии, как принято теперь называть этот вид лечения. Вольпе заявляет, что после тридцати сеансов у 90 процентов больных наступает полное либо заметное улучшение состояния. Так как для проведения тридцати сеансов требуется примерно три-четыре месяца, если не меньше, то становится очевидно, что скорость выздоровления в данном случае гораздо выше скорости самопроизвольной ремиссии, и намного выше скорости лечения с помощью психоанализа. Другие психологи и психиатры, обученные методам поведенческой терапии, приводят примерно такие же цифры, и, в целом, не остается сомнений в том, что методы, предложенные Вольпе, являются более эффективными, чем другие, существу-

ющие сегодня. В настоящий момент мы даже располагаем результатами экспериментальных исследований, в которых пациенты, страдающие нервными расстройствами, были распределены по группам в зависимости от типа и силы симптомов, а затем в случайном порядке распределены на две группы, одна из которых проходила курс психотерапии, а вторая — курс поведенческой терапии. В результате было обнаружено, что с помощью поведенческой терапии удалось добиться гораздо лучших результатов, чем с помощью психотерапии. После того как я лично рассмотрел все имеющиеся факты, то пришел к заключению, что поведенческая терапия в состоянии излечить даже самые серьезные случаи нервных расстройств, и что на настоящий момент из всех методов, практикующихся в наших клиниках, ни один не сравнится с методом поведенческой терапии по своей эффективности.

Часто это заключение критикуется на следующих основаниях. Во-первых, говорится, что в действительности невозможно провести точное сравнение подобного типа. Пациенты, проходившие лечение с помощью методики Вольпе, могут отличаться от пациентов, проходивших лечение с помощью психоанализа или принимавших участие в экспериментах по установлению сроков самопроизвольной ремиссии.

Если лечившиеся у Вольпе пациенты страдали менее серьезными заболеваниями, или если у них был более сильный стимул к выздоровлению, если они отличались еще по каким-либо параметрам, то можно было бы поспорить о том, правильны ли сделанные Вольпе выводы. Да, действительно, это так, и я согласен, что это сильный и вполне логичный аргумент. Однако, в целом, он меня не особо впечатляет. Как правило, пациент, обратившийся за помощью к психиатру, не имеет представления о методах, которые последний будет использовать для того, чтобы его вылечить, а пациенты Вольпе, Лазаруса и других — это люди, которым в первую очередь необходима помощь, а уж каким способом она будет оказана, это уже не так важно: они могли точно так же обратиться за помощью к психиатрам или психоаналитикам. К тому же случаи из практики, которые приводит Вольпе, мало чем отличаются от случаев из практики психиатров или психоаналитиков. В любом случае, эксперимент, в котором сравнивалась эффективность двух методов, показывает, что этот аргумент не может иметь решающей силы.

Возможно, более убедительным является другой аргумент, который в последнее время пользуется популярностью. Когда в начале 1950-х было заявлено, что психоанализ не имеет преимуществ по сравнению с самопроизвольной ремиссией, то многие психоаналитики и психиатры выступили с протестом против этой точки зрения. Однако в настоящее время подобного мнения придерживаются многие, в том числе и ведущие психоаналитики, и действительно все доказательства говорят о том, что это заявление сегодня следует рассматривать как констатацию факта. Однако в результате нескольких исследований было обнаружено, что хотя вид терапии не влияет на общий уровень выздоровления невротика, тем не менее, среди пациентов, проходящих курс лечения психоанализом, наблюдается большая вариабельность; другими словами, в отличие от контрольной группы, не получающей лечения, среди получавших лечение процент выздоровевших и процент тех, чье состояние намного ухудшилось, больше. Было сделано предположение, согласно которому этот факт объясняется различиями в профессиональных способностях психиатров, проводящих лечение.

В соответствии с данным аргументом, успех лечения зависит не от теорий и методов, применяемых психиатрами, а от некого мистического дара, которым они либо обладают, либо нет. Таким образом, можно сказать, что Вольпе, Лазарус и другие были всего лишь хорошими психиатрами, которые добились успеха при лечении своих пациентов потому, что у них присутствовал этот дар, а не потому, что их теория была логичной и правильной. Естественно, этот аргумент нельзя оставить без ответа. Люди сильно отличаются в том, что касается способности общаться с другими людьми, понимать их проблемы и заботы, сочувствовать и сопереживать, а также помогать им. Будучи лично знаком с Вольпе и другими поведенческими терапевтами, я могу с уверенностью сказать, что они действительно обладают какими-то особенными способностями, которые помогают им проникнуться трудностями и проблемами невротиков и разрабатывать методы, которые позволяют им с ними справиться. Так как я не обладаю подобными способностями, я всегда понимал, что хотя мои познания в области теории научения не уступают их знаниям, одних их недостаточно, чтобы добиться таких же великолепных результатов. Однако это вовсе не значит, будто я признаю тот

факт, что теория научения не имеет никакого отношения к успеху, которого добились поведенческие терапевты. Сам Вольпе, например, был убежденным сторонником психоанализа до тех пор, пока постоянные неудачи не вынудили его обратиться к поведенческой терапии, в результате чего он смог разработать новую систему лечения. Если один и тот же человек постоянно добивается успеха с помощью одной и той же системы и если его в то же время постоянно преследуют неудачи, когда он использует другую систему, то его успех нельзя объяснить его личными качествами, которые также имеют отношение к его неудачной практике. И это действительно так. Альберт Эллис, еще один известный поведенческий терапевт, сравнил свои успехи, которых ему удалось добиться с помощью психоанализа, с результатами, достигнутыми в рамках системы поведенческой терапии, и пришел к заключению, что последняя оказалась гораздо эффективнее.

В данном случае человек опять имеет отношение и к той, и к другой системе, и мы не можем сказать, что ее вид не имеет к лечению никакого отношения, когда видим, что с помощью одной системы ему удалось добиться значительных успехов, а при использовании другой его постоянно преследуют неудачи.

Согласно третьему аргументу, связанному с предыдущими, другие люди, которые применяли методы поведенческой терапии, не смогли добиться больших успехов, а также что мы должны обращать внимание не только на удачи, но и на неудачи. В целом, это действительно так, однако как аргумент имеет ряд недостатков. Психоаналитики настаивают на том, что человек может практиковать определенный вид лечения только в том случае, если он сам прошел продолжительный и полный курс соответствующей подготовки. Они считают, что тот факт, что некоторые психоаналитики, непрошедшие этой подготовки, но претендующие на использование методов психоанализа, не смогли излечить пациента, страдающего нервными расстройствами, вовсе не указывает на несостоятельность их теории. Точно также поведенческая терапия основана на современной теории научения, и никто не может считаться специалистом в этой области до тех пор, пока он не будет досконально знать все законы этой теории и пока не пройдет соответствующую подготовку. Любительские эксперименты также могут представлять немалый интерес, однако их не следует при-

нимать всерьез. Из многих опубликованных отчетов видно, что их авторы были (и это еще в лучшем случае) новичками в этой области, практически ничего не знали о теории научения и не проходили необходимую подготовку. Их отчеты могут быть интересными, однако непригодными для того, чтобы опровергнуть несостоятельность методов поведенческой теории. Чтобы что-либо опровергать, необходим соответствующий уровень компетентности.

Еще один момент, который нуждается в разъяснении, заключается в следующем. Сравнение может считаться правомерным только в том случае, если при отборе пациентов не происходит определенное искажение реальной ситуации. Дело в том, что очень часто подобного искажения трудно избежать во время испытания нового терапевтического метода. Я уже не раз замечал, что пациенты направляются к поведенческим терапевтам только в том случае, если все другие методы окончились неудачей. Другими словами, при лечении с помощью поведенческой терапии отбор пациентов происходит не случайно, так как терапевты имеют дело только с самыми тяжелыми случаями. Другие случаи, которые проще вылечить или для которых велика вероятность самопроизвольной ремиссии, редко доходят до той стадии, когда ими занимаются поведенческие терапевты. Очень важно удостовериться при сравнении, что подобного искажения не происходит.

Вне всякого сомнения, с течением времени все эти проблемы можно будет решить. В настоящее время проводятся эксперименты с целью выяснить конкретную степень успеха, которого можно добиться с помощью поведенческой терапии по сравнению с другими терапевтическими методами, а также предпринимаются попытки выяснить степень эффективности различных методов для различных клинических случаев. Через десять лет мы будем знать гораздо больше об эффективности тех или иных методов. Возможно, будет благоразумно подождать до этого времени и не торопиться пока с выводами. Однако я хотел бы подчеркнуть, что, на мой взгляд, имеющиеся на данный момент доказательства уже говорят о том, что поведенческая терапия является одним из самых многообещающих видов лечения, а также о том, что этот вид терапии, вероятно, решит наконец-то теоретические и практические проблемы, связанные с невротическим парадоксом. Он отличается от всех других методов, которые

базируются на эмпирических доказательствах, так как имеет под собой рациональную теоретическую основу, является результатом экспериментальных исследований.

Одной из характерных черт любой научной теории является тот факт, что она может объяснить явления, отличные от тех, для научного обоснования которых была предназначена. Имеет ли это отношение и к теории обусловливания и невротическим моделям поведения?

Я приведу один пример подобного применения этой теории, а затем перейду к обсуждению еще одного аспекта прикладной науки, который до сих пор не дает ответа на вопрос, возможно ли прогнозирование различных феноменов с помощью научных теорий.

Феномен, который я хочу объяснить в рамках нашей общей теории, носит название самопроизвольной ремиссии. Возможно, в области невротического поведения нет более важного, более основательного и более непонятного факта, чем самопроизвольная ремиссия. Сегодня никто уже не будет спорить, что невротики могут поправиться без психотерапевтического вмешательства, и я даже приводил данные о том, как быстро и насколько основательно происходит улучшение; хотя очевидно, что сам процесс остается загадкой. Мы можем сказать, что спонтанная ремиссия является функцией времени: чем больше период времени, тем большей будет степень спонтанной ремиссии. Однако это мало о чем нам говорит. Ясно, что фактором выздоровления является не само время, а то, что происходит в указанный промежуток времени, и именно это пока остается неразгаданной тайной. В действительности, согласно самой популярной теории в области психиатрии, а именно теории психоанализа, спонтанная ремиссия невозможна. Психоаналитики говорят, что нервные расстройства являются не чем иным, как выражением подсознательных желаний и страхов, связанных с либидо, которые подавляются еще в младенческом возрасте и удерживаются глубоко в подсознании до тех пор, пока не происходит нечто, что выводит их на поверхность. В результате этого у человека и появляются невротические симптомы. Согласно теории психоанализа, только процесс открытия, в результате которого субъект начинает осознавать свои глубоко сидящие желания и их связь с невротическими симптомами, может помочь ему избавиться от

них навсегда и вылечиться от нервного расстройства. Все остальные методы, будь то гипноз, внушение, поведенческая терапия или что-нибудь еще, могут использоваться в качестве дополнительных и теряют свой эффект с течением времени. С их помощью иногда можно избавиться от симптомов, но лишь на некоторое время, так как очень скоро они опять дадут о себе знать или им на смену придет другой еще более опасный симптом. В рамках этой гипотезы феномену спонтанной ремиссии нет места, особенно если она носит постоянный характер, и прежние симптомы не появляются вновь и не заменяются новыми. Можно сказать, что уже само существование спонтанной ремиссии является сильным аргументом против теории психоанализа.

Теория, которая описывается на этих страницах, естественно, существенно отличается от теории психоанализа. В соответствии с ней невротические симптомы представляют собой условные эмоциональные и моторные реакции, которые никак не связаны с комплексами, приобретенными в младенческом возрасте. Симптом — это болезнь, и исчезновение симптома означает исчезновение болезни. Далее наша теория говорит о том, что от симптома можно избавиться с помощью процессов торможения условных рефлексов, точно так же, как каждый день избавляются от них в лабораторных условиях, вне зависимости от того, реакции эти животных или же человека. Поэтому мы вовсе не удивлены, что спонтанная ремиссия часто имеет место. Если она происходит, то носит относительно постоянный характер, если симптом исчезает, то нет никаких причин говорить, что он может вернуться снова. Но можно ли объяснить саму спонтанную ремиссию?

На самом деле этот феномен очень легко объяснить; толкование следует из нашей же теории. Но действительно трудно объяснить тот факт, что в определенном количестве случаев спонтанной ремиссии не происходит, и хотя эта проблема, вероятно, под силу современной теории научения, очевидно, что подобные случаи усложняют довольно простую картину, которую мы нарисовали. Прежде всего, давайте объясним феномен спонтанной ремиссии. Предположим, мы выработали какой-нибудь условный рефлекс у животного. Каким образом чаще всего происходит разрушение этого рефлекса? Читатель, возможно, помнит, что этого можно добиться, демонстрируя животному условный стимул несколько раз без его закрепления, то есть без демонстрации безусловного стимула. После того как у собаки вырабатывается условный рефлекс — начинается слюноотделение при звуке звонка, его можно легко разрушить, если на протяжении определенного периода времени постоянно звонить в звонок, но не давать животному еды. Постепенно количество выделяемой слюны у собаки будет уменьшаться, пока в конечном итоге не прекратится вообще. Теперь давайте применим эту парадигму по отношению к типичному невротику, скажем, женщине, у которой развилась очень сильная фобия на кошек. Как только этот страх появляется в результате определенных процессов формирования условных рефлексов, пациентка, естественно, будет случайно сталкиваться с кошками на протяжении своей жизни. В этих случаях будет присутствовать кошка, которая является условным стимулом, однако не будет ситуации подкрепления этого стимула, потому что травмирующие обстоятельства, которые являются причиной условной фобической реакции, вряд ли будут опять иметь место. Если читатель вспомнит описание клинического случая женщины с фобией на кошек, которая начала бояться их после того как на ее глазах отец утопил котенка, то он поймет, что впоследствии травмирующие обстоятельства, естественно, больше не имели места. Таким образом, пациентка встречала условный стимул много раз, но он не закреплялся безусловным стимулом. Согласно теории научения со временем происходит разрушение условной реакции; другими словами, постепенно страх ослабевает и, в конце концов, исчезает вообще. Вне всякого сомнения, это происходит в большинстве случаев, и на примере многих индивидуальных историй болезни можно проследить развитие спонтанной ремиссии вплоть до момента разрушения условной реакции. Таким образом, объяснить спонтанную ремиссию несложно; трудность заключается скорее в том, как объяснить, почему у нашей женщины с фобией на кошек, например, этой спонтанной ремиссии *не* произошло, и ей понадобилась терапевтическая помощь.

Ответ, вероятно, заключается в существенных различиях между подопытным лабораторным животным, у которого были нарушены приспособительные реакции, и человеком. Собак Павлова привязывали к стойке; они не могли выйти из комнаты, и таким образом, их заставляли вступать в контакт с условными стимулами во время экспериментов по дезадаптации. Но челове-

ка нельзя поставить в такие условия; у пациентки, например, при встрече с кошкой была альтернатива, а именно: она могла повернуть в другую сторону и убежать. К каким же последствиям могла привести эта модель поведения? При виде кошки даже на значительном расстоянии у пациентки формировалась сильная симпатическая реакция, которая заставляла ее испытывать страх и приводила к крайне неприятным эмоциональным ощущениям. Когда она поворачивала в другую сторону и уходила от кошки в противоположном направлении, то кошка исчезала из ее поля зрения и расстояние между ней и пациенткой увеличивалось; оба эти фактора приводили к угасанию расстройства вегетативной системы и, таким образом, выполняли функции вознаграждения или подкрепления рефлекса за то, что женщина отворачивалась и убегала от кошек. Таким образом, происходил вторичный процесс обусловливания, а именно, имело место обусловленное избегание. Как только этот процесс начинался, с каждым следующим разом он подкреплялся, и постепенно у пациентки выработалась сильная привычка избегать условного стимула, и поэтому его торможение стало невозможным. Пациентка в данном случае избегала того, что психиатры иногда называют «тестом на реальность»; другими словами, она, выбрав такой образ действия, постоянно избегала условного стимула и поэтому спонтанная ремиссия была невозможна. Именно по этой причине в определенных случаях спонтанная ремиссия и не случается.

Это объяснение также имеет отношения и к другим фактам, знакомым читателю. Например, все знают о том, что если летчик потерпел аварию, он хочет незамедлительно опять подняться в небо, потому что знает, что если он на некоторое время воздержится от полетов, произойдет вторичный процесс обусловливания, который приведет к тому, что этот условный страх останется у него навсегда.

Точно так же во время войны было обнаружено, что лечение невротиков, страдающих от контузии, было более эффективным на линии фронта, в этом случае они быстро поправлялись и возвращались на поле боя; но если их направляли в тыл, в госпиталь, то становились непригодными для воинской службы. Причина, разумеется, та же, что обсуждалась ранее. Когда пациент оказывался в госпитале, происходило подкрепление стимула, и он как

бы получал вознаграждение за то, что убежал от опасности, и это подкрепление приводило к обусловленному избеганию опасности, которое оказывалось настолько сильным, что не подвергалось воздействию ни одного вида терапии. Таким образом, мы можем наблюдать целую серию феноменов, которые имеют отношение к спонтанной ремиссии и которые можно легко объяснить в рамках нашей теории обусловливания невротических реакций.

Как же теперь обстоят дела с нашим прогнозом? Следует заметить, что психоаналитики с уверенностью заявляют, что в рамках их теории только процесс психоаналитического «вскрытия» подсознательных комплексов, которые являются первопричиной невротического поведения, может избавить пациента от его проблем; все остальное приведет лишь к ухудшению болезненных явлений и его состояния в целом. Наша теория прогнозирует как раз противоположное. Если все невротические симптомы, это не что иное, как условные реакции, то их разрушение, либо посредством спонтанной ремиссии, либо посредством взаимного торможения, должно быть окончательным и бесповоротным. Ни ухудшения болезненных явлений, ни обострения невротических реакций происходить не будет; наоборот, будет наблюдаться улучшение состояния пациента в целом, причем независимо от симптомов, так как после избавления от своих симптомов, у пациента будет больше сил, чтобы справляться со всеми своими реальными проблемами и трудностями.

Поведенческие терапевты, естественно, с самого начала очень внимательно относились ко всем объективным возражениям относительно вероятности рецидива болезни и старались наблюдать за вылеченными пациентами в течение долгого времени.

Существующая по данному вопросу литература однозначно говорит, что рецидивы симптомов или их замещение не могут иметь места; в действительности интересно то, что в литературе психоаналитического характера гораздо больше примеров случаев рецидива симптомов после излечения пациентов с помощью психоанализа, чем в книгах по поведенческой терапии. Также интересно то, что первые попытки по применению методов поведенческой терапии в отношении невротических симптомов были сделаны известным сторонником психоанализа О. Моурером, который изобрел эффективный метод лечения энуреза. Он заяв-

лял о стопроцентном успехе этого метода и также наблюдал за излечившимися пациентами, так как был глубоко убежден в возможности рецидива симптомов. Однако его опасения не подтвердились и, возможно, именно это стало одной из причин того, что он отвернулся от психоанализа и стал одним из его самых непримиримых критиков. Но как бы там ни было, это возражение нельзя отнести на счет поведенческой теории и, кроме того, тот факт, что согласно теории психоанализа рецидив симптомов неизбежен во многих случаях, является мощным аргументом не в ее пользу. Причина того, что именно этот факт является одним из самых главных и решающих, заключается в следующем. Критики подчеркивают, что психоанализ представляет собой теоретическую систему, которая изначально является крайне противоречивой и имеет мало общего с объективной реальностью. С помощью психоанализа практически невозможно сделать точный прогноз, причем это доказано как экспериментальной, так и клинической практикой. Поппер, известный историк и философ, указывает на то, что неотъемлемым критерием любой научной теории должна быть возможность доказать ее ложность, другими словами, всегда должны иметься способы, с помощью которых можно эмпирически доказать несостоятельность теории, претендующей на статус научной. Он также подчеркивает, что марксизм и фрейдизм скорее напоминают два религиозных направления, чем две научные теории, так как практически не поддаются эмпирической фальсификации. С помощью этих теорий можно объяснить все что угодно, но нельзя ничего предсказать наверняка, а так как прогноз невозможен, то нельзя и доказать ложность этих теорий. Однако существуют пара моментов, относительно которых у психоаналитиков не возникает никаких сомнений и относительно которых они делают постоянные эмпирические прогнозы: рецидив симптомов после лечения, отличного от психоаналитического «вскрытия», является одной из точек соприкосновения с эмпирической реальностью, и здесь мы можем доказать ложность психоаналитической теории. В данном случае все факты явно указывают на то, что теория неправомерна, и демонстрируют, что прогнозы Фрейда не подтверждаются реальным положением вещей. Учитывая, что этот прогноз занимает центральное место в системе Фрейда, можно предположить, что психоаналитики должны были бы обратить внимание на этот

факт и пересмотреть свою теорию, особенно принимая во внимание существование доказательств низкой эффективности психоаналитических методов при лечении неврозов.

Но любопытно то, что этого как раз и не произошло. Вместо того чтобы отречься от своей теории, психоаналитики начали открещиваться от своей первоначальной трактовки и стали заявлять, что из теории Фрейда вовсе не следует, что рецидив симптомов должен обязательно иметь место в случае с методами, отличающимися от методов психоанализа. Подобная реакция очень любопытна, так как Фрейд и его самые известные последователи, вне всякого сомнения, были убеждены в вероятности рецидива. Трудно понять, как можно продолжать верить в теорию психоанализа в целом, отбросив в сторону одно из его самых важных положений. Можно предположить, что, постепенно, по мере того как будут появляться новые доказательства в пользу поведенческой терапии, психоаналитики начнут менять свою точку зрения до тех пор, пока поведенческая теория и психоанализ не станут одним целым. Когда это произойдет, психоаналитики все равно будут обращаться к Фрейду, но от его грандиозной схемы останется лишь пустая оболочка. Похожие тенденции на самом деле уже имеют место, многие психоаналитики признают, что различия между психоанализом и поведенческой терапией носят скорее семантический характер, то есть являются внешними, а не внутренними, и что они объясняются использованием различной терминологии.

В принципе, нельзя сказать, что это не так. Мы можем сравнить условную вегетативную реакцию во многих отношениях с бессознательным комплексом, приводящем к разнообразным поведенческим моделям, которые можно объяснить только с помощью этого основного причинного фактора. Однако, несмотря на определенное сходство, естественно, имеются и существенные различия. Предполагается, что комплекс носит универсальный характер и формируется в определенных, четко обозначенных жизненных ситуациях в первые два года жизни. В отличие от комплекса, предполагается, что условная вегетативная реакция может сформироваться у конкретного индивидуума в результате конкретного стечения обстоятельств; причем это может произойти в любой момент его жизни, а не только в первые два года; кроме того, предполагается, что вероятность формирования этой реакции выше у людей, которые пред-

расположены именно к данному типу реакций, другими словами, у людей, у которых быстро формируются условные рефлексы и чьи вегетативные реакции носят неустойчивый характер. Предположение, согласно которому две гипотезы являются идентичными — очевидное заблуждение; небольшое сходство не идет ни в какое сравнение с огромной разницей, которая имеет место. Особенно эта разница становится важной, когда речь идет о методах терапии, которые предлагают две теории, и в данном случае сходства не наблюдается вообще. Фрейдисты настаивают на эмоциональном «вскрытии», которого можно добиться, если оно вообще существует, с помощью бесед и последующей их интерпретации. Поведенческий терапевт настаивает на том, что лечение должно заключаться в процессе десенсибилизации и в разрушении приспособительных реакций, который включает в себя активное участие со стороны самого пациента. Эта активность не связана со «вскрытием» или уточнением символов сновидений; скорее она непосредственно связана с конкретной моделью поведения, которая имеет отношение к его невротическим симптомам. Нет такого аргумента, который мог бы сблизить эти два вида терапии.

Однако это вовсе не означает, что успех психотерапии нельзя, по крайней мере частично, объяснить в рамках поведенческой терапии. Во время типичного психотерапевтического сеанса пациент делится своими проблемами, страхами и тревогами с психотерапевтом, который подбадривает его и внимательно выслушивает, не осуждая и не критикуя некоторые утверждения, которые при других обстоятельствах, естественно, были бы для него неприемлемыми; кроме того, его присутствие оказывает успокаивающий эффект на пациента. Другими словами, в данном случае мы имеем дело с зачатками процесса реципрокного торможения. Пациент вспоминает и рассказывает о своих тревогах и страхах и ситуациях, которые способствовали их возникновению, а психотерапевт обеспечивает парасимпатическую стимуляцию, приободряя и успокаивая пациента. В таких условиях реципрокное торможение может иметь место и генерализироваться на различные жизненные ситуации, приводя к улучшению состояния. Почему же степень этого улучшения не превышает степень улучшения, которое происходит в случае спонтанной ремиссии? Ответ, возможно, носит двойственный характер. Человек, который не ходит на прием к психотерапевту, вероятно, обсуждает свои проблемы с другими людьми, которым он доверяет и на поддержку которых он рассчитывает; другими словами, в данном случае происходит то же взаимное торможение что и во время сеанса психоанализа, но в обычной обстановке и при общении с обычными людьми. Нет никаких оснований предполагать, что польза, которую он извлекает из этих бесед, будет меньшей, чем он бы извлек из беседы с психиатром. Возможно, все как раз наоборот. Психоаналитик специально обучен поднимать в разговоре определенные вопросы и обсуждать определенные темы, такие как детская сексуальность, отношение к родителям, и так далее, которые уже сами по себе вызывают у пациента беспокойство и, как следствие, приводят к тому, что процесс реципрокного торможения становится невозможным, а именно он, как уже не раз подчеркивалось, является решающим фактором улучшения состояния пациента.

Мы не будем постулировать, как это делают некоторые психоаналитики, что существует определенное сходство между психоаналитической доктриной и поведенческой терапией, а скажем, что если психотерапевты и добивались каких-либо успехов, то эти успехи можно объяснить тем, что они случайно, не подозревая об этом, следовали фундаментальной парадигме поведенческой теории: то есть применяли на практике принцип реципрокного торможения. Мы также можем пойти дальше и заявить, что реципрокное торможение часто имеет место в обычных повседневных ситуациях и способствует процессу спонтанной ремиссии.

Естественно, подобные утверждения трудно доказать, но в некоторых случаях из психоаналитической литературы становится очевидно, что психоаналитики используют методы, которые берут свое начало от поведенческой терапии, и что именно эти методы, а не психоаналитические способы «вскрытия» приводят к положительным изменениям. Перед вами любопытный отрывок из книги Вольпе «Психотерапия с помощью реципрокного торможения», в которой он рассматривает обучение самоутверждению как один из методов поведенческой терапии.

Вне всяких сомнений, даже если психоаналитики (и терапевты, придерживающиеся других доктрин) не поддерживают открыто процесс самоутверждения пациента, тем не менее, часто положительные результаты их терапии объясняются тем, что пациент

начинает отстаивать свои права и точку зрения, либо в результате того, что подобная модель поведения является логическим продолжением его бесед с психоаналитиком, либо из-за того, что пациент становится более уверенным после терапевтических сеансов. Наглядные примеры положительного терапевтического эффекта вследствие самоутверждения пациента можно найти в научной работе Зайца, посвященной двадцати пяти пациентам с психогенным расчесыванием кожных высыпаний. *Во время сеансов* он поощрял своих пациентов к выражению враждебности по отношению к другим людям. В то же время он препятствовал тому, чтобы они выражали агрессию в реальных жизненных ситуациях. Несмотря на это одиннадцать пациентов из двадцати пяти не стали следовать его советам. *Только у этих одиннадцати человек кожа стала чистой*; у остальных все осталось без изменений. Интересно то, что после того как этим пациентам был сделан выговор, и они стали вести себя более сдержанно на людях, у них возник рецидив симптомов. Возможность выразить свою агрессию во время терапевтических сеансов не привела к положительному эффекту. Очевидно, что критика в адрес своих друзей и родственников в присутствие психоаналитика, какой бы яростной она не была, не может настолько же эффективно подавлять тревожность, причиной которой они являются, как реальные ситуации, в которых пациент открыто высказывает свое мнение этим людям. Прискорбно, что Зайц был настолько занят своими психоаналитическими догмами, что не обратил внимания на поистине выдающиеся результаты своего исследования.

Мы показали, что современная теория научения может объяснить многие факты, имеющие отношение к невротическим расстройствам, с ее помощью также можно делать прогнозы относительно неизвестных до недавнего времени фактах, подлинность которых можно легко установить. В следующих главах мы приведем еще несколько подобных примеров. А в заключительной части этой главы мне бы хотелось затронуть еще один вопрос, который представляется мне важным. Одним из аргументов критики в адрес поведенческой теории является то, что поведенческие терапевты, точно также как и психоаналитики приводят в качестве наглядных примеров единичные клинические случаи, и что хотя это очень хорошие примеры, тем не менее, они не могут служить достаточным доказательством справедливости их теорий. Мы уже подчеркивали, что на сегодняшний день существует огромное количество клинических случаев с пациентами, которые были вылечены с помощью поведенческой терапии, кроме того, в нашем распоряжении имеются результаты исследований, в которых сравнивались различные виды терапии, которые однозначно говорят в пользу поведенческих методов. Но неверным будет предположение, согласно которому отдельно взятый клинический случай не представляет собой никакой научной ценности. В науке принято считать, что о значительном продвижении вперед можно говорить, когда определенный феномен можно контролировать экспериментальными способами, то есть когда мы можем сделать так, чтобы феномен претерпевал определенные изменения в зависимости от внешних условий, которые находятся под нашим контролем. Давайте теперь рассмотрим следующий случай из практики немецкого психолога Катша. У одного из его пациентов постоянно имели место сильные приступы астмы, каждый раз, когда он ночью ложился спать вместе с женой. Длительное лечение с помощью методов ортодоксальной психотерапии не привело к положительным результатам. В конце концов, Катш пришел к заключению, что источником беспокойства, которое приводило к приступам астмы, была теща пациента, с которой он часто конфликтовал, и что условным стимулом этих приступов был ее большой портрет, который висел в спальне пациента.

Теорию, естественно, можно проверить с помощью прогнозирования, которое покажет, является ли она верной или ошибочной. В соответствии с этим Катш перевернул портрет лицом к стене, и приступы астмы сразу же прекратились. Они возвращались, стоило Катшу перевернуть портрет обратно, и исчезали, когда он снова поворачивал его лицом к стене; другими словами, Катшу удалось добиться полного контроля над приступами астмы своего пациента. Сказать, что это лишь единичный случай, который не играет практически никакой роли, — значит совершенно не понимать, что представляет собой научный метод. Если бы Катш всего лишь заявил о том, что с помощью теории обусловливания он излечил конкретного пациента от конкретного недуга, то тогда мы могли бы с уверенностью сказать, что в данном случае не произошло ничего особенно интересного или важного, так как пациентов лечили и продолжают лечить с помощью

различных методов, начиная от поистине впечатляющих и заканчивая просто анекдотичными. Так, в литературе немало примеров случаев излечения пациентов с помощью электрического шока, посредством погружения их в глубокий сон, с помощью холодных ванн, горячих ванн, избавления от псориаза с помощью удаления всех зубов у пациента, с помощью различных диет, с помощью советов, о том, что и когда пить и пить ли вообще, объясняя симптомы в рамках фрейдистской теории или теории Юнга, и с помощью огромного числа других методов. Эксперты относятся к подобным отчетам об излечении определенных заболеваний с известной долей скептицизма, так как они не могут служить доказательством справедливости теорий, которые лежат в основе различных видов терапии. Но во время определенной терапевтической сессии мы можем попробовать сделать так, чтобы определенный феномен стал объектом строгого экспериментального контроля, как, например, в случае с экспериментом Катша; и когда мы действительно сможем его контролировать, то можно будет с уверенностью сказать, что мы продвинулись гораздо дальше факта излечения или не излечения невротика, и достигли уровня, на котором можно делать более точные прогнозы, и, следовательно, открыли более эффективный способ верификации наших теорий.

В следующих главах я рассмотрю еще несколько примеров данного метода; целью этой главы было привлечь внимание к вопросу, который представляет огромную важность, но которым часто пренебрегают.

Возможно, несколько моментов показались читателю противоречивыми и непонятными. Например, почему получается так, что когда поведенческий терапевт заставляет пациента терпеть присутствие стимулов, вызывающих у него страх, парасимпатические реакции, которые вызывает у пациента терапевт, тормозят симпатические стимулы, которые вызывает объект страха? Почему это происходит именно так, а не наоборот, почему пациент не начинает бояться и даже ненавидеть терапевта, почему последний не начинает ассоциироваться у него со стимулами, вызывающими страх? Это возражение вовсе не лишено смысла, как может показаться на первый взгляд, но ответ заключается в одном известном эксперименте Павлова, который имел место много лет назад. Он использовал безусловный стимул, еду, и условный стимул, электрический шок. В данном случае условный стимул является, разумеется, в определенном смысле и безусловным; обычно шок приводит к симпатической реакции, которая может проявляться в прекращении процессов пищеварения и выделения слюны, и поэтому он противодействует реакциям, формируемым безусловным стимулом. Павлову удалось использовать электрический шок как условный стимул после снижения его сил до такого уровня, что он перестал причинять собаке боль. Постепенно, постоянно применяя его во время кормления собаки, ему удалось снова увеличить силу тока до уровня, когда он практически парализовал ее. Но даже тогда, из-за того что электрический шок ассоциировался у собаки с едой, она продолжала реагировать на него как на условный стимул и у нее по-прежнему выделялась слюна. Мы знаем, судя по результатам огромной работы, проделанной в этой области, что если нетренированная собака получит гораздо менее сильный электрический шок перед кормлением, то у нее не только не будет происходить слюноотделение, но она даже не притронется к еде, и мы сможем наблюдать обратный процесс обусловливания; то есть, после этого она начнет относиться к предлагаемой еде с подозрением, так как у нее будут формироваться определенные симпатические реакции.

Этот эксперимент показывает, что направление процесса обусловливания — от А к В, или от В к А — можно контролировать, манипулируя силой соответствующих реакций, а также крайне осторожно и постепенно изменяя силу воздействия отрицательных условных стимулов.

То же самое справедливо и по отношению к поведенческой терапии. Если бы поведенческий терапевт сразу же столкнул пациента с очень сильными стимулами, вызывающими у него тревожность, то вполне вероятно, что пациент изначально стал бы относиться к терапевту враждебно, стал бы его бояться и испытывал бы беспокойство в его присутствии и изменил бы весь процесс обусловливания. Таким образом, необходимо, чтобы степень беспокойства, вызываемого терапевтическим сеансом, была относительно невысокой — такой, чтобы с этим беспокойством удалось справиться с помощью убеждения, релаксации и так далее. Как правило, терапевт определяет необходимую степень беспокойства из опыта своих предыдущих случаев, или по результатам наблюдений за поведением пациента, или с помощью

бесед с пациентом о том, насколько сильное беспокойство он испытывает и может ли он его терпеть. Более точную информацию о необходимой степени беспокойства можно получить с помощью электронных записей реакций вегетативной нервной системы, например, кожно-гальванической реакции, которую мы обсуждали ранее; т.е. тенденции увеличения электрической проводимости кожи по мере усиления эмоций. В качестве примера мы можем привести случай женщины с фобией на птиц.

Случай женщины с фобией на птиц

Этот случай, описанный Д. Ф. Кларком, имеет отношение к женщине тридцати лет, у которой развилась специфическая фобия по отношению к перьям и птицам, которая мешала ей быть полноправным членом общества. Она не могла выходить на улицу, гулять в парке или ходить в зоопарк со своим двухлетним сыном, не могла поехать отдыхать на море со своим мужем из-за страха того, что рядом с ней окажутся птицы, или, что еще хуже, что они набросятся на нее. Ей постоянно снились сны, в которых люди бросались в нее перьями или в которых на нее набрасывались птицы и начинали ее клевать. Этой фобии было примерно двадцать пять лет, первое воспоминание о ней относилось к шестилетнему возрасту, когда она не хотела смотреть на цыплят на ферме, плакала и ее уводили от них подальше. За исключением этой фобии личность женщины была охарактеризована как относительно нормальная.

Психолог попытался составить список всех предметов и ситуаций, который вызывали тревожность. С помощью пациентки он составил иерархию стимулов и затем приступил к поэтапной десенсибилизации. Пациентка сидела в кабинете психолога, и к ее левой руке были присоединены электроды для измерения кожно-гальванической реакции. Во время первого сеанса пациентке было показано одно единственное перо на расстоянии примерно двенадцати футов.

Женщину попросили сразу же сказать, если она вдруг почувствует сильный страх, и заверили, что тогда стимул, то есть перо, сразу же уберут. Психотерапевт очень внимательно следил за показаниями гальванометра, по которым можно было судить о том, действительно ли субъективный страх пациентки сопровождался соответствующими изменениями симпатической нервной системы. Это было важно, так как следовало избавиться не только от субъективного страха, но и от реакций вегетативной системы, его вызывающих. Если признаков страха не наблюдалось, то перо подносили ближе к пациентке до тех пор, пока их не разделял всего лишь один фут. Затем стимул убирали и с помощью гипноза ей внушали, что она спокойна и расслаблена. Каждая сессия состояла из двух или трех похожих сеансов. При малейших признаках страха и беспокойства стимул убирали и пациентке снова внушали, что она не должна волноваться, до тех пор, пока показания гальванометра не приходили в норму. Если после нескольких сеансов у женщины не наблюдалось ни объективных, ни субъективных признаков беспокойства, то во время следующей сессии, психотерапевт переходил к следующему объекту из иерархии. Материалы, использовавшиеся в качестве символов, включали в себя перья, пучки из перьев длиной четыре дюйма, перевязанные черной ниткой, полиэтиленовые пакеты, наполненные перьями, набитое чучело птицы с расправленными крыльями, птицы в клетках, цыплята, утки и другие домашние птицы.

К тому времени, когда пациентка была готова к сессиям с чучелами птиц, ее попросили кроме посещения клиники ходить в музеи на выставки набитых чучел птиц, а также посещать вольеры для птиц, окруженные проволокой. Позже, когда стало возможным использовать живых птиц, пациентка стала ходить в парк, где утки и другие птицы были настолько спокойными, что к ним можно было подойти и покормить с рук. Во время посещений парка и вольеров пациентку сопровождал муж и сын, и ей было сказано, что она должна немедленно уходить оттуда, как только почувствует беспокойство или страх. После двадцати сессий было решено, что пациентка больше не нуждается в лечении, однако ей посоветовали продолжать делать упражнения по релаксации при малейших признаках стресса. С тех пор она стала спокойно спать на подушках, набитых перьями, могла опустить руку в мешок с птичьим пухом и уже не боялась птиц, которых видела на улице.

Кларк указывает на важную роль показателей кожно-гальванической реакции, так как одним из важных моментов данного вида терапии является то, что по мере того, как градация стимулов уве-

личивается, субъект не должен нарушить схему реципрокного торможения. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он преступил допустимый порог беспокойства во время демонстрации стимула. В этой связи очень важно составить правильную иерархию стимулов и вовремя заметить повышенную тревожность пациента.

На ранней стадии лечения произошел один инцидент, который наглядно это демонстрирует. В то время, как терапевт успокаивал пациентку для того, чтобы заставить ее расслабиться после того, как ей был представлен один из самых первых стимулов из иерархии (маленькое перышко), он случайно упомянул про воробья, чирикавшего за окном. Показатели гальванометра резко изменились, женщина тут же напряглась и забеспокоилась, в результате чего сессию пришлось начать заново. К этой процедуре приходилось прибегать каждый раз, когда наблюдались признаки стресса. В данном случае упоминание о маленькой живой птице было сделано слишком рано и нарушило иерархию стимулов.

Этот факт представляет определенные трудности для терапии, которые читатель сейчас поймет. Если птица, которая чирикала за окном кабинета, привела к таким катастрофическим последствиям, то что тогда могло произойти с женщиной, если бы по дороге домой на нее случайно налетела большая птица? Нарушило ли бы это весь процесс обусловливания? Для того чтобы решить эту проблему, был разработан несколько другой метод терапии, который можно использовать вместе с методами, обсуждавшимися ранее. Этот метод заключается в следующем. К пациенту присоединяют два электрода и пускают по ним ток, сначала очень слабый, но постепенно силу тока увеличивают до тех пор, пока пациент уже не может его терпеть; в этот момент он должен закричать «Стоп!» и ток сразу же отключают. В рамках процесса обусловливания условным стимулом является то, что пациент осознает мускульные движения и звуки, вовлеченные в произнесение слова «стоп», безусловным стимулом является тот факт, что ток выключается, а реакцией является чувство облегчения и прекращение симпатической реакции боли. Этот процесс обусловливания повторяется несколько раз, так как предполагается, что с течением времени условного стимула, то есть произнесения пациентом слова «стоп», будет достаточно для того, чтобы вызывать чувство релаксации и облегчения. Если после этого пациент случайно столкнется на улице со стимулом, который при

других обстоятельствах вызвал бы у него сильное беспокойство или страх, то ему просто надо будет сказать себе «стоп!» для того чтобы ослабить или побороть симпатическую реакцию, вызванную этим стимулом. Этот метод уже доказал свою эффективность в целом ряде ситуаций, особенно в случаях с людьми, у которых быстро формируются условные рефлексы. А так как именно такие люди составляют большинство невротиков, то становится очевидно, что метод представляет большую ценность и что в будущем он, возможно, найдет более широкое применение, чем сегодня.

В некотором смысле его можно рассматривать как альтернативу понятия «совесть», которое представляет собой своеобразную реакцию тревожности, обусловленную асоциальными и противоестественными действиями, о чем пойдет речь в следующей главе.

Прежде чем завершить наш экскурс в поведенческую теорию, я хотел бы остановиться еще на нескольких моментах. Во-первых, методы поведенческой терапии применяются не только для лечения различных фобий и навязчивых состояний, но также для лечения сложных случаев тревожности, депрессии, сексуальных расстройств различного рода, и так далее. В данной главе были рассмотрены лишь самые простые случаи фобических реакций лишь потому, что для рассмотрения более тяжелых случаев понадобилось бы гораздо больше места. Для того чтобы подробно изложить один серьезный клинический случай, может понадобиться целая глава, а читатели, которых заинтересовали описываемые мною методы, могут найти описание различных клинических случаев в других книгах на эту тему. Когда я писал эту главу, то я не ставил себе задачу привести полный и детальный отчет о методах поведенческой терапии, а всего лишь хотел познакомить с ними читателя и рассказать ему о проблемах, которые возникают в связи с этим.

Во-вторых, я хотел бы сказать, что состояния дистимии, такие как тревожность, фобии, реактивная депрессия и навязчивые состояния не являются единственными проблемами невротиков и не являются единственными нервными расстройствами, которые можно излечить с помощью поведенческой терапии. Однако они составляют довольно обширную группу, и поэтому я решил рассмотреть их в этой главе. Другие расстройства, которые мы затронем в следующей главе, также можно объединить в группы.

V. Терапия или промывание мозгов?

Расстройства дистимического характера, которые мы обсуждали в предыдущих главах, естественно, не являются единственными, которые можно сгруппировать под общим заголовком «неврозы». Они, как правило, рассматриваются вместе по двум причинам. Во-первых, эти расстройства характерны для людей с определенным типом личности, которые являются интровертами и в то же время крайне эмоциональны. А во-вторых, у них практически одно и то же происхождение: подобные расстройства формируются в результате условных реакций вегетативной нервной системы и приводят ко всем вытекающим отсюда последствиям. Но кроме расстройств этого типа существуют еще и другие расстройства. Они также характерны для людей с похожими личностными характеристиками, но в данном случае эти люди скорее экстраверты, чем интроверты, и также крайне эмоциональны. Эти расстройства также имеют общую причину, но эта причина не связана с процессом обусловливания в результате некого травмирующего опыта, провоцирующего появление болезненных симптомов, от которых пациент хотел бы избавиться. Как раз напротив, для расстройств второго типа характерны симптомы, которые могут вполне устраивать пациента и даже ему нравиться, но противоречить интересам общества в целом или, по крайней мере, окружающих его людей. Я имею в виду такие отклонения от нормы, как гомосексуализм, фетишизм, трансвестизм (то есть привычка носить одежду противоположного пола),

алкоголизм, наркомания, мочеиспускание в постель, и возможно, даже преступность. Иногда общество наказывает некоторые из этих отклонений с помощью закона, однако в большинстве случаев противодействие носит косвенный характер и приводит к тому, что люди начинают испытывать беспокойство, чувство вины, а иногда даже начинают себя презирать. Эти чувства могут заставить человека искать помощи, точно так же как это может сделать страх попасть в тюрьму.

Что общего у всех этих расстройств? Для людей, страдающих подобными расстройствами, характерны странные и порой извращенные манеры поведения, которые порицает общество, но сами они не всегда считают их вредными, отвратительными или необычными. Эти привычки бывают врожденными или могут сформироваться в результате предыдущего процесса обусловливания; часто очень трудно выяснить, какая из этих двух причин наиболее вероятна. Возьмем, к примеру, гомосексуализм. Если мы используем нашу экспериментальную парадигму исследования близнецов, то обнаружим, что между однояйцевыми близнецами наблюдается 100-процентное соответствие, а между разнояйцевыми близнецами соответствие составляет только 12 процентов; из этого следует, что наследственный фактор играет очень большую роль. С другой стороны, хорошо известно, что определенные внешние обстоятельства могут обострить врожденные наклонности; так, например, известно, что государственные школы, армия, тюрьмы являются хорошей почвой для возникновения гомосексуализма. Другими словами, если мужчины долгое время общаются только с друг другом и практически не видят представительниц женского пола, то начинают заниматься гомосексуализмом. Вполне вероятно, что это происходит из-за своего рода генерализации от женщины к мужчине; в конце концов, и те и другие являются людьми и у них имеется много общего; при условии сильного сексуального желания и невозможности общения с противоположным полом, возможно, имеет место процесс обусловливания, который с течением времени подкрепляется и в конечном итоге приводит к тому, что человек остается гомосексуалистом на всю жизнь.

Однако в данный момент нас не интересуют вопросы происхождения отклонений в поведении, нам любопытен лишь сам факт

их существования, а также то, что люди с подобными отклонениями испытывают на себе сильное давление со стороны общества. Мы также не пытаемся выяснить, является ли критика со стороны общества правомерной или нет. Часто говорят о том, что гомосексуализм и другие отклонения в сексуальном поведении являются признаками деградации общества и соответственно являются опасными.

Согласно еще одной точке зрения, сторонники которой приводят в качестве примера древнюю Грецию, личные нравственные принципы и моральный устои отдельного человека не связаны с судьбами наций, а государство и общество не должны вмешиваться в частную жизнь взрослого человека, до тех пор пока его действия не начинают мешать всем остальным членам общества. В данной связи возникает немало противоречивых этических вопросов, которые, разумеется, также имеют отношение и к трансвестизму, и к фетишизму, и к другим сексуальным отклонениям. Я вернусь к этим вопросам несколько позже.

Целая группа нервных расстройств, которые мы будем обсуждать в данной главе и которые мы можем назвать расстройствами второго типа, можно разделить на две группы. С одной стороны, мы имеем расстройства, которые вызывают у самого субъекта положительные реакции и объясняются наследственными факторами или процессами обусловливания; в эту категорию входят такие отклонения, как фетишизм, гомосексуализм и так далее. С другой стороны, существуют такие расстройства, в отношении которых можно сказать, что причиной их возникновения является неспособность организма выработать реакции, желательные обществу; в эту категорию входит, например, энурез, или привычка мочиться ночью в постель, или даже такая преступная наклонность, как неспособность индивидуума выработать у себя то, что мы называем «совестью». Это разделение на две группы, возможно, является недостаточно обоснованным, так как грань между всеми этими расстройствами довольно размыта. Гомосексуализм может быть признаком неспособности человека поддерживать гетеросексуальные отношения или его можно объяснить тем, что человек привык к гомосексуальным отношениям и поэтому считает их нормальными. Мочеиспускание в постель можно объяснить неспособностью индивидуума выработать у себя привычку вставать и идти в туалет,

когда это необходимо, или тем, что он просто привык мочиться в постель. Точно так же преступность можно рассматривать как привычку поступать плохо, которая выработалась у человека в течение его жизни, или как неспособность выработать у себя привычки, одобряемые обществом.

Несмотря на то, что различия между двумя группами все-таки есть, вне всякого сомнения, критика этой точки зрения не лишена смысла, поэтому далее мы не будем рассматривать каждое расстройство по отдельности по той простой причине, что метод, который подходит для лечения одного из них, во многих случаях подойдет и для других. Однако мы решили рассмотреть преступность отдельно от остальных расстройств и посвятили целую главу происхождению преступности и методов ее лечения.

Как можно искоренить асоциальные привычки, нежелательные условные реакции и другие негативные черты этого типа? Ответ, естественно, заключается в перемене направления процессов реципрокного торможения, которые мы обсуждали в предыдущей главе. В частности, мы затрагивали проблему условных реакций тревожности, которые можно устранить путем формирования у субъекта приятных парасимпатических реакций, связанных с тем же самым стимулом. В данной главе мы имеем дело с нежелательными моделями поведения, которые вызывают у пациента приятные парасимпатические реакции, и поэтому от этих моделей поведения можно избавиться только, если у субъекта они начнут ассоциироваться с сильной симпатической стимуляцией. Иногда эту процедуру называют аверсивной терапией, и она отчасти напоминает методы, с помощью которых человечество постоянно боролось и борется с нарушителями законов, извращенцами и другими асоциальными элементами, сажая их в тюрьму, подвергая их порке, публичному порицанию и так далее.

На сегодняшний день известно, что наказание не является эффективным способом борьбы с социальными пороками. Далее мы покажем, что на самом деле, каким бы строгим оно не было, наказание практически не сказывается на поведении преступника, и вся история человечества является свидетельством того, что сексуальные и другие отклонения нельзя искоренить при помощи наказания. Эти отклонения всего лишь временно подавляются, или те, кому угрожает наказание, становятся объектами

шантажа и других форм преследования, или они начинают чувствовать себя несчастными до такой степени, что их жизнь становится невыносимой.

Наказание не может и никогда не сможет помочь искоренить вредные привычки и модели поведения по причинам, которые мы обсудим позже.

Хотя реципрокное торможение может на первый взгляд показаться похожим на некий вид наказания, на самом деле это нечто совершенно другое, так как в основе этого метода лежат совершенно иные принципы, и приводит он к совершенно иным результатам. Следующий пример покажет, как именно работают в данном случае принципы взаимного торможения.

Случай с детскими колясками и женскими сумочками

Пациент был женатым мужчиной тридцати трех лет, который находился на амбулаторном лечении в психиатрической клинике, где рассматривался вопрос о его лоботомии, после того как он набросился на женщину с детской коляской. (Лоботомия — это операция по удалению фронтальных долей мозга; это очень серьезная операция с тяжелыми последствиями, которую, как правило, делают лишь в том случае, когда пациент настолько серьезно болен, что любые изменения будут ему только на пользу. Сейчас этот метод используется крайне редко.) Это нападение по сведениям полиции было уже двенадцатым по счету, поэтому полиция серьезно отнеслась к его последней выходке, когда он дождался, пока женщина оставила коляску на улице, и вымазал ее маслом. Первый раз полиция задержала его, когда он сломал две пустые детские коляски на железнодорожной станции и поджег их. Он также рассказал о еще пяти случаях намеренного повреждения им детских колясок. Его признали виновным в нанесении серьезного ущерба и назначили ему испытательный срок с принудительным лечением в психиатрической клинике. В психиатрической лечебнице он был направлен в отделение для людей, страдающих различными неврозами, где спустя некоторое время было сделано медицинское заключение, согласно которому пациент был неиз-

лечим и потенциально опасен, и потому рекомендовалось оставить его в клинике. Однако ему удалось оттуда выписаться, и он продолжил ломать детские коляски. Когда его поймали за этим занятием в очередной раз, то сразу же направили в психиатрическую лечебницу, где он пробыл восемнадцать месяцев.

После выписки из клиники пациент намерено направил свой мотоцикл на коляску, в которой лежал ребенок. В последний момент он передумал, однако задел коляску и повредил ее. Его задержали за неосторожное вождение и оштрафовали. Позже он повредил еще одну коляску и забрызгал ее и женщину, которой она принадлежала, маслом. Он был обвинен в нанесении умышленного ущерба и оштрафован. Следующий раз его задержали и оштрафовали за то, что он на всей скорости проехал по луже и забрызгал коляску и женщину, которая прогуливалась с ребенком.

Следующий инцидент, двенадцатый по счету, согласно сведениям полиции, уже упоминался, на этот раз он был опять обвинен в нанесении умышленного ущерба и опять направлен для прохождения лечения в психиатрической клинике. Адвокат, выступавший на суде от имени истца, подчеркнул, что обвиняемый заслуживал сочувствия, однако он добавил, что последний представлял реальную угрозу для женщин с детскими колясками. Он также говорил о «том, что обвиняемый может нанести серьезный ущерб ребенку или матери, если его не изолировать от окружающих». Этого пациента лечил доктор Рэймонд, который описал клинический случай в журнале «Бритиш медикал джернал». Дело в том, что навязчивая тяга к повреждению детских колясок и дамских сумочек появилась у пациента еще в возрасте десяти лет, и хотя полиция знала только о двенадцати подобных случаях, на самом деле их было гораздо больше. Иногда пациенту удавалось сломать сразу несколько колясок за день, но в целом их количество равнялось двум-трем в неделю. В случае с сумками ему было достаточно просто поцарапать их кожу ногтями, причем он мог делать это совершенно незаметно, и поэтому в данном отношении проблем с полицией не было. Он прошел полный курс психотерапии, и с помощью гипноза смог вспомнить два важных события из его детства. Первый случай произошел, когда родители привели его в парк, чтобы он мог пустить на воду в пруду свой кораблик. Мальчик был под впечатлением от испуга женщины, когда толкнул свой кораблик под колеса детс-

кой коляски, которую она везла. Второй случай произошел, когда он впервые почувствовал сексуальное возбуждение от вида кожаной сумки своей сестры. Во время сеансов ему постоянно внушали, насколько важными являются эти события, а также объяснили, что коляски и женские сумки являлись для него «сексуальными символами», но это не помогло ему избавиться от этой навязчивой тяги.

Выяснилось, что пациент начал мастурбировать, начиная с десятилетнего возраста, причем объектами его сексуальных фантазий были исключительно женские сумки и детские коляски. Особое удовольствие ему доставляла мысль о том, как владельцы колясок ломают их собственноручно.

Он также признался, что мог нормально заниматься сексом только когда думал о колясках и сумках.

У него было двое детей, а его жена говорила, что он хороший муж и отец. Однако домашняя коляска и сумки жены также не были оставлены без внимания. Вид наполненной до отказа сумки сразу же вызывал у пациента возбуждение. Однако несмотря на то что сумки и детские коляски возбуждали его, он не достигал оргазма после того как портил их, хотя это моментально снимало у него напряжение.

В начале курса терапии пациенту объяснили, что в процессе лечения его отношение к сумкам должно было измениться в результате того, что они начнут ассоциироваться у него с неприятными ощущениями, которые заменят чувство сексуального возбуждения. Пациент отнесся к этому скептически, однако сказал, что согласен на что угодно, так как к этому времени он находился на грани отчаяния, которое усугубилось еще и тем, что на днях он почувствовал сексуальное возбуждение от вида сумок женщин, которые пришли навестить своих друзей или родственников, а также после просмотра рекламных объявлений в газетах.

При лечении применялись инъекции препарата, под названием апоморфин, который вызывает тошноту. В соответствии с парадигмой обусловливания, условные стимулы, детские коляски, женские сумки или их изображения показывались пациенту прямо перед тем как того начинало тошнить; тошнота, естественно, вызывает неприятные реакции, с которыми и должны были ассоциироваться условные стимулы.

Каждый сеанс занимал два часа, днем и ночью, пациент должен был воздерживаться от еды, а ночью ему кололи амфетамин, для того чтобы он не спал. К концу первой недели лечение было временно приостановлено, и пациенту разрешили побыть некоторое время дома. Через восемь дней он вернулся обратно в клинику и признался, что впервые смог заняться сексом женой без своих привычных фантазий. Жена сообщила, что заметила изменения в поведении мужа, но не могла точно сказать, в чем они выражались.

Лечение продолжилось, причем пациенту делались инъекции метина гидрохлорида — в тех случаях, когда апоморфин слабо действовал. Через пять дней пациент признался, что уже сам вид колясок и сумок вызывал у него чувство тошноты. Далее его привязали к кровати, рядом с которой стояли коляски и висели сумки, а инъекции стали делать через различные промежутки времени. Вечером девятого дня, он позвонил в звонок, и когда терапевт зашел в палату, то увидел пациента рыдающим. Он постоянно повторял: «Унесите их отсюда» и, казалось, совсем не реагировал на происходящее вокруг. Рыдания прекратились лишь после того, как коляски и сумки унесли из палаты и дали пациенту стакан молока и успокоительное. На следующий день он отдал врачам несколько негативов с изображениями детских колясок, которые он много лет постоянно носил с собой и которые стали ему не нужны. Его выписали из клиники, но он продолжал проходить лечение амбулаторно. Через шесть месяцев пациенту было предложено пройти дополнительный, контрольный курс терапии. Он согласился, хотя не считал, что в этом была необходимость. Специально для этой цели был снят цветной фильм, в котором были засняты разные женщины, мирно толкающие перед собой коляски, прогуливаясь по улицам и аллеям парков. Каждый раз фильм показывали пациенту непосредственно перед приступом тошноты, вызываемой апоморфином, и его выключали только после того, как этот приступ прекращался. Ему также давали подержать сумку.

За пациентом наблюдали в течение нескольких лет. У него отпала необходимость в своих старых фантазиях во время секса. Его жена призналась, что перестала за него волноваться и бояться, а также упомянула о том, что их сексуальные отношения стали гораздо лучше. Офицер полиции, который был назначен

для контроля за пациентом, отметил, что пациент делал заметные успехи, и что его отношение к жизни, его разговоры и даже внешний вид изменился к лучшему. У пациента больше не было проблем с полицией, а на работе он получил повышение.

Этот случай, который является одним из множества подобных, затрагивает ряд проблем, которые мы сейчас обсудим. Первая проблема связана с тем, что расстройства в данном случае лечатся чисто механическим способом. Это очень обижает многих людей, которые полагают, что этот вид терапии можно сравнить с промывкой мозгов, а также не приемлют саму мысль о том, что к людям можно подходить с сугубо механической точки зрения, словно человек является всего лишь набором условных рефлексов. Подобный упор на ценность индивидуальности и неприкосновенности личности делается все реже и реже в нашем все более бюрократическом и автократическом обществе. Тем не менее любую проблему нужно рассматривать со всех сторон, и, следовательно, принимать во внимание все возможные альтернативы. Первой альтернативой, естественно, могла бы быть некая форма психотерапии, психоаналитическая либо какая-нибудь другая. В медицинской литературе, и не только в ней, можно найти массу доказательств того, что в таких серьезных случаях, как этот, психотерапия бесполезна. Если с помощью методов психотерапии и удавалось добиться успеха, то этот успех был в большинстве случаев обманчивым и кратковременным. Также мы не можем надеяться на спонтанную ремиссию; в отличие от невротических расстройств первого типа, скорость спонтанной ремиссии при невротических расстройствах второго типа гораздо ниже и, кроме того, сами случаи спонтанной ремиссии крайне редки. Таким образом, мы должны отказаться, пусть даже неохотно, от идеи, согласно которой наш пациент поправится с течением времени либо с помощью психотерапии, либо без нее. И действительно, наш пациент прошел полный курс психотерапии без каких-либо положительных результатов.

Второй альтернативой было бы посадить пациента в тюрьму. Вне всяких сомнений, не согласившись пройти курс терапии, он оказался бы там. Если бы выйдя из тюрьмы, он продолжал нарушать закон, то каждый раз приговор был бы все более и более серьезным. Но каким бы строгим не было наказание, это никак

не повлияло бы на поведение пациента в будущем. По этому поводу также существует немало доказательств, которые указывают на то, что тюремное заключение этого типа не привносит кардинальных изменений в поведение сексуального извращенца.

Таким образом, тюрьма это не самый подходящий способ борьбы с подобными отклонениями.

С другой стороны мы также должны отказаться от еще одной альтернативы, которая заключается в том, чтобы просто его отпустить и назначить ему испытательный срок. Общество имеет право на защиту от различного рода опасностей, и нет никаких сомнений в том, что если бы пациента предоставили самому себе, то он совершил бы и более серьезное правонарушение. Между прочим, по крайней мере два раза он чуть было не сделал это, когда намеревался наехать мотоциклом на женщину с коляской, в которой лежал ребенок. Очень велика вероятность того, что в определенный момент судьба не была бы так благосклонна к пациенту, и он совершил бы преступление, которое нанесло бы непоправимый вред каким-либо членам общества, которые, разумеется, имеют право на защиту. Жалость по отношению к преступникам и извращенцам не должна завести нас настолько далеко, что мы перестанем думать о правах обычных людей, которые не являются ни преступниками, ни извращенцами.

Принимая во внимание вышесказанное, мы должны сделать верный вывод и не ошибиться, предлагая пациенту согласиться на методы терапии, которые могут оказаться для него крайне неприятными, но не долгосрочными (все лечение занимает примерно две недели), сажая его в тюрьму, отпуская его и предоставляя ему полную свободу действий и тем самым ставя под угрозу безопасность других людей, или предлагая ему пройти очень долгий и, скорее всего, малоэффективный курс психотерапии в клинике. В настоящее время мы располагаем только этими альтернативами, и я не могу понять, почему от поведенческой терапии следует отказаться, так как в ее основе лежат некоторые хорошо известные принципы обусловливания и теории научения. На самом деле эти принципы вовсе не так новы, как это кажется на первый взгляд. Философ Декарт, например, который сам был фетишистом, в 1649 году написал: «Откуда у некоторых людей появляются необычные страсти и желания?».

Разум и тело очень тесно связаны между собой, и если один раз определенная мысль была подкреплена определенным действием, то первое уже постоянно начинает подразумевать второе». В конечном итоге он пришел к заключению, что странные наклонности могут формироваться еще в раннем детском возрасте и «остаются в мозгу человека до конца его жизни». Другими словами, Декарт предвосхитил ассоциативную теорию фетишизма, но не смог понять, как можно нарушить сформировавшиеся приспособительные реакции или сложившиеся ассоциации. В действительности, нет причин, по которым эти ассоциации должны остаться в мозгу у человека до конца его жизни; сегодня мы располагаем средствами, которые могут освободить мозг человека от этих механических оков, которые он носит с детства или юношества.

Еще до того как была разработана парадигма обусловливания, объяснившая происхождение фетишизма, было известно, что подобные отклонения появляются в результате какого-то особенного события. Так, хорошо известный французский психолог Бине, который придумал первый тест на проверку умственных способностей и ввел понятие ментального возраста, полагал, что фетишизм появляется в результате того, что в жизни человека, предрасположенного к отклонениям, происходит определенное событие, а также что форма сексуального отклонения зависит от определенных внешних событий. Точно также известный сексолог Краффт-Эбинг считал, что фетишизм появляется сразу же после первого сексуального опыта фетишиста, во время которого некое событие приводит к тому, что чувство сексуального возбуждения начинает ассоциироваться у человека с единственным впечатлением. Этим взглядам можно противопоставить взгляды Фрейда, которые суммировал Рэймонд, и которые мы приводим ниже.

«Объект фетишизма выступает в качестве субститута женского (материнского) фаллоса, в существование которого мальчик когда-то верил. Этот объект помог ему справиться со страхом перед угрозой кастрации и не дал ему стать гомосексуалистом, так как женщины стали ассоциироваться у него с предметом, который вызывал у него сексуальное возбуждение. Объект также может символизировать последнее впечатление перед каким-то травматическим событием, которое экранируется его сознанием». Нет

надобности говорить, что доказательств справедливости этой теории, равно как и взглядов Фрейда в случае с маленьким Гансом, о котором шла речь в предыдущей главе, практически нет.

Возможно, полезно будет обратиться к следующему отклонению, а именно к трансвестизму.

Случай водителя грузовика, который переодевался в женскую одежду

Пациентом в данном случае являлся двадцатидвухлетний сын шахтера, который работал водителем грузовика, начиная с восемнадцати лет и который увлекался мужскими видами спорта, поднятием штанги и т.д. Он жаловался на то, что его постоянно тянуло переодеться в женскую одежду. Это желание появилось у него впервые, когда ему было восемь лет. Тогда он увидел лежавшее на кровати платье сестры, примерил его и рассмотрел себя в зеркале. После этого он постоянно при подходящем случае надевал ее платья, для того чтобы снять напряжение, сексуальное удовлетворение от этого он стал получать лишь когда ему исполнилось пятнадцать лет. С наступлением половой зрелости мальчик мастурбировал довольно редко, но каждый раз этот процесс сопровождался фантазиями на тему переодевания в женскую одежду. Два года он проходил воинскую службу в королевских военно-воздушных силах Великобритании, однако и там он продолжал практиковать трансвестизм, используя платья и юбки, специально купленные для этой цели.

Пациент был женат, и его сексуальные отношения с женой можно было назвать удовлетворительными: сексом он занимался три раза в неделю. Пациент признался, что решил жениться, надеясь избавиться от своих отклонений. Но практически уже в первые дни после свадьбы пациент вернулся к прежним занятиям и стал пользоваться косметикой и нарядами своей жены. Дважды он даже появился в женской одежде на публике. Блеймор и другие авторы отчета об этом клиническом случае пишут, « Он остро чувствовал необходимость психиатрической помощи, во-первых, из-за страха быть раскрытым, во вторых, из-за поддержки и советов жены, которая узнала о странных причудах своего

мужа совсем недавно». Лечение было спланировано тщательным образом и основывалось на следующих соображениях.

Мы считаем, что очень важно правильно подобрать условный стимул, для того, чтобы он наиболее точно соответствовал конкретному отклонению и чтобы он не подразумевал материал, который не имеет никакого отношения к модели поведения, которую нужно изменить. Таким образом, стимул должен носить сугубо индивидуальный характер и он будет разным для разных трансвеститов в зависимости от особенностей их поведения. Нашему пациенту недостаточно было просто посмотреть на женскую одежду или потрогать ее, ему обязательно нужно было надеть ее на себя и посмотреться в зеркало.

Поэтому мы решили, что он не должен будет надевать или держать в руках одежду во время лечения. До начала курса сделали двенадцать снимков пациента, на которых он был изображен в женской одежде, начиная от белья и заканчивая верхней одеждой.

Пациент также зачитал на пленку специально составленный для него текст следующего содержания: «Меня зовут...Сейчас я надел на себя женские трусики и хожу в них по комнате...Я одел на себя женские трусики и хожу в них по комнате, я также надел пояс для подвязок...» и так далее, до тех пор пока пациент не перечислил все предметы женской одежды. Это было сделано для того, чтобы увеличить силу воздействия условного стимула, и для того чтобы пациент ощущал его даже закрыв глаза во время того, как его тошнило. Это также должно было ускорить генерализацию в результате процессов научения.

Пациента положили в кровать в темной комнате, позади изголовья кровати установили проектор, а напротив нее — экран размером на 48 дюймов. Во время лечения особое внимание уделялось физическому состоянию пациента, каждые два часа ему измеряли температуру, пульс и кровяное давление. Аверсивная терапия проводилась по два часа в течение шести дней и шести ночей; для лечения применялся апоморфин. Как только укол начинал действовать (пациент говорил о том, что у него начинает болеть голова и его тошнит), включали проектор и магнитофон с уже упоминавшейся записью. Когда на экране появлялись условные стимулы, его просили не отводить взгляд от экрана. Пациент в точности выполнял все указания. Проектор не выключали до прекращения тошноты. В течение практически всего курса терапии физическое и психическое состояние пациента не вызывало никаких опасений. Он даже настоял на том, чтобы в течение этого периода подметать и мыть у себя в комнате пол и стены, так как он считал, что ему также нужна «трудовая терапия». Несколько раз его навестила жена, и это подняло ему дух на время лечения. В перерывах между инъекциями с ним проводили беседы врачи, психологи и медсестры. Однако эти беседы носили неформальный характер, особое внимание уделялось тому, чтобы при этом не происходило никакого внушения. После каждого сеанса пациент признавался, что он чувствовал унижение каждый раз, когда видел себя на экране.

Первоначально было запланировано семьдесят два сеанса, во время которых у пациента вызывали рвоту, однако от последних четырех было решено отказаться, так как мужчина стал крайне раздражительным.

Теперь он стал относиться к женским нарядам как к «искажению», которому он мог сопротивляться. Он уже не понимал, как переодевание в женскую одежду могло вызывать у него такие приятные ощущения. «В течение трех месяцев после окончания курса терапии с пациентом и его женой несколько раз проводили собеседования, и каждый раз они говорили о том, что выздоровление было полным и что они очень рады, что теперь их семейному счастью ничего не угрожало. Во время последнего собеседования пациент сообщил о том, что по просьбе жены он надел ее зеленую юбку, которая до начала лечения сильно его возбуждала, и при этом совершенно ничего не почувствовал». После лечения прошло уже несколько лет, но рецидива, в котором так уверены психоаналитики, не произошло.

В данном случае мы опять имели дело с методом терапии, который в народе называют «промывкой мозгов». Очевидно, что это крайне неприятный вид лечения, который создает массу [illegible]удобств и может быть очень болезненным. Однако мы [illegible] сравнить этот метод с его альтернативами. В данном слу[illegible] естественно, не идет о проблемах с законом, так как хот[illegible] и выходил на улицу в женской одежде, он все равно [illegible]зоблачен. Однако, как известно, аппетит приходит во [illegible], и вполне вероятно, что пациент мог забыть про осторо[illegible]

появляться на людях в женской одежде все чаще и чаще и в результате полиция бы рано или поздно им заинтересовалась бы. Однако главный стимул к желанию вылечиться заключался не в страхе быть раскрытым, а в стремлении сохранить свой брак, который наверняка бы развалился без вмешательства терапии. Учитывая, что лечение было необходимо и что пациент очень сильно хотел этого, какие же альтернативы можно было ему предложить? В прошлом широко применялась психотерапия, однако фактов, говорящих в ее пользу, очень мало. В прошлом также использовались такие методы как электростимуляция или хирургическое вмешательство, однако сомнительно, что они были бы более приятными и менее «механическими», к тому же существуют факты, которые говорят о том, что эти методы менее эффективны, чем метод, описанный здесь.

Похожие методы также применялись и в отношении гомосексуализма. В данном случае условными стимулами обычно являются фотографии обнаженных мужчин, хотя иногда используются и специальные видеофильмы. Можно предположить, что последние более напоминают реальную жизнь и, значит, вероятность того, что они будут провоцировать сильные условные реакции гораздо больше, однако до сих пор вопрос эффективности различных стимулов не изучен до конца. В этих экспериментах также используется апоморфин, известны и случаи применения электрического шока, который, естественно, более эффективен чем апоморфин. Силу тока и время ее воздействия гораздо легче контролировать, так как практически невозможно предсказать, когда именно начнутся тошнота и рвота и сколько это продлится.

Эффективность аверсивной терапии в случае с гомосексуалистами варьируется в зависимости от того, насколько пациент хочет вылечиться, насколько высока его мотивация, от причин по которым он хочет стать опять «нормальным» человеком. Дело в том, что может быть пациент на самом деле не хочет ничего менять в своей жизни, однако его могут вынудить прибегнуть к лечению, так как иначе он может попасть в тюрьму. Если мотивация носит внешний характер, то факты говорят о том, что лечение приносит положительный эффект, но этот эффект является краткосрочным. Внутренняя мотивация предполагает, что желание исходит от самого пациента, а не из-за давления извне, в этом

случае можно говорить о долгосрочном положительном эффекте. Конечно, нельзя делать категоричных утверждений, однако имеющиеся в нашем распоряжении факты указывают на то, что поведенческая терапия более эффективна при лечении подобных заболеваний, чем психотерапия или психоанализ.

Позже мы еще вернемся к этому утверждению.

Естественно, этот способ лечения гомосексуализма может вызывать ряд вопросов. Один из них связан с возможностью изменения сексуального поведения человека с помощью описанных выше методов. Мы уже упоминали о врожденном компоненте гомосексуальных наклонностей, и можно предположить, что если мы добьемся отсутствия у пациента сексуального желания по отношению к представителям одинакового с ним пола, то он возможно вообще не сможет испытывать сексуальное желание к кому бы то ни было. Однако на самом деле этого не может произойти. В большинстве случаев наблюдалось как раз противоположное, и по мере того как интерес по отношению к представителям своего пола падал, интерес к представителям противоположного пола возрастал. Вполне вероятно, что все мы бисексуальны до определенной степени, и некоторые из нас более склонны к общению с представителями своего пола, а некоторые — с представителями противоположного. Учитывая, что в одном источнике удовлетворения нам отказано, мы можем обратиться к другому. Поэтому данные опасения совершенно не оправданны. Гомосексуалист, который потерял интерес к мужчинам, вряд ли перестанет интересоваться сексом вообще, в действительности, в большинстве случаев он начинает поддерживать сексуальные отношения с женщинами.

Сила воздействия обусловливания и методов научения в области сексуальных отношений поистине вызывает удивление. В нашем обществе считается само собой разумеющимся, что при занятиях любовью важную роль играют поцелуи и ласкание женской груди. В других обществах, примеры которых уже приводились ранее, люди не знают, что такое поцелуй, а женская грудь представляет чисто функциональное значение. Обитатели островов в Южном море не понимают, почему белые моряки проявляют такой интерес к ничем неприкрытой груди их девушек и женщин. Даже в нашем обществе хорошо известно, что «культ бюста», который так характерен для наших дней, тридцать лет

назад всячески отвергался и считался неприемлемым. Культурологи-антропологи приводят множество других примеров сильно выраженных изменений, которые имели место в истории различных культур, а также различий между разными культурами. Эти различия вряд ли можно назвать врожденными, и поэтому они свидетельствуют об эффективности методов обусловливания в случае с сексуальными реакциями этого типа.

Лечение гомосексуалистов неизбежно затрагивает определенные этические вопросы, на которые, к сожалению, у меня нет ответа. По какому праву, можете сказать вы, государство вынуждает гомосексуалиста делать выбор между тюрьмой и кардинальным изменением своей личности, которое заключается в том, что он должен поменять свою сексуальную ориентацию. Вольфенден и другие реформаторы полагают, что у общества нет такого права и что взрослые люди не должны преследоваться законом за свои гомосексуальные наклонности, а лечение должно проводится только в том случае, если человек этого действительно хочет. С другой стороны, нам всем известны аргументы по поводу деградации нации и падения нравов вследствие терпимого отношения к гомосексуализму.

Я не могу притворяться, что не чувствую отвращения к гомосексуальным наклонностям, однако я также не могу сказать, что по этой причине другие люди должны изменить свое поведение. До тех пор, пока это не причиняет вреда другим людям, несправедливо наказывать людей за отклонения в сексуальном поведении, которые носят либо врожденный характер, и поэтому они в этом не виноваты, либо сформировались во время учебы в школе для мальчиков, во время службы в армии, или во время отбывания наказания в тюрьме, то есть в условиях, за которые гомосексуалист не может нести никакой ответственности. В самом деле, как общество может осуждать или преследовать гомосексуалистов, если оно само подготовило почву для их появления. До тех пор, пока общество не сделает все школы общими для мальчиков и девочек, не разрешит женам посещать заключенных в камерах, не сделает возможным регулярные контакты с противоположным полом солдат, проходящих службу в армии, гомосексуализм не только не искоренится, а даже напротив, распространяться. Если общество действительно хотело бы избавиться от гомосексуализма, то оно

пошло бы совершенно другим путем; вместо того чтобы применять поразительно неэффективные методы, подразумевающие наказание, оно бы сделало бы все возможное чтобы сделать гетеросексуальные контакты легче и всячески бы поощряло тот тип сексуального поведения, которое считается в нашем обществе нормальным. Меня также не впечатляют аргументы, указывающие на вырождение и упадок нации. Со времен правления королевы Елизаветы I и до времен королевы Виктории, англичане были у всех на устах из-за того, что в Англии процветали гомосексуальные наклонности. В то же время Англия тогда была одной из самых сильных и процветающих держав. Поэтому я не вижу никакой связи между гомосексуализмом и упадком нации. В качестве примера также можно привести Древнюю Грецию, в которой период национального расцвета совпал с бурным развитием гомосексуальных наклонностей. Очевидно, что это совершенно разные вещи, которые никак между собой не связаны.

Как же поведенческому терапевту разрешить этические вопросы, связанные с лечением данного типа отклонений? Естественно, проблем не возникает, если нужно помочь пациенту, который сам изъявил желание изменить свою сексуальную ориентацию, пациенту, который просто в отчаянии от того, что он не может поддерживать сексуальные отношения с противоположным полом, пациенту, который готов пойти на что угодно, чтобы стать «нормальным». Проблемы возникают, если человек обращается за лечением, поскольку в противном случае его могут посадить в тюрьму. В данном случае, естественно, лечение будет проходить против его воли и терапевту необходимо решить, браться ли ему за его лечение или нет. В действительности мы можем сказать, что ответственность в данном случае лежит на обществе, а конкретнее на исполнителях закона. Означает ли это, что в данном случае терапевт избавлен от необходимости решать этические вопросы? Дело в том, что в действительности эти вопросы должен решать сам потенциальный пациент, поэтому терапевту надо определить, не противоречит ли лечение или отказ от него его собственным моральным принципам. В данном случае я не могу взять на себя смелость что-либо советовать.

Насколько успешно лечение расстройств второго типа с помощью терапевтических методов обусловливания? В целом нас-

то говорят, что эти методы менее эффективны, чем поведенческая терапия, применяемая в случае с расстройствами первого типа. Насколько это заявление справедливо? В связи с этим возникают два вопроса; во-первых, мы видим, что с теоретической точки зрения можно предположить, что расстройства второго типа труднее излечить, чем расстройства первого типа и для них более характерны рецидивы. Вероятно, это действительно так, но у теории научения есть что предложить на сей счет. Второй вопрос, который мы постараемся подробно изучить, касается того факта, что многие люди занимались аверсивной терапией без надлежащих знаний в области теории научения, и, естественно, совершали ошибки, которые неизбежно приводили к провалу всего лечения в целом. Поведенческая терапия, разумеется, не виновата в этих провалах и в действительности, то, что эти ошибки можно выявить с помощью теории научения, только говорит в пользу последней, а не наоборот. Давайте сначала рассмотрим причины, по которым считается, что поведенческая терапия в отношении расстройств второго типа менее эффективна, чем по отношению к расстройствам первого типа.

Мы постулировали три типа невротических расстройств. Первый тип представляет собой условные эмоциональные реакции неадаптивного типа, которые, вероятно, формируются в результате некого травматического события, или, возможно, в большинстве случаев они являются следствием нескольких субтравматических событий. Эти неприятные эмоциональные реакции приводят к расстройствам первого типа, и мы установили, что в данном случае часто происходит спонтанная ремиссия, и что если эти реакции были один раз разрушены (либо с помощью поведенческой терапии либо в результате спонтанной ремиссии), то маловероятно, что они могут сформироваться снова. Мы также установили, что случаи рецидива болезни при расстройствах первого типа крайне редки. Расстройства второго типа можно разделить на две разновидности, которые различаются по многим параметрам.

К первой разновидности относятся условные эмоциональные реакции неадаптивного типа, которые могут быть приятны для субъекта, но неприемлемы для общества; в эту группу можно включить гомосексуальные наклонности, фетишизм, трансвестизм, алкоголизм и другие. Под вторую разновидность подпадают расстройства, связанные с неспособностью формирования условных эмоциональных и базовых реакций адаптивного типа; сюда мы можем включить такие расстройства как энурез и, возможно, преступные наклонности.

Для расстройств первого типа характерно то, что пациенту необходима десенсибилизация стимулов, которые являются для него болезненными, неприятными и вызывают беспокойство. Для расстройств второго типа характерно то, что в данном случае необходимо выработать сильные, неприятные условные реакции по отношению к стимулам, которые в процессе обусловливания стали ассоциироваться у человека с приятными ощущениями. В некоторых случаях, однако, трудно определить, какая из двух гипотез наиболее верная; мы уже видели, что гомосексуализм может быть врожденным, но может быть и результатом неправильного обусловливания. Однако в данном случае определение причинного фактора не играет особой роли; главное, что для расстройств второго типа необходимо активное вмешательство процессов аверсивного обусловливания.

У аверсивной терапии, естественно, есть много недостатков. Во-первых, как мы уже говорили, часто мотивация пациента гораздо слабее, чем в случае с расстройствами первого типа, которые причиняют ему много страданий и от которых он хочет избавиться любым способом. Отклонения второго типа причиняют пациенту гораздо меньше страданий, причем их источником является, прежде всего, общество. Мы оставим пока в стороне вопрос о том, имеет ли общество право принуждать субъекта к лечению, но в любом случае можно сказать, что эту мотивацию нельзя сравнить с внутренней мотивацией субъекта, которая имеет место в случае с расстройствами первого типа.

Однако возникает еще одна проблема, которая в действительности гораздо серьезнее, чем упомянутые выше.

Мы уже говорили ранее о том, что условные реакции могут исчезнуть, если их ничем не подкреплять. Это, разумеется, имеет отношение и к аверсивной терапии, которую мы рекомендуем для расстройств второго типа. Возьмем к примеру человека, который в результате обусловливания стал ассоциировать обнаженных мужчин с тошнотой и рвотой. Сила этой условной реакции, как и всех других условных реакций, может колебаться; то

есть каждый день и даже каждый час она может то увеличиваться то уменьшаться. Подобное колебание является известным экспериментальным феноменом. Даже у собаки, у которой в результате обусловливания при определенных условиях выделяется слюна, количество слюны не всегда будет одинаковым, когда ее помещают в экспериментальную лабораторию. Это колебание зависит от различных факторов и в том числе и от внутреннего импульса. Чем больший голод испытывает собака, тем обильнее будет у нее слюноотделение. Теперь давайте опять вернемся к гомосексуалисту, у которого после обусловливания выработалось отвращение к представителям своего пола. Предположим, что у него есть жена, с которой он счастлив в браке и поэтому не испытывает острой потребности в сексе. Теперь давайте представим, что его жена больна или у нее слишком долго длится менструация. В этот период его сексуальное желание будет расти с каждым днем воздержания, но возможности его удовлетворить не будет. Представим, что как раз в этот период он встречает своего старого друга-гомосексуалиста, который просит его вернуться к их прежним отношениям. Если эта просьба совпадет с моментом, когда сексуальное ожидание пациента достигнет практически апогея, аверсивные реакции будут ослаблены, то вполне вероятно, что он согласится на предложение. Это неизбежно приведет к тому, что условные реакции частично разрушатся, и когда у пациента снова возникнет соблазн, то ему будет еще труднее ему противостоять. То же самое, можно, разумеется, сказать и в отношении алкоголиков, или фетишистов, а также других людей, страдающих отклонениями второго типа. Иными словами, я пытаюсь сказать, что в случае с этим типом расстройств спонтанная ремиссия невозможна, что как раз наоборот принцип угасания условных реакций разрушает результаты терапии и работает на руку «спонтанной ремиссии» условной реакции, от которой мы хотели избавить пациента.

Иначе говоря, при таких условиях вероятность рецидива гораздо выше в отличие от расстройств первого типа. Наш теоретический анализ, таким образом, привел нас к заключению, что рецидив будет в данном случае более выраженным, и факты это действительно подтверждают. Вне всякого сомнения, какой бы способ терапии мы не применяли по отношению к расстройствам второго типа, случаев рецидива может быть очень много.

Однако вышесказанное не означает, что мы должны признать неспособность поведенческой терапии справиться с этими проблемами. Современная теория научения предлагает несколько решений по усовершенствованию наших методов, для того чтобы в будущем рецидивы не имели места. Два из этих решений вполне очевидны, и, возможно, читатель уже догадался, что я имею ввиду. Первое решение заключается в том, что мы продолжаем процесс обусловливания еще долгое время после того, как он принес положительный эффект. Иногда этот процесс называют « пере-обусловливание», читатель поймет, как он работает из описания лабораторного эксперимента. Предположим, что мы выработали кожногальваническую реакцию на слово «корова», постоянно сопровождая это слово электрическим шоком; предположим также, что у субъекта эта реакция выработалась после трех сеансов. Если мы на этом остановимся и станем разрушать эту реакцию, просто показывая пациенту карточку со словом «корова» не подкрепляя этот стимул электрическим шоком, то окажется, что период угасания реакции будет очень коротким: понадобится примерно пять сеансов. Однако если бы мы продолжали подкреплять наш условный стимул снова и снова, не обращая внимание на то, что условная реакция уже сформировалась, скажем, если мы проведем с пациентом еще сеансов тридцать или пятьдесят, то окажется, что процесс угасания реакции займет очень длительный период. Другими словами, для того чтобы не допустить угасания реакции и уменьшить влияние колебания, мы должны произвести дополнительное обусловливание.

Однако в большинстве случаев это невозможно по нескольким причинам. Во-первых, процесс занимает очень много времени, а время дорого как для терапевта, так и для пациента. Во-вторых, сама процедура крайне неприятна и болезненна для обоих, поэтому курс лечения стараются завершить как можно быстрее. Рекомендации продолжить лечение будут отбрасываться как терапевтом, так и пациентом, который наверняка откажется продолжить терапию, если почувствует, что обусловливание прошло успешно. Применение апоморфина, который вызывает рвоту и тошноту, также является одной из причин, и я всегда говорил, что он не подходит для лечения с помощью аверсивной терапии, так как в данном случае трудно — а иногда и вообще невозможно правильно

рассчитать время между презентацией безусловного стимула и условного стимула. Хорошо известно, что время играет важную роль в формировании условных реакций; экспериментальным путем было доказано, что обусловливание является оптимальным, если между безусловным и условным стимулом проходит примерно полсекунды, и что даже если этот период увеличить всего лишь на пару секунд, то обусловливания может не произойти. Лекарственные препараты не всегда могут помочь нам установить необходимый интервал времени, и поэтому нам необходимы другие средства, такие как электрический шок или высокочастотные звуки, поступающие через наушники. Эти средства менее неприятны, и их воздействие гораздо легче контролировать. Пример применения электрического тока в аверсивной терапии, который приводится ниже, показывает, что в этом случае вовсе не обязательно использовать сильный электрический шок, а проблемы, связанные с процессом дополнительного обусловливания, вовсе не такие уж неразрешимые, как это кажется на первый взгляд.

Случай инженера, который любил носить корсеты

Пациентом в данном случае был тридцатитрехлетний инженер, который был женат четыре года и у которого был сын. У него было довольно трудное детство, так как его отец был невротиком, а старшая сестра постоянно испытывала различного рода стрессы. Наклонности трансвестита появились у него примерно в четырехлетнем возрасте. В детстве ему очень нравилось надевать одежду матери или сестры. В возрасте четырнадцати лет у него впервые произошла эякуляция, после того как он одел на себя корсет. Впоследствии, переодеваясь в женские наряды, он часто мастурбировал. Служба в армии несколько приостановила этот процесс, но, тем не менее, даже там он постоянно фантазировал на тему переодевания в женскую одежду. После окончания службы в армии он продолжил свои занятия трансвестизмом, и в скором времени у него появилась непреодолимая тяга выходить ночью на улицу в женском платье, в парике и при полном макияже. На первых порах своей супружеской жизни он переодевался в женскую одежду, для того чтобы добиться эрекции во время полового акта; его жена, естественно, была против, и хотя он по ее просьбе перестал это делать, он продолжал мастурбировать, надевая на себя женское белье, когда жены не было дома. Шесть лет поддерживающей психотерапии не дали положительного результата, кроме того у него выработалась зависимость от содиума амитала, который ему прописывали для того, чтобы снимать напряжение.

Блейкмор описывает курс последующей терапии следующим образом.

Пациенту не доставляло практически никакого удовольствия держать предметы женского туалета в руках, он любил наряжаться в женскую одежду и смотреть на себя в зеркало, и главное удовольствие для него заключалось в ощущении женской одежды на своем теле. Лечение проводилось в маленькой комнате, посреди которой стояла ширма. За ширмой находился стул, зеркало в полный рост и металлическая решетка на полу, подключенная к ручному генератору электрического тока. В результате любой, кто стоял на решетке в момент, когда генератор был включен, получал сильный и крайне неприятный шок.

В начале каждого из сеансов, из которых состоял курс терапии, пациент без одежды становился на решетку и по команде начинал одевать на себя свой «любимый наряд». Он был несколько изменен для использования во время лечения: в нейлоновых чулках были сделаны специальные прорези, а в подошвы туфель были встроены металлические пластины, которые должны были выполнять функции проводников.

В определенный момент, в процессе одевания, пациент либо получал электрический шок, либо слышал гудок. И то и другое было сигналом к раздеванию, шок или гудок применяли через различные интервалы времени до тех пор, пока пациент не снимал с себя всю женскую одежду.

В целом с пациентом было проведено четыреста сеансов, по пять за один раз с перерывом в одну минуту между любыми двумя сеансами, с интервалом в полчаса с девяти утра и до вечера в течение шести дней. Для того чтобы избежать одного и того же количества предметов женской одежды, которую надевал на себя пациент, и стереотипного процесса раздевания, интервалы между сигналом к раздеванию варьировались от сеанса к сеансу. После излечения

пациент наблюдался еще в течение нескольких лет, и оказалось, что у пациента исчезло желание заниматься трансвестизмом и что его отношения с женой значительно улучшились. Он также практически перестал употреблять содиум аметил, который до лечения, он принимал в течение многих лет. Отсюда следует, что у электрического шока больше преимуществ чем у препаратов, вызывающих тошноту и рвоту. Этот метод лучше не только с точки зрения терапевта, проводящего лечение, но и предпочтительнее для пациента.

С этим клиническим случаем связан один момент, который имеет отношение к колебанию и формированию внутреннего стимула. Когда жена пациента забеременела, его терапевт запретил ему заниматься с ней сексом из-за опасения случайного выкидыша, который уже не раз имел место. Пациент почувствовал как внутри него нарастает напряжение, стал крайне раздражительным и начал испытывать сильную потребность в аметале. Спустя три месяца он почувствовал, что он находится на грани срыва; желания переодеться в женскую одежду не было, однако он не мог снять напряжение с помощью мастурбации. Кризис наступил за день до рождения ребенка. Он напился на вечеринке на работе и под воздействием алкоголя позвонил проститутке, которая предлагала свои услуги трансвеститам. Он встретился с ней, причем во время секса на нем были некоторые предметы женской одежды. Пациент признался, что испытал сексуальное облегчение, хотя, как он добавил, оно не было полным. Затем он вернулся домой все еще в состоянии опьянения. Он очень сожалел о случившемся и корил себя. И хотя из медицинских соображений он не мог заниматься сексом с женой, выписавшейся из роддома, попыток и желания переодеться в женскую одежду больше не было. Он до сих пор испытывает сексуальное влечение к девушкам, которые работают с ним в офисе, и ему доставляет удовольствие заниматься любовью со своей женой. Он до сих пор переживает по поводу своего неожиданного рецидива и не может его объяснить, учитывая свое нормальное отношение к представительницам противоположного пола.

Второй метод, который можно использовать для преодоления трудностей, связанных с рецидивами, заключается в дополнительных сеансах терапии. Это, естественно, стандартная медицинская практика при различных расстройствах. Таким образом, в некоторых клиниках для алкоголиков, гомосексуалистов и других людей, получающих такой же вид лечения, является стандартной практикой приглашать своих бывших пациентов пару раз в год для кратковременного дополнительного лечения. В данном случае опять возникают проблемы, связанные с неприятными последствиями воздействия апоморфина, но нет никаких оснований полагать, что этот безусловный стимул можно заменить на другой, менее неприятный.

Эти два метода не противоречат здравому смыслу, и любой человек с улицы может понять механизм их работы, не вникая в теорию научения. Третий предлагаемый нами метод на первый взгляд кажется парадоксальным, так как создается впечатление, что он должен привести к противоположным последствиям. При обычном ходе событий процесс обусловливания, который мы проводим, основан на том, что иногда называют полным или стопроцентным подкреплением; другими словами, мы показываем собаке мясо каждый раз когда звонит звонок, или мы подвергаем человека электрическому шоку каждый раз, когда показываем ему табличку с надписью «корова». Однако подкрепление не обязательно должно быть стопроцентным, оно может быть частичным. Другими словами, мы можем подкреплять условный стимул в пятидесяти или даже в двадцати процентах всех терапевтических сеансов. Какой же эффект это окажет на угасание условного рефлекса? Факты, собранные за последние тридцать лет, однозначно говорят о том, что как для животных, так и для человека при частичном подкреплении вероятность угасания сформированного рефлекса гораздо ниже, а само угасание происходит медленнее чем при стопроцентном подкреплении. Теоретически этот факт можно объяснить несколькими причинами, но, по правде говоря, до сих пор неясно, почему именно частичное подкрепление так влияет на процессы угасания условных реакций. Однако мы избавлены в данном случае от беспокойства по поводу теоретического обоснования данного эффекта; для того чтобы снизить вероятность угасания условных реакций у пациентов, которых мы лечим с помощью аверсивной терапии, нам достаточно знать, что оно имеет место. С. Х. Ловибонд, австралийский психолог, использовал этот принцип в эксперименте, в ходе которого пытался вылечить две группы детей от энуреза. Дети лечились с помощью описываемого ранее метода Моурера, но в одном случае подкрепление

было стопроцентным — другими словами, звонок звонил каждый раз, когда ребенок мочился в постель, а во втором случае — частичным, когда звонок звонил только в двух случаях из трех. Был сделан прогноз, согласно которому последующее наблюдение за детьми должно было показать большее количество случаев рецидивов, среди тех детей, которые получали стопроцентное подкрепление, и Ловибонд доказал, что это действительно так. Таким образом, у нас есть третий метод снижения вероятности рецидива, который заключается в частичном закреплении стимула. Вне всякого сомнения, существуют и другие методы преодоления данной проблемы, но сейчас не время и не место для подробного обсуждения хорошо известных принципов угасания условных рефлексов. Достаточно будет сказать, что комбинация трех упомянутых методов наверняка решит проблему рецидивов, которая в прошлом, когда эти методы не использовались, вызывала серьезные затруднения.

Итак, мы обсудили настоящие и научно обоснованные причины, по которым аверсивная терапия является менее успешной, чем реципрокное торможение расстройств первого типа. Теперь давайте обратимся к другого рода аргументам, направленным против аверсивной терапии, в основе которых скорее лежит невежество, нежели реальные основания. Это можно показать на одном примере. Однажды я присутствовал на лекции одного бихевиорального терапевта, в течение многих лет использующего метод «звонка и одеяла». Он доказывал с помощью данных тщательного анализа статистических данных и примеров клинических случаев, что этот метод был гораздо лучше всех остальных альтернативных методов, использовавшихся детскими терапевтами. В конце лекции один известный детский психиатр поднялся и сказал, что использовал метод «звонка и одеяла» и обнаружил, что на самом деле этот метод не работает. Эти слова произвели на слушателей большое впечатление, и я решил выяснить, действительно ли есть вероятность того, что данный метод может не работать.

Таким образом, я обнаружил следующее. Этот психиатр — давайте назовем его доктор X — применял метод «звонка и одеяла» только в самых серьезных и безнадежных случаях. Уже по этой причине было невозможно сравнить данные, полученные в результате лечения этой небольшой группы людей, с данными по рандомизированным группам с менее серьезными случаями. Во-вторых, «одеяла», которые он использовал, были довольно устаревшей конструкции и не отвечали современным стандартам. Очевидно, что для данного метода самым важным является интервал времени, который проходит между началом мочеиспускания и звонком, поэтому нужно сделать все возможное, чтобы максимально сократить этот интервал. В случае с одеялами, которые использовал наш психиатр, этот интервал был примерно в два или даже в три раза больше, чем при использовании аппаратуры современной конструкции. Естественно, это препятствовало процессу обусловливания. Кроме того, в его распоряжении не было ни одного техника, поэтому одеяла и остальная необходимая аппаратура были в очень плохом состоянии и часто не функционировали. Это также отрицательно сказалось на конечном результате. Доктор X не давал своим пациентам подробных инструкций, а просто применял звонок и одеяло и говорил что-то вроде: «Ну вот, возможно, это твой последний шанс вылечиться, детка. Некоторые люди верят в этот способ; я, конечно, несколько иного мнения, но все же стоит попробовать». Подобное начало явно не может воодушевить, поэтому родители маленьких пациентов вряд ли могли придать этому методу большое значение, к тому же они не знали, как правильно пользоваться предложенным им приспособлением. Некоторые родители подкладывали слишком толстую простыню между ребенком и одеялом, в результате чего интервал между началом мочеиспускания и звонком увеличивался. Другие не могли правильно подключить аппаратуру, поэтому звонок вообще не звенел. Многие родители не знали, что ребенок должен выключить звонок прежде чем пойти в туалет. В действительности, при использовании метода «звонка и одеяла» было допущено огромное количество ошибок, безусловно, провал этого метода можно частично объяснить неправильными инструкциями со стороны врача. Доктор X очень быстро забирал одеяла и звонки у своих пациентов, а требуется около месяца, а иногда и более, чтобы добиться семи «сухих ночей», и, естественно, если обусловливание произошло не до конца, то глупо ожидать положительных результатов. И все-таки, после того как все данные были повторно проанализированы, оказалось, что, несмотря на все перечисленные затруднения и ошибки, этот метод все равно оказался эффективнее чем его альтернативы: наш психиатр просто неправильно произвел соответствующие расчеты. Вряд ли нужно гово-

рить, что критика, основанная на подобном исследовании, не может являться серьезным свидетельством против данного метода.

Как уже говорилось в случае с методами бихевиоральной терапии расстройств первого типа, мы можем судить об успехе лечения, только если оно проводилось квалифицированным персоналом, который прошел необходимую подготовку. Если же этой подготовки нет, и если в процессе лечения допускаются ошибки, то говорить об успехе того или иного метода не имеет смысла.

Но даже если все условия неукоснительно соблюдаются, иногда при лечении с помощью метода «звонка и одеяла» могут происходить странные, независящие от нас вещи. В качестве примера давайте обратимся к случаю с семьей Ламбертов. В этой семье мальчик страдал энурезом и было решено лечить его с помощью звонка и одеяла. Однако, выздоровление затянулось, и обнаружилось, что аккумулятор нашего приспособления очень быстро разряжался (обычно аппарат подключается к обыкновенной электрической розетке, но если ее нет, то используется аппарат, работающий за счет собственного аккумулятора). Кроме того, сами металлические одеяла повреждались довольно странным образом. Оказалось, что в семье Ламбертов очень любили животных. Вместе с мальчиком в его постели обычно спали несколько котов, а также черепаха, которой понравился вкус металлического одеяла, и в течение ночи она периодически пыталась его жевать. Кроме того, оказалось, что у одного из котов тоже был энурез, поэтому часто звонок звонил именно из-за кота, а не из-за мальчика. В результате звонок звонил очень часто и аккумулятор быстро разряжался.

Однако и эта проблема была решена, и с тех пор маленький Ламберт навсегда избавился от своего недуга.

Разумеется, это довольно анекдотичный случай, и читатель, возможно, захочет ознакомиться с документально изложенными случаями пренебрежения принципами теории научения в процессе лечения. Лучше всего, возможно, будет показать это на примере лечения алкоголизма, так как последний лечат с помощью аверсивной терапии уже много лет; в действительности, из всех типов аверсивной терапии терапия алкоголизма имеет самую длинную историю. Особую настойчивость при лечении алкоголизма с помощью аверсивной терапии проявляли Фёхтлин и его коллеги. Их метод считается довольно сложным, но он оказался гораздо эф-

фективнее, чем многие другие более простые методы. Обусловливание проходит в тихой, пустой комнате, где абсолютно темно, за исключением пятна света, в котором на столе стоят бутылки со спиртными напитками. В комнате только два человека: пациент и доктор. Доктор подкожно вводит субъекту смесь, состоящую из метина, который Фёхтлин предпочитает апоморфину, эфедрина, являющегося стимулирующим препаратом и помогающего процессу обусловливания, и пилокарпина, который добавляет к симптомам пациента, вызываемым действием метина, повышенное потоотделение и слюноотделение. Одновременно пациенту дают проглотить таблетку метина, и в результате он испытывает сильное чувство тошноты. Когда пациент почувствует, что его вот-вот вырвет, ему будет достаточно одного глотка для того, чтобы это произошло. Разумеется, очень трудно постоянно поддерживать это состояние «на грани рвоты», для этого необходим немалый опыт, а также знание индивидуальных моделей реакций пациента. В перерывах между сеансами, пациенту дают пить безалкогольные напитки, для того чтобы у него не выработалось аверсивное отношение к процессу питья вообще.

В целом лечение с помощью этого метода прошли 4000 человек, за всеми пациентами наблюдали по крайней мере в течение года, а в большинстве случаев наблюдение длилось до десяти лет.

Оказалось, что половина пациентов после завершения курса лечения воздерживалась от спиртных напитков от двух до пяти лет, примерно четверть воздерживалась от десяти до тринадцати лет. Некоторым понадобилась дополнительная помощь, и они прошли повторный курс лечения, среди них тридцать девять процентов окончательно избавились от алкогольной зависимости. В целом количество выздоровевших среди всех пациентов составило пятьдесят один процент, включая тех, кто проходил курс лечения только один раз, и тех, кто проходил его дважды; это поразительно высокие показатели по сравнению с данными представленными по результатам лечения с помощью других методов. Необходимо отметить, что излечившиеся пациенты в данном случае принадлежали к обеспеченному среднему классу, на это указывает тот факт, что лечение было дорогостоящим (плата составляла от 450 до 750 долларов), кроме того, пациенты могли в последний момент отказаться от лечения. Фёхтлин отметил тот

факт, что хуже всего терапии поддавались крайне неуравновешенные, психопатические личности.

Было сделано много других попыток повторить описанный здесь метод. Интересно, что степень успеха варьировала в зависимости от точности соблюдения этого метода. Можно предположить, что при любой научной попытке определить ценность какого-либо метода само собой разумеющимся будет использовать именно этот метод, а не его вариации, которые могут отличаться от оригинала в важных деталях. Однако на самом деле это совсем не так: практически все, кто пытались скопировать метод Фёхтлина, добавляли в него что-нибудь новое и иногда оставляли без внимания важные элементы первоначальной процедуры либо по теоретическим соображениям, либо из-за того, что они требовали значительных затрат времени и были трудными. Учитывая это, нельзя не прийти к выводу, как это сделали некоторые, что при использовании метода Фёхтлина другими терапевтами, результаты далеко не такие обнадеживающие, как в случае, когда Фёхтлин применял его собственноручно. Скорее эти терапевты вообще не применяли его метод, и использовали свои собственные варианты.

Давайте рассмотрим только один пример — известное исследование, проводившееся Валлерштайном и его коллегами.

В распоряжении Валлерштайна были четыре группы, в которых пациентов лечили различными методами. В первой группе лечили с помощью antabuse — препарата, который вызывает у пациента тошноту после приема спиртного. Врач сообщает об этом пациенту, даже дает ему выпить несколько раз, чтобы тот убедился, что это действительно так. На самом деле данный вид лечения не основан на процессах обусловливания. Вторым типом лечения был метод обусловливания, который Валлерштайн называл методом Фёхтлина. Третий метод заключался в групповой терапии, а четвертая группа не получала никакого лечения и являлась контрольной. Теперь давайте посмотрим, какая роль при лечении отводилась алкоголю. «Человек чувствовал сильный приступ тошноты и перед тем, как его начинало тошнить, ему давали одну с половиной унции виски. Он должен был либо сразу его выпить, либо сначала понюхать и потом выпить. Если время принятия алкоголя было рассчитано верно, пациента начинало тошнить примерно через тридцать секунд, после того как

он выпивал виски». Очевидно, что Валлерштайн считает рвоту условной реакцией и что условный стимул — виски должен быть применен через несколько минут после того, как пациент начинает чувствовать тошноту. Однако это в корне отличается от подхода самого Фёхтлина, так как в качестве условной реакции он рассматривает начало тошноты, а условный стимул применяется прямо перед тем, как пациента начинает тошнить. Таким образом, Фёхтлин рассматривает аверсивную терапию как попытку соединить тошноту и, возможно, рвоту со стимулом, в то время как Валлерштайн соединяет со стимулом только второе; известно, что рвоту труднее предсказать, чем тошноту, кроме того, ее вообще может не быть. На самом деле Валлерштайн пытался добиться того, что иногда называют «обусловливанием наоборот»: он представлял пациенту безусловный стимул до представления условного стимула. Так, например, мы можем попробовать добиться слюноотделения у собаки, сначала давая ей еду и только потом включая звонок. Известно, что подобное обусловливание не работает. Валлерштайн делал примерно то же самое: сначала вызывал тошноту, которая в данном случае была желательной реакцией, и только потом давал пациенту выпить спиртное.

Неудивительно, что в данном случае экспериментальная группа мало чем отличалась от контрольной группы. Однако это вовсе не означает, что метод Фёхтлина бесполезен; это всего лишь говорит о том, что Валлерштайн использовал свой собственный метод, который по теоретическим соображениям не мог быть эффективным. Тот факт, что этот метод действительно не сработал, не представляет большого значения и только еще раз подтверждает прогнозы, сделанные с помощью теории научения. Но даже в данном случае интересно то, что на интровертов методы, использовавшиеся Валлерштайном, повлияли лучше, чем на экстравертов. Мы можем объяснить это тем, что у интровертов быстрее и легче формируются условные рефлексы и что на них повлияли методы правильного обусловливания, которые частично присутствовали в процессе лечения.

К сожалению, Валлерштайн не является единственным, кто допустил элементарную ошибку в отношении лечения алкоголизма, которая заключается в обусловливании наоборот. Многие терапевты также допускают эту ошибку и другие, подобные

этой, вероятно, потому, что принципы теории научения известны еще не всем или же их плохо преподают в медицинских университетах. Вряд ли нужно повторять, что негативные результаты применения принципов бихевиоральной терапии на практике, не будут иметь никакого значения до тех пор пока используемые методы не будут основаны непосредственно на принципах теории научения. Они также не могут использоваться в качестве контраргументов, опровергающих эту теорию. При анализе так называемых «провалов» необходимо помнить о том, что негативный результат может объясняться не ошибочностью теории, а ошибочными методами, которые применяет конкретный врач, плохо разбирающийся в данной теории.

Как относятся к аверсивной терапии умные, образованные люди? Недавно в «Менса», журнале, издаваемом обществом, членами которого являются люди с самыми высокими показателями по тестам на уровень интеллекта, было опубликовано интересное письмо по поводу отношения к симпозиуму по бихевиоральной терапии. Автор письма, Иван Робинсон, написал следующее: «Первый ужасный пример привел Вольпе. Он упомянул мимоходом о том, что применял на пациентах смесь, на шестьдесят процентов состоящую из углекислого газа и на сорок процентов из кислорода, для того чтобы вызвать у них травматические переживания. Вольпе следовало бы сто раз подумать прежде чем произнести подобную фразу. После нее все, что я слышал, представляло для меня интерес и ужас одновременно». (Терапия углекислым газом не может привести ни к какого рода травматическим переживаниям и на самом деле даже вызывает приятные ощущения. В данном письме есть еще немало подобных примеров эмоционального искажения фактов.)

Моргенштерн распространялся на тему применения апоморфина при лечении трансвестизма. В целом его доклад получился довольно мрачным, поскольку оказалось, что он пока не знал, как контролировать действие препарата. У некоторых пациентов вдруг начиналась сильная рвота в конце сеанса, когда они надевали на себя свою обычную одежду. Это только подкрепляло их первоначальное отклонение. В других случаях действие препарата было настолько сильным, что некоторых пациентов приходилось долго убеждать, а иногда и насильно заставлять продолжать курс лечения.

Блейкмор внес в обсуждение некоторое оживление. Он изобрел электрическую решетку. Как только пациент, стоявший на ней, практически полностью перевоплощался в женщину, он неожиданно подвергался серии сильнейших электрических шоков. Сила тока ослабевала по мере того, как быстро пациент снимал с себя женскую одежду и надевал мужскую. Однако оказалось, что подобный метод отрицательно сказывался на здоровье пациентов.

Какой-то канадец рассказал о том, что делал своим пациентам инъекции scoline, разновидности curare. Этот препарат приводил к временной остановке дыхания; пациенты чувствовали себя так, словно умирали. Он отметил, что это был очень эффективный метод. Далее автор письма приводит свой разговор с другими участниками симпозиума по поводу различных вопросов, связанных с аверсивной терапией. Особый акцент он делает на намеренное применение жестокости во время терапии.

Получается, что аверсивные терапевты выступают за тщательно спланированные наказания для того, чтобы избавить детей от вредных привычек? Серьезное исследование, возможно, выявило бы склонность некоторых пациентов к мазохизму, но где гарантии того, что у терапевта не могут выплеснуться наружу подавляемые им садистские наклонности? Что если пациентов насильно заставляют проходить лечение?

Ответом на эти вопросы стало следующее. Дети? Психологи наоборот выступают против насилия! К тому же важно, чтобы каждая отдельная личность была интегрирована в общество... Кроме того, бихевиоральному терапевту удается за пару месяцев добиться результата, которого психологи не могут получить даже после нескольких лет. В конце концов, дуэт, отвечавший на мои вопросы, выдвинул блестящий с интеллектуальной точки зрения, но неудачный с моральной точки зрения аргумент, который только подтвердил мои подозрения. Он заключался в том, что когда бихевиоральный терапевт входит в экспериментальную палату, моральные соображения улетучиваются через вентиляционное отверстие — либо убить, либо вылечить, цель оправдывает средства.

Письмо весьма удачно, надо признать, называлось, «бихевиоральная терапия и кастеты».

В следующем номере был напечатан ответ на это письмо, написанное одним бихевиоральным терапевтом, который по неко-

торым причинам не мог открыть своего имени. Вот что было написано в этом письме.

Судя по эмоциональной окраске заявлений автора, его письмо следует рассматривать как своего рода абреакцию, а не как серьезную попытку критики поведенческой терапии. Даже его остроумные пикантные шутки не могут скрасить полного незнания медицинской этики, которое меня попросили прокомментировать.

Главные опасения автора, кажется, связаны со свободой личности. Поэтому необходимо отметить, что пациенты проходят курс бихевиоральной терапии только после того, как им разъясняется весь процесс лечения, после того как они дают на него согласие и подписывают соответствующие документы. Ни терапевт, ни какая-либо третья сторона не имеет право проводить лечение без согласия пациента, права которого защищаются законами гражданского и уголовного кодексов. После вступления в силу закона о легальном оказании медицинской помощи (1949) терапевт может предстать перед судом за неправомерные действия.

Иногда техники бихевиоральной терапии могут быть грубыми и, возможно, недоработанными: но раньше до изобретения обезболивающих средств то же самое можно было сказать и об операциях. Любые методы нуждаются в доработке и усовершенствовании; но имеем ли мы право отказываться от эффективных способов лечения, только потому, что они обижают наши эстетические чувства? Если хорошо поискать, то в медицине можно найти немало примеров более отталкивающих процедур.

Кроме того, сами пациенты не жалуются. Многие из них тратят немало времени, сил и денег, чтобы найти квалифицированного бихевиорального терапевта; по какому праву наш уважаемый автор письма хочет лишить их возможности выбора? Кроме «скрытых садистских наклонностей», которыми он наделяет терапевтов, последние никак не могут быть лично заинтересованы в проведении лечения. Психиатрические лечебницы переполнены, люди записываются на прием на несколько лет вперед.

Терапевту, напротив, было бы выгодно, если бы его пациенты отказались от лечения и вернулись домой, попытавшись справиться со своими проблемами самостоятельно.

За короткий срок своего существования бихевиоральная терапия доказала, что может предложить безопасные, эффективные методы лечения различных пограничных состояний, которые не поддаются альтернативным методам. Как и все терапевтические методы, данный метод когда-нибудь будет заменен на что-то лучшее; но до этого времени его будут использовать для лечения пациентов, которые согласны его попробовать, и которые, по мнению лечащего их терапевта, смогут с его помощью излечиться от своих заболеваний.

Надо признать, что в ответе на статью автор блестяще опровергает заблуждения критика терапии, но в данном письме, разумеется, нет ответа на проблему, которую мы обозначили выше. Желание пациента избавиться от гомосексуальных наклонностей может объясняться общественным порицанием и преследованием со стороны властей. Так, например, у пациента может быть выбор, либо лечиться, либо садиться в тюрьму, либо страдать от невыносимого давления со стороны своих родственников и друзей, которые будут отчитывать его и мешать ему жить до тех пор, пока он не прекратит свои занятия гомосексуализмом. Мы можем сказать, что подобное давление необоснованно и недемократично, но, с другой стороны, мы не может лишить противников гомосексуализма права думать и поступать так, как они считают нужным. Мы не должны издавать законы, которые наказывают за совершенный грех (если гомосексуализм можно назвать грехом), но, с другой стороны, мы не можем заставить других людей простить этот грех и вести себя так словно его никогда и не было. Эти же соображения можно применить и по отношению к супружеской неверности. В некоторых странах это считается преступлением; в Англии супружеская неверность не является преступлением, но многие люди относятся к ней как к греху. Каждый человек должен решить для себя, как он к этому относится, и у него должно быть право самому решать, хочет ли он общаться с людьми, которые изменяют своим жене или мужу, или с гомосексуалистами. Давление со стороны общества кажется несправедливым как мужу, изменяющему своей жене, так и гомосексуалисту, однако оно составляет матрицу социального мнения, от которого мы все зависим и которое не можем изменить никакими законами, даже если очень сильно этого желаем.

Таким образом, право окончательного выбора должно оставаться за потенциальным пациентом. Если он сам хочет избавиться от

своих старых привычек, если он согласен пройти курс бихевиоральной терапии, если он согласен на те изменения, которые эта терапия может внести в его личность, в его поведение и в его отношения с остальным обществом, то a priori кажется несправедливым лишать его этой возможности. С другой стороны, если он хорошо подумав и взвесив все за и против, решит все-таки остаться таким какой он есть и решить, что он не хочет подвергаться терапии, то мы не имеем ни моральных, ни каких либо других прав заставлять его пройти это, либо какое-либо другое лечение. В том, что касается детей, возникает, разумеется, дополнительные трудности, связанные с тем, что ребенок не может самостоятельно принимать решения, так как он не может понять, к каким последствиям могут привести его слова или действия. К счастью, эта проблема не так неразрешима, как это может показаться на первый взгляд. Детская бихевиоральная терапия в большинстве случаев подразумевает расстройства первого типа и, следовательно, заключается в простом процессе десенсибилизации, в отношении которого критика неуместна. (Даже в случае со взрослыми людьми на один случай лечения расстройств второго типа приходится по меньшей мере сто случаев лечения расстройств первого типа с помощью бихевиоральной терапии. Эти цифры следует помнить тем, кто называет бихевиоральную терапию промывкой мозгов.) Дети, главным образом потому что еще не сформировались окончательно в физическом плане, не склонны к проявлению гомосексуальных наклонностей или наклонностей к трансвестизму или фетишизму, поэтому вопрос аверсивной терапии отпадает сам собой. Единственным исключением, возможно, является энурез, но в данном случае лечение не доставляет ребенку никаких страданий, если мы, конечно, не считаем пробуждение от звонка посреди ночи суровым наказанием; в действительности некоторые взрослые подвергают себя подобному наказанию, когда встают пораньше, чтобы успеть на первую электричку!

У читателя, возможно, до сих пор остались некоторые сомнения, связанные с моральной стороной проблемы; бесполезно пытаться разрешить их на страницах этой книги. В последней главе мы опять столкнемся с вопросами социальных ценностей, промывания мозгов, терапией и различных социальных и этических связей этих методов, применяемых в отношении преступников. Читатель сам должен решить, что он думает по этому поводу.

VI. Несчастные случаи и личность

Во время войны я работал в военном госпитале для больных, страдающих неврозами, и кроме всего прочего занимался исследованием соотношения пропорций человеческого тела. Некоторые из результатов этого исследования уже были представлены мной в этой книге. Мы обнаружили, что человеческое тело, грубо говоря, можно рассматривать как некий прямоугольник, в котором соотношение длины и ширины дает нам представление о типе телосложения человека, а произведение длины и ширины помогает нам определить общие размеры конкретного тела. Однако эти расчеты нельзя было применить по отношению к женщинам. Поэтому было решено заняться сбором информации и пропорциях женского тела.

Нам стали помогать в этом вопросе медсестры и другой женский персонал госпиталя, но мы решили, что будет лучше, если мы пойдем и посмотрим какое-нибудь стриптиз-шоу, где мы за одну ночь увидим большое количество женских тел без всяких проблем, которые могли бы у нас возникнуть при других обстоятельствах. Во время шоу мы с друзьями вспомнили старую поговорку о том, что психолога всегда можно отличить от других людей, как и в этом случае, когда он единственный, кто будет во время стриптиза наблюдать за публикой, а не за сценой. Исходя из своего собственного опыта, я могу сказать, что эта гипотеза вряд ли может быть верной, но, оглядев взглядом публику, я обнаружил одну вещь, которая показалась мне интересной: публика состояла практически из одних

мужчин. Естественно, в этом факте нет ничего необычного, но я решил при каждом посещении стриптиз-шоу подсчитывать количество присутствующих женщин, и позже составил с помощью полученных цифр диаграмму. Я заметил, что получившееся распределение в корне отличалось от нормального колоколообразного распределения, характерного для биологических выборок. Я также обнаружил, что у распределения были определенные интересные характеристики статистического плана. С помощью друзей мне удалось собрать гораздо больше данных, и в результате я построил диаграмму, основанную на нескольких сотнях подобных наблюдений. Получившаяся кривая была J-образной формы; то есть в большинстве случаев на стриптиз-шоу не было ни одной женщины. В гораздо меньшем количестве случаев на них присутствовала одна женщина, еще в меньшем количестве случаев — две, и так далее.

Собрав всю необходимую информацию, я обратился к имеющейся литературе по статистике, для того чтобы попробовать преобразовать свои идеи в статистические формулы. Но, к моему удивлению, первое, что я там обнаружил, была точно такая же диаграмма, которую я составил. Только эта диаграмма отображала, естественно, не количество женщин, присутствующих на стриптиз-шоу, а количество солдат прусской армии, умерших под копытами лошадей в период с 1875 по 1894 год. Эта диаграмма была представлена в качестве примера известного распределения, так называемого Пуассоновского распределения, автором которого был французский статистик. При условии, что группа является однородной как в отношении внутренних, так и внешних факторов и что она подвергается риску несчастных случаев в определенный момент времени, распределение несчастных случаев примет J-образную форму, похожую на ту, которую я описал выше. В результате я заинтересовался пуассоновским распределением и также занялся исследованием несчастных случаев, в отношении которых оно применяется чаще всего. Эта глава является результатом проявленного мною много лет назад интереса к данному вопросу.

Разумеется, существуют убедительные причины для исследования несчастных случаев, ведь их количество во всех цивилизованных странах составляет огромный процент.

В Великобритании, например, в результате несчастных случаев в 1958 году погибло 19 000 людей и 200 000 получили серьезные травмы. Это значит, что в результате несчастных случаев умирает в два раза больше людей, чем от инфекционных заболеваний. Многим, наверное известно, сколько людей погибает в результате аварий: эта цифра составляет примерно 6000 смертей в год, однако количество летальных исходов в результате несчастных случаев дома превышает эту цифру и составляет 8000. Кроме того, существуют также несчастные случаи на производстве, в результате которых погибает примерно 1200 людей. По некоторым данным в этой стране каждые девяносто секунд люди погибают или получают серьезные травмы в результате дорожно-транспортных происшествий. Так, в 1962 году в результате аварий погибла или получила травмы одна треть миллиона людей, в том же году каждый день под машину попадали два ребенка. Во время второй мировой войны погибло 244 723 военнослужащих, а с начала века на дорогах Великобритании погибло 275 000 человек.

В Соединенных Штатах несчастные случаи являются главной причиной смерти людей разных возрастных групп, в особенности людей среднего возраста. Количество смертей и травм во время второй мировой войны в результате аварий в три раза превысило количество смертей на поле боя! (Количество смертей и травм в результате аварий составило 3,4 миллиона, а количество убитых на поле боя — 0,95 миллиона.) Подобные цифры явно превышают данные по смертельным болезням, которых мы так боимся, и на исследования которых мы тратим огромные суммы денег. Профессор Г.К. Дрю, выступая с речью перед Британским психологическим обществом, заметил следующее: «Несоответствие между деньгами, вкладываемыми в исследования, статусом исследователей и общественным беспокойством при любых временных затруднениях и ошибках, связанных с контролем за полиомиелитом и вниманием к несчастным случаям, представляет собой проблему, которая нуждается в серьезном рассмотрении». (Количество людей, умерших от полиомиелита в Шотландии и Уэльсе в 1958 году, составило 129 человек!)

Причинами многих несчастных случаев, разумеется, [illegible] являются неровные дороги, неудовлетворительное освещение, плохая погода, механические поломки и так далее.

Как заметил Дрю в обращении, упоминавшемся раньше, Железным дорогам повезло в том смысле, что в 1830 году практи-

чески сразу же после открытия железной дороги между Манчестером и Ливерпулем президент комитета по торговле, который торжественно объявил об открытии новой линии, попал под поезд и погиб. В результате было решено отделить железную дорогу от остальных путей сообщения. Возможно, если бы на президента тогда наехала бы машина, то сегодня изолированное шоссе было бы для нас чем-то само собой разумеющимся.» Однако, несмотря на то, что подобные изменения могут сократить количество несчастных случаев, известно, что наибольшее количество аварий происходит из-за человеческого фактора и постоянно держится примерно на одном и том же уровне между 80 и 90 процентами. Другими словами, наибольшее количеств несчастных случаев происходит по вине людей, поэтому психология, возможно, может внести свой вклад в решение данной проблемы.

На какой же вклад мы можем рассчитывать? Прежде всего, психологи пытаются, главным образом, сформулировать научное обоснование общеизвестному понятию, над которым многие люди даже не задумываются: а именно, понятию предрасположенности к аварийным ситуациям. Мы знаем, что некоторые люди попадают в аварийные ситуации чаще, чем другие; они могут быть невнимательными, неосторожными, неуклюжими, глупыми, поэтому они предрасположены к несчастным случаям. В защиту этого общепринятого мнения часто приводится такие факты, как, например, то, что в 36 процентах всех аварий, только 4 процента водителей виноваты в аварии, предполагается, что эти 4 процента предрасположены к аварийным ситуациям. Однако предположения, на которых основываются подобные аргументы, не подтверждаются данными статистики. Предположим, что мы имеем дело с тысячей людей, которые работают на фабрике при одинаковых условиях труда, предположим также, что их работа связана с определенным риском. Далее давайте представим, что все эти люли похожи друг на друга как однояйцевые близнецы; другими словами, что у них максимальный набор сходных черт. В данном случае мы не можем предположить, что при таких условиях, количество несчастных случаев будет распространяться равномерно среди этих близнецов. Распределение производственных травм скорее будет походить на пуассоновскую кривую; то есть, оно будет скорее J-образной формы, наибольшее количество людей вообще не будет

попадать в аварийные ситуации, и очень маленькое количество людей наоборот будет постоянно в них попадать. Почему это будет именно так? Ответ заключается в том, что бытующее в народе мнение основано на неверном предположении, которое идентично старой поговорке о том, что молния не ударяет дважды в одно и то же место. Если молния ударила в определенное место, то почему бы ей не ударить в это место еще раз; факт того, что несчастный случай уже прошел вовсе не исключает возможности того, что он произойдет еще раз. Действительно, маловероятно, что молния ударит в одно и то же место дважды, но только потому, что молния — явление довольно редкое, и вероятность равняется нулю. Но эта вероятность не становится еще меньше потому, что молния уже один раз ударила в определенное место. Точно также тот факт, что красные цифры выпадали на рулетке в казино тридцать раз подряд, вовсе не исключает возможности того, что красная цифра выпадет и в следующий раз. Каждый следующий раз, когда рулетка будет останавливаться, фишки будут выигрывать в независимости от фишек, выигравших ранее, вероятность того, что выиграют красные, была бы точно такой же, даже если бы до этого постоянно выигрывали черные фишки. Следующее событие не зависит от предыдущего. Точно также тот факт, что Смит попал в аварию, вовсе не означает, что он не избежит этого еще раз, и, следовательно, этот факт снижает вероятность того, что распределение несчастных случаев будет происходить равномерно в определенной группе людей.

Строго говоря, сказанное выше не совсем верно. Если мы посмотрим на молнию, которая ударяет в определенное место, и поразмышляем над тем, что должна быть какая-то определенная физическая причина, по которой молния ударила именно в это место — например, что объект был изолированным и выделялся из остального ландшафта и поэтому представлял собой концентрацию отрицательного заряда электричества, который находился ближе к небу, чем остальные объекты — то я думаю, мы [illegible]ны заключить, что вероятность того, что молния снова [illegible] это место, довольно высока, по той простой причине, [illegible]ческие факторы, которые стали причиной первого [illegible]ются прежними. То же самое можно сказать и в от[illegible]людей, которые попадают в аварийные ситуации. Несчастный случай может повлиять на поведение человека; так, например, он может

стать более осторожным и внимательным, и это снизит вероятность несчастных случаев в будущем, или он может стать более пугливым и беспокойным, что увеличит вероятность несчастных случаев. В любом случае, следует также помнить о том, что люди постепенно привыкают к определенной работе, опыт, а также соответствующая подготовка играют решающую роль в их адаптации, и это, в свою очередь, снижает вероятность несчастных случаев. Существует немало доказательств того, что с возрастом и по мере накопления опыта количество несчастных случаев уменьшается, но нет доказательств и того, что если человек попал в аварийную ситуацию, то в следующий раз он будет более осторожным и не попадет в нее снова. Также практически не существует доказательств в пользу альтернативной гипотезы, согласно которой факт того, что с человеком произошел несчастный случай, подразумевает, что позже это произойдет с ним снова в результате страха, беспокойства, вызванного первым несчастным случаем.

В результате мы имеем дело с двумя главными альтернативными гипотезами. Согласно первой все люди имеют равные шансы попасть в аварийную ситуацию, и несчастные случаи носят случайный характер. Согласно другой гипотезе с самого рождения некоторые люди предрасположены к аварийным ситуациям, и в течении их жизни с ними произойдет гораздо большее количество несчастных случаев, чем с людьми, у которых этой предрасположенности нет. В соответствии с первой гипотезой мы получим распределение несчастных случаев, которое будет идентичным кривой Пуассона. Во втором случае мы получим довольно заметное отклонение от кривой Пуассона. Степень отклонения зависит от того, какое значение будет играть предрасположенность к аварийным ситуациям в целом; там, где вероятность несчастного случая будет решающим фактором, а предрасположенность к аварийным ситуациям будет невелика, отклонения будут незначительными; там, где вероятность несчастного случая будет низкой, а предрасположенность высокой, отклонения будут значительными. Так, статистики используют пуассоновское распределение определения наличия или отсутствия предрасположенности к аварийным ситуациям в конкретных условиях.

Пятьдесят лет назад Гринвуд и Вудс занимались исследованием несчастных случаев, которые происходили с женщинами, работавшими на фабриках по производству боеприпасов. В таблице показано количество производственных травм на человека в период между 13 февраля 1918 года и 20 марта 1918 года, количество человек, получивших данное количество производственных травм, и количество человек, которые предположительно должны были получить производственные травмы либо согласно теории вероятности (пуассоновское распределение), либо согласно гипотезе о предрасположенности к аварийным ситуациям. Мы видим, что цифры, характеризующие предрасположенность к аварийным ситуациям, более близки к реальным цифрам, чем цифры кривой Пуассона.

Количество травм у женщин, работавших на производстве шестидюймовых взрывоопасных снарядов (из «Отчета о работе комиссии по исследованию производственного перенапряжения» М. Гринвуда и М. Вудса)

Количество производственных травм на человека	Количество людей, перенесших данное количество производственных травм	Вероятность	Предрасположенность к аварийным ситуациям
0	447	406	442
1	132	189	140
2	42	45	45
3	21	7	14
4	3	1	5
5	3	0	2

При использовании этого подхода была проделана огромная работа. Однако в целом результаты не очень впечатляют. Одни обнаружили сильное отклонение от кривой Пуассона, другие — что их данные согласуются с пуассоновским распределением. Среди академиков было немало жарких споров по поводу интер-

претации этих данных, каждая сторона представляла факты, которые говорили либо против, либо за гипотезу о предрасположенности к аварийным ситуациям. Аргументы обеих сторон не были убедительны.

Тот факт, что исследователь А, который наблюдает за конкретными рабочими, выполняющими конкретный вид работы, обнаруживает определенный тип распределения несчастных случаев в течение определенного периода времени, в то время как исследователь В, наблюдающий за совершенно другими людьми, выполняющими совершенно другой вид работы в течение совершенно другого периода времени, получает в результате совершенно другие данные, ничего не доказывает и говорит лишь о том, что эти два человека исследовали две разные группы людей, которые работали в разных условиях.

Печально то, что этот статистический метод, несмотря на его элегантность, нельзя применить для исследования предрасположенности к аварийным ситуациям. Существует версия, что отклонения от пуассоновского распределения объясняются предрасположенностью к аварийным ситуациям, но это предположение не может быть верным. Давайте вернемся к нашей тысяче близнецов, работающих за станками. Предположим, что мы обнаружили значительное отклонение в количестве несчастных случаев от пуассоновского распределения; обязательно ли причиной этого отклонения будет являться предрасположенность к аварийным ситуациям? Вовсе не обязательно; причиной также вполне может быть тот факт, что станки на фабрике были разными, и поэтому некоторые из них представляли определенную опасность для рабочих.

Так, например, некоторые станки были новыми, некоторые старыми, некоторые станки требовали специального обслуживания и специальной квалификации, и так далее. Точно также, если мы обнаружим, что некоторые водители такси попадают в аварии чаще чем другие и чаще, чем это предусмотрено пуассоновским распределением, то это можно объяснить предрасположенностью к аварийным ситуациям, или различным сроком службы машин, разными маршрутами, разным количеством рабочего времени, работой в разное временя суток и массой других различных причин.

Таким образом, статистическое исследование несчастных случаев не может представить нам убедительных фактов в защиту гипотезы о предрасположенности к аварийным ситуациям по той простой причине, что оно не является детализированным. Наука, в целом, работает в рамках метода гипотез и дедукции; другими словами, мы выдвигаем определенную гипотезу, затем собираем доказательства за и против этой гипотезы, и в конечном итоге либо отказываемся от нее, либо дорабатываем, либо принимаем ее такой, какая она есть. Подобное выдвижение и тщательное обоснование гипотез будет невозможным, если мы будем просто анализировать распределения вроде того, с которым имеет дело статистика, и, следовательно, мы не можем получить убедительного ответа на вопрос, который сам по себе вызывает сомнения. Поэтому давайте сделаем еще одну попытку и на этот раз рассмотрим возможные факторы ситуации с помощью психологического подхода.

Существуют два основных способа психологического подхода к экспериментальному решению проблемы. Во-первых, психолог может выбрать две группы, одна из которых будет состоять из людей, с которыми часто происходили несчастные случаи, а вторая — из тех, кто лишь пару раз попадал в аварийные ситуации (разумеется, он должен будет удостовериться, что во всех остальных отношениях обе группы будут максимально похожи). Затем психолог сформулирует гипотезу в отношении причин предрасположенности к аварийной ситуации в первой группе и ее отсутствия во второй. Для того чтобы проверить свою гипотезу, он будет использовать серии различных тестов, которые будут предложены обеим группам. Если его гипотеза правильная, то ответы в разных группах по разным тестам будут существенно отличаться.

Еще одним методом, который часто используется вместе с первым, является метод отбора. Психолог формулирует гипотезу относительно возможных личностных черт людей, предрасположенных к аварийным ситуациям, составляет тесты на измерение этих черт, затем отбирает кандидатов на определенное рабочее место по результатам этих тестов, отказывая в работе тем, кто набрал мало баллов и принимая на работу тех, кто набрал много баллов. Если его гипотеза верна, то среди людей, которых он отобрал, должно быть гораздо меньшее количество несчастных случаев, чем среди людей, которые были приняты на работу обычным способом.

Также людей можно принимать на работу независимо от того, сколько баллов они набрали по этим тестам, для того чтобы иметь

возможность наблюдения за работой тех, кто набрал мало баллов и тех кто, много, а также для того, чтобы выяснить, будут ли вторые попадать в аварийные ситуации реже, чем первые. Во многих случаях используется трехступенчатый метод. На первом этапе применяется метод, который мы описали самым первым; люди, часто попадающие в аварийные ситуации, и люди, которых сия чаша миновала, сравниваются с помощью серий тестов; оставляются только те тесты, которые выявляют существенные различия между двумя группами. На втором этапе оставшиеся тесты предлагаются кандидатам на работу, все кандидаты получают работу и за ними наблюдают в течение определенного периода времени для того чтобы проверить насколько точно тесты определили их предрасположенность к аварийным ситуациям или ее отсутствие. После того как выясняется, какие тесты справились с этой задачей лучше всего, эти тесты оставляют, а от использования остальных отказываются. Третий этап заключается в том, что психолог использует оставшиеся тесты для процедуры отбора, причем на этот раз он принимает на работу людей с высокими показателями по тестированию и отвергает кандидатуры с низкими показателями.

Этот психологический подход более уместен в данном случае чем статистический, во-первых, потому что мы имеем дело с конкретной детализированной гипотезой, затрагивающей личностные качества людей, предрасположенных и не предрасположенных к аварийным ситуациям; во-вторых, мы можем проверить эту гипотезу экспериментальным способом; и, в третьих, мы можем точно сказать, является ли наша гипотеза верной или ошибочной с помощью данных, полученных в результате наблюдения за субъектами эксперимента. Каковы же результаты исследований подобного рода?

В качестве первого примера давайте рассмотрим исследование количества аварий среди водителей автобусов в Южной Африке, проводившееся Л. Шоу и С. Сичелом. Исследование проводилось в Йоханнесбурге и Претории, двух городах, известных огромным числом дорожно-транспортных происшествий; в Йоханнесбурге в результате аварий погибает в четыре раза больше людей, чем в Нью-Йорке! Для исследования был выбран десятилетний период, с 1951 года по 1960 год, предметом исследований стал анализ аварий 898 водителей автобусов. За этот период произошло 30 452 аварии.

Для того чтобы определить водительские способности каждого водителя, Шоу и Сичел использовали новые статистические данные, а именно средний временной интервал между авариями. Оказалось, что для некоторых водителей этот интервал являлся постоянной величиной, и, таким образом, исследователи получили в распоряжение отличный метод классификации, который успешно после этого использовался в течение многих лет. Они обнаружили, что примерно спустя год, после того как водитель начинал работать, он попадал в аварии с определенной закономерностью, которая выражалась в количестве дней между авариями. Было обнаружено, что для 90 процентов водителей с помощью информации о предыдущих авариях можно было предсказать аварии в будущем. В случае с оставшимися 10 процентами аварийные ситуации объяснялись определенными обстоятельствами. Кроме того, существовал очень небольшой процент водителей, для которых прогнозы относительно дорожных ситуаций в будущем были практически невозможны. Также было обнаружено, что серьезные аварии происходили главным образом у водителей с короткими интервалами между авариями. В течение шестилетнего периода, 60 процентов серьезных аварий произошли по вине водителей (которые составляли только 20 процентов общего количества водителей) этой категории. Шоу и Сичел пришли к следующему заключению: «Самым важным аспектом всего исследования являются доказательства, которые оно предоставило в отношении индивидуальной предрасположенности каждого водителя к авариям, и в отношении того, что эта предрасположенность настолько стабильна, что можно предсказать, насколько велика вероятность аварий у человека в будущем».

Компания решила использовать эту информацию. Водителей с «плохим послужным списком» увольняли и нанимали новых с помощью специальной психологической процедуры отбора, которая подразумевала использование различных психологических тестов. Результаты были просто поразительными. Только в районе Йоханнесбурга, в котором за последние восемь лет растущая плотность транспортного движения сопровождалась 25 процентным увеличением количества аварий, количество дорожно-транспортных происшествий среди водителей, работающих на компа-

нию, снизилось на 38 процентов. На рисунке 20 показана кривая аварий среди водителей компании, которая охватывает восьмилетний период. Видно, что количество аварий сократилось от среднего количества, которое составляет примерно 2,5%, практически до 1. Единственное отклонение от графика произошло в период между 1956 и 1957 годами, когда местное население стало бойкотировать автобусы; это настолько изменило эмоциональный климат в городах, что в результате количество аварий увеличилось, и это отображено на нашем графике. Однако через год количество аварий опять снизилось и осталось на низком уровне. Это исследование представляет особый интерес, так как с его помощью удалось установить два факта. Во-первых, что предрасположенность каждого водителя к аварийным ситуациям является величиной постоянной, она может быть как очень низкой, так и очень высокой в течение длительных периодов времени. Это открытие, разумеется, удалось сделать только из-за условий при которых проводилось исследование; то есть, производилась тщательная запись всех аварий, даже самых незначительных, также было известно точное число миль, которое проезжал каждый водитель и местность по которой осуществлялось вождение. В данном случае была возможность сделать поправку на различные внешние факторы, которые также влияют на количество аварий, в которые может попасть водитель.

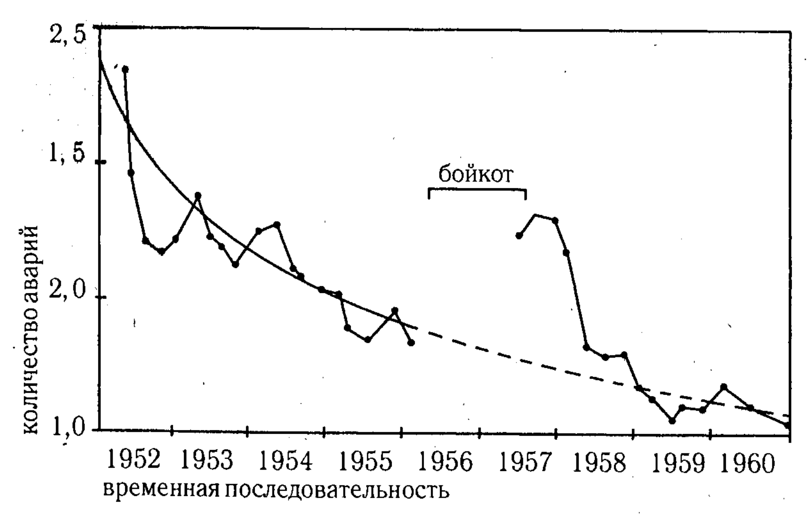

Рис. 20. Кривая аварий, происходивших на протяжении 8 лет

Еще одним важным результатом исследования стало то, что с помощью подходящих методов исключения и тестирования можно значительно снизить количество аварий среди водителей автобусов компании. Вне всяких сомнений, эти методы можно усовершенствовать еще больше, но количество аварий находится сейчас на таком низком уровне, что можно предположить, что для того чтобы добиться дальнейшего прогресса понадобится гораздо больше времени и сил, чем в прошлом. В целом, данные, собранные Шоу и Сичелом, подтверждают теорию предрасположенности к аварийным ситуациям, т.е. то, что некоторые люди будут чаще попадать в определенные аварийные ситуации, чем другие.

Утверждение о том, что вероятность того, что с человеком случится несчастный случай, зависит от количества несчастных случаев, которые он пережил, естественно, не является новым. Иногда его называют «законом повторения», или «законом Марбе» — по имени немецкого психолога К. Марбе, который провел серию экспериментов в области несчастных случаев. В одном из этих исследований он зафиксировал количество аварий среди 3000 офицеров немецкой армии. Он разделил офицеров на три группы: в первую входили те, у кого за пять лет не было ни одной аварии; во вторую те, у кого была одна авария; третья группа состояла из тех, у кого было много аварий. Марбе обнаружил, что у тех, кто не попадал в аварии, их количество составило 0,52 аварии за следующие пять лет. У тех офицеров, которые попали в аварию один раз, количество аварий составило 0,91, а у тех, кто попадал в аварии много раз, эта цифра составила 1,34. Таким образом, для аварийных паттернов офицеров было характерно определенное постоянство. Он сравнил точность прогнозов, которые он сделал с помощью своих открытий с системой, принятой страховой компанией, клиентами которой являлись офицеры. Эта компания, как и другие компании этого типа, варьировала уровень страховых выплат в зависимости от степени риска, связанного с конкретным видом работы. Марбе обнаружил, что хотя количество аварий действительно варьировало в зависимости от степени риска, связанного с профессией, эта вариабельность была более незначительной и менее предсказуемой чем вариабельность, связанная с личными факторами предрасположенности к аварийным ситуациям, что было доказано результатами исследований в течение

двух периодов по пять лет. Исходя из этого, Марбе поставил под сомнение привычную классификацию в зависимости от степени риска, которую использовали многие страховые компании, и указал на необходимость дополнительной классификации с учетом предрасположенности к аварийным ситуациям. Он также одним из первых указал на важное значение степени этой предрасположенности в процессе профессионального отбора. Он подчеркивал, насколько важно не только оценивать способности человека при найме на работу, но и обращать внимание на степень предрасположенности к аварийным ситуациям, что помогло бы снизить количество производственных травм и, соответственно, снизить расходы с ними связанные.

Закон Марбе еще раз подтвердился в результате исследования, проводившегося Саули Хаккиненом, финским исследователем, который изучал предрасположенность к авариям среди водителей трамваев и автобусов. Он обнаружил, что для них также была характерна тенденция, отмеченная выше, которая проявлялась в том, что в течение нескольких лет некоторые водители попадали в аварии много раз, а не которые всего лишь несколько раз или вообще ни разу.

Кроме того, он использовал целую серию психологических тестов применительно к субъектам своего исследования, и оказалось, что результаты по этим тестам водителей с разным количеством аварий на счету существенно отличались. Любопытно, что различия были одинаковыми как для водителей автобусов, так и для водителей трамваев, несмотря на различия в выполняемой ими работе. Исходя из этого можно предположить, что предрасположенность к аварийным ситуациям является более важным фактором чем характер выполняемой работы. После того как Хаккинен разработал серию тестов для определения степени предрасположенности к аварии у разных водителей, его попросили применить эти тесты для найма на работу новых водителей и оказалось, что тесты позволили с высокой степенью точности выполнить прогноз относительно будущих успехов или неудач новичков.

Какие тесты использовались в данном исследовании и как они связаны с предрасположенностью к аварийным ситуациям? Давайте начнем с измерения уровня умственных способностей, профессиональной пригодности и других способностей. В целом,

уровень умственных способностей практически не влияет на предрасположенность к аварийным ситуациям. Обычно очень умные люди менее склонны к авариям, но с позиций прогнозирования различия настолько малы, что они не стоят внимания. Картина немного меняется, если мы возьмем водителей, уровень умственных способностей которых значительно ниже среднего. Так в случае с IQ водителей около 80 и ниже наблюдается значительный рост количества аварий. Таким образом, применение тестов на проверку умственных способностей вполне обоснованно, и при найме на работу водителя с низким IQ следует уделить особое внимание его результатам по другим тестам. К сожалению, исследователи не пытались исследовать эту проблему глубже для того чтобы выяснить, почему низкие умственные способности связаны с тем, что человек часто попадает в аварии. Очевидно, что эти два фактора связаны между собой, и было бы очень интересно узнать, чем модели поведения глупых людей отличаются от моделей поведения умных людей.

Существует гипотеза, согласно которой профессиональные навыки могут быть фактором, который выполняет роль связующего звена между низкими способностями и авариями, но это маловероятно; тестирование профессиональных навыков не показывает большей взаимосвязи с дорожно-транспортными происшествиями или производственными травмами, чем остальные тесты умственных способностей.

Теоретически можно предположить, что некоторые другие проверяемые способности более тесно связаны с тенденцией к авариям. Эти, например, способность к оценке скорости и расстояния. Но в целом, результаты не являются обнадеживающими. Очевидно что у нас мало оснований предполагать, что люди предрасположены к авариям из-за их неспособности оценить скорость и расстояние в лабораторных условиях; ошибки, которые они совершают в процессе вождения или на производстве объясняются скорее личностными установками и другими похожими факторами, а не просто способностью отличать одну скорость от другой или правильно оценивать расстояние.

Часто измерялась быстрота реакции водителей, склонных и несклонных к авариям, и в действительности бытует мнение, что измерение быстроты реакции является единственно правильным

методом. На самом деле это далеко не так, и предположение о том, что быстрая реакция помогает безопасному вождению, никак не подтверждается. Было проведено бесчисленное множество исследований, и все они показали, что между быстротой реакции и количеством аварий практически не существует никакой взаимосвязи. На первый взгляд это может показаться странным, так как можно предположить, что у человека с быстрой реакцией больше преимуществ в случае опасной ситуации, чем у человека с медленной реакцией. Это предположение неверно по многим причинам.

Во-первых, водитель редко попадает в ситуации, которые представлены в типичных экспериментах на быстроту реакции. Во время эксперимента неожиданно загорается лампочка, и испытуемому нужно как можно быстрее нажать на кнопку, чтобы отреагировать на этот сигнал. Он точно знает, что должно произойти и какой реакции от него ждут, и поэтому реакция занимает примерно одну пятую секунды. С другой стороны, он не знает, когда именно загорится лампочка. В реальной дорожной ситуации все происходит как раз наоборот. В большинстве случаев факта неожиданности нет, в отличие от ситуации с лампочкой; хороший водитель может антиципировать ход событий, оценив ситуацию и используя свой предыдущий опыт в ситуациях подобного рода. Он наверняка заметит детей, которые играют в футбол рядом с дорогой, и может предвидеть, что мяч может выкатиться на улицу и что за ним побежит ребенок. Нет никаких причин думать, что антиципация и быстрота реакции связаны между собой и, несмотря на то, что при некоторых обстоятельствах быстрота реакции может быть важной, в большинстве случаев антиципация будет играть более важную роль с точки зрения безопасного вождения.

Еще одним моментом, на который также стоит обратить внимание, является тот факт, что быстрота реакции постоянно связана с другими факторами, такими как, например, скорость, с которой едет машина. Вполне вероятно, что человек, уверенный в быстроте своей реакции, не будет бояться рисковать, зная о том, что в нужный момент он может быстро среагировать. В результате он может преступить порог безопасности, который связан с его быстрой реакцией, и даже может стать более опасным водителем, чем водитель с медленной реакцией, который это прекрасно осознает и поэтому водит машину предельно осторожно. Вождение — это

настолько сложный навык, что нельзя ожидать, что простые эксперименты на быстроту реакции могут оказаться полезными в прогнозировании предрасположенности к аварийным ситуациям.

Положение дел будет немного лучше, если мы обратимся к более сложным экспериментам на быстроту реакции, в которых от водителей требуется умение различать. Например, мы можем использовать набор из пяти разноцветных лампочек и пяти кнопок, и субъект должен будет нажать соответствующую кнопку, когда загорится определенная лампочка. После того как он это сделает, загорится другая лампочка, так далее. Существует много способов усложнения типичного эксперимента на быстроту реакции, который можно сделать очень похожим на обычную дорожную ситуацию, сняв на видеопленку фильм с водительского места. Водитель должен будет реагировать на различные стимулы из фильма, например, на ребенка, выбегающего на дорогу, и так далее. Несмотря на то что подобные тесты очень похожи на реальные ситуации, в действительности вряд ли будет можно полагаться на их результаты.

Как это ни странно, существует одно измерение, заимствованное из экспериментов на быстроту реакции, которое отчасти позволяет делать более менее обоснованные прогнозы, хотя на первый взгляд трудно понять, почему это так. В экспериментах на быстроту реакции главный интерес представляет средняя скорость реакции. Но мы также можем проанализировать вариабельность реакций. Так, например, реакция мистера Смита в пяти следующих друг за другом ситуациях будет выражена в 210, 195, 190, 200, 205 миллисекундах, что в среднем составит 200 миллисекунд, а реакция миссис Смит составит 290, 200, 250, 110, 150 миллисекунд, и в среднем она также составит 200 миллисекунд. Видно, что несмотря на одинаковый средний показатель для миссис Смит характерна большая вариабельность чем для мистера Смита: самое долгое время реагирования у нее составляет 290 миллисекунд, а у него 210 миллисекунд, самое малое время составляет соответственно 110 и 190. Существует большая вероятность того, что большая степень вариабельности связана с большей степенью предрасположенности к аварийным ситуациям, и позже мы увидим почему, с теоретической точки зрения, это действительно может быть так. Даже основываясь на логике здравого смысла уже можно найти ответ на этот вопрос.

Если существуют такие дорожно-транспортные ситуации в которых необходимо быстро среагировать, то среди двух людей с одинаковым средним показателем быстроты реакции человек с большей степенью вариабельности может в самый опасный момент среагировать относительно медленно и поэтому вероятность того, что он может попасть в аварию, будет больше. Однако это только ключ к настоящему объяснению, а само объяснение будет представлено читателю несколько позже.

Следующая группа тестов, которая подлежит рассмотрению, представляет собой так называемые тесты психомоторных способностей. Тесты предполагают изучение и контроль за различными движениями, в ходе тестирования в ответ на определенные стимулы должны быть задействованы определенные двигательные комплексы. В тестировании подобного рода могут применятся такие простые задания, как тест «постукивания» или тест «нацеливания», в которых субъект должен при помощи карандаша ставить точки в кружки, нарисованные на рулоне бумаги, который вертится перед ним, или субъект будет выполнять другие задания, связанные со слежением за целью того или иного рода, при помощи стержня (как в случае с ротором преследования) или поворачивая колесики, которые двигают стержень в разные стороны. Эти тесты могут быть довольно сложными, как, например, в случае с использованием тренажера Линка, который применялся во время войны для того, чтобы у летчиков была возможность попрактиковаться. В этом тренажере, который был сконструирован как копия кабины самолета, имитировался процесс полета. Этот тренажер позволял наблюдать за реакциями пилотов. Подобные тесты психомоторных способностей являются частью огромного класса тестов, от самых простых до самых сложных. Часто тесты усложняются при помощи использования дополнительных стимулов для того чтобы отслеживать такие реакции как фрустрация, концентрация и так далее. Так способность к концентрации внимания можно измерить при помощи таких отвлекающих стимулов, как мигающие лампочки, шумы, словесные комментарии экспериментатора и так далее. Фрустрацию можно измерить мешая пилоту выполнять задание тем или иным способом причем таким образом, что испытуемый не будет об этом знать и внезапно обнаружит, что его показатели значительно ухудшились.

После того как фрустрации удалось добиться, можно убрать отвлекающие стимулы (опять без ведома испытуемого) и посмотреть, насколько быстро его эмоциональное состояние придет в норму и как быстро его показатели поднимутся до прежнего уровня, и выяснить, помешает ли этому фрустрация или нет. На самом деле количество вариаций на эту тему зависит лишь от изобретательности экспериментатора.

Именно тесты этого типа наиболее связаны с возможностью прогнозирования предрасположенности к аварийным ситуациям, причем наиболее эффективными являются наиболее сложные тесты. Иногда трудно определить, какой тест в каждом конкретном случае обеспечит наилучший результат, но в целом, в данном направлении уже имеются определенные наработки. Так, было обнаружено, что лучше использовать тесты, скорость которых будет контролироваться экспериментатором, нежели тесты, скорость которых сможет контролировать испытуемый. В качестве примера давайте рассмотрим составной эксперимент на быстроту реакции, обсуждавшийся нами ранее, в котором зажигаются разноцветные лампочки и испытуемый должен нажать на соответствующую кнопку, после чего одна из лампочек потухает и зажигается следующая. В данном случае, как мы уже упоминали, с помощью тестирования нельзя сделать точный прогноз. Если мы изменим тест так что лампочками будет управлять экспериментатор, регулируя скорость и очередность из зажигания, то окажется, что у теста в этом случае будет более высокая степень корреляции с предрасположенностью к аварийным ситуациям. Причиной этого, вероятно, является то, что когда испытуемый сам контролирует скорость тестирования, он может нагнать упущенное время работая быстрее в конце эксперимента; поэтому вариабельность, которая является очень важным фактором, теряется в среднем показателе, и два человека с разной степенью вариабельности могут добиться одних и тех же результатов. Это однако становится невозможно, если скорость выполнения задания контролируется экспериментатором. Если у испытуемого медленная реакция на определенный стимул, то он уже не сможет ничего исправить реагируя быстрее в следующий раз; возможность уже будет упущена, и ее уже нельзя будет вернуть, так как экзаменатор уже пустил в ход другой стимул, несмотря на то, что субъект еще не успел отреагировать на преды-

дущий. Психологи знают немало подобных способов, которые можно с успехом применять в различных отборочных тестах.

Мы уже упоминали тот факт, что тесты на психомоторные тесты часто можно использовать как для определения личностных черт, так и просто для измерения способностей, имеющих отношение к выполнению этих тестов. Следующий пример покажет читателю, что я имею в виду. В одном из тестов, который широко применяется в последнее время, испытуемому надо сдвинуть рычаг, поворачивая колесо либо влево, либо вправо. Рычаг нужно сдвинуть в направлении, на которое указывает лампочка, загорающаяся либо слева, либо справа от субъекта. Эту ситуацию можно усложнить разными способами, например, зажечь обе лампы сразу, и субъект должен будет сдвинуть рычаг в направлении лампочки, которая горит ярче, или специально сделать так, чтобы обе лампочки горели одинаково ярко и понаблюдать за тем, что будет делать в данной ситуации испытуемый. При исследовании количества аварий, было обнаружено, что между людьми с высокой и низкой степенью предрасположенности к аварийным ситуациям нет разницы в том, что касается таких переменных как быстрота реакции, амплитуда реакций, количество неверных реакций. С другой стороны, при исследовании степени «организации» действий, была обнаружена значительная корреляция с предрасположенностью к аварийным ситуациям. Исследователи предположили, что определенные тенденции, такие как повышенная эмоциональность и невротичность субъекта, предрасположенного к аварийным ситуациям, мешали ему хорошо справиться с заданием в стрессогенных ситуациях.

Подобные исследования личностных характеристик представляют немалый интерес и являются очень важными, в особенности потому, что их очень трудно сфальсифицировать. Еще одним источником доказательств являются, конечно, анкеты и опросники.

Проводилось немало исследований, в которых они предлагались водителям и рабочим, склонным и несклонным к аварийным ситуациям. В одном из таких исследований В. Файн изучал данные о количестве аварий среди 993 юношей-первокурсников Главного колледжа университета Миннесоты. Он разделил своих субъектов на три группы на основе результатов анкетирования — на экстравертов, интровертов и промежуточный тип.

Оказалось, что у экстравертов было гораздо больше аварий и они чаще нарушали правила дорожного движения чем остальные студенты. Похожую тенденцию у экстравертов также обнаружили С. Биешевел и М.Е. Уайт, которые изучали роль человеческого фактора при аварийных ситуациях в воздухе в Южной Африке. Оказалось, что при сравнении летчиков, предрасположенных к аварийным ситуациям, и летчиков, не предрасположенных к этому, первые были более эмоциональными, и легко впадали в панику; они были явно выраженными экстравертами, легко поддавались стимуляции, часто отвлекались и в целом действовали более импульсивно и были менее осторожны, для них была характерна высокая степень вариабельности и быстрая смена настроений. Эти результаты похожи на результаты многих других исследований в данной области и указывают на большое значение экстравертивных личностных качеств. Мы еще вернемся к данной проблеме в процессе нашего более обобщенного обсуждения причин аварийных ситуаций.

Личные установки и интересы являются той частью личности, которая, как можно предположить, явно имеет отношение к предрасположенности к аварийным ситуациям, и существуют некоторые доказательства того, что это действительно так. У людей, интересующихся механикой, меньше аварий, чем у людей, интересующихся литературой или вычислениями; также существует несколько доказательств того, что у людей, предрасположенных к аварийным ситуациям иное отношение к безопасности, сотрудничеству и так далее, чем у людей, у которых этой предрасположенности нет. У исследований подобного рода, естественно, те же недостатки, что и у исследований данных анкетирования, которые заключаются в том, что ответы можно легко фальсифицировать, а также в том, что очень многое в данном случае зависит от честности и желания субъекта сотрудничать. В целом, мы можем сказать, что существует много различных тестов, которые коррелируют с предрасположенностью к аварийным ситуациям, что с помощью более сложных тестов можно получить более точные прогнозы, чем с помощью простых, и что тип личности в данном случае часто играет более важную роль чем способности. Также можно заключить, что серия тестов является более эффективной, чем один тест, и что конкретный тип

взаимосвязи между тестом и предрасположенностью к аварийной ситуации, зависит от характера каждого конкретного задания. Мы не можем ожидать, что тесты будут идентичными, если мы будем предсказывать предрасположенность к аварийным ситуациям у водителей, шахтеров или представителей других профессий, сопряженных с риском. Однако, учитывая разнообразие обстоятельств, существенные различия в изучаемых группах и многочисленные трудности, связанные с исследовательской работой подобного рода, удивительно, что результаты оказались такими многообещающими. Разумеется, они не оставляют сомнений в реальности существования такого явления, как предрасположенность к аварийным ситуациям.

Однако при этом нужно учитывать тот факт, что термин «предрасположенность к аварийным ситуациям» часто используется в двух смыслах, которые очень важно различать. Под предрасположенностью к аварийным ситуациям мы можем подразумевать — и, вне всякого сомнения, некоторые люди используют термин именно в этом смысле — что некоторые от рождения предрасположены к различного рода несчастным случаям, которые происходят с ними независимо от обстоятельств и занятий, которыми они занимаются. Я думаю, что если этот термин понимать именно в таком смысле, то от него следует отказаться. Маловероятно, что несчастные случаи можно так генерализировать, и что если человек часто попадает в аварии, то с ним часто происходят и другие несчастные случаи. Давайте рассмотрим гипотетический случай и скажем, что у Джонни ярко выражена предрасположенность к аварийным ситуациям, так как он любит хвастаться своей машиной перед своими подружками, и ему нравится управлять мощной машиной, что проявляется в быстрой езде и в стремлении посоревноваться со своими друзьями на скоростном шоссе.

Давайте также предположим, что Джонни увлекается альпинизмом. Есть ли у нас основания предполагать, что в данном случае он также будет склонен к аварийным ситуациям? Альпинизм нельзя по большому счету назвать видом спорта, который подразумевает соперничество; маловероятно, что в данном случае Джонни будут сопровождать девушки, перед которыми он хотел бы показать, на что он способен, он также никак не может выразить свое влечение к власти, ему просто надо благополучно добраться до вершины горы. Таким образом, Джонни может быть хорошим альпинистом, и в то же время опасным водителем. В каждом конкретном виде деятельности необходимо точно определить причины предрасположенности к аварийным ситуациям, и только потом можно делать какие-либо выводы.

Таким образом, мы приблизились ко второму определению предрасположенности к аварийным ситуациям, которое является более конкретным. Согласно этому определению, для каждого рода деятельности существуют определенные способности, личностные паттерны и черты, интересы, установки и так далее, которые необходимы для безопасного выполнения задания этого рода, и что если эти качества у человека либо слабо выражены, либо не выражены вообще, то тогда существует достаточно большая вероятность того, что этот вид деятельности может представлять для него определенную опасность. Однако нельзя сказать, что у человека с предрасположенностью к аварийным ситуациям согласно данному определению неизбежно произойдет несчастный случай, так как, опять же из определения следует, что несчастными случаями отчасти можно управлять и что аварии часто можно объяснить чистой случайностью. Тем не менее когда несчастные случаи все-таки имеют место, то скорее происходят с людьми, у которых отсутствуют определенные характеристики, способности и так далее, которые необходимы для того рода деятельности, в которой они заняты. Все факты говорят о том, что именно второе определение термина представляет собой психологическую истину огромной важности. Разумеется, верно то, что в этой главе основное внимание уделялось удачным открытиям и исследованиям, несмотря на то, что в действительности не всегда и не всем удается сделать удачные прогнозы и установить корреляции между тестами и поведением в реальных жизненных ситуациях или тестами и предрасположенностью к аварийным ситуациям. Однако этот факт не противоречит нашему главному выводу. Многие исследования, которые не привели к положительным результатам, основаны на неправильно отобранных тестах и проблемных ситуациях, на неудачном выборе методов статистического анализа и на слабом контроле за соответствующими переменными. Очевидно, что при таких условиях неудачи неизбежны, и это только подтверждает справедливость наших выводов. Возьмем, к примеру, известное

исследование, с помощью которого экспериментатор пытался доказать определенные теории Фрейда относительно подсознательной детерминации несчастных случаев. Другими словами, он пытался показать, что с человеком происходит несчастный случай потому, что он подсознательно этого хочет. Для измерения гипотетической подсознательной деятельности он использовал тест, широко применяемый в Соединенных Штатах, который состоит из изображений собак, кобелей и сук; испытуемый смотрит на эти изображения и затем придумывает истории про изображенных собак. На одной из картинок, например, может быть нарисован кобель, который весьма недвусмысленно поглядывает на стоящую перед ним суку. Другие картинки предназначены для того чтобы вызвать у человека ассоциации с семейными отношениями и так далее. В дополнение к этому тесту исследователь также использовал проективный тест Роршаха, в процессе которого он интерпретировал реакции испытуемых на разноцветные и одноцветные чернильные кляксы. В конечном итоге между людьми, часто попадающими в аварии и людьми, которые в них попадали крайне редко не удалось выявить никаких различий. Подобные «эксперименты» трудно воспринимать всерьез. Неудачный исход подобных исследований никак нельзя использовать в качестве аргумента против того, что люди, предрасположенные к аварийным ситуациям и люди к ним не предрасположенные отличаются друг от друга определенным набором личностных черт.

Если, как показывают многочисленные факты, предрасположенность к аварийным ситуациям более тесно связана с чертами личности человека чем с его способностями, то тогда мы можем достаточно точно определить, с теоретической точки зрения, какие личностные паттерны характерны для человека с предрасположенностью к аварийным ситуациям, и затем проверить, правильно ли мы их определили. Мы можем начать с предположения о том, что тип поведения автомобилиста, который приводит к авариям, также может являться типом поведения, который наказывается законом. Не все представляют, насколько часто автомобилисты нарушают закон. В 1962 году уголовные дела, заведенные на автомобилистов, приблизились к миллионной отметке. Из 989 812 обвиняемых, были признаны виновными 953 600 автомобилиста. Кроме того, было зарегистрировано 203 246 случая нарушения

правил парковки. В целом, дела, заведенные по факту дорожно-транспортных происшествий, составляют 60 процентов всех дел, рассматриваемых в судах. Эти данные часто оставляют без внимания, так как многие люди считают, что нарушение правил дорожного движения подпадает под совершенно иную категорию, чем другие нарушения закона, и что их нельзя приравнивать к таким преступлениям, как воровство, вооруженное ограбление, убийства и так далее.

На самом деле факты не подтверждают справедливость подобного разграничения. В. А. Тиллман и Дж. Е. Хоббс сравнивали группы водителей, постоянно попадавших в аварии, с двумя группами водителей, на счету которых не было ни одной аварии. Они обнаружили, что из «рецидивистов» 34 процента в свое время предстали перед судом, только об 1 проценте водителей из группы, члены которой не попадали в аварии, можно было сказать тоже самое.

17 процентов «рецидивистов» предстали в свое время перед судом по делам несовершеннолетних; среди второй группы только 1,2 процента. 18 и 1 процент соответственно проходили по делам об административных преступлениях, и 14 и 0 процентов соответственно проходили лечение от венерических болезней. Доктор Теренс изучал уголовные дела 653 нарушителей правил дорожного движения в Англии, которые предстали перед судом за следующие правонарушения: неосторожное вождение, в результате которого погибли люди, неосторожное вождение, вождение в нетрезвом состоянии либо под воздействием наркотиков, вождение без прав, продолжение движения после совершения аварии, сокрытие факта аварии.

Оказалось, что на каждого пятого из 653 водителей также были заведены уголовные дела другого рода. У оставшихся водителей серьезных проблем с законом не было, но они были «на отметке у полиции» как лица, подозреваемые в совершении преступлений. В целом, можно сказать, что примерно одна треть этих водителей явно не была «законопослушными гражданами» и имела серьезные проблемы с законом. По сравнению с общим уровнем преступности в Великобритании, подобная пропорция нарушителей закона в данной выборке водителей в три раза превышает этот уровень.

Виллет также обнаружил, что 24 процента нарушителей уже задерживались ранее за нарушение правил дорожного движе-

ния, что составило 307 водителей из 653. Когда был сделан дополнительный анализ 151 человека, у которых на счету были также правонарушения другого рода, то оказалось, что в сумме они совершили 549 дорожных правонарушения и 610 других правонарушений, из которых только тринадцать можно назвать мелкими. Две трети этих водителей представали перед законом несколько раз. Четыре человека из пяти, которые были обвинены в дорожно-транспортном происшествии, повлекшим за собой гибель людей, оказались виноваты в совершении других преступлений, то же самое можно сказать и о 78 процентах тех, кто был обвинен в вождении без прав.

В Америке и в Европе эти показатели превышаются в два раза, и не остается практически никаких сомнений в том, что водитель, причастный к аварии, это, как правило, далеко не добропорядочный гражданин, который оказался жертвой случая. Человек, который нарушает законы общества, также обычно нарушает и правила дорожного движения. Таким образом, мы подходим к мысли о том, что водитель с предрасположенностью к аварийным ситуациям находится в том же квадранте нашей личностной диаграммы, что и преступники другого типа. Мы уже упоминали несколько исследований по результатам которых водители с предрасположенностью к аварийным ситуациям являются либо ярко выраженными экстравертами, либо личностями, склонными к неврозам и другим пограничным состояниям. Более того, все черты, которые были обнаружены у людей с предрасположенностью к аварийным ситуациям, попадают в один и тот же квадрант. Невнимательность, агрессивность, импульсивность, беззаботность, изменчивость, быстрая смена настроений — это все психопатические, истерические или холерические черты, и многочисленные данные свидетельствуют о том, что они присутствуют у нарушителей правил дорожного движения, у водителей, предрасположенных к аварийным ситуациям, и у людей, получающих производственные и другие травмы. Таким образом, мы должны сделать вывод о существовании доказательства того, что определенные личностные паттерны связаны с предрасположенностью к аварийным ситуациям и что эти личностные паттерны похожи на паттерны, характерные для преступников. Тиллман и Хоббс пришли к следующему выводу: «Человек водит машину так же, как он живет», и хотя это, возможно, несколько эпиграмматичный способ отображения фактов, он, тем не менее, подводит нас к целому ряду важных заключений. Экспериментальные исследования в лабораторных условиях слегка изменяют данную формулировку и вывод может звучать следующим образом: « Человек реагирует на искусственно созданную лабораторную ситуацию в соответствии с тем, как он живет»; то есть, личность самовыражается в лабораторной ситуации точно также как и во время вождения, и во время вождения также как и во время других ситуаций. В действительности, уже само понятие личности подразумевает нечто в этом роде, т.е. относительно постоянные, прочно укоренившиеся поведенческие паттерны, привычки, и тенденции, которые развиваются у человека в течение его жизни на основе наследственности и в ответ на награды и наказания, которые он получает от жизни. Есть множество оснований предположить, что эти паттерны будут влиять на все действия человека, а не только на какое-то ограниченное их число.

Кроме общих личностных факторов, немалую роль играют и другие факторы, такие как возраст и пол. В странах с высокоразвитой промышленностью существует четкая взаимосвязь между несчастными случаями и возрастом. Для мужчин опасность погибнуть в результате дорожно-транспортного происшествия резко возрастает от рождения и до пяти лет, с пяти до десяти лет она уменьшается, после чего происходит резкий подъем, который достигает максимальной отметки в возрасте восемнадцати лет и остается примерно на одном и том же уровне до тридцатилетнего возраста, затем постепенно опускается к тридцати пяти годам.

Начиная с тридцати пяти и до шестидесяти лет вероятность смертельного исхода в результате аварий довольно мала, и только после шестидесяти пяти лет она опять резко возрастает. Ситуация у женщин лишь немного отличается: опасность несчастного случая велика до пяти лет, и она значительно уменьшается с пяти лет до десяти лет, однако после этого происходит менее заметный рост. Это может свидетельствовать о том, что женщины менее предрасположены к несчастным случаям, кроме того, существует предположение, что мужчины и женщины отличаются друг от друга степенью социализированности и конформизма. Эти предположения подтверждаются также результатами некоторых исследований, которые указывают на то, что женщины

менее экстравертированны, чем мужчины и что по этой причине они реже попадают в квадрант преступности и предрасположенности к аварийным ситуациям. Хорошо известно, что для женщин характерен более спокойный и менее агрессивный стиль вождения, чем для мужчин, также существует немало доказательств того, что они реже нарушают законы и правила.

Дрю, в своем обращении, которое упоминалось в начале этой главы, вспоминает дорожную ситуацию, которая стала предметом исследования «Лаборатории по изучению дорожно-транспортных ситуаций».

Для того чтобы выбрать оптимальное место для пешеходного перехода, они сначала в течение нескольких недель наблюдали, в каких местах люди переходили дорогу. Полученное распределение носило строго линейный характер. Затем был установлен пешеходный переход. Он был расположен таким образом, чтобы людям было удобно переходить именно по нему или рядом с ним. Последующий анализ частотности пересечений дороги в разных местах выявил симметричное колоколообразное распределение, причем большее количество женщин переходило дорогу именно по пешеходному переходу, а те женщины, которые переходили дорогу в другом месте, делали это рядом с пешеходным переходом. Затем возле пешеходного перехода поставили полицейского, который должен был просто стоять там и ничего не делать. Результат оказался поистине впечатляющим. Все мужчины теперь стали переходить дорогу только по пешеходному переходу, но как только полицейского не стало, они опять вернулись к своих прежним маршрутам пересечения дороги. Присутствие полицейского, однако, никак не повлияло на поведение женщин. Было отмечено, что для подобных моделей поведения характерна определенная регулярность, однако мы сможем выяснить, играет ли это значение с психологической точки зрения, только тогда, когда этим вопросом заинтересуется какой-либо психолог.

Подготовка также является одним из важных факторов.

В нашей стране было бы гораздо меньше аварий, если бы каждый водитель проходил такую подготовку, как водители — полицейские. Известно, что процент аварий среди водителей, работающих в городской полиции Лондона, намного ниже по сравнению с общим процентом аварий. Но даже в этом случае

можно добиться улучшения ситуации с помощью дополнительного обучения. Исследования, проводившиеся в Америке и в Европе, показали, что водители, которые не обучались вождению в школах, попадали в аварии гораздо чаще, чем те, кто получил соответствующую подготовку. Достаточно одного примера: в штате Делавер сравнили «истории вождения» 1100 водителей, не проходивших специального обучения в школах по вождению, с «историями вождения» такого же количества водителей, которые обучались там. Среди первой группы водителей было в пять раз больше случаев задержания за серьезные нарушения правил дорожного движения, в четыре раза больше случаев аварий, и в три раза больше случаев предупреждения полицией, чем среди второй группы. Эти результаты, однако, всего лишь подтверждают логику здравого смысла. Вождение — это навык, а любой навык можно усовершенствовать только при помощи соответствующей подготовки.

Но какими бы важными не были факторы возраста, пола, подготовки и так далее, — фактор личности нарушителя играет первостепенное значение. В конце концов, именно психопатический тип личности может получить наибольшую выгоду от обучения, но люди с таким типом личности как раз таки и будут его отвергать. В связи с этим отмечено существование еще одного важного фактора, который имеет непосредственное отношение к обсуждаемой нами проблеме, главным образом потому, что он приводит к нежелательным в данном случае последствиям, а именно делает людей более экстравертированными. Этим фактором является алкоголь. Читателям известна поговорка: алкоголь растворяет совесть. В предыдущих главах мы уже говорили, что стимулирующие препараты делают людей более интровертированными, в то время как депрессанты делают их более экстравертированными. Из всех наркотиков самым широко распространенным и опасным является алкоголь, а так как он делает людей ярко выраженными экстравертами, можно предположить, что алкоголь — один из самых важных причинных факторов аварий. Факты не оставляют никаких сомнений в том, что это действительно так.

Многие люди говорят об алкоголе в контексте того, сколько было только что выпито: три пинты пива, два двойных виски, и так далее. Однако с точки зрения поведения главную роль играет количество алкоголя в крови у субъекта, независимо от того, что

он выпил, хотя первое, естественно, отчасти зависит от второго. Концентрация алкоголя в крови обычно определяется весом алкоголя в данном объеме крови, а точнее, в миллиграммах на 100 миллилитров крови. Таким образом, мы можем составить шкалу, в которой основное внимание следует уделить концентрациям 50, 100, и 150 мг на 100 мл (400—500 мг являются смертельной дозой для девяти человек из десяти). Пятьдесят мг на 100 мл — это концентрация алкоголя в крови у человека весом семьдесят килограмм, который выпил шесть порций виски, или три пинты пива за относительно короткий промежуток времени после обычного обеда. Для того чтобы концентрация алкоголя составила 150 мг на 100 мл, ему понадобится от двенадцати до четырнадцати порций виски, или галлон пива. Эти цифры могут показаться слишком высокими чтобы быть полезными с практической точки зрения, однако Дж. Уоллс показал, что в среднем концентрация алкоголя в крови у водителей, задержанных за вождение в нетрезвом состоянии, составляет 220 мг на 100 мл, он также обнаружил, что три из двадцати трех водителей с концентрацией алкоголя 300 мг на 100 мл были оправданы в суде.

Было проведено огромное количество лабораторных экспериментов по изучению воздействия алкоголя на действия и поведение человека. Нет никаких сомнений в том, что даже небольшая концентрация алкоголя приводит к ухудшению различных показателей, которое прогрессирует по мере ее увеличения. На простые реакции малые дозы алкоголя практически не влияют, поэтому эти реакции обладают эффектом порога, чего нельзя сказать о более сложных реакциях; ухудшение наблюдается даже при незначительной концентрации алкоголя в крови. Особую важность представляет интересная работа, проделанная Дж.К. Дрю, который использовал в своем эксперименте задания на имитацию вождения. Реакции на этот тест очень схожи с реакциями на реальные дорожные ситуации. Отрицательное влияние алкоголя при этом было доказано. Если мы выйдем за пределы лаборатории, то обнаружим, что серьезность аварии зависит от количества алкоголя. В то время как алкоголь является причиной пяти процентов всех дорожно-транспортных происшествий, высокая его концентрация в крови становится причиной пятидесяти процентов дорожных происшествий, приведших к гибели людей. В случаях аварий со смертельным исходом, в которые вовлечена только одна машина, этот процент приблизительно равняется 90. В одном американском исследовании была сделана попытка сравнить концентрацию алкоголя в крови у водителей, причастных к авариям, с концентрацией алкоголя у контрольной группы водителей. Оказалось, что в то время как среди водителей контрольной группы только пять процентов выпили две и больше порций алкоголя; в экспериментальной группе этот процент составил шестьдесят четыре. Девяносто процентов водителей из этого числа выпили больше двух порций алкоголя, а шестьдесят процентов — более шести порций. Другие исследования показали, что у сорока шести процентов водителей из экспериментальной группы концентрация алкоголя достигала 250 мг и больше на 100 мл; никто из контрольной группы даже не приблизился к этому уровню. В Братиславе было подсчитано, что риск попасть в дорожно-транспортное происшествие возрастает по мере увеличения концентрации алкоголя в крови, а когда она составляет 150 мг и выше, риск возрастает в 130 раз по сравнению с нулевой концентрацией. Также было обнаружено, что среди водителей, задержанных за вождение в нетрезвом состоянии, было много хронических алкоголиков. В Швеции 3,5 процента мужского населения зарегистрированы как хронические алкоголики, но по их вине произошло сорок восемь процентов всех аварий, в которых решающим фактором был алкоголь.

Еще одним способом демонстрации фактов является способ Барбары Престон, которая опубликовала диаграмму в газете «Обзервер» (рис. 21). Диаграмма показывает процент погибших водителей, а также количество транспортных средств в разное время суток по субботам. Только шесть процентов всех «дневных» транспортных средств перемещаются по дорогам между десятью часами вечера и двенадцатью часами ночи, когда погибает примерно четверть водителей.

На это часто возражают, что некоторые люди водят машину лучше, приняв определенное количество алкоголя, а также что алкоголь по-разному воздействует на разных людей и что объективный стандарт не будет этого учитывать. Ответ на первый аргумент будет очень простым: люди в состоянии алкогольного опьянения *думают*, что они водят лучше, хотя на самом деле это, разумеется, не так.

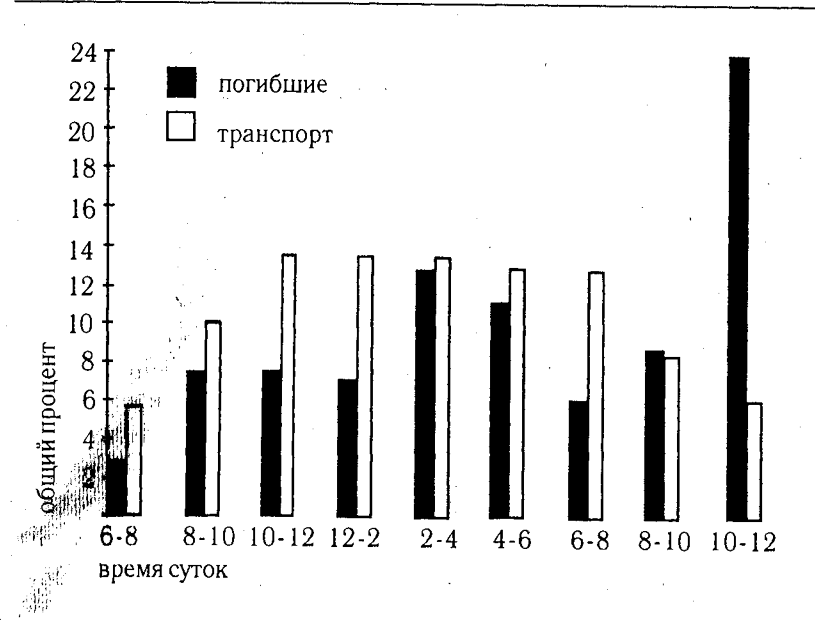

Рис. 21. Сравнение количества погибших водителей с количеством транспортных средств в различное время суток по субботам. Количество дорожно-транспортных происшествий после закрытия пабов по субботам увеличивается

Профессор Коуен из Манчестерского университета довольно убедительно это доказал. Он попросил профессиональных водителей автобусов выполнить тест, в котором они должны были определить, смогут ли они проехать на автобусе между двумя палками, воткнутыми в землю, а затем проделать этот маневр. Он показал, что алкоголь не только мешал водителю осуществить этот маневр но также и то, что по мере увеличения степени опьянения водитель становился все более уверенным в том, что он может сделать невозможное — проехать на автобусе шириной восемь футов через промежуток между палками шириной всего лишь девять футов. Подобная тенденция к увеличению уверенности в собственных силах и веры в свои способности по мере того, как на самом деле эти способности ухудшаются, является характерным для воздействия алкоголя и это стоит принять во внимания прежде чем делать какие-либо выводы.

Что касается различного воздействия алкоголя на разных людей, то это наблюдение верное. В действительности, с теоретической точки зрения, этого и следовало бы ожидать. Взгляните на рисунок 22. На нем представлен континуум от крайней интроверсии до крайней экстраверсии. Давайте теперь посмотрим на человека (А) в центре. Он одинаково далек и от первой и от второй крайности, и может переместиться либо в одну, либо в другую сторону в зависимости от того, будет принимать стимулирующие препараты или депрессанты. Давайте теперь сравним его с человеком (В), который уже является ярко выраженным экстравертом. Его отделяет очень маленький промежуток от крайней экстраверсии и очень большой промежуток от крайней интроверсии. Таким образом, он будет устойчив к стимулирующим препаратам и неустойчив к депрессантам. Совершенно противоположная картина будет наблюдаться у мистера С, который находится ближе к концу крайней интроверсии; он будет устойчив к депрессантам и неустойчив к стимулирующим препаратам. Было собрано достаточно фактов, подтверждающих, что это действительно так. В следующей главе, посвященной преступности, мы увидим, что подросток с крайне экстравертированным типом личности может принять гораздо большее количество стимулирующих препаратов без тяжелых последствий чем средний человек или интроверт. Алкоголь действует по-другому. Интроверты более устойчивы к нему, чем экстраверты.

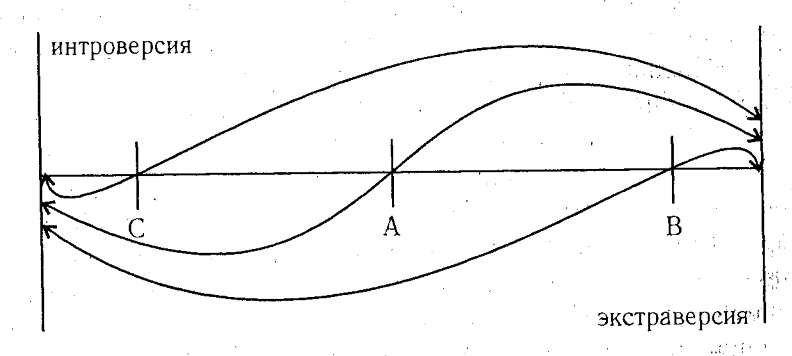

Рис. 22. Расположение трех типов людей: А, В, и С на континууме экстраверсия — интроверсия, где В — экстраверт, С — интроверт, А — амбиверт

Таким образом, алкоголь не только приводит к экстраверсии, дело в том, что перемещение в направлении крайней экстраверсии происходит быстрее и резче. Мы показали, что экстраверт представляет большую опасность а также то, что он склонен выпивать больше, таким образом, мы имеем дело с двойным риском. Человек, предрасположенный к аварийным ситуациям, в рамках своей личности, это человек, который склонен к увеличению этой предрасположенности при употреблении алкоголя.

Мы подошли к двум заключительным моментам, первый из который играет огромное значение. В предыдущих главах мы заметили, что для экстраверсии характерны быстрые процессы торможения и как следствие — быстрая потеря бдительности. Далее, существуют доказательства того, что многие аварии происходят потому, что утрачивается бдительность, что в свою очередь приводит к довольно продолжительным непроизвольным паузам для отдыха. Во время такой непроизвольной паузы водитель практически спит и не обращает внимания на то, что происходит на дороге; неудивительно, что во время подобных пауз он может попасть в аварию.

Далее, подобные непроизвольные паузы происходят гораздо чаще и более продолжительны у экстравертов чем у интровертов, а алкоголь еще больше увеличивает продолжительность этих пауз и вероятность их возникновения. Водитель, естественно, даже не подозревает о том, что происходит на самом деле и не знает, что он представляет опасность для себя и для окружающих. Однако эти непроизвольные паузы вовсе не обязательно будут влиять на его способность ровно пройти по прямой линии или на способность вспомнить таблицу умножения, или на способность выполнить стандартные действия во время медицинской экспертизы. Таким образом, он будет уверен в том, что может прекрасно справиться с вождением, хотя на самом деле его непроизвольные паузы отдыха делают его опасным. Даже незначительное количество принятого алкоголя увеличивает вероятность возникновения аварийной ситуации, так как алкоголь увеличивает продолжительность пауз отдыха.

Я думаю, что с Барбарой Престон нельзя не согласиться, когда она говорит: «Если бы в этой стране были приняты новые законы, согласно которым водителя с концентрацией алкоголя в крови от 50 мг и выше лишали прав, и если бы за исполнением этих законов следили полицейские, которые проверяли бы водителей, отъезжающих от питейных заведений, на наличие винных паров в дыхательной трубке, разве это не заставило бы водителей задуматься, прежде чем сесть за руль в нетрезвом состоянии? Разве это не принесло бы пользу всему обществу? Удовольствие прокатиться за рулем машины в нетрезвом виде не стоит 500 убитых и 2000 или 3000 покалеченных людей в год».

Еще один важный момент заключается в том, что в результате лабораторных экспериментов было получено немало доказательств того, что если людям предоставляется выбор — либо ехать быстро и сделать много ошибок, либо ехать медленно и сделать мало ошибок, то в данном случае экстраверты выбирают первое, в то время как интроверты — второе.

Таким образом, мы можем предположить, что экстраверты и люди, которые выпили, будут ехать быстро, рискуя совершить много ошибок, в то время как интроверты и люди трезвые будут стараться сделать как можно меньше ошибок, рискуя потратить гораздо больше времени. На этот счет практически не существует прямых доказательств, однако многие люди и автомобилисты в особенности часто заявляют, что скорость сама по себе не является важным фактором при авариях. Каковы же эмпирические доказательства? В 1935 году в Лондоне было введено ограничение скорости до 30 миль в час и, по крайней мере на первых порах, водители соблюдали это правило. В годовом отчете начальника городской полиции Лондона говорилось: «Единственное доказательство, которое говорит об эффективности введения ограничения скорости, можно найти, сравнив количество смертельных случаев среди пешеходов, вызванных 1) автомобилями частного класса, на которых ограничение скорости распространилось 18 марта и 2) коммерческим транспортом, на который ограничение скорости распространилось раньше. Данные статистики за второе полугодие этого года, когда было введено ограничение скорости, показывают, что хотя это нововведение практически не повлияло на количество смертельных случаев среди пешеходов, вызванных наездом транспорта коммерческого класса, оно снизило количество смертельных случаев, вызванных на-

ездом автомобилей частного класса на пятьдесят процентов по сравнению с первым полугодием».

В некоторых странах был проведен противоположный эксперимент; то есть было принято решение отказаться от ограничений скорости. Германия была в числе этих стран, однако количество смертельных случаев в результате дорожно-транспортных происшествий настолько возросло, что пришлось опять ввести эти ограничения.

Особый интерес представляет эксперимент, проводившийся в Провиденсе, небольшом городке в Новой Англии, где начиная с 1938 года был введен лимит на скорость, которая не должна была превышать 25 миль в час. В нашем распоряжении имеются данные статистики за годы, предшествующие введению этого лимита, и за годы, последовавшие за ним.

Данные за 1937 год и 1938 год соответственно оказались следующими.

Погибшие дети — 7 по сравнению с 1.

Взрослые пешеходы — 3 по сравнению с 12.

Водители автомашин — 9 по сравнению с 0.

Общее количество пострадавших — 1432, по сравнению с 713.

В целом, мы видим пятидесятипроцентное уменьшение количества погибших и пострадавших людей. Эти данные, как и многие другие, собранные по всему миру, не оставляют никаких сомнений в том, что строгое ограничение скорости, контролируемое соответствующими органами, значительно снижает вероятность дорожно-транспортных происшествий. Аргументы, которые выдвигают против этого многие клубы автомобилистов, не являются убедительными. Они пытаются доказать, что хороший водитель всегда знает, когда нужно ехать быстро, а когда нужно притормозить, и что закон, который заставляет их ехать все время медленно, только мешает нормальному вождению. Даже если бы это было действительно так, то остается открытым вопрос, как отличить хорошего водителя от плохого, который может считать себя хорошим водителем, хотя на самом деле он таковым не является? Если ему позволить ехать быстро, то он может представлять реальную угрозу для пешеходов и других водителей. Так как, к сожалению, плохих водителей больше чем хороших, то хорошие водители в результате будут страдать от плохих водителей, которые убеждены в том, что они первоклассные. Так как я сам очень люблю водить машину и причисляю себя к «хорошим» водителям, я сожалею, что мне приходится делать подобные выводы, однако я убежден, что ради безопасности большинства людей мы должны отказаться от нашего неоспоримого права ездить с такой скоростью, с какой нам нравится. Согласно теории экстраверты будут ехать быстро даже если это небезопасно, будут считать себя хорошими водителями, и будут нарушать налагаемые на них ограничения скорости. Это плохой набор качеств, который увеличивает вероятность дорожно-транспортных происшествий. Движение на предельных скоростях следует разрешать только на скоростных шоссе, хотя даже в этом случае аварии, естественно, неизбежны.

Мы можем завершить эту главу, сказав, что в действительности на сегодняшний день об авариях и предрасположенности к аварийным ситуациям уже многое известно, и что психологи уже готовы внести ряд предложений, которые, если будут приняты, помогут существенно снизить ужасное количество дорожно-транспортных происшествий, характерное для современной жизни. Но еще более важно то, что все факты говорят о необходимости дальнейших исследований в данной области на основе психологических теорий, обсуждавшихся в этой главе.

VII. Преступления, совесть и обусловливание

В предыдущей главе мы упоминали о существовании «невротического парадокса»; интересно то, что существует также «парадокс преступности». По своей природе эти парадоксы очень похожи. Невротик делает то, чего не хочет делать, и у него не получается делать то, что он хочет. Он не подпадает под общий закон гедонизма, который управляет человеческими и животными реакциями. То же самое можно сказать и о преступнике, особенно о рецидивисте. Несмотря на то, что его ловят, выносят приговор, сажают в тюрьму много раз, он, тем не менее не способен осознать, что подобная линия поведения не принесет ему счастья, удовлетворения и удовольствия, и продолжает нарушать закон, проводя в итоге большую часть жизни за решеткой.

Как и невротический, парадокс преступности существует с незапамятных времен, и любопытно, что люди, ответственные за принятие законов и сохранение правопорядка, упорствовали и продолжают упорствовать в своем убеждении, которое не подтверждается ни фактами, ни теорией. Это убеждение заключается в следующем. Человек — это существо по большей части рациональное; он оценивает последствия своих возможных действий и предпочитает те из них, которые, в целом, могут сделать его счастливым, тем, которые, в целом, могут сделать его несчастным. Если желательно искоренить определенную линию поведения, то тогда нужно ввести соответствующие меры наказания; это должно будет вызвать предубежденность в гедонистических рас-

четах, которая не позволит человеку придерживаться этой линии поведения. Вы не хотите, чтобы люди воровали, убивали и насиловали других; соответственно, вы устанавливаете определенные меры наказания за воровство, убийство и изнасилование. Подобным способом, согласно данной теории, можно искоренить все нежелательные для общества модели поведения.

К сожалению, эта теория является ошибочной с психологической точки зрения, и нельзя ожидать, что она будет работать. Одной из главных причин является существование закона, который мы можем назвать «законом временной последовательности». Согласно этому закону, если данное действие влечет за собой два последствия, одно из которых приятное или положительное, а другое — неприятное или негативное, то вероятность того, что человек совершит это действие, будет пропорциональной не только размеру положительных и негативных реакций, но и их временной последовательности. Чем скорее данное последствие, неважно — негативное оно или положительное, последует за совершением поступка, тем большее влияние оно будет иметь на принятие решения, и чем дальше последствие будет отодвинуто во времени, тем меньше оно будет влиять на вероятность совершения или несовершения определенного действия. Если негативные и положительные последствия примерно одинаковы, то тогда действие будет совершено, если положительное последствие будет предшествовать негативному последствию, и не будет совершено если негативное последствие опередит положительное.

Этот принцип противоречит надеждам, связанным с исправлением преступников с помощью наказания. Награда за преступное деяние достается преступнику практически сразу; убийца получает удовлетворение от вида убитой им жертвы, насильник испытывает удовлетворение после изнасилования, а вор — от обладания желаемым предметом.

Таким образом, положительные награды не только крупны в размерах, но даются человеку практически сразу после совершения преступления. Негативные последствия преступной деятельности если и происходят, то происходят относительно нескоро. Недели, месяцы и даже годы проходят прежде чем преступника удается поймать, прежде чем он предстанет перед судом, и прежде чем он попадет в тюрьму. Таким образом, негативные последствия

оттягиваются во времени, преступление и наказание разделяет продолжительный отрезок времени. Более того, в то время как преступник уверен в положительных последствиях преступления, он надеется избежать отрицательных. Невозможно предоставить какие-либо статистические данные относительно того, сколько преступлений совершается на самом деле и сколько из них в действительности рассматривается в суде; о многих преступлениях, возможно, даже об их большей части, не сообщают в полицию, и, следовательно, полиция ничего о них не знает. Даже если о преступлении становится известно, только четверть их можно доказать; а если учесть еще и тот факт, что в эту четверть также входят случаи, которые просто были «приняты к сведению полиции», то оказывается, что только десять или пятнадцать процентов преступлений в конечном итоге караются по закону. При таких условиях, мы, естественно, не можем ожидать, что наказание будет являться эффективным способом борьбы с преступностью, и в действительности, вот уже на протяжение нескольких веков эксперты в вопросах наказания жалуются на тот печальный факт, что человеческая натура отказывается подчиняться их теории и признают, что тюрьма, исправительные работы, и даже физические наказания не являются факторами, сдерживающими преступное поведение.

Может ли психология предложить какую-либо разумную теоретическую основу преступного и законопослушного поведения? Довольно любопытно то, что объяснение в данном случае будет похоже на объяснение невротического поведения. Прежде всего, мы должны воспользоваться понятием «совесть», которое часто используется в качестве альтернативной гипотезы гедонистическому расчету, в том, что касается моральных норм поведения. Многие люди могут поспорить, что человеческие существа не мотивируются полностью, или даже главным образом, гедонистическим расчетом; они могут заявить, что поведение человека скорее определяется его совестью, или внутренним направляющим светом, или чем то иным, что можно назвать выражением морального сознания, этого «закона морали внутри нас» который мы осознаем, но который мы с большим трудом можем описать. Часто понятие совести приобретает религиозный оттенок, так как именно Церковь, в основном, взывает к нашим моральным качествам, однако на самом деле это понятие не обязательно связано с религией, многие известные атеисты и агностики не раз призывали на помощь свою совесть для того чтобы оправдать свои действия, и для того чтобы принимать понятие совести, вовсе не обязательно соглашаться с ее сверхъестественным или божественным происхождением.

Как же появляется совесть? Согласно нашим предположениям совесть это всего лишь условный рефлекс, который формируется точно также же как фобические или невротические реакции. Маленький ребенок по мере взросления должен научиться определенным моделям поведения, которые сами по себе могут быть неприятными и даже идти вразрез с его собственными желаниями и убеждениями. Он должен научиться умываться каждый день и не мочиться там, где ему захочется и когда ему захочется; ему придется подавлять в себе сексуальные желания и агрессию; он не должен будет бить других детей, когда они будут делать вещи, которые ему не будут нравиться; он должен будет научиться не брать вещи, которые ему не принадлежат. В каждом обществе существует огромный список запретов на действия, которые считаются плохими и аморальными, и от которых он должен воздерживаться, даже если они кажутся ему приятными и выгодными. Как мы уже упоминали ранее, этого нельзя добиться с помощью формального процесса отложенного во времени наказания, так как на самом деле лишить преступника того удовольствия, которое он испытывает сразу же после совершения преступления, можно лишь осуществив наказание немедленно, и, причем это наказание должно быть сильнее чем удовольствие. Когда ребенок еще маленький, родители, учителя и другие дети могут осуществлять такое наказание в нужный момент; ребенок, который поступил плохо, либо наказывается шлепком, либо отчитывается устно, либо ему не разрешают выходить из своей комнаты, и так далее. Таким образом, мы можем рассматривать акт злодеяния как условный стимул, а наказание — шлепок, нотации и так далее — безусловным стимулом, который вызывает боль или страдания другого рода, которые, естественно, являются симпатическими реакциями. Следуя принципам обусловливания мы вправе ожидать, что после серии повторов подобного рода, уже сам плохой поступок будет вызывать условную реакцию; другими словами, если ребенок собирается совершить один из тех многочисленных поступков, за которые он уже не раз наказывался в прошлом, то у него будет немедленно

формироваться условная вегетативная реакция, которая будет являться очень сильным сдерживающим фактором и которая сама по себе уже будет неприятной. Таким образом, ребенок будет поставлен перед выбором — либо совершить плохой поступок, получить желаемое, и в то же время (а в большинстве случаев даже раньше) подвергнуться неприятному наказанию, которое осуществит его условная вегетативная система, либо воздержаться от совершения этого поступка и избежать наказания. При условии, что процесс обусловливания проходил надлежащим образом, можно сказать, руководствуясь психологическими принципами, что вероятность того, что человек воздержится от плохого поступка гораздо больше вероятности того, что он его совершит. Таким образом, внутри у ребенка появляется «личный полицейский», который контролирует его атавистические импульсы и который заменяет настоящего полицейского, чьи действия вряд ли были бы настолько эффективными.

В данном процессе обусловливания большую роль, естественно, будет играть закон генерализации, с которым мы уже встречались раньше. Каждая нежелательная модель поведения должна будет подвергнуться процессу обусловливания, и в то же время обусловливание генерализируется на другие похожие модели поведения, причем этому будет особенно способствовать словесная идентификация, которая имеет место, когда мать, например, называет все нежелательные действия «плохими» и таким образом обращает внимание ребенка на их схожесть. Результаты лабораторных экспериментов указывают на то, что генерализация следует законам нашего языка и мыслительных паттернов таким образом, что если у человека выработалась условная кожно-гальваническая реакция на слово «корова», то она будет проявляться и в случае со словами «козел» или «овечка», но не в случае со словами «дом» или «дерево», или «цветок». С помощью процессов обусловливания у ребенка формируется сложная, генерализированная вегетативная реакция на множество различных действий, за которые его наказывали в прошлом и которые связались у него вместе благодаря вербальной идентификации, осуществляемой его учителями, родителями, сверстниками и так далее. Мы предполагаем, что именно так формируется совесть, и поэтому можем вполне оправдано заявить, что совесть, это условный рефлекс.

Мы можем попробовать доказать нашу гипотезу, обратившись к экспериментам, проводившимся Р. Л. Соломоном в Гарварде. С шестимесячными щенками, которые не ели ничего, целые сутки, он провел следующие эксперименты. Он садился на стул в пустой комнате, в которой не было ничего кроме двух мисок для кормления, одна из которых стояла справа от стула, а вторая — слева. В одной из мисок была сваренная на молоке овсяная каша, которую, как известно, любят есть щенки, а во второй менее любимый щенками специальный корм для собак. Миски можно было легко поменять местами, а щенок практически сразу же направлялся к миске с овсянкой, как только попадал в комнату. Экспериментатор держал в руке свернутую в трубку газету и как только щенок начинал есть овсянку, ударял его газетой по спине. В данной ситуации процесс поедания овсянки представлял собой аморальный поступок, привычку совершать который нужно было искоренить, и который сам по себе являлся условным стимулом; легкий удар газетой по спине является безусловным стимулом, вызывающим определенную боль (очень легкую) и неприятные ощущения у животного. При помощи постоянного похлопывания щенка газетой, когда он собирался есть овсянку, экспериментатор хотел выработать у щенка условный рефлекс, который со временем должен был развиться в миниатюрную «совесть» в отношении овсянки.

Через несколько дней щенки уже не подходили к овсянке, когда экспериментатор сидел на стуле, а сразу же направлялись к миске с собачьим кормом.

Далее наступил самый важный момент в эксперименте. Щенков не кормили два дня, а затем принесли в экспериментальную комнату, в которой не было экспериментатора.

Перед животными опять поставили две миски: в одной была овсянка, а в другой — специальный собачий корм. Все щенки сначала съедали полностью весь собачий корм, а затем начинали реагировать на миску с овсянкой. Соломон описывает это так: «Некоторые щенки ходили по кругу вокруг миски, некоторые щенки ходили по комнате, стараясь смотреть на стены, но не на миску. Другие щенки ложились на живот и медленно ползли к миске, скуля и повизгивая. Для поведения щенков в данном случае была характерна большая вариабельность. Мы измерили степень сопротивления искушению в количестве секунд, кото-

рое понадобилось каждому щенку для того чтобы подойти к овсянке и начать есть. Каждый щенок находился в экспериментальной комнате каждый день всего лишь по полчаса. Если за этот период времени он не начинал есть овсянку, его относили в клетку, где он жил и не кормили целый день, а на следующий день опять приносили в экспериментальную комнату с овсянкой».

Следует отметить значительную разницу в степени сопротивления искушению. Одному щенку понадобилось всего лишь шесть минут, чтобы подойти и начать есть овсяную кашу, в то время как другой не притрагивался к овсянке в течение шестнадцати дней и эксперимент пришлось прекратить, так как щенок мог умереть от голода. В целом, эксперимент показал, насколько сильным может быть влияние процесса обусловливания и насколько прочно у животных укоренилась «совесть», искусственно созданная при помощи «наказания», которое нельзя назвать строгим. Если сравнить страдания, причиняемые голодом, и боль от шлепка газетой, то становится очевидно, что легкая боль, причиняемая газетой, не идет ни в какое сравнение с муками голода, который испытывали животные. Несмотря на тот факт, что рациональный расчет степени удовольствия и степени боли должен был бы заставить щенков есть овсянку, они тем не менее этого не делали. Условных вегетативных реакций оказалось достаточно, чтобы щенки воздерживались от соблазна в течение довольно длительного периода времени. Интересно отметить, что Соломон также проводил похожие эксперименты с детьми, и результаты оказались такими же.

Соломон выдвинул гипотезу, согласно которой совесть можно разделить на две части, которые он назвал *сопротивление соблазну* и *вина* и попробовал выяснить, сможет ли в своих экспериментах разграничить причинные предпосылки каждого из двух состояний совести. Он представляет ряд доказательств того, что когда щенков ударяют газетой, как только они *приближаются* к запретной еде, у них вырабатывается сильное сопротивление соблазну. Когда животные все-таки поддаются соблазну, для них не характерно чувство эмоционального расстройства или вины за совершенное «преступление». С другой стороны, если щенкам разрешается съесть немного овсянки прежде, чем их ударят газетой, то так же можно добиться сопротивления соблазну, но в данном случае за «преступлением» следует определенная сте-

пень эмоционального беспокойства, которую Соломон называет *реакцией вины*. Он обнаружил, что для того чтобы вызвать эту реакцию вины, присутствие экспериментатора вовсе не обязательно, хотя оно, безусловно, усиливает реакцию. «Таким образом, мы полагаем, что условия для формирования сильной степени сопротивления соблазну а также способности испытывать сильные реакции вины, напрямую зависят как от интенсивности наказания, так и от времени, которое проходит между приближением к источнику соблазна и наказанием. Мы считаем, что отсроченное во времени наказание не может быть эффективным в формировании высокого уровня сопротивления соблазну, однако оно эффективно в формировании эмоциональных реакций вины после совершения «преступления».

Даже организмы более низшего порядка, чем собаки, можно заставить вести себя так, как будто они подчиняются внутреннему голосу совести. Субъектами одного очень известного эксперимента стали щука и минога. Экспериментатор разделил очень большой контейнер на две части, поместив посередине прозрачное стекло. Затем он поместил в одну часть несколько миног, а во вторую — голодную щуку. Щука тут же бросилась в направлении миног, которые в данном случае являлись условным стимулом, и врезалась в невидимое стекло (безусловный стимул), что причинило ей боль и сильно озадачило. Щука пыталась добраться до миног снова и снова, до тех пор, пока у нее не выработалась условная реакция, в результате которой она перестала обращать внимание на миног. После этого экспериментатор убрал стекло, и щука по-прежнему игнорировала маленьких рыбок, хотя на этот раз плавала прямо рядом с ними.

Эта ситуация очень напоминала сказку, в которой лев спокойно лежал рядом с овечкой, так как в нем проснулась совесть и он стал вегетарианцем. К сожалению, для обусловливания у рыб не характерна высокая степень генерализации, поэтому «совесть» щуки распространялась только на тех миног, в отношении которых у нее сформировалась условная реакция; когда в контейнер запустили еще пару миног, щука, не раздумывая, их съела. Эксперимент однозначно указывает на необходимость помощи в генерализации стимула в процессе формирования «совести»; такой помощью для ребенка является речь.

Что предопределяет различные реакции различных субъектов на описанную нами ситуацию? Мы видели, что некоторые щенки сопротивлялись соблазну всего лишь пару минут, в то время как другие — восемь часов и даже больше, несмотря на то, что соблазн увеличивался по мере усиления чувства голода. То же самое можно сказать и о людях, которые также отличаются друг от друга своими реакциями на обучение, воспитание, моральные нормы. Существуют различные типы людей, начиная от практически святых на одном конце континуума до неуправляемых психопатов на другом: начиная от тех, кто всегда действует исходя из моральных и этических соображений и заканчивая теми, для которых не существует понятий морали и этики и которые находятся исключительно во власти своих импульсов и желаний. Что же лежит в основе различий между противоположными концами шкалы морали? Одной возможной гипотезой является то, что неуправляемые психопаты и преступники более эмоциональны, и эта эмоциональная неуравновешенность сказывается на их поведении. В судах часто говорят о том, что клептоманы пытаются что-нибудь украсть, когда находятся в состоянии крайнего эмоционального беспокойства, и это иногда считается смягчающим обстоятельством. Существует немало доказательств, к которым мы обратимся позже, что для преступников в целом действительно характерна эмоциональная неустойчивость, и в этом отношении они мало чем отличаются от госпитализированных невротиков. Но прежде чем приступить к обсуждению этого вопроса, давайте рассмотрим еще один эксперимент, в котором на этот раз участвуют крысы. В процессе эксперимента они должны научиться бежать к кормушке, как только зазвенит звонок; кормушка наполнена специальным кормом для крыс. После того как этого удается добиться, экспериментатор устанавливает довольно спорный социальный закон: невежливо съедать корм, если после того как начал звенеть звонок не прошло трех секунд. Любая крыса, которая начинает есть до того, как истекут три секунды, наказывается слабым ударом электрического тока.

В эксперименте участвуют две разновидности крыс, эмоциональные и не эмоциональные; читатель может вспомнить, что мы уже встречались с крысами и с этим экспериментом в первой главе этой книги. У каждой крысы есть три варианта поведения. Она может повести себя как преступник или психопат и сразу же наброситься на корм, не боясь наказания, которое неизбежно за этим последует; она может повести себя нормально и подождет несколько секунд, прежде чем начать есть; и, наконец, она может повести себя как невротик и вообще не станет есть, даже когда это можно будет сделать без всякого риска. Для большинства неэмоциональных крыс была характерна нормальная реакция; многие из них принимались за еду только тогда, когда это было безопасно. Как же обстояло дело с эмоциональными крысами? В данном случае для животных были более характерны две другие реакции. Они либо вели себя как невротики и вообще отказывались есть, либо как преступники или психопаты и набрасывались на еду немедленно и, естественно, страдали от последующего удара тока.

Таким образом, результаты эксперимента не подтверждают предположения о том, что эмоции являются ключевым фактором, который отделяет преступное поведение от других моделей поведения; они лишь указывают на то, что существуют определенные параллели между невротическим и преступным поведением: и первое и второе можно противопоставить нормальному поведению. Мы можем объяснить это в рамках диаграммы, приводившейся в предыдущей главе, и сказать, что как для невротиков, так и для преступников характерна высокая степень невротизма или эмоциональности, и любые различия между ними объясняются разными факторами.

Нетрудно найти теоретическое объяснение различий между эти двумя крайностями: преступником, с одной стороны, и невротиком — с другой. Мы уже говорили о том, что тревожность, фобии, навязчивые состояния и другие характерные для невротиков черты отчасти объясняются их чрезмерной готовностью к быстрому формированию условных рефлексов. Мы также говорили о том, что теоретически можно обосновать гипотезу, согласно которой совесть является условным рефлексом. Отсюда следует вполне логичный вывод, что отсутствие совести у преступника и психопатической личности объясняется тем фактом, что у них плохо формируются условные рефлексы, и что даже если эти рефлексы сформировались, они очень быстро исчезают. Также следует учитывать тот факт, что обусловливание связано с экстраверсией — интроверсией таким образом, что у интровертов условные рефлексы формируются быстро и легко, а у экстравертов — медленно и пло-

хо. Далее мы можем выдвинуть гипотезу о том, что точно так же, как невротики в своем большинстве являются интровертами, преступники и психопаты будут являться экстравертами. На рисунке 14 отображены результаты большого количества исследований, проводившихся на основе анкетирования различных групп людей, невротиков, нормальных людей, преступников и людей с психопатическим типом личности. Видно, что наша гипотеза не лишена здравого смысла. Группы невротиков оказываются ярко выраженными интровертами, группы преступников — ярко выраженными экстравертами, причем для обоих типов личности характерно присутствие сильно выраженного эмоционального компонента, который мы окрестили в этой диаграмме «невротизмом».

К счастью, также существует несколько прямых доказательств того, что у психопатов и по крайней мере, определенных типов преступников, слабо формируются условные рефлексы. К этим группам были применены различные типы обусловливания и результаты проделанной работы указывают на то, что у невротиков условные рефлексы легче сформировать чем у нормальных людей, а у психопатов и преступников — труднее.

Таким образом, вполне логично будет сделать вывод, что данная гипотеза представляет собой ценность с точки зрения прогнозирования и может пролить свет на поведение преступников.

До сих пор мы рассматривали только одну сторону проблемы, так как сконцентрировали свое внимание исключительно на том, что можем назвать негативным обусловливанием; то есть, на формировании «совести» у человека при помощи наказания. Но, разумеется, существует и обратная сторона медали: необходимых моделей поведения можно добиться и с помощью поощрения. В данном случае мы опять должны подчеркнуть факт «немедленного» поощрения, точно также как мы подчеркивали факт «немедленного» наказания; процессы обусловливания таковы, что даже самое незначительное промедление может помешать формированию необходимых условных реакций; в данном случае время является решающим фактором. К сожалению, в данном направлении было пока проделано очень мало работы, чтобы ее результаты можно было считать прямыми доказательствами нашей теории, и поэтому мы можем пока лишь упомянуть этот очень важный способ исследования нашей общей гипотезы.

Однако в качестве примера и полезной аналогии мы можем затронуть проблему лечения encopresis у детей. Encopresis связан с калом, точно так же как энурез с мочой; другими словами, encopresis — это детское заболевание, которое заключается в том, что дети опорожняются прямо в одежду, вместо того чтобы пойти в туалет. Мы показали в случае с лечением энуреза, которое можно рассматривать как типичный пример формирования условного рефлекса при помощи «наказания», что этот конкретный вид «преступления» можно очень легко искоренить; как же мы можем помочь ребенку, который опорожняется в штаны? Теоретически, мы можем использовать приспособление, похожее на наше «одеяло и звонок» в случае с энурезом. Но на практике, однако, это очень трудно осуществить. На самом деле была сделана попытка использования обусловливания с помощью поощрения. Медсестрам было дано указание выяснить, как быстро ребенок какал в штаны после принятия пищи. Затем им было дано указание отводить малыша в туалет до того, как этот момент наступит. После того как он выходил из туалета, медсестры должны были всячески его поощрять, давать ему конфеты и так далее. Таким образом, был начат процесс обусловливания, и вскоре ребенок стал ходить в туалет сам, как только у него появлялась потребность, причем для этого уже не была нужна медсестра, которая выполняла роль дополнительного стимула.

Теперь давайте вернемся к обсуждению личности. В нашем распоряжении имеются факты, которые указывают на то, что между преступностью и экстраверсией действительно существует взаимосвязь. В качестве примера давайте рассмотрим так называемый тест «Лабиринт Портеуса». Этот тест состоит из серий напечатанных лабиринтов, которые субъект должен пройти с помощью карандаша, следуя определенным инструкциям — так, чтобы карандашная линия не пересекала линии лабиринта и не срезала углы. Первоначально этот тест был предназначен для определения уровня умственных способностей и до сих пор используется с этой целью. Но Портеус также использует качественный показатель выполнения этого теста, или Q — подсчитывает количество правонарушений испытуемого, оценивая поведение, которое противоречит инструкциям по тесту. Так, если субъект поднимает карандаш, пересекает линии или срезает углы,

допущенные ошибки суммируются, оценивается степень их серьезности и в результате выводится окончательный «балл за качество». Было обнаружено, что у экстравертов этот балл выше, чем у интровертов, также было проделано немало работы, чтобы доказать, что у преступников этот балл выше, чем у законопослушных граждан. В Америке средний балл у преступников составил 50 пунктов, а у законопослушных граждан он равнялся примерно двадцати. В Англии эта цифра составила тридцать пять — для преступников и четырнадцать — для законопослушных граждан. Интересно то, что у американцев в целом этот средний балл был выше, чем у англичан, учитывая более высокий уровень преступности в Америке, а также склонность американцев к экстраверсии, этот факт не является таким уж удивительным. Судя по результатам этого теста, не остается сомнений в том, что между экстраверсией и преступностью существует определенная взаимосвязь, что подтверждается также исследованием анкет, нашими теоретическими гипотезами и работой механизмов обусловливания. Существует также множество других объективных тестов, результаты которых также связывают преступность и экстраверсию.

На доказательство совершенно другого рода, которое может представлять большую важность по причинам, которые мы обсудим позже, указывает телосложение человека. Предположение, согласно которому существует взаимосвязь между телосложением с одной стороны и личностью (ее психическими и физическими расстройствами) с другой стороны, далеко не ново; Гиппократ, например, различал два главных типа телосложения человека: длинный, долговязый, линейный тип, который часто называют «лептосоматическим», и широкий, коренастый тип, который называют «пикническим». Он был убежден, что лептосоматический тип более подвержен туберкулезу, а пикнический — апоплексии и коронарным заболеваниям. Многие другие ученые также выделяли эти два типа, а некоторые добавляли еще третий, промежуточный, но они мало что изменили в учении Гиппократа, и только Кречмер в Германии выдвинул гипотезу, согласно которой эти типы телосложений тесно связаны с двумя главными разновидностями психотических расстройств. Согласно его теории, для шизофреников, как правило, характерно лептосоматическое телосложение, в то время как для маниакально-депрессивных

пациентов — пикническое. В этой гипотезе есть доля истины, хотя существующая взаимосвязь не настолько тесна, чтобы представлять практическую пользу с точки зрения диагностики или психиатрии. Но тем не менее Кречмер обратил внимание многих людей во-первых, на телосложение, а во-вторых, на взаимосвязь между телосложением и типом личности. С тех пор было проведено немало исследований, чтобы показать, что существует четкая взаимосвязь между лептосоматическим телосложением и интроверсией и между пикническим телосложением и экстраверсией. Читатель, возможно, вспомнит сэра Уинстона Черчилля, который был ярко выраженным экстравертом и пикническим типом, а также Невилла Чемберлена, который был явным интровертом и лептосоматическим типом.

Если для экстравертов в целом характерно пикническое телосложение и если преступники в основном являются экстравертами, то тогда следует предположить, что для преступников будет характерно пикническое телосложение в отличие от остальных нормальных людей. Так ли это в действительности? В Америке было проведено большое количество исследований в этой области, в частности Шелдоном и Глюксом, которые обнаружили, что взаимосвязь подобного рода действительно существует. В этой стране также проводилось несколько похожих исследований, одно из которых осуществлял Т.Н. Гиббенс, результаты проделанной работы также указывают на наличие этой взаимосвязи. Читатель, возможно, захочет взглянуть на рисунок 23, на котором показано количество баллов, набранных различными группами людей: пациентами, страдающими туберкулезом, американскими студентами, американскими преступниками, и пациентами, страдающими раком груди и матки. В данном случае низкий балл свидетельствует о пикническом телосложении, а высокий балл указывает на лептосоматическое телосложение. На рисунке видно, что у большинства туберкулезников максимальное количество баллов в направлении лептосоматического типа по сравнению с другими группами. Группу американских студентов смело можно назвать контрольной группой, так как для нее характерно распределение, типичное для среднестатистической выборки населения. Американским преступникам пикнический тип в целом свойственен больше, чем туберкулезникам или американским студентам. Более всего склон-

ны к пикническому типу телосложения люди, страдающие раком груди и матки; их кривые обрываются на отметке шесть, что является средним баллом для американских студентов, среди которых есть и такие, чей балл достигает шестнадцати. Кривая преступников обрывается на отметке десять. Средний балл у преступников составляет от трех до четырех, в то время как средний балл у американских студентов равняется шести. Таким образом, не остается сомнений в том, что наши прогнозы вполне обоснованны. (Читателю, возможно, будет интересно узнать, что последние исследования в области раковых заболеваний показали существование довольно выраженной взаимосвязи между раком и экстраверсией, что показывает также наша таблица. Был установлен факт взаимосвязи межу экстраверсией и коронарными заболеваниями. Причины этой связи до сих пор не изучены, но интересен тот факт, что предположения, которые Гиппократ выдвинул около 2500 лет назад, оказались во многом верными.)

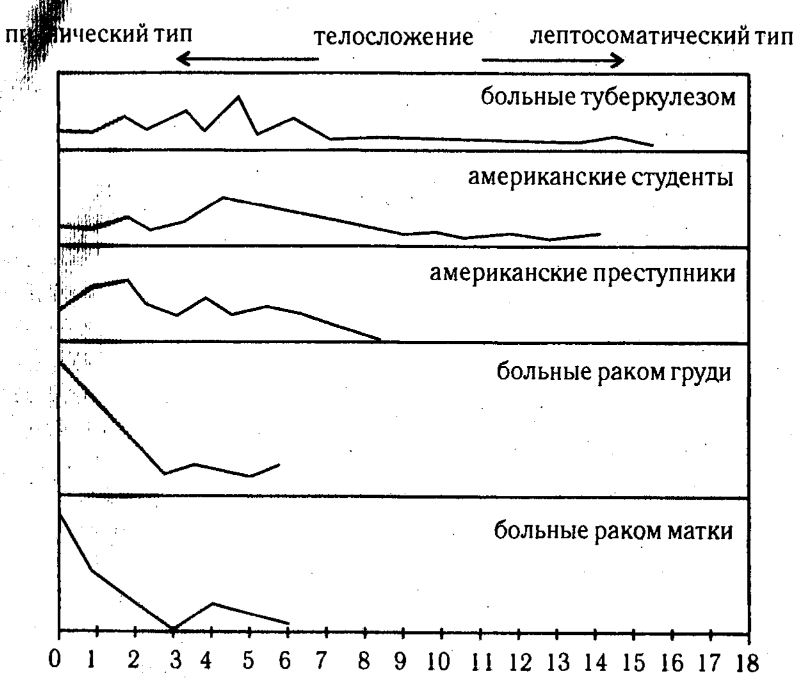

Рис. 23. Телосложение различных групп людей, которое варьирует от пикнического типа до лептосоматического (долговязого, худого)

Было сделано предположение, согласно которому корреляция между телосложением, с одной стороны, и личностью и заболеваниями — с другой, может указывать на то, что поведение предопределяется психологическими и биологическими факторами. Может быть, это верно, а может и нет; разумеется, исходя из фактов, нельзя с уверенностью сказать, что этот вывод является правильным. Мальчик с пикническим телосложением действительно может унаследовать свое телосложение, а также предрасположенность к преступному поведению от своих родителей; однако так же возможно, что он рождается с таким типом телосложения, из-за которого он склонен к проявлению агрессии и других отрицательных эмоций, которые не свойственны людям с лептосоматическим типом. Таким образом, определенные конфигурации тела сами по себе могут характеризовать поведение и тип личности. Тем не менее нам понадобятся более убедительные доказательства влияния наследственности на преступное поведение, чем факт различных типов телосложения, и позже мы обратимся к этим доказательствам, если они существуют. Но прежде чем сделать это, я хотел бы познакомить читателя с еще одним направлением исследований, родоначальником которого является Клаус Конрад из Германии.

Конрад начинает с анализа диаграммы, представленной ранее; на ней отображены пропорциональные изменения телосложения по мере взросления ребенка. На графике видно, к примеру, что у младенца непропорционально большая голова, которая с годами становится меньше. Эти изменения типичны для всех рас и для обоих полов. Конрад затем высчитывает относительный размер головы как отношение длины тела к возрасту. Это изображено на рисунке 24, где видно, что данная пропорция уменьшается от 27 процентов при рождении до 13 процентов в возрасте 24 лет. Кроме того, Конрад изучил относительный размер головы у людей пикнического и лептосоматического типов. Результаты проделанной работы отображены на рисунке 25, на котором видно, что пикнический тип в данном отношении похож на детей в возрасте восьми лет, в то время как лептосоматический тип соответствует в целом взрослому человеку. Конрад делает вывод, что, по крайней мере, в

данном отношении люди пикнического типа остановились на более низком уровне онтогенеза, чем люди лептосоматического типа, и, следовательно, их можно считать относительно менее развитыми. Очень часто также используется индекс «грудная клетка-плечи» — ширина в плечах в процентном отношении к объему грудной клетки. На рисунке 26 видно, что и этот показатель быстро изменяется со временем. На этом рисунке также отображены результаты, полученные при изучении типичных групп лептосоматического и пикнического типа.

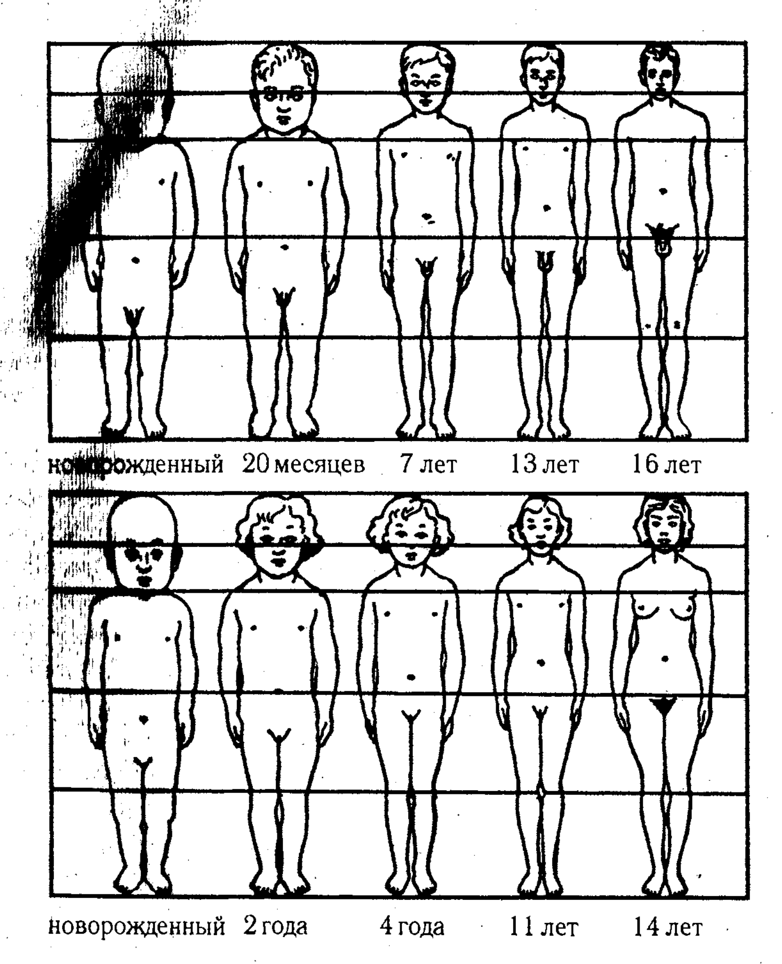

Рис. 24. Изменение пропорций тела человека по мере взросления

В данном случае опять становится очевидно, что пикнические группы в данном отношении больше похожи на детей, а лептосоматические — на взрослых.

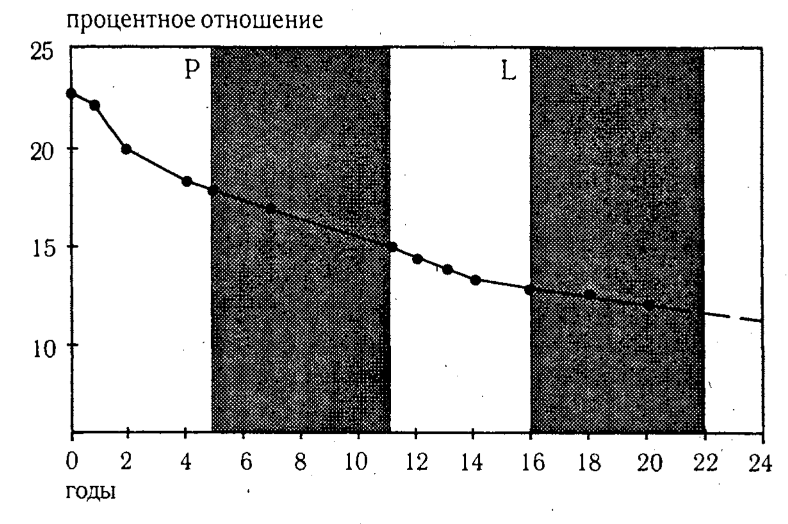

Рис. 25. Кривая отображает уменьшение пропорционального отношения головы к телу с возрастом

Конрад приводит большое количество похожих графиков и данных и приходит к заключению, что «морфологические пропорции разных видов телосложения позволяют утверждать, что пикнический тип можно сравнить с ранними стадиями онтогенеза, а лептосоматический тип — с поздними стадиями. Другими словами, пропорции, которые будут разными у людей пикнического и лептосоматического типа, также будут разными у маленьких и более взрослых детей». Конрад пошел еще дальше и заявил, что если определенные пропорции не изменяются с возрастом, то будут одинаковыми как у людей пикнического типа, так и у людей лептосоматического типа.

Кроме того, он продемонстрировал действие похожего принципа в физиологической области, исследовав разнообразные вегетативные и другие реакции, а также в психологической области. В последнем случае он также пришел к заключению, что для пикнического типа (в отличие от лептосоматического) характер-

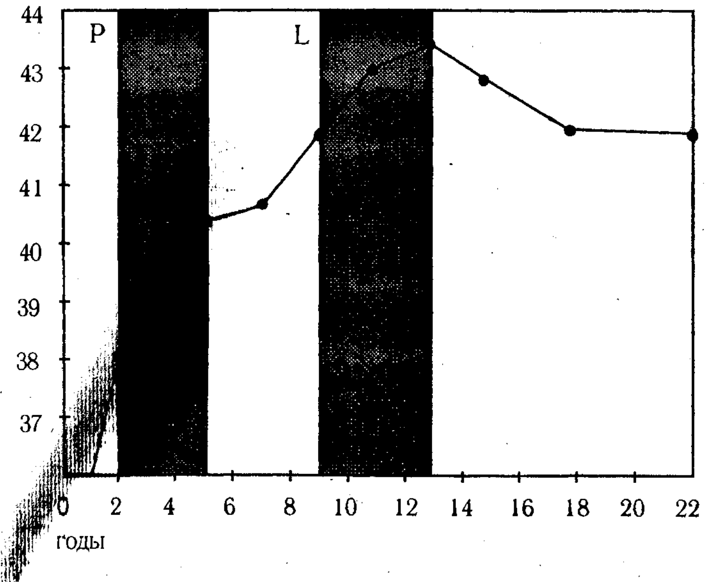

Рис. 26. Результаты, полученные при изучении типичных групп лептосоматического и пикнического типа

ны поведенческие паттерны, которые отличают ребенка от взрослого человека, или более молодого человека от более старого. В целом, его открытия можно суммировать, сказав, что пикнический тип является более незрелым в плане личности, поведения, и физиологических характеристик.

Этот вывод, который подтверждается эмпирическими исследованиями, может представлять огромную важность, особенно если мы вспомним, что люди пикнического типа, как правило, являются экстравертами, а люди лептосоматического — интровертами. Далее одной из характерных черт экстраверта является незрелость поведения, которую в рамках нашей теории можно объяснить тем, что он не смог извлечь пользы, в отличие от интроверта, из процесса обусловливания, которое ему навязало общество. Можно даже сказать, что у десятилетнего интроверта сформировалось столько же условных реакций, сколько у пятнадцатилетнего экстраверта. Само понятие зрелости, разумеется, очень трудно измерить, а многочисленные предположения по

этому поводу практически не представляют научной ценности. Конрад внес существенный вклад в науку, так как показал, как можно измерить это понятие, и связал его с поддающимися проверке морфологическими и физиологическими теориями. Позже мы еще вернемся к этому понятию зрелости при обсуждении результатов исследований Дениса Хилла и других экспериментаторов, которые показали, что электроэнцефалограммы мозга психопатических личностей выявили паттерны, характерные скорее для детей, чем для взрослых, что привело ученых к понятию «незрелой электроэнцефалограммы».

В целом, практически не остается сомнений в том, что между преступностью и паттернами экстраверсии действительно существует определенная взаимосвязь. Мы можем теперь задать себе вопрос: а что же лежит в основе этой взаимосвязи. Объясняется ли она влиянием окружающей среды и такими факторами как различия в обучении, в социальном происхождении и так далее; или она объясняется врожденными чертами личности, которые передают ребенку его родители? В начале века в моде была теория наследственности, чему сильно поспособствовал итальянский писатель Чезаре Ломброзо, который постулировал доктрину *il reo nato* (прирожденный преступник). Он не только утверждал, что для всех преступников характерна врожденная тенденция к асоциальному поведению, но также утверждал, что для них характерны определенные физические черты, по которым их можно отличить от остальных людей. Когда английские и американские исследователи не нашли подтверждений существования этих общих физических признаков у преступников, вся теория Ломброзо была поставлена под сомнение, однако отказавшись от нее полностью мы потеряли то полезное, что в ней было. Следует вспомнить, что в предыдущей главе мы приводили доказательства наследственного предопределения экстраверсии — интроверсии, с одной стороны, и невротизма, с другой. Если, что мы также показали, для преступников характерны высокие показатели по экстраверсии и невротизму, то отсюда может следовать вывод, что то место, которое они занимают в нашей описательной схеме личности, во многом определяется генетическим компонентом. Существуют ли прямые доказательства этого?

В данном вопросе нам, естественно, может помочь метод изучения близнецов, с которым мы уже встречались раньше. Первым использовал этот метод известный немецкий исследователь Ланге, который в 1928 году опубликовал свою знаменитую книгу «Преступление как судьба». Он прошелся по всем тюрьмам Баварии с целью найти заключенных, у которых были близнецы. В конце концов, ему удалось найти тридцать таких заключенных, у тринадцати из которых были однояйцевые близнецы, а у семнадцати — разнояйцевые. В соответствии с парадигмой исследования близнецов, обсуждавшейся нами ранее, можно предположить, что если бы наследственность была одной из главных причин преступного поведения, то среди однояйцевых близнецов было бы больше тех, кто также совершал бы преступления — чем среди разнояйцевых. Ланге обнаружил, что среди тринадцати однояйцевых близнецов второй близнец также сидел в тюрьме в десяти случаях, и оставался чист перед законом в трех случаях. Среди семнадцати разнояйцевых близнецов второй близнец отбывал тюремное наказание в двух случаях, а в пятнадцати случаях не имел проблем с законом. «Это подводит нас к следующему выводу: в том, что касается преступлений, однояйцевые близнецы в целом ведут себя одинаково, а разнояйцевые близнецы — по-разному».

Далее Ланге сравнил уровень преступности среди обычных братьев и сестер с уровнем преступности среди разнояйцевых близнецов.

Он говорит: «Если бы мы обнаружили, что в случае с разнояйцевыми близнецами оба близнеца наказывались бы чаще чем обычные братья и сестры, то тогда мы говорили бы о влиянии окружающей среды в зависимости от степени различий между ожиданиями и обнаруженными фактами». Другими словами, среди двух обычных братьев или сестер должно быть столько же преступников, сколько и среди двух разнояйцевых близнецов, так как в обоих случаях влияние наследственности примерно одинаково. Если бы мы обнаружили, что оба разнояйцевых близнеца становятся преступниками чаще, то тогда это можно было бы объяснить тем фактом, что они более похожи друг на друга, так как родились в одно и то же время и поэтому окружающая среда влияла на них одинаково, увеличивая таким образом, вероятность того, что они оба должны были стать либо преступниками, либо законопослушными гражданами. В данном случае можно было бы допустить определенное влияние окружающей среды; но сравнение Ланге говорит об обратном. Он заключает, что «В случае с однояйцевыми близнецами одинаковые условия окружающей среды играют весьма незначительную роль».

Мы можем спросить, почему не всегда оба однояйцевых близнеца ведут себя одинаково. Если некоторым людям действительно предначертано судьбой совершать преступления, согласно Ланге, то почему тогда существуют исключения? На этот вопрос, естественно, есть несколько ответов. Во-первых, второй близнец также может быть преступником, но его просто пока еще не раскрыла полиция. Как мы уже говорили раньше, раскрываемость преступлений не может быть стопроцентной, поэтому нельзя надеяться на то, что там где часто играет роль случай, будет непременно наблюдаться полное соответствие. Второй ответ нам дает сам Ланге, который обнаружил, что в двух случаях, когда среди двух однояйцевых близнецов действительно только один был преступником, этот преступник в свое время перенес тяжелую черепно-мозговую травму. В еще одной паре, в которой между близнецами не наблюдалось соответствия, только один из близнецов страдал увеличением щитовидной железы (зобом) — заболеванием, которое изменяет характер. Также было обнаружено, что черепно-мозговые травмы влияют на нормального человека таким образом, что его характер меняется в направлении большей степени экстраверсии. Зоб, и связанные с этим заболеванием гормональные расстройства нервной системы, также может привести к похожим последствиям.

Таким образом, мы видим, что в случаях несоответствия между близнецами имело место вмешательство в нервную систему одного из близнецов, которое, возможно, и стало причиной того, что он совершил преступление. Для случаев соответствия между близнецами также были характерны несколько интересных моментов, которые следует упомянуть. В случае с одной парой, например, Ланге подозревал общее наследственное венерическое заболевание. «Если это действительно так, то в данном случае мы имели бы дело не столько с врожденными тенденциями к совершению преступлений, сколько с результатами повреждений тканей мозга, которые, как известно, предрасполагают человека к асоциальному поведению». В целом, результаты, полученные Ланге, довольно впечат-

ляющи. Никто из тех, кто изучил подробные истории приводимых им болезней, которые наглядно демонстрируют соответствие между однояйцевыми близнецами не только в отношении преступности, но даже в конкретном типе преступления и в способе его совершения, не будет сомневаться в том, что наследственность играет очень важную роль в формировании асоциального поведения.

Количественное соотношение случаев соответствия среди близнецов-преступников, близнецов-гомосексуалистов и близнецов-алкоголиков (для однояйцевых и разнояйцевых близнецов представлены разные цифры)

	Количество пар близнецов	Однояйцевые	Разнояйцевые	Процент соответствия	
				Однояйцевые	Разнояйцевые
Преступления, совершенные совершеннолетними	225	107	118	71	34
Детская преступность	67	42	25	85	75
Нарушение поведения у детей	107	47	60	87	43
Гомосексуализм	63	37	26	100	12
Алкоголизм	82	26	56	65	30

Подтвердились ли результаты исследований Ланге результатами работы его последователей? Такой важный вывод, как этот, неизбежно должны были захотеть проверить многие исследователи, и в действительности, как в Германии так и в США, было проведено большое количество похожих исследований. В целом, некоторые исследователи нашли даже более убедительные доказательства влияния наследственного фактора, другие же — и их большинство — обнаружили, что факты подтверждают общий вывод, но довольно слабо. В таблице я собрал результаты всех исследований, которые были опубликованы до проделанной Ланге работы (включая и результаты его исследования), и читатель вправе сам сделать соответствующие выводы. В том, что касается преступности среди совершеннолетних, количество случаев соответствия у однояйцевых близнецов в два раза больше по сравнению с разнояйцевыми близнецами, такая же картина наблюдается и в случае с нарушениями поведения у детей. В случае с детской преступностью разница становится менее заметной, однако количество подобных случаев, разумеется, весьма небольшое. В таблицу также включены данные по алкоголизму и гомосексуализму, хотя они, возможно, не так уместны здесь как остальные. В Англии гомосексуализм считается преступлением, а на континенте — нет, а алкоголь часто может привести к совершению преступления и часто с ним ассоциируется. Таким образом, эти данные все-таки представляют немалый интерес. В целом, все данные подтверждают справедливость главного вывода Ланге, который заключается в том, что в асоциальном поведении присутствует мощный наследственный компонент, однако мы не можем согласиться с ним в той чрезмерной важности, которой он наделяет наследственные факторы, говоря, что «преступление это судьба». И все-таки мы не можем согласиться с теми, кто полностью пренебрегает собранными им фактами и заявляет, что преступление — это исключительно социальный феномен, который зависит от факторов окружающей среды. Разумеется, мы должны признать, что окружающая среда играет не последнюю роль, однако не менее важным является структура и природа организма, который испытывает на себе влияние окружающей среды. Как мы уже отмечали ранее, поведение является результатом взаимодействия наследственности и окружающей среды, и настоящий ученый никогда не будет преувеличивать значение одного фактора и принижать значение другого.

Один из примеров подобного взаимодействия, разумеется, является очевидным. Мы постулировали, что просоциальное поведение является, по сути, продуктом процесса обусловливания, которому иногда препятствует конституция определенных индивидуумов, которая не дает им формировать у себя условные рефлексы так же легко, как это получается у большинства людей.

Также становится очевидно, что даже если у человека легко формируются условные рефлексы, то он все равно может не выработать у себя просоциальные реакции, желательные для общества, поскольку его в свое время не заставили пройти через процесс обусловливания, который мы считаем необходимым. Так сын проститутки и вора может вообще не получить того типа обусловливания, который необходим для того, чтобы человек стал законопослушным гражданином; в действительности может произойти как раз противоположное. Если у него легко формируются условные рефлексы, то вполне возможно, что он пройдет через процесс обусловливания, который выработает у него реакции, крайне нежелательные для общества. Однако подобная возможность вовсе не так важна, как кажется на первый взгляд. Даже в самых криминальных группах требуются определенные паттерны поведения, для того, чтобы даже такие маленькие социальные организмы могли функционировать; «у вора должен быть кодекс чести». И наши гипотетические мать-проститутка и отец-вор постараются добиться от ребенка определенного послушания, ради собственных интересов, по крайней мере. Даже такие родители будут внушать ребенку, что он должен говорить им правду, что он должен уважать собственность, по крайней мере, в том, что касается внутрисемейных отношений. Дети также будут получать обусловливание с помощью своих сверстников, учителей, так что в целом, они не могут быть полностью лишены процессов обусловливания, которые призваны выработать привычки, полезные обществу. Тем не менее следует особо подчеркнуть тот факт, что результат обусловливания зависит от двух факторов. Первым фактором является степень обусловливаемости у субъекта, вторым является количество случаев связки условных и безусловных стимулов. Первый является конституционным фактором, а второй является фактором окружающей среды, и тот и другой выполняют одинаково важную роль в достижении конечного результата.

Почему многие люди недооценивали роль наследственного фактора в случае с преступностью? Одна из причин заключается в том, что те, кто доказывали важность наследственных принципов в данном отношении, не смогли указать на какой-либо узнаваемый механизм, через который эти принципы могли бы себя выразить.

Очевидно, что само по себе поведение не может быть врожденным; бессмысленно говорить о том, что преступность является врожденной. Теория, которую мы обсуждали, предоставляет отсутствующее звено цепочки, так как психологическая основа механизмов обусловливания и других механизмов научения как раз является тем, что можно передать наследственным путем.

Еще одним возражением является то, что принятие наследственных причин приводит к терапевтическому нигилизму. Если невроз или преступность объясняются наследственными факторами, то получается, что с ними ничего нельзя поделать. Следовательно, гораздо логичнее было бы исследовать факторы окружающей среды, так как их можно изменить, и в результате как-то повлиять на поведение человека. Подобные аргументы в действительности являются ошибочными. Давайте, например, рассмотрим такое заболевание, как phenylketonuria. Этим заболеванием страдает один ребенок из сорока тысяч детей в Европе и Соединенных Штатах. Его можно обнаружить, соединив мочу пациента с хлоридом железа, если моча станет зеленого цвета, значит человек болен. Многие люди, страдающие этим заболеванием, также страдают серьезными умственными дефектами, хотя в некоторых случаях коэффициент умственных способностей практически приближен к среднему уровню. Это заболевание связано с геном рецессивности, а механизмы его передачи наследственным путем хорошо известны. Учитывая, что данное заболевание полностью предопределено наследственностью, можно предположить, что людям, страдающим им, никак нельзя помочь. Тем не менее исследования показали, что для детей, больных phenylketonuria, характерна неспособность перерабатывать phenylalanine в tyrosine. Предполагается, что это приводит к умственным дефектам, по причине отравляющего эффекта некоторых продуктов неполного распада phenylalanine. На сегодняшний день, к счастью, phenylalanine не является важной составляющей диеты, при условии, что в ней присутствует tyrosine, и, следовательно, детям можно назначать диету, в которой phenylalanine будет практически отсутствовать.

Таким образом, мы можем не допускать отравления организма; было доказано, что если подобной процедуре следовать с первых месяцев жизни, то можно значительно снизить степень умственной отсталости. Другими словами, знание конкретного

механизма наследования, а также механизмов действия конкретного заболевания не только не является антагонистическим по отношению к терапевтическим методам, но наоборот — формирует единственную возможную основу для этих методов.

Можем ли мы сделать похожее предположение в отношении преступности? В других главах мы указывали на то, что положение человека в континууме экстраверсии/интроверсии можно изменить при помощи наркотиков, стимулирующих препаратов (кофеин, амфетамин и бензедрин), которые подтолкнут его в направлении крайней интроверсии, и депрессантов таких как алкоголь и барбитураты, которые подтолкнут его в направлении крайней экстраверсии. Мы также видели, что криминальное и психопатическое поведение характерно, главным образом, для экстравертов, и попытались показать, каким образом это связано с определенными врожденными чертами их нервной системы. Если в поведении преступника или психопата виновата их крайняя экстраверсия, то тогда не логично бы было переместить их в сторону большей интроверсии с помощью стимулирующих препаратов, и таким образом, превратить его из преступника и психопата в законопослушного гражданина? В связи с этим было проведено немало экспериментов с детьми с нарушениями поведения. Было обнаружено, что применение стимулирующих препаратов приводило к немедленному и, в некоторых случаях, просто поразительному эффекту. Дети становились спокойнее, прекращали кричать, становились менее возбудимыми и более законопослушными, лучше усваивали уроки в школе. Подобные исследования, проводившиеся во многих странах, не оставляют никаких сомнений в том, что с помощью стимулирующих препаратов можно добиться значительного улучшения состояния у детей с нарушением поведения. Также были обнаружены два факта, которые можно рассматривать как следствия из общей теории.

Во-первых, было обнаружено, что такие дети были более устойчивы к этим препаратам, чем обычные дети, или даже взрослые. Этого следовало ожидать исходя из теоретических соображений; экстраверт, находясь в континууме очень далеко от крайней интроверсии, может принять большое количество стимулирующих препаратов, прежде чем приблизится к точке крайней интроверсии; интроверт, который уже находится рядом с точкой крайней интроверсии, не может принять столько стимулирующих препаратов. Во-вторых, было обнаружено, что применение депрессантов приводило к ухудшению состояния у этих детей, что очень интересно, так как в случае с невротиками барбитураты и другие похожие препараты применяются в медицинской практике для того, чтобы заглушить различные фобические реакции. Это открытие согласуется с нашей гипотезой. Сравнительно недавно также была проведена интересная серия исследований взрослых людей и подростков. Профессор Д. Хилл, например, обнаружил, что для личностей, на которые благотворно влияли стимулирующие препараты, была характерна «тенденция к проявлению агрессии и враждебности в межличностных отношениях... Самыми хорошими пациентами являются те люди с предрасположенностью к агрессии, которые способны на теплые доброжелательные межличностные отношения, но которые постоянно сами их разрушают — в браке, на работе, в дружбе — из-за импульсивности, раздражительности, незначительных проявлений жестокости и нетерпимости по отношению к другим людям... Им быстро надоедает лечение, если оно не приводит немедленно к ощутимым результатам. Они известны своей безответственностью и тенденцией к нарушению правил морали». Для этой группы также характерен очень глубокий сон, чрезмерное сексуальное желание и незрелый паттерн энцефалограммы мозга. Хилл отмечает алкогольную зависимость, такие дурные привычки, как обкусывание ногтей в зрелом возрасте, а также попытки осуществить поджог или саботаж в подростковом возрасте. Все эти наблюдения согласуются с нашей теорией. Следует вспомнить, что мы рассматривали энурез как неспособность выработать у себя соответствующий условный рефлекс, поэтому нет ничего удивительного в том, что подобное заболевание характерно для категории людей, с трудом поддающихся обусловливанию.

В действительности, не раз отмечается тот факт, что многие преступники страдают энурезом: количество случаев энуреза среди них составляет более двадцати пяти процентов.

Особенный интерес представляет эксперимент, в котором сравнивалось воздействие амфетамина на три группы преступников. Одна группа использовалась в качестве контрольной и не получала никаких препаратов, вторая — в качестве группы пла-

цебо; а третья группа получала амфетамин. За поведением и симптомами групп наблюдали до и после применения препаратов. Были отмечены следующие изменения: для контрольной группы было характерно незначительное улучшение на два пункта; в случае с группой плацебо также наблюдалась похожая картина; в группе, получающей амфетамин, улучшение было значительным и составило примерно двадцать два пункта. Учитывая этот и другие результаты исследований, мы должны заключить, что с помощью относительно небольших доз стимулирующих препаратов можно добиться смещения ненормальных и криминальных форм поведения в сторону нормальных и этических.

Как же работает этот процесс? Вполне возможно, хотя и сомнительно, что увеличение обусловлиемости благодаря применению стимулирующих препаратов играет в данном случае не последнюю роль. Период, в течение которого пациент принимает стимулирующие препараты, занимает не месяцы и не годы, а всего лишь дни или недели, поэтому нельзя сказать, что в данном случае для обусловливания достаточно времени. Обнаружено, что как только действие препаратов прекращается, пациент снова возвращается к прежним моделям поведения, хотя существуют доказательства того, что на этот раз его асоциальное поведение будет менее выраженным. Интересно было бы провести эксперимент, в котором была бы предпринята попытка осуществить обусловливание социального характера в то время, когда преступник находился бы под воздействием стимулирующих препаратов.

Кажется, что в данном случае мы смогли бы справиться с проблемами, связанными с плохой обуславливаемостью, и добиться результатов, которые в любом другом случае были бы невозможными.

Однако учитывая, что в типичной ситуации подобные препараты действуют несколько иным образом, мы должны найти альтернативы этому методу. Наиболее вероятной является, возможно, снижение «стимульного голода», который, как мы уже отмечали в предыдущих главах, является одним из последствий кортикального торможения. Под воздействием наркотика человек испытывает меньший голод в отношении внешней стимуляции, и поэтому соблазн уменьшается. В качестве примера мы можем рассмотреть сексуальное поведение. Хилл указывает на то, что среди групп психопатических пациентов, которых он изучал, было мало случаев завершенного полового акта со своими партнерами. Дело в том, что сильное сексуальное желание, которое часто не удовлетворяется, является источником стресса и напряжения для того, кому отказывают в сексе. Это, по его словам, приводит к дисгармонии в супружеских отношениях, а также к проявлению ревности. Хилл обнаружил, что применение соответствующих препаратов значительно снижает либидо, и сексуальная жизнь человека становится менее активной, что также приводит к снижению чувства сексуального голода, беспокойства и агрессии. Он заключает: «Этот эффект следует рассматривать как свидетельство того, что стимулирующие препараты можно успешно использовать для изменения нежелательных паттернов поведения». Также можно постулировать и другие причинно-следственные цепочки, которые читатель самостоятельно может составить на основе того, что было сказано в предыдущих главах о взаимосвязи между демоном Айзенка и экстравертивным поведением.

Существует и еще одно возражение, которое иногда используется против всего подхода в целом, и в частности против использования животных в экспериментах, связанных с преступным поведением. Разве люди не обладают свободой воли, которая и отличает их от животных? Крыс и щенков, вне всякого сомнения, можно поставить в определение рамки, но человек — это не мышь, и то, что применимо к низшим организмам, таким как животные, на которых проводят эксперименты, никак не может быть применимо к людям.

Вне всякого сомнения, в этом утверждении есть доля правды. Разумеется, крысы далеко не всегда ведут себя подобно людям. Но важно не просто постулировать или отрицать, что существуют определенные точки соприкосновения, необходимо проводить эксперименты, чтобы выяснить степень соответствия или несоответствия между поведением крыс и людей. В этой главе мы обращали внимание на довольно любопытное сходство между поведением животных и людей; на вопрос, является ли это сходство всего лишь аналогией, которая не представляет никакой практической ценности, или основой для новых теорий, которые могут помочь в искоренении преступного и асоциального поведения, можно будет ответить только после дальнейших исследо-

ваний. Нельзя утверждать, что эта взаимосвязь действительно существует, но нельзя говорить и о том, что ее нет. Слишком много аналогий было выявлено между животными и людьми в том, что касается процессов обусловливания и научения, чтобы можно было отрицать схожую биологическую природу различных организмов. А если мы согласимся — считаю, должны это сделать — что в отношении социального поведения действуют те же законы обусловливания, что и в отношении других типов поведения, то тогда не сможем отрицать, что знание этих законов, полученное в результате исследований поведения как животных, так и людей, необходимо нам для того, чтобы найти объяснения тем или иным моделям поведения.

Вопрос свободы воли является чисто философским, и поэтому мы не должны над ним задумываться. Сомнительно, что термин «свобода воли» вообще что-нибудь значит. Для биолога поведение является продуктом наследственности и окружающей среды, которые вместе предопределяют определенные модели поведения и привычки. Поведение является результатом комбинации этих двух факторов, и таким образом, полностью предопределено.

В данном контексте трудно понять, что же такое «свобода воли». Означает ли это, что поведение человека не зависит от его мотивов, от его привычек, от его прошлого опыта, или от чего-нибудь еще? Точно так же можно заявить, что поведением человека управляет слепой случай и что наследственные факторы и окружающая среда тут абсолютно не при чем. На самом деле нельзя исключать и такую возможность; в конце концов, ведь существует же закон неопределенности Айзенберга по отношению к мельчайшим частицам, из которых состоят атомы, заключающийся в том, что мы не можем предсказать поведение этих частиц. Учитывая, что наше тело состоит из атомов и молекул, которые в свою очередь формируются из более мелких частиц, вполне логично было бы предположить, что случай играет не последнюю роль в предопределении нашего поведения, и преуменьшает значение наследственных факторов и факторов окружающей среды. Однако это никак не может быть связано со «свободой воли», которая не имеет никакого отношения к вмешательству слепого случая на субатомном уровне в человеческие мотивы, желания,

страхи и так далее. Тот факт, что ученые пока имеют мало доказательств справедливости своих теорий, вовсе не означает, что эти теории ошибочны. Вне всякого сомнения, через тысячу лет психологи смогут предоставить гораздо больше доказательств.

Наше обсуждение имеет некоторое отношение к теме, которая начиная с 1843 года была предметом жарких споров, а именно к законам М'Нагтена. Эти правила были сформулированы судьями в ответ на вопросы Палаты лордов относительно того, следует ли освобождать убийц от наказания на основании факта сумасшествия. М'Нагтен, по фамилии которого были названы законы, внушив себе, что он являлся жертвой преследования, пытался убить сэра Роберта Пила, которого считал виновным в своих злоключениях, но по ошибке лишил жизни его секретаря. Он был оправдан, и всеобщее недовольство фактом его освобождения привело к дебатам в Палате лордов, в результате которых были сформулированы эти известные правила. Согласно этим законам каждый считается вменяемым до тех пор, пока не будет доказано обратное, и для того, чтобы быть освобожденным от уголовной ответственности, обвиняемый на момент преступления должен быть невменяемым по причине душевной болезни, которая была настолько серьезной, что он либо не осознавал, какой поступок он совершает, либо не отдавал себе отчета в том, что его действия были противозаконны. Если у подсудимого была только частичная потеря рассудка, то тогда степень его ответственности перед законом должна оцениваться в зависимости от того, как он сам интерпретировал факты.

Эти правила, которые принимают во внимание состояние рассудка человека, а не его эмоции, являются отражением того времени, когда они были сформулированы, и на сегодняшний день являются объектом критики. Некоторые критики даже выносили предложение включить в документ пункт о «непреодолимых импульсах». Но отдельные из них пошли еще дальше и заявили, что закон невменяемости также должен распространяться на действия, которые не являются импульсивными в этом смысле слова, а которые являются результатом постоянного состояния эмоционального расстройства.

На эту тему были написаны целые тома, но нельзя сказать, что исход всего нашего обсуждения можно назвать положитель-

ным. Если поведение человека действительно является продуктом наследственности и окружающей его среды, то тогда становится очевидным, что ни один человек не может нести ответственность за свое поведение, в том смысле, в котором этого от него требует закон, и любые попытки заставить его отвечать за содеянное могут оказаться бессмысленными. То, что это действительно так, становится очевидным, так как на каждом судебном заседании психологи принимают как ту так и другую сторону, приводят одинаково убедительные доказательства о виновности и невиновности подсудимого.

Однако сказать, что никто «не может нести ответственности» в данном философском и юридическом смысле, вовсе не значит сказать, что никто не должен быть наказан; в конце концов, целью наказания является защита общества и исправление преступника. Для того, чтобы исправить преступника при помощи методов, эффективность которых была доказана учеными, вовсе не обязательно раздумывать над тем, несет ли он на самом деле ответственность за свои поступки или нет. Это справедливо как в отношении тех, кто совершает поступки в состоянии невменяемости, так и в отношении тех, кто находится в трезвом уме и памяти.

Споры по поводу законов М'Нагтена по сей день продолжаются только по тому, что до сих пор существует смертная казнь. В последние годы споры по поводу смертной казни сосредоточились на одном вопросе, который заключается в том, является ли смертная казнь сдерживающим фактором для людей, собирающихся совершить преступления, которые наказываются подобной мерой наказания. Было доказано, что в случае, когда смертная казнь отменяется, количество убийств в целом по стране не растет, а когда эту меру наказания опять вводят, количество убийств не уменьшается. Начиная с 1957 года, когда смертная казнь предусматривалась для одних преступлений, а для других было решено ее отменить, оказались что возросло количество преступлений, в отношении которых смертная казнь была сохранена. Против запрета смертной казни выдвигаются, разумеется, аргументы эмоционального характера, однако рациональные аргументы говорят в пользу ее сохранения. Интересно, но что многие люди полагают, что они не совершили бы преступление, если бы оно наказывалось смертной казнью, и дела-

ют вывод, что другие люди также воздержатся от совершения этих преступлений.

На самом деле мы пока еще очень мало знаем о ментальных процессах у людей, совершающих противоправные действия, которые наказываются смертной казнью, но я могу сказать, что разбираюсь в данном вопросе лучше других, так как в отличие от большинства моих читателей несколько раз совершал действия, которые наказывались смертной казнью, и поэтому имею некоторое представление о том, как человек относится к данному сдерживающему фактору.

Первый случай произошел со мной после того, как Гитлер пришел к власти в Германии. Согласно одному из установленным им законов, запрещалось вывозить из страны количество денег и ценностей, размер которых превышал определенный им предел. Мы с матерью решили, что пришло время перевезти наши фамильные драгоценности в более безопасное место и вывезли наши деньги и ценности в Данию, прекрасно понимая, что если бы нас поймали, то мы не только были бы приговорены к смерти, но наша смерть была бы долгой и мучительной, как у узников концентрационных лагерей. Но это не помешало ни мне, ни моей матери осуществить задуманное. Я часто слышал, как многие говорили о том, что человек, совершающий преступление, за которое предусматривается смертная казнь, скорее всего сумасшедший, так как исходя из рациональных соображений наказание будет гораздо сильнее, каким бы ни было вознаграждение, полученное после совершения преступления. Подобное определение безумства вряд ли можно назвать реалистичным. Мы можем лишь сказать, что психологические проблемы, связанные со сдерживающими факторами, гораздо более сложны и неуловимы, чем это можно себе представить.

Завершив наш поверхностный обзор некоторых фактов и теорий в области преступности, мы видим, что точно так же, как меланхолик Галена соответствует группе невротиков в нашем обществе со своей комбинацией интроверсии и высокой степенью эмоциональной лабильности, так и холерик Галена соответствует современному преступнику с его комбинацией экстраверсии и высокой эмоциональности. Следует отметить, что в обоих случаях именно комбинация интроверсии или экстраверсии с эмо-

циональной нестабильностью представляет наибольшую опасность. У многих экстравертов и интровертов эмоциональная нестабильность отсутствует, и поэтому они живут нормальной жизнью, не страдают невротическими расстройствами и не имеют проблем с законом.

Именно сильная движущая сила эмоций несет ответственность за то иррациональное поведение, которое характерно для современной цивилизации. Несколько веков назад сильные эмоции данного типа были даже полезны в рукопашной схватке, в случаях, когда нужно было убежать от врага и в других опасных ситуациях. Сегодня подобные эмоции являются анахронизмом; они уже не приносят пользы, а наоборот — могут привести к самым негативным последствиям и поэтому не находят выхода в повседневной жизни. Возможно, именно по этой причине они находят выход у невротиков или преступников, и поэтому количество подобных расстройств растет. (Я утверждаю здесь, что предполагаемый рост количества расстройств на самом деле действительно имеет место; к сожалению, существует очень мало доказательств, которые бы подтвердили эту гипотезу, но я думаю, что тщательное изучение различных фактов из нашей истории предоставит нам эти доказательства.) Но как бы там не было, вне всяких сомнений, чрезмерная эмоциональность, которая характерна для невротиков и преступников, является одной из главных составляющих их личности, и поэтому она нуждается в самом тщательном изучении. В случае с преступниками мы с подозрением относимся к любому, кто пытается разобраться в их поведении, так как мы полагаем, что преступник не достоин сочувствия и жалости, что преступника нужно обязательно наказать. Я уверен, что это абсолютно неверный подход, так как наказание только обостряет сильные эмоциональные реакции, которые уже присутствуют у преступника, и, как следствие, препятствует искоренению набора преступных привычек. По этой же причине такие наказания, как порка, например, приводят к весьма слабому и противоречивому эффекту. Если бы человек действительно был homo sapiens, который действовал бы исключительно из соображений рационального расчета, то тогда строгие виды наказания действительно помогли бы значительно снизить уровень преступности. Но так как эта гипотеза не подтверждается результатами

экспериментальных исследований, и было доказано, что ее нельзя применить ни по отношению к животным, ни по отношению к людям, то мы должны решительно от нее отказаться и полагаться на эмпирические исследования. Несмотря на то, что это может противоречить нашим основным принципам, мы должны согласиться с Самюелем Батлером, который сказал, что преступников надо лечить, а не наказывать. Именно к этому выводу приходят те, кто подчеркивает важность реабилитации преступников; наказание является примитивным способом исправления преступных наклонностей, с его помощью нельзя добиться улучшения. Мы также должны добавить, что у психологии есть еще одна гипотеза на этот счет. Она заключается в том, что мы не имеем права относиться ко всем преступникам одинаково и считать, что всех их можно исправить с помощью какого-то одного метода лечения. Очевидно, что для каждого человека должен быть разработан особый вид лечения, в зависимости от степени интроверсии, экстраверсии, невротизма или стабильности, и в особенности в зависимости от того, как у него формируются условные рефлексы. То же самое, естественно, можно сказать и в отношении воспитания детей. Пришло время отказаться как от принципа «сбережешь розгу — испортишь ребенка», так и от принципа *laisses faire*; мы должны понять, что для ребенка-экстраверта, у которого плохо формируются условные рефлексы, необходима более жесткая дисциплина обусловливания, иначе он может в будущем стать хулиганом, преступником, а ребенку-интроверту, у которого условные рефлексы формируются легко и быстро, наоборот следует предоставлять большую свободу, иначе в будущем он станет невротиком. Существует много книг по проблемам воспитания детей и преступности, которые предлагают готовые решения. Прежде чем предлагать способы изменения поведения, мы должны вспомнить, что люди не представляют собой бесконечный поток однояйцевых близнецов и существенно отличаются друг от друга, и то, что является лекарством для одного человека, для другого может быть ядом. Тот, кто относится ко всем людям одинаково, нарушает один из главных законов психологии, а именно — что личность священна.

Содержание

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте».

Научно-популярное издание

Айзенк Ганс Юрген

ПСИХОЛОГИЯ
ПОЛЬЗА И ВРЕД
СМЫСЛ И БЕССМЫСЛИЦА
ФАКТЫ И ВЫМЫСЕЛ

Ответственный за выпуск *Ю. Г. Хацкевич*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.08.03.
Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,0.
Тираж 5000 экз. Заказ 1729.

ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.02.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.